

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2023. 18(4)
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель и издатель –
Cherkas Global University, США

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Адрес для писем:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (США)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редакционный совет:

- С. И. ДЕГТЯРЕВ (г. Сумы, Украина)
гл. редактор – д-р ист. наук
- Д. ДАРОВЕЦ (г. Венеция, Италия)
- П. ДЖОЗЕФСОН (г. Вотервиль, США)
- Е. Ф. КРИНКО (г. Ростов-на-Дону, Россия)
- Р. МАРВИК (г. Ньюкасл, Австралия)
- Р. В. МЕТРЕВЕЛИ (г. Тбилиси, Грузия)
- Б. Н. МИРОНОВ (г. Санкт-Петербург, Россия)
- Дж. САНБОРН (Пенсильвания, США)
- В. САНДЕРЛЭНД (г. Цинциннати, США)
- С. Г. СУЛЯК (г. Тирасполь, Молдавия)
- Г. ЧЖАН (г. Чанчунь, Китай)
- Ф. Б. ШЕНК (г. Базель, Швейцария)
- М. ШМИГЕЛЬ (г. Банска Быстрица, Словакия)

Подписано в печать 01.12.2023 г.

Заказ № 76.

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай II, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи. Рига»

BYLYE GODY. 2023. 18(4)
HISTORICAL JOURNAL

Publisher –
Cherkas Global University, USA

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Postal Address:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (USA)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Editor in Chief – Dr. (History)

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

Approved for printing 12/01/2023

Order № 76.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas II is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskay Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo “Views of the Russian Empire. Riga”

CONTENTS

ARTICLES

Historical Geography of the Northeastern Caspian Region (Based on the Materials of the X-XIX centuries) Bakyt B. Baishov, G.K. Zhapekova, N.S. Alikulova, Zh.Zh. Orazayeva	1586
The Life and Activity of the Golden Horde Settlement on the Territory of Western Kazakhstan: Stages and Causes of Decline (on the Example of the Aktobe Settlement) E.M. Uzhkenov, G.A. Shotanova, M.T. Moryakova, A.A. Korablev	1596
Usually-Legal Status of a Peasant Widow among the Zyryans and Votyaks in the XVIII–XIX centuries O.A. Plotskaya, N.J. Osmonalieva, E.N. Lotorev, I.V. Shiriyova	1612
‘I Am not Actually Aware of the Great Cause of Yours. Yet, Had Your Letter Been Delivered to Me for Certain, Would Have Rejoiced Particularly’: Two 1713 Letters of Kalmyk Khan Ayuka to Russian Tsar Pyotr I Alekseevich V.T. Tepkeev, N.A. Kamandzhaev	1621
The Last Nomads of Eurasia: the Loss of the Prestige of the Supreme Power and the Crisis of the Kazakh Statehood (on the Example of the Junior Horde) G.A. Shotanova, E.M. Uzhkenov, Z.S. Tabybaeva, A.D. Arepova	1630
The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1 G. Rajović, S.N. Bratanovskii	1643
The Development of Haymaking and Agriculture among the Kazakhs in the XVIII – early XX centuries Z.Y. Kabuldinov, A.T. Abdulina, Malika T. Moryakova, N.A. Dosymbetov	1652
The Study of Traditional Crafts of Kazakhstan in the Imperial Period: Sources and Museum Collections Zh.N. Shaygozova, K.Z. Uskenbay, A.B. Naurzbayeva, A.I. Ibragimov	1663
Interstate Relations between the Russian Empire and Spain in the Sphere of Trade at the beginning of the XIX century M.V. Saudakhanov, T.V. Vorotilina	1674
Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries) A.A. Cherkasov	1683
State-Owned Factories Rented from the Treasury: Zlatoust Mining District During the Period of “Commercial Law” 1811–1829 G.N. Shumkin, A.L. Ustinov	1695
I.E. Zabelin as a Teacher of Russian Literature (Based on Archival Materials) Yu.G. Kokorina, V.A. Chernov, M.M. Vagabov, N.A. Moroz	1706
The Pension System in the Russian Empire in the 19th – early years of the XX centuries as a Complex of Legislation and Institutions D.I. Raskin	1717
The Impact of Political Exile in the 19th century on the Formation of the Social and Cultural Space of Siberia A.G. Gryaznukhin, T.V. Gryaznukhina, I.A. Pfanenshtil, S.V. Kozhevnikov	1726
The Chagataid Dynasty in the Works of Staff Rittmeister Chokan Valikhanov K.G. Akanov, N.S. Lapin	1736

Teaching Staff of Maritime Educational Institutions of the Kherson Province (1834–1917) O.P. Trygub, S.I. Degtyarev	1748
The Arrest of Khivan Subjects in the Russian Empire in 1836 and Russian Struggle Against Slave Trade in Middle Asia. Part I A.Yu. Peretyatko	1766
Fuel Transition in the second half of the 19th – early 20th centuries and Environmental Problems of the late Russian Empire G.Yu. Afanasiev	1780
Historical and Cultural Landscape of the Terisakkan-Ishim Region M.K. Khabdulina, T.V. Koshman	1797
Practices of Spiritual and Moral Asceticism in the Russian Province in the second half of the 19th – early 20th centuries: Using the Example of the Activities of M.M. Kiseleva N.A. Koblova, O.V. Kolpakova, O.A. Sukhova	1809
To the Issue of Primary Education in the Amur Region in 1859–1917 N.A. Shevchenko, Yu.V. Kapitanets, G.M. Zinchuk, K.A. Ishekov	1818
Russian Tea Business in Hankou in the second half of the 19 th century: Baikhovi Tea Purchase Transactions I.R. Hamzin, R.T. Ganiev, A.V. Kochnev	1824
Approval and Formation of a New Kazakh Bureaucracy in the Post-Reform Period (Based on Materials from Western Kazakhstan) A.T. Maden, G.A. Mambetova	1835
Stolypin Agrarian Reform: Prerequisites, Key Steps and Assessment of the Significance I.S. Denisov, R.S. Dzhindzholiya, K.K. Atabekov, I.N. Kuksin	1844
To the Question of the Opening of Educational Institutions of Karkaralinsk of the Semipalatinsk region in the Western Siberian School District in the late 19th – early 20th centuries L.K. Shotbakova, B.T. Tuleuova, G.M. Smagulova, N.A. Beysenbekova	1852
Public Charity at Own Expense: «Svoekoshtnye» Boarders in an Almshouse the end of XIX – the beginning of XX century (the Example of Krasnoyarsk) A.S. Kovalev, N.R. Novosel'tsev, D.V. Rakhinsky, N.N. Ravochkin	1869
To the Issue of Pedagogical Periodicals of the Orenburg Educational District (1875–1917) I.Yu. Cherkasova, A.M. Mamadaliev, V.S. Nikitina, N.V. Svechnikova	1879
The Journal “Drevnyaya i Novaya Rossiya” (1875) as a Source on the History of Siberia at the end of the 19th century N.N. Pimenova, Ju.S. Zamaraeva, N.N. Serechkina, N.P. Koptseva	1889
Annual Publications of the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee as a Source on the Socio-Economic Development of the Arkhangelsk Province in the Period 1876–1900 T.A. Magsumov, T.E. Zulfugarzade, M.B. Kolotkov, S.B. Zinkovskii	1900
“Vestnik Izyashchnykh Iskusstv” of 1880s as a Source on Art History (Art Critic Model) T.K. Ermakov, A.V. Kistova, N.A. Sergeeva, A.A. Omelik	1901
The Main National Idea of the Russian Empire of the XIX century and Its Reflection in the Legislation of the XIX – early XX centuries A.A. Fatyanov, N.A. Mashkin, A.V. Filippova	1925
Cherkasovs (Keretsky): Pavel Ivanovich Cherkasov (1883–1931) A.A. Cherkasov	1936

The Traditional Use of Siberian Pine in Northern Pre-Urals in the late 19th – early 20th centuries based on the Archival Data A.A. Aleinikov	1948
The Russian Empire and the Muslim Population of the North Caucasus in the 2nd half of the 19th century: Problems and Successes of Integration E.A. Avdeev, A.M. Erokhin, S.M. Vorobev	1960
Rural Doctor of the Siberian Hinterland of the XIX – early XX centuries in the Mirror of Socio-Professional Analysis V.I. Fedorova	1981
The Demographic, Social, and Economic Aftermath of the Cholera Epidemic in Astrakhan in 1892 S.V. Ryazantsev, A.V. Smirnov, N.S. Ryazantsev	1970
To the Issue of the Development and Operation of Secondary Schools of the Ministry of Railways of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries L.L. Balanyuk, S.A. Grimalskaya, I.A. Gordeev, M.G. Smirnov	1998
The Historical and Economic Phenomenon of “Hodachestvo” (Scouting) in the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries E.V. Bogomolov, Yu.A. Mamaeva	2004
Countering Religious Sectarianism in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries (on the example of the Yenisei Province) T.V. Izluchenko, D.N. Nesterenko, A.P. Dvoretzkaya, E.A. Akhtamov	2014
The Journal “Mir Iskusstva” (1899–1904) as a Source on the History of Russian Art at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries E.A. Sertakova, N.M. Leshchinskaia, M.A. Kolesnik, A.A. Sitnikova	2024
Electoral Activity of Voters and the Practice of Forming Representative Assemblies in the cities of Siberia (1900s) A.B. Khramtsov	2036
“Zhurnal Dlya Vsekh” (1901) as a Source on the Political History of the Russian Empire at the beginning of the XX century N.P. Koptseva, A.A. Shpak, Yu.N. Menzhurenko, K.A. Degtyarenko	2045
Russian Liberal-Conservative Organizations in Pre-Revolutionary Ukraine: the Poltava Party of Legal Order A.V. Antoshin	2057
To the Issue of the Participation of the Don Cossack Units in the Russian-Japanese War V.P. Trut, S.G. Voskoboynikov	2066
Strengthening the Peasant Colonization of the Kazakh Krai in the Period of the Stolypin Agrarian Reform (1906–1917) N.A. Alimbay, A.M. Fazylzhanova, B.Q. Smagulov, K.K. Rysbergen	2075
Prisoners of War of the First World War in the cities of Eastern Siberia (on the Materials of Kansk from Yenisei Province) O.M. Dolidovich, I.Y. Makarchuk, O.G. Alekseev, M.A. Petrov	2096
Public Consolidation of Subjects of the Russian Empire during the First World War R.V. Parma	2107
Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper “Soldatskii Vestnik” (May 22 – June 22, 1916). Part 1 G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.Y. Epifanov, M.S. Bratanovskaya	2118

Local Cathedral: Historical and Legal Significance D.V. Alontseva, O.N. Grishaeva, V.P. Litvinov, R.V. Tikhonov	2128
Lease of Land by Old Timers and Migrants in the Altai Okrug: Comparative Analysis (Based on the Results of the 1917 All-Russian Agricultural Census) V.N. Razgon, D.N. Belyanin, A.V. Razgon	2136
Socio-Demographic Consequences of the Famine of the early 1920s in Kazakhstan M.M. Kozybayeva, A.I. Kudaibergenova, K.K. Sarsembina	2145
Norwegian Hunting Concessions on Novaya Zemlya at the beginning of the 20th century: From an Early Idea to the Practical Implementation D.S. Zaozerskiy, O.V. Minchuk	2152
The History of the Design and Construction of the Ob-Yenisei Canal E.A. Akhtamov, A.P. Dvoreckaya, D.N. Gergilev, A.G. Gryaznukhin	2161

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1586-1595
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1586

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

Historical Geography of the Northeastern Caspian Region (Based on the Materials of the X-XIX centuries)

Bakyt B. Baishov ^{a, *}, Gulfairus K. Zhapekova ^b, Nurlygul S. Alikulova ^a,
 Zhazira Zh. Orazayeva ^a

^a K. Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, Republic of Kazakhstan

^b Eurasian National University L.N. Gumilev, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The Caspian Sea and its coast had a huge importance for many centuries, and occupied a key place in the Great Silk Road, which was one of the most important trade routes connecting East and West. The purpose of this work is to study the history of the north-eastern part of the Caspian Sea. Archaeological excavations in the settlements of Karakabak, Kyzylkal, Zhaiyk and other places in the Caspian territory show an important role in revealing the historical pages of this region. They provide valuable information about past cultures, lifestyles and the nature of the development of the population in this area.

Analysis and use as main sources of cartographic materials, works of medieval historians, Arabic and European travelers, as well as Russian researchers of the New Time, allow you to understand the historical geography of the area. The authors strive to systematize sources and cartographic data, to provide historical trends that have existed on these territories in different historical periods. Particular attention is paid to the northeastern coast of the Caspian Sea, including the Jem River, as the natural northern boundary of the Aral-Caspian marine interval.

The study of the history of the Caspian Sea and its coast helps to understand the versatility and significance of this region in world history and culture. It allows you to form a complete picture of past events and interactions that have shaped this unique historical context.

Keywords: Caspian Sea, historical geography, historiography, cartography, the Zhem River, the cities of Karakabak, Kyzylkal, Zhaiyk.

1. Введение

Географическое положение Каспийского моря сыграло решающую роль в формировании его истории и влиянии на региональные взаимодействия в различные исторические периоды. Рельеф Северо-Восточного Каспия отличается своим разнообразием. В то время как побережье от мыса Суе до залива Кочак характеризуется крутыми обрывами известкового происхождения. Территория, обращенная к северу от берегов острова Бузаши и древней дельты реки Джем, считается благоприятной для затопления из-за ее низкого положения. В то время как западное побережье Кайдакского залива также имеет наклон, как и шатыр, восточная часть его соединена крутыми вершинами плато. Пейзаж побережья Каспия зависит от его уровня. А этот уровень очень быстро и часто меняется на протяжении всей ее истории. В современной науке известно, что за последние

* Corresponding author

E-mail addresses: dil_123@mail.ru (B.B. Baishov), gulfairusk@mail.ru (G.K. Zhapekova)

тысячи лет неоднократно повышался объем воды (трансгрессия) и что после такого процесса обязательно снижается уровень моря (регресс). В современный геологический период (последние две тысячи лет) море находится на стадии подъема (трансгрессии). Однако этот рост не очень равномерный. Внутри стадии имеются «свои» резкие повышения и понижения. Даже в рассматриваемые периоды в течение определенного времени наблюдалось резкое увеличение и уменьшение моря. Колебания уровня Каспийского моря оказали значительное влияние на историческую географию его побережья. Ландшафт прибрежной зоны менялся, некоторые из возникших населенных пунктов оказывались под водой и исчезали. Торговые гавани, связанные с морем, были перемещены и перестроены под влиянием морского подъема в другие места. Тем не менее торговые пути и доступность региона Каспийского моря не только повлияли на экономику, но и способствовали культурному обмену и взаимодействию между народами, проживавшими вблизи этих путей. Обмен товарами, идеями и знаниями способствовал развитию различных культур и цивилизаций в этом регионе.

Каспийское море представляет собой уникальный объект для исследований и является одним из важнейших вопросов в рамках международных междисциплинарных исследований. Географическое положение, история, экология и геополитическое значение делают его привлекательным объектом для многих научных дисциплин. Для казахстанских исследователей изучение северо-восточной части Каспийского моря имеет особое значение для понимания истории государства. Этот регион был свидетелем важных исторических событий, что делает его актуальной областью изучения в историческом и геополитическом контексте страны.

В.В. Бартольд, выдающийся русский исследователь Востока, в своей работе «Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира», опубликованной в 1924 году, подчеркивал, что основным содержанием истории страны является степень ее участия в мировом культурном общении: «...Этнографическое происхождение народа и даже богатство природы имеет в этом случае только второстепенное значение, а первостепенное значение имеют для этого вопроса, главным образом, географическое положение страны, степень ее доступности и расположение ее на торговых путях» (Бартольд, 1924: 5). Важность Каспийского моря продолжает расти в современной эпохе, так как его природные ресурсы, включая нефть и газ, играют важную роль в мировой экономике.

2. Материалы и методы

Изучение истории Каспийского моря предполагает использование различных методов и подходов для получения знаний о прошлых событиях, культурных взаимодействиях и экономической активности. Исторические источники включают в себя изучение письменных данных, таких как хроники, летописи, карты. Эти источники предоставляют первоначальные свидетельства о морских событиях, торговых путях, исследованиях и контактах между культурами. Сравнение и анализ истории различных регионов и культур раскрывают возможности для выявления общих тенденций, различий и влияния на развитие цивилизации.

Существенным вкладом в исследование данной темы является привлечение методов исторической картографии. Л.А. Гольденберг отмечал, что картографические материалы служат основным источником для исторической географии, где особое внимание следует уделить анализу оригинальных названий местности (Гольденберг, 1959: 297).

Важными источниками для данной работы являлись результаты археологических исследований, проведенных на побережье и прилегающих к морю территорий. Археологические исследования урочища Каракабак в Мангистау позволили обнаружить уникальное место, которое имело крупное значение как торгово-ремесленный центр. Каракабакское городище представляет огромную историческую и культурную ценность, так как оно является первым материальным доказательством существования Северной ветви Великого Шелкового пути. Эти исследования открывают новые горизонты в изучении истории торговых связей и культурных контактов в этом регионе и предоставляют уникальные данные о прошлом Мангистау (Астафьев, 2019: 17-38).

В конце 1970-х годов Институтом Археологии АН СССР под руководством Л.Л. Галкина были осуществлены первые исследования городища Кызылкала (Галкин, 1981). Более масштабные раскопки были проведены в период с 2004 по 2015 гг. Мангистауским историко-культурным заповедником (Астафьев, 2015) и З.С. Самашевым в 2008–2009 гг. (Самашев, 2008). В ходе изысканий было установлено, что городище Кызылкала прекратило свое существование в начале XIII века.

Археологические исследования городища Кызылкала позволили более подробно изучить его историю, установить временные рамки его существования и характеристики жизни населения в прошлом.

В 1980-х годах археологическому обследованию были подвергнуты окрестности города Форт-Шевченко. Были найдены материалы, свидетельствующие об оживленных торговых связях Средней Азии с Европой в период Золотой Орды (XII – XIV вв.). На протяжении разных лет исследовательские работы на памятнике проводились под руководством различных ученых, включая К.М. Байпакова, Е. Смагулова, Г. Ахатова (Байпаков и др., 2005), Д. Марыксина (Марыксина и др., 2022),

М. Калменова (Калменов, Бижанова, 2019). Эти исследования помогли раскрыть историческую значимость городища Жайык.

Раскопки Каракабак, Кызылкалы, Жайык и других поселений раскрывают исторические страницы Прикаспийской территории. Открытия и артефакты, обнаруженные в результате этих исследований, помогают реконструировать культурный контекст и характер развития региона.

Применение представленных методов позволяет расширить понимание истории каспийского региона, ее значения для различных обществ и культур, а также исторических взаимосвязей между народами.

3. Обсуждение

Изучению исторической географии побережья Каспийского моря посвящено немало научных трудов. Исследования жизни, быта, истории моря и окружающих его народов восходят к трудам античных авторов, в частности, греческих картографов.

Обширный материал ценных данных собран также в средние века. В работе Абу Исаак Ибрагим-ибн Мухамед аль Фариси под названием «Китаб месалык ил мемалык» (951 г.) дается характеристика географическим названиям рек и составлена карта «Хазарского моря» (Рисунок 1) (Кемеков, 2011: 182).

Рис. 1. Карта Каспийского моря по Аль-Истахри (ал-Истахри, Мухаммад аль-Фариси, 1839: 97)

Создание более подробной карты Каспийского моря в XIV веке было результатом изысканий итальянских путешественников. Карту составили в 1367 году Франциско и Доминико Пицигано, известные венецианские картографы. Эта карта была впервые представлена в книге Франческо Бруна, она называлась «Перипл Каспийского моря по картам XIV века». Карта была значимой для своего времени, так как она демонстрировала детализированную информацию о Каспийском море. На карте были обозначены земли с такими названиями, как Zequa (Джикети), Auogaxia (Абхазия) и Suania (Сванети), они располагались в Кавказских горах (Baishov, 2022: 41).

В 1459 году Fra Мауго, венецианский монах и картограф, создал подробную карту полуострова Мангышлак. Это было во время его работы над большим мировым атласом, известным как «*Marra Mundi of Fra Mauro*». Fra Мауго был одним из ведущих картографов своего времени, и его атлас считается одним из наиболее важных картографических произведений средневековья. Карта содержала детальные географические сведения о различных регионах мира, включая полуостров Мангышлак и берега Каспийского моря. К сожалению, оригинальная карта Fra Мауго была утрачена, но некоторые ее копии и фрагменты были сохранены. Она оказала значительное влияние на развитие картографии и географических знаний, а также стала важным источником информации для исследователей того времени (Едилхан, 2007: 4).

В 1558 году английский купец Эдмунд Дженкинсон осуществил путешествие через северо-восточную часть Каспийского моря из Астрахани в Бухару. В ходе своего путешествия он переплыл через устья рек Урал и Джем, достигнув северного побережья Кошакского залива, а затем продолжил свой путь по суше. Во время этого путешествия Эдмунд Дженкинсон составил карту Каспийского моря. Картографические работы, осуществленные Дженкинсоном, сыграли важную роль в расширении географических знаний о Каспийском море. Карты этого периода дали новые данные о морских путях и местоположении городов.

С середины XVI века Московское государство начало активные исследования в освоении северо-восточного побережья Каспийского моря, что способствовало укреплению торговых и культурных связей. Русские купцы активно вовлекались в торговлю.

Поселение Тупкараган на Мангышлаке стало главным центром торговли и освоения этой территории. Освоение Каспийского моря имело стратегическое и экономическое значение для Московского государства в середине XVI – начале XVIII века (Алиев, 2007: 43).

«Большая Чертежная книга» Степана Ремезова, созданная в 1627 году по указанию царя Михаила Федоровича, также представляет большую ценность для изучения истории и географии Сибири и Казахской степи. На карте Ремезова отмечены Хвалынское (Каспийское) и Синее (Аральское) моря. Кроме того, карта содержит важную информацию о дорогах, расстояниях между населенными пунктами, колодцах, зимовках и других объектах. Чертежная книга является одним из значимых источников для историков и географов, она помогает лучше понять исторические границы и географические особенности региона на рубеже XVII века. Информация на карте демонстрирует уникальные сведения о территории, об образе жизни кочевых народов и о местных особенностях этого времени, что делает ее ценным историческим документом (Shayakhmetov et al., 2019: 1442).

Описанные в русских записях XVII-XIX вв. названия местностей отражают казахскую топонимику. Это является важным аспектом воссоздания топонимики в прошлом и точного отражения географических особенностей данных достопримечательностей. Об этом свидетельствуют следующие записи в Мангистауском областном архиве: «К юго-востоку от устья реки Жайык расположен широкий и мелководный залив Ули Колтык, на его юго-западной окраине – залив Кайдак между полуостровом Бозачий и хребтами Устюрт» (МОГА. Ф. 546. Оп. 1. Д. 4. Л. 5).

Г.Ф. Миллер, российский историк, географ и исследователь, сыграл важную роль в истории изучения Каспийского моря и его побережья. Его труды, такие как «Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства» (Миллер, 1761: 387-448), «О торгах за Каспийское море» (О торгах..., 1763) и «Описание Каспийского моря» (Соймонов, 1763), стали первыми научными публикациями, посвященными истории Каспийского моря. Миллер активно собирал и анализировал географические и исторические данные о регионе. Он внес значительный вклад в понимание этой области. Его труды стали основой для дальнейших исследований и обеспечили более глубокое понимание истории Каспийского моря и его региональных взаимоотношений.

Историческая география всего побережья Каспийского моря как особая проблема была изучена также профессором Одесского Новороссийского университета Ф. Бруном. В труде «Перипль Каспийского моря по картам XIV столетия», изданном в 1873 г., он подробно изучает итальянские карты (Брун, 1872: 44).

Цельная картина истории изучения Каспийского моря была дана в обстоятельном труде «Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря», опубликованном в 1912 году Л.С. Багровым (Багров, 1912: 112). Его работа была издана в западной Европе в течение прошлого столетия несколько раз.

Изучение истории Каспийского моря, в частности его северо-восточного побережья, продолжалось и в советское время. Известный советский историк А. Чулочников в труде «Торговля Московского государства в Средней Азии в XVI-XVII вв.», изданном в 1932 г., изучает средневековые торговые пристани на северо-восточном берегу Каспийского моря (Материалы..., 1932: 504).

Большой вклад в изучение истории Каспийского моря внес Л.С. Берг. В его трудах «Уровень Каспийского моря за историческое время» (Берг, 1934) и «Первые русские карты Каспийского моря» (Берг, 1940) особый интерес представляет историография проблемы.

Советский историк Б.Н. Заходер посвятил истории Каспийского моря следующие труды: «*Mare Nuscantim*» в арабской географии IX-X веков» (Заходер, 1960), «Каспийский свод сведений о Восточной Европе» (Заходер, 1962).

Таким образом, обширный анализ исторических документов, дневников, путевых записей и других материалов, оставленных зарубежными путешественниками и исследователями, посещавших Каспийское море, позволяет выявить исторические события, торговые пути, культурные обмены и другие аспекты. Их усилия помогли лучше понять географию и региональные особенности этой части мира и способствовали развитию торговли и культурных связей в этом регионе.

4. Результаты

Река Урал является крупнейшей артерией на северо-восточном побережье Каспийского моря. Она берет свое начало в Западном Казахстане и течет через Уральский регион России, разделяя ее европейскую и азиатскую части. Затем она впадает в Каспийское море, образуя своим устьем его северную часть. Река Жем (Эмба) является притоком реки Урал. Жем начинается с места слияния его первых рукавов Жаланаш и Жанай, которые берут начало с западных Мугоджарских гор, около озер Оркеш и Жеменей. В зависимости от климатических условия Южного Приуралья и уровня Каспийского моря, река то доходила до морского берега, то терялась в прибрежных песках, лишь в весеннее половодье доходя до своих исторических устьев.

Упоминание о реке Жем часто встречается в восточных источниках. У Ибн Фадлана, который путешествовал от Хорезма в Волжскую Булгарию в 922 году, это река фигурирует под названием Джам ([Ковалевский, 1956: 130](#)). Кроме того, путешественник последовательно перечисляет и другие реки, которые он переходил в пути: сначала Иаганды, Джам, затем Джахыш.

Иаганды – это небольшая речка, огибающая современную гору Есета. В настоящее время это сухое русло Киянды. А Джахыш – это, вполне очевидно, современная река Сагиз. На картах братьев Пицигани и каталонском атласе река Жем отсутствует. Видимо, в то время, как и сейчас, она не доходила до моря. Зато она нарисована на картах Дженкинсона (1558 г.), Олеарья (1636 г.), Витсена (1687 г.), Гомана (1729 г.) и присутствует во всех русских картах Каспийского моря начиная с 1700-х годов.

Дженкинсон упоминает о прохождении мимо бухты шириной в 6 лиг (около 30 км) и говорит о двух островах, которые были заметны с моря. Затем он описывает берег, уклоняющийся к юго-востоку, и упоминает о другой бухте, в которую впадает река Эмба ([Дженкинсон, 1937: 174](#)).

Г.Ф. Миллер, разбирая сочинения Ф. Соймонова в «Ежемесячных сочинениях» за август 1763 года отмечает, что «место впадения реки Эм в Колтык обозначено на карте как Эмбинский Проран. Отсюда мы видим, что слово Прорва в обиходе неверно, а понятие Проран – это географический термин» ([О торгах..., 1763: 116](#)).

В 1732 году полковник российской армии Гарбер, возглавив торговую миссию, совершил путешествие из Астрахани в Хиву вдоль северо-восточного Прикаспия. Его дневниковые записи свидетельствуют об увиденных по дороге хорошо отстроенных караван-сараях, обустроенных подъемах и спусках, переходах через реки. По достижении реки Жем он описал разрушенные остатки большого караван-сарая в центре старинного поселения. По переходе через реку он также встречает «развалины целого древнего города» ([Отзыв В.В. Григорьева..., 1870: 46-49](#)).

Со времен Петра Первого река Жем исследовалась русскими неоднократно. В 1553 году Алексеев пишет: «Эмба — река западной части Оренбургского ведомства, которая является одной из крупнейших рек в регионе» ([Топографическое описание..., 1855: 211](#)).

Вслед за Алексеевым в 1855 году к устью реки Жем российским правительством были отправлены экспедиции Данилевского и Семенова. Они заметили, что в середине лета река Эмба впадает в море и вполне пригодна для рыбопроизводителей ([Путешествие гг. Данилевского..., 1855: 1-8](#)).

Л. Багров пишет, что в средневековых европейских картах нарисована река Arsan (Арсан), которая течет вдоль северного чинка Устюрта и впадает в Каспийское море ([Багров, 1912: 112](#)). Если это сообщение взять за достоверную информацию, то река Иаганды, о которой пишет ибн Фадлан, протекала, огибая современную гору Есет, мимо поселения Бейнеу, дальше она соединялась с рекой Сынгырлау и впадала в море возле колодца Байкушик севернее горы Куйкен. Однако современный рельеф не подтверждает данную версию. Скорее всего, средневековые картографы имели в виду реку Манашы, которая, возможно, в то время была гораздо более полноводной.

Острова на северо-восточной части, за исключением Кулалы и Морской, появлялись и исчезали в зависимости от уровня Каспия.

Восточную территорию вокруг Каспийского моря населяли различные племенные объединения, сыгравшие важную роль в истории региона. Согласно записям Геродота, в середине I тысячелетия до н. э. этот регион населяли скифы (в ахеменидских клинописных текстах – «сахи»). Эти племена были кочевниками-скотоводами и имели экономические, политические и культурные контакты с различными регионами запада и востока. В III-II веках до н. э. преемниками сахов стали племенные объединения племен канчу и алан, мигрировавших с запада Аральского моря к северным берегам Каспийского моря. Эти племена также имели значительные контакты с другими регионами и составляли важное звено в торговой и культурной сети региона.

Поселение Каракабак было основано в I веке до н. э. и впоследствии стало богатым торгово-ремесленным городом, заселенным полуоседлыми кочевниками в эпоху гуннов (IV-V вв.). Расцвет города в Арало-Каспийском регионе приходится на период с III по V века. Каракабак являлся

значимым торгово-ремесленным центром на трассе северного ответвления Великого Шелкового пути. Исследование территории Каракабака позволило обнаружить уникальные артефакты, которые дали историкам ценную информацию о жизни древних обитателей этого города. В результате раскопок трех построек усадебного типа и «мусорных отвалов» были обнаружены различные артефакты, такие как станковая и лепная посуда различных видов, изделия из металла и отходы металлургического производства, монеты, украшения из стекла, а также кости животных, птиц и рыб, что позволило узнать о рационе древнего населения. Многочисленные находки на урочище Каракабак указывают на торговые связи и контакты с различными культурами и государствами, такими как Китай, Бухарское войско, древний Хорезм, Парфия и Сасанское Иранское государство. Это подтверждается обнаружением разнообразных предметов и артефактов, которые явно имеют иностранное происхождение. Особенно интересным является находка византийской монеты, которая свидетельствует о том, что город был связан водными путями с Черным морем и реками Волга и Урал. Это подтверждает существование Северной сухопутно-морской ветви Великого Шелкового пути, которая пролегла через Мангистау уже 2000 лет назад. Эти находки дали возможность определить хронологические рамки существования древнего города Каракабак, его статус как крупного торгово-ремесленного центра и включить его в круг центров, осуществлявших связь кочевого населения Заволжья и Южного Приуралья с западными областями Средней Азии. На городской статус Каракабака указывает не только принцип размещения домов, наличие улиц, обилие остатков жизнедеятельности, но и существование мощного оборонительного сооружения, представляющего собой стену и ров. Изучение особенностей строительства домов показало, что они сочетали принципы возведения стен как из сырцовых кирпичей, так и из камня (Астафьев, 2019: 17-38).

Следующим поселением, привлекающим внимание, является Кызылкалы. Изучение Кызылкалинского комплекса позволяет датировать его существование, на основе находок керамики, периодом с XI по XIII вв. Особенно интересны находки посуды с прозрачной поливой, декорированной красителем с гравировкой по ангобу. Близкие аналоги такой керамики находятся на территории Закавказья, в Азербайджане и в Самосдельском городище. Находки датируются XII-XIII веками (Марыксин, 2022).

Еще одно из интересных мест для исследований стало поселение Жайык. Жайык – это археологический памятник, расположенный на территории города Уральска. Поселение было открыто в 2001 году в результате совместных археологических работ Уральской археологической экспедиции Института археологии имени А. Маргулана и областного краеведческого музея (Ашығалиев, 2022).

Значимость городища Жайык заключается в том, что оно предоставляет ценную информацию о прошлой жизни и культуре населения, которое занимало эту территорию в прошлом. Результаты исследований памятника позволяют узнать больше о древних обитателях города, их образе жизни, социальных и экономических структурах, а также о взаимодействии с другими регионами в разные исторические периоды.

В результате раскопок было обнаружено несколько объектов, включая погребальные и хозяйственно-бытовые сооружения. Исследования позволили установить время строительства и функционирования этих сооружений в пределах XIII-XIV веков.

Основным материалом, полученным в результате раскопок, являются фрагменты неполивной станковой керамики золотоордынского облика. Этот признак несет как этнокультурную, так и хронологическую нагрузку и обычно характерен для памятников первой половины золотоордынского времени. Золотая Орда охватывала широкий ареал, включая Среднюю Азию, Поволжье и бассейн реки Жайык (Урал).

Археологические и нумизматические коллекции, а также сборы подъемного материала, позволили установить динамику развития городища Жайык и его хозяйственно-бытовых сооружений в средневековье. Исследования памятника позволяют лучше понять исторические процессы, которые происходили на этой территории в XIII-XIV веках, и их связь с культурным контекстом Золотой Орды и других регионов. Таким образом, археологические исследования городища Жайык предоставляют важную информацию для изучения истории региона и динамики его развития в средние века (Калменов, Ашығалиев, 2022).

Исследование археологических памятников таких городов и поселений имеет важное значение для понимания истории и культуры Казахстана и его регионов, а также для обогащения нашего знания о древних цивилизациях и взаимодействиях между ними.

5. Заключение

Представленные сведения подчеркивают значение Северо-Восточного Прикаспия, имевшего все необходимые условия для хозяйственного освоения человеком. Достаточно высокий уровень моря в то время наряду с благоприятными факторами окружающей среды способствовал появлению уникальной флоры и фауны в этом регионе. Жители занимались различными видами промысла, такими как рыболовство, охота и сельское хозяйство, что явилось в дальнейшем основой для роста торговли. Оптимальное географическое положение региона способствовало развитию морской и

караванной торговли, подняв ее на высокий уровень международного взаимодействия. Процветание прибрежной торговли способствовало появлению гаваней вдоль каспийского побережья для приема торговых судов. Появившиеся поселения развивались на основе развитых ремесленных промыслов, которые превратились в региональные административные центры. Была создана сеть караванных путей, что способствовало развитию активной внутренней торговой системы. Более того, торговые связи простирались на Ближний Восток через юго-западное побережье Каспийского моря.

Исследования древних поселений предоставили ценную информацию об истории и культуре, их роли в торгово-экономических связях между регионами и о разнообразии жизни древних обитателей. Эти данные способствуют более глубокому пониманию исторической ситуации и контекста этой уникальной местности в Арало-Каспийском регионе. Побережье Каспийского моря стало важнейшим пунктом товарообмена между Европой, Средней Азией, Китаем и Индией.

Северо-Восточный Прикаспий играл значительную роль в межгосударственной торговле на протяжении веков (X-XIX вв.) и не утратил свое значение, став неотъемлемой частью международной экономики.

В целом до середины XIX века Северо-Восточный Прикаспий оставался важным географическим пунктом, облегчавшим товарообмен и игравшим важнейшую роль во взаимодействии западной цивилизации и евразийских степей. Исторические события в этом регионе демонстрируют его важность как центра торговли и экономической деятельности в период средневековья и раннего Нового времени.

Литература

Алиев, 2007 – Алиев Ш. Исторический обзор и анализ карт Каспийского моря до начала XIX в. Административные карты территории Азербайджана и их изменения за период 1813-1970 гг. Статьи. Баку, 2007. 224 с.

Ал-Истахри, Мухаммад аль-Фариси, 1839 – Ал-Истахри, Мухаммад аль-Фариси (арабский иранский географ, путешественник; до 908-951). Liber Climaum / auctore scheicho Abu-Ishako el-Faresi vulgo el-Issthachri, ad similitudinem codicis Gothani accuratissime delineandum et lapidibus exprimentum curavit J. N. Moeller. Gothae (in Libraria Beckeriana). 23, 132, [1] с., [18] л.

Астафьев, Богданов, 2019 – Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Древний город на восточном берегу Каспийского моря // *Stratum plus*. 2019. №4. С. 17-38.

Астафьев, 2015 – Астафьев А.Е. Отчет о проведении архитектурно-археологических исследований на по Мангистауской области по теме «Проведений археологических исследований на городище Кызылкала 10-17 вв. (Акмышсай) Мангистауского района». Актау: Мангистауский историко-культурный музей заповедник, 2015.

Багров, 1912 – Багров Л.С. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. СПб.: типография Морского Министерства, 1912. 112 с.

Байпаков и др., 2005 – Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А. Средневековое городище Жайык. Алматы: Credo, 2005. 222 с.

Бартольд, 1924 – Бартольд В.В. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924. 150 с.

Берг, 1934 – Берг Л.С. Уровень Каспийского моря за историческое время // *Проблемы физической географии*. М.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 11-64.

Берг, 1940 – Берг Л.С. Первые русские карты Каспийского моря // *Известие АН СССР. Сер. геогр. и геофиз.* №2. М., 1940. С. 159-180.

Брун, 1872 – Брун Ф.К. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия. Одесса, 1872. 44 с.

Галкин, 1981 – Галкин Л.Л. Отчет о работах Волго-Уральской экспедиции Института археологии АН СССР в Северо-Восточном Прикаспии. Алма-Ата: Институт археологии и этнографии АН Каз ССР, 1981.

Гольденберг, 1959 – Гольденберг Л.А. Картографические материалы как историографический источник и их классификация (XII-XVIII вв.) // *Проблемы источниковедения*. М., 1959. Т. 7. С. 296-347.

Дженкинсон, 1937 – Дженкинсон А. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Отв. ред. Н.Л.Рубинштейн. Ленинград, 1937. 309 с.

Едилхан, 2007 – Едилхан А. Историческая география Мангистау // *Огни Мангистау*. 3 апреля 2007.

Заходер, 1960 – Заходер Б.Н. «Mare Nугсанum» в арабской географии IX-X веков. М.: Издательство Восточной литературы, 1960. 11 с. (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).

Заходер, 1962 – Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о восточной Европе: в 2 томах / ответственный редактор Е.А. Беляев; Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. М.: Издательство Восточной литературы, 1962. [Т. 1]: Горган и Поволжье в IX-X вв. 279 с.

Калменов, Ашыгалиев, 2022 – Калменов М.Д., Ашыгалиев Б.М. Материальная культура городища Жайык (по результатам археологических исследований 2012-2015 гг.). DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.172.181>

Калменов, Бижанова, 2019 – *Калменов М.Д., Бижанова А.Е.* Топография и хронология средневековых поселений западных регионов Казахстана // *Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus. 2019. С. 237-261.*

Ковалевский, 1956 – *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков: Изд-во. Харьковского гос. университета им. А. М. Горького, 1956. 345 с.

Көмеков, Ильясова, 2011 – *Көмеков Б.Е., Ильясова З.С.* Иақұттың «Мұдҗам әл-булдан» (XIIIғ.) жағрафиялық жинағы – Қазақстанның ортағасырлар тарихының дерегі. Алматы: Қазақ университеті, 2011. 245 б.

Марыксин и др., 2022 - *Марыксин Д.В., Попов П.В., Крыгин А.П.* Работы на городище Кызылкала в 2021 году и предварительный анализ керамического материала. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.98.105>

Материалы по истории..., 1932 – Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI-XVII веках. Ленинград., 1932г. 504 с.

Миллер, 1761 – *Миллер Г.Ф.* Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства / Сочинение и переводы, к пользе и увеселению служащие. Санкт-Петербург, 1761. Т. II. С. 99-119, 387-448.

МОГА – Мангистауский областной государственный архив (г. Актау, Республика Казахстан).

О торгах..., 1763 – О торгах за Каспийское море // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. Санкт-Петербург: Изд. Акад. Наук, 1763. Т.2. Сентябрь. С. 195-233.

Отзыв В.В. Григорьева..., 1870 – Отзыв В.В. Григорьева о дневнике путешествия Гарбера из Астрахани через Киргизскую степь по пути в Хиву. Журнал заседания Отделения Этнографии. 23-го октября 1869 года // *Известия Императорского Русского географического общества.* С.-Петербург, 1870. Т. VI, отд. I.

Путешествие гг. Данилевского..., 1855 – Путешествие гг. Данилевского и Семенова к устью реки Эмбы в 1854 году // *Вестник Императорского Русского географического общества за 1855 год.* Санкт-Петербург, 1855. Т. 13, кн. 1, ч. V.

Соймонов, 1763 – *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря и ичиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами Тайного Советника, Губернатора Сибири и Ордена святого Александра Кавалера Федора Ивановича Соймонова ..., и с внесенными, где потребно было, дополнениями Академии Наук Конференц-Секретаря, Профессора Истории и Географии Г. Ф. Миллера / Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. Санкт-Петербург: Изд. Акад. Наук, 1763. Т. 1: январь. С.7-35, февраль. С. 99-123, март. С. 195-246, апрель. С. 292-320, май. С. 388-432, июнь. С. 483-506.

Топографическое описание..., 1855 – Топографическое описание реки Эмбы, составленное корпуса топографов подполковником Алексеевым в 1853 году. Вестник ИРГО за 1955 год. Кн. 5. Часть 15. Спб., 1855. С. 211.

Baishov et al., 2022 – *Baishov B., Zhapekova G., Nur Çetin., Abdрахmanova G.* Historical and Geographical Information about the Exploration of the Caspian Sea in Cartographic Materials // *Bylye Gody.* 2022. 17(1): 37-48.

Shayakhmetov et al., 2019 – *Shayakhmetov N.U., Mominova G.T., Omirbekova J.M.* Kazakh Steppe as a Historical Geographic Phenomenon in the Works of Russian Scientists of the XVIII century // *Bylye Gody.* 2019. Vol. 54. Is. 4. Pp. 1439-1450.

References

Aliev, 2007 – *Aliev, Sh.* (2007). Istoricheskij obzor i analiz kart Kaspijskogo morya do nachala XIX v. Administrativnye karty territorii Azerbajdzhana i ix izmeneniya za period 1813-1970 gg. [Historical review and analysis of maps of the Caspian Sea until the beginning of the 19th century. Administrative maps of the territory of Azerbaijan and their changes for the period 1813-1970.]. Baku. 224 p. [in Russian]

Al-Istakhri, Mukhammad al-Farisi, 1839 – *Al-Istakhri, Mukhammad al-Farisi* (arabskii iranskiy geograf, puteshestvennik; do 908-951). Liber Climatam. Auctore scheicho Abu-Ishako el-Faresi vulgo el-Issthachri, ad similitudinem codicis Gothani accuratissime delineandum et lapidibus exprimentum curavit J. H. Moeller. Gothae (in Libraria Beckeriana). 23, 132, [1] s., [18] l.

Astaf'ev, 2015 – *Astaf'ev, A.E.* (2015). Otchet o provedenii arkhitekturno-arkheologicheskikh issledovaniy na po Mangistauskoj oblasti po teme «Provedenii arkheologicheskikh issledovaniy na gorodishche Kyzylkala 10-17 vv. (Akmyshsai) Mangistauskogo raiona» [Report on the conduct of architectural and archaeological research in the Mangystau region on the topic of “Conducting archaeological research on the Kyzylkala settlement of the 10th-17th centuries of (Akmyshsai) Mangystau district”]. Aktau: Mangistauskii istoriko-kul'turnyi muzei zapovednik. [in Russian]

Astaf'ev, Bogdanov, 2019 – *Astaf'ev A. E., Bogdanov E. S.* Drevnii gorod na vostochnom beregu Kaspijskogo moray [An ancient city on the eastern shore of the Caspian Sea]. Stratum plus. №4. Pp. 17-38. [in Russian]

- Bagrov, 1912** – *Bagrov, L.S.* (1912). Materialy k istoricheskomu obzoru kart Kaspiiskogo moray [Materials for the historical review of maps of the Caspian Sea]. SPb.: tipografiya Morskogo Ministerstva, 112 p. [in Russian]
- Baipakov i dr., 2005** – *Baipakov, K.M., Smagulov, E.A., Akhatov, G.A.* (2005). Srednevekovoe gorodishche Zhaiyk [The medieval settlement of Zhaiyk]. Almaty. 222 p. [in Russian]
- Baishov et al., 2022** – *Baishov, B., Zhapekova, G., Nur, Çetin., Abdrakhmanova, G.* (2022). Nistorical and Geographical Information about the Exploration of the Caspian Sea in Cartographic Materials. *Bylye Gody*. 17(1): 37-48.
- Bartol'd, 1924** – *Bartol'd, V.V.* (1924). Mesto Prikaspiiskikh oblastei v istorii musul'manskogo mira [The place of the Caspian regions in the history of the Muslim world.]. Baku. 150 p. [in Russian]
- Berg, 1934** – *Berg, L.S.* (1934). Uroven' Kaspiiskogo morya za istoricheskoe vremya [The level of the Caspian Sea in historical time]. Problemy fizicheskoi geografii. M.: Izd-vo AN SSSR. Pp. 11-64. [in Russian]
- Berg, 1940** – *Berg, L.S.* (1940). Pervye russkie karty Kaspiiskogo morya [The first Russian maps of the Caspian Sea]. Moskva. *Izvestie AN SSSR. Ser. geogr. i geofiz.* 2: 159-180. [in Russian]
- Brun, 1872** – *Brun, F.* (1872). Peripl Kaspijskogo morya po kartam XIV stoletiya [The periple of the Caspian Sea according to the maps of the XIV century]. Odessa. 44 p. [in Russian]
- Dzhenkinson, 1937** – *Dzhenkinson, A.* (1937). Angliiskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke [English travelers in the Muscovite state in the XVI century]. Otv. red. N.L.Rubinshtein. Leningrad. 309 p. [in Russian]
- Edilxan, 2007** – *Edilxan, A.* (2007). İstoricheskaya geografia Mangistau [Historical geography of Mangystau]. *Ogni Mangistau*. P. 4. [in Russian]
- Galkin, 1981** – *Galkin, L.L.* (1981). Otchet o rabotakh Volgo-Ural'skoi ekspeditsii Instituta arkheologii AN SSSR v Severo-Vostochnom Prikaspii [Report on the work of the Volga-Ural expedition of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences in the North-Eastern Caspian region]. Alma-Ata: Institut arkheologii i etnografii AN Kaz SSR. [in Russian]
- Gol'denberg, 1959** – *Gol'denberg, L.A.* (1959). Kartograficheskie materialy kak istoriograficheskii istochnik i ikh klassifikatsiya (XII-XVIII vv.) [Cartographic materials as a historiographical source and their classification (XII-XVIII centuries)]. *Problemy istochnikovedeniya*. M. T. 7. Pp. 296-347. [in Russian]
- Kalmenov, Ashygaliev, 2022** – *Kalmenov, M.D., Ashygaliev, B.M.* (2022). Material'naya kul'tura gorodishcha Zhaiyk (po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovaniı 2012-2015 gg.) [Material culture of the settlement of Zhaiyk (according to the results of archaeological research 2012-2015)]. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.1.172.181> [in Russian]
- Kalmenov, Bizhanova, 2019** – *Kalmenov, M.D., Bizhanova, A.E.* (2019). Topografiya i khronologiya srednevekovykh poselenii zapadnykh regionov Kazakhstana [Topography and chronology of medieval settlements in the western regions of Kazakhstan]. *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda*. T. 2. Otv. red. S.G.Bocharov, A.G.Sitdikov. Kazan', Kishinev: Stratum plus. Pp. 237-261. [in Russian]
- Kömekov, 2011** – *Kömekov, B.E., İlyasova, Z.S.* (2011). İaquattyng «Mu'dzham äl-buldan» (XIII gh.) zhaghrafiyalq zhinaghy – Qazaqstannyng orta ghasyrlar tarixynyng deregi [The geographical collection of Yakut "Mujam al-buldan" (XIII century) is a record of medieval history of Kazakhstan]. Almaty. 245 p. [in Kazakh]
- Kovalevskii, 1956** – *Kovalevskii, A.P.* (1956). Kniga Akhmeda ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. [The book of Ahmed ibn-Fadlan about his journey to the Volga in 921-922]. Khar'kov: Izd-vo. Khar'kovskogo gos. universiteta im. A. M. Gor'kogo. 345 p. [in Russian]
- Maryksin i dr., 2022** – *Maryksin, D.V., Popov, P.V., Krygin, A.P.* (2022). Raboty na gorodishche Kyzylkala v 2021 godu i predvaritel'nyi analiz keramicheskogo materiala [Work at the Kyzylkala site in 2021 and preliminary analysis of ceramic material]. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.98.105>. [in Russian]
- Materialy po istorii..., 1932** – Materialy po istorii Uzbekskoi, Tadzhikskoi i Turkmenskoi SSR. Chast' 1. Torgovlya s Moskovskim gosudarstvom i mezhdunarodnoe polozhenie Srednei Azii v XVI-XVII vekakh [Materials on the history of the Uzbek, Tajik and Turkmen SSR. Part 1. Trade with the Moscow state and the international situation of Central Asia in the XVI-XVII centuries]. Leningrad. 504 p. [in Russian]
- Miller, 1761** – *Miller, G.F.* (1761). Izvestie o landkartakh, kasayushchikhsya do Rossiiskogo gosudarstva [News about land maps related to the Russian state]. Sochinenie i perevody, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie. Sankt-Peterburg. T. II. Pp. 99-119, 387-448. [in Russian]
- MOGA** – Mangistauskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv (Mangystau Regional State Archive). (g. Aktau, Republic of Kazakhstan)
- O torgakh..., 1763** – O torgakh za Kaspiiskoe more [About bidding for the Caspian Sea]. Ezhemesyachnye sochineniya i izvestiya o uchenykh delakh. Sankt-Peterburg: Izd. Akad. Nauk, 1763. T. 2. Sentyabr'. Pp. 195-233. [in Russian]
- Otzyv V.V.Grigor'eva..., 1870** – Otzyv V.V. Grigor'eva o dnevnike puteshestviya Garbera iz Astrakhani cherez Kirgizskuyu step' po puti v Khivu. Zhurnal zasedaniya Otdeleniya Etnografii. 23-go oktyabrya 1869 goda [V.V. Grigoriev's review of the diary of Garber's journey from Astrakhan through the Kyrgyz

steppe on the way to Khiva. Journal of the meeting of the Department of Ethnography. October 23, 1869]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. S.-Peterburg". T. VI, otd. I. [in Russian] [Puteshestvie gg. Danilevskogo..., 1855](#) – Puteshestvie gg. Danilevskogo i Semenova k ust'yu reki Emby v 1854 godu [The journey of G. Danilevsky and Semenov to the mouth of the Emba River in 1854]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva za 1855 god*. Sankt-Peterburg, 1855. T. 13, kn. 1, ch. V. [in Russian]

[Shayakhmetov et al., 2019](#) – *Shayakhmetov, N.U., Mominova, G.T., Omirbekova, J.M.* (2019). Kazakh Steppe as a Historical Geographic Phenomenon in the Works of Russian Scientists of the XVIII century. *Bylye Gody*. 54(4): 1439-1450.

[Soimonov, 1763](#) – *Soimonov, F.I.* (1763). *Opisanie Kaspiiskogo morya i i chinennykh na onom rossiiskikh zavoevaniy, yako chast' istorii gosudarya imperatora Petra Velikogo, trudami Tainogo Sovetnika, Gubernatora Sibiri i Ordena svyatogo Aleksandra Kavalera Fedora Ivanovicha Soimonova ..., i s vnesennymi, gde potrebno bylo, dopolneniyami Akademii Nauk Konferents-Sekretarya, Professora Istorii i Istoriografii, G. F. Millera* [Description of the Caspian Sea and the Russian conquests made on it, as part of the history of the Sovereign Emperor Peter the Great, by the works of Privy Councilor, Governor of Siberia and the Order of St. Alexander Cavalier Fyodor Ivanovich Soymonov ..., and with additions, where necessary, by the Academy of Sciences Conference Secretary, Professor of History and Historiography, G. F. Miller]. *Ezhemesyachnye sochineniya i izvestiya o uchenykh delakh Sankt-Peterburg*: Izd. Akad. Nauk. T 1: yanvar'. Pp. 7-35, fevral'. Pp. 99-123, mart. Pp. 195-246, aprel'. Pp. 292-320, mai. Pp. 388-432, iyun'. Pp. 483-506. [in Russian]

[Topograficheskoe opisanie..., 1855](#) – *Topograficheskoe opisanie reki Emby, sostavlennoe korpusa topografov podpolkovnikom Alekseevym v 1853 godu* [Topographic description of the Emba River, compiled by the Corps of topographers by Lieutenant Colonel Alekseev in 1853]. *Vestnik IRGO za 1955 god*. Kn. 5. chast' 15. SPb., 1855. P. 211. [in Russian]

[Zakhoder, 1960](#) – *Zakhoder, B.N.* (1960). «Mare Hyrcanum» v arabskoi geografii IX-X vekov [«Mare Hyrcanum» in the Arab geography of the IX-X centuries]. M.: Izdatel'stvo Vostochnoi literatury. 11 p. (XXV Mezhdunarodnyi kongress vostokovedov. Doklady delegatsii SSSR). [in Russian]

[Zakhoder, 1962](#) – *Zakhoder, B.N.* (1962). *Kaspiiskii svod svedenii o vostochnoi Evrope : v 2 tomakh* [Caspian Summary of information about Eastern Europe]. *Otvetsvennyi redaktor E. A. Belyaev; Akad. nauk SSSR*. In-t narodov Azii. M.: Izdatel'stvo Vostochnoi literatury. [T. 1] : Gorgan i Povolzh'e v IX-X vv. 279 p. [in Russian]

Историческая география северо-восточного Прикаспия (по материалам X–XIX вв.)

Бакыт Батырбекович Байшов ^{a, *}, Гульфайрус Кабдуловна Жапекова ^b,
Нурлыгуль Сапаковна Аликулова ^a, Жазира Жарасовна Оразаева ^a

^a Актюбинского регионального университета имени К. Жубанова, Актобе, Республика Казахстан

^b Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Каспийское море и его побережье имело огромное значение на протяжении многих веков и занимало ключевое место на Великом Шелковом пути, который был одним из наиболее важных торговых маршрутов, связывавших Восток и Запад. Цель данной работы состоит в исследовании истории северо-восточной части Каспийского моря. Археологические раскопки в поселениях Каракабак, Кызылкалы, Жайык и в других местах на Прикаспийской территории показывают важную роль в раскрытии исторических страниц этого региона. Они предоставляют ценную информацию о прошлых культурах, образе жизни и характере развития населения на этой территории.

Анализ и использование в качестве основных источников картографических материалов, работы средневековых историков, арабских и европейских путешественников, а также российских исследователей Нового Времени, позволяют понять историческую географию данной местности. Авторы стремятся систематизировать источники и картографические данные, чтобы определить исторические тенденции, существовавшие на этой территории в разные исторические периоды. Особое внимание уделяется северо-восточному побережью Каспийского моря, включая реку Джем как естественную северную границу Арало-Каспийского морского интервала. Исследование истории Каспийского моря и его побережья помогает понять многогранность и значимость этого региона в мировой истории и культуре. Оно позволяет сформировать цельное представление о прошлых событиях и взаимодействиях, которые определил этот уникальный исторический контекст.

Ключевые слова: Каспийское море, историческая география, историография, картография, река Жем, города Каракабак, Кызылкалы, Жайык.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dil_123@mail.ru (Б.Б. Байшов), gulfairusk@mail.ru (Г.К. Жапекова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1596-1611
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1596

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Life and Activity of the Golden Horde Settlement on the Territory of Western Kazakhstan: Stages and Causes of Decline (on the Example of the Aktobe Settlement)

Ernar M. Uzhkenov ^a, Galiya A. Shotanova ^b, Malika T. Moryakova ^{b, *}, Andrey A. Korablev ^c

^a R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^c Public association «Russian Ethno-cultural Association «Bylina», Assembly of People of Kazakhstan of Atyrau region, Atyrau, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article reveals one of the key problems of domestic and foreign medieval studies, namely the role and importance of small settled agricultural centers that developed in the Golden Horde period throughout the territory of the Ulus of Jochi, including in Western Kazakhstan.

The purpose and objectives of the research are based on the analysis of written sources and reports of archaeological expeditions, to identify the genesis of settled centers in Western Kazakhstan and reveal their role and significance, reconstructing the life of medieval inhabitants as far as possible. The source base of the studied problem is mainly represented by material, written and phonic sources.

The source base of the studied problem is mainly represented by material, written and phonic sources. The archaeological material is presented in the form of monuments of material culture discovered during excavations on the territory of the settlements of Saraychik, Aktobe, Zhaiyk. The discovered rich material, presented in the form of mass remnants of ceramic dishes, indicates their narrow specialization. A unique feature of the monuments of sedentary culture is the fact that these settlements practically did not fall into the field of view of travelers, and therefore, when studying the history of these sedentary centers, it is necessary to rely on a sufficiently rich cartographic material. Some elements of the history of these centers were reflected in the diaries of travelers, such as information about the Shed preserved in the notes of Ibn Battut. In addition, there are testimonies of Italian merchants and missionaries – the Pegolletti brothers, the monk Brother Paschal, etc. In the course of the study, the following methods were used: historical-system, historical-comparative and cartographic methods. In addition, the article analyzes the results of natural science research, where the object of analysis was the natural and climatic conditions and the transgressions of the Caspian Sea that affected them, which often led to catastrophic consequences of various cultures and states in this region.

The appearance of oases of settled agricultural culture in a steppe, arid region is a phenomenon, the disclosure of the causes of which will help reconstruct the history of the medieval world. The foundation of the settled centers became possible not only due to objective factors in the form of climatic optimum, but also due to the traditional policy of the nomadic rulers of the patronage of the settled culture, which received the maximum scope precisely during the history of the Golden Horde.

In the XIV century there were the most positive conditions for the emergence of centers of settled culture in the steppe zone. Thanks to a well-thought-out supply system and the establishment of monetary trade and in-kind exchange, the settled centers were able to establish their own life support system and create an appropriate infrastructure, which was largely brought from Transoxiana, although with features

* Corresponding author

E-mail addresses: malika-94kz@mail.ru (M.T. Moryakova)

that develop due to certain local climatic conditions. When writing the article, those settlements were also indicated that could not establish a proper way of life and their development was interrupted.

Keywords: Golden Horde, genesis, historiography, Aktobe-Laeti, sedentary culture, nomads, Western Kazakhstan, Middle Ages, cartography.

1. Введение

История Улуса Джучи является одним из уникальных этапов степной государственности. Именно в период его существования был в полной мере реализован симбиоз между оседлой и кочевой культурами. Эта взаимосвязь и взаимозависимость до сих пор вызывает много вопросов. Одним из важных аспектов в этом направлении стало изучение проблем и форм взаимодействия номадизма и урбанизации, среди которых особую роль сыграли центры оседлой культуры в виде стационарных поселений. Сама их классификация пока не проводилась на научном уровне, поэтому в отечественной и зарубежной литературе встречаются следующие определения: «небольшие поселения» или «маленькие города/городки». Сами функции города довольно широко трактуются в мировой исторической науке, что не совсем отражает специфику каждого региона. Так, внедренная монгольскими завоевателями практика функционирования и строительства города без оборонительных сооружений уже отличается от канонического образа города в той же средневековой Европе или на Ближнем Востоке. Поэтому представляется вполне уместным использовать археологический термин «городище» как памятник материальной культуры, содержащий в себе признаки хозяйственных и жилых помещений. Тем не менее, термин «город» также используется при описании оседлых поселений Западного Казахстана, поскольку их малоизученность не дает однозначного ответа на вопрос о типе хозяйства, который там господствовал. Отсюда проистекает и цель исследования – с помощью анализа письменных материалов, отчетов археологических экспедиций, картографических источников выявить генезис оседлых центров на территории Западного Казахстана и раскрыть их роль и значение в истории Улуса Джучи, по возможности при этом реконструируя быт и хозяйство средневековых жителей.

2. Материалы и методы

Основой для статьи послужили отчеты археологических экспедиций, письменные источники, а также исторические карты, которые содержат в себе сведения об оседло-земледельческой жизни золотоордынских городищ. Если дневники и отчеты средневековых путешественников и послов давно уже известны и используются в исторической науке, то исторические карты сравнительно недавно начали использоваться в казахстанской исторической науке. Причиной этому были как их недоступность, так и сравнительная молодость самой казахстанской медиевистики. Например, в качестве источников использовались карты с указанием городов Западного Казахстана, например, карта 1367 года, составленная итальянскими купцами Франциско и Доменико Пицигани, космографом XV века Вики Фра-Мауро, карта 1549 года Московии путешественника Герберштейна, работы Энтони Дженкинсона, работы Генриха Хондиуса и Исаака Масса, также «Новая карта Тартарии. A Newe Mape of Tartary Augmented by Iohn Speede», составленная английским картографом Джоном Спидом. Большой интерес привлек атлас, выпущенный в 1627 году в Лондоне «A Prospect of the Most Famous Parts of the World». Существование и отображение городов на этих картах позволяет пересмотреть прежние взгляды, где затухание городской жизни в Золотой Орде приходится на знаменитые походы Тимура.

Методологической основой статьи являются сравнительный, историко-генетический, типологический, структурный и системный методы. Например, результаты работ 3-го отряда Поволжской археологической экспедиции под руководством И.С. Вайнера (Вайнер, 1964: 2), Гурьевского археологического отряда (АИАРАН, Р-1. №5668), а также результаты полевых исследований в Гурьевской и Мангышлакской областях (Отчет о полевых..., 2018) дали возможность авторам применить сравнительный метод. При реконструкции жизнедеятельности городища были применены историко-генетический и типологический методы. Историко-генетический дал представление о жителях городов и об их внешнем облике. Типологический дал понимание устройства и планировки самого поселения, его хозяйственных построек и жилых домов. В целом, при строительстве западноказахстанских городищ наблюдается сильное влияние среднеазиатской градостроительной практики. При описании внутренних процессов Золотой Орды был применен историко-системный метод, а структурный помог раскрыть взаимосвязь между оседлыми и кочевыми сообществами в рамках единой кочевой империи.

3. Обсуждение

Города Западного Казахстана до недавних пор, хотя и изучались достаточно давно, но в то же время не были объектом постоянного и систематического внимания ученых. Одним из таких городов является малоисследованный, но в то же время относительно удобный в плане доступности изучения город Актобе-Лаэти, известный как Тендыкское городище. Обнаруженный в 60-х годах прошлого века, городище заинтересовал главным образом местных краеведов, однако есть упоминания о нем

уже в дореволюционный период. Ценность этих упоминаний заключается не только в фиксации археологических построек, но и в описании определенных местностей. Например, А.И. Левшин говорит о существовании некоей «Ногайской дороги»: «Из Сарайчиковской крепости в Хиву, через перешеек, отделяющий море Аральское от Каспийского, есть несколько путей. Замечательнейшая из них есть так называемая древняя Ногайская дорога. Она идет через следующие места: через Солончак Тентяксор и урочище Беляули, к реке Сагыз, через которую переправляются близ развалин древнего укрепления, называемого Узюнтам. От Сагыза – через горы Кайнарские к реке Эмбе, через которую переправляются близ древнего кладбища Бакашаулия. От Эмбы – к источникам пресной воды, называемым Учукан, близ коих также лежат развалины» (Левшин, 1832: 98, 105). По-видимому, именно данный мавзолей был обнаружен и исследован в 2003 году недалеко от места максимального сближения Большого и Малого Узеней (Бисембаев, Ахатов, 2016: 75). Здесь также были обнаружены остатки жилых строений и ремесленных изделий.

Первооткрывателем Тендыкского городища является известный в республике краевед В.К. Афанасьев (Афанасьев и др., 1978; Паспорт..., 1981: 2). Именно благодаря его усилиям городище привлекло известных исследователей, в том числе ученых из Алматы, Москвы и других научных центров.

В 1965 году местный краевед В.К. Афанасьев познакомил с этим памятником археологии прибывшего в г. Гурьев археолога Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова М.С. Мерциева, который одним из первых провел раскопки объекта. Результаты исследования опубликованы в сборнике статей «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана» (Алма-Ата, 1969: 153-162), где многие высказанные им мнения и замечания не утратили своей ценности и сегодня. В частности, он опроверг бытовавшее мнение, что городище имел некое сакральное значение и мог содержать ритуальный комплекс. В то же время именно им было высказано мнение о ремесленном производстве в Тендыкском городище. М.С. Мерциев пишет о двух поселениях, расположенных в 400 метрах друг от друга. Л.Л. Галкин, продолживший археологические изыскания, полагал, что второго поселения не было. По его мнению, М.С. Мерциев принял выселки гончаров и изготовителей кирпича за отдельное поселение. Однако В.К. Афанасьев считает, что здесь, на правом берегу речки, был участок бахчеводства, позднее занятый казахскими кладбищами. Мы полагаем, что М.С. Мерциев прав, поскольку состоявшееся позже строительство телестанции «Орбита», скорее всего, разрушило часть древнего городища.

Следует признать, что изучение Тендыкского городища не носило системный характер. Одним из его полноценных исследователей был вышеупомянутый археолог Л.Л. Галкин, который не только восстановил приблизительный план городища, но и дал ему второе наименование, взятое из итальянских карт XIV в. – Лаэти (Галкин, 1975). Это предположение Л.Л. Галкина было подвергнуто во многом конструктивной критике И.В. Волкова (Волков, 2016: 21-38). Тем не менее работы Л.Л. Галкина не утратили своего значения. Все находки с Волго-Уральской экспедиции хранятся в областном историко-краеведческом музее г. Атырау (Актобе-Лаэти, 2019: 42). Краткая информация о проведенных раскопках опубликована в Археологических открытиях АН СССР Л.Л. Галкиным, В.К. Афанасьевым, С. Бисеновым в 1976, 1978 годах. В 1989–1991 годах раскопки продолжил Гурьевский отряд под руководством В.К. Афанасьева, который вошел в состав Западно-Казахстанской археологической экспедиции З. Самашева (Отчет о полевых..., 2018: 46).

В постсоветский период городище Актобе вследствие общего упадка научной отрасли довольно редко становился объектом исследования. Его роль, несмотря на возражения краеведов и ученых, все более снижается, что выразилось в неконтролируемой застройке жилых домов на месте городища (Афанасьев, 1993; Афанасьев, 1991).

Хронологические рамки строительства и функционирования городища известны лишь приблизительно. На данный момент общепринятой является хронология строительства городских центров, предложенная В.Л. Егоровым (Егоров, 1985: 78), где он указывает шесть этапов процесса градостроительства. Расцвет же городской культуры, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, приходится на 1330–1390 гг. Объясняет он эти узкие хронологические рамки тем, что к XIII в. с уверенностью можно отнести только погребения кочевников, а оседлое население привнесло свою культуру, которую он и датировал достаточно узкими хронологическими рамками. Особняком стоит мнение И.В. Волкова, который справедливо указывает на отсутствие следов протогородов на местах расположения золотоордынских городищ, по крайней мере, на сегодня их выявлено не было. По большому счету, И.В. Волков склоняется к точке зрения Федорова-Давыдова, хотя и он не указывает четкие хронологические рамки. Кроме того, он приводит сведения о материальной культуре Золотой Орды и тем самым затрагивает вопросы транспортировки керамической продукции (Волков, 2021: 20). Это важное замечание с точки зрения объяснения причин появления подобного рода городищ. Из последних работ по данной теме можно указать работы И.В. Волкова, Ю.М. Идрисова и других ученых (Волков, 2016: 184; Идрисов, Ханмурзаев, 2021: 769), где содержатся важные сведения по истории оседло-земледельческой культуры в Золотой Орде в восточной части Улуса Джучи.

В Казахстане ситуация улучшается с периода объявления года изучения Золотой Орды как предшественника Казахского государства. Актобе изучается на довольно серьезном уровне (Сагидуллаев, 2014: 187).

Большую роль в деле исследования данного памятника золотоордынской цивилизации играют местные научно-культурные организации: Государственный историко-культурный музей Атырауской области и Атырауский государственный университет имени Х.Д. Досмухамедова (Отчет о полевых..., 2018: 51). Материальная культура городища Актобе на долгое время становится объектом внимания ученых, поскольку длительное его пребывание под покровом морской воды хорошо законсервировало остатки городской культуры. На сохранность городища повлиял природно-климатический фактор, который позволил объективно реконструировать особенности местности (Ужкенов и др., 2023; Ужкенов и др., 2021, Ужкенов и др., 2021а).

Актобе представлял интерес главным образом для археологов и только в последнее время стал объектом собственно исторического исследования. Для определения роли городища как полноценного объекта историко-культурного наследия было проведено сравнение с другими золотоордынскими городами Казахстана: «На архитектурный облик и градостроительные традиции городов, расположенных на Урале, непосредственное влияние оказывали природно-климатические условия, которые сильно отличались от условий Южного Казахстана» (Ужкенов, 2020; Ужкенов, 2022). Эти выводы во многом подтверждаются и известным российским ученым Э.Д. Зиливинской. Она отметила важные детали расположения жилых построек и улочек Лаэти, которые в большей степени характерны для южных средневековых городищ Казахстана.

Советский археолог Л.Л. Галкин писал: «В отличие от Сарайджука, Лаэти не был восстановлен после пожара. Вскоре началось очередное повышение уровня Каспия, и воды моря надолго скрыли этот городок, словно сохранив его для науки. В наше время — в результате понижения уровня моря — город вышел из-под воды и был доступен для археологов. Но, похоже, скоро городище Актобе снова уйдет в море, и тогда без подводных исследований не обойтись» (Галкин, 1998: 30).

Результаты

Общий ход мировой истории в вопросах градостроительства показывает, что сам процесс появления городов сводится к нескольким факторам: нахождение на пересечении торговых путей (Венеция, Нюрнберг, Карфаген и др.), изначальное военно-стратегическое положение (Дербент, Саркел и др.), наличие редких ресурсов (города Рура с их угольными шахтами, города Чехии с ее серебряными рудниками), политическое администрирование (Пекин, Дели), изначальное сакральное значение местности (Вавилон, Иерусалим и др.), а также земли, обладавшие выгодными для землепользования условиями (греческие колонии Сицилии, Рим). Как правило, появление всех городов изначальное сводилось сразу к нескольким факторам.

Несмотря на то что городская культура Востока в целом, и Центральной Азии в частности, имела свою специфику, причины появления стационарного поселения в регионе имели те же мотивы, что и в общемировом процессе. Основанием развития городской культуры в Центральной Азии была ее тесная связь с миром кочевников. Именно доступность редкого сырья и наличие огромного рынка сбыта продукции оказали решающее влияние на процветание Великого Шелкового пути. Постоянная поддержка политическими властями кочевых государств обеспечивала их безопасность и способствовала развитию торговли. Уникальность городской культуры в центрально-азиатском регионе заключается в том, что кочевой мир оказывал на нее существенное влияние. Это можно проследить как в домостроительстве, так и в предметах быта и даже в кулинарных предпочтениях средневековых жителей.

Все указанные факторы образования городов Центральной Азии имели те же причины. Постоянное соседство с миром кочевников, как правило, несло не только выгодную торговлю, но и постоянную опасность. Например, одно из последних завоеваний территории Мавераннахра произошло уже в эпоху становления Казахского государства, с переселением туда узбеков под предводительством Мухаммеда Шейбани хана. Постоянная опасность вынудила местных властителей развернуть строительство военных крепостей, ставших впоследствии крупными городами, как, например, Сауран. Его мощные оборонительные укрепления дошли до нашего времени. Когда-то они служили укрытием для всех жителей. Думается, что Отырар также изначальное представлял собой крепость, но благодаря выгодному местоположению вырос в крупную городскую агломерацию. В качестве политического центра сложился Суяб, бывший неоднократно столицей разных государств, а также Янгикент — постоянная столица Огузского каганата. Города, выросшие на пересечении торговых путей, также были не редкостью на территории Центральной Азии. Тот же Сарайчик, по ряду свидетельств, был крупным торговым центром задолго до начала монгольского нашествия, на что может указывать тот факт, что на месте городища Сарайчика обнаружены фрагменты дозолотоордынского времени, а именно постройки жилищ XI–XII вв. и наличие черноглиняной посуды, предположительно, кипчакского типа. Наличие таких ответвлений Шелкового пути, как «Нефритовый путь» или «Лазуритовый путь», указывает на торговлю редкими ресурсами, что впоследствии привело к появлению целого ряда городов в этом регионе (Хансен, 2014: 6). Сложившаяся

градостроительная практика стала основой для расцвета городской культуры в золотоордынский период. Спецификой этого периода является наличие огромного числа небольших городских поселений, располагавшихся как в непосредственной близости от крупных торгово-ремесленных центров и политических центров, так и в регионах, находившихся на периферии очагов городской культуры. С углублением знаний о средневековой эпохе нашей истории и обнаружением все большего числа памятников материальной культуры возникла историческая загадка о генезисе данного периода.

Устоявшаяся историческая традиция возводит появление городских центров в золотоордынский период к формированию Ханской ставки как стационарного центра с последующим обрастанием соответствующей инфраструктурой в виде гостевых домов, ремесленных мастерских, домов для строителей, а позже и кварталов торговцев, общественных сооружений и так далее. Все это прекрасно объясняет, как выросли крупные городские центры Золотой Орды, но никак не раскрывает причины появления небольших оседлых центров. Учитывая бескрайние просторы Казахской Степи, трудно представить себе необходимость строительства городских центров в отрыве от ресурсной базы редких товаров и торговых маршрутов. Для того чтобы раскрыть этапы появления новых городов в степной зоне, необходимо понять внутреннюю систему Золотой Орды и особенности ее местной элиты. Верхушка элиты Золотой Орды составляли Чингизиды и потомки тех, кто на первых порах поддержал зарождение новой империи. Обязательное выделение средств на прокорм разраставшегося «золотого рода» впоследствии приведет к разрастанию междоусобной войны с последующим переделом наследства, а также к распаду империи. Несмотря на радикальную реформу в деле формирования родоплеменного традиционного строя, родоплеменные группы, сложившиеся в домонгольский период, сохранили свою основу, подвергшись при этом значительному смешению (Ужкенов и др., 2023: 70-71).

Для управления этими обновленными группами привлекались, как правило, новые «назначенцы» из числа людей, доказавших свою лояльность. Несмотря на поддержку политического центра, этой новой элите необходимо было обосновать свое правление. Именно это обстоятельство служит подсказкой для объяснения появления подобных небольших центров. Закрепление прав на территорию у кочевников визуализировалось в качестве памятников материальной культуры, например, мавзолеев. По-видимому, степная элита получила право на строительство мавзолеев, впоследствии ставших маркерами их прав на территорию. Строительство мавзолеев отражало рост влияния родовой элиты и преследовало несколько целей. Помимо визуального закрепления прав на территорию, строительство мавзолеев служило зримым выражением правления новой элиты. Сами мавзолеи довольно быстро приобретали сакральное значение, что также способствовало усилению власти новых элит. Более того, само сакральное значение стало магнитом для местных жителей, притягивая новых поселенцев и увеличивая тем самым количество новых подданных. Увеличение налогооблагаемых жителей способствовало накоплению богатств и, как следствие, увеличивало рост влияния элиты. Закономерно, что это обстоятельство ослабляло авторитет и престиж центральной власти. Кроме того, строительство мавзолеев позволило усилить контроль над недавно покоренными землями. Дело в том, что вся территория Казахстана и сопредельных земель к середине XIII века еще сохраняла свой протестный потенциал, и, раздавая земли преданным сторонникам, центральная власть таким образом пыталась проконтролировать те территории, которые находились в стороне от важнейших торговых путей, что подтверждается их малоизвестностью или вовсе отсутствием сведений о них в путевых заметках восточных путешественников. Зримым свидетельством слабости центральной власти на этих территориях стало знаменитое восстание Басмана, которое причинило большие трудности первым правителям Монгольской империи. Возведение мавзолеев было первым шагом к появлению стационарного поселения, когда строительство требовало квалифицированной или, в крайнем случае, бесплатной рабочей силы (Бисембаев, Ахатова, 2016: 75).

Основным поставщиком такой силы была доля элиты из числа захваченных в плен или переселенцев из разоренных в ходе монгольских завоеваний областей. Безусловно, в вопросе обустройства такого количества новых жителей элиты столкнулись с необходимостью налаживания быта для этой рабочей массы. Постройка печей, которые были необходимы для обжига сырцового кирпича, стала одним из первых этапов начала городской жизни. Возведение домов уже стало этапом начала функционирования оседлой жизни, а снабжение продовольствием рабочих стало началом системы логистики, которая позже стала классикой для городских центров. Если выбранная местность оказывалась выгодной для дальнейшего проживания людей, то довольно скоро эти поселения становились стационарами. Важным свидетельством роста влияния местной элиты служат изменения в планировке городища Актобе. Л.Л. Галкин предположил, что изначально планировка города носила усадебный характер, а «плотная застройка, характерная, например, для городища Актобе – это уже следующий этап генезиса городища» (АИАРАН, Р-1. №5668: 1-4).

Важнейшими примерами могут служить несколько памятников материальной культуры Золотой Орды на территории Казахстана. Это прежде всего мавзолей Абат-Байтак, возле которого хорошо сохранились остатки жилых помещений. По имеющемуся объему информации можно сделать вывод о том, что здесь мог появиться городской центр, однако в силу отдаленности от главных торговых артерий и суровых природно-климатических условий естественное развитие было

прервано. Другим примером может служить некрополь Сырымбет, обнаруженный на севере Казахстана. Там также остались следы жилых помещений, но при этом были обнаружены хорошо сохранившиеся мавзолеи. Возле городища Жайык также сохранились мавзолеи. Возле Сарайчика в XIX в. были обнаружены мавзолеи, за которыми ухаживали местные казахи (Левшин, 1824: 183). На руинах Актобе, возможно, также были мавзолеи, однако со строительством телестанции часть городища была разрушена. Немаловажным для понимания исторической географии Золотой Орды служит некрополь, обнаруженный на дне бывшего Аральского моря, что, во-первых, свидетельствует об изменениях в климате в средневековое время, а во-вторых, градостроительная практика правителей Золотой Орды была гораздо шире и охватывала значительную часть Казахстана.

Есть еще немало раскопанных, но малоизученных памятников. Чаще всего они представляют собой остатки небольших караван-сараяв или некрополи для знати. Также они имеют непосредственное отношение к культурным либо к хозяйственным предметам, будь то орудия труда или украшения (Сагидуллаев, 2022: 162). Надо признать, что роль караван-сараяв до сих пор остается недооцененной, поскольку остается непонятным механизм их функционирования. На данный момент благодаря письменным источникам ясна форма их устройства и сфера ответственности.

Необходимо отметить, что роль торговли еще до конца не ясна, поскольку некоторые городища были расположены вдали от оживленных торговых маршрутов. Так, знаменитый путешественник Ибн Батутта на протяжении торгового пути между Сарайчиком и Ургенчем ничего не сообщает об оседлых пунктах (Ибрагимов, 1988: 27). Это наводит на мысль о том, что они были основаны гораздо позднее либо лежали вдалеке от привычных маршрутов. К такого рода городищам можно отнести ряд небольших поселений на западе Республики Казахстан, которые, ввиду своей недостаточной изученности, малоизвестны казахстанцам. Например, городища Жаик, Жалпактал, Актобе-Лаэти. Отмечено, что все памятники подобной группы имеют в своем составе мавзолеи из кирпича и производства для обжига кирпича. Кроме того, отложившийся археологический пласт дает представление о существовании на месте памятников довольно развитых оседлых центров ремесла и торговли. Небольшие размеры и удаленность от проторенных торговых путей, а также сравнительная скудость информации о них в источниках, вызывает обоснованные споры об их назначении.

Для понимания роли и значимости золотоордынских городищ необходимо продолжать археологические изыскания, чтобы в полной мере ответить вопрос о функциях оседлых стационарных поселений в степной зоне. Также нужно восстановить генезис градостроительства в Улусе Джучи. Устоявшаяся теория в отечественной и зарубежной историографии достаточно аргументированно сводит причины образования городов при золотоордынских правителях к оседанию ханской ставки и, как следствие, появлению политических мотивов, будь то формирование бюрократического аппарата или наличие политической воли. По мере оседания ханской ставки в зоне обитания степной аристократии появляется усадебный вид хозяйства с четко очерченными границами и замкнутым циклом в тот момент, когда пространство между усадьбами заполняется другими горожанами, будь то ремесленники, торговцы или кочевники. Таким образом, площадь золотоордынских городов могла занимать достаточно большие размеры, что наблюдается при раскопках (Федоров-Давыдов, 1963: 1-5).

Не менее важной, хотя и вторичной, причиной возникновения городов была торговля. Она была не только инструментом обогащения, но и своего рода оружием. Этому способствовала довольно развитая сеть дорог с ее обязательными атрибутами: ямскими станциями и караван-сараями. Торговля не только поддерживалась правителями, но и, по ряду свидетельств, они в ней принимали самое непосредственное участие. Все это стимулировало дальнейшее оседание кочевой знати и зависимых от нее людей. Все перечисленное, по нашему мнению, является аргументированной точкой зрения в деле прояснения причин возникновения городов, однако указанные причины являются верными для крупных городов и столиц.

Большие города как основные доноры, получатели дани, ремесленных изделий, определенных экзотических товаров, и, в конце концов, банальных денежных потоков служили аккумуляторами финансовых и материальных средств (Франкопан, 2019: 250). Как уже указывалось выше, в мировой практике появление городов объясняется, прежде всего, совокупностью факторов, а именно наличием торговых путей с возможностью снятия пошлины за транспортировку товаров, удобным географическим расположением, пусть то будет морской или речной порт, наличием переправы через достаточно крупную преграду, например, речной брод или горный проход, а также наличием редких ресурсов.

Есть еще одна значимая причина появления городов – это основание их на каких-либо сакральных местах. Чаще всего такими местами становились объекты паломничества: постоянно действующие храмы или религиозные святыни. Здесь следует отметить, что в дореволюционной историографии довольно часто возникало предположение о Сарайчике как о кратковременном месте, временной ставке. А.И. Левшин приводит свою интересную догадку о хане Шейбани как основоположнике Сарайчика. О большом влиянии кочевников на этот город указывает и его археологическая специфика: характерное для золотоордынских городов широкое расселение, остатки юртовых сооружений, содержание мусорных ям и так далее. Кроме того, интересным представляется

замеченное А.И. Левшиным крайне уважительное отношение местных казахов к развалинам Сарайчика. Объясняя это, он выдвинул предположение о располагавшемся на руинах Сарайчика захоронении некоего святого. Более того, по сведениям ученого, Жангир-хан ухаживал за развалинами мавзолея и даже реставрировал его. Также А.И. Левшин указывает на отправление ритуальных традиций, что подчеркивает осознанную духовную близость казахов к мусульманским некрополям, относящимся к периоду Золотой Орды. Сакрализация объектов также способствовала росту городов на территории Западного Казахстана (Ужкенов, 2020).

Все рассмотренные причины могли быть основой для появления города, его роста и развития.

Сам процесс возникновения оседлого поселения был и остается одним из проблемных узлов в отечественной науке, поскольку образ «чистого номада» стал настолько доминирующим, что сами оседло-земледельческие поселения долгое время служили всего лишь фоном. Если на юге Казахстана города рассматриваются как объект торговых, культурных или политических контактов, то оседлые поселения на остальной территории нашей республики изучаются, прежде всего, как уникальный феномен.

Важной основой решения этой проблемы остается терминология, а именно выделение функций города и его характеристика. Пока по этой проблеме продолжаются дискуссии как, собственно, научные, так и околонучные. Можно лишь попытаться некие общие черты функционирования города в кочевой среде. Следует подчеркнуть, что речь идет не о больших политических центрах, торгово-экономических городах с их мировым значением или же о городах, существовавших еще в домонгольскую эпоху, а именно о тех населенных пунктах, которые обладали сравнительно небольшими размерами и не носили политических или сакральных статусов.

Из общих характеристик города отметим наличие ремесленных производств и священных мест, будь то некрополь или мавзолей. Также характерными признаками любого золотоордынского города являлись значимые места в виде ханских дворцов, мечетей или общественных бань. Однако в случае с небольшими городами есть определенная специфика. Для описания подобного рода построек подходят руины городища Жаик, где сохранились остатки общественных бань и небольшого мавзолея. В тоже время в более крупном по размерам городище Актобе следов, подходящих под определения остатков общественных бань или мечетей, еще не выявлено (Галкин, 1981).

Причиной этого может служить строительство на месте раскопок еще в советские годы здания телестанции. Продолжение дальнейших исследований необходимо, однако уже сейчас можно сделать вывод о том, что если ранее в отечественной и зарубежной научной литературе господствовала идея о политической воле элиты Золотой Орды в деле градостроительства, то сегодня с полной уверенностью можно заявлять о наличии собственной местной традиции основания и функционирования оседло-земледельческих поселений в кочевой среде. Кроме того, изученные археологические отчеты показывают, что, несмотря на отдельные успехи, проблемы генезиса западноказахстанских городов редко становились объектом научного изучения, поскольку привычные методы исследования редко дают научный результат. Например, как уже указывалось выше, роль торговли, несмотря на ее значимость, вряд ли могла быть основной для появления небольших оседлых поселений. Она была лишь вспомогательным ресурсом для поддержания их жизнедеятельности. Вероятно, прав В. Волков, указывая, что повседневная посуда является самым массовым памятником ремесленного производства. Такая дешевая посуда не могла быть предметом трансконтинентальной торговли. Единственным объяснением этого может служить мнение о развитой торговле между собственно кочевниками и оседлыми жителями. Первые могли быть самыми крупными покупателями данной продукции. Такая посуда была наиболее удобной для применения в повседневной кочевой жизни (Волков, 2001: 16).

По сравнению со столичным доменом Золотой Орды, то есть территорией Нижнего Поволжья, территория Западного Казахстана изучена слабо. Сама местность, по устоявшейся научной традиции, в основном служила неким фоном, поскольку находилась вдали от политических перипетий. Последние открытия демонстрируют всю несостоятельность такого утверждения и указывают на то, что Западный Казахстан служил не только перевалочным пунктом, но и был территорией с устоявшейся оседлой традицией. Даже после падения престижа столичной власти в Нижнем Поволжье городская культура по инерции продолжала функционировать, и, более того, именно Сарайчик стал на короткое время столицей всей Поволжской агломерации. Сарайчик, Жаик, Жалпактал, Сарыкамыс и Актобе-Лаэти, а также караван сарай Тас кешу и недавно обнаруженный мавзолей, расположенный недалеко от Сарайчика, все вместе составляли западноказахстанскую агломерацию. Сочетание природно-климатических условий и наличие основного ресурса для постройки домов предопределили основной вектор развития городской культуры. Обилие питьевой воды, удобные пастбища для скотоводства и достаточно богатая пойма реки предопределили появление здесь комплексного хозяйства (Ужкенов, 2023: 106).

Небольшие размеры оседлых поселений Западного Казахстана дают нам понять, что население, по всей вероятности, делилось на стационарное и сезонное. Кочевники могли зимовать в небольшой отдаленности от стационарных поселков в естественных укрытиях скота. Следует предположить, что

численность кочевников, оставшихся на зимовку возле оседлых стационаров, не могла быть значительной, ввиду ограниченности природных ресурсов, а также удобных мест для зимовки.

Вопрос численности оседлых жителей открыт. Проблема исторической демографии в отечественной науке освещается редко. Малая изученность и недостаток источников позволяют допускать только очень осторожные оценки. Даже такой крупный город, как Отырар, вероятно, имел численность населения не более 20 000 человек и это количество включало общую численность всей Отырарской агломерации, то есть с учетом населения пригородных поселков и ремесленных мастерских (Ужкенов, 2021: 8). Сарайчик был, вероятнее всего, намного меньше Отырар, и, по осторожной оценке известного археолога В.В. Плахова, численность Сарайчика в эпоху Алтын Орды колебалась в зависимости от сезона от 1 200 до 2 200 человек. Летом, по его мнению, часть кочевников уходила в степи, а осенью часть оставалась в пределах оседлых центров (Ужкенов, 2021: 8). Изучение этого вопроса позволит определить функции оседлых жителей, их рацион, систему обеспечения питьевой водой, а также поможет понять причины упадка оседло-земледельческой жизни на западе Казахстана в средние века.

Вопрос обеспечения продовольствием оседлых жителей достаточно хорошо изучен в российской исторической школе, но почти не затрагивается в отечественных трудах. И здесь слабая изученность этого вопроса, а также недостаток источников, не позволяют категорично дать ответы на эти вопросы. По-видимому, для разных городищ времен Золотой Орды мясная продукция являлась господствующей. Надо полагать, что люди средневековья развивали комплексное хозяйство. Немаловажную роль в повседневной жизнедеятельности людей играли охота и рыболовство, однако основным продуктом питания, судя по источникам и остаткам мусорных ям, были продукты животноводства (Яворская, 2018: 70). Сама Золотая Орда была основана кочевниками, и элита и народ не собирались менять свой привычный рацион. Практически все источники твердят о громадных, непостижимых для тогдашних европейцев, массах скота. Мясо было источником пропитания не только самих кочевников, но и оседлых жителей. Об этом писали многие ученые. На этот счет имеются сведения Иосафата Барбаро, который со стен Таны наблюдал порядок прохождения в течение светового дня сначала табунов лошадей численностью по 60, 100, 200 голов, затем верблюдов и крупного рогатого скота, позади которых двигались громадные стада мелкого рогатого скота, и это движение продолжалось в течение 6 дней. Это не что иное, как одно из тех редких описаний функционирования системы поставки живого товара на внешний и внутренний рынки (Скржинская, 1971: 142). К этому же стоит отнести сведения XIV в., когда Ибн Баттута сообщает об экспорте лошадей в Индию (Тизенгаузен, 1884: 287).

Археологические раскопки позволяют определить нормы потребления продуктов животноводства. Так, например, известная исследовательница Л.В. Яворская пишет: «на территории Маджарского городища основным мясным продуктом являлась говядина – ее доля составляет не менее 70 % почти во всех выборках. Это означает наличие в округе города обширных специализированных скотоводческих хозяйств, поставляющих основной мясной продукт» (Яворская, 2018: 69). Далее она пишет, что в зависимости от районирования городского центра самые популярные продукты кочевого хозяйства, то есть конина и баранина, могли значительно увеличиваться в процентном соотношении. Не стоит забывать и о специализации золотоордынских ремесленников, и, соответственно, в районах с большим количеством потребления баранины было развито косторезное ремесло, осуществлялась и выделка шкур.

Еще одним фактором употребления продукции животноводства в средние века была дешевизна конины и баранины, что также указывает на определенную систему существовавших поставок (Яворская, 2018: 69). Дешевизна продуктов животноводства, сравнительно небольшая численность оседлых жителей, резкие аридные условия, особенно на территории Западного Казахстана, а также политическое доминирование кочевников, подводит нас к выводу о том, что оседлая инфраструктура зависела от устойчивости кочевого общества. До тех пор, пока власть могла обеспечивать систему поставок, оседлые поселения продолжали функционировать, как только нарушалась политическая стабильность, жители оседлых поселений находились в зависимости от доброй воли номадов, которые могли пересматривать на свой лад прежние договоренности.

Именно комплексный вид хозяйства и особые природно-климатические условия и предопределили дальнейшее развитие оседлой жизни в западноказахстанских степях, в отличие от вышеупомянутых некрополей Сырымбета или Абак-Байтака.

Упадок оседлой жизни в казахстанских степях не рассматривался в самостоятельном исследовании, а только указывались причины. Одной из причин рассматривались последствия завоевательных походов Тимура против Золотой Орды. Одним из последствий этих походов стал перенос геополитического центра из казахских степей в городские центры Средней Азии. Перенос торговых путей стал процессом длительным и тяжелым. Поэтому предложенная датировка периода максимального расцвета городской жизни Золотой Орды, а это 1330-1395 гг., не может быть принята для городских оазисов Западного Казахстана (Волков, 2001: 19). Город Сарайчик долгое время сохранял свое значение и даже претендовал на роль столицы всей Золотой Орды. Об этом говорит и судьба Маджарского городища, который приобрел независимость и чеканил свою монету (Волков,

2001: 19). Походы Тимура вызвали кризис политической власти и смену правителей, однако сама городская среда, хоть и пострадала, но довольно быстро оправилась.

Версия о разорительном характере походов Тимура не может быть признана причиной краха золотоордынской государственности. Главной причиной был период «Великой Замятни» – максимального ослабления авторитета центральной власти. Причиной Замятни являлось не только нарушение установленного порядка престолонаследия, но и слабость самой природы центральной власти в кочевых государствах. Крах империи вызвал к жизни периоды сепаратизма с его сильными окраинами и слабым центром. В таких условиях трудно четко датировать крах государственности, поскольку огромное количество претендентов на ханский престол всячески подчеркивало свое отношение к легитимной династии. Центробежные течения были сильны, и главной силой этих течений выступали, как правило, жители городов. Сильная зависимость от поставок продовольствия стала решающим фактором для поддержки сильной власти ремесленниками, земледельцами и торговцами. В таких условиях четкую дату гибели оазисов оседло-земледельческой жизни в западноказахстанских степях просто невозможно установить (Ужкенов, Табынбаева, 2023: 111).

Для понимания всего генезиса оседлой культуры в западноказахстанских степях необходимо очертить хронологические рамки ее существования. Городище Актобе впервые зафиксирован на карте 1367 года, составленной итальянскими купцами Франциско и Доменико Пицигани. Сама карта содержит в себе арабскую историческую традицию – с юга на север. Именно на этой карте Л.Л. Галкин прочел название городища Актобе как «Лаэти», что, по его мнению, соответствовало итальянскому языку. Этот искусственный конструкт был подвержен справедливой критике со стороны И.В. Волкова (Волков, 2016: 23). По его мнению, правильное прочтение этого названия должно было отражать местное название реки Урал, и название «Lajsk» во многом схоже с названием «Лайык» – «Жайык» – «Лаэти». Есть мнение, что слово «Лайте» означало «мутная», оно вполне могло служить для обозначения какого-нибудь топографического или природного явления. Эту версию поддерживает и А.А. Кораблев, который склоняется к тому мнению, что на карте было отражено название реки Жайык, а городище, возможно, носило другое название (Ужкенов, Кораблев и др., 2023: 254).

Стоит упомянуть, что одним из первых, кто обратил на это внимание, был один из классиков исторической географии Золотой Орды, исследователь В.Л. Егоров. Кроме того, он первым упоминает, что городище Актобе не единственное, нашедшее свое отражение на данной карте: «Восточнее Волги, по берегу Каспийского моря и на некотором удалении от него, вплоть до территории Хорезма отмечено 8 городов. Первый из них, называющийся Лайте, расположен на берегу Каспийского моря между Эдилом и Яиком. Каких-либо городищ, соответствующих этому населённому пункту, здесь до настоящего времени не обнаружено. Восточнее Лайте только надписью, без изображения направления русла, отмечена река Яик (Урал). За ней, на некотором отдалении от морского берега, изображён безымянный город. Выше его (к северу) нанесено изображение второго безымянного города» (Егоров, 1985: 40), что позволяет с большой вероятностью локализовать Лаэти в междуречье Урала и Волги. Если согласиться с мнением В.Л. Егорова, то известные на сегодня раскопки городища Актобе могли носить иное наименование.

Золотоордынские города Западного Казахстана нашли свое отражение и на другой знаменитой карте периода средневековья Fra Mauro (1459), где, помимо Сарайчика, указаны и другие населенные пункты, хотя уже и без подписей. Сама карта представляет интерес не только как отражение исторических событий или территорий Золотой Орды, но и как отражение уровня знаний европейцев о странах Востока.

В описании карты «Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра-Мауро» указывается: «...Что касается Яика (fluma Iaincho), то на карте Фра-Мауро недалеко от его устья поставлен безымянный город, который судя по надписи между ним и сосѣдним намятникомъ, sepulchra imperial" и представляеть собственно гор. Сарайчукъ. если не признать последняго въ ниже лежащемъ близъ ираваго берега Лика города Suburzat. Выше по Яику около пункта, означеннаго кружкомъ, авторъ нарисовалъ гору и сдѣлалъ приписку: „здесь добываютъ много соли". Очевидно это место соответствует! – нынешнему Илецку» (Чекалин, 1890: 4). Можно сделать вывод о том, что оседлая жизнь продолжала существовать на территории Западного Казахстана. Более того, на карте Fra Mauro от 1459 г. Сарайчик был отмечен как очень богатый торговый город, что может послужить основанием того, что с утратой Нижним Поволжьем столичного статуса Сарайчик принял на себя некоторые прежние его функции. О слабости центральной власти и утрате властных функций может говорить, например, факт похода 1471 г., когда «вятчане совершили рейд на Волжский Сарай и в то же лето вернулись домой» (Собрание..., 2000: 191).

Позднее города Западного Казахстана выпадали из зоны внимания европейских путешественников и картографов. Это обстоятельство можно объяснить общим упадком интереса торговцев и правителей к восточным областям бывшей кочевой империи, погрузившихся в хаос войн и разрушений. Например, на карте Московии путешественника Сигизмунда фон Герберштейна 1549 г. (Рыбаков, 1975: 80) отсутствуют все города по реке Урал, кроме условного Сарайчика, изображенного намного ближе к Астрахани. Но чуть позже уже на «Карте России, Московии и Тартарии» 1562 г.

путешественника и торговца Энтони Дженкинсона (Рыбаков, 1975: 76) на территории Западного Казахстана город Сарайчик опять указан как крупный административный центр.

Настоящий интерес вызывают события уже после сообщений о разрушении Сарайчика уральскими казаками в 1580 г. Эта дата представлена как дата окончательной гибели Сарайчика. Однако на более поздних картах Сарайчик и еще несколько оседлых центров продолжают существовать. Есть версия, что зачастую путешественники переписывали карты друг у друга, поэтому эти документы XVII в. выглядят как почти идентичные. С этим можно было бы согласиться, если бы эти же карты не зафиксировали новые города – Lajck, Risan и Cosmai, а также не отображали новые этносы и границы новых государств (например, Калмыцкое ханство, Ногайская Орда, туркмены). К примеру, эти города появляются на карте Генриха Хондиуса и Исаака Масса «Карта России (1634 г.)» и потом их же можно наблюдать и на других, гораздо поздних картах (Хондиус, 1634). На всех них отображен Сарайчик. Это является важным обстоятельством в пользу версии о том, что городище Актобе без сомнения должен считаться затопленным в очередной регрессии Каспийского моря, но не в период XV в., а гораздо позднее, приблизительно в конце XVII – начале XVIII вв. Вполне возможно предположить, что в очередной период наступления Каспия жители могли менять основное место жительства на запасное или же просто мигрировать на новые, ранее не заселенные участки.

Последняя карта, которую удалось найти авторам статьи с изображением Сарайчика как все еще существующего города, это «Новая карта Великой Тартарии и Китая с примыкающими частями Азии» начала XVIII в. (A new map of Great Tartary, 2010). Здесь Сарайчик оказался локализован в Волго-Уральском междуречье, что, скорее всего, является ошибкой картографа. Города Risan и Cosmai исчезают с европейских карт уже к концу XVII в. Следует отметить, что часто упоминаемый термин «город» не должен вводить в заблуждение, он является, скорее, данью традиции европейской картографии, где практически каждый населенный пункт нередко получал такой тип наименования.

Среди причин столь медленного затухания оседлой жизни в указанном регионе нельзя не отметить и природный фактор, который оказался решающим. Доминирование кочевников и контроль с их стороны над поставками продовольствия, столь восхищавший европейских путешественников, с началом политической борьбы стали носить перманентный характер. Непостоянство и перебои поставок стали причиной все большего перехода оседлого населения к земледелию, а позднее, с увеличением негативных эффектов природного характера, и вовсе способствовали миграции оседлых жителей в другие регионы (Ужкенов и др., 2023: 101).

Сарайчик, как уже упоминалось выше, продолжал жить и функционировать как столица Ногайской Орды. Народ Ногайской Орды, как и Казахского ханства, будучи наследником золотоордынской цивилизации, не нуждался в реинкарнации всех его атрибутов. Потеря городов Южного Казахстана была гораздо большим ущербом для торговых и политических амбиций и связей для первых правителей, чем дело поддержания жизни в угасающих оседло-земледельческих оазисах. Ногайская орда, в начале своей истории претендовавшая на центральную власть в бывшем столичном регионе, не имела на то ресурсов, а возврат к натуральному обмену привел к отказу от прежней системы поддержки городов. Слабая заинтересованность в ремесленных продуктах не могла более стимулировать жизнедеятельность городов, что и привело к их угасанию.

Есть еще один аспект, при изучении которого можно понять первопричины упадка золотоордынской городской культуры. Проблема экологического кризиса не нова в истории человечества, она берет свое начало со времени освоения производства продовольствия. Подсечно-огневое земледелие или выпас скота на ограниченной территории меняли ландшафт не хуже реалий сегодняшнего дня, просто на эти процессы уходило чуть больше времени. Следовательно, к гибели городской культуры в золотоордынский период вполне могло приложить руку и ухудшение окружающей среды. Как известно, основой экономики золотоордынской цивилизации выступали торговля, кочевое скотоводство, земледелие и ремесленное производство. Этот набор вполне стандартен для любой средневековой культуры, которая достигла определенного уровня развития.

Являясь зоной рискованного земледелия, Северо-Восточный Прикаспий приходился одним из излюбленных мест для кочевания. Столь ценная для кочевого хозяйства территория стала доменом для городской агломерации.

5. Заключение

Удобное местоположение для строительства города заключалось в наличии питьевой воды, большого количества леса, земли, пригодной для земледелия, и, конечно же, ресурса, которого нет или крайне мало в других местах. Для Сарайчика и городища Актобе этим ресурсом, например, выступала глина, пригодная для изготовления керамической посуды.

Строительство мавзолеев, печей для изготовления кирпичей не могло не отразиться на количестве лесного фонда. Кроме того, лес выполнял и функцию эффективной защиты от опустынивания, он способствовал естественной поддержке состояния почвы, что было важно и для земледельцев, и для скотоводов. Вырубка леса приводила к замедлению роста ремесленного производства, строительства новых домов и зданий, что повлияло на демографический рост городов. Изменение ландшафта не могло не отразиться на картах. Например, на карте 1606 г. «Тартария.

Tartaria», составленной Йодокусом Хондиусом, город Сарайчик был еще, по-видимому, окружен лесами, но следует учитывать, что не все карты, составленные европейскими купцами и путешественниками, отражали все реалии того или иного региона на момент их создания ([Тартария, 1606](#)).

Сокращение лесного фонда стало одной из причин постепенного угасания городской жизни. Это обстоятельство стало не единственной причиной для кризиса городских центров. Конец XIV – начало XV вв. стал временем наступления малого ледникового периода, который характеризовался ухудшением климатических условий. Последствия этого похолодания сказались на развитии городских центров, которые в новых условиях не могли стать полноценными поселениями. Хотя территория возле мавзолея Абак-Байтак или Сырымбет содержит большое количество материала, указывающего на существовавшие жилые и хозяйственные постройки, тем не менее в условиях «малого ледникового периода» эти поселения оказались заброшенными.

Еще одним напоминанием о природных катаклизмах стало сокращение площади городища Отырар задолго до эпохи монгольских завоеваний. Отырарская агломерация также существенно сократилась, что привело к уменьшению численности населения. «Малый ледниковый период» сказался на истории всей территории Казахстана в золотоордынский период.

Кроме природных катаклизмов, на закат городской культуры повлияли и политические события. Неурядицы и постоянные междоусобицы привели к нестабильности. Сказался и разрыв логистической цепочки, которая раньше позволяла снабжать городское население продовольствием. Недостаток продовольствия оказал влияние на отток населения и изменение городского ландшафта. На рубеже веков начинается строительство оборонительных укреплений, что указывает на снижение уровня безопасности городов.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН АР09058609 «Реконструкция золотоордынского городища Актобе Лаэти: источниковедческий и историографический аспекты»).

Литература

[Актобе-Лаэти, 2019](#) – *Актобе-Лаэти. История и современность*. Составитель Л.Л. Гузиков. Атырау, 2019.

[Афанасьев и др., 1978](#) – *Афанасьев В.К., Бисенов С.Б., Галкин Л.Л.* Исследование Золотоордынского города Лаэти. Археологические открытия 1977 г. Москва, 1978.

[Афанасьев, 1991](#) – *Афанасьев В.Г.* Отчет о работе Гурьевского отряда на раскопках золотоордынского поселения Актобе-Лаэти. Алматы, 1991. / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

[Афанасьев, 1993](#) – *Афанасьев В.Г.* Отчет о работе Гурьевского археологического отряда на раскопках поселения Актобе-Лаэти в 1993 г. Алматы, 1993 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

[Бисембаев, Ахатова, 2016](#) – *Бисембаев А.А., Ахатов Г.А.* Городища эпохи Золотой Орды на территории Западного Казахстана. / *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова*. Казань, 2016. С. 74-77.

[Вайнер, 1964](#) – *Вайнер И.С.* Об археологических исследованиях памятников у с. Царева Средне-Ахтубинского района Волгоградской области (Царевское городище), произведенных в 1963 г. Казань, 1964. С. 2.

[Волков, 2001](#) – *Волков И.В.* Золотая Орда и христианский мир (археологические свидетельства исторических явлений) // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2001. № 4. С. 15-25.

[Волков, 2016](#) – *Волков И.В.* Вымышленное название Лаэти для городища Актобе // *Вестник Прикаспия: археология, история, этнология*. 2016. № 6. С. 21-38.

[Волков, 2016a](#) – *Волков И.В.* Два города в Нижнем Поволжье на карте мира 1457 г. // *Поволжская археология*. № 2 (16) 2016. С. 182-192.

[Галкин и др., 2011](#) – *Галкин Л.Л., Афанасьев В.К., Касенов М.С.* Средневековое городище Актобе - Лаэти (XIII – XV вв.). Атырау, Топография, 2011 г. 53 стр.+ 25стр. – приложение, иллюстрация [Отчёт о работе Гурьевского отряда включен в состав отчёта (ЗКАЭ)].

[Галкин, 1975](#) – *Галкин Л.Л.* Отчет о работах в Гурьевской области в 1975 г. Москва, 1975 // Архив Института археологии Российской Академии наук. Р-1. №5668. Лл. 1-4.

[Галкин, 1981](#) – *Галкин Л.Л.* Отчет о работе Волго-Уральской экспедиции ИА АН СССР в северо-восточном Прикаспии в 1981 г. Алматы, 1981. / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

[Галкин, 1983](#) – *Галкин Л.Л.* Отчет о работах Волго-Уральской археологической экспедиции за 1983 год. Алматы, 1983 / Архив Института археологии имени А.Х. Маргулана.

[Галкин, 1998](#) – *Галкин Л.Л.* Лаэти. *Вокруг Света. Журнал*. 1998. №4. С. 30-31.

- Егоров, 1985** – Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. Академия Наук СССР, Институт истории СССР Москва: «Наука», 1985. С. 460.
- Ибрагимов, 1988** – Ибрагимов Н. Ибн Батута и его путешествия по Средней Азии. Москва: Наука, 1988. 147 с.
- Идрисов, Ханмурзаев, 2021** – Идрисов Ю.М., Ханмурзаев И.И. «Рукописный портулан Каспийского моря 1519 года» Векоте Маджоло как источник по исторической географии Прикаспия // *Золотоордынское обозрение*. 2021. 9 (4) С. 768-789.
- Левшин, 1824** – Левшин А.И. Известия о древнем татарском городе Сарайчик // *Северный архив*. Ч. 4. № 4. СПб., 1824. С. 179-190.
- Отчет о полевых..., 2018** – Отчет о полевых исследованиях в Гурьевской и Мангышлакской областях Казахской ССР в 1978 г. (Лл. 1–20). // Городище Актобе-Лаэти. Атырау, 2018. 110 с.
- Паспорт..., 1981** – Паспорт «Городище Ак-тобе Лаэти». Памятники истории и культуры СССР. Гурьев, 1981. №289.
- Поселения XIII–XV...** – Поселения XIII–XV веков в Западном Казахстане / *Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана*. Сборник статей. Алма-Ата, 1969. С. 153-162.
- Рыбаков, 1974** – Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV-XVI вв. / Наука и человечество. Москва: Изд. Знание, 1974.
- Сагидуллаев, 2022** – Сагидуллаев Д.З. Золотоордынские поселения Северо-восточного Прикаспия: география, топография, домостроительство. 2022 // *The Volga River Region Archaeology*. 2022. Vol. 2 (40). С. 159-174. DOI: <https://doi.org/10.24852/ra2022.2.40>
- Скржинская, 1971** – Скржинская Е.Ч. Барбаро и Контарини в России. К истории итало-русских связей в XV в. Ленинград: Наука, 1971. С. 274.
- Смагулов, 2002** – Смагулов Е.А. Проблемы исследования средневековых городов в Уральской области. // *Известия МОН РК, НАН РК*. Серия общественных наук. № 1. 2002. С. 91-103.
- Собрание..., 2000** – Собрание русских летописей. Летопись по Типографскому списку. ПСРЛ. Т. XXIV. Издание 2-ое. Москва, 2000. 282 с.
- Тартария, 1606** – Tartaria. Составлено Йодокусом Хондиусом. Амстердам, 1606. [Электронный ресурс]. URL: <https://grafika.ru/item/20-000030?r=59026>
- Тизенгаузен, 1884** – Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб: Типография Императорской Академии наук. 1884. С. 287.
- Ужкенов и др., 2021** – Ужкенов Е.М., Шотанова Г.А., Маргулан А.С. Золотоордынские города Западного Казахстана как Центр взаимовлияния оседлой и кочевой культур (на примере функционирования золотоордынского городища Актобе) / *Сборник материалов международной научно-практической конференции «II Абылайханские чтения», посвященная 30-летию Независимости Республики Казахстан, 80-летию КазУМОиМЯ им. Абылай хана и реализации программы «Рухани жаңғыру»*. Алматы, 2021. С. 108-113.
- Ужкенов и др., 2021a** – Ужкенов Е.М., Шотанова Г.А., Морякова М.Т. Феномен жизнедеятельности оседлой культуры в кочевой среде (на примере функционирования золотоордынского городища Актобе) // *Отан тарихы*. №4 (96). 2021 г. С. 230-238.
- Ужкенов и др., 2023** – Ужкенов Е.М., Кораблев А.А., Шотанова Г.А. Функционирование и упадок золотоордынских городов Казахстанского Урала (на примере жизнедеятельности золотоордынского городища Актобе). / *Перекрёстки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы XVIII Всероссийской научной конференции (12 мая 2023 г.)*. Астрахань: Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2023. 354 с.
- Ужкенов и др., 2023a** – Ужкенов Е.М., Табынбаева З., Шотанова Г.А. Антропогенный фактор упадка городской культуры в золотоордынский период на территории Казахстанского Урала / *Сборник материалов Международной научной конференции «Политические, социально-экономические и этнокультурные процессы в Евразии в средневековый период» (8–9 июня 2023 г.)*. Бишкек – Барнаул. С. 100-112.
- Ужкенов, 2020** – Ужкенов Е.М. История Сарайчика и Актобе в зеркале российской историографии дореволюционного периода // *Электронный научный журнал «edu.e-history.kz»*. 2020. № 4(24). [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.e-history.kz/en/publications/view/1609>
- Ужкенов, 2021** – Ужкенов Е.М. Города и оседлые поселения Западного Казахстана в эпоху средневековья (на примере жизнедеятельности Золотоордынского городища Актобе) // *Bulletin of history*. №4 (103). 2021. С. 8. [Электронный ресурс]. URL: <https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/1263>
- Ужкенов, 2023** – Ужкенов Е., Шотанова Г., Морякова М. Кочевая элита в истории Казахской степи от раннего государства до кочевой империи // *Электронный научный журнал «edu.e-history.kz»*. 2023. № 10(1). С. 68–83. DOI: https://doi.org/10.51943/2710-3994_2023_33_1_68-83
- Федоров-Давыдов, 1963** – Федоров-Давыдов Г.А. Научный отчет об археологических работах на городище Сарай-Берке (Царевское городище) и разведках памятников золотоордынского времени по р. Ахтубе в 1963 г. // Архив Института археологии Российской Академии наук. Р-1. №2699. Лл. 1-7.

- Федоров-Давыдов, 1994** – *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. Москва, Изд. МГУ, 1994. 232 с.
- Франкопан, 2019** – *Франкопан П.* Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религии. Москва, 2019. 864 с.
- Хансен, 2014** – *Хансен В.* Великий Шёлковый путь. Торговые маршруты через Среднюю Азию: Китай – Согдиана – Персия – Левант. Пер. с англ. С.А. Белоусова. Москва: Центрполиграф, 2014. 477 с.
- Ходиус, 1634** – *Ходиус Г.* Карта России по оригиналу Исаака Массы. Амстердам, 1634. [Электронный ресурс]. URL: <http://history-maps.ru/pictures/max/o/77.jpg>
- Чекалин, 1890** – *Чекалин Ф.Ф.* Нижнее Поволжье на карте космографа XV в. Фра-Маура // ТСУАК. Т. II., Вып. 2. Саратов, 1890. С.4.
- Яворская, 2017** – *Яворская Л.В.* Домашние животные в быту и экономической системе Золотой Орды: письменные свидетельства и археологические реалии / III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй». Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 313–318.
- Яворская, 2018** – *Яворская Л.В.* Продукция скотоводства в золотоордынском Маджаре: мясные продукты и ремесленные производства. // *Археология Евразийских степей*. №5. 2018. С. 68-74.
- A new map of Great Tartary, 2010** – A new map of Great Tartary, and China, with the adjoining part of Asia // New Sett of Maps both of Antient and Present Geography, by Edward Wells. Creative Media Partners, LLC, 2010. 268 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://digitalcollections.nypl.org>

References

- A new map of Great Tartary, 2010** – A new map of Great Tartary, and China, with the adjoining part of Asia // New Sett of Maps both of Antient and Present Geography, by Edward Wells. Creative Media Partners, LLC, 2010. 268 p. [Electronic resource]. URL: <https://digitalcollections.nypl.org>
- Afanas'ev i dr., 1978** – *Afanas'ev, V.K., Bisenov, S.B., Galkin, L.L.* (1978). Issledovanie Zolotoordynskogo goroda Laeti [Exploration of the Golden Horde city of Laeti]. Arheologicheskie otkrytiya 1977 g. Moskva. [in Russian]
- Afanas'ev, 1991** – *Afanas'ev, V.G.* (1991). Otchet o rabote Gur'evskogo otryada na raskopkah zolotoordynskogo poseleniya Aktobe-Laeti [Report on the work of the Guryev detachment at the excavations of the Golden Horde settlement of Aktobe-Laeti]. Arhiv Instituta arheologii imeni A.H. Margulana. Almaty. [in Russian]
- Afanas'ev, 1993** – *Afanas'ev, V.G.* (1993). Otchet o rabote Gur'evskogo arheologicheskogo otryada na raskopkah poseleniya Aktoobe-Laeti v 1993 g. [Report on the work of the Guryev archaeological team at the excavations of the Aktobe-Laeti settlement in 1993]. Arhiv Instituta arheologii imeni A.H. Margulana. Almaty. [in Russian]
- Aktobe-Laeti, 2019** – *Aktobe-Laeti* (2019). Istoriya i sovremennost' [History and modernity]. Sostavitel' L.L. Guzikov. Atyrau. [in Russian]
- Bisembayev, Ahatova, 2016** – *Bisembayev, A.A., Ahatov, G.A.* (2016). Gorodishcha epohi Zolotoj Ordy na territorii Zapadnogo Kazakhstana [Settlements of the Golden Horde era on the territory of Western Kazakhstan]. *Dialog gorodskoj i stepnoj kul'tur na Evrazijskom prostranstve. Istoricheskaya geografiya Zolotoj Ordy. Materialy Sed'moj Mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchyonnoj pamyati G. A. Fyodorova-Davydova.* Kazan'. Pp. 74-77. [in Russian]
- Chekalin, 1890** – *Chekalin, F.F.* (1890). Nizhnee Povolzh'e na karte kosmografa XV v. Fra-Maura [The Lower Volga region on the map of the XV century cosmographer Fra-Mauro]. ТСУАК. Т. II., Вып. 2. Саратов, 1890, karta. P. 4. [in Russian]
- Egorov, 1985** – *Egorov, V.L.* (1985). Istoricheskaya geografiya Zolotoj Ordy v XIII-XIV vv. [Historical geography of the Golden Horde in the XIII-XIV centuries]. Akademiya Nauk SSSR, Institut istorii SSSR Moskva: «Nauka». P. 460. [in Russian]
- Fedorov-Davydov, 1963** – *Fedorov-Davydov, G.A.* (1963). Nauchnyy otchet ob arheologicheskikh rabotakh na gorodishche Saray-Berke (Tsarevskoye gorodishche) i razvedkakh pamyatnikov zolotoordynskogo vremeni po r. Akhtube v 1963 g. [Scientific report on archaeological work at the Sarai-Berke settlement (Tsarevskoye settlement) and exploration of monuments of the Golden Horde period along the river. Akhtube in 1963]. Arkhiv Instituta arheologii Rossiyskoy Akademii nauk. R-1. №2699. Ll. 1-7. [in Russian]
- Fedorov-Davydov, 1994** – *Fedorov-Davydov, G.A.* (1994). Zolotoordynskiye goroda Povolzh'ya [Golden Horde cities of the Volga region]. Moskva, Izd. MGU, 232 p. [in Russian]
- Frankopan, 2019** – *Frankopan, P.* (2019). Shelkovyy put'. Doroga tkaney, rabov, idey i religii [Silk Road. The road of fabrics, slaves, ideas and religion]. Moskva, 864 p. [in Russian]
- Galkin i dr., 2011** – *Galkin, L.L., Afanas'ev, V.K., Kasenov, M.S.* (2011). Srednevekovoe gorodishche Aktobe – Laeti (XIII – XV vv.) [Medieval settlement of Aktobe – Laeti (XIII – XV centuries)]. Atyrau, Topografiya, 2011 g. 53 str. + 25str. – prilozhenie, illyustratsiya. [Otchyot o rabote Gur'evskogo otryada vklyuchen v sostav otchyota (ZKAE)]. [in Russian]

- Galkin, 1975** – *Galkin, L.L.* (1975). Otchet o rabotah v Gur'evskoj oblasti v 1975 g. Moskva, 1975. [Report on the work in the Guryev region in 1975, Moscow, 1975]. Arhiv Instituta arheologii Rossijskoj Akademii nauk. R-1. №5668. Ll. 1-4. [in Russian]
- Galkin, 1981** – *Galkin, L.L.* (1981). Otchet o rabote Volgo-Ural'skoj ekspedicii IA AN SSSR v severo-vostochnom Prikaspii v 1981 g. Almaty, 1981 [Report on the work of the Volga-Ural expedition of the IA of the USSR Academy of Sciences in the north-eastern Caspian region in 1981, Almaty, 1981]. Arhiv Instituta arheologii imeni A.H. Margulana. [in Russian]
- Galkin, 1983** – *Galkin, L.L.* (1983). Otchet o rabotah Volgo-Ural'skoj arheologicheskoy ekspedicii za 1983 god. Almaty, 1983 [Report on the work of the Volga-Ural Archaeological Expedition for 1983. Almaty, 1983]. Arhiv Instituta arheologii imeni A.H. Margulana. [in Russian]
- Galkin, 1998** – *Galkin, L.L.* (1998). Laeti [Laeti]. *Vokrug Sveta. Zhurnal.* 4: 30-31. [in Russian]
- Otchet o polevyh..., 2018** – Otchet o polevyh issledovaniyah v Gur'evskoj i Mangyshlakskoj oblastyah Kazahskoj SSR v 1978 g. [Report on field research in Guryev and Mangyshlak regions of the Kazakh SSR in 1978] (Ll. 1–20). Gorodishche Aktobe-Laeti. Atyrau. 2018. 110 p. [in Russian]
- Ibragimov, 1988** – *Ibragimov, N.* (1988). Ibn Batuta i yego puteshestviye po Sredney Azii [Ibn Batuta and his travels in Central Asia]. Moskva: Nauka, 147 p. [in Russian]
- Idrisov, Khanmurzayev, 2021** – *Idrisov, Yu.M., Khanmurzayev, I.I.* (2021). «Rukopisnyy portulan Kaspiyskogo morya 1519 goda» Veskote Madzholo kak istochnik po istoricheskoy geografii Prikaspiya [“Manuscript portolan of the Caspian Sea of 1519” by Veskote Maggiolo as a source on the historical geography of the Caspian region]. *Zolotoordynskoye obozreniye.* 9(4): 768-789. [in Russian]
- Khansen, 2014** – *Khansen, V.* (2014). Velikiy Sholkovyy put'. Torgovyie marshruty cherez Srednyuyu Aziyu: Kitay – Sogdiana – Persiya – Levant [The Great Silk Road. Trade routes through Central Asia: China – Sogdiana – Persia – Levant]. Per. s angl. S.A. Belousova. Moskva: Tsentrpoligraf, 477 p. [in Russian]
- Khodius, 1634** – *Khodius, G.* (1634). Karta Rossii po originalu Isaaka Massy [Map of Russia based on the original by Isaac Massa]. Amsterdam. [Electronic resource]. URL: <http://history-maps.ru/pictures/max/0/77.jpg> [in Russian]
- Levshin, 1824** – *Levshin, A.I.* (1824). Izvestiya o drevnem tatarskom gorode Sarajchik [News about the ancient Tatar city of Saraychik]. *Severnyy arhiv.* Ch. 4. № 4. SPb. Pp. 179-190. [in Russian]
- Pasport..., 1981** – Pasport «Gorodishche Ak-tobe Laeti» [Passport “The ancient settlement of Ak-Tobe Laeti”]. Pamyatniki istorii i kul'tury SSSR. Gur'yev, 1981. №289. [in Russian]
- Rybakov, 1974** – *Rybakov, B.A.* (1974). Russkiye karty Moskovii XV-XVI vv. [Russian maps of Muscovy XV-XVI centuries]. Nauka i chelovechestvo. Moskva: Izd. Znaniye. [in Russian]
- Sagidullaev, 2022** – *Sagidullaev, D.Z.* (2022). Zolotoordynskie poseleniya Severo-vostochnogo Prikaspiya: geografiya, topografiya, domostroitel'stvo. [The Golden Horde settlements of the North-Eastern Caspian region: geography, topography, house building.]. *The Volga River Region Archaeology.* 2(40): 159-174. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2022.2.40> [in Russian]
- Poseleniya XIII–XV..., 1969** – Poseleniya XIII–XV vekov v Zapadnom Kazahstane [Settlements of the XIII–XV centuries in Western Kazakhstan]. Sbornik statej «Kul'tura drevnih skotovodov i zemledel'cev Kazahstana». Alma-Ata, 1969. Pp. 153-162. [in Russian]
- Skrzhinskaya, 1971** – *Skrzhinskaya, E.Ch.* (1971). Barbaro i Kontarini v Rossii. K istorii italo-russkih svyazey v XV v. [Barbaro and Contarini in Russia. On the History of Italian-Russian relations in the XV century]. Leningrad: Nauka. P. 274. [in Russian]
- Smagulov, 2002** – *Smagulov, E.A.* (2002). Problemy issledovaniya srednevekovykh gorodov v Ural'skoj oblasti [Problems of medieval cities research in the Ural region]. *Izvestiya MON RK, NAN RK. Seriya obshchestvennykh nauk.* 1: 91-103. [in Russian]
- Sobranie..., 2000** – Sobranie russkih letopisej. Letopis' po Tipografskomu spisku. [Collection of Russian chronicles. The chronicle according to the Typographic list] PSRL. T. XXIV. Izdanie 2-oe. Moskva, 2000. 282 p. [in Russian]
- Tartariya, 1606** – Tartaria. Sostavleno Yodokusom Khondiusom [Tartaria. Compiled by Jodocus Hondius]. Amsterdam, 1606. [Electronic resource]. URL: <https://grafika.ru/item/20-000030?r=59026> [in Russian]
- Tizengauzen, 1884** – *Tizengauzen, V.G.* (1884). Sbornik materialov, odnosyashchihsya k istorii Zolotoj Ordy [Collection of materials related to the history of the Golden Horde]. T. 1. SPb: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk. P. 287. [in Russian]
- Uzhkenov, 2023** – *Uzhkenov, Ye., Shotanova, G., Moryakova, M.* (2023). Kochevaya elita v istorii Kazahskoy stepi ot rannego gosudarstva do kochevoy imperii [Nomadic elite in the history of the Kazakh steppe from the early state to the nomadic empire]. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «edu.e-history.kz».* 10(1): 68-83. DOI: https://doi.org/10.51943/2710-3994_2023_33_1_68-83 [in Russian]
- Uzhkenov i dr., 2021** – *Uzhkenov, E.M., Shotanova, G.A., Margulan, A.S.* (2021). Zolotoordynskie goroda Zapadnogo Kazahstana kak Centr vzaimovliyaniya osedloy i kochevoj kul'tur (na primere funkcionirovaniya zolotoordynskogo gorodishcha Aktobe) [The Golden Horde cities of Western Kazakhstan as a Center of mutual influence of sedentary and nomadic cultures (on the example of the functioning of the Golden Horde settlement of Aktobe)]. *Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy*

konferencii «II Abylajhanskije chteniya», posvyashchennaya 30-letiyu Nezavisimosti Respubliki Kazahstan, 80-letiyu KazUMOiMYA im. Abylaj hana i realizacii programmy «Ruhani zhaŋgyru». Almaty. Pp. 108-113. [in Russian]

Uzhkenov i dr., 2021 – Uzhkenov, E.M., Shotanova, G.A., Moryakova, M.T. (2021). Fenomen zhiznedeyatel'nosti osedloj kul'tury v kochevoj srede (na primere funkcionirovaniya zolotoordynskogo gorodishcha Aktobe) [The phenomenon of the life activity of a settled culture in a nomadic environment (on the example of the functioning of the Golden Horde settlement of Aktobe)]. *Otan tarihy*. 4(96): 230-238. [in Russian]

Uzhkenov i dr., 2023 – Uzhkenov, E.M., Korablev, A.A., Shotanova, G.A. (2023). Funkcionirovanie i upadok zolotoordynskih gorodov Kazahstanskogo Urala (na primere zhiznedeyatel'nosti zolotoordynskogo gorodishcha Aktobe). [Functioning and decline of the Golden Horde cities of the Kazakh Urals (on the example of the life of the Golden Horde settlement of Aktobe)]. *Perekryostki istorii. Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki: materialy XVIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii* (g. Astrahan', 12 maya 2023 g.). Astrahan': Astrahanskij gosudarstvennyj universitet imeni V. N. Tatishcheva, 354 p. [in Russian]

Uzhkenov i dr., 2023a – Uzhkenov, Ye.M., Tabynbayeva, Z., Shotanova, G.A. (2023). Antropogennyj faktor upadka gorodskoy kul'tury v zolotoordynskij period na territorii Kazahstanskogo Urala [Anthropogenic factor of the decline of urban culture during the Golden Horde period on the territory of the Kazakhstan Urals]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Politicheskije, sotsial'no-ekonomicheskije i etnokul'turnyje protsessy v Yevrazii v srednevekovyy period» (8–9 iyunya 2023 g.)*. Bishkek – Barnaul. Pp. 100-112. [in Russian]

Uzhkenov, 2020 – Uzhkenov, Ye.M. (2020). Istoriya Saraychika i Aktobe v zerkale rossijskoj istoriografii dorevoljucionnogo perioda [The history of Saraichik and Aktobe in the mirror of Russian historiography of the pre-revolutionary period]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal «edu.e-history.kz»*. 4(24). [Electronic resource]. URL: <https://edu.e-history.kz/en/publications/view/1609> [in Russian]

Uzhkenov, 2021 – Uzhkenov, Ye.M. (2021). Goroda i osedlye poseleniya Zapadnogo Kazahstana v epokhu srednevekov'ya (na primere zhiznedeyatel'nosti Zolotoordynskogo gorodishcha Aktobe) [Cities and settled settlements of Western Kazakhstan in the Middle Ages (based on the example of the life activity of the Golden Horde settlement of Aktobe)]. *Bulletin of history*. 4(103): 8. [Electronic resource]. URL: <https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/view/1263> [in Russian]

Vayner, 1964 – Vayner, I.S. (1964). Ob arheologicheskikh issledovaniyakh pamyatnikov u s. Tsareva Sredne-Akhtubinskogo rayona Volgogradskoy oblasti (Tsarevskoye gorodishche), proizvedennykh v 1963 g. [About archaeological research of monuments near the village. Tsarev of the Sredne-Akhtubinsky district of the Volgograd region (Tsarevskoye fortification), produced in 1963.]. Kazan'. P. 2. [in Russian]

Volkov, 2001 – Volkov, I.V. (2001). Zolotaya Orda i hristianskij mir (arheologicheskie svidetel'stva istoricheskikh yavlenij) [The Golden Horde and the Christian World (archaeological evidence of historical phenomena)]. *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 4: 15-25. [in Russian]

Volkov, 2016 – Volkov, I.V. (2016). Vymyshlennoe nazvanie Laeti dlya gorodishcha Aktobe [The fictional name of Laeti for the settlement of Aktobe]. *Vestnik Prikaspiya: arheologiya, istoriya, etnologiya*. 6: 21-38. [in Russian]

Volkov, 2016a – Volkov, I.V. (2016). Dva goroda v Nizhnem Povolzh'ye na karte mira 1457 g. [Two cities in the Lower Volga region on the world map of 1457]. *Povolzhskaya arheologiya*. 2(16): 182-192. [in Russian]

Yavorskaya, 2017 – Yavorskaya, L.V. (2017). Domashnie zhivotnye v bytu i ekonomicheskoy sisteme Zolotoj Ordy: pis'mennye svidetel'stva i arheozoologicheskie realii [Domestic animals in everyday life and the economic system of the Golden Horde: written evidence and archaeological realities]. III Mezhdunarodnyj kongress srednevekovoj arheologii evrazijskih stepej «Mezhdru Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologij i imperij». Otv. red. N.N. Kradin, A.G. Sitdikov. Vladivostok: Dal'nauka. Pp. 313-318. [in Russian]

Yavorskaya, 2018 – Yavorskaya, L.V. (2018). Produkcija skotovodstva v zolotoordynskom Madzhare: myasnye produkty i remeslennye proizvodstva [Cattle breeding products in the Golden Horde Major: meat products and handicrafts]. *Arheologiya Evrazijskih stepei*. 5: 68-74. [in Russian]

Жизнедеятельность золотоордынского городища на территории Западного Казахстана: этапы и причины упадка (на примере городища Актобе)

Ернар Муратович Ужкенов ^a, Галия Айтжановна Шотанова ^b,
Малика Темирхановна Морякова ^{b, *}, Андрей Александрович Кораблев ^c

^a Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: malika-94kz@mail.ru (М.Т. Морякова)

^b Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^c ОО «Русское этнокультурное объединение «Былина», Ассамблея народа Казахстана Атырауской области, Атырау, Республика Казахстан

Аннотация. Данная статья раскрывает одну из узловых проблем отечественной и зарубежной медиевистики, а именно роль и значение небольших оседло-земледельческих центров, сложившихся в золотоордынский период по всей территории Улуса Джучи, в том числе и на территории Западного Казахстана.

Цель и задачи исследования – на основе анализа письменных источников и отчетов археологических экспедиций выявить генезис оседлых центров на территории Западного Казахстана и раскрыть их роль и значение, реконструируя по мере возможности быт средневековых жителей. Источниковая база изучаемой проблемы в основном представлена вещественными, письменными и фоническими источниками.

Археологический материал представлен в виде памятников материальной культуры, обнаруженных в ходе раскопок на территории городищ Сарайчик, Актобе, Жайык. Обнаруженный богатый материал, представленный в виде массовых остатков керамической посуды, свидетельствует об их узкой специализации. Уникальной особенностью памятников оседлой культуры является то обстоятельство, что данные населенные пункты практически не попадали в поле зрения путешественников, поэтому при изучении истории этих оседлых центров необходимо опираться на достаточно богатый картографический материал. Отдельные элементы истории этих центров нашли свое отражение в дневниках путешественников. Например, сведения о Сарайчике сохранились в записках Ибн-Баттута. Кроме того, есть свидетельства итальянских торговцев и миссионеров. В ходе исследования применялись историко-системный, историко-сравнительный и картографический методы. Кроме того, в статье к анализу привлечены результаты естественнонаучных исследований, где объектом изучения стали природно-климатические условия и влиявшие на них трансгрессии Каспийского моря, что зачастую приводило к катастрофическим последствиям.

Появление оазисов оседло-земледельческой культуры в степном засушливом регионе представляет собой феномен, раскрытие причин появления которого поможет реконструкции истории средневекового мира. Основание оседлых центров стало возможным не только благодаря объективным факторам в виде климатического оптимума, но и благодаря традиционной политике кочевых повелителей покровительства оседлой культуры, получившей максимальный размах именно в период истории Золотой Орды.

В XIV веке сложились максимально позитивные условия для появления центров оседлой культуры в степной зоне. Благодаря продуманной системе поставок, налаживанию денежной торговли и натурального обмена оседлые центры смогли наладить собственную систему жизнеобеспечения и создать соответствующую инфраструктуру, которая во многом была привнесена из Мавераннахра, хотя и с особенностями, складывающимися в силу определенных местных климатических условий. При написании статьи были указаны и те поселения, которые не смогли наладить соответственный уклад, их развитие оказалось прерванным.

Ключевые слова: Золотая Орда, генезис, историография, Актобе-Лаэти, оседлая культура, кочевники, Западный Казахстан, средневековье, картография.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1612-1620
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1612

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Usually-Legal Status of a Peasant Widow among the Zyryans and Votyaks in the XVIII–XIX centuries

Olga A. Plotskaya ^{a, b, *}, Nazikgul J. Osmonalieva ^c, Evgeny N. Lotorev ^{d, e}, Irina V. Shiryova ^{f, a}

^a MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn, Law Institute, Bishkek, Kyrgyzstan

^d Moscow State University of Management Technologies named after K.G. Razumovsky (PKU), Moscow, Russian Federation

^e Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

^f Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

In the XVIII–XIX centuries, a significant role in the regulation of social relations that arose among the Zyryans and Votyaks was played by customary law, based on customs verified over the centuries. It consolidated the established patterns of proper behavior in ethnic local societies. The norms of customary law among the studied peoples were widespread in the field of marriage and family relations, including the regulation of the institutions of marriage, family, the legal status of spouses in marriage, their children, widows, widowers, etc.

Widows among the Zyryans and Votyaks in the period under review represented a special category of women in the peasant ethno-local society. Significant changes in their marital status occurred after the death of a spouse, due to the fact that a woman, losing the status of a married lady, passed into the state of a widow.

Left without a husband, a woman could manage and dispose of a peasant economy, represent her yard at community gatherings, accept “help” organized by the community, enter into contractual relations, bequeath property to her children by drawing up a “spiritual will”, apply to community government bodies and higher state bodies with petitions. The existing customs of levirate and sororate made it possible not only to keep property within the family, but also to raise children in the family of blood relatives.

In the field of inheritance relations, during the period under review, the widow retained a wide range of rights, especially if she had young children in her care. She retained the opportunity after the death of her husband to inherit almost all family property, in the event that their joint children had already separated from their parents. However, by implementing the principle of protecting family property from being transferred to other persons, the widow lost her rights in relation to the property of her deceased husband in the event of remarriage.

Keywords: zyryans, votyaks, legal custom, widow, levirate, sororat, inheritance.

1. Введение

В XVIII веке значительные изменения произошли в Российском государстве. Во внешнеполитической сфере оно вышло «на общеевропейскую арену» (Новоселова и др., 2022: 113).

Однако во внутренней жизни государства сохранялись традиционные начала. В XVIII–XIX веках значительную роль в регулировании общественных отношений, возникавших у зырян и вотяков, играло обычное право, основанное на выверенных веками обычаях. Оно закрепляло

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya)

устоявшиеся шаблоны должного поведения в этнических локальных обществах. Нормы обычного права у исследуемых народов имели широкое распространение в сфере брачно-семейных отношений, включая регулирование институтов брака, семьи, правового положения супругов в браке, их детей, вдов, вдовцов и др.

Вдовы у зырян и вотяков в рассматриваемый период представляли особую категорию женщин в крестьянском этно-локальном обществе. Значительные изменения в их семейном положении происходили после смерти супруга ввиду того, что женщина, теряя статус замужней, переходила в статус вдовы. Это, безусловно, приводило к изменению ее правового положения, так как ввиду традиционного крестьянского мироустройства превалировали «жесткие причинно-следственные связи» (Мухина, 2013: 322), вытекавшие из изменения статуса женщины в семье и мирском обществе.

Вопрос об обычном-правовом положении вдовы у зырян и вотяков в XVIII–XIX веках достаточно сложен, и его крайне затруднительно свести к точным формулам (шаблонам). Важно отметить, что в это время, кроме позитивного права, в крестьянской среде применялось обычное право, которое официально санкционировалось на территории Российского государства, право, черпавшее свои истоки из народного мировоззрения и фундаментальных, глубинных представлений крестьян, включая экономические основания. Это право основывалось на принципах взаимопомощи, справедливости, братства. Оно признавалось в волостных судах (Мухина, 2013: 322), отражало этно-локальные традиции народов и обладало разнообразной вариативностью, что приводило к существованию региональных отличий даже в рамках одного этноса. В данном исследовании авторами сделан акцент на раскрытии обычно-правового положения крестьянской вдовы у зырян и вотяков.

Широкое распространение норм обычного права объяснимо также тем, что применение норм позитивного права затруднялось огромными территориальными пространствами Российской империи, в ряде случаев недоверием крестьянского мира официальным органам государственной власти (к примеру, знаменитое «Мултанское дело» 1894–96 гг. (Гибадуллина, Гибадуллин, 2013; Шепталин, 2003; Маркелов, 1929: 7; Луппов, 1899: 239), в котором удмуртские крестьяне официальными властями были обвинены в человеческих языческих жертвоприношениях), а также малограмотностью либо неграмотностью крестьян. Кроме того, З.З. Мухина указывает на существование «третьего законодательства» (Мухина, 2013: 322), под которым она понимает деятельность волостного писаря. Однако в рамках данной работы не предполагается детальное освещение этого аспекта, хотя игнорировать его нельзя.

Обычное право не являлось неизменным и застывшим явлением. С изменением хозяйственно-экономических и государственно-политических условий в обыденной жизни крестьянского мира постепенно применялись новые общественные отношения, регулируемые, в том числе, и нормами обычного права, которое развивалось и видоизменялось «в соответствии с изменением бытовых условий» (Ефименко, 1873: 175). По мнению А.Я. Ефименко, обычное право отражает своеобразный дух народа, вытекает из его жизни, являясь результатом совокупности как умственного, так и нравственного развития людей (Ефименко, 1873: 175). Поэтому новации, распространявшиеся в жизни народа, закреплялись и в праве, в том числе, и в отношении обычно-правового положения крестьянской вдовы у зырян и вотяков.

2. Материалы и методы

Исследовав материалы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Коми (Сыктывкар, Российская Федерация), Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (Ижевск, Российская Федерация), авторы данной статьи предприняли попытку воссоздания правового статуса крестьянской вдовы у пермских народов (зырян, вотяков), ее прав и обязанностей, их видов, ее (вдовы) ответственности, а также зависимости ее статуса от общины, членом которой она являлась.

Опираясь на материалы, приобретенные к научным исследованиям дореволюционными путешественниками и учеными, а также авторитетнейшими советскими и современными историками-этнографами, авторы постарались выделить особенности правового статуса зырянской и вотской вдовы, а также тенденции, способствующие его изменению. Значительную помощь в этом процессе также оказали публикации из периодической печати.

Дополнительно исследовались нормативные акты Российской империи как источники позитивного права и носители государственно-правовой информации, касающиеся правового статуса женщины в качестве вдовы, собранные в «Полном собрании законов Российской империи» (по тексту – ПСЗ). Законодательное регулирование данного аспекта свидетельствует о значимости темы правового положения женщины в российском обществе и демонстрирует волю российского законодателя по обозначенной тематике.

В качестве методологической основы в настоящей работе привлечен комплекс систематизированных и научно обоснованных подходов. Ведущее место в исследовании предоставлено системному подходу, который позволяет обычно-правовое положение крестьянской вдовы рассматривать как сложный обычно-правовой институт с множеством составляющих его элементов.

Применяя в настоящем исследовании контент-анализ, авторы выявили особые черты используемых понятий, значимые базовые категории, распространенные в обычно-правовом мировоззрении у зырян и вотяков как близкородственных народов.

Проанализировать исторические источники позволяет системный анализ. Историко-правовой метод способствует учету исторических событий и фактов, происходивших в изучаемый период. Благодаря системному методу в работе были аккумулированы и систематизированы полученные эмпирические данные.

3. Обсуждение

Вопрос обычно-правового статуса вдовы у пермских народов неоднократно фрагментарно раскрывался дореволюционными исследователями, посещавшими край Коми и вотскую землю. Среди путешественников и ученых, изучавших географические и природные факторы, хозяйственно-экономические и историко-этнографические особенности народов, проживавших на данных территориях, можно выделить: П.М. Богаевского, Г.Е. Верещагина, В.Н. Добрянского, П.С. Палласа, К. Попова, М.Н. Харузина и др. (Богаевский, 1888; Верещагин, 1889; Добрянский, 1928; Паллас, 1788; Попов, 1877; Харузин, 1883).

Советские и современные ученые в своих трудах частично касались ряда аспектов относительно обычно-правового мировоззрения и нормативной культуры у коми (зырян) и удмуртов (вотяков). Среди них можно назвать: Ю.В. Александрова, В.Н. Белицер, Д.В. Вишнякову, А.К. Гагиеву, И.В., Ильину, Г.А. Никитину, Г.И. Обухову, В.А. Семенова, О.И. Уляшева и др. (Александров, 2014; Белицер, 1958; Вишнякова, 2014; Гагиева, 2014; Ильина, Уляшев, 2009; Никитина, 1993; Обухова, 1985; Вишнякова, Семенов, 2010).

Несмотря на значительное количество уже изданных исторических исследований, на предпринятые попытки глубокого анализа этнографических материалов, обычно-правовое положение крестьянской вдовы у зырян и вотяков в XVIII–XIX веках не было детализировано и систематизировано.

Однако важно отметить, что не только российские, но и зарубежные ученые сегодня проявляют интерес к исследованию обычного права различных народов. Обозначим работы следующих исследователей: М.Б. Аверина, Н.А. Алимбая, С.В. Березницкого, И.И. Галечко, А.В. Дарчиева, П.В. Никитина, С.А. Правкина, П.В. Примака, А.Б. Храмова и др. (Аверин и др., 2020; Алимбай, Смагулов, 2021; Березницкий, 2020; Дарчиев, Дарчиева, 2021; Правкин и др., 2021; Храмов, 2021 и др.). Но комплексного изучения обычно-правового статуса вдовы у финно-угорских народов пермской подгруппы не составляло специального отдельного предмета самостоятельного научного рассмотрения.

Поэтому целью данной работы является изучение составных элементов, особенностей, характерных черт обычно-правового положения крестьянской вдовы у зырян и вотяков в XVIII–XIX веках.

Настоящий труд в определенном смысле представляет собой продолжение уже изданных научных исследований, посвященных проблемам изучения нормативной обычно-правовой культуры у пермских народов. (Plotskaya et al., 2021; Plotskaya et al., 2022; Plotskaya et al., 2023).

4. Результаты

Различия в правовом статусе мужа и жены в зырянских и вотских семьях существовали и закреплялись обычным правом, имевшим широкое распространение в крестьянской среде. Мужчина являлся главой семьи. Его доминирующий статус подкреплялся в экономическом, социально-правовом положении. Однако это не означало, что женщина в браке была бесправна. Несмотря на то, что замужняя женщина частично подчинялась супругу, а в случае ее проживания в большой семье – еще и старшим родственникам, у нее была значительная социально-экономическая независимость, так как она не только владела, но и распоряжалась своим приданым и произведенным ею имуществом.

Обычно-правовой статус женщины изменялся в связи с потерей супруга. Перечень правомочий у нее увеличивался. К примеру, имея малолетних детей, прежде всего мальчиков, она могла управлять крестьянским хозяйством и распоряжаться им «...при отсутствии родственников мужчин...» (Обухова, 1985: 25).

А.М. Мацук, М.А. Мацук, изучавшие писцовые книги Яренского уезда XVII века и переписную книгу Яренского уезда начала XVIII века, на территории которого проживало значительное количество зырян, отмечают, что количество дворов считали по жителям мужского пола, выполнявшим роль главы семьи. Женщину отмечали в качестве представителя своего двора только в том лишь случае, если она имела статус вдовы (Мацук, Мацук, 2015: 18).

У пермских народов существовал левират – обычай, в соответствии с которым вдове предписывалось выходить повторно замуж за кровного родственника, например, за младшего брата бывшего супруга (Аминов и др., 2015: 82). Левират позволял не только сохранить нажитое имущество в семье, но и положение женщины (Обухова, 1985: 25) в рамках данной семьи. Кроме левирата,

применялся и сорорат – правовой обычай, позволявший вдовцу вступать в законный брак с младшей сестрой умершей супруги (Белицер, 1958: 300).

Вдова, как и престарелая женщина, согласно обычно-правовым нормам освобождалась от соблюдения ряда поведенческих запретов и ограничений в ношении определенной одежды. Так, если замужние вотские женщины должны были обязательно в обществе носить национальный головной убор (айшун), то на вдов и на престарелых женщин это не распространялось, они освобождались от такого требования и обвязывали голову «лоскутом сукна...» (Паллас, 1788: 32).

Важно отметить, что вдов жалели и относились к ним с состраданием. Члены крестьянской общины на сельских сходах принимали решения по организации так называемых «помочей» для нуждающихся, включая погорельцев, сирот и вдовых (Никитина, 1993: 101-102).

В сфере имущественно-наследственных отношений выделялись правовые обычаи, характеризующие особенности статуса вдов. По обычаю вдова имела право наследовать имущество и вести хозяйство после смерти супруга (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 290б.). Кроме того, обычай предписывал выделение ей «вдовой части» из общей наследственной массы (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1436. Л. 120б.). Однако, если к моменту смерти отца дети уже отделились от своих родителей, ведя самостоятельное хозяйство, то вдова имела право наследования всего семейного имущества, а сыновья, «живущие в отделе, ничего не получают, кроме земельного надела» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 23-230б.), и то только в том случае, «если... вдова не в силах будет его обрабатывать...» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 23-230б.). Не отделившиеся сыновья после смерти своего отца могли вступить в наследственные права, если они соглашались «пропитывать вдову» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 23), причем не лишая ее права быть полноправной хозяйкой.

Согласно архивным источникам, зырянка-вдова наделялась равным объемом прав с другими законными наследниками, являясь «наследницей всего... имущества» (Гагиева, 2014: 30). Также, кроме принятия наследства, у вдовы было право составления завещания. Передавала она своим детям имущество с помощью оформления «духовного завещания» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1516. Л. 2) в отношении «благоприобретенного движимого и недвижимого имущества» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 1516. Л. 2).

Пермские народы, проявляя высокую правовую культуру, старались не нарушать законодательные нормы, установленные государством относительно завещательного процесса (ПСЗ РИ, 1831: 4844), порядка выделения лиц по очередям родства, и определения их долей в наследственной массе (ПСЗ РИ, 1770: 13.428.; ПСЗ РИ, 1827: 1250).

Однако были и ограничения в правомочиях вдовы. Если в семье были малолетние дети, то после смерти главы семьи обычное право защищало экономические права малолетних наследников. В таком случае вдова была лишена «прав на имущество при наличии прямых наследников по мужской линии» (Обухова, 1985: 26).

Если вдова оставалась жить с одним из уже женатых сыновей, то последнему передавалась большая часть («часть из строений и прочего движимого...» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 23) наследуемого имущества, ввиду взятого им обязательства по содержанию своей матери.

Обычное право позволяло вдове, оставшейся с маленькими детьми, продать некоторую часть семейного имущества с целью их содержания и «... для пропитания сирот...» (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 230б.).

Вдова могла полностью распоряжаться приданым (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 290б.). Нормы обычного права не запрещали ей повторно вступать в брачные отношения, что нашло свое отражение даже в фольклоре, к примеру, в произведении «Нюлэсмуртенок» к удмуртской вдове приходят свататься (Верещагин, 1889: 191). Однако, вступив в повторный брак, вдова теряла наследственные права по отношению к имуществу умершего мужа (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 45. Л. 10). В этом случае дети могли остаться жить в доме своего биологического умершего отца и, соответственно, наделялись правом на получение части отцовского наследства (ЦГА УР. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. Л. 290б.-30).

Нормы обычного права, не санкционировали в отношении женщины права владения путиком (лесной охотничьей тропой), если в семье были мужчины. Однако, являясь вдовой, она наделялась правом представлять интересы своих несовершеннолетних детей либо являлась посредником в процессе передачи права использования родового путика, который ранее принадлежал ее супругу, другому мужчине, являвшемуся претендентом на вхождение в состав ее семьи уже в качестве супруга (Попов, 1877: 96-102).

Вдова могла обращаться в общинные органы управления с прошениями (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 189. Л. 15). Кроме того, она имела право подавать прошения о рассмотрении дел в вышестоящих органах, получив «согласие мирского общества» (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 298. Л. 4-5).

Вдовой женщине позволялось заключать гражданско-правовые договоры, женить и выдавать замуж своих детей, определяя размер приданого (НА РК. Ф. 130. Оп. 1. Д. 54. Л. 1).

Исследователи Д.В. Вишнякова и В.А. Семенов выделили тенденцию, определившуюся в брачных отношениях со второй половине XIX в. Она связана с количественным сокращением процента браков вдовых и, соответственно, увеличением процента браков лиц, ранее не вступавших в супружеские отношения (Вишнякова, Семенов, 2010: 90). Обозначенная тенденция, которая ранее

была характера для пермских народов, свидетельствует об изменении традиционной крестьянской модели в демографическом поведении.

5. Заключение

Подводя итог, отметим, что обычно-правовое положение крестьянской вдовы у зырян и вотяков в XVIII–XIX веках имело свои особенности. Оставшись без мужа, женщина могла управлять крестьянским хозяйством и распоряжаться им, представлять свой двор на общинных сходах, принимать «помочи», организуемые общиной, вступать в договорные отношения, завещать своим детям имущество с помощью оформления «духовного завещания», обращаться в общинные органы управления и вышестоящие государственные органы с прошениями. Существовавшие обычаи левирата и сорората позволяли не только сохранить имущество внутри семьи, но и вырастить детей в семье кровных родственников.

В сфере наследственных отношений на протяжении рассматриваемого периода у вдовы сохранялся широкий перечень прав, особенно если на ее попечении находились малолетние дети. Она сохраняла возможность после смерти мужа наследовать практически все семейное имущество в том случае, если их совместные дети уже отделились от родителей. Однако, реализуя обычно-правовой принцип защиты семейного имущества от передачи его иным лицам, вдова теряла права в отношении имущества умершего мужа в случае повторного замужества.

Литература

Аминов, Дедюхин, Усиевич, 2015 – Аминов И.И., Дедюхин К.Г., Усиевич А.Р. Правовое регулирование семейно-брачных отношений удмуртов в Российской империи // *Вестник Удмуртского университета. Экономика и право*. 2015. т. 25. Вып. 5. С. 78-85.

Белицер, 1958 – Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми: XIX – начало XX вв. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 393 с.

Богаевский, 1888 – Богаевский П.М. Очерк быта сарапульских вотяков / *Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее*. М., 1888. Вып. III. С. 13-64.

Верещагин, 1889 – Верещагин Г.Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Санкт-Петербург: тип. И.Н. Скородумова, 1889. VIII, 199 с.

Вишнякова, Семенов, 2010 – Вишнякова Д.В., Семенов В.А. Брачность населения Европейского Северо-Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. // *Известия Коми НЦ УрО РАН*. 2010. № 4. С. 87–93.

Гагиева, 2014 – Гагиева А.К. Коми крестьянка в региональном социуме XVIII в. // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2014. №1. С. 28-31.

Гибадуллина, Гибадуллин, 2013 – Гибадуллина Н.М.-Н., Гибадуллин Р.М. Профессор И.Н. Смирнов в «Мултанском процессе»: «триумф» и трагедия ученого // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2013. №5 (31). Ч. II. С. 43-47.

Добрянский, 1928 – Добрянский В.Н. Женщина коми (зырянка). М.: Красная Пресня 3-я Мосполиграф, 1928. 32 с.

Ефименко, 1873 – Ефименко А.Я. Крестьянская женщина // *Дело*. 1873. №2. С. 173-206.

Луппов, 1899 – Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических сведений о них до XIX в. СПб.: Типо-литогр. М. П. Фроловой, 1899. 333 с.

Маркелов, 1929 – Маркелов М. Вотяки (Удмурты). М.: Тип. «Полиграф. Искусство», 1929. 15 с.

Мацук, Мацук, 2015 – Мацук А.М., Мацук М.А. Коми край в начале XVIII века. Переписная книга Яренского уезда 1710 года. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. 168 с.

Мухина, 2013 – Мухина З.З. Правовое положение вдовы в русской крестьянской среде: традиции и новации (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Политика и общество*. 2013. №3 (99). С. 322-329.

НА РК – Национальный архив Республики Коми.

Никитина, 1993 – Никитина Г.А. Сельская община-бускель в пореформенный период (1861–1900 гг.) Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 166 с.

Новоселова и др., 2022 – Новоселова Е.В., Чернова Н.И., Катахова Н.В. Аксиологические аспекты преподавания испанского языка в СССР // *Российский технологический журнал*. 2022. 10(5). С. 111-120.

Обухова, 1985 – Обухова Г.И. Семейно-имущественные отношения по обычному праву у крестьянства Удмуртии в XVIII в. (по актам крепостных контор) // *Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв.: сб. статей* / отв. ред. В. Е. Майер. Устинов, 1985. С. 18–34.

Паллас, 1788 – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: Императорская Академия Наук, 1788. Ч. 3. Половина 2. 481 с.

Попов, 1877 – Попов К.А. Охотничье право собственности у зырян // *Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*. М., 1877. Т. 28, кн. 4. С. 96-102. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/folk/st-1336.html>

[ПСЗ РИ, 1823 – LXIII](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649–1825): Т. 38 (1822–1823). № 29.373. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.01.2023).

[ПСЗ РИ, 1831 – VI](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881): Т. 6 (1831). Ч. 2, № 4844. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.01.2023).

[ПСЗ РИ, 1827 – II](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881): Т. 2 (1827), № 1250. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.01.2023).

[ПСЗ РИ, 1770 – XIX](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649–1825): Т. 19 (1770–1774), № 13.428. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.01.2023).

[ПСЗ РИ, 1869 – XLIV](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881): Т. 44 (1869). Ч. 1, № 46935. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.01.2023).

[Удмурты..., 1993](#) – Удмурты: историко-этнографические очерки / Л.С. Христоролюбова, М.Г. Иванова, М.Г. Атаманов и др.; науч. ред. В. В. Пименов; Российская АН, Уральское отд-ние, Удмуртский ин-т истории, яз. и лит. Ижевск: УИИЯЛ, 1993. 388 с.

[Харузин, 1883](#) – *Харузин М.Н.* Очерки юридического быта народностей Сарапульского уезда Вятской губернии // *Юридический вестник*. 1883. №2. С. 257–291.

[ЦГА УР](#) – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.

[Шепталин, 2003](#) – *Шепталин А.* Правовой аспект Мултанского дела в Удмуртии / Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сб. статей // под ред. К. Мацузато. Саргоро, 2003. С. 225–262.

[Alimbay, Smagulov, 2021](#) – *Alimbay N.A., Smagulov B.K.* (2021). Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 85–96.

[Averin et al., 2020](#) – *Averin M.B., Nikitin P.V., Popova A.V.* The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century – 1914) // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 162–172.

[Bereznitsky et al., 2020](#) – *Bereznitsky S.V., Galechko I.I., Primak P.V.* Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 31–39.

[Darchiey, Darchieva, 2021](#) – *Darchiey A.V., Darchieva S.V.* To the Issue of the Marriage of the Kartlian Prince Bagrat and the Ossetian Princess (late XVIIth century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 461–470.

[Khramtsov, 2021](#) – *Khramtsov A.B.* Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 74–84.

[Plotskaya et al., 2021](#) – *Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G.* Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594–1601.

[Plotskaya et al., 2022](#) – *Plotskaya O.A., Kurilyuk Y.E., Ospanova D.A.* Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1575–1584.

[Plotskaya et al., 2023](#) – *Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya R.S., Fedorov R.V.* The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII–XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 37–45.

[Pravkin et al., 2021](#) – *Pravkin S.A., Smirnova V.V., Shagiyaeva R.V., Khvatova M.A.* (2020). Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 620–628.

References

[Alimbay, Smagulov, 2021](#) – *Alimbay, N.A., Smagulov, B.K.* (2021). Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 85–96.

[Amino i dr., 2015](#) – *Aminov, I.I., Dedyukhin, K.G., Usievich, A.R.* (2015). Pravovoe regulirovanie semeino-brachnykh otnoshenii udmurtov v Rossiiskoi imperii [Legal regulation of family and marriage relations of Udmurts in the Russian Empire]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo*. 25(5): 78–85. [in Russian]

[Averin et al., 2020](#) – *Averin, M.B., Nikitin, P.V., Popova, A.V.* (2020). The role of the Ministry of Justice in improving the judicial system of the national outskirts of the Russian Empire (late 19th century – 1914). *Bylye Gody*. 55(1): 162–172.

- Belitser, 1958** – *Belitser, V.N.* (1958). Ocherki po etnografii narodov komi: XIX – nachalo XX vv. [Essays on the ethnography of the Komi peoples: XIX – early XX century]. M.: Izd-vo AN SSSR, 393 p. [in Russian]
- Bereznitsky et al., 2020** – *Bereznitsky, S.V., Galechko, I.I., Primak, P.V.* (2020). Laws of the Russian Empire and hunting of the indigenous peoples of Siberia. *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 31-39.
- Bogaevskii, 1888** – *Bogaevskii, P.M.* (1888). Ocherk byta sarapul'skikh votyakov [An essay on the life of the Sarapul votyaks]. Sbornik materialov po etnografii, izdavaemyi pri Dashkovskom etnograficheskom muzee. M. Vyp. III. Pp. 13-64. [in Russian]
- Darchiey, Darchieva, 2021** – *Darchiey, A.V., Darchieva, S.V.* (2021). To the Issue of the Marriage of the Kartlian Prince Bagrat and the Ossetian Princess (late XVIIIth century). *Bylye Gody*. 16(2): 461-470.
- Dobryanskii, 1928** – *Dobryanskii, V.N.* (1928). Zhenshchina komi (zyryanka) [Komi woman (zyryanka)]. M.: Krasnaya Presnya 3-ya Mospoligraf, 32 p. [in Russian]
- Efimenko, 1873** – *Efimenko, A.Ya.* (1873). Krest'yanskaya zhenshchina [Peasant woman]. *Delo*. 2: 173-206. [in Russian]
- Gagieva, 2014** – *Gagieva, A.K.* (2014). Komi krest'yanka v regional'nom sotsiуме XVIII v. [Komi peasant woman in the regional society of the XVIII century]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 1: 28-31. [in Russian]
- Gibadullina, Gibadullin, 2013** – *Gibadullina, N. M.-N., Gibadullin, R.M.* (2013). Professor I.N. Smirnov v «Multanskom protsesse»: «triumf» i tragediya uchenogo [Professor I. N. Smirnov in the "Multan process": "triumph" and the tragedy of the scientist]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie*. Voprosy teorii i praktiki. Tambov. 5(31). Ch. II. Pp. 43-47. [in Russian]
- Kharuzin, 1883** – *Kharuzin, M.N.* (1883). Ocherki yuridicheskogo byta narodnosti Sarapul'skogo uezda Vyatskoi gubernii [Essays on the legal life of the peoples of the Sarapul'sky district of the Vyatka province]. *Yuridicheskii vestnik*. 2: 257-291. [in Russian]
- Khramtsov, 2021** – *Khramtsov, A.B.* (2021). Results and Prospects of Studying the Process of Settlement and Development of Crafts in the Southern Settlements of the Trans-Urals (late XVIII – early XX centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 74-84.
- Lupov, 1899** – *Lupov, P.N.* (1899). Khristianstvo u votyakov so vremeni pervykh istoricheskikh svedenii o nikh do XIX v. [Christianity among the Votyaks from the time of the first historical information about them to the XIX century]. SPb.: Tipo-litogr. M. P. Frolovoi, 333 p. [in Russian]
- Markelov, 1929** – *Markelov, M.* (1929). Votyaki (Udmurty) [Votyaki (Udmurts)]. M.: Tip. «Poligraf. Iskusstvo», 15 p. [in Russian]
- Matsuk, Matsuk, 2015** – *Matsuk, A.M., Matsuk, M.A.* (2015). Komi krai v nachale XVIII veka. Perepisnaya kniga Yarenskogo uezda 1710 goda. [Komi region at the beginning of the XVIII century. The census book of the Yarensky district of 1710]. Syktyvkar: IYaLI Komi NTs UrO RAN, 168 p. [in Russian]
- Mukhina, 2013** – *Mukhina, Z.Z.* (2013). Pravovoe polozhenie vdovy v russkoi krest'yanskoi srede: traditsii i novatsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [The legal status of a widow in the Russian peasant environment: traditions and innovations (the second half of the XIX – early XX century)]. *Politika i obshchestvo*. 3(99): 322-329. [in Russian]
- NA RK** – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Komi [The National Archive of the Komi Republic].
- Nikitina, 1993** – *Nikitina, G.A.* (1993). Sel'skaya obshchina-buskel' v poreformennyi period (1861–1900 gg.) [Rural community-Buskel – in the post-reform period (1861-1900)]. Izhevsk: UIYaL UrO RAN, 166 p. [in Russian]
- Novoselova i dr., 2022** – *Novoselova, E.V., Chernova, N.I., Katakova, N.V.* (2022). Aksiologicheskie aspekty prepodavaniya ispan'skogo yazyka v SSSR [Axiological aspects of teaching Spanish in the USSR]. *Rossiiskii tekhnologicheskii zhurnal*. 10 (5): 111-120. [in Russian]
- Obukhova, 1985** – *Obukhova, G.I.* (1985). Semeino-imushchestvennye otnosheniya po obychnomu pravu u krest'yanstva Udmurtii v XVIII v. (po aktam krepostnykh kontor) [Family and property relations under customary law among the peasantry of Udmurtia in the XVIII century (according to the acts of serf offices)]. *Semeinyi i obshchestvennyi byt udmurtov v XVIII–XX vv.: sb. statei*. Otv. red. V. E. Maier. Ustinov. Pp. 18-34. [in Russian]
- Pallas, 1788** – *Pallas, P.S.* (1788). Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva [Travel to different provinces of the Russian state]. SPb.: Imperatorskaya Akademiya Nauk. Ch. 3. Polovina 2. 481 p. [in Russian]
- Plotskaya et al., 2021** – *Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva, D.G.* (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.
- Plotskaya et al., 2022** – *Plotskaya, O.A., Kurilyuk, Y.E., Ospanova, D.A.* (2022). Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1575-1584.

Plotskaya et al., 2023 – Plotskaya, O.A., Elinsky, V.I., Dzhindzholiya, R.S., Fedorov, R.V. (2023). The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII–XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia. *Bylye Gody*. 18(1): 37-45.

Popov, 1877 – Popov, K.A. (1877). Okhotnich'e pravo sobstvennosti u zyryan [Hunting property rights of the Zyryans]. *Izvestiya Imperatorskogo Obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii*. M. T. 28, kn. 4. Pp. 96-102. [Electronic resource]. URL: <https://www.booksite.ru/folk/st-1336.html> [in Russian]

Pravkin et al., 2021 – Pravkin, S.A., Smirnova, V.V., Shagiya, R.V., Khvatova, M.A. (2021). Model of Conciliatory Law and Social Cooperation S.M. Solovyov as a Contribution to the Development of the Concept of the State (Law) School in Russian Historiography. *Bylye Gody*. 16(2): 620-628.

PSZ RI, 1770 – XIX – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie (1649–1825) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection (1649–1825)]: T. 19 (1770–1774), № 13.428. [Electronic resource]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date of access: 04.01.2023). [in Russian]

PSZ RI, 1823 – LXIII – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie (1649–1825) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection (1649–1825)]: T. 38 (1822-1823), № 29.373. [Electronic resource]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date of access: 04.01.2023). [in Russian]

PSZ RI, 1827 – II – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie (1825–1881) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection (1825–1881)]: T. 2 (1827). № 1250. [Electronic resource]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date of access: 04.01.2023). [in Russian]

PSZ RI, 1831 – VI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie (1825–1881) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection (1825–1881)]: T. 6 (1831). Ch. 2, № 4844. [Electronic resource]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date of access: 04.01.2023). [in Russian]

PSZ RI, 1869 – XLIV – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie (1825–1881) [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection (1825–1881)]: T. 44 (1869). Ch. 1, № 46935. [Electronic resource]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (date of access: 04.01.2023). [in Russian]

Sheptalin, 2003 – Sheptalin, A. (2003). Pravovoi aspekt Multanskogo dela v Udmurtii [The legal aspect of the Multan case in Udmurtia]. *Novaya volna v izuchenii etnopoliticheskoi istorii Volgo-Ural'skogo regiona: sb. statei*. Pod red. K. Matsuzato. Sapporo. Pp. 225-262. [in Russian]

TsGA UR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic].

Udmurty..., 1993 – Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki [Udmurts: historical and ethnographic essays]. L.S. Khristolyubova, M.G. Ivanova, M.G. Atamanov i dr.; nauch. red. V. V. Pimenov; Rossiiskaya AN, Ural'skoe otd-nie, Udmurtskii in-t istorii, yaz. i lit. Izhevsk: UIIYaL, 1993. 388 p. [in Russian]

Vereshchagin, 1889 – Vereshchagin, G.E. (1889). Votyaki Sarapul'skogo uyezda Vyatskoi gubernii [Votyaki of Sarapul'sky uyezd of Vyatka province]. Sankt-Peterburg: tip. I.N. Skorodumova, VIII, 199 p. [in Russian]

Vishnyakova, Semenov, 2010 – Vishnyakova, D.V., Semenov, V.A. (2010). Brachnost' naseleniya Evropeiskogo Severo-Vostoka Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. Marital status of the population of the European North-East of Russia in the second half of the XIX – early XX century]. *Izvestiya Komi NTs UrO RAN*. 4: 87-93. [in Russian]

Обычно-правовое положение крестьянской вдовы у зырян и вотяков в XVIII–XIX веках

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, b, *}, Назикгул Жетигеновна Осмоналиева ^c,
Евгений Николаевич Лоторев ^{d, e}, Ирина Викторовна Ширева ^{f, a}

^a МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

^b Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Кыргызский Национальный Университет имени Жусупа Баласагына, Бишкек,
Кыргызская Республика

^d Московский государственный университет технологий управления им. К.Г. Разумовского (ПКУ),
Москва, Российская Федерация

^e Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

^f Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В XVIII–XIX веках значительную роль в регулировании общественных отношений, возникавших у зырян и вотяков, играло обычное право, основанное на выверенных веками обычаях. Оно закрепляло устоявшиеся шаблоны должного поведения в этнических локальных обществах. Нормы обычного права у исследуемых народов имели широкое

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая)

распространение в сфере брачно-семейных отношений, включая регулирование институтов брака, семьи, правового положения супругов, их детей, вдов, вдовцов и др.

Вдовы у зырян и вотяков в рассматриваемый период представляли особенную категорию женщин в крестьянском этно-локальном обществе. Значительные изменения в их семейном положении происходили после смерти супруга, ввиду того, что женщина переходила в статус вдовы.

Оставшись без мужа, женщина могла управлять крестьянским хозяйством и распоряжаться им, представлять свой двор на общинных сходах, принимать «помочи», организуемые общиной, вступать в договорные отношения, завещать своим детям имущество с помощью оформления «духовного завещания», обращаться в общинные органы управления и вышестоящие государственные органы с прошениями. Существовавшие обычаи левирата и сорората позволяли не только сохранить имущество внутри семьи, но и вырастить детей в семье кровных родственников.

В сфере наследственных отношений на протяжении рассматриваемого периода у вдовы сохранялся широкий перечень прав, особенно если на ее попечении находились малолетние дети. Она сохраняла возможность после смерти мужа наследовать практически все семейное имущество в том случае, если их совместные дети уже отделились от родителей. Однако, реализуя обычно-правовой принцип защиты семейного имущества от передачи его иным лицам, вдова теряла права в отношении имущества умершего мужа в случае повторного замужества.

Ключевые слова: зыряне, вотяки, правовой обычай, вдова, левират, сорорат, наследство.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1621-1629
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1621

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

'I Am not Actually Aware of the Great Cause of Yours. Yet, Had Your Letter Been Delivered to Me for Certain, Would Have Rejoiced Particularly': Two 1713 Letters of Kalmyk Khan Ayuka to Russian Tsar Pyotr I Alekseevich

Vladimir T. Tepkeev ^{a, *}, Narma A. Kamandzhaev ^a

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article details a review of the written heritage of the Kalmyk khan Ayuki, which has survived to this day, and also publishes the text of the translation of his two new letters. Recently, historiography has seen an increasing interest in the personality of the Kalmyk khan Ayuki and his written heritage, to which a number of publications are devoted. The purpose of the work is to introduce into scientific circulation two new written testimonies of Khan Ayuki. The main source base for this work was the materials of the Russian State Archive of Ancient Acts, where unique documents concerning the correspondence of the Kalmyk Khan with the Russian Tsar Peter Alekseevich were deposited. The publication of this correspondence will make a serious contribution to the study of Russian-Kalmyk relations of the XVII–XVIII centuries. In the documents we find rather interesting information about the military-political situation in the southern and southeastern regions of the Russian state. The epistolary written heritage of the Kalmyk khan Ayuki is an invaluable historical source, which will allow modern researchers to fully study the era of the formation and formation of the Russian Empire at the beginning of the 18th century.

Keywords: Petr Alekseevich, Ayuka Khan, written heritage, Kalmyks, Russian-Kalmyk relations, Don Cossacks.

1. Введение

Хан Аюка является значимой фигурой в истории Калмыкии. В течение его пятидесятилетнего правления (1672–1724 гг.) калмыки участвовали во множестве знаковых для российской истории событиях. В этот период произошел ряд тектонических преобразований внутри калмыцкого социума, во многом предопределивших его дальнейшее существование. В этой связи особую важность приобретает изучение источников, связанных с деятельностью данного правителя.

К сожалению, до наших дней дошло крайне мало нарративных источников, происходящих изнутри тогдашнего калмыцкого общества. По этой причине современные исследователи изучают времена правления Аюки преимущественно по следующим трем типам источников: 1) по переписке калмыцких владельцев с российской администрацией; 2) по документам российских органов власти, касавшихся калмыков; 3) по воспоминаниям внешних очевидцев. При этом необходимо отметить, что источники первого типа, т. е. письма, отправленные от лица самого Аюки, априори являются наиболее важным и прямым свидетельством проводившейся им политики. Таким образом, из всего многообразия источников по истории правления хана Аюки особое внимание должно быть уделено его письменному наследию.

На сегодняшний день писем хана Аюки выявлено немалое количество. Главным образом, они хранятся в фондах трех российских архивов: Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), Архива внешней политики Российской империи (Москва,

* Corresponding author

E-mail addresses: vt75@mail.ru (V.T. Tepkeev)

Российская Федерация) и Национального архива Республики Калмыкия (Элиста, Российская Федерация). Письменное наследие Аюки широко используется в ряде исторических трудов по истории Калмыцкого ханства. При этом необходимо подчеркнуть, что на сегодняшний день имеется и ряд исследований, посвященных изучению самих писем Аюки. В связи с этим начинающим исследователям немаловажно знать образовавшийся в течение нескольких десятилетий научный задел. Данное обстоятельство актуализирует потребность в анализе историографии изучения писем хана Аюки, тем более что по данной тематике специализированное исследование еще не проводилось.

2. Материалы и методы

При подготовке статьи использовались материалы Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), в частности, документы дела под №10 из фонда 119 («Калмыцкие дела»). Здесь изложены сведения о пребывании в Москве калмыцкого посольства во главе с Лузаном, длившемся с декабря 1713 г. по апрель 1714 г. Посланники доставили с собой письма от калмыцких владельцев, из которых для нас наибольший интерес представляют два послания хана Аюки к царю Петру Алексеевичу.

В работе с архивным материалом применялся историко-сравнительный метод, с помощью которого авторы сопоставили хронику событий на основе совпадающих сведений, которые содержатся в большинстве источников. Это позволило сравнить и сопоставить разную информацию и выстроить ее в хронологическом порядке для понимания того, как развивались события в указанное время.

3. Обсуждение

Безусловной базисной позицией в историографии изучения писем хана Аюки является монография Д.А. Сусевой «Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования». Фактически данный труд «открыл» письма хана Аюки для массового читателя. И дело здесь не столько в том, что в данной монографии представлены переводы и транслитерации более ста писем хана Аюки и его современников. Куда важнее аналитическая составляющая труда, отличающаяся его комплексным характером. По сути Д.А. Сусеева на страницах данной монографии заложила основу дальнейшего изучения писем хана Аюки, что и было продолжено в нескольких исследовательских направлениях.

В монографии Д.А. Сусеева поставила перед собой следующую исследовательскую цель: «дать современному читателю представление о калмыцком языке первой половины 18 века» (Сусеева, 2003: 12). Решение данной проблематики было предпринято посредством разделения ее на три смысловых блока: 1) источниковедческое изучение писем хана Аюки и современных ему калмыцких владельцев; 2) прагматическое исследование письменного наследия хана Аюки с целью формирования его социолингвистического портрета; 3) лексический и грамматический строй калмыцкого языка XVIII в.

Источниковую базу исследования составили несколько сотен писем на старокалмыцком языке, принадлежащих хану Аюке и современным ему калмыцким владельцам и хранящихся в фонде И-36 Национального архива Республики Калмыкия. С точки зрения хронологии проанализированные письма относятся к периоду 1714–1724 г., т. е. от самого раннего письма в фонде до времени смерти хана Аюки (Сусеева, 2003: 12).

В источниковедческом блоке Д.А. Сусеева рассматривает содержательную часть писем Аюки-хана. Письма калмыцких ханов в нем были названы «своеобразной энциклопедией кочевого образа жизни народа в Калмыцком ханстве» (Сусеева, 2003: 16). Далее был выдвинут тезис о том, что данные письма раскрывают калмыцкую повседневность того времени. Вследствие этого, по мнению Д.А. Сусевой, они являются главным письменным источником по истории калмыков XVIII в. (Сусеева, 2003: 18).

Далее автор останавливается на отдельных сюжетах писем. Д.А. Сусеева, используя конкретные примеры, приводит их состав следующим образом: 1) письма о границах кочевий; 2) письма о переправах через реки Волга и Дон; 3) письма о калмыцких посланниках и посольствах; 4) упоминания подарков, отправленных калмыцкими владельцами (Сусеева, 2003: 20-45). Отдельного внимания заслуживают прослеживаемые ей в исследуемых письмах моменты, связанные с социально-экономическими вопросами жизни тогдашнего калмыцкого общества. Так, в письмах есть упоминания о социальной структуре калмыцкого общества, об их профессиях, торговле и продуктах питания (Сусеева, 2003: 45-56).

Не оставлены в стороне были и сугубо политические сюжеты, например, прием китайского посольства в 1714 г., а также судебные разбирательства калмыков, их военные походы. Автором поднимается даже вопрос об особенностях женского эпистолярного жанра, главным образом на примере писем жены хана Аюки Дармы-Балы (Сусеева, 2003: 56-70).

Настолько богатое выделение тематических особенностей калмыцких писем с приведением многочисленных нюансов, которые не так часто упоминались историками ранее, позволило автору существенно воспроизвести картину жизни калмыков того периода, глубже проникнуть в калмыцкую повседневность начала XVIII в. При этом не стоит забывать, что за малым может скрываться и

большое, и в данном случае можно привести следующий авторский тезис: «Письма 18 века — это яркое свидетельство об участии калмыков в укреплении основ государственности России» (Сусеева, 2003: 64).

Немаловажно, что данная монография является еще и сборником калмыцких писем того периода. Всего было приведено 171 письмо, причем каждое снабжено русским переводом и необходимыми комментариями (Сусеева, 2003: 73-177). Большая их часть принадлежит самому Аюке-хану.

В прагматической части исследования автором был сделан немаловажный вывод о том, что изучение писем хана Аюки обязательно должно проводиться с учетом особенностей исторической эпохи и событий, в ходе которых происходило формирование данных источников (Сусеева, 2003: 185). В этом разделе также была дана общая характеристика делового стиля писем Аюки, а также приведены их различные классификации: по времени написания, цели высказывания, выбору речевой тактики, речевому поведению, адресату, тематике, содержанию, форме подачи информации и структуре (Сусеева, 2003: 185-215).

Столь подробное изучение различных содержательных сторон писем хана Аюки позволили Д.А. Сусеевой создать его лингвосоциологический портрет, т. е. при помощи писем были воссозданы некоторые личностные черты калмыцкого правителя. Так, из писем хана Аюки мы можем проследить его видение собственного социально-политического положения, его представление о Калмыцком ханстве, степени его властных полномочий внутри ханства, а также его отношение к военным кампаниям Петра I и характере взаимоотношений с соседними государствами и народами (Сусеева, 2003: 215-223). В выстраивании последних ему помогали разнообразные речевые тактики, применявшиеся им в переписках с российскими должностными лицами и представителями соседних народов (Сусеева, 2003: 223-229). Выявленные особенности писем хана Аюки привели Д. А. Сусееву к следующему выводу: «письменная речь хана Аюки является важным источником для характеристики самого автора писем, его личности» (Сусеева, 2003: 229).

Не менее ценным блоком монографии является обзор лексико-грамматического строя калмыцкого языка XVIII в., выполненного Д.А. Сусеевой на материале исследованных писем. Были изучены различные вопросы фонетики, лексики, морфемики, словообразования и морфологии всех частей речи (Сусеева, 2003: 230-325). В завершение данный раздел монографии «увенчал» словарь языка исследованных писем, в котором к каждой лексической единице был приведен пример ее употребления в контекстном предложении (Сусеева, 2003: 327-370). Также весьма полезным является то, что в приложениях к монографии были приведены изображения оригиналов некоторых писем.

Другим примером изучения Д.А. Сусеевой писем Аюки-хана является монография «Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное» (Сусеева, 2009). В ней избранные письма калмыцких ханов и их современников снабжены не только русским переводом и транслитерацией, но и копиями их оригинальных текстов, а также историческими переводами.

В статье К.В. Орловой «Национальный архив Республики Калмыкия: письма калмыцких ханов» дана общая источниковедческая оценка письма хана Аюки, хранящимся в НА РК. В частности, была прослежена история фондообразователя, а также дана оценка составу и исследовательскому потенциалу писем хана Аюки, хранящихся в фонде И-36 НА РК (Орлова, 2019).

Еще одной работой, рассматривающей письма хана Аюки в общем контексте, является статья В.Т. Тепкеева «Письма хана Аюки как источник по истории русско-калмыцких отношений конца XVII – первой четверти XVIII в.». Неоспоримым новшеством данной работы является тот факт, что автор проводит источниковедческий анализ писем Аюки-хана, хранящихся в РГАДА, многие из которых были адресованы российским монархам. Использование новой источниковой базы позволило автору дополнить исследования предшественников в таких вопросах, как практика обращения хана Аюки к российским должностным лицам и монархам, а также актуализировать проблему изучения печатей Аюки-хана (Тепкеев, 2021: 19-20).

В данной статье также представлена информация об издании, которое, с нашей точки зрения, должно стать настоящим прорывом в исследовании письменного наследия хана Аюки. Подготавливаемый коллективом исследователей Калмыцкого научного центра РАН сборник писем хана Аюки будет основываться на новых архивных материалах и представит доселе неизвестные широкому кругу читателей письма, относящиеся к более раннему периоду правления Аюки (Тепкеев, 2021: 20).

Во всем многообразии исследований, посвященных письменному наследию хана Аюки, встречаются работы, главной целью которых является публикация писем калмыцкого правителя. Дело, начатое Д.А. Сусеевой в двух вышеописанных монографиях, продолжил историк В.Т. Тепкеев, в 2016 г. опубликовавший совместную с монгольским исследователем Ц.Б. Нацагдоржем статью под названием «Калмыцкое письмо 1685 г. как одно из ранних письменных свидетельств хана Аюки» (Тепкеев, Нацагдорж, 2016).

В данной статье было опубликовано самое раннее из обнаруженных писем Аюки, отправленное им в 1685 г. на имя малолетних соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича. При этом данная работа является также одним из первых примеров комплексного археографического исследования письменного наследия хана Аюки, ввиду того, что в дополнение к приведенному

оригинальному тексту письма в виде цветного изображения, транслитерации и перевода на русский язык с комментариями, в ней дается широкое историческое толкование текста.

Это обстоятельство позволяет нам рассматривать данное письмо не только как самое раннее в своем роде, но и как своеобразную иллюстрацию взаимоотношений между тогда еще первенствующим тайшой Аюкой и центральными российскими властями в период регентства Софьи Алексеевны. Характерными их маркерами выступают как факт частичной невыплаты положенного Аюке в 1683 г. жалования, так и озвученное им намерение выступить походом на реку Амударью против Хивы и Бухары (Тепкеев, Нацагдорж, 2016: 7).

В схожем порядке (историческая справка, транслитерация, русский перевод, изображение оригинального текста) были опубликованы два письма хана Аюки к царю Петру I и канцлеру Г.И. Головкину в совместной статье В.Т. Тепкеева и Е.В. Бембеева (Тепкеев, Бембеев, 2020). Данные письма являются собой свидетельства взаимоотношений вассального Калмыцкого ханства и российского правительства уже в поздний период правления хана Аюки, а именно в 1714 г., когда в Нижнем Поволжье образовалась угроза крупного нашествия кубанских ногайцев, подданных крымского хана. И даже учитывая то, что просьба Аюки в посылке ему подкреплений для отражения предполагаемого натиска была отклонена, данные письма показывают, что Калмыцкое ханство в то время было глубоко вовлечено в треугольник военно-политического соперничества Османской Империи, Российского царства и Крымского ханства.

В статье В.Л. Успенского и Н.С. Яхонтовой «Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в библиотеке СПбГУ» были проанализированы материалы, собранные Г. С. Лыткиным в период его экспедиции в Калмыцкую степь (1859–1860 гг.). Среди многочисленных писем, представленных в статье, имеются девять, отправленных ханом Аюкой астраханским властям в 1708 г., причем одно из них является оригиналом, снабженным ханской печатью. Относительно последнего у исследователей существуют сомнения касательно его датировки, ввиду наличия временных расхождений между некоторыми фактами, представленными в письме, и исторической реальностью (Успенский, Яхонтова, 2021: 272–273). В рамках данной статьи основным способом публикации писем хана Аюки стало представление их русских переводов, снабженных комментариями. Ряд копий писем был представлен в приведенных изображениях. Оригинальное письмо, упомянутое выше, было также снабжено транслитерацией.

В 2022 г. увидела свет совместная статья В.Т. Тепкеева, Г.М. Ярмаркиной и Д.Б. Гедеевой «Письмо тайши Аюки 1688 г.», представляющая собой наиболее подробный пример археографического изучения отдельно взятого письма Аюки. В статье представлены не только копия письма, его транслитерация и авторский перевод с комментариями, но и приведены несколько версий исторического перевода, а также переложение на современный калмыцкий язык. Исследованное письмо является ярким свидетельством проводимой Аюкой политики, направленной на защиту собственных торговых и военных интересов, и подчеркивает двойственный характер тогдашних русско-калмыцких отношений (Тепкеев и др., 2022).

В дополнение к вышеописанным археографическим работам можно привести монографию В.Т. Тепкеева «Аюка и его время», в приложении которой содержатся копии нескольких писем хана Аюки (Тепкеев, 2018).

Упомянутая выше монография Д.А. Сусеевой «Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосоциологического исследования» послужила фундаментом для будущих исследований писем хана Аюки с позиции лингвистики. Так, например, Л.Б. Олядыкова, основываясь на материалах данной монографии, проанализировала в своей статье использование формулы «Йэкэ цаһаан хан» (рус. Великий белый хан) в письмах хана Аюки и его современников (Олядыкова, 2021).

Д.Б. Гедеева в своей работе «Тюркские топонимы в языке писем калмыцкого хана Аюки (конец XVII – начало XVIII вв.)» рассмотрела наиболее часто встречающиеся в письмах Аюки географические названия. Тщательное изучение происхождения топонимических единиц позволило автору сделать вывод о том, что калмыки пользовались традиционными тюркскими топонимами, многие из которых претерпевали фонетическую адаптацию (Гедеева, 2020).

Тем не менее необходимо отметить, что наибольшее количество статей, посвященных лингвистическому изучению писем хана Аюки, принадлежит перу Г.М. Ярмаркиной. Свет увидел ряд ее публикаций, в которых были рассмотрены различные вопросы лексического состава писем хана Аюки. Так, в статье «Номинации лиц по социальному положению в калмыцких деловых письмах XVIII века и их эквиваленты в русских переводах» ей было проанализировано использование в письмах хана Аюки лексем, отсылающих к социально-политическим статусам (Ярмаркина, 2019b).

В другой статье Г.М. Ярмаркиной дается тщательный анализ писем калмыцкого правителя, который позволил автору выявить и охарактеризовать использование военной лексики того времени. При этом в случае использования терминов, относящихся к боеприпасам, Г.М. Ярмаркина смогла лишь отчасти осветить некоторые сюжеты военных приготовлений калмыков начала XVIII в. (Ярмаркина, 2019a).

В другой статье Г.М. Ярмаркиной было проведено сопоставление антропонимов, встречающихся в письмах хана Аюки, с их русскими синхроническими переводами. Причем

исследованию подверглись как калмыцкие, так и русские имена (Ярмаркина, 2020a). Осуществленные в данной работе, с одной стороны, описание процесса адаптации некоторых калмыцких имен русской делопроизводственной традицией, а с другой — исследование перенесения ряда русских имен на старокалмыцкую письменность, безусловно, имеют особое значение в деле изучения истории калмыцких антропонимов. При этом необходимо отметить, что данное исследование может послужить хорошим практическим подспорьем для историков хотя бы ввиду того, что некоторые из изученных имен принадлежат ряду калмыцких владельцев, в том числе проведен сопоставительный анализ имени самого хана Аюки.

В статье «Бытовая лексика в деловых текстах XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов)» Г.М. Ярмаркина проанализировала функционирование в письмах хана Аюки лексики, описывающей продукты, емкости, меры веса, домашних животных и корма для них, а также средства передвижения (Ярмаркина, 2020b). Данная работа не должна остаться без внимания историков. Предпринятое изучение бытовой лексики в письмах хана Аюки расширяет наше восприятие тогдашней материальной культуры калмыков. Таким образом, результаты исследования могут быть полезны при изучении истории калмыцкой повседневности начала XVIII в.

Две статьи Г.М. Ярмаркиной посвящены стратегиям синхронного перевода писем хана Аюки. В первой из них данная проблема была изучена в общем ключе. Результаты исследования показывают, что, хоть русские переводы писем хана Аюки и не являются дословными, но все же в них сохранены как структура, так и общее содержание оригиналов (Ярмаркина, 2019c). Вторая статья имеет более специализированный характер и посвящена особенностям перевода топонимической лексики в письмах хана Аюки (Ярмаркина, 2020c).

Еще одним сюжетом в исследованиях Г.М. Ярмаркиной является изучение писем хана Аюки с точки зрения этнолингвистики. Так, в статье «Сообщения о подарках в калмыцких деловых текстах XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов)» представлены ценные сведения о дарах, преподносившихся ханом Аюкой российским должностным лицам и царю Петру I (Ярмаркина, 2021a). В свою очередь, материалы, представленные в другой статье данной группы, проливают свет на вопрос об этикетных формулах в письмах хана Аюки (Ярмаркина, 2021b). Результаты обоих исследований, априори значимые для лингвистов, могут быть полезны и для историков, ввиду того, что представленные в данных работах факты являются маркерами личных взаимоотношений хана Аюки с адресатами его писем.

4. Результаты

21 декабря 1713 г. в Москву прибыло калмыцкое посольство от хана Аюки во главе с Лузаном. Главной темой русско-калмыцких переговоров было обеспечение безопасности калмыцких кочевий на Нижней Волге. В это время калмыки одновременно испытывали серьезное военное давление со стороны кочевых соседей на востоке и западе – каракалпаков и кубанских ногайцев. Эти опасения, а также другие проблемы, были изложены в двух письмах хана Аюки к русскому царю Петру Алексеевичу, которые доставило калмыцкое посольство. Ниже приведен текст указанных двух писем в русском переводе того времени, обнаруженном в Российском государственном архиве древних актов.

Первое письмо хана Аюки.

От вышняго бога дарованный великий государь, многих царств держащий, здравствуй! Я от вышняго божиею милостию здоров Аюка хан. А ваше великое дело подлинно я не знаю, а подлинно бы ваше письмо пришло ко мне, паче того порадовался бы.

По великого государя указу з Дмитрием Бахметевым войско наредить послано было. А на службу послал я Бату [и] Бахчиргу. И на Саратове через Волгу переправились и шли на службу. А в ту пору великого государя указ пришел на службу не ехать, и по тому указу [они] з дороги воротились.

Кубанские татары приезжают, русаков и калмыков разоряют. Да вы, великий государь, посланника своего послал бы к турецкому султану, а с турецким посланником вместе пришли бы [и] кубанских татаров помирил бы. А буде не так всегда, они будут так, как кубанские татары ко мне придут на калмыков с войском. А для бережения меня в Астрахани да в Царицыне по пяти тысяч конницы стояли б хорошо. Посланник – Лаузан (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713 г. Д. 10. Л. 13).

Второе письмо хана Аюки.

От каракалпаков на русских и на калмыков досады великия чинятца, а потому войска прошал я. Как с турком помиритца хотел дать и ныне десять тысяч конницы, десять пушек, десять бомб даст, чаю каракалпаков возьму. О том великий государь как поволит.

У донских казаков живут калмыки, вам доносил прежде, которых велено отдать, а наперед не принимать калмыков. По тому указу послал я письмо к донским казакам, а донские казаки так сказали, что великого государя указу нет у нас, [поэтому] не дают. А потому, великий государь, послал бы указ к ним, донским казаком, отдать, хорошо б было (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713 г. Д. 10. Л. 13об., 14).

Заключенный в июне 1713 г. Адрианопольский мирный договор положил конец войне между Россией и Османской империей, но оставил открытым военно-политический конфликт между их вассальными государственными образованиями – Калмыцким ханством и Кубанской ордой. В ходе Русско-турецкой войны два кочевых народа были втянуты в ожесточенное противостояние, приведшее к большим человеческим и материальным потерям.

Так, в ходе Кубанского похода под командованием П.И. Апраксина в 1711 г. калмыцкая конница под началом Чакдорджаба, входившая в состав экспедиционного корпуса, нанесла существенный урон кубанским ногайцам и увела с Кубани на Волгу кибитки ногайских джембулуков и едисан. Поэтому после подписания мирного договора кубанцы не забыли о роли калмыков в этом походе и в течение нескольких лет готовили ответный набег на калмыцкие улусы.

После успешной кубанской кампании российские власти стали все активнее привлекать калмыков для военной службы, поскольку южное направление нуждалось в достаточно серьезном укреплении протяженной границы, особенно после передачи османам крепости Азов. В феврале 1712 г. хану Аюке был направлен царский указ об отправке 15-тысячного войска на Украину под командованием П.М. Апраксина и фельдмаршала Б.П. Шереметева (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1712 г. Д. 1. Л. 7-7об.).

Однако отправка столь крупных сил калмыков на Украину весьма ослабляло Калмыцкое ханство перед угрозой набегов кубанских ногайцев, которых в этом вопросе поддерживал крымский хан и турецкий султан. Хан Аюка всячески оттягивал этот процесс, ссылаясь на концентрацию крупных крымско-кубанских сил, а также казахов и каракалпаков на границе с калмыцкими кочевьями (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713 г. Д. 3. Л. 7, 9).

В январе 1713 г. вышел новый государевый указ об отправке калмыцкого войска под Харьков к началу мая. Но летом этого же года стало известно о подготовке кубанским султаном Бахта-Гиреем 30-тысячного войска против калмыков. Это стало серьезным поводом для отмены решения отправить калмыков на Украину и возвращения калмыцкой конницы под началом Бату и Бокшурги в улусы, чтобы они занимались только охраной приграничных городов (Тепкеев, 2018: 246-247).

В этих условиях в конце 1713 г. и прибывает в Москву калмыцкое посольство с письмами хана Аюки. Из содержания писем нам известно, что калмыцкий хан перед правительством выступал с инициативой отправки в Стамбул российского уполномоченного, чтобы тот урегулировал с турецкими властями сложный вопрос калмыцко-кубанских отношений. Также для защиты Аюка просил государя разместить в Астрахани и Царицыне две 5-тысячные команды конных войск, а также 10 тысяч войска и артиллерию (10 пушек) против казахов и каракалпаков.

Одним из болезненных вопросов в русско-калмыцких отношениях, который также был затронут в письмах Аюки, оставалось возвращение беглых калмыков с Дона. Донские казаки с большим нежеланием отдавали таких калмыков. И в этом случае также мы видим серьезное препятствие казачества в выдаче с Дона 100 кибиток, бежавших из калмыцких улусов (РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713 г. Д. 3. Л. 8). В последние десятилетия XVII в. этот процесс имел довольно широкий характер, приводивший не раз к серьезным военным конфликтам калмыков с донскими казаками. Как видим, в начале XVIII в. бегство отдельных калмыков на Дон продолжалось, хотя оно уже не имело столь массового распространения.

5. Заключение

Публикация ранее неизвестных писем калмыцкого хана Аюки к русскому царю Петру Алексеевичу внесет серьезный вклад в изучение русско-калмыцких отношений конца XVII – начала XVIII вв. Эти же документы дают нам довольно интересные сведения о военно-политической ситуации на южном и юго-восточном порубежье Российского государства, где, несомненно, большую роль играло и Калмыцкое ханство. Эпистолярное письменное наследие калмыцкого хана Аюки – это бесценный исторический источник, который позволяет современным исследователям всецело изучить эпоху становления и образования Российской империи в начале XVIII в. Что касается писем русского царя Петра Алексеевича к хану Аюке, то они также сохранились в архивных фондах и в дальнейшем ждут своей публикации.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-28-01190 «Встреча Петра I и хана Аюки в 1722 г.: новые источники по истории русско-калмыцких отношений» <https://rscf.ru/project/23-28-01190/>).

Литература

Гедеева, 2020 – Гедеева Д.Б. Тюркские топонимы в языке писем калмыцкого хана Аюки (конец XVII – начало XVIII вв.) // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2020. №3. С. 122-140.

Олядыкова, 2012 – Олядыкова Л.Б. Формула Йэкэ Цахаан Хан в языке писем хана Аюки и его современников (1714-1723 гг.) // *Вестник Калмыцкого университета*. 2012. №4. С. 84-89.

- Орлова, 2019 – Орлова К.В. Национальный архив Республики Калмыкия: письма калмыцких ханов // *История и архивы*. 2019. №3. С. 12-19.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- Сусеева, 2003 – Сусеева Д.А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Сусеева, 2009 – Сусеева Д.А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2009. 992 с.
- Тепкеев и др., 2021 – Тепкеев В.Т., Ярмаркина Г.М., Гедеева Д.Б. Письмо тайши Аюки 1688 г. // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2022. №2. С. 10-38.
- Тепкеев, 2018 – Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Тепкеев, 2021 – Тепкеев В.Т. Письма хана Аюки как источник по истории русско-калмыцких отношений конца XVII – первой четверти XVIII вв. // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2021. №4. С. 10-22.
- Тепкеев, Бембеев, 2020 – Тепкеев В.Т., Бембеев Е.В. «Я очень возрадовался тому, что по указу Великого Белого Царя наше дело будет решаться». Письма калмыцкого хана Аюки к государю Петру Алексеевичу и канцлеру Г.И. Головкину в 1714 г. // *Вестник архивиста*. 2020. №1. С. 223-235.
- Тепкеев, Нацагдорж, 2016 – Тепкеев В.Т., Нацагдорж Ц.Б. Калмыцкое письмо 1685 г. как одно из ранних письменных свидетельств хана Аюки // *Монголоведение*. 2016. №1 (8). С. 2-12.
- Успенский, Яхонтова, 2021 – Успенский В.Л., Яхонтова Н.С. Письма калмыцких владельцев начала XVIII в. в Библиотеке СПбГУ // *Тибетология в Санкт-Петербурге: сб. ст.* Вып. 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. С. 267-294.
- Ярмаркина, 2019a – Ярмаркина Г.М. Военная лексика в деловых письмах хана Аюки и русских переводах 1714 г. // *Монголоведение*. 2019. №4. С. 903-915.
- Ярмаркина, 2019b – Ярмаркина Г.М. Номинации лиц по социальному положению в калмыцких деловых письмах XVIII века и их эквиваленты в русских переводах // *Монголоведение*. 2019. №3. С. 629-639.
- Ярмаркина, 2019c – Ярмаркина Г.М. Стратегии перевода калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714 г.) // *Oriental Studies*. 2019. №6. С. 1188-1197.
- Ярмаркина, 2020a – Ярмаркина Г.М. Антропонимы в письмах хана Аюки и их русских переводах: предварительный анализ // *Монголоведение*. 2020. №3. С. 497-508.
- Ярмаркина 2020b – Ярмаркина Г.М. Бытовая лексика в деловых текстах XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов) // *Oriental Studies*. 2020. №4. С. 1092-1102.
- Ярмаркина, 2020c – Ярмаркина Г.М. Особенности перевода топонимической лексики в деловом тексте XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов) // *Вестник Калмыцкого университета*. 2020. №4. С. 85-91.
- Ярмаркина, 2021a – Ярмаркина Г.М. Сообщения о подарках в калмыцких деловых текстах XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов) // *Монголоведение*. 2021. №4. С. 764-774.
- Ярмаркина, 2021b – Ярмаркина Г.М. Этикетные формулы как этнолингвистические компоненты оригинальных и переводных калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714–1715 гг.) // *Oriental Studies*. 2021. №5. С. 1102-1110.

References

- Gedeeva, 2020 – Gedeeva, D.B. (2020). Tyurkskie toponimy v yazyke pisem kalmyckogo hana Ayuki (konec XVII – nachalo XVIII vv.) [Turkic place names in the language of letters of the Kalmyk khan Ayuka (late 17th – early 18th centuries)]. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*. 3: 122-140. [in Russian]
- Orlova, 2019 – Orlova, K.V. (2019). Nacional'nyy arhiv Respubliki Kalmykiya: pis'ma kalmyckih hanov [National archive of the Republic of Kalmykia: letters of the Kalmyk khans]. *Istoriya i arkhivy*. 3: 12-19. [in Russian]
- Olyadykova, 2012 – Olyadykova, L.B. (2012). Formula Jeke Cahaan Han v yazyke pisem hana Ayuki i ego sovremennikov (1714-1723 gg.) [The formula of Yeke Tsahaan Khan in the language of the letters of Khan Ayuki and his contemporaries (1714-1723)]. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*. 4: 84-89. [in Russian]
- RGADA – Rossiyskiy gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Suseeva, 2003 – Suseeva, D.A. (2003). Pis'ma khana Ayuki i yego sovremennikov (1714–1724 gg.): opyt lingvosotsiologicheskogo issledovaniya [Letters of Khan Ayuki and his contemporaries (1714–1724): an experience of linguo-sociological research]. Elista. 456 p. [in Russian]
- Suseeva, 2009 – Suseeva, D.A. (2009). Pis'ma kalmytskikh khanov XVIII veka i ikh sovremennikov (1713–1771 gg.) [Letters of the Kalmyk khans of the 18th century and their contemporaries (1713–1771)]. Elista. 992 p. [in Russian]
- Tepekeev, 2018 – Tepekeev, V.T. (2018). Ayuka-khan i yego vremya [Ayuka Khan and his time]. Elista. 366 p. [in Russian]

Tepkeev, 2021 – Tepkeev, V.T. (2021). Pis'ma khana Ayuki kak istochnik po istorii russko-kalmytskikh otnosheniy kontsa XVII – pervoi chetverti XVIII v. [Russian-Kalmyk Relations, 1680s–1720s: Khan Ayuka's Letters as a Historical Source]. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 4: 10-22. [in Russian]

Tepkeev, Bembeev, 2020 – Tepkeev, V.T., Bembeev, E.V. (2020). «Ya ochen' vozradovalsya tomu, chto po ukazu Velikogo Belogo Tsarya nashe delo budet reshat'sya». Pis'ma kalmytskogo khana Ayuki k gosudaryu Petru Alekseevichu i kantsleru G. I. Golovkinu v 1714 g. [“I Greatly Rejoiced When Our Business Was to Be Resolved by a Decree of the Great White Tsar...”: Letters of the Kalmyk Khan Ayuka to the Emperor Peter Alekseevich and Chancellor G. I. Golovkin (1714)]. *Vestnik arkhivista*. 1: 223-235. [in Russian]

Tepkeev, Natsagdorzh, 2016 – Tepkeev, V.T., Natsagdorzh, Ts.B. (2016). Kalmytskoe pis'mo 1685 g. kak odno iz rannikh pis'mennykh svidetel'stv khana Ayuki [A 1685 Letter as One of the Earliest Sources on Ayuka Khan]. *Mongolian Studies*. 8(1): 2-12. [in Russian]

Tepkeev et al., 2021 – Tepkeev, V.T., Yarmarkina, G.M., Gedeeva, D.B. (2022). Pis'mo tayshi Ayuki 1688 g. [Taisha Ayuka's letter 1688]. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2: 10-38. [in Russian]

Uspensky, Yakhontova, 2021 – Uspensky, V.L., Yakhontova, N.S. (2021). Pis'ma kalmytskikh vladel'tsev nachala XVIII v. v Biblioteke SPbGU [Letters from Kalmyk owners in the early 18th century in the Library of St. Petersburg State University]. *Tibetologiya v Sankt-Peterburge: sb. st. Is. 2*. SPb. Pp. 267-294. [in Russian]

Yarmarkina, 2019a – Yarmarkina, G.M. (2019). Voennaya leksika v delovykh pis'makh khana Ayuki i russkikh perevodakh 1714 g. [Military Terminology in Official Letters of Khan Ayuka and 1714 Russian Translations]. *Mongolovedenie*. 11 (4): 903-915. [in Russian]

Yarmarkina, 2019b – Yarmarkina, G.M. (2019). Nominatsii lits po sotsial'nomu polozheniyu v kalmytskikh delovykh pis'makh XVIII veka i ikh ekvivalenty v russkikh perevodakh [Kalmyk Official Letters of the 18th Century: Social Position-Related Naming Units and Their Equivalents in Russian Translations]. *Mongolovedenie*. 11(3): 629-639. [in Russian]

Yarmarkina, 2019c – Yarmarkina, G.M. (2019). Strategii perevoda kalmytskikh delovykh tekstov XVIII v. (na materiale pisem khana Ayuki i ikh russkikh perevodov 1714 g.) [Translation Strategies for 18th-Century Kalmyk Official Texts: a Case Study of Khan Ayuka's Letters and Russian Translations of 1714]. *Oriental Studies*. 12 (6): 1188-1197. [in Russian]

Yarmarkina, 2020a – Yarmarkina, G.M. (2020). Antroponimy v pis'makh khana Ayuki i ikh russkikh perevodakh: predvaritel'nyi analiz [Letters of Khan Ayuka and Their Russian Translations: Anthroponyms Revisited. Preliminary Analysis]. *Mongolovedenie*. 12(3): 497-508. [in Russian]

Yarmarkina 2020b – Yarmarkina, G.M. (2020). Bytovaya leksika v delovykh tekstakh XVIII v. (na materiale pisem khana Ayuki i ikh russkikh perevodov) [Kalmyk Household Vocabulary in 18th-Century Official Texts: A Case Study of Khan Ayuka's Letters and Their Russian Translations]. *Oriental Studies*. 13(4): 1092-1102. [in Russian]

Yarmarkina, 2020c – Yarmarkina, G.M. (2020). Osobennosti perevoda toponimicheskoy leksiki v delovom tekste XVIII v. (na materiale pisem khana Ayuki i ikh russkikh perevodov) [Features of the translation of place-names in business texts of the 18th century (based on the letters of Khan Ayuka and their Russian translations)]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 4(48): 85-91. [in Russian]

Yarmarkina, 2021a – Yarmarkina, G.M. (2021). Soobshcheniya o podarkakh v kalmytskikh delovykh tekstakh XVIII v. (na materiale pisem khana Ayuki i ikh russkikh perevodov) [Messages about Gifts in 18th Century Kalmyk Official Texts: A Case Study of Khan Ayuka's Letters and Their Russian Translations]. *Mongolovedenie*. 13(4): 764-774. [in Russian]

Yarmarkina, 2021b – Yarmarkina, G.M. (2021). Etiketnye formuly kak etnolingvisticheskie komponenty original'nykh i perevodnykh kalmytskikh delovykh tekstov XVIII v. (na materiale pisem khana Ayuki i ikh russkikh perevodov 1714–1715 gg.) [Etiquette Formulas as Ethnolinguistic Components of Original and Translated 18th Century Kalmyk Official Texts: A Case Study of Letters by Khan Ayuka and Related Russian Translations, 1714–1715]. *Oriental Studies*. 14(5): 1102-1110. [in Russian]

«А ваше великое дело подлинно я не знаю, а подлинно бы ваше письмо пришло ко мне, паче того порадовался бы». Два письма калмыцкого хана Аюки к русскому царю Петру Алексеичу 1713 г.

Владимир Толтаевич Тепкеев ^{a, *}, Нарма Арслангович Каманджаев ^a

^a Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tvt75@mail.ru (В.Т. Тепкеев)

Аннотация. В статье подробно рассматривается обзор письменного наследия калмыцкого хана Аюки, сохранившегося до наших дней, а также публикуется текст перевода двух новых его писем. В последнее время в историографии наблюдается возрастающий интерес к личности калмыцкого хана Аюки и его письменному наследию, которому посвящен целый ряд публикаций. Целью работы является введение в научный оборот двух новых письменных свидетельств хана Аюки. Основной источниковой базой для данной работы послужили материалы Российского государственного архива древних актов, где отложились уникальные документы, касающиеся переписки калмыцкого хана с русским царем Петром Алексеевичем. Публикация этой переписки внесет серьезный вклад в изучение русско-калмыцких отношений XVII–XVIII вв. В документах мы находим довольно интересные сведения о военно-политической ситуации на южном и юго-восточном порубежье Российского государства. Эпистолярное письменное наследие калмыцкого хана Аюки – это бесценный исторический источник, который позволяет современным исследователям всецело изучить эпоху становления и образования Российской империи в начале XVIII в.

Ключевые слова: Петр Алексеевич, хан Аюка, письменное наследие, калмыки, русско-калмыцкие отношения, донские казаки.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1630-1642
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1630

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Last Nomads of Eurasia: the Loss of the Prestige of the Supreme Power and the Crisis of the Kazakh Statehood (on the Example of the Junior Horde)

Galiya A. Shotanova ^{a, *}, Ernar M. Uzhkenov ^b, Zaure S. Tabynbaeva ^b, Anar D. Arepova ^a

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article discusses the main causes of the crisis of sovereignty of the Kazakhs of the Junior Zhuz, which subsequently led to the loss of independence, first in Western Kazakhstan, and later in other parts. The causes themselves of the crisis of the khan's power were sown deep within nomadic state, where, despite the right of primogeniture and the time-honored dynastic tradition, nevertheless, the strong positions of the steppe aristocracy remained, and not only among the representatives of the “white bone”, but also the nomadic nobility from among the “black bone”.

To the external reasons for the elimination of statehood among the Kazakhs, internal reasons were added, expressed not only in the intensification of internecine struggle, but also the general economic decline of the entire Central Asian region, associated with the consequences of the Dzungarian invasion and the crisis of urban culture. In fact, the Kazakh state at the beginning of the 18th century was the last state of Eurasia, where the nomadic economy fully dominated over other forms of life. Although Kazakh society traditionally belongs to the types of economy that did not depend so much on trade with settled centers, nevertheless, the decline of urban culture in the south led to increased contacts with the Russian Empire in the west, north and east of the country, which in turn affected the strengthening of economic dependence on the Russian market.

The elimination of the traditional khan status led to various difficulties in the further development of the conservative Kazakh society. The combined internal, external, economic and cultural reasons led to a decline in the prestige of the supreme power, and as a consequence, its abolition by the imperial administration. That is why the authors made an attempt to restore the picture of the external and internal situation in the Kazakh Steppe after the death of the last universal Kazakh khan and analyze the causes of the decline of the Kazakh state. Previously, there were numerous attempts by scientists to restore the realities of the political life of the Kazakh khanate, which from the 30s of the XVIII century began to feel new hardships of the situation that had developed by this period, however, these studies were mainly based on the previous, earlier established approaches and, as a rule, did not take into account the mentality, folklore sources and other previously unused approaches, which could not but affect the distortion of historical reality. Therefore, the authors in this article have tried to restore the general historical background of the collapse of the last nomadic state of the Eurasian steppes.

Keywords: abolition of power, steppe aristocracy, Kazakh Steppe, protests, Abylkhair, Abylai, Kalmyks, Cossacks, Dzungarian Khanate, Dzungars.

1. Введение

Перемены в деле управления новыми землями в Российской империи начинаются с начала XIX века, когда прежняя форма вассалитета кочевой элиты сменяется на полную зависимость. Победа над Наполеоном и походы в Европу познакомили правительство Российской империи с более

* Corresponding author

E-mail addresses: galia8.09@mail.ru (G.A. Shotanova)

централизованной и упорядоченной системой управления зависимыми территориями. В итоге все заимствованные нововведения в Российской империи стали основой для завершающего этапа окончательной колонизации казахских степей и ликвидации последних атрибутов кочевого государства, как, например, института ханской власти.

Титул хан имел свои особенности в условиях кочевого образа жизни. Хан – не только полководец, но и символ самой сути государственности. Смерть хана всегда подразумевало тяготы и потрясения для населения. Сакрализация титула правителя для истории дело вовсе не новое, но сама специфика кочевого строя с его довольно частыми конфликтами не могла служить базисом для длительного устойчивого развития. Именно поэтому роль хана должна была включать в себя все основные функции правителя. Руководство военными силами, контроль над распределением пастбищ, верховная судебная власть, а также контроль над внешней политикой – все это относилось к должностным обязанностям хана. Такая централизация в одних руках, естественно, как облегчала руководство обществом, так и приводила в случае смерти правителя к очередному витку междоусобиц. Возросшая зависимость степной аристократии от колониальных властей постепенно сменилась сначала к прерогативе утверждения в ханском достоинстве кандидата, далее к назначению, а уже по мере ослабления авторитета ханского звания и его отмене.

2. Методы и материалы

В рамках написания статьи использованы документы фондов Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), Государственного архива Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация), Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация), Архива внешней политики Российской империи (Москва, Российская Федерация), а также жалованные грамоты российских правителей казахским ханам ([Грамота императрицы..., 1739: 1](#); [Грамота императрицы..., 1771: 1](#); [Грамота императрицы..., 1789: 1](#)) выявленные из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н. Лобачевского (г. Казань). Фонды содержат сведения об активизации внешней политики Российской империи накануне окончательного распада Казахского ханства ([Грамота, 1789: 1](#)), о предпосылках ликвидации ханской власти в Младшем жузе ([РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а](#)), а также о взаимоотношениях представителей царской администрации с отдельными представителями степной знати Казахского ханства и среднеазиатскими государствами ([ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 843а](#); [ГАОР. Ф. 6. Оп. 10. Д. 224а](#)).

Следующую группу источников составили документы личного происхождения. Сведения о контактах с соседствующими калмыками и другими народами нашли отражение в записках и дневниках европейских путешественников Г. Форстера ([Forster, 1798](#)), Е. Эверсмана ([Eversman, 1823](#)); Т. Аткинсона ([Atkinson, 1858](#)), М. Дженкинсона ([ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 869](#)).

Вместе с тем существенную помощь в реконструкции политической ситуации XVIII в. оказали различные сборники документов и материалов по истории дипломатических и политических отношений с Российской империей и Цинским Китаем ([Из истории..., 2019](#); [Цинская империя..., 2020](#)) а также сборник оригинальных текстов писем казахских ханов и султанов монархам и чиновникам России и соседних восточных государств ([Письма калмыцких ханов..., 2009](#); [Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014](#))

Данное исследование предполагало использование не только общих научных методов и подходов, но и применение новых. В этой связи были применены методы исторического исследования, такие как хронологический, нарративный, историко-типологический, сравнительно-исторический, метод актуализации и ретроспективы. Проработать некоторые принципы управления окраиной изучаемого периода помог также метод микроисторического анализа. Для выявления достоверной информации и попытки переосмысления степени влияния соседних государств на кочевую элиту Казахской Степи в XVIII – начале XIX вв. были применены методы критического анализа и визуальной антропологии. Метод визуальной антропологии в последнее время широко используется в разборе исторических событий и встречается, к примеру, в трудах таких историков, как Т.Т. Далаевой, Г.С. Султангалиевой ([Далаева, Султангалиева, 2022: 39](#)), С.Е. Ажигали ([Ажигали, 2007: 41](#)), Л. Мазур ([Мазур, 2025: 167](#)) и др.

3. Обсуждение

Вопрос потери престижа верховной власти и кризис казахской государственности на примере Младшего жуза обладает солидной библиографией. Научные исследования последних лет, к примеру, авторитетных авторов, как К.Ш. Хафизовой ([Хафизова, 2019](#)), И.В. Ерофеевой ([Ерофеева, 2018](#)), Г.Б. Избасаровой ([Избасарова, 2022](#)), Н.Н. Крадина ([Крадин, 2020](#)), В.В. Трепавлова ([Трепавлов, 2018](#)) дают нам возможность реконструировать социально-политическую ситуацию Казахского ханства в условиях геополитических изменений.

Предыдущий XVII век для казахов во многом стал переломным. После крупных успехов почти по всем направлениям внешней политики, в особенности на юге, Казахское ханство стало испытывать ряд ощутимых проблем. На первый план выходил традиционный для всех кочевых государств

сепаратизм, который во многом подпитывался географическими условиями и несовершенством коммуникаций. В работе советских авторов Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина рассматривается влияние власти на характер правителей. Они делают акцент на то, что, оказавшись во главе крупных племенных групп, любой наместник рано или поздно начинал подчиняться, если не во всем, то во многом воле родоправителей (Сулейменов, Басин, 1981: 62). Все это ослабляло центральную власть и не позволяло усилить центробежные тенденции, которые имели место быть ранее. Ввиду усилившихся военных столкновений, на первый план стали выходить народные герои – батыры, которые и встали во главе родовых ополчений (Мұқамбетханұлы, 2010: 87, 109, 115). Постепенно, именно в их руках стала концентрироваться вся власть. О том, что «ханы стали опираться на поддержку батыров, надеясь тем самым уменьшить влияние султанов» описывается в исследованиях отечественных авторов Е.Д. Турсынова (Турсынов, 2017: 146-147) и И.В. Ерофеевой (Ерофеева, 2018: 156). Если подобной поддержки удавалось добиться, то этот хан действительно мог претендовать на всю полноту власти, что можно наблюдать в работах известного востоковеда К.Ш. Хафизовой (Хафизова, 2019: 166). Последним таким всеказахским ханом, имевшим всю полноту законодательной, военной и политической власти был Тауке. Однако после болезни «Тауке во многом устранился от принятия наиболее важных решений, что автоматически привело к усилению роли ханов жузов» (Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014: 82-83).

Помимо внутривластных неурядиц, стало сказываться и общее ухудшение внешнеполитической обстановки. Неспособность защитить отдаленные земли «от разоряющих набегов, упадок хозяйства и прочие сопутствующие причины усилили тягу к самостоятельности местных управителей» (Ужкенов, Шотанова, 2020: 441). Известный ученый Н.Н. Крадин в работе «Кочевники и всемирная история» склоняется к тому, что данная ситуация характерна для многих государств (Крадин, 2020: 65). Однако отметим, что «сами традиции государства продолжали существовать в Казахской степи, пусть и в усеченном виде» (Муктар, 2008: 47).

При исследовании причин политического кризиса в Казахских степях важно учитывать изменения, произошедшие в системе престолонаследия. Некоторое время власть передавалась по старшинству в семье, что соответствовало старинной практике степных народов. Впрочем, начиная с XVIII в., наблюдается «тенденция к передаче власти по прямой линии наследования» (Хафизова, 2019: 256-257). Характерным примером представляется передача власти Абулхаир-ханом своему сыну Нуралы, несмотря на свое противостояние с ним. Эти изменения в традиции престолонаследия в Казахской Степи описывается в работе И.В. Ерофеевой «Символы Казахской государственности» (Ерофеева, 2001: 15-16), а также в исследовании В.В. Трепавлова «Символы и ритуалы в этнической политике России XVI – XIX вв.» (Трепавлов, 2018: 33). Еще один пример - передача власти сыну Уали и другими наследниками от Абылай-хана. Эти изменения обусловлены укреплением влияния соседних государств, где престолонаследие государств происходило на иной, прямой основе, характерной для оседлого образа жизни.

Сам кризис единого государства в казахстанской исторической науке, а именно дата утраты независимости, традиционно ассоциируется с датой принятия подданства ханом Абулхаиром (Ажигали, 2007: 41), возглавлявшего Младший и часть Среднего жузов. Кроме того, негативное восприятие роли Абулхаира в нашей истории продолжает существовать и по настоящее время.

В разные исторические периоды личность Абулхаир-хана оценивалась по-разному. Его действия как правителя части казахов также «трактовались через призму политических обстоятельств времени» (Izbassarova et al., 2023: 77). Образ победителя в одной из ключевых битв советской эпохи сменился на образ коварного правителя, стремившегося к единовластию при поддержке Российской империи. Самый полный и достоверный портрет личности Абулхаир-хана был представлен в одной из научных работ И.В. Ерофеевой (Ерофеева, 2007: 10). Со времени выхода данного научного труда историческая наука в Казахстане неуклонно продолжала развиваться, осваивая новые методы и подходы, применение которых позволило пересмотреть устоявшиеся взгляды.

Следует отметить, в основном советская историография склонялась к тому, что причины принесения присяги всегда рассматривались только в одном ключе, где народы искали спасение от неизбежного истребления со стороны агрессивных соседей. Внутренние причины принесения присяги прежде самостоятельными владыками всегда трактовались как решение комплекса внешнеполитических проблем.

В дореволюционной историографии присяга Абулхаир-хана с самого начала описывалась как шанс избежать окончательного поражения от джунгарских войск. Свою лепту в эту трактовку внес и знаменитый казахский ученый Ч.Ч. Валиханов, когда он описывал события одного из этапов казахско-джунгарской борьбы следующим образом: «1723 г. особенно памятен киргизам (казахов) своим роковым характером и сохранился в народной памяти. В этот злополучный год, сопровождавшийся глубокими снегами и гололедицей, Галдан-Церен, джунгарский хонтайши, с несметным чериком (войском) вторгается в Киргизскую степь для наказания кайсаков и бурутов за прежние их набеги и буйства. Преследуемые повсюду свирепыми джунгарами, киргизы ... бегут на юг, оставляя на своем пути имущество, исхудалый скот... Не находя в среднеазиатских песчаных степях сытных пастбищ и вступив во вражду с новыми соседями, киргизы обращаются к границам

могущественной России, чтобы искать ее помощи» (Валиханов, 1985: 111-112). Этот период носит название в устной историологии казахского народа как «Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама» (Мұқамбетханұлы, 2010: 88). Столь жестокое поражение казахов в борьбе с врагом стало основанием для возникновения мнения о неизбежном истреблении казахов от рук соседей, а следовательно, сама идея присяги выглядит логичным шагом для любого дальновидного правителя. Здесь в первую очередь речь идет об «1723 г. как о пике бедствий казахов» (Валиханов, 1985: 111-112).

Победа над джунгарами была одержана в конце 1730 г., а принесение присяги состоялось зимой 1731 г. Хронология событий, приведших к присяге, показывает, что ко времени принесения присяги Абулхаиром, «джунгарская угроза если была не снята с повестки внешней политики казахских ханов, то явно перестала быть основной» (Касымбаев, 1999: 2, 100). Кроме этого, в свете современных знаний и открытий, следует пересмотреть саму концепцию взаимоотношений между кочевыми народами. Из устной исторической традиции известно, что многие племена находились в дружественных отношениях. К примеру, «джунгарский хунтайджи сразу после поражения в Аныракайской битве единственному из числа казахских ханов предложил Абулхаиру свою дочь для закрепления связей и будущего союза» (Касымбаев, 1999: 2, 100). Почти все казахские ханы имели жен из числа калмычек или джунгарок, что конечно, вовсе не свидетельствует о добровольности таких браков. Практически вся борьба с джунгарами в 1740-1750 гг. шла либо на границе казахских земель, либо в глубине джунгарских территорий. Следует отметить, что после поражения от китайских войск, многие джунгары нашли укрытие в казахских аулах, так что теория о бескомпромиссной войне между кочевниками абсолютно несостоятельна.

Вторым основанием в дореволюционной историографии для присяги Абулхаир-хана считается стремление Абулхаир-хана при поддержке Российской империи стать главным ханом. Предписываемое Абулхаир-хану коварство со стороны дореволюционных историков является по большей части домыслом, нежели подтвержденным фактом. Безусловно, как и всякий правитель, Абулхаир-хан, «будучи дальновидным политиком, видел укрепление Российской империи на западных рубежах Казахской Степи и вполне естественно вступал в дипломатические отношения с соседними правителями, где отстаивал собственные интересы» (Ерофеева, 2007: 10). Эти умения и опыт пригодились ему при переговорах и с представителями царской администрации, так что приписываемое ему коварство, как минимум вызывает сомнения. Важно понимать, что ученые XIX века слабо представляли себе иерархию и природу ханской власти в Казахской Степи.

4. Результаты

В Казахской Степи главный хан, как правило, должен был иметь авторитет в родах Старшего и Среднего жузов, и хотя после общей победы в Аныракайской битве авторитет Абулхаира как главного полководца был весьма высок, но ввиду сильных позиций местных родоправителей Абулхаир-хан вряд ли мог рассчитывать на поддержку местных элит. Интересным фактом является то, что Абулхаир хан все-таки называет себя ханом и Среднего жуза. Так, в тексте присяги упомянуто (*точный перевод А. Исина – от автора*), что: «...Поскольку этот Алдарбай просил посла к Вашему Императорскому Величию, мы, Абулхаир-хан, сорок санов казахов, Средней и Младший жузы со всеми подвластными мне караша склоняем голову» (Қожақұлы и др., 2020: 155). Однако это упоминание, по всей видимости, было рассчитано на слабое понимание российскими чиновниками реалий политической борьбы в Казахских степях, поскольку Абулхаир-хану из родов Среднего жуза подчинялись только казахи рода аргын, подвластные его стороннику Жанибеку багыру.

Помимо этого, следует обратить внимание, что за период ряда поражений в первые десятилетия XVIII в. Казахское ханство утратило свою целостность. Например, из источников известно, что рода племени найман имели собственного хана – Барака, который вовсе не стремился к поддержке центробежных стремлений Абулхаир-хана. Кроме того, хотя после победы в Аныракайской битве Абулхаир смог усадить на престол Старшего жуза своего брата Жолбарыса, всеми делами там управляли бии и другие старшины, которые во многом ориентировались на среднеазиатских правителей.

Следовательно, стремление Абулхаир-хана к единовластному правлению можно считать неосуществимым и, конечно, будучи опытным человеком, он не мог это не понимать. Есть еще один фактор, также мало учитываемый дореволюционными историками: Абулхаир-хан фактически уже был старшим ханом (Хафизова, 2019: 9), по крайней мере, с ним советовались все остальные независимые правители. Титул «старшего хана» не означал всю полноту политической власти, однако предполагал право решающего голоса. Данный титул не являлся наследственным, а во многом объяснялся личными заслугами самого правителя и более того, этот титул вовсе не являлся постоянной величиной, и носитель этого «квазититула» мог его лишиться в случае ряда поражений или других неудач.

Исходя из вышеперечисленного, причины принесения присяги лежали вне плоскости сугубо внешнеполитических проблем, а во многом зависели от начавшейся трансформации природы власти в кочевых обществах. Понимание причин и мотивов принятия присяги Абулхаир-ханом можно проследить, исходя из его действий и направлений походов.

Сама хронология событий, приведших Абулхайр-хана к присяге, изменившей весь ход истории Казахстана, несет в себе ряд противоречий. После одной из решающих побед в битве, буквально через месяц Абулхайр-хан дает вассальную присягу, следует обратить внимание на текст присяги, который довольно необычен. По сути, весь текст присяги подразумевает мирное сосуществование с другими кочевыми подданными российской короны и участие войска Абулхайр-хана в действиях, направленных на поддержку российской императрицы, что направлено на «степень центробежных процессов» (Шотанова, 2022: 595). Сама царица ограничилась обещанием защиты и поддержки. Вся дань казахов заключалась в обязанности платить в казну империи символических 40 шкур лисиц. Весь остальной текст включал в себя условия торговли и обязанности наказания бунтовщиков, а также выдачи пленников и рабов.

Надо отметить, что отношения между казахами Младшего жуза и кочевыми подданными Российской империи редкий год были мирными. Еще в 1709 году казахи ограбили казачий обоз, шедший в Сызрань. Помимо мелких стычек, имевших место быть в 1711 и 1713 гг., когда были разгромлены казачьи обозы, наблюдались и крупные сражения, как например осада Яицкого городка в 1718 г. 20-тысячным казахским войском. Неумение брать штурмом привело к снятию осады через месяц, однако уже «в июле 1719 г. двадцатитысячное войско казахов во главе с Абулхайр-ханом снова осадили Яицкий городок и почти добились победы» (Ерофеева, 2007: 152). Эти действия вызвали «ответные меры со стороны казаков, как, например, поход атамана В.П. Беклемишева в 1721 г.» (Ерофеева, 2007: 174). В ответ казаками в январе была разграблена слабозащищенная Зимняя станица на р. Шагын и взято в плен 70 казаков.

Сложными были отношения и с калмыками. Одним из свидетельств является донесения, датированное 28 ноября 1723 года князя А.П. Волынского Военной коллегии. Здесь говорится, что «войска Абулхайра в первых же сражениях с калмыками наголову разбили улусы тайши Лекбея численностью около 2 тыс. семей, захватили большое количество пленных, множество голов скота» (Ерофеева, 2007: 171), однако в целом поход был неудачным, так как не достиг своих главных целей.

Военное противостояние в Волго-Уральском регионе не только отвлекало казахские войска от противодействия с джунгарами, но и осложняло в целом внешнеполитическое положение казахов. Только в 1729 г., воспользовавшись временным перемирием с калмыками, Абулхайр-хан смог разбить джунгар в Аныракайской битве. Более того, упрек дореволюционных историков в коварстве Абулхайра вполне оправдан тем, что и после присяги он продолжал отстаивать право казахов на земли в Волго-Уральском регионе. Например, «13 февраля 1746 г. казахское войско численностью 1500 человек, возглавляемое Абулхайром, обошло форпосты Яицкой линии ниже Гурьева, перешло на правый берег реки и напало на калмыков, отогнав большие табуны лошадей. Они разгромили русские поселения и увезли с собой 638 человек русских и калмыков» (Ерофеева, 2007: 374). Ровно через год, в январе 1747 г., такой же набег повторили 500 жигитов Абулхайра. Эти военные действия показывают, что, с одной стороны, после присяги мир между народами региона не был достигнут в полной мере, а с другой стороны, что Абулхайр-хан все еще считал себя независимым правителем, свободным от принятых обязательств.

Подлинными причинами факта принесения присяги для Абулхайр-хана были, по-видимому, специфика ведения кочевого хозяйства. Зависимость кочевников от торговли с оседлым населением всегда была высокой. К примеру, в отличие от казахов, «торговля Ирана с туркменами служила своего рода оружием. Закрывание рынков приводила к междоусобным войнам среди туркменских племен» (Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014: 141). Нашествие джунгар привело к упадку городской культуры Южного Казахстана и Средней Азии, что привело к поиску новых торговых партнеров и к усилению взаимосвязи Российской империи с Центральной Азией. Неизбежное оседание кочевников и необходимость обеспечения доступности товаров из оседлых регионов ясно понимали и наиболее дальновидные политики, такие как Абулхайр и Абылай. Стремление опереться на города было не только следствием получения выгоды от торговли, но и средством укрепления центральной власти в кочевом обществе. Поэтому неудивительно, что одной из наиболее важных просьб Абулхайр-хана к российскому правительству была постройка города (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 843а). Однако царское правительство стремилось использовать строительство Оренбурга в своих целях, что в результате перекрыло возможности прямых отношений между казахами и башкирами (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 843а. Л. 3; ГАРТ. Ф. 10. Оп. 5. Д. 934. Л. 26 об.). Потеряв надежды на крепость на Урале, Абулхайр-хан просил правительство империи профинансировать строительство города на Сырдарье, где также получил отказ из-за дальности и невозможности доставить туда необходимые материалы. Перестав надеяться на Российскую империю, Абулхайр-хан начинает предпринимать меры по укреплению своих позиций в Степи.

Таковыми мерами стали действия Абулхайра на южном направлении. Еще в 1728 году, по всей вероятности, «Абулхайр-хан помог организовать свержение хивинского хана Ширгазы, также происходившего из рода казахских Чингизидов» (Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014: 409). Кстати, именно эта занятость хивинскими делами, по-видимому, не позволила Абулхайр-хану сразу выступить в поход после победы над джунгарами в битве при Буланты. После этого «он организовал восхождение на хивинский трон сразу трех своих ставленников подряд, своего племянника Мамай,

зятя Батыра и дальнего родственника Ильбарыса (Жолбарыса)» (ГАОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 57). Если первый ставленник погиб практически сразу в результате неудачного случая или покушения, то второй ставленник не стал испытывать судьбу и буквально через несколько месяцев бежал из Хивы. Лишь последний укрепился на ханском престоле Хивы и в целом вел независимую политику. Его прямое военное столкновение с войсками Надир-шаха закончилось его казнью, несмотря на поддержку от казахов. Однако когда Абулхайр-хан изъявил свои права на престол, то Надир-шах внешне не был против. В 1740 году Абулхайр на предложения персидского Надир-шаха отвечает так: «Я же при объявлении сего прошу: ежели, что имеете мне объявить, то оным не замедлить, почему и с моей стороны надлежащим ответом не премину, дабы без такого посредства в нечаянном случае между нашими мусульманским и вашим персидским народом не последовала кровопролитного греха. Ибо, ежели вы имеете постоянный и неразрывный с е.и.в. всероссийскую мир, то и с нами учинить вам потребно, буде же с е.и.в. намерены вы подвигнуть войну, то и с нами оное продолжать не оставляйте...» (Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014: 139). Здесь стоит отметить, что Абулхайр-хан прибегнул к упоминанию что пользуется полной поддержкой Российской империи. Для подтверждения своего блефа он использовал послов России на переговорах с Надир шахом. Однако, переговоры были сорваны, а сам Абулхайр был вынужден уйти из Хивы. Хотя в целом его сын Нуралы смог вернуться на престол, он не смог его закрепить за своей семьей.

Столь яростная борьба за Хиву, как представляется, была нужна Абулхайру как раз в качестве закрепления Хивы в качестве его столицы. В тоже время «старший сын Нуралы довольно долго был ханом приаральских казахов и каракалпаков, а позже стал ханом мангышлакских туркмен» (Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014: 173). Вышеупомянутый брат Абулхайра «Жолбарыс, стал ханом Старшего жуза», о чем свидетельствует обращение императрицы Анны Иоановны к хану Старшего жуза Жолбарысу (*Илбарис – в письме е.и.в. А.И*) от 1739 г. (Грамота императрицы, 1739: 1). Следует отметить, что под властью семьи Абулхайра находились большие территории и довольно многочисленные ресурсы. Стремление Абулхайра, как представляется, заключалось в формировании нового государственного объединения, где Младший жуз был бы основой, Хива – столицей, а подвластные племена – щитом против вероятных противников. К этому следует отнести и другие внешнеполитические действия Абулхайра, как например приглашение его на ханство в Башкирию или желание породниться с джунгарским хунтайджи. Этот широкий охват территории «послужил бы основой для противостояния с новыми угрозами, будь то Джунгарское ханство, Российская империя или государство Надир шаха» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1741 г. Д. 4. Л. 60). Понятно дело, что сама система, выстроенная в рамках одной семьи, была несовершенной и рыхлой. Тот же Нуралы, все больше демонстрировал тягу к полной независимости, «заручившись поддержкой нового Оренбургского губернатора Неплюева» (ГАОрО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 18. Л. 286). По сути, все мечты Абулхайра-хана разбились об привычный сепаратизм кочевой элиты.

Усиление влияния российского правительства также не позволило Абулхайру в полной мере реализовать все свои планы. Данное влияние реализовывалось через режим недопущения кочевников на ту или иную территорию, а также в создании военных пограничных линий.

Такие меры царского правительства по ограничению природной мобильности кочевников конечно не могли не привести к росту недовольства кочевников, которые заставляли свою аристократию предпринимать меры к более решительной защите интересов рядовых кочевников. Естественно, не всегда удавалось этого добиться только путем переговоров и поэтому «растущее недовольство приводило местное население к различным мерам выражения своего недовольства, начиная от простой перекочевки подальше от российских границ до восстания. В свою очередь подавление восстаний требовало от царского правительства значительных ресурсов для подавления, включая финансовые и человеческие, что, учитывая ограниченность местных сил на первых этапах, являлось нежелательным событием для царской администрации» (РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 542. Л. 1).

Важной частью царской стратегии было ведение переговоров и уступок части политических представителей кочевников. Например, применение тактики уступок на практике было распространено в деятельности местной администрации, например, в удовлетворении требований казахов в период восстания среди казахов под руководством Сырыма Датуглы. Надо отметить, что несмотря на факт вхождения казахских земель в состав Российской империи с момента присяги Абулхайра, впоследствии казахские правители сохраняли высокую степень автономии.

В качестве наглядного примера можно указать на действия Абылай-хана в области внешней политики. Например, Абылай-хан вел бои с кыргызами, джунгарами, цинскими войсками и государствами Средней Азии, что кажется не совсем совместимым с российским суверенитетом. Заметен и «сам факт заключения внешних договоров Абылаем, независимо от позиции царской администрации» (ГАОрО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 224а. Л. 4).

Отмена ханской власти в Казахской степи нанесла существенный урон самому принципу наследования ханской титулатуры, а также всей политической системе казахов, поскольку титул «хан» олицетворял собой государственность, а, следовательно, и сам титул вступал в противоречие с господствующей идеологией Российской империи, где уже не допускалось существование полунезависимых образований. Так, сам принцип существования зависимого во внешних делах,

но автономного во внутренних делах, подрывал единство империи, недаром квинтэссенцией идеологии выступило решение Николая I по поводу проекта создания буферного ханства между эмиратами Средней Азии и Российской империи: «в одном государстве не бывать двум властителям» (Дубровицкий, 2010: 35).

Необходимо рассматривать последние очаги государственности в более широком контексте – потере суверенитета у казахов предшествовала потеря независимости у кочевых народов Приволжья и Прикаспия. Самостоятельности лишились калмыцкие тайши, башкирские князья (беки), ногайские беки и т. д. Кавказские народы также были лишены, правда, с перерывами. Так, «Аварское ханство в середине 1850-х гг. ненадолго было восстановлено, но уже через одно десятилетие ханское достоинство было упразднено» (Хапизов, 2013: 173).

Абулхаир-хан в народной исторической памяти остался одной из самых противоречивых фигур, правление которого пришлось на самое тяжелое время казахского народа. Глубочайший кризис казахского общества того времени воплотился в скорбную память народа, известную как «Ақтабан шубырынды». Следует отметить, что Казахское ханство на тот момент уже не представляло собой единое целое, однако «определенная центростремительная инерция была достаточно сильна в казахском обществе, что в конечном итоге привело к восстановлению относительной целостности кочевого государства уже при Абылай-хане» (Из истории..., 2019: 123).

Сама личность Абулхаир-хана как великолепного стратега и полководца, опытного администратора и дипломата, обладавшего хорошим пониманием политической обстановки, безусловно нашла свое отражение в многочисленных источниках, как письменных, так и в устных. Полководческий гений Абулхаир-хан особенно ярко проявился в период ожесточенных и многочисленных войн, что вел казахский правитель на протяжении всей своей жизни. Военные заслуги Абулхаир-хана заключались не только в «организации побед и его личной отвагой, но и грамотной стратегией распределения ресурсов» (Политические портреты, 2022: 174-175).

Не обладая возможностью объединения всех своих войск в единый кулак, что вполне объяснимо условиями кочевого хозяйства и природными особенностями Казахской степи, Абулхаир-хан тем не менее достаточно своевременно реагировал на возникавшие угрозы, и благодаря природной мобильности кочевников. Исходя из скудности своих ресурсов, Абулхаир-хан использовал свои военные силы, в большинстве своем исходя из политических задач. Только прямые угрозы вынуждали его вступать в прямые военные столкновения, исключая конечно небольшие вторжения и отражения просто грабительских рейдов. Частые походы против калмыков «как правило оканчивались заключением очередного перемирия или улучшением условий, заключенных ранее» (Письма калмыцких ханов, 2009: 104; Forster, 1798: 7). Лишь джунгарская угроза требовала «объединения усилий всех боеспособных казахов, а личность Абулхаир-хана больше всего подходила на роль главнокомандующего» (ГАРТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 684. Л. 18).

Большой авторитет и его заслуги помогли ему приобрести поддержку большинства батыров и возглавить войско. Его полководческий гений особенно ярко проявился в Аныракайской битве. Исходя из тактики, принятой у кочевых народов того времени, когда после ожесточенной схватки, воины должны были разойтись для отдыха, Абулхаир напротив выбрал тактику «бесперывных атак, что и привело сначала к замешательству джунгар, а затем и к полному поражению» (Политические портреты, 2022: 203). Сама Аныракайская битва стала по сути дела воплощением идеала Абулхаир-хана, где «объединенное войско, возглавляемое сильным правителем, стало бы надежной щитом защиты казахских земель» (Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014: 30), и в конечном итоге послужило бы основой для восстановления единства ханства.

Победа над джунгарами, кроме улучшения геополитической ситуации, придала еще больше авторитета Абулхаиру, и стало основой для реальной заявки на общеказахский престол. Будучи опытным дипломатом, Абулхаир понимал все трудности и тщетность своих надежд. Ослабленные центростремительные течения, сложившиеся благодаря «сепаратизму родовых властителей, постоянные внешние угрозы, сокращение пастбищных угодий, а самое главное ослабление традиций государственности привели к невозможности восстановления титула главного хана» (Из истории..., 2019: 123). Обладая острым политическим чутьем, Абулхаир-хан удовлетворился титулом старшего хана, что не давало ему значимых политических дивидендов, но позволяло быть в курсе всех политических перипетий, и отчасти вследствие этого, в малой степени контролировать деятельность других властителей.

Существовавший институт подготовки молодых султанов в степи, в которой будущих правителей обучали основам дипломатии и военным навыкам, включали в себя как правило и знание хозяйственных вопросов, а также практику распределения земель родовым общинам.

Тем не менее, несмотря на череду успехов, политика Абулхаир-хана была обречена на провал. Его попытка восстановить прежние модели кочевого государства, где «доминирование было закреплено за кочевниками, а оседлые поселения играли подчиненную роль и были основными налогоплательщиками, была обречена на провал» (Вульсон, 1901: 3). Общее ослабление государства, внешнеполитическое давление и внутренние центробежные течения так или иначе не могли позволить осуществиться всем идеям Абулхаира. Главный союзник Абулхаир-хана на

первоначальном этапе, Российская империя, по мере укрепления своих позиций, перестает нуждаться в нем, а делает «ставку на других влиятельных участниках политических процессов в Казахской Степи. Кроме того, даже сам сын Абулхаира, будущий хана Нуралы, под конец жизни отца во многом оппонировал ему» (Румянцев, 1910: 12-13). Поскольку это поведение не вызвало каких-либо последствий со стороны Абулхаира, то следует предположить, что на стороне Нуралы были многие представители кочевой элиты, которых полностью устраивала вассальная зависимость от России.

По сути, Абулхаир стал последним ханом из когорты старой элиты, которые во многом старались сохранить максимальный уровень своей независимости, временами вступая в военное противостояние со своими сюзеренами. После его смерти в 1748 году, власть «стала сосредотачиваться в руках степной знати» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748. Д. 8. Л. 17), которую вполне устраивало ее вассальное положение.

Лишь Абылай-хану удалось во многом воссоздать многие традиционные основы для кочевого государства. Подчинив себе города Южного Казахстана и устранив угрозы со стороны «джунгаров и кыргызов, Абылай-хан мог позволить себе лавирование между интересами Цинской и Российской империями» (Цинская империя..., 2020: 175-176). Его политика заключалась в строгом соблюдении баланса между этими интересами и его видением будущего казахского государства, которое бы и дальше оставалось буфером между Китаем, Россией и среднеазиатскими ханствами. Его успехи во внешней политике и удачные военные акции, позволили ему закрепиться в исторической памяти как восстановитель единого государства, что не совсем соотносится с исторической реальностью того времени. Дело в том, что «Нуралы-хан, сын Абулхаира достаточно крепко держал бразды правления Младшим жузом в своих руках» (Эпистолярное наследие в 2 кн., 2014: 219), и вовсе был не намерен делиться, в том числе и с Абылаем. Здесь на первый план выступает традиция, когда рода из одного жуза могли поддержать или войти в подданство хана из другого жуза, что говорит о чувстве единого этнического родства у казахов. Как мы уже упоминали, самого Абулхаир-хана поддерживали «казахи из рода аргын в лице своего предводителя Джанибек-батыра» (АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1741. Д. 3. Л. 6). Позже, это обстоятельство дало возможность Абулхаиру заявлять о себе как полноценного правителя Младшего и Среднего жузов. Абылай-хан в свою очередь также пользовался поддержкой части родов Младшего жуза, что и отразилось в народной памяти как правителя казахов из всех жузов.

Невыясненным остается вопрос об отношении самих казахов к упразднению титула «хан». Так, в советское время широко поддерживалось мнение о том, что часть батыров отрицательно относилась к самой идее ханской власти, ссылаясь на примеры Сырыма Датова, Жанкожи Нурмухамедова, Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова (Политические портреты, 2022: 174-175).

По мере продвижения Российской империи вглубь Казахской степи увеличивается и ее влияние. В частности, орудием продвижения служили организация военных укреплений, впоследствии соединявшихся военные линии, а также организация поселений, населявшихся в большей степени казаками и крестьянами из внутренних областей империи. Целью организации таких укреплений было не только наращивание военного потенциала в Степи, но и продвижение военного контингента на юг, а также отрезать казахов от практики откочевки, подальше от военных линий. Краткую характеристику новых отношений между империей и казаками в своей работе дала историк А.М. Абдильдабекова, отметив следующее: «Если с момента их зарождения в XVI в. до 30-х гг. XVIII в. это были отношения двух независимых государств, когда наблюдалось постепенное проникновение Российской империи в казахские степи, то со второй половины XVIII столетия определилась устойчивая тенденция, направленная на военное завоевание Россией территории Казахстана» (Абдильдабекова, 2012: 5).

С начала XIX в. царские власти начинают решительную колонизацию территории Младшего жуза. На наш взгляд, в волжско-уральском регионе для этого сложились самые благоприятные социально-экономические и политические условия. Избранный ханом в 1797 г. престарелый 74-летний Айшуак, в силу своего возраста добровольно передал полномочия хана своему сыну Жанторе. Сведения об избрании в 1805 г. Жанторе ханом Младшего жуза имеются в материалах военно-исторического архива «Дело об избрании в ханы Меньшей киргизской орды сына Айчувак хана Джантюри султана» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 18. Л. 4). Жанторе-хан обладал довольно мягким характером, уважал знания и ратовал за их распространение. К примеру, он интересовался музыкой, войдя в историю как создатель нового стиля в кюях. По сути, Жанторе представляет собой образ правителя, который не соответствовал этому крайне сложному историческому периоду (ГАОрО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 579. Л. 2). Дальнейшая судьба Жанторе-хана была печальной, в 1809 г. он был убит джигитами Каратай султана (ГАОрО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3. Л. 15), что послужило причиной дальнейшего витка насилия и нарастанию кризиса. В этих условиях новым ханом Младшего жуза в 1812 г. стал его брат Ширгазы. В истории западноказахстанского региона Ширгазы-хан стал самой неоднозначной фигурой. Все источники, которые во многом представлены свидетельствами колониальных чиновников, характеризуют Ширгазы крайне негативно. Этот образ стал доминирующим в отечественной историографии. Однако, следует учесть, что Ширгазы стал последним ханом Младшего жуза, а его правление, по сути, пришлось на период, который должен был положить конец прежде автономному состоянию. Совершенно ясно, что чиновники, очерняя правление Ширгазы-хана, могли

иметь целью очернить и саму сущность ханского титула, и бездарность традиционных форм политического устройства кочевников. Кроме того, Ширгазы-хан в глазах своих подданных олицетворял все пороки и недостатки колониального правления, что в свою очередь прослеживается в материале «Дело о разделении Меньшей киргизской орды на две: Меньшую и Внутреннюю или Букеевскую» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 93-94). Поэтому появление новых политических лидеров, с которыми бы связывались все чаяния и надежды казахов стало лишь вопросом времени, поскольку прежние лидеры уже были не в состоянии их осуществить. История подарила еще одну возможность казахскому народу сохранить традиционные формы своего государства в лице молодого Арынгазы-хана. Его недолгое правление приобрело массовую поддержку народа, однако «российские власти, используя разногласия между Ширгазы и Арынгазы все-таки смогли нейтрализовать последнего, а чуть позже от ханской власти был отстранен и сам Ширгазы» (Izbassarova et al., 2023: 87).

5. Заключение

Институт ханской власти, по сути, олицетворял саму идею Казахского государства. Отмена ханского титула привела к крушению самой формы политической организации кочевников, что впоследствии облегчило завоевание всей территории Средней Азии.

Потеря престижа ханского титула стала неизбежной, поскольку нараставший сепаратизм, столь характерный для кочевых государств, привел к возникновению сразу нескольких центров власти. Надо признать, что возникновение их целесообразности не вызывает сомнений, поскольку так легче контролировались окраины, в тоже время местные власти куда легче и быстрее реагировали на угрозы и выпады. На этом фоне национальные герои, как Абулхаир, так и Абылай, были людьми своего времени, и конечно понимали, невозможность продолжения существования сильного кочевого государства без учета новых тенденций и глубокой трансформации самого кочевого общества. Неизбежность крушения номадизма как явления, заключалась в том, что сам кочевой строй полностью выработал все доступные ему ресурсы для дальнейшего существования в отрыве от мирового прогресса. Поэтому несмотря на правление сильных личностей, казахское общество оказалось последним государством кочевников Евразии.

Арест и ссылка Арынгазы надолго подорвала доверие к колониальной администрации. Удаление с политической арены подобного персонажа не могло не вызвать недовольство народа, одним из выражения которого стало восстание батыра Жоламана Тленшиева в 1822 г. С уходом хана-миротворца возобновились старые междоусобицы, которые за отсутствием достаточно сильной и авторитетной фигуры попросту не смогли быть прекращены. Кроме внутренних распрей, отсутствие Арынгазы хана в Младшем жузе привело к осложнению международного положения, в частности к захвату части территорий на юге хивинцами. Хивинцы, не встречая особого сопротивления захватили без борьбы все те земли, за которые так отважно сражался Арынгазы. С нейтрализацией последнего хана которого признавал казахский народ, по сути, закончилось автономное существование Младшего жуза.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, проект ПЦФ BR 18574064 Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова «Историко-культурное наследие Казахстана и Центральной Азии в собраниях зарубежных архивных фондов» на 2023–2024 гг.

Литература

Абдильдабекова, 2012 – Абдильдабекова А.М. Изучение казахско-русских отношений XVIII – XIX века в российских исследованиях конца XX века. // *Международный научно-исследовательский журнал*. 5(5) 2012. 136 с.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Ажигали, Бекназаров, 2007 – Ажигали С. Е., Бекназаров Р. А. Хан моласы – место захоронения Абулхаир-хана (ок. 1680-1748) // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана*. 2007. № 2(11). С. 11.

Валиханов, 1985 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской Советской энциклопедии, 1985. 461 с.

Вульфсон, 1901 – Вульфсон Э.С. Киргизы. М.: Издание кн. магазина торгового дома С. Курнин и Ко, 1901. 79 с.

ГАОРО – Государственный архив Оренбургской области.

ГАРТ – Государственный архив Республики Татарстан.

Грамота..., 1739 – Грамота Анны Иоановны хану Большой орды Юлбарысу. Д. 4864 / Отдел редких рукописей. 1739 г. Научная библиотека Казанского Федерального университета Республики Татарстан.

Грамота..., 1771 – Грамота Екатерины Второй Нуралы хану. Д. 4876 / Отдел редких рукописей. 1771 г. Научная библиотека Казанского Федерального университета Республики Татарстан.

- Грамота..., 1789** – Грамота Екатерины Второй к султану и старшинам Байулинского рода. СПб. 1789. Д. 4875// Отдел редких рукописей. 1789 г. Научная библиотека Казанского Федерального университета Республики Татарстан.
- Далаева, Султангалиева, 2022** – Далаева Т.Т., Султангалиева Г.С. Визуальная антропология новой социальной истории Казахстана XIX – нач. XX. Монография. Алматы, ИД «Жибек Жолы», 2022. 240 с.
- Дубровицкий, 2010** – Дубровицкий В.В. Мотивы присоединения Средней Азии к России: от идеологических домислов и эмоциональных оценок к геополитическому анализу. // *История и современность*. Вып. №2 (12). 2010. С. 86-111.
- Ерофеева, 2001** – Ерофеева И.В. Символы Казахской государственности. Алматы: Аркаим, 2001. 152 с.
- Ерофеева, 2007** – Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик». Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 484 с.
- Ерофеева, 2018** – Ерофеева И.В. Рыцарь «звание чести». Казахский батыр Бокенбай Карабатырулы. – Алматы, Servis Press, 2018. 288 с.
- Из истории..., 2019** – Из истории казахско-российских отношений. XVIII век. Сборник документов / Сост.: Сирик В.А. Алматы: Литера-М, 2019. 522 с.
- Избасарова, 2022** – Избасарова Г.Б. Западный Казахстан в региональной политике Российской империи (XVIII – начало XIX вв.): монография. Актобе, 2022. 358 с.
- Касымбаев, 1999** – Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств (XVIII в.). Алматы: Білім, 1999. 207 с.
- Крадин, 2020** – Крадин Н.Н. Кочевники и всемирная история. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2020. 416 с.
- Кожакұлы и др., 2020** – Кожакұлы О., Спандияр А.С. История казахско-башкирских отношений. Отан тарихы №4 (92) 2020. С. 151-164.
- Мазур, 2015** – Мазур Л. Визуальная история: новый поворот в развитии исторического познания // *Quaestio Rossica*. 2015. №3. С. 160-178.
- Мұқтар, 2008** – Мұқтар А.Қ. Тарих тұнғығындағы тұлғалар (18-19 ғғ.): ғылыми мақалар жинағы / Алматы: Арыс, 2008. 240 б.
- Мұқаметханұлы, 2010** – Мұқаметханұлы Н. Дипломатиялық қатынастар және қытайтану мәселелері: монографиялық зерттеулер. Алматы, 2010. 204 б.
- Письма калмыцких ханов, 2009** – Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713-1771 гг.): избранные. Author, Данара Аксеновна Сусеева. Publisher, Джангар, 2009. 991 с.
- Политические портреты..., 2022** – Политические портреты лидеров Младшего жуза в XVIII – I половины XIX веков в отечественной и зарубежной историографии. Коллективная монография: под ред. Г.А. Шотановой. Алматы: ИП «Мадияр», 2022. 296 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Румянцев, 1910** – Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб, 1910. 66 с.
- Семенов, Горбовский, 1992** – Семенов Ю., Горбовский А. Страх у подножия трона. Алма-Ата: Шабьт, 1992. 128 с.
- Сулейменов, Басин, 1981** – Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. 247 с.
- Трепавлов, 2018** – Трепавлов В.В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI – XIX вв. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2018. 320 с.
- Турсынов и др., 2017** – Турсынов Е.Д., Жаксылыков А.Ж., Наурызбаева А.Б., Жанабаев К., Акберды У. Жырау: статус, функции, культура, мировоззрение. Монография. Семей, 2017. 325 с.
- Ужкенов и др., 2020** – Ужкенов Е.М., Шотанова Г.А. Внешние факторы политического кризиса в казахских степях (вторая половина XVIII – начало XIX вв.) // *E-histoty.kz*. №1 (22). 2020. С. 437-451.
- Хапизов, 2013** – Хапизов Ш.М. Ума-нуцал (Умахан) Великий (очерк истории Аварского нуцальства второй половины XVIII в.). Махачкала, 2013. 216 с.
- Хафизова, 2019** – Хафизова К.Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII – XIX веках. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 480 с.
- Цинская империя..., 2019** – Цинская империя и Казахские ханства. Составители Хафизова К.Ш., Моисеев В.А. Второе издание (исправлено и дополнено). Ответ. Редактор Хафизова К.Ш. Нур-Султан, 2020. 344 с.
- Эпистолярное наследие..., 2014** – Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг.: Сборник исторических документов в 2-х томах / Автор проекта, введения, биографии ханов, научных комментариев; составитель и ответственный редактор И.В. Ерофеева. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. 696 с.
- Atkinson, 1858** – Atkinson T.W. Oriental and Western Siberia. A Narrative of seven years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirgiz Steppes, Chinese Tartary and Part of the Central Asia, with a map and numerous illustrations. London, 1858.

- [Eversman, 1823](#) – *Eversman E.* Reise von Orenburg nach Buchara von Eduard Eversmann, Berlin, 1823. 35 p.
- [Forster, 1798](#) – *Forster G.* Journey from Bengal to England, through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan and Persia, and into Russia, by the Caspian sea, vol. I–II, London, 1798. 302 p.
- [Izbassarova et al., 2023](#) – *Izbassarova G.B., Maden A.T., Smagulova S.O.* The Crisis of Khan Power in the Junior Horde of the Kazakhs (second half of the XVIIIth – first quarter of the XIXth centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(1). DOI: 10.13187/bg.2023.1.76
- [Shotanova et al., 2022](#) – *Shotanova G.A., Uzhkenov E.M., Dzhumagaliyeva K.V.* The Steppe Elite of the Kazakhs of the Junior Horde in the Period of Vassalage: New Approaches and Problems of Rethinking // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 590-603. DOI: 10.13187/bg.2022.2.590

References

- [Abdildabekova, 2012](#) – *Abdil'dabekova, A.M.* (2012). Izuchenie kazahsko-russkikh otnoshenij XVIII – XIX veka v rossijskikh issledovaniyah konca XX veka [The study of Kazakh-Russian relations of the XVIII – XIX century in Russian studies of the late twentieth century]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*. 5(5): 136. [in Russian]
- [Atkinson, 1858](#) – *Atkinson, T.W.* (1858). Oriental and Western Siberia. A Narrative of seven years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirgiz Steppes, Chinese Tartary and Part of the Central Asia, with a map and numerous illustrations. London.
- [AVPRI](#) – Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].
- [Azhigali, Beknazarov, 2007](#) – *Azhigali, S.Ye., Beknazarov, R.A.* (2007). Khan molasy – mesto zakhroneniya Abulkhair-khana (ok. 1680-1748) [Khan Molasi – burial place of Abulkhair Khan (c. 1680-1748)]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana*. 2: 11. [in Russian]
- [Dalaeva, Sultangaliyeva, 2022](#) – *Dalaeva, T.T., Sultangaliyeva, G.S.* (2022). Vizual'naya antropologiya novoj social'noj istorii Kazakhstana XIX – nach. XX [Visual anthropology of the new social history of Kazakhstan XIX – early XX]. Monografiya. Almaty, ID “Zhibek Zholy”. 240 p. [in Russian]
- [Dubovickii, 2010](#) – *Dubovickii, V.V.* (2010). Motivy prisoedineniya Srednej Azii k Rossii: ot ideologicheskikh domyslov i emocional'nyh otsenok k geopoliticheskomu analizu [Motives for the annexation of Central Asia to Russia: from ideological speculation and emotional assessments to geopolitical analysis]. *Istoriya i sovremennost'*. 2(12): 86-111. [in Russian]
- [Epistolyarnoe nasledie..., 2014](#) – *Epistolyarnoe nasledie kazahskoj pravvyashchej elity 1675–1821 gg.* [Epistolary legacy of the Kazakh ruling elite of 1675–1821]. Sbornik istoricheskikh dokumentov v 2-h tomah. Avtor proekta, vvedeniya, biografii hanov, nauchnykh kommentarijev; sostavitel' i otvetstvennyj redaktor I.V. Erofeeva. T. I. Pis'ma kazahskikh pravitelej. 1675–1780. Almaty: AO «ABDI Kompani». 696 p. [in Russian]
- [Eversman, 1823](#) – *Eversman, E.* (1823). Reise von Orenburg nach Buchara von Eduard Eversmann [Journey from Orenburg to Bukhara by Eduard Eversmann]. Berlin. 35 p. [in German]
- [Erofeeva, 2001](#) – *Erofeeva, I.V.* (2001). Simvoly Kazahskoy gosudarstvennosti [Symbols of the Kazakh statehood]. Almaty: Arkaim. 152 p. [in Russian]
- [Erofeeva, 2007](#) – *Erofeeva, I.V.* (2007). Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. Almaty: Dayk-Press, 484 p. [in Russian]
- [Erofeeva, 2018](#) – *Erofeeva, I.V.* (2018). Rytsar' «zvaniye chesti». Kazahskiy batyr Bokenbay Karabatyryly [Knight «title of honor». Kazakh batyr Bokenbai Kabatyryly]. Almaty, Servis Press, 288 p. [in Russian]
- [Forster, 1798](#) – *Forster, G.* (1798). Journey from Bengal to England, through the northern part of India, Kashmire, Afghanistan and Persia, and into Russia, by the Caspian sea, vol. I–II, London, 1798. 302 p.
- [GAOrO](#) – Gosudarstvennyi arhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region].
- [GART](#) – Gosudarstvennyi arhiv Respubliki Tatarstan [State Archives of the Republic of Tatarstan].
- [Gramota imperatrissy..., 1739](#) – *Gramota* Anny Ioanovny khanu Bol'shoy ordy Yulbarysu. D. 4864 [Diploma of Anna Ioannovna to the khan of the Great Horde Yulbarysu. D. 4864]. Otdel redkikh rukopisey. Nauchnaya biblioteka Kazanskogo Federal'nogo universiteta Respubliki Tatarstan. [in Russian]
- [Gramota imperatrissy..., 1771](#) – *Gramota* Yekateriny Vtoroy Nuraly khanu. SPb. D. 4876 [The letter of Catherine the Second Nuraly Khan]. Otdel redkikh rukopisey. Nauchnaya biblioteka Kazanskogo Federal'nogo universiteta Respubliki Tatarstan. [in Russian]
- [Gramota imperatrissy..., 1789](#) – *Gramota* Yekateriny Vtoroy k sultanu i starshinam Bayulinskogo roda. SPb. D. 4875 [The letter of Catherine the Second to the Sultan and the elders of the Bayulin family. St. Petersburg. 1789]. Otdel redkikh rukopisey. Nauchnaya biblioteka Kazanskogo Federal'nogo universiteta Respubliki Tatarstan. [in Russian]
- [Iz istorii..., 2019](#) – *Iz istorii kazahsko-rossijskikh otnoshenij. XVIII vek* [From the history of Kazakh-Russian relations. XVIII century.]. Sbornik dokumentov. Sost.: Sirik V.A. Almaty: Litera-M. 522 p. [in Russian]

- [Izbasarova, 2022](#) – *Izbasarova, G.B.* (2022). Zapadnyj Kazahstan v regional'noj politike Rossijskoj imperii (XVIII – nach. XIX vv.) [Western Kazakhstan in the regional policy of the Russian Empire (XVIII – early XIX centuries)]. Monografiya. Aktobe. 358 p. [in Russian]
- [Izbassarova et al., 2023](#) – *Izbassarova, G.B., Maden, A.T., Smagulova, S.O.* (2023). The Crisis of Khan Power in the Junior Horde of the Kazakhs (second half of the XVIIIth – first quarter of the XIXth centuries). *Bylye Gody*. 18(1). DOI: 10.13187/bg.2023.1.76
- [Kasymbayev, 1999](#) – *Kasymbayev, Zh.K.* (1999). Gosudarstvennyye deyateli kazakhskikh khanstv (XVIII v.) [Statesmen of the Kazakh khanates (XVIII century)]. Almaty: Bilim. 207 p. [in Russian]
- [Khafizova, 2019](#) – *Khafizova, K.Sh.* (2019). Stepnyye vlastiteli i ikh diplomatiya v XVIII – XIX vekah [Steppe rulers and their diplomacy in the XVIII – XIX centuries]. Monografiya. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK. 480 p. [in Russian]
- [Khapizov, 2013](#) – *Khapizov, Sh.M.* (2013). Uma-nutsal (Umakhan) Velikiy (oчерk istorii Avarского nutsal'stva vtoroy poloviny XVIII v.) [Uma-nutsal (Umakhan) the Great (essay on the history of the Avar Nutsaldom of the second half of the 18th century)]. Makhachkala, 216 p. [in Russian]
- [Kradin, 2020](#) – *Kradin, N.N.* (2020). Kochevniki i vseмирnaya istoriya [Nomads and world history]. SPb.: «Izdatel'stvo Olega Abyshko». 416 p. [in Russian]
- [Kodzhakuly, Spandiyar, 2020](#) – *Kodzhakuly, O., Spandiyar, A.Ch.* (2020). Istoriya kazakhstansko-bashkirskikh otnosheniy [The history of Kazakh-Bashkir relations]. *Istoriya Rodiny*. 4(92): 151-164. [in Russian]
- [Mazur, 2015](#) – *Mazur, L.* (2015). Vizual'naya istoriya: novyy povorot v razvitii istoricheskogo poznaniya [Visual history: a new turn in the development of historical knowledge.]. *Quaestio Rossica*. 3: 160-178. [in Russian]
- [Muqamethanyli, 2010](#) – *Muqamethanyli N.* Diplomaticheskoye qatnastar jane qitaytanw maseleleri: monografiyalıq zertteveler [Diplomatic relations and problems of Chinese studies: monographic studies]. Almaty. 204 b. [in Kazakh]
- [Muktar, 2008](#) – *Muktar, A.* (2008). Tarih tungyiyndagy tulgalар (18–19 gg.) [Persons at the height of history (XVIII–XIX centuries)]. Almaty: Aris. 240 b. [in Kazakh]
- [Pisma kalmytskikh khanov..., 2009](#) – Pisma kalmytskikh khanov XVIII veka i ikh sovremennikov (1713–1771) [Letters of the Kalmyk khans of the XVIII century and their contemporaries (1713-1771)]. Izbrannoye. Avtor, Danara Aksenovna Suseyeva. Izdatel'stvo «Dzhangar». 991 p. [in Russian]
- [Politicheskie portrety..., 2022](#) – Politicheskie portrety liderov Mladshego zhuzha v XVIII – I poloviny XIX vekov v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii [Political portraits of the leaders of the Younger Zhuz in the XVIII – I half of the XIX centuries in domestic and foreign historiography]. Kollektivnaya monografiya: pod red. G.A. Shotanovoj. Almaty: IP «Madiyar». 296 p. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive].
- [RGVIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- [Rumyancev, 1910](#) – *Rumyancev, P.P.* (1910). Kirgizskiy narod v proshlom i nastoyashchem [The Kyrgyz people in the past and present]. SPb. 66 p. [in Russian]
- [Semenov, Gordovskiy, 1992](#) – *Semenov, Yu., Gorbovskiy, A.* (1992). Strakh u podnozhiya trona [Fear at the Foot of the Throne]. Alma-Ata: Shabyt, 128 p. [in Russian]
- [Shotanova et al., 2022](#) – *Shotanova, G.A., Uzhkenov, E.M., Dzhumagaliyeva, K.V.* (2022). The Steppe Elite of the Kazakhs of the Junior Horde in the Period of Vassalage: New Approaches and Problems of Rethinking. *Bylye Gody*. 17(2): 590-603. DOI: 10.13187/bg.2022.2.590
- [Suleimenov, Basin, 1981](#) – *Suleimenov, B.S., Basin, V.Ya.* (1981). Kazahstan v sostave Rossii v XVIII – nachale XX veka [Kazakhstan as part of Russia in the 18th – early 20th centuries]. Alma-Ata: «Nauka» KazSSR, 247 p. [in Russian]
- [Trepavlov, 2018](#) – *Trepavlov, V.V.* (2018). Simvoly i ritualy v etnicheskoj politike Rossii XVI – XIX vv. [Symbols and rituals in the ethnic politics of Russia in the 16th – 19th centuries]. SPb.: «Izdatel'stvo Olega Abyshko», 320 p. [in Russian]
- [Tsinskaya imperiya..., 2020](#) – Tsinskaya imperiya i Kazahskie hanstva [The Qing Empire and the Kazakh Khanates]. Sostaviteli Hafizova K.SH., Moiseev V.A. Vtoroe izdanie (ispravleno i dopolneno). Otvet. redaktor Hafizova K.Sh. Nur-Sultan. 344 p. [in Russian]
- [Tursynov i dr., 2017](#) – *Tursynov, E.D., Zhaksylykov, A.Zh., Naurzbaeva, A.B., Zhanabaev, K., Akberdy, U.* (2017). Zhyrau: status, funktsii, kul'tura, mirovozzrenie [Zhyrau: status, functions, culture, worldview]. Monografiya. Semei, 325 p. [in Russian]
- [Uzhkenov, Shotanova, 2020](#) – *Uzhkenov, E.M., Shotanova, G.A.* (2020). Vneshnie faktory politicheskogo krizisa v kazahskikh stepyah (vtoraya polovina XVIII – nachalo XIX vv.) [External factors of the political crisis in the Kazakh steppes (the second half of the XVIII – early XIX centuries)]. *E-history.kz*. 1(22): 437-451. [in Russian]
- [Valikhanov, 1985](#) – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Sobraniye sochineniy v pyati tomah [Collected works in five volumes]. T. 4. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy Sovetskoy entsiklopedii. 461 p. [in Russian]

Vilson, 1901 – *Vulfson, E.S.* (1901). Kirgizy [Kyrgyz]. Moskva: Izdanie kn. magazina torgovogo doma S. Kurnin i Ko. 79 p. [in Russian]

Последние кочевники Евразии: потеря престижа верховной власти и кризис казахской государственности (на примере Младшего жуза)

Галия Айтжановна Шотанова ^{a, *}, Ернар Муратович Ужкенов ^b,
Зауре Сыздыковна Табынбаева ^b, Анар Дуйсенбаевна Арепова ^a

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются основные причины кризиса верховной власти у казахов Младшего жуза, что впоследствии и привело к потере независимости сначала на территории Западного Казахстана, а позже и остальных частей. Сами причины кризиса ханской власти были заложены в самой природе кочевого государства, где несмотря на право первородства и освященную веками династийную традицию, тем не менее сохранялись сильные позиции степной аристократии, причем не только у представителей «белой кости», но и кочевой знати из числа «черной кости».

К внешним причинам ликвидации государственности у казахов, добавились и внутренние причины, выразившиеся не только в усилении междоусобной борьбе, но и общим экономическим упадком всего центральноазиатского региона, связанный с последствиями джунгарского нашествия и кризисом городской культуры. По сути, Казахское государство в начале XVIII века являлось последним государством Евразии, где в полной мере кочевое хозяйство доминировало над другими формами жизнедеятельности. Хотя казахское общество традиционно относится к типам хозяйства, которые не столь сильно зависели от торговли с оседлыми центрами, тем не менее упадок городской культуры на юге, привел к усилению контактов с Российской империей на западе, севере и востоке страны, что в свою очередь сказалось на усилении экономической зависимости от российского рынка.

Ликвидация традиционного ханского статуса привела к различным сложностям в дальнейшем развитии консервативного общества казахов. Совокупные внутренние, внешние, экономические и культурные причины привели к падению престижа верховной власти, а как следствие и ее отмене со стороны царской администрации. Оттого авторы предприняли попытку восстановить картину внешнего и внутреннего положения в Казахской Степи после смерти последнего всеобщего казахского хана и проанализировать причины упадка Казахского государства. Ранее были многочисленные попытки ученых восстановить реалии политической жизни казахских ханов, которые с 30-х годов XVIII века начали ощущать на себе новые тяготы сложившейся к этому периоду ситуации, однако эти исследования в основном базировались на прежних, ранее устоявшихся подходах и, как правило, не учитывали менталитет, фольклорные источники и другие ранее не использовавшиеся подходы, что не могло не отразиться на искажении исторической реальности. Поэтому авторы в настоящей статье попытались восстановить общий исторический фон краха последнего государства кочевников Евразийских степей.

Ключевые слова: отмена власти, степная аристократия, Казахская Степь, протесты, Абулхаир-хан, Абылай-хан, калмыки, казачество, Джунгарское ханство, джунгары.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: galia8.09@mail.ru (Г.А. Шотанова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1643-1651
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1643

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The System of Public Education on the Territory of Kharkiv Province in the XIX – early XX centuries. Part 1

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article considers the system of public education on the territory of Kharkiv province during the imperial period. This part of work examines the period from 1732 to 1880.

The source base of the study is represented by the annual publications of the Kharkiv Provincial Statistical Committee: “Commemorative books of the Kharkiv province” and “Kharkiv calendars”, published in the period of 1862–1882.

The authors conclude that in the period of 1732–1880 the system of public education on the territory of the Kharkiv province was actively developing. So, in 1732 there were 46 (primary) parochial schools in the region. Already in 1804–1805 years, the higher and secondary educational institutions for boys were opened in the provincial center (the city of Kharkov), and in 1812 the first secondary educational institution for girls was also opened there. By 1880, there were already 515 educational institutions on the territory of the province with the number of students – 31898 people. Higher education in the provincial center has also become available for women (students of the midwifery institute). The network of secondary educational institutions extended to large county towns, which made secondary education available not only in Kharkiv, but also in the regions. Lower education was represented by 13 educational institutions for boys, and primary education was represented by 475 primary educational institutions of different departments.

Keywords: Kharkiv province, the system of public education, Russian Empire, 1732–1917.

1. Введение

В 1765 г. из земель так называемой Слободской Украины была выделена Слободско-Украинская губерния, которая в 1835 г. получила название Харьковской губернии. В конце XIX века Харьковская губерния входила в состав одноименного (Харьковского) учебного округа Российской империи. Помимо нее в состав округа входили Воронежская, Курская, Пензенская, Тамбовская губернии и область войска Донского. В 1897 г. на территории губернии проживало около 2,5 млн человек, из которых 367 тыс. человек в городах (*Население империи..., 1898: 28*). В данной работе мы хотели бы рассмотреть систем народного образования Харьковской губернии в имперский период, а в данной части исследования мы рассмотрим период с 1732 по 1880 гг.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена ежегодными изданиями харьковского губернского статистического комитета: «Памятными книжками Харьковской губернии» и «Харьковскими календарями» (*Рисунок 1*), изданными в период 1862–1882 гг.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

В 20-летие с 1862 по 1882 гг. харьковским губернским статистическим комитетом издавались такие ежегодные издания как «Памятная книжка Харьковской губернии» (издавалась в 1862–1867 гг.) и «Харьковский календарь» (издавалась в 1868–1882 гг.). При этом важно отметить, что в начальный период издания и вплоть до 1871 г. народное образование на территории Харьковской губернии рассматривалось в этих изданиях редко и фрагментарно. Лишь с 1872 г. в «Харьковском календаре» стали публиковаться обширные сведения о развитии народного образования на территории губернии.

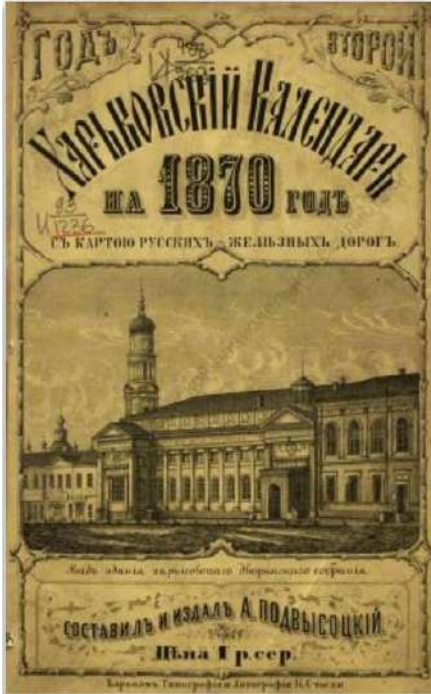

Рис. 1. Обложка «Харьковский календарь на 1870 г.»

Методология нашего исследования представлена традиционными историческими методами. Работа построена по описательному принципу с представлением материалов в хронологическом порядке. По нашему мнению, такой подход позволил взглянуть на систему народного образования Харьковской губернии в проблемно-хронологическом ключе.

3. Обсуждение

Историография темы исследования может быть разделена на исследования, посвященные непосредственно системе народного образования Харьковской губернии, а также исследования, посвященные системе народного образования соседних территорий – Харьковского учебного округа. Так, изучение системы народного образования Харьковской губернии началось еще в имперский период. В связи с этим нужно назвать работу Г.П. Данилевского о харьковских учебных заведениях, в которой сделана первая попытка создания исторического очерка о развитии губернской системы образования в период до 1840-х гг. (Данилевский, 1863). В свою очередь другой дореволюционный исследователь Н. Жебылев обращался к истории харьковского института благородных девиц в связи со 100-летием этой организации, которое отмечалось в 1912 г. (Жебылев, 1912).

В современной российской историографии авторы обращались к таким темам как: средние и низшие учебные заведения, в том числе Харьковской губернии в контексте министерской политики периода начала XIX века, к данной теме обращалась Ю.Е. Грачева (Грачева, 2021); более частные вопросы рассматривала Т.В. Лутаева – о частной инициативе в образовании ученых высшей медико-фармацевтической школы в имперский период (Лутаева, 2014) и М.Ю. Никитин изучал роль земств в развитии среднего образования на территории губернии (Никитин, 2013).

Говоря об историографии, посвященной Харьковскому учебному округу нужно отметить следующие работы: С.И. Дегтярев и других о составе попечителей Харьковского учебного округа в дореволюционный период (Degtyarev, Polyakova, 2020; Degtyarev et al., 2020); А.А. Черкасов и другие, занимались изучением системы народного образования Воронежской губернии этого же округа (Cherkasov et al., 2020; Cherkasov et al., 2020a); А.Ю. Перетяцько и Т.Е. Зуфульгарзаде обращались к теме высшего и среднего образования на территории области войска Донского (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017); систему народного образования на территории Пензенской губернии Харьковского учебного округа рассматривали А.М. Мамадалиев и другие (Mamadaliyev et al., 2022;

Mamadaliyev et al., 2022a; Mamadaliyev et al., 2022b); а Г. Райович и другие рассматривали систему народного образования Тамбовской (Rajović et al., 2023; Rajović et al., 2023a) и Курской губерний (Rajović et al., 2023b; Rajović et al., 2023c).

4. Результаты

Становление системы народного образования на территории Харьковской губернии происходило еще в XVI в. когда под влиянием Польши в регионе при монастырях создавались так называемые латинские школы. Обучение в этих школах проходили, как правило, дети священников и дворян. К середине XVIII века дворяне стали предпочитать домашнее обучение для своих отпрысков, нанимая для этого иноземных учителей, в то время как латинские школы стали посещаться детьми практически только духовенства. Однако справедливости ради нужно отметить, что при церквях в 1730-х гг. было значительное количество церковно-приходских школ для сельских детей (Данилевский, 1863: 3). Так, по данным на 1732 г. в г. Куряже под Харьковом было две церковно-приходские школы (в одной работали три учителя, а в другой – один дьячок), в Харькове при Троицком храме находилась школа с 7 наставниками (дьячками), по одной школе были в селах Должике, Рогозянке, Нижней Сыроватке, Бабрике и в городах Валках, Белополье и других. Две школы было в селах Новой-Водолаге. Пять школ было в городе Сумы. Всего же на харьковских землях в это время действовало как минимум 46 церковно-приходских школ. Учителями в этих школах были священники и дьячки (Данилевский, 1863: 4-5).

Со временем церковно-приходские школы подготовили достаточно профессиональный педагогический состав для народных училищ уже периода императрицы Екатерины II. Это сделало возможным проведение первой школьной реформы, в ходе которой в Российской империи появилось два типа школ: главные и малые народные училища (Грачева, 2021: 160).

В конце XVIII в. на территории Харьковской губернии проживало значительное количество иностранных учителей (иноземных учителей) из стран Западной Европы (Германия, Австро-Венгрия, Франция, Италия, Швейцария). По данным на 1789 г. в Харькове число учащихся и их учителей достигало 1 тыс. человек. В результате в это же время здесь было открыто главное народное училище (Миллер, 1789: 119).

В 1803 г. из ряда соседних губерний был открыт Харьковский учебный округ с центром учебного округа в Харькове. Это дало новый импульс для развития сети учебных заведений. Так, уже в 1804 г. главное народное училище и казенное училище (основано в 1768 г.) были объединены в харьковскую мужскую гимназию (Данилевский, 1863: 18), а 17 января 1805 г. в Харькове был открыт Императорский Харьковский университет, ставший впоследствии одним из старейших университетов Восточной Европы. В момент открытия университета на территории учебного округа было всего три гимназии, 10 уездных низших училищ и 16 приходских училищ, а также 5 пансионов. При этом общее количество учащихся в средних и низших учебных заведениях округа составляло 3967 человек (Данилевский, 1863: 22). Также интересно будет отметить, что спустя 9 лет, то есть к 1815 г. количество учащихся на территории округа удвоилось и составило 7190 человек (Данилевский, 1863: 22).

В 1811 г. инициативной дворянской группой в Харькове был поднят вопрос о создании среднего учебного заведения для девочек. В результате в 1812 г. в период Отечественной войны в Харькове был открыт институт для благородных девиц (Жебылев, 1912). В институт принимались девочки из дворянского и купеческого сословия, преимущественно из Харьковской и ближайших губерний. Курс обучения составлял 7 лет, а вступительный возраст в институт составлял от 9,5 до 12,5 лет (Харьковский календарь, 1872: 190).

В 1821 г. на территории губернии имелись следующие учебные заведения: харьковская гимназия (227 учеников), в уездных училищах: харьковском – 99 учеников, богодуховском – 77, ахтырском – 95, лебединском – 63, сумском – 103, валковском – 60, волчанском – 48, змиевском – 60, купянском – 41 и в изюмском – 77 человек. Итого в уездных училищах губернии в 1821 г. обучалось 723 ученика (Данилевский, 1863: 34), то есть за 7 лет число студентов обучающихся в уездных училищах увеличилось на 166. Помимо этого в том же году в сельских приходских училищах обучался 391 ученик, в частных пансионах (141 мальчик и 93 девочки), а с учетом учеников мужской гимназии в губернии за партой находилось 1575 учащихся (Данилевский, 1863: 35).

В 1833 г. сеть учебных заведений Харьковской губернии насчитывала один университет, одну мужскую гимназию, 11 уездных училищ, 18 приходских училищ и 8 частных пансионов. В этих учебных заведениях без университета обучалось 1402 ученика (Данилевский, 1863: 35).

В 1841 г. параллельные классы Харьковской мужской гимназии были разделены, в результате чего возникли 1-я и 2-я мужские гимназии, а в 1864 г. была открыта и 3-я Харьковская мужская гимназия.

В 1847 г. по распоряжению министерства государственных имуществ было учреждено Харьковское земледельческое училище, с 4-летним учебным курсом. В 1854 г. курс обучения был понижен до 3 лет (Харьковский календарь, 1872: 186-187).

В 1853 г. в Харькове было открыто одно из старейших частных учебных заведений – женское училище Людмилы Михайловны Черняковской (жена коллежского ассессора). Срок обучения в

училище составлял 3 года, 4-й класс был подготовительным. По состоянию на 1873 г. в училище обучалось 60 девочек, из них 15 были на пансионе ([Харьковский календарь, 1873: 241](#)).

В 1855 г. в губернском центре было открыто еще одно частное учебное заведение – училище 1-го разряда (на правах гимназии Клеопатры Леонтьевны Филипс). Училище было 6-классным и имело собственный пансион ([Харьковский календарь, 1873: 241](#)).

В 1859 г. в Харькове было открыто 3-классное женское училище Никлюдовой, которое в 1870 г. было преобразовано в 6-классное женское училище 1-го разряда Лидии Николаевны Ковальской (жена ординарного профессора) ([Харьковский календарь, 1873: 241](#)).

С 1862 г. в губернии начинают издаваться ежегодные «Памятные книжки Харьковской губернии», которые содержали и статистические сведения о губернии ([Памятная книжка, 1862](#)). Однако в первых двух книжках за 1862 и 1863 гг. сведений о числе учебных заведений на территории губернии не публиковалось, ситуация изменилась только в 1864 г. Так по состоянию на 1 января 1863 г. в Харькове было 14 государственных и 13 частных учебных заведений. В других населенных пунктах губернии действовало: 26 государственных учебных заведений, 5 частных и 176 сельских школ ([Памятная книжка, 1864: 218](#)). Итого на территории губернии было 40 государственных учебных заведений, 18 частных и 176 сельских школ. В этих учебных заведениях в 1863 г. обучалось 9027 учеников (7506 мальчиков и 1521 девочка) ([Памятная книжка, 1864: 219](#)), при этом дети дворян и чиновников составляли 1645 человек, 1127 детей лиц духовного звания, 523 детей почетных граждан и купцов, 5832 детей мещан и представителей сельских сословий ([Памятная книжка, 1864: 219](#)).

В 1867 г. в губернии было уже 414 учебных заведений с 1048 преподавателями и 15749 учащимися. В это время в университете было 478 студентов, в ветеринарном училище – 110 учеников, в 1-й, 2-й и 3-й мужских гимназиях (315, 361 и 346 учеников соответственно), в землемерно-таксаторском классе – 12 учеников, в 11 уездных училищах – 515 студентов, в 15 общественных приходских училищах 833 ученика, в частном приходском училище 64 ученика, в частных пансионах: 4 мужских (58 учащихся), 13 женских (313 учениц). Помимо этого были и частные школы: 6 женских (86 учениц), Мариинское харьковское училище 1-го разряда (женская гимназия – 33 учениц), 3 женских училища 2-го разряда (150 учениц), женское отделение при уездном училище (22 ученицы), школа для детей обоого пола при евангелической церкви Харькова – 137 учеников, евангелическая школа в Сумах – 25 учеников, педагогические курсы при харьковском уездном училище – 47 учащихся, а также 350 сельских школ с 12547 учениками ([Харьковский календарь, 1868: 5-6](#)).

В 1868 г. количество учебных заведений не изменилось и оставалось на уровне 414 гражданских учебных заведений. При этом количество учащихся возросло до 17244 человек ([Харьковский календарь, 1869: 117](#)). В этом же 1868 г. в Харькове была создана бесплатная школа стенографии, которая была рассчитана на один учебный год (с сентября по май) ([Харьковский календарь, 1873: 244](#)).

В 1869 г. количество учебных заведений увеличилось на территории губернии до 440 с 19908 учащимися. Общее количество учащихся в мужских харьковских гимназиях превысило 1 тыс. человек и составило в абсолютном значении 1059 учеников. В этом же году был достигнут показатель 1 учащийся на 86 жителей, город ранее это значение составляло 1 к 93 ([Харьковский календарь, 1870: 218-219](#)). В этом же году в Харькове была создана школа рисования М.Д. Раевской-Ивановой ([Харьковский календарь, 1873: 245](#)).

В 1870 г. продолжался активный рост числа учебных заведений. Общее количество их достигло 457 с 23028 учащимися, из которых 19234 мальчиков и 3772 девочки. Из общего количества учебных заведений 29 были в Харькове, 42 в уездных городах и 385 в деревнях. В 1870 г. в губернии сохранялось гендерное распределение в учебных заведениях. Смешанный гендерный состав в это время можно было увидеть в приходских училищах для обоого пола, в одноклассных народных училищах, в частных школах для обоого пола и в евангелическо-лютеранских школах ([Харьковский календарь, 1871: 141-142](#)). В том же году в Харькове было открыто железнодорожное училище. В это учебное заведение набирались мальчики в возрасте от 13 до 17 лет. Курс обучения продолжался 4 года ([Харьковский календарь, 1875: 459](#)).

В 1871 г. начали публиковаться и места нахождения учебных заведений на территории губернии. Так, в этом году в Харькове были 3 мужские гимназии, мужских прогимназий также было 3 (Харьков, Старобельск и Сумы). Важно отметить, что при всех мужских гимназиях и прогимназиях были подготовительные классы. Уездных трехклассных училищ было 9 (в Харькове, Валках, Богодухове, Ахтырке, Лебедине, Змиеве, Изюме, Купянске и Волчанске). Двуклассных народных училищ было 3, из них одно городское (заштатный г. Краснокутск) и два сельских (образцовых) в слободе Ново-Екатеринославе Купянского уезда и в сл. Беловодске Старобельского уезда. Начальные народные училища, находящиеся в ведомстве Министерства народного просвещения были распределены следующим образом: городских – мужских 19, женских 2, для обоого пола 8; сельских – мужских 257, женских 4, для обоого пола 98. Женская гимназия была одна (в Харькове), при ней был педагогический курс. Женских прогимназий было 7 (в Сумах, Лебедине, Богодухове, Волчанске, Изюме, Змиеве и Купянске). Значительно были представлены и частные учебные заведения. В Харькове было мужское училище 1-го разряда (на правах гимназии), женских училищ 1-го разряда

было 3 (все в Харькове). Учебных заведений 3-го разряда (пансионов) было 5 (4 в Харькове и 1 в Старобельске). Женская частная школа была одна в Ахтырке. Училищ для обоего пола было 2 и находились они в Харькове. Помимо этого имелись частные учебные заведения при церквях иностранных исповеданий (училище 2-го разряда в Харькове и училище 3-го разряда в Сумах) ([Харьковский календарь, 1872: 177-178](#)). В этом же году был открыт музыкальный класс при харьковском отделении императорского русского музыкального общества ([Харьковский календарь, 1873: 245](#)).

В течение года были закрыты: в Старобельске одно трехклассное уездное училище, которое было реорганизовано в прогимназию; в Харькове педагогические курсы, в связи с открытием в Белгороде учительской семинарии; одно частное женское училище 2-го разряда и одно 3-го разряда, по желанию собственной администрации; одно частное мужское училище 1-го разряда, по желанию собственной администрации; восемь сельских начальных училищ, вследствие нежелания местных сельских обществ содержать училища за свой счет ([Харьковский календарь, 1872: 178-179](#)).

В это же время (1871 г.) были открыты: в Харькове мужская прогимназия, в Старобельске мужская прогимназия, в Харькове одно частное женское учебное заведение 3-го разряда, в сл. Беловодске – двухклассное народное училище и 15 сельских начальных школ, за счет средств местных обществ ([Харьковский календарь, 1872: 179](#)). Всего же в 1871 г. в 445 учебных заведениях губернии обучалось 22911 учащихся (19338 мальчиков и 3573 девочки) ([Харьковский календарь, 1872: 181](#)).

В 1872 г. императором было утверждено мнение государственного совета Российской империи о создании в г. Изюме мужской гимназии с двумя древними языками ([Харьковский календарь, 1872: 180](#)).

Уделено было внимание и техническому образованию. Так, в 1873 г. в Харькове было открыто 6-классное Реальное училище с двумя отделениями (основным и коммерческим). В это же время был поставлен вопрос об открытии Реальных училищ и в уездных городах ([Харьковский календарь, 1873: 231-232](#)). В этом же году харьковское ветеринарное училище было преобразовано в ветеринарный институт, а в Сумах Александровская мужская прогимназия преобразована в классическую гимназию. Изменений претерпело и находящееся в Купянске уездное училище, женское отделение которого было реорганизовано в прогимназию ([Харьковский календарь, 1874: 329](#)).

Важно пояснить, что в новообразованный харьковский ветеринарный институт принимались молодые люди в возрасте от 16 лет и закончившие полный курс 6-классных гимназий, или полный курс реальных училищ или же курс образовательных предметов духовных семинарий ([Харьковский календарь, 1875: 453](#)).

В 1874 г. на территории губернии было 463 учебных заведения, в которых обучалось 25718 человек (20700 мальчиков и 5018 девочек). В это время один учащийся приходился на каждые 70 жителей губернии ([Харьковский календарь, 1874: 328](#)). В том же году в Волчанске была открыта учительская семинария ([Харьковский календарь, 1874: 330](#)).

В 1875 г. только низших и начальных училищ на территории губернии было 446, в которых обучалось 24214 человек (20960 мальчиков и 3254 девочки) ([Харьковский календарь, 1876: 419](#)).

В 1876 г. на территории губернии помимо университета и ветеринарного института была уже целая сеть средних учебных заведений, а именно: 4 мужских гимназии, 3 мужских прогимназии, 2 реальных училища, институт благородных девиц, 2 женские гимназии и 7 женских прогимназий. К низшим учебным заведениям относились: Александровская бесплатная школа, 9 уездных училищ, 3 школы благотворительных обществ, одно городское 4-классное училище, краснокутское 3-классное приходское училище, земская фельдшерская школа и учительская семинария. Значительно было представлено и начальное образование: одно 2-классное училище, 13 городских приходских школ, 4 церковно-приходских школы, 4 воскресных школы, одна евангелическо-лютеранская школа, 9 2-классных сельских училищ, 391 начальная народная школа, 16 частных учебных заведений и одно частное еврейское училище. Всего в губернии насчитывалось 486 учебных заведений с 27624 учениками (22066 мальчиков и 5558 девочек) ([Харьковский календарь, 1877: 386-387](#)).

В 1877 г. количество учебных заведений достигло 491, из них в Харькове 70, 59 в уездных городах и 362 в уездах. Общее число учащихся также возросло – 29748 человек (23813 мальчиков и 5935 девочек). Соотношение учащихся к общему количеству населения достигло 1 к 65 ([Харьковский календарь, 1878: 333-334](#)). Весьма положительная динамика наблюдалась в деле начального образования ([Таблица 1](#)).

Анализируя [Таблицу 1](#) мы можем увидеть что в течение 7 лет число начальных училищ увеличилось на 27, то есть почти на 7 %, в то же время количество учащихся увеличилось на 4408 человек или 24 %. Таким образом, на территории Харьковской губернии происходил постоянный процесс укрупнения числа учащихся в школах. Падение количества учащихся в 1876 г., по всей вероятности, было связано с неурожаем в Харьковской губернии ([Харьковский календарь, 1878: 336](#)).

В 1878 г. на территории Харьковской губернии было уже 497 учебных заведений, из них 68 в Харькове, 64 в уездных городах и 365 в уездах. Общее количество учащихся превысило 30 тыс. человек и в абсолютных цифрах составляло 30868 человек (24030 мальчиков и 6838 девочек) ([Харьковский календарь, 1879: 308](#)).

Таблица 1. Начальные учебные заведения Харьковской губернии 1871–1877 гг. (Харьковский календарь, 1878: 335-336)

Годы	Количество училищ	Количество учащихся	Среднее количество учеников на одно училище
1871	410	18353	44,7
1872	410	18462	45
1873	419	20467	48,8
1874	428	22411	52,3
1875	432	23422	54,2
1876	434	21063	48,5
1877	437	27761	63,5

В 1879 г. Харьковская губерния в дела народного образования достигла существенного успеха – общее количество учебных заведений превысило 500. В абсолютных цифрах в губернии стало 504 учебных заведения, из них 70 в Харькове, 57 в уездных городах и 377 в уездах. При этом число учащихся достигло 31241 человека (24170 мальчиков и 7071 девочка) (Харьковский календарь, 1880: 250).

И наконец к 1880 г. народное образование на территории Харьковской губернии было представлено всеми ступенями: высшее, среднее, низшее и начальное. К высшим учебным заведениям относились Императорский Харьковский университет, который имел основной состав учащихся только мужского пола 744 человек, помимо этого при университете были 178 учениц-слушательниц повивального института. Итого в университете обучалось 922 человека. К средним учебным заведениям относились 3 мужских гимназии, 4 женских гимназии, 1 реальное училище, одна мужская и одна женская прогимназии, учительская семинария и начальное при ней училище, а также Александровская школа. В этих 26 учебных заведениях обучались 5166 человек (2999 мальчиков и 2167 девочек) (Харьковский календарь, 1881: 164). К низшим учебным заведениям относились: 5 городских 4-классных училищ, 6 уездных 3-классных училищ, приготовительный класс при Валковском уездном училище и Краснокутское 3-классное приходское училище. Всего 13 учебных заведений, в которых обучалось 842 мальчика. К начальным учебным заведениям относились 2-классные и 1-классные училища, церковно-приходские и иные школы. Общее число которых составляло 475 учебных заведений, в которых обучалось 25059 человек (20838 мальчиков и 4221 девочка) (Харьковский календарь, 1881: 162-163). Всего же в 515 учебных заведениях всех ступеней (высшее, среднее, низшее и начальное образование) в 1880 г. обучалось 31898 человек (25423 мальчика и 6566 девочек).

5. Заключение

В период 1732–1880 гг. система народного образования на территории Харьковской губернии активно развивалась. Так, в 1732 г. в регионе насчитывалось 46 (начальных) церковно-приходских училищ. Уже в 1804–1805 гг. в губернском центре (город Харьков) были открыты высшее и среднее учебные заведения для мальчиков, а в 1812 г. там же было открыто и первое среднее учебное заведение для девочек. К 1880 г. на территории губернии было уже 515 учебных заведений с количеством учащихся 31898 человек. Высшее образование в губернском центре стало доступно и для женщин (слушательницы повивального института). Сеть средних учебных заведений распространялась и на крупные уездные города, что делало среднее образование доступным не только в Харькове, но и в регионах. Низшее образование было представлено 13 учебными заведениями для мальчиков, а начальное образование было представлено 475 начальными учебными заведениями разных ведомств.

Литература

Население империи..., 1898 – Население империи по переписи 28-го января 1897 г. По уездам. Санкт-Петербург, 1898.

- Харьковский календарь, 1881 – Харьковский календарь на 1882 г. Харьков, 1881.
 Харьковский календарь, 1880 – Харьковский календарь на 1881 г. Харьков, 1880.
 Харьковский календарь, 1879 – Харьковский календарь на 1880 г. Харьков, 1879.
 Харьковский календарь, 1878 – Харьковский календарь на 1879 г. Харьков, 1878.
 Харьковский календарь, 1877 – Харьковский календарь на 1878 г. Харьков, 1877.
 Харьковский календарь, 1876 – Харьковский календарь на 1877 г. Харьков, 1876.
 Харьковский календарь, 1875 – Харьковский календарь на 1876 г. Харьков, 1875.
 Харьковский календарь, 1874 – Харьковский календарь на 1875 г. Харьков, 1874.
 Харьковский календарь, 1873 – Харьковский календарь на 1874 г. Харьков, 1873.
 Харьковский календарь, 1872 – Харьковский календарь на 1873 г. Харьков, 1872.
 Харьковский календарь, 1871 – Харьковский календарь на 1872 г. Харьков, 1871.
 Харьковский календарь, 1870 – Харьковский календарь на 1871 г. Харьков, 1870.

- [Харьковский календарь, 1869](#) – *Харьковский календарь на 1870 г.* Харьков, 1869.
- [Харьковский календарь, 1868](#) – *Харьковский календарь на 1869 г.* Харьков, 1868.
- [Данилевский, 1863](#) – *Данилевский Г.П.* Харьковские школы в старину и теперь (Исторические и статистические заметки об училищах и народном образовании в Харьковской губернии). СПб., 1863.
- [Миллер, 1789](#) – *Миллер.* Географический словарь российского государства. М., 1789. Ч. 5.
- [Памятная книжка, 1862](#) – *Памятная книжка Харьковской губернии.* Харьков, 1862.
- [Памятная книжка, 1864](#) – *Памятная книжка Харьковской губернии на 1864 г.* Харьков, 1864.
- [Жебылев, 1912](#) – *Жебылев Н.* Исторический очерк деятельности Харьковского Института благородных девиц за 100 лет его существования (с 1812 по 1912 год). Харьков, 1912. 147 с.
- [Грачева, 2021](#) – *Грачева Ю.Е.* Гимназии и уездные училища Харьковского учебного округа в контексте министерской политики в начале XIX века // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2021. № 2(104). С. 159-163.
- [Латуева, 2014](#) – *Латуева Т.В.* Частная инициатива в образовании ученых высшей медико-фармацевтической школы Харьковской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Научный результат.* Серия: Педагогика и психология образования. 2014. № 2(2). С. 28-34.
- [Никитин, 2013](#) – *Никитин М.Ю.* Роль земств Харьковской губернии в развитии системы среднего образования во второй половине XIX о начале XX столетия // *Наука Красноярья.* 2013. №2 (1). С. 22-39.
- [Degtyarev, Polyakova, 2020](#) – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G.* The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education.* 2020. 9(2): 451-458.
- [Degtyarev et al., 2020](#) – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Stepanova D.I.* The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education.* 2020. 9(3): 666-678.
- [Cherkasov et al., 2020](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A.* The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education.* 2020. 9(1): 202-211.
- [Cherkasov et al., 2020a](#) – *Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Koroleva L.A., Zimovets L.G.* The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2 // *Bylye Gody.* 2020. 56(2): 428-436.
- [Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – *Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E.* Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms // *European Journal of Contemporary Education.* 2017. 6(2): 367-377.
- [Rajović et al., 2023](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Buryanov S.A.* The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 1 // *Bylye Gody.* 2023. 18(2): 798-811.
- [Rajović et al., 2023a](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Buryanov S.A.* The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 2 // *Bylye Gody.* 2023. 18(3): 1447-1454.
- [Rajović et al., 2023b](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Buryanov S.A.* The System of Public Education in Kursk Governorate (1808–1917). Part 1 // *European Journal of Contemporary Education.* 2023. 12(1): 259-266.
- [Rajović et al., 2023c](#) – *Rajović G., Bratanovskii S.N., Epifanov A.Y., Buryanov S.A.* The System of Public Education in Kursk Governorate (1808–1917). Part 2 // *European Journal of Contemporary Education.* 2023. 12(2): 736-744.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education.* 2022. 11(1): 275-285.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education.* 2022. 11(2): 632-644.
- [Mamadaliev et al., 2022b](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 3 // *European Journal of Contemporary Education.* 2022. 11(3): 1021-1031.

References

- [Naselenie imperii..., 1898](#) – *Naselenie imperii po perepisi 28-go yanvarya 1897 g. Po uezdam [Population of the empire according to the census of January 28, 1897. By county].* Sankt-Peterburg, 1898. [in Russian]
- [Khar'kovskii kalendar', 1881](#) – *Khar'kovskii kalendar' na 1882 g.* Khar'kov, 1881. [in Russian]
- [Khar'kovskii kalendar', 1880](#) – *Khar'kovskii kalendar' na 1881 g.* Khar'kov, 1880. [in Russian]

- Khar'kovskii kalendar', 1879 – *Khar'kovskii kalendar' na 1880 g.* Khar'kov, 1879. [in Russian]
- Khar'kovskii kalendar', 1878 – *Khar'kovskii kalendar' na 1879 g.* Khar'kov, 1878. [in Russian]
- Khar'kovskii kalendar', 1877 – *Khar'kovskii kalendar' na 1878 g.* Khar'kov, 1877. [in Russian]
- Khar'kovskii kalendar', 1876 – *Khar'kovskii kalendar' na 1877 g.* Khar'kov, 1876. [in Russian]
- Khar'kovskii kalendar', 1875 – *Khar'kovskii kalendar' na 1876 g.* Khar'kov, 1875. [in Russian]
- Khar'kovskii kalendar', 1874 – *Khar'kovskii kalendar' na 1875 g.* Khar'kov, 1874. [in Russian]
- Khar'kovskii kalendar', 1873 – *Khar'kovskii kalendar' na 1874 g.* Khar'kov, 1873. [in Russian]
- Khar'kovskii kalendar', 1872 – *Khar'kovskii kalendar' na 1873 g.* Khar'kov, 1872. [in Russian]
- Khar'kovskii kalendar', 1871 – *Khar'kovskii kalendar' na 1872 g.* Khar'kov, 1871. [in Russian]
- Khar'kovskii kalendar', 1870 – *Khar'kovskii kalendar' na 1871 g.* Khar'kov, 1870. [in Russian]
- Khar'kovskii kalendar', 1869 – *Khar'kovskii kalendar' na 1870 g.* Khar'kov, 1869. [in Russian]
- Khar'kovskii kalendar', 1868 – *Khar'kovskii kalendar' na 1869 g.* Khar'kov, 1868. [in Russian]
- Danilevskii, 1863 – *Danilevskii, G.P.* (1863). Khar'kovskie shkoly v starinu i teper' (Istoricheskie i statisticheskie zametki ob uchilishchakh i narodnom obrazovanii v Khar'kovskoi gubernii) [Kharkov schools in the old days and now (Historical and statistical notes on schools and public education in the Kharkov province)]. SPb. [in Russian]
- Miller, 1789 – *Miller* (1789). Geograficheskii slovar' rossiiskogo gosudarstva [Geographical dictionary of the Russian state]. M., Ch. 5. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka, 1862 – *Pamyatnaya knizhka Khar'kovskoi gubernii* [Commemorative book of the Kharkov province]. Khar'kov, 1862. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka, 1864 – *Pamyatnaya knizhka Khar'kovskoi gubernii na 1864 g.* [Commemorative book of the Kharkov province]. Khar'kov, 1864. [in Russian]
- Zhebylev, 1912 – *Zhebylev, N.* (1912). Istoricheskie ocherk deyatelnosti Khar'kovskogo Instituta blagorodnykh devits za 100 let ego sushchestvovaniya (s 1812 po 1912 god) [Historical outline of the activities of the Kharkov Institute of Noble Maidens for 100 years of its existence (from 1812 to 1912)]. Khar'kov, 147 p. [in Russian]
- Gracheva, 2021 – *Gracheva, Yu.E.* (2021). Gimnazii i uezdnye uchilishcha Khar'kovskogo uchebnogo okruga v kontekste ministerskoi politiki v nachale XIX veka [Gymnasiums and district schools of the Kharkov educational district in the context of ministerial policy at the beginning of the 19th century]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal.* 2(104): 159-163. [in Russian]
- Latueva, 2014 – *Latueva, T.V.* (2014). Chastnaya initsiativa v obrazovanii uchenykh vysshei mediko-farmatsevticheskoi shkoly Khar'kovskoi gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Private initiative in the education of scientists at the higher medical and pharmaceutical school of the Kharkov province (second half of the 19th – early 20th century)]. *Nauchnyi rezul'tat.* Seriya: Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya. 2(2): 28-34. [in Russian]
- Nikitin, 2013 – *Nikitin, M.Yu.* (2013). Rol' zemstv Khar'kovskoi gubernii v razvitii sistemy srednego obrazovaniya vo vtoroi polovine XIX o nachale XX stoletiya [The role of zemstvos of the Kharkov province in the development of the secondary education system in the second half of the 19th and early 20th centuries]. *Nauka Krasnoyar'ya.* 2(1): 22-39. [in Russian]
- Degtyarev, Polyakova, 2020 – *Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G.* (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1. *European Journal of Contemporary Education.* 9(2): 451-458.
- Degtyarev et al., 2020 – *Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Stepanova, D.I.* (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2. *European Journal of Contemporary Education.* 9(3): 666-678.
- Cherkasov et al., 2020 – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A.* (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 1. *European Journal of Contemporary Education.* 9(1): 202-211.
- Cherkasov et al., 2020a – *Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Koroleva, L.A., Zimovets, L.G.* (2020). The Public Education System in Voronezh Governorate in the Period 1703–1917. Part 2. *Bylye Gody.* 56(2): 428-436.
- Peretyatko, Zulfugarzade, 2017 – *Peretyatko, A.Y., Zulfugarzade, T.E.* (2017). Higher and secondary education of the don cossacks in the context of the epoch: The time of the great reforms. *European Journal of Contemporary Education.* 6(2): 367-377.
- Rajović et al., 2023 – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Buryanov, S.A.* (2023). The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 1. *Bylye Gody.* 18(2): 798-811.
- Rajović et al., 2023a – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Buryanov, S.A.* (2023). The Development of the System of Public Education in Tambov Province in the second half of the XIX – early XX centuries. Part 2. *Bylye Gody.* 18(3): 1447-1454.

Rajović et al., 2023b – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Buryanov, S.A. (2023). The System of Public Education in Kursk Governorate (1808–1917). Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 12(1): 259-266.

Rajović et al., 2023c – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Epifanov, A.Y., Buryanov, S.A. (2023). The System of Public Education in Kursk Governorate (1808–1917). Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 12(2): 736-744.

Mamadaliyev et al., 2022 – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 11(1): 275-285.

Mamadaliyev et al., 2022a – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(2): 632-644.

Mamadaliyev et al., 2022b – Mamadaliyev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu. (2022). The System of Public Education in Penza Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 3. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 1021-1031.

Система народного образования на территории Харьковской губернии в XIX – начале XX вв. Часть 1

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается система народного образования на территории Харьковской губернии в имперский период. В данной части работы рассматривается период с 1732 по 1880 гг.

Источниковая база исследования представлена ежегодными изданиями харьковского губернского статистического комитета: «Памятными книжками Харьковской губернии» и «Харьковскими календарями», изданными в период 1862–1882 гг.

В заключении авторы отмечают, что в период 1732–1880 гг. система народного образования на территории Харьковской губернии активно развивалась. Так, в 1732 г. в регионе насчитывалось 46 (начальных) церковно-приходских училищ. Уже в 1804–1805 гг. в губернском центре (город Харьков) были открыты высшее и среднее учебные заведения для мальчиков, а в 1812 г. там же было открыто и первое среднее учебное заведение для девочек. К 1880 г. на территории губернии было уже 515 учебных заведений с количеством учащихся 31898 человек. Высшее образование в губернском центре стало доступно и для женщин (слушательницы повивального института). Сеть средних учебных заведений распространялась и на крупные уездные города, что делало среднее образование доступным не только в Харькове, но и в регионах. Низшее образование было представлено 13 учебными заведениями для мальчиков, а начальное образование было представлено 475 начальными учебными заведениями разных ведомств.

Ключевые слова: Харьковская губерния, система народного просвещения, Российская империя, 1732–1917 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1652-1662
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1652

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Development of Haymaking and Agriculture among the Kazakhs in the XVIII – early XX centuries

Ziyabek Y. Kabul'dinov ^a, Aksunkar T. Abdulina ^{a,*}, Malika T. Moryakova ^a, Nurlybek A. Dosymbetov ^a

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article examines the history of the development of agriculture on the territory of modern Kazakhstan in the XVIII – early XX centuries. In addition to the dominant cattle breeding on the territory of Kazakhstan since the Neolithic and Eneolithic, there was agriculture in Southern and Southeastern Kazakhstan, and then its development was continued in the Turkic era. A significant blow to agriculture was inflicted by the Mongol conquest. During the periods of the Mongolian and Kazakh Khanate, arrays of irrigated lands were preserved around the cities. The following stages can be distinguished in the development of agriculture on the territory of Kazakhstan: 1) XVIII century – the development of haymaking and agriculture as an auxiliary type of nomadic economy for some groups of Kazakhs in Southern and Eastern Kazakhstan; 2) late XVIII – first half of the XIX centuries – beginning of the process of transition of Kazakh pastoralists to haymaking and agriculture; 3) the second half of the XIX – early XX centuries – a significant expansion of the haymaking zone and agriculture in Kazakhstan in connection with peasant colonization while maintaining the dominant importance of cattle breeding in semi-nomadic and semi-sedentary forms. For most Kazakhs, agriculture was auxiliary in nature, complementing the main occupation – nomadic and semi-nomadic cattle breeding. The main social strata of pastoralists and farmers were jataks (impoverished steppe dwellers). The main reasons for the Kazakhs' transition to agriculture are the desire to keep ancestral lands, the reduction of pasture lands due to seizures and population growth in stable periods, the adoption of a sedentary lifestyle, agricultural labor skills from Russians, Uighurs, Dungans. Changes in the Kazakh farming system are the result of their adaptation to the changed conditions. A primitive fallow-shift farming became widespread due to the aridity of the climate, the salinity of the soil and the high level of flood and groundwater in the summer. There were two types of agriculture: irrigation, rain-fed.

Keywords: rain-fed agriculture, jataks, agriculture, irrigation, kyariz, haymaking, chigir.

1. Введение

Помимо доминирующего скотоводства, на территории Казахстана с древности, с эпохи неолита и энеолита, существовало земледелие в Южном и Юго-Восточном Казахстане, особенно на берегах Сырдарьи, в предгорьях Каратау, Жетысу (по берегам рек Или, Чу, Талас). Уже в ботайских поселениях медно-каменного века IV тыс. до н. э. были найдены многочисленные земледельческие орудия труда из кости и камня – палки-копалки, серпы и пр. Все последующие кочевые племена цивилизации Великой Степи – саки, уйсуны, кангюи, гунны, тюрки, тюркешы, огузы, карлуки, кимаки, кыпчаки и пр., не порвали с земледельческой традицией. Вокруг всех средневековых городов на трассах Великого шелкового пути (Сыгнак, Отрар, Тараз, Испиджаб, Суяб и пр.) разрастались земледельческие оазисы с полями злаковых культур, огородами, бахчевыми угодьями и даже виноградниками.

Существенный удар по земледелию был нанесен монгольским завоеванием, когда многие города с земледельческими оазисами на трассах Великого шелкового пути опустели. Однако

* Corresponding author

E-mail addresses: abd_aksunkar@mail.ru (A.T. Abdulina)

земледельческая традиция в этом регионе полностью не была прервана. Массивы орошаемых земель сохранились в монгольский период, а также в период существования Казахского ханства вокруг городов – Туркестана, Саурана, Сыгнака, Сайрама и др., а также в долине Иртыша и на оз. Зайсан (Биржанов, 2021: 261).

2. Материалы и методы

В качестве основных материалов данной статьи использовались архивные документы Центрального государственного архива РК (Алматы, Республика Казахстан) в виде донесений чиновников колониальной администрации о технологическом процессе ирригационного земледелия в Южном Казахстане, видах выращиваемых культур и пр. Из документов российских архивов: АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи (Москва, Российская Федерация), ИАОО – Исторический архив Омской области (Омск, Российская Федерация), РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва, Российская Федерация), РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург, Российская Федерация), – получены данные о переходе казахов к оседлости, развитию у них сенокосения и земледелия и др. Большим подспорьем при проведении исследования стали опубликованные в начале XX в. «Материалы по киргизскому землепользованию» (1903, 1910, 1911), в которых содержится богатая статистическая информация о количестве казахских хозяйств, вовлеченных в сенокосение и земледелие, об ассортименте выращиваемых зерновых и технических культур и пр.

При написании статьи активно применялись общенаучные методы: анализ, синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и конкретизация и пр., которые позволили на основе сведений из источников установить причинно-следственные связи по истории развития земледелия у казахов в XVIII – нач. XX вв. и прийти к некоторым выводам. Привлекались специальные исторические методы. Сравнительно-исторический позволил ретроспективно сравнить развитие земледелия в разных регионах Казахстана. Источниковедческий метод был использован при анализе исходных материалов. С помощью проблемно-хронологического метода были выделены и рассмотрены отдельные подтемы: системы и типы земледелия, орудия труда и пр. Посредством ретроспективного метода были выявлены зачатки земледелия на территории Казахстана в эпохи древности и средневековья.

3. Обсуждение

В дореволюционный период изучением казахской этнографии занимались такие российские ученые, как А.И. Левшин (Левшин, 1832), И.Г. Андреев (Андреев, 1998), С.Б. Броневский (Броневский, 1830), Т.И. Седельников (Седельников, 1907), опубликовавшие известные труды. Проблема казахского земледелия также освещалась немецким этнографом и путешественником Рихардом Карутцом (Карутц, 1910).

В советский период уже в конце 1920-х годов появились первые работы, освещавшие развитие казахского земледелия в региональном разрезе (Ищенко и др., 1928). В 1976 г. Наталья Геннадьевна Аполлова завершила исследование по хозяйственному освоению Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. Более обстоятельный труд по хозяйству казахов увидел свет в 1980 г. (Хозяйство казахов..., 1980).

Наиболее весомый вклад в изучение истории развития сенокосения и земледелия у казахов внес, по нашему мнению, казахский этнолог К.А. Биржанов, который является автором соответствующих параграфов в двух комплексных трудах по этнографии казахов, подготовленных Институтом истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Казахи..., 1995) и Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Казахи..., 2021). Данный автор специализируется на вопросах земледелия у казахов, долгие годы разрабатывал эту тему: изучал дореволюционные источники, собирал материал в полевых экспедициях, беседовал с информаторами на местах, что делает его выводы основательными.

Проблема развития сенокосения и земледелия у казахов рассматривалась в комплексе с другими важными вопросами в трудах крупных казахских этнографов и историков: С.Е. Толыбекова (Толыбеков, 1971), М.С. Муканова (Муканов, 1991), Н.Э. Масанова (Масанов, 2011), С.Е. Ажигали (Ажигали, 2002) и др., отметивших вспомогательный характер земледелия в отношении основного хозяйства – скотоводческого. С.Е. Ажигали ввел понятие культурно-исторического перехода в хозяйственном укладе казахских скотоводов – более интенсивному переходу от кочевого к полукочевому скотоводству в сер. XIX в. (Ажигали, 2002: 172-174). И.Р. Прохоров (Прохоров, 2006) в статье осветил историческую географию казахского земледелия в 1758–1822 гг. З.Е. Кабульдинов (Кабульдинов, 2019), исследуя судьбу султана Султанмамета, высветил проблему поощрения царской администрации султанской верхушки к переходу к оседлости и домостроительству, что сопрягалось с усилением контроля над ними. Г.У. Орынбаева, исследуя особенности кочевого и полукочевого хозяйства казахов аридных зон (80-е гг. XIX – начало XX в.), выделила родоплеменные группы казахов, практикующих на разном уровне земледелие, и чистых кочевников (Орынбаева, 2015).

В контексте истории повседневности весьма обстоятельно изучил развитие земледелия у казахского населения Аулиеатинского уезда в конце XIX – начале XX вв. Г. Жуман (Жуман, 2010).

Таким образом, несмотря на наличие некоторых трудов по развитию сенокосения и земледелия у казахов, авторы данной статьи на основе вновь введенных в научный оборот исторических источников поставили цель – проанализировать поэтапно развитие земледелия и сенокосения у казахов в XVIII – нач. XX вв.

4. Результаты

В развитии земледелия на территории Казахстана в XVIII – нач. XX вв. можно выделить следующие этапы: 1) XVIII в. – развитие сенокосения и земледелия в качестве вспомогательного вида кочевого хозяйства у некоторых групп казахов в Южном и Восточном Казахстане; 2) кон. XVIII – пер. пол. XIX вв. – начался процесс перехода казахов-скотоводов к сенокосению и земледелию; 3) вт. пол. XIX – нач. XX вв. – значительное расширение зоны сенокосения и земледелия в Казахстане в связи с крестьянской колонизацией при сохранении доминирующего значения скотоводства в полукочевой и полупастбищной формах (Ажигали, 2019). Кратко охарактеризуем выделенные этапы. Однако в связи с недостатком источников по пер. пол. XVIII в. на 1 и 2-й этапы будет дана общая характеристика.

Состояние и развитие сенокосения и земледелия в XVIII – пер. пол. XIX вв. Процесс колонизации Казахстана Российской империей, начатый в 30-е гг. XVIII в., запустил процесс изъятия исконно казахских земель под военно-административные форпосты и казачьи поселения. В конце XVIII – начале XIX вв. начался процесс перехода казахов к сенокосению и земледелию.

В Восточном Казахстане о существовании земледелия у казахов Среднего жуза оставил сведения в конце XVIII в. военный инженер-топограф И.Г. Андреев: «Волость акнайманская. Старшина в ней Жулумбет. Кибиток 500...Имеют и хлебопашество: сеют пшеницу, ячмень, просу с достатком, получая хлеб на посев от китайцов...» (Андреев, 1998: 74). А.И. Левшин сообщает, что в среднем течении Иртыша «по очищенным от камыша берегам озера Кургальджина и Нуры» казахи сочетали скотоводческое хозяйство с примитивным земледелием (Левшин, 1832: 40). По данным немецкого географа Карла Риттера, казахи, кочевавшие в первой четверти XIX в. в районе реки Нарым в Восточном Казахстане, также специализировались на сеянии проса и ячменя, используя для вспахивания земли соху, а для орошения – примитивные отводы от горных ручьев (Из сборника..., 1997: 126).

К началу XIX в. относятся сведения о занятиях казахами хлебопашеством в Центральном Казахстане, а именно в районе Атбасара и Тургая, в Северном Казахстане, в частности, в Ишимской степи, т. е. в междуречье рек Ишима и Тобола. К примеру, в районе Тургая кыпчак Сейткул завел в 1800 г. весьма производительное земледельческое хозяйство, основными работниками которого были разорившиеся бедные скотоводы – джатаки, которым доставалась лишь 10-я часть урожая по условиям издольной аренды (Биржанов, 2021: 263).

В отношении Западного Казахстана в архивных источниках зафиксированы факты о занятиях хлебопашеством казахов Младшего жуза, в частности, в 1793 г. уральские казаки истребили невинных 18 людей из рода кердери во время земледельческих работ в отместку за угон в плен казаков казаками из другого рода (АВПРИ. Ф. «Киргиз-кайсацкие дела» 1792–1794. Меньшей орды. Д. 5. Л. 71–76).

Основная причина перехода некоторой части казахов к земледелию заключалась в лишении крестьян скота по различным причинам: разорение в связи с зимней бескормицей, утратой пастбищных угодий в результате политики имперской колонизации и пр. Об этом в прошении на имя коменданта г. Верхнеуральска полковнику М. Суховицкому писал старшина рода жагалбайлы Младшего жуза Т. Тюлегенов в 1807 г.: «С прошением сим явьясь к вашему высокоблагородию, прошу ...в Киргизской степи поблизости г. Верхнеуральска повелеть мне ... иметь хлебопашество...(иначе. – авт.) по сущей нашей бедности, должны умереть с голоду...» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 211. Л. 2).

Наряду с бедняками в процесс перехода к земледелию были вовлечены и представители казахской элиты и байства, о чем имеются свидетельства в переписке Абылай-хана за 1764–1765 гг. с военными чинами Сибирского корпуса (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 473). Подвластные Абылай-хану казахи уже практиковали выращивание проса, дополнив свой ассортимент злаками пшеницы и ячменя.

В это же время Абулфеиз-султан, сын хана Среднего жуза Абулмамбета, управлявший найманами, также выступал за развитие хлебопашества, используя пленных из русских для перенимания опыта, о чем докладывал генерал-поручик И.И. Шпрингер в Коллегию иностранных дел (Аполлова, 1976: 229; Прохоров, 2006: 158). Видный государственный деятель, дипломат Султанмамет-султан, приходившийся Абылай-хану двоюродным братом, земледелием не занимался, так как не считал это занятие достойным для представителей Чингизидов. Однако, имея многочисленную стада скота, он активно пытался развивать сенокосение для прокорма его в зимнее время. Приведем письмо султана командиру Сибирского корпуса, генерал-майору А. Д. Скалону от 24 июля 1776 г. с просьбами прислать десять человек для помощи в покосе сена (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201. Л. 590б.). Позже потомки султана все же стали заниматься земледелием. Как пишет Н.Г. Аполлова, к 1808 г. султан Татен Урусов (1793 – XIX в.), управитель Басентиновской волости, находясь в урочище Ключи (на правом берегу Иртыша), первым из числа своих родственников начал заниматься хлебопашеством (Аполлова, 1976: 226). Многие представители знати перенимали от русских образ жизни, обращаясь с просьбами к имперской администрации о строительстве им на

зимовках деревянных домов. Так, в письме Хутай-Менды-султана Ханбабина командиру отдельного Сибирского корпуса Г.Г. Штрадману от 29 ноября 1794 г. содержалась такая просьба (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 269. Л. 556). Отдельные знатные правители возводили даже дворцы, как европейски образованный хан Букеевской орды Жангир в 1828 г. в Ханской ставке – Урде.

Как мы видим, уже с XVIII в. царское правительство особое значение придавало переводу казахов к оседлости. Были приняты меры по обучению местного населения навыкам земледелия путем его снабжения семенным фондом, присылки казахов и крестьян в кочевые хозяйства казахской правящей элиты (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201. Л. 590б.), строительству домов. В 30-х годах XIX в. в четырех округах Омской области проживало уже около 12000 казахов в станицах (Записки..., 1830: 182).

Таким образом, для большинства казахов, практикующих земледелие, оно носило вспомогательный характер, лишь дополняя основное занятие – кочевое и полукочевое скотоводство. Основные социальные слои скотоводов-земледельцев составляли джатаки – обедневшие после джутов, набегов и других причин степняки, которые, по Броневскому (Записки..., 1830: 178), при первой же возможности возвращались к животноводству, а также представители торе и байства, которые видели экономическую эффективность сенокосения и земледелия в качестве дополнительных продуктов для пропитания людей и скота, изредка торговли зерном. Одним из мотивов перехода джатаков к земледелию было стремление оставить за собой родовые земли, чтобы они не были переданы казакам или крестьянам-переселенцам. В сущности, изменения в системе земледелия казахов являются результатом их адаптации к изменившимся условиям.

В региональном плане преобладало земледелие в Семиречье и Южном Казахстане ввиду обилия водных источников, наличия плодородных оазисов вокруг городов и древних земледельческих традиций, хотя и в других регионах, за исключением наиболее пустынных зон Мангыстау и Устюрта, казахи также возобновили земледельческие работы. Стимулом для развития земледелия в степной зоне Казахстана послужили контакты со славянскими переселенцами – казаками и крестьянами, а также политика поощрения со стороны колониальной администрации, которая видела в этом новые рычаги управления и контроля над малоуправляемым кочующим народом (Кабульдинов, 2019: 264). Многих султанов, перешедших к земледелию, премировали одеждой и медалями, о чем указано в журнале Сибирского комитета от 30 сентября 1833 г. (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 291. Л. 4). По сообщению Левшина, «хотя хлеб и не составлял существенной потребности киргиз-кайсаков, но, дабы предотвратить их от крайней нужды в случае истребления табунов их зарабую, и иметь с тем, поощрять их к земледелию, полагается при каждом округе открыть казенную хлебную продажу» (Левшин, 1832: 271).

Расширение зоны сенокосения и земледелия в Казахстане в связи с крестьянской колонизацией во II пол. XIX – нач. XX вв. Пребывание в составе Российской империи, ее активная военно-казацкая, а затем крестьянская колонизация привели в сер. XIX в. в обширной степной зоне Казахстана к культурно-историческому перелому (Ажигали, 2002: 172-174) в хозяйственном укладе казахских скотоводов – более интенсивному переходу от кочевого к полукочевому скотоводству, при этом существенно сократились кочевые пути и расширилась в качестве вспомогательной деятельности зона сенокосения и земледелия (Толыбеков, 1971: 612-614). Уже дореволюционные исследователи выделяли в качестве главной причины сокращения пастбищных угодий (Азиатская Россия..., 1914: 78) в силу изъятий и рост населения в стабильные периоды развития казахского общества.

К середине XIX в. многие казахские роды Младшего жуза «посеяли разного рода хлеба при озерах Курджакуле, Юмарткуле, Сарыкуле, Кайрчактыкуле, Кендыкуле, Батбаккуле; и даже при последнем посеял и сам батыр Исет Кутебаров» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3535. Л. 109). Первым признаком начала перехода казахов к полукочевому образу жизни была заготовка сена казахами на весенних (*көктеу*) и осенних (*күзеу*) пастбищах, соседствующих с зимними пастбищами. К середине XIX в. сенокосение приобретает более широкий характер у значительной части казахов-скотоводов в связи с поступлением из Омска, Оренбурга и др. российских городов крупных партий кос (шалғы) (Ажигали, 2002: 174).

Более того, казахи интенсивнее стали переходить к хлебопашеству, так что по Уральской линии уже не казаки снабжали казахов хлебом, а зачастую наоборот, причем уже в 1906 г. 85,1 % всех казахских хозяйств Уральской области имели посевы (Муканов, 1991: 46). Чем западнее и севернее располагались уезды, тем больше казахов-скотоводов вовлекалось в земледелие и быстрее переходило к полукочевничеству. По данным Т.И. Седельникова, в кон. XIX – нач. XX в. в северных уездах Уральской и Тургайской областей местные казахи освоили земледелие даже лучше жителей казачьих и переселенческих поселений (Седельников, 1907: 8). В 70-х гг. XIX в. в Илецком уезде Тургайской области не было ни одной семьи не засевающих хлеб (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2247. Л. 37).

Быстрота перехода казахов к земледелию также зависела от плодородия почв. Так, в Тургайской области на Кустанайский уезд приходилось 97 % общей площади обрабатываемых казахскими кибитовладельцами земель, аналогичное положение занимал Кокчетавский уезд в Акмолинской области. Однако казахи значительно уступали русскому крестьянству в масштабах занятия земледелием, о чем говорят данные показатели: в 1900 г. в Тургайской области на одну русскую семью приходилось 30,3 пудов посеянных зерновых, а на казахскую – 5,3 (История Казахстана..., Т. 3. 2010: 483). Тем не менее в 90-е гг. XIX в. казахское зерно, выращенное в

Актюбинском и Кустанайском уездах, превосходило по качеству русское зерно, поэтому его вывозили в Троицк, а также в южные русские порты и на Северный Кавказ, вытеснив зерно черноземных губерний России ([Материалы по киргизскому землепользованию..., Т. 7. 1907: 36](#))

Таблица 1. Соотношение удельного веса населения, занимавшегося земледелием и скотоводством в степных областях по данным Всероссийской переписи населения 1897 г. ([История Казахстана... Т. 3. 2010: 482](#)).

Области	Общ. числен. в тысячах	Занятые земледелием в %	Занятые скотоводством в %
Тургайская	441,4	11	88,4
Семипалатинская	606,9	20	80
Акмолинская	596,2	32,2	67,5
Алтайская	1532,8	96,3	3,7

Тем не менее даже в кон. XIX – нач. XX вв. в западных полупустынных зонах – на Мангистау, по описанию Р. Карутца: «Если вас угощают хлебом,... то зерно или муку, уж наверное, купили в Александровском форте или получили из Хивы» ([Карутц, 1910: 40](#)). Как видим, многие казахские племена Западного Казахстана, к примеру, адаевцы Темирского уезда, занимались исключительно традиционным кочевым скотоводством ([Материалы по киргизскому землепользованию... 1910: 28](#)), не прибегая к земледелию, за исключением их незначительной части (около 25 % по Адаевскому уезду ([Ищенко и др., 1928: 36](#)) и в малых объемах. Чистыми кочевниками-*көшпелі* в преобладающем большинстве были большие родоплеменные группы: адай, табын, шекты, шомакей, тама, баганалы, балталы, таракты, жалайыр и др., – в связи с природными условиями, удобными лишь для круглогодичного подножного скотоводства ([Орынбаева, 2015](#)).

Другая картина наблюдалась в отношении казахов Жетысу и Южного Казахстана, где существовали глубокие традиции земледельческой культуры. Так, в 1911 г. в Верненском уезде 79,3 % от общего числа казахских хозяйств имели посеы, орошалось 90,7 % посевов, в основном засевали просо (45,6 %), тогда как на богаре преобладали посеы пшеницы (52,4 %) ([Капекова, 2003: 25](#)).

Важным фактором перехода казахов к земледелию было перенимание оседлого образа жизни, навыков земледельческого труда, типов жилищ у казачества и крестьянства, уйгуров, дунган, переселявшихся в Семиречье с 1881 г. Уйгуры, компактно расселившиеся в бассейнах рек Хоргос, Или и др., строили достаточно протяженные каналы, к примеру, канал Талды-булак протяженностью в 60 верст. Помимо зерноводства, они заняли «доминирующие позиции в производстве овощей, фруктов, бахчевых и виноградных культур» ([Капекова, 2003: 28](#)).

Таким образом, во вт. пол. XIX в. значительная часть казахов в степной, лесостепной, горной зонах перешла к полукошечному хозяйству, обеспечив себя земледельческой продукцией, запасами кормов для скота в зимнее время, стационарными жилищами на зимовках. Однако в нач. XX в. в связи с политикой массовых крестьянских переселений наметилась тенденция более резкого перехода к оседлости кочевников и полукошечников, что стало негативно сказываться на развитии традиционного скотоводства в степи. Одним из проявлений колониальной политики российских властей было ограничение распространения земледелия среди казахов, которых вытесняли с плодородных мест.

Системы и типы земледелия. Система земледелия у казахов относится к адаптивно-ландшафтной, поскольку ее содержание зависело от природно-климатических и географических условий Казахстана: аридность климата с засушливостью, недостаточностью водных ресурсов, резкими колебаниями температур, выветриваемостью почв и пр. Практически 80 % обрабатываемых земель в Казахстане находятся в зонах недостаточного увлажнения. Эти климатические и ландшафтные условия накладывали существенные ограничения на зоны культивирования зерновых и способы возделывания пашен ([Масанов, 2011: 292](#)).

В основном у казахов повсеместно была распространена примитивная залежно-переложная система земледелия ввиду засоленности почвы и высокого уровня паводковых и грунтовых вод в летнее время ([Биржанов, 2021: 262](#)). При этой системе казахи выбирали для распашки земли, обильно покрытые травами, эксплуатировали их 2-3 года, а затем переходили на другой залежный участок.

Под воздействием этнокультурных контактов с русским казачеством и крестьянством стала распространяться в Северном, Центральном Казахстане более передовая трехпольная система земледелия, при которой пашня разделяется на три поля: одно поле засевалось просом или рожью, другое – яровым хлебом, а третье оставалось под паром.

Пахотные участки и сенокосы располагались в общественной собственности, поэтому ежегодно весной происходили переделы участков аксакалами между семьями одной земельной или земельно-водной общины. Тем не менее с конца XIX в. существовала практика продажи крестьянами своих участков земли преимущественно членам своей общины по согласованию с последней или чужим людям, имеющим средства ([Казахи..., 1995: 40](#)). Земледелие было двух видов: поливное – *суармалы*

егін, богарное – *шөл егін/нұрлық/талімі* (за счет климатических осадков) (Биржанов, 2021: 268).

Поливное земледелие. В поливном земледелии бытовало лиманное – *суалма* (на заливных землях при паводках и сбросах воды из плотин), а также ирригационное земледелие.

Земледельцы (*егінші*) в зависимости от обводненности местности производили посевы или на освобожденных от воды землях с плодородной почвой или применяли дополнительные приемы для увлажнения почвы. В источниках имеются сведения о том, что лиманное земледелие без искусственного орошения имело рискованный характер: «В пойменной части Сыр-Дарьи, наиболее населенной территории (Перовского. – *Ред.*) уезда,...посевы хлебов производятся киргизами в большинстве случаев на заливаемых водой местах без устройства арыков. При таком положении посевы часто уничтожаются или засухой или сильно разлившиеся водой» (РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1633. Л. 6). Казахи, используя природную смекалку, практиковали несколько методов искусственного лиманного земледелия:

– посевы семян на участках *кәлтабан*, представлявших собой низины после пересыхания искусственно созданных озер. Воду подводили к низинам с помощью рытья арыков от естественных водоемов, а затем строили из местной глины и камыша плотины, которые повсеместно предназначались для трех целей: для ограждения низменных мест от больших разливов воды; для поднятия уровня воды в протоках; для осушения заливных озер (Материалы для географии..., 1865: 104). Этот достаточно трудоемкий способ искусственного лиманного орошения применялся в Букеевской Орде, в Семиречье и Южном Казахстане, а именно вблизи рек Сырдарья, Чу, Или, Таласа (Хозяйство казахов..., 1980: 175-176);

– пашни на землях, заливаемых паводковыми водами рек Сырдарья, Чу, Тургая, Иргиза, Или, Таласа, в Южном и Северо-Западном Казахстане, Семиречье;

– в Приаралье и Прибалхашье практиковалось использование низин между барханами и лощинами. Эти низины ограждали плотинами для сохранения в них летом и зимой талой воды (*қак*), весной – для высевания бахчевых культур и др., при необходимости егінші могли поливать поля из колодцев (Биржанов, 2021: 266);

– попеременное затопление водой через каждые 3-4 года с протока Сырдарья, преграждаемого плотинами, двух низин. При этом сухая долина использовалась для пашен вокруг оставшихся невысохшими озерков с водой. После полного испарения воды в мини-озерах наступал черед для перехода в ранее затопленную долину и пуска воды в оставляемую (Материалы для географии..., 1865: 107);

– по полевым данным этнографа К.А. Биржанова, в бассейне нижней и средней Сырдарья крестьяне строили плотины посередине озер с попеременной культивацией земли на сухой части, затем переходили на ранее затопленную часть озера (Биржанов, 2021: 266);

– устройство мини-водохранилищ из талых вод в предгорьях Каратау для орошения посевов злаковых (ЦГА РК. Ф. 232. Оп. 1. Д. 50б. Л. 1).

Между тем основной группой казахских земледельцев были жители Жетысу, Южного, Центрального и Восточного Казахстана. Они пользовались ирригационным орошением с помощью следующих способов:

– возведение плотин, каналов и ответвлений от них – арыков. Поручик Гавердовский подробно описал такое орошение в 1803 г.: «Подле озера или реки насыпают они небольшой вал, а реку запруживают еще плотинами... Все каналы и бороздки сии бывают над поверхностью земли возвышены, будучи кладены из глины наподобие желобов. Когда же вода найдется в пашнях уже излишней, то спускают оную в новые каналы, прокопанные ниже горизонта полей...» (РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 19208. Л. 44-45);

– на юге использовались водосборные галереи – кяризы (*керіз*), которые представляли вырытые колодцы глубиной 30-40 м, соединенные арыками. К примеру, в Сырдарьинской области, вблизи Туркестана, в 1885 г. казахи соорудили кяриз из «16 больших колодцев, соединенных между собой тоннелями и арыками, протяженностью 880 шагов...На обширной местности Майдантал находится множество заброшенных кяризов, которыми пользовались древние жители Саурана...» (ЦГА РК. Ф. 119. Оп. 1. Д. 450. Л. 63-64об.);

– использование водоподъемных сооружений – ручных черпаков (*атпа*), водочерпальных колес – чигирей (*шығыр*). Данный способ был распространен в предгорьях Каратау (Казахи..., 1995: 36). Деревянные колеса в диаметре достигали до 5 м., к их ободу прикреплялись для зачерпывания воды под наклоном ведра, деревянные или кожаные.

Арычная система была трех типов: мелкая, орошавшая небольшие участки, средняя и крупная, включавшая большие по размеру каналы (*тоған*) со сложными разветвлениями. Так, канал Каратоган в Восточном Казахстане имел 12 отводов, орошая посевы 375 хозяйств (Биржанов, 2021: 267), а малый в Сауранской волости аула № 1 обводнял участки 167 кибиток (ЦГА РК. Ф. 232. Оп. 1. Д. 29в. Л. 133). По уровню технологичности и эффективности чигири, приводимые в движение силой тягловых животных (верблюдов, волов и ослов), намного превосходили примитивные черпаки с длинной рукоятью, которые прикреплялись на треножник, устанавливаемый в водоеме для захвата воды и выплескивания ее в исток арыка. Изредка чигири могли иметь 3 секции из колес, установленных друг на друга для подъема воды на должную высоту (Казахи..., 1995: 36). Опорой

служили сваи или лодки. Однако преобладали односекционные чигири.

В зонах ирригационного земледелия в Жетысу и Южном Казахстане население делилось на водно-земельные общины (тоганы) по количеству каналов. Казахи Аулие-Атинского уезда Сырдарьинской области, проживавшие в конце XIX в. по р. Чу, делились на 18 тоганов. В случае временной отлучки хозяин сохранял за собой право на землю, оно переходило после его смерти к сыну или вдове в случае их согласия участвовать в земледельческом труде и ухаживать за каналом и арыками (Жуман, 2010: 75).

Участки вдоль канала доставались по жеребьевке каждой семье, которая рыла от него арыки для орошения. Причем весь участок делился на доли – *атыз* (букв. след лошади)/*тақта*, окруженные небольшим земляным валом для удерживания и равномерного распределения воды и влаги. При неровной почве на одной пашне могло сооружаться до десятков атызов, для этой трудоемкой работы нередко несколько семей, имеющих соседские участки, объединялись.

В земледельческих общинах за состоянием арыков и распределением воды следили *мирабы*, а на участках – *арык-аксакалы*. Они боролись с запрудами и прорывами, организовывали чистку каналов и арыков два раза в год (весной и осенью). Самой трудной их задачей было определение направления рытья каналов при необходимости, чтобы вода точно пошла по заданному руслу и обводняла все прилегающие участки (Жуман, 2010: 76). По данным этнографа М.С. Муканова, поливка производилась 4 раза: 1-я – до распашки земли, 2-я – через месяц после посева, когда взошли хлеба (*топырақсу*), 3-я – через 2-3 недели, 4-я – когда созрел урожай (*орақсу*) (Муканов, 1991: 26). Арык-аксакалы получали за свой нелегкий труд вознаграждение натурой, т. е. частью собранного урожая, или члены тогана назначали ему ежемесячное жалованье, как в Перовском уезде Сырдарьинской области в конце XIX в.: «Содержание мирабу в год 28 руб. 40 копеек, с каждой кибитки (167 кибиток. – авт.) по 17 коп.» (ЦГА РК. Ф. 232. Оп. 1. Д. 29в. Л. 133).

В середине марта крестьяне приступали к земледельческим работам, вспахивая и засеивая поля. Предпочитали в первый год сеять просо (*тары/конак*), отчасти пшеницу, во второй – пшеницу и прочие злаковые культуры, на третий год могли посадить арбузы и дыни (Материалы по киргизскому землепользованию..., 1911: 65).

Богарное земледелие имело древние корни и было повсеместно распространено по территории Казахстана, а именно на равнинах Северного и Центрального Казахстана, возвышенностях, пологих склонах гор, межгорных низинах Южного Казахстана и Семиречья. В Аулие-Атинском уезде льяльные или богарные посевы устраивались на горных плато Таласского Алатау и по южным – Александровского хребта не ниже 3000 м (Жуман, 2010: 75).

Поля устраивались вблизи кыстау – зимовок, а также локализовались у рек и озер (Левшин, 1832: 199). Землю вспахивали, затем проводили параллельные полосы (*ман*) для равномерного сева семян, которые разбрасывали из дорбы (*ат дорба*) (Казахи..., 1995: 41). После весеннего сева, боронования и первого полива пашен скотоводы откочевывали на летние пастбища, предоставляя их естественным осадкам. По сведениям Гавердовского, отдельные бай оставляли для ухода за полями (охраны и полива) своих работников. Он также уточняет, что «сев начинается в начале и в половине мая... все земледельцы идут со своими аулами в дальнейшие кочевья и не прежде возвращаются к полям, как через 60 дней. Тогда хлеб поспевает к жатве... по окончании молотбы опять пускаются в кочевание» (Масанов, 2011: 294). Сжатые колосья собирали в небольшие стога (*десте*) для подсушки, после связывали в снопы (*бау*).

Основные культуры. Техника и орудия труда. Основной отраслью земледелия было полеводство. Выращивали зерновые культуры: просо, в основном предпочитаемое казахами-скотоводами в силу высокой урожайности, ячмень, пшеницу, овес, рис, кукурузу, гречиху, коноплю. У казахов бытовали местные сорта указанных зерновых культур, а также привезенные переселенцами. К примеру, пшеница могла быть представлена следующими сортами: кубанка, полтавка, синеуска (Материалы для географии..., 1865: 200). Так, в Южном Казахстане на возвышенностях по верхнему Таласу, верхней Асе и их притокам культивировали высшие местные сорта пшеницы: куччу-бугдай, бакаирская, акчийская (Обзор Сырдарьинской области..., 1887: 21-23). В целом доминировали посеы яровой пшеницы (*жазғы бидай*) по сравнению с озимой (*күзгі бидай*) (Казахи..., 1995: 37).

Малые сегменты в полеводстве занимали хлопководство в Чимкентском и Перовском уездах, табаководство – в Верненском уезде, бахчеводство – в Южном и Юго-Восточном Казахстане, а также возделывание ценной кормовой бобовой культуры – люцерны, клевера. В Южном Казахстане в начале XX в. появились посеы бобовых: сои, маша, солома которых служила кормом для скота, масличных культур (индау, кунжут), которыми торговали (Жуман, 2010: 77). В Казалинском уезде в 1878 г. казахские егинши собрали «клеверу 84050 сноп, яровой пшеницы – 269408 пудов, проса – 35743, ячменя – 48426, картофеля – 400 пудов» (ЦГА РК. Ф. 267. Оп. 1. Д. 187. Л. 50б.).

В конце XIX в. под влиянием этнокультурных контактов с русскими, украинцами, уйгурами у казахов стало развиваться огородничество (выращивали картофель, капусту, морковь, огурцы, лук, редис, зелень), а также садоводство (выращивали яблоки, вишню, урюк, сливы) и виноградарство в Южном Казахстане. Для многих крестьян-бедняков продукты огородничества заготавливались на зиму, к примеру, дыни высушивались, составляя основной их рацион (Материалы для географии..., 1865: 119).

Основными орудиями труда были: для пахоты – омач (жерағаш), который немного отличался от

сохи и плуга, поскольку не имел отвала; борона (тырма); жатвы – серп (орак), имевший гладкое лезвие, коса (шалғы), нож (пышак); при молотье и других работах – деревянные лопаты (күрек), вилы (айыр), грабли (тырма). Весьма высоко о казахском омаче отзывался Л. Мейер в середине XIX в.: «...это орудие, несмотря на его скромный вид изогнутого дерева с небольшим железным насошником, во многих отношениях превосходит нашу соху» (*Материалы для географии...*, 1865: 102–103). В Заилийском крае в плуг запрягали двух быков, один егинши вел быков «за арканы, продетые им в ноздри, два других идут по бокам, подгоняя быков; один держит за ручку плуга» (*РГВИА. Ф. 967. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–6*). В начале XIX в. некоторые жатаки вместо бороны использовали «засушенный корень дерева с сучьями, тем несколько разбивают комья» (*Материалы по киргизскому землепользованию, 1911: 193*). Этот корень известен как борона-жердь (мала), его обычно привязывали к хвосту быка или лошади, а сверху насыпали камни для груза (*РГВИА. Ф. 967. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–6*). В ирригационном земледелии для взрыхления земли, сооружения плотин и прочих работ использовались мотыги – кетмени (кетпен), производимые в Ташкенте из русского железа (*РГВИА. Ф. 967. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–6*). Для полива пашен использовали различные водоподъемные приспособления (*атпа, чигирь*).

В конце XIX – начале XX вв. в районах совместного проживания казахов и крестьян в хозяйствах появляются деревянные колесные плуги с железным безотвальным лемехом (сабан), железные плуги (темірсока) и бороны, а в уездных и крупных волостных центрах открывались государственные склады сельхозтехники.

На току (кырман) молотили колосья пшеницы, ячменя, прогоняя по ним лошадей или быков (*Левшин, 1832: 205*), а по просу – верблюдов. С конца XIX в. для обмолота стали применять восьмигранные молотильные камни (тас). Кочевое и полукочевое население обмолоченное и очищенное зерно хранило в мешках (қап) и хозяйственных пристройках (*шошала* или *тошала*), оседлое и полuosедлое, полукочевое население – в закромах (*қамбар*) или ямах (*ұра*), отверстие которых надежно укрывалось, к примеру, засыпалось землей, для предотвращения проникновения влаги и воды. Охранники (*ұрашы*) оберегали собранный урожай, получая в виде оплаты 1 пуд зерна с каждого хранилища (*Казахи...*, 1995: 42, 43).

5. Заключение

Таким образом, земледелие к концу XIX в. приобрело устойчивый характер, но было преимущественно натуральным, обслуживая собственные нужды потребления. Между тем в конце XIX в. появились казахские хозяйства, активно вовлеченные в товарное земледелие, например, казахи Бельгагачской степи. Казахское земледелие носило рискованный характер, так как всецело зависело от природно-климатических условий хозяйственного года. Еще одной проблемой казахского земледелия была довольно низкая урожайность, так как казахи не знали удобрений, селекция культурных злаков носила опытный характер, орудия труда были достаточно примитивными. Сказывалась также низкая кооперация труда земледельцев, которые объединялись в основном при сооружении каналов и их обслуживании, но переработкой сельхозпродукции они совместно не занимались.

Процесс разложения казахского кочевого и полукочевого хозяйства подстегнул быстрое развитие наемного труда, байства. Как правило, баями становились состоятельные аульные старшины, крупные родоправители и волостные управители. Значительная их часть, а именно бай-саудагеры (торговцы), занималась продажей скота.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН OR11465469 «Разработка академического издания «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» в 7 томах».

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Ажигали, 2002 – *Ажигали С.Е.* Традиционная система скотоводческого поселения казахов (в историческом развитии) // *Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума.* Новосибирск: Наука, 2002. Т. 5. С. 143–190.

Ажигали, 2019 – *Ажигали С.Е.* Культурно-исторический переход в Казахской степи середины XIX в.: генезис стационарных кыстау и начало перехода к полuosедлости // *Исторический ежегодник.* Гл. ред. З.Е. Кабульдинов. Алматы: Ер Жәнібек, 2019. С. 79–98.

Азиатская Россия..., 1914 – *Азиатская Россия.* Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб.: Издание переселенческого Управления Главного Управления землеустройства и земледелия, 1914. 578 с.

Андреев, 1998 – *Андреев И.Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Ғылым, 1998. 280 с.

Аполлова, 1976 – *Аполлова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. М.: Наука, 1976. 371 с.

Биржанов, 2021 – *Биржанов К.А.* Земледелие / *Казахи.* Серия: Народы и культуры / Ответ. ред. С.Е. Ажигали, О.Б. Наумова, И.В. Октябрьская. М.: Наука, 2021. С. 261–278.

Записки..., 1830 – *Записки генерал-майора Броневского.* О Киргиз-Кайсаках средней Орды //

Отечественные записки. Август, 1830. СПб., 1830. Ч. XLII. Кн. СХХI. № 121. С. 162-194.

ИАОО – Исторический архив Омской области.

Жуман, 2010 – *Жуман Г.* Развитие земледелия у казахского населения Аулие-атинского уезда в конце XIX – начале XX вв. (в контексте истории повседневности) // *Вестник КазНУ. Серия историческая.* 2010. № 2(57). С. 74-80.

Из сборника..., 1997 – Из сборника «Землеведение Азии» К. Риттера // Из истории казахов / Состав. Е. Аккошаров. Алматы: Жалын, 1997. 448 с.

История Казахстана..., 2010 – История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 3. Алматы: Атамұра, 2010. 768 с.

Ищенко и др., 1928 – *Ищенко М.М., Казбеков И.С., Ларин И.В., Щелоков Б.К.* Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 13. Серия Казакстанская. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. 104 с.

Кабульдинов, 2019 – *Кабульдинов З.Е.* Султанмамет султан // Великие имена Великой степи. Сб. материалов / Ред. колл.: Кабульдинов З.Е., Абдулина А.Т. и др. Алматы: Литера-М, 2019. С. 261-274.

Казахи..., 1995 – Казахи: историко-этнографическое исследование / Ред.кол. М.К. Козыбаев, Х.А. Аргынбаев, М.С. Муканов. Алматы: Казахстан, 1995. 352 с.

Капекова, 2003 – *Капекова Г.А.* Семиречье в первой трети XX века: социально-экономическая и общественная история. Алматы: Галым, 2003. 232 с.

Карутц, 1910 – *Карутц Р.* Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке / Пер. Е. Петри. СПб., 1910. 188 с.

Левшин, 1832 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. Ч. 1: Известия географические. 1832. (2), XII, (2), 264 с.

Левшин, 1832 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. Ч. 3: Этнографические известия. 1832. (6), 304 с.

Масанов, 2011 – *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Изд-е 2-е, дополненное. Алматы: Print-S, 2011. 740 с.

Материалы для географии..., 1865 – Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: (т. 1). СПб.: (Главное управление Генерального штаба), 1859 (Т. 10): Киргизская степь Оренбургского ведомства / Сост. Ген. штаба подполковник Л. Мейер. 1865. 382 с.

Материалы по киргизскому..., 1903 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией степных областей. Тургайская область. Т. 7. Актыбинский уезд. Воронеж, 1903.

Материалы по киргизскому..., 1910 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Темирский уезд. Оренбург, 1910. 229 с.

Материалы по киргизскому..., 1911 – Материалы по киргизскому землепользованию. Сырдарьинская область Аулие-Атинский уезд. Ташкент: Тип. и литогр. Ильина В.М., 1911.

Муканов, 1911 – *Муканов М.С.* Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков. Алма-Ата: Казахстан, 1991. 64 с.

Обзор Сырдарьинской..., 1887 – Обзор Сырдарьинской области за 1886 год. Ташкент: Тип. при канцелярии Туркест. генерал-губернатора, 1887.

Орынбаева, 2015 – *Орынбаева Г.У.* Особенности кочевого и полукочевого хозяйства казахов аридных зон (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Журнал «edu.e-history.kz». 2015. № 3.

Прохоров, 2006 – *Прохоров И.Р.* Историческая география казахского земледелия (1758–1822) // *Вестник Карагандинского университета.* Серия «История. Философия. Право». 2006. № 2 (42). С. 155-161.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Седельников, 1907 – *Седельников Т.И.* Борьба за землю в киргизской степи. СПб.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1907. 79 с.

Толыбеков, 1971 – *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата: Наука, 1971. 633 с.

Хозяйство казахов..., 1980 – Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв.: Материалы к историко-этнографическому атласу. Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. 254 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

Andreev, 1998 – *Andreev, I.G.* (1998). Opisanie Srednej ordy kirgiz-kajsakov [Description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaisaks]. Almaty: Gylym. 280 p. [in Russian]

Apollova, 1976 – *Apollova, N.G.* (1976). Hozyajstvennoe osvoenie Priirtysh'ya v konce XVI – pervoj polovine XIX v. [Economic development of the Irtysh region at the end of the 16th – the first half of the 19th centuries]. M.: Nauka. 371 p. [in Russian]

AVPRI – Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire].

- Azhigali, 2002** – *Azhigali, S.E.* (2022). Tradicionnaya sistema skotovodcheskogo poseleniya kazahov (v istoricheskom razviti) [The traditional system of the pastoral settlement of the Kazakhs (in historical development)]. *Etnografo-arheologicheskie komplekxy. Problemy kul'tury i sociuma*. Novosibirsk: Nauka. T. 5. Pp. 143–190. [in Russian]
- Azhigali, 2019** – *Azhigali, S.E.* (2019). Kul'turno-istoricheskij perekhod v Kazahskoj stepi serediny XIX v.: genezis stacionarnyh kystau i nachalo perekhoda k poluosedlosti [Cultural and historical transition in the Kazakh steppe in the middle of the 19th century: the genesis of stationary kystaus and the beginning of the transition to semi-settled life]. *Istoricheskij ezhegodnik*. Gl. red. Z.E. Kabul'dinov. Almaty: Er Zhanibek. Pp. 79–98. [in Russian]
- Aziatskaya Rossiya..., 1914** – *Aziatskaya Rossiya*. T. 1. Lyudi i poryadki za Uralom [People and orders beyond the Urals]. SPb.: Izdanie pereselencheskogo Upravleniya Glavnogo Upravleniya zemleustrojstva i zemledeliya, 1914. 578 p. [in Russian]
- Birzhanov, 2021** – *Birzhanov, K.A.* (2021). Zemledelie [Agriculture]. *Kazahi. Seriya: Narody i kul'tury*. Otvet. red. S.E. Azhigali, O.B. Naumova, I.V. Oktyabr'skaya. M.: Nauka. Pp. 261–278. [in Russian]
- Hozyajstvo kazahov..., 1980** – *Hozyajstvo kazahov na rubezhe XIX–XX vv.: Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu* [Economy of the Kazakhs at the turn of the 19th–20th centuries: Materials for the historical and ethnographic atlas]. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1980. 254 p. [in Russian]
- IAOO** – Istoricheskij arhiv Omskoi oblasti [Historical archive of the Omsk region].
- Ishchenko i dr., 1928** – *Ishchenko, M.M., Kazbekov, I.S., Larin, I.V., Chelokov, B.K.* (1928). Osobennosti sel'skogo hozyajstva Adaevskogo uezda [Peculiarities of agriculture in Adayevsky district]. *Materialy komissii ekspedicionnyh issledovanij*. Vyp. 13. Seriya Kazakstanskaya. L.: Izd-vo AN SSSR. 104 p. [in Russian]
- Istoriya Kazahstana..., 2010** – *Istoriya Kazahstana (s drevnejshih vremen do nashih dnei)* [History of Kazakhstan (from ancient times to the present day)]. V pyati tomah. T. 3. Almaty: Atamyra, 2010. 768 p. [in Russian]
- Iz sbornika..., 1997** – *Iz sbornika «Zemlevedenie Azii» K. Rittera* [From the collection «Earth Science of Asia» by K. Ritter]. *Iz istorii kazahov*. Sostav. E. Akkosharov. Almaty: Zhalyn, 1997. 448 p. [in Russian]
- Kabul'dinov, 2019** – *Kabul'dinov, Z.E.* (2019). Sultanmamet sultan [Sultanmamet Sultan]. *Velikie imena Velikoj stepi*. Sb. materialov. Red. koll.: Kabul'dinov Z.E., Abdulina A.T. i dr. Almaty: Litera-M. Pp. 261–274. [in Russian]
- Kapekova, 2003** – *Kapekova, G.A.* (2003). Semirech'e v pervoj treti XX veka: social'no-ekonomicheskaya i obshchestvennaya istoriya [Semirechye in the first third of the 20th century: socio-economic and social history]. Almaty: Falym. 232 p. [in Russian]
- Karutc, 1910** – *Karutc, R.* (1910). Sredi kirgizov i turkmenov na Mangyshlake [Among the Kirghiz and Turkmens on Mangyshlak]. *Per. E. Petri*. SPb. 188 p. [in Russian]
- Kazahi..., 1995** – *Kazahi: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Kazakhs: historical and ethnographic research]. Red.kol. M.K. Kozybaev, H.A. Argynbaev, M.S. Mukanov. Almaty: Kazakhstan, 1995. 352 p. [in Russian]
- Levshin, 1832** – *Levshin, A.I.* (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih ord i stepej [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. SPb.: Tip. Karla Krajsya, 1832. Ch. 1: Izvestiya geograficheskie. (2), XII, (2), 264 p. [in Russian]
- Levshin, 1832** – *Levshin, A.I.* (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih ord i stepej [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. SPb.: Tip. Karla Krajsya. Ch. 3: Etnograficheskie izvestiya. 1832. (6), 304 p. [in Russian]
- Masanov, 2011** – *Masanov, N.E.* (2011). Kochevaya civilizaciya kazahov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva. Izd-e 2-e, dopolnennoe [The nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of the life of a nomadic society]. Almaty: Print-S. 740 p. [in Russian]
- Materialy dlya geografii..., 1865** – *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba: (t. 1)*. SPb.: (Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba), 1859 (T. 10): Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva [Kirghiz steppe of the Orenburg department]. Sost. Gen. shtaba podpolkovnik L. Mejer. 1865. 382 p. [in Russian]
- Materialy po kirgizskomu..., 1903** – *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye ekspedicej stepnyh oblastej* [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the expedition of the steppe regions]. *Turgajskaya oblast'. T. 7. Aktyubinskij uezd. Voronezh*, 1903. [in Russian]
- Materialy po kirgizskomu..., 1910** – *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannye i razrabotannye statisticheskoi partiej Turgajsko-Ural'skogo pereselencheskogo rajona* [Materials on Kyrgyz land use, collected and developed by the statistical party of the Turgai-Ural resettlement region]. *Temirskij uezd. Orenburg*, 1910. 229 p. [in Russian]
- Materialy po kirgizskomu..., 1911** – *Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu. Syrdar'inskaya oblast' Aulie-Atinskij uezd* [Materials on the Kyrgyz land use. Syrdarya region Aulie-Ata district]. Tashkent: Tip. i litogr. Il'ina V.M., 1911. [in Russian]
- Mukanov, 1911** – *Mukanov, M.S.* (1911). Etnicheskaya territoriya kazahov v XVIII – nachale XX vekov [The ethnic territory of the Kazakhs in the XVIII – early XX centuries]. Alma-Ata: Kazakhstan. 64 p. [in Russian]

Obzor Syrdar'inskoj..., 1887 – Obzor Syrdar'inskoj oblasti za 1886 god [Overview of the Syrdarya region for 1886]. Tashkent: Tip. pri kancelarii Turkest. general-gubernatora, 1887. [in Russian]

Orynbayeva, 2015 – *Orynbayeva, G.U.* (2015). Osobennosti kochevogo i polukochevogo hozyajstva kazahov aridnyh zon (80-e gg. XIX – nachalo XX v.) [Features of the nomadic and semi-nomadic economy of the Kazakhs in the arid zones (80s of the 19th – early 20th centuries)]. *Zhurnal «edu.e-history.kz»*. № 3. [in Russian]

Prohorov, 2006 – *Prohorov, I.R.* (2006). Istoricheskaya geografiya kazahskogo zemledeliya (1758–1822) [Historical geography of Kazakh agriculture (1758–1822)]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Istoriya. Filosofiya. Pravo»*. 2(42): 155–161. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].

Sedel'nikov, 1907 – *Sedel'nikov, T.I.* (1907). Bor'ba za zemlyu v kirgizskoj stepi [Struggle for land in the Kyrgyz steppe]. SPb.: S. Dorovatovskij i A. CHarushnikov. 79 p. [in Russian]

Tolybekov, 1971 – *Tolybekov, S.E.* (1971). Kochevoe obshchestvo kazahov v XVII – nachale XX veka. Politiko-ekonomicheskij analiz [Kazakh nomadic society in the 17th - early 20th centuries. Political-economic analysis]. Alma-Ata: Nauka. 633 p. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Zapiski..., 1830 – Zapiski general-majora Bronevskago. O Kirgiz-Kajsakah srednej Ordy [Notes of Major-General Bronevsky. About the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde]. Otechestvennye zapiski. Avgust, 1830. SPb., 1830. Ch. XLII. Kn. CXXI. № 121. Pp. 162-194. [in Russian]

Zhuman, 2010 – *Zhuman, G.* (2010). Razvitie zemledeliya u kazahskogo naseleniya Aulie-atinskogo uezda v konce XIX – nachale XX vv. (v kontekste istorii povsednevnosti) [The development of agriculture among the Kazakh population of the Aulie-Ata district in the late XIX – early XX centuries. (In the context of the history of everyday life)]. *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya*. 2(57): 74-80. [in Russian]

Развитие сенокосения и земледелия у казахов в XVIII – нач. XX вв.

Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^a, Аксункар Турсуновна Абдулина ^{a, *},
Малика Темирхановна Морякова ^a, Нурлыбек Айдарбекович Досымбетов ^a

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается история развития земледелия на территории современного Казахстана в XVIII – нач. XX вв. Помимо доминирующего скотоводства, на территории Казахстана с эпохи неолита и энеолита существовало земледелие в Южном и Юго-Восточном Казахстане, а далее продолжило развитие в тюркскую эпоху. Существенный удар по земледелию был нанесен монгольским завоеванием. В периоды монгольский и Казахского ханства массивы орошаемых земель сохранились вокруг городов. В развитии земледелия на территории Казахстана можно выделить следующие этапы: 1) XVIII в. – развитие сенокосения и земледелия в качестве вспомогательного вида кочевого хозяйства у некоторых групп казахов в Южном и Восточном Казахстане; 2) кон. XVIII – пер. пол. XIX вв. – начался процесс перехода казахов-скотоводов к сенокосению и земледелию; 3) вт. пол. XIX – нач. XX вв. – значительное расширение зоны сенокосения и земледелия в Казахстане в связи с крестьянской колонизацией при сохранении доминирующего значения скотоводства в полукочевой и полuosедлой формах. Для большинства казахов земледелие носило вспомогательный характер, дополняя основное занятие – кочевое и полукочевое скотоводство. Основные социальные слои скотоводов-земледельцев составляли джатаки – обедневшие степняки. Главные причины перехода казахов к земледелию: стремление оставить за собой родовые земли, сокращение пастбищных угодий в силу их изъятия, а также рост населения в стабильные периоды, перенимание оседлого образа жизни и навыков земледельческого труда у русских, уйгуров, дунган. Изменения в системе земледелия казахов являются результатом их адаптации к изменившимся условиям. Получила распространение примитивная залежно-переложная система земледелия ввиду аридности климата, засоленности почвы и высокого уровня паводковых и грунтовых вод в летнее время. Земледелие было двух видов: поливное и богарное.

Ключевые слова: богарное земледелие, джатаки, земледелие, ирригация, кяриз, сенокосение, чигирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: abd_aksunkar@mail.ru (А.Т. Абдулина)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(4): 1663-1673
DOI: 10.13187/bg.2023.4.1663

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Study of Traditional Crafts of Kazakhstan in the Imperial Period: Sources and Museum Collections

Zhanerke N. Shaygozova ^a, Kanat Z. Uskenbay ^{b, *}, Almira B. Naurzbayeva ^c, Aman I. Ibragimov ^a

^a Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Institute for Humanities Studies ABDI, Almaty, Republic of Kazakhstan

^c Kurmangazy Kazakh National Conservatory, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article analyses the role and contribution of Russian adventurers and researchers to the study of Kazakh traditional crafts in the imperial period, which was particularly active and productive at the turn of the 18th–20th centuries. The researchers collected and described a huge factual material consisting of written and visual sources, as well as samples of handicrafts exhibited in the leading academic museums of the Russian Federation, specifically in the Russian Museum of Ethnography (REM) and Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (MAE RAS).

Today, the documents and artefacts analysed in the given article represent not only the richest source material for the study of the development and genesis of traditional Kazakh crafts, but also for the reconstruction of some lost authentic technologies of manufacturing various craft products. It is necessary to state the fact that today many types of Kazakh crafts and handicraft technologies that qualified by specialists as the most important element of intangible cultural heritage (ICH), and threatened with extinction.

The study mainly relies on historical-comparative and historical-descriptive methods, as well as on-site study of the holdings of the Kazakh collections of the REM and MAE RAS in 2018 and 2021.

The results of the research are the conclusion of the authors of this study that the analysed sources carry important information that allows us to assess the state of Kazakh handicrafts in the pre-revolutionary period, the level of their development and trace their genesis and typology. As of the current date, the scientific description of some authentic technologies of handicrafts production are the most relevant and in high-demand, for their renaissance in modern practice as one of the efficient measures for safeguarding the intangible cultural heritage of the country, obliging Kazakhstan to undertake them since the ratification of the Convention for the Safeguarding of ICH (2003 Convention) in 2011.

Keywords: imperial period, Russia, Kazakhstan, Kazakh traditional crafts, written and visual sources.

1. Введение

В имперский период культурное наследие казахского народа находилось в фокусе интересов многих российских исследователей, труды которых получили отражение в научных работах, заметках и визуальных источниках (фотографиях, зарисовках, набросках). Среди письменных источников по казахской истории и этнографии следует выделить труды П.С. Палласа (Паллас, 1773), А.И. Левшина (Левшин, 2007), И.Г. Андреева (Андреев, 2007), Н.Н. Харузина (Харузин, 2007), А.К. Гейнса (Гейнс, 2007) и др. Важно подчеркнуть также, что труды российских исследователей имперского периода переизданы в Казахстане в 2007 году в рамках серии «Библиотека казахской этнографии» в 50 томах. Они оказались в ряду тех источников, которые вошли в базу изучения разнообразных проблем

* Corresponding author

E-mail addresses: uskenbay@gmail.com (K.Z. Uskenbay)

истории и культуры Казахстана современными учеными (Избасарова и др., 2023; Крупко и др., 2023; Килаш и др., 2023; Бимендиев и др., 2022 и др.).

Близкой по тематике к настоящему исследованию представляется работа казахстанских ученых А.С. Жанбосиновой, А.А. Кульшановой и М.Д. Шаймерденовой, посвященная промыслово-ремесленным занятиям казахского населения в середине XIX – начале XX веков (Жанбосинова и др., 2019). В ней авторы, согласно цели исследования, сосредоточились на анализе различных факторов (природно-географического, демографического, экономического и политического), повлиявших на характер развития изучаемых традиционных занятий казахов, который был обусловлен прежде всего натурально-потребительской деятельностью кочевого мира.

Таким образом, предварительный обзор научной литературы и визуальных источников дореволюционного периода (включая музейные фонды с образцами ремесленных изделий) показывают, что в анализируемый исторический этап российскими исследователями была создана добротная историко-описательная база, которая затем стала прочной основой для исследования проблем генезиса и развития казахских ремесел в науке советского периода и современности. Вне сомнения, к этим источникам ученые обращались и будут обращаться еще не раз.

Однако вопрос исследования этих источников с точки зрения утерянных или редких видов традиционных ремесел, а также аутентичных технологий с целью их научного описания для последующего исторически обоснованного воссоздания, остался вне поля зрения современных ученых.

Целью настоящей статьи является выявление и изучение некоторых источников имперского периода, в которых нашли отражение сведения о видах казахских традиционных ремесел с описанием аутентичных технологий изготовления изделий кустарно-ремесленного производства и малоизвестных фактов по их содержательному контенту.

2. Материалы и методы

Источниковую базу настоящей статьи составили труды, условно разделенные на две главные группы. Первая группа – источники и визуальные материалы, непосредственно созданные в имперский период. В изучаемом аспекте большую роль играют и описания Всероссийских выставок промышленных и кустарных изделий, регулярно проводимых в Российской империи с 1829 года.

Отдельную категорию источников составляют казахские коллекции фондов Российского этнографического музея (РЭМ) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ РАН), собранные в основном в исследуемый период. Вторая группа источников состоит из современной научной литературы, посвященной исследованию и анализу казахских коллекций обозначенных выше музеев.

Методологическая основа исследования опирается на историко-сравнительный и историко-описательные методы, а также натурное изучение фондов казахских коллекций РЭМ и МАЭ РАН в 2018 и 2021 годах. При сравнительном и описательном анализе исторических источников выявлены некоторые малоизвестные данные о казахских традиционных ремеслах и об аутентичных технологиях изготовления ремесленных изделий.

В свою очередь, натурное изучение этнографических казахских коллекций указанных музеев позволило обнаружить и наглядно рассмотреть особенности и специфику уникальных произведений народного искусства (вышивка, косторезное искусство, войлочные изделия и др.). Выбранный нами подход позволяет не только дополнить историю развития казахского ремесла, но и восстановить утраченные и забытые технологии изготовления традиционных ремесленных изделий казахов с целью исторически обоснованной реконструкции в современных условиях.

3. Обсуждение

Авторы настоящего исследования не ставят перед собой задачи обсуждения всех существующих источников, поскольку такая работа требует масштабного и долгосрочного научно-исследовательского проекта. Отметим, что общий объем письменных источников имперского периода начиная с XVIII–XIX веков, освещающих некоторые вопросы казахских ремесел, по предварительным подсчетам, составляет более 50 единиц. В то время как визуальные источники затруднительно подсчитать ввиду их огромного количества, общее число их еще не подвергалось подсчету. Среди письменных источников – труды уже отмеченных выше исследователей (Паллас, 1773; Левшин, 2007; Маковецкий, 1893; Харузин, 2006; Гейнс, 2007; Чулошников, 2007; Колмогоров, 1856; Гавердовский, 2005; Броневский, 2005) и др.

По признанию известного казахстанского ученого Э.А. Масанова, описанию казахских традиционных ремесел больше всех уделил внимание П.С. Паллас, который посвятил казахам один из разделов своего знаменитого издания «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (Паллас 1773). Э.А. Масанов проделал ценную источниковедческую работу: в своем исследовании он систематизировал источники имперского периода, куда вошли труды, в той или иной степени освещающие вопросы казахской этнографии (Масанов, 1966: 69). Ввиду этого нет необходимости дополнительно систематизировать источники по историческим этапам, обращение к ним вызвано необходимостью достижения достоверности в описании конкретного вида ремесла.

Следует отметить современных ученых, труды которых оказались теоретически значимыми для настоящего исследования. Среди них В.А. Прищепова (Прищепова, 2011; Прищепова, 2019). Она собрала и представила разнообразные сведения о казахских коллекциях МАЭ РАН. Изучению этой же коллекции посвящена работа А.Е. Резван (Резван, 2016). Казахские этнографические коллекции в музейных собраниях Западной Сибири были проанализированы А.В. Смеляковой (Смелякова, 2008). Особо привлекает работа С.В. Дмитриева (Дмитриев, 2008), в которой был освещен малоизвестный этнографический материал в области традиционных ремесел и промыслов казахов по материалам комиссии Ф.К. Гирса 1886 года. Девичью и женскую одежду западных казахов на основе этнографических рисунков В.Н. Плотникова изучает Л.Ф. Попова (Попова, 2019). Наблюдается положительная тенденция последних лет в гуманитарной науке: активизировались исследования, посвященные описанию и анализу казахских коллекций (образцов ремесленных изделий), собранных российскими исследователями в имперский период.

В целом, многие авторы имперского периода, например, Ф.К. Гирс, отмечают как минимум десять видов казахских ремесел: 1) произведения из шерсти, волоса и овчины; 2) произведения из кожи и шкур; 3) произведения из дерева; 4) портное; 5) сапожное; 6) кузнечное; 7) серебряное; 8) ружейное; 9) производство мыла; 10) добывание красок из растений (Дмитриев, 2008: 493-503).

В рассматриваемых источниках по понятным причинам нет сведений об общей численности казахов-ремесленников в описываемый период: статистические методы не были предусмотрены в научном познании того времени. Однако Г.В. Колмогоров пишет, что в каждой волости было по одному или два серебряника (ювелира) (Колмогоров, 1855: 4). Более детальные сведения представлены у И.С. Иванова, который отмечает, что общее число ремесленников неизвестно, а в Нарынской части Букеевской орды насчитывается до 222 мастеров, среди которых печники, плотники, кузнецы, ювелиры, сапожники, шорники и др. По замечанию статиста, заказы мастера выполняют у заказчика. Исключение составляют ремесленники, изготавливающие сидельные принадлежности и части кибитки. Они продают свои изделия на ордынских ярмарках (Иванов, 1891: 24). К сожалению, точные сведения по этому вопросу нами пока не обнаружены.

4. Результаты

Более подробно рассмотрению подлежат те виды традиционных казахских ремесел, многие из которых в современности считаются утраченными или находятся на грани исчезновения. В первую очередь, это кожевенное ремесло. О казахских мастерах кожевенного дела писали П.С. Паллас (Паллас, 1773), И. Русанов (Русанов, 1863) и П.И. Рычков (Рычковы, 2007), отмечая, что значительная доля торговли состояла из изделий скорняжного дела (Рычковы, 2007: 140). Достаточно подробные сведения о практически утерянных технологиях кожевенного производства казахов в современной реальности встречаются у А.И. Левшина (Левшин, 2007: 144-145), который описывает процесс выделывания шкур и способы обработки кожи. Этот вид ремесла автор считает наиболее развитым. По сведениям исследователя, суть обработки шкуры с мехом и без него существенно отличается, но в обоих случаях шкуру погружают на несколько дней в кислое и соленое коровье молоко, коптят на дыму и разминают руками в несколько этапов. Наиболее ценны сведения автора о выделке замши, из которой изготовлялась одежда: чапаны, штаны и др. Все это украшалось богатой вышивкой.

Уникальные образцы подобных изделий хранятся в фондах музеев. Например, мужские штаны из натуральной замши с тамбурной вышивкой (биз кесте) из растительных узоров, датированные серединой XIX века, хранятся в РЭМ (№8762-23497/1). Аналогичное изделие, но с более сложным декором вышивки представлено в фотоколлекции С.М. Дудина (МАЭ РАН, 1199-280). Превосходен и мужской халат середины XIX века из замши с тамбурной вышивкой, который хранится в РЭМ (№8762-23507). В МАЭ РАН хранятся окрашенные в темный тон мужские штаны из замши с вышивкой №2528-1 (датируются началом XX века). Уникальность экспоната подчеркивается не только довольно редким темным цветом изделия (обычно желто-охристые тона), но и редко встречающимся орнаментальным декором, сочетающим в себе элементы растительных и геометрических узоров. Сегодня единственной мастершей, восстановившей технологию изготовления замшевых изделий (халатов) преимущественно экспериментальным путем, является А.Туралиева (г. Шымкент, Туркестанская область).

В 2021 году Ж.Н. Шайгозова, первый автор настоящей статьи, во время исследования фондов РЭМ ознакомилась с традиционной казахской вышивкой, с образцами превосходно вышитых тамбурным швом женских свадебных халатов (№33-45 и №3378-68) из Туркестанской и Восточно-Казахстанской областей (Рисунок 1, 2). Подобные образцы из казахстанских фондов нам неизвестны.

Редко встречающиеся образцы орнаментальных композиций вышитых изделий представлены в фотоколлекции С.М. Дудина в МАЭ РАН. Например, особо привлекает декор настенного ковра – тускииза №1190-80, покрывала для сундука №1199-136/1, полотенца №1199-57 и др. Из коллекции МАЭ РАН к образцам шедеврального типа относится вышитый тускииз №3092-16 из г. Семипалатинска (ныне Семей); вышитая попона на коня невесты №439-12 конца XIX века из Тургайской (ныне Акмолинской) области и др. Кроме того, среди экспонатов МАЭ РАН встречается инструментальный вышивальщик – пяльцы круглой и квадратной формы конца XIX – начала XX веков

(№493-17, №1287-1). О конструктивных особенностях пряслиц и веретена писал Р. Карутц ([Карутц, 1911: 56](#)).

Рис. 1. Фрагмент женского свадебного халата из коллекции РЭМ. № 33-45.

Фотография Ж.Н. Шайгозовой

Рис. 2. Фрагмент женского свадебного халата из коллекции РЭМ. № 3378-68.

Фотография Ж.Н. Шайгозовой

Традиция тамбурной вышивки до недавнего времени считалась в Казахстане утерянной. Усилиями мастеров из Монголии (З. Мухамеджан, Т. Султан и др.) в последнее время она стала возрождаться и носит в основном импровизационный характер. Поэтому значение названных коллекций только увеличивается (с целью анализа традиционных схем построения орнаментальных мотивов и реконструкции их смыслового содержания).

Отдельную тему составляют казахские изделия – образцы золотошвейного искусства из коллекции РЭМ. К примеру, мужской головной убор «калпак» №8762-23540, украшенный богатым орнаментальным древовидным узором. В фотоколлекции МАЭ РАН хранится фотография А. Шпаковского «Казахские султаны в парадной форме» 1860 (№И-1416-1), на которой они запечатлены в подобных головных уборах ([Прищепова, 2019: 174](#)). Также в коллекции МАЭ РАН – №И-1905-6 имеется фотография волостного Актюбинского управителя в парадной одежде, а именно в халате с золотым шитьем ([Прищепова, 2019: 200](#)).

О бытовании в среде казахов золотошвейного искусства писал Я.П. Гавердовский ([Гавердовский, 2005](#)) и Б.О. Юзефович ([Юзефович, 1880](#)). Последний отмечает, что этот вид искусства считался привилегированным и обслуживал нужды кочевой феодальной знати ([Юзефович, 1880: 805](#)). Возрождением этого вида ремесла казахских женщин-«зерлеу» занимаются современная мастерица А. Абдубаит и ее немногочисленные ученицы.

Особо ценными следует считать сведения А.И. Левшина ([Левшин, 2007: 145-146](#)) о технологии изготовления и разновидностях кожаных сосудов. Описывая этот процесс, ученый отмечает, что части сосудов сшивались исключительно натуральными жилами (на сегодняшний день практика утеряна). В работе Я.П. Гавердовского ([Гавердовский, 2005: 483](#)) подробно описывается технология обработки кожи и ее видов: козьих, бараньих и др., каждая из которых имела специфические особенности. Приводимые сведения об использовании пережженного гипса, селенита, золы и т. д., а также весьма ценные сведения о красильном промысле казахов ([Гавердовский, 2005: 483-484](#)), на сегодняшний день практически утрачены. Красильный промысел казахов рассматривался И.О. Краузе ([Краузе, 1872](#)) и А.А. Кушакевич ([Кушакевич, 1872](#)). Очень подробные сведения об этом промысле приводит и Ф.К. Гирс ([Дмитриев, 2008: 501](#)), указывая, что некоторые краски варятся с квасцами в зольной воде с использованием сала (бараньего или лошадиного).

Следует отметить, что и этот вид традиционной технологии окрашивания изделий практически исчез. Сегодня можно назвать только двух мастеров, восстановивших некоторые технологии традиционного окрашивания шерсти и кожи на основе натуральных красителей (серлуха, ревеня и др.), – это Г. Кожамжарова и Р. Сейфулла.

Достаточно полные сведения о кожаной посуде, бытовавшей у казахов в XVIII веке, встречаются у Х. Барданеса ([Барданес, 2007: 170-179](#)). Автор указывает традиционные названия, функциональное назначение и способы изготовления каждого вида посуды. Среди экспонатов МАЭ РАН числится уникальный кожаный сосуд (торсык) со сложным орнаментальным декором №439-11 из Тургайской области.

В «Записках купца Я. Жаркова» (Жарков, 1854: 192-195) привлекает внимание описание изготовления казахской нагайки. Там говорится об использовании крученого шелка, золотых и серебряных нитей. Причем, по замечанию Я.Я. Полферова (Полферов, 1896: 32), именно нагаечный промысел составлял видную часть денежного обмена мастеров Тургайской области. К сожалению, современные мастера не только работают с готовой кожей импортного производства, но и не практикуют указанный Жарковым материал – шелк, золотые и серебряные нити.

Исследованию генезиса юрты и традиционных жилищ кочевников, а также особенностям их изготовления и сооружения, большое внимание уделено в трудах П.Е. Маковецкого (Маковецкий, 1893), Н.Н. Харузина (Харузин, 2006) и др. Так, Н.Н. Харузин, ссылаясь на сведения П.Е. Маковецкого, приводит подробные данные о технологии изготовления кереге (решетчатая основа юрты) из тальника, способах изготовления шанырака (круглое навершие юрты), чаще всего изготавливаемого из березы, и других конструктивных деталей юрты, а также описание инвентаря мастеров (Харузин, 2006: 33-34).

В этом аспекте большой ценностью обладают фотографии С.М. Дудина, сделанные в казахской степи в 1899 году. О его коллекции В.А. Прищепова пишет, что исследователь сделал множество фотографий моделей остова юрты и ее деталей, узорчатых дверей и декорированной мебели, а также зафиксировал процесс их изготовления (МАЭ РАН, №2413). В целом, фотоколлекция С.М. Дудина, посвященная казахам, «по разнообразию тематики и количеству снимков вполне может считаться фотографической энциклопедией традиционного казахского быта. С годами научное значение этих материалов лишь возрастает» (Прищепова, 2011: 624). Их детальное изучение в главном ракурсе этой статьи представляется делом будущих исследований.

Сведения о традиционной мебели казахов Лепсинского, Зайсанского и других уездов (ныне Восточно-Казахстанская область) встречаются у Г.С. Загряжского (Загряжский, 1874), Б.О. Юзефовича (Юзефович, 1880) и др. Многочисленные зарисовки А.А. Ворониной-Уткиной по декору традиционной мебели, текстильных изделий, кожаных сосудов и многого другого представлены в коллекции МАЭ РАН. Они сделаны автором во время экспедиции Г.Н. Потанина в Северном Прибалхашье (начало XX века). Узорчатые двери юрты 1899 года из Семипалатинской (Восточно-Казахстанской) области запечатлены в коллекции С.М. Дудина (МАЭ РАН, №1199-126; №1199-125/1).

Сегодня традиция изготовления деревянного остова юрты и мебели из дерева в Казахстане, согласно полевым исследованиям, проведенным авторским коллективом данной статьи, находится на грани исчезновения. Этими навыками обладают всего лишь несколько мастеров-представителей казахской диаспоры (кандасы) из Монголии, Китая и Узбекистана. Хотя традиционные знания и навыки изготовления кыргызской и казахской юрты внесены в Репрезентативный список НКН (2014), и страна обязана принимать меры по сохранению знаний и навыков в области изготовления юрты и ее убранства. Нельзя не отметить, что в современной реальности изготовлением всего текстильного набора юрты владеют лишь единицы мастериц: А.Сагинаева, Т.Капкызы, А.Карымскова и др. Относительно ворсового ковроткачества ситуация еще сложнее – им владеют единицы мастериц Кызылординской области: Р.Алибаторова, М.Альжанова и др.

Согласно сведениям многих исследователей имперского периода (Левшин, 2007; Маковецкий, 1893, Харузин, 2006, Гейнс, 2007, Чулошников, 2007 и др.), одним из самых развитых видов казахских ремесел было войлоковалание (производство различных видов кошм), а виды ковроткачества были распространены в большинстве своем регионально: безворсовое по всему Казахстану, ворсовое преимущественно в южных и западных регионах. В фондах РЭМ и МАЭ РАН хранятся образцы, фотографии и зарисовки этих изделий, многие из которых причисляются к редким. Интересные войлочные изделия казахов хранятся в МАЭ РАН (№1459-2, №1459-3, №1459-4, №1459-1, №410-18 и мн. др.) и в основном датируются концом XIX – началом XX веков. В научной литературе традиционному кошмоваланию казахов уделено достаточно внимания, поэтому обратимся к малоисследованным фактам в области ткачества.

К числу уникальных источников по ковроткачеству следует отнести альбом А.А. Боголюбова (Боголюбов, 1908), посвященный ковровым изделиям Средней Азии. В Таблицах XLII и XLIII представлены образцы ковровых изделий некоторых киргизских и кипчакских родов из Ферганы, Андижана и других местностей, а также приводятся их традиционные названия: джагаль-баилди-гуль – вид летящего орла, тумурча-гуль-амулетка, кереге кузь – вид решетки от юрты, алма-гуль – яблочный (Боголюбов, 1908: XVIII). Детальный и профильный анализ этих изделий (гипотетически относящийся к казахам) предстоит провести в рамках специальных исследований.

Некоторые неточности, допущенные Боголюбовым (Боголюбов, 1908) относительно бухарских и непосредственно казахских ковров, отмечает А.А. Семенов (Семенов, 1911). Анализируя ковры Сыр-Дарьинского региона, автор отмечает их бытование в ряде волостей и, указывая на их невысокое качество, он считает привлекательной казахскую ковровую орнаментику: «Их несложная орнаментация указывает на младенчество народа и, по-видимому, имеет за собой глубокую древность. Отдельные части этой орнаментации (например, четырехконечный крест со свастикообразными концами) тождественны с некоторыми рисунками белуджских и туркменских

ковров» (Семенов, 1911: 152). Далее автор упоминает о коврах Семиреченской области (ныне Алматинская), которые по качеству и орнаментации он отождествляет с сырдарьинскими. Отдельного внимания заслуживают подробные сведения А.А. Семенова (Семенов, 1911: 156-157) о способах и технологии окраски шерсти для изготовления ковров. Он считает их древними, сформированными как минимум несколькими поколениями. Автором подробно описываются способы получения красного, желтого, голубого, зеленого, синего и черного цветов, а также приводится устройство ткацкого станка (Семенов, 1911: 160-162). В конце своего очерка исследователь представляет особо ценную информацию – библиографический указатель о коврах Азии. Казахский компонент, вошедший в этот список, остается малоизученным, судя по имеющимся публикациям.

Анализ ковров Средней Азии и Казахстана представлен в работе А.Е. Фелькерзама, где о казахских ковровых изделиях встречаются любопытные сведения, а именно о традиции изображения родовой тамги на текстильных материалах: «На стриженных коврах тамги встречаются лишь изредка, так как они предназначаются для продажи, тогда как дорожки выделяются в каждой юрте, в каждой семье для собственного обихода» (Фелькерзам, 1914: 58).

Современный исследователь К. Касенова считает, что казахское ковроткачество в составе Российской империи испытывало сильную конкуренцию со стороны фабричных изделий, но вместе с тем тогда же и закрепились своеобразная спецификация изделий с родоплеменной принадлежностью: адай килем – адаевский ковер, керей улги – кереевский образец, конырат нуска – коныратовский вариант и т. д. (Касенова, 2018: 29). Их детальное исследование также представляется перспективным.

Далее А.Е. Фелькерзам приводит очень ценные сведения о традиционных названиях орнаментальных композиций ковровых изделий, насчитывающих 20 единиц, бытовавших в среде казахов Букеевской орды: чигарчик – 12 колодцев, сигзальма, эн и др. (Фелькерзам, 1914: 59-60). Детальная атрибуция этих орнаментальных элементов, насколько известно, до сих пор не произведена. В издании А.Е. Фелькерзама (Фелькерзам, 1914: 63-64), кроме того, помещены фотографии очень интересного и редкого с точки зрения сюжета казахского вышитого асмалдыка – небольшого коврика для верблюжьего вьюка из Мангышлака (ныне Мангыстау). Основную канву сюжета составляют вышитые изображения сцены охоты, всадников, стоящих людей, животных, каравана и древовидных узоров (Рисунок 3, 4). Подобные сцены нетипичны для текстильных изделий, они характерны для наскальных рисунков или настенных росписей казахских мавзолеев XIX – начала XX веков. Примечательно, что сцена с людьми фигурирует на одном из текстильных изделий ташкентских казахов (тканой полосы, стягивающей основу юрты у стыка с крышей) из фотоколлекции МАЭ РАН (№4077-41).

Рис. 3-4. Вышитый асмалдык (Фелькерзам, 1914: 63-64)

Значительный интерес представляет работа А.И. Добросмылова (Добросмылов, 1898), где содержатся иллюстрации орнаментированных текстильных изделий, чертежи узконовойного ткацкого станка. Автор в своем труде описывает утерянную сегодня технологию изготовления армячины (шекпен), которую мастерицы изготавливали из верблюжьей или овечьей шерсти. Сведения об армячине встречаются и у С.Б. Броневского, где автор пишет, что ее тканье производится на ручных станках самого простейшего устройства (Броневский, 2005: 37-38).

Э.А. Масанов, ссылаясь на архивные источники и сведения, собранные во второй половине XIX в. Оренбургским отделом Русского географического общества, утверждает, что армячина производилась казахами и на продажу, а с середины XIX века она заняла видное место в казахстанском экспорте (Масанов, 1959: 170). Производством шекпена в суверенном Казахстане увлеклись некоторые дизайнеры и мастера (А. Калиев, А. Беккулова и др.), но говорить о каких-либо ощутимых масштабах еще очень рано.

Достаточно объемно в источниках и коллекциях представлено ювелирное дело казахов. Среди письменных источников это труды И.Г. Андреева (Андреев, 1796), Х.М. Бабаджанова (Бабаджанов, 1861), И.Г. Георги (Георги, 1799) и др. Венцом мастерства казахских ювелиров являются женские украшения, в достаточно большом объеме хранящиеся в фондах РЭМ и МАЭ РАН. Особое место в ряду изделий занимают великолепные образцы казахских саукеле – головного убора невесты (например, фонд РЭМ №1643-1; фонд МАЭ РАН: №2874-1; №439-21; №523-1; №1092-1; №2874-1). Богат и фонд визуальных источников по саукеле (например, МАЭ РАН №И-674-173 и др.).

Анализу этого атрибута свадебного костюма казахской невесты в собрании МАЭ РАН посвящено исследование И.В. Стасевич, где автор раскрывает не только практику изготовления саукеле, но прослеживает его историю, символику и определяет региональные особенности этих сложных головных уборов. Ученый справедливо отмечает, что многие детали ритуальной практики, связанные с ношением саукеле, интерпретацией символических значений декоративных элементов, постепенно забываются носителями традиции, самими казахами (Стасевич, 2016: 34).

Вероятнее всего, единственным современным мастером, практикующим традиционные технологии изготовления саукеле является С. Кокенов, чьи работы не раз были отмечены на престижных международных конкурсах. В целом, ювелирное искусство Казахстана, включая традиционный формат, процветает. Однако, по нашим полевым исследованиям, среди мастеров отмечается забвение некоторых ювелирных техник (например, мелкой зерни).

5. Заключение

Таким образом, изучение письменных и визуальных источников имперского периода XVIII–XIX вв., содержащих материал, освещающий некоторые вопросы казахских ремесел, позволяет нам сформулировать нижеследующие выводы.

Представленный в обзоре материал, а именно письменные и визуальные источники, а также музейные коллекции на примере всего лишь двух крупных музеев России (Российский этнографический музей и Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук), демонстрирует существенный потенциал исследования генезиса и специфики развития традиционных казахских ремесел. Материалы содержат достаточно подробные описания традиционных технологий и способов изготовления некоторых ремесленных изделий, а также инструментария ремесленников, которые со временем были утрачены.

Не менее важной представляется роль анализируемых источников в вопросах исторической реконструкции специфики некоторых изделий (например, ковровые изделия с родоплеменной принадлежностью) орнаментики, окрашивания сырья (шерсти, шкур и т. д.). Также видится большая перспектива детального исследования этих источников с точки зрения смыслового содержания и семантики орнамента традиционных образцов народного искусства казахов.

В этой связи авторы статьи считают, что источниковая база имперского периода по описанию и изучению традиционных казахских ремесел не теряет своей актуальности и будет востребована в будущих исследованиях культурного наследия казахского народа.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан АР09259862 «Исследование традиционных ремесел современного Казахстана: состояние и поиск путей сохранения».

Авторы выражают огромную благодарность Л.Ф. Поповой, заведующей отделом этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана, за консультации и предоставленную возможность натурального изучения фондов РЭМ, а также за помощь в исследовании казахской коллекции МАЭ РАН.

Литература

Андреев, 2007 – Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Библиотека казахской этнографии. Т. 26. Астана: Алтын кітап, 2007. 210 с.

Бабаджанов, 1861 – Бабаджанов М.С. Заметки киргиза о киргизах // Северная пчела. 1861. №4. 20 с.

Барданес, 2007 – Барданес Х. Киргизская, или казачья хорография. История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 170-179.

Боголюбов, 1908 – Боголюбов А.А. Ковровые изделия Средней Азии из собрания, составленного А. Боголюбовым. Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг. Вып. 1-2. 1908. 68 с.

Броневский, 2005 – Броневский С.Б. О казахах Средней Орды. Павлодар: ЭКО, 2005. 168 с.

Гавердовский, 2005 – Гавердовский Я.П. Обзорение киргиз-кайсацкой степи. История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 485 с.

Гейнс, 2007 – Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Библиотека казахской этнографии. Т. 37. Астана: Алтын кітап, 2007. 216 с.

- Георги, 1799** – *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, упражнений, забав, вероисповедений и других достопамятностей. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук. 1799. Ч. 2. 178 с.
- Дмитриев, 2008** – *Дмитриев С.В.* Материалы комиссии Ф.К. Гирса (1866 г.) по традиционным промыслам и ремеслам казахов // *Проблемы истории, филологии и культуры*. 2008. №2. С. 492-503.
- Добросмыслов, 1898** – *Добросмыслов А.* Киргизские изделия из шерсти и волоса. Оренбург: Типо-лит. Н.П. Жаринова, 1898. 10 с.
- Жарков, 1854** – *Жарков Я.* Записки купца Жаркова // *Библиотека для чтения*. 1854. №124. С. 192-195.
- Загряжский, 2007** – *Загряжский Г.С.* Быт кочевого населения Чу и Сыр-Дарьи. Библиотека казахской этнографии. Т. 44. Астана: Алтын кітап, 2007. 299 с.
- Иванов, 1891** – *Иванов И.С.* Внутренняя Киргизская орда. Краткий статистический очерк. Астрахань: Тип. Губернского правления, 1891. 103 с.
- Карутц, 1911** – *Карутц Р.* Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. Санкт-Петербург: Изд-во А.Ф. Девриен, 1911. 189 с.
- Касенова, 2018** – *Касенова К.Б.* Развитие традиционного казахского ковроткачества в контексте формирования локальных и этнотерриториальных признаков // *Наука, образование и культура*. 2018. №10 (34). С. 27-30.
- Колмогоров, 1856** – *Колмогоров Г.В.* О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского воеводства // *Вестник Императорского Русского географического общества*. Ч. XIII. 1856. 38 с.
- Краузе, 1872** – *Краузе И.О.* О красильном искусстве туземцев // *Русский Туркестан*. 1872. Вып. 2. С. 206-213.
- Кушакевич, 1872** – *Кушакевич А.* Заметки о туземных красильных веществах // *Туркестанские ведомости*. 1872. №32. С. 206-213.
- Левшин, 2007** – *Левшин А.И.* Описание орд и степей казахов. Библиотека казахской этнографии. Т. 9. Астана: Алтын кітап, 2007. 212 с.
- Маковецкий, 1893** – *Маковецкий П.Е.* Юрта (летнее жилище киргиз) // *Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО*. Кн. XV. Вып. III. Омск, 1893. 16 с.
- Масанов, 1958** – *Масанов Э.А.* Из истории ремесла казахов (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Советская этнография*. 1958. №5. С. 31-49.
- Масанов, 1966** – *Масанов Э.А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука, 1966. 322 с.
- Паллас, 1773** – *Паллас П.С.* Путешествия по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. Санкт-Петербург: Живая старина, 1773. 205 с.
- Полферов, 1896** – *Полферов Я.Я.* Тургайская область на Всероссийской художественной и промышленной выставке в Нижнем-Новгороде. Москва: Русское товарищество печатного и издательского дела, 1896. 36 с.
- Попова, 2019** – *Попова Л.Ф.* Девичья и женская одежда западных казахов в альбоме этнографических рисунков В.Н. Плотникова // *Кунсткамера*. 2019. №2 (4). С. 120-128.
- Прищепова, 2011** – *Прищепова В.А.* Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры. Санкт-Петербург: Наука, 2011. 452 с.
- Прищепова, 2019** – *Прищепова В.А.* Малоизвестные собиратели и их фотоиллюстративные коллекции по казахской культуре в МАЭ РАН. Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции). Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2019. 292 с.
- Резван, 2016** – *Резван А.Е.* Туркестан. Мой мир ислама: I. Проект «Иджма= Согласие». Санкт-Петербург: КМБХ, 2016. 328 с.
- Русанов, 1863** – *Русанов И.* О ремесленности у киргизов // *Воронежский листок*. 1863. №10. С. 1-4.
- Рычковы, 2007** – Труды отца и сына Рычковых по этнографии казахов. Библиотека казахской этнографии. Т. 33. Астана: Алтын кітап, 2007. 246 с.
- Семенов, 1911** – *Семенов А.А.* Ковры русского Туркестана. По поводу издания «Ковровые изделия Средней Азии, из собрания, составленного А.А. Боголюбовым». Санкт-Петербург: Этнографическое обозрение. 1911. 1-2. С. 137-176.
- Смелякова, 2008** – *Смелякова А.В.* Казахские этнографические коллекции в музейных собраниях Западной Сибири // *Омский научный вестник*. 2008. №2 (66). С. 181-184.
- Фелькерзам, 1914** – *Фелькерзам А.* Старинные ковры Средней Азии. Старые годы: октябрь-декабрь. Санкт-Петербург. 1914. Т. VII. 132 с.
- Харузин, 2006** – *Харузин Н.Н.* История развития жилища тюркских и монгольских народов. Библиотека казахской этнографии. Т. 20. Астана: Алтын кітап, 2006. 183 с.
- Чулошников, 2007** – *Чулошников А.П.* Очерк по истории киргиз-казахов. Библиотека казахской этнографии. Т. 42. Астана: Алтын кітап, 2007. 302 с.

- [Юзефович, 1880](#) – Юзефович Б.О. О быте киргизов Тургайской области // *Русский вестник*. 1880. Т. 146. №4. С. 789-832.
- [Bimendiev et al., 2022](#) – Bimendiev A.Sh., Kozha M.B., Uskenbay K.Z. A Little-Known Plan of the City of Turkestan in 1854 from the Archive of the Russian Geographical Society // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 225-236. DOI: 10.13187/bg.2022.1.225
- [Izbassarova et al., 2023](#) – Izbassarova G.B., Maden A.T., Smagulova S.O. The Crisis of Khan Power in the Junior Horde of the Kazakhs (second half of the XVIIIth – first quarter of the XIXth centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 76-87.
- [Kilash et al., 2023](#) – Kilash R.Zh., Otepova G.E., Khamitova G.A. A.L. Zakharenko – Researcher of Siberia and Kazakhstan in the second half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 722-733. DOI: 10.13187/bg.2023.2.722
- [Krupko et al., 2023](#) – Krupko I.V., Ashimova S.A., Kubeyev R.D. Medical and Cultural Narratives and Practices of the Russian Empire in the Kazakh Steppe (19th century) // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 662-670. DOI: 10.13187/bg.2023.2.662
- [Stasevich, 2016](#) – Stasevich I. Kazakh women wedding headdress in the MAE RAS collection // *Manuscripta Orientalia*. 2016. №1 (22). Pp. 20-36.
- [Zhanbosinova et al., 2019](#) – Zhanbosinova A.S., Kulshanova A.A., Shaimerdenova M.J. Handicraft of the Kazakh People in the middle of XIXth – early XXth centuries // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1: 241-251. DOI: 10.13187/bg.2019.1.241

References

- [Andreev, 2007](#) – Andreev, I.G. (2007). Opisanie Srednei Ordy kirgiz-kaisakov. Biblioteka kazakhskoi etnografii [Description of the middle horde of the Kyrgyz-Kaisaks. Library of Kazakh ethnography]. 26. Astana: Altyn kitap. 210 p. [in Russian]
- [Babadzhanov, 1861](#) – Babadzhanov, M.-S. (1861). Zametki kirgiza o kirgizakh [Kyrgyz notes about Kyrgyz]. *Severnaya pchela*. 4. 20 p. [in Russian]
- [Bardanes, 2007](#) – Bardanes, Kh. (2007). Kirgizskaya, ili kazatskaya khorografiya. Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv. [Kirgiz or kazakh Chorography. The history of Kazakhstan in Russian sources of XVI–XX centuries]. Almaty: Daik-Press, pp. 170-179. [in Russian]
- [Bimendiev et al., 2022](#) – Bimendiev, A.Sh., Kozha, M.B., Uskenbay, K.Z. (2022). A Little-Known Plan of the City of Turkestan in 1854 from the Archive of the Russian Geographical Society. *Bylye Gody*. 17(1): 225-236. DOI: 10.13187/bg.2022.1.225
- [Bogolyubov, 1908](#) – Bogolyubov, A. (1908). Kovrovye izdeliya Srednei Azii iz sobraniya, sostavlennogo A. Bogolyubovym [Carpet products from Central Asia from a collection compiled by A. Bogolyubov]. Saint Petersburg: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag. Vol. 1-2. 68 p.
- [Bronevskii, 2005](#) – Bronevskii, S.B. (2005). O kazakhakh Srednei Ordy [About Kazakhs of Middle Horde]. Pavlodar: EKO. 168 p. [in Russian]
- [Chuloshnikov, 2007](#) – Chuloshnikov, A.P. (2007). Ocherk po istorii kirgiz-kazakhov. Biblioteka kazakhskoi etnografii [Essay on history of kyrgyz-kazakhs. Library of Kazakh ethnography]. Vol. 42. Astana: Altyn kitap. 302 p. [in Russian]
- [Dmitriev, 2008](#) – Dmitriev, S.V. (2008). Materialy komissii F.K. Girs (1866 g.) po traditsionnym promyslam i remeslam kazakhov [Materials of the commission F.K. Girs (1866) on the traditional crafts of the Kazakhs]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury*. 2: 492-503. [in Russian]
- [Dobrosmyslov, 1898](#) – Dobrosmyslov, A. (1898). Kirgizskie izdeliya iz shersti i volosa [Kyrgyz hair and wool products]. Orenburg: Tipo-lit. N.P. Zharinova. 10 p. [in Russian]
- [Fel'kerzam, 1914](#) – Fel'kerzam, A. (1914). Starinnye kovry Srednei Azii. Starye gody: oktyabr'-dekabr' [Antique carpets from Central Asia. Old years: October-December]. Saint Petersburg. Vol. VII. 132 p. [in Russian]
- [Gaverdovskii, 2005](#) – Gaverdovskii, Y.P. (2005). Obozrenie kirgiz-kaisatskoi stepi. Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv. [Review of the kyrgyz-kaisac steppe. History of Kazakhstan in Russian sources of the 16th–20th centuries]. Almaty: Daik-Press. 485 p. [in Russian]
- [Geins, 2007](#) – Geins, A.K. (2007). Sobranie literaturnykh trudov. Biblioteka kazakhskoi etnografii [Collection of literary works. Library of Kazakh ethnography]. Vol. 37. Astana: Altyn kitap. 216 p. [in Russian]
- [Georgi, 1799](#) – Georgi, I.G. (1799). Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov, ikh zhiteiskikh obryadov, obyknovenii, odezhd, uprazhnenii, zabav, veroispovedenii i drugikh dostopamyatnostei [Description of all peoples living in the Russian state, their daily rituals, habits, dress, exercises, pleasures, beliefs and other peculiarities]. Saint Petersburg: The Imperial Academy of Science. Part 2. 178 p. [in Russian]
- [Ivanov, 1891](#) – Ivanov, I.S. (1891). Vnutrennyaya Kirgizskaya orda. Kratkii statisticheskii ocherk [Inner Kyrgyz Horde. Short statistical essay]. Astrakhan: Tip. Gubernskogo pravleniya. 103 p. [in Russian]
- [Izbassarova et al., 2023](#) – Izbassarova, G.B., Maden, A.T., Smagulova, S.O. (2023). The Crisis of Khan Power in the Junior Horde of the Kazakhs (second half of the XVIIIth – first quarter of the XIXth centuries) // *Bylye Gody*. 18(1): 76-87.

- Karutts, 1911** – *Karutts, R.* (1911). Sredi kirgizov i turkmen na Mangyshlake [Among kyrgyz and turkmen on Mangyshlak]. Saint Petersburg: A.F.Devrien Publishing House. 189 p. [in Russian]
- Kasenova, 2018** – *Kasenova, K.B.* (2018). Razvitie tradicionnogo kazahskogo kovrotkachestva v kontekste formirovaniya lokal'nyh i jetnoterritorial'nyh priznakov [Development of traditional Kazakh carpet weaving in the context of the formation of local and ethno-territorial characteristics]. *Nauka, obrazovanie i kul'tura* [Science, education and culture]. 10: 27-30. [in Russian]
- Kharuzin, 2006** – *Kharuzin, N.* (2006). Istoriya razvitiya zhilishcha tyurkskikh i mongol'skikh narodov. Biblioteka kazahskoi etnografii [The history of the development of the dwelling of the Turkic and Mongol peoples. Library of Kazakh ethnography]. Vol. 20. Astana: Altyn kitap. 183 p. [in Russian]
- Kilash et al., 2023** – *Kilash, R.Zh., Otepova, G.E., Khamitova, G.A.* (2023). A.L. Zakharenko – Researcher of Siberia and Kazakhstan in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*. 18(2): 722-733. DOI: 10.13187/bg.2023.2.722
- Kolmogorov, 1856** – *Kolmogorov, G.*(1856). O promyshlennosti i torgovle v kirgizskikh stepyakh Sibirskogo vedomstva [On Industry and Trade in the Kyrgyz Steppes of the Siberian Department]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Part XIII. 38 p. [in Russian]
- Krauze, 1872** – *Krauze, I.O.* (1872). O krasil'nom iskusstve tuzemtsev [About the dyeing skills of the natives]. *Russkii Turkestan*. 2: 206-213. [in Russian]
- Krupko et al., 2023** – *Krupko, I.V., Ashimova, S.A., Kubeyev, R.D.* (2023). Medical and Cultural Narratives and Practices of the Russian Empire in the Kazakh Steppe (19th century). *Bylye Gody*. 18(2): 662-670. DOI: 10.13187/bg.2023.2.662
- Kushakevich, 1872** – *Kushakevich, A.* (1872). Zametki o tuzemnykh krasil'nykh veshchestvakh [Notes on indigenous dyes]. *Turkestanskii vedomosti*. 32: 206-213. [in Russian]
- Levshin, 2007** – *Levshin, A.I.* (2007). Opisanie ord i stepei kazakhov. Biblioteka kazahskoi etnografii [Description of the hordes and steppes of the Kazakhs. Library of Kazakh ethnography]. Vol. 9. Astana: Altyn kitap. 212 p. [in Russian]
- Makovetskii, 1893** – *Makovetskii, P.* (1893). Yurta (letnee zhilishche kirgiz) [Yurt (summer dwelling of kyrgyz)]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela IRGO*. Book XV. Vol. III. Omsk. 16 p. [in Russian]
- Masanov, 1958** – *Masanov, E.A.* (1958). Iz istorii remesla kazakhov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [From the history of the Kazakh craft (second half of XIX – beginning of XX centuries)]. *Sovetskaya etnografiya*. 5: 31-49. [in Russian]
- Masanov, 1966** – *Masanov, E.A.* (1966). Ocherk istorii etnograficheskogo izucheniya kazahskogo naroda v SSSR [Sketch of the history of ethnographic research of the Kazakh people in the USSR]. Alma-Ata: Nauka. 322 p. [in Russian]
- Pallas, 1773** – *Pallas, P.S.* (1773). Puteshestviya po raznym provintsiyam Rossiiskoi imperii [Journey through various provinces of the Russian Empire]. P. 1. Saint Petersburg: Zhivaya starina. 205 p. [in Russian]
- Polferov, 1896** – *Polferov, Y.Y.* (1896). Turgaiskaya oblast' na Vserossiiskoi khudozhestvennoi i promyshlennoi vystavke v Nizhnem-Novgorode [Turgay region at the All-Russian Art and Industrial Exhibition in Nizhny Novgorod]. Moscow: Russian Printing and Publishing Partnerships. 36 p. [in Russian]
- Popova, 2019** – *Popova, L.F.* (2019). Devich'ya i zhenskaya odezhda zapadnykh kazakhov v al'bome etnograficheskikh risunkov V.N. Plotnikova [Girls' and women's clothing of the Western Kazakhs in the album of ethnographic drawings by V.N. Plotnikov]. *Kunstkamera*. 2(4): 120-128. [in Russian]
- Prishchepova, 2011** – *Prishchepova, V.A.* (2011). Illyustrativnye kolleksii po narodam Tsentral'noi Azii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka v sobraniyakh Kunstkamery [Illustrative collections on the peoples of Central Asia from the second half of the XIX – early XX century in the collections of the Kunstkamera]. Saint Petersburg: Nauka. 452 p. [in Russian]
- Prishchepova, 2019** – *Prishchepova, V.A.* (2019). Maloizvestnye sobirатели i ikh fotoillyustrativnye kolleksii po kazahskoi kul'ture v MAE RAN. Russkii orientalizm (nauka, iskusstvo, kolleksii) [Little-known collectors and their photographic-illustrative collections on Kazakh culture at Museum of Anthropology and Ethnography. Russian Orientalism (Science, Art, Collections)]. Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera). 292 p. [in Russian]
- Rezvan, 2016** – *Rezvan, A.E.* (2016). Turkestan. Moi mir islama: I. Proekt «Idzhma = Soglasie» [Turkestan. My World of Islam: I. Project "Idjima = Consent"]. Saint Petersburg: KMBKh. 328 p. [in Russian]
- Rusanov, 1863** – *Rusanov I.* (1863). O remeslennosti u kirgizov [About crafts of kyrgyz]. *Voronezhskii listok*. 10: 1-4. [in Russian]
- Rychkovy, 2007** – Trudy ottsa i syna Rychkovykh po etnografii kazakhov. Biblioteka kazahskoi etnografii [The ores of the father and the son of the Rychkovs to the ethnography of the Kazakhs. Library of Kazakh ethnography]. Vol. 33. Astana: Altyn kitap, 2007. 246 p. [in Russian]
- Semenov, 1911** – *Semenov, A.A.* (1911). Kovry russkogo Turkestana. Po povodu izdaniya «Kovrovye izdeliya Srednei Azii, iz sobraniya, sostavlenno A.A. Bogolyubovym» [Carpets of Russian Turkestan. About the publication “Carpets of Central Asia, from the collection of A.A. Bogolyubov”]. Saint Petersburg: *Etnograficheskoe obozrenie*. 1-2: 137-176. [in Russian]

Smelyakova, 2008 – Smelyakova, A.V. (2008). Kazakhskie etnograficheskie kolleksii v muzeinykh sobraniyakh Zapadnoi Sibiri [Kazakh ethnographic collections in the museum collections of Western Siberia]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 2(66): 181-184. [in Russian]

Stasevich, 2016 – Stasevich, I. (2016). Kazakh women wedding headdress in the MAE RAS collection. *Manuscripta Orientalia*. 1(22): 20-36.

Yuzefovich, 1880 – Yuzefovich, B.O. (1880). O byte kirgizov Turgaiskoi oblasti [About the household of kyrgyz of Turgai region]. *Russkii vestnik*. 146(4): 789-832. [in Russian]

Zagryazhinskii, 2007 – Zagryazhinskii, G. (2007). Byt kochevogo naseleniya Chu i Syr-Dar'i. Biblioteka kazakhskoi etnografii [Life of the nomadic population of Chu and Syr-Darya. Library of Kazakh ethnography]. Vol. 44. Astana: Altyn kitap. 299 p. [in Russian]

Zhanbosinova et al., 2019 – Zhanbosinova, A.S., Kulshanova, A.A., Shaimerdenova, M.J. (2019) Handicraft of the Kazakh People in the middle of XIXth – early XXth centuries. *Bylye Gody*. 51(1): 241-251. DOI: 10.13187/bg.2019.1.241

Zharkov, 1854 – Zharkov, Y. (1854). Zapiski kuptsa Zharkova [Notes of merchant Zharkov]. *Biblioteka dlya chteniya*. 124: 192-195. [in Russian]

Изучение традиционных ремесел Казахстана в имперский период: источники и музейные коллекции

Жанерке Наурызбаевна Шайгозова ^a, Канат Зулкаршыулы Ускенбай ^{b,*},
Альмира Бекетовна Наурызбаева ^c, Аман Илесович Ибрагимов ^a

^a Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

^b Институт гуманитарных исследований АБДИ, Алматы, Республика Казахстан

^c Казахская национальная консерватория им. Курмангазы, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье исследуется вклад российских путешественников и исследователей в изучение казахских традиционных ремесел имперского периода, особо активно проявившееся на рубеже XIX–XX веков. Указанный период интереса российских ученых и путешественников – особый этап формирования ориентального дискурса этнографии и этнологии, когда было собрано и частично описано большое количество культурных артефактов казахского ремесла.

Анализируется фактологический материал, состоящий из письменных и визуальных источников, а также фотодокументов образцов ремесленных изделий. Все это экспонируется в ведущих академических музеях Российской Федерации, а именно в Российском этнографическом музее (РЭМ) и Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ РАН).

Изученные документы и артефакты представляют богатейший источниковедческий материал для исследования разнообразия и генезиса традиционных казахских ремесел. Их содержание может послужить целям реконструкции некоторых утерянных аутентичных технологий изготовления традиционных ремесленных изделий. На сегодняшний день многие виды казахских ремесел и технологии изготовления ремесленных изделий, квалифицируемые специалистами как важнейший элемент нематериального культурного наследия (НКН), находятся под угрозой исчезновения и нуждаются в срочной охране.

В соответствии с поставленной целью и задачами исследование в основном опирается на историко-сравнительный и историко-описательный методы, а также натурное изучение фондов казахских коллекций РЭМ и МАЭ РАН в 2018 и 2021 годах.

Привлекательный для анализа материал содержит важную информацию, которая дает возможность в полной мере оценить состояние казахских ремесел в имперский период, уровень их развития, позволяет проследить генезис, охарактеризовать типологические особенности. На текущий момент наиболее актуальным и востребованным представляется научное описание аутентичных технологий изготовления ремесленных изделий. Все это поможет дальнейшему возрождению некоторых видов ремесел в современной практике и станет одной из эффективных мер по охране нематериального культурного наследия страны, обязывающих Казахстан принимать их с момента ратификации Конвенции об охране НКН (Конвенция 2003) в 2011 году.

Ключевые слова: имперский период, Россия, Казахстан, казахские традиционные ремесла, письменные и визуальные источники.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: uskenbay@gmail.com (К.З. Ускенбай)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1674-1682
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1674

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Interstate Relations between the Russian Empire and Spain in the Sphere of Trade at the beginning of the XIX century

Marat V. Saudakhanov ^{a,*}, Tatyana V. Vorotilina ^b

^a MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the sphere of trade of the Russian Empire and the Spanish monarchy at the beginning of the XIX century. The authors' view is focused on the diplomacy of the two countries within the framework of the development of commercial activities of monarchies and on the international political conjuncture that developed during this period. The paper examines the contribution of a number of senior officials and private commercial associations of the two countries to the establishment of trade relations between Russia and Spain during the revolutionary upheavals in Europe. On the basis of archival data and other open sources, the mutual dependence of international trade relations and the global political situation during the Napoleonic Wars is understood. The authors highlight the most important milestones of international commerce in the Baltic and Black Seas. In addition, the article attempts to identify the reasons for the decline in the trade balance between Spain and the Russian Empire during this period. The research materials demonstrate certain results affecting the period under study in the field of trade relations between the two powers, which mainly relied on the public need for the development of trade relations between Spain and Russia in the plane of the prevalence of the initiative of non-state commercial structures against the background of indifferent and even negative attitude to the establishment of commercial relations on the part of the public authorities. The authors emphasize the high role of the Ottoman Empire in the trends of countering Spanish-Russian trade through South Russian ports, which significantly increased the cost of Spanish goods on the Russian market.

Keywords: Russian Empire, Napoleonic Wars, Spain, trade relations, trade balance, continental blockade, Mediterranean trade, Ottoman Empire, Anglo-French maritime interests.

1. Введение

Актуальность заявленной темы заключается в том, что налаживание внешнеполитических отношений между странами, в том числе и торгово-экономических, способствует реализации внешних функций государства. В этой связи важную роль играет изучение исторических аспектов внешнеэкономической деятельности Российской империи в период ее становления как мощной державы в начале XIX столетия, которое для России было в высшей степени бурным и политически нестабильным. Так, жестокое убийство законного императора Павла I в 1801 году внесло свои существенные коррективы в области внешней политики Российской империи, затронув в том числе и торговые связи с испанской монархией. Стоит отметить, что в русле различных версий убийства российского императора прослеживается деятельность Англии, которая была не согласна с внешней политикой Павла I (Сорокин, 2006: 17; Ахмедова, 2021: 12). Тем не менее, внешнеполитическая обстановка была такой, что прямых противоречий между Российской империей и Испанией не наблюдалось. Косвенно на это указывает и война между двумя государствами, которая произошла

* Corresponding author

E-mail addresses: smvo2@bk.ru (M.V. Saudakhanov), vorotilina@mail.ru (T.V. Vorotilina)

сугубо в дипломатической плоскости, так сказать лишь «на бумаге». Подобная тенденция была спровоцирована политикой противостояния Лондона и Парижа, будоражившего Европу в течении всего XVIII столетия. Нечто подобное можно было наблюдать и в 30-е гг. XX века, в период гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.), в которой СССР поддерживал прокоммунистические силы. Так, Е.В. Новосёлова, Н.И. Чернова, Н.В. Катахова в своей статье, посвященной аспектам преподавания испанского языка в СССР, пишут: «Это было время интенсивного обмена между двумя странами не только в военной сфере, но и в культурно общественной...» (Новосёлова и др., 2022: 113). По нашему мнению, периодическое сближение Испании и России вызвано тем, что две страны не имеют в принципе таких точек соприкосновения, которые способствовали бы разрастанию существенного внешнеполитического конфликта.

Ведя речь о периоде наполеоновских войн, необходимо отметить, что в 1798 году военно-политическая концепция революционной Франции в рамках стратегии Бонапарта была нацелена на захват Египта и Мальты в целях сокращения британского могущества (Кобищанов, 2013: 6). Примечательно, что захват Мальты французскими войсками спровоцировал начало фактически несостоявшейся войны между Испанией и Францией (История Испании..., 2014: 194-197). При этом указанное «опереточное» противостояние двух держав формально было вызвано отказом Испании признать российского монарха гроссмейстером Мальтийского ордена. В сущности, эта война так и не перешла в «горячую» стадию в связи с убийством Павла I гвардейскими заговорщиками. Вошедший на престол после гибели своего отца российский император Александр I имел стойкое желание прекратить конфронтацию и отправил в Париж искусственного в дипломатических интригах посла А.И. Моркова в целях заключения мира с Францией и Испанией (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1803. Оп. 468. Д. 7498. Л. 5). Небезынтересно то, что последний, не прибегая к французскому посредничеству, встретился с послом Испании в Париже. При этом Х.Н. Асара имел личные выходы не только на премьера Испании М. Годоя, но и непосредственно на Наполеона. Подобный дипломатический ход позволил уже 4 октября 1801 года подписать мирное соглашение между Испанией и Россией. По прошествии четырех суток был заключен мирный договор Российской империи с Францией на встрече А.И. Моркова и Ш.-М. Талейрана. По сути, указанные мирные договоры подвели черту под усилиями Александра I положить начало установлению прочного мира в рамках европейского политического пространства. Если заострить внимание на испанском интересе, то основной интерес здесь заключался в той выгоде, которую нес союз Мадрида и Санкт-Петербурга в аспекте испано-французских связей.

Стоит отметить, что практически все XVIII столетие было ознаменовано династическим союзом двух государств с Бурбонской правящей династией во главе, что было закреплено в рамках нормативного трио – так называемых Фамильных пактов (1733, 1744, 1761). Так, в результате договора 1733 г., заключенного между Мадридом и Парижем, два государства стали военно-политическими союзниками (Киселев, 2007: 9). Фамильный договор 1744 г. включил Испанию в антианглийскую коалицию (Киселев, 2006: 12), а пакт 1761 г. выступал гарантией территориальной целостности двух держав, которые формировали оборонительно-наступательный союз, с обязательством Испании вступить в Семилетнюю войну, если к началу 1762 года не будет заключён мир (Recueil des traites de la France, 1880: 81-88). С позиций телеологических можно утверждать, что последний договор был направлен на купирование британского морского могущества.

Важно то, что подобная внешнеполитическая тенденция сохранилась и в тот период, когда форма правления Франции трансформировалась из монархической в республиканскую. Тем не менее, в угоду династическому интересу Мадрид пошел на конфликт с давним союзником после того, как французский король был казнен. Война Испании с Францией 1793–1795 гг. показала всю несостоятельность испанской «военной машины» и в 1796 г. испанская монархия вернулась в лоно союза со своим северным соседом, утратив при этом свою политическую самостоятельность и переместившись в плоскость интереса Французской республики. На фоне возросшей конфронтации Франции и Великобритании зависимость Мадрида от Парижа еще больше усугубилась. Негативным фактором для Испании выступал также и экономический упадок, так как военные действия конца XVIII столетия подрывали испанскую экономику, увеличив государственный долг страны и налоговое бремя для населения. По некоторым данным, война 1793–1795 гг. обошлась испанской монархии в астрономическую сумму 935 млн. реалов, увеличив расходы казны в три раза и приведя в упадок государственные финансы. По мнению Е.Э. Юрчик, Испания в 1798 г. «семимильными шагами» шла к дефолту (История Испании, 2014: 169-170, 172). Таким образом, сложившаяся политическая конъюнктура в Европе создавала предпосылки дальнейшего вовлечения Испании в сферу интересов Франции. Подобный союз, однако, не обладал свойствами прочной дружбы и доверия между двумя европейскими державами.

Декабрь 1800 года примечателен тем, что М. Годой получил широкие полномочия, покинув пост госсекретаря в рамках передачи этих функций своему родственнику П. Севальосу, которому выступал патроном. Сам же М. Годой получил синекуру в виде должности главного советника, курирующего все ведомства и выступая политической «прокладкой» между правительством и короной. Мало того, получив звание генералиссимуса, последний стал играть ключевую роль во

властной иерархии испанской монархии. При этом особую значимость в аспекте формирования профранцузского курса Испании сыграла англофобия М. Годоя. В этой связи реинкарнация испано-русских связей имела исток в желании Испании при наличии разногласий с Наполеоновской Францией опереться в своей внешней политике на Российскую империю в надежде на мощь зарождающегося российского флота, который не выступал конкурентом флоту Испании, но угрожал англо-французским морским интересам. В этой связи анонимный памфлет, который распространяли английские моряки по поводу состояния российского флота: «Зимующий в Ширнесе Рос и голоден, и наг, и бос» (АВПРИ. Ф. 36. Оп. 36/1. Д. 512. Л. 157), мог сыграть плохую шутку с высокомерием англичан в рамках их морской мощи. В целом же имела место тенденция к умалению мощи флота Российской империи не только со стороны иностранцев, но и подданных Российской империи (Лебедев, 2017: 139). В сущности, новая фаза взаимных сношений Испании и России в основном фигурировала в области морской торговли. Примечательно, что современный период демонстрирует не так много научных исследований, посвященных торговым связям испанской монархии и Российской империи, впрочем, как и истории дипломатических отношений двух держав. Положительным образом на исследовании данного вопроса сказались статьи Х.Р. Уркихо (Urquijo, 1988: 599-624), М. Эспадас Бургос (Espadas Burgos, 1990: 353-360). Работы испанских историков сосредоточены в основном на проблематике политических сношений ближайших к Испании европейских держав. В то же время за последние 40 лет в русле подобной историографии был опубликован ряд трудов отечественных историков, таких как М.А. Додолев (Додолев, 1984), а также ряд иных публикаций, в том числе Б. Чумы (Чума, 2011: 278-281) и Л.А. Вовчук (Вовчук, 2014: 186-197). Положительно можно оценить публикации О.В. Волосюк (Волосюк, 2017: 445-461), которая в целом отошла от субъективизации исторических процессов.

В этой связи можно наблюдать некоторую однобокость в исследовании испано-русских торговых связей в конце XVIII – начале XIX столетий. Целью нашего исследования выступает более углубленное исследование торговых отношений Испании и России в указанный период с параллельной попыткой многоаспектного анализа заявленной проблематики без принижения роли Российской империи в контексте европейской истории периода наполеоновских войн через призму социальной необходимости межгосударственных сношений.

2. Материалы и методы

В качестве эмпирической базы исследования выступают изученные авторами фонды Архива внешней политики Российской империи (Москва, Российская Федерация), а также архивные документы Российского Государственного архива Военно-морского флота (Санкт-Петербург, Российская Федерация), содержащие сведения о тенденциях взаимных торговых сношений Российской империи и Испании, а также освещающие проблематику свободы судоходства через Босфор. Массив документов, находящийся на хранении в указанных архивах, представляется значимым источником социально-исторической и политико-правовой информации о конъюнктуре международной торговли в начале XIX столетия.

Кроме того, при написании данной статьи использовались опубликованные сборники документов и материалов. Так, документы и материалы, затрагивающие российско-испанские торговые связи за 1800–1917 гг. (Россия и Испания..., 1997) раскрывают проблематику международной торговли через южнорусские порты.

Методология исследования предстает в образе системы взаимосвязанного и взаимообусловленного инструментария, который складывается из методов, принципов и научно-методических подходов. Так, использование таких методов как анализ и синтез способствовало осмыслению сущности эмпирической основы и выделению закономерностей развития взаимных торговых сношений между Российской империей и Испанией. В рамках историко-правового и системного методов были рассмотрены исторические факты и событийный элемент, которые существовали в указанный период, что позволило выделить общие направления развития испано-русских отношений. Метод герменевтики способствовал оптимальному толкованию тех источников права и архивных документов, которые были использованы в работе.

3. Обсуждение

В настоящее время отечественная историография, по нашему мнению, еще не отошла от принципа евроцентризма, так как Российская империя в рамках исследований межгосударственных связей обычно выступает как факультативный элемент, несамостоятельный придаток в плоскости исторических исследований европейской истории. Так, А.И. Саплин в своей статье основной упор делает на дипломатические контакты в рамках анализа сношений Испании и России в конце XVIII – начале XIX столетия (Саплин, 1987: 178-184), что, по нашему мнению, гипертрофирует роль личности в истории. Подобная тенденция наблюдается и в статье Л.М. Бухармедовой (Бухармедова, 2011: 50-55). В то же время Б. Чума в рамках указанной проблематики (Чума, 2011: 278-281) делает необоснованный акцент на украинской государственности и испанских интересах. В то же время О.В. Волосюк (Волосюк, 2017: 445-461) склонна преувеличивать роль государственной политики в

сфере свободной торговли двух держав. В целом при внешней обширности научных выкладок, посвященных межгосударственным сношениям Российской империи и Испании в сфере торговли в начале XIX столетия, видится существенное колебание в направлении субъективизации исторических процессов, либо демонстрация доминирующей политики государства в выстраивании процессов международной торговли.

4. Результаты

Историки полагают, что торговые связи Российской империи и Испании получили мощный импульс во второй половине XVIII столетия на основе дружеских отношений двух монархов, при этом отмечается и вклад российских и испанских дипломатов. Так, за двадцать лет с 1760 по 1780 гг. испано-российская торговля достигает почти 600 тыс. реалов, практически с нулевого положительного торгового баланса. Постепенно испанский высший истеблишмент, интересы которого выражал М. Годой, проявляя все большую заинтересованность в рынках сбыта испанских товаров на российских рынках. Появляется тенденция тесных социокультурных связей между Россией и Испанией, которая отображалась в том числе и в составлении методических рекомендаций в отношении знаний, умений и навыков испанских коммерсантов, решивших торговать с Россией (Волосюк, 2017: 448-449). Коммерческий интерес в сфере испано-российских связей был обоюдным, так как российское консульство, державшееся на личных связях русского купца И.Ф. Бранденбурга, функционировало в Кадисе с 1765 года (Уляницкий, 1899: 302-348).

Что характерно, в период разрыва дипломатических связей России и Испании политические и коммерческие контакты стали приходить в упадок. При этом правительство Российской империи решало иные, более насущные проблемы, не уделяя внимания даже назначению нового консула в Испании. В этой связи проблемами реабилитации российско-испанских торговых связей занимался посол в Мадриде И.М. Муравьев-Апостол. Примечательно, что в первом донесении последний обосновывал необходимость развития торговли между Испанией и Российской империей. Посол доказывал двору ее необходимость в рамках того, что лишь взаимный коммерческий интерес может сблизить две державы (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1803. Оп. 468. Д. 7498. Л. 5). Спустя несколько месяцев И.М. Муравьев-Апостол встретился с М. Годоем, который в близком контакте с российским послом объяснял все плюсы торговых связей между Санкт-Петербургом и Мадридом (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1803. Оп. 468. Д. 7498. Л. 22).

Тем не менее, вся международная политическая конъюнктура не позволяла российскому послу уделять большое внимание развитию коммерческих отношений между двумя державами. Можно предположить, что невозможность лично посвятить себя опосредованию торговых связей между Испанией и Российской империей толкала И.М. Муравьева-Апостола просить российское правительство назначить нового консула в Кадис, выбрав его из влиятельных испанских купцов. В качестве аргументов российский посол приводил соображение о том, что новый консул из местных не будет требовать жалования и ему будет достаточно лишь того, что он будет действовать под эгидой Российской империи, получая для себя не прямую, но опосредованную выгоду в русле своей коммерческой деятельности (АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1803. Оп. 468. Д. 7498. Л. 114).

В начале XIX столетия перед Испанией необходимость учреждения новых консульств в Российской империи также выступала насущной необходимостью, так как официальный посол Мадрида в Санкт-Петербурге не справлялся с проблемой «расконсервации» испано-российской торговли. Тем не менее, предвоенное состояние Западной Европы, грозившее вылиться в войну Англии и Франции, сводило на нет налаживание любых торговых сношений и, в частности, затрудняло испанскую навигацию в российские порты. В связи с этим даже при наличии положительного торгового сальдо Мадрида в рамках торговых отношений с Петербургом оно существенно деградировало в сравнении с 1803 годом. Подобная тенденция усугублялась еще и тем, что в предстоящей войне Англии с Францией был достаточно неясен статус нейтральных держав. Так, Бонапарт, которого всецело занимала проблема торговой блокады Англии, настаивал на сворачивании любой торговли с ней других держав, а также всячески препятствовал торговле на Балтике. Сложившаяся ситуация нуллифицировала маршруты испанских негодантов в Россию через Балтийское море (Schop Soler, 1984: 444-447).

Тенденция сворачивания торговых связей Испании и России на Балтике способствовала активизации торговли через черноморские и азовские порты. Стоит отметить, что «южный» поток имел место уже в конце XVIII столетия. В целях реализации указанной торговой концепции Александр I выступил с инициативой договориться с Турцией о праве прохода испанских торговых кораблей в Черное море (Россия и Испания..., 1997: 14). Примечательно, что проблематика свободного прохода Босфора более ста лет выступала камнем преткновения для России и Османской империи (РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 172. Л. 26). В то же время аспект средиземноморской торговли с Российской империей был крайне интересен барселонским купцам, которые стремились расширить торговлю в бассейне Черного моря и найти свою прибыльную нишу в сфере коммерции на российских рынках сбыта. Более того, испанские купцы надеялись также продолжать вывозить российские товары, которые в Испании будут пользоваться спросом. По сути, мирные отношения

испанской короны с Османской империей позволяли надеяться на активизацию черноморской торговли и получение существенной прибыли (Волосюк, 2017: 451).

Важно отметить, что в июне 1803 года со стороны Испании возникла острая необходимость в назначении консула, занимающегося налаживанием испано-российских торговых связей. При этом официальный посол Мадрида в Петербурге просил отправить консула хотя бы в Одессу для того, чтобы опосредовать черноморский торговый путь для испанских купцов. Примечательно, что, так и не дождавшись официального назначения, посол Испании направил в Одессу уполномоченное лицо для содействия испанским коммерсантам. Устремления испанского посла возымели свое действие и уже спустя месяц в июле 1803 года был назначен испанский консул в Одессе Луис дель Кастильо, который имел широкий кругозор, был знаком с нравами Российской империи, обладая при этом глубоким «дипломатическим чутьем» (Волосюк, 2017: 451). Необходимо подчеркнуть, что несмотря на все усилия и социально-экономическую необходимость в развитии торговых сношений двух стран, такие сношения обладали купированным характером, так как внешнеполитические факторы складывались не в пользу сближения Мадрида и Петербурга. Только в середине XIX столетия межгосударственная торговля Испании и Российской империи приобрела некоторую устойчивость, что подробно отражено в исследованиях отечественных ученых (Бобылев, 1997; Волосюк, 1997; Додолев, 1984; Крылова, 1940: 327-352).

В рамках заявленной проблематики важно обратить внимание на то, что даже после «расконсервации» испано-российских торговых связей Мадрид стремился с одной стороны заполнить российские рынки своими товарами, с другой же наблюдалась тенденция искусственного ограничения поставок в Испанию товаров из Российской империи (Петрова, 2011: 62). Подобный подход, по нашему мнению, выражался в политике евроцентризма и наглядно демонстрировал попытки европейских государств воспользоваться российскими рынками сбыта параллельно ограничив российский экспорт.

В аспекте анализа торговых сношений Мадрида и Петербурга в указанный период нельзя не упомянуть и о том, что большие препятствия для «южного потока» чинила Османская империя. Последняя стабильно мешала проходу испанских торговых кораблей в черноморские порты Российской империи. Авторы настоящей работы полагают, что Турция хотела замкнуть черноморскую торговлю на себе, не желая впускать в сферу своего торгового интереса новых конкурентов – испанских купцов, торгующих схожими товарами. Так, за период 1800–1802 гг. наиболее насыщенной была торговля Российской империи в рамках черноморского бассейна с Оттоманской Портой, Австрией и Республикой Семи Соединенных Островов. При этом для англичан, голландцев и французов проливы Турция открыла лишь в 1801 году. Как отмечает Е.П. Кудрявцева, «в 1800 г. из Константинополя в российские порты пришло 44 турецких торговых корабля с товарами российских негодантов, 95 судов под русским флагом, 17 «цесарских», т.е. австрийских, и семь – из Греческой республики» (Кудрявцева, 2023: 203). Стоит отметить, что в качестве предпосылки жесткой политики Российской империи в Черном море, сложившейся в период Первой мировой войны (Natolochnaya et al., 2021), можно считать стратегическую значимость Босфора в рамках международной морской торговли, которая заявила о себе в начале XIX столетия.

Период, наступивший после окончания наполеоновских войн, был ознаменован восстановлением международных коммерческих связей Испании и России, обретя при этом некоторый, достаточно специфический характер. По своей сути торговые интересы двух держав остались прежними с той лишь разницей, что к традиционным российским товарам присовокупился большой объем зерна, который Россия вывозила через свои черноморские порты. Основной целью дипломатии Мадрида и Петербурга выступало восстановление правового положения и объема торговых сношений, которые существовали между двумя монархиями до начала военных действий. В связи с этим вполне закономерно в Русско-испанский договор 1812 г. была включена позиция о заключении русско-испанского торгового соглашения (Внешняя политика России..., 1962: 495-497).

Вслед за подписанием мирного договора межгосударственная торговля Мадрида и Петербурга получила импульс к практической реализации. Так, в 1813 году Россия снизила пошлины на импорт продукции испанских виноделов, вернув ее на тот уровень, который имел место при Екатерине II. Тем не менее, привилегированное положение ввозимых в Российскую империю испанских вин не было жестко зафиксировано, что вызывало негативную реакцию со стороны испанских торговцев, которые требовали ответных мер в отношении товаров из России. Тем не менее, объемы поставок испанских вин был настолько ничтожен, что сложившаяся практика взимания нефиксированных пошлин никак не сказалась на общей тенденции, так как львиную долю испанского экспорта составляли товары, которые Испания привозила из своих колоний (Волосюк, 2017: 452). На фоне такой конъюнктуры существенно рос российский экспорт зерна в Каталонию из черноморских портов (Schop Soler, 1984: 459-460). Подобная структура российского экспорта соответствовала запросам не только Испании, но и всего европейского рынка. Как отмечает С.Р. Томпсон, во внешнеторговой сфере Российской империи начала XIX столетия наметился рост вывоза зерна (Томпсон, 2008: 24).

После окончания масштабного кровопролития в Европе испанские купцы стали активно осваивать торговые маршруты в черноморские порты Российской империи. Все это происходило на

фоне недовольства Турции, которая не хотела мириться с конкурентами. В итоге испанские торговые корабли стали курсировать в южнорусские порты под флагами других государств. Подобная структура международной коммерции была достаточно неудобной и ожидаемо снижала испанский торговый трафик, который в 1817 году составлял приблизительно 7,5 % от общего числа иностранных судов, загрузившихся в азовских и черноморских портах Российской империи (Schop Soler, 1984: 460-461).

На первый взгляд незначительные объемы ввозимого в Испанию российского зерна тем не менее подтачивали земледелие Кастилии, так как Каталония стала ключевым хабом распространения зерновой продукции из России, трансформируя испанский хлебный рынок. Результат не заставил себя ждать. В 1820 году Испания наложила торговое эмбарго на импорт зерна. Кроме деформации испанского хлебного рынка ввоз российского зерна повлиял и на вывоз денег из страны, а также эмиграцию дефицитных специалистов (плотников, каменщиков, слесарей) из Испании на юг России, которых на родине вытесняли эмигранты из немецких княжеств и Швейцарии (Schop Soler, 1984: 462-463).

Стоит отметить, что испанский запрет ввоза зерна на порядок снизил объемы российско-испанской торговли, и если в 1819 году в черноморские и азовские порты прибыло 50 испанских торговых кораблей, то в 1825 году их было всего 3 (Schop Soler, 1984: 466-467). В свою очередь, для Российской империи торговля зерновым хлебом выступала важнейшей составляющей экспорта. В этой связи после потери испанских рынков сбыта российские негоданты в качестве зернового хаба стали использовать Мальту в попытке поставлять зерно напрямую в Новый Свет.

В целом к 1827 году наиболее пострадавшей стороной в сфере международной торговли выступила Испания, так как потеряла американский рынок сбыта, который привел к отрицательному сальдо торгового баланса (Волосюк, 2017: 454).

После запрета Испании на ввоз зерна торговые связи Мадрида и Петербурга переместились в патовую ситуацию. Это сказалось в частности на том, что продукция испанских виноделов не выдерживала конкуренции с греческими винами на рынках Российской империи, так как испанские купцы платили двойные пошлины. Таким образом, торговые отношения двух держав были нуллифицированы в связи с отсутствием политической воли, и следующий виток коммерческих связей стал наблюдаться лишь во второй половине XIX столетия.

5. Заключение

Революционные потрясения во Франции, а также войны в Европе, которые шли непрерывно на протяжении двух десятилетий, русско-турецкая война 1806–1812 гг., торговая блокада Англии существенно купировали торговые отношения Испании и Российской империи. После окончания глобального политического катаклизма российско-испанская торговля вернулась на уровень конца XVIII столетия и динамично развивалась на протяжении десяти лет. Тем не менее, середина 1820-х гг. ознаменовалась упадком торговых связей двух держав в связи с невозможностью импорта зерна из России в Испанию. Кроме того, Османская империя существенно ограничивала испанский торговый трафик в южнорусские порты. В связи с этим ряд испанских товаров было дешевле доставлять в Россию через Балтику. «Южный поток» в рамках торговых связей России и Испании получил новый импульс лишь к началу 1830-х гг. после подписания испано-турецкого соглашения наделяющего правом прохода кораблей испанских негодантов под флагом своей страны через Босфор. В сущности, в исследуемый период торговые связи двух монархий зиждились на социальной необходимости развивать коммерцию, то есть наблюдалась инициатива частных лиц при параллельном равнодушии, а иногда и открытом противодействии со стороны публичной власти.

Литература

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Ахмедова, 2021 – Ахмедова С.С. Политическое убийство 11 марта 1801 года и конституционный проект Н.П. Панина // *Кронос: общественные науки*. 2021. № 3 (23). С. 12-16.
- Бобылев, 1997 – Бобылев В.С. Россия и Испания в международных отношениях второй половины XVIII в. М., 1997. 284 с.
- Бухармедова, 2011 – Бухармедова Л.М. Русско-испанские отношения во времена российского посланника в Испании Михаила Горчакова // *Россия–Испания–Ибероамерика. Перекрестный год сотрудничества*. М.: МГИМО, 2011. С. 50-55.
- Внешняя политика России..., 1962 – Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 6. М.: Политиздат, 1962. 866 с.
- Вовчук, 2014 – Вовчук Л.А. Російсько-іспанські дипломатичні зв'язки (на матеріалах іспанських представництв у чорноморсько-азовських портових містах Російської імперії кін. XVIII – початку XX ст.) // *Гуманітарний вісник*. Число 21. Вип. 5. Частина 1 Серія: Історичні науки 2014. С. 186-197.
- Волосюк, 1997 – Волосюк О.В. Испания и Российская дипломатия в XVIII веке. М.: Изд-во Рос. Ун-та дружбы народов, 1997. 199 с.

Волосюк, 2017 – *Волосюк О.В.* Торговые отношения между Россией и Испанией в начале XIX века // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 445-461.

Додолев, 1984 – *Додолев М.А.* Россия и Испания 1808-1823 гг.: Война и революция в Испании и русско-испанские отношения: монография / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Наука, 1984. 268 с.

История Испании, 2014 – История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века. М.: Индрик, 2014. 872 с.

Киселев, 2006 – *Киселев А. А.* Великобритания в войне за Австрийское наследство (1740-1748 годы) // *Вестник ВолГУ*. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2006. №5. С. 10-15.

Киселев, 2007 – *Киселев А.А.* Великобритания в системе международных отношений конца XVII – первой половины XVIII века // *Вестник ВолГУ*. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2007. №6. С. 8-15.

Кобищанов, 2013 – *Кобищанов Т.Ю.* Политика России на Ближнем Востоке в годы экспедиции Наполеона Бонапарта в Египет и Сирию (1798–1801) // *Вестник Московского университета*. Серия 13. Востоковедение. 2013. №1. С. 3-22.

Крылова, 1940 – *Крылова Т.К.* Отношения России и Испании в первой четверти XVIII в. // *Культура Испании*. Сб. статей. М., 1940. С. 327–352.

Кудрявцева, 2023 – *Кудрявцева Е.П.* Русская торговля на Черном море в первой трети XIX в. // *Вестник МГИМО*. 2023. №3. С. 199-221.

Лебедев, 2017 – *Лебедев А.А.* К вопросу о месте флота в русском обществе в XVIII – 1-й половине XIX вв. // *Пространство и Время*. 2017. №2-4 (28-30). С. 128-146.

Новосёлова и др., 2022 – *Новосёлова Е.В., Чернова Н.И., Катахова Н.В.* Аксиологические аспекты преподавания испанского языка в СССР // *Russian Technological Journal*. 2022. №10(5). С. 111-120.

Петрова, 2011 – *Петрова А.А.* Взгляды испанских дипломатов второй половины XIX века на развитие экономического сотрудничества с Россией // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2011. №1. С. 61-65.

РГА ВМФ – Российский Государственный Архив Военно-морского Флота.

Россия и Испания..., 1997 – Россия и Испания: Документы и материалы. 1667–1917. Т. 2. 1800–1917 / Сост. С. П. Пожарская, А. И. Саплин. М., 1997. 344с.

Саплин, 1987 – *Саплин А.И.* Российский посол в Испании (1805–1809) // *Вопросы истории*. 1987. № 3. С. 178-184.

Сорокин, 2006 – *Сорокин Ю.А.* Заговор и цареубийство 11 марта 1801 года // *Вопросы истории*. 2006. № 4. С. 15-29.

Томпсон, 2008 – *Томпсон С.Р.* Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: Организация и финансирование. М.: РОССПЭН, 2008. 417 с.

Уляницкий, 1899 – *Уляницкий В.А.* Русские консульства за границу в XVIII веке / Исследование В.А. Уляницкого: [в 2 ч.]. М.: Состоящая при Московском главном архиве Министерства иностранных дел комиссии печатания госуд. грамот. и договоров; Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1899. Ч.1. [2], II, 678, 201, [2] с.; Ч.2. [2], DCLXXI с.

Чума, 2011 – *Чума Б.* Діяльність Луїса дель Кастильйо на посаді першого консула Королівства Іспанії в Одесі (1804–1825 рр.) // *Гуржіївські читання*. Черкаси: Черкаський національний університет ім. Б. Хмельницького, 2011. Вип. 4. С. 278-281.

Espadas Burgos, 1990 – *Espadas Burgos M.* Dos embajadas extraordinarias en Rusia: la del duque de Osuna (1856) y la del duque de Montpensier (1883). Estudios históricos: Homenaje a los profesores José Mª Jover Zamora y Vicente Palacio Atard. Madrid: Universidad Complutense, 1990. 1: 353-360.

Natolochnaya et al., 2021 – *Natolochnaya O.V., Allalyev R.M., Svechnikov V.A., Petrova S.V.* Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 3 // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1560-1567.

Recueil des traites de la France, 1880 – *Recueil des traites de la France*. Т. I, P., 1880, pp. 81-88.

Schop Soler, 1984 – *Schop Soler A.M.* Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia, 1733–1833. Madrid: MAE, Dirección General de Relaciones Culturales, 1984. 520 p.

Urquijo, 1988 – *Urquijo y Goitia JR.* El Carlismo y Rusia. Hispania. Revista española de historia. 1988; XLVIII/169: 599–624.

References

Akhmedova, 2021 – *Akhmedova, S.S.* (2021). Politicheskoe ubiistvo 11 marta 1801 goda i konstitutsionnyi proekt N.P. Panina [Political murder on March 11, 1801 and the constitutional project of N.P. Panina]. *Kronos: obshchestvennye nauki*. 3(23): 12-16. [in Russian]

AVPRI – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive foreign policy of the Russian Empire].

Bobylev, 1997 – *Bobylev, V.S.* (1997). Rossiya i Ispaniya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh vtoroi poloviny XVIII v. [Russia and Spain in international relations of the second half of the XVIII centuries]. М., 284 p. [in Russian]

- [Bukharmedova, 2011](#) – *Bukharmedova, L.M.* (2011). Russko-ispanskie otnosheniya vo vremena rossiiskogo poslannika v Ispanii Mikhaila Gorchakova [Russian-Spanish relations during the time of the Russian envoy to Spain Mikhail Gorchakov]. *Rossiya–Ispaniya–Iberoamerika. Perekrestnyi god sotrudnichestva*. M.: MGIMO. Pp. 50-55. [in Russian]
- [Chuma, 2011](#) – *Chuma, B.* (2011). Diyal'nist' Luisa del' Kastil'io na posadi pershogo konsula Korolivstva Ispanii v Odesi (1804–1825 rr.) [The activity of Luis del Castillo at the landing of the first consul of the Kingdom of Spain in Odessa (1804–1825)]. *Gurzhiius'ki chitannya. Cherkasi: Cherkas'kii natsional'nii universitet im. B. Khmel'nits'kogo*. 4: 278-281. [in Ukrainian]
- [Dodolev, 1984](#) – *Dodolev, M.A.* (1984). Rossiya i Ispaniya 1808-1823 gg.: Voyna i revolyutsiya v Ispanii i russko-ispanskie otnosheniya: monografiya [Russia and Spain 1808-1823: War and revolution in Spain and Russian-Spanish relations: monograph]. Otv. red. N.N. Bolkhovitinov. M.: Nauka, 268 p. [in Russian]
- [Espadas Burgos, 1990](#) – *Espadas Burgos, M.* (1990). Dos embajadas extraordinarias en Rusia: la del duque de Osuna (1856) y la del duque de Montpensier (1883). *Estudios históricos: Homenaje a los profesores José Mª Jover Zamora y Vicente Palacio Atard*. Madrid: Universidad Complutense, 1: 353-360.
- [Istoriya Ispanii, 2014](#) – *Istoriya Ispanii* [History of Spain. T. 2. From the War of the Spanish Succession to the beginning of the 21st century]. T. 2. Ot voyny za ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka. M.: Indrik, 2014. 872 p. [in Russian]
- [Kiselev, 2006](#) – *Kiselev, A.A.* (2006). Velikobritaniya v voine za Avstriiskoe nasledstvo (1740-1748 gody) [Great Britain in the War of the Austrian Succession (1740-1748)]. *Vestnik VoLGU. Seriya 9: Issledovaniya molodykh uchenykh*. 5: 10-15. [in Russian]
- [Kiselev, 2007](#) – *Kiselev, A.A.* (2007). Velikobritaniya v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii kontsa XVII – pervoi poloviny XVIII veka [Great Britain in the system of international relations of the late XVII and first half of the XVIII century]. *Vestnik VoLGU. Seriya 9: Issledovaniya molodykh uchenykh*. 6: 8-15. [in Russian]
- [Kobishchanov, 2013](#) – *Kobishchanov, T.Yu.* (2013). Politika Rossii na Blizhnem Vostoke v gody ehkspeditsii Napoleona Bonaparta v Egipet i Siryu (1798–1801) [Russian policy in the Middle East during the years of Napoleon Bonaparte's expedition to Egypt and Syria (1798–1801)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*. 1: 3-22. [in Russian]
- [Krylova, 1940](#) – *Krylova, T.K.* (1940). Otnosheniya Rossii i Ispanii v pervoi chetverti XVIII v. [Relations between Russia and Spain in the first quarter of the 18th century]. *Kul'tura Ispanii. Sb. statei*. M. Pp. 327-352. [in Russian]
- [Kudryavtseva, 2023](#) – *Kudryavtseva, E.P.* (2023). Russkaya trgovlya na Chernom more v pervoi treti XIX v. [Russian trade on the Black Sea in the first third of the 19th century]. *Vestnik MGIMO*. 3: 199-221. [in Russian]
- [Lebedev, 2017](#) – *Lebedev, A.A.* (2017). K voprosu o meste flota v russkom obshchestve v XVIII – 1-i polovine XIX vv. [To the question of the place of the fleet in Russian society in the 18th – 1st half of the 19th centuries]. *Prostranstvo i Vremya*. 2-4 (28-30): 128-146. [in Russian]
- [Natolochnaya et al., 2021](#) – *Natolochnaya, O.V., Allalyev, R.M., Svechnikov, V.A., Petrova, S.V.* (2021). Planning the Blockade of the Bosphorus by the Black Sea Fleet in 1916. Part 3. *Bylye Gody*. 16(3): 1560-1567.
- [Novoselova i dr., 2022](#) – *Novoselova, E.V., Chernova, N.I., Katakova, N.V.* (2022). Aksiologicheskie aspekty prepodavaniya ispanskogo yazyka v SSSR [Axiological aspects of teaching Spanish in the USSR]. *Russian Technological Journal*. 10(5): 111-120. [in Russian]
- [Petrova, 2011](#) – *Petrova, A.A.* (2011). Vzglyady ispanskikh diplomatov vtoroi poloviny XIX veka na razvitie ehkonomicheskogo sotrudnichestva s Rossiei [Views of Spanish diplomats of the second half of the 19th century on the development of economic cooperation with Russia]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 1: 61-65. [in Russian]
- [Recueil des traites de la France, 1880](#) – *Recueil des traites de la France*. T. I, P., 1880, pp. 81-88.
- [RGA VMF](#) – Rossiiskii Gosudarstvennyi Arkhiv Voennno-morskogo Flota [Russian State Archive of the Navy].
- [Rossiya i Ispaniya..., 1997](#) – *Rossiya i Ispaniya: Dokumenty i materialy. 1667–1917* [Russia and Spain: Documents and materials. 1667–1917]. T. 2. 1800–1917. Sost. S. P. Pozharskaya, A. I. Saplin. M., 1997. 344 p. [in Russian]
- [Saplin, 1987](#) – *Saplin, A.I.* (1987). Rossiiskii posol v Ispanii (1805–1809) [Russian ambassador to Spain (1805–1809)]. *Voprosy istorii*. 3: 178-184. [in Russian]
- [Schop Soler, 1984](#) – *S chop Soler, A.M.* (1984). Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia, 1733–1833. Madrid: MAE, Dirección General de Relaciones Culturales, 520 p.
- [Sorokin, 2006](#) – *Sorokin, Yu.A.* (2006). Zagovor i tsareubiistvo 11 marta 1801 goda [Conspiracy and regicide on March 11, 1801]. *Voprosy istorii*. 4: 15-29. [in Russian]
- [Tompson, 2008](#) – *Tompson, S.R.* (2008). Rossiiskaya vneshnyaya trgovlya XIX – nachala XX v.: Organizatsiya i finansirovanie [Russian foreign trade of the 19th – early 20th centuries: Organization and financing]. M.: ROSSPEHN, 417 p. [in Russian]

Ulyanitskii, 1899 – *Ulyanitskii, V.A.* (1899). Russkie konsul'stva za granitseyu v XVIII veke [Russian consulates abroad in the 18th century]. Issledovanie V.A. Ulyanitskogo: [v 2 ch.]. M.: Sostoyashchaya pri Moskovskom glavnom arkhive Ministerstva inostrannykh del komissii pechataniya gosud. gramot. i dogovorov; Tip. G. Lissnera i A. Geshelya, 1899. Ch. 1. [2], II, 678, 201, [2] s.; Ch. 2. [2], DCLXXI s. [in Russian]

Urquijo, 1988 – *Urquijo y Goitia JR.* (1988). El Carlismo y Rusia. Hispania. Revista española de historia. XLVIII/169: 599-624.

Vneshnyaya politika Rossii..., 1962 – Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka [Foreign policy of Russia in the 19th and early 20th centuries]. T. 6. M.: Politizdat, 1962. 866 p. [in Russian]

Volosyuk, 1997 – *Volosyuk, O.B.* (1997). Ispaniya i Rossiiskaya diplomatiya v XVIII veke [Spain and Russian diplomacy in the 18th century]. M.: Izd-vo Ros. Un-ta druzhby narodov, 199 p. [in Russian]

Vovchuk, 2014 – *Vovchuk, L.A.* (2014). Rosiis'ko-ispans'ki diplomatichni zV'yazki (na materialakh ispans'kikh predstavnitstv u chornomors'ko-azovs'kikh portovikh mistakh Rosiis'koï imperii kin. XVIII – pochatku XX st.) [Russian-Spanish diplomatic ties (based on materials from Spanish representatives at the Black Sea-Azov ports of the Russian Empire from the 18th century to the beginning of the 20th century)]. *Gumanitarnii visnik*. Chislo 21. Vip. 5. Chastina 1 Seriya: Istorichni nauki. Pp. 186-197. [in Ukrainian]

Vovchuk, 2014 – *Vovchuk, L.A.* (2014). Torgovye otnosheniya mezhdru Rossiei i Ispaniei v nachale XIX veka [Trade relations between Russia and Spain at the beginning of the 19th century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*. Seriya: Istoriya Rossii. 16(3): 445-461. [in Russian]

Межгосударственные сношения Российской империи и Испании в сфере торговли в начале XIX столетия

Марат Вильданович Саудаханов ^{a, *}, Татьяна Викторовна Воротилина ^b

^a МИРЭА – Российский технологический университет», Москва, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется сфера торговли Российской империи и испанской монархии в начале XIX столетия. Взгляд авторов сосредоточен на дипломатии двух стран в рамках развития коммерческой деятельности монархий и на той международной политической конъюнктуре, которая сложилась в указанный период. В работе изучается вклад ряда высших должностных лиц и частных коммерческих ассоциаций двух стран в налаживание торговых связей России и Испании в период революционных потрясений в Европе. На основе архивных данных и иных открытых источников осмысливается взаимная зависимость международных торговых сношений и глобальной политической обстановки периода наполеоновских войн. Авторы выделяют важнейшие вехи международной коммерции в Балтийском и Черном морях. Кроме того, в статье делается попытка выявить причины снижения торгового баланса между Испанией и Российской империей в указанный период. Материалы исследования демонстрируют определенные результаты, затрагивающие исследуемый период в области торговых связей двух держав, которые преимущественно опирались на общественную потребность в развитии торговых связей между Испанией и Россией в плоскости превалирования инициативы негосударственных коммерческих структур на фоне индифферентного и даже негативного отношения к налаживанию коммерческих связей со стороны публичной власти. Авторы делают акцент на высокой роли Османской империи в тенденциях противодействия испано-российской торговле через южнорусские порты, которое существенно повышало стоимость испанских товаров на российском рынке.

Ключевые слова: Российская империя, наполеоновские войны, Испания, торговые отношения, торговый баланс, континентальная блокада, средиземноморская торговля, Османская империя, англо-французские морские интересы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: smvo2@bk.ru (М.В. Саудаханов), vorotilina@mail.ru (Т.В. Воротилина)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1683-1694
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1683

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Educational Districts of the Russian Empire, Their Demographic and Scientific Potential (late XIX – early XX centuries)

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, *}

^aCherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

The article examines the demographic and scientific potential of the educational districts of the Russian Empire. The attention is paid to the composition of urban residents and gender balance among the population, the number of higher educational institutions and pedagogical periodicals published in the imperial period.

The research source is based on specialized reference literature. Thus, to analyze the demographic situation in the Russian Empire, the author used the materials of the First General population census, namely, “The population of the Empire according to the census of January 28, 1897. By counties”. To analyze the pedagogical periodicals of the imperial period, the works of N.N. Ablov, L.N. Belyaeva and other reference works were used.

In conclusion, the author states that in general, there was a gender balance between men and women on the territory of the Russian Empire (63253131 males and 63158605 females). However, when detailing by school districts, we see that in the regions of the European part of Russia the number of women slightly exceeded the number of men, and in the Caucasus and Asian regions there was a significant quantitative predominance of males over females. By the beginning of the XX century, almost all densely populated educational districts of the Russian Empire had their own higher educational institutions, the only exception here was the Orenburg Educational District. As for the pedagogical periodicals, almost half of the publications (114 titles) were published in St. Petersburg (first place), another 43 journals were published in Moscow at various times (second place), and Kiev was on the third place with 16 journals.

Keywords: Russian Empire, educational districts, demographic and scientific potential, late XIX – early XX centuries.

1. Введение

Территория Российской империи в деле народного образования была разделена на учебные округа, которые начали возникать с 1803 г., и к 1884 г. этот процесс был завершен. Всего к началу XX века в Российской империи насчитывалось 15 учебных округов, потенциал которых был разнообразным и зависел от таких факторов, как густота населения, гендерный баланс, численность горожан, наличие университетов и педагогической периодической печати. Все эти индикаторы в целом свидетельствовали об уровне демографического и научного потенциала на территории конкретного учебного округа.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования опирается на специализированную справочную литературу. Так, для анализа демографической ситуации в Российской империи были использованы материалы Первой всеобщей переписи населения, а именно «Население империи по переписи 28-го января

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.A. Cherkasov)

1897 г. По уездам» (Население..., 1898). Для анализа педагогической периодической печати имперского периода использовались труды Н.Н. Аблова, Л.Н. Беляевой и другие справочные работы.

Работа построена по проблемному принципу и имеет справочный характер. Для изучения литературы и источников применялся метод контент-анализа, что позволило нам проанализировать значительный объем разнообразной информации, относящейся к учебным округам. Из этой информации были вычленены сведения о демографии на территории учебных округов (численность населения, городской и гендерный состав), а также сведения о наличии высших учебных заведений и педагогических периодических изданий.

3. Обсуждение

Историографию темы нашего исследования можно разделить на две самостоятельные части: различные аспекты деятельности учебных округов и деятельность Министерства народного просвещения, которое регламентировало работу учебных округов в имперский период.

Так, к первой группе работ мы хотели бы отнести труд В.И. Милько о системе управления учебными округами в период 1881–1888 гг. (Милько, 2013). Также к деятельности различных учебных округов обращались такие авторы, как: Л.М. Игнатовец, который рассматривал систему управления Белорусского учебного округа (Игнатовец, 2011), А.А. Черкасов, который обращался к результатам работы Кавказского учебного округа в период Первой мировой войны (Cherkasov, 2023), Д.А. Захаратос, который рассматривал систему подготовки российских учителей на материалах Московского учебного округа (Захаратос, 2013) и, наконец, О.А. Голикова, которая обращалась к развитию школьной сети на территории Западно-Сибирского учебного округа (Голикова, 2014).

К работам, освещающим деятельность Министерства народного просвещения, мы хотели бы отнести следующие труды: И.В. Зубков «Министерство народного просвещения и подготовка введения всеобщего обучения в России» (Зубков, 2013), С.В. Телешов «Министерство народного просвещения и его ученый комитет» (Телешов, 2011), Н.Н. Зипунникова «Министерство народного просвещения Российской империи в межведомственном взаимодействии (к вопросу о функции управления образованием и наукой)». Были и другие работы, посвященные различным вопросам деятельности Министерства народного просвещения.

4. Результаты

Санкт-Петербургский учебный округ был основан в 1803 г. с центром в Санкт-Петербурге. В 1914 г. в связи с Первой мировой войной округ был переименован в Петроградский. В состав округа в начале XX века входили территории, указанные в Таблице 1.

Таблица 1. Демографический потенциал Петроградского учебного округа (данные на 1897 г.) (Население..., 1898: 5-29)

№ п/п	Название губернии (области)	Состав населения			В том числе в городах
		м.п.	ж.п.	обоего пола	
1	Петроградская	1125119	982572	2107691	1395147
2	Новгородская	672696	720237	1392933	84947
3	Псковская	551609	584931	1136540	70936
4	Олонецкая	173714	193001	366715	24412
5	Вологодская	654657	710930	1365587	57407
6	Архангельская	164714	182875	347589	30369
Итого		3342509	3374546	6717055	1663218

Демография. Петроградский учебный округ включал в себя шесть губерний, в том числе столичную (Петроградскую, которая в 1897 г. называлась Санкт-Петербургской). Это обстоятельство стало причиной высокой доли городского населения на территории округа, где каждый пятый житель был городским. Общая численность населения составляла 6,7 млн человек, которые распределялись практически в равных долях на мужчин и женщин.

Высшие учебные заведения. В 1819 г. в Санкт-Петербурге был создан Императорский Санкт-Петербургский университет, который в 1914 г. сменил название на Петроградский Императорский университет.

Периодическая печать. В Санкт-Петербурге издавалось 114 научных педагогических журналов, помимо этого, один журнал издавался в городе Вологда («Отклики народного учителя и его досуги»). Среди Санкт-Петербургских журналов, издававшихся 10 и более лет, были такие издания, как «Воспитание и обучение» (1877–1917 гг.), «Женское образование» (1876–1891 гг.), «Журнал Министерства народного просвещения» (1834–1917 гг.), «Народное образование» (1896–1917 гг.), «Образование» (1892–1909 гг.), «Педагогический листок» (1871–1885 гг.), «Педагогический сборник» (1864–1917 гг.) и другие. Старейшее педагогическое издание принадлежало городу Санкт-Петербургу

– «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения» (издавалось в период 1803–1817 гг.) (Аблов, 1937: 8-17).

Московский учебный округ был основан в 1803 г. с центром в Москве. К началу XX века в его составе были территории, отмеченные в [Таблице 2](#).

Таблица 2. Демографический потенциал Московского учебного округа (данные на 1897 г.) ([Население..., 1898: 5-29](#))

№ п/п	Название губернии (области)	Состав населения			В том числе в городах
		м.п.	ж.п.	обоего пола	
1	Московская	1224573	1208783	2433356	1099604
2	Ярославская	460233	612245	1072478	142441
3	Костромская	658248	770980	1429228	93888
4	Владимирская	733221	837512	1570733	183783
5	Калужская	548470	637256	1185726	94853
6	Нижегородская	759059	841245	1600304	140347
7	Орловская	1001984	1052765	2054749	228618
8	Рязанская	865454	962085	1827539	166122
9	Смоленская	742170	808898	1551068	118386
10	Тверская	826255	986570	1812825	149762
11	Тульская	677923	754820	1432743	166350
Итого		8497590	9473159	17970749	2584154

Демография. В составе Московского учебного округа было одиннадцать губерний, в том числе вторая столица Российской империи – Москва. Москва также повлияла на численность городского населения округа, где городскими жителями был каждый шестой человек. Общая численность населения округа составляла почти 18 млн человек, при этом наблюдался гендерный дисбаланс (8,5 млн мужчин и около 9,5 млн женщин). Важно отметить, что количество женщин было значительно больше количества мужчин во всех губерниях, кроме Московской.

Высшие учебные заведения. Наиболее известным высшим учебным заведением Московского учебного округа был Императорский Московский университет, созданный в 1755 г.

Периодическая печать. В дореволюционный период в Москве издавалось 43 журнала, помимо этого, в Ярославле издавалось 2 журнала («Родной язык в школе» и «Русский экскурсант») и в Нижнем Новгороде – 1 («Ежегодник нижегородского коммерческого училища»). Среди московских журналов 10 и более лет существовали несколько журналов: «Вестник воспитания» (издавался в 1890–1917 гг.), журнал «Для народного учителя» (1907–1917 гг.), «Естествознание и география» (1896–1917 гг.), «Известия общества преподавания графического искусства» (1907–1917 гг.), «Педагогический листок» (1894–1917 гг.), «Свободное воспитание» (1907–1917 гг.), «Филологическое образование» (1891–1907 гг.). Наибольший период издания имел ведомственный журнал «Циркуляр по Московскому учебному округу» (1862–1909 гг.). Старейшим журналом, издававшимся в Москве был журнал «Патриот», основанный в 1804 г. (Аблов, 1937: 8-17).

Казанский учебный округ был одним из шести старейших учебных округов, он был создан в 1803 г. с центром в городе Казань. В начале XX века в его составе были следующие территории (см. [Таблицу 3](#)).

Таблица 3. Демографический потенциал Казанского учебного округа (данные на 1897 г.) ([Население..., 1898: 5-29](#))

№ п/п	Название губернии (области)	Состав населения			В том числе в городах
		м.п.	ж.п.	обоего пола	
1	Вятская	1473794	1608994	3082788	90905
2	Казанская	1077503	1113555	2191058	176369
3	Самарская	1365215	1398263	2763478	160437
4	Саратовская	1188927	1230957	2419884	312604
5	Симбирская	749801	799660	1549461	106882
6	Астраханская	509258	485517	994775	132383
Итого		6364498	6636946	13001444	979580

Демография. В состав округа входило шесть губерний. Ввиду отсутствия столичного фактора городское население составляло лишь 1/13 от общего количества населения. Общая численность

населения округа составляла 13 млн человек. В округе наблюдался гендерный дисбаланс (женщин было на 300 тыс. больше, чем мужчин).

Высшие учебные заведения. Казанский учебный округ был единственным учебным округом Российской империи, в котором имелось сразу два университета. Так, в 1804 г. на территории округа в городе Казани возник Императорский Казанский университет, а в 1909 г. в Саратове был создан Императорский Николаевский университет (имел только один факультет – медицинский).

Периодическая печать. Первые педагогические периодические издания возникли на территории Казанского учебного округа в 1865 г. Всего в период до 1917 г. издавалось 10 журналов. География журналов была распределена следующим образом: 6 журналов в Казани, 2 – в Самаре, и по одному в Астрахани и Саратове. Наибольшим постоянством в своей работе отличались журналы, издаваемые государственными учреждениями (например, «Циркуляр по Казанскому учебному округу», возникший в 1865 г., «Бюллетень справочного бюро отдела народного образования Самарской губернской земской управы», издаваемый в период Первой мировой войны). Среди других интересных изданий можно назвать «Вестник образования и воспитания», «Семейное воспитание» и другие (Muzykant et al., 2022: 1342-1343).

Оренбургский учебный округ был учрежден в 1874 г. с центром в городе Оренбург. В его составе были следующие территории (см. таблицу 4).

Таблица 4. Демографический потенциал Оренбургского учебного округа (данные на 1897 г.) (Население..., 1898: 5-29)

№ п/п	Название губернии (области)	Состав населения			В том числе в городах
		м.п.	ж.п.	обоего пола	
1	Пермская	1450657	1552551	3003208	176255
2	Уфимская	1112180	1108317	2220497	105667
3	Оренбургская	802936	806452	1609388	149373
4	Уральская	334359	309642	644001	53714
5	Тургайская	237612	215511	453123	19527
Итого		3937744	3992473	7930217	505536

Демография. На территории Оренбургского учебного округа городские жители составляли лишь 1/16 часть населения. Общая численность населения составляла 7,9 млн человек. В гендерном составе существовало практически равенство (женщин было больше всего на 60 тыс. человек).

Высшие учебные заведения. Оренбургский учебный округ был исключением из правил, на его территории были и демографические ресурсы, и сеть учебных заведений. Но высшее учебное заведение в имперский период так создано и не было.

Периодическая печать. Старейшим изданием был основанный в 1875 г. и просуществовавший до 1909 г. «Циркуляр по Оренбургскому учебному округу». Еще 7 журналов округа возникли в начале XX века. Среди них выделялись «Оренбургские педагогические записки» (издавались в 1907–1910 гг.), «Записки математического кружка при Оренбургском реальном училище» (1908–1914 гг.) и «Вестник семьи и школы» (1910–1911 гг. издания) (Аблов, 1937; Беляева, 1958; Беляева, 1959).

Харьковский учебный округ создан в 1803 г. с центром в Харькове. Территория округа включала в себя различные губернии и Область Войска Донского (таблица 5).

Таблица 5. Демографический потенциал Харьковского учебного округа (данные на 1897 г.) (Население..., 1898: 5-29)

№ п/п	Название губернии (области)	Состав населения			В том числе в городах
		м.п.	ж.п.	обоего пола	
1	Воронежская	1267059	1279196	2546255	173907
2	Курская	1188089	1208488	2396577	199676
3	Пензенская	723824	767391	1491215	137560
4	Тамбовская	1330353	1385100	2715453	224697
5	Харьковская	1266919	1242892	2509811	367602
6	Область Войска Донского	1300342	1275476	2575818	265896
Итого		7076586	7158543	14235129	1369338

Демография. В составе округа было пять губерний и одна из казачьих областей (Донская). Городское население составляла 10 %, то есть 1/10 часть. Всего на территории округа проживало более 14 млн человек, из них 7 млн мужчин и 7,1 млн женщин.

Высшие учебные заведения. В 1805 г. в Харькове был создан Императорский Харьковский университет.

Периодическая печать. Начиная с 1860 г. на территории Харьковского учебного округа в разное время издавались 11 педагогических журналов. Журналы издавались почти во всех крупных городах округа, исключение составлял только Курск. Среди наиболее известных и старейших журналов были «Филологические записки» (издавались в 1860–1917 гг.), «Циркуляр по Харьковскому учебному округу» (1861–1916 гг.). Помимо этого, можно назвать журналы, уже закрытые в период Первой мировой войны («Наука и школа», «Известия по народному образованию Воронежской губернии» и «Вестник внешкольного образования») (Mamadaliyev et al., 2023: 786).

Одесский учебный округ основан в 1832 г. с центром в городе Одесса. В составе его территорий были следующие губернии (см. [Таблицу 6](#)).

Таблица 6. Демографический потенциал Одесского учебного округа (данные на 1897 г.) ([Население..., 1898: 5-29](#))

№ п/п	Название губернии (области)	Состав населения			В том числе в городах
		м.п.	ж.п.	обоего пола	
1	Бессарабская	991257	942179	1933436	302852
2	Екатеринославская	1088560	1024091	2112651	249691
3	Таврическая	760392	683174	1443566	283607
4	Херсонская	1400657	1332175	2732832	785094
Итого		4240866	3981619	8222485	1621244

Демография. Территория округа состояла из четырех губерний европейской части России со значительным количеством городского населения около 1/6 части. Численность населения составляла 8,2 млн человек со значительным превалированием мужского населения (4,2 млн мужчин и 3,9 млн женщин).

Высшие учебные заведения. В 1865 г. в Одессе был учрежден Императорский Новороссийский университет.

Периодическая печать. На территории Одесского учебного округа было 5 педагогических журналов, из них 4 издавались в Одессе Херсонской губернии («Циркуляр по управлению Одесским учебным округом» издавался в период 1864–1916 гг.; «Вестник опытной физики и элементарной математики» – киевский журнал, который издавался в Одессе с 1891 по 1915 гг.; «Школьное обозрение» издавался в 1889–1892 гг. и «Школьные экскурсии и школьный музей» издавался в Одессе в 1913, а потом переехал в Бандеры Бессарабской губернии того же Одесского учебного округа и издавался в 1913–1916 гг.). Еще один журнал издавался в Симферополе Таврической губернии – «Таврический народный учитель» (1907–1909 гг.) (Аблов, 1937: 8-17).

Киевский учебный округ был создан в 1832 г. с центром в Киеве. В состав его территорий входили следующие губернии (см. [Таблицу 7](#)).

Таблица 7. Демографический потенциал Киевского учебного округа (данные на 1897 г.) ([Население..., 1898: 5-29](#))

№ п/п	Название губернии (области)	Состав населения			В том числе в городах
		м.п.	ж.п.	обоего пола	
1	Полтавская	1387991	1406736	2794727	271459
2	Черниговская	1140105	1181795	2321900	207390
3	Киевская	1784622	1791503	3576125	449639
4	Волынская	1512441	1485461	2997902	231083
5	Подольская	1516760	1514753	3031513	220615
Итого		7341919	7380248	14722167	1380186

Демография. Территория Киевского учебного округа состояла из пяти губерний европейской части России. Городское население насчитывало примерно 1/10 часть. Общая численность населения округа составляла 14,7 млн человек, при этом гендерный состав распределялся практически в равных долях.

Высшие учебные заведения. В 1834 г. в Киеве был создан Императорский университет Святого Владимира.

Периодическая печать. На территории Киевского учебного округа в период с 1857 по 1917 гг. выходило 17 педагогических периодических изданий, географически 16 из них издавались в Киеве и лишь одно – в Полтаве (Mamadaliyev et al., 2023a: 255). Несмотря на обилие периодических изданий,

постоянством отличались только издания, имевшие государственное финансирование («Физическое обозрение», «Циркуляр по управлению Киевским учебным округом», «Церковно-приходская школа»). Издания же без финансового обеспечения («Педагогическая неделя», «Профессиональная школа»), как правило, существовали недолго (Mamadaliyev et al., 2023a: 255).

Виленский учебный округ был создан в 1803 г. с центром в городе Вильно. Всего было два этапа существования округа: первый этап – 1803–1832 гг. и второй этап – 1850–1917 гг. Округ был упразднен в 1832 г. в связи с Польским восстанием 1830–1831 гг.

Таблица 8. Демографический потенциал Виленского учебного округа (данные на 1897 г.) (Население..., 1898: 5-29)

№ п/п	Название губернии (области)	Состав населения			В том числе в городах
		м.п.	ж.п.	обоего пола	
1	Виленская	794236	797676	1591912	201447
2	Витебская	749018	753898	1502916	220170
3	Гродненская	828058	789801	1617859	255946
4	Ковенская	761342	788102	1549444	147878
5	Минская	1077657	1078466	2156123	228822
6	Могилевская	846906	861135	1708041	146752
7	Холмская (Седлецкая)	392420	382896	775316	110995
Итого		5449637	5451974	10901611	1312010

Демография. Округ состоял из 7 губерний европейской части России. Городское население округа составляла 1/9 часть от общего количества жителей. Всего в округе проживало 10,9 млн человек, а гендерный состав был распределен в равных долях между полами.

Высшие учебные заведения. В 1803 г. в Вильно был создан Императорский Виленский университет, который, впрочем, в 1832 г. был ликвидирован в связи с участием многих студентов и даже преподавателей в Польском восстании.

Периодическая печать. В дореволюционный период количество педагогических журналов, издаваемых на территории округа, составляло пять единиц, из них три были в Вильно, и по одному – в Гродно и в Могилеве на Днепре. Старейшим журналом был издаваемый в Вильно с 1862 по 1915 гг. ведомственный «Циркуляр по Виленскому учебному округу». К данному «Цирюляру» издавалось приложение «Народное образование в Виленском учебном округе» (период издания 1901–1915 гг.). Помимо этого, в Вильно в 1905–1908 гг. издавались и «Педагогические записки». В Могилеве на Днепре в 1910–1911 гг. выпускался журнал «Белорусский учительский вестник», а в Гродно – «Педагогическое дело» (издавался в 1911–1914 гг.) (Аблов, 1937: 8-17).

Варшавский учебный округ был создан в 1839 г. с центром в Варшаве. В состав его входили польские губернии (Таблица 9).

Таблица 9. Демографический потенциал Варшавского учебного округа (данные на 1897 г.) (Население..., 1898: 5-29)

№ п/п	Название губернии (области)	Состав населения			В том числе в городах
		м.п.	ж.п.	обоего пола	
1	Варшавская	983895	949794	1933689	791746
2	Калишская	418741	427978	846719	113609
3	Келецкая	375375	388371	763746	57814
4	Ломжинская	306502	279279	585781	69834
5	Люблинская	590407	569056	1159463	148196
6	Петроковская	701772	707272	1409044	509699
7	Плоцкая	278773	278104	556877	89821
8	Радомская	410739	409724	820363	94318
9	Сувалкская	305383	299562	604945	73308
Итого		4371587	4309140	8680627	1948345

Демография. Территория округа состояла из 9 губерний европейской части России. Городское население за счет Варшавской и Петроковской губернии (около 1/3) было значительное – около 1/5 части. Всего в округе проживало 8,6 млн человек, количество мужчин и женщин делилось поровну – по 4,3 млн.

Высшие учебные заведения. В 1869 г. в Варшаве был создан Императорский Варшавский университет.

Периодическая печать. Вся педагогическая периодическая печать Варшавского учебного округа (6 журналов) издавались в Варшаве. Старейшим среди этих изданий был ведомственный «Циркуляр по Варшавскому учебному округу» (1867–1913 гг.). Настоящим событием в педагогической жизни округа был журнал «Русский филологический вестник» (1879–1916 гг.), издававшийся более 30 лет. В 1900–1905 гг. издавался также журнал «Физическое обозрение», который позднее переехал в Киев. В 1911–1914 гг. в Варшаве издавался журнал «Домашнее и школьное образование». В 1912 г. предпринималась неудачная попытка издания журнала «Вопросы педагогики», а в 1913 г. – аналогичная попытка – «Эхо университета» (Аблов, 1937: 8-17).

Рижский учебный округ был основан в 1803 г. Центром округа сначала был город Дерпт, а потом Рига. В состав округа входили прибалтийские земли (Таблица 10).

Таблица 10. Демографический потенциал Рижского учебного округа (данные на 1897 г.) (Население..., 1898: 5-29)

№ п/п	Название губернии (области)	Состав населения			В том числе в городах
		м.п.	ж.п.	обоего пола	
1	Курляндская	326878	345756	672634	148134
2	Лифляндская	630602	670038	1300640	376040
3	Эстляндская	203525	210199	413724	76315
Итого		1161005	1225993	2386998	600489

Демография. В состав округа входили три губернии европейской части России. Несмотря на то что все население насчитывало только 2,3 млн человек, городским жителем был каждый четвертый, то есть ¼ от общего количества населения. При этом среди населения был значительный гендерный дисбаланс (женщин было на 60 тыс. больше, чем мужчин).

Высшие учебные заведения. В 1802 г. в Дерпте был создан Императорский Дерптский университет, который в 1893 г. был переименован в Императорский Юрьевский университет.

Периодическая печать. Ввиду ограниченности демографического потенциала округа здесь издавалось только 7 научных педагогических журналов. Однако среди них были настоящие шедевры российской педагогической периодической печати, а именно возникшие в 1830-х гг. журналы «Радуга» и «Учебный математический журнал». Среди других изданий можно назвать «Гимназия» и «Педагогический Еженедельник», которые издавались в 1890-е гг. Среди государственных изданий был «Циркуляр по Рижскому учебному округу» (Mamadaliyev et al., 2023b: 701-703).

Кавказский учебный округ был создан в 1848 г. с центром в Тифлисе. В состав округа входили северокавказские и закавказские земли (Таблица 11).

Таблица 11. Демографический потенциал Кавказского учебного округа (данные на 1897 г.) (Население..., 1898: 5-29)

№ п/п	Название губернии (области)	Состав населения			В том числе в городах
		м.п.	ж.п.	обоего пола	
1	Бакинская	437779	351880	789659	152532
2	Елисаветпольская	479433	392124	871557	84130
3	Кутаисская	567393	508468	1075861	77702
4	Тифлисская	570770	470173	1040943	207294
5	Черноморская	31760	22468	54228	15882
6	Эриванская	429689	375068	804757	82278
7	Ставропольская	446963	429335	876298	48048
8	Дагестанская	300155	286481	586636	32098
9	Карская	162723	129775	292498	20946
10	Кубанская	976900	945873	1922773	160159
11	Терская	487489	445996	933485	115179
12	Закаспийская область	206109	166084	372193	42431
Итого		5097163	4523725	9620888	1038679

Демография. В состав территории Кавказского округа входило двенадцать губерний и областей. Городские жители составляли 1/9 от общей численности жителей. Население округа насчитывало 9,6 млн человек, при этом во всех регионах количество мужчин превышало количество женщин. Всего на территории округа мужчин было на 600 тыс. больше, чем женщин.

Высшие учебные заведения. Собственных высших учебных заведений на территории Кавказского учебного округа не было.

Периодическая печать. В период с 1867 по 1916 гг. на территории Кавказского учебного округа издавалось девять педагогических периодических изданий. Четыре из них издавались в Тифлисе, три – в Екатеринодаре, по одному – в Баку и во Владикавказе. Старейшими и самыми известными были три государственных журнала: тифлиские «Циркуляр по Управлению главного инспектора учебных заведений на Кавказе и Закавказье» (создан в 1867 г.), «Циркуляр по Управлению Кавказским учебным округом» (создан в 1887 г.) и екатеринодарский журнал «Кубанская школа» (создан в 1906 г.) (Mamadaliyev et al., 2022: 1209-1211).

Западно-Сибирский учебный округ был учрежден в 1885 г. путем разделения Сибирского учебного округа на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский. Центр округа находился в Томске. В состав округа входило пять губерний (Таблица 12).

Таблица 12. Демографический потенциал Западно-Сибирского учебного округа (данные на 1897 г.) (Население..., 1898: 5-29)

№ п/п	Название губернии (области)	Состав населения			В том числе в городах
		м.п.	ж.п.	обоего пола	
1	Тобольская	711982	726502	1438484	86398
2	Томская	970780	958312	1929092	128503
3	Акмолинская	354370	324587	678957	74069
4	Семипалатинская	364839	320358	685197	55093
5	Семиреченская	531363	458744	990107	59569
Итого		2933334	2788503	5721837	403632

Демография. В состав учебного округа входило пять регионов азиатской части России. Городское население составляло лишь 1/13 часть. Численность населения была 5,7 млн человек, при этом, как и на Кавказе, здесь превалировало мужское население (мужчин было на 150 тыс. больше, чем женщин).

Высшие учебные заведения. В 1878 г. в Томске был учрежден Сибирский Императорский университет, который через 10 лет был переименован в Императорский Томский университет.

Периодическая печать. В имперский период на территории Западно-Сибирского учебного округа издавалось три педагогических журнала: два в Томске и один в Тобольске. Старейшим журналом был ведомственный «Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу» (издавался в Томске в 1886–1916 гг.). Другими журналами были тобольский журнал «Школьный отдел» (издавался в 1909–1917 гг.) и томское периодическое издание «Мариинская школа» (издавался в Томске в 1912 г., потом переехал в Петроград) (Аблов, 1937: 8-17).

Туркестанский учебный округ был учрежден в 1875 г. как Управление учебными заведениями при Туркестанском генерал-губернаторстве. Центр округа располагался в Туркестане. В состав округа входили центральноазиатские земли (Таблица 13).

Таблица 13. Демографический потенциал Туркестанского учебного округа (данные на 1897 г.) (Население..., 1898: 5-29)

№ п/п	Название губернии (области)	Состав населения			В том числе в городах
		м.п.	ж.п.	обоего пола	
1	Самаркандская	472915	384932	857847	135568
2	Сыр-Дарьинская	804134	675714	1479848	206322
3	Ферганская	853279	707132	1560411	286369
Итого		2130328	1767778	3898106	628259

Демография. В состав округа входило три региона из азиатской части Российской империи. Городским жителем являлся каждый шестой – 1/6 часть населения. Численность населения составляла почти 3,9 млн человек. Как и в других азиатских регионах, на территории Туркестанского учебного округа количество мужчин превалировало над количеством женщин (мужчин было на 350 тыс. больше, чем женщин).

Высшие учебные заведения. Ввиду слабой развитости сети начальных и средних учебных заведений высших учебных заведений здесь не было.

Периодическая печать. С учетом неразвитости сети учебных заведений в округе было недостаточно и научно-педагогической общественности для издания научных педагогических журналов.

Восточно-Сибирский учебный округ, как уже отмечалось, был учрежден в 1885 г. путем разделения Симбирского учебного округа. Центр округа был в городе Иркутск. В состав территории входили две губернии и одна область (Таблица 14).

Таблица 14. Демографический потенциал Восточно-Сибирского учебного округа (данные на 1897 г.) (Население..., 1898: 5-29)

№ п/п	Название губернии (области)	Состав населения			В том числе в городах
		м.п.	ж.п.	обоего пола	
1	Иркутская	267520	238997	506517	60396
2	Енисейская	291555	268347	559902	59005
3	Якутская область	136061	125670	261731	9019
Итого		695136	633014	1328150	128420

Демография. В состав округа входили три региона азиатской части России. Городское население составляло 1/10 часть от общего состава жителей. Численность населения в 1897 г. было невысокой – всего 1,3 млн человек. При этом количество мужчин превышало количество женщин на 60 тыс. человек.

Высшие учебные заведения. Ввиду малочисленности демографического потенциала на территории Восточно-Сибирского учебного округа высших учебных заведений не было.

Периодическая печать. На территории округа была два научных журнала: один – в Иркутске (Иркутской губернии), а другой – в Красноярске Енисейской губернии. Среди них старейшим был «Циркуляр по Восточно-Сибирскому учебному округу» (издавался в Иркутске в 1881–1909 гг.). Другим изданием был красноярский журнал «Сибирская школа», который выпускался в 1916–1917 гг. (Аблов, 1937: 8-17).

Приамурский учебный округ был создан в 1884 г. с центром в Хабаровске. В состав округа входили пять слабозаселенных губерний (Таблица 15).

Таблица 15. Демографический потенциал Приамурского учебного округа (данные на 1897 г.) (Главное управление по гражданским учебным заведениям) (Население..., 1898: 5-29)

№ п/п	Название губернии (области)	Состав населения			В том числе в городах
		м.п.	ж.п.	обоего пола	
1	Амурская	66595	51975	118570	31515
2	Забайкальская	338722	325349	664071	36823
3	Камчатская	-	-	-	-
4	Приморская	150826	69731	220557	50523
5	Сахалинская	20518	7648	28166	-
Итого		576661	454703	1031364	118861

Демография. Территория Приамурского учебного округа состояла из пяти регионов азиатской части России. Городские жители составляли 1/9 часть населения. Население округа составляло чуть более 1 млн человек. В составе населения наблюдался значительный гендерный дисбаланс (мужчин было на 120 тыс. больше, чем женщин), при этом самая катастрофичная ситуация была на острове Сахалин, где на 20 тыс. мужчин приходилось только 7 тыс. женщин.

Высшие учебные заведения. Ввиду удаленности от научных центров, слабой развитости сети средних и начальных школ и малочисленности населения высших учебных заведений здесь не было.

Периодическая печать. Уникальным явлением был Приамурский учебный округ, который в административном центре, Хабаровске, собственных педагогических изданий не имел. Тем не менее, на территории округа было два педагогических издания, и оба находились в городе Чита Забайкальской губернии. Оба издания возникли уже в период Первой мировой войны: первым был журнал «Воскресная школа» (издавался в 1915 г.), а вторым – издание «Народный дом» (издавался в 1916 г.) (Аблов, 1937: 8-17).

Также необходимо отметить, что, помимо указанных университетов, на территории Финляндии в городе Гельсингфорсе был создан Императорский Александровский университет, но территория Финляндии к составу учебных округов не относилась.

5. Заключение

В целом по территории Российской империи наблюдался гендерный баланс между мужчинами и женщинами (63253131 лиц мужского пола и 63158605 лиц женского пола). Однако при детализации по учебным округам мы видим, что в регионах европейской части России количество женщин несколько превышало количество мужчин, а на Кавказе и в азиатских регионах наблюдалось значительное количественное преобладание лиц мужского пола над лицами женского пола. К началу XX века практически во всех густонаселенных учебных округах Российской империи имелись собственные высшие учебные заведения, исключением здесь был только Оренбургский учебный округ. Что касается педагогической периодической печати, то почти половина изданий (114 наименований) издавалась в Санкт-Петербурге (первое место), еще 43 журнала в разное время издавались в Москве (второе место), а на третьем месте был Киев с 16-ю журналами.

Литература

- Аблов, 1937 – Аблов Н.Н. Педагогическая периодическая печать (1803–1916) / Под ред. Е.Н. Медынского. М., 1937.
- Беляева, 1958 – Беляева Л.Н. Библиография периодических изданий России. 1901-1916 гг. В 4 т. Т. 1. М., 1958.
- Беляева, 1959 – Беляева Л.Н. Библиография периодических изданий России. 1901-1916 гг. В 4 т. Т. 2. М., 1959.
- Голикова, 2014 – Голикова О.А. Развитие школьной сети Западно-Сибирского учебного округа в последней четверти XIX в. // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 3-2 (59). С. 153-156.
- Захаратос, 2013 – Захаратос Д.А. Российское учительство в конце XVIII – первой трети XIX века: система подготовки и социальный статус (по материалам Московского учебного округа) // *Научные исследования и разработки*. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2013. №2 (4). С. 3-9.
- Зипунникова, 2012 – Зипунникова Н.Н. Министерство народного просвещения Российской империи в межведомственном взаимодействии (к вопросу о функции управления образованием и наукой) // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2012. № 5. С. 57-69.
- Зубков, 2013 – Зубков И.В. Министерство народного просвещения и подготовка введения всеобщего обучения в России // *Российская история*. 2013. № 2. С. 62-86.
- Игнатовец, 2011 – Игнатовец Л.М. Белорусский учебный округ: система управления // *Учетные записки УО ВГУ им. П.М. Машерова*. 2011. № 12. С. 12-20.
- Милько, 2013 – Милько В.И. Система управления учебными округами Российской империи (1881-1888 гг.) / *Научный сборник исторического факультета Запорожского национального университета*. 2013. № 36. С. 65-70.
- Население..., 1898 – Население империи по переписи 28-го января 1897 г. По уездам. Санкт-Петербург, 1898.
- Телешов, 2011 – Телешов С.В. Министерство народного просвещения и его ученый комитет // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2011. № 139. С. 97-105.
- Cherkasov, 2023 – Cherkasov A.A. Caucasian Educational District in the last years of the Imperial Period (1914–1917): Some Results of the Pre-Revolutionary Education System // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 465-474.
- Mamadaliev et al., 2022 – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916 // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1207-1213.
- Mamadaliev et al., 2023 – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 781-788.
- Mamadaliev et al., 2023a – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 251-257.
- Mamadaliev et al., 2023b – Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu. The Pedagogical Periodical Press in the Riga Educational District (1832–1915) // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(2): 699-704.
- Muzykant et al., 2022 – Muzykant V.L., Burdovskaya E.Yu., Yurova Yu.V., Zyukina Z.S. The Pedagogical Periodical Press in the Kazan Educational District, the Russian Empire (1865–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1339-1344.

References

- [Ablov, 1937](#) – *Ablov, N.N.* (1937). Pedagogicheskaya periodicheskaya pechat' (1803–1916) [Pedagogical periodicals (1803–1916)]. Pod red. E.N. Medynskogo. M. [in Russian]
- [Belyaeva, 1958](#) – *Belyaeva, L.N.* (1958). Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii. 1901-1916 gg. [Bibliography of Russian periodicals. 1901-1916]. V 4 t. T. 1. M. [in Russian]
- [Belyaeva, 1959](#) – *Belyaeva, L.N.* (1959). Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii. 1901-1916 gg. [Bibliography of Russian periodicals. 1901-1916]. V 4 t. T. 2. M. [in Russian]
- [Cherkasov, 2023](#) – *Cherkasov, A.A.* (2023). Caucasian Educational District in the last years of the Imperial Period (1914–1917): Some Results of the Pre-Revolutionary Education System. *Bylye Gody*. 18(1): 465-474.
- [Golikova, 2014](#) – *Golikova, O.A.* (2014). Razvitie shkol'noi seti Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga v poslednei chetverti XIX v. [Development of the school network of the West Siberian educational district in the last quarter of the 19th century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3-2 (59): 153-156. [in Russian]
- [Ignatovets, 2011](#) – *Ignatovets, L.M.* (2011). Belorusskii uchebnyi okrug: sistema upravleniya [Belarusian educational district: management system]. *Uchetnye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova*. 12: 12-20. [in Russian]
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – *Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu.* (2022). To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916. *Bylye Gody*. 17(3): 1207-1213.
- [Mamadaliev et al., 2023](#) – *Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu.* (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917. *Bylye Gody*. 18(2): 781-788.
- [Mamadaliev et al., 2023a](#) – *Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu.* (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917. *Bylye Gody*. 18(1): 251-257.
- [Mamadaliev et al., 2023b](#) – *Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu.* (2023). The Pedagogical Periodical Press in the Riga Educational District (1832–1915). *European Journal of Contemporary Education*. 12(2): 699-704.
- [Mil'ko, 2013](#) – *Mil'ko, V.I.* (2013). Sistema upravleniya uchebnymi okrugami Rossiiskoi imperii (1881-1888 gg.) [Management system of educational districts of the Russian Empire (1881-1888)]. *Nauchnyi sbornik istoricheskogo fakul'teta Zaporozhskogo natsional'nogo universiteta*. 36: 65-70. [in Russian]
- [Muzykant et al., 2022](#) – *Muzykant, V.L., Burdovskaya, E.Yu., Yurova, Yu.V., Zyukina, Z.S.* (2022). The Pedagogical Periodical Press in the Kazan Educational District, the Russian Empire (1865–1917). *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1339-1344.
- [Naselenie..., 1898](#) – *Naselenie imperii po perepisi 28-go yanvarya 1897 g. Po uezdnam* [Population of the empire according to the census of January 28, 1897. By county]. Sankt-Peterburg, 1898. [in Russian]
- [Teleshov, 2011](#) – *Teleshov, S.V.* (2011). Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya i ego uchenyi komitet [Ministry of Public Education and its Scientific Committee]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 139: 97-105. [in Russian]
- [Zakharatos, 2013](#) – *Zakharatos, D.A.* (2013). Rossiiskoe uchitel'stvo v kontse XVIII – pervoi treti XIX veka: sistema podgotovki i sotsial'nyi status (po materialam Moskovskogo uchebnogo okruga) [Russian teaching at the end of the 18th – first third of the 19th century: training system and social status (based on materials from the Moscow educational district)]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya i tekhnologii*. 2(4): 3-9. [in Russian]
- [Zipunnikova, 2012](#) – *Zipunnikova, N.N.* (2012). Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya Rossiiskoi imperii v mezhvedomstvennom vzaimodeistvii (k voprosu o funktsii upravleniya obrazovaniem i naukoj) [Ministry of Public Education of the Russian Empire in interdepartmental interaction (on the issue of the function of education and science management)]. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs*. 5: 57-69. [in Russian]
- [Zubkov, 2013](#) – *Zubkov, I.V.* (2013). Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya i podgotovka vvedeniya vseobshchego obucheniya v Rossii [Ministry of Public Education and preparation for the introduction of universal education in Russia]. *Rossiiskaya istoriya*. 2: 62-86. [in Russian]

Учебные округа Российской империи, их демографический и научный потенциал (конец XIX – начало XX вв.)Александр Арвелодович Черкасов ^{a,*}^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.cherkasov@cherkasgu.net (А.А. Черкасов)

Аннотация. В работе рассматривается демографический и научный потенциал учебных округов Российской империи. Уделено внимание составу городских жителей и гендерному балансу среди населения, числу высших учебных заведений и издаваемой в имперский период педагогической периодике.

Источниковая база исследования опирается на специализированную справочную литературу. Так, для анализа демографической ситуации в Российской империи автором были использованы материалы Первой всеобщей переписи населения, а именно «Население империи по переписи 28-го января 1897 г. По уездам». Для анализа педагогической периодической печати имперского периода использовались труды Н.Н. Аблова, Л.Н. Беляевой и другие справочные работы.

В заключении автор отмечает, что в целом по территории Российской империи наблюдался гендерный баланс между мужчинами и женщинами (63253131 лиц мужского пола и 63158605 лиц женского пола). Однако при детализации по учебным округам мы видим, что в регионах европейской части России количество женщин несколько превышало количество мужчин, а на Кавказе и в азиатских регионах наблюдалось значительное количественное превалирование лиц мужского пола над лицами женского пола. К началу XX века практически во всех густонаселенных учебных округах Российской империи имелись собственные высшие учебные заведения, исключением здесь был только Оренбургский учебный округ. Что касается педагогической периодической печати, то почти половина изданий (114 наименований) издавалась в Санкт-Петербурге (первое место), еще 43 журнала в разное время издавались в Москве (второе место), а на третьем месте был Киев с 16-ю журналами.

Ключевые слова: Российская империя, учебные округа, демографический и научный потенциал, конец XIX – начало XX вв.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1695-1705
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1695

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

State-Owned Factories Rented from the Treasury: Zlatoust Mining District During the Period of “Commercial Law” 1811–1829

Georgy N. Shumkin ^{a,*}, Andrey L. Ustinov ^a

^a Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS, Russian Federation

Abstract

The article examines the development of the Zlatoust Mining District in 1811–1829, which, in comparison with the Zlatoust Arms Factory, is given significantly less attention in historiography. During this period, the Zlatoust district was in a specific status, on the so-called “commercial law”. In 1811, having terminated the lease agreement with A. Knauf, the state left the Zlatoust factories with the obligation to pay to the treasury all previous duties, i.e. taxes paid by private factories, as well as rent. The reviewed material showed that the government's attempt to turn factories into a source of profit did not bring results. Relations between the mining district and the treasury became more and more complicated, the arrears of the district were constantly growing, and it was not possible to recover it from the state district. At the same time, the Zlatoust district was successfully integrated into the state economy system during these years, it became the resource base of the Zlatoust Arms Factory, its factories began to fulfill military orders, and gold mining was resumed. With the introduction in 1829 the new States, which were based on the principle of minimizing production costs and strict regulation of all work, the period of “commercial law” has ended.

Keywords: mining district, state-owned plant, profit, specialization, Zlatoust, weapons factory, commercial law, military industry, metallurgy, gold mining.

1. Введение

Горнозаводская промышленность России в начале XIX в. стала объектом реформирования. Основное внимание реформаторов было сфокусировано на проблемах государственного хозяйства, состояние которого, особенно на фоне обострения международных отношений, на рубеже XVIII – XIX вв. было признано неудовлетворительным. В первые полтора десятилетия XIX в. военное производство на казенных заводах было серьезно модернизировано. На базе Ижевского железодельного завода был создан оружейный завод, переданный в 1809 г. в ведение Военного министерства. Производство артиллерийских орудий было возобновлено на Каменском и начато на Верхнетуринском и Златоустовском заводах (в 1819 г. оно было прекращено из-за невысокого качества продукции). В 1815 г. при Златоустовском заводе начала действовать Златоустовская оружейная фабрика, ставшая единственным в России специализированным предприятием по производству холодного оружия. Военная специализация казенных горных заводов была закреплена за ними на законодательном уровне. Этот «военный» аспект в истории казенных горных заводов достаточно обстоятельно изучен и описан в литературе. Однако результативность выполнения другой задачи, поставленной законодателем перед казенными горными заводами, – приносить прибыль на вложенный капитал не меньше процента по банковскому вкладу на аналогичную сумму, практически не затрагивалась исследователями. При этом рассмотрение развития казенных заводов в данном аспекте представляет интерес не только в рамках изучения истории горнозаводской промышленности, но и в контексте исследования более масштабных проблем, например,

* Corresponding author

E-mail addresses: shumk@mail.ru (G.N. Shumkin), andrey.ustinoff2011@yandex.ru (A.L. Ustinov)

экономической эффективности государственного хозяйства. Наиболее последовательно идея превратить казенные заводы в источник доходов казны была реализована в Златоустовском горном округе в 1811–1829 гг. В данной работе предпринимается попытка рассмотреть Златоустовский округ в период «коммерческого права» – с 1811 по 1829 гг., т. е. со времени перехода Златоустовских заводов в казну и до издания «Штатов», когда они были подведены «под единообразное положение» с другими казенными заводами (ПСЗ-2. Т. 4. № 2889: 361).

2. Материалы и методы

Основным источником для этого исследования послужила делопроизводственная документация Главной конторы Златоустовских заводов, отложившаяся в фондах Архива Златоустовского городского округа (Златоуст, Российская Федерация). Кроме того, в работе использовались статистические материалы из фонда Уральского горного правления государственного архива Свердловской области (Екатеринбург, Российская Федерация), материалы о разработке новых «Штатов» из фонда Горного департамента Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), законодательные акты, которыми был закреплён, а потом отменён особый статус Златоустовского горного округа (ПСЗ-1; ПСЗ-2), а также описания производств, публиковавшиеся на страницах периодических изданий (Свиньин, 1825; Теплов, 1830).

Исследование выполнено в русле традиционной позитивистской методологии с использованием историко-генетического и историко-сравнительного методов. С помощью историко-сравнительного метода выявлена специфика в правовом статусе заводов Златоустовского округа в государственном хозяйстве в 1811–1829 гг. Применение историко-генетического метода позволило проследить процесс формирования группы предприятий, образовавших в 1815 г. Златоустовский округ; проанализировать эффективность реализации принципов «коммерческого права», которыми с 1811 г. должна была руководствоваться бюрократия в управлении заводами, а также причины упразднения особого статуса Златоустовского округа и перевод его на общие с прочими казенными горными округами принципы организации и управления в 1829 г.

3. Обсуждение

История Златоустовских заводов начала XIX в. не обделена вниманием исследователей. Однако их интерес в основном сосредоточен на нескольких сюжетах: создание и развитие Златоустовской оружейной фабрики (Бурмакин, 1912; Боков, 1913, Куликовских, 2001; Куликовских, 2009; Окунцов, 2011; Окунцов, 2018), приглашение на работу иностранных мастеров (Бакшаев и др., 2017; Ермакова, 2012; Куликовских, 2010; Ляпин, 2001; Ляпин, 2009; Бакшаев и др., 2017; Ермакова, 2012; Куликовских, 2010; Ляпин, 2001; Ляпин, 2009), а также деятельность арендатора А.А. Кнауфа (Keller, 2013; Keller, 2014; Келлер, 2020; Неклюдов, 2004). При этом сам округ после его перехода в казенное управление оказался «в тени» у Златоустовской оружейной фабрики. Это легко объяснимо: в отличие от самих заводов, фабрика была уникальным узкоспециализированным всемирно известным предприятием. Показательно, что очерк П.П. Свиньина, одна из первых работ, в которых описывается деятельность фабрики, называется «Златоустовский завод», хотя сам завод там практически не упоминается (Свиньин, 1825). В литературе, как в научно-справочной (Металлургические заводы..., 1937: 337-341; Металлургические заводы..., 2001: 211-212), так и в краеведческой (Город славных..., 1955: 7-8; Златоуст – город..., 2004: 105-106) история Златоуста начала XIX в., как правило, излагается по такой схеме: до 1815 г. описывается Златоустовский завод, а с этого года – Оружейная фабрика. Исключением стала книга К. Петрова и В. Швецова, но и в ней о «коммерческом праве» ничего не говорится, а, наоборот, утверждается, что «Златоустовские заводы разделяли общую судьбу уральских казенных заводов. Они должны были служить образцом для частных предприятий в техническом отношении. Коммерческие расчеты отходили на дальний план» (Петров, Швецов, 1926: 33). О периоде «коммерческого права» в истории Златоустовских заводов писал один из авторов данной статьи (Шумкин, 2012), однако основное внимание там было уделено характеристике производственных мощностей предприятий округа в данный период.

4. Результаты

Группа заводов, которые в 1811-1815 гг. образовали Златоустовский горный округ, возникла во второй половине XVIII в. По указу Берг-коллегии от 31 августа 1754 г. у горы Косотур на реке Ай семья тульских купцов Мосоловых начала возводить Златоустовский завод. Из-за имущественной тяжбы, возникшей между родственниками, его строительство затянулось. После раздела компании в 1760 г. предприятие досталось Максиму Перфильевичу Мосолову. В 1761 г. Златоустовский завод, оборудованный одной домной и двумя молотами, начал действовать. К 1764 г. на нем также была организована выплавка меди в двух печах, но основной его функцией стало снабжение чугуном Шурминского и Буйского заводов, построенных в Вятском крае. В 1768 г., после смерти М.П. Мосолова, завод был продан Л.И. Лугинину за 85 тыс. руб. (Павленко, 1962: 137-140).

В следующем году Лугинин купил у А.С. Строганова Саткинский завод. Строительство Троице-Саткинского завода на реке Сатке (притоке р. Ай) А.С. Строганов начал по разрешению Берг-коллегии

от 14 ноября 1756 г. Он торопился пустить свое предприятие, так как Мосоловы, строившие в 50 верстах Златоустовский завод, затевали тяжбу из-за рудников. В 1758 г. Саткинский завод, оснащенный двумя домнами и 12 молотами, начал работать. Он должен был стать частью горнозаводского хозяйства Строганова, включавшего Билимбаевский, Добрянский и Очерский заводы. Однако, чтобы ускорить строительство, Строганову пришлось влезть в долги. Не сумев договориться с кредиторами, он в 1769 г. продал завод Лугинину за 185 тыс. руб. (Павленко, 1962: 395-396).

Так Саткинский и Златоустовский заводы стали собственностью тульского купца Лариона Ивановича Лугинина. Вместе с ними Лугинин приобрел 2 631 душу м.п. крепостных. В 1773 г. сюда же он перевел еще 414 душ м.п. крепостных, купленных у П. Демидова (Павленко, 1962: 261-262). В 1770 г. и 1773 г. он объявил о планах построить заводы на реках Куса и Миасс. Однако восстание Е. Пугачева отодвинуло их реализацию, и в 1774 г. Саткинский и Златоустовский заводы были разрушены. После их восстановления Лугинин смог приступить к реализации своих планов. В 1777 г. он построил Миасский медеплавильный завод. В 1785 г. эти предприятия перешли по наследству к несовершеннолетним внукам Л.И. Лугинина – Ивану, Лариону и Николаю, над которыми была установлена опека. В период опеки были построены еще два завода: в 1787 г. Артинский железодельный и в 1789 г. Кусинский чугуноплавильный и железодельный. В 1797 г. в результате раздела имущества заводы достались Ивану. Не имея склонности к предпринимательству и будучи обремененным долгами, он поспешил избавиться от них, заключив 26 ноября того же года договор о продаже с московским купцом А.А. Кнауфом (Бочкарева, 2020: 94-95; АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1, Д. 601, Л. 1340б.). Но 20 января 1798 г. Павел I подписал указ о приобретении Златоустовских заводов в казну. В 1799 г. они стали собственностью Государственного ассигнационного банка. Государство интересовало только Миасский завод, а именно его мощности по выплавке меди, которая должна была пойти на чеканку монеты, и месторождения золота, открытые на землях завода в 1897 г. Прочие заводы государству не только были не нужны, но и находились в крайне расстроеном состоянии. В 1800 г. их сдали в «вечную» аренду А.А. Кнауфу за 110 тыс. руб. в год (Бочкарева, 2015: 110-114; ПСЗ-1. Т. 26. № 19583).

С помощью иностранного капитала и иностранных специалистов А.А. Кнауф провел модернизацию заводов. На Артинском заводе организовал производство стали – сырцовый (уклада), косной, инструментальной и шпажной. Он создал первую в России фабрику по производству косяков. На Златоустовском заводе была возведена дополнительная плотина (Нижне-Златоустовский завод). При ней были построены две фабрики для производства якорей и шинного железа. На самом Златоустовском заводе была возобновлена выплавка меди, а также организована «немецкая фабрикация» – производство гвоздей, подков, рессор, и т. п. К 1811 г. на Златоусте числилось 102 иностранца, в том числе 29 (Куликовских, 2006: 34) (по другим данным – 42 (Ляпин, 2009: 262) мастеров.

Накануне войны с Наполеоном государство решило привлечь частные заводы к производству вооружения. В отличие от других заводчиков, ограничившихся производством снарядов, Кнауф взялся за отливку артиллерийских орудий и за организацию производства холодного оружия (инициатива создать в Златоусте оружейное предприятие, по-видимому, исходила от оружейников Золингена (Окунцов, 2011. С. 12; Свиньин, 1825: 13). Открывавшиеся перспективы развития военного производства, по-видимому, заставили государство вспомнить о том, что именно оно является собственником заводов, а Кнауф терпит «убытки в прибылях» (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 601. Л. 135) и неисправен в платежах (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 6. Л. 17). 13 октября 1811 г. Александр I одобрил идею создания оружейной фабрики, а 15 ноября 1811 г. Златоустовский, Саткинский, Кусинский и Артинский заводы перешли в казенное управление (Окунцов, 2011: 14; АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 6. Л. 17).

В 1811 г. был разработан проект Оружейной фабрики, она должна была стать первым в России специализированным предприятием по выпуску холодного оружия (прежде его производили Тульский, Сестрорецкий и Ижевский оружейные заводы). Тогда же начались переговоры с немецкими оружейниками о переезде на Урал, в 1813–1814 гг. были заключены контракты со 115 мастерами Золингена и Клинендала. Они должны были обучить русских рабочих так, «чтобы искусство славнейшей в Европе оружейной [Золингенской] фабрики... в Россию водворенное, осталось бы в оной навсегда» (ПСЗ-1. Т. 36. № 27824). В Златоусте для немцев были построены две улицы со стандартными домами, открыты немецкая школа, госпиталь, лютеранская кирха и католический костел. Организация фабрики и приглашение иностранных мастеров обошлись казне в 2,1 млн. руб. В конце 1815 г. Оружейная фабрика была пущена, а в 1816 г. выдала первую продукцию. Директором фабрики был назначен А.-Г. Эверсман (ПСЗ-1. Т. 36. № 27824; Алексеев, Гаврилов, 2008: 365; Бурмакин, 1912: 241-242; Металлургические заводы..., 2000: 211).

В 1815 г. к Златоустовским заводам был присоединен Миасский медеплавильный завод, находившийся в тяжелейшем положении. Когда Златоустовские заводы перешли в аренду Кнауфу, Миасский завод был подчинен Екатеринбургскому горному начальству. Первые годы выплавка меди на нем «продолжалась с нарочитою выгодой», но с 1810 г. ее выпуск сократился втрое, завод стал убыточен. Что касается добычи золота, то из-за «малозначительности месторождений» в 1811 г. золотопромывательная фабрика была остановлена (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 601. Л. 990б.).

3 июля 1815 г. было утверждено «Положение об управлении Златоустовскими заводами и оружейною при них устрояемою фабрикою» (ПСЗ-1. Т. 33. № 25895). По «Положению» пять заводов (три доменных и железодельных – Златоустовский, Саткинский, Кусинский; железо- и сталелитейный Артинский и медеплавильный Миасский) были объединены «в одну округу», т. е. был образован Златоустовский горный округ. Для него создавалась весьма специфическая административно-хозяйственная система.

Во-первых, в отличие от других казенных горных предприятий Урала, Златоустовский округ и Златоустовская оружейная фабрика подчинялись не Пермскому горному правлению, а напрямую Департаменту горных и соляных дел. При этом горный начальник Златоустовского горного округа становился помощником директора Златоустовской оружейной фабрики, и в круг его обязанностей входило снабжение фабрики сырьем и топливом, а также обеспечение полицейского контроля на фабрике (т. е. Оружейная фабрика не входила в Златоустовский округ; округ для нее был ресурсной базой, обеспечивающей ее функционирование).

Во-вторых, финансирование Оружейной фабрики, также, как и большинства других казенных предприятий, шло из государственного бюджета. Златоустовский округ должен был содержать себя своим капиталом «без всякого нового со стороны казны пособия» (в 1815 г. этот капитал оценивался в 1,7 млн руб. (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 9. Л. 73)).

В-третьих, в отличие от других казенных предприятий (включая Оружейную фабрику), работавших в основном по государственным заказам, Златоустовский округ должен был изготавливать продукцию преимущественно для рынка и реализовывать ее «на коммерческом основании». Исключение было сделано для меди, которую следовало как продавать на рынке, так и поставлять на Екатеринбургский монетный двор. А золото и серебро, если месторождения таковых вновь отыщутся, следовало поставлять на Монетный двор в С.-Петербурге. Военные наряды Златоустовским заводам должны были даваться в виде исключения «тогда токмо, когда таковые наряды по невозможности выполнить оные на других казенных заводах необходимость потребует возложить на сии заводы».

В-четвертых, калькуляция цен в Златоустовском округе должна была осуществляться по особым правилам. Если на большинстве казенных горных заводов цена продукции складывалась из стоимости рабочей силы и расходов на сырье и топливо, то здесь в цену должны были включать еще и оплату административно-технического персонала, стоимость оборудования и его ремонт, а также все повинности. Точно так же по коммерческим расценкам Златоустовский округ должен был снабжать Златоустовскую оружейную фабрику сырьем и топливом.

В-пятых, Златоустовский горный округ должен был платить повинности, которые включали: 1) «все подати с металлов и печей, какие платят частные заводы»; 2) подушные, оброчные, рекрутские деньги за мастеровых и рабочих людей; 3) 110 тыс. руб. «за право владения» заводами – ту арендную плату, которую платил А. Кнауф (т. е. возникла интересная правовая коллизия – государственные заводы, управляемые государственными служащими, платят государству арендную плату); 4) по 6 % с 435 тыс. руб. за ссуды, выданные из Государственного казначейства (в 1812 г. Златоустовским заводам было «заимобразно» ассигновано 335 тыс. руб., однако в том году торги металлом на Макарьевской ярмарке прошли неудачно (война!), и государству пришлось выдать заводам новый кредит на 100 тыс. руб. (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 6. Л. 51)). Если бы у заводов после всех этих выплат оставалась прибыль, то ее должны были поровну разделить государство и коллектив заводов (треть от этой половины доставалась горному начальнику, треть – администрации, треть – мастеровым).

Создание столь специфической структуры, в которой Оружейная фабрика действует на тех же принципах, что и большинство государственных предприятий, а заводы Златоустовского округа находятся на «коммерческом праве», по-видимому, отражало непонимание чиновников, чем златоустовские заводы будут заниматься в рамках государственного хозяйства. Поэтому их решили оставить их «на том основании, на каком они были в содержании Кнауфа» (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 6. Л. 34), добавив им дополнительную функцию – обеспечение нормальной работы Оружейной фабрики.

Такая усложненная структура не могла быть устойчива. Через два года фактически было упразднено подчинение горного начальника округа директору фабрики. В 1817 г. первый директор Оружейной фабрики А.-Г. Эверсман был уволен, а на его место был назначен горный начальник округа А.Ф. Фурман. С этого времени обе должности совмещались. При этом фабрика продолжала функционировать как самостоятельное предприятие, отделенное от округа. Естественно, что снабжение Златоустовскими заводами Оружейной фабрики топливом и сырьем по коммерческим ценам превратилось в формальность – горный начальник старался соблюсти баланс интересов обоих подведомственных ему хозяйств.

Изначально Златоустовский округ в соответствии с «Положением» работал в основном на рынок. Основная часть продукции (на 90 % железо, остальное – косы-литовки, сталь и различные изделия) вывозилась на Макарьевскую, Ирбитскую и Троицкую ярмарки, где оптом сбывалась купцам преимущественно под векселя. Остальная продукция (в основном готовые изделия: чугунная посуда, инструмент (топоры, клещи, гвозди), столовые ножи и т. д.) реализовывалось в розницу или

мелким оптом на самих заводах и через лавки в Москве и С.-Петербурге (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 25. Л. 5; Д. 45. Л. 32-63; Д. 96. Л. 4-52об.).

Однако заказы государства Златоустовские заводы стали выполнять еще до того, как они перешли под управление чинов горного ведомства. В 1811-1813 гг. в Златоусте отливали чугунные пушки для крепостной артиллерии. Всего было изготовлено, по разным данным, 278 или 360 пушек (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 8. Л. 28 об.-29, 30-31об., 32-33об., 43-45; Д. 26. Л. 5-8). Все они были забракованы. Впрочем, качество орудий, изготовленных другими уральскими заводами, также оставляло желать лучшего, потому что там производство орудий тоже в скором времени было остановлено. В 1812 г. Златоустовские заводы получили наряд на 39 тыс. железных поддонов на 4,8 тыс. руб. (поддон – железный круг, служивший дном жестяного картечного цилиндра (Теплов, 1830)). С 1814 г. им стали передавать наряды на железо и боеприпасы, которые не успевали изготовить другие казенные заводы. В 1814 г. они должны были произвести 50 тыс. пудов полосового железа за Гороблагодатский округ и 21,5 тыс. пудов за Воткинский завод; а за Екатеринбургский округ – картечную дробь (230 тыс. штук), также им была заказана ящичная оковка на 200 снарядных ящичков (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 8. Л. 43-45). Стоимость продукции, изготовленной для армии и адмиралтейств, росла: в 1812 г. по казенным нарядам было изготовлено продукции на 43,9 тыс. руб., в 1813 – на 64,8, в 1814 – на 107,2, в 1815 – на 247,8, в 1816 – на 321,8, в 1817 г. на 416,4 тыс. руб. (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 26. Л. 83 об.-84). При этом количество произведенного заводами металла в 1814-1828 гг. держалось на одном и том же уровне – от 214 до 370 тыс. пудов чугуна и от 160 до 240 тыс. пудов железа (ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 277. Л. 443об.-445об.). Основной продукцией, поставлявшейся военному и морскому ведомствам, стали железо и железные изделия: картечные поддоны, оковка лафетов и снарядных ящичков. К производству железа, поддонов и железных сабельных ножен был привлечен даже Миасский медеплавильный завод (АЗГО. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 263. Л. 1, 22). Всего в 1816–1821 гг. в Златоустовском округе было произведено 1 170 тыс. пудов железа; военным департаментам было отправлено железа, оковки и поддонов общим весом в 512,9 тыс. пудов, т. е. более 43 % изготовленного железа (ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 277. Л. 443 об.-445 об.; АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 45. Л. 107-117). Если принять во внимание, что часть металла терялась при термической обработке в виде угара, а также то, что заводы снабжали металлом Оружейную фабрику, то надо признать, что государственные заказы поглощали до половины железа, изготовленного заводами Златоустовского округа.

В 1822 г. Саткинский и Кусинский заводы приступили к производству чугунных снарядов. Саткинский завод изготовлял брандскугли (зажигательные снаряды) для 1/4-пуд и 1/2-пуд единорогов, ядра для 12-фн пушек, а также картечную дробь, Кусинский завод – 6-фн ядра, 1/2-пуд и 1/4-пуд гранаты для единорогов. Организация нового производства была сопряжена с решением ряда проблем. Брак на Саткинском заводе в 1822 г. достигал 85-100%, в 1823 г. он сократился до 40-80 %, но оставался запредельно высоким. Причину этой проблемы горные чиновники видели в чрезмерных требованиях приемщиков и настаивали на том, чтобы те соблюдали предписание Артиллерийского департамента от 13 октября 1821 г., которым запрещалось браковать годные снаряды. Со своей стороны, приемщики обнаружили, что на приемку нередко предъявлялись снаряды, которые прежде ими уже были забракованы. В связи с этим Артиллерийский департамент предписал возвращать брак на завод в опечатанных ящиках. Еще одной проблемой стала очистка (механическая отделка) отлитых снарядов, производившаяся вручную. Из-за нехватки рабочих рук она шла намного медленнее, чем отливка снарядов. Так, в январе 1823 г. Саткинский завод отлил 360,4 тыс., а очистил только 37,9 тыс. снарядов. К маю 1824 г. в недоимке за заводами числилось 1 млн 793 тыс. снарядов (в основном картечной дроби). Чтобы решить эту проблему, в Сатку были командированы мастеровые, подростки и малолеты со Златоустовского и Артинского заводов. Но командированные создали новые проблемы: их следовало где-то размещать и как-то обеспечивать. В 1825 г. часть отлитых снарядов Саткинский завод стал передавать для очистки в Артинский завод (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 45. Л. 73-75, 76-77; Д. 403, Л. 160б.-17, 137, 159, 162, 163, 171, 177). К концу 1820-х гг. проблемы с производством снарядов в целом были решены.

В рассматриваемый период заводы Златоустовского округа в основном выполняли те военные наряды, которые другие казенные заводы не успевали выполнить. В связи с этим возникла проблема оплаты: военные чиновники давали заказы одним заводам по фиксированным, «истинным», ценам, а выполняли их другие «с наложением всех накладных издержек, прибавляя к ним по размышлению известные суммы из подобных арендных и процентных расходов» (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 621. Л. 4). Например, в 1814-1815 гг. в Гороблагодатском округе пуд ящичной оковки стоил в 10,12 руб., а в Златоустовском – в 12,39 руб. Военные чиновники посчитали цену Златоуста завышенной и платить отказались. 11 апреля 1817 г. Горный совет, рассмотрев обстоятельства дела, принял «соломоново решение»: рекомендовал военным заплатить заводам «истинную цену» – 11,3 руб., а в будущем согласовывать стоимость изделий со Златоустом (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 621. Л. 4). Тем не менее противоречия по поводу расценок не исчезли, вследствие чего за военными ведомствами стал накапливаться долг. В 1811-1814 гг. было изготовлено военной продукции на 257 тыс. руб., из которых было оплачено только 113,3 тыс. руб., а 144 тыс. руб. оставалось в долге, к 1 декабря 1816 г. долг достиг 987 тыс. руб. (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 26. Л. 10, 26, 52, 55, 84)

С этими неудобствами можно было смириться, если бы Златоустовские заводы приносили государству тот доход, ради которого они были оставлены «на том основании, на каком они были в содержании Кнауфа» (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 6. Л. 34), если бы они платили подати за металл и металлургические печи, за мастеровых и рабочих людей 110 тыс. руб. арендной платы и проценты с 435 тыс. руб., данных им в кредит. Однако ситуация с этими выплатами складывалась непростая.

Сначала стороны не могли определиться с точной суммой платежей. Эта проблема возникла в 1813 г., когда для Златоустовских заводов прошел первый полный хозяйственный год в статусе государственных предприятий. В июне 1813 г. Троицкий земский суд предъявил требования по долгам Кнауфа. Администрация округа парировала тем, «что заводы Златоустовские... находятся в казне, следовательно, и повинности какие до сего времени в недоимке за заводами были, остаются на счете бывшего содержателя московского купца Кнауфа». Контора «почитала за собою» подушную подать за мастеровых, подать за металл, выплавленный в 1812 г., и плату за рекрутов. Однако сколько же следовало платить за металл, было не понятно. 11 февраля 1812 г. Александр I установил частным горным заводам двойную ставку налога с выплавленного металла, а 9 декабря 1812 г. вернул прежнюю ставку, но 3 апреля 1813 г. царь потребовал, чтобы частные заводы все-таки заплатили за 1812 г. двойную подать. Выяснение вопроса, сколько следует заплатить Златоустовским заводам за 1812 г., тянулось годами. К 1819 г. за ними числилась задолженность по подати в 25,9 тыс. руб. и 1,9 тыс. руб. пени (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 6. Л. 29, 53, 64, 65; Д. 45. Л. 13).

Горный департамент рассчитывал, что заводы, «по примеру тому, как содержание оных платил купец Кнауф», заплатят казне в 1813 г. 147 162,8 руб.: 110 тыс. руб. «за право владения», 32 232,8 руб. десятинной подати с выплавленного чугуна (по 8 коп. с 402 910 пудов), 100 пудов десятинной меди на сумму в 2,4 тыс. руб., 2,7 тыс. руб. трехрублевой подати за 900 пудов меди и оброчных денег 800 руб. за четыре доменных печи, и 30 руб. за три медеплавильных печи (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 45. Л. 51). В главной конторе заводов предложили свой вариант расчета. Они готовы были заплатить 27 284 руб. за мастеровых, которые должны были пойти в рекруты (на казенные горные заводы рекрутчина не распространялась, но Златоустовские заводы, находившиеся «на том основании, на каком они были в содержании Кнауфа», по рекрутским наборам 1812 г. отдали в армию 190 человек из «чернорабочих» и уплатили за 20 мастеровых 22 860 руб. (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 6. Л. 73об.); 17 505 руб. подушной подати за 5 835 душ м.п. мастеровых и подзаводских крестьян; 18 049,36 руб. за чугун и 1 138,31 руб. за медь. За доменные и медеплавильные печи они платили не собирались, т.к. в 1812 г. заплатили оброчные деньги по двойной ставке, а про арендную плату просто забыли. Всего, по их расчетам, с заводов причиталось 63 956,68 руб. А поскольку на 1813 г. казна планировала ассигновать заводам 146 297,93 руб. (100 тыс. в виде кредита, 39 тыс. руб. на отливку орудий и 7 297,93 руб. на приготовление артиллерийских поддонов), то с расчетами можно было покончить сложением взаимных обязательств. В результате, по подсчетам Главной конторы, она государству ничего не была должна, а с государства, с учетом того, что уже было получено (50 тыс. руб. из Челябинского казначейства), причиталось еще 32 тыс. руб. Естественно, что вся эта калькуляция была отвергнута. По мнению чиновников казначейства, заводы обязаны были заплатить казне 360,4 тыс. руб. (включая 220 тыс. руб. арендной платы за 1812 и 1813 гг.), из них к началу марта 1814 г. было уплачено 45,6 тыс. руб. за рекрутов, подушной подати и оброчных денег за печи, т.е. администрация заводов, ставших государственными, выполнять повинности, возложенные на частновладельческие хозяйства, не спешила. Возможно, вначале это было связано с расчетом на прибыль (в августе 1813 г. посчитали, что с металлов, изготовленных с 15 ноября 1811 г. по май 1813 г., можно получить 362,2 тыс. руб. прибыли, а если вычесть все повинности и арендную плату, оставалось только 129,1 тыс. руб. (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 6. Л. 37, 73 об.-75, 100-102); а потом – с желанием минимизировать убытки (продажа металла в 1813 г. принесла заводам вместо дохода убыток на 6,3 или на 28,9 тыс. руб. (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 25. Л. 1).

В 1815 г. споры о размерах повинностей прекратились, поскольку их величина была зафиксирована в «Положении об управлении Златоустовскими заводами» (см. выше). С этого времени размер податей рассчитывался в точном соответствии с законом и производственными планами. В 1817 г. округ должен был заплатить в казну 183,2 тыс. руб., в 1818 г. – 171,5 тыс. руб., в 1820 г. – 164 тыс. руб. (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 26. Л. 41, 65, 97). Но Златоустовский округ ничего не платил. В октябре 1815 г. его долг составлял 644,9 тыс. руб., к декабрю 1820 г. он достиг 1,2 млн, к маю 1829 г. – 2,7 млн руб. (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 561. Л. 4, 28)

При этом горные начальники получали прибыль. Уже в 1815 г. А.Ф. Фурман обратился в Департамент горных и соляных дел с предложением разделить 80 тыс. руб. прибыли (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 9. Л. 73об.). Всего, по подсчетам М.И. Клейнера, сменившего Фурмана в должности горного начальника, тот получил 545,3 тыс. руб. прибыли. Когда же сам Клейнер передавал округ в управление С.П. Татариннову, то вместо 2,6 млн руб. капитала смогли обнаружить только 1,4 млн руб. (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 99. Л. 47).

Отсутствие доходов, непрозрачность и запутанность отчетности, с одной стороны, а с другой, – все большая вовлеченность заводов Златоустовского округа в выполнение военных заказов подталкивали бюрократию к естественному решению: систему «коммерческого права» следовало

упразднить, а управление Златоустовским округом унифицировать с другими казенными горными округами. К тому же с 1823 г. округ действительно начал приносить доход государству: в даче Миасского завода открыли месторождения россыпного золота. В 1823 г. из 1,7 млн пудов песка было намыто 3 пуда 27 фунтов золота, в 1827 г. из 7,6 млн пудов песка намыто 64 пуда 5 фунтов золота (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 601. Л. 132). Производство меди и железа в Миассе было свернуто, завод стал заниматься золотодобычей. В среднем ежегодно добывалось 50 пудов золота, стоимость которого была примерно равна стоимости всей остальной продукции Златоустовского округа (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1332, Л. 4-7; Д. 1641, Л. 3-7; Д. 1704, Л. 56,70, 83, 92).

30 сентября 1824 г. при Департаменте горных и соляных дел был учрежден «Комитет для устройства казенных горных заводов» (РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 172. Л. 4), ему было поручена разработка нового штатного расписания для всех казенных горных заводов Урала. В отличие от предыдущих «Штатов», новые должны были регламентировать все стороны деятельности заводов. В процессе разработки «Штатов» на заводах проводились исследования производственных возможностей, осуществлялись опыты оптимизации производств. Комитет признал «неудобство» «различия в управлении Златоустовскими заводами от прочих казенных заводских округов» и потому подвел «их под единообразное положение» с другими округами. Они были подчинены Главному начальнику горных заводов хребта Уральского и Пермскому Горному правлению (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 649. Л. 50). При этом Златоустовская оружейная фабрика по-прежнему не принадлежала «к общему управлению Златоустовских заводов».

В октябре 1826 г. горный начальник Златоустовских заводов А.А. Агте рапортовал в Департамент горных и соляных дел, что «Штаты» для вверенных ему заводов готовы (РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 173. Л. 20-21). Еще два года было потрачено на редактирование, согласование и утверждение нового штатного расписания. «Штаты» для Гороблагодатского, Екатеринбургского Богословского и Златоустовского горных округов были приняты в 1829 г. (ПСЗ-2. Т. 4. № 2890).

Согласно «Штатам» заводы Златоустовского округа должны были выплачивать «для собственной их потребностей и для действия Оружейной фабрики» 310 тыс. пудов чугуна, из него отливать 15 тыс. пудов артиллерийских снарядов, а также «разные чугунные изделия для вольной продажи» и выковывать 180 тыс. пудов железа по нарядам и на вольную продажу. Кроме того, предполагалось выделывать на Артинском заводе 30 тыс. кос-литовок и добывать на Миасских золотых промыслах 50 пудов золота, промывая по 8 млн пудов песка. Жалование классным и нижним чинам было установлено по нормам Пермского и Камско-Воткинского округов. Уроки (нормы выработки) и оплата труда мастеровым в производстве снарядов были установлены в Гороблагодатском округе, как на Воткинском заводе. При добыче золота, «уважая расстройство, претерпеваемые мастеровыми отлучками от домов своих на большое расстояние», мастеровым Миасса была определена более высокая оплата труда, чем мастеровым Екатеринбургского округа. Нормы выработки и оплата труда по другим производствам (добыча, обжиг и перевозка железных руд, рубка дров, выжиг угля, выплавка чугуна, изготовление кос-литовок и др.) были установлены на основании опытов, проводившихся на Златоустовских заводах в течение нескольких лет. По подсчетам чиновников, введение «Штатов» должно было дать государству существенную экономию. Стоимость ежегодных расходов на содержание округа должна была сократиться с 1,3 млн руб. до 920 тыс. руб. (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 621. Л. 4-12).

«Штаты» вводились в виде эксперимента на три года. Златоустовский округ начал работать по ним с сентября 1829 г. Сразу выяснилось, что в точности следовать им невозможно. Во-первых, упрощенная система расценок не учитывала природные факторы (например, необходимость откачки грунтовых вод при освоении новых месторождений) и специфику технологии (для отливки снарядов был нужен более «спелый» чугун, а значит и большие расходы горючего). Во-вторых, до введения штатов кричные мастера получали за сверхурочную работу «вольную плату». «По штатам им назначен общий урок на все сорта, а выдача вольной платы уничтожена. Мера сия с одной стороны порождает затруднения при раздаче сортов железа мастерам, и несогласия между ними самими, а с другой – лишает их усердия к большей выделке железа». В-третьих, в «Штатах» не было учтено того, что в Златоустовском округе отсутствовала категория непрременных работников, занимавшихся в других округах транспортировкой грузов, добычей руды и заготовкой топлива (непрременные работники были сформированы из приписных крестьян, а на Златоустовских заводах до 1811 г. все работы выполнялись крепостными, которые при переходе заводов в казну получили статус мастеровых). Мастеровых не устроили новые «уроки» (нормы выработки) и расценки за выполненную работу. 34 углежога Кусинского завода в декабре 1829 г. отправились в Златоуст для выяснения точности «Штатов», там их арестовали, выпороли и отправили обратно в Кусу (Мударисов, 1998: 120). Остальные рабочие испытывать судьбу не стали, они начали уклоняться от выполнения данной работы. И, в-четвертых, «Штаты» не могли учесть того, что в будущем заказы могут существенно измениться. Уже в 1830 и 1831 гг. на долю сверхштатных нарядов пришлось 16 % стоимости продукции (АЗГО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 608. Л. 1130б.-121, 1810б.-182). Тем не менее опыт применения «Штатов» был признан удачным. «Штаты» выступали в роли критерия эффективности работы казенных предприятий. Причем их эффективность определялась уже не в росте доходности

или росте выпуска продукции, а в минимизации издержек на определенный уровень выпуска. Данный подход, во-первых, соответствовал господствовавшей в политэкономии трудовой теории стоимости, согласно которой цена – это сумма понесенных затрат в процессе производства, а, во-вторых, хорошо соотносился с природой государственного хозяйства, выполнявшего государственные заказы, упрощал учет и контроль за производством. На основании «Штатов» 1829 г. заводы работали до 1847 г., когда были приняты новые «Штаты».

5. Заключение

Попытка государства сделать из заводов источник дохода потерпела фиаско: они все больше включались в выполнение государственных заказов, а государству с предприятий, выполняющих заказ, можно извлечь только одну выгоду – минимизировать расходы бюджета. Для достижения этой цели в 1829 г. и были введены «Штаты». И тем не менее период 1811-1829 гг. был для Златоустовских заводов очень результативным. Был институционально оформлен горный округ со своими границами (в 1815 г. началось межование заводских дач) и своей спецификой (в частности, в округе отсутствовала такая сословная группа, как непрременные работники). На ресурсах округа была создана Златоустовская оружейная фабрика. Заводы были включены в систему выполнения военных заказов государственными предприятиями, они начали производить боеприпасы (снаряды и картечные поддоны), лафетную и ящичную оковку, а также железо (данная специализация сохранится вплоть до начала XX в.). Была возобновлена добыча золота на Миасском заводе. Сложившаяся в Златоустовском округе хозяйственная система без существенных изменений просуществует до конца 1850-х гг.

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках работы по гранту Российского научного фонда №23-28-00932 «Черная металлургия Урала в первой трети XIX века: кризис экстенсивной модели развития и поиски решений по его преодолению».

Литература

- АЗГО – Архив Златоустовского городского округа.
 Алексеев, Гаврилов, 2008 – Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. 884 с.
 Бакшаев и др., 2017 – Бакшаев А.А., Ермакова О.К., Цеменкова С.И. Иностранцы специалисты на Златоустовской оружейной фабрике в первой половине XIX века. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2017621407, 01.12.2017. Заявка № 2017620939 от 25.08.2017.
 Боков, 1913 – Боков В. Немецкие оружейники на Златоустовском заводе // *Журнал Императорского Русского Военно-Исторического общества*. 1913. Кн. 5-6. С. 289-295.
 Бочкарева, 2015 – Бочкарева Е.С. Переход Златоустовских заводов в казенное владение в конце XVIII века // *Вестник Челябинского государственного университета*. История. 2015. Вып. 64. № 14 (369). С. 110-114.
 Бочкарева, 2020 – Бочкарева Е.С. Купцы и дворяне Лугинины: три поколения владельцев Златоустовских заводов второй половины XVIII в. // *Уральский исторический вестник*. 2021. № 3. С. 91-98.
 Бурмакин, 1912 – Бурмакин А.С. Исторические данные по ведению изготовления холодного оружия в Златоустовской фабрике немецкими мастерами // *Горный журнал*. 1912. Т. 4. С. 240-267.
 ГАСО – Государственный архив Свердловской области.
 Город славных..., 1955 – Город славных традиций. Челябинск: Кн. изд-во, 1955. 88 с. С. 7-8.
 Ермакова, 2012 – Ермакова О.К. Иностранцы мастера – основатели оружейного дела в Златоусте (первая половина XIX в.) // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 4-5. С. 40-44.
 Златоуст – город..., 2004 – Златоуст – город крылатого коня. Златоуст, 2004. С. 105-106.
 Келлер, 2020 – Келлер А.В. Заводчик Андрей Кнауф и парадигмы развития уральской промышленности XIX в. / *Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы XIV Всероссийской научной конференции*. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2020. С. 490-504.
 Куликовских, 2001 – Куликовских С.Н. Становление производства украшенного холодного оружия в Златоусте (1815–1823 гг.) / *Культура и искусство в памятниках и исследованиях*. Челябинск: Изд-во ЮрГУ, 2001. С. 96-115.
 Куликовских, 2006 – Куликовских С.Н. Златоустовская школа авторского холодного украшенного оружия. Становление и развитие (1815–1860 гг.). Челябинск: Изд-во ЮрГУ, 2006. 240 с.
 Куликовских, 2009 – Куликовских С.Н. Производство холодного оружия Златоустовской фабрикой в первой половине XIX века // *Военно-исторический журнал*. 2009. № 10. С. 28-31.
 Куликовских, 2010 – Куликовских С.Н. Переселение оружейников Золингена в Россию в начале XIX в. // *Вопросы истории*. 2010. № 1. С. 154-159.

Ляпин, 1998 – Ляпин В.А. Военные поставки уральской промышленности в 1812 – 1814 гг. / *Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы VI международной научной конференции «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы»*, посвященной 185-летию Бородинского сражения. Бородино, 1998. С. 102–107.

Ляпин, 2001 – Ляпин В.А. Немецкие оружейники на Урале / *Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.)*. Материалы научной конференции «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.». Екатеринбург: Волот, 2001. С. 138–142.

Ляпин, 2009 – Ляпин В.А. «Уголок Германии, перенесенный в Уральские горы» / Диффузия европейских инноваций в Российской империи. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2009. С. 262–266.

Металлургические заводы..., 1937 – *Металлургические заводы на территории СССР с XVII века до 1917 г.* Чугун. Железо. Сталь. Медь. Т. 1. Абаканский – Иштеряковский. М., Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1937. 396 с.

Металлургические заводы..., 2001 – *Металлургические заводы Урала. XVII – XX вв.: энциклопедия.* Екатеринбург: Изд-во «Академкнига», 2001. 535 с.

Мударисов, 1998 – Мударисов Р.З. Горнозаводская промышленность Южного Урала в первой половине XIX века. Уфа: Гилем, 1998. 171 с.

Неклюдов, 2004 – Неклюдов Е.Г. Купец А.А. Кнауф и его кредиторы: первый опыт иностранного предпринимательства в горнозаводской промышленности Урала // *Известия Уральского государственного университета*. 2004. № 31. Вып. 7. С. 83–101.

Неклюдов, 2009 – Неклюдов Е.Г. Европейские предприниматели в составе уральских заводчиков первой половины XIX в. // Диффузия европейских инноваций в российской империи. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2009. С. 104–110.

Окунцов, 2011 – Окунцов Ю.П. Златоустовская оружейная фабрика. М.: Вече, 2011. 254 с.

Окунцов, 2018 – Окунцов Ю.П. О точной дате основания Златоустовской оружейной фабрики // Буцуевские чтения. Сборник материалов III научно-практической конференции. Златоуст, 2018. С. 17–18.

Петров, Швецов, 1926 – Петров К., Швецов В. Из прошлого златоустовских заводов. Златоуст: Пролетарская мысль, 1926. 72 с.

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е.

ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е.

Павленко, 1962 – Павленко Н.И. История металлургии России XVIII в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 562 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Свиньин, 1825 – Свиньин П.П. Златоустовский завод // *Отечественные записки*. 1825. Ч. XXII. С. 5–24.

Теплов, 1830 – Теплов Н. Описание выделки поддонов на Златоустовских заводах // *Горный журнал*. 1830. № 8. С. 242 – 267.

Шумкин, 2012 – Шумкин Г.Н. Златоустовский горный округ в период коммерческого права 1811–1829 гг. // *Девятые Татищевские чтения*. Екатеринбург, 2012. С. 93–97.

Keller, 2013 – Keller A. Der deutsch-russische Unternehmer Andreas Knauf im Ural Der Aufstieg // *Quaestio Rossica*. 2013. № 1. С. 144–159.

Keller, 2014 – Keller A. Der Deutsch-Russische unternehmer Andreas Knauf: der praktiker im Ural // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 206–218.

References

AZGO – Архив Златоустовского городского округа [Archive of Zlatoust city district].

Alekseev, Gavrilov, 2008 – Alekseev, V.V., Gavrilov, D.V. (2008). Metallurgiya Urala s drevneishikh vremen do nashikh dnei [Metallurgy of the Urals from ancient times to the present day]. М.: Nauka, 884 p. [in Russian]

Bakshaev i dr., 2017 – Bakshaev, A.A., Ermakova, O.K., Tsemenkova, S.I. (2017). Inostrannye spetsialisty na Zlatoustovskoi oruzheinoi fabrike v pervoi polovine XIX veka [Foreign specialists at the Zlatoust Arms Factory in the first half of the XIX century]. Certificate of registration of the database RU 2017621407, 01.12.2017. № 2017620939. 25.08.2017. [in Russian]

Bokov, 1913 – Bokov, V. (1913). Nemetskie oruzheiniki na Zlatoustovskom zavode [German armourers at the Zlatoust Factory]. *Zhurnal Imperatorskogo Russkogo Voennno-Istoricheskogo obshchestva*. 5-6: 289–295. [in Russian]

Bochkareva, 2015 – Bochkareva, E.S. (2015). Perekhod Zlatoustovskikh zavodov v kazennoe vladenie v kontse XVIII veka [Transfer of Zlatoust factories to state ownership at the end of the XVIII century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14(369): 110–114. [in Russian]

Bochkareva, 2021 – Bochkareva, E.S. (2021). Kuptsy i dvoryane Lugininy: tri pokoleniya vladel'tsev Zlatoustovskikh zavodov vtoroi poloviny XVIII v. [Merchants and nobles of Luginina: three generations of owners of Zlatoust factories of the second half of the XVIII century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 3 (72): 91–98. [in Russian]

- Burmakin, 1912** – *Burmakin, A.S.* (1912). Istoricheskie dannye po vedeniyu izgotovleniya kholodnogo oruzhiya v Zlatoustovskoi fabrike nemetskimi masterami [Historical data on the manufacture of edged weapons in the Zlatoust factory by German craftsmen]. *Gornyi zhurnal*. 4: 240-267. [in Russian]
- GASO** – Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State Archive of the Sverdlovsk region].
- Gorod slavykh, 1955** – *Gorod slavykh traditsii* [The city of glorious traditions]. Chelyabinsk: Kn. izd-vo, 1955. 88 p. [in Russian]
- Ermakova, 2012** – *Ermakova, O.K.* (2012). Inostrannye mastera – osnovateli oruzheinogo dela v Zlatouste (pervaya polovina XIX v.) [Foreign masters – founders of armory in Zlatoust (the first half of the XIX century)]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 4–5: 40-44. [in Russian]
- Keller, 2013** – *Keller, A.* (2013). Der deutsch-russische Unternehmer Andreas Knauf im Ural Der Aufstieg [The German-Russian entrepreneur Andreas Knauf in the Urals the Rise]. *Quaestio Rossica*. 1: 144-159. [in German]
- Keller, 2014** – *Keller, A.* (2014). Der Deutsch-Russische unternehmer Andreas Knauf: der praktiker im Ural [The German-Russian entrepreneur Andreas Knauf: the practitioner in the Urals]. *Quaestio Rossica*. 1: 206-218. [in German]
- Keller, 2020** – *Keller, A.V.* (2020). Zavodchik Andrei Knauf i paradigmy razvitiya ural'skoi promyshlennosti XIX v. [Breeder Andrey Knauf and paradigms of development of the Ural industry of the XIX century]. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya. Materialy XIV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Ekaterinburg: UMTs UPI. Pp. 490-504. [in Russian]
- Kulikovskikh, 2001** – *Kulikovskikh, S.N.* (2001). Stanovlenie proizvodstva ukrashennogo kholodnogo oruzhiya v Zlatouste (1815–1823 gg.) [The formation of the production of decorated edged weapons in Zlatoust (1815–1823)]. *Kul'tura i iskusstvo v pamyatnikakh i issledovaniyakh*. Chelyabinsk: Izd-vo YurGU. Pp. 96-115. [in Russian]
- Kulikovskikh, 2006** – *Kulikovskikh, S.N.* (2006). Zlatoustovskaya shkola avtorskogo kholodnogo ukrashennogo oruzhiya. Stanovlenie i razvitie (1815–1860 gg.) [Zlatoust school of author's cold decorated weapons. Formation and development (1815–1860)]. Chelyabinsk: Izd-vo YurGU, 240 p. [in Russian]
- Kulikovskikh, 2009** – *Kulikovskikh, S.N.* (2009). Proizvodstvo kholodnogo oruzhiya Zlatoustovskoi fabriki v pervoi polovine XIX veka [Production of cold weapons by the Zlatoust factory in the first half of the XIX century]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 10: 28-31. [in Russian]
- Kulikovskikh, 2010** – *Kulikovskikh, S.N.* (2010). Pereselenie oruzheinikov Zolingena v Rossiyu v nachale XIX v. [Resettlement of gunsmiths of Solingen to Russia at the beginning of the XIX century]. *Voprosy istorii*. 1: 154-159. [in Russian]
- Lyapin, 1998** – *Lyapin, V.A.* (1998). Voенnye postavki ural'skoi promyshlennosti v 1812 – 1814 gg. [Military supplies of the Ural industry in 1812-1814]. *Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy», posvyashchennoi 185-letiyu Borodinskogo srazheniya*. Borodino. Pp. 102-107. [in Russian]
- Lyapin, 2001** – *Lyapin, V.A.* (2001). Nemetskie oruzheiniki na Urale [German gunsmiths in the Urals]. *Nemtsy na Urale i v Sibiri (XVI-XX vv.)*. *Materialy nauchnoi konferentsii «Germaniya – Rossiya: istoricheskii opyt mezhregional'nogo vzaimodeistviya XVI-XX vv.»*. Ekaterinburg: Volot. Pp. 138-142. [in Russian]
- Lyapin, 2009** – *Lyapin, V.A.* (2009). «Ugolok Germanii, perenesennyi v Ural'skie gory» [“A corner of Germany transferred to the Ural Mountains”]. *Diffuziya evropeiskikh innovatsii v Rossiiskoi imperii*. Ekaterinburg: IIA UrO RAN. Pp. 262-266. [in Russian]
- Metallurgicheskie zavody, 1937** – *Metallurgicheskie zavody na territorii SSSR s XVII veka do 1917 g. Chugun. Zhelezo. Stal'. Med'. T. 1. Abakanskii – Ishteryakovskii* [Metallurgical plants on the territory of the USSR from the XVII century to 1917. Cast iron. Iron. Steel. Copper. Vol. 1. Abakansky – Ishteryakovsky]. M., L.: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1937. 396 p. [in Russian]
- Metallurgicheskie zavody, 2001** – *Metallurgicheskie zavody Urala. XVII-XX vv.: entsiklopediya* [Metallurgical plants of the Urals of the XVII-XX centuries: encyclopedia] Ekaterinburg: Izd-vo «Akademkniga», 2001. 535 p. [in Russian]
- Mudarisov, 1998** – *Mudarisov, R.Z.* (1998). Gornozavodskaya promyshlennost' Yuzhnogo Urala v pervoi polovine XIX veka [Mining industry of the Southern Urals in the first half of the XIX century]. Ufa: Gilem, 171 p. [in Russian]
- Neklyudov, 2004** – *Neklyudov, E.G.* (2004). Kupets A.A. Knauf i ego kreditory: pervyi opyt inostrannogo predprinimatel'stva v gornozavodskoi promyshlennosti Urala [Merchant A.A. Knauf and his creditors: the first experience of foreign entrepreneurship in the mining industry of the Urals]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 31: 83-101. [in Russian]
- Neklyudov, 2009** – *Neklyudov, E.G.* (2009). Evropeiskie predprinimateli v sostave ural'skikh zavodchikov pervoi poloviny XIX v. [European entrepreneurs as part of the Ural breeders of the first half of the XIX century]. *Diffuziya evropeiskikh innovatsii v rossiiskoi imperii*. Ekaterinburg: IIA UrO RAN. Pp. 104-110. [in Russian]

- Okuntsov, 2011 – Okuntsov, Yu.P. (2011). Zlatoustovskaya oruzheinaya fabrika [Zlatoust weapons factory]. M.: Veche, 254 p. [in Russian]
- Okuntsov, 2018 – Okuntsov, Yu.P. (2018). O tochnoi date osnovaniya Zlatoustovskii oruzheinoi fabriki [About the exact date of the foundation of the Zlatoust arms factory]. *Bushuevskie chteniya. Sbornik materialov III nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Zlatoust. Pp. 17-18. [in Russian]
- PSZ-1 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1 [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1 collection]. [in Russian]
- PSZ-2 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2 collection]. [in Russian]
- Pavlenko, 1962 – Pavlenko, N.I. (1962). Istoriya metallurgii Rossii XVIII v. [History of metallurgy of Russia XVIII century]. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 562 p. [in Russian]
- Petrov, Shvetsov, 1926 – Petrov, K., Shvetsov, V. (1926). Iz proshlogo zlatoustovskikh zavodov [From the past of the Zlatoust factories]. Zlatoust: Proletarskaya mysl', 72 p. [in Russian]
- RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Shumkin, 2012 – Shumkin, G.N. (2012). Zlatoustovskii gornyi okrug v period kommercheskogo prava 1811-1829 gg. [Zlatoust Mining District during the period of commercial law 1811-1829]. *Devyatye Tatishchevskie chteniya*. Ekaterinburg: Izd-vo UMTs UPI. Pp. 93-97. [in Russian]
- Svin'in, 1825 – Svin'in, P.P. (1825). Zlatoustovskii zavod [Zlatoust plant]. *Otechestvennye zapiski*. XXII: 5-24. [in Russian]
- Teplov, 1830 – Teplov, N. (1830). Opisanie vydelki poddonov na Zlatoustovskikh zavodakh [Description of the manufacture of pallets at Zlatoust factories]. *Gornyi zhurnal*. 8: 242-267. [in Russian]
- Zlatoust – gorod..., 2004 – Zlatoust – gorod krylatogo konya [Zlatoust is the city of the winged horse]. Zlatoust, 2004. 335 p. [in Russian]

Казенные заводы в аренде у казны: Златоустовский горный округ в период «коммерческого права» 1811–1829 гг.

Георгий Николаевич Шумкин ^{a, *}, Андрей Леонидович Устинов ^a

^a Институт истории и археологии УрО РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрено развитие Златоустовского горного округа в 1811–1829 гг., которому, в сравнении со Златоустовской оружейной фабрикой, в историографии уделяется существенно меньше внимания. В этот период Златоустовский округ находился в специфическом статусе, на так называемом «коммерческом праве». В 1811 г., расторгнув договор аренды с А. Кнауфом, государство оставило за Златоустовскими заводами обязанность платить в казну все прежние повинности, т. е. подати и арендную плату, что осуществляли частные заводы. Рассмотренный материал показал, что попытка государства превратить заводы в источник прибыли не принесла результата. Отношения между горным округом и казначейством становились все более запутанными, недоимка округа постоянно росла, а взыскать ее с казенного хозяйства не представлялось возможным. При этом Златоустовский округ в эти годы был успешно интегрирован в систему государственного хозяйства, он стал ресурсной базой Златоустовской оружейной фабрики, его заводы приступили к выполнению военных заказов, а также была возобновлена добыча золота. С введением в 1829 г. новых «Штатов», в основу которых был положен принцип минимизации производственных издержек и строгой регламентации всех работ, период «коммерческого права» завершился.

Ключевые слова: горный округ, казенный завод, прибыль, специализация, Златоуст, оружейная фабрика, коммерческое право, военная промышленность, металлургия, золотодобыча.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: shumk@mail.ru (Г.Н. Шумкин),
andrey.ustinoff2011@yandex.ru (А.Л. Устинов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1706-1716
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1706

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

I.E. Zabelin as a Teacher of Russian Literature (Based on Archival Materials)

Yulia G. Kokorina ^{a,*}, Vladislav A. Chernov ^{b,d}, Makhach M. Vagabov ^a, Narkiza A. Moroz ^c

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

^b Pacific National University, Russian Federation

^c University of Tumen, Russian Federation

^d Far Eastern State Transport University, Russian Federation

Abstract

The authors consider the structure and concept of teaching Russian literature by the outstanding Russian historian I.E. Zabelin (1820–1908). The works of a scientist on history and archeology are known in historiography, while the historian's views on Russian literature and its teaching are being considered for the first time. For modern teachers, the appeal to the "Course of Russian Literature", which is stored in the archive of the scientist, allows them to understand the civic essence of teaching literature, the authors introduce archival materials into scientific circulation, uses the diary entries of the scientist and the memories of his students. The pedagogical activity of I.E. Zabelin falls on the years 1853–1869, when the concept of teaching literature was just being developed. The scientist worked at the Konstantinovsky Land Survey Institute and the School of Topographers in an era of heated discussions about the future of the Russian education system. Documents show that I.E. Zabelin stood outside the political forces of that time, but his pedagogical views were clearly progressive, echoed the ideas of the founder of Russian pedagogy K.D. Ushinsky (1823–1871). Zabelin taught to love and understand the ideas and aspirations of his people, and for him the concept of "nationality" permeates the entire course. The teacher aimed to educate students in love with the Russian word, instilled a culture of thinking and expressing their thoughts. The attention of the scientist to reading, the real anthem of which contains a course of literature, the awareness of the need for a sober assessment of the political situation sounds relevant today. I.E. Zabelin applied advanced scientific methods, used progressive textbooks and anthologies. He interpreted only recently discovered literary monuments, was aware of the latest achievements in literary studies. The depth and value of his course is given by scientists' understanding of the unity of historical and literary knowledge, attention to the theoretical foundations of both sciences, philosophy of knowledge in general. I.E. Zabelin developed the author's "Course of Russian Literature" based on literary sources, realized the need for a teacher's conversation with students, which would awaken thought, involve the whole class in work, form a civic position among students. Both historical disciplines and literature I.E. Zabelin taught in a fascinating and emotional way, his lectures were remembered by students for many years. The personality of I.E. Zabelin, who brilliantly combined the traits of both a scientist and a teacher, who saw the need not only to teach the subject, but also to educate the younger generation, is a worthy example for our contemporaries.

Keywords: history of pedagogy, history of Russia of the second half of the XIX century, I.E. Zabelin, methods of teaching literature in the XIX century, Konstantinovsky Boundary Institute, School of Topographers.

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina), prof2597@gmail.com (V.A. Chernov), 9162803@mail.ru (M.M. Vagabov), narkiza-moroz@mail.ru (N.A. Moroz)

1. Введение

В 2023 году историческая общественность вспоминает деятельность Ивана Егоровича Забелина (1820–1908), 115 лет со дня смерти которого приходится на этот год. И.Е. Забелин прославился трудами по истории быта русского народа на примере изучения быта правящей династии (Забелин, 1862; Забелин, 1965). Известен ученый как историк Москвы (Забелин, 1852; Забелин, 1865; Забелин, 1873; Материалы..., 1892), организатор и бессменный директор Государственного исторического музея (Москва, Российская Федерация). И.Е. Забелин был одним из пионеров российской археологии. Занимался раскопками элитных курганов Северного Причерноморья и разрабатывал теоретические основы молодой тогда науки — археологии (Древности..., 1866-1872; Забелин, 1865-1867; Забелин, 2015).

Но педагогическая деятельность ученого исследована слабо, тогда как формирование личности современного преподавателя возможно только на реальных примерах, а пример И.Е. Забелина в этом плане является одним из ярчайших. Исследование преподавательской деятельности ученого позволяет увидеть его личность в ином свете, иногда отличным от высказывавшихся в литературе мнений. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью сохранить и приумножить накопленный российской средней и высшей школой опыт, объективно оценить уровень образования в Российской Империи для формирования педагога-гуманитария новой России.

Новизна данной работы состоит в раскрытии педагогического таланта И.Е. Забелина на материале неизвестной ранее программы «Курса российской словесности» и пояснительной записки к нему (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267). Новизна состоит не только во введении в научный оборот архивного источника, но и в раскрытии неизвестного ранее фрагмента педагогической деятельности ученого. И.Е. Забелин преподавал не только исторические дисциплины, но и русскую словесность, читал курсы «Российской истории в связи с археологией» и «Палеографии» в Константиновском межевом институте с 1853 по 1869 годы, тогда же читал «Русскую словесность» в Школе топографов. Лекции по истории опубликованы (Забелин, 2009), но материалы к «Курсу русской словесности» вводятся в научный оборот впервые (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267).

2. Материалы и методы

Материалами для данного исследования послужила рукопись курса И.Е. Забелина, записи о методике преподавания российской словесности и программы курса, хранящиеся в его архиве (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267). Мы использовали и дневниковые записи историка (Забелин, 2001), а также воспоминания его учеников (Забелин как преподаватель, 1892).

В нашем исследовании применен сравнительно-исторический метод, который позволяет проследить развитие идей ученого в области теории и практики преподавания литературы в контексте развития педагогической мысли второй половины XIX века. Как будет показано в работе, они (идеи) перекликаются с положениями выдающегося русского педагога К.Д. Ушинского (1823–1871), 200-летие которого отмечается в 2023 году. Принцип историзма применен, чтобы раскрыть особенности преподавания русской словесности И.Е. Забелиным в контексте развития педагогического знания XIX века. Принцип объективности, который обосновал историк науки А.А. Формозов в монографии, посвященной жизни ученого (Формозов, 2004: 65), позволяет адекватно оценить вклад историка в теорию и практику преподавания литературы. Мы применили также генетический метод историко-педагогического исследования, который позволяет проследить зарождение теоретических и практических взглядов И.Е. Забелина на преподавание русской словесности. Метабиографический метод (Марченко, 2022: 25) позволяет по-новому представить убеждения и личностные качества ученого, раскрывающиеся при рассмотрении его «Курса российской словесности».

Нами вводятся в научный оборот не публиковавшиеся ранее документы, которые позволяют проследить ход мысли ученого, его сомнения и утверждения, что выразилось в неоднократных исправлениях текста. Мы хотим, чтобы читатель по-новому прочувствовал обаяние личности И.Е. Забелина как преподавателя русской литературы. Поэтому в нашей работе много цитат из архивных материалов И.Е. Забелина, его дневников и воспоминаний учеников.

3. Обсуждение

Личность и деятельность И.Е. Забелина находилась в центре внимания как его современников, так и ученых последующих эпох. Известны труды, оценивающие его как историка (Кузьминский, 1912; Сахаров, 1990; Сахаров, 1996; Формозов, 1984; И.Е. Забелин, 1992) и археолога (Анучин, 1909; Ардашев, 1909; Арциховский, 1948; Алексеев, 2004; Кокорина и др., 2003; Клейн, 2014; Формозов, 1984; Яценко, 2002). Историк науки А.А. Формозов охарактеризовал в своих работах личные качества ученого (Формозов, 1984; Иван Егорович Забелин, 1988; Формозов, 2004), но деятельности И.Е. Забелина как преподавателя вообще и преподавателя словесности в частности, к сожалению, не уделялось должного внимания. И.И. Широкоград и Е.В. Рыжкова кратко охарактеризовали преподавательскую работу выдающегося историка в ряду других педагогов (Константиновский межевой институт, 2004), опираясь на тексты лекций, хранящиеся в архиве ученого в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 440). Однако ограниченный объем работы не позволил этим авторам подробно остановиться на деятельности И.Е. Забелина как

преподавателя «Курса русской словесности». В программе этого курса, как будет показано далее, по-новому раскрывается личность И.Е. Забелина как ученого и педагога.

Сам Иван Егорович в «Автобиографии» пишет: «по приглашению М.Н. Муравьева (попечителя Константиновского межевого института – Авт.) с 1853 г. Забелин преподавал в Константиновском межевом институте русскую историю и археологию межевого дела, а в последствии преподавал русскую историю в Школе межевых топографов» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 11. Л. 16). О том, что преподавание было успешным и являлось для ученого настоящим творческим трудом, а не скучной обязанностью, говорит запись рукой Ивана Егоровича: «причем за труд преподавания в Межевом институте получил высочайшую денежную награду» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 11. Л. 36).

Таким образом, «Курс русской словесности» историк читал в Школе межевых топографов параллельно с работой в Константиновском межевом институте.

4. Результаты

Словесностью в трудах по педагогике называли курс, получивший в последствии наименование «литература». В архиве И.Е. Забелина содержатся материалы, ярко характеризующие отношение ученого к слову: «чтобы правильно жить, надо правильно мыслить. Надо иметь мысли в голове, а не слова, тогда и будешь уметь жить» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 320). Именно самостоятельно мыслить учил своих воспитанников Иван Егорович.

Не имея высшего образования, проучившись пять классов в Сиротском училище в Москве, где «воспитание <...> было старозаветное, спартанское, суровое и жесткое» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 11. Л. 6), молодой И.Е. Забелин по протекции директора училища Д.М. Львова поступает на работу в Оружейную палату в Кремле. Путем самообразования, в ходе личного общения с выдающимися учеными и литераторами, посещения лекций московских профессоров, благодаря огромному личному трудолюбию И.Е. Забелин стал признанным историком, доктором исторических наук по ходатайству Киевского университета.

Преподавал И.Е. Забелин в 1853–1869 годах, когда в обществе шло широкое обсуждение путей развития педагогики в России. Как писал К.Д. Ушинский, «лет восемь тому назад педагогические идеи оживились у нас с такою силою, какой нельзя было ожидать, приняв во внимание почти полное отсутствие педагогической литературы до того времени. Мысль о народной школе, которая удовлетворяла бы потребности народа, вступившего в новый период своего существования, пробудилась повсеместно» (Ушинский, 1871: XXIII). И.Е. Забелин в свете дискуссии опубликовал статьи об истории образования в допетровской России (Забелин, 1855; Забелин, 1856).

Свой «Курс русской словесности» И.Е. Забелин читал в Школе межевых топографов и Константиновском межевом институте. Основанный при Екатерине Великой в 1835 году, институт превратился в закрытое учебное заведение, преподавателей туда приглашали, «отдавая предпочтение выпускникам российских университетов» (Апухтин, 1879: 35). Как мы отмечали выше, такого образования у И.Е. Забелина не было, и факт приглашения на должность преподавателя училища свидетельствует о признании заслуг ученого и его высокой квалификации. Иван Егорович проработал в институте 17 лет и, как отмечено выше, был награжден денежной премией за успешную работу.

В 1848 году попечитель института М.Н. Муравьев первым своим приказом потребовал «составить подробные программы по каждому предмету. Независимо от того, что подробные программы, определяя объем преподавания, имели сами по себе величайшую важность, он заставил этим каждого из преподавателей глубже вникнуть в свой предмет и основательнее обдумать свое преподавание» (Апухтин, 1879: 88). Среди предметов, программы которых были составлены преподавателями института, была и «Русская словесность», которую составил И.Е. Забелин. На программе и пояснительной записке к ней мы остановимся специально (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267).

В концепции курса проявляется внимание ученого к теоретическим основам литературного творчества. Он считает необходимым, начиная свой курс, излагать «общее и основное об искусствах и науке. Законы и основные начала искусства вообще и словесного искусства, в особенности значение словесности. Ее первые памятники. Мифы. Поэзия, ее главные роды и главные виды, ее различие от истории и науки» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Д. 267. Л. 316). Таким образом, историк уделяет внимание не только собственно теории литературы, но и стремится расширить кругозор своих слушателей, обратившись к философским основам познания. Он акцентирует свое внимание на закономерностях художественного творчества, на его отличии от творчества научного. Несмотря на то что И.Е. Забелин не получил высшего образования, его понимание значения теории в научном знании показательное.

Полученная путем самообразования подготовка ученого как историка прослеживается в понимании им необходимости непосредственного изучения воспитанниками философских и теоретических начал предмета с обязательной опорой на источники: «раскрывание и уяснение положенных здесь вопросов имеется в виду постоянно, в течение всего курса при помощи изучения памятников» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Д. 267. Л. 316). На изучение памятников, прежде всего народной словесности, лектор обращает внимание своих слушателей.

Представим фрагмент программы курса «Народной изустной словесности»: «1) Понятие о древнерусском язычестве. Божества. Празднества, обряды. Словесные произведения,

непосредственно сюда относящиеся. 2) Обрядовые песни, заговоры, загадки и т. п. Песни и сказки – их различия. Пословицы. 3) Эпические песни. Былины. Их идеалы, черты мифологические, исторические, бытовые. 4) Эпические песни исторические. Их идеалы (зачеркнуто. Написано: «герои» – Авт.). 5) Лирические песни. Свадебные, хороводные, семейные, удалые и пр. Частные характеристики народного быта, выраженные в этих песнях, их идеалы и действительность. 6) Народные мотивы современных поэтов для сравнений и выводов при определении художественного творчества и идеалов, также при выявлении существа народности и действий на нее исторического народного развития. 7) Народные изустные произведения, созданные под влиянием письменности. Духовные стихи. Легенды. Книга Голубиная. «Повесть о горе и злосчасти» и т. д.» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 316).

Уже в этом отрывке программы курса прослеживается стремление И.Е. Забелина привить своим слушателям любовь и внимание к народному быту, устному народному творчеству. Проблема народности во времена педагогической деятельности ученого уделялось много внимания. На страницах периодической печати происходили острые дискуссии о будущем русского народа. Понятие «народность» вошло в научный язык благодаря П.А. Вяземскому, который в письме к А.И. Тургеневу в 1819 г. писал: «Зачем не перевести *nationalité* – народность? Поляки сказали же: *narodowosé!* <...> Прекрасно! Слово, если нужно оно, укоренится» (Цит. по: Мордовченко, 1959: 296). П.А. Вяземский называл народностью национальное своеобразие (Удалов, 2015: 147). И.Е. Забелин был знаком с этим неологизмом и вкладывал в него смысл, близкий тому, который придавал ему М.П. Погодин: «Русская история представляет всегда Россию одним семейством, в котором государь – отец, а подданные – дети. Отец сохраняет над детьми полную власть, предоставляя им полную свободу. Между отцом и детьми не может быть недоверчивости, измены; судьба, счастье и спокойствие их – общие» (Погодин, 2006: 636-637).

Взгляды И.Е. Забелина на проблему народа и народности подробно анализировал А.Н. Сахаров. Отвечая на вопрос, что же подразумевал Забелин под народной жизнью, историк цитирует Ивана Егоровича: «Здесь все просится на страницы истории. Народная песня, поверья и предания, обряд и обычай, домашняя обстановка со всеми мелочами быта и система понятий и убеждений эпохи. Необходимо изучать и законы, по которым живет сложный народный организм. Это требует сосредоточения внимания исследователей на материалах, которые дают наиболее «типические черты» «народной личности». Это не только летописи, но и иные пласты источников: юридические акты, челобитные, сыские дела, рассказывающие о повседневной жизни народа, внимательное и всестороннее изучение бытовых вещей» (Сахаров, 1990). Свою статью, посвященную ученому, А.Н. Сахаров назвал «Народ – основа всего» (Сахаров, 1996), указывая на то, что «И.Е. Забелин писал историю народа, одновременно он писал историю личностей; через личности он показывал народ, а характеризуя народ, шел к обрисовке характера личности» (Сахаров, 1996: 331). При всей яркости восприятия народного характера творчества И.Е. Забелина А.Н. Сахаров характеризует его восприятие народности по отношению к истории, тогда как наш материал раскрывает понимание ученым народности применительно к русской литературе.

Цельность личности ученого проявляется в стремлении ознакомить слушателей непосредственно с произведениями народного устного творчества как отражением народного быта. Он считал, что «каждая народность каждым своим памятником свидетельствовала, что если здесь и нет искусства в его эстетическом значении, то здесь есть сила народного замысла, народного творчества, которая точно так же стремилась воплотить себя в различных памятниках» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 82). Иван Егорович понимал необходимость изучения не только материальной, но и духовной культуры прошлого. «К области археологии теперь относится все, что остается от прожитой жизни человека, начиная с обломков его домашней утвари и восходя до обломков его миросозерцания» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 260. Л. 88).

Обращает на себя внимание стремление исследователя изучать не только сами памятники устного народного творчества, но и их, как он неоднократно подчеркивает, «идеалы», вскрывая сущность народного мировосприятия, как он стремился его раскрыть в памятниках археологии. Эти идеи перекликаются с мыслями К.Д. Ушинского: «В светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа» (Цит. по: Торосьян, 2015).

Далее И.Е. Забелин планирует дать исчерпывающую характеристику литературе Древней Руси: «Письменная словесность при книжности. Начало грамотности и книжного образования. Общий характер книжной образованности. Ее задачи, стремления, идеалы, ее отношения к народной словесности. Ее произведения. Поучения, Кирилл Туровский, Владимир Мономах, жития (житие преподобного Феодосия Печерского), сказания, повести, легенды и пр. Книга «Пчела» и ее отношение к пословицам. Даниил Заточник. Летописи. Путешествия. Научные произведения. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». Народность и книжность в отношении к поэтическому творчеству. Время Грозного. «Стоглав». «Домострой». Переписка Грозного с Курбским и другими лицами. Время Алексея Михайловича. Уложенные Котошихин и Крижанич. Симеон Полоцкий. Переписка царевича Алексея» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 316).

И здесь прослеживается внимание ученого к теоретическим проблемам в стремлении его разъяснить своим слушателям соотношение устного народного творчества и «книжности», он опять обращает их внимание на «идеалы» произведений. При этом видно знакомство И.Е. Забелина с относительно недавно открытыми памятниками, такими как «Задонщина», введенная в научный оборот в 1852 году, «Стоглав», впервые опубликованный в 1862 году, «Домострой», изданный в 1842 году, «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским», увидевшая свет впервые в 1833 году. Ученый вставляет их рассмотрение в свой курс, хотя для того времени это были новые памятники, осмысление и трактовка которых только начинались. И.Е. Забелин верен здесь принципу преподавания, применяемому им при обучении истории: «имея в виду специальную цель преподавания, отсутствие учебного руководства и вообще невзрачное поле русских древностей, преподаватель по необходимости должен при каждом чтении составлять свои особенные записки и извлечения и некоторые отделы разрабатывать даже по источникам» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 266. Л. 288). Более чем за сто лет до положений о меж- и мультидисциплинарности науки он высказывает положение о едином изучении исторического и литературного знания: «изучая в литературе народную мысль в ее словесных проявлениях, необходимо знать факты, как эта мысль двигалась, развивалась, гасла или обогащалась с течением времени, т.е. необходимо знать исторический ход мыслей» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д.267. Л. 318). Но И.Е. Забелин не останавливается на собирании фактов: «надо <...> знать факты, но надо понимать их связь и самый смысл этой связи. <...> Чтобы преподавание учебного материала всегда сопровождалось разъяснением смысла и жизненного значения исторических лиц и событий в истории, исторических идей и их словесной формы в литературе» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д.267. Л. 319).

Уникальность курса И.Е. Забелина состоит в единстве исторического и литературоведческого знания, что ярко проявляется в концепции преподавания словесности Нового времени: «Время Петра. Реформа и ее действие. (Зачеркнуто: Татищев. Кантемир. – Авт.). Переводная словесность. Характер западных влияний. Яворский. Духовный регламент. Переписка Петра. Переводная словесность. Характер западных влияний. Кантемир. Татищев. Ломоносов. Время Елизаветы. Сумароков. Театр. Характер заимствований. Время Екатерины. Характер (истика?). Наказ. Сатирические журналы. Драма. Фонвизин. Державин. Переводная литература. Новое время (карандашом – Авт.). Карамзин. Жуковский. Грибоедов. Пушкин. Кольцов. Лермонтов. Гоголь (Зачеркнуто: Тургенев. Творчество Гоголя. Некрасов. Островский – Авт.). Современные писатели. (Карандашом: Связь современных идей с идеями предыдущих столетий и их последовательное различие идеалов – Авт.)» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 316). Каждую эпоху в развитии литературы И.Е. Забелин начинает раскрывать с исторической характеристики, будь то время петровских реформ, правления Елизаветы Петровны или Екатерины Великой.

И.Е. Забелина разные авторы относили то к «западникам», то к «славянофилам», учитывая, что он жил и творил в годы ожесточенной полемики между ними и революционными демократами. Будучи историком по призванию, он с болью писал, что «наука история в большинстве случаев служит для современности как средство для всевозможных доказательств, оправданий и порицаний» (Забелин, 1872: 301) и оставался над бушевавшей вокруг полемикой. Это «над» прослеживается и в его курсе словесности. Он уделяет внимание не только собственно русской, но и переводной литературе, стремится выявить основные направления и характер иностранных влияний.

И.Е. Забелин считает необходимым донести до воспитанников «идеи и идеалы времени, т.е. движение народного литературного развития в его положительном или отрицательном направлении» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 316), то есть не приукрашивая, но и не очерняя.

Архивные материалы раскрывают личность И.Е. Забелина как педагога, воспринимавшего преподавание истории и литературы как акт гражданского служения. Его мысль бьется в поисках необходимого слова, рукопись полна исправлений: «О преподавании в школе топографов русской истории и русской литературы (зачеркнуто: нахожу – Авт.) почитаю необходимым изъяснить следующее. (Зачеркнуто: школа оканчивая общее образование воспитанника в своих стенах. Вот почему – Авт.) Поэтому преподавание (зачеркнуто: в ней – Авт.) названных предметов (зачеркнуто: по моему мнению – Авт.) по необходимости должно иметь в виду цель не столько учебную – преподавать запас сведений, сколько педагогическую в собственном смысле, образовательную, воспитательную, т.е. развитие (зачеркнуто: молодого ума – Авт.) умственное, нравственное и эстетическое» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 317).

Ученый стремится разъяснить свою позицию, но потом перечеркивает текст: «Учебная цель достигается приобретением запаса сведений, какой будет дан в учебном руководстве, т.е. в сущности приобретением не образования, а основного материала науки для дальнейшей его разработки в высшем образовательном заведении. Школа топографов не может на этом остановиться (зачеркнуто: она, как упомянуто – Авт.). Сама оканчивая образование воспитанника, она по необходимости должна расширить свои требования – с учебной целью соединить цель образовательную. Для достижения этой последней цели недостаточно одного запаса фактов (зачеркнуто: знания фактов – Авт.) в отношении и Русской Истории, и Русской Литературы), необходимо, чтобы преподавание не ограничивалось (зачеркнуто: одним простым – Авт.) сообщением только запаса сведений, сообщением главных фактов, но главным

образом преподавание должно заботиться о развитии понятий воспитанника (зачеркнуто: вообще же о его умственном, нравственном и эстетическом развитии – Авт.). О сообщении ему мыслей (зачеркнуто: иначе сказать – Авт.) о развитии в нем истинного понимания жизни, о которой, собственно, и рассказывают история и литература. Первая – изображая жизнь в самой действительности, вторая – изображая ее в идеальном» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 317).

Повторимся, более чем за столетие до создания меж- и мультидисциплинарного подхода в науке И.Е. Забелин отмечает, что «знание и понимание русской истории и русской литературы есть то же, что знание русской жизни в ее (неясно – Авт.) и ее идеалах. Необходимость такого знания была (неясно – Авт.) очевидна сама собою. Нельзя быть полезным сознательным гражданином ни на каком поприще, не зная своего прошлого, истинного смысла своей истории, а, стало быть, исторического смысла и собственной своей жизни. Вот почему и преподавание литературы должно идти путем историческим. Школа Топографов, направляя к своей специальной цели, не в состоянии подобно другим заведениям рассматривать словесность как материал только слога, совокупность образцов или художественного творчества, совокупность грамматических, синтаксических и других форм языка (зачеркнуто: она должна может изучать ее – Авт.). Главным образом только как материал мысли, материал исторических, умственных и нравственных общественных идей, раскрытие которых в изучаемых словесных формах и должно обогащать молодых людей твердыми и основательными, правильными и трезвыми понятиями о жизни, о своем отношении к природе и обществу, об истинных требованиях личной жизни» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 317).

В своем курсе русской словесности И.Е. Забелин выступает как сторонник передовых тенденций в педагогической мысли, ярый противник зубрежки и бездумного заучивания: «Такое именно направление преподавания должно много способствовать также и науке правильно писать, правильно излагать свои мысли, что никогда не достигается одними правилами и даже частыми упражнениями. Чтобы правильно и точно излагать свои мысли, необходимо... правильно мыслить, а чтобы правильно мыслить, надо иметь мысли (зачеркнуто: а не одни слова, как это бывает теперь – Авт.), надо приобрести мысли. Но из учебных правил никакие мысли не появятся, и усваивается только искусственный и формальный способ их изложения. (Вставка на полях: из учебных книг приобретаются наиболее всего одни слова – Авт.)» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 318).

И здесь историк подчеркивает необходимость чтения не только для усвоения предмета, но и для воспитания достойного гражданина: «Обогащение молодого ума мыслями может быть достигнуто ровно при помощи (зачеркнуто: разнообразного – Авт.) чтения словесных произведений (зачеркнуто: под руководством и по указанию преподавателя – Авт.). Потому отчетливым приобретением мыслей по естественным причинам заставит и правильно излагать их на письме» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 318). Для этого И.Е. Забелин рекомендует не ограничиваться хрестоматией, а в каждом классе иметь избранную необходимую библиотеку (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 317).

Приобретая свои уникальные познания путем самообразования и вдумчивого самостоятельного чтения, ученый заостряет внимание на необходимости прививать в ходе преподавания курса словесности ученикам интерес к чтению. «Чтение во всяком случае послужит отдыхом от специальных занятий, а чтение, проведенное среди школьных преподаваний с единствами плана и мысли, послужит, как упомянуто, твердою основой для дальнейшего развития молодых людей» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 323). В современном мире «клипового мышления» удивительно актуально звучат его слова о необходимости приучать молодежь к осмысленному и внимательному чтению: «Чтение же единственное средство, которое и пробуждает, и постоянно вызывает мысль, следовательно, действует путем органическим, путем созидания мысли, чего никакой теперешний учебник не может дать, он, наоборот, действует лишь механически, загромождая память множеством ничем не связанных фактов. Вообще чтение есть правая рука всякого преподавания» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 299). И.Е. Забелин видит задачу преподавания литературы в том, чтобы «выучить читать не в азбучном смысле, т. е. понимать и обсуждать основательно и сознательно читаемое. От этой науки вполне зависит... возможность научиться порядочно излагать свои мысли. Но как я буду излагать, когда мыслей нет?» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 320). Ученый видит необходимость привить молодежи любовь к серьезному чтению, что «поведет неизбежно к основательности и самостоятельности взгляда на жизнь и на людей, на все явления общественности, всегда исполненной сквозных ветров, с которыми молодые умы (авт. на полях: слабо воспитанные, слабо защищенные истинным пониманием жизни)... так часто поэтому должны страдать различными умственными и нравственными недугами» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 323).

И.Е. Забелин видит свою задачу в развитии мышления воспитанников, указывая: «необходимо, чтобы молодой ум сам вырабатывал мысль, а не получал ее готовую из учебника или от преподавателя. Лучше приобрести таким именно путем две мысли, чем приять бессознательно целую книгу мыслей» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 319).

Далее ученый вносит вклад в дидактику преподавания литературы. Напомним, что, не имея высшего образования, он сам разрабатывает методику работы с текстом: «для этого преподаватель назначает воспитанникам для прочтения какое-либо произведение. Затем требует отчета: требует

рассказать содержание, раскрыть главную мысль, как эта главная мысль раскрывается содержанием, в каких формах, как и какую она выражает действительность, какие отношения, где ее идеальная сторона и т. д. Преподаватель задает вопрос за вопросом, осматривая произведение со всех сторон, и так как каждое произведение доставляет для этого свой особенный материал, то и ряд, и смысл вопросов всегда будет зависеть от самого этого материала. Но еще полезнее давать возможность самим воспитанникам поставлять такие вопросы, постепенно подводить их на эти вопросы, всегда заставляя работать всем классом, чтобы весь класс принимал участие в раскрытии и пробуждении мыслей, лежащих в произведении» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 319).

В своем подходе к преподаванию литературы И.Е. Забелин разделяет требование К.Д. Ушинского вовлекать в работу весь класс, а не работать только с самыми активными учениками. Он считает, что преподаватель «остановится только на главных моментах развития русской словесности, иначе русской мысли, русского творчества в слове, и будет выяснять эти моменты тоже важнейшими или наиболее выразительными произведениями, оставляя в стороне различные детали и подробности и указывая только общую родовую связь этих подробностей с основным направлением словесности в данную эпоху» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 322).

И.Е. Забелин предстает внимательным, тщательным, вдумчивым и требовательным педагогом: «Требуется из названных произведений прочесть каждое, знать его содержание, смысл, время, когда написано; как оно изображает жизнь, в идеалах или в действительности, какие есть черты быта; поэтически или прозаически; отрицательно или положительно относится к жизни; какие идеалы или типы выражает; какие художественные образы рисует» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 322). Примечательно обращение ученого к новейшим произведениям литературы, стремление не ограничиваться разбором произведений Древней Руси и эпохи классицизма. В этой связи важен выбор исследователем учебников для своих курсов. Так, своим ученикам он рекомендует «Хрестоматию» А.Д. Галахова (1807–1897), которая была подготовлена, как считают современные историки литературы, под сильным влиянием идей, а, возможно, и при непосредственном участии В.Г. Белинского (в качестве советчика). А.Д. Галахов поместил в ней лучшие произведения современных ему писателей и отмечал, что «хрестоматия должна была представлять образцы прозы и поэзии, написанные литературным языком нового времени, т. е. обнимающим эпохи Карамзина и Пушкина, не исключая и только что вступившие таланты (Кольцов, Майков, Фет и другие)» (Бабичева, 2006: 138). И.Е. Забелин положительно оценивает в своем курсе работы В.Я. Стоюнина (1826–1888), который видел задачу обучения «в беседе с учениками о прочитанном сочинении, в основном его разборе» (Бабичева, 2006: 368), как и И.Е. Забелин, который использовал «форму простой беседы с самым разнообразным и неуловимым содержанием, сосредотачиваясь только около главной задачи преподавателя, которую он намеревается выяснить на данном уроке» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 322). Изучение словесности И.Е. Забелин считал «изучением идей, мыслей, следовательно, обогащением ума мыслями. Это главное. Остальное... занимает в преподавании второстепенное место» (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 267. Л. 323).

Оставшийся не названным ученик И.Е. Забелина годы спустя вспоминал об обаянии личности педагога: «Совсем обыкновенный, но удивительно приятный человек, сразу подчинивший нас обаянию своей личности и прямодушной уверенности в том, что его будут слушать, учиться у него, любить его. И мы его чуть не с первой минуты нашего с ним знакомства уже любили крепко, верили ему и ни капельки не боялись ни его, ни его учености» (И.Е. Забелин как учитель, 1892: 3).

И.Е. Забелин ценил любовь своих учеников. Он записывает в дневнике: «Павлов рассказал, как любят меня воспитанники межевого института. Уж так любят, так любят! Я ужасно рад. Мальчишечка говорит: так вы, говорит, знакомы с Иваном Егоровичем? Да сказал это с таким благоговением в глазах, что он уж очень Вас любит и уважает» (Забелин, 2001: 46).

5. Заключение

Таким образом, И.Е. Забелин предстает как ответственный, добросовестный, знающий, талантливый преподаватель не только исторических дисциплин, но и русской литературы. Его взгляды на преподавание перекликаются с идеями его современника К.Д. Ушинского, прежде всего в понимании ценности народного языка и творчества, народного характера образования. И.Е. Забелин стремился не только вложить в сознание слушателей определенную сумму знаний, но и научить их мыслить, излагать мысли на письме. Ученый ставил своей задачей воспитание достойного гражданина, имеющего твердую жизненную позицию. И.Е. Забелин применял передовые по тем временам методики преподавания, перекликающиеся с идеями К.Д. Ушинского. «Курс русской словесности» является авторским, созданным с опорой на литературные памятники, введенные в научный оборот незадолго до создания курса. И.Е. Забелин внес вклад в дидактику преподавания литературы, понимал пагубность и бессмысленность простого заучивания. Он, как и К.Д. Ушинский, стремился вовлечь в работу весь класс, был сторонником проведения бесед с учениками. Ученый прививал своим слушателям любовь и вкус к осознанному чтению, применял учебные пособия прогрессивно настроенных педагогов. Это снискало любовь к нему учеников и уважение коллег. Страницы «Курса русской словесности» позволяют воспроизвести образ автора как личности яркой,

цельной и творческой. И.Е. Забелин добросовестно и ответственно относился к преподаванию в Константиновском межевом институте и Школе топографов, читая лекции не только по историческим дисциплинам, но и по литературе. Он видел взаимосвязь этих предметов, устанавливая меж- и мультидисциплинарные связи более чем за сто лет до их признания отечественной наукой. Введение в научный оборот «Курса русской словесности», надеемся, позволило взглянуть на педагогический талант выдающегося русского историка в новом ракурсе.

Литература

- Алексеев, 2004** – Алексеев А.Ю. К портрету И.Е. Забелина на фоне скифологии / Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию А. А. Формозова / Ответственный редактор А.Д. Столяр. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. С. 37-48.
- Анучин, 1909** – Анучин Д.Н. И.Е. Забелин как археолог в первую половину его научной деятельности (1842-1876). Речь, прочитанная на заседании Московского археологического общества 10 апреля 1909 года. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1909. 42 с.
- Апухтин, 1879** – Апухтин А. Очерки истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1879. 346 с.
- Ардашев, 1909** – Ардашев Н.Н. И.Е. Забелин как теоретик археологии // *Древности. Труды Московского археологического общества*. 1909. Т. 22. Выпуск 2. С. 71-218.
- Арциховский, 1948** – Арциховский А.В. Забелин-археолог / *Историко-археологический сборник*. М.: «Красный печатник», 1948. С.5-11.
- Бабичева, 2006** – Бабичева М.Е. Русские филологи XIX века. Библиографический словарь-справочник. М.: Совпадение, 2006. 432 с.
- Древности..., 1866–1872** – Древности Геродотовой Скифии: сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях с атласом / издание Императорской Археологической комиссии. СПб: В типографии Императорской академии наук, 1866-1872.
- И.Е. Забелин как учитель, 1892** – И.Е. Забелин как учитель истории // *Московская иллюстрированная газета*. 1892. 24 апреля (№ 113). С. 3.
- Забелин, 1852** – Забелин И.Е. Хроника общественной жизни в Москве с половины XVIII столетия. СПб: Б.и., 1852. 41 с.
- Забелин, 1855** – Забелин И.Е. О начальном образовании до Петра Великого преимущественно в царском быту // *Московские губернские ведомости*. Отдел 2. 1855. 6 августа (№ 32). С. 317-320.
- Забелин, 1856** – Забелин И.Е. Характер древнего народного образования в России. Несколько записок о «Заметке для истории просвещения в России» г. Купириянова // *Отечественные записки*. 1856. Т. 105. Кн.1. От.2. С. 1-20
- Забелин, 1862** – Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. В 2 т. Т. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. М.: Типография В. Грачева и Компании, 1862. 530 с.
- Забелин, 1869** – Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии. В 2 т. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии. М.: Типография В. Грачева и Компании, 1869. 670 с.
- Забелин, 1865** – Забелин И.Е. Историческое описание московского ставропигиального Донского монастыря. М.: Типография В. Грачева и Компании, 1865. 160 с.
- Забелин, 1865–1867** – Забелин И.Е. Скифские могилы. Чертомлыкский курган // *Древности. Труды Московского Археологического общества*. 1865-1867. Т. 1. С. 56-93.
- Забелин, 1872** – Забелин И.Е. Современные взгляды и направления в русской истории / Опыты изучения русских древностей и истории. Ч. 1 М.: Типография Грачева и К, 1872. 569 с.
- Забелин, 1873** – Забелин И.Е. Кунцево и древний Сетунский стан: исторические воспоминания. М.: К.Т. Солдатенков, 1873. 258 с.
- Забелин, 2001** – Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки: (1837-1908) / предисловие Н.А. Каргаполова. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2001. 383 с.
- Забелин, 2009** – Забелин И.Е. Русская история: курс лекций; Русские древности, или археология: курс лекций / составители И. И. Широкопад, Е. В. Рыжкова. М.: Государственный университет по землеустройству, 2009. 387 с.
- Забелин, 2015** – Забелин И.Е. Скифия и сарматия. Москва: Вече, 2015. 352 с.
- И.Е. Забелин как учитель, 1892** – И.Е. Забелин как учитель истории // *Московская иллюстрированная газета*. 1892. 24 апреля (№ 113). С. 3
- И.Е. Забелин, 1992** – И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения: В 2 ч. / отв. ред. А. Д. Яновский // *Труды Государственного исторического музея*. 1992. Выпуск 81. Ч. 1-2.
- Иван Егорович Забелин, 1988** – Иван Егорович Забелин: Библиографический указатель. М: Б. и., 1988. 73 с
- Клейн, 2014** – Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. Санкт-Петербург: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.
- Константиновский межевой институт, 2004** – Константиновский межевой институт: историческое и культурное наследие XIX века. Т. 4 / И. И. Широкопад, Е. В. Рыжкова; Под ред. С.Н. Волкова. М.: Государственный университет по землеустройству, 2004. 187 с.

- Кузьминский, 1912** – Кузьминский К.С. Иван Егорович Забелин и его печатные труды. М.: Синодальная типография, 1912. 14 с.
- Марченко, 2022** – Марченко Г.В. История отечественной школы и педагогики. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2022. 187 с.
- Материалы..., 1891** – Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, по определению Московской городской Думы собранные и изданные руководством и трудами И. Забелина. В 2 ч. Москва: Московская городская типография, 1891.
- Мордовченко, 1959** – Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л.: Издательство АН СССР (Ленинградское отделение), 1959. 431 с.
- ОПИ ГИМ** – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
- Погодин, 2006** – Погодин М.П. Историческое похвальное слово Карамзину / Карамзин: pro et contra. СПб., 2006. С. 605-641.
- Сахаров, 1990** – Сахаров А.Н. И. Е. Забелин: новая оценка творчества // *Вопросы истории*. 1990. №7. Выпуск 3-1. [Электронный ресурс]. URL: https://portalus.ru/modules/culture/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1447496607&archive=&start_from=&ucat=&
- Сахаров, 1996** – Сахаров А.Н. Народ – разгадка всего. Иван Егорович Забелин / Историки России XVII – начало XIX века. М.: Скрипторий, 1996. С. 315-333.
- Торосян, 2015** – Торосян В.Г. История образования и педагогической мысли учебник для студентов. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 471 с [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWVpbnxka3BlZDZ8Z3g6NWlZzDBmNTViNTZjZmMxNg>
- Удалов, 2015** – Удалов С.В. «Православие, самодержавие, народность»: идеологема николаевского царствования // *Вопросы истории консерватизма*. 2015. №11. С. 144-159.
- Ушинский, 1871** – Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания: Т. 1. СПб.: Типография А.М. Котомина, 1871. 390 с.
- Формозов, 1984** – Формозов А.И. Историк Москвы И.Е. Забелин. Москва: Московский рабочий, 1984. 239 с.
- Формозов, 2004** – Формозов А.А. Рассказы об учёных. Курск: издательство Курского государственного медицинского университета, 2004. 123 с.
- Яценко, 2002** – Яценко И.В. Представления И.Е. Забелина о строении насыпи кургана Чертомлык // *Российская археология*. 2002. №4. С.131-142.
- Kokorina et al., 2003** – Kokorina Yu.G., Vagabov M.M., Akimova A.A. I.E. Zabelin as an Archaeologist-Practitioner: Look a Century Later // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 137-148.

References

- Alekseev, 2004** – Alekseev, A.Yu. (2004). K portretu I.E. Zabelina na fone skifologii [To the portrait of I.E. Zabelin against the background of Scythology]. Nevskii arkheologo-istoriograficheskii sbornik. K 75-letiyu A. A. Formozova. Snt-Peterburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pp. 37-48. [in Russian]
- Anuchin, 1909** – Anuchin, D.N. (1909). I.E. Zabelin kak arkheolog v pervuyu polovinu ego nauchnoi deyatel'nosti (1842-1876) [I.E. Zabelin as an archaeologist in the first half of his scientific activity (1842-1876)]. M.: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig. 42 p. [in Russian]
- Apukhtin, 1879** – Apukhtin, A. (1879). Ocherki istorii Konstantinovskogo mezhevogo instituta s 1779 po 1879 god [Essays on the history of the Konstantinovsky Boundary Institute from 1779 to 1879]. SPb.: Tipografiya V.S. Balasheva. 346 p. [in Russian]
- Ardashev, 1909** – Ardashev, N.N. (1909). I.E. Zabelin kak teoretik arkheologii [Zabelin as a theorist of archeology]. *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*. 22(2): 71-218. [in Russian]
- Artsikhovskii, 1948** – Artsikhovskii, A.V. (1948). Zabelin-arkheolog [Zabelin-archaeologist]. *Istoriko-arkheologicheskii sbornik*. M.: «Krasnyi pechatnik». pp. 5-11. [in Russian]
- Babicheva, 2006** – Babicheva, M.E. (Ed.) (2006). Russkie filologi XIX veka. Biobibliograficheskii slovar'-spravochnik [Russian philologists of the XIX century. Bio-bibliographic dictionary-reference book]. M.: Sovpadenie. 432 p. [in Russian]
- Drevnosti, 1866-1872** – Drevnosti Gerodotovoï Skifii [Antiquities of Herodotus Scythia]. Sankt-Peterburg: V tipografii Imperatorskoi akademii nauk (1866–1872). 2 Vol. [in Russian]
- Formozov, 1984** – Formozov, A.I. (1984). Istorik Moskvy I.E. Zabelin [Moscow Historian I.E. Zabelin]. M.: Moskovskii rabochii. 239 p. [in Russian]
- Formozov, 2004** – Formozov, A.A. (2004). Rasskazy ob uchenykh [Stories about scientists]. Kursk, Izdatel'stvo Kurskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta. 123 p. [in Russian]
- I.E. Zabelin kak uchitel', 1892** – I.E. Zabelin kak uchitel' istorii (1892). [I.E. Zabelin as a history teacher]. Moskovskaya illyustrirovannaya gazeta. April 24 (No. 113). p. 3. [in Russian]
- I.E. Zabelin, 1992** – I.E. Zabelin. 170 let so dnya rozhdeniya [170 years from the date of birth]. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. 1992. Is. 81. Part 1-2. [in Russian]
- Ivan Egorovich Zabelin, 1988** – Ivan Egorovich Zabelin. Bibliograficheskii ukazatel' [Bibliographic index]. M.: 1988. S.n. 73 p. [in Russian]

- Klein, 2014** – *Klein, L.S.* (2014). *Istoriya Rossiiskoi arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti*. T. 1. Obshchii obzor i dorevolutsionnoe vremya [History of Russian Archeology: Teachings, schools and personalities. Vol. 1. General overview and pre-revolutionary time]. St. Petersburg, EVRAZIYA. 704 p. [in Russian]
- Kokorina et al., 2003** – *Kokorina, Yu.G., Vagabov, M.M., Akimova, A.A.* (2003). I.E. Zabelin as an Archaeologist-Practitioner: Look a Century Later. *Bylye Gody*. 18(1): 137-148.
- Konstantinovskii mezhevoi institut, 2004** – Konstantinovskii mezhevoi institut: istoricheskoe i kul'turnoe nasledie XIX veka [Konstantinovskiy Boundary Institute: historical and cultural heritage of the XIX century. Vol. 4]. M.: Gosudarstvennyi universitet po zemleustroistvu, 2004. 187 p. [in Russian]
- Kuzminskii, 1912** – *Kuzminskii, K.S.* (1912). Ivan Egorovich Zabelin i ego pechatnye Trudy [Ivan Egorovich Zabelin and his printed works]. M.: Sinodal'naya tipografiya. 14 p. [in Russian]
- Marchenko, 2022** – *Marchenko, G.V.* (2022). *Istoriya otechestvennoi shkoly i pedagogiki* [History of the national school and pedagogy]. Rostov-na-Donu, Donskoi gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. 187 p. [in Russian]
- Materialy..., 1891** – *Materialy dlya istorii, arkheologii i statistiki goroda Moskvy, po opredeleniyu Moskovskoi gorodskoi Dumy sobrannye i izdannye rukovodstvom i trudami I. Zabelina* [Materials for the history, archeology and statistics of the city of Moscow, according to the definition of the Moscow City Duma, collected and published by the leadership and works of I. Zabelin]. V 2 ch. M.: Moskovskaya gorodskaya tipografiya. [in Russian]
- Mordovchenko, 1959** – *Mordovchenko, N.I.* (1959). *Russkaya kritika pervoj chetverti XIX veka* [Russian criticism of the first quarter of the nineteenth century]. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR (Leningradskoe otdelenie), 431 p. [in Russian]
- OPI GIM** – Otdel pismennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Department of Written Sources of the State Historical Museum].
- Pogodin, 2006** – *Pogodin, M.P.* (2006). *Istoricheskoe poxvalnoe slovo Karamzinu* [Historical commendatory word to Karamzin]. *Karamzin : pro et contra*. SPb., pp. 605-641. [in Russian]
- Sakharov, 1990** – *Sakharov, A.N.* (1990). I. E. Zabelin: novaya otsenka tvorchestva [I. E. Zabelin: a new assessment of creativity]. *Voprosy istorii*. 7(3-1). [Electronic resource]. URL: https://portalus.ru/modules/culture/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1447496607&archive=&start_from=&ucat=& (date of access: 03.04. 2023). [in Russian]
- Sakharov, 1996** – *Sakharov, A.N.* (1996). *Narod – razgadka vsego*. Ivan Egorovich Zabelin [People – the answer to everything. Ivan Egorovich Zabelin] *Istoriki Rossii XVII – nachalo XIX veka*. M.: Skriptorii. Pp. 315-333. [in Russian]
- Torosyan, 2015** – *Torosyan, V.G.* (2015). *Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoi mysli* [History of education and pedagogical thought]. Moscow-Berlin, Direkt-Media, 471 p. [Electronic resource]. URL: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWVpbmNkZmMxNg> (date of access: 03.04. 2023). [in Russian]
- Udalov, 2015** – *Udalov, S.V.* (2015). «Pravoslavie, samodержavie, narodnost»: ideologema nikolaevskogo czarstvovaniya ["Orthodoxy, autocracy, nationality": the ideology of the Nicholas reign] *Voprosy istorii konservatizma*. 11: 144-159. [in Russian]
- Ushinskii, 1871** – *Ushinskii, K.D.* (1871). *Chelovek kak predmet vospitaniya* [Man as a subject of education]. SPb, Tipografiya A. M. Kotomina. Vol. 1. 390 p. [in Russian]
- Yatsenko, 2002** – *Yatsenko, I.V.* (2002). *Predstavleniya I.E. Zabelina o stroenii nasypi kurgana Chertomlyk* [Zabelin's ideas about the structure of the embankment of the Chertomlyk mound]. *Rossiiskaya arkheologiya*. 4: 131-142. [in Russian]
- Zabelin, 1852** – *Zabelin, I.E.* (1852). *Khronika obshchestvennoi zhizni v Moskve s poloviny XVIII stoletiya* [Chronicle of public life in Moscow since the half of the XVIII century]. SPb. 41 p. [in Russian]
- Zabelin, 1855** – *Zabelin, I.E.* (1855). *O nachal'nom obrazovanii do Petra Velikogo preimushchestvenno v tsarskom bytu* [About primary education before Peter the Great mainly in the royal life]. *Moskovskie gubernskie vedomosti*. Department 2. 1855. August 6 (No. 32). Pp. 317-320. [in Russian]
- Zabelin, 1856** – *Zabelin, I.E.* (1856). *Kharakter drevnego narodnogo obrazovaniya v Rossii*. Neskol'ko zapisok o «Zametke dlya istorii prosveshcheniya v Rossii» g. Kupiriyanova [The nature of ancient public education in Russia. A few notes about the "Note for the history of Enlightenment in Russia" by G. Kupiriyanov]. *Otechestvennye zapiski*. Vol. 105. Book 1. From.2. Pp. 1-20. [in Russian]
- Zabelin, 1862** – *Zabelin, I.E.* (1862). *Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletii*. V 2 t. T. 1. *Domashnii byt russkikh tsarei v XVI i XVII stoletii* [The home life of the Russian people in the XVI and XVII centuries. In 2 vols. Vol. 1. The home life of the Russian tsars in the XVI and XVII centuries]. M.: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii. 530 p. [in Russian]
- Zabelin, 1865** – *Zabelin, I.E.* (1865). *Istoricheskoe opisanie moskovskogo stavropigial'nogo Donskogo monastyrya* [Historical description of the Moscow Stavropol Donskoy Monastery]. M.: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii. 160 p. [in Russian]
- Zabelin, 1865–1867** – *Zabelin, I.E.* (1865–1867). *Skifskie mogily. Chertomlykskii kurgan* [Scythian graves. Chertomlyk kurgan]. *Drevnosti*. Vol. 1. pp. 56-93. [in Russian]

Zabelin, 1869 – Zabelin, I.E. (1869). Domashnii byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletii. V 2 t. T. 2. Domashnii byt russkikh tsarits v XVI i XVII stoletii [The home life of the Russian people in the XVI and XVII centuries. In 2 vols. 2. The home life of Russian tsars in the XVI and XVII centuries]. M.: Tipografiya V. Gracheva i Kompanii. 670 p. [in Russian]

Zabelin, 1872 – Zabelin, I.E. (1872). Sovremennye vzglyady i napravleniya v russkoi istorii [Modern views and directions in Russian history]. Opyty izucheniya russkikh drevnostei i istorii. Ch. 1. M.: Tipografiya Gracheva i K, 569 p. [in Russian]

Zabelin, 1873 – Zabelin, I.E. (1873). Kuntsevo i drevnii Setunskii stan: istoricheskie vospominaniya [Kuntsevo and the ancient Setun Camp: historical memories]. M.: K.T. Soldatenkov. 258 p. [in Russian]

Zabelin, 2001 – Zabelin, I.E. (2001). Dnevnik. Zapisnye knizhki: (1837-1908) [Diaries. Notebooks: (1837-1908)]. M.: Izdatel'stvo im. Sabashnikovyx. 383 p. [in Russian]

Zabelin, 2009 – Zabelin, I.E. (2009). Russkaya istoriya: kurs lektsii ; Russkie drevnosti, ili arkhеologiya: kurs lektsii [Russian history: a course of lectures ; Russian antiquities, or archeology: a course of lectures]. M.: Gosudarstvennyi universitet po zemleuстроistvu. 387 p. [in Russian]

Zabelin, 2015 – Zabelin, I.E. (2015). Skifiya i sarmatiya [Scythia and Sarmatia]. M.: Veche. 352 p. [in Russian]

И.Е. Забелин как преподаватель российской словесности (по архивным материалам)

Юлия Георгиевна Кокорина ^{a, *}, Владислав Афиногенович Чернов ^{b, d}, Махач Мустафаевич Вагабов ^a, Наркиза Абриковна Мороз ^c

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

^b Тихоокеанский государственный университет, Российская Федерация

^c Тюменский государственный университет, Российская Федерация

^d Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Российская Федерация

Аннотация. Авторы рассматривают структуру и концепцию преподавания русской словесности выдающегося российского историка И.Е. Забелина (1820–1908). В историографии известны работы ученого по истории и археологии, тогда как взгляды его на русскую литературу и ее преподавание рассматриваются впервые. Современным педагогам обращение к «Курсу российской словесности», который хранится в архиве ученого, позволяет понять гражданскую сущность преподавания литературы. Авторы вводят в научный оборот архивные материалы, используют дневниковые записи ученого и воспоминания его учеников. Педагогическая деятельность И.Е. Забелина приходится на 1853–1869 годы, когда концепция преподавания литературы только выработывалась. Ученый работал в Константиновском межевом институте и Школе топографов в эпоху острых дискуссий о будущем российской системы образования. Документы показывают, что И.Е. Забелин стоял вне политических сил того времени, но его педагогические взгляды были явно прогрессивными, перекликались с идеями основоположника русской педагогики К.Д. Ушинского (1823–1871). И.Е. Забелин учил любить и понимать идеи и чаяния своего народа, понятие «народность» пронизывает весь его курс. Педагог ставил своей целью воспитать в учащихся любовь к русскому слову, прививал культуру мышления и высказывания своих мыслей. Внимание ученого к чтению, настоящий гимн которому содержит курс словесности, осознание необходимости трезвой оценки политической ситуации звучит актуально и в наши дни. И.Е. Забелин применял передовые научные методики, использовал прогрессивные учебники и хрестоматии. Он трактовал только недавно открытые литературные памятники, был в курсе последних достижений в литературоведении. Глубину и ценность его курсу придает понимание ученым единства исторического и литературного знания, внимание к теоретическим основам обеих наук, философии знания в целом. Авторский «Курс российской словесности» И.Е. Забелин разрабатывал с опорой на литературные источники, осознавал необходимость в беседе учителя с учениками, которая будила бы мысль, вовлекала в работу весь класс, формировала гражданскую позицию обучающихся. Как исторические дисциплины, так и литературу И.Е. Забелин преподавал увлекательно и эмоционально, его лекции запоминались студентам на многие годы. Личность И.Е. Забелина, талантливо сочетавшего в себе черты и ученого, и педагога, видевшего необходимость не только в обучении предмету, но и в воспитании молодого поколения, является достойным примером для наших современников.

Ключевые слова: история педагогики, история России второй половины XIX века, И.Е. Забелин, методика преподавания литературы в XIX веке, Константиновский межевой институт, Школа топографов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина), prof2597@gmail.com (В.А. Чернов), 9162803@mail.ru (М.М. Вагабов), narkiza-moroz@mail.ru (Н.А. Мороз)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1717-1725
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1717

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Pension System in the Russian Empire in the 19th – early years of the XX centuries as a Complex of Legislation and Institutions

David I. Raskin ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to a comprehensive description of the pension system in the Russian Empire in the 19th – early years of the XX centuries. The foundations of this system were laid by the Pension Statute of 1827. The general pension statute was supplemented by numerous provisions on pensions for “special branches of service”, more favorable for their recipients both in terms of the amount of payments and the length of service of the pension. Already by the middle of the nineteenth century it became clear that the pension provision for the bulk of officers and civil officials was insufficient, due to the lag of pensions (according to the categories of the Pension Statute, as well as the salaries of officers) from the growth of salaries received in the service. As a partial compensation for the inadequacy of pensions from the late 1850s emerital cash desks appeared, first in the Naval and Military Departments, and then in some civilian ones. Emerital pensions supplemented state pension provision. For some (relatively small) part of the military personnel, there were also pensions and benefits issued by state and semi-state charitable institutions and organizations (Alexandrovsy Committee on the Wounded, Skobelevsky Committee, etc.). There was also a Charity Committee for Honored Civil Officials. These institutions and organizations provided assistance only to retired officers and officials who had no means of subsistence. The practice of applying the Pension Statute also included the appointment of “reinforced pensions”. This practice was quite widespread in the civilian department, but was relatively rare in the military. Starting from the 2nd half of the 19th century the pension system began to extend to employees of zemstvo institutions and teachers of public schools. This provision was carried out at the expense of special emerital (pension) funds. The Orthodox parish clergy received state pensions, as well as pensions from diocesan emeritus funds. The main drawback of the pension system of the Russian Empire was the lack of necessary reforms.

Keywords: Russian Empire, pensions, emeritus funds, enhanced pensions, bureaucracy, officers, zemstvo, parish clergy.

1. Введение

Пенсионное обеспечение в дореволюционной России включало как систему пенсий гражданским и военным государственным служащим и их семьям, в основе своей установленную Пенсионным уставом 1827 г. и дальнейшими поправкам к нему, пенсионное обеспечение служащих учреждений и ведомств, находившихся на особом привилегированном положении (например, служащих придворного ведомства), так и особые виды пенсий, дополнявших или расширявших систему государственных пенсий.

Для комплексной характеристики пенсионной системы Российской империи необходимо также учитывать наличие особых государственных и полугосударственных благотворительных учреждений, осуществлявших пенсионное обеспечение отдельных групп военных и гражданских служащих, например, Александровского комитета.

* Corresponding author

E-mail addresses: d.raskin@mail.ru (D.I. Raskin)

И, наконец, существенную роль в функционировании государственной пенсионной системы играли достаточно многочисленные исключения из действовавших правил, порядок которых был также установлен законодательно и закреплен бюрократической практикой.

В целом можно сказать, что пенсионное обеспечение в Российской империи представляло собой сложную мозаику различных видов пенсий, узаконений и правил, специальных учреждений, а также источников финансирования выплаты пенсий и пособий. В этой мозаике не всегда могли разобраться и современники.

Впрочем, в этом отношении Российская империя мало чем отличалась от других европейских государств.

Общая оценка системы пенсионного обеспечения в Российской империи требует комплексного подхода.

Настоящая статья является итогом серии публикаций, посвященных истории пенсионного обеспечения в Российской империи.

2. Материалы и методы

Основным источником изучения истории пенсионного обеспечения в Российской империи являются правительственные узаконения. Они опубликованы в Полном собрании законов Российской империи.

Важные сведения о состоянии системы пенсионного обеспечения в России в середине – второй половине XIX в. содержатся в материалах Комиссии для пересмотра Правил о служебных преимуществах и Пенсионного устава (1866–1881 гг.).

Ценным источником являются данные по истории государственных учреждений, осуществлявших управление назначением пенсий, имеющиеся в справочной литературе, а также в ведомственных юбилейных изданиях (например, Военного министерства).

Для оценки применения пенсионного законодательства привлечены также свидетельства современников и участников процесса, в частности, военного министра А.Ф. Редигера.

Впервые вводится в научный оборот комплекс материалов о назначении усиленных пенсий и пособий, отложившийся в журналах Комитета министров и отдельно в выписках из журналов Комитета и Совета министров за 1886–1916 гг. в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Исследование осуществлено с применением классических методов исторического анализа.

Основным подходом к изучению системы пенсионного обеспечения в Российской империи является комплексный анализ действовавшего законодательства в сочетании с анализом сведений о его применении, а также о деятельности учреждений, осуществлявших администрирование пенсионного обеспечения.

3. Обсуждение

История пенсионного обеспечения в Российской империи не обойдена вниманием историков. Но среди авторов работ по истории пенсий в дореволюционной России преобладают правоведы. В силу специфики историко-правовых исследований они опираются на законодательные источники, что не только сужает источниковедческую базу этих исследований, но и приводит к недостаточно полному и всестороннему анализу. Работы, посвященные общей характеристике пенсионной системы в дореволюционной России, носят в основном обзорный характер (Федяев, 2008; Кульчитцкий, 2008; Халтурина, 2009; Ермаков, 2011; Чеснокова, 2012; Бокарев, 2018; Лапаева, 2020). Даже в наиболее обстоятельном исследовании Д.Б. Гусакова (Гусаков, 2015) при перечислении форм пенсионного обеспечения гражданских и военных служащих имеются лакуны. В частности, в ней отсутствуют сведения о Пенсионной кассе народных учителей и учительниц, проигнорирована практика назначения усиленных пенсий.

4. Результаты

Зарождение и становление пенсионной системы в России происходило (с поправками на российскую специфику) в основном по тем же закономерностям и в то же время, что и в других европейских государствах, в особенности близких во многих отношениях к России Австрии и Пруссии. Достаточно упомянуть, что принятие общих пенсионных уставов произошло в этих государствах почти синхронно: в 1820 г. в Австрии, в 1825 г. в Пруссии (Соловьев, 1893: 99, 121) и в 1827 г. (после более чем десятилетней подготовки и обсуждения) в России.

Предыстория и история разработки Пенсионного устава 1827 г., а также его дальнейшего развития нашла отражение в наших предшествующих публикациях (Raskin, 2020; Раскин, Солнышкин, 2022; Раскин, 2023).

Пенсии гражданским чиновникам, назначавшиеся по 9 пенсионным разрядам, первоначально соответствующим усредненным окладам основных должностей, включенных в эти разряды, по мере повышения окладов стали составлять все меньшую и меньшую часть жалованья (Raskin, Nikitin, 2023: 1181–1183). Это отставание затрагивало и офицеров высших чинов (III–VII классов), получавших столовые

деньги, т.к. их пенсии были установлены в размере пенсий по 1 – 5 разряду (Raskin, 2020: 2489-2490). Кроме того, содержание офицеров включало, помимо жалованья, различные выплаты (столовые, квартирные и т. д.), причем повышение содержания военнослужащих осуществлялось в значительной степени как раз за счет этих выплат. Недостаточность пенсионного обеспечения как военных, так и гражданских служащих стала очевидной уже к середине XIX в. Но попытки реформы пенсионной системы ни к чему не привели (Raskin, Solnyshkin, 2022: 1716-1717).

В военном ведомстве, однако, в кон. XIX – нач. XX в. удалось добиться некоторых положительных изменений, связанных с необходимостью как омоложения командного состава, так и улучшения материального положения офицеров. 3 июля 1899 г. при принятии временных правил о предельном возрастном цензе для выходящих в отставку (и прослуживших 35 лет) были установлены пенсии в размере 80 % их содержания на службе. В 1906 г. Военному министерству удалось добиться принятия временных правил, по которым вместо прежних пенсионных окладов по 25-летнему и 35-летнему стажу вводилось начисление пенсий за каждый год службы (с соответствующим повышением по мере увеличения стажа) (Редигер, 1999: 34-36, 232). Это были лишь временные меры. Правила 1906 г. должны были действовать до 1909 г., а затем продлены до 1912 г. 23 июня 1912 г. был утвержден Закон о пенсиях и единовременных пособиях чинам военного ведомства и их семьям (3 ПСЗ. Т. 32. № 37442). По этому закону за 25 лет службы назначалась пенсия в размере 1/2 содержания, а за каждый год, прослуженный сверх 25 лет (до 35 лет) – трехпроцентная надбавка. Но общий размер пенсии не должен был превышать 80 % содержания. При этом учитывался как должностной оклад, так и столовые и др. добавочные выплаты. Соответствующие льготы были установлены для участников военных действий, увольняемых по болезни и т. д. Так в преддверии Первой мировой войны удалось улучшить пенсионное обеспечение офицеров.

Хотя в указе от 6 декабря 1827 г. содержалось обещание в будущем установить положение об инвалидном содержании нижних чинов, но лишь Устав о воинской повинности 1874 г. включал норму о выплате нижним чинам, потерявшим на службе трудоспособность, – 3 руб. в месяц, а требовавшим ухода – 6 руб. (Блинов, 1915: 1). В 1905–1906 гг. были приняты законы об обеспечении детей солдат, павших на войне (Семионкина, 2015: 24). Наконец, 25 июня 1912 г. был утвержден Закон о признании нижних чинов и их семейств (3ПСЗ. Т. 32. № 37507). Этот закон окончательно урегулировал вопрос о материальном обеспечении раненых нижних чинов, их вдов и детей. Отметим, что пенсионное обеспечение нижних чинов было компенсацией за утраченную на службе трудоспособность и не наградой за службу. Эта норма соответствовала законодательству других европейских государств.

Важной частью российской системы пенсионного обеспечения офицерского корпуса стали эмеритальные кассы.

Проект замены государственных пенсий эмеритальными, обсуждавшийся в 1843–1851 гг., не получил поддержки в силу своей нереальности (Раскин, Солнышкин, 2022: 1714). Но идея эмеритуры как дополнения к существующим казенным пенсиям и, следовательно, способ улучшения материального положения военных пенсионеров была подхвачена в середине 1850-х гг. Возглавлявший Морское ведомство вел. кн. Константин Николаевич добился утверждения (30 апреля 1858 г.) проекта эмеритальной кассы этого ведомства и крупных ассигнований из казны для образования первоначального капитала. Благодаря этому касса стала действовать уже с 1 января 1859 г. (Кацан, 1917: 1-8).

По примеру Морского ведомства 25 июня 1859 г. было утверждено Положение об Эмеритальной кассе военного ведомства. Эта касса также получила крупное пособие от казны. Она начала действовать с 1 мая 1865 г. (Царик, 2007: 42).

Размеры эмеритальных пенсий зависели от ежегодного взноса (процент от жалованья) и количества «платных лет». По свидетельству военного министра А.Ф. Редигера, эмеритальные пенсии превышали казенные в полтора раза (Редигер, 1999: 33).

Государственное пенсионное обеспечение военнослужащих дополнялось пенсиями из внебюджетных фондов и благотворительных организаций.

Еще до принятия Пенсионного устава был создан «Комитет, Высочайше учрежденный в 18-й день августа 1814 года, для оказания материальной помощи офицерам и солдатам, пострадавшим во врем войн и их семьям», переименованный 18 марта 1858 г. в Комитет о раненых, а 12 декабря 1877 г. – в Александровский комитет о раненых. Во главе Комитета стоял председатель (с 1910 г. – по должности военный министр), а члены Комитета назначались в первой половине XIX в. из генерал-адъютантов, со 2-й – из заслуженных боевых генералов. Комитет, числясь по военному ведомству, подчинялся лично императору. Средства Комитета (инвалидный капитал) складывались из пожертвований членов императорской фамилии, частных лиц и обществ, а также из отчислений из различных пожалований из казны, сборов с заграничных паспортов, назначавшихся военными судами денежных взысканий, остатков неизрасходованных казенных сумм по разным ведомствам и т. д. Первым крупным взносом в инвалидный капитал стало пожертвование издателя «Русского инвалида» П.П. Пезаровиуса (395 тыс. руб. асс.). Сумма инвалидного капитала постоянно возрастала, достигнув к 1902 г. 38777730 руб. (Бережков, 1902: 47-53). В 1854 г. денежные суммы комитета были

переданы в Главное казначейство. Комитет назначал пенсии раненым генералам, офицерам, а с 1816 г. и солдатам, выдавал единовременные пособия и займообразные денежные ссуды, определял инвалидов к должностям (в том числе раненных офицеров в гражданское ведомство), помещал инвалидов в благотворительные учреждения, выплачивал пенсии родителям, вдовам и сиротам погибших на войне и обеспечивал воспитание детей раненых офицеров и т. п. ([Высшие и центральные..., 2004: 65-66](#)). Число лиц, получавших пенсии из инвалидного капитала было невелико. С 1814 по 1825 г. было назначено всего 415 пенсий, в царствование Николая I – 2301 генералам и офицерам и 12883 нижним чинам, Александра II – 3288 генералам и офицерам и 29646 нижним чинам. К концу XIX в. число пенсионеров Александровского комитета о раненых достигало ок. 10,5 тыс. человек в год ([Высшие и центральные..., 2004: 64-66](#); [Бережков, 1902: 47-53, 88, 129, 199-200, 123, 2 паг.](#)). Для неимущих генералов и офицеров «покровительство» комитета служило подспорьем к пенсионному обеспечению, но для нижних чинов долгие годы это был единственный источник средств существования при инвалидности.

В XX в. государственная благотворительность сочеталась с частной. Это, прежде всего, Комитет имени генерал-адъютанта М.Д. Скобелева для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам (Скобелевский комитет). Комитет был создан в 1904 г. по инициативе сестры Скобелева кн. Н.Д. Белосельской-Белозерской. Он состоял в ведении МВД и находился под покровительством императора ([Высшие и центральные..., 2004: 159](#)). Выдачей пособий сиротам, павших на войне занимался также Алексеевский главный комитет по призрению лиц, погибших в войне с Японией (с 1914 г. – Алексеевский главный комитет ([Высшие и центральные..., 2004: 160](#))). Помощь пострадавшим на войне солдатам и их семьям оказывало Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, действовавшее в 1906–1917 гг., а помощь попавшим в плен в Порт-Артуре действовавший в 1905–1906 гг. Порт-Артурский комитет ([РГИА, 2012: 187, 189-190](#)).

Пенсионное обеспечение гражданских чиновников не менялось с 1827г. вплоть до 1917 г., хотя недостаточность пенсий была очевидна уже к середине XIX в. Для некоторых привилегированных «родов службы» (придворной, учебной, таможенной и т. д.) эта недостаточность компенсировалась различными льготами по размеру и срокам начисления пенсий ([Раскин, Никитин, 2022: 421-428](#)).

Эмеритальные кассы существовали лишь в некоторых гражданских ведомствах. Создание таких касс для горных инженеров и для инженеров путей сообщения в 1860 г. можно отчасти объяснить военизированным характером Корпуса горных инженеров и Корпуса инженеров путей сообщения, переведенных в гражданское ведомство только в 1867 г. ([2ПСЗ. Т. 42. № 44649, 44897](#)). Впоследствии эмеритальные кассы были созданы и на частных железных дорогах. В 1866 г. началось образование Эмеритальной кассы Министерства юстиции, открытой в 1885 г. ([Щедрина, 2013: 1-7](#)). В 1865 г. была создана Эмеритальная касса служащих детских приютов Ведомства учреждений Императрицы Марии. Имелись эмеритальные кассы и в отдельных учреждениях (Санкт-Петербургской пожарной охране, Санкт-Петербургской Николаевской детской больнице) ([Саламаха, 2022: 81-86](#)). Но в целом в гражданском ведомстве эмеритурой были охвачены лишь отдельные (в основном привилегированные) службы.

Для обеспечения гражданских чиновников, утративших трудоспособность во время службы и не имевших средств существования (а после их смерти – их родителей, вдов и сирот), 21 февраля 1823 г. был учрежден Комитет призрения заслуженных гражданских чиновников. Как и в случае с Александровским комитетом о раненых, здесь действовал принцип пенсионного обеспечения только неимущих, бывший основным до Екатерининских пенсионных реформ. Был образован (путем выделения из Инвалидного капитала) Капитал заслуженных гражданских чиновников. Первоначально делами Комитета заведовал гр. А.А. Аракчеев, после его отставки комитет был передан в военное ведомство и лишь в 1859 г. – в ведение I отделения Собственной е.и.в. канцелярии. Комитет осуществлял выплату пенсий и пособий, а также помещение сирот гражданских чиновников в учебные заведения, вдов и сирот – в благотворительные учреждения ([Высшие и центральные..., 1998: 150-151](#)). Пенсии назначались независимо от служебного стажа, но в соответствии с классом должностей. Их размер соответствовал пенсиям по 2–9 разрядам Пенсионного устава ([Яновский, 1895: 841-842](#)).

Других благотворительных учреждений, предназначенных специально для отставных чиновников, в России, по понятным причинам, не было.

Важным фактором, влиявшим на реальное осуществление пенсионного законодательства, было назначение так называемых усиленных пенсий, размер которых превосходил положенный по Пенсионному уставу. Дела об усиленных пенсиях рассматривались в Комитете министров ([Высшие и центральные..., 1998: 63-64](#)).

Мотивировка назначения усиленных пенсий была различной: особые заслуги, многосемейность, бедственное положение семьи после утраты кормильца, а иногда (что не отражалось в официальной переписке) желание избавиться от устаревшего или по каким-то причинам неугодного сотрудника.

Количество назначавшихся усиленных пенсий и пособий было довольно велико. Например, в 1886 г. было назначено более 2 тыс. усиленных пенсий и пособий ([РГИА. Ф. 1263. Оп. 5. Д. 1-3](#)). Для

сравнения укажем, что за период с 1853 по 1868 г. было сделано 127965 пенсионных назначений (Труды..., 1871: 13), т.е. в среднем по 8 тыс. в год. В 1913 г. было назначено 6898 усиленных пенсий и пособий (РГИА. Ф. 1263. Оп. 5. Д. 85-86).

Эти данные относятся к гражданскому ведомству. Для военных чинов усиленные пенсии также испрашивались, но сравнительно реже. По свидетельству А.Ф. Религера, «Недостатки пенсионного устава уже давно стали вопиющими, и жизнь нашла из них выход в виде испрошения усиленных пенсий, которые по многим гражданским ведомствам уже стали общим правилом, тогда как законные пенсии были исключением. Только по военному и некоторым другим ведомствам усиленные пенсии были сравнительно редки, ввиду существования в них своих эмеритальных касс, выдававших дополнительные пенсии». По мнению А.Ф. Редигера, «назначение усиленных пенсий зависело от согласия министра финансов, которого все остальные министры должны были постоянно просить за своих подчиненных, а это увеличивало влияние и возвышало положение министра финансов» (Редигер, 1999: 34). Судя по документальным данным, свидетельство Редигера об усиленных пенсиях в гражданском ведомстве как об «общем правиле», а также о решающем влиянии министра финансов сильно преувеличено. Но в любом случае практика назначения усиленных пенсий вносила существенные коррективы в применение Пенсионного устава.

Начиная со второй половины XIX в. круг получателей пенсий расширялся за счет лиц, служащих в органах местного самоуправления, преподавателей учебных заведений, а также за счет православного духовенства, формально не состоявшего на государственной службе.

В 1869 г. была открыта эмеритальная касса Тверского земства, в 1877 г. – С.-Петербургского, в 1888 г. – Черниговского, в 1890 г. – Курского, в 1895 г. – Вятского, Московского и Пензенского, в 1896 г. – Екатеринославского и Самарского. Размер этих пенсий зависел от оклада и продолжительности службы. Для получения пенсии в размере полного оклада требовался (в разных земствах) стаж от 25 до 30 лет. В то же время в ряде земств получатели наиболее высоких окладов могли рассчитывать на пенсию лишь в размере 1/3 заработка, а земские учителя – на пенсию, даже превышающую их жалованье (Кульчицкий, 2018: 238).

12 июня 1900 г. было принято положение о Пенсионной кассе народных учителей и учительниц. Обязательными участниками кассы были учителя и учительницы начальных учебных заведений, содержащихся за счет сметы МНП (если их служба не давала права на казенные пенсии). Преподаватели всех остальных начальных учебных заведений могли быть добровольными участниками кассы. Касса содержалась за счет обязательных отчислений из жалованья ее участников, пособий из средств казны, а также добровольных пожертвований и доходов с принадлежащих кассе капиталов и имущества. Управление кассой состояло при Департаменте народного просвещения Министерства народного просвещения (Высшие и центральные..., 2002: 135).

Православные священно- и церковнослужители не считались государственными служащими, хотя фактически Святейший Синод и подчиненные ему учреждения были включены в систему государственных учреждений Российской империи. Поэтому Пенсионный устав на них не распространялся. Лишь в 1866 г. появились временные правила о пенсиях и пособиях священнослужителям «Епархиального ведомства». Прослужившим в сане 35 лет и более полагалась пенсия 70 руб. в год, а их вдовам – 35 руб. В 1867 г. эти пенсии были увеличены до, соответственно, 90 и 55 руб., а в 1879 г. – 130 и 65 руб. Наконец, 1 июня 1902 г. был принят «Устав о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям и псаломщикам епархиального ведомства». По этому уставу полная пенсия за 35 лет службы составляла для кафедральных протоиереев 500 руб. в год, священников и протодиаконов – 300 руб., диаконов и иподиаконов – 200 руб. и т. д. Прослужившие от 20 до 30 лет могли рассчитывать на 1/3 полной пенсии, от 30 до 35 лет – 2/3. Для утративших трудоспособность на службе предусматривались сокращенные сроки (Иконников, 2017: 47-48). С конца XIX в. в епархиях стали создаваться эмеритальные кассы (Мышцын, 1900: 731-754), также способствовавшие улучшению положения приходского духовенства.

Процесс введения социального страхования для рабочих, начатый известными указами 21 июня 1912 г. (ЗПСЗ. Т. 32. № № 37444, 37445, 37446, 37447) в Российской империи так и не был завершен.

5. Заключение

Система пенсионного обеспечения в Российской империи в XIX – начале XX в. развивалась как сложный комплекс узаконений и учреждений. В нее входили, наряду с общим Пенсионным уставом, многочисленные уставы и особые правила для отдельных родов службы.

Система казенных пенсий дополнялась эмеритальными пенсиями и пенсиями особых благотворительных учреждений (прежде всего, для военных, но отчасти и для гражданских служащих).

Система пенсионного обеспечения охватывала офицерский корпус и гражданское чиновничество. В пореформенную эпоху эта система стала распространяться также на служащих органов местного самоуправления, учителей народных училищ и на православное приходское духовенство. Расширение сферы пенсионного обеспечения стало важной вехой в истории развития российской пенсионной системы.

Применение Пенсионного устава на практике корректировалось назначением усиленных пенсий. Масштаб этой корректировки к концу XIX – началу XX в. был достаточно значимым.

Главным недостатком российской пенсионной системы была ее высокая инерционность, отсутствие существенных изменений в пенсионном законодательстве, несмотря на общее осознание его недостаточной эффективности и, соответственно, неуклонно нараставший архаизм системы. При всех дополнениях и корректировках пенсионная система в Российской империи не обеспечивала сколько-нибудь достаточного уровня жизни как самих пенсионеров, так и их семейств.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта РНФ № 22-28-00060.

Литература

2ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 42. 1206 с.

3ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 32. 1790 с.

Бережков, 1902 – *Бережков Д.И.* Александровский комитет о раненых. Исторический очерк // *Столетие Военного министерства*. Т. XIII. – СПб.: Тип. Товарищества М.О. Вольф, 1902. 395 с.

Блинов, 1915 – *Блинов И. А.* Пенсии солдатам, их вдовам и сиротам: закон 25 июня 1912 года с изданными в дополнение его инструкциями и разъяснениями Правительств. сената: (уст. пенс. Св. зак. т. III по прод. 1912 г. ст. 807-865). Пг.: Сенатск. тип., 1915. 77 с.

Бокарев, 2018 – *Бокарев Ю.П.* Первые пенсионные системы Российской империи // *Вестник ЮУрГУ*. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18. № 4. С. 17-18.

Высшие и центральные..., 1998 – Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В четырех томах. Т. 1. Высшие государственные учреждения / Отв. ред. Н.П. Ерошкин, отв. сост. Д.И. Раскин. СПб.: Наука, 1998. 302 с.

Высшие и центральные..., 2002 – Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В четырех томах. Т. 3 Центральные государственные учреждения / Отв. ред. и отв. сост. Д.И. Раскин. Санкт-Петербург: Наука, 2002. 228 с.

Высшие и центральные..., 2004 – Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В четырех томах. Т. 4. Центральные государственные учреждения. Министерство иностранных дел. Военное министерство. Морское министерство / Отв. ред. и отв. сост. Д.И. Раскин. СПб.: Наука, 2004. 314 с.

Гусаков, 2015 – *Гусаков Д.Б.* Генезис государственного пенсионного обеспечения и социального страхования в Российской империи: историко-правовой вопрос: дисс. ... канд. юр. наук. СПб., 2015. 161 с.

Ермаков, 2013 – *Ермаков Д.Н.* Тенденции развития российской пенсионной системы: дис. ... док. экон. наук. М., 2013. 421 с.

Иконников, 2017 – *Иконников С.А.* Пенсионное обеспечение приходского духовенства Православной российской церкви: история установления // *Вестник ВГУ*. Серия: история, политология, социология. 2017. № 4. С. 46-50.

Кацан, 1917 – *Кацан М.А.* Исторический очерк деятельности Эмеритальной пенсионной кассы Морского ведомства с ее основания до 1916 г. Петроград: Типография Морского министерства, 1917. 101 с.

Кульчитцкий, 2008 – *Кульчитцкий А.В.* История пенсионного обеспечения россиян: 1827-1917 гг. // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. Аспирантские тетради. № 35 (76). Ч. 1. Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. СПб.: Книжный дом, 2008. С. 199-204.

Кульчитцкий, 2018 – *Кульчитцкий А.В.* История пенсионного обеспечения земских служащих: 1861 – 1917 годы // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия История и право. 2018. Т. 8. № 3 (28). С. 237-241.

Лапаева, 2020 – *Лапаева А.В.* Пенсионное обеспечение в Российской империи в период действия Устава о пенсиях и единовременных пособиях государственным (военным и гражданским) служащим 1827 г. / *Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: сб. материалов XVII Междунар. науч.-прак. конф.* Тольятти, 2020. С. 30-33.

Мышцын, 1900 – *Мышцын В.Н.* Эмеритальные кассы духовенства // *Богословский вестник*. 1900. Т. 1. № 4. С. 731-754.

Раскин, 2023 – *Раскин Д.И.* Предпосылки российской системы пенсионного обеспечения в законодательстве Петра Великого / *Не чародей, а гений...». Личность Петра Великого на фоне эпохи. Материалы XV Международного петровского конгресса*. Санкт-Петербург, 9–11 июня 2022 года. СПб.: Европейский дом, 2023. С. 155-160.

Раскин, Никитин, 2022 – *Раскин Д.И., Никитин Ф.Н.* Пенсионное обеспечение «особых родов службы» в системе государственного аппарата Российской империи (XIX – нач. XX в.) // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 7. С. 417-431.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

- РГИА, 2012** – Российский государственный исторический архив. Путеводитель в четырех томах. Изд. 2-е, доп. и испр. Т. 3. Фонды общественных и частных учреждений и организаций. СПб.: Лики России, 2012. 223 с.
- Редигер, 1999** – Редигер А.[Ф]. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х томах А.Ф. Редигер. Т. 2. М.: «Канон-пресс Ц», «Кучково поле», 1999. 528 с.
- Саламаха, 2022** – Саламаха Д.И. Организация и деятельность эмеритальных касс в России в XIX веке // *Glossa: Вестник студенческой науки*. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. 2022. № 6. С. 81-86.
- Семионкина, 2015** – Семионкина Н.Г. Правовое регулирование социального обеспечения нижних чинов в Российской империи (опыт начала XX века) // *Российское государственное управление*. 2015. № 4. С. 21-29.
- Соловьев, 1893** – Соловьев Н.И. Пенсии военным офицерским чинам и их семьям в России, Германии, Австрии и Франции. СПб., 1893. 279 с.
- Труды..., 1871** – Труды высочайше утвержденной комиссии для пересмотра правил о служебных преимуществах и пенсионного устава. СПб., 1871. 692 с.
- Федяев, 2008** – Федяев Г.Н. Пенсионная политика государства в дореволюционной России // *Вестник Московского университета МВД России*. 2008. № 7. С. 166-168.
- Халтурина, 2009** – Халтурина О.А. Исторический опыт пенсионного обеспечения в России // *Сибирская финансовая школа: АВАЛЬ*. 2009. № 3. С. 153-158.
- Царик, 2007** – Царик В.С. Учреждение эмеритальной кассы в Российской армии. Вторая половина XIX века // *Военно-исторический журнал*. 2007. № 10. С. 41-45
- Чеснокова, 2012** – Чеснокова Ю.В. Становление пенсионного обеспечения в России в XVI – начале XX вв. // *Известия ПГПУ имени В.Г. Белинского*. 2012. № 28. С. 173-175.
- Щедрина, 2013** – Щедрина Ю.В. Создание Эмеритальной кассы судебного ведомства в 1860-х – середине 1880-х гг. (К вопросу о социально-экономических гарантиях независимости судей) // *Электронный журнал «Вестник МГОУ»*. 2013. №4. С. 1-7. [Electronic resource]. URL: www.evestnik-mgou.ru
- Яновский, 1895** – Яновский А. Е. Комитет призрения заслуженных гражданских чиновников // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907. Т. XVa (1895): Коала — Конкордия. С. 841-842.
- Raskin, 2020** – Raskin D.I. Pension Reform of Nikolai I // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 58. Is. 4: 2485-2494. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2485
- Raskin, Solnyshkin, 2022** – Raskin D.I., Solnyshkin A.A. The Fate of the Pension Statute of 1827 in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1712-1720. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1712
- Raskin, Nikitin, 2023** – Raskin D.I., Nikitin Ph.N. The Financial Situation of Retired Russian Officials (19th – early 20th centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1179-1186. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1179

References

- 2PSZ** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii). Sobranie 2-e [The complete collection of laws of the Russian Empire). 2nd collection]. Vol. 42. 1206 p. [in Russian]
- 3PSZ** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii). Sobranie 2-e [The complete collection of laws of the Russian Empire). 3rd collection]. Vol. 32. 1790 p. [in Russian]
- Berezhkov, 1902** – Berezhkov, D.I. (1902). Aleksandrovskij komitet o ranenyyh. Istoricheskij ocherk [Alexander Committee on the wounded. Historical sketch]. Stoletie Voennogo ministerstva. Vol. XIII. SPb.: Tip. Tovarishhestva M.O. Vol'f, 395 p. [in Russian]
- Blinov, 1915** – Blinov, I.A. (1915). Pensii soldatam, ikh vdovam i sirotam: zakon 25 iyunya 1912 goda s izdannymi v dopolnenie ego instruktsiyami i raz'yasneniyami Pravitel'stv. senata: (ust. pens. Sv. zak. t. III po prod. 1912 g. st. 807-865) [Pensions for soldiers, their widows and orphans: law of June 25, 1912 with instructions and clarifications from Governments issued in addition to it. Senate: (stat. pension. St. law vol. III on cont. 1912, art. 807-865)]. Pg.: Senatsk. tip., 77 p. [in Russian]
- Bokarev, 2018** – Bokarev, Yu.P. (2018). Pervye pensionnye sistemy Rossijskoj imperii [The first pension systems of the Russian Empire]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»*. 18(4): 17-18. [in Russian]
- Chesnokova, 2012** – Chesnokova, Ju.V. (2012). Stanovlenie pensionnogo obespechenija v Rossii v XVI – nachale XX vv. [The formation of pension provision in Russia in the 19th century - the beginning of the 20th century]. *Izvestija PGPU imeni V.G. Belinskogo*. 28: 173-175. [in Russian]
- Ermakov, 2013** – Ermakov, D.N. (2013). Tendentsii razvitiya rossijskoj pensionnoj sistemy [Trends in the development of the Russian pension system]: dis. ... dok. jekon. nauk. M., 421 p. [in Russian]
- Fedyaev, 2008** – Fedyaev G.N. (2008). Pensionnaja politika gosudarstva v dorevoljucionnoj Rossii [State pension policy in pre-revolutionary Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 7: 166-168. [in Russian]
- Gusakov, 2015** – Gusakov, D.B. (2015). Genezis gosudarstvennogo pensionnogo obespechenija i social'nogo strahovanija v Rossijskoj imperii: istoriko-pravovoj vopros [The genesis of state pensions and

- social insurance in the Russian Empire: a historical and legal issue]: diss. ... kand. jur. nauk. SPb., 161 p. [in Russian]
- Halturina, 2009** – *Halturina, O.A.* (2009). Istoricheskij opyt pensionnogo obespechenija v Rossii [Historical experience of pension provision in Russia]. *Sibirskaja finansovaja shkola: AVAL*. 3: 153-158. [in Russian]
- Ikonnikov, 2017** – *Ikonnikov, S.A.* (2017). Pensionnoe obespechenie prihodskogo duhovenstva Pravoslavnoj rossijskoj cerkvi: istorija ustanovlenija [Pension provision for the parish clergy of the Russian Orthodox Church: history of establishment]. *Vestnik VGU. Serija: istorija, politologija, sotsiologija*. 4: 46-50. [in Russian]
- Katsan, 1917** – *Katsan, M.A.* (1917). Istoricheskij ocherk dejatel'nosti Jemeritel'noj pensionnoj kassy Morskogo vedomstva s ee osnovanija do 1916 g. [Historical outline of the activities of the Emerging Pension Fund of the Maritime Department from its foundation to 1916]. Petrograd: Tipografija Morskogo ministerstva, 101 p. [in Russian]
- Kul'chitckii, 2008** – *Kul'chitckii, A.V.* (2008). Istorija pensionnogo obespechenija rossijan: 1827–1917 gg. [The history of pension provision for Russians: 1827-1917]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. Aspirantskie tetradi. Ch. 1. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki: Nauchnyj zhurnal. SPb.: Knizhnyj dom*. 35(76): 199-204. [in Russian]
- Kul'chitckii, 2018** – *Kul'chitckii, A.V.* (2018). Istorija pensionnogo obespechenija zemskih sluzhashhih: 1861 – 1917 gody [History of pension provision for zemstvo employees: 1861 – 1917]. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istoriya i pravo*. 8. 3(28): 237-241. [in Russian]
- Lapaeva, 2020** – *Lapaeva, A.V.* (2020). Pensionnoe obespechenie v Rossijskoj imperii v period dejstvija Ustava o pensijah i edinovremennyh posobijah gosudarstvennym (voennym i grazhdanskim) sluzhashhim 1827 g. [Pension provision in the Russian Empire during the period of the Statute on pensions and lump-sum allowances for state (military and civil) employees of 1827]. *Tatishhevskie chtenija: aktual'nye problemy nauki i praktiki: sb. materialov XVII Mezhdunar. nauch.-prak. konf. Tol'jatti*. Pp. 30-33. [in Russian]
- Myshcyn, 1900** – *Myshcyn, V.N.* (1900). Emerital'nye kassy duhovenstva [Emerital treasuries of the clergy]. *Bogoslouskij vestnik*. 1(4): 731-754. [in Russian]
- Raskin, 2020** – *Raskin, D.I.* (2020). Pension Reform of Nikolai I. *Bylye Gody*. 58(4): 2485-2494. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2485
- Raskin, 2023** – *Raskin, D.I.* (2023). Predposylki rossijskoj sistemy pensionnogo obespechenija v zakonodatel'stve Petra Velikogo [Prerequisites for the Russian pension system in the legislation of Peter the Great]. *Ne charodej, a genij...». Lichnost' Petra Velikogo na fone jepohi. Materialy XV Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. Sankt-Peterburg, 9–11 ijunja 2022 goda. SPb.: Evropejskij dom*. Pp. 155-160. [in Russian]
- Raskin, Nikitin, 2022** – *Raskin, D.I., Nikitin, F.N.* (2022). Pensionnoe obespechenie «osobyh rodov sluzhby» v sisteme gosudarstvennogo apparata Rossijskoj imperii (XIX – nach. XX v.) [Pension provision for “special branches of service” in the system of the state apparatus of the Russian Empire (nineteenth – early twentieth centuries)]. *Nauchnyj dialog*. 11(7): 417-431. [in Russian]
- Raskin, Nikitin, 2023** – *Raskin, D.I., Nikitin, Ph.N.* (2023). The Financial Situation of Retired Russian Officials (19th – early 20th centuries). *Bylye Gody*. 18(3): 1179-1186. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1179
- Raskin, Solnyshkin, 2022** – *Raskin, D.I., Solnyshkin, A.A.* (2022). The Fate of the Pension Statute of 1827 in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 17(4): 1712-1720. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1712
- Rediger, 1999** – *Rediger A.[F]*. (1999). Istorija moej zhizni. Vospominanija voennogo ministra. V 2-h tomah [Story of my life. Memoirs of the Minister of War. In 2 volumes]. Vol. 2. M.: “Kanon-press C”, “Kuchkovo pole”, 528 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- RGIA, 2012** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. Putevoditel' v chetyreh tomah. Izd. 2-e, dop. i ispr. T. 3. Fondy obshhestvennyh i chastnyh uchrezhdenij i organizacij [Russian State Historical Archive. Guide in four volumes. Ed. 2nd, add. and corr. Vol. 3. Funds of public and private institutions and organizations]. SPb.: Liki Rossii, 2012. 223 p. [in Russian]
- Salamaha, 2022** – *Salamaha, D.I.* (2022). Organizatsija i dejatel'nost' jemerital'nyh kass v Rossii v XIX veke [Organization and activities of emerital cash desks in Russia in the 19th century]. *Glossa: Vestnik studencheskoj nauki. Izdanie kafedry teorii i istorii gosudarstva i prava Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6: 81-86. [in Russian]
- Semionkina, 2015** – *Semionkina, N.G.* (2015). Pravovoe regulirovanie social'nogo obespechenija nizhnih chinov v Rossijskoj Imperii (opyt nachala XX veka) [Legal regulation of social security of lower ranks in the Russian Empire (experience of the early twentieth century)]. *Rossijskoe gosudarstvovedenie*. 4: 21-29. [in Russian]
- Shhedrina, 2013** – *Shhedrina, Ju.V.* (2013). Sozdanie Emerital'noj kassy sudebnogo vedomstva v 1860-h – serebine 1880-h gg. (K voprosu o social'no-ekonomicheskijh garantijah nezavisimosti sudej) [Creation of the Emerital Treasury of the Judicial Department in the 1860s – mid-1880s. (On the issue of

socio-economic guarantees of the independence of judges)]. Elektronnyj zhurnal "Vestnik MGOU". 4: 1-7. [Electronic resource]. URL: www.evestnik-mgou.ru [in Russian]

[Solov'ev, 1893](#) – *Solov'ev, N.I.* (1893). Pensii voennym officerskim chinam i ih semejstvam v Rossii, Germanii, Avstrii i Francii [Pensions for military officers and their families in Russia, Germany, Austria and France]. SPb., 279. [in Russian]

[Tsarik, 2007](#) – *Tsarik, V.S.* (2007). Uchrezhdenie emerital'noi kassy v Rossiiskoi armii. Vtoraja polovina XIX veka [Establishment of an emerital cash register in the Russian army. The second half of the XIX century]. *Voенно-istoricheskij zhurnal*. 10: 41-45. [in Russian]

[Trudy., 1871](#) – Trudy vysochajshe utverzhdennoj komissii dlja peresmotra pravil o sluzhebnyh preimushhestvah i pensionnogo ustava [Proceedings of the Supremely Approved Commission for the Revision of the Service Benefit and Pension Rules]. SPb., 1871. 692 p. [in Russian]

[Vysshie i tsentral'nye..., 1998](#) – Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917. V chetyrekh tomakh. T. 1. Vysshie gosudarstvennye uchrezhdeniya [uchrezhdeniya] [Higher and central government institutions of Russia. 1801 – 1917. In four volumes. Vol. 1. Higher government institutions]. Otv. red. N.P. Eroshkin, otv. sost. D.I. Raskin. SPb.: Nauka, 1998. 302 p. [in Russian]

[Vysshie i tsentral'nye..., 2002](#) – Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917. V chetyrekh tomakh. T. 3. Tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya [Higher and central government institutions of Russia. 1801 – 1917. In four volumes. T. 3 Central government agencies]. Otv. red. i otv. sost. D.I. Raskin. Sankt-Peterburg: Nauka, 2002. 228 p. [in Russian]

[Vysshie i tsentral'nye..., 2004](#) – Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917. V chetyrekh tomakh. T. 4. Central'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya. Ministerstvo inostrannyh del. Voенное министерство. Morskoe министерство [Higher and central government institutions of Russia. 1801 – 1917. In four volumes. Vol. 4. Central government agencies. Ministry of Foreign Affairs. War Ministry. Naval Ministry]. Otv. red. i otv. sost. D.I. Raskin. SPb.: Nauka, 2004. 314 p. [in Russian]

[Yanovskii, 1895](#) – *Yanovskij, A.E.* (1895). Komitet prizreniya zaslužennyh grazhdanskih chinovnikov [Charity Committee for Honored Civil Officials]. Entsiklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona : v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890–1907. Vol. XVa (1895): Koala – Konkordija. Pp. 841-842. [in Russian]

Система пенсионного обеспечения в Российской империи в XIX – нач. XX веках как комплекс узаконений и институтов

Давид Иосифович Раскин ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена комплексной характеристике системы пенсионного обеспечения в Российской империи XIX – нач. XX вв. Основы этой системы были заложены Пенсионным уставом 1827 г. Общий пенсионный устав дополнялся многочисленными положениями о пенсиях для «особых родов службы», более благоприятных для их получателей как по размерам выплат, так и по срокам выслуги пенсии. Уже к середине XIX в. выяснилась недостаточность пенсионного обеспечения основной массы офицеров и гражданских чиновников, обусловленная отставанием пенсий (по разрядам Пенсионного устава, а также и по окладам офицеров) от роста жалованья, получаемого на службе. В качестве частичной компенсации недостаточности пенсий с конца 1850-х гг. появились эмеритальные кассы, сначала в Морском и Военном ведомстве, а затем и в некоторых гражданских. Эмеритальные пенсии дополняли государственное пенсионное обеспечение. Для некоторой (сравнительно немногочисленной) части военнслужащих существовали также пенсии и пособия, выдаваемые государственными и полугосударственными благотворительными учреждениями и организациями (Александровский комитет о раненых, Скобелевский комитет и др.). Существовал также Комитет призрения заслуженных гражданских чиновников. Эти учреждения и организации оказывали помощь лишь не имевшим средств к существованию отставным офицерам и чиновникам. Практика применения Пенсионного устава включала также назначение усиленных пенсий. Эта практика была довольно широко распространена в гражданском ведомстве, но в военном была сравнительно редкой. Начиная со 2-й половины XIX в. система пенсионного обеспечения стала распространяться на служащих земских учреждений и учителей народных училищ. Это обеспечение осуществлялось за счет специальных эмеритальных (пенсионных) касс. Православное приходское духовенство получало государственные пенсии, а также пенсии из епархиальных эмеритальных касс. Главным недостатком пенсионной системы Российской империи было отсутствие необходимых реформ.

Ключевые слова: Российская империя, пенсионное обеспечение, эмеритальные кассы, усиленные пенсии, чиновничество, офицерство, земство, приходское духовенство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.raskin@mail.ru (Д.И. Раскин)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1726-1735
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1726

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Impact of Political Exile in the 19th century on the Formation of the Social and Cultural Space of Siberia

Alexander G. Gryaznukhin ^{a,*}, Tatyana V. Gryaznukhina ^a, Ivan A. Pfanenshtil ^a, Semen V. Kozhevnikov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The object of the research is the political exile to Siberia in the 19th century, which, in the context of studying this problem, is considered a social and political phenomenon that played a significant role in the formation of the social and cultural space of the region. The article provides a brief review of the history of political exile, analyzes its composition and number. The exile began to acquire a mass character after the defeat of the Decembrist revolt. With the beginning of the Narodnik movement, the share of nobles in the political exile decreased due to an increase in the number of commoners. Political exiles had a significant impact on the formation of the political beliefs of the ideologists of Siberian regionalism. The high educational level of the exiles and their possession of various professional skills made them in demand in various spheres of the economic and cultural life of Siberia. Educational, scientific, medical, and economic activities were the main activities of the exiles, which allowed them to solve material problems and meet their spiritual needs. The local administration had a mixed attitude toward the exiles. Due to the virtual absence of their own intellectuals, progressive-minded government officials allowed the exiles to engage in activities that were officially prohibited for them. Other government officials, conservative and jealously complying with all the instructions of the central government, on the contrary, subjected them to cruel punishments and persecution. Political exiles made a significant contribution to the establishment of local schools, libraries, and museums. The sources analyzed in the article convincingly show the great impact of political exiles on the worldview and consciousness of Siberians, which in turn led to a change in the social and cultural space of the region as a whole.

Keywords: Siberia, political exile, Decembrists, Petrashevites, regionalism, intelligentsia, J. Kennan.

1. Введение

Вся история освободительного антимонархического движения в России самым непосредственным образом связана с политической ссылкой, которая, будучи своеобразным барометром политической ситуации в стране, отражала исторические процессы, происходившие в Центральной России, являвшиеся, в свою очередь, непосредственной причиной высылки определенных кругов населения за ее пределы, в Сибирь. Многогранность подхода при изучении истории политической ссылки обусловлена тем, что при ее исследовании необходимо рассматривать целый комплекс проблем: эволюцию взаимоотношений государства и общества, вопросы экономического, политического и социально-культурного развития двух регионов, России и Сибири, влияние ссылки на судьбы людей, которые внесли определенный вклад в развитие Сибирского региона.

Ссылкой в Сибирь власть решала сразу две проблемы, с одной стороны ссылка способствовала заселению и колонизации огромного региона, с другой – позволяла избавиться от нежелательных элементов в центральной части страны. Уже в XVII веке Сибирь служила местом изгнания для людей,

* Corresponding author

E-mail addresses: agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin), [tag-kras@mail.ru](mailto>tag-kras@mail.ru) (T.V. Gryaznukhina), IPfanenshtil@sfu-kras.ru (I.A. Pfanenshtil)

представлявших угрозу существующей власти. Первым политическим ссыльным можно считать протопопа Аввакума, сосланного в 1653 г. сначала в Тобольск, затем в Енисейск, а после в Братский острог. В 1711 г. высылке подверглись пленные шведские солдаты, которые принесли с собой в Сибирь элементы европейской культуры. В 1791 г. в Восточную Сибирь был сослан А. Н. Радищев, оказавший значительное влияние на общественные движения конца XVIII – начала XIX вв. Ссылка XVII – XVIII вв. носила беспорядочный характер, отсутствовала какая-либо система в ее организации. Эта характеристика ссылки в Сибирь оставалась верной и на протяжении всего XIX века. Американский исследователь Дж. Кеннан, целью путешествия которого в 1885–1886 гг. было исследование сибирской политической ссылки, писал: «Ссылочная система представляла собой хаос, в котором случай и каприз играли почти одинаково важную роль» (Кеннан, 1999b: 127). XIX век в истории ссылки выделяется особо, так как именно в этот период она стала носить более массовый характер, что было связано с разгромом движения декабристов. Необходимость определить правовой статус оставшихся дворян послужила поводом для отделения политической ссылки от уголовной.

Политические ссыльные, которые в основном были представлены интеллигенцией и разночинцами, помогали решить проблему фактического отсутствия местной сибирской интеллигенции. Дж. Кеннан отмечал, что к своему удивлению среди политических ссыльных он обнаружил высокую степень образованности, знание иностранных языков, литературы и истории зарубежных стран. Его предубежденное мнение о русских нигилистах как людях фанатичных и ограниченных было сильно поколеблено. После многочисленных знакомств Кеннан пришёл к выводу, что это не фанатики, а «люди образованные, рассудительные, умеющие владеть собой» (Кеннан, 1999b: 307).

Рассматривая ссылку как способ расправы с революционерами, правительство стремилось сломить их волю к сопротивлению. В этом оно рассчитывало на суровый климат, тяжелые бытовые условия, незнание ссыльными местных традиций, расселение ссыльных среди инородцев.

Степень влияния политической ссылки на социокультурную жизнь Сибирского региона во многом определялась количеством, социальным статусом, интеллектуальным и нравственным развитием политических ссыльных. Только учитывая в совокупности все эти факторы, можно с достаточной долей достоверности определить роль и степень влияния политической ссылки на формирование социокультурного пространства Сибири.

2. Материалы и методы

Источниками исследования являются документы Государственного архива Красноярского края (г. Красноярск, Российская Федерация), Государственного архива Иркутской области (г. Иркутск, Российская Федерация), воспоминания, травелоги, письма политических ссыльных XIX в.

В качестве теоретико-методологической основы использован комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Историко-генетический метод позволил рассмотреть политическую ссылку XIX в. как социально-политическое явление, оказавшее влияние на эволюцию социокультурного пространства Сибири. Проследить процессы и события в их закономерности и последовательности позволил историко-хронологический метод. Характер и основные направления общественной деятельности политических ссыльных были проанализированы с помощью конкретно-исторического подхода. Историко-биографический метод использован как инструмент анализа обстоятельств жизни и социокультурной деятельности авторов воспоминаний.

3. Обсуждение

Путевые заметки, воспоминания, эпистолярное наследие являются наиболее ценными источниками для исследования темы влияния политссыльных на сибирское социокультурное пространство. В сборник писем политических ссыльных в Восточной Сибири включены письма декабристов и петрашевцев, написанные ими во время пребывания в ссылке и дающие представление об их образе жизни и деятельности (Письма..., 1978). Важным документом, содержащим богатый фактический материал, являются воспоминания Л. Пантелеева, отбывавшего в 1866–1874 гг. сибирскую ссылку за свою революционную деятельность (Пантелеев, 1958). В. Короленко, лично испытавший все тяготы и лишения сибирской ссылки, описал это в своих мемуарах (Короленко, 1985). Воспоминания Н. Ядринцева (Ядринцев, 1979) и Г. Потанина (Потанин, 1983) позволяют проследить отношение местной интеллигенции к политическим ссыльным и выявить степень влияния последних на формирование мировоззрения будущих идеологов сибирского областничества. Фундаментальным можно считать труд американского исследователя Дж. Кеннана, который совершив многомесячное путешествие по местам каторги и ссылки, описал в воспоминаниях свои встречи с политическими ссыльными, условия их проживания и род занятий (Кеннан, 1999a; Кеннан, 1999b).

Общественно-политической деятельности декабристов, их влиянию на сознание сибиряков посвящен сборник статей «Ссылочные декабристы в Сибири» (СДС, 1985). Вклад политических ссыльных в освоение и развитие Шушенского уезда Енисейской губернии рассмотрен в коллективной монографии «История земли Шушенской» (ИЗШ, 2019). Основные проблемы Сибирского региона, включая вопросы политической ссылки, затронуты в книге Л. Олеха (Олех, 2001). Особого внимания

заслуживают тематические сборники, составленные иркутскими учеными и посвященные общественно-политической и культурно-просветительской деятельности политических ссыльных в Сибири. Сборники, выходявшие на протяжении ряда лет, содержат ценный фактический материал, который дает представление об образе жизни, научной, культурной, хозяйственной, общественной деятельности политссыльных ([Ссыльные революционеры..., 1973–1991](#)). С 2000 г. в г. Иркутске возобновился выпуск сборника в обновленном формате ([Сибирская ссылка, 2000–2019](#)). Монография А. Иванова посвящена истории политической ссылки ([Иванов, 2013](#)). О постоянном интересе исследователей к вопросам политической ссылки свидетельствуют журнальные публикации. Деятельность М. Бакунина в Сибири описана в статье Н. Пирумовой ([Пирумова, 1986](#)). Анализ воспоминаний Г. Потанина о петрашевцах произведен в статье Е. Новиковой ([Новикова, 2020](#)). Основные тенденции развития политической ссылки на севере Сибири рассмотрены в статье М. Шиловского ([Шиловский, 2016](#)). Проблемой политической ссылки в контексте социокультурного подхода посвящена статья С. Пятковой ([Пяткова, 2020](#)). Сибирская ссылка как фактор культурного и хозяйственного развития региона рассмотрена в статье А. Иванова и В. Максимовой ([Иванов, Максимова, 2017](#)). Анализ отношений политических ссыльных с местной администрацией представлен в публикации О. Милевского ([Милевский, 2020](#)). Вопросы хозяйственной и просветительской деятельности декабристов рассмотрены в статьях И. Мосиной ([Мосина, 1985](#)), Е. Глазковой ([Глазкова, 2015](#)), Г. Порхунова ([Порхунов, 2001](#)), В. Мауль ([Мауль, 2009](#)). О политической ссылке Иркутской губернии повествуется в статье А. Иванова ([Иванов, 2015](#)). В ряде статей авторов данной работы отражены вопросы формирования национальной идентичности и идейных исканий интеллигенции России XIX в., ее роль в генезисе социокультурного пространства Сибири ([Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015](#); [Gryaznukhin et al., 2021](#); [Gryaznukhina et al., 2021a](#); [Gryaznukhin et al., 2023](#)). Интерес к сибирской политической ссылке со стороны исследователей обусловлен значимостью проблемы. Анализ, обобщение источников и уже опубликованных материалов позволяют найти новые аспекты в изучении данной темы.

4. Результаты

Поражение восстания декабристов и последующие за ним репрессивные меры против участников мятежа знаменуют собой начало массовой политической ссылки в сибирский регион. Необходимо, однако, заметить, что понятие «массовый» имеет относительный характер. В сравнении с предшествующими волнами ссылки количество высланных декабристов может определяться как масса людей, однако в численном выражении оно оставалось малой величиной. Согласно данным профессора А. Дулова, основанных на архивных документах, в Сибирский регион было выслано 109 декабристов ([Дулов, 1973: 22](#)). М. Шиловский приводит другую цифру: согласно его данным, в Сибирь прибыло 124 декабриста ([Шиловский, 2016: 21](#)). Цифры эти несильно разнятся, и вряд ли имеют принципиальное значение в контексте решения поставленной проблемы. Относительно же количества людей, проживавших в данный период в Сибири, которое по официальной статистике составляло около 2 млн. человек ([Рашин, 1956: 68](#)), численность высланных декабристов не выглядит столь внушительно. Соответственно, и их личные контакты с местным населением носили ограниченный, а не массовый характер.

Ценные сведения о жизни, деятельности, роде занятий и устроениях декабристов содержатся в их письмах, которые использованы в данной статье в качестве первоисточника. Стремление декабристов облегчить труд крестьян воплощалось в конкретных делах. Так, К. Торсон в письме к Н. Бестужеву писал, что «решился начать свои занятия постройкою молотильной машины, которая самым решительным образом могла бы показать и принести им пользу». Однако Торсон не смог найти общего языка с местными крестьянами. Решив, что если он строит машину, денег у него много, крестьяне отказывались работать, требуя повысить оплату, поставляли некачественный товар по завышенным ценам. Работы пришлось остановить. Торсон очень сожалел, что эти люди «по своему невежеству не могут понять того, что предлагается для их же собственной пользы» ([Письма..., 1978: 52-57](#)). Различие в культурном уровне привело к взаимному непониманию. Сложившаяся у крестьянства традиция обмануть для получения сиюминутной выгоды столкнулась с высокими морально-нравственными принципами декабриста. Этими же принципами руководствовались декабристы Петровского Завода, когда решили создать хор певчих. Набранные мальчики не умели читать. Постепенно занятия по усвоению грамотности перешли на первое место, а пение – на второе. М. Бестужев писал родным: «Пятерых мальчиков мы приготовили в Нерчинское училище, снабдив платьем, бельем и деньгами» ([Письма..., 1978: 62](#)). Из письма видно, что мальчики находились на содержании декабристов. А нуждающимся декабристам педагогическая деятельность давала возможность решать свои материальные проблемы. Из письма И. Якушкина известно, что Г. Батеньков «дает уроки в двух домах и получает за них 40 руб. серебром в месяц» ([Письма..., 1978: 107](#)). Декабристы, проживавшие в Минусинске, занимались торговлей, закупая хлеб и другие товары в Енисейске. Ф. Шаховский лечил местных жителей, заплатил недоимки за пострадавших от неурожая крестьян ([Шиловский, 2016: 21](#)). Род занятий декабристов определялся необходимостью обеспечить свое материальное существование, организовать свой досуг, нравственной потребностью

оказывать помощь местному населению. Этому сложившемуся образу жизни следовали и ссыльные петрашевцы. Петрашевец Н. Спешнев в письме к А. Спешневой из Александровского завода в 1854 г. писал, что все они вынуждены давать уроки, «каждый из нас зарабатывает 8 или 10 руб. сер. в месяц» (ГАИО. Ф. 777. Оп. 1. Д. 6. Л. 23-24об.). Преподавали русский, французский, немецкий языки, Священную историю, арифметику, географию, историю (Письма..., 1978: 119).

Поражение восстания в Польше в 1830–1831 гг. повлекло за собой новую волну политической ссылки. Жившие на поселении в Енисейской губернии поляки занимались выращиванием овощей. Ян Пенчковский, проживавший в Красноярске, работал часовщиком (Шостакович, 1980: 23). Стремление поляков вернуться на родину толкало их на противоправные действия. Так в 1839 г. властям в результате доноса стало известно, что польскими ссыльными в Кадае была организована мастерская для изготовления фальшивых денег, которые предназначались для организации побега (Шостакович: 1980, 24-25). В Иркутском архиве хранится прошение А. Кредовича генерал-губернатору Восточной Сибири, в котором он просил разрешить ему остаться в Сибири, так как на родине он не надеется найти средств к существованию, а в Сибири он планирует «заняться скотоводством, садоводством, хлебопашеством, рыбной и звериной ловлею» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 6. К. 38. Л. 334-336). В прошении он сообщал, что еще 30 семей хотели бы переселиться в Амурскую область. За сосланного в 1833 г. Х. Вебера ходатайствовал перед шефом III отделения сам Н. Н. Муравьев-Амурский, указывая, что тот способен принести большую общественную пользу, занимаясь предпринимательской деятельностью. Вебер, удачно сплавливая по реке и продавая грузы, доказал выгодность занятий промышленной деятельностью на Амуре. Он хотел также завести частный пароход. В связи с этим генерал-губернатор просил дать ему права гражданства. В результате прошения высшими инстанциями Веберу было разрешено свободное передвижение по всей Сибири, правда, без выезда за ее пределы. Ему была дана возможность «приписаться к городскому сословию в одном из сибирских городов» (ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 11. К. 38. Л. 22-24об.).

Понимая, что при отсутствии местной интеллигенции было невозможно обойтись без знаний и квалификации политических ссыльных, сибирские власти иногда смотрели сквозь пальцы на род занятий ссыльных. Здесь всё зависело от личности чиновника, представлявшего власть. Однако любые попытки общественно-политической деятельности политссыльных, связанные с критикой местной администрации и политикой правительства, пресекались. Это хорошо видно при анализе судьбы М. Петрашевского, который в 1856 г. по амнистии был освобожден от каторжных работ и стал ссыльнопоселенцем. Служа стряпчим в Иркутске, он постоянно выражал свое несогласие с действиями местной администрации, за что был выслан в село Шушенское. В письме к Д. Завалишину из Минусинска в 1860 г. он характеризовал действия местной администрации как безумные и разрушительные для общественного блага. Он писал, что находится «в положении истца против местной администрации» и свою задачу видит в том, чтобы «положить пределы для безумного самовластительства сибирских пашей и сатрапов» (Письма..., 1978: 124). Непримируемость Петрашевского и готовность отстаивать свои убеждения оказали определенное влияние на окружающих его сибиряков, показали иной уровень отношений с властью, а власти – возможность стойкого противостояния ее произволу, внеся тем самым новый элемент в формирование общественного самосознания.

Политическим ссыльным сочувствовали сибирские областники, которые в их среде искали поддержки своим взглядам. Однако, если оппозиционное отношение к власти могло сблизить их, то сепаратистские настроения областников не находили у политических сочувствия. Озабоченные вопросами подъема культуры края, областники хотели использовать знания политссыльных в интересах региона для развития науки, культуры, просвещения. Привлекая политических ссыльных к публицистической деятельности, они надеялись идейно воздействовать на общественное сознание сибиряков. Личные контакты между политссыльными и будущими идеологами областничества способствовали формированию политических убеждений последних. С. Шашков сотрудничал в «Иркутских губернских ведомостях», в которых неофициальную часть материала редактировал петрашевец Н. Спешнев. Встреча Г. Потанина с петрашевцем С. Дуровым в Омске имела для «отца областничества» большое значение. Потанин вспоминал, что после этой встречи он «переменил свои политические убеждения», развеял свое благоговейное отношение к императору и изменил свои взгляды «не только на Николая I, но и вообще на монархизм» (Потанин, 1983: 119-120). В 1858 г. в Томске состоялась встреча Г. Потанина с М. Бакуниным. Сведений об этой встрече немного, но несомненно, что неординарная личность Бакунина не могла не оказать влияния на молодого казачьего офицера. О Бакунине в Томске знали еще до его прибытия и поэтому охотно принимали во всех домах. Сосланный революционер принял прямое участие в судьбе Потанина, снабдив его рекомендательными письмами к М. Каткову. В контексте исследуемой проблемы необходимо отметить, что переведенный в 1859 г. в Иркутск Бакунин, имея большой авторитет у генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского, оказывал ему всяческую поддержку в решении вопросов по освоению Амурского края (Пирумова, 2018: 103). Мировоззрение Г. Потанина, сложившееся не без влияния политссыльных, определило характер его общественной деятельности. Имея большую популярность и авторитет среди населения Сибири, Г. Потанин оказывал большое

влияние на формирование самосознания сибиряков. Таким образом, без всякого сомнения, можно считать, что взгляды и убеждения политссыльных опосредованным образом, через идеологов областничества, повлияли на формирование социокультурной среды региона.

70-е годы XIX века характеризуются в России как время революционного подъема, связанного с движением народников. Ответной мерой на революционные выступления со стороны правительства стало ужесточение репрессивных мер. Генерал-губернаторы имели теперь чрезвычайные полномочия и право высылать неугодных лиц в административном порядке, то есть без приговора суда, что привело к резкому увеличению числа политссыльных. Произвол и несправедливость властей, по мнению Дж. Кеннана, порождали терроризм, который, в свою очередь, явился базой перерастания политической ссылки в массовое явление. Автор «Сибири и ссылки» отмечал, что удивляться надо «не тому, что ссылка административным порядком создает террористов, а скорее тому, что она не сделала террористами весь народ» (Кеннан, 1999а: 240).

Перед ссыльными, попавшими в Сибирь, остро вставал вопрос адаптации, от решения которого зависела их дальнейшая судьба. Необходимо было решить материальные проблемы, определившись с родом занятий, организовать свой досуг. На протяжении всего XIX в. одной из форм общественной деятельности ссыльных, решавшей их материальные проблемы и обеспечивавшей более тесные контакты с местным населением, оставалась педагогическая деятельность, начало которой положили еще декабристы. При Карийской тюрьме ссыльные давали уроки в приюте для арестантских детей и получали жалованье 15 рублей в месяц (ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 683. Л. 6). Политссыльные Якутии организовывали сбор средств для открытия школ в регионе, в которых часто сами и преподавали. Обеспечение школ учебниками и книгами также ложилось на их плечи. Большую роль в организации учебного процесса сыграл писатель В. Короленко. Почти десять лет функционировала созданная ссыльными школа в Олекминске. Используя свои личные способности, ссыльные учителя преподавали якутским и русским детям пение и музыку. Учились как богатые, так и бедные дети (Андреев, 1983: 107-108). Польский политический ссыльный Ф. Кон давал частные уроки сначала в Якутске, затем в Иркутске. Власти относились к педагогической деятельности ссыльных по-разному. Если в Якутске власти понимали, что без участия ссыльных проблему безграмотности решить невозможно, то в Иркутске генерал-губернатором была подготовлена инструкция, которая требовала «воспрещения заниматься политическим ссыльным обучением грамоте детей, иметь какого-либо то ни было рода занятия во всех правительственных учреждениях...» (ГАИО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1596. Л. 77). Власти преследовали нарушителей закона. Крестьяне же относились к ссыльным с доверием, охотно отдавали детей в обучение, скрывали факты их запрещенной деятельности. Сибирская администрация опасалась влияния ссыльных на местное население. Иркутский губернатор в рапорте генерал-губернатору отмечал, что их деятельность «уже отразилась на убеждениях местного населения, которое как бы не видит в лице их действительно вредный в обществе элемент», и «некоторые из ссыльных занимались ранее обучением крестьянских детей». Далее он высказывает опасение, что, став взрослыми, на сходках они будут действовать «в ущерб авторитета своих местных начальников» (ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2813. Л. 16). В 70-е годы в Минусинске преподаванием занималась В. Кропоткина, жена сосланного князя А. Кропоткина. Она добровольно последовала за мужем в ссылку (ГАКК. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1480. Л. 190б.). В Енисейской губернии богатые золотопромышленники обходили запреты властей, желая дать своим детям хорошее образование и привлекая к обучению политссыльных.

Развивающаяся промышленность Сибири нуждалась в квалифицированных кадрах, поэтому местные предприниматели, золотопромышленники, купцы охотно приглашали на работу политических в качестве инженеров, управляющих, изыскателей. Примечательна в этом плане судьба Л. Пантелеева, который в результате своей революционной деятельности в 1866 г. попал в Сибирь, состоял на службе у сибирских золотопромышленников, сначала у Н. Латкина, затем у В. Базилевского, благодаря которому он смог организовать свое собственное дело. На его приисках трудилось 180 рабочих. Конторские служащие почти все были из политических. Будучи хорошим специалистом, имея предпринимательскую жилку, Пантелеев «заработал в Сибири недурной капитал, вывез из Енисейска около тридцати тысяч рублей» (Пантелеев, 1958: 620-621). Ссыльный И. Черский писал своему товарищу Н. Витковскому в 1880 г., что после окончания исследования Байкала хотел бы заняться исследованием Олекминской или Забайкальской системы золотоносных россыпей, но для этого нужно договориться с золотопромышленниками. «Самое большое число людей, которое мне может понадобиться, будет колебаться от трех до шести» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 17. Л. 129-130). В рабочий процесс вовлекалось незначительное количество людей. Ф. Кон в 1894 г. сообщает А. Попову, что получил предложение об изысканиях в Якутском округе на средства И. Сибирякова. Попутно он начал заниматься психофизическими данными якутов (Письма..., 1978: 178). Представленные документы показывают, что предпринимательская и научная деятельность часто переплетались, взаимно дополняя друг друга. Неизгладимый след в развитии культуры края оставил Д. Клеменц, имя которого неразрывно связано с Сибирью. В 1886 г. золотопромышленник Сибиряков обратился к Клеменцу с предложением обследовать прииски Енисейской губернии. В процессе работы Клеменц увлекся социальными вопросами, положением

рабочих. Он считал, что для социально-экономического развития региона надо знать быт рабочих, их юридическое, экономическое положение. Он впервые стал исследовать рабочих как определенную социальную группу, ездил в экспедиции, собирая научный материал. На средства Сибирякова организовал экспедицию в Якутию, привлек к участию в ней многих политссыльных. Он обращался к губернатору с просьбой разрешить научные работы по течению реки Абакан, но власти отказали ему, опасаясь его влияния на рабочих (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 1631. Л. 109). Большая колония политических ссыльных в 30 человек была в Томске. Замечательной личностью среди ссыльных являлся С. Чудновский, который четыре года в одиночной камере ждал приговора суда. Он составил историю учебных заведений Сибири, которая была опубликована в «Памятной книжке» Томской губернии на 1885 год, совершил две научные экспедиции на Алтай, написал книгу, посвященную Енисейской губернии. Книга эта получила премию, учрежденную Красноярской городской думой, как лучшая по этой теме.

Без участия политссыльных было бы невозможно создание местным натуралистом Н.М. Мартяновым музея в Минусинске. Его начинаниям по формированию музея помогал А. Кропоткин, который отбывал ссылку по обвинению в нелояльности, хотя в революционной пропаганде он никогда не участвовал. С его помощью был издан каталог археологической коллекции и атлас с литографическими иллюстрациями, выполненные художником А. Станкевичем и высоко оцененные археологическими обществами Европы. В создании музея принимал участие опытный геолог и археолог Д. Клеменц (Кеннан, 1999b: 269). Являясь помощником Мартянова, он помогал организовать библиотеку, составляя каталог книг. Параллельно он вел метеорологические наблюдения.

Библиотека была открыта в 1883 г. в Семипалатинске благодаря усилиям политического ссыльного Е. Михаэлиса, который был секретарем областного статистического комитета. Она «явилась не только большим благодеянием для политических ссыльных, но и заметно оживила интеллектуальную жизнь города» (Кеннан, 1999a: 198). В 1885 г. на три года административным порядком в Томск был выслан писатель К. М. Станюкович. Его вина заключалась в том, что он придерживался либеральных взглядов и состоял в переписке с политическими эмигрантами. Станюкович много работал, чтобы прокормить семью, писал для журналов, а жена давала уроки музыки (Кеннан, 1999a: 288-289). У них часто бывал князь А. Кропоткин, переведенный в Томск. По делу Д. Каракозова в Сибирь был сослан М. Маркс. В Енисейске он создал метеорологическую станцию и 12 лет наблюдал за погодой, оказывая при этом помощь в создании городского музея (ГАКК. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 57. Л. 1). А. Кузнецов занимался созданием музея в Нерчинске, о чем писал Д. Клеменцу в 1893 г. В целях популяризации музейного дела он использовал публикации Клеменца. Решив положить конец истреблению изюбров, он намеревался написать статью о целесообразности их разведения (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 101. Л. 101-102).

В рамках статьи невозможно даже перечислить имена всех политических ссыльных, вынужденно связавших свою жизнь с Сибирью. Но и приведенный фактический материал убедительно показывает, что их деятельность была весьма значимой и сыграла свою положительную роль в культурном развитии региона. Музеи, библиотеки, издательское дело через подборку экспонатов, книг, публикаций самым непосредственным образом оказывали влияние на сознание местного интеллектуально развитого населения, способствуя тем самым формированию нового социокультурного пространства в регионе.

Отношение местной администрации к ссыльным было разным. По свидетельству Кеннана «Русские чиновники и политические ссыльные нередко питают друг к другу скрытую симпатию, хотя и не обнаруживают этого» (Кеннан, 1999a: 187). Так семипалатинский мировой судья П. Маковецкий относился к политическим ссыльным с большим участием (Кеннан, 1999a: 189). Политссыльные были сосланы в Семипалатинск без суда, административным порядком. Губернатор позволял им давать частные уроки, хотя закон это запрещал. Женщины зарабатывали шитьем, могли вести переписку, иметь незапрещенные книги. Ссыльный Н. Лобановский расписывал занавес для городского театра. А. Леонтьев служил в канцелярии мирового судьи и вместе с ним занимался антропологическими исследованиями киргизов (Кеннан, 1999a: 189-193). Местные жители часто сочувствовали «государственным». Ссыльный Г. Гроссман в письме к М. Брагинскому в 1889 г. писал: «Государственные, составляя заметную часть городского колымского населения, пользуются всеобщим расположением и почетом» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1798. Л. 124). Крестьяне деревни Камышлово привели в порядок старый деревенский этап и украсили его ветками и цветами, проявив таким образом свою симпатию к политическим (Кеннан, 1999a: 196). Однако, власти далеко не всегда проявляли сочувствие к ссыльным. В 1883 г. ссыльные Акмолинска обратились к генерал-губернатору Степного края с просьбой разрешить им давать уроки музыки, которые облегчили бы их материальное положение, но получили отказ со ссылкой на «Положение о полицейском надзоре» (Кеннан, 1999b: 33). Случаи жестокого обращения, избиения политических жандармами не были единичными. Отношение интеллигенции центральной России к политссыльным также было неоднозначным. Часто сочувствие перемешивалось с любопытством, которое возбуждал неведомый край. В Каре на рудниках Кеннан познакомился с Натальей Армфельд и ее матерью, которые были знакомы с Л.Н. Толстым. Он обещал рассказать писателю об их бедственном положении, и обещание

свое выполнил. Однако Толстой «не обнаружил расположения выслушать сообщения о страданиях политкаторжан в Восточной Сибири, ... дал ясно понять, что, хотя ему и жаль многих политических, он ничем не может им помочь» (Кеннан, 1999b: 137). Отказал он в просьбе о пожертвовании для политзаключенных и жене ссыльного А. Успенской. Писатель не одобрял насилия и считал, что революционеры, проявляя насилие, совершенно справедливо сами страдают от него.

Политические ссыльные имели ограниченные непосредственные контакты с местными жителями, но их научная, общественная, политическая, экономическая деятельность, внося новые элементы в культурное пространство Сибири, повлияла тем самым на ее социокультурное развитие в целом. Примечательна в этом плане, описанная В. Короленко на одной из станций на пути следования на место поселения встреча с коренным сибиряком, который сказал писателю: «Да, просвещается наша Сибирь, просвещается. Прежде декабристы, теперь вот вы, господа политические. Россия вас высылает, а Сибирь приемлет себе на пользу» (Короленко, 1985: 299).

5. Заключение

Рассматривая Сибирь в качестве далекой окраины, правительство высылало в регион людей, совершивших уголовные и политические преступления, попутно решая проблему заселения края. Адаптация политссыльных к новым условиям проходила по-разному, одни смирялись в надежде выжить и вернуться на родину, другие впадали в депрессию, страдали от алкоголизма, не столь редки были случаи помешательства и самоубийства. Самообразование, общественная деятельность служили выходом из сложившейся ситуации для наиболее развитой в интеллектуальном плане части ссыльных. Основными видами деятельности, посредством которых реализовывали себя ссыльные, являлись педагогическая, научная, отчасти предпринимательская и медицинская. Характер деятельности сохранялся на протяжении всего столетия. Он обуславливался как материальной необходимостью, так и моральными качествами ссыльных, понимался ими как долг служения Отечеству. В начале века политическую ссылку составляли в основном представители дворянского сословия, затем стали преобладать разночинцы, народники, студенты. Это были люди образованные, имеющие определенную квалификацию. Сибиряки знали, что если им были нужны специалисты в какой-либо сфере, то искать их следовало среди политических ссыльных. Местная администрация за неимением собственных профессиональных кадров, иногда привлекала ссыльных к работе в качестве врачей, учителей, служащих. Другие представители власти, напротив, эти виды деятельности ссыльных жестко преследовали. Принятие решения об участии политссыльных в общественной деятельности зависело от личности чиновников. Использовали труд ссыльных и местные предприниматели.

Далеко не всё местное население имело личные контакты с политическими ссыльными в силу малочисленности сосланных по сравнению с массой народа, проживавшего на территории региона. Влияние «государственных» на народ зачастую носило опосредованный характер через представителей местного образованного слоя в лице прогрессивных чиновников и зарождающейся интеллигенции, которые, в свою очередь, хорошо понимали значение политической ссылки для региона. Сосланный интеллигент, имея более высокий уровень языковой, поведенческой культуры, имея иное миропонимание, привнесла новые элементы в привычный для сибиряков образ жизни. Рассматривая Сибирь не только как географический регион, но и как социально-культурное пространство, необходимо признать, что в его формирование политическая ссылка внесла существенный вклад.

Литература

Андреев, 1983 – Андреев В.М. Педагогическая деятельность ссыльных народников в Сибири (70-90-е гг. XIX в. // *Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)* Сб. научн. трудов. Вып. 8. Иркутск. С. 94-115.

ГАИО – Государственный архив Иркутской области.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Глазкова, 2015 – Глазкова Е. И. Вклад декабристов в развитие культуры и промышленности Сибири // *Мир Большого Алтая – World of the Great Altai*. 2015. 1(4). С. 319-324.

Дулов, 1973 – Дулов А. В. Революционеры шестидесятых годов в сибирской ссылке // *Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)*. Вып. 1. Иркутск, 1973. С. 21-25.

Иванов, 2013 – Иванов А. А. Сибирская политическая ссылка XVII – нач. XX в. в исследованиях современников. Иркутск, 2013. 153 с.

Иванов, 2015 – Иванов А. А. Политическая ссылка Иркутской губернии первой половины XIX века // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2015. Т. 6, № 2.

Иванов, Максимова, 2017 – Иванов А.А., Максимова В.Н. «Сибирская ссылка»: 20-й выпуск // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2017. № 2(28). С. 87-93.

ИЗШ, 2019 – История земли Шушенской. В 2 кн. Кн. 1. Красноярск, 2019. 380 с.

Кеннан, 1999a – Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886 гг.). Т. 1. СПб., 1999. 391 с.

- Кеннан, 1999b – Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886 гг.). Т. 2. СПб., 1999. 399 с.
- Короленко, 1985 – Короленко В. Г. История моего современника. В 4 т. Т. 3–4. М., 1985. 512 с.
- Мауль, 2009 – Мауль В. Я. Хозяйственная и просветительская деятельность декабристов в Сибири (некоторые аспекты проблемы) // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 4 (8). С. 92-96.
- Милевский, 2020 – Милевский О. А. Анатомия протестов политических ссыльных Западной Сибири в 1880-х гг. // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2020. Т. 19. № 3. С. 654-672.
- Мосина, 1985 – Мосина И. Г. Политическая ссылка и интеллигенция в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // *Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)*. Вып. 9. Иркутск, 1985. С. 112-119.
- Новикова, 2020 – Новикова Е. Г. Петрашевцы в «Воспоминаниях» Г. Н. Потанина // *Наука говорит с другими: Сб. науч. трудов к 70-летию В. А. Викторovichа*. Коломна. 2020. С. 208-213.
- Олех, 2001 – Олех Л. Г. История Сибири. М.; Новосибирск, 2001. 314 с.
- Пантелеев, 1958 – Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. 848 с.
- Пирумова, 1986 – Пирумова Н. Н. Бакунин в Сибири // *Вопросы истории*. 1986. № 9. С. 102-113.
- Письма..., 1978 – Письма политических ссыльных в Восточной Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Иркутск, 1978. 360 с.
- Порхунов, 2001 – Порхунов Г. А. Декабристы в Сибири: жизнь и деятельность // *Омский научный вестник*. 2001. Июнь. С. 24-27.
- Потанин, 1983 – Потанин Г. Н. Воспоминания // *Литературное наследство Сибири*. Т. 6. Новосибирск, 1983. 336 с.
- Пяткова, 2020 – Пяткова С. Г. Проблемы политической ссылки в Сибирь в контексте социокультурного подхода (по материалам русских исторических журналов) // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2020. № 3(66). С. 108-112.
- Рашин, 1956 – Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811 – 1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956. 324 с.
- СДС, 1985 – Ссыльные декабристы в Сибири. Новосибирск. 1985. 230 с.
- Сибирская ссылка, 2000–2019 – *Сибирская ссылка*. Вып. 1(13). Иркутск, 2000; Вып. 2(14). 2003; Вып. 3(15). 2006; Вып. 4(16). 2007; Вып. 5(17). 2009; Вып. 6(18). 2011; Вып. 7(19). 2013; Вып. 8(20). 2017; Вып. (21). 2019.
- Ссыльные революционеры..., 1973–1991 – *Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)*. Вып. 1. Иркутск, 1973; Вып. 2. 1974; Вып. 3. 1979; Вып. 4. 1980; Вып. 5. 1983; Вып. 6. 1981; Вып. 7. 1982. Вып. 8. 1983; Вып. 9. 1985; Вып. 10. 1987; Вып. 11. 1989; Вып. 12. 1991.
- Шиловский, 2016 – Шиловский М. В. Политическая ссылка на север Сибири: основные тенденции развития в XVII – XX в. // *Науки в Сибири*. 2016. Т. 23. № 3. С. 19-24.
- Шостакович, 1980 – Шостакович Б. С. Ссыльные участники экспедиции Юзефа Заливского в Восточной Сибири (по материалам Государственного архива Иркутской области) // *Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)*. Сб. научн. трудов. 1980. Иркутск. С. 20-51.
- Ядринцев, 1979 – Ядринцев Н. М. Художественные и публицистические произведения. Воспоминания // *Литературное наследство Сибири*. Т. 4. Новосибирск, 1979. 351 с.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Maljutina L.F., Akhtamov E.A. Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 652-660.
- Gryaznukhin et al., 2021a – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G., Zhulaeva A.S. Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1299-1307.
- Gryaznukhin et al., 2023 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Dvoretzkaya A.P., Zhulaeva A.S. Attitude of the Russian Intelligentsia to Values and Lifestyles of the Western European Society in the 19th century // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 115-124.

References

- Andreev, 1983 – Andreev, V.M. (1983). Pedagogicheskaya deyatelnost' ssyl'nykh narodnikov v Sibiri (70-90-e gg. XIX v. [Pedagogical activity of exiled narodniks in Siberia (70-90-ies of the XIX century)]. *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri*. Irkutsk. 8: 94-115. [in Russian]
- Dulov, 1973 – Dulov, A.V. (1973). Revolyutsionery shestidesyatykh godov v sibirskoi ssylke [Revolutionaries of the sixties in Siberian exile]. *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri*. Irkutsk. 1: 21-25. [in Russian]
- GAIO – Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti [State Archive of the Irkutsk region].
- GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].

- Glazkova, 2015** – *Glazkova, E.I.* (2015). Vklad dekabristov v razvitie kul'tury i promyshlennosti Sibiri [The contribution of the Decembrists to the development of culture and industry in Siberia]. *Mir Bol'shogo Altaya*. 1(4): 319-324. [in Russian]
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2021** – *Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina, L.F., Akhtamov, E.A.* (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16(2): 652-660.
- Gryaznukhin et al., 2021a** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G., Zhulaeva, A.S.* (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16(3): 1299-1307.
- Gryaznukhin et al., 2023** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Dvoret'skaya, A.P., Zhulaeva, A.S.* (2023). Attitude of the Russian Intelligentsia to Values and Lifestyles of the Western European Society in the 19th century. *Bylye Gody*. 18(1): 115-124.
- Ivanov, 2013** – *Ivanov, A.A.* (2013). Sibirskaya politicheskaya ssylka XVII – nach. XX v. v issledovaniyakh sovremennikov [Siberian political exile XVII – beginning XX century in the research of contemporaries]. Irkutsk. 153 p. [in Russian]
- Ivanov, 2015** – *Ivanov, A.A.* (2015). Politicheskaya ssylka Irkutskoi gubernii pervoi poloviny XIX veka [Political exile of Irkutsk province in the first half of the XIX century]. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii*. 6(2). [in Russian]
- Ivanov, Maksimova, 2017** – *Ivanov, A.A., Maksimova, V.N.* (2017). «Sibirskaya ssylka»: 20-i vypusk [“Siberian Exile”: 20th issue]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 2(28): 87-93. [in Russian]
- IZSh, 2019** – *Istoriya zemli Shushenskoi*. V 2 kn. Kn. 1 [The history of the land of Shushenskaya. In 2 books. Book 1]. Krasnoyarsk, 2019. 380 p. [in Russian]
- Kennan, 1999a** – *Kennan, Dzh.* (1999). Sibir' i ssylka. Putevye zametki (1885-1886 gg.) [Siberia and exile. Travel notes (1885-1886)]. T. 1. Saint Petersburg. 391 p. [in Russian]
- Kennan, 1999b** – *Kennan, Dzh.* (1999). Sibir' i ssylka. Putevye zametki (1885-1886 gg.) [Siberia and exile. Travel notes (1885-1886)]. T. 2. Saint Petersburg. 399 p. [in Russian]
- Korolenko, 1985** – *Korolenko, V.G.* (1985). Istoriya moego sovremennika. V 4 t. Tt. 3–4 [The story of my contemporary. In 4 vol. Vol. 3–4.]. Moscow. 512 p. [in Russian]
- Maul', 2009** – *Maul', V.Ya.* (2009). Khozyaistvennaya i prosvetitel'skaya deyatel'nost' dekabristov v Sibiri (nekotorye aspekty problemy) [Economic and educational activities of the Decembrists in Siberia (some aspects of the problem)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(8): 92-96. [in Russian]
- Milevskii, 2020** – *Milevskii, O.A.* (2020). AnATOMIYA protestov politicheskikh ssyl'nykh Zapadnoi Sibiri v 1880-kh gg. [Anatomy of the protests of political exiles in Western Siberia in the 1880s.]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. 19(3): 654-672. [in Russian]
- Mosina, 1985** – *Mosina, I.G.* (1985). Politicheskaya ssylka i intelligentsiya v Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.) [Political exile and intelligentsia in Siberia (late XIX – early XX century)]. *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri*. Irkutsk. 9: 112-119. [in Russian]
- Novikova, 2020** – *Novikova, E.G.* (2020). Petrashevtsy v «Vospominaniyakh» G. N. Potanina [The Petrashevites in G. N. Potanin's “Memoirs”]. *Nauka govorit' s drugimi: Sb. nauch. trudov k 70-letiyu V. A. Viktorovicha*. Kolomna. Pp. 208-213. [in Russian]
- Olekh, 2001** – *Olekh, L.G.* (2001). Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Moscow; Novosibirsk. 314 p. [in Russian]
- Panteleev, 1958** – *Panteleev, L.F.* (1958). Vospominaniya [Memories]. Moskva. 848 p. [in Russian]
- Pirumova, 1986** – *Pirumova, N.N.* (1986). Bakunin v Sibiri [Bakunin in Siberia]. *Voprosy istorii*. 9: 102-113. [in Russian]
- Pis'ma..., 1978** – *Pis'ma politicheskikh ssyl'nykh v Vostochnoi Sibiri (konets XVIII – nachalo XX v.)* [Letters of political exiles in Eastern Siberia (late XVIII – early XX centuries)]. Irkutsk. 1978. 360 p. [in Russian]
- Porkhunov, 2001** – *Porkhunov, G.A.* (2001). Dekabristy v Sibiri: zhizn' i deyatel'nost' [Decembrists in Siberia: life and activity]. *Omskii nauchnyi vestnik*. June: 24–27. [in Russian]
- Potanin, 1983** – *Potanin, G.N.* (1983). Vospominaniya [Memories]. *Literaturnoe nasledstvo Sibiri*. Vol. 6. Novosibirsk. 336 p. [in Russian]
- Pyatkova, 2020** – *Pyatkova, S.G.* (2020). Problemy politicheskoi ssylki v Sibir' v kontekste sotsiokul'turnogo podkhoda (po materialam russkikh istoricheskikh zhurnalov) [Problems of political exile to Siberia in the context of a socio-cultural approach (based on materials from Russian historical journals)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3(66): 108-112. [in Russian]
- Rashin, 1956** – *Rashin, A.G.* (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1811 – 1913 gg.). Statisticheskie ocherki [Population of Russia for 100 years (1811–1913). Statistical essays]. Moskva. 324 p. [in Russian]
- SDS, 1985** – *Ssyl'nye dekabristy v Sibiri* [Exiled Decembrists in Siberia]. Novosibirsk. 1985. 230 p.

Shilovskii, 2016 – *Shilovskii, M.V.* (2016). Politicheskaya sсыlka na sever Sibiri: osnovnye tendentsii razvitiya v XVII – XX v. [Political exile to the North of Siberia: the main development trends in the XVII – XX centuries.]. *Nauki v Sibiri*. 23(3): 19–24. [in Russian]

Shostakovich, 1980 – *Shostakovich, B.S.* (1980). Ssyl'nye uchastniki ekspeditsii Yuzefa Zalivskogo v Vostochnoi Sibiri (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Irkutskoi oblasti) [Exiled members of the expedition of Jozef Zalivsky in Eastern Siberia (based on the materials of the State Archive of the Irkutsk region)]. *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.)*. Irkutsk. Pp. 20–51. [in Russian]

Sibirskaya sсыlka, 2000–2019 – *Sibirskaya sсыlka*. Vol. 1(13). Irkutsk, 2000; Vol. 2(14). 2003; Vol. 3(15). 2006; Vol. 4(16). 2007; Vol. 5(17). 2009; Vol. 6(18). 2011; Vol. 7(19). 2013; Vol. 8(20). 2017; Vol. (21). 2019. [in Russian]

Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri, 1973–1991 – *Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.)* [Exiled revolutionaries in Siberia (XIX century – February 1917)]. Vol. 1. Irkutsk, 1973; Vol. 2. 1974; Vol. 3. 1979; Vol. 4. 1980; Vol. 5. 1983; Vol. 6. 1981; Vol. 7. 1982. Vol. 8. 1983; Vol. 9. 1985; Vol. 10. 1987; Vol. 11. 1989; Vol. 12. 1991. [in Russian]

Yadrintsev, 1979 – *Yadrintsev, N.M.* (1979). Khudozhestvennye i publitsisticheskie proizvedeniya. Vospominaniya [Artistic and journalistic works. Memories]. *Literaturnoe nasledstvo Sibiri*. 4. Novosibirsk. 351 p. [in Russian]

Влияние политической ссылки XIX в. на формирование социокультурного пространства Сибири

Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}, Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Иван Алексеевич Пфаненштиль ^a, Семен Валерьевич Кожевников ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Объектом исследования является политическая ссылка XIX в. в Сибирь, которая в контексте изучения данной проблемы рассматривается как социально-политическое явление, сыгравшее существенную роль в формировании социокультурного пространства региона. В статье дан краткий обзор истории политической ссылки, проанализирован ее состав и численность. Массовый характер ссылка начинает приобретать после поражения восстания декабристов. С началом движения народников доля дворян в составе политической ссылки уменьшалась за счет увеличения численности разночинцев. Политические ссылки оказали значительное влияние на формирование политических убеждений идеологов сибирского областничества. Высокий образовательный уровень ссыльных, владение различными профессиональными навыками делали их востребованными в различных сферах хозяйственной и культурной жизни Сибири. Просветительская, научная, медицинская, экономическая – основные виды деятельности ссыльных, позволявшие им решать, как материальные проблемы, так и реализовывать свои духовные потребности. Отношение местной администрации к ссыльным было двойным. Из-за фактического отсутствия собственной интеллигенции, прогрессивно мыслящие представители власти разрешали ссыльным заниматься официально запрещенными для них видами деятельности. Другие же, консервативно настроенные и ревностно выполнявшие все предписания центральной власти, напротив, подвергали их жестоким наказаниям и преследованиям. Существенный вклад политссылные внесли в создание местных школ, библиотек, музеев. Проанализированные в статье источники убедительно показывают большое влияние политических ссыльных на мировоззрение, сознание сибиряков, что привело, в свою очередь, к изменению социокультурного пространства региона в целом.

Ключевые слова: Сибирь, политическая ссылка, декабристы, петрашевцы, областничество, интеллигенция, Дж. Кеннан.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин), tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), IPhanenshtil@sfu-kras.ru (И.А. Пфаненштиль)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1736-1747
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1736

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Chagataid Dynasty in the Works of Staff Rittmeister Chokan Valikhanov

Kuanysht G. Akanov^a, Nikolay S. Lapin^{a,*}

^a Institute of History of the State, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article studies the works of the prominent ethnographer, historian, Kazakh sultan and Russian officer of the middle of 19th century Chokan Valikhanov, where the valuable data of the descendants of Genghis Khan's son Chagatai are considered. He is the second son of the Great Mongol Empire founder, whose descendants played an important role in the history of states in Kazakhstan and Central Asia, which later, already in new time entered the zone of geopolitical interests of the Russian Empire.

The main source materials of the study are the articles, drafts and manuscripts written by Chokan Valikhanov published in the collections of the scientist's works, as well as documents related to the scientist's scientific activity, kept in archival institutions. The research methodology is based on the integrated use of the principles of historicism, objectivity and development, as well as comparative-historical and retrospective analysis methods. The discussion analyses the historiography, consisting of monographs and articles by the Kazakh and Russian researchers.

In conclusion, authors draw a conclusion about the significance of the works of Chokan Valikhanov in the study of the history dynasty of Chagatai and the role of his descendants in the history of the steppe states of Central Asia.

Keywords: Chokan Valikhanov, Genghisides, Chagatayids, Chagatai Ulus, Moghulistan, Tughluk-Timur, Maverannahr, East Turkestan.

1. Введение

Видный ученый, востоковед, этнограф, путешественник, географ, казахский чингизид, действительный член Русского географического общества, штабс-ротмистр русской армии Ч.Ч. Валиханов оставил после себя богатое наследие, которое является ценным источником не только для казахской, но и для российской и мировой науки. В частности, его труды и материалы весьма значимы для изучения истории династии Чагатаидов, происходящих от сына известного завоевателя Чингиз-хана, Чагатая, государства которых сыграли важную роль в истории Центральной Азии в XIII-XVI вв.

Потомственный чингизид Чокан Чингисович Валиханов приходился внуком казахскому хану Аблаю (1771–1780), который еще в 1740 году, будучи влиятельным султаном, принял российское подданство. Позднее, став ханом, Аблай способствовал развитию торговых и политических отношений с Россией и Китаем. Отцом Ч.Ч. Валиханова являлся полковник русской армии Чингис Валиевич Валиханов (1811–1895), окончивший Сибирское линейное казачье училище в Омске в 1834 году. Впоследствии он служил в административных структурах Российской империи, занимая посты старшего султана подведомственных округов, а также советника областного управления сибирскими казахами. Кроме того, он известен открытием казахской школы в Кушмуруне и содействием русским исследователям и научным учреждениям в получении сведений и материалов о

* Corresponding author

E-mail addresses: kukaandvita@mail.ru (K.G. Akanov), lapin.79@mail.ru (N.S. Lapin)

казахах и их культуре (Абуев, 2018: 84-86). Впоследствии за заслуги ему было пожаловано наследственное дворянство (Абуев, 2010: 7-8; Ермекбай, 2020: 51; Сулейменов, Моисеев, 1985: 10-11).

Чокан Чингисович Валиханов родился в 1835 году в местности Кушмурун. Имя при рождении – Мухаммед-Ханафия, а Чоканом его называла мать Зейнеп Чорманова. Чокан рано научился читать, еще в детстве овладел основами арабского и чагатайского письма, а также познакомился с персидским языком (Абуев, 2010: 12-13; Сулейменов, Моисеев, 1985: 12-13).

Чокан Валиханов, также, как и его отец, получил военное образование в Омске, поступив в 1847 году в Сибирский кадетский корпус. Здесь познакомился с Г.Н. Потаниным, дружба с которым сыграла важную роль в его судьбе. Окончив кадетский корпус в 1853 году в возрасте 18 лет, Ч.Ч. Валиханов был определен в корнеты «по армейской кавалерии». Уже в это время он имел стремление к научно-исследовательской деятельности и собирал материалы по истории, географии и этнографии восточных народов. Ценность его библиотеки оценил П.П. Семенов Тянь-Шанский, посетивший в 1856 году его квартиру в Омске (Маргулан, 1958: 22-29). Затем Ч.Ч. Валиханов служил в Запально-Сибирском генерал-губернаторстве, участвовал в экспедиции в Джунгарию, с дипломатической миссией посетил Кульджу (Диярова, 2011: 30-35).

В феврале 1857 года Ч.Ч. Валиханов по рекомендации П.П. Семенова Тянь-Шанского и Е.И. Ламанского был избран членом Императорского Русского географического общества (далее – ИРГО) (Абуев, 2018: 99; Ермекбай, 2020: 102). В Национальном архиве РК в фонде Маргулана хранится копия текста рекомендации П.П. Семенова и Е.И. Ламанского о принятии в действительные члены ИРГО поручика Чокана Валиханова, занимавшего должность адъютанта при командире Сибирского отдельного корпуса и совершившего экспедицию на территорию восточных берегов озера Иссык-Куль. Здесь он собрал богатую коллекцию различных материалов по географии, этнографии и истории казахской (киргизской) степи (НА РК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 32. Л. 25).

В 1858–1859 гг. по рекомендации П.П. Семенова Тянь-Шанского, ИРГО и Азиатского департамента МИДа совершил путешествие в Кашгарию, собрав важные сведения по истории и этнографии Восточного Туркестана, тогда фактически закрытого региона для европейских ученых. В 1860–1861 гг., находясь в Санкт-Петербурге, работал над созданием карт Средней Азии и Восточного Туркестана, подготовил ряд лекций для членов ИРГО и научных работ по истории, географии и этнографии Средней Азии (Сулейменов, Моисеев, 1985: 50). Дневниковые записи и материалы экспедиции Ч.Ч. Валиханова – это ценнейший ресурс для ученых-востоковедов во многих областях научного знания.

Необходимо отметить, что при изучении истории среднеазиатских народов и государств Ч.Ч. Валиханов опирался на рукописи известных восточных историков: Абулгази, Джувейни, Рашид ад-Дина, Мухаммад Хайдара, Кадыр Али-бека Джалаири и др., а также на труды выдающихся русских ученых И.Н. Березина, Н.Я. Бичурина, В.В. Вельяминова-Зернова, А.И. Левшина, Г.Ф. Миллера, П.И. Небольсина, П.С. Палласа, В.В. Радлова, П.И. Рычкова. Используя работы русских историков, Ч.Ч. Валиханов высоко отзывался об их ценности в изучении истории среднеазиатских народов (Валиханов, 1985: 63). Отметим и знание Ч.Ч. Валихановым трудов зарубежных путешественников и исследователей: Ж.-П. Абель-Ремюза, С. Жюльена, П. Карпини, Ст. Лэн-Пуля, М. Поло, К. Риттера, В. Рубрука и др.

Участвуя во многих научных и военных экспедициях, Ч.Ч. Валиханов собрал и обработал богатейший исторический и этнографический материал. Одной из областей его научной деятельности является изучение судеб чингизидских государств, отдельных представителей династий, политических деятелей и их генеалогии, среди которых выделяются Чагатаиды. Его работы важны для изучения конкретных фактов их биографии, а также для определения слабоизученных вопросов, связанных с деятельностью отдельных представителей этой династии и возглавляемых ими государств.

Чингизидская династия Чагатаидов ведет свое начало от второго сына Чингиз-хана – Чагатая, потомки которого сыграли важную роль в политической жизни государств на территории Евразии. Среди Чагатаидов наиболее известны такие деятели, как Есу-Мунке, Алгуй, Дува-хан, Тармаширин, Тутлук-Тимур, Есен-Буга и другие. Территориально улус Чагатая охватывал Восточный Туркестан, большую часть земель Семиречья, междуречье рек Амударья и Сырдарья, известное как Мавераннахр, и, кроме того, территории на левом берегу Амударьи: Балх, Бадахшан, Газни, Кабул и регионы до реки Синд включительно (Султанов, 2021: 147).

Впоследствии Чагатаиды сыграли важную роль в истории взаимоотношении народов Евразии, управляя обширной территорией в Средней Азии. Как отмечает британский исследователь Дж. Лейн, история Чагатаидов, полная противостояний за власть между различными правителями, имела сильное влияние на развитие всей империи Чингизидов. Существенное значение в ней имели взаимоотношения ханов с другими чингизидскими государствами (Лейн, 2020: 146).

Актуальность исследования заключается во введении в оборот сведений по истории Чагатаидской династии и Моголистана в трудах Ч.Ч. Валиханова, которые не в полной мере используются современными учеными. Существуют отдельные научные статьи и монографии, где исследователи, частично используя наследие Ч.Ч. Валиханова, рассматривали вопросы, связанные с изучением истории отдельных государств или представителей династии Чагатаидов. Однако весь

потенциал трудов Ч.Ч. Валиханова в данном направлении еще не реализован. Существенно важной является задача – показать роль и место его научного наследия в изучении истории региона, которым правили потомки Чагатая.

2. Материалы и методы

Основным источником являются труды штабс-ротмистра Чокана Валиханова. Материалы, собранные и обработанные ученым, рано привлекли внимание исследователей. Архивы, связанные с его научной деятельностью, находятся в нескольких крупных городах Казахстана и России. В частности, в статье используются документы архивов Алматы, Астаны и Омска.

В Алматы в Центральном государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК) имеется фонд 829, напрямую посвященный научной деятельности Ч.Ч. Валиханова, где хранятся копии документальных материалов, извлеченных из фондов других архивов. В фонде имеются копии рукописей, записей, выписок из книг, зарисовок, карт и другие материалы. Интерес представляют его генеалогические таблицы, связанные с правителями Могулистана, представителями династии Чагатаидов, составленные Ч.Ч. Валихановым по текстам восточных рукописей.

В Астане в Национальном архиве Республики Казахстан (НА РК) в фонде 195 хранятся материалы, собранные академиком АН КазССР А.Х. Маргуланом о Чокане Валиханове. Среди них копии статей и писем Ч.Ч. Валиханова, его зарисовок, воспоминания о нем современников, их статьи, научные работы самого А.Х. Маргулана, его переписка с учеными и научными учреждениями и т. д. Необходимо отметить, что именно А.Х. Маргулан сыграл важнейшую роль в оформлении «чокановедения» как направления в казахстанской исторической науке, руководя выпуском издания избранных трудов Ч.Ч. Валиханова в конце 1950-х годов, а впоследствии возглавляя деятельность по изданию двух сборников сочинений в 1960-1980-е годы (Маргулан, 2018: 42).

Дополнительный материал имеется в Историческом архиве Омской области (ИАОО). В основном это переписка казахстанских ученых, занимающихся сбором данных об Омском периоде жизни Ч.Ч. Валиханова, с сотрудниками местных архивных учреждений и работы местных исследователей. Например, интерес представляет фонд Р-715, где хранится личное дело А.Х. Маргулана, работавшего здесь в конце 1950-х годов и занимавшегося вместе с коллегами подготовкой издания сочинений Ч.Ч. Валиханова.

Показателем богатства и значимости научного наследия Ч.Ч. Валиханова является то, что его труды публиковались и в дореволюционный период, и в советское время, и продолжают издаваться сейчас. Первое собрание сочинений Ч.Ч. Валиханова вышло в свет еще в 1904 г. (Веселовский, 1904: 1-3).

В конце 1950-х – 1960-е гг., а затем в середине 1980-х были последовательно опубликованы два академических издания собраний сочинений Ч.Ч. Валиханова под руководством А.Х. Маргулана, самостоятельно подготовившего вступительный материал с биографическими сведениями о Ч.Ч. Валиханове. Последнее издание планировалось в шести томах. Однако из-за смерти в январе 1985 года самого А.Х. Маргулана выпустить последний том не удалось. Список источников для этого тома так и остался в его архиве (Маргулан, 2018: 42). С этим периодом связано письмо президента Академии КазССР, академика К.И. Сатпаева к руководителю Государственного архива Омской области в июле 1959 года с просьбой о содействии. Первоочередной задачей была организация деятельности по выявлению рукописного наследия, материалов и биографии Чокана Валиханова. Ранее учеными уже были изучены материалы архивов Москвы, Санкт-Петербурга (Ленинграда) и Алматы (Алма-Аты). Следующий этап поисковой работы планировался в Омске, куда направлялась делегация ученых под руководством А.Х. Маргулана (ИАОО. Ф. 715. Оп. 2. Д. 315. Л. 1).

Следующее собрание сочинений Ч.Ч. Валиханова опубликовано в 2012 году редакционной коллегией, которая в основном состояла из сотрудников института Востоковедения им. Р.Б. Сулейменова. Всего вышло 8 томов. Известно также еще одно издание трудов Ч.Ч. Валиханова, которое выпускалось в 2014–2018 гг. под руководством академика Б.Е. Кумекова.

Несмотря на более поздние публикации, издание 1980-х годов остается классическим и поныне привлекает внимание исследователей, обращающихся к наследию Ч.Ч. Валиханова, составив основу для всех последующих переизданий. Необходимо отметить, что в той части, которая касается материалов по исследуемой тематике, новых данных выявлено не было. Кроме того, новые издания содержат некоторые технические ошибки и неточности. В связи с этим в нашей работе в основном будем опираться на собрание трудов Ч.Ч. Валиханова, изданное 1980-е годы.

Материалы Ч.Ч. Валиханова по истории династии Чагатаидов имеют важное источниковедческое значение, они использовались исследователями для ее изучения. Осмысление работ Ч.Ч. Валиханова базируется на использовании принципов историзма, объективности и развития, которые позволили комплексно изучить приводимые в его работах сведения по истории государств и династии Чагатаидов с учетом определенных особенностей и условий данного периода.

Основными методами проводимого исследования стали сравнительно-исторический и метод ретроспективного анализа. Сравнительно-исторический метод позволил изучить упоминаемые в трудах Ч.Ч. Валиханова сведения по истории династии Чагатаидов, рассмотреть используемые им источники, сравнить его взгляды с достижениями нашего времени. Метод ретроспективного анализа

способствовал выявлению тех вопросов или сфер знания, которые все еще остаются малоизученными или не получившими должного освещения.

3. Обсуждение

Труды Ч.Ч. Валиханова получили широкое международное признание и были переведены на ряд иностранных языков: английский, немецкий и французский. Их ценность отмечали русские исследователи П.П. Семенов-Тянь-Шанский, И.В. Мушкетов, М.И. Венюков, Н.А. Аристов, Н.И. Веселовский, Г.Н. Потанин (Маргулан, 1985: 71). Высокое место его трудам отводили и европейские ученые. Так, Дж. и Р. Мичел, написавшие предисловие к английскому изданию трудов Ч.Ч. Валиханова, отмечали, что его работам о Джунгарии и Восточном Туркестане среди отчетов о путешествиях по территории Средней Азии отведено «выдающееся место» (Мичел, 1984: 101-102).

Материалы Ч.Ч. Валиханова, связанные с историей Чагатаидских династий и Моголистана, неоднократно привлекали внимание исследователей. Еще в дореволюционный период В.В. Вельяминов-Зернов отмечает, что использовал коллекцию восточных монет, переданных офицером русской армии Валихановым. Эти монеты были пожертвованы Ч.Ч. Валихановым в дар Азиатскому музею. В работе, среди прочих, описывались монеты, имевшие хождение на территории Улуса Чагатая, на которых указывались имена ряда правителей-чагатаидов: Тармаширин-хана и Санджар-хана. Ученым рассматривались отдельные сюжеты их биографии, упоминались имена других чагатаидских ханов: Кебека, Ильчигидая, Дува-Тимура (Дура-Тимура) (Вельяминов-Зернов, 1985: 104-110).

Позднее В.В. Бартольд в отчете, впервые опубликованном в 1904 году, использовал работы Ч.Ч. Валиханова для выявления некоторых сведений о чагатаидских правителях Могульского государства Исмаил-хана (Измаил-хана) и Мухаммед Амин-хана (Мухаммед-Имин). В.В. Бартольд отмечает полноту данных в приводимых Ч.Ч. Валихановым сведениях (Бартольд, 1973: 186-188).

В советское время М. Тынышпаев в своем труде, опубликованном в 1925 году, использовал материалы первого сборника сочинений Ч.Ч. Валиханова 1904 года для получения сведений о неких «казаках», нападавших на Маввераннахр в конце XIV века, – регион, некогда являвшийся частью улуса Чагатая (Тынышпаев, 2023: 60-61). Несмотря на то, что работы Ч.Ч. Валиханова по востоковедению были в целом известны советским ученым, их потенциал в изучении истории государств Чагатаидов был задействован не в полной мере. В сборнике «Материалы по истории Казахских ханств» работы Ч.Ч. Валиханова использовались лишь частично для изучения сведений о событиях, происходивших в Яркендском ханстве в конце XVII – первой половине XVIII века. Это государство, также именуемое как Могульское или Кашгарское ханство, образовалось в результате отделения от Моголистана в начале XVI века (Материалы..., 1969: 409-410).

В монографии К.А. Пищулиной, опубликованной в 1977 году, приводятся отдельные данные из труда Ч.Ч. Валиханова «Киргизское родословие» при описании союзнических отношений казахов и ногаев и при различии в происхождении казахов и киргизов Юго-Восточного Казахстана (Пищулина, 1977: 234-236; 243-246). Источниковедческая деятельность Ч.Ч. Валиханова получает высокую оценку К.А. Пищулиной и М.К. Козыбаева. Отмечается большая исследовательская работа, проведенная Ч.Ч. Валихановым в выявлении источников «Тарих-и Рашиди», организации выписок, формировании генеалогических таблиц, схематической карты Могулистана (Пищулина, Козыбаев, 2016: 288). О работе Ч.Ч. Валиханова по «Тарих-и Рашиди» и Могулистане упоминает также и М.Т. Лаумуллин (Лаумуллин, 2015: 10).

В работе кыргызского ученого О.К. Караева, написанной в середине 1990-х, история улуса Чагатая и Могулистана рассматривалась в контексте формирования тюркоязычного населения Средней Азии. Отмечалось, что на территории Моголистана происходили процессы образования кыргызского и казахского этносов, зарождалась их государственность. О.К. Караевым использовались труды Ч.Ч. Валиханова для изучения вопросов, связанных с религией населения Чагатайского улуса, а также привлекались отдельные сведения о первых могулистанских правителях Эмире Пуладчи и чагатаиде Тоглук-Тимуре (чаще упоминается как Туглук-Тимур) (Караев, 1995: 47, 50, 150).

Стоит отметить также, что один из ведущих специалистов по истории чингизидских и постзолотордынских государств В.В. Трепавлов выделял заслуги Ч.Ч. Валиханова в изучении и переводе произведения Кадыр Али-бека «Джами ат-таварих», где рассматривается история монголов и ряда государств, возникших после их завоеваний, в том числе и тех, которые возникли из улуса Чагатая и управлялись его потомками (Трепавлов, 2016: 10).

В современной историографии большое внимание исследованию историографии Чагатаидов, их государствам и источникам Чагатаидского периода уделяет и Т.И. Султанов. Он отмечает заслуги Ч.Ч. Валиханова в изучении «Тарих-и Рашиди» и определении инициатора перевода, указанного как Йунус-Таджи-бек. Однако Т.И. Султанов высказывает сомнения в данном факте, называя инициатором правителя Кашгара Искандар-ванга (Султанов, 1997: 369). Отметим, что в других работах Т.И. Султанова труды Ч.Ч. Валиханова используются лишь частично (Султанов, 2017; Султанов, 2020; Султанов, 2021). В то же время И. Жеменей, Б. Бикбабай и А.К. Бегалиева, напротив,

отдают должное исследованиям Ч.Ч. Валиханова, отмечая, что с его работ в казахстанской библиографии начинается изучение «Тарих-и Рашиди» (Jemeney et al., 2019: 74).

Высоко оценивает деятельность Ч.Ч. Валиханова М.Х. Абусейтова, приводя труд по изучению Алтышара и шести городам китайского района Нан-Лу («Малой Бухарии»). В частности, отмечается, что эта работа была первым «серьезным научным трудом» по изучению Восточного Туркестана (Абусейтова, 2020: 230). А.Н. Кашкимбаев указывает, что этот труд был «глубоко оценен» российским правительством и стал для него и для европейцев настольным путеводителем по Кашгарии (Кашкимбаев, 2021: 63).

В целом, обобщая данные историографии, отметим, что ресурс материалов Ч.Ч. Валиханова по истории династии Чагатаидов и этнополитической истории их государств на данный момент задействован не в полной мере.

4. Результаты

Сведения о династии и государствах Чагатаидов в трудах Ч.Ч. Валиханова можно разбить на несколько частей, различающихся по своему содержанию.

Само упоминание «Джагатайская орда» (Улус Чагатай) встречается в нескольких работах Ч.Ч. Валиханова. В работе «Предания и легенды Большой Киргиз-Кайсацкой Орды» Улус Чагатай упоминается вместе с Золотой Ордой в контексте сведений об отдельных казахских племенах – уйсунях и ногайцах. Отмечается, что уйсунь входили в состав Чагатайского государства до его распада в результате внутренних междоусобиц. Что касается ногаев, то это наименование, как считал Ч.Ч. Валиханов, означало «собака» и было дано им их единоплеменниками, которые, приняв ислам во время правления в Улусе Чагатай Тармаширин-хана и в Золотой Орде Узбек-хана, стали так называть тех, кто остался верен религии своих предков (Валиханов, 1984: 275-276).

Самому Чагатаю в работах Ч.Ч. Валиханова уделяется немного внимания. В частности, говорится о том, что он еще при жизни разделил свой улус, выделил определенную часть территории Баурту деду эмира Пуладчи (Булачи). Также это имя приводится в составленной Ч.Ч. Валихановым генеалогии Туглук-Тимура в качестве его предка и основателя династии (Валиханов, 1985с: 17-20).

Отметим, что в недатированной работе, где рассматривались посещавшие территорию Средней Азии средневековые путешественники, в числе детей Чагатай указывались «наследные принцы» Бури и Кадан. Однако, как известно из более поздних данных, Бури доводился Чагатаю внуком, а Кадан и вовсе был сыном Угэдея (Валиханов, 1985с: 168, 412).

В работе «Очерки Джунгарии» изучается один из важнейших письменных средневековых источников по истории Чагатайдской династии «Тарих-и Рашиди» («Рашидова история»). Он был написан Мухаммед Хайдаром Дуглатом – визирем кашгарского правителя Чагатайда Абдул-Рашида. По утверждению Ч.Ч. Валиханова, тюркский («турецкий») перевод этого сочинения хранится в музее Академии наук, а оригинал на персидском языке находится в библиотеке Санкт-Петербургского университета. Однако, как указывает ученый, оба экземпляра имеют свои недостатки. Музейный экземпляр хранился в неполном виде, а в библиотечном Ч.Ч. Валиханов зафиксировал множество ошибок и предположил, что этот вариант рукописи копировал человек, не знавший персидского языка. «Тарих-и Рашиди» разделяется на два отделения: первый содержит историю правителей Кашгарии (Могулистана) от Туглук-Тимура до самого Абдул-Рашида (1554 год); второй представляет собой вид мемуаров, где содержится множество материалов о географии и этнографии Могилистана, о принадлежности Мухаммед Хайдара к знатному роду «Дуглат», представители которого носили титул улус-беков в Могул-улусе, охватывающем восточную часть улуса Чагатай, и играли видную роль в жизни Могилистанского государства и при дворе Чагатайдских правителей. Далее Ч.Ч. Валиханов отмечает, что история событий, излагаемых Хайдаром, заканчивается 1554 годом (Валиханов, 1985b: 336).

Ч.Ч. Валиханов обратил особое внимание на этот источник в контексте изучения истории Могулистана и правившей династии Чагатаидов. Им сделаны извлечения и краткий перевод «Тарих-и Рашиди», которые хранятся в виде автографов под наименованиями «Выписка из Тарих-Рашиди» и «Тарихи-Рашиди» в Архиве РАН (Санкт-Петербург). Работа Ч.Ч. Валиханова датируется 1860 годом, после совершения экспедиции в Кашгар, и периодом пребывания в Санкт-Петербурге. Фрагменты представляют собой самостоятельный перевод и отдельные извлечения из персидского и тюркского текстов с комментариями самого Ч.Ч. Валиханова (Валиханов, 1985с: 14-17).

Отметим также, что, используя «Тарих-и Рашиди», Ч.Ч. Валиханов сделал ряд генеалогических таблиц: «Генеалогия кушбеги Могул-улуса или Чете» (Баурту Дуглат), «Генеалогия Туглук-Тимур-хана» и «Родословная Юнус-хана». Копия генеалогической таблицы могилистанских правителей, составленная Ч.Ч. Валихановым, хранится в фонде 829 архива ЦГА РК (Рисунок 1) (ЦГА РК. Ф. 829. Оп. 1. Д. 11. Л. 2). В одной из генеалогических таблиц рассматривается происхождение Туглук-Тимура от Чингис-хана и его сына Чагатай, а также линия его преемников вплоть до царствования Шах-хана, Мухаммед-Султана и Рашид-хана, правивших в XVI-XVII веках. Среди потомков Туглук-Тимура, приводимых Ч.Ч. Валихановым, можно отметить таких правителей, как Хизр-Ходжа, Вайс-Хан и Исен-Буга (Валиханов, 1985с: 15-21).

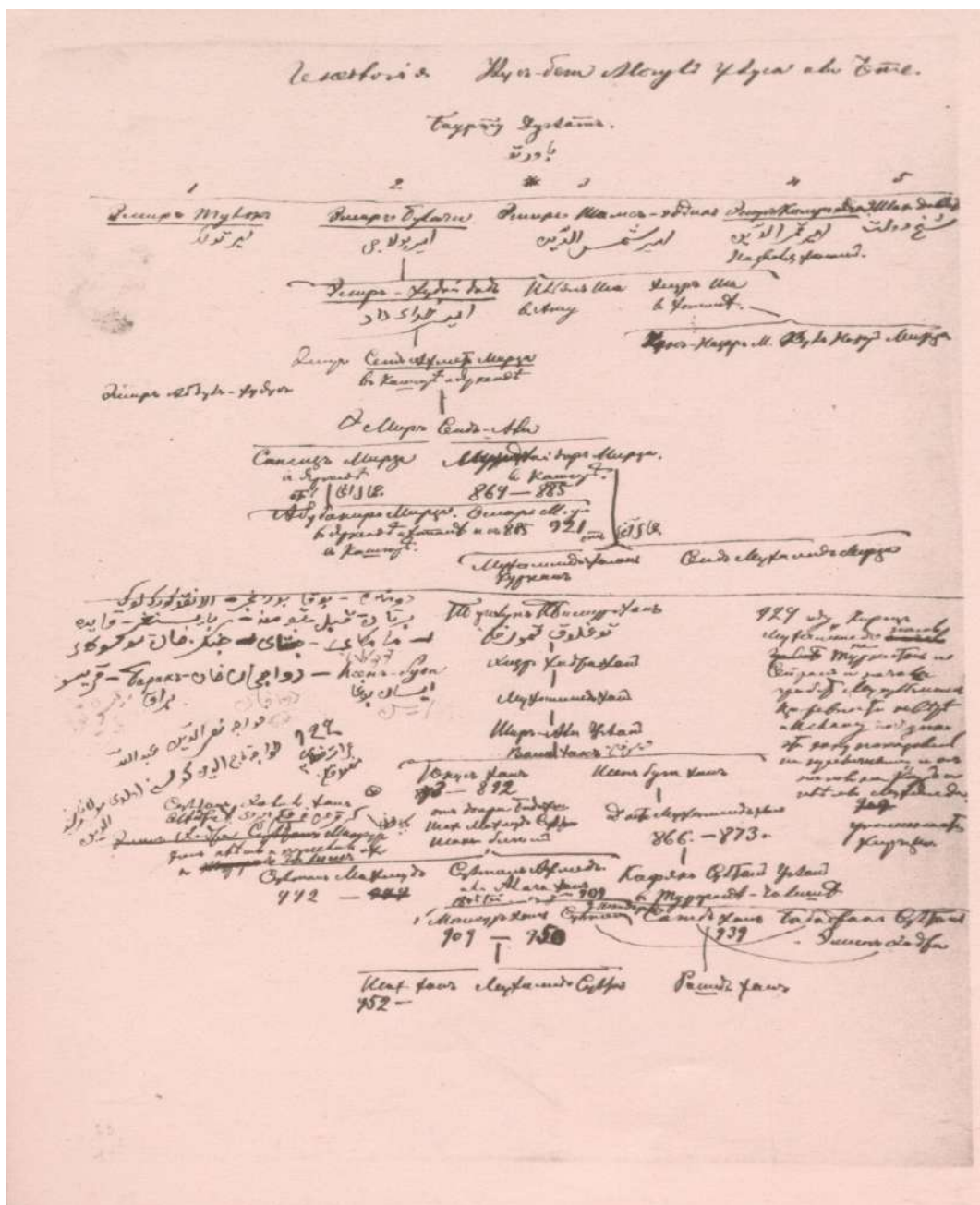

Рис. 1. Фрагмент генеалогической таблицы по Чагатаидам, составленный Ч.Ч. Валихановым (ЦГА РК. Ф. 829. Оп. 1. Д. 11. Л. 2)

Интересно, что в Кашгаре ученому удалось найти и приобрести несколько рукописей, которые описывали историю этого региона. Среди них наибольшего внимания по истории Чагатаидских государств Средней Азии заслуживали рукописи «Тазкирян Ходжагян» и «Тазкирян Туглук Тимур-хан». «Тазкирян Ходжагян» описывает историю Ходжей, духовных лиц, которые в конце XVI в., объединившись с ойратами-буддистами, смогли заставить Чингизидов уйти из этого региона. Текст этого источника, который, как считал Ч.Ч. Валиханов, является продолжением «Тарих-и Рашиди», заканчивается вторжением в регион китайских войск и покорением ими города Яркенда в 1758 году. Другая рукопись «Тазкирян Туглук Тимур-хан» описывала жизнь Туглук-Тимура из Чагатаидов. Он выделялся летописцами как первый из ханов Могулистана («Могул-улуса»), принявший ислам (Валиханов, 1985b: 336-337).

Далее в тексте «Очерков Джунгарии» отмечается, что казахи, узбеки и ногайцы происходят от Золотой Орды и от улуса Чагатая. Из составленных на основе народных преданий генеалогических таблиц Ч.Ч. Валиханов делает вывод о том, что казахи, узбеки и ногайцы происходят от союза тюркских и монгольских племен, который образовался после распада Золотой Орды и Улуса Чагатая (Валиханов, 1985b: 349).

В другой работе Ч.Ч. Валиханова «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 гг.» рассматривается история независимого государства, образовавшегося в Восточном Туркестане в XIII веке. Управляли им монгольские правители из династии Чагатаидов. Далее Ч.Ч. Валиханов выделяет упоминаемого ранее Чагатаида Туглук-Тимура, который владел землями от реки Или до горных территорий Болора и Кунь-Луния (Куэнлуния) (Валиханов, 1985b: 126).

Ценные сведения об истории Кашгарских владений Чагатаидов указываются в рапорте Ч.Ч. Валиханова, копия которого хранится в личном фонде А.Х. Маргулана в НА РК (НА РК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 60. Л. 51-52). Этот регион также известен как Восточный или «Китайский» Туркестан. Ч.Ч. Валиханов в своем историческом очерке отмечает, что после монгольского завоевания этот регион принадлежал Джучи, а после его смерти перешел в улус Чагатая. Тот сделал местом своего обитания уйгурский город Бешбалык, находившийся в районе от р. Или до Кашгара. Согласно завещанию Чингис-хана потомкам Чагатая отошел весь Мавверанахр. Впоследствии Чагатаиды перенесли столицу в город Самарканд. Ч.Ч. Валиханов отмечает, что в начале XIV века после смерти Казан-хана улус Чагатая распался на ряд независимых владений, управляемых эмирами. Города Восточного Туркестана возглавил Чагатаид Исен-буга. Здесь Ч.Ч. Валиханов приводит цитату из Абульгази, отмечая, что монгольские старейшины признали власть Исен-буги над территориями Кашгара, Яркенда, Алатау и «Уйгурской страны», а его сын Туглук-Тимур стал одним из сильнейших правителей в Средней Азии. Покорив Маввераннахр, он оставил своего сына Ильяса-ходжу в Самарканде, однако его правление там было недолгим. Через два года ему пришлось оставить этот город под давлением войск другого Чагатаида – эмира Хусейна и его тогдашнего сподвижника эмира Тимура. Ч.Ч. Валиханов отмечает, что во второй половине XVII века этот регион попал под власть Джунгарии, а чагатаиды утратили свое влияние, уступив власть представителям местного духовенства (НА РК. Ф. 195. Оп. 1. Д. 60. Л. 51-52).

В упомянутой ранее работе «О состоянии Алтышара ...» Ч.Ч. Валиханов рассматривает сведения о распространении ислама на территориях, управляемых Туглук-Тимуром, который принял ислам от духовного лица, называемого сеидом. Этот сан, как полагал Ч.Ч. Валиханов, указывал на происхождение священнослужителя от самого пророка Мухаммада. В последующем исламское вероисповедание приняли многие монгольские и уйгурские эмиры. Однако, несмотря на это, буддизм удерживал свои позиции в восточных городах этого региона, и мечети соседствовали с буддистскими храмами. И только в XVI веке ислам смог окончательно вытеснить буддизм из Восточного Туркестана. В западной части, где утвердились потомки Туглук-Тимура, как свидетельствует Ч.Ч. Валиханов, ислам, напротив, утвердился в роли основной религии уже с XIV века. Преемники Туглук-Тимура, позиционируя себя как ревностные мусульмане, не только жаловали исламским духовным деятелям богатые земли, но и даровали особые права и почести. В XIV-XV вв. на территории Чагатаидской Средней Азии появляется множество духовных мусульманских учителей, которые стали почитаться в качестве святых и чудотворцев. Ханы оказывали им почести, а в народе они приобрели такое влияние, что стали религиозными покровителями Восточного Туркестана (Валиханов, 1985b: 126-127).

Ч.Ч. Валиханов отмечает, что впоследствии отношения между Чагатаидами и местными священнослужителями ухудшились, что роковым образом сказалось на судьбе их государства в Кашгаре. Вначале Чагатаид хан Измаил заставил религиозного деятеля Аппак Ходжу бежать через Кашмир в Тибет к далай-ламе, который предложил правителю Джунгарии Галдан-Церену воспользоваться притязаниями духовного лица на власть в Кашгаре и Яркенде. Ответом стал поход Галдан-Церена в 1678 году против хана Измаила, результатом которого стало покорение джунгарами территории Восточного Туркестана. После этого джунгарский правитель назначил Аппак-ходжу своим наместником, утвердив столицей город Яркенд. Семью Измаил-хана Галдан-Церен пленил и увел в район Или, где разместил в городе Кульджа. С этого времени данный регион вплоть до покорения китайцами находился под властью джунгар, которые, по мнению Ч.Ч. Валиханова, не вмешивались в его жизнь, ограничиваясь получением дани (Валиханов, 1985b: 127-128).

Затем в работе указывается, что Аппак-ходжа уступил властные полномочия другому Чагатаиду Мухаммад-Имину (Мухаммад-Эмин), которого Ч.Ч. Валиханов называет братом (Валиханов, 1985b: 128). Однако только позднее было установлено, что Мухаммад-Имин являлся сыном Са'ид Баба хана и внуком Абд ар-Рахим-хана (Валиханов, 2012: 543). Причиной данного шага Ч.Ч. Валиханов называл то, что Аппак-ходжа стремился оправдать свой поступок в глазах местных мусульман, из-за которого его считали «предателем отечества». По сведениям Ч.Ч. Валиханова, сделав Мухаммад-Имина ханом, Аппак-ходжа убедил его напасть на джунгар. Первоначально эта инициатива имела успех, и правитель Яркенда захватил множество богатств и пленных. Однако затем тот отступил в горы, испугавшись последствий своего нападения, и погиб от одного из сторонников (Валиханов, 1985b: 128).

Ч.Ч. Валихановым рассматриваются сюжеты, связанные с отдельными правителями Могулистана и их потомками-чагатаидами, населением, его описанием, а также сюжеты, связанные с видными деятелями – выходцами из государства Чагатаидов, к примеру, с эмиром Тимуром и его военачальниками или религиозными деятелями. Встречаются наименования отдельных городов и местностей (Валиханов, 1985c: 14-27).

В выписке и переводе «Тарих-и Рашиди», сделанными Ч.Ч. Валихановым, рассматривается правление в крупном улусе локализуемом в восточной части Моголистана (Манглай-Субе) эмира Булачи (Пуладчи). Ставка его находилась в городе Аксу. Также отмечается, что этот улус получил еще дед эмира Булачи от самого Чагатая, разделившего свои владения еще при жизни. Восточная граница включала местности Каусан и Тарбукур, западная – Самгар и Чикишман, которые являлись границей области Фергана. Северная граница охватывала Иссык-куль, южная – территории Черчан и Сары-уйгур. Территория в данных пределах имела название Манглай-субе (Валиханов, 1985с: 17).

Ч.Ч. Валиханов подробно изучает личность правителя Моголистана Чагатаида Туглук-Тимура. В работе «О Западном крае Китайской империи» ученый называет его ханом Уйгуристана и Кашгара. Местом его пребывания называется крупный торговый город Кашгар, локализующийся на «большой дороге», которая вела из Средней и Южной Азии в Восточный Туркестан. Этот город указывается как важнейший транзитный пункт, через который шла торговля в Тибет, Джунгарию и Китай (Валиханов, 1985а: 278). В статье «Записки о киргизах» указывается, что гробница Туглук-Тимура в XVI веке находилась в районе гор Алатау (Валиханов, 1985а: 30).

В другой работе, посвященной изучению данных из «Тарих-и Рашиди», Туглук-Тимур называется основателем «Могул-улуса» и «первым принявшим ислам». Отмечается, что если правители от Чингиса до Туглук-Тимура известны историкам, то о ханах, которые царствовали после него, сведений мало. Далее Ч.Ч. Валихановым указывается, что одна из двух частей в «Тарих-и Рашиди» в целом посвящена истории Чагатаидов, правивших после Туглук-Тимура. Отмечается, что власть Туглук-Тимура признала большая часть улуса Чагатая. Ч.Ч. Валиханов указывает, что в конце жизни владения Туглук-Тимура увеличились вплоть до Самарканда. При этом ученый отмечает, что в «Тарих-и Рашиди» приводится ханский указ, местом написания которого значился город Кундуз. Этот факт, по мнению Ч.Ч. Валиханова, означал, что крайней точкой завоевательных действий Туглук-Тимура можно считать этот город (Валиханов, 1985с: 15-19).

В «Статье из географического-статистического словаря» в разделе, где рассматриваются данные о казахах, говорится о том, что именно потомок Туглук-Тимура Исен-Буга разместил у себя, отведя часть земель на окраине Могулистана, обособившихся от Шибанида Абулхайра султанов Джанибека и Керая, впоследствии создавших Казахское ханство (Валиханов, 1985с: 198).

Малочисленны сведения о Хизр-Ходже, который также приводится в рассматриваемой выше генеалогической таблице. Ч.Ч. Валихановым он указывается как младший сын Туглук-Тимура, который в младенчестве был укрыт Мир-ага – матерью эмира Худайдада от «избиения», которому подверглось потомство Туглук-Тимура после убийства Ильяс-ходжи – брата Хизр-Ходжи. В 12-летнем возрасте, спасая от преследований убившего Ильяс-ходжу Камар-аддина, Хизр-Ходжа был отправлен из Кашгара в горную местность, расположенную между Кашгаром и Бадахшаном. Вместе с ним было еще 12 человек. Впоследствии они стали его приближенными, а их потомки существовали и во времена Ч.Ч. Валиханова. После смерти Камар-аддина Худайдад провозгласил ханом Хизр-Ходжу, который впоследствии заключил мир с эмиром Тимуром (Тамерланом) и выдал за него свою дочь. Хизр-Ходжа вел войны в Турфане и Караходже, принадлежавших Китаю. Затем он ввел на этих землях ислам, который, как отмечает Ч.Ч. Валиханов, сохранился здесь и в его время. Ч.Ч. Валиханов приводит сведения о том, что эмир Тимур, собираясь в поход в Китай, направил к Хизр-Ходже посла с требованием подготовить для его войск продовольствие (Валиханов, 1985с: 21-23).

Тесно связанными с ханом Туглук-Тимуром можно назвать рассматриваемые Ч.Ч. Валихановым сведения о Маулане Рашиддине, обратившем моголистанского правителя в ислам. Родоначальником рода Мауланы был Шуджаг-эддин, являвшийся братом мусульманского богослова Хафиз-эд-дин Кебир Бухари, носившим духовный сан муджтахиды (муджтехиды). Этот богослов погиб при взятии Чингисханом Бухары, а сам Шуджаг-эддин был доставлен в Каракорум. Впоследствии его потомки переселились в большие города Лоб и Кетек, локализующиеся между Турфаном и Хотаном. Здесь сменилось несколько их поколений, пока шейх Джамал ад-Дин не выехал в Байкуль, расположенный в окрестностях Аксу, где вместе с сыном Маулана Рашиддином впервые встретился с Туглук-Тимуром, который был на кочевках. Впоследствии сын шейха выехал из Аксу в Могулистан. Здесь же сообщается о некоем Тулеке, которому были переданы титул улус-бека и чины дуглатов (Валиханов, 1985с: 19).

5. Заключение

В целом, изучая содержащиеся в работах Ч.Ч. Валиханова сведения о Чагатаидах, отметим, что наиболее часто упоминаемым является личность Туглук-Тимура. Другой доминирующей темой исследования является вопрос установления в чагатаидских государствах ислама как господствующей религии. Третьим вопросом служит изучение данных о генеалогии Чагатаидов по линии хана Туглук-Тимура и составление их генеалогических таблиц. Также необходимо отметить, что указанный круг тематических направлений по истории династии Чагатаидов в работах Ч.Ч. Валиханова не является окончательным и требует дальнейших исследований.

Таким образом, обобщая вышесказанное, необходимо сделать вывод о том, что Ч.Ч. Валиханов, являясь крупным исследователем Центральной Азии, внес значимый вклад в научное изучение исторического и этнографического прошлого этого региона. Важную часть его научного наследия

занимает этнополитическая история государств Чагатаидов, правивших на значительной территории Юго-Восточного Казахстана, Средней Азии и Восточного Туркестана. Сделанные им переводы источников, выписки и комментарии, а также очерки и заметки раскрывают историю династии Чагатаидов и их государств в Центральной Азии в период XIII – XVIII веков.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН BR18574101 Этнополитическая история Улусов Чагатай, Хайду и Могулистана по данным арабских, монгольских, персидских, китайских и тюркских источников).

Литература

- Абуев, 2018** – *Абуев К.К.* Чокан Валиханов и его современники: Монография. Алматы: «Лантар Трейд», 2018 г. 229 с.
- Абусейтова, 2020** – *Абусейтова М.Х.* Казахское ханство. Монография. Изд. 2-е, перераб. и дополн. Алматы: «Шығыс пен Батыс», 2020. 344 с.
- Бартольд, 1973** – *Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Туркестан (1904). Сочинения. Том VIII. Монография. М.: Наука, 1973. 725 с.
- Валиханов, 1984** – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. 432 с.
- Валиханов, 1985a** – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. 416 с.
- Валиханов, 1985b** – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. 416 с.
- Валиханов, 1985c** – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. 463 с.
- Валиханов, 2012** – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в восьми томах. Алматы: Дайк-Пресс, 2012. Т. 2. 632 с.
- Вельяминов-Зернов, 1985** – *Вельяминов-Зернов В.* Описание нескольких монет улуса Чагатай, Хивы и Коканда / Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 104-113.
- Веселовский, 1904** – *Валиханов Ч.Ч.* (1835-1865). Сочинения Чокан Чингисовича Валиханова / Изд. под ред. Н.И. Веселовского. СПб., 1904. 533 с.
- Диярова, 2011** – *Диярова К.Ш.* Чокан Валиханов: географ-исследователь, путешественник. Алматы, 2011. 166 с.
- Ермекбай, 2020** – *Ермекбай Ж.А.* Судьба и наследие Чокана Валиханова. Нур-Султан: Изд-во НАО «Казахстанский институт общественного развития «Рухани жанғыру», 2020. 276 с.
- ИАОО** – Исторический архив Омской области
- Караев, 1995** – *Караев О.К.* Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек, 1995. 160 с.
- Кашкимбаев, 2021** – *Кашкимбаев А.Н.* Неизведанные горизонты Шокана / Поведенческие теории и практика российской науки: сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции. 26-27 февраля 2021 года. Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2021. С. 61-65.
- Лаумуллин, 2015** – *Лаумуллин М.Т.* История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства). Астана: КИСИ, 2015. 264 с.
- Лейн, 2020** – *Лейн Дж.* Краткая история: Монголы; [пер. с англ. Т.А. Сафина]. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2020. 304 с.
- Маргулан, 1958** – *Маргулан А.Х.* Жизнь и деятельность Ч.Ч. Валиханова. Валиханов, Чокан Чингисович / Избранные произведения / Под ред. акад. А.Х. Маргулана: Алма-Ата: Казгослитиздат, 1958. С. 15-82.
- Маргулан, 2018** – *Маргулан Д.А.* Жизнь и научная деятельность А.Х. Маргулана. Образ ученого и человека // *Қазақстан археологиясы.* 2018. № 1–2. С. 37-47.
- Материалы..., 1969** – Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков: (Извлечения из перс. и тюрк. сочинений) / Сост. С. К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата: Наука, 1969. 651 с.
- Мичел, 1984** – *Мичел Д. и Р.* Перевод предисловия к английскому изданию трудов Ч.Ч. Валиханова, М.И. Венюкова и других русских путешественников о Центральной Азии / Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. С. 100-102.
- НА РК** – Национальный архив Республики Казахстан.
- Пищулина, 1977** – *Пищулина К.А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV – начале XVI веков (Вопросы политической и социально-экономической истории). Изд-во Наука Казахской ССР, 1977. 286 с.

- Пищулина, Козыбаев, 2016 – Пищулина К.А., Козыбаев М.К. «Та'рих-и Рашиди» Мирзы Мухаммад Хайдар Дуглата о казахах и казахской государственности / *Очерки истории Казахского ханства. Сборник статей*. Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2016. С. 284-309.
- Сулейменов, Моисеев, 1985 – Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Чокан Валиханов – востоковед: К 150-летию со дня рождения. Алма-Ата: Наука, 1985. 112 с.
- Султанов, 1997 – Султанов Т.И. Тюркские версии «Тарих-и Рашиди» и их место в средневековой восточнотуркестанской историографии // *Петербургское востоковедение*. Вып. 9. Санкт-Петербург, 1997. С. 356-383
- Султанов, 2017 – Султанов Т.И. К историографии этнополитической истории улусов Джучи и Чагатай // *Золотоордынское обозрение*. 2017. Т. 5. № 1. С. 74-92. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.74-92
- Султанов, 2020 – Султанов Т.И. Казахи. Судьба народа и судьба страны в Средние века. Алматы: «Дайк-Пресс», 2020. 344 с.
- Султанов, 2021 – Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: Издательство АСТ, 2021. 448 с.
- Трепавлов, 2016 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды / Отв. ред. М.А. Усманов. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.
- Тынышпаев, 2023 – Тынышпаев М. История казахского народа / Алматы: AmalBooks, 2023. 216 с.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Jemeney et al., 2019 – Jemeney I., Bikbabai B., Begaliev A.K. Translations and manuscripts of the work «Tarih-i-Rashidi» // *Al-Farabi Kazakh National University Journal of history*. 1(92). 2019. Pp. 70-76.

References

- Abuev, 2018 – Abuev, K.K. (2018). Chokan Valikhanov i ego sovremenniki [Chokan Valikhanov and his moderns]: Monografiya. Almaty: «Lantar Treid», 229 p. [in Russian]
- Abuseitova, 2020 – Abuseitova, M.Kh. (2020). Kazakhskoe khanstvo [Kazakh Khanate]. Monografiya. Izd. 2-e, pererab. i dopoln. Almaty: «Shyrys pen Batys», 344 p. [in Russian]
- Bartol'd, 1973 – Bartol'd, V.V. (1973). Otchet o komandirovke v Turkestan (1904). Sochineniya. T. VIII. Monografiya. M.: Nauka, 725 p. [in Russian]
- Diyarova, 2011 – Diyarova, K.Sh. (2011). Chokan Valikhanov: geograf-issledovatel', puteshestvennik [Chokan Valikhanov: geographer-researcher, traveller]. Almaty, 166 p. [in Russian]
- Ermekbai, 2020 – Ermekbai, Zh.A. (2020). Sud'ba i nasledie Chokana Valikhanova [The fate and legacy of Chokan Valikhanov]. Nur-Sultan: Izd-vo NAO «Kazakhstanskii institut obshchestvennogo razvitiya «Rukhani zhanıru», 276 p. [in Russian]
- IAOO – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical archive of the Omsk region].
- Jemeney et al., 2019 – Jemeney, I., Bikbabai, B., Begaliev, A.K. (2019). Translations and manuscripts of the work «Tarih-i-Rashidi». *Al-Farabi Kazakh National University Journal of history*. 1(92): 70-76.
- Karaev, 1995 – Karaev, O.K. (1995). Chagataiskii ulus. Gosudarstvo Khaidu. Mogulistan. Obrazovanie kyrgyzskogo naroda [Chagatai ulus. Haidu state. Mogulistan. Education of the Kyrgyz people]. Bishkek, 160 p. [in Russian]
- Kashkimbaev, 2021 – Kashkimbaev, A.N. (2021). Neizvedannye gorizonty Shokana [Unexplored horizons of Shokan]. *Povedencheskie teorii i praktika rossiiskoi nauki: sbornik nauchnykh statei po itogam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. 26-27 fevralya 2021 goda. Sankt-Peterburg. SPb.: Izd-vo SPbGEU. Pp. 61-65. [in Russian]
- Laumullin, 2015 – Laumullin, M.T. (2015). Istoriya Kazakhstana i Tsentral'noi Azii v mirovoi orientalistike (k 550-letiyu Kazakhskogo khanstva) [History of Kazakhstan and Central Asia in the world orientalism (to the 550th anniversary of the Kazakh Khanate)]. Astana: KISI, 264 p. [in Russian]
- Lein, 2020 – Lein, Dzh. (2020). Kratkaya istoriya: Mongoly [A Brief History: Mongols]. [per. s angl. T.A. Safina]. M.: Kolibri, Azbuka-Attikus, 304 p. [in Russian]
- Margulan, 1958 – Margulan, A.Kh. (1958). Zhizn' i deyatel'nost' Ch.Ch. Valikhanova. Valikhanov, Chokan Chingisovich [Life and activity of Ch. Valikhanov. Valikhanov, Chokan Chingisovich]. Izbrannye proizvedeniya. Pod red. akad. A.Kh. Margulana: Alma-Ata: Kazgoslitizdat. Pp. 15-82. [in Russian]
- Margulan, 2018 – Margulan, D.A. (2018). Zhizn' i nauchnaya deyatel'nost' A.Kh. Margulana. Obraz uchenogo i cheloveka [Life and scientific activity of A.H. Margulan. The image of a scientist and a man]. *Kazakstan arkheologiyasy*. 1–2: 737-47. [in Russian]
- Materialy..., 1969 – Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV-XVIII vekov: (Izvlacheniya iz pers. i tyurk. sochinenii) [Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15-18 centuries: (Extracts from Persian and Turkic works)]. Sost. S. K. Ibragimov, N.N. Mingulov, K.A. Pishchulina, V.P. Yudin. Alma-Ata: Nauka, 1969. 651 p. [in Russian]
- Michel, 1984 – Michel, D. i R. (1984). Pervod predisloviya k angliiskomu izdaniyu trudov Ch.Ch. Valikhanova, M.I. Venyukova i drugikh russkikh puteshestvennikov o Tsentral'noi Azii [Translation of the preface to the English edition of the works of Ch. Valikhanov, M.I. Venyukov and other Russian travellers about Central Asia]. Valikhanov Ch.Ch. Sobranie sochinenii v pyati tomakh. T. 1. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii. Pp. 100-102. [in Russian]

NA RK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [National Archive of the Republic of Kazakhstan].

Pishchulina, 1977 – *Pishchulina, K.A.* (1977). Yugo-Vostochnyi Kazakhstan v seredine XIV - nachale XVI vekov (Voprosy politicheskoi i sotsial'no-ekonomicheskoi istorii) [South-Eastern Kazakhstan in the middle of XIV – beginning of XVI centuries (Issues of political and socio-economic history)]. Izd-vo Nauka Kazakhskoi SSR, 286 p. [in Russian]

Pishchulina, Kozybaev, 2016 – *Pishchulina, K.A., Kozybaev, M.K.* (2016). «Ta'rikh-i Rashidi» Mirzy Mukhammad Khaidar Duglata o kazakhakh i kazakhskoi gosudarstvennosti [“Ta'rikh-i Rashidi” by Mirza Muhammad Haydar Douglat about Kazakhs and Kazakh statehood]. *Ocherki istorii Kazakhskogo khanstva. Sbornik statei. Almaty: In-t istorii i etnologii im. Ch.Ch. Valikhanova*. Pp. 284-309. [in Russian]

Suleimenov, Moiseev, 1985 – *Suleimenov, R.B., Moiseev, V.A.* (1985). Chokan Valikhanov – vostokoved: K 150-letiyu so dnya rozhdeniya [Chokan Valikhanov – orientalist: to the 150th anniversary of his birth]. *Alma-Ata: Nauka*, 112 p. [in Russian]

Sultanov, 1997 – *Sultanov, T.I.* (1997). Tyurkskie versii «Tarikh-i Rashidi» i ikh mesto v srednevekovoi vostochnoturkestanskoi istoriografii [Turkic versions of “Tarikh-i Rashidi” and their place in the medieval East Turkestan historiography]. *Peterburgskoe vostokovedenie*. Vyp. 9. Sankt-Peterburg. Pp. 356-383. [in Russian]

Sultanov, 2017 – *Sultanov, T.I.* (2017). K istoriografii etnopoliticheskoi istorii ulusov Dzhuchi i Chagataya [To the historiography of the ethnic and political history of the Dzhuchi and Chagataya Uluses]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 5(1): 74-92. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.74-92 [in Russian]

Sultanov, 2020 – *Sultanov, T.I.* (2020). Kazakhi. Sud'ba naroda i sud'ba strany v Srednie veka [Kazakhs. The fate of the people and the fate of the country in the Middle Ages]. *Almaty: «Daik-Press»*, 344 p. [in Russian]

Sultanov, 2021 – *Sultanov, T.I.* (2021). Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast' [Genghis Khan and Genghisids. Fate and power]. *M.: Izdatel'stvo AST*, 448 p. [in Russian]

Trepavlov, 2016 – *Trepavlov, V.V.* (2016). Istoriya Nogaikoi Ordy [History of the Nogai Horde]. Otv. red. M.A. Usmanov. 2-e izd., ispr. i dop. *Kazan': Izdatel'skii dom «Kazanskaya nedvizhimost'»*, 764 p. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Tynyshpaev, 2023 – *Tynyshpaev, M.* (2023). Istoriya kazakhskogo naroda [History of the Kazakh people]. *Almaty: AmalBooks*, 216 p. [in Russian]

Valikhanov, 1984 – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1984). Sobranie sochinenii v pyati tomakh [Collection of works in five volumes]. T. 1. *Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii*, 432 p. [in Russian]

Valikhanov, 1985a – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Sobranie sochinenii v pyati tomakh [Collection of works in five volumes]. T. 2. *Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii*, 416 p. [in Russian]

Valikhanov, 1985b – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Sobranie sochinenii v pyati tomakh [Collection of works in five volumes]. T. 3. *Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii*, 416 p. [in Russian]

Valikhanov, 1985c – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). Sobranie sochinenii v pyati tomakh [Collection of works in five volumes]. T. 4. *Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii*, 463 p. [in Russian]

Valikhanov, 2012 – *Valikhanov, Ch.Ch.* (2012). Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh [Collection of works in eight volumes]. *Almaty: Daik-Press*. T. 2. 632 p. [in Russian]

Vel'yaminov-Zernov, 1985 – *Vel'yaminov-Zernov, V.* (1985). Opisanie neskol'kikh monet ulusa Chagataya, Khivy i Kokanda [Description of several coins of the ulus of Chagatai, Khiva and Kokand]. *Sobranie sochinenii v pyati tomakh*. T. 5. *Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii*. Pp. 104-113. [in Russian]

Veselovskii, 1904 – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1835-1865). Sochineniya Chokan Chingisovicha Valikhanova [Collected works of Chokan Chingisovich Valikhanov]. *Izd. pod red. N.I. Veselovskogo*. SPb., 533 p. [in Russian]

Династия Чагатаидов в трудах штабс-ротмистра Ч.Ч. Валиханова

^a Куаныш Газизович Аканов ^a, Николай Сергеевич Лапин ^{a,*}

^a Институт истории государства, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kukaandvita@mail.ru (К.Г. Аканов), lapin.79@mail.ru (Н.С. Лапин)

Аннотация. В статье изучаются работы видного этнографа, историка, казахского султана и российского офицера середины XIX века Ч.Ч. Валиханова, где рассматриваются ценные данные по истории и генеалогии потомков сына Чингиз-хана Чагатая. Это второй сын основателя Великой Монгольской империи, известного полководца, потомки которого сыграли важную роль в истории государств на территории Казахстана и Центральной Азии. Данные регионы впоследствии вошли в зону геополитических интересов Российской империи.

Основными источниками исследования являются статьи, черновики и рукописи работ Ч.Ч. Валиханова, опубликованные в сборниках сочинений ученого, а также документы, связанные с научной деятельностью ученого, хранящиеся в архивных учреждениях. Методология исследования базируется на комплексном использовании принципов историзма, объективности и развития, а также на использовании сравнительно-исторического метода и метода ретроспективного анализа. В обсуждении анализируется историография, состоящая из монографий и статей казахстанских и российских исследователей, изучавших труды Ч.Ч. Валиханова.

Результатом исследования стали сведения по истории государств, связанных с династией Чагатая. Также были выявлены ценные данные по генеалогии и взаимоотношениям его потомков с соседними странами и народами. Систематизация выявленных сведений способствовала проведению наиболее качественного анализа изученных материалов.

В заключении авторы делают вывод о значимости работ Ч.Ч. Валиханова в изучении истории Чагатаидов и их роли в истории степных государств Центральной Азии. Труды Ч.Ч. Валиханова стали ценным ресурсом как для его современников, так и для последующих поколений ученых.

Ключевые слова: Ч.Ч. Валиханов, Чингизиды, Чагатаиды, Улус Чагатая, Могулистан, Тутлук-Тимур, Мавераннахр, Восточный Туркестан.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1748-1765
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1748

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Teaching Staff of Maritime Educational Institutions of the Kherson Province (1834–1917)

Oleksandr P. Trygub ^a, Sergey I. Degtyarev ^{b, c, *}

^a Petro Mohyla Black Sea National University, Mykolaiv, Ukraine

^b Sumy State University, Sumy, Ukraine

^c Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

The work examines the system of maritime education on the territory of the Kherson province in the period 1834–1917 through the prism of the teaching staff of maritime educational institutions.

The history of maritime education in the Kherson province of the Russian Empire indicates that the personnel composition of these vocational educational institutions has undergone significant changes. Its quantitative and qualitative composition depended on the following circumstances: the level of the educational institution, which established its funding from the state or local authorities; tasks that were set for the educational institution; the number of students, which determined the number of teaching hours, amounts of money received from students; additional sources (scholarships from patrons of the institution, public organizations that supported students and the institution, donations, etc.).

Teachers of vocational and technical educational institutions of a nautical (maritime) profile were people with different levels of education, degrees of professionalism and experience in teaching. At the beginning of the twentieth century, the state set a goal to reform the maritime education system. This included increasing demands on teachers and combating staff turnover. It was planned to provide teachers with the rights and benefits of civil service, departmental housing, and increase salaries with increasing teaching experience.

Keywords: education, sustainable development education, educational governance, nautical education system, Kherson province, nautical schools, maritime colleges, teaching staff.

1. Введение

Одним из важнейших факторов, влияющих на качество профессионально-технического образования, всегда оставалось состояние кадрового потенциала на всех его уровнях: соответствующая профессиональная подготовка, квалификация по профилю педагогической деятельности, опыт и стаж работы. Все эти вопросы являлись неотъемлемой составляющей становления и развития профессионально-технических учебных заведений в имперский период.

Для Черноморско-азовского региона наиболее специфическим направлением подготовки профессиональных кадров технического характера была морская отрасль, имевшая ряд учебных заведений разного уровня подготовки. В соответствии с этим формировался количественный и качественный уровень педагогических коллективов. Кроме того, особенностью формирования педагогических кадров профессионально-технических заведений морского профиля было то, что реформы начала XX в. довольно нетребовательно относились к отбору кандидатов как на преподавательские, так и на административные (заведующий училищем, начальник школы) должности. Так, Положение 1867 г., регламентировавшее деятельность мореходных классов в империи, как точно отметил известный специалист В.В. Виноградов, «совершенно не определяло

* Corresponding author

E-mail addresses: s.degtyarev@yur.sumdu.edu.ua (S.I. Degtyarev)

необходимого образовательного ценза для замещения должностей заведующих и преподавателей мореходных классов» и лишь Положения 6 мая 1902 г. и 13 июня 1905 г. «сравнительно строго относятся к выбору начальников и преподавателей и предъявляют к ним довольно серьезные требования» (Виноградов, 1912: 101).

Авторы ставят своей целью проследить качественный и количественный состав педагогических коллективов мореходных учебных заведений Херсонской губернии, их общие изменения в результате реформирования данного направления профессионально-технического образования от их возникновения до падения Российской империи.

2. Материалы и методы

Для создания общей картины преподавательского состава учебных заведений морского профиля авторами были привлечены несколько групп источников: законодательно-нормативные документы, которые были опубликованы в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ-2; ПСЗРИ-3); сборники справочного характера «Месяцеслов и общий штат Российской империи...» (Месяцеслов, 1838), памятные книги Херсонской губернии (Памятная книжка, 1864; Памятная книжка, 1865; Памятная книжка, 1911; Памятная книжка, 1913), календари разного уровня (Адрес-календарь, 1901; Адрес-календарь, 1910; Адрес-календарь, 1912; Адрес-календарь, 1916; Адресная..., 1910; Вся Одесса, 1914); отчеты мореходных учебных заведений как в опубликованном, так и рукописном виде (Отчет, 1882-1911).

Кроме того, нами были использованы архивные материалы, содержащие списки преподавателей с короткими послужными списками, находящиеся в фондах государственных архивов Николаевской и Херсонской областей (Украина) (ГАНУ; ГАХО), Российского государственного исторического архива.

Все указанные источники имеют значительный информационный потенциал и дали возможность уяснить штаты разных по своему уровню учебных заведений и их динамику в исследуемый период, составить списки преподавательского состава, реконструировать отдельные биографии педагогов.

Исследование построено на общеизвестных принципах исторического исследования (историзм, объективизм и плюрализм) и комплексе взаимодополняющих методов: системный, хронологический, сравнительный и биографический. Так, учебные заведения морского профиля представлены как отрасль развивающейся системы профессионального образования, формирование и изменения в их педагогических коллективах показаны в хронологической последовательности. Коллективы разных по уровню учебных заведений показаны в количественном и качественном сравнении, а биографический метод использован в реконструкции биографий отдельных деятелей морского образования в пределах Херсонской губернии.

3. Обсуждение

Изучение истории развития профессионального образования в южных губерниях Российской империи в последнее десятилетие снова приобрело актуальность. Появился ряд работ, которые с новых позиций и с привлечением новых источников рассматривают как отдельные направления профессионального образования, так и пытаются создавать обобщающие работы регионального характера (Гончар, 2015; Добровольська, 2006; Нагрибельний, 2012; Ситняківська, 2010; Тригуб, 2023; Degtyarev, Polyakova, 2020; Degtyarev et al., 2020; Trygub et al., 2023a; Trygub et al., 2023b). Все это свидетельствует о сохранении интереса к изучению профессионального образования изучаемого региона.

Начало исследования становления мореходных учебных заведений относится к началу XX в. Одним из первых к данной проблеме обратился начальник Отдела торгового мореходства по вопросам мореходных учебных заведений В.В. Виноградов (Виноградов, 1908; Виноградов, 1912). Его книги содержат богатый фактологический и статистический материал по мореходному образованию до 1912 г. Ему принадлежит первая попытка охарактеризовать «преподавательский состав мореходных учебных заведений, их образовательного ценза, окладов, содержания и числа» (Виноградов, 1912: 101-112).

Профессиональный очерк государственной политики в отношении мореходных учебных заведений находим у классика истории профессионального образования в имперской России Н.Н. Кузьмина (Кузьмин, 1971). Здесь же встречаем отдельные упоминания о мореходных учебных заведениях Херсона, Берислава и Одессы. Общие вопросы развития мореходного образования в России на разных этапах встречаем в монографии Н.И. Барбашева (Барбашев, 1959). В то же время необходимо отметить, что книга посвящена истории военно-морского образования, а мореходные учебные заведения Херсонской губернии в ней только упоминаются.

В современной российской историографии необходимо отметить диссертационное исследование Ю.Л. Бордученко (Бордученко, 1998). Как и в работе Н.И. Барбашева, учебные заведения Херсонской губернии в ней только упоминаются, а основное внимание сосредоточено на Санкт-Петербурге, где действовало несколько подобных образовательных учреждений.

Украинская историография представлена диссертационными исследованиями А.В. Черного (Чорний, 2007) и Я.А. Нагрибельного (Нагрибельный, 2012). А.В. Черный сделал акцент на подготовке специалистов как для военного, так и коммерческого флота на Черном море. Это значительно расширило предметное поле и вывело из внимания исследователя вопрос о преподавательском составе, а Я.А. Нагрибельный, сузив географические рамки диссертационной работы, значительно расширил предметное поле, охватив все профессиональные учебные заведения, что также не дало возможности сосредоточиться на всех аспектах истории мореходных учебных заведений. В то же время необходимо отметить, что Я.А. Нагрибельному удалось реконструировать отдельные биографии педагогов Херсонских мореходных классов.

Попытку создать просопографический портрет начальников мореходных учебных заведений сделал А. Василевич (Василевич, 2014: 192-196), но она ограничилась тезисами для конференции.

4. Результаты

На 1901 г. на территории Херсонской губернии действовало 4 гражданских учебных заведения морского профиля: Херсонские мореходные классы 3-го разряда императора Александра II (основаны в 1834 г.), Бериславские мореходные классы 1-го разряда (1873), Николаевские мореходные классы 1-го разряда (1873) и Одесские классы торгового мореплавания (1898). Все они имели свою профессиональную специфику, материальное и финансовое обеспечение, кадровый состав, который определялся как финансовыми возможностями, так и местной спецификой.

Преподавательский контингент морских учебных заведений в XIX в. Во второй четверти XIX в. единственным гражданским учебным заведением морского профиля в Херсонской губернии было Херсонское училище торгового мореплавания. По штату 1834 г. в нем должно было работать 17 человек: инспектор из отставных штаб-офицеров флота, который также должен был преподавать необходимые для шкиперов астрономические наблюдения; старший надзиратель и казначей, исполняющий дополнительно обязанности письмоводителя; 3 надзирателя из отставных морских унтер-офицеров; 12 учителей (ПСЗРИ-2. Т. 9. № 6788. Штаты и таблицы). Инспектор назначался генерал-губернатором; старший надзиратель, учителя и надзиратели набирались непосредственно инспектором и утверждались Херсонским гражданским губернатором; остальные работники назначались непосредственно инспектором.

На деле педагогический коллектив училища никогда не был многочисленным и колебался в пределах 8-11 человек. Это было связано с тем, что согласно вышеупомянутому штату «при недостатке учителей один может преподавать два и три предмета» (ПСЗРИ-2. Т. 9. № 6788. Штаты и таблицы), что постоянно практиковалось, особенно по отношению к директору, часто читавшему большинство предметов по специальности. Согласно имеющимся источникам, неизменным директором Херсонского училища был кавалер ордена Св. Анны III ст., коллежский советник Семен Акимович Генбачев (во всех адрес-календарях «Месяцеслов и общий штат Российской империи на...», используемых авторами за 1836-1854 гг., фамилия пишется с ошибкой «Гембачев». – Авт.). Он окончил Черноморское штурманское училище в Николаеве, куда в 1806 г. вернулся в чине лейтенанта для преподавания географии и учебной практики (Ковалева, Чистов, 2000: 101). В 1840 г. С.А. Генбачев получил звание коллежского советника. Точная дата его назначения на должность директора неизвестна, но согласно источникам в 1837 г. он уже состоял в этой должности (Месяцеслов, 1838: 813), которую занимал до закрытия училища в 1867 г. (Памятная книжка, 1865: 70).

Таблица 1. Работники Херсонского училища торгового мореплавания (Новороссийский календарь, 1848: 315; Памятная книжка, 1864: 234)

Должность	1848 г.	1863 г.
Директор и инспектор	Коллежский советник С.А. Генбачев	Коллежский советник С.А. Генбачев
Старший надзиратель и казначей	Коллежский асессор Иван Борисович Шведов	Коллежский асессор Иван Борисович Шведов
Преподаватель Закона Божьего	протоиерей Иоанн Канивец	протоиерей, кандидат богословия Петр Федорович Агапьев
Врач, преподаватель медицины	Коллежский асессор Петр Николаевич Протопопов	Доктор медицины Иван Иванович Котухно

Должность	1848 г.	1863 г.
Учителя:	Чиновник 9-го класса <i>Алексей Иванович Сизарев</i> Титулярный советник <i>Ноэль Францевич Перион</i> Штабс-капитан <i>Афанасий Андреевич Соколов</i> Губернский секретарь <i>Иван Григорьевич Вергилесов</i> Коллежский регистратор <i>Юлиан Осипович Виттан</i> Дворянин <i>Дросс Юрьевич Москопуло</i> Штурман <i>Никита Ефимович Хаколовский</i>	Коллежский советник <i>Дмитрий Федорович Скрипницкий</i> Коллежский секретарь <i>Василий Антонович Саридаки</i> Чиновник 12 класса <i>Кузьма Иванович Сикозин</i> <i>Николай Кузьмич Ковадые</i> <i>Виктор Осипович Орси</i>

Как мы видим, почти все учителя имели чиновничьи звания, и вероятнее всего, были либо действующими, либо отставными чиновниками или учителями. Об этом отмечает и известный советский исследователь Н.Н. Кузьмин, отмечая, что «преподавателями специальных учебных заведений водного транспорта по общеобразовательным предметам были учителя гимназий и уездных училищ. Специальные предметы преподавали главным образом морские офицеры, находившиеся на действительной службе, реже – отставные морские офицеры» (Кузьмин, 1971: 131).

Уменьшение количества педагогического состава с 11 до 8 человек свидетельствует об увеличении связываемого внутреннего совместительства, по нашему мнению, не с отсутствием квалифицированных кадров, а с ограниченным финансированием.

Положения о мореходных классах 1867 г., как уже отмечалось, не выдвигали конкретных требований к учителям. В то же время п. 15 Положения определял, что «учителя при мореходных классах первого разряда сравниваются в правах по классу должности, разряду мундира и пенсии с учителями уездных училищ, а учителя при мореходных классах второго и третьего разрядов, – с учителями средних учебных заведений» (ПСЗРІ-2. Т. 42. Ч. 1. № 44771), что значительно укрепило социальные права преподавательского корпуса данного типа профессионально-технических учебных заведений.

В 1872 г. были открыты реорганизованные Херсонские мореходные классы (Рисунок 1), где на должность заведующего был назначен капитан-лейтенант Дмитрий Иванович Дабич, русский дворянин православного вероисповедания, окончивший курс обучения в Морском кадетском корпусе. Педагогическую карьеру начал 1 января 1869 г. Параллельно с административной работой Д.И. Дабич преподавал большую часть предметов в старшем классе (Василевич, 2014: 193; Чорний, 2007: 139).

Рис. 1. Херсонские мореходные классы (ок. 1900 г.) (фрагмент открытки. Изд. А. и С. Заранкины, Херсон)

Вместе с Д.И. Дабичем работали Т.Т. Круглов, А. Чирков, А. Боржаков, М.В. Терещенко, А.В. Калюжный, М.С. Хоминский, С.И. Якубовский; приглашенные учителя французского языка – Женью, Буфар, академик Пащевский, выпускник Гентского университета Г. Беррес, А.Ю. Зедергольм,

Луизьен (Отчет..., 1882: 2; Отчет..., 1883: 2; Отчет..., 1884: 2; Отчет..., 1887: 2; ГАХО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 18: 120б; ГАХО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 14: 13, 1120б.).

Как правило, в одном классе преподавал один учитель. Так, в 1882-1883 уч.г. в старшем классе учительствовал Д.И. Дабич: о логарифмах, тригонометрических величинах (плоская и сферическая тригонометрия), навигация, астрономия, морская практика и правила для предупреждения столкновений судов в море; в среднем – Т.Т. Круглов: вторая часть арифметики, алгебра к уравнениям первой ступени, геометрия, компас; в младшем – М.В. Терещенко: арифметика, русский язык, география. Во всех классах преподавался французский язык (академик Пашевский), Закон Божий (св. Баршатский) и такелажные работы (отставной моряк поручик С.И. Якубовский) (Отчет..., 1883: 2-3).

Иностранный язык преподавали иностранцы (Женью, Буфар, Г. Беррес, Луизьен) или лица дворянского происхождения, которые имели качественное домашнее, среднее или высшее образование, что предусматривало свободное владение французским языком (О.Ю. Зедергольм, академик Пашевский и другие).

Характеристику педагогического коллектива Херсонских мореходных классов 1870-х – начала 1900-х годов демонстрирует «Список преподавателей Херсонских мореходных классов трех разрядов императора Александра II в 1885–1886 учебном году» (Таблица 2). Интересно то, что двое штатных преподавателей (кроме заведующего классами) были выпускниками этого же учебного заведения, вернувшись в его стены после получения звания «шкипера каботажного и штурмана дальнего плавания». Это свидетельствует, что на штатные преподавательские должности по специальным предметам стали чаще брать не отставных военных, а специалистов с соответствующим базовым образованием. К сожалению, это не было правилом и зависело от выбора заведующего классами.

Таблица 2. Преподаватели Херсонских мореходных классов императора Александра II в 1885–1886 учеб. году (ГАХО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 14: 13, 1120б.)

№ п/п	ФИО	Должность	Время принятия на работу	Звание, чин, сословие	Вероисповедание и национальность	Образование
1	Дмитрий Иванович Дабич	заведующий классами	01.01.1869	Капитан-лейтенант, дворянин	православный, русский	Морской кадетский корпус
2	Алексей Васильевич Калюжный	штатный преподаватель	26.04.1875	Шкипер каботажного и штурман дальнего плавания, мещанин	православный, русский	Херсонские мореходные классы
3	Михаил Софронович Хоминский	штатный преподаватель	12.04.1883	Шкипер каботажного и штурман дальнего плавания, разночинец (сын чиновника)	православный, русский	Херсонские мореходные классы
4	Александр Юлиевич Зедергольм	учитель француз. языка по найму	-	дворянин	православный, русский	Артиллерийское училище
5	Ганс Беррес	учитель франц. и англ. языков	1886	-	вероисповедание не указано, немец	Гентский университет (1875)

6	Степан Иванович Якубовский	руководитель такелажных работ	05.1868	поручик, дворянин	православный, русский	2-й Морской учебный экипаж

С 25 июля 1888 г. место заведующего и старшего преподавателя Херсонских мореходных классов занял подполковник Корпуса флотских штурманов Константин Осипович Космачевский. В отличие от своего предшественника ему пришлось в дальнейшем читать курсы достаточно значительного перечня предметов не только в старшем, но и в среднем отделении. Вторую часть предметов в среднем и младшем классах и такелажные работы преподавал коллежский асессор Алексей Васильевич Калюжный ([Рисунок 2](#)).

Рис. 2. Начальник ХМК Алексей Васильевич Калюжный (1901 г.) (фрагмент выпускной фотографии, Херсон)

Необходимо отметить, что в 1890-х годах в учебном процессе мореходных классов появился новый предмет – военная гимнастика. Ее преподавали действующие или отставные военные: поручик Ивманский (1892 г.), поручик 6-го Замостского пехотного полка Дымер (1896 г.), капитан дисциплинарного батальона Москули (1897 г.), капитан Александр Максимович (1898 г.) и другие ([Отчет, 1897: 3; Отчет, 1898а: 3; ГАХО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 25: 277; ГАХО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 50: 22](#)).

Мореходные классы в Бериславе и Николаеве были первого класса (т.е. имели всего два класса и урезанную программу подготовки) и имели целью подготовить моряков прежде всего для местного каботажного плавания. Соответственно, значительных требований как к преподавательскому составу, так и к самим курсантам, не предъявлялось. Как правило, о чем отмечает известный советский исследователь Н.Н. Кузьмин, в этих классах учебный процесс обеспечивался одним, иногда двумя преподавателями, которые вели все учебные предметы. Так, например, в Бериславском мореходном классе (на Днепре) все специальные предметы учебного курса читал один преподаватель – заведующий классами ([Кузьмин, 1971: 141](#)), надворный советник, шкипер каботажного и штурман дальнего плавания Михаил Софронович (Софотевич) Хоминский, возглавивший классы 10 декабря 1883 г. (интересно то, что после этого он еще несколько лет был штатным преподавателем в Херсоне), происходивший из православной семьи русского чиновника и получивший образование в Херсонских мореходных классах Александра II ([ГАХО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2: 46](#)).

Педагогический коллектив Николаевских мореходных классов носил несколько иной характер. Все они были отставными и действующими военными моряками разного чина, которых было не счесть в Николаеве. С открытия классов заведующим и старшим преподавателем был капитан (позже – отставной полковник) Иван Михайлович Криницкий, дворянин, окончивший полный курс Черноморской штурманской роты в Николаеве, готовившей кадры для Военно-морского флота.

К моменту открытия классов он находился на службе в Морском ведомстве и не имел педагогического опыта (ГАНО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 7: 87; ГАНО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 7: 116об.).

В начале 1890-х годов заведующим был назначен отставной подполковник Иларион Константинович Белоусов (1837 – после 1905 г.). Морской офицер, отдавший службе в Военно-Морском флоте 33 года. За заслуги был награжден орденами, медалями и знаками отличия: кавалер орденов Св. Станислава 2-го ст., Св. Владимира 4-го ст., Св. Анны 3-го ст., Бронзовая медаль в память Крымской войны, Крест за службу на Кавказе, Бронзовая медаль в память о Турецкой войне 1877–1878 гг. и другими. Происходил И.К. Белоусов из семьи обер-офицера Херсонской губернии. Окончил в 1849 г. Черноморскую штурманскую роту в Николаеве. После отставки по состоянию здоровья подполковник Корпуса флотских штурманов пошел на педагогическую работу в Николаевские мореходные классы, которые возглавлял до их закрытия в 1903 г. и в течение года (1903–1904) исполнял обязанности Николаевской двухклассной мореходной школы (Василевич, 2014: 195–196).

Младшими преподавателями в Николаевских мореходных классах были служащие военного флота, дворянскими происхождения, получившие образование в Черноморской штурманской роте: полковник Евдоким Иванович Дмитриев (1880-е годы – 1887) (ГАНО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4: 114; ГАНО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4: 18; ГАНО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5: 220об.); отставной подполковник Александр Васильевич Прохоров (1887–1903), награжденный многими наградами – орден Св. Владимира IV ст. с бантами, ордена Св. Анны и Св. Станислава III ст., медали – бронзовая в память войны 1877–1878 гг., серебряная за покорение Кавказа и Крест за службу на Кавказе (Адрес-календарь, 1901: 88–89; ГАНО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 8: 30б.; ГАНО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 7: 116об.), что свидетельствует о его значительном послужном списке на военном поприще.

Руководителями такелажных работ были нижние чины ВМФ, которые, как правило, назначались распоряжением Главного командира ЧФ из находившихся в Николаеве Черноморских флотских экипажей: квартирмейстеры Прокопий Сакун (1882–1884), Аврам Воловенко и Никита Тютюн (1884), Егор Солов (1897–98), марсовый матрос Никифор Иванович Котяев (1884) (ГАНО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 5: 170б.; Отчет, 1898b: 2), боцманмат (унтер-офицерский чин строевого состава русского флота, замещающий боцмана в его отсутствие) Дмитрий Недин (1893–1894) (ГАНО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 7: 89) и другие.

Как и в Херсонских мореходных классах, в Николаеве военную гимнастику с начала 1890-х годов преподавали действующие или отставные военные, о чем ярко свидетельствует назначенный полковым командиром 58 Пражского полка для преподавания гимнастики фельдфебель Елисей Куриный (1893–1898) (ГАНО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 7: 87; Отчет, 1898b: 2).

Самым большим и качественным педагогическим коллективом отмечались Одесские классы торгового мореплавания. К составу педагогов государство и местное общество подошли очень тщательно. Во главе классов должен был стоять человек, который обязательно имел морское образование. Преподавателями предметов морской специальности были допущены только лица, окончившие Морской кадетский корпус или Морское инженерное училище, или заведовавшие мореходными классами высшего разряда не менее пяти лет; преподавателями общеобразовательных предметов коммерческой специальности – имевшие право преподавания в коммерческих училищах; преподавателями общеобразовательных предметов – учителя реальных училищ (Виноградов, 1912: 34–35).

Поэтому, несмотря на то, что это учебное заведение морского профиля было самым молодым (1898 г.), уже через несколько месяцев после открытия его педколлектив насчитывал 14 человек: заведующий классами – 1 (штатный), законоучитель – 1, капитан учебного судна – 1, штатный преподаватель, исполняющий обязанности наставника – 1, преподавателей (по найму) – 6, врач – 1 (штатный), помощников капитана (из них два нанимаются только на плавание) – 3. По образовательному цензу: морская академия и морское училище – 3, высшие общеобразовательные учебные заведения – 6 (русские) и 2 (иностранцы), мореходные классы (помощники капитана) – 3. Среди них 2 профессора и 1 лектор Новороссийского Императорского университета (Отчет..., 1902a: 4, 8–9).

Заведующим классами, почти 15 лет возглавлявшим данное учебное заведение (1898–1912 гг.), был действительный статский советник Логвин Логвинович Гавришев (Рисунок 3), известный теоретик штурманского дела, автор многочисленных учебников и учебных пособий для штурманов дальнего плавания. Он преподавал астрономию, навигацию и сферическую тригонометрию.

Среди преподавателей необходимо отметить фамилии известных педагогов и ученых в разных сферах: профессор И.М. Занчевский (физика) выпускник Новороссийского университета, доктор прикладной математики, профессор на кафедре механики (1888–1909), будущий ректор Новороссийского университета (1905–1907); профессор Э.Р. фон Штерн (немецкий язык) окончил Дерптский и Лейпцигский университеты, доктор филологии, профессор кафедры классической филологии (1886–1905), будущий декан историко-филологического факультета Новороссийского университета (1905–1909); Р.Р. Гердт (английский язык) филолог, лектор историко-филологического факультета Новороссийского университета; Н.С. Лунский (коммерция и математика) экономист, автор балансовой теории бухгалтерского учета, известный учёный в области финансового анализа;

А.Л. Колле (французский язык); И.В. Марков (русский язык) и другие (Отчет..., 1902а: 25).

Рис. 3. Логвин Логвинович Гавришев (ок. 1900 г.)

К 25 октября 1900 г. в педагогическом коллективе уже насчитывалось 16 человек, которые по образовательному цензу делились на: морская академия, морское училище и техническое училище Морского ведомства – 3, высшие общеобразовательные учебные заведения – 7 (русские) и 2 (иностранцы), мореходные классы (капитан и его помощники) – 4 (Отчет..., 1902b: 11-12). Таким образом, только за один учебный год педагогический состав усилился двумя специалистами с высоким профессиональным и высшим образованием. Это позволило Одесским классам торгового мореплавания сразу занять ведущее место среди мореходных классов Северного Причерноморья.

Педагогический штат морских учебных заведений после реформы 1902 г. В результате реформирования мореходных классов начала XX в. и принятия Положения 6 мая 1902 г. (ПСЗРИ-3. Т. 22. Ч. 1. № 21413) требования к выбору начальников и педагогического состава вновь создаваемых мореходных школ и училищ значительно усилились.

Относительно начальников мореходных учебных заведений по судоводительской части требования определялись статьей 28 нового Положения, согласно которой данную должность могли занимать:

а) в училищах дальнего плавания – лица, окончившие Морской кадетский корпус, Морское инженерное училище, судоводительское отделение Одесского училища торгового мореплавания или мореходное отделение Архангельского торгово-мореходного училища и Училище дальнего плавания, плававших на судах торгового или военного флота Прибалтийского края, по разрешению Министра финансов, также лица, заведовавшие в этом крае не менее пяти лет мореходными классами высшего разряда, основанными по Положению 27 июня 1867 г.;

б) в двухклассных и трехклассных школах – лица, указанные в пункте «а», а также лица, заведовавшие не менее пяти лет мореходными классами, основанными по Положению 27 июня 1867 г. или шкиперскими курсами.

Статьи 33-38 определяли требования к преподавательскому составу мореходных учебных заведений, свидетельствовавшие об усилении требований к учителям – наличие профильного образования и опыт преподавательской работы. Как исключение, англичане имели право преподавать английский язык без каких-либо ограничений, а специальные предметы могли

преподавать лица, получившие свидетельство от Отдела торгового мореплавания (ПСЗРИ-3. Т. 22. Ч. 1. № 21413).

При этом в двухклассных школах предметы должны были делиться между начальником и одним штатным преподавателем, а в трехклассном – между начальником и двумя штатными преподавателями. Отдельно преподавались Закон Божий (как правило, местный священник с образованием не ниже семинарии) и медицинская помощь (врач с профильным образованием) (ПСЗРИ-3. Т. 22. Ч. 1. № 21413). Следовательно, педагогический штат всех морских учебных заведений после реформы 1902 г. должен был увеличиться количественно и качественно.

Эта тенденция ярко прослеживается по усилению состава Херсонского училища дальнего плавания. В 1906-07 уч. году 4 штатных и 4 вольнонаемных работника: начальник училища надворный советник князь Александр Дмитриевич Максutow (участник многих гидрографических и гидрологических работ по изучению Тихого океана, в начале XX в. начальник Херсонского торгового порта), статский советник Алексей Васильевич Калюжный, штурман первого разряда Анатолий Эммануилович Гаврилица, Василий Васильевич Вителев; вольнонаемные – священник Иоанн Михайловский (Закон Божий); товарищ прокурора Херсонского окружного суда, коллежский советник Михаил Андреевич Кузьменко (законоведение); врач Григорий Давидович Астрахан (гигиена); учитель Херсонского городского пятиклассного училища, коллежский секретарь Афанасий Федорович Рупчев (русский язык) (ГАХО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 124: 560б., 61).

Все преподаватели соответствовали необходимому образовательному цензу согласно Положению 1902 г.: А.Д. Максutow (Морской кадетский корпус) (Рисунок 4), А.В. Калюжный (Херсонские мореходные классы и педагогический стаж более 30 лет), А.Е. Гаврилица (Одесское училище торгового мореплавания), В.В. Вителев (Училище мореходства) (ГАХО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 124: 560б., 61; ГАХО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 156: 64-64об.). Все вольнонаемные преподаватели также отвечали требованиям. В дальнейшем личный состав данного учебного заведения сохранял свои количественные и качественные показатели (см. сведения о педагогическом коллективе училища в 1912 г. в Таблице 3), и был практически неизменным до 1917 г. (Адрес-календарь, 1916: стб. 855; Памятная книжка, 1913: 72).

Рис. 4. Князь Александр Дмитриевич Максutow (1905 г.) (фрагмент выпускной фотографии, Херсон)

Таблица 3. Преподаватели Херсонского училища дальнего плавания в 1912/13 уч. год (ГАХО. Ф. 212. Оп. 1. Д. 165: 69-710б.).

№ п/п	ФИО	Должность	Время принятия на работу	Звание, чин, вероисповедание	Образование
1	Алексей Васильевич Калужный	начальник училища (з 22.12.1908)	23.12.1875	Капитан 2-го разряда, статский советник, православный	Херсонские мореходные классы
2	Анатолий Эммануилович Гаврилица	штатный преподаватель	1.07.1906	Штурман дальнего плавания, коллежский асессор, православный	Одесское училище торгового мореплавания
3	Александр Федорович Сальников	штатный преподаватель	01.10.1909	Капитан малого плавания, без чина, православный	СПб училище дальнего плавания, курсы преподавания при этом училище
4	Константин Васильевич Будников	штатный преподаватель	30.07.1912	Штурман дальнего плавания, без чина, православный	Херсонское училище дальнего плавания, курсы преподавания в СПб
5	Иоанн Михайловский	преподаватель по найму	1903	священник, православный	Одесская духовна семинария
6	Иосиф Семенович Пальченко	преподаватель по найму	15.01.1909	Надворный советник, инспектор Херсонского 3-класного городского училища, православный	Учительский институт
7	Михаил Андреевич Кузьменко	преподаватель по найму	01.07.1904	Статский советник, член Херсонского окружного суда, православный	Курс университета по юридическому факультету
8	Григорий (Герш) Давидович Астрахан	преподаватель по найму	01.10.1905	без чина, портовый врач при Управлении Херсонского торгового порту, иудей	Юрьевский университет по медицинскому факультету
9	Константин Евменович Слободяников	преподаватель по найму	15.01.1912	кандидат коммерции, потомственный почетный гражданин, без чина, православный	Коммерческое училище

Согласно требований Положения 1902 г. привели и преподавательский состав Николаевской двухклассной мореходной школы. Об этом свидетельствует судьба заведующего Николаевскими мореходными классами И.К. Белоусова, который после реформы уже не соответствовал образовательному цензу, и после того как была найдена необходимая кандидатура для его замещения, 1 июля 1904 г. он был отправлен за штат (ГАНО. Ф.139. Оп. 1. Д. 11: 18). Его место занял с

10 марта 1904 г. надворный советник латышского происхождения Иоганн Бартоломеевич (Иван Варфоломеевич) Скарайн (Янис Скарайнис) занимавший этот пост в 1904–1909 гг. И. Скарайн закончил школу в Айнажи в 1881 г., но до этого он успел побывать во многих экспедициях: исследовал Северокавказское побережье Черного моря в поисках мест, удобных для строительства верфей, изучал возможности строительства и ремонта судов на Кавказе, участвовал в морских экспедициях в полярных широтах и за мужество в 1880 г. был награжден большой серебряной медалью «Общества для содействия русскому торговому мореходству».

Это был человек с огромным опытом работы в подготовке моряков, в прошлом преподаватель и заведующий в разных школах Юга России (например, в 1880-х годах заведовал мореходными классами в Анапе, до 1904 г. заведовал Севастопольскими мореходными классами). В 1909 г. И. Скарайн вернулся на должность начальника мореходной школы в Анапе уже в звании статского советника, где и пробыл до падения империи (*Адрес-календарь, 1910: стб. 604; Назарова, 2009: 208-209; РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 215: 23-27; ГАНО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 11: 22, 115, 124*).

В целом за время существования Николаевской мореходной школы (1903–1912) ее педагогический коллектив отвечал минимальным требованиям (2 штатных и 2 внештатных учителя): начальник – И. Скарайн (в 1909-1912 гг. – Лев Владимирович Оболенский (*Адрес-календарь, 1912: стб. 694; ГАНО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 11: 115, 124*)), штатный преподаватель – надворный советник, кандидат математики, выпускник Московского университета Дмитрий Григорьевич Амосов, законоучитель – священник Александр Гусев, врач-преподаватель – ординатор местного морского госпиталя Григорий Евграфович Кровопусков (*Крикалова, 2008; ГАНО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 13: 17*).

После преобразования в 1905 г. Бериславских классов в двухклассную мореходную школу педагогический коллектив учебного заведения по сравнению с предыдущим периодом укрепился. Кроме начальника школы М.С. Хоминского (возглавлял школу до ее закрытия в 1912 г.), получившего чин коллежского секретаря, штатными преподавателями состояли штурманы 1-го разряда К.М. Булдырев (1905–1909) и Г.И. Терентьев (1909–1912). Законоучителями были священники местных церквей Николай Турчановский и Иоанн Лубинский, врач, надворный советник, работавший в системе МВД, городской врач Петр Яковлевич (Пейсах Иакович) Вишневский (1906–1912) (*ГАХО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2: 40, 46; Памятная книжка, 1911: 63; ГАХО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 16: 10-13*).

В отличие от всех мореходных учебных заведений Черноморско-азовского региона, регламентированных Положением 1902 г., Одесское училище торгового мореплавания (*Рисунок 5*), созданное на основе классов в 1901 г., руководствовалось в своей деятельности указом от 7 мая 1901 г. (*ПСЗРИ-3. Т. 21. Ч. 1. № 20039*).

Рис. 5. Здание Одесского училища торгового мореплавания (архитектор Л.Л. Влодек, 1902–1903)

По сравнению с Одесскими мореходными классами в училище увеличивалось штатное расписание. Если по штатному расписанию 1898 г. предусматривался педагогический коллектив в

количестве 7 человек (без учета команды учебного судна), письмоводитель и врач, то в 1901 г. за штатом стало больше на два преподавателя, заведующего мастерскими и смотрителя зданий (Одесского училища..., 1904: 14-15, 23-25). Это объяснялось тем, что в училище открылось дополнительное механическое отделение, которое предусматривало соответствующих специалистов, усиление материальной базы и должность заведующего мастерскими. Кроме того, администрация прекратила практику предыдущих лет по приглашению специалистов из высшей школы, поскольку в преподавательских списках в течение 1903–1914 гг. мы почти не встречаем известных профессоров из Новороссийского университета (см. Таблицу 4). Требования к преподавателям, как следует из Устава училища 1903 г. (Одесского училища..., 1904: 55-56), были те же, что и к педагогам мореходных училищ согласно Положению 1902 г.

Таблица 4. Педагогический коллектив Одесского училища торгового мореплавания (Адресная..., 1910: стб. 372; Вся Одесса, 1914: 75)

Должность	1909 г.	1914 г.
Начальник училища	Статский советник Логвин Логвинович Гавришев	Статский советник Петр Петрович Степанов
Наставник судноводительского отделения	Князь Дмитрий Павлович Максутов	Михаил Васильевич Васильев
Наставник механического отделения	Титулярный советник Степан Варфоломеевич Придатко	Коллежский советник Степан Варфоломеевич Придатко
Штатные преподаватели:	Инженер, дворовой советник Александр Аркадьевич Курсин Корабельный инженер Владимир Ильич Алимов Коллежский ассессор Степан Андреевич Длуский	Инженер, коллежский секретарь Александр Аркадьевич Курсин Корабельный инженер Владимир Ильич Алимов Коллежский ассессор Гавриил Петрович Сычев
Заведующий мастерскими училища	Александр Иванович Танфильев	Коллежский секретарь Александр Иванович Танфильев
Смотритель здания	Елисей Тимофеевич Коноваленко	Титулярный советник Елисей Тимофеевич Коноваленко
Врач, преподаватель медицины	Василий Иванович Доброхотов	Павел Георгиевич Часовников
Капитан учебного судна	Губернский секретарь Дмитрий Афанасьевич Лухманов	Виктор Иванович Лазаренко

Настоящей легендой среди педагогов училища является Дмитрий Афанасьевич Лухманов (1867–1947) (Рисунок 6) капитан дальнего плавания, специалист по вождению парусных судов, писатель, преподаватель, Герой Труда (1927). В 1882–1884 гг. учился в Керченских мореходных классах, окончив курс учеником и матросом на разных кораблях побывал во всех уголках мира (Австралия, Америка, Европа, Африка, атлантические и тихоокеанские острова) и в феврале 1886 г. вернулся на родину. Сдав экзамен на штурмана каботажного плавания, в 1886–1887 гг. плывал младшим помощником капитана на волжских и каспийских пароходах; начал писать статьи и рассказы из морской жизни для журнала «Русское Судостроение». Сдав в 1888 г. экзамен на штурмана дальнего плавания, до 1902 г. плывал помощником капитана сначала в Каспийском море, затем на Амуре и в дальневосточных морях, перешел на пароходе «Маньчжурия» из Владивостока через Суэцкий канал в Одессу. В 1902–08 гг. был помощником начальника Петровского порта (теперь Махачкала) на Каспии, сдал экзамен на капитана дальнего плавания, выдал свой первый сборник морских рассказов. В 1908–1913 гг. командовал черноморским учебным парусником-фрегатом «Мария Николаевна». В 1914–1917 гг. во время Первой мировой войны являлся морским агентом Добровольного флота в Южной Японии (в Нагасаки). В 1918 г. вернулся на родину. В 1920-е годы продолжил дальние походы во главе парусника «Товарищ». В 1920–1930-х гг. – начальник Ленинградского морского техникума, директор Потийского морского техникума, сотрудник Наркомата морского флота СССР. Его перу принадлежат произведения: «Морские рассказы» (1903), «На суше и в море» (1911), «На палубе» (1928), «Соленый ветер» (1933), «Штурман дальнего плавания» (1931), «20000 миль под парусами» (1931), «На капитанском мостике» (1941), «Парусные суда» (1941); Под парусами (1948) и другие.

Рис. 6. Дмитрий Афанасьевич Лухманов (нач. XX в.)

5. Заключение

В течение более чем 80-летней истории мореходного образования в Херсонской губернии кадровый состав этих профессионально-технических учебных заведений претерпел положительную прогрессию. Его количественный и качественный состав зависел от ряда обстоятельств: уровня учебного заведения, которое устанавливало его финансирование от государства или местных органов власти; задач, которые ставились перед ним; количества учащихся, что определяло количество учебных часов, денежных сумм, поступающих от учащихся; дополнительных источников (стипендии патронов, которые занимались заведением; общественных организаций, поддерживавших учеников и заведение; пожертвований и т. п.).

Преподавателями профессионально-технических учебных заведений мореходного (морского) профиля работали люди с разным уровнем образования, степенью профессиональности и стажем педагогической деятельности в соответствующих учебных заведениях. При этом отчасти педагогические коллективы были квалифицированными, где работали известные моряки, педагоги, мастера и врачи.

Важно подчеркнуть, что вопрос о необходимости комплектования штатов мореходных учебных заведений квалифицированными кадрами был актуален всегда, но особенно обострился в связи с расширением их сети и увеличением числа учащихся в последней четверти XIX – начала XX в. Реализация этой потребности наталкивалась на ряд проблем, главная из которых заключалась в текучести рядовых педагогических кадров и работе многих педагогов по совместительству (учителя иностранных языков, преподаватели гимнастики и такелажа, преподаватели-врачи, законоучителя). Часто причины этого явления крылись в отсутствии у преподавателей прав и привилегий государственных служащих (внештатная работа по найму) и недостаточному финансированию, что и приводило к совместительству административной и преподавательской деятельности. Специфика материального положения поставила в повестку дня проблему недостаточной подготовки преподавателей, что иногда приводило к принятию на работу кандидатов на учительские должности по

минимальным требованиям. С другой стороны, государство пыталось бороться с текучестью кадров, предоставляя преподавателям права и преимущества государственной службы, ведомственное жилье, а также привлекало педагогов увеличением окладов с ростом педагогического стажа.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках выполнения условий Договора № БФ/23-2021 от 04 августа 2021 года на выполнение заданий перспективного плана развития научного направления «Гуманитарные науки и искусство» Сумского государственного университета, а также в рамках проекта «Social solidarity mechanisms in crisis: historical experience and modern challenges» (0123U101851) при поддержке Министерства образования и науки Украины.

Литература

Адрес-календарь, 1901 – Адрес-календарь и Справочная книга Николаевского градоначальства на 1902 год. Николаев: Русская типо-литография, 1901.

Адрес-календарь, 1910 – Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1910 год. Ч. 1-2. СПб.: Сенатская типография, 1910.

Адрес-календарь, 1912 – Адрес-календарь: Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1912 год. Ч. 1-2. СПб.: Сенатская типография, 1912.

Адрес-календарь, 1916 – Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской Империи на 1916 год. Петроград: Сенатская типография, 1916.

Адресная..., 1910 – Адресная и справочная книга на 1910 год «Вся Одесса». Одесса: Издание и ред. Л.А. Лисянского, 1910.

Барбашев, 1959 – *Барбашев Н.И.* К истории мореходного образования в России. Москва: Изд-во АН СССР, 1959.

Бордученко, 1998 – *Бордученко Ю.Л.* Мореходное образование в России. 1867-1919 гг.: Автореферат дис... к.и.н.: 07.00.02 – отечественная история. СПб., 1998.

Василевич, 2014 – *Василевич А.В.* Начальники морских навчальних закладів Південної України (друга половина XIX – початок XX ст.) // Освіта як перспективна сфера економіки: тези доповідей / Міжвузівська науково-практична конференція (25 березня 2014 р., м. Миколаїв). Миколаїв, 2014. С. 192-196.

Виноградов, 1908 – *Виноградов В.В.* Современное положение мореходного образования в Империи. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908.

Виноградов, 1912 – *Виноградов В.В.* Торгово-мореходное образование в России. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1912.

Вся Одесса, 1914 – Вся Одесса. Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом Одесский уезд на 1914 г. Одесса: Типография «Порядок», С.К. Цессарского, [1914].

Гончар, 2015 – *Гончар М.В.* Розвиток нижчої професійної освіти на Півдні України у II половині XIX – початку XX століття: дис. ... к. пед. н.: 13.00.01 – загальна педагогіка та історія педагогіки. Херсон: 2015.

ГАНО – Государственный архив Николаевской области.

ГАХО – Государственный архив Херсонской области.

Добровольська, 2006 – *Добровольська В.А.* Історія жіночої освіти Півдня України (1901-1910 рр.): дис.... к.і.н.: 07.00.01 – історія України. Херсон: 2006.

Ковалева, Чистов, 2000 – *Ковалева О.Ф., Чистов В.П.* Очерки истории культуры Южного Прибужья. (От истоков до начала XX века) Кн. 1. Из прошлого культурной жизни на Николаевщине. Николаев: Тетра, 2000.

Крикалова, 2008 – *Крикалова І.В.* До 135-річчя заснування морехідної школи у Миколаєві // Державний архів Миколаївської області. Публікації (2008). URL: <https://mk.archives.gov.ua/pubonsite/113-pub135morshkola.html>

Кузьмин, 1971 – *Кузьмин Н.Н.* Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. Челябинск: Южноуральское книжное издательство, 1971.

Месяцеслов, 1838 – Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1838. [В 2-х ч.]. СПб.: Имп. Академия наук, 1838. Ч. 1. 1838.

Нагрибельний, 2012 – *Нагрибельний Я.А.* Розвиток професійної освіти на Херсонщині у другій половині XIX століття – на початку 1920-х рр.: к. і. н.: 07.00.01 – історія України. Миколаїв: 2012.

Назарова, 2009 – *Назарова Е.Л.* Латышские педагоги в России // Интеллигенция в многонациональной империи: русские, латыши, немцы. XIX – начало XX в. Москва: ИВИ РАН, 2009. С. 128-220.

Новороссийский календарь, 1848 – Новороссийский календарь на 1849-й год, издаваемый от Ришельевского лицея. Одесса: Городская типография, 1848.

[Одесского училища..., 1904](#) – Одесского училища торгового мореплавания. Законоположение об училище и устав 1903 года. Одесса: Тип. Акционерного Южно-Русского общ-ва печатного дела, 1904.

[Отчет..., 1882](#) – Отчет о мореходных классах трех разрядов Императора Александра II в Херсоне с 1 января 1881 г. по 1 января 1882 г. Херсон: Типография Н.О. Ващенко, 1882.

[Отчет..., 1883](#) – Отчет о мореходных классах трех разрядов Императора Александра II в Херсоне с 1 января 1882 г. по 1 января 1883 г. Херсон: Типография Н.О. Ващенко, 1883.

[Отчет..., 1884](#) – Отчет о мореходных классах трех разрядов Императора Александра II в Херсоне с 1 января 1883 г. по 1 января 1884 г. Херсон: Типография Н.О. Ващенко, 1884.

[Отчет..., 1887](#) – Отчет о мореходных классах трех разрядов Императора Александра II в Херсоне с 1 января 1886 г. по 1 января 1887 г. Херсон: Типография Н.О. Ващенко, 1887.

[Отчет..., 1897](#) – Отчет о мореходных Императора Александра II трехразрядных классах в Херсоне с 1-го января 1896 г. по 1-е января 1897 г. Херсон: Типография Херсонского губернского правления, 1897.

[Отчет..., 1898a](#) – Отчет о мореходных Императора Александра II трехразрядных классах в Херсоне с 1-го января 1897 г. по 1-е января 1898 г. Херсон: Типография губернского правления, 1898.

[Отчет..., 1898b](#) – Отчет о Николаевских мореходных классах 1-го разряда с 1 января 1897 г. по 1 января 1898 г. Николаев: Русская типолитография, 1898.

[Отчет..., 1902a](#) – Отчет по учебно-воспитательной части классов торгового мореплавания при Одесском коммерческом училище за 1898-1899 уч. год (с 1 июля 1898 г. по 24 ноября 1899 г.). Одесса: Типография Южно-русского общества печатного дела, 1902.

[Отчет..., 1902b](#) – Отчет по учебно-воспитательной части классов торгового мореплавания при Одесском коммерческом училище за 1899-1900 уч. год (с 24 ноября 1899 г. по 25 октября 1900 г.). Одесса: Типография Южно-русского общества печатного дела, 1902.

[Памятная книжка, 1864](#) – Памятная книжка для Херсонской губернии, изд. Херсонским губернским статистическим комитетом на 1864 год. Херсон: Типография Херсонского губ. правления, 1864.

[Памятная книжка, 1865](#) – Памятная книжка для Херсонской губернии, изд. Херсонским губернским статистическим комитетом на 1866 год. Херсон: Типография Херсонского губ. правления, 1865.

[Памятная книжка, 1911](#) – Памятная книжка Херсонской губернии на 1911 год. Херсон: Типография Херсонского губернского правления, 1911.

[Памятная книжка, 1913](#) – Памятная книжка Херсонской губернии на 1913 год. Херсон: Губернская типография, 1913.

[ПСЗРИ–2](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830-1881. В 55 т.

[ПСЗРИ–3](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1881-1913. В 33 т.

[РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.

[Ситняківська, 2010](#) – *Ситняківська С.М.* Ремісничі навчальні заклади Півдня України у системі освіти України у другій половині XIX – на початку XX століття // *Південний архів. Історичні науки.* 2010. № 31-32: 203-212.

[Чорний, 2007](#) – *Чорний О.В.* Підготовка спеціалістів для морського флоту в Україні в останній чверті XVIII – на початку XX ст.: дис.... к.і.н.: 07.00.01 – історія України. Київ, 2007.

[Тригуб, 2023](#) – *Тригуб О.* Аграрна освіта у сільськогосподарських навчальних закладах Херсонської губернії другої половини 19 – початку 20 ст. // *Емінак.* 2023. 3 (43): 67-95.

[Degtyarev, Polyakova, 2020](#) – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G.* The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education.* 2020. 9(2): 451-458.

[Degtyarev et al., 2020](#) – *Degtyarev S.I., Polyakova L.G., Stepanova D.I.* The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education.* 2020. 9(3): 666-678.

[Trygub et al., 2023a](#) – *Trygub O., Degtyarev S., Parkhomenko V.* The Development of Vocational-Technical Education in the Ukrainian Governorates of the Russian Empire in the Late 18th and Early 20th Centuries. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education.* 2023. 12 (2): 678-691.

[Trygub et al., 2023b](#) – *Trygub O., Degtyarev S., Parkhomenko V.* The Development of Vocational-Technical Education in the Ukrainian Governorates of the Russian Empire in the Late 18th and Early 20th Centuries. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education.* 2023. 12 (3): 1071-1081.

References

[Adres-kalendar', 1901](#) – Adres-kalendar' i Spravochnaya kniga Nikolayevskogo gradonachal'stva na

- 1902 god [Address-calendar and Reference Book of the Nikolaev City Government for 1902]. Nikolayev: Russkaya tipografya, 1901. [in Russian]
- Adres-kalendar', 1910** – Adres-kalendar': Obshchaya rospis' nachal'stvuyushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniyam v Rossiyskoy Imperii na 1910 god [Address-calendar: General list of commanders and other officials for all departments in the Russian Empire for 1910]. Ch. 1-2. SPb.: Senatskaya tipografiya, 1910. [in Russian]
- Adres-kalendar', 1912** – Adres-kalendar': Obshchaya rospis' nachal'stvuyushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniyam v Rossiyskoy Imperii na 1912 god [Address-calendar: General list of commanders and other officials for all departments in the Russian Empire for 1912]. Ch. 1-2. SPb.: Senatskaya tipografiya, 1912. [in Russian]
- Adres-kalendar', 1916** – Adres-kalendar'. Obshchaya rospis' nachal'stvuyushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniyam v Rossiyskoy Imperii na 1916 god [Address-calendar. General list of commanders and other officials for all departments in the Russian Empire for 1916]. Petrograd: Senatskaya tipografiya, 1916. [in Russian]
- Adresnaya, 1910** – Adresnaya i spravochnaya kniga na 1910 god «Vsyā Odessa» [Address and reference book for 1910 “All Odessa”]. Odessa: Izdaniye i red. L.A. Lisyanskago, 1910. [in Russian]
- Barbashev, 1959** – *Barbashev, N.I.* (1959). K istorii morekhodnogo obrazovaniya v Rossii [On the history of maritime education in Russia]. Moskva: Izd-vo AN SSSR. [in Russian]
- Borduchenko, 1998** – *Borduchenko, Yu.L.* (1998). Morekhodnoye obrazovaniye v Rossii. 1867-1919 gg. [Nautical education in Russia. 1867-1919]: Avtoreferat dis. ... k.i.n.: 07.00.02 – otechestvennaya istoriya. SPb. [in Russian]
- Chorny, 2007** – *Chorny, O.V.* (2007). Pidhotovka spetsialistiv dlya mors'koho flotu v Ukrayini v ostanniy chverti XVIII – na pochatku XX st. [The training of specialists for the naval fleet in Ukraine in the last quarter of the 18th - at the beginning of the 20th century]: dys. ... k.i.n.: 07.00.01 – istoriya Ukrayiny. Kyiv. [in Ukrainian]
- Degtyarev, Polyakova, 2020** – *Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G.* (2020) The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 9(2): 451-458.
- Degtyarev et al., 2020** – *Degtyarev, S.I., Polyakova, L.G., Stepanova, D.I.* (2020). The Institution of Honorary Supervisors in the System of Public Education of the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (The Case of the Kharkov Educational District): Duties, Career, Social Status, and Education Level. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 666-678.
- Dobrovol's'ka, 2006** – *Dobrovol's'ka, V.A.* (2006). Istoriya zhinochoyi osvity Pivdnya Ukrayiny (1901-1910 rr.) [History of women's education in the South of Ukraine (1901-1910)]: dys. ... k.i.n.: 07.00.01 – istoriya Ukrayiny. Kherson. [in Ukrainian]
- GANO** – Gosudarstvennyy arkhiv Nikolayevskoy oblasti [State Archives of the Mykolayiv Region].
- GAKhO** – Gosudarstvennyy arkhiv Khersonskoy oblasti [State Archives of the Kherson Region].
- Honchar, 2015** – *Honchar, M.V.* (2015). Rozvytok nyzhchoyi profesynoyi osvity na Pivdni Ukrayiny u II polovyni XIX – pochatku XX stolittya [The development of lower professional education in the South of Ukraine in the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries]: dys... k. ped. n.: 13.00.01 – zahal'na pedahohika ta istoriya pedahohiky. Kherson. [in Ukrainian]
- Kovaleva, Chistov, 2000** – *Kovaleva, O.F., Chistov, V.P.* (2000). Ocherki istorii kul'tury Yuzhnogo Pribuzh'ya. (Ot istokov do nachala XX veka) Kn. 1. Iz proshlogo kul'turnoy zhizni na Nikolayevshchine [Essays on the cultural history of the Southern Buge region. (From the origins to the beginning of the 20th century) Book. 1. From the past cultural life in the Nikolaev region]. Nikolayev: Tetra. [in Russian]
- Krykalova, 2008** – *Krykalova, I.V.* (2008). Do 135-richchya zasnuvannya morekhidnoyi shkoly u Mykolayevi [To the 135th anniversary of the founding of the maritime school in Mykolaiv]. *Derzhavnyy arkhiv Mykolayivs'koyi oblasti. Publikatsiyi*. [Electronic resource]. URL: <https://mk.archives.gov.ua/pubonsite/113-pub135morshkola.html> [in Ukrainian]
- Kuz'min, 1971** – *Kuz'min, N.N.* (1971). Nizsheye i sredneye spetsial'noye obrazovaniye v dorevolutsionnoy Rossii [Lower and secondary specialized education in pre-revolutionary Russia]. Chelyabinsk: Yuzhnoural'skoye knizhnoye izdatel'stvo. [in Russian]
- Mesyatseslov, 1838** – Mesyatseslov i obshchiy shtat Rossiyskoy imperii na 1838 [Mesyatseslov and the general staff of the Russian Empire in 1838]. [V 2-kh ch.]. SPb.: Imp. Akademiya nauk, 1838. Ch. 1. 1838. [in Russian]
- Nahrybel'nyy, 2012** – *Nahrybel'nyy, Ya.A.* (2012). Rozvytok profesynoyi osvity na Khersonshchyni u druhiy polovyni XIX stolittya – na pochatku 1920-kh rr. [The development of professional education in the Kherson region in the second half of the 19th century – at the beginning of the 1920s]: k. i. n.: 07.00.01 – istoriya Ukrayiny. Mykolayiv. [in Ukrainian]
- Nazarova, 2009** – *Nazarova, Ye.L.* (2009). Latyshskiye pedagogi v Rossii. Intelligentsiya v mnogonatsional'noy imperii: russkiye, latyshi, nemtsy. XIX – nachalo XX v. [Latvian teachers in Russia. Intellectuals in a multinational empire: Russians, Latvians, Germans. XIX – early XX centuries]. Moskva:

IVI RAN. Pp. 128-220. [in Russian]

[Novorossiyskiy kalendar', 1848](#) – Novorossiyskiy kalendar' na 1849-y god, izdavayemyy ot Rishel'yevskogo litseyu [Novorossiysk calendar for the year 1849, published by the Richelieu Lyceum]. Odessa: Gorodskaya tipografiya, 1848. [in Russian]

[Odesskogo uchilishcha, 1904](#) – Odesskogo uchilishcha torgovogo moreplavaniya. Zakonopolozheniye ob uchilishche i ustav 1903 goda [Odessa School of Merchant Shipping. Legislation on the school and charter of 1903]. Odessa: Tip. Aktsionernogo Yuzhno-Russkogo obshch-va pechatnogo dela, 1904. [in Russian]

[Otchet..., 1882](#) – Otchet o morekhodnykh klassakh trekh razryadov Imperatora Aleksandra II v Khersone s 1 yanvaryu 1881 g. po 1 yanvaryu 1882 g. [Report on the seaworthiness classes of the three categories of Emperor Alexander II in Kherson from January 1, 1881 to January 1, 1882]. Kherson: Tipografiya N.O. Vashchenko, 1882. [in Russian]

[Otchet..., 1883](#) – Otchet o morekhodnykh klassakh trekh razryadov Imperatora Aleksandra II v Khersone s 1 yanvaryu 1882 g. po 1 yanvaryu 1883 g. [Report on the seaworthiness classes of the three categories of Emperor Alexander II in Kherson from January 1, 1882 to January 1, 1883]. Kherson: Tipografiya N.O. Vashchenko, 1883. [in Russian]

[Otchet..., 1884](#) – Otchet o morekhodnykh klassakh trekh razryadov Imperatora Aleksandra II v Khersone s 1 yanvaryu 1883 g. po 1 yanvaryu 1884 g. [Report on the seaworthiness classes of the three categories of Emperor Alexander II in Kherson from January 1, 1883 to January 1, 1884]. Kherson: Tipografiya N.O. Vashchenko, 1884. [in Russian]

[Otchet..., 1887](#) – Otchet o morekhodnykh klassakh trekh razryadov Imperatora Aleksandra II v Khersone s 1 yanvaryu 1886 g. po 1 yanvaryu 1887 g. [Report on the seaworthiness classes of the three categories of Emperor Alexander II in Kherson from January 1, 1886 to January 1, 1887]. Kherson: Tipografiya N.O. Vashchenko, 1887. [in Russian]

[Otchet..., 1897](#) – Otchet o morekhodnykh Imperatora Aleksandra II trekhrazryadnykh klassakh v Khersone s 1-go yanvaryu 1896 g. po 1-ye yanvaryu 1897 g. [Report on the navigable Emperor Alexander II three-class classes in Kherson from January 1, 1896 to January 1, 1897]. Kherson: Tipografiya Khersonskogo gubernskogo pravleniya, 1897. [in Russian]

[Otchet..., 1898a](#) – Otchet o morekhodnykh Imperatora Aleksandra II trekhrazryadnykh klassakh v Khersone s 1-go yanvaryu 1897 g. po 1-ye yanvaryu 1898 g. [Report on the navigable Emperor Alexander II three-class classes in Kherson from January 1, 1897 to January 1, 1898]. Kherson: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1898. [in Russian]

[Otchet..., 1898b](#) – Otchet o Nikolayevskikh morekhodnykh klassakh 1-go razryada s 1 yanvaryu 1897 g. po 1 yanvaryu 1898 g. [Report on the Nikolaev naval classes of the 1st category from January 1, 1897 to January 1, 1898]. Nikolayev: Russkaya tipolitografiya, 1898. [in Russian]

[Otchet..., 1902a](#) – Otchet po uchebno-vospitatel'noy chasti klassov torgovogo moreplavaniya pri Odesskom kommercheskom uchilishche za 1898-1899 uch. god (s 1 iyulyu 1898 g. po 24 noyabryu 1899 g.) [Report on the educational part of merchant shipping classes at the Odessa Commercial School for the 1898-1899 school year. year (from July 1, 1898 to November 24, 1899)]. Odessa: Tipografiya Yuzhno-russkogo obshchestva pechatnogo dela, 1902. [in Russian]

[Otchet..., 1902b](#) – Otchet po uchebno-vospitatel'noy chasti klassov torgovogo moreplavaniya pri Odesskom kommercheskom uchilishche za 1899-1900 uch. god (s 24 noyabryu 1899 g. po 25 oktyabryu 1900 g.) [Report on the educational part of merchant shipping classes at the Odessa Commercial School for the 1899-1900 school year. year (from November 24, 1899 to October 25, 1900)]. Odessa: Tipografiya Yuzhno-russkogo obshchestva pechatnogo dela, 1902. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1864](#) – Pamyatnaya knizhka dlya Khersonskoy gubernii, izd. Khersonskim gubernskim statisticheskim komitetom na 1864 god [Commemorative book for the Kherson province, ed. Kherson provincial statistical committee for 1864]. Kherson: Tipografiya Khersonskogo gub. pravleniya, 1864. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1865](#) – Pamyatnaya knizhka dlya Khersonskoy gubernii, izd. Khersonskim gubernskim statisticheskim komitetom na 1866 god [Commemorative book for the Kherson province, ed. Kherson provincial statistical committee for 1866]. Kherson: Tipografiya Khersonskogo gub. pravleniya, 1865. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1911](#) – Pamyatnaya knizhka Khersonskoy gubernii na 1911 god [Commemorative book of the Kherson province for 1911]. Kherson: Tipografiya Khersonskogo gubernskogo pravleniya, 1911. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1913](#) – Pamyatnaya knizhka Khersonskoy gubernii na 1913 god [Commemorative book of the Kherson province for 1913]. Kherson: Gubernskaya tipografiya, 1913. [in Russian]

[PSZRI-2](#) – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye vtoroye [Complete collection of laws of the Russian Empire. Second meeting]. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830-1881. V 55 t. [in Russian]

[PSZRI-3](#) – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye tret'ye [Complete collection of laws of the Russian Empire. Third meeting]. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1881-1913. V 33 t. [in Russian]

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive].

Sytnyakivs'ka, 2010 – *Sytnyakivs'ka, S.M.* (2010). Remisnychi navchal'ni zaklady Pivdnya Ukrayiny u systemi osvity Ukrayiny u druhiy polovyni XIX – na pochatku XX stolittya [Craft educational institutions of the South of Ukraine in the education system of Ukraine in the second half of the 19th – at the beginning of the 20th century]. *Pivdennyy arkhiv. Istorychni nauky*. 31-32: 203-212. [in Ukrainian]

Trygub, 2023 – *Trygub, O.* (2023). Ahrarna osvita u sil's'kohospodars'kykh navchal'nykh zakladakh Khersons'koyi huberniyi druhoiy polovyny 19 – pochatku 20 st. [Agricultural Training in Agricultural Educational Institutions of Kherson Hubernia in the Second Half of the 19th – early 20th century]. *Eminak*. 3(43): 67-95. [in Ukrainian]

Trygub et al., 2023a – *Trygub, O., Degtyarev, S., Parkhomenko, V.* (2023). The Development of Vocational-Technical Education in the Ukrainian Governorates of the Russian Empire in the Late 18th and Early 20th Centuries. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 12(2): 678-691.

Trygub et al., 2023b – *Trygub, O., Degtyarev, S., Parkhomenko, V.* (2023). The Development of Vocational-Technical Education in the Ukrainian Governorates of the Russian Empire in the Late 18th and Early 20th Centuries. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 12(3): 1071-1081.

Vasylevych, 2014 – *Vasylevych A.V.* (2014). Nachal'nyky mors'kykh navchal'nykh zakladiv Pivdennoyi Ukrayiny (druha polovyna XIX – pochatok XX st.) [Heads of maritime educational institutions of Southern Ukraine (second half of the 19th – beginning of the 20th century)]. *Osvita yak perspektyvna sfera ekonomiky: tezy dopovidey*. Mykolayiv. Pp. 192-196. [in Ukrainian]

Vinogradov, 1908 – *Vinogradov, V.V.* (1908). Sovremennoye polozheniye morekhodnogo obrazovaniya v Imperii [The current situation of nautical education in the Empire]. SPb.: Tip. M.A. Aleksandrova. [in Russian]

Vinogradov, 1912 – *Vinogradov, V.V.* (1912). Torgovo-morekhodnoye obrazovaniye v Rossii [Merchant and maritime education in Russia]. SPb.: Tip. V. Kirshbauma. [in Russian]

Vsya Odessa, 1914 – *Vsya Odessa*. Adresnaya i spravochnaya kniga vsey Odessy s otdelom Odesskiy uyezd na 1914 g. [All Odessa. Address and reference book of all Odessa with the Odessa district department for 1914]. Odessa: Tipografiya «Poryadok», S.K. Tsessarskago, 1914. [in Russian]

Преподавательский состав мореходных учебных заведений Херсонской губернии (1834–1917 гг.)

Александр Петрович Тригуб ^a, Сергей Иванович Дегтярев ^{b, c, *}

^a Черноморский национальный университет имени Петра Могилы, Николаев, Украина

^b Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^c Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В работе рассматривается система морского образования на территории Херсонской губернии в период 1834–1917 гг. через призму преподавательского состава мореходных учебных заведений.

История мореходного образования в Херсонской губернии Российской империи свидетельствует о том, что кадровый состав этих профессионально-технических учебных заведений претерпел положительную прогрессию. Его количественный и качественный состав зависел от ряда обстоятельств: уровня учебного заведения, которое устанавливало его финансирование от государства или местных органов власти; задач, которые ставились перед ним; количества учащихся, что определяло количество учебных часов, денежных сумм, поступавших от учащихся; дополнительных источников (стипендии патронов, которые занимались заведением; общественных организаций, поддерживавших учеников и заведение; пожертвований и т. п.).

Преподавателями профессионально-технических учебных заведений мореходного (морского) профиля работали люди с разным уровнем образования, степенью профессиональности и стажем педагогической деятельности в соответствующих учебных заведениях. В начале XX в. государство поставило цель реформировать систему морского образования, что предусматривало как увеличение требований к педагогам, так и борьбу с текучестью кадров путем предоставления преподавателям прав и преимуществ государственной службы, ведомственного жилья, увеличение окладов с ростом педагогического стажа.

Ключевые слова: образование, устойчивое развитие образования, управление образованием, система мореходного образования, Херсонская губерния, мореходные школы, морские училища, преподавательский состав.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: s.degtyarev@yur.sumdu.edu.ua (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1766-1779
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1766

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Arrest of Khivan Subjects in the Russian Empire in 1836 and Russian Struggle Against Slave Trade in Middle Asia. Part I

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to a well-known yet not specifically studied event, the arrest of Khivan subjects in the Russian Empire in 1836. Different authors offer diametrically opposed interpretations of this event: thus, the Russian researcher R.Yu. Pochekaev views it as an act of self-defense caused by the Khiva-inspired attacks on the Russian subjects, but the British researcher A. Morrison considers it the first step towards the escalation of a conflict which ended with the Khivan campaign. We will consider this event from the point of view of microhistory rather than the history of states and regions, concentrating the attention on the individual strategies and fates of different people connected with the arrest of Khivans, and in doing so we will rely on archive materials, predominantly the documentation of the Orenburg Border Commission.

In the first part of the article, the author comes to four main conclusions. First, the practice of taking hostages in 1820–1830s was used by the Russian authorities as an acceptable method of fighting with Middle Asian slavery, and, moreover, sometimes the hostages were taken for ransom (which was used to compensate the victims of nomadic raids), and subjected to arrest could be the wealthy distant relatives of the criminals, personally guilty of nothing. Secondly, the initiator of the mass arrest of Khivans was, in 1831, the perfectly familiar with the practice of hostage-taking chairman of the Orenburg Border Commission G.F. Gens, who, moreover, from the beginning was positioning the crimes of Khivan slave traders as most grievous, and believed that most of Khivan denizens were involved in the slave trade, as a result calling the arrest of Khivans in Russia only a “seeming injustice”. Thirdly, in the first half of the 1830s other ways of fighting Khivan slave trade were also suggested by the Russian officials, and, what is more, the Ministry of Foreign Affairs had initially chosen the ransoming of Russian slaves from Khiva through Bukhara as the main course of action, however the attempts of such ransoming proved unsuccessful. Fourth, the arrest of Khivans in 1836 was aimed not at defending Russia’s frontier or at aggression against Khiva, but at fighting the slave trade: the escalation of the conflict was indeed started by the Russian side, but the reason for this was the extremely harsh position on the matter by the Khivan side, who was refusing, even for ransoms, to return back captured Russian subjects.

Keywords: hostages, slavery, captivity, Central Asia, Khanate of Khiva, Orenburg Governorate, G.F. Gens.

1. Введение

В первой половине XIX века на территории Средней Азии пересекались интересы двух великих держав — Великобритании и Российской империи, а местные государства и племена пытались лавировать между ними, защищая свои интересы, что вело к многочисленным конфликтам как дипломатическим, так и военным. Сейчас, в первой половине XXI века, конфликты вызывает уже

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatto@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

описание этого времени: различные национальные историографии по-разному трактуют факты из истории Средней Азии, отстаивая диаметрально противоположные варианты исторической памяти.

Так, известный российский исследователь региона Р.Ю. Почекаев выделяет три группы исследований: российские, которые направлены на «"реабилитацию" российской имперской политики в Центральной Азии» и якобы сравнительно объективные; «национальные», которые пытаются «охарактеризовать пребывание того или иного региона в составе Российской империи исключительно негативно» и якобы до недавних пор в значительной степени опирались на «идеологические конструкты»; и западные, характеристики которых не дается, но в другом месте указывается, что большая их часть представляет собой «разоблачение» «российской колонизаторской политики в Центральной Азии» (Почекаев, 2017: 13-14). А известный британский исследователь региона А. Morrison оценивает объективность современных российских исследователей в вопросе завоевания Средней Азии совершенно иначе: «Since the collapse of the Soviet Union much modern Russian writing on the history of the conquest has regressed into unapologetic jingoism, with no fewer than four hagiographies of the brutal General Mikhail Dmitrievich Skobelev having appeared since 2000, together with celebrations of Russian victories in the region which are often indistinguishable from the triumphalism of the Tsarist period» (Morrison, 2014: 132).

Наша статья будет представлять собой попытку взглянуть на малоизвестный и морально неоднозначный эпизод российской имперской политики в Средней Азии не с позиции истории государств и народов, а с позиции микроистории, с акцентом на случаи отдельных людей.

Одним из ключевых деятелей, определявших политику Российской империи в Средней Азии в 1830–1850 гг., был оренбургский военный губернатор В.А. Перовский, в 1839–1840 гг. предпринявший неудачный военный поход на Хиву. Однако до этого похода он пытался повлиять на хивинское правительство, задержав в 1836 г. так называемых хивинских торговцев (фактически всех хивинских подданных) в России. Сам факт этого задержания хорошо известен, но ему предсказуемо даются диаметрально противоположные оценки. Р.Ю. Почекаев интерпретирует задержание хивинцев как самозащиту: «Хивинские ханы и их пограничные чиновники нередко подстрекали казахов к нападению на русские пограничные поселения, рыбаков и торговые караваны. <...>. Хан Алла-Кули проигнорировал его послания и продолжил враждебные действия против русских властей в Сепи, что заставило губернатора перейти к более суровым мерам. В 1836 г. он предложил Азиатскому комитету Министерства иностранных дел план экономических санкций против Хивы, каковой и был принят, а в июне 1836 г. одобрен указом императора Николая I. В результате около 600 хивинских купцов были арестованы» (Почекаев, 2017: 211-212).

Напротив, А. Morrison, признавая факт инспирированных Хивой нападений на русскую границу, рассматривает задержание хивинских купцов как первый шаг к эскалации конфликта, завершившегося Хивинским походом, а желание подобного конфликта со стороны Российской империи связывает с ее имперскими амбициями: «The sense of competitive imperial emulation emerges clearly: Russia could not be left behind by Britain and France, nor could one of Europe's Great Powers continue to tolerate the insults of a petty Asiatic state like Khiva. <...>. Tsar was entirely in agreement with the memorandum's sentiments (речь идет о меморандуме военного министра А.И. Чернышева о возможной военной экспедиции против Хивы, написанном под влиянием оренбургского военного губернатора В.А. Перовского – Авт.) and wished to see a detailed plan for an expedition: once again, Perovskii's close personal connection with Nicholas I had borne fruit. The first practical consequence of this was an imperial decree of 1836 ordering the detention of over 350 Khivan merchants in the Menovoi Dvor (Asian caravanserai) outside Orenburg and a total suspension of Russian trade with the Khanate» (Morrison, 2021: 88-89). Однако ни Р.Ю. Почекаев, ни А. Morrison, ни другие авторы, упоминавшие задержание хивинских торговцев, не останавливались на данном сюжете подробно, не разбирали вопроса о том, почему вообще «экономические санкции» «total suspension of Russian trade with the Khanate» сопровождалась массовым задержанием мирных хивинцев, как мотивировалось это задержание и насколько тяжелым положение задержанных в России. Что касается приводимой ими информации о последствиях задержания хивинских купцов, то она не вполне корректна. Так, Р.Ю. Почекаев утверждает, будто бы в 1837 г. хивинцы ответили на русские действия «плохо скрытой издевкой», освободив около 40 рабов, но «все они были преклонного возраста» (Почекаев, 2017: 213). Между тем в действительности освобождено было только 25 рабов, но в их числе были и молодые (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 18-19об., 55-56об.). Еще менее корректна претензия к хивинцам в связи с тем, что они якобы одновременно возвращали рабов в Россию и активизировали их захват на Каспийском море, что и спровоцировало военную экспедицию против Хивы (Почекаев, 2017: 214). В действительности здесь нарушена хронология: активизация инспирированных Хивинским ханством рабзахватов произошла весной 1839 г., однако к этому времени не только активно шла подготовка к Хивинскому походу, но и в Хиве знали об этом (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4941. Л. 39-39об., 75об.).

Таким образом, несмотря на утверждения об объективности современной российской историографии, Р.Ю. Почекаев в значительной степени транслирует дореволюционный имперский нарратив о подлых и вероломных хивинцах, принимая на веру не только факты, сообщавшиеся авторами имперского периода, но и их оценки. Напротив, А. Morrison не упоминает о том, что в

результате задержания хивинских торговцев было освобождено достаточно много русских рабов из Хивы, но их освобождения были неоднократными и растянутыми по времени: уже упомянутые 25 человек в 1837 году и 80 человек в – 1839 г. (Ermachkov, 2021: 27). Он приводит только один случай, когда «two Khivan envoys arrived with five freed Russian prisoners in August 1838, Perovskii refused to receive them, had them detained with the merchants, and interrogated the ex-slaves for useful information» (Morrison, 2021: 89-90). Соответственно, последствия задержания хивинских купцов в России тоже следует признать неизученными.

Между тем случай с хивинскими торговцами представляет большой интерес для понимания отношения русских чиновников к рабству в Средней Азии и, шире, для понимания морали их экспансии в регионе. Уже первые российские исследователи, ориентируясь на утверждения этих чиновников, героизировали среднеазиатскую экспансию России как борьбу с работорговлей. Так, уже оренбургский историк-любитель начала XX в. С.А. Севастьянов, опубликовавший ряд документов, которые мы будем использовать в нашей статье, на их основаниях делал выводы о «тысячах русских пленников», увезенных в Хиву (Севастьянов, 1906: 101). Таким образом, с его точки зрения, «события, предшествующие экспедиции Перовского, оправдывали принятое решение выступить в поход» (Севастьянов, 1906: 142).

Итак, антихивинская политика России в XIX в. носила антирабовладельческий характер, и ее целью было уничтожение Хивинского ханства как центра работорговли. Однако, пытаясь достигнуть подобной благородной цели, русские чиновники арестовали сотни мирных хивинцев. Насколько же этот шаг был уникальным для российской политики в Средней Азии? Как люди, считавшие себя защитниками русских рабов в Хиве, относились к хивинским задержанным в России? Были ли жертвы у данной акции? На эти, и не только, вопросы мы постараемся ответить в нашей статье.

2. Материалы и методы

В своем исследовании мы будем рассматривать задержание хивинцев в Российской империи в 1836 г. в контексте не русско-хивинских отношений, но борьбы российских чиновников с рабством. Дело в том, что, как следует из архивных материалов, практика взятия «заложников» из «киргизцев» практиковалась русским пограничным начальством в 1820 гг. в качестве вполне допустимой и нормальной. Целый ряд лиц был задержан только в связи с делом о похищении в 1823 г. двух русских офицеров – И.В. Подурова и С.Я. Медведева, что нашло отражение в материалах соответствующего дела (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769).

Материалы русских пограничных властей, ныне хранящиеся в Объединенном государственном архиве Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), позволяют взглянуть на институт заложников русских властей в Средней Азии снизу: по ним можно проследить судьбы отдельных заложников, понять, по каким причинам они были задержаны, как их содержали и чего от них требовали. Кроме того, мы исходим из того факта, что идея задержать хивинцев в России изначально исходила не от имперских или даже губернских властей, но от властей пограничных, отвечавших за сношения со степными кочевниками, причем они связывали ее именно с очередной попыткой искоренить работорговлю (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 22-29). Соответственно, сопоставление риторики чиновников и реальных случаев заложничества позволит нам понять, во-первых, насколько эффективным и жестоким был такой способ борьбы с рабством, а во-вторых, насколько обоснованны были надежды на то, что задержание хивинцев в России возымеет какой-либо положительный эффект.

Рассмотрение ситуации на уровне микроистории поможет нам уйти от штампов национально ориентированных нарративов: мы будем рассматривать не сюжет о том, насколько в принципе мирной/экспансионистской была российская политика борьбы с работорговлей в Средней Азии, но целый ряд частных сюжетов, связанных с последовательностью, эффективностью и гуманностью взятия отдельных заложников, с тем, что побудило одних лиц выступать за арест хивинцев, а других – предлагать альтернативы этому шагу и т. д. Как сформулировал К. Гинзбург, «всякая социальная конфигурация является результатом взаимодействия бесчисленных индивидуальных стратегий: плотным переплетением, восстановить которое под силу лишь приближенному наблюдению» (Гинзбург, 2004: 312). Именно рассмотрением индивидуальных стратегий мы и займемся, чтобы затем на их основании понять, в какой ситуации было принято решение о задержании хивинцев – в свою очередь, важное для понимания логики российской политики в Средней Азии в целом.

Оговорим еще два значимых момента. Русские чиновники крайне небрежно подходили к среднеазиатским именам и этнонимам. Один кочевник в разных документах, а иногда даже по ходу одного документа, мог именоваться по-разному. Например, в 1837 г. казачий офицер есаул Петров отправил на поиски каравана, везущего из Хивы освобожденных русских, двух человек – Наумана Еркимбаева и Токмана Бельчикова, которые далее в его отчете именуется еще Эркимбаевым, Белчиковым и Бильчиковым (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 1-20б.). Могли по-разному использоваться даже имперские, а не местные, этнонимы: так, современных казахов могли называть как «киргизами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 29), так и «киргизцами» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4646/1. Л. 20-21) и «киргиз-кайсаками» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 243-243об.). Исходя из этого, в наименованиях мы используем следующую систему: 1) в случае имен мы употребляем один из

вариантов описания, специально не оговаривая это, чтобы было ясно, что речь идет об одном человеке, но в цитатах могут быть разные варианты написания, отличные от принятого сейчас (так, «Юламан» из документов становится «Джуламаном» у С.А. Севастьянова и «Жоламаном» – у современных казахских авторов); 2) мы не пытаемся специально уточнить, какой именно современный этнос в каждом конкретном случае называется русским автором устаревшим термином, но используем единый этноним «киргизец», чтобы было ясно, что имеются в виду не современные киргизы.

3. Обсуждение

Историография Средней Азии XIX в. крайне обширна. Поэтому мы ограничимся указанием только на те работы, в которых рассматривается интересующий нас сюжет о задержанных хивинцах.

Первые упоминания о них присутствуют уже в исследованиях XIX в. Так, в одном из первых описаний Хивинского похода 1839–1840 гг., автором которого является М.И. Иванин, глухо упоминается, что по его итогам «отпущены были в Хиву остановленные в 1836 году хивинские купцы» (Иванин, 1874: 157). Схожая ситуация наблюдается по сей день: о задержании хивинских купцов только кратко упоминают в обобщающих работах по смежным темам. Наиболее подробно на их задержании останавливается Р.Ю. Почекаев в своей монографии «Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX вв.» (Почекаев, 2017: 212–214). Однако его изложение событий, как мы видели выше, содержит ряд ошибок как фактических, так и концептуальных, связанных с описанием ситуации со специфически российской позиции. Остается повторить, что факт задержания хивинцев хорошо известен, однако его контекст изучен не вполне, а о жизни хивинцев в плену работ вообще нет. И это позволяет различным авторам встраивать задержание хивинцев в совершенно разные нарративы, рассматривая его и как акт законной самообороны, и как акт агрессии.

В то же время в последние годы вышли три статьи, посвященные событиям 1839 г., когда хивинцы вернули в Россию большую группу пленных, надеясь на ответное освобождение торговцев. Статья И.А. Ермачкова «Русская официальная переписка о возврате русских пленных из Хивинского ханства в 1839 г.» (Ermachkov, 2021: 26–34) представляет собой по сути публикацию целого ряда документов об этом событии, контекст которых не вполне понят автором. Так, он утверждает, будто бы В.А. Перовский дважды задерживал хивинских торговцев, сперва в 1837 г., а затем в 1839 г. (Ermachkov, 2021: 26–27). В действительности, как мы видели выше, речь идет об одном задержании, причем не в 1837 г. и не 1839 г., а в 1836 г., после которого хивинцы были в русском плену около 4 лет. Тем не менее сообщаемые в тексте документы, например, грамота хивинского хана Аллакули русским властям, заслуживают самого серьезного внимания (Ermachkov, 2021: 29). Две другие статьи И.А. Ермачкова, Е.В. Видищевой, А.А. Байбарина, Е.К. Минеевой и Л.Л. Баланюк содержат анализ показаний, вышедших в 1839 г. из Хивы русских рабов (Ermachkov et al., 2021a: 1171–1180; Ermachkov et al., 2021b: 1779–1788). Хотя эти статьи меньше связаны с темой нашей работы, они наглядно демонстрируют определенный успех захвата русскими властями хивинских торговцев в 1836 г.: по крайней мере, 80 человек благодаря этому удалось вырвать из Хивы только в 1839 г.

4. Результаты

Проект полковника Генса

На самом деле идея массового захвата хивинских подданных на территории Российской империи принадлежала не В.А. Перовскому, а полковнику (позднее генерал-майору) Г.Ф. Генсу и была изложена им еще в 1831 г. в записке «О находящихся в Хиве российских пленниках» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 22–29).

В подобном контексте заслуживает внимания сама личность Г.Ф. Генса. Его происхождение не вполне ясно. Он родился в 1787 г., принадлежал к дворянскому сословию и придерживался лютеранской веры (Матвиевская, 2016: 111). Однако неизвестно ни место его рождения, ни то, кем были его родители. В дореволюционной историографии высказывалось предположение, будто бы Г.Ф. Генс родился в Курской губернии (на том основании, что оттуда происходила его жена), а родители его были богаты и смогли дать сыну отличное образование (в инженерном корпусе их сын учился всего год, после чего бы выпущен оттуда подпоручиком) (Юдин, 1899: 367). Но подробно изучена только деятельность Г.Ф. Генса в Оренбурге, где он служил с 1807 г. до выхода в отставку в 1844 г. (Матвиевская, 2016: 122).

В 1807–1820 гг. Г.Ф. Генс привлекался к экспедициям в степь и занимался благоустройством Оренбурга; в 1820–1830 гг. он был начальником инженерной команды Отдельного Оренбургского корпуса; в 1824–1832 гг. – директором местного кадетского корпуса; а в 1825–1844 гг. возглавлял Оренбургскую пограничную комиссию – орган, отвечавший за взаимодействие Российской империи с так называемыми «киргиз-кайсаками» или «киргизцами», т. е. казахами (Матвиевская, 2016: 111–122). Таким образом, Г.Ф. Генс почти двадцать лет занимал должность чиновника, отвечавшего за взаимодействие со среднеазиатскими племенами и государствами.

На этой должности он проявил себя как крупный исследователь-востоковед. Им было написано (но не опубликовано) множество рукописей, причем как частного характера, с рассказами различных

лиц о своем пребывании в Средней Азии, так и более общих, например, «Об опасности, угрожающей Восточной России от магометан» или «Об усмирении киргизов» (Попов, 1907: 168-173). В 1829 г. Оренбург посетил А. фон Гумбольдт, один из спутников которого оставил такое свидетельство о Г.Ф. Генсе: «Он вызвал у нас всех, и особенно у господина фон Гумбольдта, большой интерес из-за своих познаний в географии и политическом положении Средней Азии» (Матвиевская, 2016: 118). Позднее А. фон Гумбольдт упоминал «прекрасные исследования» и «сокровищницу географических данных» Г.Ф. Генса в переписке с министрами Российской Империи Е.Ф. Канкринным и С.С. Уваровым (Матвиевская, 2016: 119). Положительные отзывы о творчестве Г.Ф. Генса позднее создавались крупными российскими востоковедами В.В. Григорьевым и Я.Н. Ханыковым (последний даже называл офицера «величайшим знатоком киргизских степей и киргизского быта» (Попов, 1907: 174-178).

Неудивительно, что авторитет Г.Ф. Генса как эксперта по Средней Азии был очень высок. Уже в конце XIX в. в Оренбурге была записана такая история о нем: «По словам Михаила Николаевича Бекчурина, Генс пользовался особым благоволением Государя Императора Николая Павловича. Однажды он был вызван по Высочайшему повелению в Петербург и, по прибытии во дворец в полной парадной форме, был принят в кабинет Государя. Его Величество любезно усадил около себя в кресло взволнованного Генса, взял его руку и, не выпуская ее из своих рук, просил Григория Федоровича рассказать подробно все, что делается в Оренбурге и соседних ханствах» (Севастьянов, 1907: 159). Независимо от того, насколько правдива эта история, она хорошо иллюстрирует образ Г.Ф. Генса – лучшего знатока Хивы и Бухары своей эпохи.

Итак, взять в плен в мирное время без объявления войны хивинских подданных на территории Российской империи предложил не случайный чиновник и даже не кто-то из оренбургских военных губернаторов, а уникальный авторитетнейший специалист по Средней Азии, удостоенный к этому моменту похвал от самого А. фон Гумбольдта. Показательно, что в известных нам текстах о Г.Ф. Генсе этот эпизод его биографии не упоминается. При этом текст записки «О находящихся в Хиве российских пленниках» был опубликован еще в 1906 г. оренбургским историком-любителем С.Н. Севастьяновым, хотя и со множеством неточностей (Севастьянов, 1906: 133-138). Однако от комментирования содержания данной записки С.Н. Севастьянов, поклонник таланта Г.Ф. Генса, воздержался (Севастьянов, 1906: 141-142).

Записка «О находящихся в Хиве российских пленниках» Г.Ф. Генса представляет собой типичный пример российского имперского нарратива о Средней Азии. Она начинается с обвинений киргизцев в похищении русских людей (до 200 в год), а хивинцев – в содержании русских пленников (около 2 000) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 22-220б.). Текст эмоционально окрашен и содержит ярко выраженную экспрессивную лексику: так, продажа рабов именуется «бесчеловечным торгом», пленники «страждут в самой тяжкой неволе», а их семьи «находятся частью без способов к пропитанию» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 220б.-24). Одновременно Г.Ф. Генс признавал, что в качестве ответной меры имперские власти захватывали «киргизов, принадлежащих к одному с пленителями роду», и даже позиционировал подобную меру как «несправедливую» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 230б.-24). Однако его критика сосредотачивалась не на несправедливости данной меры, а на ее неэффективности, связанной как с тем, что киргизцам оказывалось трудно выручить уже проданных в Хиву пленников, так и с тем, что имперское начальство «по истечении некоторого времени освобождает таковых заложников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 230б.-24). Таким образом, с самого начала записки мы видим любопытную логику: захват жителями Средней Азии в рабство русских подданных позиционируется Г.Ф. Генсом как тяжелейшее преступление, а ответное взятие русскими властями дальних родственников похитителей в качестве «заложников» (термин самого Г.Ф. Генса) оказывается только «несправедливостью».

«Нет сомнения, что должно принять решительные меры к освобождению пленных», – делал вывод Г.Ф. Генс (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 25). Чиновник видел два эффективных варианта подобных мер: «действия военных против Хивы» или «задержание Хивинских караванов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 25). Однако первый вариант Г.Ф. Генс отвергал как из-за возможных финансовых и человеческих потерь, так и опасаясь того, что при приближении русских войск к Хиве местные жители просто перебеют всех рабов «по известному изуверству магометан» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 250б.). А вот второй вариант он считал простым и надежным.

Согласно Г.Ф. Генсу, Хивинское ханство не могло выжить без торговли с Россией: «Хивинцы без железа, юфти и некоторых других товаров обойтись не могут, и товары сии могут они получать только в России» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 28). Исходя из этого, он предлагал действовать решительно, жестко и внезапно: по прибытии хивинского каравана в Оренбург задержать товары и людей, одновременно проведя аналогичные задержания хивинских торговцев в Астрахани и Грузии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 26). Затем следовало выставить ультиматум хивинскому хану: «Если же в течение двухгодичного срока не будут освобождены из Хивы все российские пленники, то оставшиеся невыкупленными товары будут обращены в пользу пострадавших от пленения людей семейств, а люди будут посланы в отдаленные места на поселение» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 27-270б.). Г.Ф. Генс эмоционально писал, что предлагаемая им мера, помимо прочих выгод, «доставит свободу несчастным, которые томятся в неволе непостижимо тяжкой» (ОГАОО. Ф. 6.

Оп. 10. Д. 3755. Л. 280б.). Напротив, задержание и потенциальное пожизненное насильное удержание в России хивинских торговцев Г.Ф. Генс называл лишь «мнимой несправедливостью», аргументируя это так: «Они большей частью виновны в покупке их (русских рабов – Авт.) и побуждении к пленению киргизов, а, наконец, гораздо невиннее их несчастные пленники» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 29).

Остается констатировать, что, сформулировав идею массового захвата хивинских подданных на территории Российской империи, Г.Ф. Генс не предложил принципиально новой меры, но просто распространял на отношения с хивинцами ту же логику, которой придерживался в отношении киргизцев: захват в рабство русских подданных является безусловным преступлением, а вот ответное взятие русскими властями заложников из числа людей, причастных к рабовладению и работорговле хотя бы косвенно, вполне допустимо. С точки зрения современного гуманизма подобная логика, безусловно, аморальна. Однако суровые времена требуют суровых мер, и поэтому, прежде чем перейти к описанию дальнейших событий, нам кажется важным разобраться, как вообще выглядел захват русскими властями заложников из жителей Средней Азии, насколько он был обоснован их преступлениями.

Компенсация прапорщику Медведеву

В числе научных рукописей Г.Ф. Генса было сочинение «Взятие в плен киргизами сотника Подурова и прапорщика Медведева» (Попов, 1907: 174-178). Позднее на основе этой рукописи С.Н. Севастьянов написал очерк «Иван Васильевич Подуров» (Севастьянов, 1999: 190-205). А в Объединенном государственном архиве Оренбургской области хранится обширное дело, посвященное истории И.В. Подурова и С.Я. Медведева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769). Данное дело уникально в том отношении, что в нем все детали как похищения киргизцами русских офицеров в 1823 г., так и последовавших затем событий 1824–1828 гг. описаны крайне подробно. Причина этого заключается в том, что из ряда вон выходящей была сама ситуация: похищены были не крестьяне или казаки, а два офицера, в связи с чем оренбургский военный губернатор П.К. Эссен¹ даже подавал рапорт Александру I (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 18-180б.). Кроме того, из ряда вон выходящую настойчивость проявил отец прапорщика С.Я. Медведева, писавший прошения о немедленной выплате компенсации за похищенное у его сына имущество разным лицам, включая императора, столь настойчиво, что в итоге его даже посадили за это под арест на трое суток (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 467-4670б.). Поскольку ситуация была далеко не обычной, а отчет о ней в любой момент могли потребовать имперские власти, в переписке различных инстанций оказалось зафиксировано множество деталей пограничного быта, которые в обычной ситуации просто не оказывались на бумаге.

Прежде всего отметим, что в данном случае основной мотивацией похитителей было не получение прибыли. За И.В. Подурова они требовали выдать им некоего Тюлембая Кудукова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 106), а за С.Я. Медведева – Айчувака Бутанаева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 119). Таким образом, как это ни иронично, в данном случае киргизцы фактически использовали ту же практику в отношении русских офицеров, которую русские власти использовали против них: чтобы добиться освобождения своих соплеменников, они взяли в заложники влиятельных лиц враждебного лагеря. Впрочем, между случаями Тюлембая Кудукова и Айчувака Бутанаева была принципиальная разница. Кундуков обвинялся в убийстве русского крестьянина и находился под следствием (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 2600б.), поэтому в его случае арест со стороны русских властей был безусловно оправдан. Бутанаев же сперва был выдан русским для суда по обвинению в краже скота у собственных сородичей ханом Младшего жуза Ширгазы Айчуваковым, а затем хан начал просить вернуть его из-за угроз со стороны собственных подданных, считавших, что выдача произошла «вопреки древнему обычаю дедов и отцов их, по которому ополченного вора своеручно выдавать было бы несовместно и незаконно» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 1380б.). Соответственно, пребывание Айчувака Бутанаева у русских выглядело крайне сомнительным даже с точки зрения лояльных России киргизцев.

Похитителям покровительствовал тархан, которого русские документы именуют Юламаном Тлянчинным, и который вел переговоры об освобождении киргизских пленников лично. О Жоламане Тленшиулы сохранилось мало сведений, но в современном Казахстане он позиционируется как «предводитель национально-освободительного движения казахов против колониальной политики Российской империи» (Энциклопедия..., 2005: 336). Пленники стали для Жоламана Тленшиулы еще и способом вступить в переписку с П.К. Эссеном. Демонстрируя свою лояльность Российской империи, Тленшиулы отправил П.К. Эссену копии с грамоты Екатерины II его отцу и копию благодарности прошлого оренбургского губернатора Г.С. Волконского ему лично (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 225-226). Он и его соратники пытались объяснить, что они не мятежники, но борются за свои законные права и ходатайствовали о возврате им земель по реке Илеку, где с 1810 г. были учреждены русские форпосты, вследствие чего подданные Тленшиулы «в немалом числе аулов принужденными находились иметь кочевание за речкой Илеком на степях, не имеющих ни леса, ни

¹ Уточним для простоты понимания, что в 1820-1830 гг. в Оренбурге сменилось 3 военных губернатора, П.К. Эссен (1817–1830), П.П. Сухтелен (1830–1833) и В.А. Перовский (1833–1842).

хорошей воды, почему в скотоводстве претерпевали крайнюю нужду» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 172об.). Безусловно, идеализировать Жоламана Тленшиулы и его людей не стоит: это были жестокие защитники своей земли, и во время похищения И.В. Подурова и С.Я. Медведева ими был убит посторонний казак Е. Наймушин (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 379об.). Не брезговали они и работоторговлей: денщик С.Я. Медведева С. Михайлов был продан ими «далеко», и выручить его так и не удалось (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 398). Однако еще более ошибочным было бы считать их обычными бандитами. Собственно, даже крайне пристрастный к киргизцам и часто демонизировавший их С.Н. Севастьянов писал о Жоламане Тленшиулы так: «Джуламан выступает энергичным борцом за интересы киргизского народа, среди которого он как справедливый и бескорыстный судья пользовался всеобщим уважением. До сих пор поются киргизами песни, сложенные в честь него, и передаются из рода в род предания про Джуламана-батыря...» (Севастьянов, 1999: 197).

Итак, в случае с похищением И.В. Подурова и С.Я. Медведева мы имеем дело не с обычным захватом рабов, а с взятием русских заложников для их обмена на находящихся в русской тюрьме киргизцев, причем руководил этим процессом авторитетный и уважаемый, пускай и мятежный, Жоламан Тленшиулы. Однако русские власти в подобные тонкости не вдавались, рассматривая пленителей как обычных «хищников» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 379об.). Впрочем, чтобы спасти русских офицеров, они выдали киргизцам и Тюлембая Кудукова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 153), и Айчувака Бутанаева (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 167-167об.). Но сразу после освобождения И.В. Подуров и С.Я. Медведев подали прошения об «удовлетворении» за похищенное у них во время пленения имущество, будто речь шла об обычном грабеже (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 184, 253-253об.). Вот только именно в силу специфики случая с Жоламаном Тленшиулы складывалась сложная пикантная ситуация: с одной стороны, русские пограничные власти должны были удовлетворить эти прошения; с другой стороны, ввиду того, что преступниками были мятежники под руководством влиятельного лидера, шансы получить компенсацию с них были призрачными; наконец, платить из собственных сумм власти не хотели. В очередной раз объясняя столичному начальству, почему прошения отца С.Я. Медведева еще не удовлетворены, П.К. Эссен указывал, что Оренбургская пограничная Комиссия «сделала вновь распоряжения об открытии в Киргизской Орде виновных разграбления сына его и о взыскании с них удовлетворения ему», и добавлял, что «казенные же суммы употреблять на оное невозможно» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 451-451об.).

В этих условиях пограничные власти, с 1825 г. руководимые Г.Ф. Генсом, начали брать заложников из киргизцев, требуя от их родственников заплатить компенсацию русским офицерам. Риторика властей при этом была весьма показательной. Лично П.К. Эссен 20 ноября 1823 г. распорядился «согласно законным обычаям Киргиз-кайсака вызвать на линию и задержать человек трех из почетных между ними людей, коих и не отпускать в Орду, пока не будет возвращен солдат Михайлов и удовлетворен Медведев в его иске» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 243-243об.). В данном распоряжении наиболее интересны два момента. Во-первых, приказывая задержать трех киргизцев, русский губернатор ссылаясь не на имперские законы, а на «законные обычаи Киргиз-кайсака». В других материалах дела ссылок на имперское законодательство, предписывающее брать заложников в подобных ситуациях, мы тоже не обнаружили. Таким образом, русские власти считали допустимым, по крайней мере в некоторых случаях, руководствоваться обычаями тех самых киргизцев, которых они за похищения русских подданных объявляли преступниками. Во-вторых, задерживать предписывалось не ближайших родственников похитителей, а «почтенных» людей, за которых шанс получить выкуп был выше. Да и сам И.В. Подуров в прошении Александру I от ноября 1823 г. просил «захватить родственников или однородцев вышепоименованных хищников и задержать их на линии дотоль, пока не удовлетворят меня за разграбленные вещи и деньги» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 258об.), т. е. прекрасно понимал, что захватить самих похитителей не выйдет, но можно взять в заложники их дальних родственников. Любопытно, что С.Н. Севастьянов, писавший свой очерк о пленении И.В. Подурова на основании не столько архивного дела, сколько рукописи уважаемого им Г.В. Генса (нам эту рукопись обнаружить не удалось, поэтому вопрос о том, как в ней описано взятие заложников, остается неразрешенным), данный сюжет почти полностью обошел, сообщив исключительно то, что «за ограбленные вещи, по оценке их, Подуров получил 1604 р. 40 к. асс., прапорщик Медведев – 2 023 р. и 1/2 к., Матюков – 295 р. 50 к., Кожевников – 300 р. Все эти деньги собирались с киргиз до 1829 г., и лишь только благодаря энергии и изумительному умению Аржанухина (начальника Новоилецкой линии – Авт.) жить с киргизами были наконец собраны сполна» (Севастьянов, 1999: 203).

Посмотрим, что в действительности скрывалось за эвфемизмом «жить с киргизами». Начальник Новоилецкой линии есаул Аржанухин взял первых двух заложников уже в декабре 1823 г.: ими оказались некие Тайлан Туляганов и Енгылыч Уразаков (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 277). Отметим, что в данном случае власти задержали людей, против которых были выдвинуты хоть какие-то персональные обвинения: один из дружественных России киргизцев утверждал, будто бы именно они злоумышляли на урядника Плешкова, убитого по ходу освобождения есаула И.В. Подурова

(ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 281). Уразаков, однако, в феврале следующего 1824 г. сумел сбежать от русских (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 307). Иначе сложилась судьба Туляганова. Его родственники в 1824 г. выкупили у других киргизцев захваченного русского подданного Асендияра (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 337-337об.). Тем временем проводимое Аржанухиным расследование показало, что заложник по делу об убийстве Плешкова «нимало не обнаруживается виновным» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 335об.). Однако П.К. Эссен уже после выдачи русским Асендияра отказался отпускать Туляганова, пока он не заплатит 1 000 руб. родственникам убитого Плешкова, мотивируя это следующим образом: «Входя в расстроенное положение семейства его (Плешкова – Авт.), оставшегося без призрения и тех способов к своему содержанию, какие уделял отец, лишившийся жизни от рук родственников Тайляна, признаю справедливым, дабы тому семейству было оказано какое-либо пособие» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 340об.). 1 000 руб. семейству Плешкова в итоге была передана (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 481об.). Таким образом, Тайлан Туляганов не просто заплатил за преступление своих родственников, к которому не имел отношения, но еще и заплатил дважды: сперва выкупив русского пленника и передав его русским властям, а затем еще и отдав этим властям 1 000 руб.

Точное число киргизцев, задержанных для получения с них компенсаций И.В. Подурову и С.Я. Медведеву, установить невозможно: Аржанухин не отчитывался о каждом взятии заложника. Так, 2 апреля 1824 г. он доложил о смерти Тайсуйгана Каресаева, в прежней переписке не упоминавшегося вовсе (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 309). Каресаев, взятый «под караул для выручки из Плену отставного солдата Михайлова и ограбленного с ним в 1823 году киргизцами у Есаула Подурова и Прапорщика Медведева имения», скончался на следующий день после того, как «был за дерзость наказан палками» начальником того форпоста, в котором содержался (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 309). После смерти киргизца форпостный начальник представил свидетельство от некоего его родственника, согласно которому Каресаев «был по временам одержим падучей болезнью и пред русскими делал не одно открывшееся преступление» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 309). Власти начали расследование, но информации о том, чтобы за смерть Каресаева кто-то был наказан, в деле нет (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 309об.).

Из другого документа следует, что Тайсуйган Каресаев и некий Итямген Утелев были задержаны исключительно на том основании, что принадлежали к табынскому отделению, как и один из похитителей русских офицеров, Акын (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 309об.). За их освобождение русские власти потребовали 1 200 руб. и С. Михайлова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 312-312об.). В итоге в мае 1824 г. однородцы единственного выжившего заложника Утелева внесли указанные 1 200 руб., но С. Михайлова освободить не смогли, после чего П.К. Эссен распорядился освободить киргизца (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 315об.-316об.). Вскоре после этого, 14 июля 1824 г., П.К. Эссен распорядился прекратить взыскания по данному делу, а всех задержанных отпустить (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 317). Возможно, причина милосердия заключалась в том, что русские власти уже получили компенсации со всех киргизцев, хотя бы отдаленно причастных к похитителям.

Однако отец С.Я. Медведева, как мы писали выше, настойчиво требовал выплаты остатка причитавшихся его сыну денег и дошел с прошением до императора. В 1826 г. Николай I распорядился «принять подлежащие меры к скорейшему взысканию с ограбивших сына его» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 452). И за этим последовали новые задержания заложников, на сей раз не имевших к похищению русских офицеров совсем никакого отношения. Даже есаул Аржанухин жаловался на нелогичность подобных мер. Он отмечал, что деньги требуют исключительно с киргизцев табынского отделения, в то время как следовало бы привлечь к выплате средств «киргизов Кирдаринского отделения» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 480об.). Мотивировал это П.К. Эссену он так: «Пленили же их (русских офицеров – Авт.) около Полтавского селения за кердаринского арестанта Тюленбая из Уральска, в Оренбурге содержавшегося, кердаринцы, только при Участии табынцев» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 481).

Тем не менее в декабре 1826 г. в заложники были взяты два киргизца табынского отделения, мирно зимовавшие на линии, Туру Бикбулатов и Сарамат Караулов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 433-433об.). Выбор именно этих людей Аржанухин обосновывал их «однородством, состоятельностью и прикосновенностью», т. е. снова были схвачены богатые киргизцы табынского отделения, имевшие хоть какое-то отношение к похитителям (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 435). От них уже требовали только заплатить выкуп, не упоминая необходимости освободить С. Михайлова: за Бикбулатова требовали 1 220 руб., а за Караулова – 800 руб. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 448об.). Сбор нужной суммы растянулся, и, когда в феврале 1828 г. пришли деньги только за Караулова, Аржанухин попросил разрешения отпустить его одного «к поддержанию своего от жесткой зимы разоряющегося семейства и хозяйства» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 480). Как мы помним, Г.Ф. Генс писал о тяжелом положении семей тех людей, которых похитили в рабство в Хиву. Из данного примера мы видим, что и семьи заложников русских властей могли страдать без кормильца. Туру Бикбулатов же уплату денег задерживал, и в итоге П.К. Эссен, уставший от жалоб отца С.Я. Медведева, приказал все же выдать ему остаток денег по иску из сумм Оренбургской

пограничной комиссии с последующей компенсацией этих денег взысканием с Бикбулатова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 489-489об.).

Рассмотренные примеры наглядно демонстрируют, что в 1820 г. русские власти в Оренбуржье практиковали взятие заложников из киргизцев не только для возвращения из Средней Азии русских пленных, но и в целях получения денежного выкупа, идущего в компенсацию пострадавшим от набегов кочевников местным жителям. Рапорты начальника Новоилецкой линии Аржунахина упоминают киргизцев, захваченных русскими властями в связи с иными делами, кроме дела И.В. Подурова и С.Я. Медведева: так, в начале 1827 г. у Аржанухина в заложниках, кроме Туру Бикбулатова и Сарамата Караулова, находился Юмагул Янкшиев, от которого планировалось получить компенсацию за имущество других похищенных русских подданных (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 435-435об.).

О том, как содержались эти заложники, сведений нет, но даже в разобранным нами деле, где подробно описаны ситуации менее чем с 10 заложниками, один из них умер в русском плену после побоев, а у одного за время пребывания в плену разорилась семья. При этом в заложники брались не непосредственные участники преступлений против людей, которым предполагалась выплата компенсации, но их родственники, порой даже очень дальние («однородцы», по терминологии документов), отобранные не по степени родства, а в соответствии с богатством и влиянием, облегчающими получение выкупа. Подобная практика опиралась не на имперские законы, а на то, что П.К. Эссен называл «законными обычаями Киргиз-кайсака», т. е. русские чиновники понимали варварский характер своих действий, но оправдывали их спецификой края. И действительно, с чисто инструменталистской точки зрения взятие заложников было эффективным: с его помощью пограничные власти успешно получали деньги на компенсации за набеги кочевников с самих киргизцев, пускай и не тех, кто был виновен в набегах. Правда, выручать подобным способом проданных в Хиву рабов не получалось (об этом свидетельствует не только утверждение Г.Ф. Генса в записке «О находящихся в Хиве российских пленниках», но и неудача с освобождением солдата С. Михайлова). Однако это могло быть связано как раз с тем, что собственно хивинцев до 1836 г. в заложники русские власти не брали, а мотивации менять русских рабов на чужих им киргизцев ни у хивинских властей, ни у простых хивинцев не было.

Соответственно, вполне логично, что Г.Ф. Генс в 1831 г. предложил не просто прекратить торговлю с Хивой до выдачи оттуда русских рабов, но и взят в заложники хивинцев, находившихся на территории Российской империи, мотивируя это тем, что многие из них имели отношение к среднеазиатской работоторговле. Русские власти уже задерживали, причем неоднократно, в качестве заложников людей, невиновных в тех преступлениях, за которые с них требовали компенсацию, даже с точки зрения чиновников, расследовавших дело. Дошло до того, что несколько тысяч рублей компенсации по делу И.В. Подурова и С.Я. Медведева заплатили исключительно киргизцы табынского отделения, в то время как похищали этих русских офицеров преимущественно киргизцы кердаринского отделения. Подобная практика не встречала осуждения ни со стороны общества, ни со стороны вышестоящих властей, и относительно эффективно позволяла защищать интересы Российской империи.

Русская политика в отношении работоторговли в Средней Азии в первой половине 1830 гг.

Нам мало известно о непосредственной реакции оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена на записку Г.Ф. Генса. На ней стоит лишь лаконичная резолюция: «Приобщить к делу о выкупе пленных из Хивы» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 22). Вышестоящее имперское начальство в первой половине 1830 гг. еще надеялось решить проблему русских рабов в Хивинском ханстве иными методами. В этом контексте особенно любопытно отношение министра иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде новому оренбургскому военному губернатору В.А. Перовскому, написанное в 1833 г. и частично опубликованное С.Н. Севастьяновым (Севастьянов, 1906: 141-142). К.В. Нессельроде отвергал возможность военной экспедиции в Хиву по тем же причинам, что и Г.Ф. Генс за несколько лет до этого, ссылаясь на потенциальные человеческие и финансовые потери, а также на возможность того, что хивинцы перебьют всех русских рабов в случае приближения русских войск к их городу (Севастьянов, 1906: 140). Однако в качестве эффективной альтернативы военной экспедиции К.В. Нессельроде рассматривал не прекращение торговли с Хивой и захват хивинских заложников, а опосредованный выкуп русских рабов: предлагалось «действовать через приезжающих в Оренбург бухарцев», которым, по мнению министра, хивинцы согласились бы продавать русских пленников, а потом бухарцы перепродавали бы их русским (Севастьянов, 1906: 140-141).

И здесь мы сталкиваемся с крайне любопытным сюжетом, связанным с различием социальных практик рабства в сопредельных регионах, на Кавказе и в Средней Азии, и с тем, как эти различия влияли на политику Российской империи в отношении работоторговли. На Кавказе была крайне распространена практика захвата пленных с целью получения за них выкупа. А.А. Черкасову удалось выявить 638 персон, выкупленных русскими только из Черкесии в 1797–1860 гг. (Cherkasov, 2020: 1427). По его мнению, это привело к размыванию понятий «выкупа» и «обмена» и распространению

практики обратной продажи пленных: людей похищалось все больше, цены на них росли, и в итоге рекордная цена, заплаченная за возврат пленной девицы, составила 1 774 руб. (Cherkasov, 2020: 1427-1428). «В результате для русской администрации стало очевидным, что выкуп пленников только поощряет работорговлю в Черкесии», – пишет А.А. Черкасов и констатирует, что с 1835 г. выкупы пленников оттуда почти прекратились (Cherkasov, 2020: 1427-1428). Итак, на Кавказе русские подданные массово захватывались в плен не для продажи в рабство, а именно для выкупа обратно на родину, и в качестве меры борьбы с этим выкупы со временем были ограничены русской стороной.

В Средней Азии логика работорговли была другой. Г.Ф. Генс писал на этот счет следующее: «Оренбургская пограничная комиссия получает ежегодно из здешнего уездного казначейства на искупление пленных по 3 000 рублей, но успех в сем деле почти ничтожен, потому что в Хиве смертная казнь угрожает не только Киргизу, покушающемуся освободить пленника, но и хозяину, соглашающемуся продать его для возвращения в отечество» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 23-23об.). Соответственно, случаи захвата русских пленников для обмена или возврата за выкуп на родину, являвшиеся нормой для Кавказа, были крайне нетипичны для Средней Азии. Об этом свидетельствует не только утверждение Г.Ф. Генса, но и то, сколько внимания чиновников привлекло дело И.В. Подурова и С.Я. Медведева. Вопрос о том, почему хивинский хан запрещал продажу невольников в Россию под страхом смертной казни, но допускал подобную продажу в Бухару, заслуживает отдельного исследования. Возможно, дело было в религиозной специфике и желании в перспективе обратить неверных в ислам, для чего не следовало выпускать их обратно в христианскую страну.

В любом случае в Средней Азии еще в первой половине 1830-х гг. русские власти были согласны на любой способ выручки русских рабов из Хивы. В 1831 г. лично Г.Ф. Генс вел кулуарные переговоры на этот счет с членом бухарского посольства в России Мырзою Абдул-Халыком Мырза-Ибрагимовым (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 2-3об.). Бухарец обещал, если ему разрешит правительство, выкупать ежегодно 5-8 русских невольников из Хивы, платя за каждого от 480 до 960 руб. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 2об.). Вскоре лично оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен дал взятку главе бухарского посольства Балтакули Рахматбекову, подарив ему драгоценное кольцо и попросив помочь с выручкой из Хивы, если они окажутся там, нескольких конкретных пленников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 10-10об.). Снова показательна сама риторика П.П. Сухтелена, дословно писавшего следующее: «Я остаюсь уверенным, что Вы не откажете в удовлетворении моей просьбы о пленных. Освобождение людей из неволи есть дело богоугодное по правилам и законам всех религий и всех времен и народов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 11-11об.).

Итак, высокопоставленный русский чиновник пытался не только подкупить, но и убедить мусульманина-бухарца в том, что, оказав помощь в освобождении русских рабов, он совершит благое дело с точки зрения своей веры и своего народа. Любопытно, что К.В. Нессельроде в своем отношении к В.А. Перовскому от 1833 г. упоминал о контактах его предшественника с бухарцами и, хотя и признавал, что они ни к чему не привели, предлагал «усугубить старания» и «не жалеть для сего денег», видимо, считая, что неудача П.П. Сухтелена была связана не с бесперспективностью самой идеи выкупать русских рабов из Хивы через посредников, а только с тем, что оренбургские власти недостаточно уговаривали бухарских дипломатов (Севастьянов, 1906: 140-141). Однако и дальнейшие усилия в этом направлении оказались более или менее безуспешными: нам пока не удалось найти ни одного случая, когда русский раб в 1830 гг. выручался бы из Хивы посредством бухарских чиновников.

К этому следует прибавить, что именно в первой половине 1830 гг. русские власти столкнулись с моральным давлением со стороны самих русских рабов из Хивы. Последним удалось передать в Оренбург три письма, адресованных не семьям, а именно местным властям. Уже в первом из этих писем, от 11 июня 1831 г., они просили губернатора, имени которого даже не знали, вызволить их из плена: «Сколько бы возрадовалась Православная Греко-российская церковь о возвращении нашем, паче, нежели о блудном сыне, и вы б тогда возвысили Глас свой посреди Церкви» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 16-16об.). В последнем, третьем, письме от 21 марта 1833 г. они так описывали свое положение: «Единогласно призываем вас на помощь нашего избавления, помогите нашей бедности, Окажите зависть нам, Жизни и благополучия будьте нашим попечителем. Находящиеся мы беспрестанно в тяжелой земляной работе, Имеем Смертельный голод, Жар и стужа обезобразили лица наши и нагое тело» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 41). Написанное между этими двумя письмами недатированное письмо содержательно менее интересно, однако в его случае до нас дошли детали того, какими сложностями сопровождалась самая переписка русских рабов с родиной: осенью 1832 г. некий русский раб в Хиве дал письмо незнакомому ему киргизцу Абдулле Арасланбаеву, попросив его отвезти это письмо в Оренбург, что последний смог сделать только к 26 июня 1833 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 42-42об.). Мотивацию Арасланбаева к передаче послания проясняет факт выдачи за оказанную услугу 10 руб. серебром (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 42-43об.). При этом переписка с родиной была смертельно опасна для русских рабов: несколько позже, в конце 1830 гг., вырученный из Хивы раб, урядник Попов, заявил, что одного из участников описанной нами переписки, Е. Шукина, живьем зарыли в землю узнавшие о ней хивинские власти (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 4996. Л. 234-234об.).

О просьбах русских рабов узнали и в Санкт-Петербурге. В 1833 г. новый оренбургский военный губернатор В.А. Перовский докладывал в Министерство иностранных дел следующее: «Чрез прибывшего с караваном купца Гарифа Атагалиева доставлено из Хивы на имя покойного Генерал-Адъютанта Графа Сухтелена 2-го от Русских пленников письмо, в коем <они> описывали в самых трогательных выражениях претерпеваемые ими страдания, умоляют об освобождении их от жестокого плена и просят прислать им чрез упомянутого купца Атагалиева образ Спасителя, тысячу крестов, хотя бы медных, и несколько книг Четьи-Минеи и других Священного Писания, также денег для искупления престарелых из них от изнурительных работ» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 47-47об.).

В итоге к середине 1830-х гг. Российская империя в Средней Азии оказалась в весьма двусмысленном положении. Ее подданных регулярно и в заметных масштабах захватывали в рабство кочевники. Бороться с этими кочевниками более или менее эффективно империя могла. Однако за кочевниками стояло Хивинское ханство, служившее им основным рынком сбыта. Русским чиновникам было известно, что там томится несколько тысяч русских рабов, более того, эти рабы умоляли их освободить в посылаемых с риском для жизни письмах. Но у русских властей не имелось не только реальных рычагов давления на Хиву, но и даже сколько-либо адекватного контакта с ней. Русские чиновники не смогли выкупить хивинских рабов даже за высокую цену и с помощью посредников, хотя приложили немалые усилия к этому. Понятно, что для достаточно милитаризованной и уверенной в своих силах империи подобное положение дел было неприемлемым. Наиболее очевидным выходом из ситуации была бы военная экспедиция против Хивы, однако, как видно из изложенного выше, и Г.Ф. Генс, и К.В. Нессельроде считали, что она потребует слишком много ресурсов. И поэтому логично, что до принятия решения об отправке подобной экспедиции имперские власти все же попробовали реализовать предложение о прекращении торговли с Хивой и массовом захвате хивинских подданных на территории Российской империи.

5. Заключение

Нам остается отметить, что предыстория массового захвата хивинских подданных на территории Российской империи в 1836 г. демонстрирует сложность и неоднозначность борьбы русских властей со среднеазиатской работорговлей в 1820–1830 гг. Не вполне корректными оказываются как интерпретации, выставляющие эту борьбу безусловно благородным делом, так и интерпретации, выставляющие эту борьбу лишь прикрытием агрессивной имперской российской политики. В действительности необходимо учитывать следующие важные аспекты проблемы:

1) В своей борьбе с работорговлей русские власти практиковали эффективные, но крайне жестокие меры, в определенной степени уподобляясь самим работорговцам. Так, обычной практикой был захват русскими заложников из числа киргизцев, причем, по признанию оренбургского военного губернатора П.К. Эссена, захват этот производился «согласно законным обычаям Киргиз-кайсака». Важно отметить, что захват осуществлялся не только для обмена заложников на русских рабов, но и для получения с них компенсаций русским подданным, лишившимся имущества во время набегов кочевников, т. е. фактически русские власти брали заложников для получения денежного выкупа. В заложники отбирались богатые и уважаемые киргизцы, часто не только лично ни в чем не виновные, но и имеющие лишь отдаленное родство с преступниками, за которых им предстояло заплатить. Мы рассмотрели только один случай выплаты компенсации бывшим пленникам киргизцев, случай И.В. Подурова и С.Я. Медведева, поскольку связанная с ним документация наиболее подробно фиксирует механизм получения русскими властями выкупа за заложников. И только при получении этой компенсации один заложник умер после побоев, семья одного заложника разорилась за год без мужа (но все равно заплатила за него выкуп) и с одного заложника выкуп фактически был взят дважды.

2) Идея массового захвата хивинских подданных на территории Российской империи принадлежала не какому-то высокопоставленному чиновнику, министру или губернатору, а председателю Оренбургской пограничной комиссии, полковнику Г.Ф. Генсу, непосредственно отвечавшему за контакты России со Средней Азией и имевшему репутацию крупного ученого-востоковеда. Эта идея не представляла из себя ничего принципиально нового, а только предлагала распространение на хивинцев той практики взятия заложников, которая давно использовалась в отношении киргизцев. Переносилась на хивинцев и та аксиология, посредством которой оправдывалось взятие заложников: захват русских рабов рассматривался как тяжелейшее преступление, их неволя – как «самая тяжкая», в то время как взятие в заложники киргизцев позиционировалось лишь как «несправедливость», а хивинцев – и вовсе как «мнимая несправедливость», поскольку большинство из них якобы имело русских рабов. О меньшинстве, русских рабов не имеющем, Г.Ф. Генс специально не писал, однако в его отношении, очевидно, работал тот же принцип коллективной ответственности за самых дальних родственников, который русские власти давно применяли к киргизцам.

3) В тоже время крайняя жесткость Г.Ф. Генса при решении проблем среднеазиатской работорговли была порождена самой этой работорговлей, а именно тем, что от нее массово страдали русские подданные, которых похищалось до 200 в год. Борьба с работорговлей не была для него

прикрытием экспансионистских устремлений Российской империи: в нарративе Г.Ф. Генса захват хивинских подданных и последующий ультиматум Хивинскому ханству преследовали цель только освободить русских рабов, а о подчинении хивинского хана диктату России в других вопросах речи не шло. Министр иностранных дел Российской империи К.В. Нессельроде в начале 1830 г. также был готов ограничиться одним вырочением русских из Хивы, причем, в отличие от Г.Ф. Генса, он предлагал компромисс на выгодных для хивинцев условиях, сводящийся к выкупу нескольких русских пленников в год через посредство дружественных России бухарцев. Оренбургский военный губернатор П.П. Сухтелен с целью обеспечить такой выкуп даже дал взятку бухарскому послу. Таким образом, многие, если не все русские чиновники, в 1820–1830 гг. хотели помочь русским рабам в Хиве, не связывая эту помощь с военно-территориальной экспансией. Дополнительной мотивацией некоторым из них служили письма русских рабов из Хивы, не только живописующие ужасы рабства, но и отправляемые с риском для авторов: одного из этих авторов позднее, как сообщили спасенные из Хивы рабы, живым закопали в землю за переписку с русскими властями.

4) Наконец, хотя массовый захват хивинских подданных на территории Российской империи и был шагом к эскалации русско-хивинского конфликта, он изначально не только не связывался с военной экспедицией в Хиву, но и рассматривался Г.Ф. Генсом и К.В. Нессельроде как альтернатива подобной рискованной и дорогостоящей экспедиции. Логика развития ситуации была следующей: русские власти пробовали различные способы спасения рабов из Хивы, ожидая, что какой-то из них наконец окажется эффективным. К 1836 г. неконфликтные способы решения проблемы были уже исчерпаны: российские чиновники, как мы видели выше, использовали и лесть, и подарки, но это не дало ожидаемого результата. Конечно, личные амбиции каких-то лиц (например, В.А. Перовского и А.И. Чернышева) могли способствовать ускорению эскалации русско-хивинского конфликта. Однако в целом этот конфликт был неизбежен из-за бескомпромиссной позиции Хивы в вопросах работорговли, а также из-за введенного там запрета даже на выкуп русских пленников для отправки на родину. И когда до него дошло дело, русская сторона начала с реализации более мягкой из предлагавшихся Г.Ф. Генсом мер: она прекратила торговлю с Хивой и задержала хивинцев, пока не пытаясь освободить русских рабов силой.

Литература

- Гинзбург, 2004 – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М., 2004. 345 с.
- Иванин, 1874 – Иванин М.И. Описание Зимнего похода в Хиву в 1839–1840 году. СПб., 1874. 268 с.
- Матвиевская, 2016 – Матвиевская Г.П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории. М., 2016. 173 с.
- ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.
- Попов, 1907 – Попов А. Рукописи Г.Ф. Генса // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 19. Оренбург, 1907. С. 168–182.
- Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. 384 с.
- Севастьянов, 1906 – Севастьянов С.Н. События в Оренбургском крае, подготовившие экспедицию в Хиву 1839–1840 гг. // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 16. Оренбург, 1906. С. 95–148.
- Севастьянов, 1907 – Севастьянов С.Н. Григорий Федорович Генс // *Труды Оренбургской ученой архивной комиссии*. Вып. 19. Оренбург, 1907. С. 158–167.
- Севастьянов, 1999 – Севастьянов С.Н. Иван Васильевич Подуров. Историко-биографический очерк // *Гостинный двор: Литературно-художественный и общественно-политический альманах*. Оренбург, 1999. С. 190–205.
- Энциклопедия..., 2005 – Казахстан. Национальная энциклопедия. Т. 2. Алматы, 2005. 560 с.
- Юдин, 1899 – Юдин П.Л. Григорий Федорович Генс, первый директор Оренбургского кадетского корпуса // *Русская старина*. Том XCIX. 1899. С. 363–373.
- Cherkasov, 2020 – Cherkasov A.A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) // Bylye Gody. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1 (Special issue). Pp. 1415–2266.
- Ermachkov et al., 2021a – Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K. et al. The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3). Pp. 1171–1180.
- Ermachkov et al., 2021b – Ermachkov I.A., Baibarın A.A., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4). Pp. 1779–1788.
- Ermachkov, 2021 – Ermachkov I.A. Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1). Pp. 26–34.
- Morrison, 2014 – Morrison A. Killing the Cotton Canard and Getting rid of the Great Game. Rewriting the Russian Conquest of Central Asia, 1814–1895 // *Central Asian Survey*. 2014. Vol. 33. No. 2. Pp. 131–142.

Morrison, 2021 – Morrison A. The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2021. 641 p.

References

- Cherkasov, 2020 – Cherkasov, A.A. (2020). The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*. 57-1(3-1) (Special issue): 1415-2266.
- Entsiklopediya..., 2005 – Kazakhstan. Natsional'naya entsiklopediya [Kazakhstan. The National Encyclopedia]. Vol. 2. Almaty, 560 p. [in Russian]
- Ermachkov et al., 2021a – Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021) The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(3): 1171-1180.
- Ermachkov et al., 2021b – Ermachkov, I.A., Baibarın, A.A., Mineeva, E.K. et al. (2021). To the Issue of the Cost of Slaves on the Territory of the Khiva Khanate (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(4): 1779-1788.
- Ermachkov, 2021 – Ermachkov, I.A. (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26-34.
- Ginzburg, 2004 – Ginzburg, K. (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. Ginzburg K. Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya, Moskva, 345 p. [in Russian]
- Ivanin, 1874 – Ivanin, M.I. (1874). Opisanie Zimnego pokhoda v Khivu v 1839–1840 godu [Description of the Winter Campaign to Khiva in 1839-1840]. Sankt-Peterburg, 268 p. [in Russian]
- Matvievskaya, 2016 – Matvievskaya, G.P. (2016). Orenburgskii Neplyuevskii kadetskii korpus. Ocherk istorii [The Orenburg Neplyuevskii Cadet Corps. A sketch of history]. Moskva, 173 p. [in Russian]
- Morrison, 2014 – Morrison, A. (2014). Killing the Cotton Canard and Getting rid of the Great Game. Rewriting the Russian Conquest of Central Asia, 1814-1895. *Central Asian Survey*. 33(2): 131-142.
- Morrison, 2021 – Morrison, A. (2021). The Russian Conquest Of Central Asia: A Study In Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 641 p.
- OGAoo – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].
- Pochekaev, 2017 – Pochekaev, R.Yu. (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII — nachalo XX v. [Governors and Khans. Personal Factors in Russian Law-Making in Central Asia: 18th to Early 20th Century]. Moskva, 384 p. [in Russian]
- Popov, 1907 – Popov, A. (1907). Rukopisi G.F. Gensa [Manuscripts of G.F. Gens]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Is. 19. Orenburg, pp. 168-182. [in Russian]
- Sevast'yanov, 1906 – Sevast'yanov, S.N. (1906). Sobytiya v Orenburgskom krae, podgotovivshie ekspeditsiyu v Khivu 1839-1840 gg. [Events in the Orenburg Kraj that preceded the expedition to Khiva of 1839-1840]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Is. 16. Orenburg, pp. 95-148. [in Russian]
- Sevast'yanov, 1907 – Sevast'yanov, S.N. (1907). Grigorii Fedorovich Gens [Grigorii Fedorovich Gens]. *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Is. 19. Orenburg, pp. 158-167. [in Russian]
- Sevast'yanov, 1999 – Sevast'yanov, S.N. (1999). Ivan Vasil'evich Podurov. Istoriko-biograficheskii ocherk [Ivan Vasil'evich Podurov. A historical and biographical sketch]. *Gostinyi dvor: Literary-artistic and socio-political almanac*. Orenburg, pp. 190-205. [in Russian]
- Yudin, 1899 – Yudin, P.L. (1899). Grigorii Fedorovich Gens, pervyi direktor Orenburgskogo kadetskogo korpusa [Grigorii Fedorovich Gens, the first director of the Orenburg Cadet Corps]. *Russkaya starina*. Vol. XCIX, pp. 363-373. [in Russian]

Задержание хивинских подданных в Российской империи в 1836 г. и российская борьба с работорговлей в Средней Азии. Часть I

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена достаточно известному в историографии, но специально не изучавшемуся событию – задержанию хивинских подданных в Российской империи в 1836 г. Различными авторами предлагаются диаметрально противоположные трактовки данного события. Так, российский исследователь Р.Ю. Почекаев рассматривает его как акт самообороны, вызванный инспирированными Хивой нападениями на русских подданных, а британский исследователь

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

А. Morrison считает его первым шагом к эскалации конфликта, завершившегося Хивинским походом. Мы будем рассматривать данное событие с позиций микроистории, а не историй государств и регионов, концентрируя внимание на индивидуальных стратегиях и судьбах различных людей, связанных с задержанием хивинцев, опираясь при этом на архивные материалы, преимущественно документацию Оренбургской пограничной комиссии.

В первой части статьи автор приходит к четырем основным выводам. Во-первых, практика взятия заложников в 1820–1830 гг. использовалась русскими властями в качестве допустимого метода борьбы со среднеазиатским рабством, причем заложники порой брались ради выкупа, который использовался для компенсации пострадавшим от набегов кочевников, а задерживаться могли богатые дальние родственники преступников, лично ни в чем не виновные. Во-вторых, инициатором массового задержания хивинцев стал в 1831 г. прекрасно знакомый с практикой взятия заложников председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс, причем он изначально позиционировал преступления хивинских работарговцев как тяжелейшие и считал, что к работаргове причастно большинство жителей Хивы, вследствие чего арест хивинцев в России называл лишь «мнимой несправедливостью». В-третьих, в первой половине 1830 гг. русскими чиновниками предлагались и иные пути борьбы с хивинской работарговлей. Причем первоначально в качестве основного варианта действий Министерство иностранных дел выбрало выкуп русских рабов из Хивы через Бухару, однако попытки подобного выкупа оказались безуспешны. В-четвертых, задержание хивинцев в 1836 г. было направлено не на защиту рубежей России или агрессию против Хивы, а на борьбу с работарговлей. Эскалация русско-хивинского конфликта была начата русской стороной, однако причиной к этому стала крайне жесткая позиция стороны хивинской, отказывающейся даже за выкуп возвращать захваченных русских подданных.

Ключевые слова: заложники, рабство, плен, Средняя Азия, Хивинское ханство, Оренбургское губернаторство, Г.Ф. Генс.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1780-1796
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1780

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Fuel Transition in the second half of the 19th – early 20th centuries and Environmental Problems of the late Russian Empire

Grigorii Yu. Afanasiev ^{a, *}

^a Higher School of Economics, St.-Petersburg, Russian Federation

Abstract

The industrial revolution, associated with the active construction of railways, the spread of steam-powered ships and vessels, the introduction of new propulsion systems in the factory and urban economy, the emergence and introduction of electric energy exponentially expanded the fuel needs of the emerging technological infrastructure of the Russian Empire. Unlike many developed countries of Western Europe and America, the historical center of Russia had significant reserves of boreal forests, traditionally used as fuel. However, the depletion of traditional logging sites in the European part of the country, which began in the 1840th, made it difficult to meet the growing demand for combustible materials. From 1860–1870th the public and representatives of the administration state the impossibility of the potential preservation of the country's forest resources without the transition of transport, industry, municipal urban needs for combustible materials to mineral fuel sources. The relevance of the study lies in the review of the process of transition to mineral fuel in the context of the development of the industry with a parallel study of the manifestations of environmental problems, the features of the scientific, public and administrative response to these problems until the moment of complete, but not final transition in the transport, factory sectors, as well as infrastructure of large cities of the empire on the eve of the First World War. Current dynamic and factor processes are considered in the context of the Anthropocene concept – the formation of an overwhelming impact on the environment of human activity.

Keywords: energy transition, fuel and energy complex, fuel consumption, mineralization, environment, deforestation, pollution, industrial sanity, hygiene.

1. Введение

Экономический подъем Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. во многом был связан с изменением технологических форматов. Благодаря демонстрации преимущества паровых машин в локальных конфликтах 1840–1860-х гг. в России началось форсированное создание железных дорог и пароходных сообщений. Изменения в сталелитейном и металлургическом деле, возникшие под влиянием запросов транспорта, сдвиги в легкой промышленности и городском хозяйстве, происходившие из-за потребностей масс и ввиду санитарно-эпидемической повестки, – все это способствовало широкой экспансии паровых машин в хозяйственную жизнь. Особенностью функционирования паровых машин было преобразование тепловой энергии в двигательную, что вызывало значительные потребности в топливе. Появление с 1880–1890-х гг. электричества и двигателей внутреннего сгорания еще больше умножало технические запросы на горючее.

В некоторых странах Западной Европы, на протяжении XVII–XIX вв. столкнувшихся с истощением своих лесов, активно развивалось употребление каменного угля. Россия же к середине XIX в. продолжала обладать огромными бореальными лесами, являясь, по словам канадского исследователя истории энергетики В. Смита, «типичным древесным обществом» (Smil, 2017: 233).

* Corresponding author

E-mail addresses: greenia2006@rambler.ru (G.Yu. Afanasiev)

Технологическое перевооружение России второй половины XIX в. запустило длительный процесс перехода на карбон ее промышленной, транспортной и хозяйственной сферы. Смена топливной парадигмы оказывала неоднозначное влияние на состояние окружающей среды. Определение динамики топливно-энергетического перехода в России второй половины XIX – начала XX вв. и определение степени влияния на среду в ее биосоциальном аспекте составляет главную проблему данной работы.

2. Материалы и методы

Источниками исследования являются административно-хозяйственные, промышленно-экономические статистические документы фондов 37, 91, 207, 219, 387, 1284, 1293, 1294 Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также материалы дореволюционной периодической печати: авторские и информационные материалы специализированных и общественных повременных журналов «Вестник Европы», «Горный журнал», «Лесной журнал», «Горнозаводской листок», «Нефтяное дело», «Известия императорского Русского технического общества», «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины», «Владимирская газета», и опубликованные отчетные материалы региональных съездов специалистов и профессионалов в области горного, нефтяного, лесохозяйственного, железнодорожного, инженерно-технического дела, а также санитарии и гигиены второй половины XIX – начала XX вв.

Работа выполнена в русле социальной истории с использованием сравнительно-исторического, статистического и проблемно-хронологического методов. Сравнительно-исторический метод позволил выявить общее и уникальное в тенденциях топливного перехода в российской индустрии и городском хозяйстве. Статистический метод дал возможность проследить потребление видов топлива в промышленности и городском хозяйстве, выявить динамику, что дало возможность выделить этапы топливного перехода страны. Проблемно-хронологический метод позволил соотнести их с проявлениями проблем окружающей среды, а также и с социальными реакциями на них. Выбранная методология позволяет обобщить и систематизировать данные о ходе топливного трансфера и составить понимание об акторах этого процесса в России. Она способствует изучению практик потребления, экономии и эффективного использования топлива, выработке механизмов утилизации и переработки отходов, а также пониманию влияния потребления на процессы окружающей среды.

3. Обсуждение

Рост потребления топлива в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века совпал с изменением государственной политики относительно разработки биоресурсов и недр. Происходящие процессы пореформенного общества способствовали развитию различных общественных объединений, что дало умножение специализированной печати. Это способствовало многочисленным публикациям по вопросам добычи и потребления топлива. Исследования 1860–1910-х гг., как правило, опираются на весьма фрагментарный статистический материал. Среди работ того периода можно отметить труды А. Кочержинского, С.И. Гулишамбарова, А.П. Кеппена, М.А. Лемпицкого, Е.И. Рогозина, А.П. Субботина, В.В. Фааса, В.П. Гершмана ([Кочержинский, 1868](#); [Гулишамбаров, 1880](#); [Лемпицкий, 1880](#); [Кеппен, 1882](#); [Рогозин, 1896](#); [Субботин, 1898](#); [Фаас, 1907](#); [Гершман, 1910](#)). Комплексным исследованием о потреблении горючего того времени выглядит доклад о топливе, которое использовали железные дороги России в 1870-е гг. Доклад был создан в рамках комиссии для исследования железнодорожного дела в России графа Э.П. Баранова ([Высочайше учрежденная комиссия, 1881](#)). Тенденции топливного перехода в России пытается анализировать известный русский ученый-химик Д.И. Менделеев ([Менделеев, 1949](#)). Также представляют интерес монографические исследования Е.И. Рогозина, А.А. Ратцига, В.Э. Дэна, А.М. Абрамова, посвященные добыче каменного угля в мире и разработкам его в России ([Рогозин, 1896](#); [Ратциг, 1898](#); [Ден, 1907](#); [Абрамов, 1908](#)). Вопросу добычи и экспансии в стране нефтяного топлива посвящена в этот период работа П.В. Оля ([Оль, 1905](#)). Любопытны попытки обобщающего обзора потребления топлива страны в канун Первой мировой войны ([Рубин, 1908](#); [Мерцалов, 1914](#)).

Среди исследований того периода особое место занимают работы, связанные с вопросами промышленной гигиены и санитарии ([Эрисман, 1877](#); [Святловский, 1891](#)), проблемами загрязнения водных ресурсов индустрией ([Хлопин, 1902](#); [Арнольд, 1903](#)), обследованием санитарных условий рабочих в добывающей промышленности, фабрично-заводском деле ([Бертенсон, 1893](#); [Никитин, 1907](#); [Доклады областного..., 1910](#); [Никольский, 1914](#)). Эти работы в основном представляют мнения профессионалов санитарного, естественнонаучного, инженерно-технического сообществ.

Новым этапом анализа развития топливного перехода в России является период Первой мировой и Гражданской войн 1914–1922 гг. Он привел к расширению круга исследовательских организаций по проблемам горючего. В этот период были выпущены обзорные труды по истории торфоразработки, лесной, нефтяной, каменноугольной промышленности юга России ([Вихляев, 1914](#); [Фомин, 1915](#); [Селибер, 1916](#)). Появились новые исследования о потреблении топлива страной до и в период военных лет ([Фролов, 1919](#)).

Изменение топливного баланса, произошедшее ввиду военных обстоятельств, разработка советской властью общей энергетической стратегии государства, становление научно-исследовательских объединений, связанных с добычей, техническим потреблением, санитарным контролем за состоянием окружающей среды, а также разработка норм профессиональной гигиены – все это вызвало новый подъем исследований. Среди работ этого периода можно отметить исследования М.А. Коха, М.П. Дукельского, В. Вильямса (Кох, 1925; Дукельский, 1926; Вильямс, 1926). Отдельного упоминания заслуживают тематические сборники по истории лесных богатств России (Лес и его изучение, 1928), по снабжению топливом железных дорог (Транспорт и топливо, 1925). Создаются первые статистические исследования по использованию топлива дореволюционной индустрией, выполненные группой статистиков и экономистов ВСНХ и Центрального статистического управления (Динамика российской..., 1929).

Некоторые сведения о состоянии окружающей среды позднеимперской России встречаются в первых исследованиях 1920 – начала 1930-х гг. Среди них можно отметить работы водоохранной комиссии при ВСНХ и республиканских институтов коммунальной гигиены, посвященные мерам против загрязнения рек (Канализация и очистка..., 1930) и воздуха городов СССР (Углов, 1934).

Форсированная индустриализация 1930-х гг., способствовавшая окончанию перехода на минеральные источники в России, разворачивалась на фоне политических репрессий. Это приводило к запрету деятельности, а иногда аресту и гибели видных исследователей и практиков топливного дела в 1910-20-х гг. С другой стороны, в этот период происходит кристаллизация советского взгляда на энергетический переход в позднеимперский период. Наиболее комплексно он представлен в исследовании А.Е. Пробста (Пробст, 1939).

В военный и послевоенный период историография вопроса существенно не пополнилась. Интерес к истории топливного перехода оживляется в середине 1950-х – 1960-е гг. В этот период издаются работы, посвященные истории лесопользования имперской России (Цветков, 1957; Бейлин, 1962; Цейтлин, 1968), а также водным загрязнениям (Несмеянова, 1953).

Подъем интереса к изучению топливного дела поздней империи возникает в конце 1980-х – 2000-е гг. Он мотивирован возросшим значением сырьевого комплекса России. Издаются работы 1920 – 1930-х гг., публикация которых ранее не состоялась по политическим причинам (Кафенгауз, 1994). Появляются работы, посвященные истории развития каменноугольной (Тихонов, 1988) и нефтяной промышленности в позднеимперской России (Самедов, 1988; Мовсумзаде, 1996). Одним из обобщающих исследований в это время является монография московского исследователя И.А. Дьяконовой (Дьяконова, 1999).

На рубеже тысячелетия появляются новые исследования по лесному хозяйству Российской империи (Истомина, 2019), а также угольной и торфяной промышленности (История угледобычи..., 2003; Копенкина, 2015).

Новый импульс получают исследования взаимосвязи топливного трансфера с проблемами окружающей среды, конца XIX – начала XX вв. Среди этих работ особый интерес вызывает изучение загрязнения реки Волги в конце XIX в. (Бессолицин, 2003; Новосад, 2006; Виноградов, 2018), влияния железных дорог на окружающую среду Центральной России (Кончаков, 2012), положения лесного хозяйства и лесоистребления в имперский период (Истомина, 1995; Истомина, 2014; Истомина, 2019; Цинцадзе, 2019), а также социальных проблем промышленной (Поддубный, 1997) и городской экологии того времени (Агафонова, 2014).

Тема развития промышленной революции России и топливного перехода вызывала интерес и в зарубежном (глобальном) ученом сообществе. В начале XX в. проявляется интерес к российской нефтяной индустрии, представленный исследованием английского инженера А. Биби-Томпсона (Beeby-Thomson, 1908). Новый этап изучения проблем энергетического комплекса России в зарубежной историографии начинается с 1970-х гг. Внимание исследователей привлекали аспекты истории нефте- и угледобывающего комплекса Российской империи (Tolf, 1976). Интересным является исследование Теодора Фридгута (Friedgut, 1989), раскрывающее аспекты повседневной жизни рабочих-шахтеров на Донбассе во второй половине XIX – начале XX вв. Среди общих работ можно выделить работу М. Фалкуса и Г. Роггера (Falkus, 1972; Rogger, 1983). В начале XXI в. исследованию лесного хозяйства России посвящена работа Джейн Т. Костлоу (Costlow, 2013), недавно переведенная на русский язык.

4. Результаты

Россия исторически считается страной лесов. Их широкий пояс, окружавший большинство населенных пунктов ее европейской части, на протяжении столетий служил защитой при набегах кочевников, был широкодоступным хозяйственным ресурсом, что исторически не способствовало интересу к ископаемому топливу. Несмотря на то, что периодическая нехватка дров в столичных и южных городах и на некоторых заводах Урала и Алтая начинала проявляться еще во второй половине XVIII в., тогда она еще не носила системный характер (Несмеянова, 1953: 269). К середине 1830-х гг., ввиду массовой реставрации населенных пунктов, уничтоженных войной с Наполеоном, роста городов и промышленности, потребностей судостроения, земледелия, вырубке лесных пространств

под запашку крестьянами, были впервые зафиксированы существенные сокращения лесов в центральной и южной России. Лесистость Европейской части сократилась с 40 % в XV–XVI веках до 15% в средней полосе и 8 % в лесостепных зонах уже к концу XIX века. В 1850-х гг. впервые была подготовлена характеристика лесов России экономистом Л.В. Тенгоборским, согласно которой во многих губерниях наметилась тенденции к обезлесению (Истомина, 2019: 131-132).

Появление в это время паровых машин, сжигающих большое количество дров, провоцировало на поиск топливных альтернатив. В конце 1830-х – начале 1840-х гг. власти Новороссийского края предпринимают попытки перевода государственных фабрик, пароходов, казенных зданий ряда городов региона на каменный уголь с рудников реки Донец. Однако проблемы доставки не способствовали развитию этой инициативы (История угледобычи..., 2003: 107). В 1840–1850-х гг. Министерство госимуществ, встав перед проблемой нехватки дров для промышленности столиц, делает попытки перевода производств и муниципальной сферы на торф (РГИА. Ф. 91. Оп. 2. Д. 947. Л. 5 об.-6). Отсутствие системы добычи и массовых практик потребления торфа в стране и попытка его внедрения принудительным способом не дала результата (Вихляев, 1914: 2-3). Ограничения в розничной продаже дров и открытии новых заводов в столицах в конце 1840 – начале 1850-х гг. не давали улучшений в обеспечении топливом. Ситуация еще более осложнилась во время Крымской войны. В начале 1850-х гг. подсчеты Московского лесного управления указывали, что через 30-40 лет древесные запасы уже не будут в состоянии удовлетворять хозяйственные потребности губернии. Перспективы использования дров виделись все более угрожающими (РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 21. Л. 74об.-76).

В конце 1830 – начале 1840-х гг. представители естественных наук (К.М. Бэр, П.И. Кеппен) и специалисты Министерства госимуществ рассматривают взаимосвязь вырубок лесов в Тверской и Новгородской губерниях с обмелением верховьев Волги и с потенциальным влиянием этого на природно-климатические и агрохозяйственные условия территорий. Несмотря на то что теория не была признана вполне доказательной, она имела хождение в образованном сообществе и способствовала пониманию взаимосвязи истребления природного ресурса обществом с глобальными природно-климатическими изменениями (Лоскутова, 2012).

Проведение в конце 1810-х – начале 1860-х гг. геологических разведок принесло данные о большом количестве естественных мест залегаания угля в Европейской России, однако масштабной разработке они не подвергались. (Кеппен, 1882: 12-15). Налаженность торговли с крупнейшим его добытчиком, Британией, способствовала поддержанию небольшого количества еще парка паровых машин Российской империи за счет импорта. Так, в 1830-х гг. в Россию ежегодно ввозилось 40,95 тыс. тонн английского угля, а в 1840-х – 150,61 тыс. тонн, в 1860-х – 513, 3 тыс. тонн. Российская добыча тогда еще не могла покрыть всех потребностей, повышалась медленно с 17 тыс. тонн в 1830-х гг. до 60,3 тыс. тонн накануне Крымской войны, а затем от 204,75 тыс. тонн в 1864 г. до 1,86 млн. тонн в 1879 г. (Кеппен, 1882: 20-21). Масштабное создание железных дорог и подъем производства промышленности в разы увеличило потребности в топливе, реализуемой за счет дров, что увеличивало объемы и темпы лесостребления. По словам известного исследователя экономики начала 1870-х гг. В.И. Вишнякова, «богатства лесов ... легко заставляли пренебрегать существующими в России залежами каменного угля. Лишь с постепенным истреблением лесов, как в уральском регионе нашей железной промышленности, так и в московском фабричном округе, с пробуждением промышленной деятельности в южном безлесном степном крае, с развитием пароходства и железных дорог, явилась потребность в разработке туземного угля...» (Вишняков, 1870: 525). В конце 1850-х гг. только волжскому пароходству требовалось для отопления 15,53 тыс. гектаров леса, а уже к началу 1870-х гг. – 19,62 тыс. гектаров (Барковский, 1874: 22). На 1879 г. совокупное потребление дров сахарными заводами Юго-западного края и всеми пароходствами по Днепру и Волге составляло 33,5 тыс. гектаров леса (РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 990. Л. 350б., 380б., 40). На 1873 г. общее потребление дров на 41 железную дорогу Европейской части России требовало вырубки 99, 1 тыс. гектаров леса ежегодно, а в 1879 г. – уже 144,9 тыс. гектаров (Высочайше учрежденная комиссия, 1881: 2, 12). Весьма существенным было потребление дров и городскими поселениями. В 1870-1880-е гг. потребности в дровах столичных городов приводило к уничтожению в среднем по 33 тыс. гектаров в год, а 32-мя губернскими городами Европейской части – 64,5 тыс. гектаров (Мевиус, 1880: 1, 3). По сведениям исследователей лесопользования, всего за 1862-1888 гг. было уничтожено 24,3 млн. гектаров леса. (Редько, Трещевский, 1986: 9-10). Из них порядка ¼ срубленного леса уходило на удовлетворение топливных потребностей. По подсчетам специалистов лесного департамента Министерства госимуществ, менее чем за сто лет лесная площадь в Курской губернии уменьшилась на 41 %, в Астраханской – на 46 %, в Воронежской – на 48 %, в Бессарабской – на 55 % (Истомина, 1995: 41-42).

Во второй половине 1860 – начале 1880-х гг. на значительные масштабы потребления древесного топлива заводами, пароходами и железными дорогами обращали внимание многие видные научные и общественные деятели юга России и Урала (Скальковский, 1866: 6-9, 26; РГИА. Ф. 219. Оп. 1. Д. 1562. Л. 7-7 об.; РГИА. Ф. 37. Оп. 12. Д. 56. Л. 5-9; РГИА. Ф. 207. Оп. 3. 1869. Д. 229. Л. 4-16. 50б.-6). С начала 1870-х гг. этот вопрос поднимают общероссийские научные и общественные организации (Вольное экономическое общество, 1872; II съезд лесовладельцев и лесохозяев, 1874),

предпринимательские и профессиональные объединения транспортников и горнодобытчиков Урала, Поволжья, юга России (1867; 1874) (Кеппен, 1882: 41-42; РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 990. Л. 350б., 380б., 40), а также земские организации центральной и степной России (Харьковское, Курское, 1876) (Фомин, 1915: 286). Решением вопроса, по их мнению, был скорейший переход транспорта и хозяйства регионов на минеральное топливо. Представители земств и землевладельцы центральной и южной России обращали внимание на эту острую проблему в процессе работы Высочайшей комиссии по составлению новых законоположений по лесоразведению и лесосбережению 1876 г. Она была созвана по инициативе Министра государственных имуществ графа П.А. Валуева и выступала за переход на уголь на юге страны (РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 27647-б. Л. 58-580б., 720б., 83, 880б., 910б., 92).

С 1870-х гг. городской и центральной властью (МПС, госимущества) начинаются первые попытки перевода на минеральное топливо отдельных городских, казенных и земских учреждений центральной России (Москва, 1872; Орел, 1879; Харьков, 1880), а также побуждения к этому частных железнодорожных обществ (1872). Однако произошло это в основном путем неэкономической стимуляции. Вопрос об общем централизованном переходе на отопление углем всех городов страны, рассматриваемый властью в 1882–1885 гг., не выявил реальных возможностей для его совершения в тот момент (РГИА. Ф. 37. Оп. 5. ч. 1. Д. 1054. Л. 34-350б., 40, 41, 43, 44, 45-46, 76-77, 970б., 1050б.).

Разработки новой законодательной базы лесопользования окончились принятием 4 апреля 1888 г. «Закона о сохранении лесов», впервые определившего их как общенациональное богатство страны, отметившего возросшее истребление лесов и поставившего рубку под надзор губернских лесоохранительных комитетов, состоящих из местной администрации и глав земского самоуправления. Однако результативность этих мер была ограниченной. Некоторое уменьшение темпов лесостребования в первой половине 1890-х гг. происходило за счет падения интенсивности технологической экспансии, а также из-за стремительного распространения нефти в топливную сферу (Цейтлин, 1968: 195).

В использовании нефтяного топлива в промышленной сфере Россия в конце XIX в. была пионером (Smil, 2017: 228). В 1837 г. в Российской империи возникло первое предприятие по переработке нефти в Балаханах Бакинской губернии в Закавказье. Интенсивность разработки началась с момента появления на рынках в 1863 г. американского керосина. Сокращение осветительных материалов, наблюдавшееся как в Америке (китовое масло), так и в России (древесный отход-щепка), способствовало интересу к керосину в быту (Francis, 1990; Хольшшевич, 1904: 2264, 2266). К 1883 г. объемы производства в Баку позволили вытеснить американский керосин с внутреннего рынка и способствовали успешной конкуренции русского на мировых (Kох, 1925: 6). С изменением в 1872 г. условий аренды нефтеносных земель в России к разработкам обратились частные добывающие компании, привнесшие новые технологии в добычу (бурение скважин) (Иванов, 1914: 18). Процесс перегонки нефти в керосин давал значительные объемы жидких остатков (мазут), не имевших использования, что вынуждало держать его на промыслах или сжигать, что и делалось до начала 1880-х гг. (Тумский, 1897: 107). Введение запретительных мер со стороны городской власти Баку 1876 и 1883 гг. «на утилизацию огнем» приводило к закрытию керосиновых заводов и вынуждало нефтепромышленников искать им более выгодное применение (Законы, касающиеся..., 1884: 12-13, 222-223).

С 1870 г. нефть и ее остатки начинают сжигать в паровых котлах, что делает ее привлекательным для отопления судов Каспийского моря и Волги (Вознесенский, 1882: 9, 10, 34-35, 61). Огромное практическое значение для этого сыграло изобретение русским инженером В.Г. Шуховым форсунки-пульверизатора (Гулишамбаров, 1880). Стремительному распространению жидкого горючего за пределы региона способствовало также и внедрение в транспортную логистику новых приемов и изобретений (наливные суда, железнодорожные цистерны, нефтепроводы) (Kох, 1925: 11-13). По словам английского инженера Альфреда Стьюарта Биби-Томпсона, нефть привлекла «промышленников и всех тех, кто использовал паровые двигатели, а также всем тем, кому приходилось дорого платить за древесину или же английский уголь» (Beeby-Thomson, 1908: 17).

На протяжении 1880 – первой половины 1890-х гг. нефть распространяется на транспорте, в промышленности и городской инфраструктуре Поволжья. К концу 1890-х гг. более 80 % волжских пароходов, свыше 70 % промышленности и железных дорог, до 60 % городских муниципальных предприятий Поволжья и Московского промышленного района стали использовать нефтяное отопление. (Субботин, 1898: 3, 18; Совет Съезда нефтепромышленников..., 1902: 64, 65, 85, 102, 123). Существенным было ее потребление крупными предприятиями и транспортом Санкт-Петербурга (Оль, 1905: 102). Однако изменение мировых цен на керосин и волнения в Российской империи 1905 г. в Баку, разгромившие нефтепромыслы, способствовали резкому уменьшению поставок и откату многих потребителей к углю и дровам (Дьяконова, 1999: 56).

Стремительная экспансия нефти, ставшая результатом форсирования добычи и практик транспортировки, негативно отражалась на окружающей среде. Весьма вредным для окружающих пространств нефтепромыслов на Кавказе был фонтанный способ добычи. В 1886 г. с его помощью было получено 12,6 млн баррелей, из них было потеряно 2,7 млн баррелей нефти, т.е. 9 % всей нефтедобычи страны (Kох, 1925: 11). Несмотря на принятие правил и создание надзирающих органов

(1887, 1892, 1893, 1894), к началу XX в. контроль выбросов фонтанной нефти в Баку установить в полной мере не удалось (Иванов, 1914: 18). Способствовали загрязнению промыслов и плохие условия хранения горючего. К началу XX в. 75-77 % добытых нефтепродуктов, порядка 52,4 млн баррелей нефти, хранилось в деревоземляных амбарах, не препятствующих загрязнению почвы и вод (Кох, 1925: 6, 8).

Непосредственная близость промыслов способствовала полному переходу отопительных практик г. Баку на потребление нефти (на 1900-й г. 96 %), составляя 2,3 млн баррелей в год при населении 80-90 тыс. человек (РГИА. Ф. 37. Оп. 33. Д. 36. Л. 1, 3). Применение прямого печного сжигания мазута и продуктов нефти в быту приводило к тому, что воздух в г. Баку становится одним из самых загрязненных во всей России того времени (Новиков, 1905: 116-117).

В 1880–1881 гг. появляются жалобы на загрязнения окружающей среды крупнейшими нефтеперерабатывающими предприятиями Ярославля и Подмоскovie (Буренин, 1888: 6-8). В основном они касались загрязнения воды или почвы, а также скапливанием токсичных отходов переработки нефти (кислотные и щелочные отбросы) вокруг заводов (Ракузин, 1903: 643). Жалобы на эти крупные предприятия не прекращаются с начала XX века (Москва век XX, 2000: 56-57).

Транспортировка нефти шла по исторически освоенному для сообщений волжскому пути, удобному для прямых поставок с Кавказа в центр России (Кох, 1925: 11). В течение 1889–1901 гг. объемы транспортировки нефти по Волге деревянными баржами увеличились в 26 раз, а правильно оборудованных наливных судов было лишь около 5 %. С конца 1870-х гг. растет количество жалоб рыбопромышленников (1881, 1884–1885, 1895) на загрязнение Волги от перевозок нефти, по этой причине происходило уменьшение улова, дававшего порядка 44 % всей рыбы в стране (РГИА. Ф. 37. Оп. 66. Д. 1918. Л. 28-31). С середины 1880-х гг. на проблему загрязнений обращают внимание известные представители российской научной школы рыбоводства (О.А. Гримм, И.Н. Арнольд), химическими опытами доказывая вред от разлива жидких карбонов для речной фауны (Гримм, 1891: 383). Перелом в отношении к вопросу центральных властей произошел в результате санитарной инспекции региона (1897) и специально посланной комиссии МВД по вопросу о загрязнении Волги нефтью (1900) (Новосад, 2006: 70). Согласно данным комиссии и специалистов нефтяного дела, транспортировка водным путем давала потери от 2-3 до 9-10% от всего груза в зависимости от конечного пункта, что способствовало попаданию в Волгу в первой половине 1900-х гг. до 1,8 млн баррелей нефти в год (Истомин, 1904: 1516). Введенные 27 мая 1904 г. «Правила об ограждении Каспийско-Волжских водных путей от загрязнения нефтью» стали первым законом в российской правовой практике, официально признавшим проблему загрязнений водных ресурсов токсичным горючим. Данные правила предписывали перевод нефтеналивного потока на железные баржи. Однако они так и не были внедрены в полной мере из-за саботажа волжских судовладельцев (ПСЗ, 1907: №24631. 557-560).

Переход на отопление нефтью и мазутом к концу 1890-х гг. большинства фабрик Владимирской губернии также способствовал резкому ухудшению водных ресурсов региона (Владимирская газета, 1903: 3). Анализ воды в семи крупных реках Владимирской губернии, проведенный Обществом любителей естествознания в 1903 г., показал, что лишь одна река содержала воду, пригодную для питья, и была не «ситцевая и не нефтяная» (Дубровский, 1904: 16). Это способствовало принятию местных санитарных правил для губернии (1909) и г. Иваново-Вознесенска (1912), вводящих санкции по отношению к сбросу нефтяных продуктов в воды (Обязательные санитарные постановления...).

Увеличение количества жалоб на загрязнение воды промышленностью привело к выпуску МВД в 1908 и 1911 гг. циркуляров для местных властей, ужесточающих спуск сточных вод в водоемы (Фрейберг, 1913: 436-440). Несогласие промышленников с ужесточением административной линии и умножение судебных исков к текстильным предприятиям от населения губерний способствовали созданию 12 июня 1911 г. «Временного комитета к изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов» – первой региональной комиссии по изучению загрязнения рек промышленностью (Фрейберг, 1913: 1002-1003). По мнению комитета, на 1915 г. одним из самых существенных загрязнений многих речных вод Волжского бассейна являлись именно нефтяные продукты (Отчет..., 1915: 16-18).

Нефтяная экспансия способствовала тому, что во второй половине 1890-х гг. в структуре потребления топлива произошли изменения. Минеральные источники утвердились на транспорте и в тяжелой промышленности как главный вид топлива. Наряду с нефтью огромную роль играл неуклонный рост добычи и потребления угля (Донбасс, Домброва, Кузбасс, Урал). Свидетельством углубления перехода являлась возникшая потребительская дифференциация минерального топлива. К началу XX в. уголь стал основным топливом в железнодорожном и металлургическом деле, в сахарной промышленности, в газовом производстве. Нефть лидировала в паровом судоходстве, на текстильных фабриках, в городском хозяйстве (Доклад..., 1901: 44). Закрепляющими для перехода на минеральное топливо факторами в 1900-е гг. начинают выступать технологические инновации (паровые машины тройного расширения, паротурбинные, двигатели внутреннего сгорания, газогенерирующие установки).

Минерализация индустрии шла вполне успешно, и в период 1900–1913 гг. увеличилась до 67 % в промышленности и до 78 % – на транспорте, а также до 38 % – в городском хозяйстве (Кафенгауз, 1994: 31). Особенностью обеспечения минеральным топливом в России были большие расстояния от мест добычи до потребления, что вызывало необходимость дальних перевозок (Пробст, 1939: 40). Использование минерального топлива, ввиду совокупности множества факторов, было расточительным, давая значительный перерасход по углю (32 %) и нефти (30 %) при пользовании (Пробст, 1939: 69). Все это происходило на фоне общего роста добычи в стране угля и постоянного увеличения объема его импорта, несмотря установление в 1885 г. высоких ввозных пошлин. Потребности техники не в полной мере удовлетворялись минеральным топливом, что провоцировало угольный (1899–1900; 1909; 1913) и нефтяной «голод» (1905–1907; 1910) (Брандт, 1904: 83; Ден, 1907: 88–89).

Ввиду прогрессирующей нехватки угля и нефти к 1900-м гг. возрождается интерес к торфу. Несмотря на сдвиги в области исследования мест его залегания, а также на переработку в продукты для нужд металлургии (Митинский, 1902: 6–7) и электроэнергетики (Кржижановский, 1915: 124–125), широкого распространения это горючее не получает (Копенкина, 2015: 112).

Несмотря на успехи минерализации, потребление дров в городском хозяйстве и промышленности было еще весьма существенным. В 1900–1901 гг. дрова продолжали доминировать в производстве 28 губерний Европейской России, тогда как каменный уголь – в 16, а нефть – лишь в 7 (Условия..., 1904: 689). Подавляющим было потребление дров в жилом отоплении (93 %). Оно составляло до 60 % от общего потребления топлива в Российской империи (Гершман, 1910; Мерцалов, 1914: 5, 7). Однако для обеспечения потребностей крупных и средних городов они тоже становились дальнепривозными из-за истощенности к концу XIX в. пригородных лесных массивов (Пробст, 1939: 29, 30). Растущий топливный дефицит и загруженность железных дорог провоцировали игнорирование рамок лесосберегающего закона 1888 г. (Фаас, 1907: 100–101).

1890–1900-е гг. стали периодом нарастания и демонстрации проблем загрязнения окружающей среды индустрией. В результате санитарных обследований угледобывающих районов и нефтепромыслов в Баку в 1890–1900-х гг. были выяснены неблагоприятные условия жизни рабочих добывающей промышленности, а также их водоснабжения, загрязняемого отходами горных и нефтяных промыслов (Бертенсон, 1893: 5–6). Наиболее трудным было положение крупных поселений этих районов, а также промышленных центров Лодзя, Баку, Юзовки и Харькова, Иваново-Вознесенска, Санкт-Петербурга и Москвы, перешедших на минеральное топливо. Использование угля влияло на высокий уровень пыли и газа в воздухе городов Лодзя, Харькова, Ростова-на-Дону, Киева, Санкт-Петербурга. И если в 1870–1880-е гг. эти явления фиксировались лишь в отдельных промышленных районах столиц (Доклад комиссии..., 1874: 242), то с начала XX в. проблема загрязнения воздуха в городах становится одной из самых заметных. По санитарным исследованиям, доля угольных остатков и пыли среди уличного мусора города Харькова в 1901-м г. лишь немногим уступала крупному германскому городу Рурского угольного бассейна Дортмунду (Лашенков, 1902: 1659–1660).

Расточительность угледобычи, где до 25 % породы шло отходами на открытые свалки, вело к возгораниям и выбросам в атмосферу сернистого газа (Абрамов, 1908: 238). Ориентация на потребительские практики транспорта, для которого использовались наиболее дымовыделяющие породы угля (курные, длиннопламенные), а также отсутствие фильтрации и улавливания газов при коксовании (т.н. «печей Коппе») способствовало большому выделению сернистого ангидрида в атмосферу. Это проявлялось в виде кислотных осадков в округе крупных сталеплавильных предприятий юга и Кавказа (Углов, 1934: 28).

Загрязнения воздуха в крупных городах провоцировало власти вводить ограничения выбросов в воздушную среду. С конца 1880-х гг. некоторые первые меры против задымления пытаются вводить в столицах. С начала 1910-х гг. ограничения предпринимаются городскими властями г. Киева, Ростова-на-Дону, Москвы, Казани, требующих более аккуратного обращения с дымными (курными) углями (РГИА. Ф. 1293. Оп. 170. Д. 17. Л. 82–83об.; Поддубный, 1997: 26–27). При отсутствии обоснованных критериев загрязнения, а также эффективных технологий фильтрации, положительного результата достигнуто не было.

Рост загрязнений способствовал попыткам властей выработать промышленной санитарной политики. Работа «Комиссии для составления проекта Положения об устройстве и содержании промышленных заведений и складов и о надзоре за производством в них работ» в 1893–1899 гг. при попытке определить общие критерии гигиеничности производств наталкивалась на отсутствие комплексных исследований загрязнений окружающей среды на местах (Москва век XX, 2000: 47). Законодательные инициативы Министерства внутренних дел в 1900–1910-е гг. («О санитарной охране почвы, воды, воздуха», 1911; «О санитарной охране городских пространств от воздушного загрязнения дымом», 1914), основанные на материале санитарных обследований мест и разработках ведущих ученых-гигиенистов (Г.В. Хлопина, А.Ф. Никитина, С.И. Шидловского), предлагали введение строгих ограничений. При этом они не давали нормировки сброса отходов для промышленников (РГИА. Ф. 1294. Оп. 10. Вн. Оп. 1. Д. 590. Л. 1). Наиболее адекватной мерой оказалось создание

«Комитета по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района», начавшего работу по изучению состояния водоемов центра страны.

К моменту начала Первой мировой войны транспорт и большая часть промышленности и больших городов в отопительных практиках перешла на минеральные источники, которые дополнили слагающийся экологический комплекс проблемами техногенного свойства. Несмотря на значительные сложности структурного и политического характера, в поздней имперской России происходят процессы сложения системы органов контроля за загрязнением окружающей среды, однако неопределенным оставалось общее направление санитарно-промышленной политики государства.

5. Заключение

Происходившая в России во второй половине XIX – начала XX в. технологическая революция влияла на топливно-энергетическую сферу страны. «Парадокс изобилия» – феномен, открытый американским историком окружающей среды Мартином Мелози относительно развития энергетики США XX в., наглядно объясняет ситуацию в поздней имперской России. Топливный ресурс огромных по своим объемам лесов, ввиду расположения и особенностей развития путей сообщения того времени, был сутобо потенциальным. На освоенных же пространствах Европейской части и Среднего Урала к середине XIX века существенно возросла антропогенная нагрузка на леса. Расширение потребления дров, ввиду распространения паровой техники, давало в перспективе невозможность их утрат. Это делало неизбежным переход на использование ископаемого топлива. Процесс минерализации транспорта, большей части индустрии, а также муниципальной промышленности крупных городов, произошедший в России к середине 1910-х гг., был осуществлен за счет дальнепривозного угля и нефти, места добычи были оторваны от производственных центров страны. В условиях большой протяженности территорий это способствовало значительной нагрузке на транспорт. Расточительное использование топлива при постоянном росте техносферы способствовало возникновению дефицита, а неразвитость добычи ископаемых на местах вела к значительному использованию дров, что, соответственно, мало влияло на уменьшение масштабов лесостребования.

Технологический комплекс поздней имперской России обладал большими издержками, связанными с загрязнениями окружающей среды. Развитие топливной промышленности шло без своевременной аккумуляции технологий, оптимизирующих «чистую» добычу, обработку, утилизацию отходов. Быстрый рост потребления нефти в центральных регионах, способствовавший некоторому уменьшению потребления лесных ресурсов в 1890-е гг., происходил при сохранении старых технологий перевозки, что стало причиной распространения нефтяных загрязнений, сделав вопрос водных загрязнений самым актуальным в начале XX в. Комбинированные формы производств угледобывающего и металлургического кластера на территориях Восточной Украины, Урала, Кавказа, польских земель и концентрация крупных производств в больших городах способствовали загрязнению жилых пространств отходами угольного отопления (сажа, копоть, пыль, дым, смог) и водоемов общего пользования.

С середины XIX века хозяйственно-экономические практики человеческого общества начинают оказывать подавляющий прессинг на окружающую природную среду, во много ставя ее саморазвитие в зависимость от своих алгоритмов, агентских сетей и инфраструктур. Особое место в этом контексте занимают проблемы промышленной революции, способствующие формированию технологических сетей локального и территориального масштаба. Все это способствовало выходу технологий в основные акторы влияния на окружающую природную среду. По характеру влияния они осуществляют комплексное воздействие, несколько купируя имеющиеся негативные эффекты антропогенного влияния, но вместе с тем и способствуя формированию техногенных проблем окружающей среды. Все это репрезентативно характеризует проявление начальной стадии антропоцена.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ №22-28-01558, код ГРНТИ 03.23.55.

Литература

- Абрамов, 1908 – Абрамов А.М. Донецкая каменноугольная промышленность. Б.м., [1908]. 365 с.
 Агафонова, 2014 – Агафонова А.Б. Экологические проблемы городской среды в XIX – начале XX вв. // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2014. №4 (60). С. 28-32.
 Арнольд, 1903 – Арнольд И.Н. Загрязнение вод нефтяными продуктами и его влияние на рыбные богатства. СПб. 1903. 63 с.
 Барковский, 1874 – Барковский И.Ф. Торговое движение по Волжско-Мариинскому пути. СПб., Тип. Бр.Пантелеевых, 1874. 44 с.
 Бейлин, 1962 – Бейлин И.Г. Очерки по истории лесных обществ дореволюционной России. М.: Гослесбумагиздат, 1962. 158 с.

- Бессолицин, 2003** – Бессолицин А.А. Предпринимательские организации Поволжья и экологические проблемы региона (конец XIX начало XX века) // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2003. №8. С. 48-52.
- Бертенсон, 1893** – Бертенсон Л.Б. Санитарно-врачебное дело на горных промыслах Царства Польского. СПб., Тип. П. Сойкина, 1893. 129 с.
- Брандт, 1904** – Брандт Б.Ф. Торгово-промышленный кризис в Западной Европе и в России. (1900-1901). СПб., Тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. Т.2. 314 с.
- Буренин, 1888** – Буренин С.П. Нефть и ее заводская обработка в санитарном отношении. СПб., 1888. 40 с.
- Вильямс, 1926** – Вильямс В. Нефть. Ее происхождение, свойства, добыча и переработка. М.: Госиздат, 1926. 181 с.
- Виноградов, 2018** – Виноградов А.В. Товарищество нефтяного производства «Братья Нобиль» и борьба с загрязнением Каспийско-Волжских путей (1880-1917) / *Камский торговый путь*. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2018. С.121-128.
- Вихляев, 1914** – Вихляев В.И. История торфяного дела в России. Пг., Тип. Альштулера, 1914. 20 с.
- Вишняков, 1870** – Вишняков В.И. Русская промышленность и ее нужды. Часть I // *Вестник Европы*. 1870, Кн.10, окт. С.518-534.
- Владимирская газета, 1903** – *Владимирская газета*. 1903. № 138.
- Вознесенский, 1882** – Вознесенский А.М. Нефтяное отопление. Киев, Тип. С.В. Кульженко, 1882. 117 с.
- Высочайше учрежденная комиссия, 1881** – Высочайше учрежденная комиссия для исследования железнодорожного дела в России. Доклад о топливе на железных дорогах России. СПб., Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1881. 115 с.
- Гершман, 1910** – Гершман В.П. Потребление топлива в России // *Записки императорского Русского технического общества*. 1910, №11. С. 115-117.
- Гримм, 1891** – Гримм О.А. О губительном влиянии нефти на рыб и мерах противодействия этому. СПб., Тип. Демакова, [1891]. 9 с.
- Гулишамбаров, 1880** – Гулишамбаров С.И. Нефтяное отопление пароходов и паровозов. СПб., Тип. (б.) А.М. Котомина, 1880. 30 с.
- Ден, 1907** – Ден В. Э. Каменноугольная и железодельная промышленность. СПб., Типо-лит. Р.С. Вольпина, 1907. 188 с.
- Динамика российской..., 1929** – Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887 – 1926 гг.). М.-Л.: Госиздат, 1929. 326 с.
- Доклад..., 1901** – Доклад XX Съезду бакинских нефтепромышленников по вопросу об угольной независимости России от Англии. Баку, 1901. 106 с.
- Доклад комиссии..., 1874** – Доклад комиссии для исследования Санктпетербургского уезда в санитарном отношении. СПб., 1874. 213 с.
- Доклады областного..., 1910** – Доклады областного съезда заводских, фабричных и рудничных врачей и представителей промышленных предприятий Екатеринославской, Харьковской, Полтавской, Невской, Херсонской и Таврической губерний и Области Войска Донского с 1 по 6 октября 1910 г. Ч. 1, 2. Екатеринослав, 1910. 446 с.
- Дубровский, 1904** – Дубровский Н.И. К вопросу о загрязнении владимирских рек // *Труды Владимирского общества любителей естествознания*. Т. II. Вып. II. Владимир, Типо-литография губернской земской управы, 1904. С.15-18.
- Дукельский, 1926** – Дукельский М.П. Естественное топливо: Дрова. Торф. Уголь. Нефть. М., Л.: Гос. изд., 1926. 124 с.
- Дьяконова, 1999** – Дьяконова И.А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М.: РОССПЭН, 1999. 295 с.
- Законы, касающиеся..., 1884** – Законы, касающиеся добычи, хранения и транспортировки нефти, собранные по поручению бывшего наместника Кавказского, его императорского высочества, великого князя Михаила Николаевича. Тифлис, Тип. А.А. Михельсон, 1884. 226 с.
- Иванов, 1914** – Иванов Д.Л. Горный и промышленный отделы И.Р.Т.О по вопросу о нефтяном кризисе // *Труды Второго Всероссийского Съезда деятелей по горному делу, машиностроению, и металлургии в апреле 1913 г.* Пг., 1914. 58 с.
- Истомин, 1904** – Истомин В. Нефтяная промышленность в России в 1904 г. // *Нефтяное дело*. 1904. №22. С.1516.
- Истомина, 1995** – Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика в России в XVIII – начале XX века // *Отечественная история*. 1995. №4. С.34-47.
- Истомина, 2019** – Истомина Э.Г. Леса России: экологическая и социоэкономическая история XVIII – XX в. М.: «Квадрига», 2019. 358 с.
- История угледобычи..., 2003** – История угледобычи в России. М.: б.и., 2003. 480 с.

- Канализация и очистка, 1930** – Канализация и очистка городских и промышленных сточных вод. М.: Пост. бюро Всес. водопр. и сан. техн. съезда, 1930. 214 с.
- Кафенгауз, 1994** – *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства (последняя треть XIX – 30-е годы XX века). М.: «Эпифания», 1994. 846 с.
- Кеппен, 1882** – *Кеппен А.П.* Историко-статистический обзор промышленности России. Группа IV. Горная и соляная промышленность. СПб., Тип А.С. Суворина, 1882. 164 с.
- Кончаков, 2012** – *Кончаков Р.Б.* Экологические аспекты железнодорожного строительства в 1860-1900 (на материалах Тамбовской губернии) // *Вестник Российского Университета Дружбы Народов*. Сер. История России. 2012. №1. С. 114-119.
- Копенкина, 2015** – *Копенкина Л.В.* История торфяного дела в России. Тверь: Триада, ТГТУ, 2015. 227 с.
- Кох, 1925** – *Кох М. А.* Нефтяная промышленность. М.: Гос. изд-во, 1925. 57 с.
- Кочержинский, 1868** – *Кочержинский А.* О снабжении русских железных дорог каменным углем // *Горный журнал*. 1868. №5 (май). С. 259-284.
- Кржижановский, 1915** – *Кржижановский Г.М.* Областные электрические станции на торфе и их значение для центрального промышленного района / *Труды совещания ни подмосковному углю и торфу 20–22 ноября 1915 г.* М., 1915. С. 124-125.
- Лащенков, 1902** – *Лащенков П.* Харьковский мусор // *Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины*. 1902, ноябрь. СПб., Тип.МВД, 1902. С.1659-1660.
- Лемпицкий, 1880** – *Лемпицкий М.* Минеральное топливо на русских железных дорогах в 1879 и 1880 гг. // *Горный журнал*. 1882, №6, С. 421-428.
- Лес и его изучение, 1928** – Лес, его изучение и использование. Лесной сборник. Вып. 3. Л.: Изд. АН СССР, 1928. 229 с.
- Лоскутова, 2012** – *Лоскутова М.В.* «Влияние обмеления рек есть только недосказанная гипотеза»: прикладная наука и государственная политика по управлению лесным хозяйством Российской империи второй половины XIX века // *Историко-биологические исследования*. 2012. Т. 4. №1. С. 10-27.
- Мевиус, 1880** – *Мевиус А.* Комнатное отопление каменным углем. Харьков, Тип. К.П. Счастли, 1880. 7 с.
- Менделеев, 1889** – *Менделеев Д.И.* Будущая сила, покоящаяся на берегах Донца. 1889 г. / Сочинения. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1949. Т. IX. С. 53-207.
- Мерцалов, 1914** – *Мерцалов Г.В.* Потребление топлива в России. Доклад Второму Всероссийскому Съезду деятелей по горному делу, металлургии и машиностроению. Пг., 1914. 25 с.
- Митинский, 1902** – *Митинский А.Н.* О торфяном коксе. СПб., Изд. "Бюро исследований почты", 1902. 37 с.
- Мовсумзаде, Самедов, 1996** – *Мовсумзаде Э.М., Самедов В.А.М оглы.* Бакинская нефть и военно-морской флот царской России. Уфа: Реактив, 1996. 148 с.
- Москва век XX, 2000** – Москва век XX. Историческая экология: Архивные документы. Вып. 1. 1901-1917 / Авт.-сост. А.Н. Давыдов. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2000. 224 с.
- Несмеянова, 1953** – *Несмеянова М.С.* Из истории развития проблемы охраны водоемов от загрязнения промышленными сточными водами в России / *Вопросы гигиены и методики гигиенических исследований*. Л.: 1953. С. 263-278.
- Никитин, 1907** – *Никитин А.Ф.* Практическая гигиена речного судоходства. СПб., Тип. МПС, 1907. 304 с.
- Никольский, 1914** – *Никольский Д.П.* Санитарные условия труда и жизни горнозаводских рабочих. Доклад на Горной секции 22 апреля 1913 г. / *Труды Второго Всероссийского Съезда деятелей по горному делу, машиностроению и металлургии в апреле 1913 года*. Секция горного дела. Пг., 1914. С.23-25.
- Новиков, 1905** – *Новиков А.И.* Записки городского головы. СПб., Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. 241 с.
- Новосад, 2006** – *Новосад Е.В.* Загрязнение Волги в период становления нефтяной промышленности в России // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2006. №1. М.: Наука, 2006. С. 64-70.
- Обязательные санитарные постановления...** – Обязательные санитарные постановления для уездного населения Владимирской губернии. Владимир, Типо-литография губернской земской управы. 12 с.
- Оль, 1905** – *Оль П.В.* Русская нефть и ее государственное значение. СПб., ред. журн. "Море", 1905. 136 с.
- Отчет..., 1915** – Отчет Временного комитета по изысканию мер к охране водоемов Московского промышленного района от загрязнения сточными водами и отбросами фабрик и заводов за 1914 год. [М.], 1915. 143 с.

- Поддубный, 1997** – *Поддубный М.В.* Санитарная охрана окружающей среды в России и СССР в первой половине XX века. Серия: «Охрана дикой природы». Киев, «Киевский эколого-культурный центр СоЭС», 1997. 110 с.
- ПСЗ, 1907** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. 1881–1913. Т. 24. 1904 г. СПб., Гос. типография, 1907. 1271 с.
- Пробст, 1939** – *Пробст А.Е.* Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства. М.-Л.: Изд.АН СССР, 1939. 404 с.
- Ракузин, 1903** – *Ракузин М.А.* Утилизация кислых и щелочных отбросов нефтяного производства. Введение // *Нефтяное дело.* 1903. №11. С.643-644.
- Рогозин, 1896** – *Рогозин Е.И.* Железо и уголь на юге России. СПб., Тип. И. Гольдберга, 1896. 170 с.
- Ратциг, 1898** – *Ратциг А.А.* Каменноугольная промышленность всего света: добыча, потребление, цены. СПб., 1898. 86 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Редько, Трещевский, 1886** – *Редько Г.И., Трещевский И.В.* Исторический очерк лесовозобновления и лесоразведения в СССР / Рукотворные леса. М.: Агропромиздат, 1986. С. 3-17.
- Рубин, 1908** – *Рубин Л.* Потребление нефти в России. Москва и Центральный промышленный район. // *Нефтяное дело.* 1908. №12. С. 9-11.
- Самедов, 1988** – *Самедов В.А.Б.-оглы* Нефть и экономика России (80-90-е XIX в.). Баку: Элм, 1988. 166 с.
- Святловский, 1891** – *Святловский В.В.* Фабричная гигиена. СПб., Тип.-хромолит. Т-ва Траншель, 1891.720 с.
- Селибер, 1916** – *Селибер Б.И.* Снабжение древесным топливом главных рынков России. К докладу II Всероссийскому съезду представителей лесной промышленности и торговли. Пг., Тип. Квара, 1916. 61 с.
- Скальковский, 1866** – *Скальковский А.А.* Леса Херсонской губернии. Одесса, Тип. П. Францова, 1866. 32 с.
- Совет Съезда нефтепромышленников..., 1902** – Совет Съезда нефтепромышленников в г.Баку. Материалы к изучению современных условий сбыта и потребления нефтяных продуктов за границей и в России. Выпуск 2. Волга. Баку, Тип. Губ. Правления, 1902. 308 с.
- Субботин, 1898** – *Субботин А.П.* По вопросу об обеспечении внутреннего судоходства топливом. СПб., Тип. Т-ва «Народная польза», 1898. 21 с.
- Тихонов, 1988** – *Тихонов Б.В.* Каменноугольная промышленность и черная металлургия в России во второй половине XIX в. М.: "Наука", 1988. 275 с.
- Торф и разработка..., 1882** – Торф и разработка его на топливо // *Известия Политехнического общества, состоящего при Императорском техническом училище.* Вып. 1. М., Тип. С.П. Архипова и Ко, 1882. С.9-16.
- Транспорт и топливо, 1925** – Транспорт и топливо: сборник статей. М.: Бюро правлений ж. д. и "Транспечати" НКПС, 1925. 308 с.
- Тумский, 1897** – *Тумский К.И.* Наша нефтяная промышленность. М., Тип. И.Н. Кушнерева и Ко, 1897. 51 с.
- Углов, 1934** – *Углов В.А.* Борьба с пылью, дымом и газами в населенных пунктах. М.-Л.: «Госмедиздат», 1934. 153 с.
- Условия..., 1904** – Условия сбыта и потребления нефтяных продуктов в России. III. Потребление топлива в промышленных заведениях Европейской России. Окончание // *Нефтяное дело.* 1904. №8. С. 690-698.
- Фаас, 1907** – *Фаас В.В.* Пространство русских казенных лесов и их эксплуатация. СПб., 1907. 49 с.
- Фомин, 1915** – *Фомин П.И.* Горная и горнозаводская промышленность юга России, б.м., 1915. 204 с.
- Фрейберг, 1913** – *Фрейберг Н.Г.* Врачебно-санитарное законодательство в России: узаконения и распоряжения правительства по гражданской медицинской, санитарной и фармацевтической частям, опубликованные по 1 января 1913 г. СПб., изд. "Практическая медицина" Ф.В. Эттингер, 1913. 1071 с.
- Фролов, 1919** – *Фролов В.И.* Добыча и потребление топлива в России до войны и в настоящее время. Вып. 1. Б.м., [1919]. 40 с.
- Хлопин, 1902** – *Хлопин Г.В.* Загрязнение проточных вод хозяйственными и фабричными отбросами и меры к его устранению. Юрьев, Тип. К. Маттисена, 1902. 116 с.
- Хольшкевич, 1904** – *Хольшкевич Е.* Керосин в русской деревне. Статистико-экономический очерк // *Нефтяное дело.* 1904. №23. С. 2264-2270, 2266-2270; №24. С. 2499-2402.
- Цветков, 1957** – *Цветков М.А.* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М.: Изд. АН СССР, 1957. 213 с.
- Цейтлин, 1968** – *Цейтлин М.А.* Очерки развития лесозаготовок и лесопиления в России. М.: Лесная промышленность, 1968. 295 с.
- Цинцадзе, 2019** – *Цинцадзе Н.С.* Государство, общество и природа конца XIX – первой трети XX века: танго втроем. СПб.: Алетейа, Независимый альянс, 2019. 570 с.

- [Эрисман, 1877](#) – Эрисман Ф.Ф. Профессиональная гигиена или гигиена физического и умственного труда. СПб., Тип. М. Стасюлевича, 1877. 406 с.
- [Beeby-Thompson, 1908](#) – *Beeby-Thompson A.* The oil fields of Russia and the Russian Petroleum industry. London, 1908. 504 p.
- [Costlow, 2013](#) – *Costlow J.T.* Heart-pine Russia: walking and writing the nineteenth-century forest. London: Cornell University Press, 2013. 270 p.
- [Falkus, 1972](#) – *Falkus M. E.* The Industrialization of Russia, 1700–1914. London: Macmillan, 1972. 96 p.
- [Francis, 1990](#) – *Francis D.* The Great Chase: The History of World Whaling. Toronto, Penguin Books, 1990. 288 p.
- [Friedgut, 1989](#) – *Friedgut T.* Iuzovka and Revolution: Life and work in Russia's Donbass, 1869-1924. Princeton University Press, 1989. 361 p.
- [Melosi, 1985](#) – *Melosi M. V.* Coping with Abundance: Energy and Environment in Industrial America. Philadelphia: Temple University Press, 1985. 355 p.
- [Rogger, 1983](#) – *Rogger H.* Russia in the Age of Modernization and Revolution, 1881-1917. London, Longman, 1983. 332 p.
- [Smil, 2017](#) – *Smil V.* Energy and civilization: a history. Cambridge, MA: The MIT Press, [2017]. 550 p.
- [Tolf, 1976](#) – *Tolf R.W.* The Russian Rockefellers: The Saga of the Nobel Family and the Russian Oil Industry. Stanford: Hoover Institution Press, 1976. 269 p.

References

- [Abramov, 1908](#) – *Abramov, A.M.* (1908). Donetskaya kamennougol'naya promyshlennost' [The coal-mining industry of Donetzsk]. B.m., 365 p. [in Russian]
- [Agafonova, 2014](#) – *Agafonova, A.B.* (2014). Ekologicheskie problemy gorodskoi sredy v XIX – nachale XX vv. [The environmental problems of urban spaces in 19th beginning of the 20th centuries]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4(60): 28-32. [in Russian]
- [Arnol'd, 1903](#) – *Arnol'd, I.N.* (1903). Zagryaznenie vod neftyanymi produktami i ego vliyanie na rybnye bogatstva [Water pollution by oil products and its impact on fisheries]. SPb., 63 p. [in Russian]
- [Barkovskii, 1874](#) – *Barkovskii, I.F.* (1874). Torgovoe dvizhenie po Volzhsko-Mariinskomu puti [Trade traffic along the Volga-Mariinsky route] SPb., Tip. Br. Panteleevykh, 44 p. [in Russian]
- [Beeby-Thompson, 1908](#) – *Beeby-Thompson, A.* (1908). The oil fields of Russia and the Russian Petroleum industry. London, 504 p.
- [Beilin, 1962](#) – *Beilin, I.G.* (1962). Ocherki po istorii lesnykh obshchestv dorevolutsionnoi Rossii [Essays on the history of forest societies in pre-revolutionary Russia]. M.: Goslesbumagizdat, 158 p. [in Russian]
- [Bertenson, 1893](#) – *Bertenson, L.B.* (1893). Sanitarno-vrachebnoe delo na gornykh promyslakh Tsarstva Pol'skogo [Sanitary and medical business in the mining areas of Poland]. SPb., Tip. P. Soikina, 129 p. [in Russian]
- [Bessolitsin, 2003](#) – *Bessolitsin, A.A.* (2003). Predprinimatel'skie organizatsii Povolzh'ya i ekologicheskie problemy regiona (konets XIX nachalo XX veka) [Business organizations of the Volga and environmental problems of the region (the end of the 19th beginning of the 20th century)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 8: 48-52. [in Russian]
- [Brandt, 1904](#) – *Brandt, B.F.* (1904). Torgovo-promyshlennyi krizis v Zapadnoi Evrope i v Rossii. (1900-1901 g.) [Commercial and industrial crisis in Western Europe and in Russia. (1900-1901)]. SPb., Tip. V.F. Kirshbauma. T.2. 314 p. [in Russian]
- [Burenin, 1888](#) – *Burenin, S.P.* (1888). Neft' i ee zavodskaya obrabotka v sanitarnom otnoshenii [Oil and its factory processing in sanitary terms]. SPb., 40 p. [in Russian]
- [Coopersmith, 1992](#) – *Coopersmith, J.* (1992). The electrification of Russia, 1880–1926. New-York, Cornell University Press, 274 p.
- [Costlow, 2013](#) – *Costlow, J.T.* (2013). Heart-pine Russia: walking and writing the nineteenth-century forest. London, Cornell University Press, 270 p.
- [Den, 1907](#) – *Den, V.E.* (1907). Kamennougol'naya i zhelezodelatel'naya promyshlennost' [Coal and iron industry]. SPb, Tipo-lit. R.S. Vol'pina, 188 p. [in Russian]
- [Dinamika rossiiskoi i sovetskoii promyshlennosti, 1929](#) – *Dinamika rossiiskoi i sovetskoii promyshlennosti v svyazi s razvitie narodnogo khozyaistva za sorok let (1887–1926 gg.)* [The dynamics of Russian and Soviet industry in connection with the development of the national economy for forty years (1887–1926)]. M.-L.: Gosizdat, 326 p. [in Russian]
- [Doklad komissii..., 1874](#) – *Doklad komissii dlya issledovaniya Sanktpeterburgskogo uezda v sanitarnom otnoshenii* [Report of the commission for the study of the St. Petersburg district in sanitary terms]. SPb., 1874. 213 p. [in Russian]
- [Doklad XX..., 1901](#) – *Doklad XX S"ezdu bakinskikh neftepromyshlennikov po voprosu ob ugol'noi nezavisimosti Rossii ot Anglii* [Report of the committee of Baku oil owners on the issue of Russia's coal independence from England]. Baku, 1901. 106 p. [in Russian]

Doklady oblastnogo..., 1910 – Doklady oblastnogo s"ezda zavodskikh, fabrichnykh i rudnichnykh vrachei i predstavitelei promyshlennykh predpriyatii Ekaterinoslavskoi, Khar'kovskoi, Poltavskoi, Nevskoi, Khersonskoi i Tavricheskoi gubernii i Oblasti Voiska Donskogo s 1 po 6 oktyabrya 1910 g. [Reports of the regional congress of plant, factory and mine doctors and representatives of industrial enterprises of the Yekaterinoslav, Kharkov, Poltava, Neva, Kherson and Taurida provinces and the Don Army Region from October 1 to 6, 1910]: [Ch. 1, 2]. Ekaterinoslav, 1910. 446 p. [in Russian]

Dubrovskii, 1904 – *Dubrovskii, N.I.* (1904). K voprosu o zagryaznenii vladimirskikh rek [On the issue of pollution of the Vladimir rivers]. *Trudy Vladimirskogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya*. T. II. Vyp. II. Vladimir: Tipo-litografiya gubernskoi zemskoi upravy, 1904. Pp. 15-18. [in Russian]

Dukel'skii, 1926 – *Dukel'skii, M.P.* (1926). Estestvennoe toplivo: Drova. Torf. Ugol'. Neft' [Natural fuel: Firewood. Peat. Coal. Oil]. M., L.: Gos. izd., 124 p. [in Russian]

D'yakonova, 1999 – *D'yakonova, I.A.* (1999). Neft' i ugol' v energetike tsarskoi Rossii v mezhdunarodnykh sopostavleniyakh. [Oil and coal in the energy sector of tsarist Russia in international comparisons]. M.: ROSSPEN, 295 p. [in Russian]

Erisman, 1877 – *Erisman, F.F.* (1877). Professional'naya gigiena ili gigiena fizicheskogo i umstvennogo truda [Occupational hygiene or hygiene of physical and mental labor]. SPb, Tip. M.Stasyulevicha, 406 p. [in Russian]

Faas, 1907 – Faas, V.V. (1907). Prostranstvo russkikh kazennykh lesov i ikh ekspluatatsiya [The space of Russian state forests and their exploitation]. SPb., 49 p. [in Russian]

Falkus, 1972 – *Falkus, M.E.* (1972). The Industrialization of Russia, 1700–1914. London: Macmillan. 96 p.

Fomin, 1915 – *Fomin, P.I.* (1915). Gornaya i gornozavodskaya promyshlennost' yuga Rossii [Mining and mining industry in the south of Russia]. B.m., 204 p. [in Russian]

Francis, 1990 – *Francis, D.* (1990). The Great Chase: The History of World Whaling. Toronto, Penguin Books, 288 p.

Freiberg, 1913 – *Freiberg, N.G.* (1913). Vrachebno-sanitarnoe zakonodatel'stvo v Rossii: uzakoneniya i rasporyazheniya pravitel'stva po grazhdanskoi meditsinskoi, sanitarnoi i farmatsevticheskim chastyam, opublikovannye po 1 yanvarya 1913 g. [Medical and sanitary legislation in Russia: legalizations and government orders on civil medical, sanitary and pharmaceutical parts, published up to January 1, 1913]. SPb., izd. "Prakticheskaya meditsina" F.V. Ettinger, 1071 p. [in Russian]

Friedgut, 1899 – *Friedgut, T.* (1899). Iuzovka and Revolution: Life and work in Russia's Donbass, 1869-1924. Princeton University Press, 361 p.

Frolov, 1919 – *Frolov, V.I.* (1919). Dobycha i potreblenie topliva v Rossii do voyny i v nastoyashchee vremya [Production and consumption of fuel in Russia before the war and at present]. Vyp. 1, 40 p. [in Russian]

Gershman, 1910 – *Gershman, V.P.* (1910). Potreblenie topliva v Rossii [Fuel consumption in Russia]. *Zapiski imperatorskogo Russkogo tekhnicheskogo obshchestva*. 11: 115-117. [in Russian]

Grimm, 1891 – *Grimm, O.A.* (1891). O gibel'nom vliyaniy nefti na ryb i merakh protivodeistviya etomu [About the disastrous effect of oil on fish and measures to counteract this]. SPb., Tip. Demakova, 9 p. [in Russian]

Gulishambarov, 1880 – *Gulishambarov, S.I.* (1880). Neftyanoe otoplenie parokhodov i parovozov [Oil heating of steamships and steam locomotives]. SPb.: Tip. (b.) A.M. Kotomina, 30 p. [in Russian]

Istomin, 1904 – *Istomin, V.* (1904). Neftyanaya promyshlennost' v Rossii v 1904 g [Oil industry in Russia in the year of 1904]. *Neftyanoe delo*. 22: 1516. [in Russian]

Istomina, 1995 – *Istomina, E.G.* (1995). Lesookhranitel'naya politika v Rossii v XVIII – nachale XX veka [Forest protection policy in Russia in the 18th century – the beginning of the 20th century]. *Otechestvennaya istoriya*. 4: 34-47. [in Russian]

Istomina, 2019 – *Istomina, E.G.* (2019). Lesa Rossii: ekologicheskaya i sotsioekonomicheskaya istoriya XVIII – XX v. [Forests of Russia: Ecological and Socio-Economic History of the 18th – 20th c.]. M.: «Kvadruga», 358 p. [in Russian]

Istoriya ugledobychi, 2003 – *Istoriya ugledobychi v Rossii* [History of coal mining in Russia]. M.: b.i., 2003. 480 p. [in Russian]

Ivanov, 1914 – *Ivanov, D.L.* (1914). Gornyi i promyshlennyi otdely I.R.T.O po voprosu o neftyanom krizise [Mining and industrial departments of the I.R.T.O. on the issue of the oil crisis]. *Trudy Vtorogo Vserossiiskogo S"ezda deyatelei po gornomu delu, mashinostroeniyu, i metallurgii v aprele 1913 g.* Pg., 58 p. [in Russian]

Kafengauz, 1994 – *Kafengauz, L.B.* (1994). Evolyutsiya promyshlennogo proizvodstva (poslednyaya tret' XIX – 30-e gody XX veka) [The evolution of industrial production (the last third of the 20th – 30s of the 20th century)]. M.: «Epifaniya», 846 p. [in Russian]

Kanalizatsiya i ochistka..., 1930 – *Kanalizatsiya i ochistka gorodskikh i promyshlennykh stochnykh vod* [Sewerage and treatment of urban and industrial wastewater]. M.: Post. byuro Vses. vodopr. i san. tekhn. s"ezda, sostoyashcheho pri Gos. in-te sooruzhenii, 1930. 214 p. [in Russian]

- Keppen, 1882** – *Keppen, A.P.* (1882). Istoriko-statisticheskii obzor promyshlennosti Rossii. Gruppya IV. Gornaya i solyanaya promyshlennost' [Historical and statistical review of Russian industry. Group IV. Mining and salt industry]. SPb., Tip A.S. Suvorina, 164 p. [in Russian]
- Khlopin, 1902** – *Khlopin, G.V.* (1902). Zagryaznenie protochnykh vod khozyaistvennymi i fabrichnymi otbrosami i mery k ego ustraneniyu [Pollution of flowing waters with household and factory waste and measures for its elimination]. Yur'ev, Tip. K. Mattisena, 116 p. [in Russian]
- Kholyshkevich, 1904** – *Kholyshkevich, E.* (1904). Kerosin v russkoi derevne. Statistiko-ekonomicheskii ocherk [Kerosene in the Russian village. Statistics-economic essay]. *Neftyanoe delo*. 23: 2264-2270, 2266-2267, 2270; 24: 2401-2402. [in Russian]
- Kocherzhinskii, 1868** – *Kocherzhinskii, A.* (1868). O snabzhenii russkikh zheleznykh dorog kamennym uglem [On the supply of Russian railways with coal]. *Gornyi zhurnal*. 5 (mai): 259-284. [in Russian]
- Kokh, 1925** – *Kokh, M.A.* (1925). Neftyanaya promyshlennost' [Oil industry]. M.: Gos. izd-vo, 57 p. [in Russian]
- Konchakov, 2012** – *Konchakov, R.B.* (2012). Ekologicheskie aspekty zheleznodorozhnogo stroitel'stva v 1860-1900 (na materialakh Tambovskoi gubernii) [Ecological aspects of railway construction in 1860-1900 (on the materials of the Tambov province)]. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov*. Ser. Istoriya Rossii. 1: 114-119. [in Russian]
- Kopenkina, 2015** – *Kopenkina, L.V.* (2015). Istoriya torfyanogo dela v Rossii [History of peat production in Russia]. Tver', Triada, TGTU, 227 p. [in Russian]
- Krzhizhanovskii, 1915** – *Krzhizhanovskii, G.M.* (1915). Oblastnye elektricheskie stantsii na torfe i ikh znachenie dlya tsentral'nogo promyshlennogo raiona [Regional power stations on peat and their significance for the central industrial region]. Trudy soveshchaniya ni podmoskovnomu uglyu i torfu 20—22 noyabrya 1915 g., M., pp. 124-125. [in Russian]
- Lashchenkov, 1902** – *Lashchenkov, P.* (1902). Khar'kovskii musor [Khar'kovskii garbage]. *Vestnik obshchestvennoi gigieny, sudebnoi i prakticheskoi meditsiny*. Noyabr'. SPb., Tip. MVD, pp. 1659-1660. [in Russian]
- Lempitskii, 1880** – *Lempitskii, M.* (1880). Mineral'noe toplivo na russkikh zheleznykh dorogakh v 1879 i 1880 gg. [Mineral fuel on Russian railways in 1879 and 1880]. *Gornyi zhurnal*. 6: 421-428. [in Russian]
- Les i ego izuchenie, 1928** – Les, ego izuchenie i ispol'zovanie. Lesnoi sbornik. [Forest, its study and use. Forest collection]. Vyp. 3. L.: Izd. AN SSSR, 1928. 229 p. [in Russian]
- Loskutova, 2012** – *Loskutova, M.V.* (2012). «Vliyanie obmeleniya rek est' tol'ko nedoskazannaya gipoteza»: prikladnaya nauka i gosudarstvennaya politika po upravleniyu lesnym khozyaistvom Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX veka [“The influence of river shallowing is only an unsaid hypothesis”: applied science and state policy on forestry management in the Russian Empire in the second half of the 19th century]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 4(1): 10-27. [in Russian]
- Melosi, 1985** – *Melosi, M.V.* (1985). Coping with Abundance: Energy and Environment in Industrial America. Philadelphia: Temple University Press, 355 p.
- Mendelev, 1949** – *Mendelev, D.I.* (1949). Budushchaya sila, pokoyashchayasya na beregakh Dontsa. 1889 g. [Future force resting on the banks of the Donets. 1889]. Sochineniya. M.-L.: Izd. AN SSSR, T. IX. Pp. 53-207. [in Russian]
- Mertsalov, 1914** – *Mertsalov, G.V.* (1914). Potreblenie topliva v Rossii. Doklad Vtoromu Vserossiiskomu S"ezdu deyatelei po gornomu delu, metallurgii i mashinostroeniyu. [Fuel consumption in Russia. Report to the Second All-Russian Conference of leaders in mining, metallurgy and mechanical engineering]. Pg., 25 p. [in Russian]
- Mevius, 1880** – *Mevius, A.* (1880). Komnatnoe otoplenie kamennym uglem. Khar'kov, Tip. K.P. Schastni, 7 p. [in Russian]
- Mitinskii, 1902** – *Mitinskii, A.N.* (1902). O torfyanom kokse [About peat coke]. SPb., Izd. "Byuro issledovaniya pochty", 37 p. [in Russian]
- Moskva vek XX, 2000** – Moskva vek XX. Istoricheskaya ekologiya: Arkhivnye dokumenty Vy.1. 1901-1917 [Moscow century XX. Historical Ecology: Archival Documents V.1. 1901-1917]. Avt.-sost. A.N. Davydov. M.: Izdatel'stvo ob"edineniya «Mosgorarkhiv». 224 p. [in Russian]
- Movsumzade, Samedov, 1996** – *Movsumzade, E.M., Samedov, V.A.M ogly* (1996). Bakinskaya neft' i voenno-morskoi flot tsarskoi Rossii [Baku oil and the navy of tsarist Russia]. Ufa: Reaktiv, 148 p. [in Russian]
- Nesmeyanova, 1953** – *Nesmeyanova, M.S.* (1953). Iz istorii razvitiya problemy okhrany vodoemov ot zagryazneniya promyshlennymi stochnymi vodami v Rossii [From the history of the development of the problem of protecting water bodies from pollution by industrial wastewater in Russia]. *Voprosy gigieny i metodiki gigenicheskikh issledovaniy*. L. Pp. 263-278. [in Russian]
- Nikitin, 1907** – *Nikitin, A.F.* (1907). Prakticheskaya gigiena rechnogo sudokhodstva [Practical hygiene of river navigation]. SPb., Tip. MPS, 304 p. [in Russian]
- Nikol'skii, 1914** – *Nikol'skii, D.P.* (1914). Sanitarnye usloviya truda i zhizni gornozavodskikh rabochikh. Doklad na Gornoj sekti 22 aprelya 1913 g. [Sanitary working conditions and life of mining workers. Report

- at the Mining Section April 22, 1913]. Trudy Vtorogo Vserossiiskogo S"ezda deyatelei po gornomu delu, mashinostroeniyu i metallurgii v aprele 1913 goda. Sektsiya gornogo dela. Pg., pp. 23-25. [in Russian]
- Novikov, 1905** – *Novikov, A.I.* (1905). Zapiski gorodskogo golovy [Notes of the mayor]. SPb., Tip. M.M. Stasyulevicha, 241 p. [in Russian]
- Novosad, 2006** – *Novosad, E.V.* (2006). Zagryaznenie Volgi v period stanovleniya neftyanoi promyshlennosti v Rossii [Pollution of the Volga during the formation of the oil industry in Russia]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 1. M., Nauka, pp. 64-70. [in Russian]
- Obyazatel'nye sanitarnye postanovleniya...** – Obyazatel'nye sanitarnye postanovleniya dlya uezdnogo naseleniya Vladimirskoi gubernii [Obyazatel'nye sanitarnye postanovleniya dlya uezdnogo naseleniya Vladimirskoi gubernii.] Vladimir na Klyaz'me: Tipo-litografiya gubernskoi zemskoi upravy. B.m. 12 p. [in Russian]
- Ol', 1905** – *Ol', P.V.* (1905). Russkaya neft' i ee gosudarstvennoe znachenie [Russian oil and its national importance]. SPb., red. zhurn. "More", 136 p. [in Russian]
- Otchet..., 1915** – Otchet Vremennogo komiteta po izyskaniyu mer k okhrane vodoemov Moskovskogo promyshlennogo raiona ot zagryazneniya stochnymi vodami i otbrosami fabrik i zavodov za 1914 god [Report of the Provisional Committee for Finding Measures for the Protection of Water Reservoirs of the Moscow Industrial Region from Pollution by Sewage and Waste from Factories and Plants for 1914]. [M.], 1915. 143 p. [in Russian]
- Poddubnyi, 1997** – *Poddubnyi, M.V.* (1997). Sanitarnaya okhrana okruzhayushchei sredy v Rossii i SSSR v pervoi polovine KhKh veka. Seriya: «Okhrana dikoi prirody» [Sanitary environmental protection in Russia and the USSR in the first half of the twentieth century. Series: "Wildlife Conservation"]. Kiev, «Kievskii ekologo-kul'turnyi tsentr SoES», 110 p. [in Russian]
- Probst, 1939** – *Probst, A.E.* (1939). Osnovnye problemy geograficheskogo razmeshcheniya toplivnogo khozyaistva [The main problems of the geographical location of the fuel economy]. M.-L.: Izd.AN SSSR, 404 p. [in Russian]
- PSZ, 1907** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3-e [Complete collection of laws of the Russian Empire. Compilation 3-d]. 1881–1913. T. 24. 1904. SPb., Gos.tipografiya, 1907. 1271 p. [in Russian]
- Rakuzin, 1903** – *Rakuzin, M.A.* (1903). Utilizatsiya kislykh i shchelochnykh otbrosov neftyanogo proizvodstva. Vvedenie [Utilization of acidic and alkaline waste from oil production. Introduction]. *Neftyanoe delo*. 11: 643-644. [in Russian]
- Rattsig, 1898** – *Rattsig, A.A.* (1898). Kamennougol'naya promyshlennost' vsego sveta: dobycha, potreblenie, tseny [Coal industry around the world: production, consumption, prices]. SPb., 1. 86 p. [in Russian]
- Red'ko, Treshchevskii, 1986** – *Red'ko, G.I., Treshchevskii, I.V.* (1986). Istoricheskii ocherk lesovozobnovleniya i lesorazvedeniya v SSSR [Historical outline of reforestation and afforestation in the USSR]. Rukotvornye lesa. M: Agropromizdat, pp. 3-17. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- Rogger, 1983** – *Rogger, H.* (1983). Russia in the Age of Modernization and Revolution, 1881-1917. London: Longman, 332 p.
- Rogozin, 1896** – *Ragozin, E.I.* (1896). Zhelezo i ugol' na yuge Rossii [Iron and coal in the south of Russia]. SPb., Tip. I. Gol'dberga, 170 p. [in Russian]
- Rubin, 1908** – *Rubin, L.* (1908). Potreblenie nefi v Rossii. Moskva i Tsentral'nyi promyshlennyi raion [Oil consumption in Russia. Moscow and the Central Industrial District.]. *Neftyanoe delo*. 12: 9-11. [in Russian]
- Samedov, 1988** – *Samedov, V.A.B.-ogly* (1988). Neft' i ekonomika Rossii (80-90-e XIX v.) [Oil and the Russian Economy (80-90s of the XX century)]. Baku: Elm, 166 p. [in Russian]
- Seliber, 1916** – *Seliber, B.I.* (1916). Snabzhenie drevesnym toplivom glavnykh rynkov Rossii. K dokladu II Vserossiiskomu s"ezdu predstavitelei lesnoi promyshlennosti i trgovli [Supply of wood fuel to the main markets of Russia. To the report and the All-Russian Congress of representatives of the timber industry and trade]. Pg., Tip. Kvara, 61 p. [in Russian]
- Skal'kovskii, 1866** – *Skal'kovskii, A.A.* (1866). Lesa Khersonskoi gubernii [Forests of Kherson province]. Odessa, Tip. P. Frantsova, 32 p. [in Russian]
- Smil, 2017** – *Smil, V.* (2017). Energy and civilization: a history. Cambridge, MA: The MIT Press, 550 p.
- Sovet S"ezda neftepromyshlennikov, 1902** – Sovet S"ezda neftepromyshlennikov v g.Baku. Materialy k izucheniyu sovremennykh uslovii sbyta i potrebleniya neftyanykh produktov zagranitse i v Rossii. Vyp. 2. Volga [Materials for the study of modern conditions for the sale and consumption of petroleum products abroad and in Russia. Is. 2. Volga]. Baku, Tip. Gub. Pravleniya, 308 p. [in Russian]
- Subbotin, 1898** – *Subbotin, A.P.* (1898). Po voprosu ob obespechenii vnutrennego sudokhodstva toplivom [Po voprosu ob obespechenii vnutrennego sudokhodstva toplivom]. SPb., Tip. T-va "Narodnaya pol'za", 21 p. [in Russian]
- Svyatlovskii, 1891** – *Svyatlovskii, V.V.* (1891). Fabrichnaya gigiena [factory hygiene]. SPb., Tip.-khromolit. T-va Transhel', 720 p. [in Russian]

- Tikhonov, 1988** – *Tikhonov, B.V.* (1988). Kamennougol'naya promyshlennost' i chernaya metallurgiya v Rossii vo vtoroi polovine XIX v. [Coal industry and ferrous metallurgy in Russia in the second half of the 20th century]. M.: "Nauka", 275 p. [in Russian]
- Tolf, 1976** – *Tolf, R.W.* (1976). The Russian Rockefellers: The Saga of the Nobel Family and the Russian Oil Industry. Stanford: Hoover Institution Press, 269 p.
- Torf i razrabotka, 1882** – Torf i razrabotka ego na toplivo [Peat and its development for fuel]. *Izvestiya Politekhnicheskogo obshchestva, sostoyashchego pri Imperatorskom tekhnicheskome uchilishche*. Vyp. 1. M., Tip. S.P. Arkhipova i Ko, pp. 9-16. [in Russian]
- Transport i toplivo, 1925** – Transport i toplivo: sbornik statei [Transport and fuel: a collection of articles]. Pod red. V. I. Mezhlauka. M.: Byuro pravlenii zh. d. i "Transpechati" NKPS, 1925. 308 p. [in Russian]
- Tseitlin, 1968** – *Tseitlin, M.A.* (1968). Ocherki razvitiya lesozagotovok i lesopileniya v Rossii [Essays on the development of logging and sawmilling in Russia]. M.: Lesnaya promyshlennost', 295 p. [in Russian]
- Tsintsadze, 2019** – *Tsintsadze, N.S.* (2019). Gosudarstvo, obshchestvo i priroda kontsa XIX – pervoi treti XX veka: tango vtroem [State, society and nature of the late twentieth – first third of the twentieth century: threesome tango]. SPb.: Aleteia, Nezavisimyi al'yans, 570 p. [in Russian]
- Tsvetkov, 1957** – *Tsvetkov, M.A.* (1957). Izmenenie lesistosti Evropeiskoi Rossii s kontsa XVII stoletiya po 1914 god [Changes in the forest cover of European Russia from the end of the 17th century to 1914]. M.: Izd. AN SSSR, 213 p. [in Russian]
- Tumskii, 1897** – *Tumskii, K.I.* (1897). Nasha neftyanaya promyshlennost' [Our oil industry]. M., Tip. I.N.Kushnereva i Ko, 51 p. [in Russian]
- Uglov, 1934** – *Uglov, V.A.* (1934). Bor'ba s pyl'yu, dymom i gazami v naseleennykh punktakh [Control of dust, smoke and gases in built-up areas]. M.-L.: «Gosmedizdat», 153 p. [in Russian]
- Usloviya..., 1904** – Usloviya sbyta i potrebleniya neftyanykh produktov v Rossii. III. Potreblenie topliva v promyshlennykh zavedeniyakh Evropeiskoi Rossii. Okonchanie [Conditions for the sale and consumption of petroleum products in Russia. III. Fuel consumption in industrial establishments of European Russia. Ending]. *Neftyanoe delo*. 8: 690-698. [in Russian]
- Vikhlyayev, 1914** – *Vikhlyayev, V.I.* (1914). Istoriya torfyanogo dela v Rossii [History of peat business in Russia]. Pg., Tip. Al'tshulera, 20 p. [in Russian]
- Vil'yams, 1926** – *Vil'yams, V.* (1926). Neft'. Ee proiskhozhdenie, svoystva, dobycha i pererabotka [Oil. Its origin, properties, extraction and processing]. M.: Gosizdat, 181 p. [in Russian]
- Vinogradov, 2018** – *Vinogradov, A.V.* (2018). Tovarishchestvo neftyanogo proizvodstva «Brat'ya Nobil'» i bor'ba s zagryazneniem Kaspijsko-Volzhskikh putei (1880-1917) [Oil production partnership "Nobel Brothers" and the fight against pollution of the Caspian-Volga routes (1880-1917)]. *Kamskii torgovyi put'. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Kazan. Pp. 121-128. [in Russian]
- Vishnyakov, 1870** – *Vishnyakov, V.I.* (1870). Russkaya promyshlennost' i ee nuzhdy. Chast' I [Russian industry and its needs. Part I]. *Vestnik Evropy*. Kn.10. Okt. Pp. 518-534. [in Russian]
- Vladimirskaia gazeta, 1903** – *Vladimirskaia gazeta*. 1903. № 138. [in Russian]
- Voznesenskii, 1882** – *Voznesenskii, A.M.* (1882). Neftyanoe otoplenie [Oil heating]. Kiev, Tip. S.V.Kul'zhenko, 117 p. [in Russian]
- Vysochaishe uchrezhdennaya komissiya, 1881** – Vysochaishe uchrezhdennaya komissiya dlya issledovaniya zheleznodorozhnogo dela v Rossii. Doklad o toplive na zheleznykh dorogakh Rossii [Report on fuel on Russian railways]. SPb., Tip. Shtaba voisk gvardii i Peterburgskogo voennogo okruga, 1881. 115 p. [in Russian]
- Zakony, kasayushchiesya..., 1884** – Zakony, kasayushchiesya dobychi, khraneniya i transportirovki nefti, sobrannye po porucheniyu byvshego namestnika Kavkazskogo, ego imperatorskogo vysochestva, velikogo knyazya Mikhaila Nikolaevicha. [Laws relating to the extraction, storage and transportation of oil, collected on behalf of the former Viceroy of the Caucasus, His Imperial Highness, Grand Duke Mikhail Nikolaevich]. Tiflis, Tip. A.A. Mikhel'son, 1884. 226 p. [in Russian]

Топливо-энергетический переход второй половины XIX – начала XX века и проблемы окружающей среды поздней Российской империи

Григорий Юрьевич Афанасьев^{a, *}

^a Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Промышленная революция и индустриализация в России, связанная с активным строительством железных дорог, распространением паровых железных судов, внедрением новых

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: greenia2006@rambler.ru (Г.Ю. Афанасьев)

двигательных установок в фабрично-заводском деле и городском хозяйстве, появлением электрической энергии, в геометрической прогрессии расширяло топливные потребности технологической инфраструктуры Российской империи. В отличие от многих развитых стран Западной Европы и Америки, исторический центр России обладал значительными запасами бореальных лесов, традиционно использовавшихся как топливо. Тем не менее, истощение мест традиционных лесозаготовок на территориях европейской части страны, фиксируемое представителями лесного ведомства с 1840-х гг., создавало сложности обеспечения ширящихся потребностей горючими материалами. С 1860-1870-х гг. общественность и представители администрации констатируют невозможность потенциального сохранения лесных богатств страны без перехода транспорта, промышленности, муниципальных городских нужд от горючих материалов к минеральным топливным источникам. Актуальность исследования состоит в рассмотрении процесса перехода на минеральное топливо в контексте развития индустрии с параллельным изучением проблем окружающей среды, особенностей научного, общественного и административного реагирования на эти проблемы до момента полного, но не окончательного совершения данного перехода в транспортной, заводской сферах, а также в инфраструктуре крупных городов империи накануне Первой мировой войны. Текущие динамические и факторные процессы рассматриваются в контексте концепции антропоцена – формирования подавляющего влияния на окружающую среду человеческой деятельности.

Ключевые слова: энергопереход, топливно-энергетический комплекс, топливное потребление, минерализация, лесоистребление, загрязнение, промышленная санитария, гигиена.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1797-1808
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1797

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Historical and Cultural Landscape of the Terisakkan-Ishim Region

Maral K. Khabdulina ^{a, *}, Tatyana V. Koshman ^a

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article presents an analysis of historical and ethnographic information about the Terisakkan-Esil region based on cartographic and pre-revolutionary sources of the 19th – early 20th centuries. This region was in the sphere of interest of Russian researchers, cartographers, officials, as a territory of trade and economic interest for the development of trade routes and the development of new mineral deposits. Terisakkan is the only left tributary of the Ishim River along its entire length, and in different historical periods there was an active development of the territory. Cartographic materials are a unique source of information that makes it possible to trace the region's involvement in political, trade and economic ties. Maps of the pre-revolutionary period are a unique means of transmitting spatial information about the development and settlement of the territory, the location of trade routes, Cossack outposts, and postal routes. Confirmation of the received preliminary information on the development of the territory is contained in a number of published works of officials and researchers of the region. The information complements and clarifies the involvement of the Terisakkan-Ishim region in the sphere of economic interests, both imperial policy and the interests of Asian merchant circles. The path from the Central Asian possessions to the north passed through this territory, which was repeatedly mentioned in the works of travelers and officials.

Keywords: landscape, springs, river, tributary, maps, postal route, merchants, trade, expedition, outpost.

1. Введение

Археологическое изучение ряда территорий Северного Казахстана приводит к необходимости поиска дополнительных сведений об этих территориях в период позднего времени. Исследование курганов тасмолинской археологической культуры в месте слияния рек Ишим и Терисаккан открывают новые страницы существования на данной территории богатой цивилизации, оставившей культовые сооружения сакской элиты.

Обращение к теме изучения историко-культурного ландшафта предпринято в связи с необходимостью осмысления процессов хозяйственного освоения человеком природной среды в различные хронологические периоды. Природно-культурный территориальный комплекс Терисаккан-Ишимского региона активно осваивался на протяжении длительного времени. Курганы сакской элиты по течению рек датируются эпохой раннего железного века. Многочисленные мавзолеи и мазары более позднего периода встречаются повсеместно, это говорит о том, что территория являлась местом длительного проживания местного населения. Упоминания о них сохранились в письменных источниках XIX века. Степной ландшафт и наличие водных ресурсов повлекли за собой включение региона в сферу экономических интересов. Изучение почтовых путей и пикетов дают новые сведения торгово-экономического характера. Как видно из материалов Переселенческого управления, осуществлялись попытки создания переселенческих участков для крестьян из внутренних губерний Российской империи в районе рек Ишим и Терисаккан.

* Corresponding author

E-mail addresses: mk_khabdulina@mail.ru (M.K. Khabdulina), tatyanakoshman@mail.ru (T.V. Koshman)

Все это говорит о том, что на протяжении длительного времени Терисаккан-Ишимский регион являлся обжитой территорией, которая в период активизации Российской империи становится зоной торгово-экономического освоения.

2. Материалы и методы

Источниковой базой данного исследования явились работы российских ученых, чиновников, путешественников, а также картографические материалы и путевые заметки, опубликованные на страницах журналов и отчетов. Эти документы отражают результаты изучения степных просторов, природных объектов и хозяйственной деятельности населения, что свидетельствует о том, что территория активно обживалась на протяжении длительного времени. Материалы данных источников расширяют представление о природно-историческом ландшафте, местности и характере использования приречных территорий. Уместно отметить, что река Терисаккан являлась водной коммуникацией на торговом пути, это привлекало чиновников и исследователей для изучения возможности дальнейшего использования просторов Терисаккан-Ишимского региона в торговых целях.

Значимыми и исторически важными являются картографические материалы, позволяющие делать вывод о торговых путях, пикетных дорогах и о включении реки Терисаккан в сферу политических интересов. На сегодняшний день приток реки Ишим Терисаккан представляет собой немногочисленный источник, прибрежные пастбищные территории которого используются не повсеместно, тогда как река Терисаккан практически всегда наносилась на карты дореволюционного времени, что может говорить о ее значении при освоении, заселении и определении маршрутов караванных дорог.

Водные объекты в степи всегда имели важное хозяйственное значение для кочевого мира, являлись обязательным условием ведения хозяйства. Материалы по киргизскому землепользованию расширяют имеющиеся сведения хозяйственного освоения территорий по течению рек и расселения родов. Материалы и источники позволили расширить исторические сведения по данному региону, хозяйственному освоению и использованию.

Важным методом исследования является принцип историзма, позволяющий рассматривать вопросы изучения казахских степей в контексте геополитических и торгово-экономических интересов имперской политики России. Изучение дореволюционных источников способствовало получению новых данных историко-географической характеристики изучаемого региона. Системный подход сделал возможным систематизировать имеющиеся сведения об изучении населения, территории и исторических памятников по течению реки Терисаккан. Описательный метод использован для характеристики исторической действительности и процессов освоения новых территорий в период XIX века. Хронологический метод лег в основу анализа исторического изучения территорий в хронологической последовательности. Он позволил проследить увеличение разнообразных источников, публикаций и зарисовок на страницах периодической печати того времени. Актуализация материалов и источников на протяжении практически полутора столетий стала возможной благодаря ретроспективному методу. Использование картографического метода позволило изучить пространственное расположение речных систем и дополнить сведения об изученности данного региона.

3. Обсуждение

Изучению степи и ее компонентов посвящено достаточно большое количество работ. Однако работ, посвященных описанию небольших рек и притоков, не так много. С экономической точки зрения даже небольшие реки были вовлечены в хозяйственный оборот жителями степи. Описания отдельных территорий казахской степи встречаются в дореволюционной печати. Несмотря на то что сведения по описанию водных источников имеют отрывочный характер, тем не менее они позволяют собрать материал, свидетельствующий о хозяйственной деятельности человека на данной территории. Привлечение в качестве источниковой базы картографических материалов демонстрирует значимость исследования Терисаккан-Ишимского региона в интересах расширения российского господства на данной территории. Нанесение водных объектов, в том числе притока Терисаккан, позволяет говорить о значимости территории в экономическом плане, а также о возможности заселения данной территории выходцами из внутренних губерний России ([Дорожная карта, 1809](#); [Генеральная карта, 1862](#); [Карта Азиатской России, 1895](#); [Карта губерний..., 1893](#) и др.).

Обширная периодика и публицистика на страницах дореволюционной печати свидетельствует об интересах торгово-промышленных кругов и чиновников, публиковавших сведения о путешествиях по казахской степи и заметки о возможности освоения данных территорий. Авторами проанализированы письменные отчеты и путевые дневники исследователей, находящихся в поездке в районе рек Ишим и Терисаккан. Среди таких исследователей можно выделить Н.П. Рычкова, А.И. Левшина, Г.Е. Катанаева, Н.И. Красовского ([Рычков, 1772](#); [Левшин, 1832](#); [Катанаев, 1893](#); [Красовский, 1868](#)). Перед ними не стояла конкретная задача подробного топогеографического описания территорий, но для нас эти работы имели большое значение в плане понимания особенностей территории, особенно водных объектов, таких как Ишим и его притоки.

Сведения о территории и занятости местного населения систематизированы в материалах экспедиций (*Материалы...*, 1909), а также в отчетах офицеров Генерального штаба (*Область сибирских киргизов*, 1868). Данные документы следует рассматривать как важнейший источник исторической и экономической информации о территории, хозяйстве и, что особо важно, о реках и землях, принадлежавших казахским родам. Это демонстрирует значимость рассматриваемой территории для расширения российского экономического проникновения в глубь степи.

Здесь же можно отметить подробное описание природно-географических объектов И.П. Шангиным, изучавшим рудные месторождения, а также записавшим интересные сведения природно-географического характера по пути следования экспедиции (*Шангин*, 1820; *Шангин*, 2006). Ряд авторов обратил внимание на Терисаккан как на территорию, по которой проходил торгово-караванный путь, связывавший Среднюю Азию с Россией (*Шмидт*, 1894; *Таиров* 1995).

Как показывает краткий историографический обзор, территории, прилегающие к рекам Терисаккан и Ишим, привлекали внимание исследователей, но не являлись объектом специальной научной статьи. Настоящая статья представляет собой попытку анализа и систематизации опубликованных сведений о реке Терисаккан как водной артерии, позволяющей вести хозяйство и оставившей большое количество памятников, свидетельствующих об активном использовании приречных территорий.

4. Результаты

Терисаккан-Ишимский регион представляет собой не меридиональное пространство течения реки Терисаккан, протянувшееся от подножья гор Улытау до впадения в реку Ишим. Ландшафт представляет собой ровную степь, северная часть которой у истоков возвышенная, гористая с переходом в равнинную степь на юге. Прилегающая к речным долинам степь состоит из глинистых почв, местами покрыта щебнем, богата солонцами. Весной имеет подножный корм, к лету степь выгорает, сохраняется небольшое количество видов травы и кустарники.

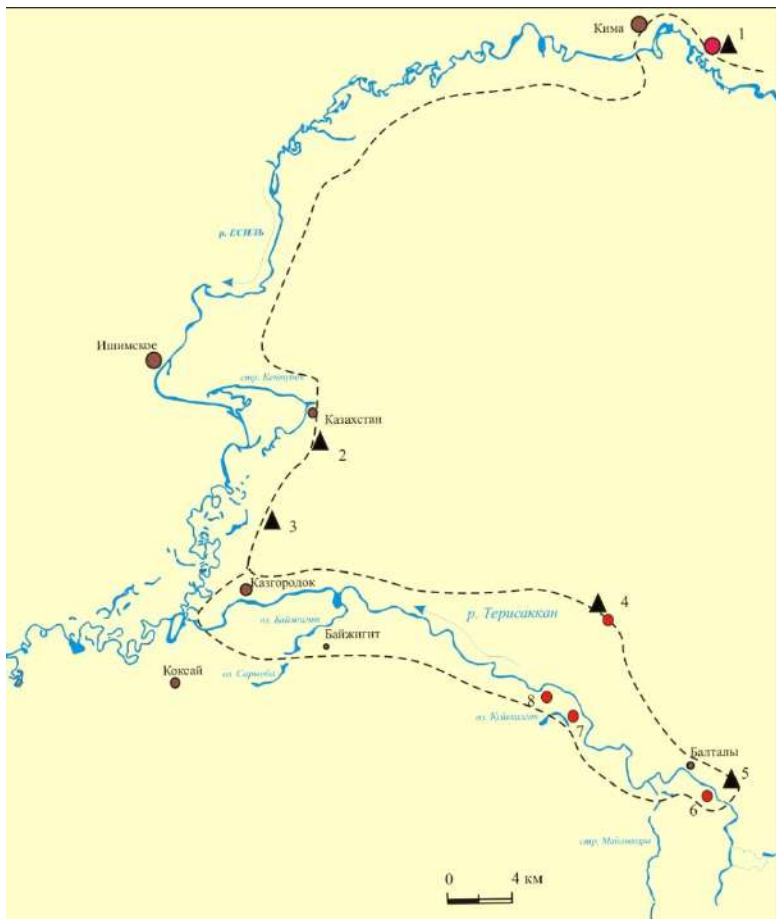

Рис. 1. Археологические объекты на маршрутной карте Ишимской археологической экспедиции по течению рек Ишим и Терисаккан: 1,2,3,4,4 – зираты; 1,4,6,7,8 – кыстау (по: *Отчет ИСАЭ*, 2009: 35)

Изучение реки следует начать с топонимики. «Терис» в прямом переводе с казахского языка означает «текущая наоборот», «неправильно текущая» (*Конкашпаев*, 1963: 127). По другой версии, слово «терис» у тюрков означает «северный полюс», «северную сторону». Если основные девять рек

Улытау, где берет начало Терисаккан, текут на запад, юг и восток, то только река Терисаккан течет на север и через реки Ишим, Тобол, Иртыш, Обь впадает в Северный Ледовитый океан. Можно предположить, что направление единственной реки на север и отражено в названии. Вторая часть названия, согласно тюркскому происхождению «аккан», переводится как «течь», «протекать» (Севортян, 1974: 118). Следовательно, можно предположить, что топоним «Терисаккан» трактуется как река, «текущая на север».

Эта территория археологически еще полностью не изучена, хотя ряд памятников занесен в Археологическую карту Казахстана в 60-х годах XX века. Исследования были в дальнейшем продолжены и привели к открытию многочисленных памятников эпохи бронзы, что было связано с именами участников археологических экспедиций, в том числе А.Х. Маргулана (Маргулан, 2003). Ишимской археологической экспедицией ЕНУ им. Л.Н. Гумилева в 2009 году были проведены разведочные работы по течению реки и зафиксирован ряд памятников, в частности зираты и казахские кыстау (зимовки). Наличие казахских зимовок свидетельствует о том, что территории были охвачены хозяйственной деятельностью в конце XIX – первой половине XX века (Отчет ИСАЭ, 2009: 11).

Территория привлекала внимание исследователей на протяжении долгого времени, о чем свидетельствуют описания реки Терисаккан в заметках в дореволюционной печати. В некоторых материалах дореволюционного периода встречались ошибочные данные о притоках реки Ишим из-за недостаточных географических сведений. В «Материалах по киргизскому землепользованию» было отмечено, что «Ишим течет в ровных берегах среди степных пространств, образует широкую луговую пойму, изрезанную старицами и покрытую озерами. Течение в реке не быстрое, но постоянное. Все притоки Ишима впадают в него с правой, северной стороны» (Материалы..., 1909: 4).

Учитывая малоизвестный характер сведений, считаем уместным привести географическую и топонимическую информацию о регионе на основе работ картографов, чиновников, исследователей и путешественников. Следует отметить, что название реки в разных источниках выглядит по-разному, поэтому в статье ее наименование будет встречаться в том виде, в каком оно дано в источнике.

Важным источником для изучения пространственной территории региона являются карты. Картографические материалы – это памятниками исторической эпохи, они дают возможность пространственного представления изучаемой территории. Географическо-пространственная информация является частью исторических знаний при исследовании той или иной местности. Изучение карт позволяет обрабатывать данные об исторических, природных и социально-экономических явлениях разных эпох.

Топогеографическая изученность территории того периода была неплановой, нередко носила глазомерное определение, однако давала фактическую картину природно-географических и топонимических объектов. Карты являлись обязательным приложением к разного рода отчетам чиновников и путевым заметкам.

Первыми попытками изучения казахских земель можно считать труды картографов, подготовивших карты Сибири и казахских степей в первой половине XIX века. В 1809 г. была издана «Дорожная карта Российской империи со всеми почтовыми и проселочными проезжими дорогами, способными для кратчайшего проезда вообще всякому, а также нужными для провозу товаров, торгующему купечеству и прочим промышленникам». На карте отмечена река Терсекал, впадающая в реку Ишим (Дорожная карта..., 1809). Несмотря на то что по территории земель киргиз-кайсаков не был точно проложен торговый путь, Ишим и его притоки уже обозначены на карте. Это свидетельствует о том, что сведения о торговых и водных путях в казахских степях были известны и до начала XIX века.

Исследование и картография с 20-х годов XIX века планомерно проводились военными картографами-геодезистами Сибирского комитета Военного ведомства в рамках разработки мероприятий по управлению новыми территориями, а также в рамках изучения природных ресурсов и возможностей их хозяйственного использования. Несомненно большое внимание уделялось фиксации водных источников, так необходимых в условиях передвижения по степи. Результаты полевых исследований наносились на карты. Военным ведомством в 1843 году была подготовлена «Маршрутная карта Западной Сибири». На карте отмечены большие или малые пикетные пути, почтовые и зимние дороги с указанием расстояния между населенными пунктами. Согласно карте, правым берегом реки Ишим проходила малая почтовая дорога, левый приток Терс-Аккан не рассматривался как почтовый путь, но отмечен на карте (Маршрутная карта..., 1843).

«Маршрутная карта Западной Сибири» 1843 года была доработана в 1848 году при штабе отдельного Сибирского корпуса и вышла под названием «Генеральная карта Западной Сибири с Киргизской степью». Там более подробно отмечены населенные местности и географические объекты. Внесены изменения в направлениях дорог и их значимости.

К тому времени укрепление Атбасар становится крупной станицей на почтовом тракте Кокчетав – Акмола. Станица Улутавская занимала важное значение в вопросе охраны караванов, идущих из Средней Азии. Путь от Улутавской до Атбасара позволял напрямую доставлять товары в два города, минуя Петропавловск. Вероятно, это заставило власти создать новую торговую ветку. Большая почтовая дорога проходила по направлению с юга на север: от станицы Улутавской по реке Терс-

аккан через пикет Терсаканский до Атбасара ([Генеральная карта..., 1862](#)). На карте представлена не только река Терс-аккан, но и пикет Терсаканский.

В 1892 г. начинается строительство Сибирской железной дороги. В 1893 году Картографическое заведение А.Ильина подготовило «Карту губерний и областей Российской империи, по которым пролегает намеченная Сибирская железная дорога». И здесь можно заметить, что река Терисаккан попадает в сферу интересов строительства железной дороги. Согласно условным обозначениям на карте, по реке Терс-Аккан планировались новолнейные отводы земель к Тургайской области, что влекло бы за собой строительство форпостов и пикетов на приречных землях ([Карта губерний..., 1893](#)).

Не только торговые пути и пикеты наносились на карты. Российское правительство интересовало природные богатства новых территорий. Геологические исследования 1898 года проводились по линии Сибирской железной дороги, исследовались прилегающие территории рек Ишим и Терисаккан. Согласно подготовленной горным инженером А.Мейстером геологической карте 1898 берега как реки Ишим, так и Терисаккан состоят из девонских отложений палеозойской эры. Это свидетельствует о возможности залежей на данной территории полезных ископаемых, необходимых горнозаводчикам Сибири ([Геологическая карта..., 1898](#)). И вновь Терисаккан представляет интерес как территория, богатая целым рядом полезных ископаемых.

Карты дают возможность не только изучить дороги, маршруты и географические особенности территории. Имперскими властями изучалось население территорий, этнические особенности и расселение. Такие данные можно встретить на многих картах, составленных по отдельным землям Российской империи. На «Карте зимних и летних кочевков в области сибирских киргизов» вдоль всего течения реки Терс-аккан и впадения ее в реку Ишим проживали казахи караул-уваковского рода ([Область сибирских киргизов, 1868: 252](#)). Некоторые уточнения территорий отредактированы на «Карте Азиатской России» 1895 года. По левому берегу реки Ишим вдоль реки Терсакан также отмечены земли караул-уваковского рода ([Карта Азиатской России, 1895](#)).

Представленные картографические материалы дали довольно обширные сведения, требующие уточнения и дополнительного изучения.

Другим видом источников по истории региона являются опубликованные письменные отчеты и заметки. В путевом дневнике известного исследователя степи Г.Е. Катанаева, который он вел во время служебной поездки по Акмолинской области в 1893 году, есть интересные сведения. Опираясь на записи С.У. Ремезова в описании событий о Кучуме в кулундинских и ишимо-тобольских степях, автор цитирует интересный факт: «... в 1591 году в ишимской степи при озере Чиликуль, Кучум с немногими татарами и с женами и с детьми своими ...утече на калмытский рубеж Ишима и Нор-Ишима, Оши и Камышлова, между озер в крепкие места». Г.Е. Катанаев дает пояснение, что Нор-Ишимом в старину назывался левый приток реки Ишим Терс-Аккан ([Катанаев, 1893: 31](#)).

Капитан Н. Рычков в 1771 году участвовал в составе военной экспедиции в Тургайские степи, дошел до гор Улытау и на основании записок издал свой труд «Дневные записки», в которых упоминает реку Терсаккан, текущую из горы Улытау: «Не столько высоты сих гор, сколько камня, на поверхности их лежащие, делали затруднения путешествующим по ним. Наконец, преодолев все трудности, достигли мы до речки Тирсакана, текущей из горы Улы Тау». У этой реки и расположился лагерь на ночь ([Рычков, 1772: 73](#)). Участники экспедиции таким образом преодолели наконец, как он пишет, тяжелый путь и вышли на равнинную местность, что облегчило дальнейшее передвижение по тургайской степи.

А.И. Левшин в работе «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» не мог не дать характеристики Ишиму как одной из главных рек в казахской степи. Он подробно описал реку и ее притоки: «Ишим берет свое начало из отрасли Ирмейских гор и течет более 400 верст на северо-запад, потом вдруг круто поворачивается на север и, вступив в пределы России, стремится в Иртыш. Ишим принимает в себя кроме многих небольших речек и ручьев, реки Терсека, Кулай-Айгыр-Бурлук, Верхний Бурлук, Кайраклы, Кулу-гон и пр.» ([Левшин, 1832: 112](#)). Терсека (так пишет автор название) – река, впадающая в Ишим, достаточно многоводная, и, следовательно, побережье реки активно включено в систему хозяйственной деятельности киргиз-кайсацких родов.

Отдельно А.И. Левшин дает характеристику речной поймы Терсаккана: «Ныне Терсека имеет течение едва приметное и в иных местах скрывается под наносами ила, потом опять показывается и опять исчезает под землю. Известковая, глинистая и налитая горькою солью почва, по которой он протекает, дает воде его солоновато-горький вкус и делает ее мутною» ([Левшин, 1832: 115](#)).

Нельзя не сказать о крупной экспедиции, инициированной горными промышленниками. Перед экспедицией И. Шангина, направленного в казахские степи в 1815 году, стояла задача – поиск и изучение новых месторождений руды ([Шангин, 1820](#)).

Река Ишим, пишет И. Шангин, берет начало с гор Нияс-тау, далее «...поворачивает на север и впадает в Иртыш, приняв в себя различные небольшие речки и ручьи, из которых главнейшая река – Терсека, впадающая в него с левой стороны» ([Шангин, 1820: 53](#)).

И. Шангин довольно подробно описывает местность и реки. Вот, например, как автор описывает реку Терисаккан: «Терсека в переводе означает противотечущий; такое название придано сей речке может быть от крутого поворота, какой делает она в половине своего течения на северо-

восток, а потом на северо-запад. Истоки ее берут начало свое с северных отлогостей Ильдигийских гор. Она протекает около 300 верст, впадет в Ишим с левой стороны» (Шангин, 1820: 56). «Двадцати сажненное пространство, удаленных от воды по обе стороны берегов. Покрытое илом, свидетельствует, что сия речка прежде была значительнее и в количестве воды немногим чем уступала Ишиму; почему и называлась малым Ишимом, по-киргизски «бала» (дитя) Ишима» (Шангин, 1820: 57).

Это описание имеет большое историческое значение, так как сейчас эта река Терисаккан достаточно обмелела и в некоторых местах представляет собой небольшой ручей или сеть мелких озер.

Автора не впечатлила местность и речные берега. В течение десяти дней двигались участники экспедиции вдоль реки Терисаккан до самых ее истоков. По словам И. Шангина, путь оказался довольно сложным, так как местность была довольно скучной: «Терсекакан протекая по известковой и глинистой почве, пропитанной, так сказать, горькой солью, имеет мутную, с неприятным солоноватогорьким вкусом, отчего равно и от недостатка корма, обессилившие лошади подверглись болезням, особливо поносу и чилчагам. От употребления сих вод и от жаров, сопровождаемых постоянным южным ветром, открылись так же и между людьми некоторые болезни» (Шангин, 2006: 56).

Результатом экспедиции И. Шангина вдоль реки Терисаккан было обнаружение обширных древних выработок медных руд.

Весьма обстоятельно дал подробное описание ишимского водораздела офицер Генерального штаба Н.И. Красовский. Довольно точно описал 14 правых притоков реки Ишим, отметив, что водных речек всего девять, остальные пять большую часть времени стоят сухими. Что касается реки Терисаккан, Н.И. Красовский отметил: «Из левых притоков только река Терс-аккан имеет воду в омутах» (Красовский, 1868: 173). Согласно его описанию, правые притоки отличаются от левых пресной водой, но в то же время «и по Терс-аккану немного соленых омутов» (Красовский, 1868: 173).

Ю.А. Шмидт в 1888–1889 гг. занимался подготовительной работой для предстоящей топографической съемки южной части Акмолинской области. Ввиду немногочисленных сведений по данной территории автор опубликовал отрывочные заметки и сведения, которые были собраны попутно при выполнении служебных обязанностей. Описание степного пространства правого берега реки Сары-су автор начинает с описания Улутавских гор, богатых родниковыми источниками и ключами, питающими своими водами реки и речки со стоком к югу и западу. И только одна река течет на север. Автор пишет: «На северном склоне Арганатинского хребта выделяются сопки Джаксы-Арганаты, Адырбай-кара и Сассык-пасс. На северном склоне находятся ключи, которые образуют реку Терс-аккан (левый приток реки Ишим)» (Шмидт, 1894: 5). Описание местности и ее жителей представлено довольно обстоятельно и подробно. Но более важным для нас является зафиксированный пикетный маршрут от Улутав до станции Атбасарской.

Ю.А. Шмидт подробно описывает маршрутный путь от станции Атбасарской через Улутав в кишлак Сузак (Шмидт, 1894: 142). От станции Атбасарской путь проходил через пикеты Урмамбет, Джар-куль, Чурумсай, Терсаканский, Чабдардинский, Тогущкенский, Кокчетавский, Кантадырский, Кучекинский, Арганатинский, Тамдинский, Улутавский. Расстояние пикетного тракта составляло 373 с половиной версты или около 399 километров. Вот какое описание дает автор: «От станции Атбасарской вниз по течению реки Ишима до поселка Урмамбет, где перезд на пароме через реку Ишим, а далее к югу земским пикетным трактом до Улутав. Поселений на всем пути не имеется, на пикетах две пары земских лошадей содержится на киргизские суммы для разъездов администрации и лиц, командированных по службе, которых возят за прогоны. Пикеты содержат исключительно казаки. Дорога в сухое время сносная, переезды через реку не обеспечены мостами» (Шмидт, 1894: 142–143).

Сообщение тобольских и туринских татар и ногаев с северным Туркестаном и Бухарой было издавна проторено и проходило через верховья Тобола, Абути, Ишима, мимо озера Кургальджин, Улутавских гор, по реке Сары-су (Катанаев, 1916: 49).

Среднеазиатские купцы на протяжении длительного времени вели бойкую торговлю в сибирских землях, каждый раз отправляясь в путь на верблюдах, надеялись на поиск более безопасного пути. Покровителя и защитника они видели в богатом сословии казахских аулов, одаривая их подарками и выплачивая определенные пошлины. По пути следования караванов шла торговля, чаще всего бумажные и шелковые ткани обменивались на шкуры пушных зверей и скот, нередко под высокие проценты.

С расширением влияния Российской империи в казахских землях объемы торговых отношений с Пекином снизились, что заставило среднеазиатских купцов изменить маршруты торговых путей. Среднеазиатская торговая дорога в Петропавловск пролегла через Каратауский хребет, потом тяжелый переход через голодную степь Бетпак-дала, подъем на гористые перевалы Улутав, с северных склонов которых начинались луговые степи поймы реки Ишим. Мятежи и восстания заставили царское правительство возвести ряд укреплений по линии торговых путей. Так, в 1839 году появился укрепленный казачий пост в Улутав. От поста Улутав до Горькой линии дорога шла по определенным маршрутам, на которых располагались казачьи пикеты. Казаки обеспечивали защиту и сопровождение караванов. Безопасный путь позволил наладить торговлю на пути от Петропавловска в Актау через Акмолинск и в Улутав через Атбасар (Балкашин, 1880: 32). Описание

дороги находим на страницах журнала «Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества»: «Из Акмолинска колесная дорога направлялась луговыми степями к реке Нура и по ее берегу; потом она шла к озеру Балыктыбайтор на верховья реки Кулан-Утмеса и к невысокому горному кряжу, за которым раскидывались то луговые, то солонцовые степи. В этой местности путь пересекал реку Сары-су и по её притоку Монака достигал Ақтау. На всем его протяжении, заключавшем 325 верст, между Акмолинском и Актавским укреплением поставлено было 8 пикетов. От Актасара путь тоже шел луговыми степями за реку Ишим к озеру Джаркуль и реку Чурумсай, а оттуда к реке Терс-Аккан и берегом последней. Далее за озером Арганын-куль начинались горы, дорога пересекала верховья реки Кара-Тургай и достигла до Улутау. Все расстояние простиралось на 385 верст. На нем поставлено было 11 пикетов и нигде не встречалось препятствий для колесной езды» (Балкашин, 1880: 8).

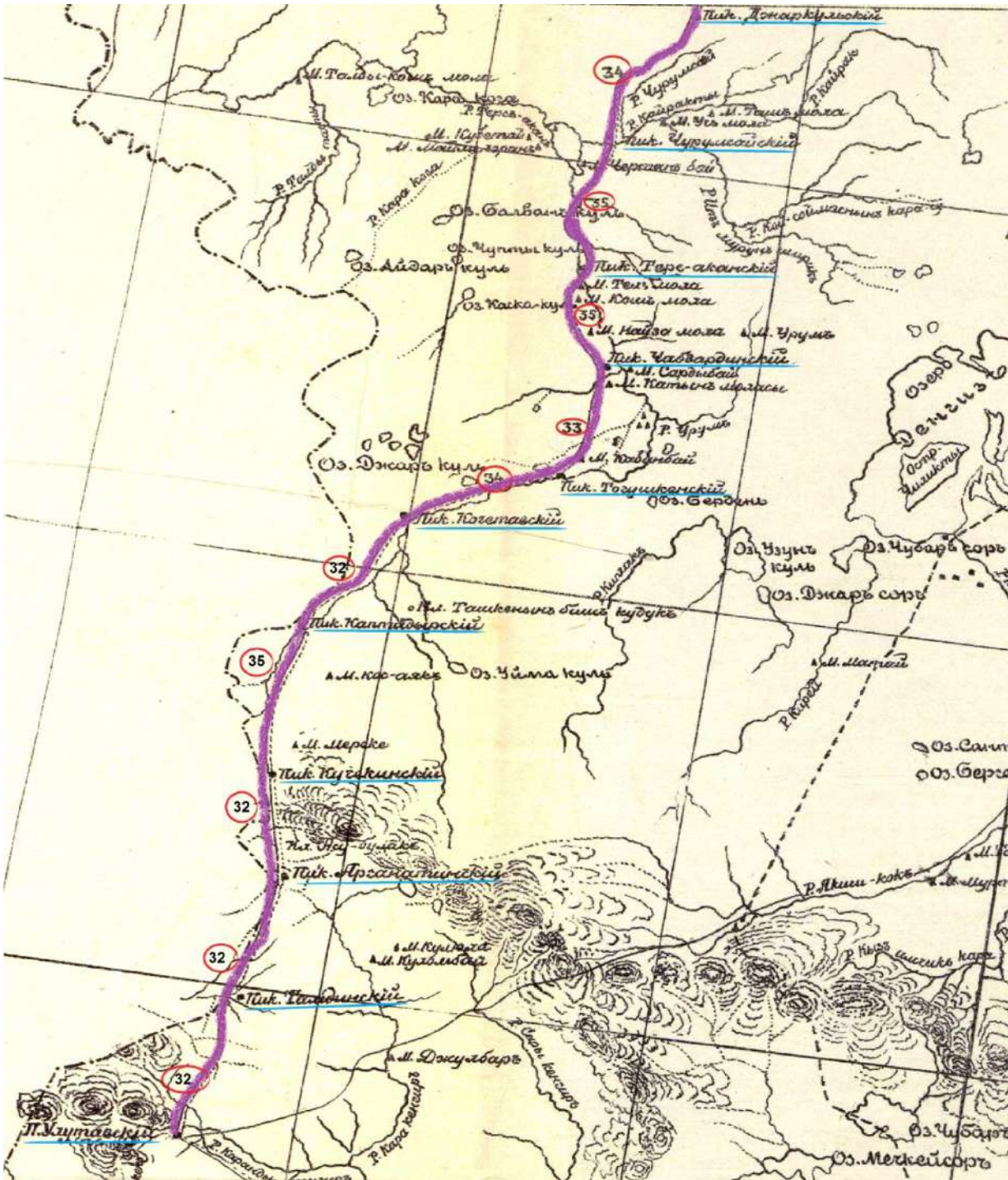

Рис. 2. Реконструкция пикетного маршрута от пикета Джаркульского до пикета Улутав на «Карте юга Акмолинской области 1891 года» (по: Шмидт, 1894: 163)

В дальнейшем для безопасности торговых путей и улучшения торговых сообщений планировалось облегчить движение посредством устройства около степных путей постоянных дворов и караван-сараев. Осуществить это оказалось довольно сложно, ввиду отсутствия желающих устраивать постоянные дворы в степи. Власти принимают решение об учреждении почтовых трактов за счет казны. В связи с мятежами дунган во Внутреннем Китае, восстанием тайпинов и усилением европейского влияния в Китае, среднеазиатские купцы после 1861 года активизировали торговые пути через казахские кочевья. Судьба акмолинско-туркестанского тракта вызывала много вопросов по его содержанию, но купцы отстаивали его необходимость и целесообразность (Балкашин, 1880: 30). Тем не менее пикет Улутавский просуществовал до 1862 года, но и после упразднения жители продолжали какое-то время проживать в данной местности и вести хозяйство.

Терисаккан-Ишимский регион в начале XX века попадает в сферу интересов Переселенческого управления. Благоприятные природные условия, наличие плодородных земель и обеспечение водой позволяли выделить участки для крестьян-переселенцев. Разного рода справочные издания позволяют получить новые сведения о территории.

Так, в «Справочных сведениях о переселенческих селениях и участках Акмолинского переселенческого района» за 1911 год под номером 899 название селения, согласно утвержденным приговорам сельского общества, – Терсаканское. Официальное название участка, под которым он получил свое утверждение, – Терсаканский. Участок образован в 1907 году. Число душевых долей – 273. Участок расположен на реке Терс-аккан «в виде плесов с солоноватой водой с небольшим течением. Имеется пресная грунтовая вода. В 1908 году построен казенный колодец». Из краткого описания участка: «Почвы удобной степи светло-каштановые, мощностью до 3 ½ вершка. Подпочва глинистая с темными затеками. Степь выгонная, солонцевая и каменистая. Задернение от 50 до 80 %» (Справочные сведения..., 1911: 128). Справочные сведения позволяют говорить о том, что местность пригодна для занятия земледелием и разведения скота.

Здесь же записан участок под номером 967. Официальное название участка №125 Киик – Арал, он образован в 1910 году, расположен по берегу реки Терсь-Аккань с соленой водой. В границах участка имеются большие непромерзающие плесы реки Терсь-Аккань, могущие служить летом и зимой водоемом для скота. Пресными грунтовыми водами участок обеспечен. Из описания участка: «характер местности равнинно-степной, с общим уклоном к реке Терсь-Аккань. Почвы светло-каштановые суглинки; мощность почвенного горизонта в среднем 4 вершка. Сенокосы по реке. На участке имеется серый песчаник, годный для постройки. Пастбищная степь каменистая» (Справочные сведения..., 1911: 524-525). Наплыв переселенцев вызвал беспокойство местных властей, которые попытались остановить раздачу земельных участков под предлогом недостатка воды. В книге «Описание Акмолинского переселенческого района», описывая водные ресурсы Атбасарского района, автор отмечает недостаточное водообеспечение, так как река Ишим обеспечивает водой только прилегающие к ней участки, «...за исключением реки Ишим, которая обеспечивает водой только прибрежную полосу. Река Терсакан является самой значительной рекой в этом районе, но и она летом распадается на ряд отдельных плесов с солоноватой водой и не может быть вполне, обеспечить даже прилегающие к ней местности. Остальные реки еще беднее в этом отношении» (Описание Акмолинского...: 39).

Следует сказать, что в этот же период функционировал «сарысуйский» караванный путь, идущий в Сибирь с присырдарьинских городов. Своё начало он брал в низовьях рек Сарысу и Чу, близ озер Ащи-коль, Аужайкын, Телеколь. Именно здесь сходились дороги из городских среднеазиатских центров. До Каражара на реке Кара-Кенгир путь пролегал вдоль реки Сарысу, потом на север вдоль реки Кара-Кенгир и доходил к горным районам Улытау и Арганаты. Преодолев горный хребет, караваны двигались долиной реки Терисаккан к Ишиму. И дальше по течению Ишима путь заканчивался в Петропавловске или продолжался речными долинами Ишима и Иртыша до сибирских торговых городов Тобольск и Тюмень (Таиров, 1995: 21).

Подтверждение находим у авторов дореволюционного времени. «По долине реки Терсь-Акан в первой половине XIX века пролегал улутаво-атбасарский тракт. Областной пикет, это места расположения станций, состоящих обычно из почтовых домиков для проезжающих, хозяйственных построек, конюшен. На некоторых стояли провиантские магазины. Улутаво-атбасарский тракт проходил через Терес-акканский пикет. Пикет обычно состоял из землянки, разделенной на две половины. Это обычно комната урядника и казарма с печью и нарами. Из подсобных помещений это кладовая, сарай и конюшня. Территория пикета обносилась, как правило, невысоким валом» (Область сибирских киргизов, 1868: 254). На Улутаво-атбасарском тракте было десять таких землянок и один деревянный пикет. Ряд пикетов имел провиантский магазин: Айдабульский – на 300 четвертей, Терс-Акканский – на 350, Арганатинский – на 300.

Атбасарско-улутавская дорога шла берегом реки Атбасарки, а потом от Ишима до пикета Урмамбетского, где имелся брод через реку. Затем вдоль извилистого течения реки Терс-акан до Кучекинского пикета, дальше – до станицы Улутавской. Если рассмотреть протяженность дороги, то можно указать следующие станции. От Атбасара до «пикета Урмамбетский 34 версты, Джаркульский – 14 верст, Чурумсайский – 36, Терс-аканский – 35, Чебдартагинский – 34, Тагушкенский – 34, Кокчетавский – 34, Каптаадырский – 33, Кучекинский – 34, Арганатинский – 32, Тамдинский – 34,

Улутавский – 31». Таким образом, Атбасарско-улутавская дорога имела 12 пикетов на протяжении 385 верст. Вся дорога шла по песчано-каменистой местности, в колодцах была солоноватая вода, пикеты сложены из камня и землебитного кирпича. На пикетах находились от 8 до 10 казаков. Улутаво-Атбасарский тракт был упразднен со снятием Улутавского военного поста приказом военного министра 28 ноября 1865 года ([Область сибирских киргизов, 1868: 235](#)).

Для обмена русских товаров на среднеазиатские рынки через область сибирских киргизов торговый путь из Петропавловска шел долиной Ишима к Джаркаин-агач, затем на улутавские горы к нижнему течению Сары-су и далее – к Ак-мечети в Бухару. Наряд пикетных казаков в конвой каждому проезжающему был отменен, исключая провоз казенных денег. Сопровождающие нужны были не для защиты, а для помощи в дороге, особенно в зимнее время. На пикетах находились до 10 казаков ([Область сибирских киргизов, 1868: 312](#)). От станции Улыгавской до Атбасара 373 версты. Станция существовала с 1848 до 1862 года. Все это свидетельствует о том, что маршрут по течению реки Терисаккан активно использовался как достаточно удобный караванный путь, обеспечивающий водой и подножным кормом.

5. Заключение

Данное исследование дало возможность собрать имеющиеся сведения о природно-географических особенностях долин рек, освоении территорий, почтовых трактах и караванных путях. Все это дает возможность говорить о том, что в разные периоды благоприятные условия приречных долин использовались в хозяйственном отношении, обеспечивали функционирование караванных путей. Долины рек были активно включены в сферу освоения в разные исторические периоды.

Анализ дореволюционных материалов показывает, что территория Терисаккан-Ишимского региона с проникновением торгового и промышленного влияния активно вовлекалась в сферу освоения новых среднеазиатских торговых путей, а также в сферу формирования земельного фонда и поиска залежей полезных ископаемых.

Еще предстоит изучить материалы, связанные с традиционным хозяйством казахов, а также расположение их зимовок и многочисленных зиратов (кладбищ) по течению реки Терисаккан.

Таким образом, картографические и письменные источники на основе междисциплинарных методов позволяют более углубленно рассмотреть исторические процессы, происходившие в рамках рассматриваемого региона как территории, расположенной на путях распространения торгового и имперского влияния в казахской степи.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта АР09261134 «Пространственная планировка и архитектура культовых мемориалов сакской знати Терисаккан-Есильского региона».

Литература

[Археологическая карта Казахстана, 1960](#) – Археологическая карта Казахстана. Реестр. Алма-Ата, 1960. 450 с.

[Балкашин, 1880](#) – Балкашин Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Средней Азией и китайскими владениями // *Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества*. Книжка III. Омск. Типогр. Окружн. Штаба. 1880. 263 с.

[Генеральная карта..., 1862](#) – Генеральная карта западной Сибири с Киргизской степью, составлена при штабе отдельного сибирского корпуса и гравирована в Военно-Топографическом Депо в 1848 году и дополнена в 1862. СПб. 1862.

[Геологическая карта..., 1898](#) – Геологическая карта части Киргизской степи (уезды Атбасарский, Акмолинский и Павлодарский // *Геологические исследования и развитие работ по линии Сибирской железной дороги*. Выпуск 15. Картографическое заведение А.А. Ильина. СПб. 1898.

[Дневные записки..., 1772](#) – Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи, 1771 году. СПб: Имп. Акад. Наук. 1772. 104 с.

[Дорожная карта..., 1809](#) – Дорожная карта Российской Империи со всеми почтовыми и проселочными проезжими дорогами, способными для кратчайшего проезда вообще всякому, а также нужными для провозу товаров, торгующего купечества и прочим промышленникам. СПб., 1809.

[Карта Азиатской России, 1895](#) – Карта Азиатской России. СПб.: издано в Картографическом заведении Военно-топографического отдела Главного Штаба. 1895.

[Карта губерний..., 1893](#) – Карта губерний и областей Российской империи, по которым пролегает намеченная Высшею волею Сибирская железная дорога. Составлена по распоряжению министра внутренних дел для состоящего под председательством его императорского высочества государя наследника Цесаревича Комитета Сибирской железной дороги Центральным статистическим комитетом М.В.Д. Ряд II. Лист 7. СПб.: Картографическое заведение А. Ильина, 1893.

[Катанаев, 1893](#) – Катанаев Г.Е. Киргизские степи, Средняя Азия и северный Китай в XVII и XVIII, по показаниям, разведкам дорожным записям, отчетам и исследованиям западно-сибирских

казаков и прочих служивых сибирских людей // *Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества*. Кн.14. Вып. 1. Омск, 1893. 72 с.

Конкашпаев, 1963 – *Конкашпаев Г.К.* Словарь казахских географических названий. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. 187 с.

Красовский, 1868 – *Красовский Н. И.* Область Сибирских киргизов // *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба*. В III частях. СПб., 1868. Ч. I. 451 с.

Левшин, 1832 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / соч. Алексея Левшина. Часть первая: Известия географические. СПб.: Тип. Карла Крайя. 1832. 264 с.

Маргулан, 2003 – *Маргулан А.Х.* Каменные изваяния Улытау / *Сочинения*: в 14 т. Т.4. Алматы: Дайк – Пресс. 2003. 50 с.

Маршрутная карта..., 1843 – Маршрутная карта Западной Сибири, гравированная при Военно-топографическом депо МДССС XLIII. СПб. 1843.

Материалы..., 1909 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Т. 3: Акмолинская область. Акмолинский уезд. СПб.: ГУЗ и З. Переселенческое управление. 1909. 153 с.

Область сибирских киргизов, 1868 – Область сибирских киргизов / *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба*. Часть 1. Т. 16. / сост. Ген. штаба подполковник Красовский. 1868. III, 428 с., 17 л. табл.

Описание Акмолинского... – Описание Акмолинского переселенческого района. Справочная книжка для ходоков и переселенцев. СПб.: Тип Сельского Вестника. Б/г. 46 с.

Отчет ИСАЭ, 2009 – Отчет Ишимской археологической экспедиции за 2009 год. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. 2009. 184 с.

Рычков, 1772 – *Рычков Н.П.* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 году. СПб. 1772. 104 с.

Севортян, 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Москва: Наука. 1974. 767 с.

Справочные сведения..., 1911 – Справочные сведения о переселенческих селениях и участках Акмолинского переселенческого района. Омск. 1911. 790 с.

Таиров, 1995 – *Таиров А.Д.* Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: изд-е ЧелГУ, 1995. 43 с.

Шангин, 1820 – *Шангин И.П.* Извлечение из описания экспедиции бывшей в Киргизскую степь в 1816 году // *Сибирский вестник*. 1820. Часть 9. СПб.: Морская типография, 1820. С. 1-150.

Шангин, 2006 – *Шангин И.П.* Дневные записки путешествия в степи киргиз-кайсаков Средней орды Кольвано-Воскресенских заводов берг-гешворена Ивана Шангина 1816 г. / Астана. История столицы и края XVII-XIX вв. Астана, 2006. С. 13-152.

Шмидт, 1894 – *Шмидт Ю.А.* Маршруты караванных путей в южной части Акмолинской области / *Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области*. Омск. Типогр. Окруж. Штаба. 1894. 196 с.

Koshman, Khabdulina, 2020 – *Koshman T.V., Khabdulina M.K.* Antiquities of the Kazakh Steppes in Travel Notes of the Russian Researcher I.P. Shangin // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3: 1101-1112.

References

Arkheologicheskaya karta Kazakhstana, 1960 – *Arkheologicheskaya karta Kazakhstana* [Archaeological map of Kazakhstan]. Reestr. Alma-Ata, 1960. 450 p. [in Russian]

Balkashin, 1880 – *Balkashin, N.* (1880). Torgovoe dvizhenie mezhdru Zapadnoi Sibir'yu, Srednei Aziei i kitaiskimi vladenyami [Trade movement between Western Siberia, Central Asia and Chinese possessions]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Knizhka III. Омск. Типогр. Окружн. Штаба. 263 p. [in Russian]

General'naya karta..., 1862 – General'naya karta zapadnoi Sibiri s Kirgizskoi step'yu, sostavlena pri shtabe otdel'nogo sibirskogo korpusa i gravirovana v Voенно-Topograficheskom Depo v 1848 godu i dopolnena v 1862 [A general map of western Siberia with the Kyrgyz steppe, compiled at the headquarters of a separate Siberian corps and engraved at the Military Topographical Depot in 1848 and supplemented in 1862]. SPb, 1862. [in Russian]

Geologicheskaya karta..., 1898 – Geologicheskaya karta chasti Kirgizskoi stepi (uezdy Atbasarskii, Akmolinskii i Pavlodarskii) [Geological map of part of the Kyrgyz steppe (Atbasar, Akmola and Pavlodar districts)]. *Geologicheskie issledovaniya i razvitie rabot po linii Sibirskoi zheleznoi dorogi*. 1898. Vyp. 15. Kartograficheskoe zavedenie A.A. Il'ina. SPb. [in Russian]

Dnevnye zapiski, 1772 – Dnevnye zapiski putesthestviya kapitana Nikolaya Rychkova v kirgiz-kaisatskoi stepi, 1771 godu [Day notes of captain Nikolai Rychkov's journey in the Kyrgyz-Kaisak steppe, 1771]. SPb: Imp. Akad. Nauk, 1772. 104 p. [in Russian]

Dorozhnaya karta..., 1809 – Dorozhnaya karta Rossiiskoi Imperii so vsemi pochtovymi i proselochnymi proezhimi dorogami, sposobnymi dlya kratchaishego proezda voobshche vsyakomu, a takzhe

nuzhnymi dlya provozu tovarov, torguyushchego kupechestva i prochim promyshlennikam [Road map of the Russian Empire with all postal and country roads suitable for the shortest passage for anyone, as well as necessary for the transportation of goods, merchants and other industrialists]. SPb, 1809. [in Russian]

Karta Aziatskoi Rossii, 1895 – Karta Aziatskoi Rossii [Map of Asian Russia]. SPb.: izdano v Kartograficheskom zavedenii Voenno-topograficheskogo otdela Glavnogo Shtaba, 1895. [in Russian]

Karta gubernii..., 1893 – Karta gubernii i oblastei Rossiiskoi imperii, po kotorym prolegaet namechennaya Vyssheyu voleyu Sibirskaya zheleznyaya doroga. Sostavlena po rasporyazheniyu ministra vnutrennikh del dlya sostoyashchego pod predsedatel'stvom ego imperatorskogo vysochestva gosudarya naslednika Tsesarevicha Komiteta Sibirskoi zheleznoi dorogi Tsentral'nym statisticheskim komitetom M.V.D. [Map of the provinces and regions of the Russian Empire along which the Siberian Railway planned by the Supreme Will runs. Compiled by order of the Minister of Internal Affairs for the Committee of the Siberian Railway, chaired by His Imperial Highness the Sovereign, the heir to the Tsarevich, by the Central Statistical Committee Ministry of the Interior]. Ryad II. List 7. SPb.: Kartograficheskoe zavedenie A.I'l'ina, 1893. [in Russian]

Katanaev, 1893 – *Katanaev, G.E.* (1893). Kirgizskie stepi, Srednyaya Aziya i severnyi Kitai v XVII i XVIII, po pokazaniyam, razvedkam dorozhnym zapisyam, otchetam i issledovaniyam zapadno-sibirskikh kazakov i prokikh sluzhilykh sibirskikh lyudei. [Kyrgyz steppes, Central Asia and northern China in the XVII-XIII, according to testimony, intelligence, road records, reports and studies of West Siberian Cossacks and other Siberian service people]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. Kn.14. Vyp. 1. Omsk, 72 p. [in Russian]

Konkashpaev, 1963 – *Konkashpaev, G.K.* (1963). Slovar' kazakhskikh geograficheskikh nazvanii [Dictionary of Kazakh geographical names]. Alma-Ata: AN KazSSR, 187 p. [in Russian]

Koshman, Khabdulina, 2020 – *Koshman, T.V., Khabdulina, M.K.* (2020). Antiquities of the Kazakh Steppes in Travel Notes of the Russian Researcher I.P. Shangin. *Bylye Gody*. 57(3): 1101-1112.

Krasovskii, 1868 – *Krasovskii, N.I.* (1868). Oblast' Sibirskikh kirgizov [Region of Siberian Kirghiz]. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami General'nogo shtaba. V III chastyakh. SPb., Ch. I. 451 p. [in Russian]

Levshin, 1832 – *Levshin, A.I.* (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisak hordes and steppes]. Soch. Alekseya Levshina. Chast' pervaya: Izvestiya geograficheskoe. SPb.: Tip. Karla Kraiya. 264 p. [in Russian]

Margulan, 2003 – *Margulan, A.Kh.* (2003). Kamennyye izvayaniya Ulytau [Stone sculptures of Ulytau]. Sochineniya: v 14 t. T.4. Almaty: Daik – Press. 50 p. [in Russian]

Marshrutnaya karta, 1843 – Marshrutnaya karta Zapadnoi Sibiri, gravirovannaya pri Voenno-topograficheskom depo MDCCC XLIII [Route map of Western Siberia, engraved at the Military Topographical Depot]. SPb, 1843. [in Russian]

Materialy..., 1909 – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu, sobrannyye i razrabotannyye ekspeditsiei po issledovaniyu stepnykh oblastei [Materials on Kyrgyz land use collected and developed by an expedition to study the steppe regions]. T. 3: Akmolinskaya oblast'. Akmolinskii uezd. SPb.: GUZ i Z. Pereselencheskoe upravlenie, 1909. 153 p. [in Russian]

Oblast' sibirskikh kirgizov, 1868 – Oblast' sibirskikh kirgizov [Region of Siberian Kirghiz]. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami General'nogo shtaba*. Chast' 1. T. 16. Sost. Gen. shtaba podpolkovnik Krasovskii. 1868, 428 p., 17 l. tabl. [in Russian]

Opisanie Akmolinskogo... – Opisanie Akmolinskogo pereselencheskogo raiona. Spravochnaya knizhka dlya khodokov i pereselentsev [Description of the Akmola resettlement region. Reference book for walkers and migrants]. SPb.: Tip Sel'skogo Vestnika. B/g. 46 p. [in Russian]

Otchet ISAE, 2009 – Otchet Ishimskoi arkhologicheskoi ekspeditsii za 2009 god [Report of the Ishim archaeological expedition for 2009]. Astana: ENU im. L.N. Gumileva, 2009. 184 p. [in Russian]

Rychkov, 1772 – *Rychkov, N.P.* (1772). Dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Nikolaya Rychkova v Kirgiz-Kaisatskuyu step' v 1771 godu [Day notes of captain Nikolai Rychkov's journey to the Kyrgyz-Kaisat steppe in 1771]. SPb. 104 p. [in Russian]

Sevortyan, 1974 – *Sevortyan, E.V.* (1974). Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov [Etymological Dictionary of Turkic Languages]. Moskva: Nauka, 767 p. [in Russian]

Spravochnyye svedeniya..., 1911 – Spravochnyye svedeniya o pereselencheskikh seleniyakh i uchastkakh Akmolinskogo pereselencheskogo raiona [Reference information about resettlement settlements and areas of the Akmola resettlement region]. Omsk, 1911. 790 p. [in Russian]

Tairov, 1995 – *Tairov, A.D.* (1995). Torgovye kommunikatsii v zapadnoi chasti Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya [Trade communications in the western part Ural-Irtysh interfluve]. Chelyabinsk: izd-e ChelGU, 43 p. [in Russian]

Shangin, 1820 – *Shangin, I.P.* (1820). Izvlechenie iz opisaniya ekspeditsii byvshei v Kirgizskuyu step' v 1816 godu [Extract from the description of the expedition to the Kyrgyz steppe in 1816]. *Sibirskii vestnik*. 1820. Chast' 9. SPb.: Morskaya tipografiya, Pp. 1-150. [in Russian]

Shangin, 2006 – *Shangin, I.P.* (2006). Dnevnye zapiski puteshestviya v stepi kirgiz-kaisakov Srednei ordy Kolyvano-Voskresenskikh zavodov berg-geshvorenena Ivana Shangina 1816 g. [Day notes of a trip to the

steppe of the Kyrgyz-Kaisaks of the Middle Horde of the Kolyvano-Voskresensky factories of Berg-Geshvoren Ivan Shangin 1816]. Astana. Istoriya stolitsy i kraya XVII-XIX vv. Astana. Pp. 13-152. [in Russian]

Shmidt, 1894 – *Shmidt, Yu.A.* (1894). *Marshruty karavannykh putei v yuzhnoi chasti Akmolinskoi oblasti* [Caravan routes in the southern part of Akmola region]. *Ocherk kirgizskoi stepi k yugu ot Aralotryshskogo vodorazdela v Akmolinskoi oblasti*. Omsk. Tipogr. Okruzh. Shtaba. 196 p. [in Russian]

Историко-культурный ландшафт Терисаккан-Ишимского региона

Марал Калымжановна Хабдулина ^{a, *}, Татьяна Васильевна Кошман ^a

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье представлен анализ историко-этнографических сведений о Терисаккан-Есильском регионе по материалам картографических и дореволюционных источников XIX – начала XX века. Данный регион находился в сфере интереса российских исследователей, картографов, чиновников как территория, представляющая экономический интерес для развития торговых путей и разработки новых месторождений полезных ископаемых. Терисаккан является единственным левым притоком реки Ишим на всем ее протяжении, и в разные исторические периоды шло активное освоение этой территории. Картографические материалы являются уникальным источником информации, позволяющим проследить вовлечение региона в политические и торгово-экономические связи. Карты дореволюционного периода – это уникальное средство передачи пространственной информации об освоении и заселении территории, о расположении торговых путей, казачьих форпостов и почтовых трактов. Подтверждение полученных предварительных сведений по освоению территории содержится в ряде опубликованных работ чиновников и исследователей края. Эти данные дополняют и уточняют вовлечение Терисаккан-Ишимского региона в сферу экономических интересов как имперской политики, так и интересов азиатских купеческих кругов. Путь из среднеазиатских владений на север проходил через данную территорию, о чем неоднократно упоминалось в работах путешественников и чиновников.

Ключевые слова: ландшафт, источники, река, приток, карты, почтовый тракт, купцы, торговля, экспедиция, форпост.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: mk_khabdulina@mail.ru (М.К. Хабдулина),
tatyanakoshman@mail.ru (Т.В. Кошман)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1809-1817
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1809

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Practices of Spiritual and Moral Asceticism in the Russian Province in the second half of the 19th – early 20th centuries: Using the Example of the Activities of M.M. Kiseleva

Natalia A. Koblova ^{a,*}, Olga V. Kolpakova ^a, Olga A. Sukhova ^a

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the phenomenon of spiritual and moral asceticism in the Russian province in the second half of the XIX – early XX centuries by the example of an outstanding Penza philanthropist, state councilor Maria Mikhailovna Kiseleva. The general structure of the patterns of Orthodox ministry and its reflection in the perception and practices of the behavior of contemporaries are considered.

The authors concluded that for the Penza community, Maria Mikhailovna Kiseleva's charitable work was a reference model that was ahead of its time and determined the general direction of the formation of new social standards. The purpose of such practices is interpreted broadly, covering the spheres of social assistance and partnership, as well as the formation of emotional culture and social responsibility, the general idea of spiritual and moral improvement, uniting the local, national and global levels of Orthodox identity. In the realities of the post-reform era, this manifested itself in the willingness to donate to the creation of social welfare institutions, educational organizations, temples and monasteries, to commemorate the dead and support the crippled soldiers, to preserve the historical memory and sacred design of Russian Palestine.

Keywords: spiritual and moral ministry practices, the second half of the XIX – early XX centuries, M.M. Kiseleva, support of Orthodoxy in the Holy Land, Russian Palestine, charity, social partnership and charity.

1. Введение

Актуальность проблемы утверждения идеи духовно-нравственного подвижничества в локальном и национальном самосознании обусловлена необходимостью символической консолидации общества в периоды проявления кризисных стимулов внешнего и внутреннего порядков, затрагивающих ценностные основы российской цивилизации. В этих условиях оборотной стороной пульсирующей ритмичности исторического бытия выступает воспроизводство культурного кода, перезапускающего движение жизненного цикла в нужном направлении, обеспечивающего цивилизационный прорыв. В основе сменяемости циклов «рождения», «расцвета», «упадка и перекодировки» культуры лежит познание и распространение технологий, определявших параметры эталонных паттернов социального регулирования.

Для каждого этапа «взросления» национальной идентичности и самосознания характерно свое депо соответствующих технологий эмоционального отклика. Так, в процессе принятия христианства по образцу Византийской империи, цивилизационного самоопределения и выбора «аскетической» философско-богословской традиции (Живов, 2002) нужные паттерны формируются посредством развития культуры книгописания (древнерусской книжности), а также пересказа и восприятия героического эпоса в устной форме. Описывая регуляторную функцию былинных нарративов, Е.В. Дутковский вводит трехчленную формулу становления и трансляции норм обычного права:

* Corresponding author

E-mail addresses: nata_koblova@mail.ru (N.A. Koblova), al.olga3443@yandex.ru (O.V. Kolpakova), savtemp@yandex.ru (O.A. Sukhova)

формирование эталона поведения, складывание обычая и закрепление его в норме права (Дутковский, 2017: 13-16).

Появление феномена религиозного ренессанса и масштабирование практик духовно-нравственного служения и благотворительности относится к периоду российской эмансипации. Это объясняет зарождение движения по обретению духовных истоков, строительство Русской Палестины (Кондаков, Федотьев, 2022; Житенев, 2021). Пореформенная эпоха хронологически отграничивает и период зарождения современной мемориальной культуры. Принято считать, что институциональное оформление системы социально-политического взаимодействия в этой сфере происходит не ранее последней четверти XX столетия (Красильникова, Вальдман, 2020: 49). Вместе с тем изучение поведенческих паттернов второй половины XIX века свидетельствует об институциональной зрелости российского общества как на столичном, так и на провинциальном уровнях. Это отчетливо проявилось в деятельности Марии Михайловны Киселевой, жизненный путь которой сформировал эталон, средоточие понимания духовности в провинциальном обществе.

2. Материалы и методы

Для изучения практик духовно-нравственного служения в российской истории привлечены материалы фондов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация): Собственной Е.И.В. Канцелярии по учреждениям Императрицы Марии Федоровны; Канцелярии Синода; Главного управления по делам местного хозяйства МВД; Хозяйственного департамента МВД (делопроизводственная переписка, нормативные документы, статистические данные), а также Государственного архива Пензенской области (Пенза, Российская Федерация): материалы Пензенской духовной консистории. Оценки современников раскрываются на примере уникального источника личного происхождения – дневника архимандрита Антонина (Капустина).

Решению исследовательских задач способствовало применение методологического инструментария новой культурной истории и истории повседневности, ориентирующих на изучение культурно-антропологических и социально-психологических аспектов, на «пристрастное» внимание к практикам поведения и мышления, к феномену духовно-нравственного подвижничества в российской истории. В числе инструментов для концептуализации исторического нарратива значатся «мемориальная культура» и ее компонент – культура коммеморации, составляющие предмет изучения для “memoir studies”, а также «эмоциональная культура» провинциального общества во второй половине XIX – начале XX вв. В центре внимания авторов – осознанный выбор пути духовно-нравственного служения известной пензенской благотворительницы М.М. Киселевой, что обусловило применение биографического метода исследования, связанного с описанием специфики персонального жизненного сценария, поведенческих стратегий и анализом символического интеракционизма.

3. Обсуждение

Начальный период изучения подвижнической деятельности на ниве православной благотворительности, храмостроительства, попечения о бедных Марии Михайловны Киселевой относится к рубежу XX – XXI вв. Имя статской советницы и пензенской помещицы, получившей прижизненное признание и благодарность современников далеко за пределами Российской империи, было введено в научный оборот пензенской исследовательницей и музейным работником Анной Федоровной Головиной. В 2003 г. ее усилия по выявлению и обобщению разрозненных источников, раскрывающих отдельные этапы жизненного пути М.М. Киселевой, обрели формат монографии (Головина, 2003). В 2014 г. вышло из печати второе издание, дополненное последними авторскими находками (Головина, 2014). Высокий уровень религиозности, сострадание к больным и обездоленным, желание вспомоществования нуждающимся раскрываются в качестве определяющих характеристик личностного выбора и поведенческих стратегий. Главным делом жизни М.М. Киселевой автор называет строительство храмов в Пензе и на Святой Земле (Головина, 2003: 62). В числе прочих заслуг подвижницы встречаем: пожертвования, сделанные в период Сербско-турецкой войны, попечение о раненых и больных воинах во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., отмеченные международными наградами, попечение о духовном образовании (Головина, 2003: 50–52, 55–56).

В ходе исторической реконструкции сакрального пространства Русской Палестины (особой реальности, способом вхождения в которую выступают паломничество и поклонение), отраженного в дневниковых записях архимандрита Антонина, Р.Б. Бутова и Н.Н. Лисовой обращаются в том числе и к описанию взаимодействия с широким кругом единомышленников, к масштабированию практик служения для православных всего мира: «У православных *нет там ни церкви* [курсив авторов], ни дома, ни клочка земли» (Бутова, Лисовой, 2022: 524, 527). В частности, упоминается об освещении в 1886 г. греческой иерихонской церкви во имя пророка Елисея, построенной на средства русских благотворительниц А.Д. Богдановой и М.М. Киселевой, как о результате укоренения Русской миссии в Иерихоне и проявлении потребности в сакральной реконструкции (Бутова, Лисовой, 2012: 538). Сама благотворительница никогда не посещала Святой Земли, но имя ее было известно всем паломникам и поклонникам православных святынь, и не только в Иерусалиме и Палестине (Бутова, 2018: 169).

В справочных изданиях современной эпохи М.М. Киселева (09.06.1798–06.12.1887) характеризуется, прежде всего, как действительный пожизненный член Императорского Православного Палестинского Общества (с 18 октября 1884 г.), выдающаяся общественная деятельница и благотворительница (Лисовой, Бутова, 2022: 367). Мария Михайловна родилась в Самаре, в семье премьер-майора, саратовского губернского предводителя дворянства (1815–1821) князя Михаила Никитича Чегодаева и княгини Татьяны Никифоровны. Следует отметить, что она с детства воспитывалась в традициях благочестия, понимаемого широко, в рамках сопричастности к великой исторической миссии сохранения памяти о православных святынях. Так, ее тетка по отцу, м. Дисофея, была рясофорной монахиней Симбирского Спасского женского монастыря и состояла в переписке с известным афонским духовным писателем, иеромонахом Арсением (Мининым) (Лисовой, Бутова, 2022: 367).

Значение М.М. Киселевой как эталонного образца духовного служения в регионе, проводника, объединявшего своим личным участием локальный и глобальный миры Православной цивилизации, позволило А.В. Горайко на ее примере рассмотреть историю Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского общества. Автор датирует его возникновение моментом вступления в ИППО М.М. Киселевой, что произошло за 12 лет до официального открытия отделения (Горайко, 2022: 57). Мария Михайловна принимала самое деятельное участие в процессе становления ИППО с 1882 г. и до своей смерти в декабре 1887 г. Получив высокий статус действительного пожизненного члена, она полностью посвятила себя делу сохранения православных святынь. Как отмечает А.В. Горайко, за этот период пензенская благотворительница передала обществу свыше 56 тыс. руб. в форме разовых выплат, не считая дополнительных взносов на регулярной основе. Крупные пожертвования были сделаны русскому Андреевскому монастырю, построено два храма в Палестине (Горайко, 2022: 56).

Вопросы мотивации служения, описания основных направлений деятельности Киселевой, а также коммеморации ее жизненного подвига нашли отражение в статье Т.Г. Дорофеевой (Дорофеева, 2022). Как отмечает автор, первая попытка увековечить память о попечительнице Святой Земли, посветившей всю свою сознательную жизнь православному служению и заботе о ближних, относится к 1917 г., когда поместный собор подготовил материалы о прославлении Марии Киселевой. Спустя годы забвения историческая преемственность была восстановлена, и сегодня вновь готовятся материалы по канонизации Марии Киселевой (Дорофеева, 2022: 92).

4. Результаты

Личная утрата, кончина ее мужа, А.Г. Киселева в 1847 г., укрепили в сознании Марии Михайловны идею подвижнического служения делам милосердия. Выполняя волю супруга, вдова выкупает его имения, расположенные в губерниях с 1308 ревизскими душами: Московской – Подольского уезда, села Матвеевского и деревни Столбищева; Владимирской – Судогодского уезда, села Иванова; Нижегородской – Арзамасского уезда деревень Новоселки и Болговки; Пензенской – Инсарского уезда села Бестужева и Саратовской – деревни Хованщины из залога Московского опекунского совета с тем, чтобы доходы от недвижимости в виде процентов с капитала в 78 тыс. рублей серебром направить на устройство в г. Пензе «богадельни для людей всякого звания, но преимущественно воинских чинов». Ходатайство Киселевой о дозволении открытия благотворительного учреждения датируется 26 апреля 1856 г. (РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 3-4, 8об.-9). Попечительницей и начальницей Пензенской богадельни становится сама Мария Михайловна, а после ее смерти права и обязанности согласно принятому положению должны были перейти к Пензенскому губернскому предводителю дворянства (РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 110б.).

Богадельня расположилась на Верхне-Пешей улице в каменном трехэтажном доме с флигелями и службами, пожертвованном на эти цели М.М. Киселевой (РГИА. Ф. 759. Оп. 35. Д. 42. Л. 1-10б.). Таким образом, в губернском центре появилось постоянно действующее всесословное учреждение социального призрения, целый комплекс функционально связанных служб: для помещения призреваемых и церкви – каменный трехэтажный дом с подвалом и отдельным при нем каменным одноэтажным флигелем для кухни; для помещения причта церковью богадельни – двухэтажный флигель и для смотрителя – каменный одноэтажный. Еще один двухэтажный флигель, расположенный в этой же усадьбе, отдавался в наем за плату 312 р. в год (РГИА. Ф. 759. Оп. 35. Д. 42. Л. 1-10б.).

Торжественное открытие богадельни состоялось 13 сентября 1859 г. в присутствии Варлаама, епископа Пензенского и Саранского (РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 65). В числе 33-х призреваемых, принятых в сентябре 1859 г., 11 человек или 33 % составляли мещанки, 3 или 9 % – представительницы дворянского сословия и столько же – дочери или жены священнослужителей, 6 или 18 % – солдаты, 10 человек или 31 % были выходцами из крестьян. Возраст нуждавшихся в опеке колебался от 20 до 115 лет (РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. ЛЛ. 73–74об.). Отметим, что на момент учреждения богадельни в структуре дохода, помимо процентов на билеты Московского опекунского совета и Пензенского приказа общественного призрения, значились ежегодные сборы с каждой ревизской души, принадлежавшей Киселевым, в размере 3 рублей, а всего 3 924 руб. Для поддержки

платежеспособности и помощи крестьянам в несчастных случаях Киселева составила отдельный капитал в 26 руб. серебром (РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 3-4, 26). При этом крестьяне, делившие с Киселевой бремя содержания богадельни, также могли рассчитывать на социальную поддержку. Так, в 1859 г. в богадельню были приняты: Авдотья Селиверстова, «вдова-крестьянка г. Киселевой» и Акулина Фролова, «девка г. Киселевой, убогая» (РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 73об.).

Благотворительный проект М.М. Киселевой был весьма успешным и социально востребованным начинанием. 15 октября 1881 г. открывается второе отделение богадельни на смежной усадьбе по Дворянской улице. В целях укрепления материального обеспечения первого отделения в июне 1896 г. попечительница богадельни А.С. Радищева дополнительно приобретает смежную усадьбу на Верхней Пешей улице (РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 11).

С отменой крепостного состояния изменилась структура доходов путем приобретения процентных билетов и дополнительных пожертвований попечительницы. Общий годовой расход на содержание богадельни в 1896 г. при наличии 160 человек на постоянном призрении достиг суммы – 20 512 руб. 4 коп. На каждого из призреваемых таким образом приходилось 121 р. 98 коп. (РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 23об.).

В прошении на имя Марии Федоровны, Августейшей покровительницы всех благотворительных заведений империи, о предстоящей передаче звания и прав попечительницы и начальницы богадельни своей племяннице А.С. Радищевой Мария Михайловна раскрывает свое видение паттернов духовно-нравственного служения, обращая внимание на необходимость воспроизводства и сохранения ценностей православного мировосприятия как основы идентичности и развития самосознания. «Не имея детей и отказавшись от света, – пишет основательница богадельни в г. Пензе, – я посвятила этому благотворительному учреждению все свои силы, я предалась ему душою, полюбила его и с Божией помощью не только сохранила на пользу страждущего человечества капитал, завещанный моим мужем, но и значительно приумножила его» (Головина, 2003: 58).

Для содействия попечительнице и под ее председательством при богадельне был учрежден совет «из 4 лиц по ее выбору. В том числе двух дворянского и двух купеческого сословия» (РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 12). Вопросы, обсуждавшиеся на заседаниях совета, выступают косвенным отражением устоявшихся практик духовно-нравственного служения. Так, в 1896 г. состоялось 14 заседаний совета, посвященных освидетельствованию и распределению дохода богадельни, разработке и выполнению проектов по ремонту зданий, заготовке продуктов, вещей и предметов, необходимых для деятельности богадельни, распоряжениям относительно приема на призрение и т.д. (РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 18).

Поддержка благотворительной деятельности традиционно находилась в сфере приоритетов местной администрации. Так, 14 апреля 1896 г. в богадельню с визитом прибыл пензенский губернатор, оставивший запись в книге отзывов гостей: «14-го апреля 1896 года посетил и осмотрел с большим удовольствием Пензенскую Киселевскую богадельню. Губернатор Князь Святополк-Мирский». 18 сентября того же года в богадельне побывал барон О. Буксгевден в сопровождении господина Пензенского вице-губернатора, высоко оценивший действия «благотворения памяти покойных учредителя и основательницы Киселевской богадельни»: «Такой образцовой богадельни не приходилось видеть в числе сотни, посещенных мной в городах России. Барон Буксгевден. Вице-губернатор Перцов. 18-го сентября 1896 года» (РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 18об.).

В 1897 г. на призрении в богадельне состояло 48 мужчин и 112 женщин. Сверх того, по стипендии имени умершего Принца Петра Георгиевича Ольденбургского с 1889 г. обеспечивалось содержание одной женщины из бывших дворовых людей умершей госпожи Киселевой, а с 1891 г. – четырех лиц из бедных и не имевших крова дворянок. На призрении вне богадельни находилось: «получавших месячину деньгами мужчин 2 и женщин 11 и получавших продуктами пищевого довольствия 9 семей, состоявших из 3 мужчин и 16 женщин». Кроме того, за лиц, получавших месячину в продуктах и вместе с тем не имевших своего крова, производилась уплата денег за квартиры» (РГИА. Ф. 759. Оп. 35. Д. 42. Л. 3-3об.). По сословной структуре в числе призреваемых встречаем 4 дворян или 2,5 %, гражданского звания – 13 человек или 8 %, духовного – 5 человек или 3 %, воинских – 31 человек или 19 %, мещан – 33 человека или 20 %, крестьян – 73 человека или 47,5 % (РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 27).

Еще одним направлением социального служения М.М. Киселевой становится попечение о развитии образования. В начале 1860-х гг. она пожертвовала свой каменный дом с усадьбой и садом, расположенный на Лекарской ул. г. Пензы, для размещения в нем училища для девиц духовного звания. Это начинание встретило горячее одобрение на имперском уровне: в сентябре 1863 г. училище посетил обер-прокурор Святейшего Синода А.П. Ахматов (Дворжанский, 1999: 115). В 1867 г. в училище воспитывались 54 девочки, общая сумма поступивших пожертвований в пользу Пензенского училища девиц духовного звания за вторую половину года составила 2 220 руб. 19 коп. (Пензенские епархиальные ведомости. Пенза, 1868. № 4. Ч.Н. С. 65).

В 1889 г. душеприказчица М.М. Киселевой, А.С. Радищева, выполняя волю умершей, продает большую усадьбу в центре города Пензенской епархии для постройки здесь нового здания Духовной семинарии (Головина, 2003: 55).

Религиозная благотворительность и дела милосердия становятся жизненным кредо Киселевой и закрепляются в сознании провинциального общества в качестве эталонного образца богоугодных поведенческих стратегий. Это отчетливо проявилось в ходе создания Параскево-Вознесенской женской общины, когда инициатива Киселевой была поддержана местными жителями. 16 сентября 1864 г. на имя Антония, епископа Пензенского и Саранского поступил прошение от круга благотворителей: статской советницы Марии Михайловны Киселевой и государственных крестьян сел Болдова и Мордовской Пишли Инсарского уезда: В.И. Губкова, П. и Д. Костиных, Н.М. Росланкина, а также отставного унтер-офицера С.А. Захарова о получении разрешения на открытие женской общины на отмежеванной лесной даче с ярмарочным на ней местом, состоящей Инсарского уезда, при деревне Пайгарме, где издавна была устроена часовня с иконой Святые мученицы Параскевы, что «с особенным благоговением» почитается всеми православными, и «куда является очень много богомольцев из разных мест» (ныне – с. Пайгарма Рузаевский район Республики Мордовия). В итоге Киселева приобрела 20 десятин, Губков – 16 десятин, а в общей сложности пожертвования составили 46 десятин земли. Перспективы развития общины жители жертвователи связывали с получением дохода от организации ярмарки в месте обустройства общины «в девяную пятницу по Пятидесятнице», а также с возведением на реке Пайгарме мукомольной мельницы (РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 1062. Л. 1-20б.).

Высочайшее соизволение об учреждении Параскево-Вознесенской женской общины под ведением духовного начальства последовало 19 июня 1866 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 146. Д. 1062. Л. 15). Статус общежительного женского монастыря община получила в 1884 г. (Попов, 1896: 254).

В истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме участие М.М. Киселевой прослеживается еще с 1850-х гг. (Лисовой, Бутова, 2022: 367), но наиболее ярко ее мемориальное присутствие и потенциал подвижничества раскрываются в конце 1870-х – 1880-е гг. В это время интересы России и Русской Православной Церкви на Ближнем Востоке представлял выдающийся общественный и религиозный деятель – архимандрит Антонин (Капустин). Его творение, уникальный «памятник русской духовной автобиографической литературы» – дневник начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (Архимандрит Антонин (Капустин), 2011: 12) – вмещает в себя поденную фиксацию повседневных практик служения, обыденного нарратива, обнажающего суть вещей своей простотой, и в то же время великого по своему значению и отражению в мемориальной и эмоциональной культуре российского общества. На страницах дневника, включающего записи с 1832 до 1894 гг., запечатлена неутомимая деятельность Антонина не только во благо строительства Русской Палестины, но и по изучению, воссозданию исторической памяти, объединению православных на основе служения общему наследию. Рубежами сакрального проектирования Антонина становятся Порог Судных Врат на Крестном пути, Русская Свеча на Елеоне, дуб Мамврийский в Хевроне, «приют Закхей» в Иерихоне, дом праведной Тавифы в Яффе, православный «Горний Град Иудов» в Айн-Кареме (Бутова, Лисовой, 2012: 525).

Дневник Антонина воспроизводит и механизмы встраивания в общее мемориальное пространство российской провинции как равного участника и инициатора новых практик православного служения. Присутствие Марии Михайловны, облаченное в емкую и краткую, чуть ироничную формулу, лишенную эпитетов, лаконичную до максимума, звучит на страницах дневника рефреном. Так, за 1881 г. Антонин запишет: «Отношение в консульство о киселевских деньгах» (13 января); «Г-жа Богданова с 100 р. от М.М. Киселевой» (7 июня); «Уж не написать ли М.М. Киселевой, чтобы церковь-то строила на нашем русском месте?... Недолго думая, присел к столу и стал строчить ябеду в Пензу, что продолжалось до самого обеда» (23 июня); «встретил Ханна-Хури с киселевским золотом» (30 октября) (Архимандрит Антонин (Капустин), 2011: 25, 110, 117, 184).

Как отмечают Н.Н. Лисовой и Р.Б. Бутова, подготовившие издание дневника, речь здесь идет о капитале, пожертвованном М.М. Киселевой на нужды бедных Иерусалимского Патриархата, проценты с которого ежегодно поступали в миссию. Известно также, что Киселева завещала 50 тыс. рублей Православному Палестинскому Обществу и капитал в 100 тыс. рублей для оказания помощи православным бедным в Болгарии, Греции, Палестине. На Святой Земле на средства М.М. Киселевой возводится «храм Спасителя на горе Сверхения в Назарете (освящен митрополитом Назаретским Нифонтом 15 мая 1880 г.)». Позднее, в 1884–1885 гг., при посредничестве А.Д. Богдановой, паломницы и благотворительницы, проживавшей в Иерусалиме, Мария Михайловна принимает деятельное участие в строительстве нового греческого храма во имя пророка Елисея (освящен Патриархом Иерусалимским Никодимом 5 марта 1886 г.) (Архимандрит Антонин (Капустин), 2011: 225, 228). Упоминает Антонин и пензенских поклонников, совершавших паломничества на Святую Землю: «Пензенский купец-поклонник, знающий словцо элемент, и, видимо, из путных людей, не в роде упомянутого москвича Наумова» (Архимандрит Антонин (Капустин), 2011: 196). Очевидно, что приведенная реплика содержит уже привычную для дневника отсылку к «пензенскому» опыту православной благотворительности. Эта реплика стала своего рода речевым оборотом, что подчеркивает эталонное значение подобных практик.

На настоящий момент известно лишь одно описание пребывания пензяков на Святой Земле. Определенная традиция популяризации свидетельств и практик пребывания в местах нахождения христианских святынь формируется с момента зарождения епархиальной периодики, в которой

существовали даже специальные паломнические отделы. В Пензенских епархиальных ведомостях ментальный отклик российской провинции на проблему сохранения духовного родства с истоками христианского мира в авторстве Петра Архангельского свет увидел в 1898 г. Здесь представлен личный опыт паломнической поездки к Святым местам Востока в 1895 г., оформленный в виде проповеди-обращения к местному духовенству ([Архангельский, 1898](#)).

Значение пожертвований М.М. Киселевой подчеркнуто в корреспонденции архимандрита Антонина «Из Иерусалима. От Иерусалимской Духовной миссии» (1875). Отмечая завещанные во «благо Святой Земли» «боголюбивыми душами» процентные капиталы, он, в первую очередь, упоминает о самых масштабных вложениях – в 25 тыс. рублей – статской советницы Марии Михайловны Киселевой, «возымевших начало» в десятилетие его руководства миссией, в 1865–1875 гг. ([Антонин, 2010: 211](#)). Часть средств, поступивших от Киселевой, предназначалась для раздачи милостыни от имени Русской Духовной Миссии. Первоначально «милостынные выдачи» в виде одного-полтора пиастров раздавались страждущим еженедельно по воскресеньям. Антонин сетует, что в 1880 г. из-за обесценивания медных денег регулярность раздач пришлось сократить до 1 раза в три недели, чтобы собрать нужное количество разменной монеты ([Антонин, 2010: 327, 608](#)).

В 1870–1880-е гг. социальное подвижничество М.М. Киселевой было отмечено знаком Красного Креста за жертвования Обществу попечения о раненых и больных воинах в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., сербским орденом Такова 3 степени, высочайшим рескриптом от имени императрицы Марии Александровны 14 апреля 1876 г. и др. наградами ([РГИА. Ф. 759. Оп. 23. Д. 37. Л. 5](#)).

5. Заключение

Многогранная благотворительная деятельность Марии Михайловны Киселевой выступала средоточием эталонных по своей сути характеристик, опережавших существовавшие нормы и стимулировавших масштабирование социально востребованных практик в пензенском сообществе. Помимо решения весьма прагматичной задачи – компенсации недостатка ресурсов государственной системы социального обеспечения, подвижничество пензенской благотворительницы обеспечивало укрепление православной идентичности, не замыкавшейся в локальных пределах, но объединявшей и национальный, и глобальный уровни восприятия мира.

Некоторое представление о воспроизводстве общей структуры паттернов служения позволяет получить обращение к документам Пензенской духовной консистории. Так, в 1885 г. прихожане и священнослужители Пензенской епархии «предоставляли» пожертвования на: «сооружение храма в Иерусалиме близ Храма Спасителя Вознесения Господня», «построение храма у подножия Балкан для вечного поминовения воинов, павших в 1877–78-х гг.», «Православных поклонников в Палестине», «церкви и школы в Западном крае», «на распространение православия между язычниками в Империи», «на Японскую миссию», отсылку «в Российское общество Красного Креста денег, ... собранных по церквям Пензенской епархии на раненых и больных воинов», содержание храмов и монастырей и пр. ([ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2345. Л. 289-936](#)).

Традиции церковно-приходских попечительств о нуждающихся благодаря примеру М.М. Киселевой были продолжены в деятельности земских учреждений и частных лиц. Так, датой зарождения института социального призрения в Пензе считается 1826 г., – время учреждения богадельни церковно-приходского попечительства при Казанской церкви. Появление гражданской инициативы связано с именем Александра и Марии Киселевых (1856 г.). А затем в губернском центре были учреждены: богадельня губернского земства – в 1865 г., Александровская богадельня – в 1869 г., городской приют для неимущих – в 1891 г., богадельня Карповых – в 1892 г. и т.д. ([Благотворительные учреждения, 1900: 497–500, 500–501](#)).

Сохранение и развитие традиций духовно-нравственного служения обеспечило незамедлительную и безоговорочную поддержку дел милосердия в условиях Первой мировой войны. Так, уже 17 сентября 1914 г. при Киселевской богадельне был открыт лазарет для раненых и больных воинов с размещением на 10 человек. Лазарет № 7 находился в ведении Всероссийского земского союза и содержался на средства богадельни. Хозяйственной частью лазарета по поручению попечительницы богадельни А. Радищевой заведовал смотритель богадельни А.Ф. Грязнов, а медицинскую помощь больным и раненым оказывали врач Н.А. Щепетильников и фельдшер Н.А. Орлов ([РГИА. Ф. 759. Оп. 90. Д. 23. Л. 48](#)).

Ныне в здании Киселевской богадельни размещается Пензенский областной клинический центр специализированных видов медицинской помощи. Таким образом, деяния М.М. Киселевой продолжают формировать мемориальное пространство локального сообщества, обеспечивая преемственность в развитии его эмоциональной культуры, эмпатии и социальной ответственности.

6. Благодарности

Исследование выполнено в соответствии с госзаданием ФГБОУ ВО ПГУ: «Практики духовно-нравственного служения в российской истории второй половины XIX – начала XXI вв.: на примере деятельности М.М. Киселевой и Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества» в рамках Программы фундаментальных научных исследований по

направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.».

Литература

- Архангельский, 1898** – Архангельский П. О паломничестве духовенства к св. местам Востока // *Пензенские епархиальные ведомости*. 1898. №17. С. 621-634.
- Архимандрит Антонин (Капустин), 2010** – Архимандрит Антонин (Капустин). Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции 1866–1891. М.: «Индрик», 2010. 512 с. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonin_Kapustin/iz-ierusalima-stati-ocherki-korrespondentsii-1866-1891/
- Архимандрит Антонин (Капустин), 2011** – Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Год 1881. М.: «Индрик», 2011. 384 с.
- Благотворительные учреждения..., 1900** – Благотворительные учреждения Российской Империи. Составлено по высочайшему повелению Собственною Его Императорского Величества Канцелярию по учреждениям императрицы Марии. Том II. СПб.: Типография СПб. акц. общ. печ. дела в России Е. Евдокимов, 1900. 986 с.
- Бутова, 2018** – Бутова Р.Б. Храмостроительница и благотворительница. К 220-летию со дня рождения Марии Михайловны Киселевой // *Православный Палестинский сборник*. 2018. №115. С. 159-172.
- Бутова, Лисовой, 2012** – Бутова Р.Б., Лисовой Н.Н. Формирование сакрального пространства Русской Палестины (по материалам дневника Архимандрита Антонина Капустина) // *Религии мира. История и современность*. 2012. Т. 2010. С. 518-550.
- ГАПО** – Государственный архив Пензенской области.
- Головина, 2003** – Головина А.Ф. Великая благотворительница. Пенза: б. и., 2003. 120 с.
- Головина, 2014** – Головина А.Ф. Великая благотворительница. Изд. 2-е, доп. М.: Пенаты, 2014. 253 с.
- Горайко, 2022** – Горайко А.В. История Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского общества через призму деятельности М. М. Киселевой (по материалам историографии) // *Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии*. 2022. №4 (26). С. 45-61.
- Дворжанский, 1999** – Дворжанский А.И. История Пензенской епархии: Исторический очерк. Кн. 1. Пенза: б. и., 1999. 509 с.
- Дорофеева, 2022** – Дорофеева Т.Г. Мария Михайловна Киселева. Подвиг беззаветного служения // *Annali d'Italia*. №31. 2022. С. 90-92.
- Дутковский, 2017** – Дутковский Е.В. Паттерны социального поведения, отраженные в древнерусских былинах, и регулятивный потенциал древнерусского эпоса // *Вестник Российской правовой академии*. 2017. №1. С. 13-17.
- Живов, 2002** – Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // *Разыскания в области истории и предыстории русской культуры*. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73-115.
- Житенев, 2021** – Житенев С.Ю. Русское православное паломничество в Святую Землю и деятельность ИППО // *Христианство на Ближнем Востоке*. 2021. Т. 5. №2. С. 5-21.
- Красильникова, Вальдман, 2020** – Красильникова Е.И., Вальдман И.А. Политика памяти: исторические символы и коммеморативные практики в системе социально-политической саморегуляции Сибирского региона в XX – начале XXI вв. // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2020. Т. 26. №1. С. 47-54.
- Лисовой, Бутова, 2022** – Лисовой Н.Н., Бутова Р.Б. Киселева Мария Михайловна / *Энциклопедия ИППО*. 1882–2022. М.: «Индрик», 2022. С. 366-367.
- Попов, 1896** – Попов А.Е. Церкви, причты и приходы Пензенской епархии. Пенза: Типография Пензенского губернского правления, 1896. 272 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Kondakov, Fedotev, 2022** – Kondakov Yu.E., Fedotev D.S. B.P. Mansurov's Second Report and the Beginning of the Construction of Russian Palestine // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 237-247. DOI: 10.13187/bg.2022.1.237

References

- Arkhangel'skii, 1898** – Arkhangel'skii, P. (1898). O palomnichestve dukhovenstva k sv. mestam Vostoka [On the pilgrimage of the clergy to the holy places of the East]. *Penzenskie eparkhial'nye ведомosti*. 17: 621-634. [in Russian]
- Arkhimandrit Antonin (Kapustin), 2010** – Arkhimandrit Antonin (Kapustin) (2010). Iz Ierusalima. Stat'i, ocherki, korrespondentsii 1866–1891 [From Jerusalem. Articles, essays, correspondence 1866–1891] M.: «Indrik», 512 p. [Electronic resource]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonin_Kapustin/iz-ierusalima-stati-ocherki-korrespondentsii-1866-1891/ [in Russian]

- Arkhimandrit Antonin (Kapustin), 2011 – *Arkhimandrit Antonin (Kapustin)* (2011). Dnevnik. God 1881 [Diary. Year 1881]. M.: «Indrik», 384 p. [in Russian]
- Blagotvoritel'nye uchrezhdeniya..., 1900 – Blagotvoritel'nye uchrezhdeniya Rossiiskoi Imperii. Sostavleno po vysochaisheму poveleniyu Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyariyeу po uchrezhdeniyam imperatritsy Marii [Charitable institutions of the Russian Empire. Compiled by the supreme command of His Imperial Majesty's Own Office for the Institutions of Empress Maria]. Tom II. SPb.: Tipografiya SPb. akts. obshch. pech. dela v Rossii E. Evdokimov, 1900. 986 p. [in Russian]
- Butova, 2018 – *Butova, R.B.* (2018). Khramostroitel'nitsa i blagotvoritel'nitsa. K 220-letiyu so dnya rozhdeniya Marii Mikhailovny Kiselevoi [A church builder and philanthropist. To the 220th anniversary of the birth of Maria Mikhailovna Kiseleva]. *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik*. 115: 159-172. [in Russian]
- Butova, Lisovoi, 2012 – *Butova, R.B., Lisovoi, N.N.* (2010). Formirovanie sakral'nogo prostranstva Russkoi Palestiny (po materialam dnevnika Arkhimandrita Antonina Kapustina) [Formation of the sacred space of Russian Palestine (based on the materials of the diary of Archimandrite Antonin Kapustin)]. *Religii mira. Istoriya i sovremennost'*. 2010: 518-550. [in Russian]
- Dorofeeva, 2022 – *Dorofeeva, T.G.* (2022). Mariya Mikhailovna Kiseleva. Podvig bezzavetnogo sluzheniya [Maria Mikhailovna Kiseleva. The feat of selfless service]. *Annali d'Italia*. 31: 90-92. [in Russian]
- Dutkovskii, 2017 – *Dutkovskii, E.V.* (2017). Patterny sotsial'nogo povedeniya, otrazhennye v drevnerusskikh bylinakh, i regulativnyi potentsial drevnerusskogo eposa [Patterns of social behavior reflected in Old Russian epics and the regulatory potential of the Old Russian epic]. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii*. 1: 13-17. [in Russian]
- Dvorzhanskii, 1999 – *Dvorzhanskii, A.I.* (1999). Istoriya Penzenskoi eparkhii: Istoricheskii ocherk [The history of the Penza Diocese: A historical sketch]. Kn. 1. Penza: b. i., 509 p. [in Russian]
- GAPO – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [The State Archive of the Penza region]
- Golovina, 2003 – *Golovina, A.F.* (2003). Velikaya blagotvoritel'nitsa [The great philanthropist]. Penza: b. i., 120 p. [in Russian]
- Golovina, 2014 – *Golovina, A.F.* (2014). Velikaya blagotvoritel'nitsa [The great philanthropist]. Izd. 2-e, dop. M.: Penaty, 253 p. [in Russian]
- Goraiko, 2022 – *Goraiko, A.V.* (2022). Istoriya Penzenskogo otdeleniya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva cherez prizmu deyatelnosti M. M. Kiselevoi (po materialam istoriografii) [The history of the Penza Branch of the Imperial Orthodox Palestinian Society through the prism of the activities of M. M. Kiseleva (based on the materials of historiography)]. *Niva Gospodnya. Vestnik Penzenskoi Dukhovnoi Seminarii*. 4(26): 45-61. [in Russian]
- Kondakov, Fedotev, 2022 – *Kondakov, Yu.E., Fedotev, D.S.* B.P. Mansurov's Second Report and the Beginning of the Construction of Russian Palestine. *Bylye Gody*. 17(1): 237-247. DOI: 10.13187/bg.2022.1.237
- Krasil'nikova, Val'dman, 2020 – *Krasil'nikova, E.I., Val'dman, I.A.* (2020). Politika pamyati: istoricheskie simvoly i kommеморативnye praktiki v sisteme sotsial'no-politicheskoi samoregulyatsii Sibirskogo regiona v XX – nachale XXI vv. [The Politics of Memory: Historical symbols and commemorative practices in the system of socio-political self-regulation of the Siberian region in the XX – early XXI centuries]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. 26(1): 47-54. [in Russian]
- Lisovoi, Butova, 2022 – *Lisovoi, N.N., Butova, R.B.* (2022). Kiseleva Mariya Mikhailovna [Kiseleva Maria Mikhailovna]. Entsiklopediya IPPO. 1882–2022. M.: «Indrik», pp. 366-367. [in Russian]
- Popov, 1896 – *Popov, A.E.* (1896). Tserkvi, prichty i prikhody Penzenskoi eparkhii [Churches, clergies of parishes and parishes of the Penza diocese]. Penza: Tipografiya Penzenskogo gubernskogo pravleniya, 272 p. [in Russian]
- RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Zhitenev, 2021 – *Zhitenev, S.Yu.* (2021). Russkoe pravoslavnoe palomnichestvo v Svyatuyu Zemlyu i deyatelnost' IPPO [Russian Orthodox Pilgrimage to the Holy Land and the activities of the IPPO]. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke*. 5(2): 5-21. [in Russian]
- Zhivov, 2002 – *Zhivov, V.M.* (2002). Osobennosti retseptsii vizantiiskoi kul'tury v Drevnei Rusi [Features of the reception of Byzantine culture in Ancient Rus']. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 73-115. [in Russian]

Практики духовно-нравственного служения в российской истории второй половины XIX – начала XX вв.: на примере деятельности М.М. Киселевой

Наталья Андреевна Коблова ^{a,*}, Ольга Васильевна Колпакова ^a, Ольга Александровна Сухова ^a

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nata_koblova@mail.ru (Н.А. Коблова),
al.olga3443@yandex.ru (О.В. Колпакова), savtemp@yandex.ru (О.А. Сухова)

^a Пензенский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. На примере выдающейся пензенской благотворительницы, статской советницы Марии Михайловны Киселевой, в статье анализируется феномен духовно-нравственного подвижничества в российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. Рассмотрена общая структура паттернов православного служения и ее отражение в восприятии и практиках поведения современников.

Авторы пришли к выводу, что для пензенского сообщества благотворительная деятельность Марии Михайловны Киселевой выступала эталонным образцом, опережавшим свое время и определявшим общее направление формирования новых социальных стандартов. Предназначение подобных практик трактуется широко, охватывая сферы социального вспомоществования и партнерства, а также формирования эмоциональной культуры и социальной ответственности, общей идеи духовно-нравственного совершенствования, объединяющей локальный, национальный и глобальный уровни православной идентичности. В реалиях пореформенной эпохи это проявилось в готовности жертвовать на создание учреждений социального призрения, образовательных организаций, храмов и монастырей, на поминание погибших и поддержку увечных воинов, сохранение исторической памяти и сакрального проектирования Русской Палестины.

Ключевые слова: практики духовно-нравственного служения, вторая половина XIX – начало XX вв., М.М. Киселева, поддержка православия на Святой Земле, Русская Палестина, благотворительность, социальное партнерство и призрение.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1818-1823
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1818

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of Primary Education in the Amur Region in 1859–1917

Natalya A. Shevchenko ^{a, b, *}, Yulia V. Kapitanets ^c, Galina M. Zinchuk ^c, Konstantin A. Ishekov ^d

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Moscow University for Industry and Finance «Synergy», Moscow, Russian Federation

Abstract

The article considers primary education in the Amur region in the period 1859–1917. There were used as sources the documents of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg, Russian Federation) as well as various statistical information from official materials related to the Amur Region. Among the archival materials of the Russian State Historical Archive, the diagram of the number of school-age children (8-11 years old) and the number of students as of January 1, 1915, which is stored in the fund 733 (Ministry of Public Education), is of great importance. The work relies on the basic historical principles of consistency, objectivity and historicism with the use of a social approach aimed at a comprehensive study of the problem.

In conclusion, the authors state that the example of the Amur region of the Russian Empire is almost a unique case, when by 1916 more than 90 % of school-age children were at a desk in the region. The reasons for this were the sparsely populated region (in 1909 there were only 275 settlements in the region) and harsh climatic conditions (sub-zero temperature values were typical for almost the entire school year from September to May, which excluded children from attending schools outside their locality), and the joint work of the Ministry of Public Education and the Holy Synod in the development of the primary education network (the ministry opened its own schools in villages with a large population, and the church – in sparsely populated). All this in aggregate has yielded results and primary education has become almost ubiquitous in the Amur region.

Keywords: Cossack schools, Amur region, 1859–1917, Russian Empire, primary education, primary schools.

1. Введение

Амурская область была учреждена 8 декабря 1858 г., к моменту создания ее территория насчитывала около 450 тыс. квадратных километров. С 1858 по 1884 г. область находилась в составе Восточно-сибирского генерал-губернаторства, а с 1884 по 1917 гг. в составе Приамурского генерал-губернаторства. Административным центром области являлся город Благовещенск. В 1897 г. население Амурской области составляло 118570 человек, из которых 31515 проживали в городах (*Население империи...*, 1898: 29). В данной работе мы хотели бы обратиться к теме начального образования на территории области и рассмотреть его результаты за весь имперский период.

2. Материалы и методы

В качестве источников привлекались документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация) а также разнообразные статистические сведения из официальных материалов, относящиеся к Амурской области: ежегодные «Всеподданнейшие отчеты

* Corresponding author

E-mail addresses: tusichka1@yandex.ru (N.A. Shevchenko), kapitanetc@yandex.ru (Yu.V. Kapitanets)

опер-прокурора Святейшего синода» ([Всепопданнейший отчет..., 1903: 64](#); [Всепопданнейший отчет..., 1910: 216](#); [Всепопданнейший отчет..., 1913: 114](#); [Всепопданнейший отчет..., 1916: 126](#)), «Обзоры Амурской области ([Обзор Амурской..., 1911](#); [Приложение..., 1915](#)) а также «Обзор земледельческой колонизации Амурской области» ([Обзор..., 1913](#)). В работе нашли свое отражение и материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. ([Население империи..., 1898](#)). Среди архивных материалов Российского государственного исторического архива важное значение имеет диаграмма числа детей школьного возраста (8-11 лет) и числа учащихся по состоянию на 1 января 1915 года, которая хранится в фонде 733 (Министерство народного просвещения).

Работа опирается на базовые исторические принципы системности, объективности и историзма с применением социального подхода, направленного на всестороннее изучение проблемы. Благодаря комплексному применению этих принципов и подходов мы смогли предпринять попытку рассмотрения системы народного начального образования в Амурской области не только с позиции земских учителей, но и с учетом существенной роли в деле образования церковно-приходских школ.

3. Обсуждение

Историография системы народного образования Амурской области имперского периода освещена достаточно слабо. В дореволюционный период выходили в свет отдельные работы, посвященные мужской гимназии в городе Благовещенске – этой теме уделил внимание Г.К. Бойницкий ([Бойницкий, 1902](#)). В 1911 г. в Благовещенске были изданы «Очерки начального образования в Амурской области», где была сделана попытка обобщить отдельные эпизодические данные о развитии системы начального образования в период до 1909 г. ([Очерки..., 1911](#)). Отдельные сведения о типах учебных заведений на территории Дальнего Востока в имперский период мы можем подчеркнуть из работы Н.Н. Абабковой «Становление народного образования на Дальнем Востоке России в первые годы Советской власти» ([Абабкова, 2018](#)).

Из общероссийских работ, посвященных системе народного образования имперского периода, можно назвать следующие труды: А.А. Cherkasov «All-Russian primary education (1894–1917): Developmental Milestones» в которой автор делает одну из первых попыток рассмотрения реальных успехов имперского начального образования в период царствования императора Николая II ([Cherkasov, 2011](#)). Позднее им же с соавторами предпринималась попытка рассмотреть эволюцию системы церковно-приходского образования в России в период 1860–1917 гг. ([Cherkasov et al., 2020](#)).

Предпринимали авторы попытки рассмотрения и региональных систем народного образования имперского периода как России, так и зарубежных стран. Так, например, к изучению опыта развития начального образования на примере Сербии обращался Г. Райович и другие ([Rajović et al., 2018](#)). А.М. Мамадалиев и другие рассматривали подготовку кадров для начальных училищ на примере Швейцарии ([Mamadaliyev et al., 2018](#)). Из губерний и областей Российской империи Т.А. Магсумов и другие обращались к изучению системы народного образования на территории Астраханской губернии ([Magsumov et al., 2022](#); [Magsumov et al., 2022a](#)), а К.В. Таран рассматривал систему коммерческого образования на Кавказе ([Taran et al., 2021](#)).

4. Результаты

Первые школы на территории Амурской области были открыты еще в 1859 г., то есть через год после учреждения Амурской области. С учетом того, что первыми поселенцами были казаки, то и первые школы были открыты в их населенных пунктах: станицы Екатерининская и Иннокентьевская ([Очерки..., 1911: 6](#)). Важно отметить, что казачьи школы содержались за войсковой счет и находились в ведении Амурского войскового правления.

Спустя несколько лет в регионе начали появляться и первые Министерские школы – сперва 1-классные, а потом и 2-классные. В 1-классных училищах Министерства народного просвещения в Амурской области курс обучения был 3 года, а в 2-классных – 5 лет. В казачьих же школах этот курс был 4 и 6 лет соответственно.

В 1867 г. управление всеми учебными заведениями Восточной Сибири было передано Иркутскому генерал-губернатору. Однако отдаленность Амурской области и почти полная изолированность ввиду сложных путей сообщения затрудняли процесс открытия новых школ.

В 1868 г. управление всеми учебными заведениями Амурской области было передано местному губернатору, который являлся также и попечителем местного учебного округа. Спустя 16 лет, в 1884 г. при учреждении Приамурского генерал-губернаторства управление Приамурским учебным округом перешло к генерал-губернатору ([Очерки..., 1911: 6](#)).

Лишь в 1894 г. при генерал-губернаторе была учреждена должность окружного инспектора училищ Приамурского края, наблюдение же за школами Амурской области возложено было на директора мужской гимназии в Благовещенске ([Очерки..., 1911: 6](#)). Спустя еще 6 лет, в 1900 г. в регионе была учреждена должность инспектора народных училищ Амурской области.

Значительно позже, после казачьих и министерских школ на территории Амурской области начали появляться церковно-приходские школы. Так, согласно данным «Обозрения Амурской области» первая церковно-приходская школа, открытая в крестьянском селении в 1886 г.,

просуществовала только 2 года при 8 учениках и была закрыта. Однако с 1890-х гг. число церковно-приходских школ начинает быстро расти. Управление и надзор за церковно-приходскими школами принадлежал училищному совету (Очерки..., 1911: 6).

Как и следовало ожидать, существенной проблемой для начального образования на территории слабозаселенной Амурской области был кадровый вопрос - вопрос наличия и качества педагогических кадров. В 1870 г. губернатор Амурской области отмечал: «Большинство учителей (казаки, крестьяне из бывших поселенцев и штрафные нижние чины) сами малограмотны» (Бойницкий, 1902: 1).

Итак, с 1890-х гг. на территории Амурской области появляются три вида начальных школ: казачьи, министерские и церковно-приходские. Рассмотрим создание этих школ в динамике (Таблица 1).

Таблица 1. Начальные училища Амурской области 1860–1914 гг. (Очерки..., 1911: 8; Всеподданнейший отчет..., 1903: 64; Всеподданнейший отчет..., 1910: 216; Обзор Амурской..., 1911: приложение № 33; Всеподданнейший отчет..., 1913: 114; Приложение..., 1915: 106; Всеподданнейший отчет..., 1916: 126)

Года	Казачье ведомство	Министерство народного просвещения	Духовного ведомства	Итого
1860-е	3	-	-	3
1870-е	6	-	-	6
1880-е	14	3	-	17
1890-е	22	8	26	56
1900	36	15	37	88
1905	44	30	55	129
1910	49	111	59	219
1914	55	209	83	347

Анализируя Таблицу 1, важно понимать, что в начале XX века помимо министерских, казачьих и церковно-приходских школ, существовало пусть и незначительное количество, но и другие школы. Так, в 1914 г. на территории области было 14 железнодорожных школ, 4 приисковых школы, 2 инородческие и 3 частных. Общее количество учащихся в этих 23 школах составляло 858 человек. С учетом же министерских, казачьих и церковных школ число учащихся достигало 23978 человек (из них 4,2 тыс. в церковных школах) (Приложение..., 1915: 106).

В административном смысле Амурская область делилась: на Амурский уезд (среднее и нижнее течение р. Зеи). Этот уезд был сравнительно густонаселен как старожилами, так и новопереселенцами; округ Амурского казачьего войска (вдоль течения реки Амур); пять горно-полицейских золотопромышленных районов (Очерки..., 1911: 9).

В Амурском уезде одна школа приходилась на 922 жителя, в Казачьем округе – одна школа на 692 жителя, а в Золотопромышленном районе – одна школа на 4,9 тыс. жителей (Очерки..., 1911: 9). С одной стороны, показатель по Амурскому уезду и казачьему округу были очень высоки, так, например, в суровый климат Амурской области, где минусовые температуры ежегодно фиксировались с начала сентября и до конца мая (Обзор..., 1913: 17) отдаленность друг от друга селений делало почти невозможной посещаемость детьми школы, расположенной в другом селе.

При этом нужно понимать, что школы были не во всех волостях Амурского уезда. Так, из 9 волостей школ больше, чем населенных пунктов было только в одной волости – Ивановской (на 10 селений 12 школ или 1 школа на 0,8 населенного пункта). В Тамбовской волости на 6 населенных пунктов приходилось 6 школ, во всех остальных волостях школ было меньше: в Бельской волости на 25 селений приходилось 15 школ (или 1 школа на 1,5 населенного пункта), в Томской на 27 селений 12 школ (или 1 школа на 2,3 населенного пункта), в Красноярской была самая плачевная ситуация на 43 населенных пункта 17 школ (или 1 школа на 2,5 населенного пункта) (Очерки..., 1911: 10).

Несколько хуже была ситуация в Амурском казачьем войске, где равного количества школ и населенных пунктов не было вообще. Так, среди 11 станичных округов лучшей ситуация была Кумарском округе: на 12 населенных пунктов 9 школ (или 1 школа на 1,3 населенного пункта), а самая худшая ситуация была в Раддевском станичном округе: на 7 населенных пунктов 2 школы или 1 школа на 3,5 населенного пункта (Очерки..., 1911: 10).

В условиях, когда открытие министерских школ в малонаселенных селах было нерентабельным, на помощь, как и во многих других регионах Российской империи, приходила Православная церковь, которая там открывала церковно-приходские школы. Именно благодаря этому фактору начальная школа могла проникать в населенные пункты, где количество учеников не только не составляло минимального комплекта для министерских школ в 50 человек, но и было ниже 30 человек.

Обеспечение населенного пункта школой находилось в прямой зависимости от количества населения. Так, на территории Амурской области в маленьких селениях практически не было школ и это наблюдалось как в Амурском уезде, так и в казачьем округе. Всего поселений в Амурской области было 275, из них 127 или почти половина были малонаселенными: 60 сел имели до 20 дворов (в них было всего 4 школы), 67 – до 40 дворов (имели 36 школ), 52 – до 60 дворов (имели 31 школу), 36 – до 80 дворов (имели 28 школ), 26 – до 100 дворов (имели 22 школы), лишь остальные 34 селения – более 100 дворов (34 школы) (Очерки..., 1911: 13). Из представленных статистических материалов видно, что из 127 малонаселенных пунктов (до 40 дворов), школы были только в каждом третьем, а в селениях с количеством дворов более 100 – школа была в каждом. При этом нужно понимать, что даже в тех населенных пунктах, где школы существовали, не все дети школьного возраста имели возможность ее посещать. Так, случалось, что школа не могла вместить всех желающих. Для решения этой проблемы необходимо было начать учет детей школьного возраста. В Российской империи чиновниками Министерства народного просвещения дети школьного возраста оценивались в 9 % от общего количества населения, а в школьную возрастную группу включались дети от 8 до 11 лет (Cherkasov et al., 2021: 216).

С учетом расчета 9 % министерства народного просвещения в 1909 г. в Амурской области насчитывалось 13418 детей школьного возраста, из которых 65 % уже учились в школах.

Рост количества школ происходил и в период Первой мировой войны. Так, в 1916 г. количество войсковых казачьих школ увеличилось на 10 единиц до 65 школ (Всепопданнейший отчет..., 1916: 126). Рост происходил и среди министерских школ, так как к 1918 г. в регионе планировалось реализовать программу всеобщего начального образования.

В 1915 г. на территории Амурской области в министерских, казачьих школах обучалось 21391 человек (РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 39. Л. 1), помимо этого, в церковно-приходских школах – еще около 4,2 тыс. (Всепопданнейший отчет..., 1916: 126). Всего же по области в начальной школе находилось около 25,6 тыс. В то время как всех детей школьного возраста было 27298 человек. В результате в 1915 г. за партой находилось уже 93,7 % от общего количества детей школьного возраста и этот показатель был, пожалуй, самым высоким в Российской империи.

5. Заключение

Пример Амурской области Российской империи представляет собой едва ли не уникальный случай, когда к 1916 г. за партой в регионе оказалось более 90 % детей школьного возраста. Причинами этому были и малонаселенность региона (в 1909 г. в области было только 275 населенных пунктов), и суровые климатические условия (минусовые температурные значения были характерны практически для всего учебного года с сентября по май, что исключало посещение детьми школ вне их населенного пункта), и совместная работа Министерства народного просвещения и Святейшего синода в деле развития сети начального образования (министерство открывало собственные школы в селениях с большим количеством населения, а церковь – в малонаселенных). Все это в совокупности дало свои результаты, и начальное образование получило практически повсеместное распространение на территории Амурской области.

Литература

Абабкова, 2018 – Абабкова Н.Н. Становление народного образования на Дальнем Востоке России в первые годы советской власти // *Общество: философия, история, культура*. 2018. № 12. С. 99-102.

Аблов, 1937 – Аблов Н.Н. Педагогическая периодическая печать (1803–1916) / Под ред. Е.Н. Медынского. М., 1937.

Бойницкий, 1902 – Бойницкий Г.К. Историческая записка о состоянии Благовещенской мужской гимназии за время с июля 1899 по 1 августа 1902 г. Благовещенск, 1902.

Всепопданнейший отчет..., 1903 – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1900 г. СПб., 1903.

Всепопданнейший отчет..., 1910 – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910.

Всепопданнейший отчет..., 1913 – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1910 г. СПб., 1913.

Всепопданнейший отчет..., 1916 – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1914 г. Петроград, 1916.

Население империи..., 1898 – Население империи по переписи 28-го января 1897 г. По уездам. СПб., 1898.

Обзор Амурской..., 1911 – Обзор Амурской области за 1910 г. Благовещенск, 1911.

Обзор..., 1913 – Обзор земледельческой колонизации Амурской области. Благовещенск, 1913.

Очерки..., 1911 – Очерки начального образования в Амурской области. Благовещенск, 1911.

Приложение..., 1915 – Приложение к Всепопданнейшему отчету военного губернатора Амурской области за 1914 г. Благовещенск, 1915.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

[Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Ponomareva M.A., Zimovets L.G. Educational Institutions under the Ecclesiastical Department in the Russian Empire (1860–1917): A Historical-Statistical Study // *European Journal of Contemporary Education*. 2020. 9(3): 657-665.

[Cherkasov et al., 2021](#) – Cherkasov A.A., Bratanovskii S.N., Zimovets L.G. (2021). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(1): 211-218.

[Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov A.A. All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones // *Social Evolution and History*. 2011. 10(2): 138-149.

[Magsumov et al., 2022](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Astrakhan Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 1 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(3): 1004-1012.

[Magsumov et al., 2022a](#) – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. The System of Public Education in Astrakhan Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 2 // *European Journal of Contemporary Education*. 2022. 11(4): 1353-1365.

[Mamadaliyev et al., 2018](#) – Mamadaliyev A.M., Gordeev I., Miku N.V., Médico A. Teacher training for the system of primary education in Switzerland in the mid-nineteenth century // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 8(1): 222-228.

[Rajović et al., 2018](#) – Rajović G., Bratanovskii S.N., Vazerova A.G., Trailovic M. Development of the secondary-level education in Serbia from 1808 to the 1870s // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. 7(4): 927-934.

[Taran et al., 2021](#) – Taran K.V., Korolev A.A., Ludwig S.D., Pestereva N.M. Private Educational Institutions in the Caucasus in the Period 1846–1914: A Historical-Statistical Study // *European Journal of Contemporary Education*. 2021. 10(3): 812-821.

References

[Ababkova, 2018](#) – Ababkova, N.N. (2018). Stanovlenie narodnogo obrazovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii v pervye gody sovetsskoi vlasti [The formation of public education in the Russian Far East in the first years of Soviet power]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 12: 99-102. [in Russian]

[Ablov, 1937](#) – Ablov, N.N. (1937). Pedagogicheskaya periodicheskaya pechat' (1803–1916) [Pedagogical periodicals (1803–1916)]. Pod red. E.N. Medynskogo. M. [in Russian]

[Boinitskii, 1902](#) – Boinitskii, G.K. (1902). Istoricheskaya zapiska o sostoyanii Blagoveshchenskoj muzhskoi gimnazii za vremya s iyulya 1899 po 1 avgusta 1902 g. [Historical note on the state of the Blagoveshchensk male gymnasium for the period from July 1899 to August 1, 1902]. Blagoveshchensk. [in Russian]

[Cherkasov et al., 2020](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Ponomareva, M.A., Zimovets, L.G. (2020). Educational Institutions under the Ecclesiastical Department in the Russian Empire (1860–1917): A Historical-Statistical Study. *European Journal of Contemporary Education*. 9(3): 657-665.

[Cherkasov et al., 2021](#) – Cherkasov, A.A., Bratanovskii, S.N., Zimovets, L.G. (2021). The System of Public Education in Terek Oblast in the Period 1860–1917. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 10(1): 211-218.

[Cherkasov, 2011](#) – Cherkasov, A.A. (2011). All-Russian primary education (1894-1917): Developmental Milestones. *Social Evolution and History*. 10(2): 138-149.

[Magsumov et al., 2022](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2022). The System of Public Education in Astrakhan Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 1. *European Journal of Contemporary Education*. 11(3): 1004-1012.

[Magsumov et al., 2022a](#) – Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B. (2022). The System of Public Education in Astrakhan Governorate in the second half of the 19th and early 20th centuries. Part 2. *European Journal of Contemporary Education*. 11(4): 1353-1365.

[Mamadaliyev et al., 2018](#) – Mamadaliyev, A.M., Gordeev, I., Miku, N.V., Médico, A. (2018). Teacher training for the system of primary education in Switzerland in the mid-nineteenth century. *European Journal of Contemporary Education*. 8(1): 222-228.

[Naselenie imperii..., 1898](#) – Naselenie imperii po perepisi 28-go yanvarya 1897 g. Po uezdam [Population of the empire according to the census of January 28, 1897. By county]. SPb., 1898. [in Russian]

[Obzor Amurskoi..., 1911](#) – Obzor Amurskoi oblasti za 1910 g. [Review of the Amur region for 1910]. Blagoveshchensk, 1911. [in Russian]

[Obzor..., 1913](#) – Obzor zemledel'cheskoi kolonizatsii Amurskoi oblasti [Review of agricultural colonization of the Amur region]. Blagoveshchensk, 1913. [in Russian]

[Ocherki..., 1911](#) – Ocherki nachal'nogo obrazovaniya v Amurskoi oblasti [Essays on primary education in the Amur region]. Blagoveshchensk, 1911. [in Russian]

[Prilozhenie..., 1915](#) – Prilozhenie k Vsepoddanneishemu otchetu voennogo gubernatora Amurskoi oblasti za 1914 g. [Appendix to the Most Submissive Report of the Military Governor of the Amur Region for 1914]. Blagoveshchensk, 1915. [in Russian]

Rajović et al., 2018 – Rajović, G., Bratanovskii, S.N., Vazerova, A.G., Trailovic, M. (2018). Development of the secondary-level education in Serbia from 1808 to the 1870s. *European Journal of Contemporary Education*. 7(4): 927-934.

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Taran et al., 2021 – Taran, K.V., Korolev, A.A., Ludwig, S.D., Pestereva, N.M. (2021). Private Educational Institutions in the Caucasus in the Period 1846–1914: A Historical-Statistical Study. *European Journal of Contemporary Education*. 10(3): 812-821.

Vsepoddanneishii otchet..., 1903 – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1900 g. [The Most Submissive Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of Orthodox Confession for 1900]. SPb., 1903. [in Russian]

Vsepoddanneishii otchet..., 1910 – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1905–1907 gg. [The Most Submissive Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of Orthodox Confession for 1905–1907]. SPb., 1910. [in Russian]

Vsepoddanneishii otchet..., 1913 – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1910 g. [The Most Submissive Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of Orthodox Confession for 1910]. SPb., 1913. [in Russian]

Vsepoddanneishii otchet..., 1916 – Vsepoddanneishii otchet ober-prokurora Svyateishego sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya za 1914 g. [The Most Submissive Report of the Chief Prosecutor of the Holy Synod for the Department of Orthodox Confession for 1914]. Petrograd, 1916. [in Russian]

К вопросу о начальном образовании на территории Амурской области в 1859–1917 гг.

Наталья Александровна Шевченко ^{a, b, *}, Юлия Владимировна Капитанец ^c,
Галина Михайловна Зинчук ^c, Константин Анатольевич Ишеков ^d

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается начальное образование на территории Амурской области в период 1859–1917 гг. В качестве источников привлекались документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также разнообразные статистические сведения из официальных материалов, относящиеся к Амурской области. Среди архивных материалов Российского государственного исторического архива важное значение имеет диаграмма числа детей школьного возраста (8-11 лет) и числа учащихся по состоянию на 1 января 1915 года, которая хранится в фонде 733 (Министерство народного просвещения). Работа опирается на базовые исторические принципы системности, объективности и историзма с применением социального подхода, направленного на всестороннее изучение проблемы.

В заключении авторы отмечают, что пример Амурской области Российской империи представляет собой едва ли не уникальный случай, когда к 1916 г. за партией в регионе оказалось более 90 % детей школьного возраста. Причинами этому были и малонаселенность региона (в 1909 г. в области было только 275 населенных пунктов), и суровые климатические условия (минусовые температурные значения были характерны практически для всего учебного года с сентября по май, что исключало посещение детьми школ вне их населенного пункта), и совместная работа Министерства народного просвещения и Святейшего синода в деле развития сети начального образования (министерство открывало собственные школы в селениях с большим количеством населения, а церковь – в малонаселенных). Все это в совокупности дало свои результаты и начальное образование получило практически повсеместное распространение на территории Амурской области.

Ключевые слова: казачьи школы, Амурская область, 1859–1917 гг., Российская империя, начальное образование, начальные училища.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tusichka1@yandex.ru (Н.А. Шевченко),
kapitanetc@yandex.ru (Ю.В. Капитанец)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1824-1834
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1824

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russian Tea Business in Hankou in the second half of the 19th century: Baikhovi Tea Purchase Transactions

Ildar R. Hamzin ^{a, *}, Rustam T. Ganiev ^a, Anton V. Kochnev ^a

^a Ural Federal University, Russian Federation

Abstract

The article studies the activities of Russian entrepreneurs in the Chinese port of Hankou as part of the purchase of tea for the Russian market. Baikhovi tea was a product under which Russian pre-revolutionary literature, source base and statistics understood the most expensive varieties of Chinese tea, grown and processed on Chinese plantations and factories and sent for sale to foreigners in the port of Hankou. This aspect is a particular issue of Russian-Chinese trade in the second half of the 19th century, but it seems important for a more in-depth study of this topic and expanding scientific knowledge about Russian-Chinese relations in general. The article discusses the features of the production and transportation of baikhovi tea to the Hankou market, issues of tea pricing, the buying and selling process, factors influencing the trade of baikhovi tea in Hankou, aspects of competition between the tea trade of Hankou and Shanghai and the competition of foreign trading houses for the purchase of this product and shipment it to the Russian market. The conclusions of the work summarize the main results of the study and show the significance of the participation of Russian entrepreneurs in the tea trade for Russian-Chinese relations at the time under review.

Keywords: Russian-Chinese trade, tea trade, baikhovi tea, Hankou, Qing Empire.

1. Введение

Байховый чай¹ – это общее название дорогих сортов чая, которые ввозились в Российскую империю из Китая. Изготавливался байховый чай из чайного листа, собираемого на многочисленных плантациях провинций Центрального и Южного Китая, и ценился наиболее высоко среди русских купцов и потребителей. В 60-70-е гг. XIX в. производство байхового чая было организовано на фабриках, арендуемых российскими торговыми домами на территории провинции Хубэй. К началу 1880-х гг. русские торговые дома прекратили изготовление байхового чая по причине нерентабельности производства и вместе с остальными иностранцами стали покупать этот товар на рынке порта Ханькоу (провинция Хубэй, долина р. Янцзы), к этому времени являвшемся главным местом китайской чайной торговли.

Цель статьи – провести анализ торговых операций по покупке байхового чая в Ханькоу, выявить роль и особенности российской деятельности в этом процессе.

* Corresponding author

E-mail addresses: ildar.hamzin1991@mail.ru (I.R. Hamzin)

¹ Название «байховый» происходит от словосочетания *бай хуа* (白毫) – белые реснички. В русских документах байховый чай также встречается под наименованием *красный чай* (по причине красноватого отлива на чайных листьях после прожарки) и *черный чай*. Дореволюционная классификация байховых чаев достаточно обширна и включает в себя такие разновидности китайского чая, как *черный*, *ординарный (торговый)*, *зеленый*, *цветочный*, *желтый*, *фамильный* и многие другие. Русская официальная статистика второй половины XIX в. в большинстве случаев делила китайский чай на *байховый* и *кирпичный*, отличая дорогой и рассыпной чай от дешевого и спрессованного.

2. Материалы и методы

В настоящей статье на основе документов Научно-исследовательского отдела рукописей Российской государственной библиотеки (Москва, Российская Федерация), Архива внешней политики Российской империи библиотеки (Москва, Российская Федерация), Российского государственного исторического архива библиотеки (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и ряда опубликованных материалов ставится задача максимально полно раскрыть особенности ханькоуского чайного рынка и русско-китайской торговли на примере покупки байхового чая. Такая постановка проблемы требует изучения не только вопроса ценообразования и процесса купли-продажи, но и освещения особенностей производства байхового чая, факторов, повлиявших на торговлю этим товаром, конкуренции между китайскими и иностранными предпринимателями. Заметим, что ценнейшие данные по перечисленным проблемам содержатся в дореволюционных исследованиях (Попов, 1870; Субботин, 1892), среди которых особенно стоит отметить работу К. А. Скальковского (Скальковский, 1883).

Методология исследования основана на системно-историческом анализе, который позволил изучить процесс российского чайного бизнеса в Ханькоу неотрывно от общего характера чайного рынка в Китае. Данный метод способствовал выявлению ряда факторов, влияющих на ценообразование байхового чая на китайском рынке (климатические условия, международный курс на серебро, условия международного рынка и др.). Это, в свою очередь, позволило увидеть в чайной торговле процесс, неотрывно связанный с мировой торговлей и экономикой второй половины XIX в. Системный подход также помог определить структуру торговли байховым чаем, выделить аспекты, связанные с производством и транспортировкой товара, процессом купли-продажи, ценообразованием, конкуренцией торговых домов и конкуренцией чайного рынка Шанхая с Ханькоу.

Особое значение для исследования имеет статистический анализ. Работа с многочисленными данными дореволюционного периода позволила детально проследить изменение цен на сорта байхового чая в период 1877–1882 гг., точно выявить ценообразование в отдельные месяцы 1877–1878 гг., увидеть процентное соотношение купленного в Ханькоу чая российскими и прочими иностранными купцами, объем ввоза чая в Россию в сравнении с общим чайным экспортом из Ханькоу. В данном случае работа со статистикой тесно связана со сравнительно-историческим методом, основанным на сопоставлении количественных данных, различных экономических процессов и торговых операций между собой.

3. Обсуждение

Еще дореволюционные авторы обращались к вопросам российского присутствия в Китае и, в частности, российской торговли в Ханькоу. В данном случае можно отметить фундаментальный труд К.А. Скальковского, в котором автор приводит многочисленные данные о чайной торговле в китайских портах, уделяет особое внимание конъюнктуре рынка и проблемам ценообразования (Скальковский, 1883). Не менее ценны в этом отношении работы А.П. Субботина и И.Я. Коростовца (Субботин, 1892; Коростовец, 1898). В названных работах русско-китайской чайной торговле уделено первостепенное внимание, в них подробно рассмотрена торговля байховым чаем. Авторы объединяет то, что они писали о современных им процессах, следовательно, характер работ носит аналитический характер и позволяет рассматривать их одновременно и в качестве источников, и в качестве исследовательского опыта.

Советский период отмечен снижением внимания к истории российской торговли в Ханькоу, хотя выходило не мало важных трудов по торговым связям России с империей Цин (Сладковский, 1974). Возрождением интереса к российскому бизнесу в цинском Китае отмечен постсоветский и современный периоды. Проблема российской чайной торговли в Ханькоу в разных ракурсах рассматривалась в статьях А.Н. Хохлова, В.Г. Дацышена, Н.Г. Фильшина (Дацышен, 2012; Хохлов, 2012; Фильшин, 2018). Особое внимание этой проблеме уделила в своих статьях В.Г. Шаронова. Автор рассматривает историю русских торговых домов и фабрик в Китае, содержание чайной продукции в русско-китайской торговле, особенности экспортно-импортных операций (Шаронова, 2017; Шаронова, 2019а; Шаронова, 2019б). Отдельно стоит выделить работы Ю.С. Христолюбовой, углубленно изучающей российский чайный бизнес в Ханькоу во второй половине XIX – начале XX вв. (Христолюбова, 2019а; Христолюбова, 2019б).

Зарубежные авторы также не обошли рассматриваемую тему стороной. Подчеркнем труд Т. Чу, в котором на основе китаеязычного материала изучена иностранная торговля в центральных и южных провинциях империи Цин (Chu, 1936). Вильям Роу провел большое исследование социально-экономической истории Ханькоу, в том числе затрагивая аспект иностранного бизнеса в этом порту (Rowe, 1989). Об особенностях чайного дела российских торговых домов писал Хао Йенпин, сравнивая их деятельность с прочими иностранными торговцами в Китае (Hao, 1992). Исследование чайной торговли Российской империи провела Аудра Джо Йодер (Yoder, 2016). При основном внимании данного автора к внутреннему чайному рынку России А. Дж. Йодер затрагивает также вопросы доставки чайной продукции из Китая, покупки его в китайских портах. Продолжают изучение чайной торговли империи Цин и современные китайские авторы. Вполне закономерно, что большое внимание исследователей привлекает российское присутствие в Ханькоу, так как в период

конца XIX – начала XX вв. именно торговые дома из России добились здесь наибольших коммерческих успехов (Du, 2000; Guo, 2006).

Однако при таком внимании мировой историографии к истории чайной торговли Китая и к российскому участию в этом процессе многие отдельные аспекты еще не получили должного освещения. Детали операций российских торговых домов в Ханькоу являются одной из таких историографических лакун, заполнить которые можно с помощью привлечения малоизученных или не рассматриваемых ранее источников.

4. Результаты

4.1. Используемые китайские обозначения мер, стоимости и веса, транскрипция имен и топонимов

В привлеченных источниках используется несколько основных китайских обозначений мер стоимости и веса. Лян (兩) – ключевая серебряная денежная единица Китая и одновременно мера веса серебра. Курс ляна постоянно менялся и был разным для различных пунктов империи Цин, в среднем он составлял около 1,5 рублей во второй половине XIX в. В дореволюционной литературе лян транскрибировался на монгольский манер – «лан». Фынь (分) – мелкая денежная единица, 1/100 ляна, в источниках транскрибируется без смягчения (фын). Цзинь (斤) – мера веса, 500 граммов, в источниках и литературе фигурирует под транскрипцией «гин». Пикуль (в Китае – дань, 担) – мера веса, распространенная в Юго-Восточной и Восточной Азии, около 60 кг.

Используемые материалы наполнены данными о различных местах долины реки Янцзы, где выращивался чай для торговли в Ханькоу. В статье топонимы приведены в той транскрипции, в которой они даются в источниках.

4.2. Производство и транспортировка байхового чая

Для торговли в Ханькоу большое значение имело время сбора чая. Так, чай 1-го сбора приготавливался из листа, собранного в конце марта или начале апреля (именно первосборные чаи были самыми дорогими на рынке); чай 2-го сбора – конец мая, июнь; чай 3-го сбора – август (самый дешевый байховый чай) (Павильон кяхтинского купечества, 1896: 7). Прежде чем попасть на рынок в Ханькоу, байховый чай на плантации проходил поэтапную систему обработки руками китайских крестьян: сушка – собранный чайный лист перебирали, удаляя наиболее крупные листья, и выносили сушить на солнце; скручивание – подсушенный на солнце чай жали до тех пор, пока листья не начнут скручиваться; просушивание в корзинах – чай насыпали в бамбуковые корзины с двойным дном (так, чтобы чай не доставал до дна корзины), которые подвешивали над сковородками с раскаленными углями.

Полуобработанный чайный лист крестьяне продавали фабрикантам, и уже на фабрике начинался процесс изготовления байхового чая: просушивание – чай подогревали в корзинах, которые ставились в заполненные углями углубления на полу, чай при этом постоянно перемешивали руками, не позволяя ему стать горячим; просеивание – происходило по очереди через 10 бамбуковых сит (первое сито – самое широкое, последнее – наиболее мелкое); вывешивание – очищение от мусора; перебирание – очищение от оставшихся еще сучков и стеблей; просушивание – повторное в бамбуковых корзинах на углях, как и на первом фабричном этапе; укупорка – остывший чай насыпали в ящики (Попов, 1870: 15-18; Субботин, 1892: 11-12; Чу, 1936: 21-26; Шаронова, 2017).

Китайский чай укупоривали в различные по вместимости контейнеры. Среди них были: *ящички* – вместимостью от 102 до 108 фунтов, *полуящички* – от 67 до 70 фунтов и *четвертьящички* – вместимостью от 25 до 27 фунтов (Субботин, 1892: 314). Байховый чай на рынок Ханькоу китайские купцы доставляли в полуящичках для продажи иностранцам. Купившие чайные партии русские торговые дома отправляли чай в Россию либо морским путем, оставляя при этом чай укупоренным в полуящички, либо сухопутно через Тяньцзинь в Кяхту, но уже перегрузив чай из полуящичков в ящички (что было удобнее, учитывая особенности сухопутной отправки товара). Для последних операций в начале 80-х гг. XIX в. в Ханькоу у русских купцов имелись собственные склады, где чай упаковывали для вывоза в Кяхту (АВПРИ. Ф. 161. Оп. 35. Д. 2. Л. 17). Самостоятельным этапом купли-продажи на рынке Ханькоу являлась чайная экспертиза – проверка качества привезенного продукта. Этот труд брали на себя *тестеры* (tea-taster), в большинстве случаев европейцы, которые за многие годы стали экспертами в чайном деле (Субботин, 1896: 297).

4.3. Ханькоуский чайный рынок: особенности купли-продажи и ценообразования

Китайские предприниматели доставляли в Ханькоу чай 1-го, 2-го или 3-го сбора соответственно со временем урожая, то есть в апреле, мае, июне или августе. Открывался рынок продаж чай *первого сбора*. Купец предлагал свою цену, достаточно высокую, чтобы окупить все затраты на долгое производство байхового чая и получить прибыль. Дальше начиналось самое интересное: либо иностранцы не выдерживали и начинали скупать чай по китайской цене, либо же торговые дома проявляли терпение, и тогда китайцы могли снижать изначально заявленные цены. Купить чай по китайской цене порой было в интересах иностранцев, поскольку первые покупки обещали лучшие сорта. С другой стороны, такие уступки могли повлечь за собой установление на рынке высоких цен

на китайский чай: «цены на байховые чай в 1875 году были безобразно дороги, причина повышения заключалась в том, что на высокие чай в 1874 г. владельцы получили значительные барыши; рассчитывая впредь на таковые они не ограничивали цен. Одним из набивателей цен был торговый дом Кноп (немецкий торговый дом – авторы), имевший крупный заказ от мелких кноповских чаоторговцев. Стараясь удовлетворить их сполна, он мало обращал внимания на цены и переплачивал дороже прочих» (Скальковский, 1883: 274).

В Таблице 1 приведены цены на байховый чай первого и второго сбора, который доставлялся в Ханькоу с плантаций ближайших провинций.

Таблица 1. Цены на чай 1-го и 2-го сбора на рынке Ханькоу, лян, фынь (ОР РГБ. Ф. 273. К. 14. Ед. хр. 3. Л. 65-67, 147-153, 157-162, 177-186, 193-209, 236-238; Скальковский, 1883: 259-269)

Год	1-й сбор			2-й сбор		
	Чай	Мин. цена	Макс. цена	Чай	Мин. цена	Макс. цена
1873	Нин-чау	41 1/2	48	Лучшие ¹	22 1/2	24 1/2
	Чан-шоу-гай	31	40 1/2	Средние	16	20
	Ян-лоу-дун	26	23	Низкие	12	13 3/4
	Чун-янские	27	40			
	Онфа	31	33			
	Хунаньские	23 1/2	27			
	Сянгамские	13 1/2	15 1/2			
1876	Нинцзясы	24 1/4	27	Хорошие	23	24 1/2
	Янлоусы			Подходящие	21 1/2	22 1/2
	Янлоудунские	29 1/2	33	Средние	19	21
	Чуньянские	31 1/2	37	Низкие	15 1/2	17
	Линьчжоуские	40	59 1/2			
	Онфа	30 1/2	37			
	Сянгамские	18	25			
	Чаншоугайские	33	37			
1877	Линьчжоуские	44	48	Янлоудунские	14 1/2	17 1/2
	Аньхуйские	30	35	Чуньянские	16	19
	Чаншоугайские	28	29	Чуншаугайские	18	19 1/2
	Янлоудунские	25	30			
	Хунаньские	23	24			
	Сянгамские	16 1/2	20			
<i>Вторые и третьи партии:</i>						
	Линьчжоуские	26	31			
	Чаншоугайские	16	22			
	Янлоудунские	15 1/2	19			
	Чуньянские	18	23			
	Аньхуйские	23	27			
	Пингайские	14	16			
	Сянгамские	10	16 1/2			
1878	Линьчжоуские	25	49	Чуньянские	17 1/2	23
	Янлоудунские	24	27	Янлоудунские	18 3/4	22
	Ницзясы	19	23	Чаншугайские	21 1/2	27 л. 60 ф.
	Лоуянские	18 3/4	30	Ванкайские	18	21 1/2
	Туньшанские	25	34	Туньшанские	22	27
	Пинцзянь	22	27	Ницзясы	15	20
	Лайлинские	18	23 1/2	Сянгамские	10 1/2	11 1/2
	Сянгамские	16	18	Хубэйские	13 л. 20 ф.	24
	Аньхуйские	27	34	Линьчжоуские	18	26 1/2

¹ Для чая второго сбора источники в данном случае указывают только качество продукта, а не его происхождение.

	Сянтамские	11	12			
<i>Вторые и третьи партии</i>						
	Линьчжоуские	19 1/2	38			
	Хахоу	19	31			
	Хубэйские	18	29 1/2			
	Аньхуа	15	30			
	Саньтамские	11	18			
1879	Линьчжоуские	12	27	Ниньчжоуские	18	25
				Чуньянские	14	17
				Аньхуа	11	22
1880	Линьчжоу	28 1/4	52	Хубэйские	10 1/4	12 3/4
	Аньхоу	26 1/2	32 1/2	Хунаньские	10 л. ф.	10 11
	Янлоудун	23 1/3	18	Аньхоуские	12 3/4	13
	Туньшань	25 1/4	30 1/4	Сянтамские	9	9 3/4
	Лилинь	19 1/4	22 1/3			
	Чуньянь	25	28 1/5			
	Ванкоу	20	24 1/2			
	Сянтам	15 1/2	16			
	Ницзясы	20 1/4	21 1/4			
1881	Линьчжоуские	23 л. ф. 50	52	Янлоудунские	12 л. ф. 40	14 л. ф. 50 ф.
	Кокаутские	16 л. ф. 50	20	Чаншоугайские	14 л. ф. 75	16 л. ф. 40 ф.
	Вупакские	16 л. ф. 25	29	Онфа	15	20
	Хунаньские	15 л. ф. 25	29			
	Ванкайские	25 л. ф. 50	38			
	Сянтамские	12				
1882	Линьчжоуские	21	54	Онфа	15 л. ф. 50	18 л. ф. 75 ф.
	Ханькоуские	17	21	Янлоудунские	12 л. ф. 50	15
	Вупакские	15 л. ф. 95	30 л. ф. 50 ф.	Ницзясы	12	13
	Хунаньские	15	29	Чаншоугайские	14	17
	Онфа	23 л. ф. 25	35 л. ф. 50 ф.			
	Сянтамские	11 л. ф. 90	13			

Чай поступал в Ханькоу из самых различных областей провинции Хубэй, а также с плантаций Хунань, Цзянси, Аньхуэй и Сычуань. Как правило, названия местностей, где выращивался чай, давали и название привозимым сортам: Линьчжоуские, Янлоудунские, Хубэйские, Сянтамские и др. (Субботин, 1892: 49, 316). Кроме того, в Ханькоу один и тот же сорт чая мог поступать двумя и даже тремя партиями, что сказывалось на цене. Стоимость ежегодно подвергалась значительным колебаниям. Если в 1877 г. минимальная цена на самый дорогой линьчжоуский чай достигала 44 лян за пикуль, то уже в 1878 г. она падала до 25 лян за пикуль (Таблица 1). В 1879 г. линьчжоуский чай продавался не выше 27 лян за пикуль, но уже на следующий год его стоимость поднималась до 52 лян. Чай второго сбора был заметно дешевле в сравнении с первосборным: его максимальная цена редко превышала 20 лян за пикуль, а на самый дешевый второсборный чай цена могла быть 10 лян и ниже (Таблица 1).

Рынок чая третьего сбора открывался в конце июля – начале августа или даже осенью – в сентябре и октябре. Поскольку поздний урожай чайного листа уступал по своим вкусовым качествам первосборному и второсборному чаю, цены на байховый третьесборный были ниже, чем у

весеннего и раннелетнего. В 1873 г. хубэйские чай стоили от 16 1/2 до 18 лян за пикуль, хунаньские – от 13 до 17 лян, и сянтамские – от 10 до 11 2/4 лян (в этом же году цены на чай второго сбора различались от 12 до 24 1/2 лян за пикуль) (ОР РГБ. Ф. 273. К. 14. Ед. хр. 3. Л. 178). В 1877 г. сянтамские чай третьего сбора продавались по 6 1/2 лян за пикуль, аньхуэйские и тоуюнские – по 17 1/2 лян за пикуль (второсборные от – 13 до 19 1/2 лян за пикуль) (ОР РГБ. Ф. 273. К. 14. Ед. хр. 3. Л. 181об.). В 1878 г. хубэйские чай третьего сбора стоили от 12 3/4 лян до 15 1/4 лян за пикуль, а сянтамские – от 10 лян до 12 лян за пикуль (цены на второсборные были 10 1/2 лян до 27 лян) (Скальковский, 1883: 265). По приведенным данным заметно, что цены третьесборного и второсборного чая различались, но без большого разрыва. Часто цены на дорогие сорта третьесборного чая были выше цен низких сортов чая второго сбора.

Рыночная цена байхового чая в большинстве случаев зависела от соотношения спроса и предложения. Но в то же время можно выделить ряд факторов, которые влияли на колебание стоимости товара. Среди них:

1) Погодно-климатические условия. Они влияли на объем урожая и качество чая. К примеру, летняя продолжительная засуха 1873 г. стала причиной плохого качества второсборных и третьесборных чаев, что привело к снижению цен (ОР РГБ. Ф. 273. К. 14. Ед. хр. 3. Л. 178). Высокие цены на большинство сортов чая в 1878 г. объяснялись холодной зимой этого же года, не позволившей собрать большой урожай. В 1884 г. теплая весна и ясная погода стали причиной высокого качества первосборного чая, тогда как дождливая погода лета этого же года заметно снизила качество чая второго и третьего сбора (РГИА. Ф. 20. Оп. 7. Д. 107. Л. 170б.).

2) Международный курс на серебро. Поскольку именно серебро составляло основу китайского лян, колебания международного курса серебра немедленно отражалось на чайном рынке: «Случившийся кризис на серебро (в 1876 г. – авторы) вследствие натянутых отношений между Китаем и Англией и значительный подвоз из гор чаев сильно повлияли на понижение цен, так как сянтамские чай даже за 8 лян не находили покупателей, и чаевладельцы вынуждены были послать свои чай в Шанхай, но и там они потерпели фиаско» (РГИА. Ф. 20. Оп. 7. Д. 107. Л. 262). В 1893 г. произошел обвал стоимости серебра на международном рынке, что «заметно отразилось на торговле Китая, где все сделки производятся исключительно на серебро» (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 396. Л. 124об.).

3) Конъюнктура рынка Лондона долгое время играла большую роль в формировании чайных цен в Ханькоу. Успех или неудача продажи чая того или иного сбора и цены, которые устанавливались на байховый чай в Лондоне, незамедлительно сказывались на чайном рынке в Китае. После плохой продажи высоких сортов байхового чая в Лондоне в 1869 г. торговые дома не спешили покупать чай по установленным китайцами ценам. Проявив терпение, иностранцы добились сокращения цен на первосборные чай с 27–31 лян до 2–3 лян. Китайцы-чаевладельцы, чтобы удержать цены, отправили большую часть своего товара (на 114 341 рублей) в Шанхай, но в итоге все равно понесли огромные убытки. Решив, что в этом году их борьба за цены на ханькоуском рынке с иностранцами проиграна, китайцы значительно сократили заказы на изготовление второсборных чаев. Но снова не предугадали варианты развития событий: «вслед за прекращением выделки чаев 2-го сбора была получена телеграмма из Лондона, извещавшая о повышении цен на чай средние и низкие и о заявленных на них требованиях» (О русской торговле в Ханькоу за 1869 год, 1870: 4). В Китае мгновенно выросли цены на чай, который теперь иностранцы стали покупать нарасхват. В свою очередь, китайские купцы стали отправлять большие заказы на фабрики, где, ввиду нехватки хорошего чайного листа, производители стали скупать самый дешевый материал. Результатом стало то, что «достоинство низких чаев прошлого года (1869) оказалось таким низким, какого еще не бывало» (О русской торговле в Ханькоу за 1869 год, 1870: 5).

4) Конкуренция торговых домов зачастую оказывала наибольшее влияние на формирование чайных цен. Покупатели-иностранцы в Ханькоу боролись за лучшие партии чая между собой и одновременно с высокими ценами, которые предлагали китайцы. Показательный случай произошел в 1888 г.: «через три дня по подаче образцов одна английская фирма, покупающая чай для России, желая насолить вновь учредившейся русской фирме для которой прежде она была поставщиком чая (фирме Братья К. и С. Поповы – авторы), купила небольшую партию, заплатив давно небывалую цену – 60 лян за пикуль. Братья К. и С. Поповы немедленно же купили другую партию по той же цене и рынок открылся за этими высокими ценами. Старые русские фирмы обеспечившись чаем еще до начала сезона не торопились покупать и выжидали последние цены, случайно приобретая ту или другую подходящую партию. Большую часть первого сбора купили потому английские и немецкие фирмы для лондонского и русского рынка по высоким ценам» (АВПРИ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 396. Л. 57).

4.4. Конкуренция с Шанхаем и российское направление экспорта

Сохранить высокие цены на чай было задачей китайских купцов, привозивших свой товар на рынок Ханькоу. Однако нередко дело на рынке оборачивалось в пользу иностранцев, и цены на чай падали. Тогда китайцы-чаевладельцы отправляли свой товар на рынок в Шанхай, где еще оставалась возможность его продать по приемлемым для купцов ценам (Скальковский, 1883: 269). Шанхайский рынок, таким образом, составил существенную конкуренцию Ханькоу: «значение Шанхайского

рынка как рынка чайного стало возрастать с 1867 года; в этот год было отправлено туда 85 000 ящ., в 1868 году отправка простиралась до 123 657 ящ., а в 1869 году было отправлено до 296 546 ящ. Причина таких значительных отправок в Шанхай заключается в том, что наибольшая часть чаепроизводителей и фабриковладельцев в Нингау (Лин-чжеу), Хо-хоу, Сянтаме и Лайлине суть шанхайские купцы, а потому и предпочитают продажу своих чаев на своем рынке» ([О русской торговле в Ханькоу за 1869 год. 1870: 6](#)). С конца 60-х гг. XIX в. можно увидеть рост отправок чайных партий из Ханькоу в Шанхай: в 1867 г. в Шанхай было отправлено из Ханькоу 83 000 ящиков чая, в 1868 г. – 123 657, в 1870 г. – 366 630, в 1871 г. – 346 824, в 1872 г. – 249 119, в 1873 г. – 288 779 ящиков. Для сравнения: в 1873 г. всего было изготовлено и привезено в Ханькоу 826 117 ящиков, полуящиков и четвертьящиков. Следовательно, доля отправок на рынок Шанхая составила не менее 30% от общего количества ([ОР РГБ. Ф. 278. К. 14. Ед. хр. 3. Л. 178](#)).

В начале 80-х гг. XIX в. стал все чаще подниматься вопрос о перенесении чайного рынка из Ханькоу в Шанхай. В Шанхае располагался центр сбора таможенных пошлин для торговли, осуществлявшейся вдоль Янцзы, и перемещение чайного рынка в этот порт усилило бы английский контроль над торговлей Китая ([АВПРИ. Ф. 161. Оп. 35. Д. 2. Л. 160б.](#)). Однако оппозиция со стороны английских же торговых домов и судовладельцев помешала осуществить данный проект. Консул П.А. Дмитриевский указывал на то, что от подобного смещения рынка проиграли бы и русские торговые дома, которые уже успели прочно обосноваться в Ханькоу ([АВПРИ. Ф. 161. Оп. 35. Д. 2. Л. 17](#)).

В последней четверти XIX в. Россия стала главным потребителем байхового чая из Китая. Но произошло это постепенно ([Таблица 2](#)).

Таблица 2. Экспорт байхового чая в 1868–1876 гг., лян ([ОР РГБ. Ф. 273. К. 14. Ед. хр. 3. Л. 1940б.](#))

Год	Вывоз в Россию	Общий экспорт
1868	430 330	нет данных
1869	1 274 831	нет данных
1870	858 354	8 672379
1871	985 139	10 712621
1872	2 084 397	11 769762
1873	2 313 940	12 021078
1875	2 154 566	12 008903
1876	2 028 963	12 961300

В течение 70-х г. XIX в. доля России в экспорте байхового чая из Ханькоу едва превышает 10 % от общей суммы вывоза чая ([Таблица 2](#)). Но в 1880-е гг. ситуация меняется. Объем русским покупок байхового чая на рынке Ханькоу в это время начинает медленно, но верно обгонять количество покупок чая для Англии и США ([Таблица 3](#)).

Таблица 3. Байховый чай, купленный на рынке Ханькоу в 1883–1889 гг., % ([АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 396. Л. 59. Л. 710б.](#))

Год	Куплено для России	Куплено для Англии и США	Отправлено в Шанхай
1883	37 1/3 %	46 1/3 %	16 1/3 %
1884	34 %	53 %	13 %
1885	29 %	61 %	10 %
1886	37 %	52 %	11 %
1887	38 %	41 1/2 %	20 1/2 %
1888	46 %	42 1/2 %	11 1/2 %
1889	46%	34 1/4 %	19 %

В 1883 г. количество купленного для России байхового чая уступало покупкам товара для Англии и США, составив 37 1/3%. Но уже к концу 80-х гг. этот же процент превысил объем английских и американских покупок, составив 46% против 34 1/4 %. Значительное количество чая отправлялось китайцами в Шанхай – от 10% и до 20 1/2% от общего объема купленного продукта ([Таблица 3](#)).

Среди иностранных фирм, покупающих байховый чай в Ханькоу, в 1884-1885 гг., лидером по объемам закупок стал русский торговый дом «Пятков, Молчанов и Ко» (145 238 полуящиков чая), за ним располагались «Мэтланд и Ко» (125 981 1/2 ящиков), «Токмаков, Молотков и Ко» (96 659 1/2 ящиков), англичане «Jardine, Matheson & Co» (62 755 1/2 ящиков) и другие фирмы ([Коммерческое сведение о ханькоуском рынке, 1885](#)). Во второй половине 80-х гг. XIX в. «Токмаков,

Молотков и Ко» опережают «Мэтланд и Ко» в покупках чая, и к началу 1890-х гг. русские торговые дома стали очевидными лидерами чайного рынка Ханькоу: в 1890 г. фирма «Пятков, Молчанов и Ко» купила 135,9 тысяч ящиков чая, «Токмаков, Молотков и Ко» – 135 тысяч ящиков. И третьей фирмой по объемам закупок стала «Jardine Matheson & Co» – 36,9 тысяч ящиков чая (Субботин, 1892: 310).

5. Заключение

В Ханькоу во второй половине XIX в. происходил процесс международных торговых отношений, где главным продуктом являлся байховый чай. Торговля этим продуктом осуществлялась многоступенчато.

Непосредственным производителем чайного листа на плантации выступал китайский крестьянин, который сбывал сырой продукт китайцам-фабрикантам. На фабрике чайный лист проходил обработку и в упакованном виде отправлялся в Ханькоу. Промежуточными лицами на этой стадии выступали компрадоры со стороны китайцев и маклеры – со стороны иностранцев.

Порт Ханькоу представлял собой сборный пункт для чая с плантаций провинций Хубэй, Хунань, Цзянси и Аньхуэй. На рынке покупателями выступали иностранные торговые дома. Под влиянием совокупности факторов формировалась цена чая, она разнилась в зависимости от сборов и сортов. Процесс купли-продажи сопровождался конкуренцией иностранных фирм за лучшие сорта чая и постоянной игрой цен на него. Китайцы стремились сохранить как можно более высокую стоимость продукта, а иностранцы – ее сбить.

В рассматриваемое время Шанхай стал конкурентом чайного рынка Ханькоу. Китайские купцы отправляли значительную часть своей продукции на шанхайский рынок, поднимался вопрос о перенесении чайного рынка в Шанхай, однако центром чайной торговли Китая во второй половине XIX в. оставался Ханькоу. В 80-90-е гг. XIX в. лидерами чайной торговли в Ханькоу стали русские торговые дома.

Таким образом, на чайном рынке в Ханькоу во второй половине XIX в. мы наблюдаем систему торговых отношений, которая долгие годы связывала Китай с внешним миром. В рамках этой системы важным является факт успеха русской торговли. Он – исторический пример сочетания профессионализма русских коммерсантов и значимости российского рынка для китайской продукции.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

Литература

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

Дацьшен, 2012 – *Дацьшен В. Г.* Русские в Ханькоу: из истории русско-китайских отношений второй половины XIX – первой половины XX в. (по архивным и книжным фондам Москвы, Сибири, Дальнего Востока и Китая) // *Россия и Китай. Научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов)*. Вып. 2. Санкт-Петербург: Альфарет, 2012. С. 67-80.

Коммерческое сведение о ханькоуском рынке, 1885 – Коммерческое сведение о ханькоуском рынке. 1885. №1. 3 с.

Коростовец, 1898 – *Коростовец И.Я.* Китайцы и их цивилизация. Санкт-Петербург: Н. Аскарханов, 1898. 625 с.

Лю Цзацы, 2010 – *Лю Цзацы.* Чайная торговля между Россией и Китаем // *Мир Евразии*. 2010. №3. С. 63-75.

О русской торговле в Ханькоу за 1869 год, 1870 – О русской торговле в Ханькоу за 1869 год. Москва: университетская типография, 1870. 13 с.

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Павильон кяхтинского купечества, 1896 – Павильон кяхтинского купечества. Санкт-Петербург: Коммерческая скоропечатная преем. Евгения Тиле, 1896. 69 с.

Попов, 1870 – *Попов К.А.* О чае и его приготовлении русскими в Китае. Москва: Тип. И.Н. Кушнерева, 1870. 33 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Скальковский, 1883 – *Скальковский К.А.* Русская торговля в Тихом океане: экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области, Восточной Сибири, Корее, Китае, Японии и Калифорнии. Санкт-Петербург: Тип. А. С. Суворина, 1883. 515 с.

- Сладковский, 1974** – *Сладковский М.И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). Москва: Наука, 1974. 363 с.
- Соколов, 2011** – *Соколов И.А.* Чай и чайная торговля в России: 1790 – 1919 гг. Москва: Спутник+, 2011. 493 с.
- Субботин, 1892** – *Субботин А.П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах: производство, потребление и распределение чая. Санкт-Петербург: А. Г. Кузнецов, 1892. 706 с.
- Фильшин, 2018** – *Фильшин Н.Г.* Торговая деятельность русских купцов в Ханькоу / *Вагановские чтения: материалы IX регион. науч.-практ. конф., посвящ. 425-летию города Тары (г. Тара, 5–6 апреля 2018 года)*. Омск: Амфора, 2018. С. 97-103.
- Хохлов, 2012** – *Хохлов А.Н.* Торговля и предпринимательская деятельность россиян в Китае во второй половине XIX в. // *Российская история*. 2012. № 3. С. 144-152.
- Христолюбова, 2019а** – *Христолюбова Ю.С.* К вопросу о существовании русских чайных плантаций на территории Китая 1860-1929 гг. // *Современная научная мысль*. 2019. № 5. С. 61-67.
- Христолюбова, 2019б** – *Христолюбова Ю.С.* Становление международного рынка чайной торговли в Ханькоу во второй половине XIX в. // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2019. № 3. С. 79-90.
- Шаронова, 2017** – *Шаронова В.Г.* Чайная продукция в русско-китайской торговле на рубеже XIX-XX веков / Цыбик чайной истории. Очерки истории русско-китайской чайной торговли. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 11-27.
- Шаронова, 2019а** – *Шаронова В.Г.* Русские торговые дома и фабрики в южных провинциях Китая – форпосты русско-китайской чайной торговли (1870 г. – первое десятилетие XX в.) // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2019. № 24. С. 401-415.
- Шаронова, 2019б** – *Шаронова В.Г.* Экспортно-импортные операции русско-китайской чайной торговли (с середины XIX до начала XX века) / *Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы Третьей Всерос. науч. конф., г. Томск, 21–23 сентября 2018 г.* Томск: Изд-во ТГАСУ, 2019. С. 241-250.
- Chu, 1936** – *Chu T.* The trade in Central China. Shanghai: China Institute of Pacific Relations, 1936. 359 p.
- Du, 2000** – *Du H.* Tea and Hankow market in the Ch'ing period : PhD diss. Wuhan University. Wuhan, 2000.
- Guo, 2010** – *Guo F.* Tea trade system change of Qing dynasty and government administration: PhD diss. Shanxi University. Taiyuan, 2010.
- Hao, 1992** – *Hao Y.* The commercial revolution in Nineteenth-Century China. The rise of Sino-Western mercantile capitalism. Berkeley : Univ. of California Press, 1992. 380 p.
- Rowe, 1989** – *Rowe W.* Hankow: conflict and community in a Chinese city, 1796–1895. Stanford: Stanford university press, 1989. 440 p.
- Yoder, 2016** – *Yoder A.J.* Tea time in Romanov Russia: a cultural history, 1616–1917: PhD diss. The University of North Carolina. Chapel Hill, 2016. 358 p.

References

- AVPRI** – Arhiv vneshnej politiki Rossijskij imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].
- Chu, 1936** – *Chu, T.* (1936). The trade in Central China. Shanghai: China Institute of Pacific Relations, 359 p.
- Datsyshen, 2012** – *Datsyshen, V.G.* (2012). Russkie v Han'kou: iz istorii russko-kitajskih otnoshenij vtoroj poloviny XIX – pervoj poloviny XX v. (po arhivnym i knizhnym fondam Moskvy, Sibiri, Dal'nego Vostoka i Kitaya) [Russians in Hankou: from the history of Russian-Chinese relations of the second half of the 19th – first half of the 20th centuries (based on archival and book collections of Moscow, Siberia, the Far East and China)]. Rossiya i Kitai. Nauchnye i kul'turnye svyazi (po materialam arkhivnykh, rukopisnykh, knizhnykh i muzeinykh fondov). Vyp. 2. Sankt-Peterburg: Al'faret, pp. 67-80. [in Russian]
- Du, 2000** – *Du, H.* (2000). Tea and Hankow market in the Ch'ing period : PhD diss. Wuhan University. Wuhan.
- Filshin, 2018** – *Filshin, N.G.* (2018). Trade activities of Russian merchants in Hankou [Torgovaya deyatel'nost' russkih kupcov v Han'kou]. *Vaganovskie chteniya: materialy IX region. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 425-letiyu goroda Tary (g. Tara, 5–6 aprelya 2018 goda)*. Омск: Амфора, pp. 97-103. [in Russian]
- Guo, 2010** – *Guo, F.* (2010). Tea trade system change of Qing dynasty and government administration : PhD diss. Shanxi University. Taiyuan.
- Hao, 1992** – *Hao, Y.* (1992). The commercial revolution in Nineteenth-Century China. The rise of Sino-Western mercantile capitalism. Berkeley : Univ. of California Press, 380 p.
- Khokhlov, 2012** – *Khokhlov, A.N.* (2012). Torgovlya i predprinimatel'skaya deyatel'nost' rossiyan v Kitae vo vtoroj polovine XIX v. [Trade and entrepreneurial activity of Russians in China in the second half of the 19th century]. *Rossiiskaya istoriya*. 3: 144-152. [in Russian]

- [Khristolyubova, 2019a](#) – *Khristolyubova, Yu.S.* (2019). K voprosu o sushchestvovanii russkikh chajnyh plantacij na territorii Kitaya 1860-1929 gg. [On the issue of the existence of Russian tea plantations in China in 1860-1929]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 5: 61-67. [in Russian]
- [Khristolyubova, 2019b](#) – *Khristolyubova, Yu. S.* (2019). Stanovlenie mezhdunarodnogo rynka chajnoj trgovli v Han'kou vo vtoroj polovine XIX v. [The formation of the international tea trade market in Hankou in the second half of the 19th century]. *Vostok (Oriens)*. 3: 79-90. [in Russian]
- [Kommercheskoe svedenie o han'kouskom rynke, 1885](#) – Kommercheskoe svedenie o han'kouskom rynke. [Commercial information about the Hankou market]. 1885. №1, 3 p. [in Russian]
- [Korostovets, 1898](#) – *Korostovets, I.Ya.* (1898). Kitajcy i ih civilizaciya [The Chinese and their civilization]. Sankt-Peterburg: N. Askarkhanov, 625 p. [in Russian]
- [Liu Zaitsi, 2010](#) – *Liu Zaitsi* (2010). Tea trade between Russia and China. *Mir Evrazii*. 3: 63-75. [in Russian]
- [O russkoj trgovle v Han'kou za 1869 god, 1870](#) – O russkoj trgovle v Han'kou za 1869 god [About Russian trade in Hankou for 1869]. *oskva: universitetskaya tipografiya, 1870*. 13 p. [in Russian]
- [OR RGB](#) – Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library].
- [Pavil'on kyahtinskogo kupechestva, 1896](#) – Pavil'on kyahtinskogo kupechestva [Pavilion of the Kyakhta merchants]. Sankt-Peterburg: Kommercheskaya skoropechatnaya preem. Evgeniya Tile, 1896. 69 p. [in Russian]
- [Popov, 1870](#) – *Popov, K.A.* (1870). O chae i ego prigotovlenii russkimi v Kitae [About tea and its preparation by Russians in China]. Moskva: Tip. I.N. Kushnereva, 33 p. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive].
- [Rowe, 1989](#) – *Rowe, W.* (1989). Hankow: conflict and community in a Chinese city, 1796–1895. Stanford: Stanford university press, 440 p.
- [Sharonova, 2017](#) – *Sharonova, V.G.* (2017). Chajnaya produkcija v russko-kitajskoj trgovle na rubezhe XIX-XX vekov [Tea products in Russian-Chinese trade at the turn of the 19th – 20th centuries]. Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatel'nost', nasledie: materialy Tret'ei Vseros. nauch. konf., g. Tomsk, 21–23 sentyabrya 2018 g. Tomsk: Izd-vo TGASU, pp. 11-27. [in Russian]
- [Sharonova, 2019a](#) – *Sharonova, V.G.* (2019). Russkie trgovye doma i fabriki v yuzhnyh provinciyah Kitaya – forposty russko-kitajskoj chajnoj trgovli (1870 g. – pervoe desyatiletie XX v.) [Russian trading houses and factories in the southern provinces of China – outposts of the Russian-Chinese tea trade (1870 – the first decade of the 20th century)]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istorija i sovremennost'*. 24: 401-415. [in Russian]
- [Sharonova, 2019b](#) – *Sharonova, V.G.* (2019). Eksportno-importnye operacii russko-kitajskoj chajnoj trgovli (s serediny XIX do nachala XX veka) [Export-import operations of the Russian-Chinese tea trade (from the mid-19th to the beginning of the 20th century)]. Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatel'nost', nasledie: materialy Tret'ei Vseros. nauch. konf., g. Tomsk, 21–23 sentyabrya 2018 g. Tomsk: Tomsk: Izd-vo TGASU, pp. 241-250. [in Russian]
- [Skalkovskiy, 1883](#) – *Skalkovskiy, K.A.* (1883). Russkaya trgovlya v Tihom okeane: ekonomicheskoe issledovanie russkoj trgovli i morekhodstva v Primorskoj oblasti, Vostochnoj Sibiri, Koree, Kitae, Yaponii i Kalifornii [Russian trade in the Pacific Ocean: an economic study of Russian trade and navigation in the Primorsky region, Eastern Siberia, Korea, China, Japan and California]. Sankt-Peterburg: Tip. A. S. Suvorina, 515 p. [in Russian]
- [Sladkovskiy, 1974](#) – *Sladkovskiy, M.I.* (1974). Istorija trgovno-ekonomicheskikh otnoshenij narodov Rossii s Kitaem (do 1917 g.) [History of trade and economic relations between the peoples of Russia and China (before 1917)]. Moskva: Nauka, 363 p. [in Russian]
- [Sokolov, 2011](#) – *Sokolov, I.A.* (2011). Chaj i chajnaya trgovlya v Rossii: 1790 – 1919 gg. [Tea and tea trade in Russia: 1790 – 1919]. Moskva: Sputnik +, 493 p. [in Russian]
- [Subbotin, 1892](#) – *Subbotin, A.P.* (1892). Chaj i chajnaya trgovlya v Rossii i drugih gosudarstvah: proizvodstvo, potreblenie i raspredelenie Chaya [Tea and tea trade in Russia and other countries: production, consumption and distribution of tea]. Sankt-Peterburg: A. G. Kuznetsov, 706 p. [in Russian]
- [Yoder, 2016](#) – *Yoder, A.J.* (2016). Tea time in Romanov Russia: a cultural history, 1616–1917: PhD diss. The University of North Carolina. Chapel Hill, 358 p.

Российское чайное дело в Ханькоу во второй половине XIX в.: операции по покупке байхового чая

Ильдар Рашидович Хамзин ^{a, *}, Рустам Талгатович Ганиев ^a, Антон Владимирович Кочнев ^a

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ildar.hamzin1991@mail.ru (И.П. Хамзин)

^aУральский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучается деятельность российских предпринимателей в китайском порту Ханькоу в рамках покупки байхового чая для российского рынка. Байховый чай являлся товаром, под которым российская дореволюционная литература, источниковая база и статистика понимала наиболее дорогие сорта китайского чая, выращенного и обработанного на китайских плантациях и фабриках и отправляемого для продажи иностранцам в порт Ханькоу. Данный аспект является частным вопросом русско-китайской торговли второй половины XIX в., но представляется важным для более углубленного изучения данной тематики и расширения научных знаний о русско-китайских отношениях в целом. В статье рассмотрены особенности производства и транспортировки байхового чая на рынок Ханькоу, вопросы ценообразования, процесс купли-продажи, факторы, влияющие на торговлю байховым чаем в Ханькоу, аспекты конкуренции чайной торговли Ханькоу с Шанхаем и конкуренции иностранных торговых домов за покупку данного товара и отправки его на российский рынок. В выводах работы обобщены основные результаты проведенного исследования, показано значение участия российских предпринимателей в чайной торговле для русско-китайских отношений рассматриваемого времени.

Ключевые слова: русско-китайская торговля, чайная торговля, байховый чай, Ханькоу, империя Цин.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1835-1843
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1835

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Approval and Formation of a New Kazakh Bureaucracy in the Post-Reform Period (Based on Materials from Western Kazakhstan)

Assylbek T. Maden ^{a, *}, Guldana A. Mambetova ^a

^a K. Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, Republic of Kazakhstan

Abstract

The focus of the article is the examination of the historical process of consolidation and emergence of new Kazakh officials following the implementation of reforms in the 1860s–1890s based on materials from Western Kazakhstan. The roles of village foreman, volost manager, people's court, junior assistant of county chief were created held by Kazakhs accordingly to “Temporary Regulation” of 1868. Among them, the position of junior assistant of county head fell under category of public service, while remaining positions were associated with public administration. Junior assistant of county chief was introduced during the transitional period before the formal foundation of a new management structure, as the authors mention. The regional government relied on the volost managers and village elders, who were introduced as bodies of “self-government” of Kazakhs in achieving their political goals at the local level. The authors examine the statutory authority granted to various public leadership roles. They conclude that security responsibilities are allocated to village elders and volost administrators more than administrative and financial ones. Since the end of the XIX century, requirements for Kazakhs applying for the volost manager have increased. From now on, applicants had to speak Russian. The appointment of peasant chiefs in 1902 increased authority over the operations of village elders, volost administrators and people's courts. Peasant chiefs toured the volosts, monitored activities of Kazakh officials. Nevertheless, Kazakh officials served the interests of people of their county and village. Over time, these positions were accepted by Kazakh society and the famous Kazakhs who held them became the local elite as officials.

Keywords: reform, official, county chief, junior assistant, volost head, people's court, village foreman, peasant leader, voters, volost congress.

1. Introduction

Since the 20s of the 19th century, the Russian government began to change the system of governing the Kazakhs. The goal was to introduce a system of effective management of the Kazakhs and bring it into line with imperial standards. In this regard, from this period, several reforms related to the management of the Kazakhs were implemented, and several management systems were implemented in each part of Kazakhstan. By the 60s of the 19th century, the question of unifying the administrative management system throughout Kazakhstan and creating a unified system of leadership positions for Kazakhs was on the agenda. For these purposes, a new reform was carried out in 1867–1868 and six regions were created on the territory of Kazakhstan. The territory of the Kazakhs of the Orenburg region was united with the Ural and Torgai regions. Thus, the Russian government completed the process of integrating Kazakhstan into the empire, introducing a new administrative and political management system on Kazakh land.

The new management system introduced to the Kazakhs was improved and refined throughout the years 1860–1890. Meanwhile, under the new system, a new group of Kazakh officials was formed who served the Russian Empire. These include Kazakhs who held the positions of junior assistant to the district chief,

* Corresponding author

E-mail addresses: assylbek_maden@mail.ru (A.T. Maden)

volost steward, village headman, and people's court. From this point of view, it is important to determine the activities of the mentioned officials, their rights and obligations, their relationships with the central authorities, the pedigree of the Kazakhs who served the Russian Empire, and their lives. Studying these issues helps to better understand the history of our common imperial past and reveal the white pages of Kazakh history.

2. Materials and methods

The factual basis of the study consists of documents obtained from the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan) and the Unified State Archive of the Orenburg Region (Orenburg, Russian Federation). Documents from fund №25, called the «Torgai Regional Administration», were used from the Central State Archive, and documents from fund №6, called «Office of the Governor General of Orenburg», were used from the Unified State Archive of the Orenburg Region. Personal files, official lists of persons stored in these funds, files on the election of officials of public administration in the volosts allow us to determine the names of Kazakh officials who served the Russian Empire in the second half of the XIX and early XX centuries from the Torgai region, to compile a list of positions that they held, understanding the process of elections of volost managers and people's courts, determining the names of volost and village elders makes it possible to study the peculiarities of relationships with county leaders and peasant leaders.

When writing the article, we were guided by historical, objective, chronological principles. Historical-genetic, comparative analysis, biographical, historical-descriptive methods were used as the main research methods. The historical-genetic method made it possible to identify the stages of improvement of the new administrative-political management system introduced to the Kazakhs by the Russian government, the reasons for clarifying and supplementing the powers of the civil service and public administration positions held by the Kazakhs. The method of comparative analysis helped to understand the general patterns and features of the government policy of the Orenburg region. However, the policy of the heads of regions corresponded to imperial interests. Also, this method made it possible to determine the stages of total control of the Russian authorities over the Kazakh steppe at this stage. Using the biographical method, we were able to study the biography, environment, dynasty, stages of personal growth of new Kazakh officials and restore their life positions. Restoring and describing historical processes and phenomena of that time allows us to consistently and systematically present the events that took place.

3. Discussion

The problem we are considering is mainly reflected in the works of modern Kazakhstani researchers. Most of the research is devoted to the history of the institute of the county manager. Thus, in the works of S.S.Sayfulmalikova ([Sayfulmalikova, 2012](#)), G.K. Kalieva ([Kalieva, 2010](#)) and S.K. Uderbaeva ([Uderbaeva, 2017](#)), the features of the volost management system are studied on the basis of the materials of the Turkestan Governor-General. B.U. Malikov ([Malikov, 2016](#); [Malikov, 2017](#)) considers the volost system in his works relatively based on the materials of the West Siberian and Steppe General Governorships. The works of historian T.T. Dalaeva are devoted to the study of the volost system based on the materials of the regions of the West Siberian General Governorship. The author analyzes the problem of securing the position of a volost manager, its susceptibility to changes ([Dalayeva, 2015: 30-37](#)), the experience of holding volost congresses. The scientist first of all in this work, paying attention to the activities of the volost «voters», their official duties, and concludes that «...volost voters can be attributed to the composition of the volost administration apparatus, based on their position» ([Dalayeva, 2016: 32-40](#)). The next historian who studied the volost system was G.S. Sultangalieva. The author in her works ([Sultangalieva, 2015](#); [Sultangalieva, 2016](#); [Sultangalieva, Malikov: 2016](#)) examines the history of the creation of the volost system, the activities of township managers based on materials from the West Kazakhstan region. The introduction of a new management system for the Kazakhs of the Orenburg Region and its consequences are also analyzed in the work of B.S. Abenova ([Abenova, 2010](#)).

A comprehensive study of the institute of the volost manager, its transformation at the level of the whole of Kazakhstan was undertaken in a collection of documents published by the above-mentioned authors ([Institut..., 2018](#)). The collection examines the history of the institute of the volost manager in the 20s of the XIX – early XX century, the influence of volosts on the social life of nomadic Kazakh society, the order of their election, the activities of volost voters, the nature of the relationship of volosts with county and peasant chiefs.

Thus, the above works provided only for the activities of the volost managers. The activities of the positions of the junior assistant to the head of the county, the village foreman, the people's court, to which we pay attention, their relationship, the relationship with the regional administration have not been studied specifically.

4. Results

Since 1869, the Kazakhs of the Orenburg region were introduced to a new administrative structure and a new management system in accordance with the «Temporary Regulations on the Management of the Field Regions of the Orenburg and West Siberian General Government», approved on October 21, 1868. According

to the new reform, regions were divided into counties, counties into volosts, volosts into villages. In the «Temporary Regulation», special attention was paid to the issue of local government of the Kazakhs. Therefore, leadership positions occupied only by Kazakhs were introduced. As mentioned above, this is a junior assistant to the head of the district, a volost steward and a village headman. The Russian government, making such changes to the system of governing the Kazakhs, abolished all the privileges of the sultans who were previously involved in governing the country, and equated them with ordinary Kazakhs. Thus, the colonial administration relied on the aforementioned local Kazakh officials for its political purposes.

At the local level, the highest position held by Kazakhs was junior assistant of the head of the county. This position belonged to the number of public services. According to the «Temporary Regulation», post of two assistants, a senior and a junior, were considered to the head of the county. The senior assistant was appointed exclusively from among the Russian military. The junior assistant was appointed from among the prestigious and influential Kazakhs. According to the plan of the Russian government, the junior assistant to the head of county was supposed to serve as a link between the county governor and the Kazakh bolis. Therefore, the holder of this position was entrusted with important social and political responsibilities.

In the «Temporary Regulations» of 1868, the duties of the junior assistant of the county governor were not defined at all. However, they acted on the personal instructions to the head of the county and directly carried out their tasks.

As mentioned above, respectable Kazakhs with a reputation among the people and experience in governing the country were appointed to the position of junior assistant to the head of the county. For example, in 1868, the cornet Aibasov was appointed junior assistant to the head of the Ural district of the Ural region, Omar Kazyev was appointed to the Kalmykov district, Kosymbai Tausarov was appointed to the Guryev district, and Alpysbai Mambetaliev was appointed to the Embi district ([USAOR. F. 6. Op. 6. D. 14242. L. 11](#)). And in accordance with the order of the military governor of the Torgai region, in 1868 Lieutenant Colonel Sultan Zhahangerov was appointed as a junior assistant in Torgai, in the Nikolaev region – Esaul Kulanbaev, in the Yrgyz region - the mediocre cornet Berkimbaev, and in the Elek region – Esaul Aryngaziev. The last three temporarily held this position. Aimukhamed Aryngaziev, who was a junior assistant to the head of the Elek (from 1891 Aktobe) district, is a descendant of the famous Aryngazy Sultan and held this position until 1873 ([CSARK. F. 25. Op. 3. D. 20. L. 57](#)). Aimukhamed Aryngaziev worked as a member of the commission created to introduce «Temporary Regulation» to the Kazakhs of the Elek district, and participated in the creation of a number of bolises in the district.

After A. Aryngaziev, on May 1, 1873, the mediocre cornet Derbisali Berkimbaev was appointed as a junior assistant to the head of the Elek district. As the above archival data shows, in 1868 D. Berkimbaev was temporarily appointed junior assistant to the head of the Yrgyz district. He held this position until April 1869 ([CSARK. F. 25. Op. 3. D. 20. L. 157](#)). In general, he stayed in the Yrgyz region until the summer of 1872. In our opinion, D. Berkimbaev, as an experienced and authoritative person, was specially sent by the leadership of the Torgai region to facilitate the introduction of new rules in the Yrgyz region. Since the Yrgyz region was one of the regions where the implementation of a new administrative and management system encountered difficulties.

D. Berkimbaev for more than fifteen years, before the position of junior assistant to the head of the Elek county, held the positions of Bi, leading court cases and chief of the distance. When the «Temporary Regulation» of 1868 was introduced to the Kazakhs, he served as an official carrying out special assignments under the military governor of the Torgai region, and in 1869 he was appointed a member of the organizational commission created in connection with the new Rule in Yrgyz. By decision of the military governor of the Torgai region on June 8, 1872, D. Berkimbaev was sent to the command of the head of the Elek county ([CSARK. F. 25. Op. 2. D. 106. L. 1-4](#)). As we can see, D. Berkimbaev spent a sufficient amount of time engaged in organizational activities in the Irgiz region as a representative of the leadership of the Torgai region. We believe that one of the reasons why he did not stay in this region as a junior assistant to the district head is that he is not a native of this region.

D. Berkimbaev worked as a junior assistant to the head of the Elek county and served the Russian government diligently and devotedly. Thanks to the extensive experience and trust of the leadership of the Torgai region, D. Berkimbaev was reappointed on September 25, 1893 to the position of a freelance senior official of special assignments under the military governor. On May 14, 1899, he was appointed honorary conciliation judge of the Orenburg District Court for a new three-year term ([CSARK. F. 25. Op. 2. D. 106. L. 8-13](#)).

Eset Kotibaruly, who led the national liberation movement of the Kazakh people in 1847-1858, was the first junior assistant to the head of the Yrgyz county of Torgai region. Yeset Kotibaruly is a batyr and bi, a man who fought against the colonial policy of Russia for more than 30 years. In 1858, the uprising led by E. Kotibaruly was suppressed, and he stopped fighting. After reaching an agreement with the Russian government, he was pardoned. In subsequent years, he heads the Kabak genus. We mentioned above that from January 1, 1869, D. Berkimbaev temporarily held the position of junior assistant to the head of the Yrgyz county. In official letter (report), written to the military governor of the Torgai region on April 8, 1869, Captain Vogak, head of the Yrgyz county, «...I ask the Kazakhs to appoint Eset Kotibarov as my assistant instead of Derbisali Berkimbaev, taking into account the latter's enormous influence in the Kazakh steppe, and he ready to serve the government. ...Instead of Eset Kotyrbarov, I entrusted the leadership of the Kabak

Department of Shekti genus to Niyaz Otalarin» (CSARK. F. 25. Op. 3. D. 20. L. 157) and asked to appoint E. Kotibaruly instead of D. Berkimbaev. The military governor approved this request from the head of the Yrgyz region Vogak.

Eset Kotibaruly has been working as a junior assistant to the head of Yrgyz county for about ten years. By appointing such a person, the Russian government intended to use his authority and influence in the nomadic society to introduce a new system of governing the Kazakhs. In this way, specific goals of a specific period were achieved. However, the situation seems to have changed with the arrival of colonel Redkin to the place of captain Vogak, head of the Yrgyz county. At the suggestion of the county governor, Redkin, the military governor of the Torgai region, Major General A.P. Konstantinovich, on the basis of his order No. 285 of January 18, 1879, relieved E. Kotibaruly from the post of junior assistant to the head of the Yrgyz county. In his official letter, the county governor, Redkin, indicates that the reasons for the dismissal of E. Kotibaruly are «...professional shortcomings, advanced age, ignorance of the Russian language and complete ignorance of procedures». In general, from the contents of the official letter (dated January 7, 1879) of the head of the Redkin district to the military governor with a request for the dismissal of E. Kotibaruly, preserved in the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, and two reports of the batyr to the Orenburg Governor-General (dated March 4, 1879), in which he objected to this decision, it is clear that the relationship between them was not right. E. Kotibaruly in his report «...He notes that for 25 years he headed the Kabak Department of the Shekti genus, and since 1869 he has been a junior assistant to the head of the county, he has fulfilled all the obligations and tasks assigned to him in a timely and correct manner», on the contrary, the head of the county Redkin «constantly pressed him and tried to humiliate him in front of the leadership» (CSARK. F. 25. Op. 2. D. 487. L. 2-16). In any case, such personnel decisions were in the interests of the colonial administration, and in this case, the regional authorities constantly supported the decision of local leaders. Instead of E. Kotibaruly since January 1, 1879, an official under the military governor of the Torgai region, Abil Tulkibayev, was appointed as a junior assistant to the head of the Yrgyz county, who performs special assignments (CSARK. F. 25. Op. 2. D. 487. L. 9). Kazakh of village №8 of Tuztobe volost of Aktobe district, the mediocre cornet A. Tulkibayev was one of the officials of the Russian administration, who spoke Russian very well and was very educated. The head of the peasant plot №2 of the Aktobe district Andreev A.A. told about Tulkibayev: «...a very intelligent Kazakh, living peacefully in his village, is engaged exclusively in farming and does not participate in any parties». After graduating from the school for Kazakh children under the regional administration, A. Tulkibayev began his career as an interpreter in the office of the ruler-sultan of the middle part of the region on January 1, 1865. In 1872, he was confirmed as the manager of the Tuztobe county. In 1873, he participated in the Khiva expedition and was awarded by the Government. As an official carrying out special assignments was appointed in 1878. After being dismissed from the post of junior assistant to the head of the Yrgyz county, he has been working as a manager of the Tuztobe county for another 9 years. Then, in 1904, on October 5, he moved to the Torgai regional administration, where he worked as an employee of the office. This was his last job. In the official letter of the military governor of the Torgay region I.M. Strahovsky about the award of A. Tulkibayev as honorary citizen by inheritance to the Minister of Internal Affairs on June 12, 1910, he declared A. Tulkibayev's service to the Russian authorities: «...the activity of the mediocre cornet for more than 35 years has not been nominal, but has always been useful...» (CSARK. F. 25. Op. 2. D. 846. L. 33-42). As can be seen, for the Russian authorities at the initial stage, the position of junior assistant to the chief of the county was one of the most important positions and vulnerable persons were not appointed. The regional authorities, through junior assistants appointed from the Kazakhs, got acquainted with the social structure of the nomadic Kazakh society unfamiliar to them, with the patterns in it, established direct contacts with the volost administrators. Later, a new administrative and management system was fully introduced, and at a time when all its links worked in balance, this position was not required. Thus, according to the Regulation of March 25, 1891, the position of junior assistant to the head of the county was abolished.

As noted above, the junior assistants to the head of the county worked directly with the volost administrators who led the volosts and the village elders who led the villages. In accordance with the «Temporary Regulation», the volost manager and the village foreman were considered the lowest level of the colonial administration. On the other hand, they were introduced as bodies of «self-government» of the Kazakhs.

According to the «Temporary Regulation», volost managers and village elders were appointed by election. «Persons over the age of 25 who have won the respect and trust of the people, had no criminal record, were not in criminal prosecution» could apply for the position of volost manager and village foreman (Materialy..., 1960: 327). As we can see, according to this law, any Kazakh, regardless of social origin, could be elected as a volost or village headman.

In general, the new management system introduced by the Russian government to the Kazakhs was improved both structurally and legislatively until the 90s of the 19th century. As a result, the powers of public administration officials specified in the regulations of 1891, the procedure for their election, requirements for candidates, and rules for approving new elected officials were clarified and supplemented. In the new situation, the volost manager and his candidate were still elected at the volost congress of voters. The time and place of the volost congress was determined by the head of the district. The winners of the elections were presented to the military governor for approval by the head of the lyceum county. However, according to the

new rule, the military governor also had the right not to record the outcome of volost elections. In case of non-approval, he called new elections or chose the volost manager and his candidate at his discretion. Village elders and their candidates were elected by village congresses by a simple majority of votes. The newly elected village elder and his candidate were approved by the head of the county ([Materialy..., 1960: 391-392](#)). Both the volost manager and the village elder were elected for a period of 3 years.

The regulations of 1891 clarified the official powers of volost managers and village elders. The volosts were obliged to comply with government regulations and court decisions, participate in village congresses at which village elders and their candidates were elected, and maintain order in them. But they had no right to interfere in the elections. The volosts also compiled lists of families in the village, tracked population growth and decline, and monitored the timely receipt of all fees and payments. The task of the village elders was to convene village congresses to elect volost voters, take part in these congresses and monitor order in them, collect all payments from the population, issue receipts and transfer the collected funds to the volost manager. The regulations provided for the release of the volost manager and the village foreman from office for improper performance of their duties and abuse of office or for various punishments depending on the severity of the illegal actions ([Materialy..., 1960: 392-393](#)). Thus, although the new rule gave volost managers and village elders broad powers at the local level, their activities were under the control of district leaders and peasant leaders and were directly subordinate to them.

However, volost managers and village elders became representatives of the local elite with official power in their hands during the period under consideration. In particular, the institution of volost administration underwent a significant transformation in the second half of the XIX and early XX centuries. In this period, volost activities were accepted by Kazakh society, and they began to carry out important socio-economic and political activities within their volost. It is possible to cite data on the desire of the volosts to solve problematic political and economic problems of their clan using power. One of these volost managers was Akhmetkerei Kosuakov. Akhmetkerey Toktamysuly Kosuakov was born in 1857 in the Elek-Batpak region of the Aktobe district of the Torgai region. He was a literate and authoritative person with a very good knowledge of the Russian language. Peasant head of station №1 of Aktobe district Sukhin N.M. in his official letter, presenting the results of the elections in the Bestamak volost to the military governor of the Torgai region on October 13, 1904, he described A. Kosuakov, who was elected by the volost for three years 1905–1907, «...studied at the gymnasium until the 5th grade, worked as a volost for 12 years manager, very useful in the service...» and asks to approve him. In general, A. Kosuakov headed the Bestamak volost for about 15 years from 1893 to 1907 ([CSARK. F. 25. Op. 5. D. 397. L. 6-7, 58-61](#)). Later, in 1911–1913, he also ruled the neighboring Batpakty volost ([Spravochnaya knizhka..., 1913: 73](#)).

Looking at history in popular memory, Akhmetkerey was a generous man who shared volost funds and property with his people. He spared no expense on public education, the construction of mosques and other good deeds, and thanks to his great reputation, it was possible to mobilize the population for such causes. For example, he participated in the creation of the «Aryngazy school», which was opened in 1894 in village №2 of the Aktobe volost, and then moved to the Bestamak volost. At the request of the manager of the Bestamak volost A. Kosuakov, Akhmet Baitursynovich, who just graduated from the Orenburg Teachers' Seminary, was sent here as a teacher ([Vasiliev, 1896: 160](#)). There is no reliable data on how many years A. Baitursynuly taught at the Aryngazy rural school in the Akhmetkerey volost. However, we can conclude that Akhmetkerey was personally acquainted with the teacher of the volost nation, Akhmet Baitursynuly. After the establishment of Soviet power, he worked as a translator for the administration Zemskoye in 1918–1920. From 1920 until the end of his life, he honorably served as a conciliation judge in the justice department of the Aktobe district executive committee of Aktobe.

The study of cases on the election of public administration officials for individual volosts, stored in the archives, as well as individual lives of the volosts, indicates that volost managers were elected, as a rule, for several terms in a row. On the one hand, this is probably through the trust and support of the population. On the other hand, according to the historian G.S. Sultangalieva, volost managers tried to leave their positions to their children after service until old age. As a result, dynasties emerged that held the post of volost manager for several generations in a row. Among them, a scientist from the Aktobe district of the Turgai region names Keikin (volost Borte), Nysanovs (volost Borili), Berkimbaevs (volost Araltobe), Nurmukhamedovs (volost 1st Borte) ([Institut..., 2018: 29-30](#)). In addition, from the Yrgyz district we can name the Almatovs (Kenzhegara volost) and the Shymanovs (Shengeldi volost).

The founder of the Berkimbayev dynasty, Berkimbay Buchibaev, began serving the Russian authorities in the mid 20s of the XIXth century. He was elected manager of the Araltobe volost in 1869 and held this position for more than 20 years. Previously he held the position of head of the distance. B. Buchibaev's son Mirali, under his father, was constantly elected as a candidate for volost governor. In 1895 he was elected volost manager and held this position for three years. In 1899, the grandson of Berkimbay, the son of Derbisali Berkimbayev, Laiyk, was elected manager of the Araltobe volost ([Sultangalieva, Tuleshova, 2017: 180-182](#)). Bayadil Keikin from the Keikin dynasty was distinguished by his «zealous and devoted» service to the Russian Empire. He was elected volost manager of the Borte volost of the Aktobe volost for a three-year period 1875–1877. Before that, since 1846, he held the positions of head of the distance, assessor of the Orenburg Border Commission, and assistant to the ruler-sultan. After being released from the post of volost

manager on October 15, 1880, he was appointed junior official of special assignments under the military governor of the Torgai region (CSARK. F. 25. Op. 5. D. 87. L. 1-4). The Borte volost was also headed by father and son Seyitbatal and Pangerey Nurmukhamedov. Seitbatal Nurmukhamedov held this position for 9 years, that is, from 1890 to 1899. He was an experienced man who had previously held various positions in regional government for over 25 years, including the position of junior assistant to the head of the Emba district of the Ural region. He was appointed to this position on January 19, 1872. The last position held by S. Nurmukhamedov was the position of a freelance junior official for special assignments under the military governor of the Torgai region. He was appointed to this position on November 28, 1902 (CSARK. F. 25. Op. 5. D. 134. L. 1-7). The son of S. Nurmukhamedov, Pangerey Nurmukhamedov, led the volost of the 1st Borte in 1889–1903. Graduated from the Orenburg Men's Gymnasium (Sultangalieva, 2005: 28). As we see, S. Nurmukhamedov was one of the Kazakh officials who held the positions of junior assistant to the head of the county and volost manager, which we considered. Among the Kazakhs who held these two positions were Abil Tulkibaev and Shakhmurat Almatov, who represented the Almatov dynasty.

Almatovs, who served the Russian Empire for several generations and became volosts, were one of the famous dynasties of the Yrgyz district of the Torgai region. The eldest of the dynasty is Almat Tobabergenov, a Kazakh from the Shomekey genus. He served the Russian government since 1834. In 1845, he was appointed a kibitochny tax collector from the Kazakhs and held this position until 1851. In 1851–1860 he headed the 54th distance, in 1860–1868– the 31st distance. In 1869–1874 he worked as a manager of the Kozhakol (Kenzhegar) volost (CSARK. F. 25. Op. 5. D. 192. L. 1-4). During the first 3 years of these 6 years, his eldest son Shakhmurat Almatov was a candidate for the management of the volost. A. Tobabergenov thus introduced all his sons to the ministry and directed them to continue their work. Prior to that, Shakhmurat Almatov led the 54th distance after his father since December 1861. On January 1, 1875, he was elected manager of Kenzhegar volost and held this position until the autumn of 1889. On September 25, 1889, by order of the military governor of the Torgai region, he was appointed junior assistant to the chief of the Yrgyz county. He remained in this position until 1892. In the subsequent period, he was an honorary conciliatory judge of Yrgyz county, held various positions in the staff of the Torgai regional administration. Thus, Shakhmurat Almatov was one of the experienced officials who worked in public elections for 26 years from 1864 to 1889 and in public service 1889–1892, 1899–1910 – 15 years, 41 years in total (CSARK. F. 25. Op. 2. D. 32. L. 16-22). The sons of Almat Tobabergenov – Toremurat and Makhan, grandson Abdusalam from Toremurat were also the governors of Kenzhegar county. Toremurat Almatov was a candidate for the post of county manager under his father Almat Tobabergenov, who headed the Kozhakolsky county in 1872–1874 (USAOR. F. 6. Op. 6. D. 14369/26. L. 42). Toremurat Almatov, like his brother Shakhmurat Almatov, was a well-known personality in the Torgai region. He received awards and the title of «hereditary honorary citizen» for his diligent and devoted service to the Russian government (Rakiuly, 2022: 259-260).

Since the end of the XIX century, the Russian government has taken a number of measures aimed at improving the efficiency of public administration officials and, on the other hand, strengthening control over them. One of them was the requirement to oblige the volost managers to speak Russian. Thus, the regional administration sought to ensure that the volosts in their activities were independent of clerks and translators, had a free relationship with the head of the county. In 1902, a law was introduced in the Ural and Torgai regions, which transferred volost and village elders under the control of peasant chiefs. From this period, complicated relations between the Kazakh authorities and peasant leaders began. This is clearly illustrated by the archive data. After the abolition of the post of junior assistant to the chief of the county, the same peasant chiefs worked directly with the volosts, village elders and people's courts.

The second prestigious position after the volost administrator in the new system of government introduced in accordance with the «Temporary Regulation» were the people's courts. People's courts were elected in each village. For the Kazakhs, the position of the people's court was a source of influence, authority, opened the way to the position of a volost manager. In the articles of the «Temporary Regulation» of 1868, this position was called «bi». This should be understood as an attempt by the creators of this law to continue the tradition of the Bi court, using the Kazakh word «bi». However, in the new rule of 1891, this position was renamed the People's Court. In accordance with the «Temporary Regulation», people over 25 could be elected as people's courts, and in the new rule this restriction was increased to 35 years. But those who graduated from Russian schools were allowed to participate in elections from the age of 25. Elections of people's courts and their candidates were elected at the volost congress simultaneously with the elections of volosts, by voters for a period of 3 years. The military governor had the right to approve or not approve the election results. Wages were not considered in the people's courts, although bi had the right to levy a special fine from the defendant, established by folk custom, for resolving the problem; its amount should not exceed a tenth of the value of the claim for property claims, and for considering the case in relation to personal insults, the power was determined in accordance with already established customs (Materialy..., 1960: 332, 395).

The People's courts were issued a bronze badge for wearing, an official seal of the established pattern during the performance of official duties. The court session was held in public and in accordance with folk customs. The People's courts considered cases worth no more than 300 rubles (15 horses, 150 sheep). Although only those decisions that they made on cases worth up to 30 rubles were considered final decisions. The duty to execute court decisions was assigned to the volost administrator, with prolonged execution of the

decision and inaction of the local authorities, he was punished in accordance with the law, and losses from his inaction were also recovered.

People's courts were also required to participate in the volost congress of people's courts, which was convened to consider cases worth more than 300 rubles. At the volost congress, all cases were considered, regardless of the cost, but their decision was final only for cases up to 500 rubles (25 horses, 250 sheep). The People's Courts also participated in emergency congresses convened as necessary to consider the cases of residents of several counties or volosts. The emergency congresses were attended by the courts of the volosts in which the accused parties lived, and at least one people's court from each volost was sent to them. The provision provided for the punishment of courts who did not appear at the congress without a valid reason. The consideration of cases at volost and emergency congresses was conducted on the basis of customs (*Materialy...*, 1960: 332-333, 395). As we can see, the people's courts operated mainly at the rural level. However, there were people's courts, which were famous in the volost for their just power over the volost, and even in the county. They continued the tradition of the Bi court and played an important role in the socio-political life of the volost.

As noted above, since the beginning of the twentieth century, peasant leaders have actively participated in the socio-political life of the nomadic Kazakh society. Their official powers included visiting volosts and supervising the record keeping of subordinate volost managers, people's courts and village elders. Peasant leaders were particularly active in the work of the volost congress of voters, at which volost administrators and people's courts were elected. They were interested in the victory of experienced and influential people who felt comfortable during the elections, facilitating their work. For example, on this issue, the peasant head of the section №1 of the Aktobe district, N.M. Sukhin, wrote in an official letter №775 to the military governor of the Torgai region dated October 26, 1904: «... I ask you not to attach Kazakhs Mukash Tukin and Seitaman Nyrkin, who do not have a positive influence on the Kazakhs in the volost and are completely inexperienced in service, Instead, I ask you to attach Darzhan Torebekov, the Kazakh of village №2, who was the manager for many years, or Kenzhegul Kushkinbayev, now the ruling village №4. These are people who have a positive influence among the volost Kazakhs and have sufficient experience in leadership positions. In particular, if we take Kushkinbayev, he, as a young man, would be a suitable person in the matter of placing migrants in the Karatogai volost» (*CSARK. F. 25. Op. 5. D. 398. L. 17*), he wrote and asked to secure the people he needed. In the official letter №776 with this date, the peasant chief participated in the approval of the elected people's courts of the Karatogai volost «...I ask you to approve the following elected Kazakhs who have no family ties with the manager and candidate, as well as with village elders and have special moral qualities» (*CSARK. F. 25. Op. 5. D. 398. L. 19*). At the same time, the peasant chiefs were also interested in ensuring that silence was not violated in the territory for which he was responsible. Therefore, they usually completely controlled the course of the elections in absentia and ensured the election of one of the representatives of the opposing party as a volost manager, the other as a candidate for it. Such initiatives and proposals of local officials in most cases were fully supported by the regional leadership.

Archival documents show that most of the conflicts between peasant chiefs and ordinary Kazakhs or public administration officials take place depending on the results of these elections. In this case, the Kazakhs listed election violations, illegal actions of peasant chiefs, wrote statements addressed to the Orenburg Governor-General and even the Minister of Internal Affairs. This circumstance testifies to the distrust of the members of the nomadic society at the beginning of the XX century to the immediate leaders – the chief of the county and the military governor who led the region. In the end, most of the Kazakhs' statements remained without completion or were not carefully considered, and violations continued.

Thus, at the beginning of the XX century, the system of local self-government, based on the power of public administration officials, underwent major changes. The Russian government has taken strict control over the activities of volost administrators, people's courts and village elders, introducing a supervisory authority, such as the activities of peasant chiefs and the county congress of peasant chiefs.

5. Conclusion

The Russian Empire, through administrative and political reforms implemented in Kazakhstan in the 60-90s of the XIX century, changed the social structure of the nomadic Kazakh society and from that moment state-bureaucratic relations became important. It was assumed that in the new management system based on these principles, the leading role would be played by new Kazakh officials who held the positions of junior assistant to the chief of the county, volost manager, People's Court and village foreman. In this regard, the duties of public administration officials are fully spelled out in the rules. Nevertheless, the duties of the guards prevailed over the administrative and economic duties of the volost and village elders. Although, according to the rules, the volost administrator, the people's court and village elders were given broad powers, they were directly subordinate to local representatives of the regional authorities. Nevertheless, the volost and village elders served in the interests of the people of their volost and village, solving their problematic issues together with the people's court and the volost mullahs. As a result, the traditional mechanisms of socio-economic relations in the nomadic Kazakh society have been preserved.

For the Russian authorities, the activities of the county head and the peasant chief were very important in the elections of public administration officials. After all, these officials were preparing people among Kazakhs who would serve the empire «honestly and with great enthusiasm», ensuring their victory in the elections. The military governors who headed the region, in turn, recruited famous, influential and experienced Kazakhs of the region to the staff of the regional administration. The regional administration gave various titles and awards to such Kazakh officials who served at the regional and local levels. The awards were aimed at giving officials new responsibilities, on the one hand, and role models for other Kazakhs, on the other. Thus, the positions of volost administrator, People's Court and village foreman occupied by Kazakhs with a number of changes remained until the establishment of Soviet power.

6. Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the project «Historical figures of the Great Steppe of the XVIII – 30s. XX centuries (based on materials from Western Kazakhstan)» (individual registration number AP09259029) with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

References

- Abenova, 2010** – *Abenova, B.S.* (2010). Resei imperiyasynyn Orynbor olkesindegi aimaktyk sayasaty (1868–1891) [Regional policy of the Russian Empire in the Orenburg region (1868–1891)]. Aktobe, 306 p. [in Kazakh]
- CSARK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Dalaeva, 2015** – *Dalaeva, T.T.* (2015). Volostnye upraviteli v Kazakhskikh stepyakh Zapadno-Sibirskogo vedomstva: osobennosti utverzhdeniya ikh v dolzhnosti v XIX – nach. XX vv. [Volost administrators in the Kazakh steppes of the West Siberian department: features of their confirmation in the XIX – early XX centuries]. *Vestnik KazNPU. Ser. Istor. i sots.-polit. nauki.* 3(46): 30-37. [in Russian]
- Dalaeva, 2016** – *Dalaeva, T.T.* (2016). Volostnye sezdy v Stepnom krae (kon. XIX – nach. XX vv.): praktika provedeniya, uchastniki i osnovnye resheniya. [Volost congresses in the Steppe Region (end of XIX – beginning of XX centuries): the practice of conducting, participants and main decisions]. *Vestnik KazNPU. Ser. Istor. i sots.-polit. nauki.* 3(50): 32-40. [in Russian]
- Institut..., 2018** – Institut volostnykh v sisteme upravleniya Kazakhskoi stepyu (XIX – nach. XX vv.) [Volost Institute in the management system of the Kazakh steppe (XIX – early XX centuries)]. Almaty, Kazakh universiteti, 2018. 396 p. [in Russian]
- Kalieva, 2010** – *Kalieva, G.K.* (2010). Vliyanie osobennosti upravleniya chinovnichestva v litse volostnykh upravitelei i aulnykh starshin na ikh sotsialnyi status [The influence of the features of the management of officialdom in the person of volost administrators and village elders on their social status]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Ser. Istoriya. Filosofiya.* 3(59): 18-24. [in Russian]
- Malikov, 2016** – *Malikov, B.U.* (2016). Kazak dalasyndagy bolystyk zhuie: Batys-Sibir zhane Dala general-gubernatorlygy materialdary boiynsha salystyrmaly analiz tazhiribesi [The volost system in the Kazakh steppe: the experience of comparative analysis on the materials of the West Siberian and Steppe general-governorships]. *KazUU Khabarshysy. Tarikh ser.* 1(48): 94-98. [in Kazakh]
- Malikov, 2017** – *Malikov, B.U.* (2017). Kazak dalasynda bolystyk zhuienin kurylyuy: Aktobe zhane Kazaly uezderinin materialdary boiynsha salystyrmaly taldau [Formation of the volost system in the Kazakh steppe: comparative analysis based on the materials of Aktobe and Kazaly counties]. *Kazakstannyn zhana zhahandyk zhangyruy: «Alash zhane Mangilik El» atty halykaralyk konf. mater.* Almaty. Pp. 172-176. [in Kazakh]
- Materialy..., 1960** – Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana [Materials on the history of political construction of Kazakhstan]. Tom 1. Alma-Ata: Izdatelstvo AN KazSSR, 1960. 441 p. [in Russian]
- Rakiuly, 2022** – *Rakiuly, R.* (2022). Alashtyn Almaty men Samuraty [Alash's Almat and Samurat]. Aktobe: Khabar-Servis. 520 p.
- Sayfulmalikova, 2012** – *Sayfulmalikova, S.S.* (2012). Zhetisu, Syrdariya oblystaryndagy bolystardyn kurylyu tarikhynan: kazak kogamyndagy rulyk katynastardy zhoyu bagytyndagy 1844, 1867 zh. Erezhelerdin aleumettik saldary [From the history of the formation of volosts in Zhetysu, Syrdarya regions: social consequences of the Regulations of 1844, 1867 in the direction of the elimination of tribal relations in Kazakh society]. *KazMU Khabarshysy. Tarikh ser.* 4(71): 18-22. [in Kazakh]
- Sultangalieva, 2015** – *Sultangalieva, G.S.* (2015). Volosti Aktyubinskogo uezda vo vtoroi polovine XIX v.: obrazovanie, geograficheskaya traektoriya [Volosts of Aktobe county in the second half of the twentieth century: education, geographical trajectory]. Mater. mezhd. nauch.-teor. konf. «E. Bekmakhanov i problemy izucheniya istoricheskikh lichnostei». Almaty, Kazakh universiteti. Pp. 62-65. [in Russian]
- Sultangalieva, 2016** – *Sultangalieva, G.S.* (2016). Volostnye upraviteli Kazakhskoi stepi: regionalnaya elita vtoroi poloviny XIX v. [Volost administrators of the Kazakh steppe: the regional elite of the second half of the XIX century]. Mater. mezhd. nauch.-teor. konf. «Tsennosti nezavisimosti i natsionalnaya ideya «Mangilik El». Almaty: Kazak universiteti. Pp. 118-121. [in Russian]

[Sultangalieva, Malikov, 2016](#) – *Sultangalieva, G.S., Malikov, B.U.* (2016). Torgai oblysynyn Aktobe zhane Yrgyz uezderinde bolystyk kurylymnyn kurylyu erekshelikteri [Features of the formation of a volost structure in Aktobe and Yrgyz counties of the Torgai region]. *Vestnik KazNPU. Ser. Istor. i sots.-polit. nauki.* 3(50): 51-56. [in Kazakh]

[Sultangalieva, Tuleshova, 2017](#) – *Sultangalieva, G.S., Tuleshova, U.Zh.* (2017). Dinastiya Berkimbaevykh: ot zauryad-khorunzhego do dvoryanina Rossiiskoi imperii [Berkimbayev Dynasty: from mediocre cornet to the nobleman of the Russian Empire]. *Edu.e-history.kz. Elektronnyi nauchnyi zhurnal.* 4(12): 179-184. [in Russian]

[Sultangalieva, 2005](#) – *Sultangalieva, G.S.* (2005). Istoriya Aktyubinskogo uezda [History of Aktobe county]. Aktobe, 264 p. [in Russian]

[Spravochnaya knizhka..., 1913](#) – Spravochnaya knizhka i adres kalendar Turgaiskoi oblasti na 1913 god [Reference book and address-calendar of the Torgai region for 1913]. Orenburg, 1913. 168 p. [in Russian]

[Uderbaeva, 2017](#) – *Uderbaeva, S.K.* (2017). Volostnye upraviteli Semirechenskoj oblasti: krug funktsionalnykh obyazannostei i obshchestvennaya deyatelnost. [Volost administrators of the Semirechensk region: the range of functional responsibilities and social activities]. *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchest. i gum. Nauk* 4(87): 189-195. [in Russian]

[USAOR](#) – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Unified State Archive of the Orenburg Region].

[Vasiliev, 1896](#) – *Vasiliev, A.V.* (1896). Istoricheskii ocherk russkogo obrazovaniya v Turgaiskoi oblasti i sovremennoe ego sostoyanie [Historical sketch of Russian education in the Torgay region and its current state]. Orenburg, 1896. 72 p. [in Russian]

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(4): 1844-1851
DOI: 10.13187/bg.2023.4.1844

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Stolypin Agrarian Reform: Prerequisites, Key Steps and Assessment of the Significance

Ivan S. Denisov ^{a, *}, Raul' S. Dzhindzholiya ^b, Kairat K. Atabekov ^{c, d}, Ivan N. Kuksin ^e

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

^c Kyrgyz Russian Slavic University named after the first President of the Russian Federation B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyz Republic

^d Chui University named after Sultan Mambetkaliev, Bishkek, Kyrgyz Republic

^e Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the study of the significance of the agricultural course proposed by P.A. Stolypin. The authors of the article conducted a comprehensive analysis of land reform, examining its causes, key stages, historical significance and results. As reasons for pursuing a new agrarian course, the author examined the main shortcomings of the peasant community, as well as the significance of the first revolution of 1905. The author also studied the career path of Pyotr Arkadyevich Stolypin, who eventually took the post of Chairman of the Council of Ministers of the Russian Empire. In the course of this work, the author studied a number of legal acts, including those regulating peasant-land legal relations, as well as their key innovations, such as: the Highest Manifesto of October 17, 1905 “On the Improvement of State Order”, the Personal Highest Decree “ On supplementing certain regulations of the current law relating to peasant land ownership and land use”, as well as the Law of December 14, 1893 “On certain measures to prevent the alienation of peasant allotment lands”. The author formulated the key stages of P. A. Stolypin’s agrarian reform: preparatory, rule-making, accompanying and resettlement. As part of the consideration of the resettlement stage, its key stages were also analyzed. This work also presents statistical data that clearly characterizes the impact of Stolypin’s new agrarian course on the economic development of the state. Particular attention in this study is paid to assessing the significance of the land reform of 1906 by identifying its key strengths and weaknesses.

Keywords: Russian Empire, agrarian reform, P. A. Stolypin, Nicholas II, peasant community, abolition of serfdom, revolution of 1905, resettlement of peasants, land ownership rights.

1. Введение

Исторический период конца XIX – начала XX веков является одним из самых интересных и многогранных периодов в истории Российской империи. В качестве причины большого интереса исследователей-историков к данному временному отрезку можно назвать его динамичность, насыщенность событиями.

Предшествующий хронологический период (период правления императора Николая I) характеризуется стагнацией, по причине которой к середине XIX века в социальной и политической жизни Российской империи был накоплен ряд ключевых проблем, требовавших незамедлительного решения. В связи со значительным преобладанием крестьянского населения над остальным населением государства – важнейшей проблемой стал крестьянский вопрос. К середине XIX века, когда страну возглавил Александр II, факт о необходимости решения данного вопроса стал очевиден

* Corresponding author

E-mail addresses: is.denisov@mail.ru (I.S. Denisov)

всем. Разрастание революционных настроений становилось критическим, и стремление сохранить целостность государства и монархическую форму правления требовало предпринять ряд значительных усилий в целях преобразования государства.

Был принят комплекс либеральных реформ во главе с крестьянской реформой 1861 года. Отмена крепостного права стала, пожалуй, одним из самых значительных событий в истории Российской империи. Однако, в условиях необходимости преодоления глубокого социального кризиса, освобождение крестьян было только первой ступенью решения данного вопроса. Необходимо было определить наиболее рациональный и эффективный порядок землепользования освобожденными крестьянами, что представляло собой весьма затруднительную задачу по причине нехватки необходимых ресурсов, в первую очередь кадровых и временных, при условии отсутствия возможности более длительной и обстоятельной подготовки крестьянской и земельной реформы, так как внутрисполитическая ситуация к началу 60-х годов XIX века требовала безотлагательных мер по освобождению крестьян.

В результате после отмены крепостного права было принято решение о формировании общинного порядка землепользования. На первоначальный период, непосредственно после самой отмены крепостного права, общинная форма хозяйствования на земле выглядела наиболее оптимально по причине ее наименее сложной организации. Однако со временем стали все более проявляться ее существенные недостатки, к которым можно отнести: невозможность рационального землепользования, отсутствие заинтересованности крестьян в поддержании плодородия земель, а также суждение относительно справедливости распределения земельных участков.

2. Материалы и методы

Данное исследование было разработано на основе изучения следующих материалов: архивные источники фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского государственного исторического архива (РГИА), материалы периодической печати газеты «Московские ведомости» (Московские ведомости), «Русская правда» (Русская правда), а также саратовская газета «Волга» (Волга, 1909); сборник архивных документов и материалов, посвященный деятельности П.А. Столыпина (П.А. Столыпин..., 2006); источники личного происхождения: Отчет о поездках агронома Макаренко с крестьянами в Волынскую губернию (Макаренко, 1913), дореволюционные нормативно-правовые источники: законы и указы, регламентирующие порядок землевладения и землепользования, а также государственный строй Российской империи (ПСЗРИ, 1897; ПСЗРИ, 1908; ПСЗРИ, 1909).

Также стоит сказать несколько слов об эмпирических и общелогических методах научного познания, которые были применены при проведении данного исследования, а именно: методы индукции и анализа, в том числе статистического, а также метод сопутствующих изменений.

При применении метода индукции, авторам данной статьи удалось сформулировать общую характеристику взглядов П.А. Столыпина на успешный путь развития Российской империи, который заключался не в удовлетворении желаний большинства населения, а в поддержке тех индивидов из числа крестьянского населения, которые стремились к самостоятельности и собственному развитию, способствуя тем самым и развитию самого государства.

С помощью метода сопутствующих изменений были выделены основные этапы земельной реформы Столыпина и рассмотрены их причинно-следственные связи.

Метод анализа позволил детально рассмотреть каждый из этапов исследуемой реформы, выявляя их сильные и слабые стороны, а также сформулировать комплексную оценку проведенных преобразований. Статистический анализ позволил подкрепить сформировавшиеся выводы и наглядно показать влияние нового аграрного курса на экономическое развитие государства.

3. Обсуждение

Анализируя историографию, авторы пришли к выводу, что разброс мнений относительно вопроса оценки Столыпинской земельной реформы достаточно велик и на протяжении долгих лет вызывает у исследователей данной темы острые споры и дискуссии.

Среди дореволюционных авторов интересным выглядит мнение русского историка и публициста Ковалевского М. М.: «Примем прежде всего во внимание, что господство общинных форм владения землею, являясь препятствием к переходу последней из рук в руки, нарушает тем самым интересы как привилегированных сословий и народных вождей, так и ремесленно-торгового населения городов» (Ковалевский, 1879: 10).

Советские авторы нередко давали нелестные оценки Столыпинскому аграрному курсу. Особой критики удостоивалась переселенческая политика Председателя Совета Министров Российской империи: «Битым оказался и второй «козырь» Столыпинской аграрной политики – переселение крестьян, при помощи которого правительство рассчитывало разрядить малоземелье в Центральной России» (Антонова, 1951: 44).

После перестроечного периода авторы оценивали данную реформу несколько более благосклонно, подчеркивая ее как сильные, так и слабые стороны: «Таким образом, аграрная

политика создавала условия для подъема земледелия. Но курс на разрушение общины привел к появлению колоссальной армии безработных крестьян» (Володин, 2012: 113).

4. Результаты

Революция 1905 года стала прямым следствием предшествующих ей событий, таких как забастовки. Возникшая разрушительная ситуация требовала проведения решительных действий, которые смогли бы стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку. Как справедливо отмечал В.И. Ленин: «...гвоздь русской революции – аграрный (земельный) вопрос» (Ленин, 1972: 178), поэтому решение данной задачи стало основополагающей целью правительства Российской империи.

Под давлением революции 1905 года император Николай II подписал Высочайший манифест от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка» (ПСЗРИ, 1909: Т. 25. № 26803). Данный документ имеет особенное значение для рассматриваемой темы в связи с тем, что его ключевые положения связаны с утверждением ряда демократических свобод, в частности, таких как свободы слова, печати и собраний, учреждение Государственной Думы в качестве органа законодательной власти, а также всенародность выборов.

В сложный период Первой русской революции 1905–1907 годов карьера Петра Аркадьевича Столыпина развивалась довольно стремительно. В апреле 1906 года глава Саратовской губернии П.А. Столыпин получил назначение на должность министра внутренних дел Российской империи, а спустя менее трех месяцев возглавил Совет министров Российской империи, став его третьим председателем после С. Ю. Витте и И. Л. Горемыкина. Позднее Столыпин также получил назначение на должность члена Государственного совета, сохраняя при этом должность председателя Совета министров (РГИА Ф. 1409. Оп. 9. Д. 258. Л. 18).

В качестве одного из соратников Столыпина в ходе проведения земельной реформы следует назвать землеустроителя, датчанина по происхождению, Карла Адреаса Кофода. Ученые характеризуют деятельность Кофода следующим образом: «Свою задачу при развертывании общинных земель А.А. Кофод видел в том, чтобы преодолеть чересполосицу, крайне неудобную для землепользования» (Сафронов, 2016: 20). Влияние западных идеологов чрезвычайно важно в вопросе рассмотрения нового аграрного курса. По мнению Столыпина, путь реконструкции русской земельной политики должен был идти в сторону заимствования наиболее успешных зарубежных практик, в то время как крестьянская община в глазах председателя Совета министров Российской империи выглядела скорее как пережиток прошлого. После реформ Александра II Российская империя встала на курс масштабной модернизации и промышленного прогресса. Тем временем крестьянское население не успевало за новым темпом развития, тем самым сдерживая развитие страны.

Анализируя вышеназванный Манифест от 17 октября 1905 года, П.А. Столыпин пришел к выводу о невозможности реализации такого ключевого тезиса данного документа, как строительство гражданского общества: «...Без граждан правовое государство немыслимо» (П.А. Столыпин..., 2006: 499). По его мнению, именно отсутствие гражданского общества порождало волну беспорядков в стране. Саратовская газета «Волга» опубликовала следующие строки из интервью П.А. Столыпина: «Я полагаю, что прежде всего надлежит создать гражданина, крестьянина – собственника, мелкого землевладельца, и когда эта задача будет осуществлена – гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность» (Волга, 1909, 1 окт.).

Крестьяне составляли численную основу населения Российской империи, поэтому, преследуя цели стабилизации и разрешения внутренних политических конфликтов, необходимо было развивать крестьянское сословие, строить гражданское общество, в том числе с помощью права земельной собственности.

Первый этап аграрной реформы Столыпина можно назвать подготовительным. Его суть заключалась в подготовке инфраструктуры и ресурсов для проведения реформенных преобразований. Одним из первых шагов стало решение о дополнительном финансировании Крестьянского поземельного банка – кредитного учреждения, основной функцией которого было осуществление выдачи кредитных займов в пользу приобретения земель на льготных условиях. Современные ученые отмечают весомую роль Крестьянского поземельного банка: «С целью предотвращения обесценивания земель помещиков в 1906–1907 гг., банк проводил массовую скупку дворянских имений, что существенно подняло цены на землю» (Чернобровкина, 2023: 48).

Кроме этого, были организованы уездные и губернские землеустроительные комиссии в целях организации деятельности по осуществлению грядущей реформы. Во главе землеустроительных комиссий стояли губернаторы, которые несли ответственность за качественное и успешное осуществление запланированных мероприятий земельной реформы. Следующим немаловажным пунктом земельной реформы является решение о списании долгов с крестьянского населения по платежам в пользу государства с целью того, чтобы бы крестьяне имели возможность выхода из крестьянской общины.

Второй этап аграрной реформы Столыпина – нормотворческий. Основополагающим документом данной реформы является Именной Высочайший Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и

землепользования» (ПСЗРИ, 1908: Т. 26. № 28529). В соответствии с первым пунктом данного Указа крестьяне получили право выхода из общины, получив при этом право частной собственности на выделенный ему земельный участок. Необходимо отметить, что и ранее, согласно Закону от 14 декабря 1893 года «О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских наделных земель» (ПСЗРИ, 1897: Т. 13. № 10151) крестьяне имели право выхода из общины, однако при этом должно быть соблюдено такое условие, как одобрение данного волеизъявления более 66,66 % сельского схода. Важным замечанием является то, что приватизация земельных участков не требовала обязательного согласия общины. Кроме этого, в связи с тем, что земли, распределяемые общиной в пользу одного и того же домохозяйства, могли быть разделены на разрозненные участки, крестьянин был в праве требовать объединения площади данных участков и предоставления ему единого земельного надела. Согласно статистическим данным, представленным ученым-историком С.М. Дубровским, на период к 1 мая 1915 года, «Потенциальная возможность разрушения общины, как видим, достигла по всем районам внушительной цифры в 40 %» (Дубровский, 1925: 109).

Следующий этап реформы можно назвать сопроводительным. Он заключается в организации комплекса мер по информационному сопровождению крестьян, желающих выйти из общины. Данная деятельность подразумевала оказание информационной поддержки для крестьян, которая заключалась в проведении просветительской деятельности в целях знакомства крестьян с культурой хозяйств. Описание подобной деятельности сохранилось в отчетах агрономов, например, Отчет агронома Макаренко о поездках с крестьянами в Волынскую губернию (Макаренко, 1913). Реализация подобной деятельности требовала немалого количества квалифицированных кадров – профессиональных агрономов. Стала очевидной необходимость открытия новых высших учебных заведений, в частности, в Воронеже в 1912 году был основан Воронежский сельскохозяйственный институт. Кроме информационной поддержки в целях создания максимально удобных условий для выхода из общины, крестьяне получали налоговые преференции и льготные условия кредитования.

Заключительным этапом земельной реформы является переселенческий этап. Необходимость данного шага возникла по причине перенаселения центральных губерний Российской империи (Воронежской, Тамбовской, Курской). До реформы Столыпина переселение было либо запрещено, либо недостаточно стимулировано. Политика Столыпина, напротив, была направлена на осуществление государственной поддержки переселенцам. Было решено организовать переселение крестьян на свободные земли в восточных районах Российской империи – на территории Сибири.

В целях реализации данной программы было создано Государственное переселенческое управление, в полномочия которого входил контроль за процессом переселения и организация выбора района расселения. За каждой губернией был закреплен определенный регион переселения. Были установлены нормы площади выделяемой территории земли в размере пятнадцати десятин (16,4 гектар) на душу населения. Важным замечанием является то, что площадь предоставляемого земельного участка в разы превышала площадь предыдущего места жительства, что являлось существенным стимулом для крестьян к принятию решения о переселении в другой регион. Важным замечанием является то, что многие крестьяне, получившие немалые площади согласно проекту переселения, не сразу могли полностью адаптироваться и начать использовать все предоставленные земельные ресурсы эффективно. Кроме этого, государство выделяло переселенцам денежные средства, так называемые «подъемные» в размере тысячи рублей.

В целом можно сказать, что была запущена масштабнейшая государственная кампания по реализации регулярной программы государственного переселения. В рамках данной программы были подготовлены специальные железнодорожные составы, позволяющие производить транспортировку как людей, так и домашнего скота.

Результатом программы переселения стало, в том числе, удвоение населения, проживающего на территории Сибири, за период аграрного реформирования, что считалось позитивным явлением «в целях распространения и упрочения русской народности» (РГИА Ф. 1284. Оп. 190. Д. 35. Л. 1). Современные ученые также отмечают немалый вклад Столыпина в освоении крестьянами ранее недостаточно населенных территорий: «Начало XX века тесно связано с реализацией столыпинских аграрных преобразований, что отразилось и на формировании сельской поселенческой сети на территории современной Омской области в дореволюционный период» (Sokolova, 2023: 1073). Вследствие масштабной программы переселения Сибирь стала развитым с аграрной точки зрения регионом, а также одним из крупнейших производителей и поставщиков товаров животноводства. Наблюдался значительный рост промышленного сектора.

Вопрос оценки переселения всегда являлся крайне сложным и многогранным. При этом существовала проблема того, что значительная часть крестьян приняла решение о самостоятельном переселении своих семей, не дожидаясь при этом организованных государством в данных целях железнодорожных составов. Самостоятельное переселение крестьян без соответствующего государственного сопровождения носило стихийный характер. Принимающая сторона местной администрации часто оказывалась неготовой предоставить соответствующий земельный надел. Дело в том, что к запланированному организованному прибытию крестьян-переселенцев готовились заранее, подбирая пригодные для жизни земельные участки, что невозможно было сделать для

крестьян, прибывших самостоятельно, вне рамок государственного контроля. Данные обстоятельства стали причиной для появления такого явления, как «возвратное движение». В постреволюционный период переселенческая политика получила немало критики: «Переселение проходило с большими затруднениями для крестьянства. Многие совершенно разорялись. Недаром говорит русская пословица: «Два раза переселиться – раз погореть»» (Карпов, 1925: 28).

Оценки исследователей вопроса о процентном соотношении лиц, принявших участие в возвратной миграции, по отношению к общему числу переселенцев в Сибирь, в среднем разнятся в диапазоне от 17 до 18 % (Белянин, 2011: 86). Таким образом, можно сделать вывод о 83 % крестьян, переселившихся и получивших земельные участки на территории Сибири.

Мнения и высказывания относительно деятельности и личности П.А. Столыпина, высказываемые в периодической печати начала XX века, чрезвычайно разнились. В 1909 году в газете «Московские ведомости» была опубликована статья апологета П.А. Столыпина – редактора вышеназванной газеты Л.А. Тихомирова «Великая историческая реформа», где деятельность Столыпина удостоилась самых лестных оценок (Московские ведомости, 1909). Положительные отзывы о деятельности Столыпина можно также найти в журнале «Русская мысль», где Петр Бернгардович Струве высказывал поддержку в адрес реформ Столыпина (Струве, 1908: 148).

Иные издания напротив нередко выступали с критикой деятельности Председателя Совета министров. Архивные источники подтверждают, что деятельность П.А. Столыпина получала немало критики от современников, которая заключалась в том числе в обвинениях в присвоении, принадлежащей императору, законодательной власти (ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 853. Л. 62-620б.). В качестве конкретного примера можно назвать статью в газете «Русская правда» от 9 марта 1910, где в адрес Столыпина были высказаны резкие обвинения в присвоении себе законодательной власти, принадлежащей только его Императорскому Величеству» (Русская правда, 1910: 9 мар.).

Подведение итогов аграрной реформы Столыпина является весьма трудной и несколько некорректной задачей. В интервью саратовской газете «Волга» в 1909 году П.А. Столыпин произнес следующую фразу, ставшей впоследствии хрестоматийной: «Дайте Государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!» (Волга, 1909, 1 окт.). Однако в целом аграрный курс Столыпина можно назвать весьма рациональным и эффективным. Несмотря на то, что реформа не была доведена до своего логического завершения по причинам убийства П.А. Столыпина в 1911 году, а также последующего революционного движения, аграрная реорганизация Российской империи с первых лет ее реализации показывала положительную динамику и успешное развитие, и устойчивый экономический рост, несмотря на свою сложность и масштаб. В качестве подтверждения данных оценок можно назвать рост сельскохозяйственного производства Российской империи в начале второго десятилетия XX века (Шагин, 2008: 544). Стоит отметить, что усиленный рост сельскохозяйственного производства заключается не только в увеличении количества хозяйств, но и в существенном увеличении экспортных возможностей государства. В данном контексте речь идет как о животноводческой, так и о зерновой продукции. В частности, исследователи отмечают следующие показатели торговли рожью: «В 1913 г. удельный вес России в мировой торговле этими зерновыми культурами составил 22,1 %, и страна занимала первое место по объемам зернового экспорта, несколько обгоняя Аргентину (21,3 % мирового экспорта зерна)» (Чистяков, 2015: 289).

Таким образом, можно говорить о безусловно успешном с экономической точки зрения результате земельной реформы. Однако анализ аграрного курса Столыпина нельзя назвать справедливым, если не рассмотреть его слабые стороны. Одной из самых острых проблем реформы стала судьба лиц, ставших частью возвратного движения, в первую очередь по причине отсутствия четкой определенной стратегии действий по отношению к данной группе лиц. Правительство Российской империи, равно как и П.А. Столыпин, недооценили глубину этой проблемы, полагаясь на ее самостоятельное разрешение, в то время как сложившаяся ситуация стала одной из причин зарождения конфликтных и во многом агрессивных отношений в обществе, часто сопровождавшихся применением насилия и разбойного поведения, что в результате привело к серьезному гражданскому конфликту, который в дальнейшем привел к революции 1917 года. Произошел раскол гражданского общества между лицами, которые смогли стать успешными участниками аграрной реформы, и теми, кто, напротив, потерпел неудачу. Сформировался слой населения, который с большой долей недоверия относился к разрушению крестьянской общины, произошел скачок роста социального недовольства.

Кроме этого, политика Столыпина была невыгодна дворянскому сектору населения. В особенности речь идет о той категории дворян, деятельность которых была связана с организацией арендной деятельности, заключавшейся в передаче земли крестьянам в арендное пользование. Данная категория населения была заинтересована в сохранении крестьянско-общинного строя. Вместе с этим новый аграрный курс был невыгоден дворянам с точки зрения появления конкуренции в сельскохозяйственном секторе экономики.

5. Заключение

Подводя итоги данного исследования, можно сказать, что в целом П.А. Столыпин проявил себя как сильный политик, придерживающийся принципа целесообразности. Его деятельность была

направлена на курс индивидуализации крестьянской жизни и, в соответствии с этим, разрушения крестьянской общины.

В качестве одной из проблем аграрного курса Столыпина можно назвать его конфликтность. Данная черта имеет отношение в первую очередь к решению о снятии условия получения согласия общины для выхода из нее крестьянина. Таким образом, можно говорить о том, что П.А. встал на сторону не большинства, а, напротив, стремился оказать поддержку в обретении самостоятельности молодым, сильным и предприимчивым крестьянам, которых община скорее тяготила.

Аграрная реформа Столыпина показала довольно высокую экономическую эффективность, в первую очередь по причине роста сельско-хозяйственного сектора.

Однако, кроме этого, активная деятельность Столыпина была во многом неудобна как дворянам в связи с экономическими факторами, так и высшему сословию, в том числе и самому императору Николаю II, по причине очень яркой и деятельной политической карьеры П.А. Столыпина.

1 сентября 1911 года на П.А. Столыпина было совершено покушение в Киевском городском театре во время спектакля, где в качестве зрителей присутствовал, кроме П.А. Столыпина, также император Николай II. Результатом данного покушения стала преждевременная смерть Председателя Совета Министров Российской империи. Позднее Российскую империю настигли революционные потрясения, по причине которых аграрному плану Столыпина не суждено было реализоваться полностью.

Литература

- [Антонова, 1951](#) – Антонова С.И. Влияние столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабочего класса. М.: Изд.-во МГУ, 1951. 277 с.
- [Белянин, 2011](#) – Белянин Д.Н. Переселение крестьян в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы // *Российская история*. 2011. № 1. С. 86-95.
- [Волга, 1909](#) – Газета «Волга». 1909. 1 октября.
- [Володин, 2012](#) – Володин В.М. Уроки Столыпинской аграрной реформы // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*. Общественные науки. 2012. № 2(22). С. 107-116.
- [ГАРФ](#) – Государственный архив Российской Федерации.
- [Дубровский, 1925](#) – Дубровский С.М. Столыпинская реформа: капитализация сельского хозяйства в XX веке / Ин-т красной профессуры. Л.: Прибой, 1925. 302 с.
- [Карпов, 1925](#) – Карпов Н.И. Аграрная политика Столыпина / Научно-исследовательский институт при Коммунистическом университете имени тов. Зиновьева. Ленинград: Прибой, 1925. 238 с.
- [Ковалевский, 1879](#) – Ковалевский М.М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. Часть первая / М. Ковалевский. М.: типография Ф. Б. Миллера, 1879. [3], VII, 231, [1] с.
- [Ленин, 1972](#) – Ленин В.И. Полное собрание сочинений / М.: Издательство политической литературы. 1972. Т. 14. 564 с.
- [Макаренко, 1913](#) – Макаренко Ю.Е. Отчет о поездках в 1913 году: а) с партией крестьян в Вольнскую губернию и на Всероссийскую выставку в Киеве. б) По хуторам Воронежской губернии / [Соч.] Помощника губ. агр. Ю.Е. Макаренко. Воронеж : типо-лит. т-ва "Н. Кравцов и К", 1913. 43 с.
- [Московские ведомости, 1909](#) – *Московские ведомости*. 1909. № 25.
- [П.А. Столыпин..., 2006](#) – П.А. Столыпин Грани таланта политика. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. 623 с.
- [ПСЗРИ, 1897](#) – Полное собрание законов Российской Империи. Собр. Третье. СПб., 1897. Т. 13: 1893 г.
- [ПСЗРИ, 1908](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1908.
- [ПСЗРИ, 1909](#) – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. СПб., 1909.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Русская правда](#) – *Русская правда*. Российская газета, 1910.
- [Сафронов, 2016](#) – Сафронов С.А. А.А. Кофод – один из идеологов столыпинской аграрной реформы // *Вестник Костромского государственного университета*. 2016. Т. 22, № 4. С. 17-21.
- [Струве, 1908](#) – Струве П.Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // *Русская Мысль*. 1908. Кн. 1. Отд. 2. С. 143-157.
- [Чернобровкина, 2023](#) – Чернобровкина М.А. Аграрная реформа Петра Столыпина // *Инновационная наука*. 2023. № 2-1. С. 47-49.
- [Чистяков, 2015](#) – Чистяков Ю.Ф. Продовольственный экспорт Российской империи в XIX-начале XX вв. и социально-экономическое развитие страны: уроки для современной России // *Российское предпринимательство*. 2015. № 2 (272). С. 287-300.
- [Щагин, 2008](#) – Щагин Э.М. Очерки истории России. Её историографии и источниковедения (конец XIX – начало XX вв.). М.: ВЛАДОС, 2008. 758, [1] с.
- [Sokolova, 2023](#) – Sokolova E.V. The Role of State Policy and Free Colonization in the Formation of the Rural Settlement Network of the Middle Irtysh Region in the 16th – early 20th centuries (on the Materials of Modern Historiography) // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1064-1077.

References

- Antonova, 1951** – Antonova, S.I. (1951). Vliyanie stolypinskoj agrarnoj reformy na izmeneniya v sostave rabocheho klassa [The impact of the Stolypin agrarian reform on changes in the composition of the working class]. M.: Izd.-vo MGU. 277 p. [in Russian]
- Belyanin, 2011** – Belyanin, D.N. (2011). Pereselenie krest'yan v Sibir' v gody Stolypinskoj agrarnoj reformy [Resettlement of peasants to Siberia during the Stolypin Agrarian Reform]. *Rossiiskaya istoriya*. 1: 86-95. [in Russian]
- Chernobrovkina, 2023** – Chernobrovkina, M.A. (2023). Agrarnaya reforma Petra Stolypina [Peter Stolypin's Agrarian Reform]. *Innovacionnaya nauka*. 2-1: 47-49. [in Russian]
- Chistyakov, 2015** – Chistyakov, Yu.F. (2015). Prodovol'stvennyj eksport Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX vv. i social'no-ekonomicheskoe razvitiye strany: uroki dlya sovremennoj Rossii [Food exports of the Russian Empire in the XIX – early XX centuries and socio-economic development of the country: lessons for modern Russia]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*. 2(272): 287-300. [in Russian]
- Dubrovskij, 1925** – Dubrovskij, S.M. (1925). Stolypinskaya reforma: kapitalizaciya sel'skogo hozyajstva v XX veke [Stolypin reform: capitalization of agriculture in the XX century]. In: *t krasnoj professury*. L.: Priboj, 302 p. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation].
- Karpov, 1925** – Karpov, N.I. (1925). Agrarnaya politika Stolypina [Stolypin's Agrarian policy]. Nauchno-issledovatel'skij institut pri Kommunisticheskom universitete imeni tov. Zinov'eva. Leningrad: Priboj. 238 p. [in Russian]
- Kovalevskij, 1879** – Kovalevskij, M.M. (1879). Obshchinnoe zemlevladienie, prichiny, hod i posledstviya ego razlozheniya. Chast' pervaya [Communal land ownership, causes, course and consequences of its decomposition. Part One]. M.: tipografiya F. B. Millera. [3], VII, 231, [1] p. [in Russian]
- Lenin, 1972** – Lenin, V.I. (1972). Polnoe sobranie sochinenij [The Complete Works]. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. T. 14. 564 p. [in Russian]
- Makarenko, 1913** – Makarenko, Yu.E. (1913). Otchet o poezdках v 1913 godu: a) s partijей krest'yan v Volynskuyu guberniyu i na Vserossijskuyu vystavku v Kieve. b) Po hutoram Voronezhskoj gubernii [Report on trips in 1913: a) with a party of peasants to the Volyn province and to the All-Russian Exhibition in Kiev. b) On the farms of the Voronezh province]. [Soch.] Pomoshchnika gub. agr. YU.E. Makarenko. Voronezh: tipo-lit. t-va "N. Kravcov i K^o". 43 p. [in Russian]
- Moskovskie vedomosti, 1909** – *Moskovskie vedomosti*. 1909. № 25.
- PSZRI, 1897** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 3-e. SPb., 1897.
- PSZRI, 1908** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 3-e. SPb., 1908.
- Polnoe sobranie..., 1909** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 3-e. SPb., 1909.
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [State Archive of the Russian Federation].
- Russkaya pravda** – *Russkaya pravda*. Rossijskaja gazeta, 1910.
- Safronov, 2016** – Safronov, S.A. (2016). A. A. Kofod – odin iz ideologov stolypinskoj agrarnoj reformy. [A. A. Kofod is one of the ideologists of Stolypin agrarian reform]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 22(4): 17-21. [in Russian]
- Shchagin, 2008** – Shchagin, E.M. (2008). Ocherki istorii Rossii. Eyo istoriografii i istochnikovedeniya (konec XIX – nachalo XX vv.) [Essays on the history of Russia. Her historiography and source studies (late XIX – early XX centuries)]. M.: VLADOS. 758, [1] p. [in Russian]
- Sokolova, 2023** – Sokolova, E.V. (2023). The Role of State Policy and Free Colonization in the Formation of the Rural Settlement Network of the Middle Irtysh Region in the 16th – early 20th centuries (on the Materials of Modern Historiography). *Bylye Gody*. 18(3): 1064-1077.
- Stolypin, 2006** – Stolypin, P.A. (2006). Grani talanta politika [Facets of a politician's talent]. M.: «Rossijskaya politicheskaya enciklopediya» (ROSSPEN). 623 p. [in Russian]
- Struve, 1908** – Struve, P.B. (1908). Velikaya Rossiya. Iz razmyshlenij o probleme russkogo mogushchestva [From reflections on the problem of Russian power]. *Russkaya Mysl'*. Kn. 1. Otd. 2. Pp. 143-157. [in Russian]
- Volga, 1909** – *Gazeta «Volga»*. 1909. October, 1.
- Volodin, 2012** – Volodin, V.M. (2012). Uroki Stolypinskoj agrarnoj reformy [Lessons of Stolypin agrarian reform]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki*. 2(22): 107-116. [in Russian]

Столыпинская аграрная реформа: предпосылки, ключевые шаги и оценка значения

Иван Сергеевич Денисов ^{a,*}, Рауль Сергеевич Джинджолия ^b, Кайрат Кулбакович Атабеков ^{c,d}, Иван Николаевич Куксин ^e

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b МИРЭА Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

^c Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызская Республика

^d Чуйский университет им. Султана Мамбеткалиева, Бишкек, Кыргызская Республика

^e Московский городской педагогический университет (МГПУ), Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию значения аграрного курса, предложенного П.А. Столыпиным. Авторы статьи провели комплексный анализ земельной реформы, исследовав ее причины, ключевые этапы, историческое значение и результаты. В качестве причин для ведения нового аграрного курса авторы рассмотрели основные недостатки крестьянской общины, а также значение первой революции 1905 года. Также авторами был изучен карьерный путь Петра Аркадьевича Столыпина, в итоге занявшего пост Председателя Совета Министров Российской империи. В ходе данной работы авторами был изучен ряд нормативно-правовых актов, регулирующих в том числе крестьянско-земельные правоотношения, а также их ключевые нововведения, такие как: Высочайший манифест от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка», Именной Высочайший Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», а также Закон от 14 декабря 1893 года «О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских наделных земель». Авторами были сформулированы ключевые этапы аграрной реформы П.А. Столыпина: подготовительный, нормотворческий, сопроводительный и переселенческий. В рамках рассмотрения переселенческого этапа были также проанализированы его ключевые ступени. В данной работе представлены в том числе статистические данные, наглядно характеризующие влияние нового аграрного курса Столыпина на экономическое развитие государства. Особое внимание в данном исследовании уделено оценке значения земельной реформы 1906 года путем выявления ее ключевых сильных и слабых сторон.

Ключевые слова: Российская империя, аграрная реформа, П.А. Столыпин, Николай II, крестьянская община, отмена крепостного права, революция 1905 года, переселение крестьян, право земельной собственности.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: is.denisov@mail.ru (И.С. Денисов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1852-1868
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1852

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Question of the Opening of Educational Institutions of Karkaralinsk of the Semipalatinsk region in the Western Siberian School District in the late 19th – early 20th centuries

Lyazzat K. Shotbakova ^{a, *}, Bakhytgul T. Tuleuova ^a, Gulnara M. Smagulova ^a, Nursakhan A. Beysenbekova ^a

^a E.A. Buketov Karaganda University, Karaganda, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article deals with the development of public education in the city of Karkaralinsk in the late XIX – early XX centuries. The geographical, social, and cultural features of the city of Karkaralinsk, which in the studied period was part of the Semipalatinsk region, which belonged to the West Siberian Educational District, are revealed. Noting the absence of special works and scientific articles on this topic in modern historiography, a fairly extensive review of sources, primarily of an archival nature, is proposed.

The main research methods used in the article are historical-system, historical-biographical, historical-statistical methods, as well as the method of system analysis and content analysis. The use of these methods made it possible to create a holistic picture of the process of formation and features of the educational environment of the city of Karkaralinsk in the late XIX - early XX centuries as part of the West Siberian Educational District.

One of the central conclusions proposed in the article is the provision that the history of the development of public education in Karkaralinsk county in the second half of the XIX century - at the beginning of the twentieth century, it was closely connected with the educational policy of the Russian Empire on the outskirts, which was characterized by the creation of a single educational space and the introduction of a foreign, in this case, Kazakh population to the achievements of Russian culture, the training of future lower-level officials from representatives of the local population, the formation of a generation of new Russian citizens in the face of foreigners loyal to the official course. The analysis of the role of Tatar-Muslim schools in the Kazakh steppe during the studied period led to the conclusion that the Russian colonial administration sought to limit their influence. In detail, on the basis of statistical materials and various documents, the gradual development of public education in the form of schools of various levels, real and parish schools is traced. The role of the intelligentsia in the development of educational institutions in Karkaralinsk is revealed.

Keywords: Western Siberian Educational District, Semipalatinsk Region, Karkaralinsk, educational policy, popular education, city schools, agricultural schools.

1. Введение

Включение казахских земель в состав Российской империи привело к широкому кругу изменений во всех сферах развития кочевого социума, в том числе и в культурно-просветительской области. Помимо проведения административно-политических преобразований и экономико-социальных реформ в казахской Степи, российское правительство особое внимание направило на формирование единого образовательного пространства, на создание государственных школ как «орудия тесного сплочения окраин с коренной Россией» (Чуркина, 2009: 166), а также на введение контроля над деятельностью миссионерских и частных учебных заведений. Однако на практике

* Corresponding author

E-mail addresses: shotbakovazz@mail.ru (L.K. Shotbakova), b_t_tuleuova@mail.ru (B.T. Tuleuova), gylnara2005@mail.ru (G.M. Smagulova)

российская администрация столкнулось с рядом проблем, обусловленных местными условиями и особенностями края. Развитие народного образования в той или иной административной области напрямую зависело от территориально-географического расположения, природно-климатических особенностей, этнической картины и экономического состояния региона.

Город Каркаралинск в XIX — начале XX веков как центр внешнего округа, а затем уезда, согласно административно-территориальному делению Российской империи, располагался на территории Семипалатинской области. К его особенностям, которые сказались на темпах развития здесь народного образования, относились отдаленность региона от очагов просвещения и культуры, преобладание кочевого населения над оседлым, низкая плотность населения, отсутствие или неразвитость системы коммуникаций.

Кроме того, открытие государственных учебных заведений для кочевого населения происходило в условиях борьбы с мощным влиянием татаро-мусульманских школ, которые имели большое влияние среди казахского социума, и пользовалось широкой поддержкой местного общества.

Важно отметить, что история народного образования в Каркаралинском регионе еще не получила своего широкого освещения, имеются отрывочные сведения и отдельные упоминания об учебных заведениях г. Каркаралинска и Каркаралинского уезда. Вместе с тем город Каркаралинск занимал важное место в истории Казахстана как центр политической, торгово-экономической и культурной жизни. Здесь начинали свою общественно-политическую деятельность великие личности казахского народа, именно здесь была создана Каркаралинская петиция, в которой нашли отражение главные принципы политической платформы будущих алашординцев. Эти принципы касались и организации обучения в казахской Степи.

2. Материалы и методы

Источниками по теме исследования являются документы фондов досоветского периода Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), Исторического архива Омской области Российской Федерации (Омск, Российская Федерация) (ф. 3 – Главное управление Западной Сибири), фонды личного происхождения Государственного архива Карагандинской области (Караганда, Республика Казахстан) (ф. 1487 – фонд краеведа Ю.Г. Попова) и Северо-Казахстанского государственного архива (Петропавловск, Республика Казахстан) (ф. 679 – фонд краеведа И.Я. Гармса), ежегодные памятные записки Западно-Сибирского учебного округа, справочные материалы Семипалатинского областного статического комитета.

Ценный материал об истории начального образования на окраинах Российской империи, о его состоянии и трудностях на пути привлечения инородческого населения в государственные школы содержится в публикациях организаторов учебного дела в Степном крае (Н.И. Ильминского, А.Е. Алекторов, М.А. Миропиева и др.), на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» (Алекторов, 1905; Ильминский, 1900; Миропиев, 1908).

Методология исследования опирается на комплекс исторических методов, таких как историко-системный, историко-биографический, историко-статистический методы, а также ряд общенаучных методов исследования, таких как системный анализ, контент-анализ. Применение данных методов позволило создать целостную картину процесса формирования образовательной среды города Каркаралинска в конце XIX – начале XX веков в составе Западно-Сибирского учебного округа, выявить особенности данного процесса, исходя из его географического положения, экономического состояния и состава населения.

3. Обсуждение

Как уже отмечалось, история открытия школ и развития правительственного образования в Каркаралинске не получила отдельного исследования в работах досоветского и советского периодов. Вместе с тем данный регион, с точки зрения оценки его перспектив в промышленно-экономическом и культурно-образовательном развитии, неоднократно был отмечен в публикациях исследователей конца XIX – начала XX веков: Н. Ядринцева, Ю. Шмидта, Н. Коншина, Л. Чермака, М. Рожанец (Ядринцев, 1892; Шмидт, 1894; Коншин, 1901; Чермак, 1912; Рожанец, 1914).

Общая история создания государственной образовательной системы в казахской Степи нашла свое отражение в периодической печати, аналитических документах чиновников Министерства народного просвещения. В своих работах авторы характеризовали данный процесс с точки зрения его соответствия главной цели образовательной политики на окраинах как сложный путь просвещения и воспитания новых граждан империи в духе любви и верности новой отчизне. По мнению чиновника Министерства народного просвещения Н. Феликсова, «...начальная школа должна из своих питомцев готовить родных детей своей отчизны, должна сделать из них членов того государства, которому они обязаны своей жизнью, всем своим достоянием, с жизнью которой неразрывно будет сливаться и их собственная жизнь... Начальная школа должна вложить в своих питомцев такие чувства и понятия, которые подготовили бы их к деятельности на пользу и благо своего Отечества...» (Плахотник, 2019: 22).

Профессор А.С. Будилович, размышляя об успехах политико-административных реформ и военных походов в устроении и просвещении окраинных территорий, в том числе степных областей и

Туркестана, отмечает, что «нравственные же условия для сближения восточно-инородческих окраин с ядром России успешно развивает русско-инородческая школа» (Будилович, 1907: 54). Однако ответственность за результат данной «окраинной политики» лежит не только на плечах государей, но и на обществе в целом. В связи с этим он горько сожалеет, что «все наше образованное общество, оторванное от народа отчасти крепостным правом, отчасти пересаженной с Запада школою, относилось с подобным подобострашием к инородцам наших западных окраин; на окраинах же южных и восточных оно не умело развить нравственного воздействия на инородцев, ограничиваясь в этом отношении мерами военными и бюрократическими» (Будилович, 1907: 59). Поэтому, считал профессор, главной задачей «окраинной политики» Российской империи должно быть «не механическое обрусение инородцев, а организованное их сроднение с русской образованностью», в том числе благодаря русско-инородческой школе (Будилович, 1907: 75).

По мнению просветителя Н.И. Ильминского, «лучшим средством для христианской миссии или для борьбы с иноверной пропагандою может быть только школьное просвещение инородцев» (Зеленин, 1902: 10). Это мнение было высказано в противовес распространенному взгляду миссионерских организаций на выдающуюся роль миссионерских проповедей и собеседований среди инородцев.

Позицию официальных властей относительно методов просвещения кочевых народов не поддерживали передовые исследователи. Так, Г. Потанин отмечал, что «русификаторским мерам в отношении сибирских инородцев нужно положить конец. На инородческих территориях должны быть основаны правительственные школы с преподаванием на инородческом языке; особенное внимание должно быть обращено на распространение образования инородческих женщин. Для крупных народностей, для киргизов и бурятов, должны быть основаны гимназии с преподаванием на родном для детей языке» (Потанин, 1908: 248).

В XX веке история открытия учебных заведений в Каркаралинском уезде нашла свое отражение в работах ряда исследователей, занимавшихся изучением истории просвещения в Казахстане (Тажибаев, 1962; Сембаев, Храпченков, 1972; Храпченков, Храпченков, 1998; Шоинбаев, 1973; Артыкбаев, 1993).

В современной историографии развитие начального образования в степных областях Российской империи (сначала в стенах татаро-мусульманских школ, позднее – в рамках государственной образовательной системы) нашло отражение в работах М.В. Стуровой (Стурова, 2012; Стурова, 2014), Т.Т. Далаевой (Далаева, 2018), Г.С. Султангалиевой (Султангалиева, 2020), Ю.А. Лысенко (Лысенко и др., 2021) и др.

В трудах зарубежных авторов тема просвещения казахского общества рассматривается через призму имперской политики Российской империи. Как отмечает американский исследователь Я. Кэмпбелл, «с первых попыток обучения инородцев до последних дней империи вопросы письменности и языка были тесно связаны с политикой в степи» (Кэмпбелл, 2022: 133). Английский историк-филолог А. Эткинд в своем исследовании, характеризуя суть колонизации, выделяет два ее компонента – культурный и политический, причем культурная гегемония и политическое доминирование работают вместе, в некоем союзе, соотношении или противостоянии (Эткинд, 2016: 17). Данный союз может развиваться в полярных направлениях, что явно можно увидеть на примере российской колонизации, где силовое доминирование принадлежало Российской империи, а культурная гегемония, наоборот, оставалась за коренным населением (Эткинд, 2016: 185). По мнению зарубежного исследователя, российская неспособность дать покоренным народам позитивные образы, привлекательные для них культурные формы, делало бесперспективными любые начинания в просветительской области (Эткинд, 2016: 185). Это и было причиной низкой популярности правительственных школ среди местного населения.

Ряд публикаций по теме исследования принадлежат японскому профессору Томохико Уяма, крупному специалисту истории движения Алаш. В своих работах, рассматривая роль национальной интеллигенции, он делает гипотетические выводы о связи между географическими факторами и историческими процессами середины XIX – начала XX веков, в том числе взаимосвязи развития просвещения и формирования казахской интеллигенции. В его работах также упоминается г. Каркаралинск как родина известных казахских политических деятелей – А. Букейханова, А.Ж. Акпаева (Tomohiko Uyama, 2000).

4. Результаты

История развития народного образования в Каркаралинском уезде во второй половине XIX – начале XX веков тесным образом была связана с историей образовательной политики Российской империи на окраинах, главной целью которой являлось создание единого образовательного пространства, модернизация традиционных обществ Сибири и казахской Степи, приобщение инородческого населения к достижениям русской культуры, ограничение влияния татарско-мусульманских школ, подготовка будущих чиновников низшего звена из представителей местного населения, формирование поколения новых граждан России в лице инородцев, лояльных официальному курсу (Стурова, 2018; Далаева 2018; Лысенко и др., 2021; Любичанковский, 2021).

Начало освоения Каркаралинского края относится к 1824 году, когда в его восточной части была построена крепость, на основе которой в 1827 году была образована Каркаралинская казачья станица. В 1824 году также был открыт Каркаралинский округ, который стал одним из первых внешних округов Области сибирских киргиз (ЦГА РК. Ф. 338. Оп.1. Д. 336. Л. 7-70б.). В 1869 году в составе Семипалатинской области появился Каркаралинский уезд, который являлся самым обширным, занимая 41,8% территории области. Большинство населения уезда вело кочевой образ жизни и занималось кочевым скотоводством, их численность в конце XIX века составляла 169 656 человек (98,8 %) (Хозяйство казахов..., 1980: 22). В 1911 году число казахов сократилось до 166 674 человек, однако их доля в уезде (98,5 %) продолжала оставаться высокой (Обзор..., 1913: 18). В самом городе Каркаралинске в 1904 году доля русского населения составляла 32,2 %, тюрко-татарского населения – 67,5 % (Города России..., 1906: 320).

Одной из причин достаточно низкого процента представительства русского населения была малопривлекательность Каркаралинского уезда для переселенцев в природно-климатическом плане. Обращаясь к переселенческому управлению, В.А. Остафьев в «Журнале сельского хозяйства и лесоводства» за 1893 год предупреждал о том, что «в Каркаралинском уезде нельзя водворять переселенцев отдельными поселками, земли здесь песчаные, частью твердо-глинистые и каменисто-древесные, также неудобны для земледелия» (Остафьев, 1987: 159). Поэтому лишь немногие переселенцы в начальный период колонизации края и позднее, во второй половине XIX века, выбирали местом жительства данный уезд.

Естественно, эта ситуация вызывала серьезную обеспокоенность официальных властей. По их мнению, «недостаточность населения русских между киргизами не дала им возможность ознакомиться с бытом русских» (ИАОО. РФ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 5668. Л. 5), что, соответственно, не могло не сказаться на привлечении казахов к обучению в государственных школах.

Впервые на государственном уровне вопрос о просвещении кочевого населения Западной Сибири, в том числе Степного края, нашел отражение в Уставе о сибирских киргизах (Левшин, 1996: 420). В частности, казахам было разрешено помещать своих сыновей в учебные заведения империи на общих правилах, местной администрации предписывалось не препятствовать казахам в открытии школ, а, наоборот, содействовать им в этом. С целью подготовки управленческих кадров было принято решение принимать детей кочевой аристократии в военные учебные заведения за счет государственного обеспечения, по окончании которых наиболее отличившихся устраивать на государственную службу.

Первые шаги в области развития народного образования в Степном крае, как и во всей Западной Сибири, начинались с открытия школ, которые возникали случайно, без соблюдения определенного плана. Серьезная роль на первых порах в этом деле отводилась священнослужителям, которые должны были не только знакомить с основами религии и отправлением религиозных обрядов, но и давать элементарные знания. В Уставе о сибирских киргизах отмечалось, что «священники должны стараться учредить при себе школы для обучения юношества закону, чтению, письму и первым правилам арифметики, содействовать местному начальству по части народного просвещения» (Левшин, 1996: 420).

В донесении Каркаралинского приказа 1824 года о предоставлении сведений о количестве людей Каркаралинского селения, указывалось, что «по отдаленности здешнего края от жилых мест, дороговизне припасов..., священник может обучать за вольные цены детей здешних жителей, иметь домообзаводство, а дьячки и пономарь будут иметь способы производить здесь хлебопашество и заниматься по своему желанию скотоводством, к чему для них будет достаточно времени – поставить их благосостояние» (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 766. Л. 2). Таким образом, религиозным служителям позволялось активно участвовать в общественной и экономической жизни местного общества.

Однако «степные русские священники не смогли сблизиться с народом так, как смогли это сделать деревенские священники с крестьянами через обучение детей грамоте, через лечение, оспопрививание, через частные советы различного рода и общественные назидания. Хотя это было бы и возможно и должно, потому что степь во всем этом, при низком уровне образования и отсутствии всяких средств к просвещению, еще сильнее нуждается, нежели наши села и деревни, однако же ничего этого, по крайней мере, в Области сибирских киргизов нельзя заметить» (Красовский, 1868, Ч.2: 450-451). И причина здесь заключалась, по мнению Красовского, не в отсутствии времени либо большей пастве, а в тяге к карточным играм и проч. Это было характерное явление для российской колонизации Сибири и Степных областей, для которой были присущи «сухой материализм» сибирских колонистов, их «сытое довольство», забвение общинных традиций, так поддерживаемые их братьями и сестрами в российской метрополии (Эткинд, 2016: 187).

В июле 1845 г. хозяйственное отделение Областного правления сибирских киргиз организовало сбор «сведений о постройке в округах Киргизской степи разными лицами из азиатцев, училищ для обучения грамоте детей их по русский и татарский...» (ЦГА РК. Ф. 374. Оп.1. Д. 5025. Л.1-10б.). Согласно донесению Каркаралинского окружного приказа в Пограничное управление, «в округе для обучения детей азиатцев училищ строено никогда и ником не было и в настоящее время нет» (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 5025. Л. 7).

Однако, несмотря на бытовавшее мнение, что «ни образ жизни, ни нравы, ни религия не позволяют киргизам быть образованными, ... а имеющиеся познания обезображены суевериями» (Левшин, 1996: 350), в 20-60-х годах XIX века благодаря активному распространению мусульманских школ в казахском обществе начинает формироваться осознание пользы знания, в том числе с точки зрения повышения социального статуса и материального положения (Галиев, 2009: 204). Как отмечал А.И. Левшин, «киргиз, понимающий аль-Коран, и, следовательно, знающий по-арабски, слышет чудом мудрости. Умеющий читать и писать на своем языке почитается ученым...» (Левшин, 1996: 350).

Официальная власть на окраинах империи и местная кочевая аристократия испытывали острую нужду в переводчиках и делопроизводителях для поддержания двусторонней коммуникации. Как правило, «ханы, султаны и бии ...имеют у себя путеводителей или мулл, которые читают им получаемые бумаги и отвечают на оные» (Галиев, 2009: 204). Поэтому осознание выгоды получения образования для повышения социального статуса и материального положения побуждало казахов отдавать детей на обучение на первых порах татарским муллам, которые еще с XVIII в. при поддержке царской администрации поселились в Степном крае. Как официальные представители российской империи, они занимались организацией делопроизводства, обучали грамоте и воспитывали казахских детей в духе лояльности официальной власти. По мнению официальных властей, татары были более лояльными мусульманами к Российской империи, что давало им значительные преимущества, в сравнении со среднеазиатскими муллами, в оказании влияния на кочевое население казахской Степи (Раздыкова, 2019: 311).

В качестве обратной связи татарские муллы снабжали сведениями региональную администрацию о внутривластных событиях в казахской Степи, выявляли настроения казахского населения и поведение казахской элиты (Султангалиева, 2020: 485). Так, благодаря этнокультурной общности на основе языка и вероисповедания они сыграли важную роль в деле политики «усмирения» казахской Степи.

Уже с 1819 года Давлетша Халитов, мулла-письмоводитель у каркаралинского султана Турсуна Чингизова, работал учителем. Мулла Айдагул Амангулов оказывал в обучении грамоте детей отличное усердие и успехи в их образовании (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 184. Л. 5). В 30-х годах XIX в. султанские письмоводители Салих Сагитов и Хабибулла Амиров работали в Каркаралинском окружном приказе и занимались учительской деятельностью (ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 184. Л. 6).

За преподавание муллы-учителя получали добровольные пожертвования родителей учеников. Так, за каждого ученика в станичных школах учитель получал 25 или 30 (в зиму) баранов, в том числе на пропитание ученика, а по окончании учения в качестве вознаграждения мулла принимал лошадь, быка, халат и 25 баранов. Как замечали современники, «при оставляющихся таким образом доходах, ахуны живут не хуже русских священников, то есть, имеют свой собственный, порядочно меблированный дом и необходимое для домашних нужд количество скота, большая часть которого из экономии держится в знакомых аулах» (Красовский, 1868, Ч. 1: 425).

Начало открытия мусульманской школы в городе Каркаралинске связано с именем старшего окружного султана Кунанбая Ускенбаева, отца великого казахского поэта Абая Кунанбаева. Будучи глубоко верующим человеком, он также ясно осознавал необходимость получения светского образования казахскими детьми. Поэтому одним из важных дел его жизни было построить в г. Каркаралинске мечеть и при ней школу, где дети могли бы освоить «русскую и азиатскую грамоту». В феврале 1845 года Пограничный начальник Управления сибирских киргиз поддержал просьбу Кунанбая Ускенбая об открытии школы. Однако Пограничный начальник не смог удовлетворить просьбу старшего султана о предоставлении учителя из-за отсутствия в его распоряжении свободных лиц, знающих «азиатскую и русскую грамоту, поэтому посоветовал ему использовать для обучения детей толмача (переводчика), в его свободное от службы время, но не без вознаграждения» (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 5051. Л. 3-4об.). После этого Кунанбай, открыв школу в местности «Eski tam», назначил учителем русскоязычного толмача Г. Габдыназарулы, у которого обучались его и аульные дети (Восточная Сарыарка, 2004: 428).

Еще одним примером участия местных представителей казахского общества в деле развития образования является прошение 1861 года казаха Джагалбайлы-Байбурункой волости Аджиkey Чатпасова Областному правлению о разрешении ему на постройку за свой счет в Каркаралинском селении общественной школы для татарских и казахских мальчиков и вырубку для этого необходимого количества леса. До этого времени школа располагалась «в частном доме, который, однако, уже пришел в ветхость и не может использоваться» (ЦГА РК. Ф. 374. Оп.1. Д. 2310. Л. 1). В свою очередь, Аджиkey Чатпасов, обращаясь к официальным властям, предварительно получил одобрение со стороны местного общества татар. Областное правление дало разрешение на постройку школы и вырубку леса в Кентском бору Каркаралинска (ЦГА РК. Ф. 374. Оп.1. Д. 2310. Л. 1об.).

В 1863 году при участии окружных приказов были запрошены сведения о числе мулл, занимавшихся обучением казахских мальчиков, и числе их учеников. В Каркаралинском округе таких мулл оказалось 41 и обучавшихся у них детей – 500 человек (Красовский, 1868, Ч. 2: 458). Кроме волостных школ, казахские мальчики могли обучаться в станичных мечетях, в том числе

расположенных в Каркаралинской станице. В 1867 году в 15 волостях Каркаралинского округа были открыты 23 мусульманские школы, число учеников в которых составляло 412 человек, из них 2 – в станице Каркаралинской. На каждую школу приходилось по 18 человек в классе (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 490. Л. 53-55).

На такую популярность среди казахского населения мусульманских школ обращали внимание и представители российской педагогической общественности. В своей статье «Ex oriente lux» Н.И. Ильминский подчеркивал положительные стороны этих учебных заведений, а именно «близость к народу, отсутствие формализма в преподавании и испытаниях, сосредоточенных на нравственных вопросах курса учения, автономное управление» (Труды Особого совещания..., 1905: 31). Были отмечены и недостатки мусульманских: «грязная запущенная, антисанитарная обстановка большинства мектебов и медресе, совершенное игнорирование всех требований педагогики и дидактики в системе воспитания и преподавания, основанного на чтении целыми годами непонятных арабских текстов, исключительность религиозного образования, при полном отсутствии светских наук, отсталость предлагаемого ученикам псевдо-научного материала, своеобразность проповедуемой ученикам морали, и как результат, фанатическое настроение» (Труды Особого совещания..., 1905: 31). Но наибольшую опасность, по мнению основателя русско-инородческих школ, представляли крайности татарского национализма, целью которого было «отатарить путем мектебов и медресе все магометанские народности России» (Труды Особого совещания..., 1905: 31).

Об этом еще в 60-х годах XIX века предупреждала Степная комиссия Гирса, которая отмечала: «...киргизский народ, по своему положению между массами мусульман внутренних наших губерний и массами их в середине Азии, может или соединить все эти части в сплошную единоверную территорию, или, напротив, при ослаблении или уничтожении в нем исламизма, разъединить их навсегда. Следовательно, вопрос о магометанстве в киргизской степи имеет для России особую политическую важность» (Ремнев, 2018: 258).

Особенно это было актуально для Каркаралинского региона с чисто кочевым населением. В связи с этим в 1864 году военный губернатор Области сибирских казахов генерал-губернатор Западной Сибири писал в своем донесении: «в Каркаралинском округе фактически исламизм больше развит, и на первое время небезопасно будет как для миссионеров, так и для общественного порядка проповедовать там христианскую религию» (ИАОО РФ. Ф.3. Оп. 4. Д. 5668. Л. 5).

В 1876 году министр народного просвещения Д.А. Толстой, посетивший ряд учебных заведений Оренбургского учебного округа, также обратил внимание на активный процесс «отатаривания» Степного края, в котором не последнюю роль сыграла сама администрация края, на службе у которой «большая часть переводчиков из татар, постановления издаются для казахов на татарском языке. Поэтому татарский язык стал единственным средством сообщения между правительственными органами и казахским народом, что нельзя не признать серьезной административной ошибкой» (Сборник постановлений..., 1883: 1707-1708).

С целью преодоления данной ситуации министром было принято решение: «взамен татарского, употреблять киргизский язык во всех деловых бумагах, в коих объявляются киргизам, касающиеся до них распоряжения и писать в этих бумагах киргизский текст русскими буквами» (Сборник постановлений..., 1883: 1709). Следующим шагом, по мнению официального лица, должна была стать постепенная замена переводчиков из татар на представителей из местного казахского общества. Данное решение было согласовано с министром внутренних дел, затем оно было одобрено верховной властью. Это стало важным шагом в деле привлечения казахских детей в государственные школы, которые стали активно открываться в 70-е годы XIX в. в казахской Степи, в том числе и в Каркаралинском уезде.

В начале 70-х годов XX века официальная власть предпринимает активные действия по ограничению влияния мусульманских мектебов и противопоставлению им правительственных школ с общеобразовательной программой. По мнению чиновников Министерства просвещения, необходимо было «инородческие поселения ограничить от мусульманского влияния. Лучшим средством является развитие между населением образования, основанного на началах христианской религии и распространении знаний русского языка» (Обозрение действий..., 1871: 14). Это решение привело к ряду обязательных требований: наличие свидетельства об удовлетворительном знании русского языка и основ математики для лиц мусульманского вероисповедания, желающим занять духовные и общественные должности, а также открытие русских классов при новых мусульманских училищах за счет мусульманского общества (Сборник постановлений..., 1878: 1476-1478). В результате мектебы стали устраиваться нелегально. Так, по данным экспедиции Ф.А. Щербины, в Каркаралинском уезде было 134 учителей-мулл (Артыкбаев, 1993: 181).

Обучение казахских детей в казахской Степи на первых порах осуществлялось вместе с детьми русскоязычного населения в доступных для получения начального образования приходских школах. Но поскольку приходские школы специально не ориентировались на прием казахских детей, содержание их образовательных программ не учитывало этноконфессиональный фактор (Стурова, 2013: 200). В рамках русификации образовательной модели, предложенной профессором Казанской духовной академии И.Н. Ильминским, центральное место отводилось распространению христианства

среди казахов на родном языке «инородцев» и изучению русского языка (Лысенко, Стурова, 2012: 154). Для этого и практиковалось совместное обучение русских детей и «инородцев». По мнению Совецания по вопросам образования восточных инородцев, с целью «сближения магометанских (мусульманских) инородцев с русским народом и духом, ослабления племенной изолированности русско-магометанских (мусульманских) начальных и учительских школ» необходимо включение в их состав некоторого числа русских учеников, подобно тому как мусульманские дети допускаются в русские начальные, средние и высшие школы общего типа (Труды Особого совещания..., 1905: 35).

В 1885 году Каркаралинский уезд вместе с другими уездами Акмолинской и Семипалатинской области вошел в состав Западно-Сибирского учебного округа, который, в сравнении с другими учебными округами Российской империи, был поставлен в самые неблагоприятные условия (Народное образование..., 1909: 103). Генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков, участвуя в разработке «Положения об устройстве училищной части в Акмолинской и Семипалатинской областях» (1881 г.), отмечал следующие местные условия: «совершенная неподготовленность к школе киргизских детей, огромные расстояния между сибирскими городами, в которых существуют мужские гимназии, трудность привлечения в столь суровый и отдаленный край необходимого числа подготовленных преподавателей, дороговизна жизни в этом крае» (Сборник постановлений..., 1883: 2207).

Преобладающее число учебных заведений в Западно-Сибирском учебном округе составляли школы для первоначального обучения городского и сельского населения. Для казахского населения в Акмолинской и Семипалатинской областях учреждались мужские и женские интернаты, в которых мальчики, помимо обучения русской грамоте, знакомились со сапожным столярным и портняжным мастерством, основами ведения земледелия, а девочки обучались рукоделию и ведению домашнего хозяйства (Памятная книжка..., 1881: 147).

Однако, несмотря на все начинания в области народного просвещения силами официальных властей и частных лиц, уровень грамотности в Семипалатинской области и его уездах был очень низкий. Это была большая проблема массовой неграмотности населения империи (Любичанковский, 2021: 36).

Общая численность грамотного населения в Семипалатинской области по переписи 1897 года составила 40 219 человек или 5,87 % всего населения. По числу школ область по всему краю занимала последнее место: в ней одна школа приходилась почти на 6 000 человек. В Каркаралинском уезде процент грамотного населения составлял всего 3,9 % от всего населения, в самом г. Каркаралинске – 22,3 %, и это был самый низкий показатель по области (Первая всеобщая..., 1905: 11-12).

Одной из проблем развития образовательной среды в степных областях империи было несовершенство методов управления образовательными учреждениями. Это, в частности, проявлялось в том, что, согласно Уставу 1828 года, управление начальными училищами находилось в руках директоров губернских гимназий и смотрителей уездных училищ. В Западной Сибири контроль над низшими и частными учебными заведениями осуществлялся администрацией Тобольской и Томской гимназий, из которых первой подчинялись училища в Тобольской губернии и Акмолинской области, второй – училища Томской губернии и Семипалатинской области (Сборник постановлений..., 1883: 437). Так как обе степные области находились на отдаленном расстоянии от этих гимназий, директорам для посещения местных школ приходилось проезжать более 1 000 верст (около 1 070 км). В связи с этим в 1878 году генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков ходатайствовал о разрешении изъять из ведения директоров Тобольской и Томской гимназий низших училищ и частных учебных заведений двух степных областей и подчинить их дирекции Омской гимназии, расположенной от областных городов на более близком расстоянии – 500-700 верст (Сборник постановлений..., 1883: 436-437).

Другой проблемой, сдерживающей развитие народного образования в Сибири и Степном крае, как отмечал Н.Г. Казнаков, была неподготовленность «инородческих» детей к обучению в государственных школах, в том числе из-за слабого знания русского языка. Как писал в своем отчете И. Алтынсарин, «нет еще ни одного основательного руководства, приспособленного к обучению инородческих детей, не знающих при поступлении в школу ни одного русского языка. При таких обстоятельствах успех в преподавании русского языка, киргизского языка зависит более, нежели где-либо, от личных способностей учителей» (СКГА. Ф. 679. Оп.1. Д.13. Л. 57-58). Об этом писал также Коншин в своих заметках, отмечая, что «киргизам ученье дается очень нелегко вследствие их полного незнакомства с русским языком. Чтобы помочь делу, сами учителя бывают вынуждены объясняться с мальчиками на первых порах по-киргизски» (Коншин, 1901: 46).

Данная проблема в Сибири и степных областях решалась, в том числе, и за счет ссыльных граждан, среди которых были члены народнических организаций: врачи, педагоги, литераторы, инженеры, студенты. Как отмечалось в журнале «Сибирские вопросы» в 1910 году, «Сибирь привыкла к ссыльным: ей некуда от них деваться» (Сибирь..., 1910: 15). Только за 1909 год в пределы Тобольской губернии было выслано политических ссыльных свыше 1 000 человек, а в целом по трем сибирским губерниям (Тобольской, Томской, Енисейской) и двум областям (Якутской и Забайкальской) административно-ссыльных было свыше 4 500 человек (Сибирь..., 1910: 22). Такие масштабы численности высланных людей в конце XIX в. были признаны со стороны официальных властей нежелательными. В связи с этим

на основании доклада министра внутренних дел Игнатъева уже с 1882 года административная ссылка стала распространяться и на области Степного генерал-губернаторства.

Однако города Семипалатинской области не были приспособлены к приему ссыльных, об этом предупреждал генерал-майор А.П. Проценко в своих «Соображениях по устройству в пределах Семипалатинской области административно-ссыльных» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5192. Л. 28). Об этом же писал и акмолинский губернатор в мае 1883 года, отмечая, что «ссылным невозможно извлекать в них (в городах) не только средств к существованию каких-либо занятий, но и даже сносного помещения и способов сбыта своего труда» (ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 78. Л. 16). Следует заметить, что основным источником существования сосланных было мизерное казенное пособие, состоящее из кормовых (от 90 коп. до 2 руб. 10 коп., для привилегированных – до 4 руб. 50 коп.), квартирных (1 руб. 50 коп.) и на одежду (20-30 руб. в год). Из-за скудности казенного пособия ссыльные были вынуждены искать дополнительный источник пропитания. Ссыльные врачи, учителя, адвокаты по разрешению департамента могли работать по вольному найму в правительственных и общественных учреждениях (Коншин, 1923). Наличие профессии и определенных навыков давало ссыльным шанс стать желанными согражданами в глухих уголках Сибири и Степного края. Ссыльные занимались обучением детей, лечили, писали, помогали защищать интересы в суде, делились своими знаниями.

С начала 80-х годов XIX в. Каркаралинский регион становится официальным местом водворения лиц, выселявшихся из Европейской России за преступления политического характера. Из числа каркаралинских ссыльных, оставивших свой след в просвещении казахских детей, наиболее известна в краеведческих кругах фамилия Соколова Владимира Дмитриевича. Он был арестован по обвинению во вредном влиянии на обучающуюся молодежь и железнодорожных рабочих в городе Омске, где вел преподавание, и отправлен в Каркаралинск. Здесь он заведовал библиотекой и обучал казахских детей русскому языку (ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 98. Л. 12-13). Среди его учеников были будущие лидеры движения Алаш – Алихан Букейханов, Алимхан Ермеков.

Другому ссыльному, Тихомирову Ивану Ивановичу, прибывшему в Каркаралинск в 1888 году и занимавшемуся здесь переплетными и слесарными работами, в январе 1891 года департамент полиции разрешил служить по вольному найму в уездном управлении, а также давать уроки детям (ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 75. Л. 18).

Среди политических ссыльных города Каркаралинска особо выделялся Белдыцкий Павел Петрович, брат известного ученого краеведа и работника просвещения. В Каркаралинск прибыл около 1899 года. Сначала как не имеющий чина преподаватель, он был старшим учителем Каркаралинской сельскохозяйственной школы, а с 1901 по 1905 годы работал управляющим этой школой. Его жена Августа Андреевна была заведующей Каркаралинским женским трехклассным училищем (ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 75. Л. 28).

Одним из помощников учителя в двухклассном русско-киргизском училище был Полюдов Евгений Венедиктович. Еще будучи студентом семинарии, он отличался от других живостью характера, большой активностью, непримирением с существовавшим тогда царским произволом. (ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 75. Л. 38). В 1907 году Е. Полюдов появился в Каркаралинске. Здесь он продолжал свою активную борьбу с существующим строем, числился неблагонадежным. По воспоминаниям современников, на спектаклях, которые устраивали учителя, играл роль революционера, пел революционные песни.

В начале XX века в г. Каркаралинске было пять низших учебных заведения с количеством учащихся 251 человек, из них 176 мальчиков (Исакова, Кос, 2013: 143). История многих из них начиналась в 70-е годы XIX века.

В 1872 году в Каркаралинске одним из первых в Семипалатинской области было открыто мужское приходское училище, куда могли поступать и казахские дети. Цель данного учебного учреждения была обозначена так: «дать детям всех сословий умственное и религиозно-нравственное образование» (Памятная книжка..., 1897: 112).

Согласно «Положению об устройстве училищной части в Акмолинской и Семипалатинской областях» (Сборник постановлений..., 1883: 2204), в 1881 году Каркаралинское приходское училище было преобразовано в трехклассное училище по особому штату. Штат училища в общей годичной сумме содержания составлял 2 595 руб., что было значительно ниже по нормальному штату трехклассных городских училищ (3 250 р.), но несколько выше по размерам содержания каждого отдельного служащего. Это было сделано, чтобы привлечь достойных и способных людей в столь отдаленный край, жизнь в котором была сопряжена со многими неудобствами.

Согласно утвержденному штату Каркаралинского трехклассного училища, учителя получали следующее жалованье: учитель-инспектор (при казенной квартире) получал в год жалованье 450 руб., столовых – 200 руб., законоучитель – 200 руб. и 100 руб., первый учитель – 400 руб. и 150 руб., второй учитель (при казенной квартире) – 300 руб. жалования и 150 руб. столовых.

Помимо жалования, учителям училища в зависимости от выслуги лет в Сибири начислялись дополнительные средства, и выделялась казенная квартира. Например, учитель-инспектор, надворный советник Брутан Федор Яковлевич получал прибавку за выслугу 10 лет в Сибири 180 руб. (всего

830 руб.) ([Памятная книжка..., 1900: 126](#)), учитель, надворный советник Коркунов Петр Антонович дополнительно получал за выслугу 5 лет в Сибири – 100 руб. ([Памятная книжка..., 1892: 154](#)).

Из общей суммы финансирования также выделялись средства на библиотеку и приобретение учебных пособий – 100 руб., на награды ученикам – 20 руб., на содержание и отопление здания, наем прислуги, канцелярские издержки и прочее – 525 руб. Итого в год на содержание училища из государственного казначейства ассигновалось 2 595 руб. ([Сборник постановлений..., 1883: 62](#)). Позднее дополнительно стали выделяться средства из городского общества в размере 285-330 руб. ([Памятная книжка..., 1892: 154](#); [Памятная книжка..., 1895](#); [Памятная книжка..., 1897: 136](#)).

Число учеников Каркаралинского трехклассного училища в разные годы колебалось от 60 до 120 человек. В 1901 году, как отмечал Н. Коншин, из 120 учащихся в городском училище было: русских – 76, казахов – 36 и татар – 8 ([Коншин, 1901: 46](#)). Причем обучались как дети местных жатаков (осевших казахов), так и степных казахов, в основном из семей со средним достатком.

С 1908 года с разрешения министра народного просвещения в Каркаралинское трехклассное училище становится четырехклассным, смешанным, куда начали принимать детей женского пола. Так, в 1909 году в составе учеников училища было уже 77 мальчиков и 18 девочек ([Памятная книжка..., 1909: 378](#)).

История Каркаралинского двухклассного русско-казахского училища начинается с 1904 года. После окончания аульных школ многие выпускники продолжили свое обучение в этом училище. При заведении был открыт интернат на 30 учеников. Учащихся на начало 1905 года было 64 человека ([ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 39. Л. 144](#)). В 1908 году из 73 учеников обучалось 52 казаха, 15 татар, прочих – 6, в 1909 году из 81 ученика – 62 казаха, 14 татар, прочих 5 ([ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 62](#)). Средства на содержание училища выделялись за счет местного общества.

Совместное обучение на казахском и русском языках позволило ученикам овладеть в совершенстве вторым языком. Штат училища был небольшим. Заведующим был назначен Ахмет Байтурсынов, под его руководством работали учителя и помощники учителей: М.Д. Желнин, А. Аяганов, Е. Айманов, А.К. Чумакин; законоучители: имам Каркаралинской мечети К. Джатмышев и священник Ф. Петрушев ([Адрес-календарь, 1907: 40-41](#)). В 1910 году заведующим училищем был Мертвецов Ефим Иванович, в 1915 году – В.И. Ситников. Кроме них, в штате школы были учитель А.Г. Рязанцев, его помощник Ф.А. Тунаев, в качестве законоучителя был приглашен отец Алексей Хрусталева. А.К. Чумакин и Е. Айманов приступили к работе уже в качестве учителей, помощником учителя был ссыльный Е.В. Полудов ([Адрес-календарь, 1910: 101-102](#); [Адрес-календарь, 1915: 91](#)). Выпускники училища после его окончания становились мугалимами (учителями), переводчиками, волостными писарями.

В 1885 году Степным генерал-губернатором Г.А. Колпаковским было инициировано открытие в Степном крае низших сельскохозяйственных школ. Целью открытия таких школ, как было указано в Положении о школах практического сельского хозяйства в областях Степного генерал-губернаторства, было «дать кочевому населению областей, воспитанных в остановке и потребностях оседлого быта, сведущих сельскохозяйственных работников и работниц, ...по тем отраслям ремесленных производств, которые стоят в тесной связи с сельским хозяйством, и из второй – мастериц по женским ремеслам, наиболее ценным у киргиз» ([ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 97. Л. 54](#)).

В Каркаралинске низшая сельскохозяйственная школа Министерства земледелия и государственных имуществ была открыта в 1885 году. Администрация школы состояла из лиц, имевших специальное образование, соответствующее специфике учебного заведения. Среди них были выпускник Уманьского земледельческого училища И.С. Кулаков; выпускник Московской земледельческой школы И.А. Арданский; выпускник Красноуфимского промышленного училища В.А. Соломин; техник сельского хозяйства из г. Чердынь Пермской губернии П.П. Белдыцкий ([Попов и др., 2019: 215](#)). Последним управляющим в 1910–1913 годах был выпускник Омской учительской семинарии Бутин Владимир Степанович, который после закрытия школы в 1913 году возглавил Каркаралинскую сельскохозяйственную ферму ([Адрес-календарь, 1915: 121](#)). Преподаватели школы также были выпускниками сельскохозяйственных учебных заведений или училищ Министерства народного просвещения. За четверть века существования Каркаралинской низшей сельскохозяйственной школы можно найти имена 15 преподавателей, имевших специальную квалификацию. Среди них Тарабаев Иманбек, выпускник Омской учительской семинарии, Н.М. Митянышев, выпускник Вятской школы по химической обработке дерева, народный учитель, нотариус П.М. Чемоданов ([Попов и др., 2019: 215](#)).

Школа имела значительные земельные площади – до 1 437 десятин. В 1896 году школе были отведены: Таинский №13 и Бахаревский №12 «казенные оборочные участки» площадью 405 десятин ([ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 97. Л. 65](#)). Практические занятия проходили летом в живописном месте – в урочище Белагаш, в 150-ти км от города Каркаралинска. Здесь ученики находились все лето, живя в юртах. Пахали на быках, сельхозинвентарь привозили и увозили с собой ([Памятная книжка..., 1898: 42](#)).

В 1904 году в Каркаралинской сельскохозяйственной школе обучались 33 мальчика: казахов – 26, мещан – 4, крестьян – 3 ([Адрес-календарь, 1906: 104](#)). В 1907 году там учился 31 ученик ([Попов и др., 2019: 214](#)). В 1911 году там обучалось 20 человек ([Обзор..., 1913: 107](#)).

В 1913 году по причине недостаточного финансирования Каркаралинская низшая сельскохозяйственная школа по распоряжению Степного генерал-губернатора была закрыта.

Каркаралинское женское приходское училище, открытое в 1877 году, содержалось на средства городского общества. На начало открытия училища обучающихся было не более 12 человек, в 1889 – 22 (Памятная книжка Западно-Сибирского, 1888-1889: 195), в 1897 году их уже стало 35 (Памятная книжка..., 1897: 178). В 1908 году число учениц составило 33 человека, из которых 20 были русской национальности, 11 – татарской, 2 – казахской. В 1909 году обучающихся стало 37 человек, в том числе 23 – русской национальности, 11 – татарской, 3 – казахской (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 54-54об.).

Кроме образовательных предметов, девочки обучались ремеслам и азам сельскохозяйственных знаний, также им преподавались рукоделие, пение и гимнастика (ЦГА РК. Ф. 491. Оп. 1. Д. 43. Л. 18).

Городские училища помещались большей частью или в собственных, или же в безвозмездно отведенных городами зданиях (Азиатская Россия, 1914: 247). Каркаралинское трехклассное училище в разные годы располагалось сначала в собственном доме (Памятная книжка..., 1888-89: 150), затем в доме, принадлежащем Министерству внутренних дел (Памятная книжка..., 1890: 139), а с 1892 года – в доме городского общества (Памятная книжка..., 1892: 154). В отчете городского старосты за 1912 год так описывалось состояние училища: «...помещается в деревянном 1-этажном доме, при нем помещается другое здание с прислугой для квартир учителя инспектора и второго учителя. Здания эти возведены на средства города с затратаю из городского капитала 4276 руб.» (ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 97. Л. 67).

Каркаралинское женское приходское училище сначала помещалось в доме, принадлежащем Министерству внутренних дел (Памятная книжка..., 1890: 182), затем располагалось в собственном доме (Памятная книжка..., 1897: 178), «плата за которую отнесена на средства пригородной казачьей станицы. Весь расход по учебной части выразился в сумме – 888 руб. 40 копеек» (ГАКО. Ф. 1487. Оп. 1. Д. 97. Л. 67).

Учительский персонал каркаралинских училищ колебался в среднем от трех до семи учителей и состоял преимущественно из лиц, получивших специальную подготовку для занятия педагогической деятельностью (Азиатская Россия, 1914: 247). По материалам памятных книжек Западно-Сибирского учебного округа, среди учителей городских училищ Каркаралинска были выпускники Томской гимназии, Санкт-Петербургского учительского института, Омской учительской семинарии, Калужской духовной семинарии, Федосийского учительского института, Тобольской духовной семинарии, Сибирского кадетского корпуса, Екатеринбургской, Омской и Семипалатинской женских гимназий.

Важным результатом деятельности учебных заведений Каркаралинска являлось то, что их выпускники стояли у истоков отечественной образовательной системы, стали ее основателями и работали учителями русско-казахских аульных школ (Tuleuova et al., 2018: 1619).

Среди выпускников каркаралинских городских училищ были присяжные заседатели. На страницах «Семипалатинских областных ведомостей» за 1909 год в качестве анкетных данных выдвигаемых присяжных заседателей было указано их образование, что позволяет выявить имена отдельных выпускников Каркаралинского трехклассного училища. Это Александров Иван, Бабин Михаил, Бекпауов Смагул, М.М. Бекметев, М.Х. Бекметев, Бахирев Михаил, Зотов Максим, Измайлов Яков, Карсыбеков Гизатулла, Мамлеев Касым, Менайков Исагул, Мынгырбаев Садвокас, Раимбеков Бодаубек, Рязанцев Константин, Сутюшев Алиакбар, Санекин Касым, Сарбасов Раимкул, Тайтаков Тюлюк, Чернов Павел (Попов и др., 2019: 142).

Одним из самых известных выпускников учебных заведений Каркаралинска является Алихан Букейханов. Его обучение началось с аульной кочевой школы, затем продолжилось в стенах Каркаралинского приходского училища, преобразованного в 1881 году в трехклассное городское училище. Его домашним учителем русского языка был ссыльный Соколов Владимир Дмитриевич. Далее его путь уже лежал в Омское техническое училище и Санкт-Петербургский лесной институт. Но именно здесь, в Каркаралинске, в нем были заложены основы его личности как исследователя, политического деятеля и патриота своего народа.

5. Заключение

Подводя итоги, сделаем следующие выводы:

1. История формирования народного образования и открытия государственных учебных учреждений в городе Каркаралинске и в Каркаралинском уезде до последнего времени не была предметом специального исследования. Данная тема нашла отражение в ряде работ краеведческого характера в качестве отдельного сюжета, раскрывающего особенности развития края.

2. Характерной особенностью Каркаралинского региона в конце XIX – начале XX веков являлась удаленность его от административных и образовательных центров Российской империи, осуществлявших проведение и контроль по включению региона в свое образовательное пространство. Это было одной из причин слабой эффективности методов управления образовательными учреждениями на окраинах, что привело в конечном итоге к низким показателям грамотности населения по Семипалатинской области и в целом по всему краю.

3. Несмотря на все трудности и проблемы, в начале XX века город Каркаралинск оформился как один из региональных центров народного образования, представленного учебными заведениями разного уровня.

4. Образовательные учреждения города Каркаралинска, созданные в конце XIX — начале XX веков, заложили фундамент будущих учебных заведений советского периода. Среди них Каркаралинский педагогический техникум и Каркаралинский зооветеринарный техникум, из стен которых вышли видные представители научной и творческой интеллигенции Казахстана.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках реализации внутривузовского гранта Карагандинского университета им. академика Е.А. Букетова № 21-ВГ-23 «История становления и развития образования Каркаралинского региона в XIX – начале XX веков в лицах и судьбах».

Литература

- Адрес-календарь, 1906** – Адрес-календарь и Памятная книжка Семипалатинской Области на 1906 год. Семипалатинск: тип. Областного правления, 1906. 235 с.
- Адрес-календарь, 1907** – Адрес-календарь Семипалатинской области на 1907 год. Семипалатинск: тип. Областного правления, 1907. 120 с.
- Адрес-календарь, 1910** – Адрес-календарь Семипалатинской области на 1910 год. Семипалатинск: тип. Областного правления, 1910. 142 с.
- Адрес-календарь, 1915** – Адрес-календарь Семипалатинской области на 1915 год. Семипалатинск: тип. Областного правления, 1915. 194 с.
- Азиатская Россия, 1914** – Азиатская Россия. Том первый. Люди и порядки за Уралом. СПб. Изд. Переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия, 1914. 719 с.
- Акимбеков, 2018** – Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы: ТОО Институт азиатских исследований, 2018. 562 с.
- Алекторов, 1905** – Алекторов А.Е. Из истории развития образования среди киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1905. Часть ССCLXII. С. 154-191.
- Артыкбаев, 1993** – Артыкбаев Ж. Казахское общество: традиции и инновации. Караганда: тип. «Полиграфия», 1993. 330 с.
- Будилович, 1907** – Будилович А.С. Может ли Россия отдать инородцам свои окраины? С.-Петербург: тип. А. С. Суворина, 1907. 75 с.
- Восточная Сарыарка, 2004** – Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем / Под ред. К.С. Алдажуманова, А.З. Бейсенова. Алматы: Эверо, 2004. 564 с.
- ГАКО** – Государственный архив Карагандинской области, Республика Казахстан.
- Галиев, 2009** – Галиев В.З. Участие татарских мулл в развитии образования среди казахов в 20-60-х годах XIX века (на материалах внешних округов) / *Фаизхановские чтения: материалы пятой ежегодной научно-практической конференции «Российские мусульмане на пути к религиозному и образовательному единству»*. Нижний Новгород, 2009. С. 203-212.
- Города России..., 1906** – Города России в 1904 году. СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1906. 907 с.
- Далаева, 2018** – Далаева Т.Т. Организация школ в Казахской степи (XIX – нач. XX вв.): практика включения в российское социокультурное пространство // *Российские регионы: взгляд в будущее*. 2018. Т. 5. № 1. С. 54-69.
- Зеленин, 1902** – Зеленин Д.К. Н. И. Ильминский и просвещение инородцев: (К 10-летию со дня смерти Н. И. Ильминского). С.-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1902. 20 с.
- ИАОО РФ** – Исторический архив Омской области Российской Федерации.
- Ильминский, 1900** – Ильминский Н.И. О способах обучения инородцев. С.-Петербург, 1900. 8 с.
- Исакова, Кос, 2013** – Исакова Е., Кос В. Образовательные учреждения в городском пространстве Западной Сибири (1860–1917 гг.) // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2013. № 3(11). С. 141-148.
- Коншин, 1901** – Коншин Н. От Павлодара да Каркаралинска (путевые заметки) // *Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г.* Вып. V. Семипалатинск: Тип. Семипалатинского Областного Правления и Торгового дома «П.Плещеев и К», 1901. Разд. IV. С. 1-55.
- Коншин, 1923** – Коншин Н. Материалы для истории русской административно-политической ссылки в Степной край // *Записки Семипалатинского подотдела ЗСОПГО*. Вып. 14. Семипалатинск, 1923.
- Красовский, 1868, Ч. 1** – Красовский Н.И. Материалы для статистики и географии России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Часть 1. С.-Петербург, 1868. 472 с.
- Красовский, 1868, Ч. 2** – Красовский Н.И. Материалы для статистики и географии России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Часть 2. С.-Петербург, 1868. 498 с.

Кэмпбелл, 2022 – *Кэмпбелл Я.* Знание и окраины империи: казахские посредники и российское управление в степи, 1731–1917. Пер. с англ. Санкт-Петербург: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 391 с.

Левшин, 1996 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Под общей редакцией М.К. Козыбаева. Алматы, «Санат, 1996. 656 с.

Лысенко и др., 2021 – *Лысенко Ю.А., Жанбосинова А.С., Омурова Ж. О.* К вопросу о развитии русско-казахской аульной школы в областях Степного края (середина XIX – начало XX в.) // *Вопросы истории.* 2021. № 10–2. С. 138-147.

Лысенко, Стурова, 2012 – *Лысенко Ю.А., Стурова М.В.* Роль и место православных миссионерских школ в образовательной системе Казахстана (XIX – начало XX в.) // *Известия Алтайского государственного университета.* 2012. № 4–1(76). С. 153-158.

Любичанковский, 2021 – *Любичанковский С.В.* Ключевые тенденции в развитии «русско-инородческого» образования на территории юго-восточного фронта Российской империи / *Забайкалье историческое: материалы I Всероссийской научно-практической конференции.* Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. С. 36–40.

Мирописев, 1908 – *Мирописев М.А.* Русско-инородческие школы системы Н.И. Ильминского // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1908. Часть XIII. С. 183-210.

Народное образование..., 1909 – Народное образование в Западно-Сибирском округе с 1897 по 1906 г. // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1909. Часть XXIII. С. 85-104.

Обзор..., 1913 – Обзор Семипалатинской области за 1911 год. Семипалатинск, 2013. 116 с.

Обозрение действий..., 1871 – Обозрение действий Министерства народного просвещения за 1870 г. // *Журнал Министерства просвещения.* 1871. Часть СЛIII. С. 14-30.

Остафьев, 1987 – *Остафьев В.А.* Очерк Акмолинской области // *Сведения о Сибири.* СПб., 1987 г.

Памятная книжка..., 1888–1889 – *Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1888-1889 год.* Томск: типо-литография В.В. Михайлова и И.И. Макушина, 1889.

Памятная книжка..., 1890 – *Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, числа учащихся и личного состава служащих.* Томск: типо-литография И.И.Макушина, 1890

Памятная книжка..., 1892 – *Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, числа учащихся и личного состава служащих.* Томск: типо-литография И.И.Макушина, 1892.

Памятная книжка..., 1881 – *Памятная книжка Западной Сибири.* Омск: Тип. Округ. штаба, 1881. Т.1. 391 с.

Памятная книжка..., 1895 – *Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, числа учащихся и личного состава служащих.* Томск: типо-литография И.И.Макушина, 1895.

Памятная книжка..., 1897 – *Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, числа учащихся и личного состава служащих.* Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1897. 209 с.

Памятная книжка..., 1897 – *Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 г.* Семипалатинск: тип. Областного правления, 1897. 290 с.

Памятная книжка..., 1898 – *Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г.* Семипалатинск: тип. Областного правления, 1898.

Памятная книжка..., 1900 – *Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, числа учащихся и личного состава служащих.* Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1900. 236 с.

Памятная книжка..., 1909 – *Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размера платы за ученье, числа учащихся и личного состава служащих.* Томск: Печатня С.П. Яковлева, 1909. 397 с.

Первая всеобщая..., 1905 – *Первая всеобщая перепись населения Российской империи.* 1897. Кн. 84. Семипалатинская область. Семипалатинск, 1905. 148 с.

Плахотник, 2019 – *Плахотник Т.* Проблема образования кочевого населения Степного края в работах А. Е. Алекторовой – чиновника образовательного ведомства / *Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: материалы I Всероссийской междисциплинарной научной конференции.* Омск, 2019. С. 21-27.

Попов и др., 2019 – *Попов Ю.Г., Шотбакова Л.К., Смагулова Г.М.* Творцы и свидетели истории Каркаралинска. 2-е изд., испр. и доп. Караганда: Изд-во ТОО «Санат-Полиграфия», 2019. 328 с.

Потанин, 1908 – *Потанин Г.* Нужды Сибири / *Сибирь, ее современное состояние и ее нужды:* сб. ст. Ред. И. С. Мельник. С-Пб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1908. 294 с.

- Раздыкова, 2019** – Раздыкова Г.М. Вклад мусульманских учебных заведений в распространение грамотности среди казахского населения // *Вестник ЗКУ*. 2019. № 1(73). С. 306-313.
- Ремнев, 2006** – Ремнев А. Российская империя и ислам в Казахской степи (60-80-е годы XIX в.) / *Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник* / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 2006. Вып. 32. С. 238–277.
- Рожанец, 1914** – Рожанец М. Природные условия северо-западной части Каркаралинского уезда и юго-западной части Павлодарского уезда Семипалатинской области и значение этого района для колонизации // *Вопросы колонизации*. 1914. № 6. С. 136-152.
- Сборник постановлений..., 1878** – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1864–1904. Т. 6: Царствование императора Александра II, 1874–1876. СПб: типография Балашева В.С., 1878.
- Сборник постановлений..., 1883** – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1864–1904. Т. 7: Царствование императора Александра II, 1877-1881. Т. 7. СПб: типография МВД, 1883.
- Сембаев, Храпченков, 1972** – Сембаев Л.П., Храпченков Г.М. Очерки по истории школ Казахстана 1900-1917 гг. Алма-Ата. 1972.
- Сибирь и политическая..., 1910** – Сибирь и политическая ссылка // *Сибирские вопросы*. 1910. № 33. С. 15-23.
- СКГА** – Северо-Казахстанский государственный архив, Республика Казахстан.
- Стурова, 2013** – Стурова М.В. Образовательная среда на территории Акмолинской и Семипалатинской областей (50–80-е гг. XIX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. № 4–2(80). С. 198-202.
- Султангалиева, 2020** – Султангалиева Г.С. Татарские муллы, командированные в степь «...для разъяснения, обнародования и внушения правил» // *Историческая этнология*. 2020. Т. 5. № 3. С. 481-496.
- Тажибаяев, 1962** – Тажибаяев Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX века. Алма-Ата: Казгосполитиздат, 1962. 506 с.
- Труды Особого совещания..., 1905** – Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / Под ред. А.С. Будиловича. С.-Петербург: Тип. Э.Л. Пороховщиковой, 1905. 366 с.
- Хозяйство казахов..., 1980** – Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX вв. (Материалы к историко-этнографическому атласу) / под ред. Г.В. Дахшлейгера. Алма-Ата: Наука, 1980. 254 с.
- Храпченков, Храпченков, 1998** – Храпченков Г.М., Храпченков В.Г. История школы и педагогической мысли Казахстана. Алматы: Университет «Кайнар», 1998. 168 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Чермак, 1912** – Чермак Л. Киргизское хозяйство в Степном крае // *Район железной дороги Петропавловск – Спасский завод в экономическом отношении*. СПб: Тип. Ц. Крайз, 1912. 314 с.
- Чуркина, 2009** – Чуркина Н.И. Историческая география педагогического образования Западной Сибири (XVIII-XX вв.) // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2009. № 4. С. 163-173.
- Шмидт, 1894** – Шмидт Ю. Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинском округе // *Записки ЗСО РГО*. Книжка XVIII. Омск: Тип. Окруж. Штаба, 1894. С. 1-149.
- Шоинбаев, 1973** – Шоинбаев Т.Ж. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата: «Казахстан», 1973. 248 с.
- Эткинд, 2016** – Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
- Ядринцев, 1892** – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. С-Пб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. 720 с.
- Tomohiko Uyama, 2000** – Tomohiko Uyama. The geography of civilizations: a spatial analysis of the kazakh intelligentsia's activities, from the mid-nineteenth to the early twentieth century / In Matsuzato Kimitaka, ed., Sapporo: Slavic Research Center, 2000. Pp. 70-99.
- Tuleuova et al., 2018** – Tuleuova B.T., Shotbakova L.K., Smagulova G.M. Formation of the System of School Education of the Kazakh Society of Central Kazakhstan in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4. Pp. 1612-1624.

References

- Adres-kalendar', 1906** – Adres-kalendar' i Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoi Oblasti na 1906 god [Address-calendar and Commemorative Book of the Semipalatinsk Region for 1906]. Semipalatinsk: tip. Oblastnogo pravleniya, 1906. 235 p. [in Russian]
- Adres-kalendar', 1907** – Adres-kalendar' Semipalatinskoi oblasti na 1907 god [Address-calendar of the Semipalatinsk region on 1907]. Semipalatinsk: tip. Oblastnogo pravleniya, 1907. 120 p. [in Russian]
- Adres-kalendar', 1910** – Adres-kalendar' Semipalatinskoi oblasti na 1910 god [Address-calendar of the Semipalatinsk region for 1910]. Semipalatinsk: tip. Oblastnogo pravleniya, 1910. 142 p. [in Russian]

- Adres-kalendar', 1915** – Adres-kalendar' Semipalatinskoi oblasti na 1915 god [Address-calendar of the Semipalatinsk region for 1915]. Semipalatinsk: tip. Oblastnogo pravleniya, 1915. 194 p. [in Russian]
- Akimbekov, 2018** – *Akimbekov, S.* (2018). Kazakhstan v Rossiiskoi imperii [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty: TOO Institut aziatskikh issledovaniy, 562 p. [in Russian]
- Artykbaev, 1993** – *Artykbaev, Zh.* (1993). Kazakhskoe obshchestvo: traditsii i innovatsii [Kazakh society: traditions and innovations]. Karaganda: tip. «Poligrafiya», 330 p. [in Russian]
- Aziatskaya Rossiya, 1914** – *Aziatskaya Rossiya. Tom pervyi. Lyudi i poryadki za Uralom* [Asian Russia. The first volume. People and order behind the Urals.]. SPb. Izd. Pereselencheskogo upravleniya glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya., 1914. 719 p. [in Russian]
- Budilovich, 1907** – *Budilovich, A.S.* (1907). Mozhet li Rossiya otdat' inorodtsam svoi okrainy? [Can Russia give its outskirts to indigenous dwellers?] S.-Peterburg: tip. A. S. Suvorina, 75 p. [in Russian]
- Chermak, 1912** – *Chermak, L.* (1912). Kirgizskoe khozyaistvo v Stepnom krae [Kyrgyz Economy in the Steppe Region]. Raion zheleznoi dorogi Petropavlovsk – Spasskii zavod v ekonomicheskom otnoshenii. SPb: Tip. Ts. Kraiz, 314 p. [in Russian]
- Churkina, 2009** – *Churkina, N.I.* (2009). Istoricheskaya geografiya pedagogicheskogo obrazovaniya Zapadnoi Sibiri (XVIII-XX vv.) [Historical geography of pedagogical education of Western Siberia (XVII-XX centuries)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4: 163-173. [in Russian]
- CSA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Dalaeva, 2018** – *Dalaeva, T.T.* (2018). Organizatsiya shkol v Kazakhskoi stepi (XIX – nachale XX vekov): praktika vklyucheniya v rossiiskoe sotsiokul'turnoe prostranstvo [Organization of Schools in the Kazakh Steppe (XIX – beginning of XX centuries): the practice of inclusion in the Russian socio-cultural space]. *Rossiiskie regiony: vzglyad v budushchee*. 2018. T. 5, № 1. Pp. 54–69. [in Russian]
- Etkind, 2016** – *Etkind, A.* (2016). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. Per. s angl. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Russian]
- Galiev, 2009** – *Galiev, V.Z.* (2009). Uchastie tatarskikh mull v razvitii obrazovaniya sredi kazakhov v 20-60-kh goda XIX veka (na materialakh vneshnikh okrugov) [Participation of Tatar mullahs in the development of education among Kazakhs in the 20th – 60th years of the XIX century (on the materials of external districts)]. *Faizkhanovskie chteniya: materialy pyatoi ezhegodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Rossiiskie musul'mane na puti k religioznomu i obrazovatel'nomu edinstvu»*. Nizhnii Novgorod. Pp. 203-212. [in Russian]
- Goroda Rossii..., 1906** – *Goroda Rossii v 1904 godu* [Cities of Russia in 1904]. SPb.: Tipo-lit. Nyrkina, 1906. 907 p. [in Russian]
- IAOO RF** – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti Rossiiskoi Federatsii [Historical archive of the Omsk region of the Russian Federation].
- Isakova, Kos, 2013** – *Isakova, E., Kos, V.* (2013). Obrazovatel'nye uchrezhdeniya v gorodskom prostranstve Zapadnoi Sibiri (1860–1917 gg.) [Educational institutions in the urban area of Western Siberia (1860-1917)] *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*. 3(11): 141-148. [in Russian]
- Kempbell, 2022** – *Kempbell, Ya.* (2022). Znanie i okrainy imperii: kazakhskie posredniki i rossiiskoe upravlenie v stepi, 1731–1917 [Knowledge and Outskirts of the Empire: Kazakh Mediators and Russian Administration in the Steppe, 1731-1917]. Per. s angl. Sankt-Peterburg: Academic Studies Press. Bibliorossika, 391 p. [in Russian]
- Khozyaistvo kazakhov..., 1980** – *Khozyaistvo kazakhov na rubezhe XIX-XX vv. (Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu)* [Kazakh economy at the turn of the XIX-XX centuries. (Materials to the historical and ethnographic atlas)]. Pod red. G.V. Dakshleigera. Alma-Ata: Nauka, 254 p. [in Russian]
- Khrapchenkov, Khrapchenkov, 1998** – *Khrapchenkov, G.M., Khrapchenkov, V.G.* (1998). Istoriya shkoly i pedagogicheskoi mysli Kazakhstana [History of the school and pedagogical thought of Kazakhstan]. Almaty: Universitet «Kainar», 168 p. [in Russian]
- Konshin, 1901** – *Konshin, N.* (1901). Ot Pavlodara da Karkaralinska (putevye zametki) [From Pavlodar da Karkaralinsk (travel notes)] *Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoi oblasti na 1901 g.* Vyp. V. Semipalatinsk: Tip. Semipalatinskogo Oblastnogo Pravleniya i Torgovogo doma «P. Pleshcheev i K», 1901. Razd. IV. Pp. 1-55 [in Russian]
- Konshin, 1923** – *Konshin, N.* (1923). Materialy dlya istorii russkoi administrativno-politicheskoi ssylki v Stepnoi krae [Materials for the history of Russian administrative-political exile in the steppe land]. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela ZSORGO*. Vyp. 14. Semipalatinsk. [in Russian]
- Krasovskii, 1868, Ch. 1** – *Krasovskii, N.I.* (1868). Materialy dlya statistiki i geografii Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Oblast' sibirskikh kirgizov. [Materials for statistics and geography of Russia collected by officers of the General Staff. The region of Siberian Kyrgyz]. Chast' 1. S.-Peterburg, 472 p. [in Russian]
- Krasovskii, 1868, Ch. 2** – *Krasovskii, N.I.* (1868). Materialy dlya statistiki i geografii Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Oblast' sibirskikh kirgizov [Materials for statistics and geography of Russia

collected by officers of the General Staff. The region of Siberian Kyrgyz]. Chast' 2. S.-Peterburg, 1868. 498 p. [in Russian]

[Levshin, 1996](#) – *Levshin, A.I.* (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description of Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisac, hordes and steppes]. Pod obshechi redaktsiei M.K. Kozybaeva. Almaty, «Sanat, 656 p. [in Russian]

[Lyubichankovskii, 2021](#) – *Lyubichankovskii, S.V.* (2021). Klyuchevye tendentsii v razvitii «russko-inorodcheskogo» obrazovaniya na territorii yugo-vostochnogo frontira Rossiiskoi imperii [Key trends in the development of «russian-indigenous dwellers» education in the territory of the south-eastern front of the Russian Empire]. *Zabaikal'e istoricheskoe: materialy I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Chita: Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet. Pp. 36-40. [in Russian]

[Lysenko, Sturova, 2012](#) – *Lysenko, Yu.A., Sturova, M.V.* (2012). Rol' i mesto pravoslavnykh missiionerskikh shkol v obrazovatel'noi sisteme Kazakhstana (XIX – nachalo XX v.) [Role and place of Orthodox missionary schools in the educational system of Kazakhstan (XIX – early XX centuries)]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–1(76): 153-158. [in Russian]

[Lysenko i dr., 2021](#) – *Lysenko, Yu.A., Zhanbosinova, A.S., Omurova, Zh.O.* (2021). K voprosu o razvitii russko-kazakhskoi aul'noi shkoly v oblastiakh Stepnogo kraya (seredina XIX – nachalo XX v.) [On the development of the Russian-Kazakh aul school in the steppe land (mid-19th - early 20th centuries)]. *Voprosy istorii*. 10–2: 138-147. [in Russian]

[Narodnoe obrazovanie..., 1909](#) – Narodnoe obrazovanie v Zapadno-Sibirskom okruge s 1897 po 1906 gg. [Public education in the Western Siberian District from 1897 to 1906]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1909. Chast' XXIII. Pp. 85-104. [in Russian]

[NKSA](#) – Severo-Kazakhstanskii gosudarstvennyi arkhiv, Respublika Kazakhstan [North Kazakhstan State Archive, Republic of Kazakhstan].

[Obozrenie deistvii..., 1871](#) – Obozrenie deistvii MNP za 1870 g. [Review of the actions of the Ministry of Public Education for 1870]. *Zhurnal Ministerstva prosveshcheniya*. 1871. Chast' CLIII. Pp. 14-30. [in Russian]

[Obzor..., 1913](#) – Obzor Semipalatinskoi oblasti za 1911 god [Review of the Semipalatinsk region in 1911]. Semipalatinsk, 2013. 116 p. [in Russian]

[Ostaf'ev, 1897](#) – *Ostaf'ev, V.A.* (1897). Ocherk Akmolinskoi oblasti [Essay of Akmolinsk region]. *Svedeniya o Sibiri*. SPb., 1897. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka..., 1888–1889](#) – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1888-1889 god [Commemorative Book of the Western Siberian School District for 1888-1889]. Tomsk: tipolitografiya V.V.Mikhailova i I.I.Makushina, 1889. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka..., 1890](#) – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga, zaklyuchayushchaya v sebe spisok uchebnykh zavedenii s ukazaniem vremeni otkrytiya, istochnikov sodержaniya, chisla uchashchikhsya i lichnogo sostava sluzhashchikh [Commemorative Book of the Western Siberian School District, containing a list of educational institutions, indicating the time of opening, sources of content, number of students and personnel of employees]. Tomsk: tipolitografiya I.I.Makushina, 1890. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka..., 1892](#) – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga, zaklyuchayushchaya v sebe spisok uchebnykh zavedenii s ukazaniem vremeni otkrytiya, istochnikov sodержaniya, chisla uchashchikhsya i lichnogo sostava sluzhashchikh [Commemorative Book of the Western Siberian School District, containing a list of educational institutions, indicating the time of opening, sources of content, number of students and personnel of employees]. Tomsk: tipolitografiya I.I.Makushina, 1892. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka..., 1895](#) – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga, zaklyuchayushchaya v sebe spisok uchebnykh zavedenii s ukazaniem vremeni otkrytiya, istochnikov sodержaniya, chisla uchashchikhsya i lichnogo sostava sluzhashchikh [Commemorative Book of the Western Siberian School District, containing a list of educational institutions, indicating the time of opening, sources of content, number of students and personnel of employees]. Tomsk: tipolitografiya I.I.Makushina, 1895. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka..., 1897](#) – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga, zaklyuchayushchaya v sebe spisok uchebnykh zavedenii s ukazaniem vremeni otkrytiya, istochnikov sodержaniya, chisla uchashchikhsya i lichnogo sostava sluzhashchikh [Commemorative Book of the Western Siberian School District, containing a list of educational institutions, indicating the time of opening, sources of content, number of students and personnel of employees]. Tomsk: Parovaya tipolitografiya P.I. Makushina, 1897. 209 p. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka..., 1900](#) – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga, zaklyuchayushchaya v sebe spisok uchebnykh zavedenii s ukazaniem vremeni otkrytiya, istochnikov sodержaniya, chisla uchashchikhsya i lichnogo sostava sluzhashchikh [Commemorative Book of the Western Siberian School District, containing a list of educational institutions, indicating the time of opening, sources of content, number of students and personnel of employees]. Tomsk: Parovaya tipolitografiya P.I. Makushina, 1900. 236 p. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka..., 1909](#) – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1909 god, zaklyuchayushchaya v sebe spisok uchebnykh zavedenii s ukazaniem vremeni otkrytiya, istochnikov sodержaniya, razmera platy za uchen'e, chisla uchashchikhsya i lichnogo sostava sluzhashchikh

- [Commemorative Book of the Western Siberian School District, containing a list of educational institutions, indicating the time of opening, sources of content, number of students and personnel of employees]. Tomsk: Pechatnya S. P. Yakovleva, 1909. 397 p. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka..., 1881** – Pamyatnaya knizhka Zapadnoi Sibiri [Commemorative Book of Western Siberia]. Omsk: Tip. Okruzh. shtaba, 1881. T. 1. 391 p. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka..., 1897** – Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoi oblasti na 1897 g. [Commemorative Book of the Semipalatinsk Region for 1897]. Semipalatinsk: tip. Oblastnogo pravleniya, 1897. 290 p. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka..., 1898** – Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoi oblasti na 1898 g. [Commemorative Book of the Semipalatinsk Region for 1898]. Semipalatinsk: tip. Oblastnogo pravleniya, 1898. [in Russian]
- Pervaya vseobshchaya, 1905** – Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii. 1897. Kn. 84. Semipalatinskaya oblast' [First general census of the population of the Russian Empire. 1897. Book. 84. Semipalatinsk region]. Semipalatinsk, 1905. 148 p. [in Russian]
- Plakhotnik, 2019** – *Plakhotnik, T.* (2019). Problema obrazovaniya kochevogo naseleniya Stepnogo kraia v rabotakh A. E. Alektorova – chinovnika obrazovatel'nogo vedomstva [The problem of formation of nomadic population of the Steppe Territory in the works of A. E. Alektrov – an official of the educational department]. *Poznanie i deyatel'nost': ot proshlogo k nastoyashchemu: materialy I Vserossiiskoi mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii*. Omsk. Pp. 21-27. [in Russian]
- Popov i dr., 2019** – *Popov, Yu.G., Shotbakova, L.K., Smagulova, G.M.* (2019). Tvortsy i svideteli istorii Karkaralinska [Creators and witnesses of the history of Karkaralinsk]. 2-e izd., ispr. i dop. Karaganda: Izd-vo TOO «Sanat-Poligrafiya», 328 p. [in Russian]
- Potantin, 1908** – *Potantin, G.* (1908). Nuzhdy Sibiri [Siberian needs]. *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy*: sb. st. Red. I. S. Mel'nik. S-Pb.: Izd. A. F. Devriena, 294 p. [in Russian]
- Razdykova, 2019** – *Razdykova, G.M.* (2019). Vklad musul'manskikh uchebnykh zavedenii v rasprostranenie gramotnosti sredi kazakhskogo naseleniya [The contribution of Muslim educational institutions to literacy among the Kazakh population]. *Vestnik ZKU*. 1(73): 306-313. [in Russian]
- Remnev, 2006** – *Remnev, A.* (2006). Rossiiskaya imperiya i islam v Kazakhskoi stepi (60-80-e gody XIX v.) [Russian Empire and Islam in the Kazakh Steppe (60th-80th XIX century)]. *Rasy i narody: sovremennye etnicheskie i rasovye problemy: ezhegodnik*. Ros. akad. nauk, In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaya. M. Vyp. 32. Pp. 238-277. [in Russian]
- Rozhanets, 1914** – *Rozhanets, M.* (1914). Prirodnye usloviya severo-zapadnoi chasti Karkaralinskogo uezda i yugo-zapadnoi chasti Pavlodarskogo uezda Semipalatinskoi oblasti i znachenie etogo raiona dlya kolonizatsii [Natural conditions of the north-western part of the Karkaral district and the south-western part of the Pavlodar district of the Semipalatinsk region and the significance of this area for colonization]. *Voprosy kolonizatsii*. 6: 136-152. [in Russian]
- SAKR** – Gosudarstvennyi arkhiv Karagandinskoi oblasti [State Archive of Karaganda region].
- Sbornik postanovlenii..., 1878** – Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya [Compendium of Regulations for the Ministry of Public Education]. 1864–1904. T. 6: Tsarstvovanie imperatora Aleksandra II, 1874–1876. S.-Pb: tipografiya Balasheva V.S., 1878. [in Russian]
- Sbornik postanovlenii..., 1883** – Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya [Compendium of Regulations for the Ministry of Public Education]. 1864–1904. T. 7: Tsarstvovanie imperatora Aleksandra II, 1877-1881. T. 7. S.-Pb: tipografiya Balasheva V.S., 1883. [in Russian]
- Sembaev, Khrapchenkov, 1972** – *Sembaev, L.P., Khrapchenkov, G.M.* (1972). Ocherki po istorii shkol Kazakhstana 1900-1917 gg. [Essays on the history of schools in Kazakhstan 1900-1917]. Alma-Ata. [in Russian]
- Shoinbaev, 1973** – *Shoinbaev, T.Zh.* (1973). Progressivnoe znachenie prisoedineniya Kazakhstana k Rossii [Progressive significance of Kazakhstan's accession to Russia]. Alma-Ata: «Kazakhstan», p. 248. [in Russian]
- Shmidt, 1894** – *Shmidt, Yu.* (1894). Ocherk kirgizskoi stepi k yugu ot Aralo-Irtyshskogo vodorazdela v Akmolinskom okruge [Sketch of the Kyrgyz steppe south of the Aral-Irtysh watershed in Akmola district]. *Zapiski ZSO RGO*. Knizhka XVIII. Omsk: Tip. Okruzh. Shtaba. Pp. 1-149. [in Russian]
- Sibir' i politicheskaya..., 1910** – Sibir' i politicheskaya ssylka [Siberia and political exile]. *Sibirskie voprosy*. 1910. 33: 15-23. [in Russian]
- Sturova, 2013** – *Sturova, M.V.* (2013) Obrazovatel'naya sreda na territorii Akmolinskoi i Semipalatinskoi oblasteri (50–80-e gg. XIX v.) [Educational environment in the territory of Akmola and Semipalatinsk regions (50th-80th years of XIX century)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–2(80): 198-202. [in Russian]
- Sultangalieva, 2020** – *Sultangalieva, G.S.* (2020). Tatarskie mully, komandirovannyye v step' «...dlya raz'yasneniya, obnarodovaniya i vnusheniya pravil» [Tatar mullahs sent to the steppe «...to explain, publication and suggest rules»]. *Istoricheskaya etnologiya*. 5(3): 481-496. [in Russian]

Tazhibaeв, 1962 – *Tazhibaeв, T.T.* (1962). Prosveshchenie i shkoly Kazakhstana vo vtoroi polovine XIX veka [Education and schools of Kazakhstan in the second half of the XIX century]. Alma-Ata: Kazgospolitizdat, 506 p. [in Russian]

Tomohiko Uyama, 2000 – *Tomohiko Uyama* (2000). The geography of civilizations: a spatial analysis of the kazakh intelligentsia's activities, from the mid-nineteenth to the early twentieth century. In Matsuzato Kimitaka, ed., Sapporo: Slavic Research Center. Pp. 70-99.

Trudy Osobogo soveshchaniya..., 1905 - Trudy Osobogo soveshchaniya po voprosam obrazovaniya vostochnykh inorodtsev [Proceedings of the Special Meeting on Education of Oriental Indigenous Dwellers]. Pod red. A.S. Budilovicha. S.-Peterburg: Tip. E.L. Porokhovshchikovoi, 1905. 366 p. [in Russian]

Tuleuova et al., 2018 – *Tuleuova, B.T., Shotbakova, L.K., Smagulova, G.M.* (2018). Formation of the System of School Education of the Kazakh Society of Central Kazakhstan in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries // *Bylye Gody*. 50(4): 1612-1624.

Vostochnaya Saryarka, 2004 – *Vostochnaya Saryarka*. Karkaralinskii region v proshlom i nastoyashchem [Eastern Saryarka. Karkaraly region in the past and present]. Pod red. K.S.Aldazhumanova, A.Z.Beisenova. Almaty: Evero, 2004. 564 p. [in Russian]

Yadrintsev, 1892 – *Yadrintsev, N.M.* (1892). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnosheniyakh [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. SPb.: Tip. I.N. Skorokhodova, 720 p. [in Russian]

Zelenin, 1902 – *Zelenin, D.K.* (1902). N. I. Il'minskii i prosveshchenie inorodtsev: (K 10-letiyu so dnya smerti N. I. Il'minskogo) [N. I. Il'minskii and education of indigenous dwellers: (To the 10th anniversary of the death of N. I. Il'minskii)]. S.-Peterburg: Tip. I. N. Skorokhodova, 1902. 20 p. [in Russian]

К вопросу об открытии учебных заведений г. Каркаралинска Семипалатинской области в составе Западно-Сибирского учебного округа в конце XIX – начале XX веков

Ляззат Касымовна Шотбакова^{a, *}, Бахытгуль Тлеубаевна Тулеуова^a,
Гульнара Муратбековна Смагулова^a, Нурсахан Ахметовна Бейсенбекова^a

^a Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития народного образования в городе Каркаралинске в конце XIX – начале XX веков. Выявляются географические, социальные, культурные особенности города Каркаралинска, который в изучаемый период входил в состав Семипалатинской области, относившейся к Западно-Сибирскому учебному округу. Отмечая отсутствие в современной историографии специальных работ и научных статей по означенной теме, авторы предлагают достаточно обширный обзор источников, прежде всего, архивного характера.

В качестве основных методов исследования в статье использованы историко-системный, историко-биографический, историко-статистический методы, а также метод системного анализа и контент-анализ. Применение данных методов позволило создать целостную картину процесса формирования образовательной среды города Каркаралинска в конце XIX – начале XX веков в составе Западно-Сибирского учебного округа.

Одним из центральных выводов, предлагаемых в статье, является положение о том, что история развития народного образования в Каркаралинском уезде во второй половине XIX – начале XX веков тесным образом была связана с образовательной политикой Российской империи на окраинах, для которой было характерно создание единого образовательного пространства и приобщение инородческого, в данном случае казахского населения, к достижениям русской культуры. Осуществлялась подготовка будущих чиновников низшего звена из представителей местного населения. Также осуществлялось и формирование поколения новых граждан России в лице инородцев, лояльных к официальному курсу. Анализ роли татаро-мусульманских школ в казахской степи в изучаемый период позволил прийти к заключению, что российская колониальная администрация стремилась ограничить их влияние. На основе статистических материалов и различных документов прослеживается поэтапное развитие народного образования в виде школ различных ступеней, реальных и приходских училищ. Выявляется роль интеллигенции в развитии учебных заведений г. Каркаралинска.

Ключевые слова: Западно-Сибирский учебный округ, Семипалатинская область, Каркаралинск, образовательная политика, народное просвещение, городские училища, сельскохозяйственные школы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: shotbakovazz@mail.ru (Л.К. Шотбакова),
b_t_tuleuova@mail.ru (Б.Т. Тулеуова), gylnara2005@mail.ru (Г.М. Смагулова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(4): 1869-1880
DOI: 10.13187/bg.2023.4.1869

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Public Charity at Own Expense: «Svoekoshtnye» Boarders in an Almshouse the end of XIX – the beginning of XX century (the Example of Krasnoyarsk)

Alexander S. Kovalev ^{a,*}, Nikolai R. Novosel'tsev ^{a,f}, Dmitry V. Rakhinsky ^{a,b,c}, Nikita N. Ravochkin ^{d,e}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

^c Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

^d Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Russian Federation

^e Kuzbass State Agricultural Academy, Russian Federation

^f Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Russian Federation

Abstract

The public charity of the disabled population in the almshouse in the second half of the XIX – first decades of the XX centuries was designed to help those who could not continue to work, who had no relatives and did not have sufficient funds of subsistence. However, at the same time, the practice of taking care of a charitable institution at their own expense was widespread, including those disabled and elderly people who had relatives who were ready to contribute the required amount. The analysis of historiography shows that earlier this aspect of the formation of social assistance in the imperial period of Russian history was not the subject of special research, so scientists became interested in the issues of the self-status of individual representatives of society not so long ago. On the basis of previously unpublished archival materials that reflect individual life stories, the presented research examines: the rules for the admission of self-interested people; various options under which this was possible; subjects of assistance who were willing to take over the maintenance of an incapacitated person in an almshouse; reasons why petitioners, their relatives or benefactors who had sufficient funds could be denied charity at their own expense. The analysis showed how normal it was for the practice of public charity to support the disabled and elderly at their own expense, whether such charity was a special form of social assistance.

Keywords: almshouse, public charity, self-employed, disabled, elderly.

1. Введение

Традиционно социальная помощь в специализированных учреждениях для инвалидов и пожилых людей призвана быть бесплатной, что вполне очевидно, если учесть, что подобный вариант жизненного устройства чаще всего становится возможным, когда человек требует за собой постоянного ухода, но является одиноким. Несмотря на то, что современное общество старается сделать социальную работу менее институциональной, ориентируясь на «домашние» формы сопровождения нуждающегося лица, такое направление помощи, как стационарное социальное обслуживание, по-прежнему сохраняется. Его исторические корни в России уходят в эпоху Петра Великого, который в 1917 г. повелел создавать всем губерниям монастырские и церковные богадельни для престарелых и увечных, неспособных к работе, а для содержания их указал давать им хлебное и денежное жалованье (*Энциклопедический...*, 1891: 141-143).

В последующие два столетия богадельни как институт общественного призрения заметно

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), sirdar@mail.ru (D.V. Rakhinsky), nickravochkin@mail.ru (N.N. Ravochkin)

эволюционировали, приобретя особую роль после городской реформы 1870 г., но главный принцип их функционирования оставался неизменным: в них помещались самые слабые, беспомощные лица, не имевшие средств и родственников, которые могли бы их содержать. В любом исследовании, посвященном истории общественного призрения в XIX в., можно прочесть, что существенным признаком богадельни является «полное содержание проживающих», т. е. общество или частное лицо, создавая богадельню, предполагало, что у просящего нет достаточных средств для того, чтобы жить самостоятельно и независимо.

Этот же принцип фактически взяли на вооружение органы социального обеспечения в советский период нашей истории. Когда в 1920–1930-х гг. не было оформившейся системы всеобщего пенсионного обеспечения, помещение в инвалидные дома было альтернативой всем другим формам социальной помощи. Но когда во второй половине XX в. советское государство стало обеспечивать пенсиями все население, получать помощь в доме престарелых стало возможным только при условии, что проживающий в стационарном учреждении перечисляет за оплату социальных услуг 75 % своей пенсии. Это же правило, согласно текущему законодательству, действует и в постсоветской России.

В то же время в нашей стране отношение к домам престарелых неоднозначное. С одной стороны, наибольшей группой обеспечиваемых в них являются социально незащищенные граждане – выходцы из неблагополучных семей, порой не только не имеющие родственников, но и сознательно не поддерживающие с ними взаимоотношений (нередко этот процесс носит взаимный характер). С другой, в домах престарелых оказываются инвалиды и пожилые люди, которых родственники отправили туда за отдельную плату, не желая содержать своих больных и престарелых членов семьи.

Конечно, с 2007 г. в России начали появляться первые частные учреждения для содержания престарелых людей из состоятельных семей, определены правила и порядок их приема, но это все равно не позволяет снять с повестки два этических вопроса. Один из них находится в эмоциональной сфере где-то между понятиями заботы и предательства, а другой связан с тем, может ли человек, имеющий родственников и не нуждающийся в постороннем уходе, занимать место другого человека в казенном учреждении только потому, что у него или его родных есть средства.

Отвечая на эти вопросы, необходимо обратиться к историческому опыту общественного призрения в богадельнях в XIX – начале XX в., поскольку именно из него во многом вывелись как советские, так и постсоветские особенности социальной помощи в условиях стационарного обслуживания. Среди всех призываемых в богадельню особую группу составляли так называемые «своекоштные пансионеры», т. е. те, кто получал содержание за свой собственный счет (кошт). Цель настоящего исследования – проанализировать специфику устройства и нахождения в богадельне представителей разных сословий, которые не могли получить призрение в учреждении на общих основаниях за счет уплаты собственных средств.

2. Материалы и методы

Документальную базу исследования составили впервые вводимые в научный оборот материалы, извлеченные из фонда богадельни им. Т.И. Щеголевой (Ф. 166) Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация). В первую очередь, это прошения горожан, у которых были средства для того, чтобы обеспечить место за свой счет в богадельне себе или своему родственнику. Они дали возможность изучить материальный и семейный статус призываемых и причины, по которым они не могли проживать вне богадельни. Также анализу были подвергнуты делопроизводственные документы Попечительского совета богадельни, в которых содержатся сведения о приеме в богоугодное заведение и об отказах в приеме, о движении своекоштных пансионеров, что помогло восполнить информацию, которой не удалось найти в прошениях.

Методологической основой стали идеи антропологического и микроисторического подходов, предполагающих историческое исследование окружающих условий, в которых живет и действует человек, на основе отдельных, подробно рассказанных случаев (А. Ничке, Р. ван Дюльмен) ([Dulmen, 1993](#)). Это позволяет не только изучить жизненные проблемы и биографии «маленьких» людей, но и сделать акцент на изучении специфики того или иного «устаревшего» явления – в данном конкретном случае феномена «своекоштного призрения» в специализированных учреждениях ([The New Disability, 2001](#); [Borsay, 2003](#)). Самоизоляция нетрудоспособного человека за свой собственный счет является одной из жизненных стратегий и частью повседневного опыта инвалида или пожилого человека в исследуемый период, а значит, требует отдельного внимания.

3. Обсуждение

В российской историографии вопрос о приеме в богадельню своекоштных призываемых предметом специального исследования еще не был. Однако можно выделить ряд работ, которые так или иначе затрагивали отдельные стороны этой проблемы. В первую группу можно отнести публикации, посвященные истории общественного призрения недееспособных граждан в целом, в том числе в богоугодных заведениях. Так, Е.В. Дуплий и Т.В. Зальцман рассматривают роль Приказа общественного призрения в организации и функционировании богоугодных заведений в Российской Империи ([Дуплий, Зальцман, 2014](#)). В работе Н.А. Дорохова и Н.В. Черкашиной дается общая

характеристика становления заботы об увечных и недееспособных людях в XVI–XIX вв. (Дорохов, Черкашина, 2020).

В ряде публикаций затрагивается тема призрения в богоугодных заведениях отдельных категорий нуждающихся: военнослужащих (Смородинкина, 2016), пожилых женщин (Васильева, 2016), престарелых и больных работников (Гладина, 2023).

Отдельные авторы изучают систему учреждений общественного призрения как таковую, функционирование благотворительных обществ и заведений после земской и городской реформ Александра II, их устройство, быт и особенности содержания (Гриб, 2018; Тиховодова, 2021; Косолапова, 2021).

Особенности поступления нищих, увечных и больных в московские богадельни еще в XVIII в., а также деятельность старейшего богоугодного заведения, Сампсониевской богадельни, которая содержалась в том числе за счет взносов мирян, анализируются в публикациях А.Н. Шуваловой (Шувалова, 2020; Шувалова, 2021).

В статье И.А. Мельникова освещается история возникновения и функционирования старообрядческой богадельни поморского согласия, нередко именовавшийся «монастырем», где действовали принципы своекоштного приема (Мельников, 2023).

Е.С. Бушуева в статье, посвященной созданию Успенского мужского монастыря близ Нерчинского острога, рассматривает примеры благотворительной монастырской деятельности в Забайкалье (Бушуева, 2021).

В другую группу входят исследования, посвященные своекоштному содержанию разных категорий граждан в различных учреждениях. Так, В.В. Антонов и А.В. Кобак в историческом очерке о двадцатипятилетней деятельности Дома призрения душевнобольных императора Александра III затрагивали специфику работы одного из его отделений – психиатрической больницы для своекоштных пансионеров-женщин (Антонов, Кобак, 1994: 160-162; Антонов, Кобак, 1996: 30-31).

В. Сергунин рассматривает историю Тамбовского Вознесенского женского монастыря, который вплоть до начала XX в. именовался «своекоштным» (Сергунин, 2016). Е.В. Гувакова также рассматривает своекоштные монастыри, отмечая, что они вели свою деятельность не как церковные заведения, а «на городской лад, решительно чуждый тому, чтобы монастырь что-либо добывал личным трудом» (Гувакова, 2016).

Чаще всего исследователи обращаются к истории образовательных и воспитательных учреждений, где в XIX в. сдержались своекоштные учащиеся. Несмотря на то, что эта категория максимально далека от нетрудоспособных граждан, которым посвящена настоящая статья, в работах о своекоштных учащихся упоминаются основные принципы содержания за свой счет. Материальное положение и повседневную жизнь своекоштных студентов изучает И.А. Суздальцева (Суздальцева, 2021). Она пишет о том, что в XIX в. значительная часть учащихся получала образование не «за казенный кошт», а за собственные средства (включая помощь со стороны благотворителей), и далеко не всем удавалось преодолевать материальные трудности. В противовес этой категории учащихся А.И. Гриценко исследует казеннокоштное студенчество, акцентируя внимание на разнице в социальном положении тех, кто содержался за счет заведения и кто обеспечивал себя сам (Гриценко, 2022).

В третью группу можно включить исследования, отражающие деятельность богоугодных заведений, где так или иначе затрагиваются вопросы своекоштного содержания. В публикации С.И. Бондиной сообщается, что в учреждении, где содержались одинокие вдовы, постепенно места бесплатных вакансий упразднялись, и вместо них открывались места для своекоштных пансионеров (Бондина, 2013).

А. Соколов и И. Зимин, рассматривая благотворительность императорской семьи в XIX – начале XX в., отмечают, что многие богоугодные заведения принимали своекоштных пансионеров, помещаемых за счет правительственных и других учреждений, а также средств частных благотворителей (Соколов, Зимин, 2015).

Ж.В. Соколова описывает правила приема в богоугодные заведения тех, для кого не было мест: «...если помещение позволит, в доме могут получать призрение и своекоштные пансионеры или содержимые на счет посторонних благотворителей с платою за полное содержание по 150 руб. в год и с единовременным взносом по 40 руб. за каждого пенсионера на первичное обзаведение» (Соколова, 2017: 10)

Вопросы размещения призреваемых в качестве своекоштных пансионеров уже частично рассматривалось авторами настоящего исследования в статье, ранее опубликованной в журнале «Былые годы», где изучался вопрос постепенного отхода от семейной заботы в сторону помощи инвалидам и старикам в специализированном заведении в контексте разрушения семейной модели призрения (Kovalev et al., 2023). В статье были приведены четыре случая, когда родственники помещали нетрудоспособных членов семьи за свой счет в богадельню, но специального анализа статуса «своекоштного пансионера» проведено не было.

4. Результаты

Для начала остановимся на том, как правильно следует обозначать категорию

нетрудоспособных, о которых речь пойдет ниже. Исторически правильно называть их своекоштными «пенсионерами», поскольку они сами себя именовали именно так и так же их обозначали в документах богадельни. В то же время, принимая таких лиц в богадельню, им давали «полный пенсион». Однако, с точки зрения современной семантики, они получали, конечно же, «пансион», т. е. содержались на полном довольствии, и более правильно называть их «пансионерами», т. е. теми, кто пользовался пансионом.

Изначально плата за содержание в богадельне составляла 75 руб. в год (6 руб. 25 коп. в месяц). В 1905 г. плата поднялась до 90 руб. в год (7,5 руб. в месяц) (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 71. Л. 85). При этом изначально право на помещение за свой счет имели те, кто мог заплатить за полгода вперед, затем – за год вперед, а после и вовсе сразу за два года, при этом предоставив ручательство от общества, к которому был приписан, или предъявив соответствующий лист от Енисейской казенной палаты. Если своекоштный пансионер выбывал по собственному желанию из богадельни, ему возвращали оставшуюся сумму (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 86. Л. 95-95об.).

Во второй половине XIX – начале XX вв. для нетрудоспособного человека, который отправлялся в богадельню за собственный счет, существовало несколько вариантов, при которых он мог стать своекоштным пансионером.

В первом случае любому своекоштному призреваемому можно было просто внести деньги и получать пожизненное призрение, видимо, когда ему был нужен посторонний уход и пропитание. Например, отставной унтер-офицер Я.В. Ковальский просил себе статус полупансионера с возможностью предоставления ему особой комнаты с отоплением, содержания и прислуги, «одежду же, обувь и белье будет иметь свое» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 30. Л. 20-22). За содержание обязался заплатить 30 рублей за полгода вперед. Однако Попечительский совет ответил просителю, что полная плата при пожизненном содержании составляет 125 руб. в месяц, или же он мог внести сразу 2 500 руб. и содержаться на проценты с этой суммы (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 81. Л. 31-32). Ковальскому, у которого такой суммы не оказалось, в удовлетворении просьбы отказали и посоветовали внести всю необходимую сумму, но и при этом пользоваться помещением и содержанием наравне с другими призреваемыми.

Ачинская мещанка А.М. Спиркина к 63 годам скопила 200 рублей, о которых говорила: «рассчитывать,... чтобы хватило мне до конца своей жизни, не могу на том простом основании, что, когда придет смерть, никому не известно, и желала бы поместиться в богадельню». Ей ответили, что это можно сделать, либо заплатив за себя 90 руб. в год с ручательством исправного платежа, либо одновременно 2 500 руб. Через год женщина накопила еще (или взяла у кого-то), и у нее оказалось уже 250 руб., но и тут ей отказали. Только в 1909 г. ее приняли своекоштной пансионеркой с суммой уплаты 300 руб. за 3 года вперед (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 6-6об.).

Впрочем, таких случаев, когда у инвалида или старика были деньги, но он не мог оставаться в домашних условиях, было крайне мало. Другим, более распространенным вариантом, была ситуация, когда у просителя было право на помещение в богадельню, но в ней не оказывалось «казенных мест» и невозможно было устроиться даже «кандидатом», и тогда просителю предлагали получить место за счет собственных средств. В этом случае за свой счет принимали только тех, кто мог внести средства за два года вперед, а также имел «поручительство в исправности платежа от благонадежных лиц» или «ручательство лица, обладающего недвижимой собственностью» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 74. Л. 6-7). Например, канскую мещанскую вдову Ф. Демидову, которая могла вносить только по 75 руб. в год, не приняли, потребовали внести 150 руб. за два года, а у нее ко всему прочему не оказалось требуемого поручительства (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 69. Л. 19).

Вот типичный случай. Вдова надворного советника А.П. Сапожникова просила по случаю преклонных лет и болезненного состояния принять ее в богадельню. Мест в учреждении не было, и женщина попросилась своекоштной пансионеркой. Об оплате своего пребывания она сообщала: «Причитающиеся за содержание деньги могут быть уплачиваемы из получаемой мною пенсии» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 123-123об.). Ее приняли с платой 75 руб. в год.

Конечно, чаще всего возможностью получать призрение в богадельне за свой счет пользовались состоятельные горожане. Например, вдова надворного советника Н.И. Кузьмина просила принять ее в богадельню своекоштной пансионеркой с платой 90 руб. в год из пенсии, при этом у нее еще оставалась приличная сумма для себя, поскольку всего она получала 107 руб. 25 коп. Кстати, когда она предоставила соответствующий расчетный счет, заверенный нотариусом, с нее даже не стали требовать ручательство иных лиц. Для сравнения: когда в точно такой же ситуации оказалась вдова чиновника Никольская, ее не приняли только потому, что у нее такой доверенности не было (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 78. Л. 97-98, 104об; Д. 81. Л. 210б.).

Впрочем, иногда удача быть принятым в богадельню перепадала и менее состоятельным горожанам. Красноярская мещанская вдова Е.И. Потылицына осталась без супруга в молодом возрасте с тремя детьми без средств к существованию: «...я личным своим трудом в течение 20 с лишком лет воспитывала детей моих – сына и две дочери. При возрасте детей моих я некоторое время имела от них поддержку в существовании семьи и отдых от трудов» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 90. Л. 64-66об.). Прошло несколько лет, сына и младшей дочери не стало, а старшая дочь сама овдовела и в одиночку воспитывала малолетнего сына. Помогать пожилой женщине стало некому, и она

обратилась за призрением в богадельню. Члены Попечительского совета проявили определенный гуманизм: мест в богадельне не было, и Потылицыну приняли сверх штата с платой 90 руб. в год, чтобы затем по уже привычной схеме перевести позже на содержание за счет учреждения.

Иногда случалось так, что у просителя не было родственников, и он не мог трудиться, но у него были средства для самообеспечения (скажем, сбережения). В таком случае первоочередное право на занятие места имели бедные горожане. К примеру, вдова капитана Т.М. Михалевская просила поместить ее в богадельню на общих основаниях, но Попечительский совет выяснил в Енисейской казенной палате, что женщина получала пенсию в размере 105 руб. в год, чего вполне хватало, чтобы получать призрение в качестве своекоштной пансионерки (8 руб. 75 коп. в месяц при положенных 6 руб. 25 коп.). Члены совета отказали удовлетворить просьбу и на казенное место взяли другую просительницу, а Т.М. Михалевскую приняли за ее счет (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 48. Л. 7).

Наконец, третья причина, по которой призреваемый оказывался своекоштным, это когда нетрудоспособный человек находился на попечении родственников, у которых по каким-либо причинам не было возможности более ухаживать за ним, либо они просто не хотели «тащить» на себе старика и готовы были заплатить, только бы снять с себя бремя призрения.

Например, красноярский мещанин М.Г. Фарафонов просил принять в богадельню свою мать, о которой сообщал, что она находится «...на излечении в красноярской городской больнице, она... лежит там более года, нога ее неизлечима и зрение плохое». Однако ему отказали, поскольку женщине шел всего лишь 52-й год, и у нее были взрослые сын и дочь. Сам Фарафонов достаточно зарабатывал и мог содержать мать, хоть и жил, по его словам, в «стесненных жизненных условиях» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 78. Л. 7). Но как только выяснилось, что женщину могут принять своекоштной пансионеркой, у ее детей сразу нашлись необходимые средства. Но что еще удивительнее, это как молодому человеку удалось без лишних проблем избавиться от содержания собственной матери даже в богадельне – он заплатил всего за полгода, а потом в учреждении открылось вакантное место, и на него перевели Фарафонову уже за счет средств заведения.

Этот своеобразный «удачный» для молодого мещанина финал его отношений с матерью, о которой он не захотел позаботиться и сохранить для нее домашние условия проживания, способен еще более поразить воображение исследователя, если сравнить описанную ситуацию со следующей. Красноярский мещанин, 66-летний Ф.Н. Петров, жалуясь на то, что «левая рука не разгибается, права выставлена... поступить к кому-либо в услужение не могу, родственников и знакомых не имею» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 71. Л. 46-48), просил поместить его в богадельню. В заведении было свободное место, но старик поспешил в прошении добавить: «...скопил за своей старости в разное время пятьдесят рублей, которые покорнейше [прошу] от меня принять» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 71. Л. 46-48). Попечительский совет решил, что лишние средства богадельне не мешают и принял Петрова своекоштным пансионером.

Получается, в одном случае женщину, еще не достигшую преклонных лет, по счастливой случайности из своекоштных пансионерок перевели на казенное содержание, а в другом – настоящего пожилого инвалида лишили возможности пользоваться даже мизерной пенсией, обязав платить за призрение.

Не отказали в призрении за свой счет молодой женщине, потерявшей зрение, по фамилии Клевцова. Это опять был тот редкий случай, когда помощь в призрении требовалась тому, кто не имеет на нее права по социально-возрастному критерию, тем более у слепой Клевцовой была мать, которая могла бы ее содержать. Сначала просительнице отказали за неимением мест, но, когда открылась вакансия своекоштного призреваемого, мать женщины заплатила за ее содержание и устроила дочь в богадельню.

Однако вскоре выяснилось, что Клевцова-старшая деньги для уплаты первоначального взноса за дочь взяла в Городской Управе, но, когда Управа отказалась платить, не стала уплачивать взнос и мать Клевцовой. Сначала молодая девушка заплатила за себя сама из средств, которые успела скопить, пока не потеряла зрение, а затем ей тоже повезло: поняв, что своекоштной пансионеркой слепая быть не сможет, ее не стали исключать из богадельни, а приняли на постоянное призрение за счет средств учреждения (Kovalev et al., 2023: 837). Впрочем, и в этом случае, вероятнее всего, подобное стало возможным только потому, что как раз в то самое время исключили за неподобающее поведение одного из призреваемых.

Вот еще один похожий случай. В январе 1902 г. на призрение в Щеголевскую богадельню своекоштным пансионером был принят некто Гусев. В течение года он полностью платил сам за себя положенную сумму, а в мае 1903 г. по постановлению Попечительского совета в связи с тем, что ему исполнилось 85 лет, был освобожден от половины стоимости проживания, другую половину необходимой суммы взялась платить его дочь Лепетухина, что она и делала вплоть до ноября 1903 г., когда от нее поступило письмо: «Имею честь уведомить Попечительский совет, что платить деньги за содержание своего отца ввиду изменившихся обстоятельств я более не желаю» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 69. Л. 3). На тот момент из суммы 26 руб. 77 коп. она успела внести 15 руб. 40 коп., т. е. осталась должна 11 руб. 77 коп.

Несмотря на сословные предрассудки и на то, что дочь фактически отказалась от отца,

Попечительский совет нашел в себе «социальное мужество» оставить старика в богадельне и содержать за счет заведения, решив дело однозначно в пользу Гусева, а с дочери потребовав оставшуюся сумму через суд (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 69. Л. 4-5).

А вот еще один интересный случай. В богадельню на общих основаниях просился 82-летний красноярский мещанин С.Я. Фефелов. Он просил поместить его в красноярскую гражданскую богадельню, но из Городской Управы ему ответили, что он стоит первым кандидатом в богадельню им. Т.И. Щеголевой. При разбирательстве выяснилось, что вакансия для Фефелова была, но ее занял некто Рассудов, которого взяли своекоштным пансионером, но предупредили, что если за него не придут деньги из управы, то его немедленно отправят обратно в управу (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 151). Рассудов деньги не уплатил, но его все равно оставили в богадельне, а 82-летний старик, имевший законное основание занять свободное место, так и остался кандидатом. Но и эта ситуация не дает однозначного ответа на вопрос, могли ли действительно окончательно и бесповоротно исключить из богадельни своекоштного призываемого, если он не платил или за него не вносили требуемую сумму.

За своекоштного призываемого могли внести деньги частные лица – благотворители. Так, на временное призвание был принят бывший ссыльный из Назаровской волости Ачинского округа И. Незаконнорожденный. По правилам богадельни он не имел на это права, поскольку не принадлежал к «нужному» сословию. Однако он был принят своекоштным пансионером с платой по 75 руб. в год. За него ежемесячно вносил соответствующую сумму член Попечительского совета, экономайстер богадельни А.И. Иванов (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 20-200б.).

Жена красноярского чиновника Е.И. Кудрявцева взяла на себя содержание в богадельне 75-летней Н.Г. Быстровой из ссыльных, уплачивая ежемесячно по 6 руб. 25 коп. (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 46. Л. 132-133об.).

Красноярский мещанин И.И. Мирошниченко просил: «Ввиду неимения средств на содержание убогой дочери моей Анны, Евдокия Павловна Щеголева изъявила свое желание содержать мою дочь в богадельне на свои средства, выплачивая вперед за полгода по 50 руб.» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 69. Л. 60-62). С такой ситуацией Попечительский совет столкнулся впервые: мужчине 56 лет, дочери – 36, она действительно была калекой от рождения, ходить не могла, говорила плохо «и более всего молчит и при том требует за собой более усиленного ухода» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 69. Л. 60-62).

Никаких законных оснований для помещения ее в богадельню не было. Ни ее возраст, ни возраст и положение ее отца, ни ее диагноз не были причиной к принятию женщины в богоугодное заведение. Мало того, даже для своекоштного призвания 50 руб. за полгода было мало, т.к. требовалось вносить 150 руб. за 2 года. Кроме того, как справедливо отмечали в Попечительском совете, «если принять калеку,... тогда, ввиду увеличивающихся своекоштных пансионеров, потребуется иметь дополнительную прислугу при богадельне» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 69. Л. 60-62). Однако члены совета понимали, что они не могут не принять дочь Мирошниченко за счет потомственной почетной гражданки Щеголевой, принадлежавшей к семье, которой сама богадельня была учреждена, и на чьи средства содержалась. Отказ посчитали «неудобным,... имея в виду еще и то, что родственники Щеголевых не оставляли и не оставляют своими пожертвованиями вообще благотворительные учреждения, находящиеся в городе Красноярске» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 69. Л. 60-62). А потому женщина-инвалид была «принята с платой по 100 руб. в год, а для ухода за ней в помощь... за особую плату нашли сиделку из числа призываемых богадельни, в чьи обязанности входило «подать пищу и питье» с жалованием за счет средств из фонда своекоштных пансионеров.

Случалось и так, что те, кто находился в богадельне за счет благотворителей, не понимали, как им повезло. Так, некто И.С. Верещагин из Ханькоу через Русско-Китайский банк перевел в богадельню 100 руб. и попросил принять на призвание красноярского мещанина Красикова, обязуясь платить 90 руб. в год, а оставшиеся 10 руб. просил выдать лично призываемому, чтобы он мог себе купить «чаю или что-нибудь еще» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 15-150б.). Однако Красиков тот факт, что за него платили из самого Китая, не оценил, деньги регулярно пропивал и устраивал дебоши в богадельне, хотя его долгое время терпели из-за своевременных платежей, но, когда он самовольно покинул заведение, был оттуда исключен.

Иногда призвание одиноких стариков на себя брали владельцы промышленных предприятий. Например, Совет золотопромышленников Южно-Енисейского округа принял решение о том, чтобы проработавшего всю свою жизнь на приисках служащего В. Шелегова как неспособного к труду с женою его Евдокией поместить за счет совета в одно из богоугодных заведений Красноярска. К тому времени стоимость содержания в богадельне Т.И. Щеголевой выросла с 75 до 90 руб., но это не остановило предпринимателей, и они оставили решение в силе (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 86. Л. 7).

Но не всегда подобная благотворительность становилась возможной. К примеру, распорядитель торгового дома «Трифон Савельев и сыновья» обратился с прошением в Попечительский совет принять на призвание 99-летнюю крестьянку А.А. Багеву, которая несколько лет проживала у Савельевых, но «вследствие подрастающей семьи членов торгового дома помещения для нее в настоящее время нет». Конечно, она была «совершенно безродная, снискивать пропитание своим трудом по преклонности лет не может», и Савельевы были готовы внести за нее плату, но женщину не

приняли из-за отсутствия мест (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 90. Л. 45).

Были и такие случаи, когда у потенциального призреваемого не было ни соответствующего возраста, ни требуемого сословного статуса, ни средств для самообеспечения, ни попечителя или благотворителя, но за него могло заплатить общество, к которому он принадлежал. Так, красноярскую мещанскую жену А.С. Толстикovu и мещанина С. Ширяева приняли в богадельню сверхштатно за счет мещанской управы, которая обязалась ежемесячно платить 6 руб. 25 коп. (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 53. Л. 106-107об; Д. 69. Л. 34-34об.). В 1907 г. в богадельню им. Т.И. Щеголевой, куда допускались лица только мещанского или купеческого происхождения, был принят отставной казак из крестьян Шуваев, плату за содержание которого вносило казачье общество (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 81. Л. 99).

Может показаться, что, как это часто бывает, деньги решали все, однако в материалах Попечительского совета отказов в принятии за свой счет в богадельню встречается едва ли не больше, чем положительных решений. Тем любопытнее посмотреть причины, по которым просителям с деньгами отказывали.

Первая причина была довольно банальной: все-таки богадельня была учреждением, которое призревало лиц бедных, больных и одиноких, и поэтому нет ничего удивительного, что Попечительский совет отказывал в случаях, когда проситель не соответствовал образу нуждающегося в помощи. Когда жена канцелярского служителя К.Г. Попова попросила определить в богадельню своекоштным пансионером своего мужа, ей отказали, поскольку у нее была пенсия и свой дом, а значит, она «имеет полную возможность при своем доме содержать мужа своего» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 41-41об.).

Также Попечительский совет далеко не всегда был так снисходителен к тем, у кого были средства и кто мог бы сам содержать родственников. Красноярская мещанка Дарья Новопавловская хотела устроить в богадельню своекоштным пансионером своего отца, внося ежемесячную плату. Она получила все подтверждения и гарантии об исправном платеже, но старика не приняли, мотивируя свой отказ тем, что если дочь готова за него платить, то может сама его содержать (Kovalev et al., 2023: 835).

Следующая причина отказа тоже соответствовала букве закона, точнее, уставу богадельни, согласно которому в нее не принимались психически больные граждане. Так, в богадельню просился своекоштным пансионер екатеринбургский мещанин по фамилии Созыкин (точнее, просила за него дворянка А.В. Притуленская), однако старика не приняли в богадельню за ее счет, поскольку в ходе предварительного обследования выяснилось, что он «страдает расстройством умственных способностей, требует постоянный и длительный надзор и... должен быть помещен в дом умалишенных при городской больнице» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 53. Л. 105об.).

Следующая причина – тоже довольно прозаическая – отсутствие или нехватка нужной суммы. В этом отношении показательна история супругов Рыловых, мещан 65 и 59 лет, которые обратились с просьбой принять их в богадельню. Мужчина служил много лет конторщиком в торговых фирмах Голованова и Гадалова и перестал работать из-за геморроя и травмы позвоночника, «которые довели до того, что становится невозможным не только сидеть, но и ходить» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 86. Л. 53-53об.). Жена его находилась в еще худшем положении: она была «больна ногами, ходила кое-как, но по случаю сильнейшего припадка... вот уже 7 лет лишилась владения одной ногой и ходить не может» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 86. Л. 53-53об.). Мещанин писал, что «средств не сберег, потому что на службе получал самое ограниченное жалование», и предвидел свое будущее положение «хуже нищенского, еще и затянется, на самоубийство же решимости не хватает» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 86. Л. 53-53об.). Но оказалось, что все-таки какие-то средства пожилая пара скопила, попросив принять от них единовременно 120 руб. за двоих. Однако Попечительский совет был готов дать места Рыловым только при условии, если оба внесут сумму не меньше 180 руб. У стариков таких денег не было, им пришлось ждать места в богадельне в порядке общей очереди.

Когда богадельня оказывалась совершенно переполненной, своекоштными пансионерами не принимали даже сверх штата, а только переводили из кандидатов на освободившиеся места (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 98). Так, Красноярский мещанин И.Г. Сорокин был готов внести вперед за 2 года 180 рублей, чтобы стать своекоштным пансионером, но ему отказали из-за отсутствия в богадельне мест (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 90. Л. 16).

Пожилой человек мог скопить себе на жизнь в послетрудовой период, осознавая, что единственный вариант «обеспеченной старости» – это помещение в богадельню, но ему приходилось «проедать» свои сбережения до тех пор, пока в богоугодном заведении не появлялось свободное место.

Красноярская мещанская вдова Е.О. Безрукова в 1908 г. осталась без мужа и жила на сбережения, которые он ей оставил. Этих денег женщине явно не хватало или же она откладывала что-то на черный день, поскольку все равно «прирабатывала по своим слабым силам: мыла полы, белье стирала, белила и прочий женский труд несла, доколе не изменило здоровье» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 90. Л. 11). В 1909 г. ей исполнилось 65 лет, и она почувствовала, что не в силах зарабатывать пропитание самостоятельно. Не имея родственников, попросилась в богадельню им. Т.И. Щеголевой, но Попечительский совет за неимением мест отказал женщине, но зачислил кандидаткой. В этом статусе женщина пробыла еще один год, «надеясь скоро попасть в богадельню, тратила свои деньги на содержание себя, деньги,

приложенные... на старость и на похороны» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 90. Л. 13).

В то же время, «боясь остаться совершенно без копейки и без призрения», Е.О. Безрукова решила «по примеру [других] принятых свои приложенные на старость деньги в сумме 60 рублей внести на сбережение в Попечительский Совет» с тем, чтобы ее поместили в богадельню. Деньги у пожилой женщины не взяли, а статус кандидатки сохранили, и уже в 1911 г., т. е. еще через год, она пишет третье прошение: «...Деньги, накопленные мною на старость и похороны, все израсходовались. ...Мне придется идти по миру просить себе кусок хлеба, чего я никак не в силах перенести нравственно, как жившая некогда самостоятельно и прилично. Готова внести уже 90 рублей, кои пожертвованы мне соседом, сжалившимся над моим бедным положением. Прошу принять меня своекоштной пансионеркой» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 90. Л. 14).

Только с третьего раза пожилую даму приняли в богадельню с формулировкой: «на первый год своекоштной, а затем уже должна поступить на средства учреждения» (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 90. Л. 15). Вся эта история свидетельствует о том, что, во-первых, даже наличие у пожилого человека в конце XIX – начале XX вв. средств для призрения в старости за свой счет не давало гарантии того, что он будет принят своекоштным пансионером. Причинами этого могли быть и отсутствие мест в богадельне, и непрозрачные принципы приема в заведение, в том числе своекоштными призреваемыми, и случаи nepoтизма со стороны администрации заведения. Безусловно, практика призрения за свой счет открывала самые широкие возможности для злоупотребления. Так, экономка богадельни Астахова вне очереди поместила своекоштной пансионеркой в богадельню свою свекровь, а в скором времени та была зачислена в штат призреваемых на общих основаниях (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 86. Л. 10).

В продолжение истории О.Е. Безруковой следует рассмотреть случай с красноярским мещанином С.И. Герасимовым. Если у женщины были деньги, пусть даже благодаря милосердию соседа, то у этого просителя денег не было. Он тоже три года пытался устроиться в богадельню. В 72 года он попросился в первый раз, но ему отказали, и в течение года он кое-как сводил концы с концами. Потом еще целый год «поправлял здоровье, истратив все свои сбережения». Когда же Попечительский совет решил его принять своекоштным пансионером, он уже все истратил. Только когда Герасимов оказался в больнице, откуда его выпроводили из-за того, что «его болезнь (водянка) не лечится», в возрасте 75 лет в 1911 г. он был принят на призрение в богадельню на общих основаниях (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 86. Л. 29-32).

И, конечно, часто бывало так, что лица, не имевшие права на призрение в богадельне Т.И. Щеголевой из-за сословных преград (бывшие ссыльные, крестьяне, солдаты, не приписавшиеся после отставки ни к какому обществу и даже обедневшие дворяне и пр.), просились в учреждение. Единственным вариантом для них было помещение в заведение только за собственный счет, но далеко не у каждого были средства, которые позволяли бы стать призреваемыми. Когда мест не хватало, штат обеспечиваемых был переполнен, а очередь из кандидатов казалась бесконечной, только единовременная уплата 2 500 руб. могла помочь стать своекоштным пансионером, но таких средств у одиноких стариков не было.

Впрочем, сословные предрассудки в любом случае становились помехой призрению за свой счет. К примеру, среди просителей был крестьянин из ссыльных, 71-летний Иван Комарьков, который за 40 лет до того, как попал в Сибирь, обзавелся собственным хозяйством, даже выстроил собственный дом. Детей у него не было и, овдовев, он «остался совершенно одинок, ... страдая увечьем ног и рук». Он попросился в богадельню, у него была необходимая сумма, но его не приняли ни бесплатно из-за сословного принципа, ни платно – за неимением мест даже с учетом первоначального взноса, полученного от продажи дома (ГАКК. Ф. 166. Оп. 1. Д. 90. Л. 34-34об.).

5. Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Прежде всего призрение в качестве своекоштного пансионера в богадельне не было какой-то особой формой социальной помощи. Оно не давало никаких привилегий, не меняло отношение к нетрудоспособному в богадельне, не улучшало его жизненных кондиций. Чаще всего это было всего лишь средство занять место в богоугодном заведении в случае, когда штат богадельни был уже укомплектован, и за счет уплаты определенной суммы можно было стать призреваемым сверх штата. В некоторых случаях даже наличие сбережений не давало пожилому человеку уверенности в том, что он будет принят в богадельню. Кроме того, материальное благополучие родственников, не желавших призрывать своих инвалидов и стариков, не всегда давало им возможность «откупиться» от сыновьяго долга: нетрудоспособных, за которых были готовы платить дети, оставляли на их попечении.

В то же время существовали довольно широкие возможности для благотворителей, которые принимали на себя обязанность содержать отдельных призреваемых: они могли находиться на крайне удаленном расстоянии от Красноярска и в то же время участвовать в судьбе одинокого старика или инвалида.

Очевидно, что деньги не являлись значимым фактором при определении судьбы просителя – члены Попечительского совета богадельни тщательно и беспристрастно, руководствуясь требованиями

Устава богадельни и здравым смыслом, принимали решение о том, можно ли принять нуждающегося в число призреваемых. При этом, как и в случае бесплатного приема, существовали как традиции в оценке статуса потенциального призреваемого, так и сословные стереотипы в его отношении.

Литература

- Антонов, Кобак, 1994** – Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга: Историко-церковная энциклопедия в 3-х т. Т. 1. СПб., 1994.
- Антонов, Кобак, 1996** – Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга: Историко-церковная энциклопедия в 3-х т. Т. 3. СПб., 1996.
- Бондина, 2013** – Бондина С.И. Санкт-Петербургский вдовый дом в XIX – начале XX веков // *Общество. Среда. Развитие*. 2013. №3 (28). С. 65-70.
- Бушуева, 2021** – Бушуева Е.С. Богадельня Нерчинского Успенского монастыря – первое благотворительное учреждение Забайкалья (к истории Нерчинской Успенской церкви) // *Забайкалье историческое*. Чита, 2021. С. 56-62.
- Васильева, 2016** – Васильева М.А. Благотворительная деятельность оренбургских купцов на примере С.М. и М.Л. Ивановых // *Региональная история: методология, источники, историография*. Уфа, 2016. С. 218-221.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Гладина, 2023** – Гладина А.Ю. Организация богаделен как отражение социальной политики Тульского оружейного завода во второй половине XIX в. (на примере Михайловской богадельни для тульских оружейников) // *История. Историки. Источники: электронный научный журнал*. 2023. №1. С. 1-11.
- Гриб, 2018** – Гриб М.С. Состояние общественного призрения на рубеже XIX-XX веков в Уфимской губернии // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации*. Пенза, 2018. С. 143-145/
- Гриценко, 2022** – Гриценко А.И. Казеннокоштные студенты Московского университета второй четверти XIX века как социальная группа // *Человеческий капитал*. 2022. №8 (164). С. 25-38.
- Гувакова, 2016** – Гувакова Е.В. О финансово-экономической и благотворительной деятельности московских обитателей на рубеже XIX-XX вв. (на примере Чудова и Новодевичьего монастырей) // *Вестник Московского университета*. Серия 8. История. 2016. №1. С. 33-70.
- Дорохов, Черкашина, 2020** – Дорохов Н.А., Черкашина Н.В. История призрения инвалидов в период правления Рюрикавичей, Годуновых и Романовых // *Научное образование*. 2020. №4(9). С. 35-38.
- Дуплий, Зальцман, 2014** – Дуплий Е.В., Зальцман Т.В. Деятельность Приказов общественного призрения по организации и финансированию богаделен в XVIII–XIX вв. / *Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности*. Улан-Удэ, 2014. С. 81-82.
- Косолапова, Федорова, 2021** – Косолапова И.С., Федорова М.В. Устройство, содержание и быт в арзамасских благотворительных учреждениях на примере Общественной богадельни // *Православие и русская литература*. Арзамас, 2021. С. 266-273.
- Мельников, 2023** – Мельников И.А. Тихвинская старообрядческая богадельня во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // *Вестник архивиста*. 2023. №2. С. 491-502.
- Сергунин, 2016** – Сергунин В. История основания и становления Тамбовского Вознесенского женского монастыря в синодальный период // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Общественные науки. 2016. №4 (8). С. 68-76.
- Смородинкина, 2016** – Смородинкина Ю.А. История социальной защиты военнослужащих // *NovaInfo.Ru*. 2016. Т.2. №48. С. 346-349.
- Соколов, Зимин, 2015** – Соколов А., Зимин И. Благотворительность семьи Романовых, XIX – начала XX вв. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М: Центрполиграф; СПб: Русская тройка, 2015. 603 с.
- Соколова, 2017** – Соколова Ж.В. Свидетельствуют архивные документы: устав сиротского дома тайного советника Фабра в Симферополе (Высочайше утвержденного 7 июня 1880 г.) // *Научный вестник Крыма*. 2017. №4 (9). С. 10.
- Суздальцева, 2021** – Суздальцева И.А. Материальное положение и повседневная жизнь российских студентов в XIX – начале XX вв. // *Классический университет: история и современность*. Ижевск, 2021. С. 109-113.
- Тиховодова, 2021** – Тиховодова А.В. Деятельность благотворительных обществ и заведений в Нижегородской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // *Научный диалог*. 2021. №9. С. 486-511.
- Шувалова, 2020** – Шувалова А.Н. Как люди оказывались в московских богадельнях в XVIII веке? / *Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие»*. СПб, 2020. С. 76-78.
- Шувалова, 2021** – Шувалова А.Н. Богадельня при церкви св. Сампсония Странноприимца в Санкт-Петербурге в I половине XVIII века // *Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана*. 2021. №4 (25). С. 58-66.

- Энциклопедический..., 1891** – Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. 1891. Т. IV. С. 141-143.
- Borsay, 2003** – *Borsay A.* Disability and Social Policy in Britain since 1750: a History of Exclusion. Basingstoke, Palgrave, 2003.
- Dulmen, 1993** – *Dulmen van R.* Historische Anthropologie in der deutschen Sozialgeschichte // *THESIS*. 1993. №3. С. 208–226.
- The New Disability, 2001** – *The New Disability History: American Perspectives*. Ed. by Paul K. Longmore and Lauri Umansky. New York and London: New York University Press, 2001.
- Kovalev et al., 2023** – *Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Rakhinsky D.V., Ravochkin N.N.* Destruction of the Family Model of Assistance and Support for Disabled Population in the second half of the XIX – early XX centuries (on the Materials of the city of Krasnoyarsk) // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 830-841. DOI: 10.13187/bg.2023.2.830

References

- Antonov, Kobak, 1994** – *Antonov, V.V., Kobak, A.V.* (1994). Svjatyni Sankt-Peterburga: Istoriko-cerkovnaja jenciklopedija [The Shrines of St. Petersburg: A Historical and Ecclesiastical Encyclopedia]. Т. 1. St. Petersburg. [in Russian]
- Antonov, Kobak, 1996** – *Antonov, V.V., Kobak, A.V.* (1996). Svjatyni Sankt-Peterburga: Istoriko-cerkovnaja jenciklopedija [The Shrines of St. Petersburg: Historical and Church Encyclopedia]. Vol. 3. St. Petersburg. [in Russian]
- Bondina, 2013** – *Bondina, S.I.* (2013). Sankt-Peterburgskij vdovij dom v XIX – nachale XX vekov [St. Petersburg widow's house in the XIX – early XX centuries]. *Obshhestvo. Sreda. Razvitie*. 3(28): 65-70. [in Russian]
- Borsay, 2003** – *Borsay, A.* (2003). Disability and Social Policy in Britain since 1750: a History of Exclusion. Basingstoke, Palgrave.
- Bushueva, 2021** – *Bushueva, E.S.* (2021). Bogadel'nja Nerchinskogo Uspenskogo monastyrja – pervoe blagotvoritel'noe uchrezhdenie Zabajkal'ja (k istorii Nerchin-skoj Uspenskoj cerkvi) [Almshouse of the Nerchinsky Assumption Monastery – the first benevolent institution of Transbaikalia (to the history of the Nerchinsky Assumption Church)]. *Zabajkal'e istoricheskoe*. Chita. Pp. 56-62. [in Russian]
- Dorokhov, Cherkashina, 2020** – *Dorokhov, N.A., Cherkashina, N.V.* (2020). Istorija pri-zrenija invalidov v period pravlenija Rjurikovickej, Godunovyh i Romanovyh [The history of the disabled during the reign of the Rurikovich, Godunov and Romanovs]. *Nauchnoe obrazovanie*. 4(9): 35-38. [in Russian]
- Dulmen, 1993** – *Dulmen van, R.* (1993) Historische Anthropologie in der deutschen Sozialgeschichte // *THESIS*. 3: 208-226.
- Dupliy, Salzman, 2014** – *Dupliy, E.V., Salzman, T.V.* (2014). Dejatel'nost' Prikazov obshhestvennogo prizrenija po organizacii i finansirovaniju bogadelen v XVIII-XIX vv. [Activity of public charity organizations for the organization and financing of almshouses in the XVIII–XIX centuries]. *Formy i metody social'noj raboty v razlichnyh sferah zhiznedejatel'nosti*. Ulan-Ude. Pp. 81-82. [in Russian]
- Entsiklopedicheskij, 1891** – *Entsiklopedicheskij slovar' Brokgauza i Jefrona Brockhaus and Efron* Encyclopedic Dictionary (1891). Vol. IV. Moscow [in Russian].
- GAKK** – Gosudarstvennyi arhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of Krasnoyarsk Region].
- Gladina, 2023** – *Gladina, A.Y.* (2023). Organizatsija bogadelen kak otrazhenie so-cial'noj politiki Tul'skogo oruzhejnogo zavoda vo vtoroj polovine XIX v. (na primere Mihajlovskoj bogadel'ni dlja tul'skih oruzhejnikov) [Organization of almshouses as a reflection of the social policy of the Tula Arms Factory in the second half of the XIX century (on the example of the Mikhailovskaya almshouse for Tula gunsmiths)]. *Istorija. Istoriki. Istochniki: elektronnyj nauchnyj zhurnal*. 1: 1-11. [in Russian]
- Grib, 2018** – *Grib, M.S.* (2018). Sostojanie obshhestvennogo prizrenija na rubezhe XIX-XX vekov v Ufimskoj gubernii [The state of public charity at the turn of the XIX-XX centuries in Ufa province]. *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovanija: aktual'nye voprosy, dostizhenija i innovacii*. Penza. Pp. 143-145. [in Russian]
- Gritsenko, 2022** – *Gritsenko, A.I.* (2022). Kazennokoshtnye Studenty Moskovskogo universiteta vtoroj chetverti XIX veka kak social'naja gruppa [Kazennokoshtnye Students of Moscow University of the second quarter of the XIX century as a social group]. *Chelovecheskij kapital*. 8(164): 25-38. [in Russian]
- Guvakova, 2016** – *Guvakova, E.V.* (2016). O finansovo-jekonomicheskoi i blagotvo-ritel'noj dejatel'nosti moskovskih obitelej na rubezhe XIX-XX vv. (na prime-re Chudova i Novodevich'ego monastyrej) [On the financial, economic and charitable activities of Moscow monasteries at the turn of the XIX-XX centuries (on the example of the Chudov and Novodevichy monasteries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 8. Istorija. 1: 33-70. [in Russian]
- Kosolapova, Fedorova, 2021** – *Kosolapova, I.S., Fedorova, M.V.* (2021) Ustroj-stvo, sodержanie i byt v arzamasskikh blagotvoritel'nyh uchrezhdenijah na primere Obshhestvennoj bogadel'ni [The organization, maintenance and life in Arzamas charitable institutions at the public almshouse]. *Pravoslavie i russkaja literatura*. Arzamas. Pp. 266-273 [in Russian]

Kovalev et al., 2023 – Kovalev, A.S., Novosel'tsev, N.R., Rakhinsky, D.V., Ravochkin, N.N. (2023). Destruction of the Family Model of Assistance and Support for Disabled Population in the second half of the XIX – early XX centuries (on the Materials of the city of Krasnoyarsk). *Bylye Gody*. 18(2): 830-841. DOI: 10.13187/bg.2023.2.830

Melnikov, 2023 – Melnikov, I.A. (2023). Tihvinskaja staroobrjadcheskaja boga-del'nja vo vtoroj polovine XVIII – pervoj polovine XIX veka [Tikhvin Old Believer church in the second half of the XVIII – first half of the XIX century]. *Vestnik arhivista*. 2: 491-502. [in Russian]

Sergunin, 2016 – Sergunin, V. (2016). Istorija osnovanija i stanovlenija Tambov-skogo Voznesenskogo zhenskogo monastyrja v sinodal'nyj period [The history of the foundation and formation of the Tambov Ascension Convent in the synodal period]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Serija: Obshhestvennye nauki. 4(8): 68-76. [in Russian]

Shuvalova, 2020 – Shuvalova, A.N. (2020). Kak ljudi okazyvalis' v moskovskih bo-gadel'njah v XVIII veke? [How did people find themselves in Moscow brothels in the XVIII century?]. *Sbornik izbrannyh statej po materialam nauchnyh konferencij GNII «Nacrazvitie»*. St. Petersburg. Pp. 76-78. [in Russian]

Shuvalova, 2021 – Shuvalova, A.N. (2021). Bogadel'nja pri cerkvi sv. Sampsonija Strannopriimca v Sankt-Peterburge v I polovine XVIII veka [Almshouse at the Church of St. Sampsonius the Pilgrim in St. Petersburg in the first half of the XVIII century]. *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tihogo okeana*. 4(25): 58-66 [in Russian]

Smorodinkina, 2016 – Smorodinkina, Y.A. (2016). Istorija social'noj zashhity voennosluzhashhikh [History of social protection of military personnel]. *NovaInfo.Ru*. 2(48): 346-349. [in Russian]

Sokolov, Zimin, 2015 – Sokolov, A., Zimin, I. (2015). Blagotvoritel'nost' sem'i Romanovyh, XIX – nachala XX v. Povsednevnaia zhizn' Rossijskogo imperator-skogo Dvora [Charity of the Romanov family, XIX – early XX centuries. Everyday life of the Russian Imperial Court]. M: Tsentrpoligraf; SPb: Russkaya troika. [in Russian]

Sokolova, 2017 – Sokolova, Z.V. (2017). Svidetel'stvujut arhivnye dokumenty: ustav sirotskogo doma tajnogo sovetnika Fabra v Simferopole (Vysochajshe utverzhdennogo 7 ijunja 1880 g.) [Archival documents testify: the charter of the orphan house of Privy Councillor Fabre in Simferopol (Most highly approved on June 7, 1880)]. *Nauchnyj vestnik Kryma*. 4(9): 8-12. [in Russian]

Suzdaltseva, 2021 – Suzdaltseva, I.A. (2021). Material'noe polozhenie i povse-dnevnaia zhizn' rossijskikh studentov v XIX – nachale XX veka [Material situation and everyday life of Russian students in the XIX – early XX century]. *Klassicheskij universitet: istorija i sovremennost'*. Izhevsk. Pp. 109-113. [in Russian]

The New Disability, 2001 – The New Disability History: American Perspectives (2001). Eds. Longmore P.K., Umansky L. New York, London.

Tikhovodova, 2021 – Tikhovodova, A.V. (2021). Dejatel'nost' blagotvoritel'nyh obshhestv i zavedenij v Nizhegorodskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov [Activity of charitable societies and institutions in the Nizhny Novgorod province in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Nauchnyj dialog*. 9: 486-511 [in Russian]

Vasilyeva, 2016 – Vasilyeva, M.A. (2016). Blagotvoritel'naja dejatel'nost' oren-burgskih kupcov na primere S.M. i M.L. Ivanovyh [Charitable activity of Orenburg merchants on the example of S.M. and M.L. Ivanov]. *Regional'naja istorija: metodologija, istochniki, istoriografija*. Ufa. Pp. 218-221. [in Russian]

Общественное признание за свой счет: своекоштные пансионеры в богадельне в конце XIX – начале XX вв. (на примере г. Красноярск)

Александр Сергеевич Ковалев ^{a, *}, Николай Рзавич Новосельцева ^f,
Дмитрий Владимирович Рахинский ^{a, b, c}, Никита Николаевич Равочкин ^{d, e}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

^c Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

^d Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Российская Федерация

^e Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, Российская Федерация

^f Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев),
NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.Р. Новосельцев), siridar@mail.ru (Д.В. Рахинский),
nickravochkin@mail.ru (Н.Н. Равочкин)

Аннотация. Общественное призрение нетрудоспособного населения в богадельне во второй половине XIX – первых десятилетиях XX вв. было призвано помочь тем, кто не мог продолжать трудиться, у кого не было родственников и достаточных средств к существованию. Однако в то же время была распространена практика приема на попечение в богоугодное заведение за свой счет, в том числе тех инвалидов и пожилых людей, у кого были родственники, готовые внести требуемую сумму. Анализ историографии показывает, что этот аспект становления социальной помощи в имперский период истории России прежде не был предметом специальных исследований, и вопросы своекоштного статуса отдельных представителей общества стали интересовать ученых только в последнее время. В представленном исследовании на основе ранее не публиковавшихся архивных материалов, в которых отражены отдельные жизненные истории, рассматриваются: правила приема своекоштных призреваемых; различные варианты, при которых это было возможно; субъекты помощи, которые были готовы взять на себя содержание нетрудоспособного лица в богадельне; причины, по которым просителям, их родственникам или благотворителям, имевшим достаточные средства, могли отказать в призрении за свой счет. Проведенный анализ показал, насколько естественным для практики общественного призрения было содержание инвалидов и пожилых за свой счет, было ли подобное призрение особой формой социальной помощи.

Ключевые слова: богадельня, общественное призрение, своекоштный, инвалиды, пожилые люди.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1881-1888
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1881

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of Pedagogical Periodicals of the Orenburg Educational District (1875–1917)

Irina Yu. Cherkasova ^{a, *}, Anvar M. Mamadaliev ^b, Valentina S. Nikitina ^c, Natalia V. Svechnikova ^d

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article deals with pedagogical periodicals of the Orenburg educational district in the period 1875–1917. The authors used as materials various reviews and reference publications devoted to the issues of the periodical press of the imperial period. The methodology of the study is presented by the method of content analysis, thanks to which a sample of journals published at different times on the territory of the Orenburg educational district was made. The retrospective method was also of great importance, which made it possible to present the periodical press of the school district in its chronological sequence.

In conclusion, the authors state that at various times from the last quarter of the XIX century to 1917, 8 pedagogical journals were published on the territory of the Orenburg educational district. These journals were distributed in four in cities such as Ufa and Orenburg, while the oldest journal (founded in 1875) was the official body of the educational district – the Ufa “Tsirkulyar po Orenburgskomu uchebnomu okrugu”.

All other journals appeared already at the beginning of the XX century. It is important to note that all four journals published in Orenburg originated in 1907–1908. As in other regions of the Russian Empire, the most permanent were journals funded by state bodies (for example, the directorate of the Orenburg educational district, the Ufa provincial Zemstvo council, etc.), in turn, journals of educational institutions and pedagogical societies, having no permanent own funds, had short periods of their existence.

Keywords: Orenburg educational district, periodical press, pedagogy, 1875–1917.

1. Введение

На рубеже XIX – XX вв. Оренбургский учебный округ состоял из трех губерний и двух областей (Пермская, Уфимская и Оренбургская губернии, а также Уральская и Тургайская области). В 1897 г. на этих территориях проживало 7 млн 930 тыс. человек ([Население..., 1898](#)). В разное время губернским центром являлись города Уфа – в 1802-1865 гг. и Оренбург – в 1865–1928 гг. Ввиду наличия фактически двух столиц научные периодические издания и были распределены в равной степени между ними. В данной работе мы хотели бы рассмотреть педагогическую периодическую печать, издаваемую на территории Оренбургского учебного округа в период 1875–1917 гг.

2. Материалы и методы

В качестве материалов авторами были использованы различные обзоры ([Зеленко, 1915](#); [Зеленко, 1916](#)) и справочные издания ([Библиография..., 1915](#); [Беляева, 1958](#); [Беляева, 1959](#); [Беляева, 1960](#); [Аблов, 1937](#)), посвященные вопросам периодической печати имперского периода. Методология исследования представлена методом контент-анализа, благодаря которому была сделана выборка журналов, издаваемых в разное время на территории Оренбургского учебного округа. Важное

* Corresponding author

E-mail addresses: Cherkasovairina42@gmail.com (I.Yu. Cherkasova)

значение имел и ретроспективный метод, который позволил представить периодическую печать учебного округа в ее хронологической последовательности.

3. Обсуждение

Историография темы нашего исследования может быть разделена на несколько частей: историография, посвященная Оренбургскому учебному округу; историография о рассматриваемых в работе педагогических журналах и историография, посвященная педагогической периодической печати других учебных округов и ведомств Российской империи.

К первой группе работ мы хотели бы отнести следующие труды: Н.А. Каргопольцеву и других об Оренбургском учебном округе (Каргопольцева и др., 2013), Е.А. Сафину рассматривала роль попечителя Оренбургского учебного округа в развитии системы народного образования в Уфимской губернии (Сафина, 2014), С.Д. Галиуллина, лично и в составе коллектива, обращалась к теме персонального состава попечителей Оренбургского учебного округа (Галиуллина, 2012), а также к теме просвещения нерусских народностей на территории учебного округа (Галиуллина и др., 2013). В свою очередь, Ю.В. Ергин обращался к истории Оренбургского учебного округа за период 1875–1917 гг. (Ергин, 2011).

Ко второй группе работ можно отнести труды В. Зеленко, который сделал в 1915–1916 гг. обзоры двух педагогических журналов Оренбургского учебного округа, а именно издаваемого в Оренбурге «Учительского вестника» (Зеленко, 1916) и издаваемого в Уфе «Бюллетень отдела народного образования» (Зеленко, 1915). Помимо этого упоминания «Учительского вестника» имеются в работе Н.В. Тарасовой, посвященной образовательному потенциалу ученических экскурсий (Тарасова, 2014). В работе Е.Д. Орловой о состоянии нервно-психологического здоровья девочек-подростков (на материалах педагогических и семейных журналов начала XX века) имеется упоминания уфимского журнала «Вестник семьи и школы» (Орлова, 2021).

И, наконец, к третьей группе мы хотели бы отнести работы, посвященные педагогической периодической печати других учебных округов и ведомств Российской империи. Так, например А.М. Мамадалиев совместно с авторским коллективом рассматривал периодическую печать Киевского (Mamadaliyev et al., 2023), Харьковского (Mamadaliyev et al., 2023a), Рижского (Mamadaliyev et al., 2023b) и Кавказского учебных округов (Mamadaliyev et al., 2022a). Что касается других ведомств то этот же авторский коллектив рассматривал периодическую печать Церковного ведомства (Mamadaliyev et al., 2022), изучал периодическую печать, посвященную внешкольным вопросам (Mamadaliyev et al., 2023c), периодической печати учебных заведений (Cherkasova et al., 2023), а также справочным журналам (Cherkasova et al., 2023a).

4. Результаты

Первым педагогическим периодическим изданием на территории округа стал официальный орган учебного округа, который возник 1875 г. и назывался «Циркуляр по Оренбургскому учебному округу» (Рисунок 1) (Библиография..., 1915: 316). Это издание выходило ежемесячно в Уфе в период с 1875 по 1909 гг. Наряду с распоряжениями по учебному округу здесь публиковались и неофициальные сведения. При «Циркуляре» выходил отдельный «Циркуляр для народных училищ Оренбургского учебного округа» (Аблов, 1937: 43).

Второе издание возникло уже в начале XX века в городе Оренбург. Этим изданием стали «Оренбургские педагогические записки», которые являлись официальным органом дирекции народных училищ Оренбургской губернии. Журнал издавался в 1907–1910 гг., а его редактором был директор училища Николай Сеницын. По данным Аблова вышло всего пять номеров этого издания (Аблов, 1937: 71), на самом же деле не менее тринадцати (Беляева, 1959: 533-534). В журнале печатались сведения об учебных заведениях на территории Оренбургской губернии. Значительное внимание уделялось протоколам собраний регионального педагогического сообщества, обзорам педагогической печати и т.д.

В этом же году в Оренбурге начал издаваться «Ежегодник Оренбургского реального училища» – школьный журнал. Издание выходило в 1907–1909 гг. и всего вышло три номера (Аблов, 1937: 71). Редактировали журнал такие преподаватели как: А.Ф. Ивченко, П.А. Незнамов, В.Д. Реформатский, Ю.П. Сен-Лоран, Л.Л. Курашкевич. С № 3 редактировали: Т.С. Дзюбинский, М.А. Галамиев, В.В. Быков, Л.Л. Курашкевич и другие (Беляева, 1958: 506).

В том же 1907 г. в Оренбурге вышло и четвертое педагогическое издание – «Учительский вестник» (Рисунок 2). Журнал позиционировался как общественно-педагогическое и литературное издание. Данное издание было органом Общества взаимного вспомоществования лицам, учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии. В разное время редакторами «Учительского вестника» были Ф. Гаврилов (1907–1908 гг.) и И. Расторгуев (1909–1916 гг.) (Беляева, 1960: 528). Всего выходило по 10 номеров в год. Журнал преследовал пропагандистские цели общества, уделял большое внимание ознакомлению с деятельностью общества, обзорам местной школьной жизни и обмену педагогическим опытом между отдельными представителями учительского сообщества (Зеленко, 1916: 28-31).

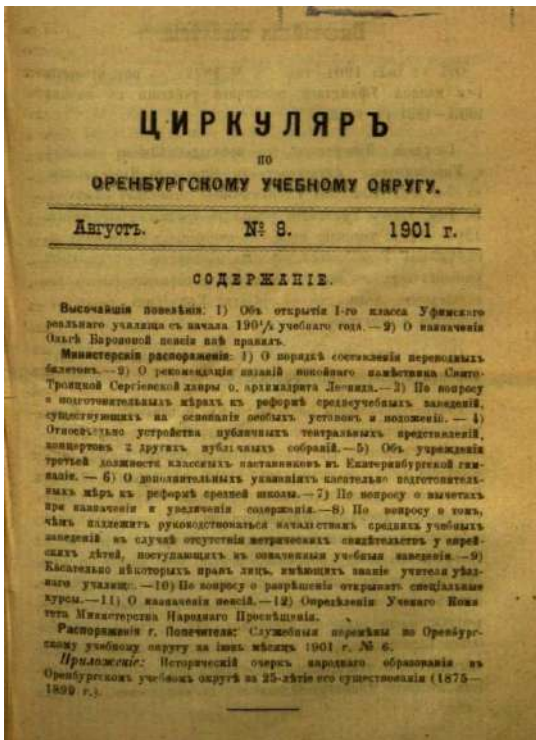

Рис. 1. «Циркуляр по Оренбургскому учебному округу» № 8 за 1901 г.

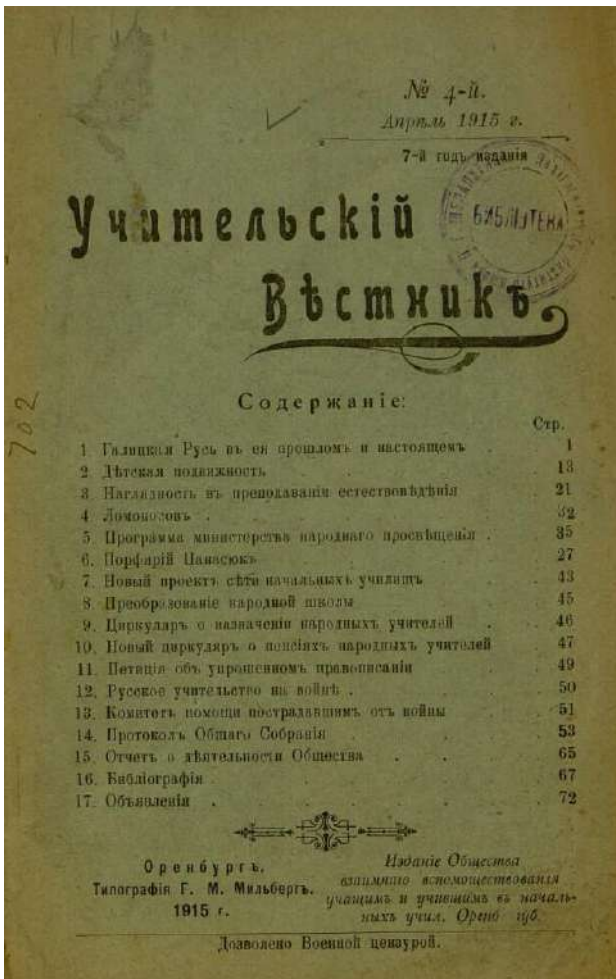

Рис. 2. «Учительский вестник» № 4 за 1915 г.

Пятым изданием стали вышедшие в том же Оренбурге в 1908 г. – «Записки математического кружка при Оренбургском реальном училище» (Рисунок 3). Журнал издавался в период с 1908 по 1914 гг. и всего вышло 10 номеров данного издания. Редакция журнала предпринимала попытку объединения преподавателей и учащихся на ниве совместной учебно-научной работы как в кружке, так и на страницах издания. Наряду со статьями математического характера публиковались и общие педагогические статьи (например, по вопросам ученических экскурсий и др.) (Аблов, 1937: 76).

Рис. 3. «Записки математического кружка» № 6 за 1911 г.

Рис. 4. «Вестник семьи и школы» № 2 за 1910 г.

В 1910 г. в Уфе вышло очередное педагогическое издание – «Вестник семьи и школы» (Рисунок 4). Данное издание позиционировалось редакцией как журнал для родителей, воспитателей и педагогов и издавался Уфимским семейно-педагогическим обществом в 1910–1911 гг. В 1910 г. его редактором был В.С. Мурзаев, а в 1911 – Е.Ф. Крылова-Зоркова (Беляева, 1958: 234). Собственной периодичности журнал не имел. В задачу журнала по мнению редакции входило: «предоставить

возможность семье, учителям и воспитателям постоянно следить за жизнью семьи и школы и своевременно получать справочную информацию по вопросам семейного и школьного воспитания и образования. Рубрикация журнала включала в себя, такие разделы как: проведение в жизнь принципа единения семьи и школы; разработка вопросов семейно-школьного воспитания и обучения; сообщения о значительных явлениях школьной жизни; ежемесячные обзоры педагогической литературы и изданий для детей, а также освещение деятельности семейно-педагогических организаций» (Аблов, 1937: 81-82).

В 1912 г. в Уфе возникает седьмое педагогическое издание – «Вестник Оренбургского учебного округа» (Рисунок 5). Его редактором был окружной инспектор М.А. Миропиев. Ежегодно издавалось по 8 номеров данного издания в период с 1912 по 1915 гг. (Беляева, 1958: 212)

Рис. 5. «Вестник Оренбургского учебного округа» № 3 за 1915 г.

Данное издание было официальным органом Оренбургского учебного округа. Рубрикация этого органа состояла из: официального отдела; научно-популярного и педагогического. В журнале публиковались как педагогические статьи, так и материалы о деятельности школ на территории округа. Также стоит упомянуть, что в журнале уделялось внимание образованию среди отдельных национальностей. В конце 1915 г. в связи с бумажным «голодом» издание было приостановлено (Аблов, 1937: 93).

И, наконец, в 1915 г. в Уфе вышло последнее (восьмое) педагогическое периодическое издание имперского периода, им стал «Бюллетень отдела народного образования». Это издание печаталось и было органом Уфимской губернской земской управы (Беляева, 1958: 125). Издание выходило без строгой периодичности в период с 1915 по 1917 гг. В задачи редакции входило освещение деятельности земства в области народного образования. В издании публиковались педагогические статьи, доклады земского собрания, посвященные народному образованию, протоколы совещаний по внеклассному образованию, сведения об открытии новых школ, библиотек и педагогических курсов. Журнал выпускался отделом народного образования по мере комплектования номера (Зеленко, 1915: 65-68).

5. Заключение

Итак, в разное время, с последней четверти XIX века до 1917 г. на территории Оренбургского учебного округа издавалось 8 педагогических журналов. Эти журналы распределялись по четыре в таких городах, как Уфа и Оренбург, при этом старейшим журналом (основан в 1875 г.) являлся официальный орган учебного округа – уфимский «Циркуляр по Оренбургскому учебному округу».

Все остальные журналы возникли уже в начале XX века. При этом важно отметить, что все четыре журнала, издаваемые в Оренбурге, возникли в 1907–1908 гг. Как и в других регионах

Российской империи, наиболее постоянными были журналы, финансируемые государственными органами (например, Дирекцией Оренбургского учебного округа, Уфимской губернской земской управой и т.д.), в свою очередь, журналы учебных заведений и педагогических обществ, не имея постоянных собственных средств, имели короткие периоды своего существования.

Литература

- [Беляева, 1958](#) – *Беляева Л.Н.* Библиография периодических изданий России. 1901-1916 гг. В 4 т. Т. 1. М., 1958.
- [Беляева, 1959](#) – *Беляева Л.Н.* Библиография периодических изданий России. 1901-1916 гг. В 4 т. Т. 2. М., 1959.
- [Беляева, 1960](#) – *Беляева Л.Н.* Библиография периодических изданий России. 1901-1916 гг. В 4 т. Т. 3. М., 1960.
- [Библиография..., 1915](#) – Библиография русской периодической печати 1703-1900 гг. (материалы для истории русской журналистики) / Сост. и изд. Н.М. Лисовский. Петроград, 1915.
- [Галиуллина, 2012](#) – *Галиуллина С.Д.* Персональный состав попечителей Оренбургского учебного округа // *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 356. С. 58-61.
- [Галиуллина и др., 2013](#) – *Галиуллина С.Д., Герасимова Д.И., Сафина Е.А.* Попечительство в области просвещения нерусских народов в Оренбургском учебном округе // *Вестник УГУЭС*. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2013. № 4(6). С. 108-116.
- [Ергин, 2011](#) – *Ергин Ю.В.* История Оренбургского учебного округа (1875-1917) // *Педагогический журнал Башкортостана*. 2011. № 2 (33). С. 144-159.
- [Зеленко, 1915](#) – *Зеленко В.* Из обзора педагогических журналов. «Бюллетень отдела народного образования Уфимской губернской земской управы» // *Русская школа*. 1915. № 1-2. С. 65-68.
- [Зеленко, 1916](#) – *Зеленко В.* Из обзора педагогических журналов. «Учительский вестник» Оренбург // *Русская школа*. 1916. № 4. С. 28-31.
- [Каргапольцева и др., 2013](#) – *Каргапольцева Н.А., Ерофеева Н.Е., Полухина В.И.* Оренбургский учебный округ: ретроспективный взгляд в будущее // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2013. № 12-2. С. 210-214.
- [Население..., 1898](#) – Население империи по переписи 28-го января 1897 г. По уездам. Санкт-Петербург, 1898.
- [Орлова, 2021](#) – *Орлова Е.Д.* Состояние нервно-психологического здоровья девочек-подростков по материалам педагогических и семейных журналов начала XX века // *Молодой ученый*. 2021. № 12 (354). С. 190-193.
- [Сафина, 2014](#) – *Сафина Е.А.* Роль попечителя Оренбургского учебного округа в становлении системы образования в Уфимской губернии (1865-1917 гг.) // *Казанская наука*. 2014. № 2. С. 36-38.
- [Тарасова, 2014](#) – *Тарасова Н.В.* Образовательный потенциал ученических экскурсий во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 4: Педагогика. Психология. 2014. № 1(32). С. 45-55.
- [Cherkasova et al., 2023](#) – *Cherkasova I.Yu., Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V.* Pre-Revolutionary Pedagogical Periodical Press: the Reference Publications on Public Education (1862–1916) // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1283-1289.
- [Cherkasova et al., 2023a](#) – *Cherkasova I.Yu., Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V.* Pedagogical Journals Produced by Educational Institutions in the Russian Empire in the Period 1873–1917 // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(3): 1064-1070.
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Church Department of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1877-1884.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916 // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1207-1213.
- [Mamadaliev et al., 2023](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 251-257.
- [Mamadaliev et al., 2023a](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 781-788.
- [Mamadaliev et al., 2023b](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* The Pedagogical Periodical Press in the Riga Educational District (1832–1915) // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(2): 699-704.
- [Mamadaliev et al., 2023c](#) – *Mamadaliev A.M., Nikitina V.S., Svechnikova N.V., Cherkasova I.Yu.* The Russian Prerevolutionary Periodical Press on Out-Of-School Education (1907–1917) // *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(1): 295-300.

References

- [Belyaeva, 1958](#) – *Belyaeva, L.N.* (1958). Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii. 1901-1916 gg. [Bibliography of Russian periodicals. 1901-1916]. V 4 t. T. 1. M. [in Russian]
- [Belyaeva, 1959](#) – *Belyaeva, L.N.* (1959). Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii. 1901-1916 gg. [Bibliography of Russian periodicals. 1901-1916]. V 4 t. T. 2. M. [in Russian]
- [Belyaeva, 1960](#) – *Belyaeva, L.N.* (1960). Bibliografiya periodicheskikh izdaniy Rossii. 1901-1916 gg. [Bibliography of Russian periodicals. 1901-1916]. V 4 t. T. 3. M. [in Russian]
- [Bibliografiya..., 1915](#) – Bibliografiya russkoi periodicheskoi pechati 1703-1900 gg. (materialy dlya istorii russkoi zhurnalistiki) [Bibliography of Russian periodicals 1703-1900. (materials for the history of Russian journalism)]. Sost. i izd. N.M. Lisovskii. Petrograd, 1915. [in Russian]
- [Cherkasova et al., 2023](#) – *Cherkasova, I.Yu., Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V.* (2023). Pre-Revolutionary Pedagogical Periodical Press: the Reference Publications on Public Education (1862–1916). *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1283-1289.
- [Cherkasova et al., 2023a](#) – *Cherkasova, I.Yu., Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V.* (2023). Pedagogical Journals Produced by Educational Institutions in the Russian Empire in the Period 1873–1917. *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(3): 1064-1070.
- [Ergin, 2011](#) – *Ergin, Yu.V.* (2011). Istoriya Orenburgskogo uchebnogo okruga (1875-1917) [History of the Orenburg educational district (1875-1917)]. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana*. 2(33): 144-159. [in Russian]
- [Galiullina i dr., 2013](#) – *Galiullina, S.D., Gerasimova, D.I., Safina, E.A.* (2013). Popechitel'stvo v oblasti prosveshcheniya nerusskikh narodov v Orenburgskom uchebnom okruge [Guardianship in the field of education of non-Russian peoples in the Orenburg educational district]. *Vestnik UGUES*. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika. 4(6): 108-116. [in Russian]
- [Galiullina, 2012](#) – *Galiullina, S.D.* (2012). Personal'nyi sostav popechitelei Orenburgskogo uchebnogo okruga [Personal composition of trustees of the Orenburg educational district]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 356: 58-61. [in Russian]
- [Kargapol'tseva i dr., 2013](#) – *Kargapol'tseva, N.A., Erofeeva, N.E. Polukhina, V.I.* (2013). Orenburgskii uchebnyi okrug: retrospektivnyi vzglyad v budushchee [Orenburg educational district: a retrospective look into the future]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 12-2: 210-214. [in Russian]
- [Mamadaliev et al., 2022](#) – *Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu.* (2022). To the Issue of the Pedagogical Periodical Press of the Church Department of the Russian Empire of the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1877-1884.
- [Mamadaliev et al., 2022a](#) – *Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu.* (2022). To the Issue of the Pedagogical Periodicals on the Territory of the Caucasian Educational District in 1867–1916. *Bylye Gody*. 17(3): 1207-1213.
- [Mamadaliev et al., 2023](#) – *Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu.* (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kiev School District in 1857–1917. *Bylye Gody*. 18(1): 251-257.
- [Mamadaliev et al., 2023a](#) – *Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu.* (2023). To the Issue of the Periodical Press of the Kharkiv Educational District in 1860–1917. *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 781-788.
- [Mamadaliev et al., 2023b](#) – *Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu.* (2023). The Pedagogical Periodical Press in the Riga Educational District (1832–1915). *European Journal of Contemporary Education*. 2023. 12(2): 699-704.
- [Mamadaliev et al., 2023c](#) – *Mamadaliev, A.M., Nikitina, V.S., Svechnikova, N.V., Cherkasova, I.Yu.* (2023). The Russian Prerevolutionary Periodical Press on Out-Of-School Education (1907–1917). *European Journal of Contemporary Education*. 12(1): 295-300.
- [Naselenie..., 1898](#) – *Naselenie imperii po perepisi 28-go yanvarya 1897 g. Po uezdnam* [Population of the empire according to the census of January 28, 1897. By county]. Sankt-Peterburg, 1898. [in Russian]
- [Orlova, 2021](#) – *Orlova, E.D.* (2021). Sostoyanie nervno-psikhologicheskogo zdorov'ya devochek-podrostkov po materialam pedagogicheskikh i semeinykh zhurnalov nachala XX veka [The state of neuropsychological health of teenage girls based on materials from pedagogical and family magazines of the early 20th century]. *Molodoi uchenyi*. 12(354): 190-193. [in Russian]
- [Safina, 2014](#) – *Safina, E.A.* (2014). Rol' popechitelya Orenburgskogo uchebnogo okruga v stanovlenii sistemy obrazovaniya v Ufimskoi gubernii (1865-1917 gg.) [The role of the trustee of the Orenburg educational district in the formation of the education system in the Ufa province (1865-1917)]. *Kazanskaya nauka*. 2: 36-38. [in Russian]
- [Tarasova, 2014](#) – *Tarasova, N.V.* (2014). Obrazovatel'nyi potentsial uchenicheskikh ekskursii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The educational potential of student excursions in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya. 1(32): 45-55. [in Russian]
- [Zelenko, 1915](#) – *Zelenko, V.* (1915). Iz obzora pedagogicheskikh zhurnalov. «Byulleten' otdela narodnogo obrazovaniya Ufimskoi gubernskoi zemskoi upravly» [From a review of pedagogical journals.

“Bulletin of the department of public education of the Ufa provincial zemstvo government”]. *Russkaya shkola*. 1-2: 65-68. [in Russian]

Zelenko, 1916 – Zelenko, V. (1916). Iz obzora pedagogicheskikh zhurnalov. «Uchitel'skii vestnik» Orenburg [From a review of pedagogical journals. “Uchitel'skii vestnik” Orenburg]. *Russkaya shkola*. 4: 28-31. [in Russian]

К вопросу о педагогической периодической печати Оренбургского учебного округа (1875–1917 гг.)

Ирина Юрьевна Черкасова ^{a, *}, Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^b,
Валентина Сергеевна Никитина ^c, Наталья Викторовна Свечникова ^d

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^d Российский экономический университет им. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматриваются педагогические периодические издания Оренбургского учебного округа в период 1875–1917 гг. В качестве материалов авторами были использованы различные обзоры и справочные издания, посвященные вопросам периодической печати имперского периода. Методология исследования представлена методом контент-анализа, благодаря которому была сделана выборка журналов, издаваемых в разное время на территории Оренбургского учебного округа. Важное значение имел и ретроспективный метод, который позволил представить периодическую печать учебного округа в ее хронологической последовательности.

В заключении авторы отмечают, что в разное время с последней четверти XIX века до 1917 г. на территории Оренбургского учебного округа издавалось 8 педагогических журналов. Эти журналы распределялись по четыре в таких городах, как Уфа и Оренбург, при этом старейшим журналом (основан в 1875 г.) являлся официальный орган учебного округа – уфимский «Циркуляр по Оренбургскому учебному округу».

Все остальные журналы возникли уже в начале XX века. При этом важно отметить, что все четыре журнала, издаваемые в Оренбурге, возникли в 1907-1908 гг. Как и в других регионах Российской империи, наиболее постоянными были журналы, финансируемые государственными органами (например, Дирекцией Оренбургского учебного округа, Уфимской губернской земской управой и т.д.), в свою очередь, журналы учебных заведений и педагогических обществ, не имея постоянных собственных средств, имели короткие периоды своего существования.

Ключевые слова: Оренбургский учебный округ, периодическая печать, педагогика, 1875–1917 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Cherkasovairina42@gmail.com (И.Ю. Черкасова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(4): 1889-1899
DOI: 10.13187/bg.2023.4.1889

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Journal “Drevnyaya i Novaya Rossiya” (1875) as a Source on the History of Siberia at the end of the 19th century

Natalya N. Pimenova ^{a, *}, Julia S. Zamaraeva ^b, Natalya N. Seredkina ^c, Natalya P. Koptseva ^d

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The materials for this study are the journal “Drevnyaya i Novaya Rossiya” (“Ancient and New Russia”), published from 1875 to 1881. Namely, the issues of this magazine for 1875 and the “Essays on Eastern Siberia” published in them, written by Pavel Apollonovich Rovinsky, a Russian historian, ethnographer and folklorist, publicist. These essays are the result of a long expedition by P.A. Rovinsky with the support of the St. Petersburg Department of the Geographical Society. The essays record significant features of the history and specific development of the Siberian territory. They outline the details of the improvement of district and provincial cities, the specifics of the influence of geographical and climatic conditions on the life, way of life and relationships of residents of villages and uluses. The article systematizes the specifics of the development and settlement of the Siberian Plain, the features of the mutual influence of cultural traditions of ethnocultural groups living in these territories and the preservation of the originality of traditions. The population of Siberia is one of the key subjects of scientific interest of the author of the essays, who pays special attention to the processes of acculturation and assimilation of ethnic groups – both Russian Siberians and indigenous peoples. Analysis of the essays allows us to highlight the features of the image of each of the peoples, the features of people’s lives in Eastern Siberia.

Keywords: journal “Drevnyaya i Novaya Rossiya”, P.A. Rovinsky, Sketches of Eastern Siberia, Irkutsk province, district town, population of Siberia, ethnography, XIX century.

1. Введение

Ежемесячный иллюстрированный журнал, основателями которого выступили историк С.Н. Шубинский и библиограф П.А. Ефремов, выходил с 1875 по 1881 год (издано 75 выпусков). Ключевой тематикой журнала стала история и археология, этнография народов России и история культуры, обзоры сочинений по истории России, источниковедение и мемуаристика. Издание с самого начала получило высокий статус среди периодических изданий. Предисловие к его первому номеру, вышедшему в январе 1875 года, написал руководитель Санкт-Петербургской школы историографии К.Н. Бестужев-Рюмин. И свое название журнал получил в честь известного труда Н.М. Карамзина. Несмотря на то, что просуществовал журнал всего 6 лет, исследователи признают его весомый вклад в российскую историографию.

В журнальных выпусках 1875 года особое место занимают Очерки Восточной Сибири, в которых приведены результаты длительного этнографического наблюдения российского ученого, историка и этнографа второй половины XIX – начала XX веков Павла Аполлоновича Ровинского (1831–1916). Данная серия очерков посвящена обзору различных исторических и этнографических данных, имеющих отношение к территории Восточной Сибири. Очерки представлены в № 1, 2, 3, 7, 11, 12.

* Corresponding author

E-mail addresses: pimenovapluzhnik@mail.ru (N.N. Pimenova), rybka08@bk.ru (Ju.S. Zamaraeva), nnevolko@sfu-kras.ru (N.N. Seredkina), decanka@mail.ru (N.P. Koptseva)

Написаны они в форме повествования, основанного на результатах собственных наблюдений автора во время его путешествий в Сибирь и общения с жителями данного региона.

Ученый не только последовательно раскрывает историю благоустройства губернских городов, но и характер заселения Сибирских территорий, не оставляя без внимания описание особенностей природной местности. Подробное изложение этнографических наблюдений позволило П.А. Ровинскому зафиксировать исторические данные о базовых социально-культурных процессах в Восточной Сибири, что, несомненно, позволяет понять фундаментальные основания истории Сибири конца XIX столетия.

2. Материалы и методы

2.1. Материалами для данного исследования являются 6 выпусков «Древней и Новой России» за 1875 год, а именно – опубликованные в них «Очерки Восточной Сибири». Эти очерки написаны Павлом Аполлоновичем Ровинским, российским историком, этнографом и фольклористом, а также публицистом (Путилов, 1977; Румановская, 2019). Очерки представляют собой итог его научной экспедиции по Восточной Сибири в 1870 году. Научные наблюдения он вел на территории между Ангарой и Леной, в Забайкалье и Тункинской долине, которую посетил одним из первых среди исследователей (Тихонова, 2010) и где пробыл около полутора лет. Известно, что его путешествие по Восточной Сибири было частью масштабной этнографической экспедиции, изучавшей народный быт Сибири и Монголии в 1870–1873 годах. Итогом этого большого исследования стали не только опубликованные «Очерки...», но в том числе и серия статей о путешествии в Монголию, изданная в «Известиях Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» (Хлебникова).

2.2. Ключевой метод исследования

Методом исследования выступает источниковедческий анализ, предполагающий два этапа. На первом этапе номера журнала «Древняя и Новая Россия» за 1875 год изучены авторами на предмет материалов, в результате «Очерки о Восточной Сибири» выбраны в качестве объекта анализа. В ходе исследования выделены две наиболее интересующих темы: специфика образа коренного населения Сибири и его традиционного образа жизни, а также особенности развития сибирских территорий.

Методологическим основанием исследования является подход, утверждающий значимость периодических (Носова, 2023; Семенчук, 2023; Sitnikova et al., 2023; Гермизеева, Глазунова, 2023) и других печатных изданий (Koptseva, Seredkina, 2021; Koptseva et al., 2021; Середкина и др., 2021; Кошцева и др., 2022; Сертакова, Ситникова, 2022; Шпак, 2022) в качестве исторических источников.

3. Обсуждение

Журнал «Древняя и Новая Россия» имеет не самую длительную историю, поскольку издавался с 1875 по 1881 год, однако это издание по праву считается внесшим существенный вклад в историческую науку в России и богатым источником по истории страны своего времени. Несмотря на это признание, объектом исследования данный журнал выступает не особенно часто, посвященные ему публикации немногочисленны. В основном он исследуется в связи с изучением его ключевых деятелей (Мохначева, 1996; Левин, 2014; Хотеев, 2020). Чаще встречается упоминание журнала в совокупности с другими российскими изданиями XIX века, посвященными истории, этнографии, археологии – всем тем предметностям, которые стали ведущими для «Древней и Новой России» (Тихонова, 2010; Румановская, 2019; Хотеев, 2019; Хотеев, 2020). Журнал изучается на предмет сведений об определенных территориях Российской Империи (Хотеев, 2020а). А «Очерки Восточной Сибири» рассматриваются как источник данных об истории и специфике культуры сибирских земель (Тихонова, 2010).

4. Результаты

4.1. Образ Сибиряка и связь инородцев с русским народом

Особый интерес для понимания истории развития культуры народов Восточной Сибири в XIX века представляют данные опубликованных очерков П.А. Ровинского относительно особенностей образа сибиряка, русского народа в целом, а также данные, имеющие отношение к процессам аккультурации и ассимиляции среди инородцев и русского народа Восточной Сибири.

Как отмечает П.А. Ровинский, многие сибиряки считали себя «исконными обитателями Сибири» (Ровинский, 1875, 7: 235). С одной стороны, в очерках они противопоставляются инородцам. Это те, кто отражает русскую народность (Ровинский, 1875: 7). С другой стороны, согласно автору, ввиду особых климатических и иных местных условий проживания на территории Сибири, во многих местах сибиряк по своему образу жизни «приближается к инородцу» (Ровинский, 1875, 3: 309).

Образ сибиряка выстраивается исследователем на основании выделенных им отличительных черт и характеристик жителей Сибири. Среди них выделяется такая черта сибиряка, как преданность своей территории, несмотря на суровость ее природы и сложность «обстановки». В отличие от населения других регионов России, где «только силой можно было удержать от переселения», жители Сибири, напротив, не стремились покинуть свои места (Ровинский, 1875, 1: 66). Крепкую связь

сибиряков со своей территорией исследователь обуславливает возможностью получения ими, во-первых, определенной хозяйственной выгоды и, во-вторых, возможностью идентифицировать себя на данной территории как главного народа. Однако подобное отношение к своей территории было характерно не для всех сибиряков (Ровинский, 1875, 3: 310).

Отличался сибиряк и своими обычаями относительно обустройства своего быта. Отмечается тенденция к декорированию ими своих изб резьбой и «разными узорочьями», которыми покрывались ворота и лицевая сторона жилищ. Сама изба у сибиряка, в отличие от жителей других регионов России, в частности жителей Поволжья, отличалась чистотой и опрятностью. Как замечает П.А. Ровинский, «сибиряк моет и скоблет полы, стены и потолки, расстилает по избе полозы (половики), моет избу даже снаружи» (Ровинский, 1875, 1: 67). Подобная приверженность к чистоте была свойственна всем без исключения сибирякам, независимо от их социального положения. Согласно автору, соблюдение чистоты было сродни завету и «священному долгу» (Ровинский, 1875: 1: 67).

Следующей характеристикой образа сибиряка является его приверженность к религиозно-духовным ценностям. Автором отмечается присутствие в обществе монахинь, наличие на территории Сибири ряда культовых сооружений – белокаменных церквей, часовен, колоколен. Кроме того, отмечается практика поиска сибиряками средств на постройку храма, церкви или приобретение иконы.

Сибиряк отличался своей языковой картиной мира, которая складывалась на основе ряда заимствованных языковых элементов. Во-первых, языковая картина мира вбирала в себя элементы «глубокой старины», которые проявлялись через использование определенных языковых единиц, например, таких как «лонись» (в прошлом году), «пошто» (зачем), «видок» (свидетель, очевидец) и другие. Во-вторых, речь сибиряков отражала родство с севером, что, по замечанию автора, проявлялось через использование таких слов, как «заимка» (хутор), «падь» (долина), «покатъ» (склон горы), «елань» (отлогость). Наконец, язык отражал местный колорит Сибири, что находило свое отражение в использовании в речи таких слов, как «тайга» (сплошной, густой лес), «пурга» (вьюга), «шаньга» (род ватрушки) и другие (Ровинский, 1875, 1: 68).

Уровень образованности сибиряков при этом был достаточно низкий. Сибиряк являлся «образованным крайне поверхностно, не обладающим никакими сведениями основательно, чтоб мог провести их в жизнь...» (Ровинский, 1875, 1: 82). Среди причин подобного уровня образованности автор называет отсутствие образовательных учреждений в большинстве регионов Сибири. Недостаток образования и технического знания, по мысли П.А. Ровинского, являлся причиной отсутствия развития промышленности «кроме золотопромышленности, винокурения, железного производства» (Ровинский, 1875, 1: 82).

Сибиряку отводится в очерках значимая роль в процессе сохранения и развития русской народности, в особенности в период заселения Сибири. Данный период характеризуется значительным превосходством инородцев, проживающих здесь, а также определенной изолированностью русских, однако в данной ситуации «русская народность не только не затерялась, но еще сделала довольно значительные завоевания» (Ровинский, 1875, 7: 235).

Наряду с русской народностью, к которой относились и сибиряки, в Сибири, согласно П.А. Ровинскому, проживало три народности, отличающихся друг от друга уровнем своего культурного развития. Среди них тунгусы, принадлежащие к финским племенам, и буряты монгольского племени, представляющие группу инородцев Восточной Сибири. Ввиду постоянного смешения членов разных племен друг с другом, автором отводится русскому народу замыкающая роль в данной цепи «превращений» (Ровинский, 1875, 11: 249-250). При этом русская народность постоянно расширялась за счет образования смешанных родственных союзов с инородцами. Согласно мысли автора, «инородцы ... не исчезают бесследно, а, принимая крещение, постоянно превращаются в русских» (Ровинский, 1875, 1: 73).

Особое внимание П.А. Ровинский уделяет процессам аккультурации и ассимиляции, которые затронули как русский народ, так и инородцев. В особенности данные процессы затронули бурят и отчасти скотоводческих тунгусов. В отличие от них, бродячие тунгусы характеризуются как «действительно вымирающие», а у якутов слияние с русскими носит, по замечанию исследователя, затруднительный характер. Буряты же восприняли от русских, помимо элементов одежды, также технику строительства юрты из дерева, навык земледелия, выпечки хлеба, гигиены (Ровинский, 1875, 11: 249). Важным фактором влияния русской культуры на бурят стало принятием большинством из них христианства. Обращение инородцев к принятию отдельных элементов русской культуры оценивается автором как «торжество русской народности». В то же самое время П.А. Ровинский утверждает о потере русскими своей народности в случае сохранения инородцами черт «своего первоначального типа» и одновременном принятии ими русского образа жизни (Ровинский, 1875, 7: 235).

4.2. Особенности развития Сибирских территорий в материалах журнала «Древняя и Новая Россия»

Очерки Восточной Сибири начинаются вводным словом, как общей картиной сибирской жизни: Сибирская равнина именуется настоящей Русью (Северной, Новгородской, с примесью Московской, отчасти Южнорусской), Сибирские села отличены наличием белокаменных церквей, деревни – часовнями (при въезде или выезде из которых установлены маленькие часовенки или большие кресты),

просторные избы сибиряков гостеприимны, а сами хозяева не оставят путника без угощения (Ровинский, 1875, 1: 67). Сибирь – это Русь широкая, привольная: «По дороге тянутся бесконечные обозы; телеги-ли то со вздернутыми передками, или сани, наперед у козел на столбике устроено подобие часовенки; столбик этот выточен, раскрашен разными красками, преимущественно зеленой с красною и синею; под зеленою крышкою подвешены мелкие колокольчики, точно на колокольне, и весело позванивают» (Ровинский, 1875, 1: 68). Автор отмечает, что за селениями вдоль большой дороги строились длинные деревянные здания казенного вида, с желтыми стенами и красными крышами, с железными решетками в окнах (в виде горизонтальных узких отверстий под самой крышей), с будками и часовыми у ворот. Нередко в Сибирских селениях (например, под Красноярском, в селении Степановка в Канском округе) некоторые из домов стояли с забитыми окнами и дверьми. Эти дома принадлежали странникам: «идуших по этапу и поселяющихся или прямо с прихода, насидевшись по острогам России, или отбывши термин на каторге» (Ровинский, 1875, 1: 68).

К особенностям территории Восточной Сибири, в отличие от Западной Сибири и Европейской России, П.А. Ровинским отнесена тесная и прочная связь между всеми населенными пунктами: отсутствие внутренних горных хребтов и удобное для сообщения распределение системы рек способствовало передвижению до Енисейска и оттуда вверх на юг, в равнины Минусинска. Анализируя древнюю историю Сибири, ученый отмечает, что речной путь по Енисею, Ангаре, Илимю и Ленской системе значительно труднее, поскольку в местах с непреодолимыми речными порогами русские спускались вниз по течению к Якутску, вплоть до Камчатского и Охотского морей. Несмотря на суровые условия, не особо пригодные для оседлой жизни, людей привлекло в Сибири ее главное богатство, «которое в то время составляло главную цель стремления не только частных лиц, но и самого правительства, – это пушной зверь» (Ровинский, 1875, 1: 72). В связи с этим возможно зафиксировать особенную черту освоения сибирских территорий: северные земли заселялись постепенно через систему острогов, южные, наоборот, становились постоянными поселениями, а по течению рек русские селились узкими полосами. В целом Восточная Сибирь, отделенная и местами изолированная Уральскими хребтами от Западной ее части, географически сформировалась как самобытная местность, в которой издревле люди селились по системе рек и адаптировались к местным природным условиям.

Описанием города Нижнеудинск начинается Очерк Восточной Сибири. В конце XIX века планировка города состояла из одной улицы с прилегающими к ней жилыми отдельными частями, похожими на бурятские улусы. Свое быстрое торговое и промышленное развитие Нижнеудинск получил в связи с его расположением по прямой Московского тракта (из России в Иркутск) и зимнего пути на реку Лену. Жители города и соседних округов (Балаганского, Минусинского, Иркутского) вели значительную торговлю, снабжали золотые прииски, работали на кирпичных заводах (одиннадцати к 1862 г.), обучались в уездном училище. По численности Нижнеудинск превосходил другие округа (вместе со слободой имел около 7 000 жителей, что по отношению к населению целого округа составляло 1/16 часть). На основании данного описания П.А. Ровинского возможно зафиксировать особенность уездных городов Восточной Сибири в выполнении роли административного центра округа, в развитии торговой и промысловой деятельности.

Следующим большим разделом идет описание устройства жизни и быта губернского города Иркутска. Во второй половине XIX века Иркутск был внешне благоустроен: имел Большую улицу с тротуарами и шоссированной мостовой, на которой располагались двухэтажные каменные дома с магазинами, рестораном, булочной, кондитерской, лавочками (часовщика, фотографа), колбасными и питейными заведениями. Названия улиц хранили культурную память о выдающихся людях (Сибирякова, Трапезникова, Мыльникова, Саломатова, Баснина, Пестерева и др.), о первопроходцах (Солдатские улицы), о значимых событиях и местах (Арсенальная, Лютеранская, Луговая, Амурская, и др.).

Город Иркутск имел особо важное значение для множества высших чиновников, в связи с чем торговая, административная и общественная деятельность буквально кипела. С 1857 года издавались Иркутские губернские ведомости, чуть позже к ним присоединились «Амур», «Епархиальные ведомости», «Кяхтинский Листок», «Восточное Поморье». П.А. Ровинский, автор очерков Восточной Сибири, пишет: «Иркутск не отставал ни на шаг от России и от России самой передовой. В нем устраиваются воскресные школы, публичные библиотеки, общество потребителей под фирмою «Сбережение» ..., учреждаются разговорно-литературные вечера, юридические беседы и различные литературно-музыкальные вечера, благородные спектакли, общество врачей основывает лечебницу для бедных, ссудо-сберегательные кассы, обещается издание сборника статей по истории, этнографии и статистики края...» (Ровинский, 1875а, 2: 203-204). Далее автор отмечает ключевые вопросы, обсуждаемые как необходимые для социального развития: создание университета с юридическим факультетом, введение пенитенциарной системы, развитие системы частных библиотек и агентств, и пр. Считает, что к существующим потребностям нужно добавить создание народной школы и учреждений высшего образования. Уникальными и полезными учреждениями автором названы реальная прогимназия, детский сад, попечительство о бедных города Иркутска, а особо значимыми для общественности – система учебных заведений (духовная семинария, гимназия мужская и женская, институт для девиц, учительская семинария, училище для девиц духовного звания,

юнкерское училище и др.). Одним из важных торговых центров города был базар, где торговали сеном «коренные сыны Сибири – буряты», крестьяне привозили свои дрова, муку и овощи, китайцы с гамзами (медными трубками), кисетами, шелком и чаем. Осенью торговали кедровыми шишками, шаньгой (ватрушками) с толченой черемухой, живительной смолой; зимой – замороженным в форме круга молоком, рыбой, тетеревами, рябчиками, куропатками. Развитию торговли, по мнению автора, способствовал демографический вопрос: в Иркутске в последней четверти XIX в. проживало уже 32 000 жителей, что в четыре раза больше цифры статистики столетия назад. Таким образом, развитие территории Иркутской губернии с конца XVIII до XIX вв. было стремительным и многоукладным, город Иркутск имел торгово-промышленное значение для управления Сибирским краем, выступал политическим и образовательным центром Восточной Сибири.

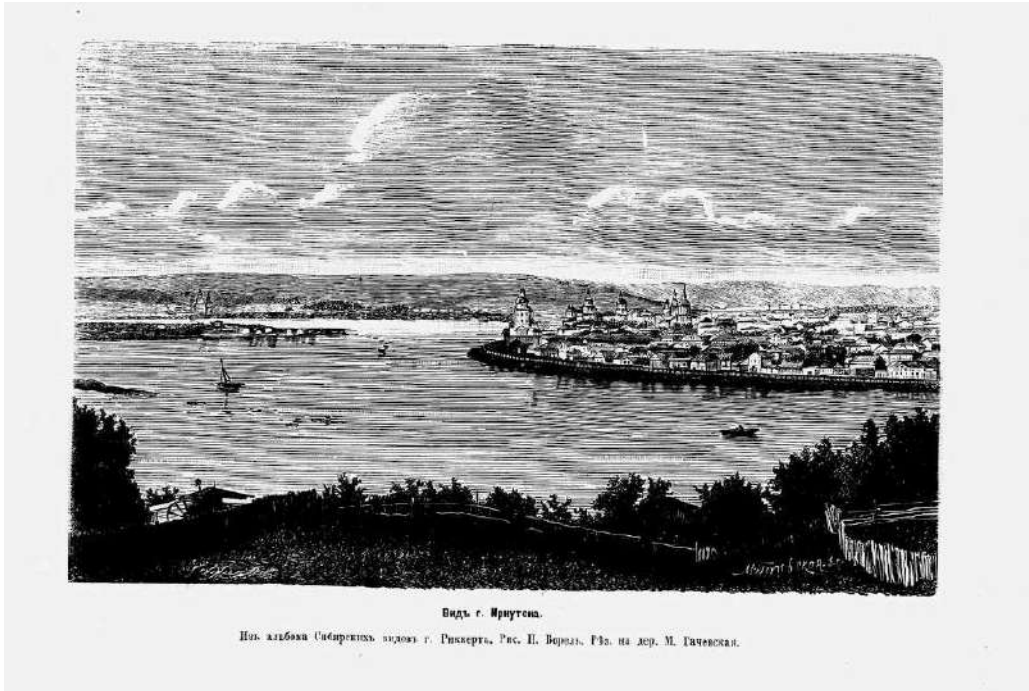

Рис. 1. Иллюстрация вида Иркутска II половины XIX века (Источник: Журнал «Древняя и Новая Россия», 1875, 2)

Автор Очерков Восточной Сибири отмечает климатические особенности Восточной Сибири, которые, по его мнению, всегда отличались от Европейской России. Большое влияние на климат оказывает речная система: незамерзающие Ангара и Енисей, ледостав глубокого Байкала, весенние ледовые явления этих и множества других рек придают особенно оригинальный характер природе, влияют на физический и умственный склад жителей. Ученый наблюдал умеренный характер климата и торопливый характер природы, что, по его убеждению, заставляло русского человека рационально приспосабливаться к местным условиям (Ровинский, 1875b, 3: 302-312).

В Очерках Восточной Сибири отражены особенности селений, расположенных по пути большого научного исследования П.А. Ровинского. У самого Байкала, с южной стороны, образующей залив, располагалось селение Култук (с бурятского – «уголь и залив»). Ученый отмечает: «На сто верст от Култука в одну сторону нет ни одного человеческого жилья; на 200 верст в другую сторону – только казенные почтовые станции. И по всей окружности, имеющей более тысячи верст, вы встретите всего каких-нибудь 15 жилых мест, между которыми есть и такие, где не более 10 семей, а то и меньше» (Ровинский, 1875с, 7: 232). Достопримечательностями Култука были деревянная церковь, возле которой стоял дом священника с мезонином, новая почтовая станция, шлагбаум у таможенной караульной станции. Селение выполняло функцию таможни, поскольку располагалось на Московском тракте, по которому когда-то шла торговля России с Китаем. Здесь путники с повозками и лошадьми останавливались на несколько дней, набираясь сил перед переходом через высокий перевал, мимо Хамар-Дабана, высшей точки Байкальских гор. Игумновская дорога была давно заброшена по причине, проложенной неподалеку новой Кругобайкальской, однако на ее вершине сохранились почитаемые путниками русская часовенка (молельное место) и бурятское обо (жертвенное место). Култук был не единственным промежуточным поселением на пути к Монгольской границе. П.А. Ровинский приводит данные из казачьего архива Тунки о том, что от Иркутска до Тункинской крепости (основанной в 1709 г.) солдаты и казаки с семьями заселяли

Введенскую слободу, Култуцкое селение, Харагужиры, Тибельти, деревни Еловская и Шимкоская, Торский почтовый станок.

После утраты Тункинской крепостью своего исключительного военного положения с 1830-х гг. из военного образовалось земледельческо-казачье население, которое затем переросло в большое крестьянское и ясачное (прямых потомков крещенных бурят). Таким образом, селения от Култука до Тунки (от Байкала до монгольской границы) образовались почти из одних ясачных (крещенных бурят, принявших русский образ жизни и говорящих на русском языке). П.А. Ровинский резюмирует: «Поэтому здесь может быть речь не о денационализации русского населения, которого было очень мало, а об обращении бурят в русских: это не регресс, а торжество русской народности. Интересно знать, каким образом это совершилось» (Ровинский, 1875с, 7: 237).

Рис. 2. Иллюстрация селения Тунки в Восточной Сибири
Источник: Журнал «Древняя и Новая Россия», 1875, 7

В очерках П.А. Ровинского есть описание местности Тунки с окружающими ее улусами, выселками и займками (хуторами). В этнографических наблюдениях ученого во время поездки в Коймары (бурятский улус в пятнадцати верстах от Тунки) сделано описание бурятской юрты: «она срублена, как изба, из бревен, формою шести или осьми-угольная, вышиною аршин в 2 с небольшим, с низкою земляною крышей, в которой посередине четверугольное отверстие для выхода дыма; дверь всегда на полдень с высоким порогом и такая низенькая, что входя в нее необходимо согнуться в пояс; окон нет и ни малейшего отверстия, могущего заменить окно. Это чисто монгольская или калмыцкая войлочная юрта (по-монгольски гэртэ) или кибитка, видоизмененная сообразно с материалом из круглой в угольчатую, и как невозможно было сделать окно в войлочной юрте, так оно не делается и в деревянной» (Ровинский, 1875с, 11: 235). Вокруг юрты вместо ворот – ограждение из жердей в пряслах, неподалеку от нее стоит амбарчик для хранения домашней утвари и съестных припасов, а чуть дальше огород (огороженный покосный луг). Кругом бродит скот: крупный рогатый, овцы, лошади. Каждая юрта занимает очень обширное пространство, а потому один улус может раскинуться на десять верст и больше. От Тунки к горным вершинам расстилаются земли, уже не пригодные для земледельческой жизни (хлебопашеству, огородничеству). На границе бытовали только буряты, занимающиеся круглый год выпасом скота на горных склонах. На север от Туранского караула, расположен Хангинский – середина Саянского хребта, откуда по одну сторону вытекает река Иркут, а на другую Ока (или «Ахай», с бурятского «старший брат»). К югу от хребта расстилаются монгольские степи, а к северу – южные части Иркутской и Енисейской губерний. Таким образом, П.А. Ровинский подчеркивает уникальную черту взаимодействия культурных традиций русских и бурят. Бурятские юрты строились из дерева, а не из войлока и решеток; сами буряты перенимали основы хлебопашества и земледелия, учились пахать и косить сено, носить рубашку и выпекать хлеб (для последнего рядом с юртой специально строился небольшой домик с печью). Буряты принимали крещение (ученый пишет о крещении от 400 до 1000 человек), становясь ясачными и принимая образ жизни русского населения.

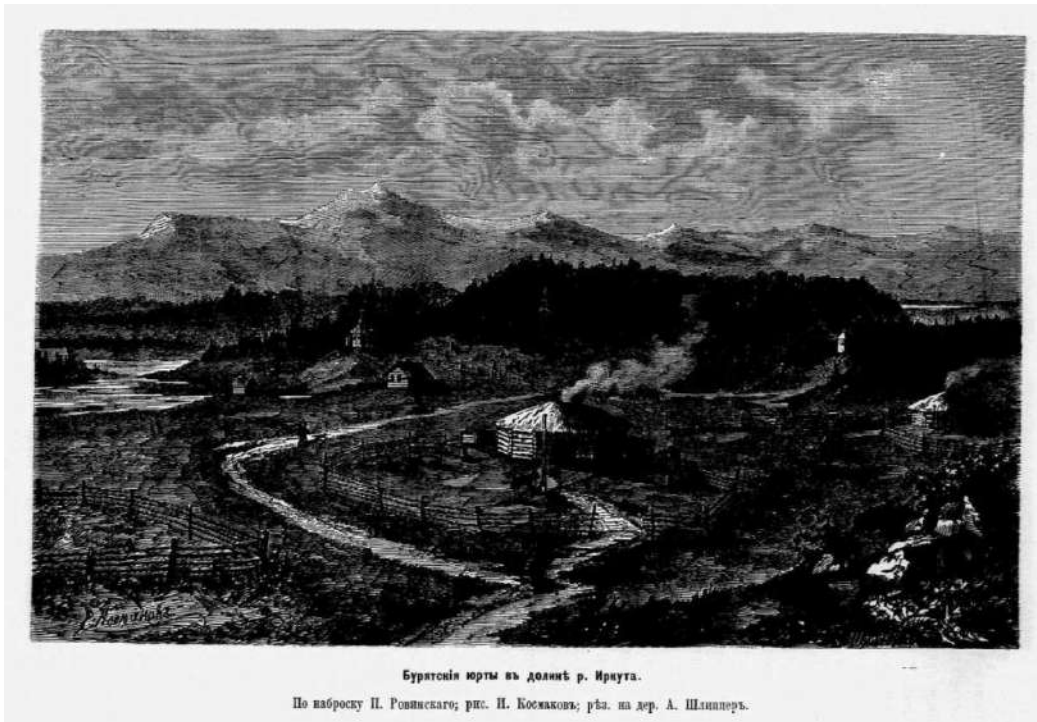

Рис. 3. Иллюстрация бурятской юрты в долине р. Иркутга
Источник: [Журнал «Древняя и Новая Россия», 1875, 11](#)

В заключительной части Очерков Восточной Сибири ученый приводит описание карты расселения жителей. Так, в Сибири на одного человека приходится полторы десятины верст (в Европе – на квадратную версту приходится 34 человека, в европейской России – 15 человек на одну версту). Расселение происходит узкими полосами или островками по течению рек и выходит далеко на север, а юг населен плотнее и представлен городами (Томск, Иркутск, Верхнеудинск, Чита, Нерчинск) по причине климата и устройства поверхности. Ученый отмечает: «Понятно после этого, что простор в Сибири остается не для человека, а разве только для бушевания стихий: зимой носится по ней пурга (вьюга), летом не в пору не во время затопят ее реки, и почти круглый год тянутся морозы и заморозки. Простор и приволье для пушного зверя. Богата Сибирь и изобильна лесом, против которого свирепствуют палы, да еще минералами, которые не впрок» ([Ровинский, 1875с, 12: 381](#)). Резюмируя особенности Сибирских краев и Сибирской жизни в своем большом Очерке Восточной Сибири П.А. Ровинский пишет, что ставил целью «войти в сущность дела», то есть представить наиболее полную и детализированную картину всех сторон жизни сибиряков: «указать истинный смысл и значение того или другого явления народной жизни» ([Ровинский, 1875с, 12: 388](#)).

5. Заключение

Российский ученый П.А. Ровинский провел длительное этнографическое наблюдение по территории Восточной Сибири при поддержке Петербургского отдела Географического Общества, зафиксировав крайне важные особенности истории и специфики развития Сибирской территории. Ученый тщательно изучил благоустройство уездных и губернских городов, вопрос влияния географических и климатических особенностей на жизнь, быт и взаимоотношения жителей селений, улусов как северных, так и южных районов. Анализ этнографических текстов позволяет систематизировать особенные и уникальные черты освоения Сибирской равнины, особенности ее заселения, взаимовлияние культурных традиций при сохранении самобытности традиций этнокультурных групп. А также очерки создают емкий и подробный образ населения сибирской территории. Особое внимание в текстах уделено процессам аккультурации и ассимиляции, затронувшим и русский народ, и инородцев. Автор описывает специфику жизни коренного населения Восточной Сибири – то, как живут буряты и тунгусы, какие изменения происходят при взаимодействии с русским населением. Ровинский подчеркивает особо значимую роль сибиряков в процессе сохранения и развития русской народности, в особенности в период заселения Сибири. Интересной чертой сибиряков является то, что они считали себя «исконными обитателями Сибири», в очерках отмечена такая черта сибиряка, как преданность своей территории. Очерки показывают специфику обустройства быта сибиряками, особую приверженность религиозно-духовным ценностям, а также особую языковую картину мира этой особой группы русского народа.

Литература

Гермизеева, Глазунова, 2023 – Гермизеева В.В., Глазунова Т.В. Повседневная жизнь Омска в начале XX века на страницах местных периодических изданий // *Вестник Нижневарттовского государственного университета*. 2023. № 1. С. 37-46.

Копцева и др., 2022 – Копцева Н.П., Резникова К.В., Квашина Ю.В., Середкина Н.Н. Лещинская Н.М. Культурная динамика коренных малочисленных народов Севера Красноярского края в живописных и графических произведениях // *Журнал Сибирского федерального университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 6. С. 840-852.

Левин, 2014 – Левин Д.Э. Письма Н.И. Костомарова редактору «Древней и новой России» и «Исторического вестника» С.Н. Шубинскому в Отделе рукописей РНБ // *Клио*. 2014. № 6. С. 21-46.

Мохначева, 1996 – Мохначева М.П. С.Н. Шубинский и его сборник-журнал «Древняя и новая Россия» // *Труды Московского государственного историко-архивного института*. 1996. Т. 33. С. 168-176.

Носова, 2023 – Носова М.С. Журнал «Знание – сила» как исторический источник по изучению советских популяризаторских практик / *Актуальные проблемы источниковедения: материалы VII Международной научно-практической конференции, Витебск, 27-29 апреля 2023 г.: в 2 т.* Витебск, 2023. Т. 2. С. 216-218.

Пименова и др., 2023 – Пименова Н.Н., Шпак А.А., Ермаков Т.К. Жанр советского плаката в изобразительном искусстве 1917-1922 гг. // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2023. Т. 16, № 4. С. 580-593.

Путилов, 1977 – Путилов Б.Н. П.А. Ровинский-собираатель, издатель и исследователь эпоса южных славян // *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. Л., 1977. № 7. С. 145-157.

Ровинский, 1875 – Ровинский П. Очерки Восточной Сибири. Общая характеристика Восточной Сибири // *Древняя и Новая Россия*. 1875. № 1. С. 66-85.

Ровинский, 1875b – Ровинский П. Очерки Восточной Сибири. II. На Кругобайкальской дороге // *Древняя и Новая Россия*. 1875. № 3. С. 302-312.

Ровинский, 1875c – Ровинский П. Очерки Восточной Сибири. III. От Култука до Тунки // *Древняя и Новая Россия*. 1875. № 7. С. 232-242.

Ровинский, 1875d – Ровинский П. Очерки Восточной Сибири. IV. Тунка (продолжение) // *Древняя и Новая Россия*. 1875. № 11. С. 230-255.

Ровинский, 1875e – Ровинский П. Очерки Восточной Сибири. V. Тунка (окончание) // *Древняя и Новая Россия*. 1875. № 12. С. 381-388.

Ровинский, 1875a – Ровинский П. Очерки Восточной Сибири. I. Иркутск // *Древняя и Новая Россия*. 1875. № 2. С. 201-219.

Румановская, 2019 – Румановская А.С. Травелогии конца XIX в. (на примере журнала «Русская мысль») // *Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2019. № 2. С. 164-167.

Семенчук, 2023 – Семенчук К.А. Церковная периодическая печать рубежа XIX–XX вв. об инородцах Сибири и Дальнего Востока // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 489. С. 143-152.

Середкина и др., 2021 – Середкина Н.Н., Ермаков Т.К., Шишкова Е.Е., Темникова О.А. Эвенкийский национальный (автономный) округ в контексте советской национальной политики 1920-1970 гг. // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2021. Т. 5, № 3. С. 77-88.

Сертакова, Ситникова, 2022 – Сертакова Е.А., Ситникова А.А. Устав об «Управлении инородцев», составленный М.М. Сперанским, и особенности его реализации по отношению к коренным малочисленным народам енисейской губернии в XIX – начале XX веках // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. №2. С. 94-106.

Сертакова, 2023 – Сертакова Е.А. Конструирование культурной памяти в документальном кино (на материале анализа красноярской документалистики последней трети XX-начала XXI вв.) // *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*. 2023. Т. 16, № 8. С. 1365-1381.

Тихонова, 2010 – Тихонова Е.Л. Топонимические предания: ономастическая картина мира / От конгресса к конгрессу / *Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов*. 2010. Т. 1. С. 208-218.

Хлебникова – Хлебникова В.Б. Ровинский Павел Аполлонович / Большая российская энциклопедия – электронная версия (bigenc.ru). [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/6069137?ysclid=losfiwjlbi398604498>

Хотеев, 2019 – Хотеев А.С. Методологические особенности изучения исторической периодики (на примере российских исторических журналов второй половины XIX – начала XX века) // *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. 2019. № 2 (54). С. 58-68.

Хотеев, 2020 – Хотеев А.С. Белорусская историография в российских исторических журналах второй половины XIX – начала XX века // *Тетради по консерватизму*. 2020. №. 2. С. 210-218.

Хотеев, 2020a – Хотеев А.С. Петр Андреевич Гильтебрандт как сотрудник журнала «Древняя и новая Россия» // *Тетради по консерватизму*. 2020. № 2. С. 243-247.

Шпак, Менжуренко, 2022 – Шпак А.А., Менжуренко Ю.Н. Анализ совокупности мер государственной и муниципальной поддержки развития традиционной хозяйственной деятельности в сельских поселениях Севера // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. Т. 6. № 3. С. 203-215.

Koptseva, Seredkina, 2021a – Koptseva N.P., Seredkina N.N. The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. Vol. 16. Is. 1. Pp. 343-356.

Koptseva et al., 2021 – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Menzhurenko Yu.N. The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907-1916 // *Bylye Gody*. 2021. Vol. 16 (4). Is. 16. Part 4. Pp. 2052-2043.

Luzan et al., 2016 – Luzan V.S., Koptseva N.P., Razumovskaya V.A., Kirko V.I. The Content-analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2016. Т. 29. № 2. Pp. 1-28.

Sitnikova et al., 2023 – Sitnikova A.A., Leshchinskaya N.M., Sertakova E.A., Kolesnik M.A. The Image of a Scientist in the Periodicals of the Russian Empire (“Uchenye Zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo Universiteta”) // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 893-902.

References

Germizeeva, 2023 – Germizeeva, V.V., Glazunova, T.V. (2023). Povsednevnyaya zhizn' Omska v nachale XX veka na stranitsakh mestnykh periodicheskikh izdaniy [Everyday life of Omsk at the beginning of the XX century on the pages of local periodicals]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1: 37-46. [in Russian]

Khlebnikova – Khlebnikova, V.B. Rovinskii Pavel Apollonovich [Rovinskii Pavel Apollonovich]. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya – elektronnyaya versiya (bigenc.ru). [Electronic resource]. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/6069137?ysclid=losfiwjlbi398604498> [in Russian]

Khoteev, 2019 – Khoteev, A.S. (2019). Metodologicheskie osobennosti izucheniya istoricheskoi periodiki (na primere rossiiskikh istoricheskikh zhurnalov vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka) [Methodological features of the study of historical periodicals (using the example of Russian historical journals of the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Magileyskago dzyarzhaynaga yuniversiteta imya A. A. Kulyashova*. Ser. A. Gumanitarnyya navuki (gistoryya, filosofiya, filalogiya). 2(54): 58-68. [in Russian]

Khoteev, 2020 – Khoteev, A.S. (2020). Belorusskaya istoriografiya v rossiiskikh istoricheskikh zhurnalakh vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Belarusian historiography in Russian historical journals of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Tetrady po konservatizmu*. 2: 210-218. [in Russian]

Khoteev, 2020a – Khoteev, A.S. (2020). Petr Andreevich Gil'tebrandt kak sotrudnik zhurnala «Drevnyaya i novaya Rossiya» [Petr Andreevich Gil'tebrandt as an employee of the journal “Drevnyaya i novaya Rossiya”]. *Tetrady po konservatizmu*. 2: 243-247. [in Russian]

Koptseva et al., 2021 – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Yu.N. (2021). The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907-1916. *Bylye Gody*. 16(4): 2052-2043.

Koptseva i dr., 2022 – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Kvashnina, Yu.V., Seredkina, N.N., Leshchinskaya, N.M. (2022). Kul'turnaya dinamika korenykh malochislennykh narodov Severa Krasnoyarskogo kraya v zhivopisnykh i graficheskikh proizvedeniyakh [Cultural dynamics of the indigenous peoples of the North of the Krasnoyarsk Territory in paintings and graphic works]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 15(6): 840-852. [in Russian]

Koptseva, Seredkina, 2021 – Koptseva, N.P., Seredkina, N.N. (2021). The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(1): 343-356.

Levin, 2014 – Levin, D.E. (2014). Pis'ma N.I. Kostomarova redaktoru «Drevnei i novoi Rossii» i «Istoricheskogo vestnika» S.N. Shubinskomu v Otdel rukopisei RNB [Letters from N.I. Kostomarov to the editor of “Drevnyaya i Novaya Rossiya” and “Istoricheskii vestnik” S.N. Shubinsky in the Department of Manuscripts of the Russian National Library]. *Klio*. 6: 21-46. [in Russian]

Luzan et al., 2016 – Luzan, V.S., Koptseva, N.P., Razumovskaya, V.A., Kirko, V.I. (2016). The Content-analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy. *International Journal for the Semiotics of Law*. 29(2): 1-28.

Mokhnacheva, 1996 – Mokhnacheva, M.P. (1996). S.N. Shubinskii i ego sbornik-zhurnal «Drevnyaya i novaya Rossiya» [Shubinsky and his collection-magazine «Ancient and New Russia»]. *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta*. 33: 168-176. [in Russian]

Nosova, 2023 – Nosova, M.S. (2023). Zhurnal «Znanie – sila» kak istoricheskii istochnik po izucheniyu sovetskikh populyarizatorskikh praktik [Journal “Znanie – sila” as a historical source for the study of Soviet popularization practices]. *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Vitebsk, 27-29 aprelya 2023 g.: v 2 t. Vitebsk. T. 2. Pp. 216-218. [in Russian]

- [Pimenova i dr., 2023](#) – *Pimenova, N.N., Shpak, A.A., Ermakov, T.K.* (2023). Zhanr sovetskogo plakata v izobrazitel'nom iskusstve 1917-1922 gg. [The genre of Soviet posters in fine arts 1917-1922]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*. Gumanitarnye nauki. 16(4): 580-593. [in Russian]
- [Putilov, 1977](#) – *Putilov, B.N.* (1977). P.A. Rovinskii-sobiratel', izdatel' i issledovatel' eposa yuzhnykh slavyan [Rovinsky the collector, publisher and researcher of the epic of the South Slavs]. *Ocherki istorii russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii*. L., 7: 145-157. [in Russian]
- [Rovinskii, 1875](#) – *Rovinskii, P.* (1875). Ocherki Vostochnoi Sibiri. Obschaya kharakteristika Vostochnoi Sibiri [Sketches of Eastern Siberia. General characteristics of Eastern Siberia]. *Drevnyaya i Novaya Rossiya*. 1: 66-85. [in Russian]
- [Rovinskii, 1875a](#) – *Rovinskii, P.* (1875). Ocherki Vostochnoi Sibiri. I. Irkutsk [Sketches of Eastern Siberia. I. Irkutsk]. *Drevnyaya i Novaya Rossiya*. 2: 201-219. [in Russian]
- [Rovinskii, 1875b](#) – *Rovinskii, P.* (1875). Ocherki Vostochnoi Sibiri. II. Na Krugobaikal'skoi doroge [Sketches of Eastern Siberia. II. On the Circum-Baikal Road]. *Drevnyaya i Novaya Rossiya*. 3: 302-312. [in Russian]
- [Rovinskii, 1875c](#) – *Rovinskii, P.* (1875). Ocherki Vostochnoi Sibiri. III. Ot Kultuka do Tunki [Sketches of Eastern Siberia. III. From Kultuk to Tunka]. *Drevnyaya i Novaya Rossiya*. 7: 232-242. [in Russian]
- [Rovinskii, 1875d](#) – *Rovinskii, P.* (1875). Ocherki Vostochnoi Sibiri. IV. Tunka (prodolzhenie) [Rovinsky P. Sketches of Eastern Siberia. IV. Tunka (continued)]. *Drevnyaya i Novaya Rossiya*. 11: 230-255. [in Russian]
- [Rovinskii, 1875e](#) – *Rovinskii, P.* (1875). Ocherki Vostochnoi Sibiri. V. Tunka (okonchanie) [Sketches of Eastern Siberia. V. Tunka (ending)]. *Drevnyaya i Novaya Rossiya*. 12: 381-388. [in Russian]
- [Rumanovskaya, 2019](#) – *Rumanovskaya, A.S.* (2019). Travelogi kontsa XIX v. (na primere zhurnala «Russkaya mysl'») [Travelogues of the late 19th century (using the example of the journal “Russkaya mysl'”)]. *Molodezhnyi vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 2: 164-167. [in Russian]
- [Semenchuk, 2023](#) – *Semenchuk, K.A.* (2023). Tserkovnaya periodicheskaya pechat' rubezha XIX–XX vv. ob inorodtsakh Sibiri i Dal'nego Vostoka [Church periodicals at the turn of the 19th–20th centuries. about foreigners of Siberia and the Far East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 489: 143-152. [in Russian]
- [Seredkina i dr., 2021](#) – *Seredkina, N.N., Ermakov, T.K., Shishkova, E.E., Temnikova, O.A.* (2021). Evenkiiskii natsional'nyi (avtonomnyi) okrug v kontekste sovetskoi natsional'noi politiki 1920-1970 gg. [Evenkiiskii national (autonomous) district in the context of the Soviet national policy of 1920-1970]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 5(3): 77-88. [in Russian]
- [Sertakova, Sitnikova, 2022](#) – *Sertakova, E.A., Sitnikova, A.A.* (2022). Ustav ob «Upravlenii inorodtsev», sostavlennyy M.M. Speranskim, i osobennosti ego realizatsii po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam eniseiskoi gubernii v XIX – nachale XX vekakh [The Charter on the «Office of Aliens», compiled by M.M. Speransky, and the features of its implementation in relation to the indigenous peoples of the Yenisei province in the XIX – early XX centuries]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 2: 94-106. [in Russian]
- [Sertakova, 2023](#) – *Sertakova, E.A.* (2023). Konstruirovaniye kul'turnoi pamyati v dokumental'nom kino (na materiale analiza krasnoyarskoi dokumentalistiki poslednei treti XX – nachala XXI vv.) [Construction of cultural memory in documentary cinema (based on the analysis of Krasnoyarsk documentaries of the last third of the 20th and beginning of the 21st centuries)]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*. Gumanitarnye nauki. 16(8): 1365-1381. [in Russian]
- [Shpak, Menzhurenko, 2022](#) – *Shpak, A.A., Menzhurenko, Yu.N.* (2022). Analiz sovokupnosti mer gosudarstvennoi i munitsipal'noi podderzhki razvitiya traditsionnoi khozyaistvennoi deyatel'nosti v sel'skikh poseleniyakh Severa [Analysis of the totality of measures of state and municipal support for the development of traditional economic activities in rural settlements of the North]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 6(3): 203-215. [in Russian]
- [Sitnikova et al., 2023](#) – *Sitnikova, A.A., Leshchinskaya, N.M., Sertakova, E.A., Kolesnik, M.A.* (2023). The Image of a Scientist in the Periodicals of the Russian Empire (“Uchenye Zapiski Imperatorskogo Yur'evskogo Universiteta”). *Bylye Gody*. 18(2): 893-902.
- [Tikhonova, 2010](#) – *Tikhonova, E.L.* (2010). Toponimicheskie predaniya: onomasticheskaya kartina mira [Toponymic legends: onomastic picture of the world]. *Ot kongressa k kongressu. Materialy Vtorogo Vserossiiskogo kongressa fol'kloristov*. T. 1. Pp. 208-218. [in Russian]

Журнал «Древняя и Новая Россия» (1875 г.) как источник по истории Сибири конца XIX в.

Наталья Николаевна Пименова ^{a, *}, Юлия Сергеевна Замараева ^b,
Наталья Николаевна Середкина ^c, Наталья Петровна Кошцева ^d

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Материалами для данного исследования является журнал «Древняя и Новая Россия», издававшийся с 1875 по 1881 год. А именно – выпуски этого журнала за 1875 год и опубликованные в них «Очерки Восточной Сибири», написанные Павлом Аполлоновичем Ровинским, российским историком, этнографом и фольклористом, публицистом. Эти очерки – результат длительной экспедиции П.А. Ровинского при поддержке Петербургского отдела Географического Общества. Очерки фиксируют значимые особенности истории и специфики развития сибирской территории. В них излагаются подробности благоустройства уездных и губернских городов, специфика влияния географических и климатических условий на жизнь, быт и взаимоотношения жителей селений, улусов. Статья систематизирует специфику освоения и заселения Сибирской равнины, особенности взаимного влияния культурных традиций живущих на этих территориях этнокультурных групп и сохранения самобытности традиций. Население Сибири – один из ключевых предметов научного интереса автора очерков, уделяющего особое внимание процессам аккультурации и ассимиляции этносов, как русских сибиряков, так и коренных народов. Анализ очерков позволяет выделить черты образа каждого из народов, особенности жизни людей в Восточной Сибири.

Ключевые слова: журнал «Древняя и Новая Россия», П. А. Ровинский, Очерки Восточной Сибири, Иркутская губерния, уездный город, население Сибири, этнография, XIX век.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pimenovapluzhnik@mail.ru (Н.Н. Пименова),
rybka08@bk.ru (Ю.С. Замараева), nnevolko@sfu-kras.ru (Н.Н. Середкина),
decanka@mail.ru (Н.П. Кошцева)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1900-1908
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1900

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Annual Publications of the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee as a Source on the Socio-Economic Development of the Arkhangelsk Province in the Period 1876–1900

Timur A. Magsumov ^{a, b, c, *}, Teymur E. Zulfugarzade ^d, Mikhail B. Kolotkov ^e, Sergei B. Zinkovskii ^f

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russian Federation

^d Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russian Federation

^e Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russian Federation

^f Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article considers a group of annual publications of the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee of the period 1876–1900.

The source base of the study consists of time-based publications of the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee of the period 1876–1900. Most of these publications are presented by the annual reports of the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee. Besides this, the “Reference Book of the Arkhangelsk Province” and “Proceedings of the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee” were published once, as well as the “Commemorative Books of the Arkhangelsk Province” and “Address Calendars of the Arkhangelsk Province” were occasionally published.

In conclusion, the authors state that the 25th anniversary from 1876 to 1900 was marked by a significant reduction in the research work of the Arkhangelsk Statistical Committee. So, if in 1850–1875 about 90 scientific research papers were published, then in 1876–1900 their number decreased by 4 times (excluding individual publications), that is, to 22. This reduction was due to the fact that alternative and more mass-produced periodicals (for example, newspapers) began to appear in the province, which began to allocate a significant number of their strips for research works on the Arkhangelsk province. It is also important to note that in the period 1876–1900 there was a reduction in the publications published by the committee. Thus, the Arkhangelsk Collection ceases to be published, and only once in 25 years have the Reference Book of the Arkhangelsk Province and the Proceedings of the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee been published.

Keywords: socio-economic development, Arkhangelsk province, Russian Empire, sustainable development of regions, 1876–1900, annual publications, Arkhangelsk Provincial Statistical Committee.

1. Введение

В дореволюционный период региональным статистическим комитетам отводилась центральная роль в организации локальных исторических исследований. Причин этому было много, однако самой главной было то, что именно в местные статистические комитеты стекалась первичная информация о состоянии социально-экономической жизни в губернии. Чиновники этого ведомства и сводили эти сведения в общегубернские списки, что приводило к систематизации обширной статистической информации, которая впоследствии (после публикации) в местной печати создавала первые наработки в историографическом освещении тех или иных вопросов. В данном исследовании мы

* Corresponding author

E-mail addresses: nabonid1@yandex.ru (T.A. Magsumov)

хотели бы сфокусироваться на ежегодных изданиях Архангельского губернского статистического комитета, изданных в период с 1876 по 1900 гг.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования состоит из повременных изданий Архангельского губернского статистического комитета периода 1876–1900 гг. Большинство таких изданий представлено ежегодными отчетами архангельского губернского статистического комитета. Помимо этого единожды публиковались «Справочная книжка Архангельской губернии» и «Труды Архангельского губернского статистического комитета», а также эпизодично публиковались «Памятные книжки Архангельской губернии» и «Адрес-календари Архангельской губернии».

Методология исследования опирается на традиционные методы исторического познания: историзма, системности и объективности. Применение двух первых методов позволяет нам сфокусироваться на историческом поле (территория и хронологический период) и, используя максимальное количество информации, объективно взглянуть на спектр материалов, которые в последней четверти XIX века выпускал Архангельский губернский статистический комитет.

3. Обсуждение

Различные аспекты социально-экономической жизни Архангельской губернии дореволюционного периода привлекают повышенное внимание исследователей. В начале XXI века этой теме уделяли внимание такие исследователи, как: О.В. Минчук. Автор обращался к анализу уголовного судопроизводства в мировых судах Архангельской губернии (Минчук, 2014). На стыке с историко-правовыми вопросами находится и государственное регулирование вопросов рекрутской повинности. Темой освобождения от натуральной рекрутской повинности населения Архангельской губернии занимался Ф.Н. Иванов (Иванов, 2015).

Демографическим проблемам на территории Архангельской губернии уделяли внимание В.В. Канищев и Т.И. Трошина (Канищев, Трошина, 2017). С.И. Чудов, в свою очередь, обращался как к уровню обеспечения продовольственной безопасности населения на территории русского Севера (Чудов, 2015), так и к статистическим материалам о посевах, урожае и количестве зерна в сельских запасных магазинах Архангельской губернии в период 1870–1886 гг. (Чудов, 2015а).

Что касается историографии о повременных изданиях Архангельского статистического комитета, то нужно отметить следующее: ранее мы уже предпринимали попытки рассмотреть повременные издания Архангельского статистического комитета за период 1850–1875 гг. (Magsumov et al., 2023) и 1901–1916 гг. (Magsumov et al., 2023a).

4. Результаты

В изучаемое нами время (1876–1900 гг.) силами Архангельского статистического комитета публиковались следующие издания: «Справочная книжка Архангельской губернии» за 1897 г.; «Памятные книжки Архангельской губернии» (за 1907 и 1908 гг.); «Адрес-календари» (за 1877, 1878, 1880, 1881, 1884, 1886 и 1899 гг.); «Труды Архангельского статистического комитета» за 1890 г., а также «Отчеты губернского статистического комитета» (1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899 и 1900 гг.). Из них в предыдущий рассматриваемый нами исторический период перестал издаваться только «Архангельский сборник», впрочем, и он издавался только дважды – в 1863 и 1865 гг.

Рассмотрим эти издания в хронологической последовательности. В изучаемый нами исторический период наиболее массовой (почти ежегодной работой) были «Отчеты губернского статистического комитета» (Рисунок 1).

В 1876 г. единственной работой, которую издал Архангельский статистический комитет, и был «Отчет губернского статистического комитета». В нем была опубликована работа В.В. Михайлова «Статистическое описание Архангельской губернии за 1876 г.» (Михайлов, 1878).

В 1877 г. были изданы «Отчет губернского статистического комитета» (работа В.В. Михайлова «Статистическое описание Архангельской губернии») (Михайлов, 1879) и «Адрес-календарь Архангельской губернии» (Адрес-календарь, 1877).

В 1878 г. были изданы «Отчет губернского статистического комитета» (работа В.В. Михайлова «Статистическое описание Архангельской губернии») (Михайлов, 1880) и «Адрес-календарь Архангельской губернии» (Адрес-календарь, 1878).

В 1879 г. был опубликован только «Отчет губернского статистического комитета» (работа В.В. Михайлова «Статистическое описание Архангельской губернии») (Михайлов, 1881).

В 1880 г. составлением отчета губернского статистического комитета занимался уже Н.В. Санчурский, который подготовил к изданию собственное «Статистическое описание Архангельской губернии» (Санчурский, 1882). В том же году был издан и «Адрес-календарь Архангельской губернии» (Адрес-календарь, 1880).

В 1881 г. в отчете губернского статистического комитета были опубликованы две работы: труд Г.И. Минейко «Краткий отчет по обозрению Всероссийской художественно-промышленной

выставки» (Минейко, 1883) и работа Н.В. Санчурского «Статистическое описание Архангельской губернии» (Санчурский, 1883). В 1881 г. был опубликован и «Адрес-календарь Архангельской губернии» (Адрес-календарь, 1881).

Рис. 1. Титульная страница «Отчета Архангельского губернского статистического комитета» за 1899

В 1882 г. в отчете губернского статистического комитета были опубликованы следующие работы: доклад Н.В. Санчурского «Участие Архангельского статистического комитета в международной Лондонской выставке рыболовства 1883 года» (Санчурский, 1884), труд А.В. Гриневецкого «Статистические сведения о положении лесной торговли в Архангельской губернии» (Гриневецкий, 1884) и труд М. Заринского «Борецкие» (Заринский, 1884).

В 1883 г. в отчете губернского статистического комитета была опубликована только одна работа: Г. Минейко – «О выдающихся особенностях смертности в городе Архангельске» (Минейко, 1885).

В 1884 г. в отчете губернского статистического комитета научно-исследовательских статей не публиковалось. Однако в этом году был опубликован и «Адрес-календарь Архангельской губернии» (Адрес-календарь, 1884).

В 1885 г. в отчете губернского статистического комитета было опубликовано два произведения: работа И.Ф. Знаменского «Статистическое описание Архангельской губернии за 1885 г.» (Знаменский, 1887) и статистический материал без авторства «Движение населения в городе Онеге за период 1880-1884 гг.» (Движение..., 1887).

В 1886 г. в отчете был опубликован труд Н.Ф. Знаменского «Статистическое описание Архангельской губернии за 1886 г.» (Знаменский, 1888). Помимо отчета, в этом году был опубликован и «Адрес-календарь Архангельской губернии» (Адрес-календарь, 1886).

В 1887 г. в отчете была опубликована демографическая работа И.Ф. Знаменского «Статистические данные о величине населения и движении его в Архангельской губернии за 1887 г.» (Знаменский, 1889).

В 1888 и 1889 гг. И.Ф. Знаменский продолжает публиковать свои демографические исследования (Знаменский, 1890; Знаменский, 1891).

В 1890 г. научно-исследовательских статей в отчете губернского статистического комитета не публиковалось. Кроме того, в этом году были изданы «Труды Архангельского губернского статистического комитета». В сборник были включены следующие работы: А. Ерюхина «Историко-географические известия о севере Московского государства в 16 столетии, заключающиеся в записках о Московии Герберштейна» (Ерюхин, 1890), а также две работы И. Знаменского «Надвоицкая, Каргозерская и Парондовская сельские земельные общины Лапинской волости Кемского уезда Архангельской губернии» (Знаменский, 1890) и «Статистическое описание 2-го стана Холмогорского уезда» (Знаменский, 1890а).

В 1891 г. в годовом отчете была опубликована статья Н.С. Пругавина «О смертности в городе Архангельске» (Пругавин, 1893).

В 1892–1896 гг. научно-исследовательских статей в отчете губернского статистического комитета не публиковалось.

В 1897 г. научно-исследовательских статей в отчете губернского статистического комитета не публиковалось. В этом же году впервые за рассматриваемый период была издана «Справочная книжка Архангельской губернии», в ней была опубликована карта Архангельской губернии и план города Архангельска (Карта..., 1897).

В 1898 г. научно-исследовательских статей в отчете губернского статистического комитета не публиковалось.

В 1899 г. научно-исследовательских статей в отчете губернского статистического комитета не публиковалось. В этом же году был издан и «Адрес-календарь Архангельской губернии» (Адрес-календарь, 1899).

В 1900 г. научно-исследовательских статей в отчете губернского статистического комитета не публиковалось.

Ввиду того, что отчеты губернского статистического комитета являлись наиболее распространенной деятельностью рассматриваемой нами организации, то мы должны несколько слов сказать и о материалах, публикуемых в этом издании. Так, обычно объем отчета составлял от 150 до 200 страниц. В начале рассматриваемого периода в отчет включались сведения о деятельности статистического комитета (протоколы заседаний, отчеты о деятельности комитета, о деятельности публичной библиотеки, о приходе и расходе сумм сельских училищ). Далее следовал обширный блок, посвященный статистическому описанию, куда включались пространство губернии, народонаселение, земледелие, скотоводство и т.д. (Отчет..., 1878). К 1899 г. в отчеты включались, помимо ранее перечисленного, сведения о личном составе комитета, о библиотеке и музее комитета, а также разнообразные отчетные сведения об организациях, находящихся в ведении статистического комитета (Ломоносовское сельское училище, бесплатная библиотека при нем, класс резьбы на кости, ломоносовская стипендия, архангельская публичная библиотека и отдельные капиталы) (Отчет..., 1900).

Помимо повременных изданий, в это время публиковались и отдельные издания. Так, в 1877 г. была издана книга Н. Дергачева «Русская Лапландия. Статистический, географический и этнографический очерки» (Дергачев, 1877).

В 1881 г. был издан труд П.А. Иванова «Биографический указатель статей и заметок, касающихся Архангельской губернии, помещенных в разных периодических изданиях» (Иванов, 1881). Спустя два года вышла еще одна биографическая работа: З. Ахаткина «Полный систематический указатель статей и заметок об Архангельской губернии, помещенных в неофициальной части Архангельских губернских ведомостей за 1869–1881 годы» (Ахаткин, 1883).

В 1885 г. в свет вышла работа Я. Лудмера «Архангельская сельскохозяйственная выставка 1884 года» (Лудмер, 1885).

В этот же период издаются и демографические исследования, например, труд Г. Минейко «О выдающихся особенностях смертности и рождаемости сельского населения Архангельской губернии с 1866 по 1875 год в связи с его приростом» (Минейко, 1890). И.Ф. Знаменский, посвятил свой труд сельской поземельной общине в Пинежском уезде (Знаменский, 1895). Были и другие менее значимые работы.

5. Заключение

Таким образом, приходится констатировать, что 25-летие с 1876 по 1900 гг. ознаменовалось значительным сокращением научно-исследовательской работы Архангельского статистического комитета. Так, если в 1850–1875 гг. было опубликовано около 90 научно-исследовательских работ (Magsumov et al., 2023), то в 1876–1900 гг. их количество сократилось в 4 раза (без учета отдельных изданий), то есть до 22. Такое сокращение было связано с тем, что в губернии начали появляться альтернативные и более массовые периодические издания (например, газеты), которые для научно-исследовательских работ, посвященных Архангельской губернии, стали выделять значительное количество своих полос. Также важно отметить, что в период с 1876 по 1900 гг. происходит сокращение издаваемых комитетом изданий. Так, перестает издаваться «Архангельский сборник», и только по одному разу за 25 лет вышли «Справочная книжка Архангельской губернии» и «Труды Архангельского губернского статистического комитета».

Литература

- Адрес-календарь, 1878 – Адрес-календарь Архангельской губернии. Архангельск, 1878.
 Адрес-календарь, 1879 – Адрес-календарь Архангельской губернии. Архангельск, 1879.
 Адрес-календарь, 1880 – Адрес-календарь Архангельской губернии. Архангельск, 1880.
 Адрес-календарь, 1881 – Адрес-календарь Архангельской губернии. Архангельск, 1881.
 Адрес-календарь, 1884 – Адрес-календарь Архангельской губернии. Архангельск, 1884.
 Адрес-календарь, 1886 – Адрес-календарь Архангельской губернии. Архангельск, 1886.

- Адрес-календарь, 1899** – *Адрес-календарь Архангельской губернии*. Архангельск, 1899.
- Ахаткин, 1883** – *Ахаткин З.* Полный систематический указатель статей и заметок об Архангельской губернии, помещенных в неофициальной части Архангельских губернских ведомостей за 1869-1881 годы. Архангельск, 1883.
- Гриневецкий, 1884** – *Гриневецкий А.В.* Статистические сведения о положении лесной торговли в Архангельской губернии // *Отчет губернского статистического комитета*. Архангельск, 1884.
- Движение..., 1887** – Движение населения в городе Онеге за период 1880-1884 гг. // *Отчет губернского статистического комитета*. Архангельск, 1887.
- Дергачев, 1877** – *Дергачев Н.* Русская Лапландия. Статистический, географический и этнографический очерки. Архангельск, 1877.
- Ерьюхин, 1890** – *Ерьюхин А.* Историко-географические известия о севере Московского государства в 16 столетии, заключающиеся в записках о Московии Герберштейна // *Труды Архангельского губернского статистического комитета*. Архангельск, 1890.
- Заринский, 1884** – *Заринский М.* Борецкие // *Отчет губернского статистического комитета*. Архангельск, 1884.
- Знаменский, 1887** – *Знаменский И.Ф.* Статистическое описание Архангельской губернии за 1885 г. // *Отчет губернского статистического комитета*. Архангельск, 1887.
- Знаменский, 1888** – *Знаменский И.Ф.* Статистическое описание Архангельской губернии за 1886 г. // *Отчет губернского статистического комитета*. Архангельск, 1888.
- Знаменский, 1889** – *Знаменский И.Ф.* Статистические данные о величине населения и движении его в Архангельской губернии за 1887 г. // *Отчет губернского статистического комитета*. Архангельск, 1889.
- Знаменский, 1890** – *Знаменский И.* Надвоицкая, Каргозерская и Парондовская сельские земельные общины Лапинской волости Кемского уезда, Архангельской губернии // *Труды Архангельского губернского статистического комитета*. Архангельск, 1890.
- Знаменский, 1890** – *Знаменский И.Ф.* Статистические данные о величине населения и движении его в Архангельской губернии за 1888 г. // *Отчет губернского статистического комитета*. Архангельск, 1890.
- Знаменский, 1890а** – *Знаменский И.* Статистическое описание 2-го стана Холмогорского уезда // *Труды Архангельского губернского статистического комитета*. Архангельск, 1890.
- Знаменский, 1891** – *Знаменский И.Ф.* Статистические данные о величине населения и движении его в Архангельской губернии за 1889 г. // *Отчет губернского статистического комитета*. Архангельск, 1891.
- Знаменский, 1895** – *Знаменский И.Ф.* Сельская поземельная община в Пинежском уезде. Архангельск, 1895.
- Иванов, 1881** – *Иванов П.А.* Биографический указатель статей и заметок, касающихся Архангельской губернии, помещенных в разных периодических изданиях. Архангельск, 1881.
- Иванов, 2015** – *Иванов Ф.Н.* Освобождение от натуральной рекрутской повинности населения регионов Российской империи (на примере Архангельской губернии 1820-1874 гг.) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10-3 (60). С. 67-73.
- Канищев, Трошина, 2017** – *Канищев В.В., Трошина Т.И.* Демографические процессы второй половины XIX – XX века в европейской части России: место Архангельской губернии // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4. С. 28-38.
- Карта..., 1897** – Карта Архангельской губернии и план города Архангельск // *Справочная книжка Архангельской губернии*. Архангельск, 1897.
- Лудмер, 1885** – *Лудмер Я.* Архангельская сельскохозяйственная выставка 1884 года. Архангельск, 1885.
- Минейко, 1883** – *Минейко Г.И.* Краткий отчет по обозрению Всероссийской художественно-промышленной выставки // *Отчет губернского статистического комитета*. Архангельск, 1883.
- Минейко, 1885** – *Минейко Г.И.* О выдающихся особенностях смертности в городе Архангельске // *Отчет губернского статистического комитета*. Архангельск, 1885.
- Минейко, 1890** – *Минейко Г.* О выдающихся особенностях смертности и рождаемости сельского населения Архангельской губернии с 1866 по 1875 год в связи с его приростом. Архангельск, 1890.
- Минчук, 2014** – *Минчук О.В.* Особенности уголовного судопроизводства в мировых судах Архангельской губернии в последней трети XIX – начале XX вв. // *Актуальные проблемы российского права*. 2014. № 11 (48). С. 2531-2535.
- Михайлов, 1878** – *Михайлов В.В.* Статистическое описание Архангельской губернии за 1876 г. // *Отчет губернского статистического комитета*. Архангельск, 1878.
- Михайлов, 1879** – *Михайлов В.В.* Статистическое описание Архангельской губернии за 1877 г. // *Отчет губернского статистического комитета*. Архангельск, 1879.

- Михайлов, 1880** – Михайлов В.В. Статистическое описание Архангельской губернии за 1878 г. // Отчет губернского статистического комитета. Архангельск, 1880.
- Михайлов, 1881** – Михайлов В.В. Статистическое описание Архангельской губернии за 1879 г. // Отчет губернского статистического комитета. Архангельск, 1881.
- Отчет..., 1878** – Отчет губернского статистического комитета за 1876 г. Архангельск, 1878.
- Отчет..., 1900** – Отчет губернского статистического комитета за 1899 г. Архангельск, 1900.
- Пругавин, 1893** – Пругавин Н.С. О смертности в городе Архангельске // Отчет губернского статистического комитета. Архангельск, 1893.
- Санчурский, 1882** – Санчурский Н.В. Статистическое описание Архангельской губернии за 1880 г. // Отчет губернского статистического комитета. Архангельск, 1882.
- Санчурский, 1883** – Санчурский Н.В. Статистическое описание Архангельской губернии за 1881 г. // Отчет губернского статистического комитета. Архангельск, 1883.
- Санчурский, 1884** – Санчурский Н.В. Участие Архангельского статистического комитета в международной Лондонской выставке рыболовства 1883 года // Отчет губернского статистического комитета. Архангельск, 1884.
- Чудов, 2015** – Чудов С.И. Уровень обеспечения продовольственной безопасности на русском Севере в XIX – начале XX века // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2015. № 7-1 (57). С. 194-197.
- Чудов, 2015а** – Чудов С.И. Сравнительный анализ цифровых показателей о посевах, урожае и количестве зерна в сельских запасных магазинах Архангельской губернии в 1870-1886 гг. // *Известия Коми научного центра Уро РАН.* 2015. № 2 (22). С. 80-84.
- Magsumov et al., 2023** – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. Annual Publications of the Arkhangelsk Provincial Statistical Committee as a Source on the Socio-Economic Development of the Arkhangelsk Province in the Period 1850–1875 // *Bylye Gody.* 2023. 18(3): 1207-1218.
- Magsumov et al., 2023a** – Magsumov T.A., Zulfugarzade T.E., Kolotkov M.B., Zinkovskii S.B. Yearly Publications Produced by the Arkhangelsk Gubernia Statistics Committee as a Source on Socio-Economic Development of the Arkhangelsk Governorate in early 20th century // *European Journal of Contemporary Education.* 2023. 12(3): 1082-1089.

References

- Adres-kalendar', 1878** – Adres-kalendar' Arkhangel'skoi gubernii [Address-calendar of the Arkhangelsk province]. Arkhangel'sk, 1878. [in Russian]
- Adres-kalendar', 1879** – Adres-kalendar' Arkhangel'skoi gubernii [Address-calendar of the Arkhangelsk province]. Arkhangel'sk, 1879. [in Russian]
- Adres-kalendar', 1880** – Adres-kalendar' Arkhangel'skoi gubernii [Address-calendar of the Arkhangelsk province]. Arkhangel'sk, 1880. [in Russian]
- Adres-kalendar', 1881** – Adres-kalendar' Arkhangel'skoi gubernii [Address-calendar of the Arkhangelsk province]. Arkhangel'sk, 1881. [in Russian]
- Adres-kalendar', 1884** – Adres-kalendar' Arkhangel'skoi gubernii [Address-calendar of the Arkhangelsk province]. Arkhangel'sk, 1884. [in Russian]
- Adres-kalendar', 1886** – Adres-kalendar' Arkhangel'skoi gubernii [Address-calendar of the Arkhangelsk province]. Arkhangel'sk, 1886. [in Russian]
- Adres-kalendar', 1899** – Adres-kalendar' Arkhangel'skoi gubernii [Address-calendar of the Arkhangelsk province]. Arkhangel'sk, 1899. [in Russian]
- Akhatkin, 1883** – Akhatkin, Z. (1883). Polnyi sistemicheskii ukazatel' statei i zametok ob Arkhangel'skoi gubernii, pomeshchennykh v neofitsial'noi chasti Arkhangel'skikh gubernskikh vedomostei za 1869-1881 gody [Complete systematic index of articles and notes about the Arkhangelsk province, placed in the unofficial part of the Arkhangelsk provincial gazette for 1869-1881.]. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Grinevetskii, 1884** – Grinevetskii, A.V. (1884). Statisticheskie svedeniya o polozhenii lesnoi torgovli v Arkhangel'skoi gubernii [. Statistical information on the situation of timber trade in the Arkhangelsk province]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Dvizhenie..., 1887** – Dvizhenie naseleniya v gorode Onege za period 1880-1884 gg. [Population movement in the city of Onega for the period 1880-1884]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk, 1887. [in Russian]
- Dergachev, 1877** – Dergachev, N. (1877). Russkaya Laplandiya. Statisticheskii, geograficheskii i etnograficheskii ocherki [Russian Lapland. Statistical, geographical and ethnographic essays]. Arkhangel'sk. [in Russian]
- Eryukhin, 1890** – Eryukhin, A. (1890). Istoriko-geograficheskie izvestiya o severe Moskovskogo gosudarstva v 16 stoletii, zaklyuchayushchiesya v zapiskakh o Moskovii Gerbershteina [Historical and geographical news about the north of the Moscow State in the 16th century, contained in Herberstein's notes on Muscovy]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta.* Arkhangel'sk. [in Russian]
- Zarinskii, 1884** – Zarinskii, M. (1884). Boretskie [Boretsky]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk. [in Russian]

Znamenskii, 1887 – *Znamenskii, I.F.* (1887). Statisticheskoe opisanie Arkhangel'skoi gubernii za 1885 g. [Statistical description of the Arkhangel'sk province for 1885]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk. [in Russian]

Znamenskii, 1888 – *Znamenskii, I.F.* (1888). Statisticheskoe opisanie Arkhangel'skoi gubernii za 1886 g. [Statistical description of the Arkhangel'sk province for 1886]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk. [in Russian]

Znamenskii, 1889 – *Znamenskii, I.F.* (1889). Statisticheskie dannye o velichine naseleniya i dvizhenii ego v Arkhangel'skoi gubernii za 1887 g. [Statistical data on the size of the population and its movement in the Arkhangel'sk province for 1887]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk. [in Russian]

Znamenskii, 1890 – *Znamenskii, I.* (1890). Nadvoitskaya, Kargozerskaya i Parondovskaya sel'skie zemel'nye obshchiny Lapinskoi volosti Kemskego uyezda, Arkhangel'skoi gubernii [Nadvoitskaya, Kargozerskaya and Parondovskaya rural land communities of the Lapinskaya volost of the Kem district, Arkhangel'sk province]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Arkhangel'sk. [in Russian]

Znamenskii, 1890 – *Znamenskii, I.F.* (1890). Statisticheskie dannye o velichine naseleniya i dvizhenii ego v Arkhangel'skoi gubernii za 1888 g. [Statistical data on the size of the population and its movement in the Arkhangel'sk province for 1888]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk. [in Russian]

Znamenskii, 1890a – *Znamenskii, I.* (1890). Statisticheskoe opisanie 2-go stana Kholmogorskogo uyezda [Statistical description of the 2nd camp of Kholmogory district]. *Trudy Arkhangel'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Arkhangel'sk. [in Russian]

Znamenskii, 1891 – *Znamenskii, I.F.* (1891). Statisticheskie dannye o velichine naseleniya i dvizhenii ego v Arkhangel'skoi gubernii za 1889 g. [Statistical data on the size of the population and its movement in the Arkhangel'sk province for 1889]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk. [in Russian]

Znamenskii, 1895 – *Znamenskii, I.F.* (1895). Sel'skaya pozemel'naya obshchina v Pinezhskom uyezda [Rural land community in Pinega district]. Arkhangel'sk. [in Russian]

Ivanov, 1881 – *Ivanov, P.A.* (1881). Biograficheskie ukazatel' statei i zametok, kasayushchikhsya Arkhangel'skoi gubernii, pomeshchennykh v raznykh periodicheskikh izdaniyakh [Biographical index of articles and notes relating to the Arkhangel'sk province, published in various periodicals.]. Arkhangel'sk. [in Russian]

Ivanov, 2015 – *Ivanov, F.N.* (2015). Osvobozhdenie ot natural'noi rekrutskoi povinnosti naseleniya regionov Rossiiskoi imperii (na primere Arkhangel'skoi gubernii 1820-1874 gg.) [Exemption from natural conscription of the population of the regions of the Russian Empire (on the example of the Arkhangel'sk province 1820-1874)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie*. Voprosy teorii i praktiki. 10-3 (60): 67-73. [in Russian]

Kanishchev, Troshina, 2017 – *Kanishchev, V.V., Troshina, T.I.* (2017). Demograficheskie protsessy vtoroi poloviny XIX – XX veka v evropeiskoi chasti Rossii: mesto Arkhangel'skoi gubernii [Demographic processes of the second half of the 19th – 20th centuries in the European part of Russia: the place of the Arkhangel'sk province]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 4: 28-38. [in Russian]

Karta..., 1897 – Karta Arkhangel'skoi gubernii i plan goroda Arkhangel'sk [Map of the Arkhangel'sk province and plan of the city of Arkhangel'sk]. *Spravochnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii*. Arkhangel'sk, 1897. [in Russian]

Ludmer, 1885 – *Ludmer, Ya.* (1885). Arkhangel'skaya sel'skokhozyaystvennaya vystavka 1884 goda [Arkhangel'sk Agricultural Exhibition of 1884]. Arkhangel'sk. [in Russian]

Mineiko, 1883 – *Mineiko, G.I.* (1883). Kratkii otchet po obozreniyu Vserossiiskoi khudozhestvenno-promyshlennoi vystavki [Brief report on the review of the All-Russian art and industrial exhibition]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk. [in Russian]

Mineiko, 1885 – *Mineiko, G.I.* (1885). O vydayushchikhsya osobennostyakh smertnosti v gorode Arkhangel'ske [About the outstanding features of mortality in the city of Arkhangel'sk]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk. [in Russian]

Mineiko, 1890 – *Mineiko, G.* (1890). O vydayushchikhsya osobennostyakh smertnosti i rozhdemosti sel'skogo naseleniya Arkhangel'skoi gubernii s 1866 po 1875 god v svyazi s ego prirostopom [About the outstanding features of mortality and fertility of the rural population of the Arkhangel'sk province from 1866 to 1875 in connection with its growth]. Arkhangel'sk. [in Russian]

Minchuk, 2014 – *Minchuk, O.V.* (2014). Osobennosti ugolovnoho sudoproizvodstva v mirovykh sudakh Arkhangel'skoi gubernii v poslednei treti XIX – nachale XX vv. [Features of criminal proceedings in the magistrates' courts of the Arkhangel'sk province in the last third of the 19th – early 20th centuries]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 11(48): 2531-2535. [in Russian]

Mikhailov, 1878 – *Mikhailov, V.V.* (1878). Statisticheskoe opisanie Arkhangel'skoi gubernii za 1876 g. [Statistical description of the Arkhangel'sk province for 1876]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk. [in Russian]

Mikhailov, 1879 – *Mikhailov, V.V.* (1879). Statisticheskoe opisanie Arkhangel'skoi gubernii za 1877 g. [Statistical description of the Arkhangel'sk province for 1877]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk. [in Russian]

Mikhailov, 1880 – *Mikhailov, V.V.* (1880). Statisticheskoe opisanie Arkhangel'skoi gubernii za 1878 g. [Statistical description of the Arkhangel'sk province for 1878]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk. [in Russian]

Mikhailov, 1881 – *Mikhailov, V.V.* (1881). Statisticheskoe opisanie Arkhangel'skoi gubernii za 1879 g. [Statistical description of the Arkhangel'sk province for 1879]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk. [in Russian]

Otchet..., 1878 – Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta za 1876 g. [Report of the provincial statistical committee for 1876]. Arkhangel'sk, 1878. [in Russian]

Otchet..., 1900 – Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta za 1899 g. [Report of the provincial statistical committee for 1899]. Arkhangel'sk, 1900. [in Russian]

Prugavin, 1893 – *Prugavin, N.S.* (1893). O smertnosti v gorode Arkhangel'ske [On mortality in the city of Arkhangel'sk]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk, 1893. [in Russian]

Sanchurskii, 1882 – *Sanchurskii, N.V.* (1882). Statisticheskoe opisanie Arkhangel'skoi gubernii za 1880 g. [Statistical description of the Arkhangel'sk province for 1880]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk, 1882. [in Russian]

Sanchurskii, 1883 – *Sanchurskii, N.V.* (1883). Statisticheskoe opisanie Arkhangel'skoi gubernii za 1881 g. [Statistical description of the Arkhangel'sk province for 1881]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk. [in Russian]

Sanchurskii, 1884 – *Sanchurskii, N.V.* (1884). Uchastie Arkhangel'skogo statisticheskogo komiteta v mezhdunarodnoi Londonskoi vystavke rybolovstva 1883 goda [The participation of the Arkhangel'sk Statistical Committee in the International London Fishery Exhibition of 1883]. Otchet gubernskogo statisticheskogo komiteta. Arkhangel'sk. [in Russian]

Chudov, 2015 – *Chudov, S.I.* (2015). Uroven' obespecheniya prodovol'stvennoi bezopasnosti na russkom Severe v XIX – nachale XX veka [Level of food security in the Russian North in the 19th – early 20th centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* 7-1 (57): 194-197. [in Russian]

Magsumov et al., 2023 – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2023). Annual Publications of the Arkhangel'sk Provincial Statistical Committee as a Source on the Socio-Economic Development of the Arkhangel'sk Province in the Period 1850–1875. *Bylye Gody.* 18(3): 1207-1218.

Magsumov et al., 2023a – *Magsumov, T.A., Zulfugarzade, T.E., Kolotkov, M.B., Zinkovskii, S.B.* (2023). Yearly Publications Produced by the Arkhangel'sk Gubernia Statistics Committee as a Source on Socio-Economic Development of the Arkhangel'sk Governorate in early 20th century. *European Journal of Contemporary Education.* 12(3): 1082-1089.

Ежегодные издания Архангельского губернского статистического комитета как источник по социально-экономическому развитию Архангельской губернии периода 1876–1900 гг.

Тимур Альбертович Магсумов ^{a, b, c, *}, Теймур Эльдарович Зулфугарзаде ^d
 Михаил Борисович Колотков ^e, Сергей Борисович Зинковский ^f

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация

^d Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^e Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^f Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается группа ежегодных изданий Архангельского губернского статистического комитета периода 1876–1900 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nabonid1@yandex.ru (Т.А. Магсумов)

Источниковая база исследования состоит из повременных изданий Архангельского губернского статистического комитета периода 1876–1900 гг. Большинство таких изданий представлено ежегодными отчетами архангельского губернского статистического комитета. Помимо этого, единожды публиковались «Справочная книжка Архангельской губернии» и «Труды Архангельского губернского статистического комитета», а также эпизодично публиковались «Памятные книжки Архангельской губернии» и «Адрес-календари Архангельской губернии».

В заключении авторы отмечают, что 25-летие с 1876 по 1900 гг. ознаменовалось значительным сокращением научно-исследовательской работы Архангельского статистического комитета. Так, если в 1850–1875 гг. было опубликовано около 90 научно-исследовательских работ, то в 1876–1900 гг. их количество сократилось в 4 раза (без учета отдельных изданий), то есть до 22. Такое сокращение было связано с тем, что в губернии начали появляться альтернативные и более массовые периодические издания (например, газеты), которые для научно-исследовательских работ, посвященных Архангельской губернии, стали выделять значительное количество своих полос. Также важно отметить, что в период с 1876 по 1900 гг. происходит сокращение издаваемых комитетом изданий. Так, перестает издаваться «Архангельский сборник», и только по одному разу за 25 лет вышли «Справочная книжка Архангельской губернии» и «Труды Архангельского губернского статистического комитета».

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, Архангельская губерния, Российская империя, устойчивое развитие регионов, 1876–1900 гг., ежегодные издания, Архангельский губернский статистический комитет.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(4): 1909-1924
DOI: 10.13187/bg.2023.4.1909

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Vestnik Izyashchnykh Iskusstv” of 1880s as a Source on Art History (Art Critic Model)

Tikhon K. Ermakov ^{a,*}, Anastasia V. Kistova ^{a,b}, Natalya A. Sergeeva ^a, Anna A. Omelik ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk Art Museum named after V.I. Surikov, Russian Federation

Abstract

This study was carried out based on materials from the printed publication “Vestnik Izyashchnykh Iskusstv”, which was published in the period from 1883 to 1890 in the Russian Empire. During the research, articles by Alexander Ivanovich Somov, editor-in-chief of the “Vestnik Izyashchnykh Iskusstv”, historian and museum figure, and articles by Vladimir Vasilyevich Stasov, Russian art and music critic, art historian and public figure, were studied. Contribution of A.I. Somov and V.V. Stasov's work in art history is not limited to the time frame of the 19th century but continues to be relevant at the present time. During the existence of the magazine, articles by these two creative figures were devoted to the history of Russian and foreign art, aesthetics, art criticism and coverage of modern artistic technologies and trends. Using the articles of these authors, as well as biographical information, a model of a professional art critic was identified, which manifested itself in the activities of Somov and Stasov. In addition, their contribution to art history from a historical point of view is noted. The conceptual framework of this study was the theory of art of Vladimir Ilyich Zhukovsky – philosopher, art critic, artist, Doctor of Philosophy, and Natalya Petrovna Koptseva – Doctor of Philosophy, professor, head of the department of cultural studies and art history of the Siberian Federal University. This theory is formed on the basis of philosophical research in the field of visual thinking, theory of culture and theory of religion. In the context of this study, the model of a professional art critic presented in theory as a synthesis of three key manifestations is taken as a basis: an art critic-connoisseur, an art critic-researcher and an art critic-maieutic.

Keywords: professional art critic, art critic, A.I. Somov, history of art, model of art critic, V.V. Stasov, art criticism.

1. Введение

В конце XIX века журнал «Вестник изящных искусств» выступал в роли одного из самых заметных периодических изданий Российской империи, посвященных истории российского и зарубежного искусства. Большое внимание в журнале уделяется статьям, посвященным художественной критике разного рода. За всю историю существования журнала значительная часть публикаций была создана такими авторами и творческими деятелями, как Андрей Иванович Сомов и Владимир Васильевич Стасов.

Целью данного исследования является анализ публикаций А.И. Сомова и В.В. Стасова в журнале «Вестник изящных искусств» и построение модели искусствоведа конца XIX века на примере деятельности двух этих исторических личностей.

В качестве концептуальной рамки, задающей ход исследования, выступает теория искусства философа, искусствоведа, художника, доктора философских наук Владимира Ильича Жуковского и доктора философских наук, профессора, зав. кафедрой культурологии и искусствоведения

* Corresponding author

E-mail addresses: erm-tihon@mail.ru (T.K. Ermakov), kistochka7@mail.ru (A.V. Kistova), nasergeeva@sfu-kras.ru (N.A. Sergeeva), omelik@inbox.ru (A.A. Omelik)

Сибирского федерального университета Натальи Петровны Копцевой. В рамках данной концепции будет рассмотрена модель искусствоведа на примере деятельности Андрея Ивановича Сомова и его статей в журнале «Вестник изящных искусств», опубликованных в 1883 году. Будучи редактором журнала «Вестник изящных искусств» Сомов уже известен как искусствовед-профессионал в художественной сфере. Прекрасный знаток истории европейского и отечественного искусства, знаток частных собраний Западной Европы и отечественных коллекций, коллекционер зарекомендовал себя как профессионал в сфере искусствознания и музейного дела. В данной статье будут рассмотрены факторы, повлиявшие на формирование профессиональных качеств искусствоведа, три статьи Андрея Ивановича, в которых представлены его наработки по истории искусства и проявлены качества знатока, исследователя и майефтика. Владимир Васильевич Стасов (1824–1906) выдающийся российский историк искусства, художественный критик и общественный деятель, один из постоянных авторов журнала «Вестник изящных искусств» выступает в качестве второй исторической личности, искусствоведческая деятельность которого будет рассмотрена в статье через призму теории искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой с целью построения модели искусствоведа-профессионала Российской империи конца XIX века.

2. Материалы и методы

Статья написана на основе материалов всех номеров журнала «Вестник изящных искусств» выпущенных в период с 1883 по 1890 год. В качестве исследовательского материала были выбраны статьи А.И. Сомова, главного редактора «Вестника изящных искусств, историка и музейного деятеля, и статьи В.В. Стасова, российского художественного и музыкального критика, историка искусств и общественного деятеля. Статье этих авторов посвящены истории российского и зарубежного искусства, эстетике, художественной критике и освещению современных художественных технологий и тенденций. Кроме этого, в качестве исследовательского материала были использованы биографические данные об этих деятелях культуры.

Концептуальной рамкой данного исследования выступила теория искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой, сформированная на базе философских исследований в области визуального мышления, теории культуры и теории религии. В контексте данного исследования за основу берется представленная в теории модель искусствоведа-профессионала как синтеза трёх ключевых проявлений: искусствоведа-знатока, искусствоведа-исследователя и искусствоведа-майефтика.

В статье использованы общенаучные методы исследования: анализ, синтез, сравнение, интерпретация, моделирование, биографический метод, контент анализ, а также использован междисциплинарный подход в определении профессиональных качеств искусствоведа.

3. Обсуждение

«Вестник изящных искусств», издаваемый в период с 1883 по 1890 год, является богатым источником для исторических, литературных и искусствоведческих исследований.

В статье А.Е. Козлова «Порабощенное» и «освобожденное» искусство в эстетической критике Н.Д. Ахшарумова» (Козлов, 2022) рассматриваются ключевые работы критика и писателя Н.Д. Ахшарумова, выступившего в русской печати одним из первых теоретиков «порабощенного искусства». На основе текстов Н.Д. Ахшарумова, написанных специально для журнала «Вестник изящных искусств» (1884–1885 годов) автор прослеживает становление его эстетических взглядов.

Также А.Е. Козлов исследует литературную репутацию Н.Д. Ахшарумова и ее динамики в статье «Литературная репутация писателя-беллетриста: Н.Д. Ахшарумов в 1850–1880-е годы» (Козлов, 2021) на основе позиции писателя относительно писателей-современников и оппонентов, к которым он обращался в своих критических статьях, издаваемых в «Вестнике изящных искусств».

В сборнике научных трудов «Книжное дело в России во второй половине XIX - начале XX века» под редакцией Е.А. Голлербах, И.С. Зверевой и других (Голлербах и др., 1994) представлены статьи по истории крупнейших российских издательств и периодических органов печати, в том числе журнала «Вестник изящных искусств» а также по истории цензуры и бытованию книг.

Ю.Г. Благодер в двух своих статьях «Китайское искусство в России (по страницам журналов "Вестник изящных искусств", "Зодчий", конец XIX – начало XX вв.)» (Благодер, 2018) и «Восприятие китайского искусства творческой интеллигенцией императорской России» (Благодер, 2022) на основе публикаций периодического издания «Вестник изящных искусств» исследует роль китайского искусства в Российской империи конца XIX века и степень заинтересованности в нем российской интеллигенции того времени.

4. Результаты

С 1883 по 1890 год Петербургской Академией художеств издавался журнал по вопросам изобразительного искусства «Вестник изящных искусств». Несмотря на недолгое время своего существования, журнал внес большой вклад в развитие истории искусств благодаря регулярным публикациям, посвященным истории искусства, эстетике, технике искусств а также большое количество статей, посвященных художественной критике. Редактором журнала все время его

существования выступал Андрей Иванович Сомов – заметный историк искусств и музейный деятель того времени. Кроме этого, с «Вестником изящных искусств» на регулярной основе сотрудничал российский художественный и музыкальный критик, историк искусств и общественный деятель Владимир Васильевич Стасов. Опираясь на критические и искусствоведческие труды А.И. Сомова и В.В. Стасова, а также используя в качестве теоретической базы теорию искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой, в нашем исследовании мы рассмотрим модель искусствоведа конца XIX века, необходимые составляющие в искусствоведческой работе и влияние искусствоведа на идейные и эстетические представления российской интеллигенции Российской Империи XIX века, а также историческое значение искусствоведческих работ.

Исследование разделено на три части. В первой части подробно рассмотрена концептуальная база исследования - теория искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой. Данная часть посвящена раскрытию трех ключевых проявлений искусствоведа-профессионала: искусствоведа-знатока, искусствоведа-исследователя и искусствоведа-майевтика.

Во второй части исследования проводится анализ деятельности главного редактора журнала «Вестник изящных искусств» А.И. Сомова. Для анализа используются публикации «Вестника изящных искусств» а также биографические данные.

Третья часть посвящена анализу деятельности российского художественного и музыкального критика, историка искусств и общественного деятеля В.В. Стасова. Обоснован его вклад в искусствознание, и исследования в области стилистики и эстетики.

Модель искусствоведа-профессионала в теории искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой

Сформированная на базе философских исследований в области визуального мышления, теории культуры и теории религии, теория искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой является весьма функциональной концептуальной базой для проведения множества исследований в области теории и истории искусства. Сложное философско-научное основание работы способствует её развёртыванию не только для решения проблем в области чистого искусствознания, но и для проведения исследований в смежных областях, например, в сфере социологии искусства, психологии искусства и т. д. В частности, предложенная теоретическая схема создаёт концептуальную рамку для описания истории искусства, предлагая многоаспектное понимание роли и образа искусствоведа в системе искусства как таковой.

Именно к этой концептуальной модели мы и обращаемся в данной работе для определения и описания образа искусствоведа в периодических изданиях по искусству в Российской империи. Заранее выбранная концептуальная рамка позволяет решить проблему сопоставления материалов, источником которых являются различные издания и касающиеся различных искусствоведов. Мы понимаем, что заранее выбранное пространство «координат» в которые вписывается образ искусствоведа, несколько редуцирует изначальную сложность эмпирического материала, но, учитывая разнородность этого материала (поскольку образ искусствоведа содержится не только в прямых высказываниях о нём, но и косвенно – в его собственном творчестве), такая редукция кажется нам вполне оправданной.

Сущность концепции искусствоведа в теории искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой (Жуковский, Копцева, 2004; Жуковский, 2011) сосредоточена на синтетическом определении искусствоведа-профессионала как интегрировании трёх ключевых проявления: искусствоведа-знатока, искусствоведа-исследователя и искусствоведа-майевтика. Подразумевается, что все три типа компетенций присущи различным искусствоведческим школам, при этом их можно выделить на том основании, что различные исследовательские традиции акцентировали внимание на тех или иных аспектах профессиональной деятельности искусствоведа. Иными словами, интегративная сущность искусствоведа-профессионала носит, с одной стороны, пропедевтическую функцию, поскольку описывает некоторый идеальный образ исследователя, стремление к которому выступает специфическим камертоном для обучения нового поколения специалистов. С другой стороны, три аспекта искусствоведческой практики являются аналитической рамкой, способной выступить в качестве основания для рассмотрения истории искусствознания, а также установления отношений между различными искусствоведческими подходами.

Искусствовед-знарок в данном интегральном целом связан с решением проблемы атрибуции тех или иных произведений искусства с контекстом их производства (определение художника, актуально-исторического стиля, национальной школы и т. д.). Знаточество интуитивно определяется как первый этап собственно искусствоведческого исследования и в общем виде выступает основанием принципиальной возможности осуществления исследовательских операций (так к комплексу операций знатока относится, например, отличие подделки от оригинала, а значит, косвенно – первичное отличие искусства от неискусства). Атрибутивный характер деятельности знатока обуславливает и набор характеристик, присущих ему, а именно: энциклопедичность знаний, погруженность в историю искусства, широкое представление о творческой манере отдельных художников и т. д.

При этом важно отметить, что операциональность знатока обусловлена не столько наличием у него какой-либо конкретной методики атрибуции произведений, но специфическим полуинтуитивным схватыванием произведения искусства и сопоставления его со всем комплексом фактической информации, которой искусствовед-знаток владеет. Такая интуитивная деятельность искусствоведа-знатока делает его анализы практически невоспроизводимыми, а отдельных представителей знаточеского искусствоведения – уникальными специалистами и экспертами в области атрибуции конкретных произведений искусства в достаточно узком множестве явлений.

Искусствовед-исследователь являет собой аспект аналитического исследования произведения с целью выявления наиболее устойчивых элементов его художественной идеи. Исследователь, в отличие от знатока, работает с как бы заранее атрибутированным материалом, погружаясь в суть произведения, используя при этом набор достаточно строгих и устойчивых методологических приёмов. В результате исследователь способен понять сущность отдельного произведения и системы искусства в целом (на основании сопоставления и сравнения результатов отдельных аналитических операций), при этом полученные им результаты являются уже более обоснованными изнутри.

То есть интуитивное познание искусствоведа-знатока подразумевает объективность извне, когда обоснования для вывода приходят как бы после самого вывода, а их истинность обусловлена объективным существованием самого атрибутивного отношения. В то же время истинность вывода исследователя следует из всей цепочки его рассуждений и находит своё обоснование в логической строгости и непротиворечивости внутренней системы анализа произведения искусства.

Искусствовед-майевтик заключает в себе аспект «презентации» результатов работы исследователя и знатока, а его задача — обеспечить комфортное взаимодействие между зрителем и произведением искусства. Для решения этой задачи майевтик обладает как интуитивными механизмами понимания самого процесса общения зрителя и произведения, так и строгими операционными приёмами облегчение этой коммуникации. Ключевое отличие деятельности майевтика от предшествующих аспектов искусствоведа заключается в его ориентированности вовне, за пределы пространства искусства. Майевтик выступает связующим элементом между системой произведений искусства и зрителями, направляя и поддерживая плодотворное взаимодействие двух этих начинателей производства художественных образов.

Интегрируя все три аспекта в единое целое, В.И. Жуковский и Н.П. Копцева предлагают образ целостного искусствоведа-профессионала, способного маневрировать между тремя составляющими искусствоведческой практики, успешно осуществляя свою роль в рамках глобальной системы искусства. Важно подчеркнуть, что профессионал — это не оценочная характеристика деятельности того или иного специалиста, а констатация синтетической природы его творчества. В рамках последующего исследования интересно отметить и тот факт, что представления искусствоведа в одном из его аспектов может быть как внутренним (исходя из его деятельности), так и внешнем (оценка другими исследователями). В этом смысле взаимодействие внутреннего и внешнего описания позволяет понять потребности системы искусства в том или ином виде искусствоведческой деятельности и определить, с помощью каких механизмов искусствовед способен концептуализировать свою деятельность в общем пространстве научных работ своего времени.

«Вестник изящных искусств» 1880-х гг. как источник по истории искусства (модель искусствоведа)» на примере искусствоведческой деятельности Сомова Андрея Ивановича

В современном искусствознании модель искусствоведа профессионала представлена тремя составляющими: знаток, исследователь, майевтик. Авторы концепции – философ, искусствовед, художник, доктор философских наук Владимир Ильич Жуковский и доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой культурологии и искусствоведения Сибирского федерального университета Наталья Петровна Копцева в своей работе «Пропозиции теории изобразительного искусства» подробно рассматривают модель искусствоведа профессионала (Жуковский, Копцева, 2004: 240-265). Искусствовед — это профессионал, который выполняет «Адаптационную функцию медиатора между произведением искусства, с одной стороны, и зрителем, с другой, призван выполнять профессионал-искусствовед, деятельность которого может быть представлена единством таких частей, как «искусствовед-знаток», «искусствовед-исследователь», «искусствовед-майевтик» (Жуковский, 2010: 154).

По роду своей деятельности искусствоведам, в единстве знаток, исследователь, майевтик выступал Андрей Иванович Сомов (Рисунок 1), который внес свой неопределимый вклад в историю отечественного искусствознания. В современной исследовательской литературе отмечают, что профессионализм А.И.Сомова на должности редактора журнала «Вестник изящных искусств» способствовал объединению представителей демократических взглядов и сторонников академической науки, в период явного противостояния художественно-эстетических позиций (Мартынов, 1997: 57). Будучи редактором журнала, как отмечает в своих исследовательских работах И.Н. Мартынов, деятельность Сомова способствовала появлению таких важных для истории искусствознания факторов развития, как специализация, когда в журнале появляются авторы, чье поле исследований определено конкретной областью познания, что способствовала формированию более точных знаточеских качеств; развития исторического метода,

междисциплинарного подхода, который учитывал знания в области литературы, мифологии, религии, библиографии, музееведения. Поиск анализа и описания художественных произведений требовал новых методов исследования (Мартынов, 1997: 54-64). Редактор успешно решал вопросы, привлекая к деятельности в журнале специалистов разных эстетических взглядов и специалистов разных направлений в художественной среде. Все это говорит о том, что редактор журнала как искусствовед мог целостно смотреть на историю развития художественного искусства.

Рис. 1. К. А. Сомов. Портрет А. И. Сомова. 1897 Холст, масло. 95 × 65 см Русский музей, Санкт-Петербург

В Вестнике представлены три работы А.И. Сомова: заметка «И.И. Шишкин как гравёр» (Сомов, 1883: 183-191), «Женщины-художницы» (Сомов, 1883а: 356-383), (Сомов, 1883б: 489-524), все они написаны в один 1983 год. Позже рассмотрим, как профессиональные качества искусствоведа А.И. Сомова проявились в его публицистической деятельности.

Обратимся к биографическим данным и посмотрим, какие факторы могли повлиять на становление искусствоведа, профессионала А.И. Сомова. Родился Андрей Сомов в 1830 году в селе Отрада Клинского уезда Московской губернии. В 1839 году переехал в Санкт-Петербург и обучался в Ларинской гимназии, параллельно давал уроки математики в частных домах. В 1854 году окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. В студенческие годы Андрей Иванович продолжал преподавать математику в частном пансионе. С 1855 года преподавал физику в Горном институте и Морском военном корпусе в Санкт-Петербурге. Преподавательская деятельность не могла не отразиться в будущем на майевтических качествах искусствоведа Сомова. С 1863 по 1886 годы Андрей Иванович работал в Императорской Академии наук письмоводителем, занимался ведением канцелярских дел, с 1871 года работал переводчиком и помощником редактора академических «Записок». Позднее Сомов переведет первый том «Истории искусства» К. Вёрмена. В 1867 году он становится титулярным советником. За отличие в службе произведен в чин коллежского асессора.

Становление Андрея Ивановича как искусствоведа – знатока началось с его интереса к изобразительному искусству, которое он подпитывал и развивал, посещая рисовальные классы. Известно, что Андрей Иванович являлся учеником известного академика, портретиста Филиппа Осиповича Будкина. В 1860-е годы он увлечен изучением истории искусства и постижением гравюрной техники. Это увлечение перерастает в труд А.И. Сомова по руководству для гравёров. В 1871 году в свет выходит «Краткое руководство к гравированию на меди крепкой водкой: По Делешану, Лаланну... и др.» (Рисунок 2) (Сомов, 1871). Изначально руководство представляло свод правил, выпущенных в виде литографированных записок, и позднее уже появилась потребность в издании печатного сочинения. Будучи членом «Художественной Артели» А.И. Сомов увлекся гравированием, любовь к которому, как пишет сам Андрей Иванович, усилилась в период путешествий по Западной Европе (Сомов, 1871: 1). Техником аквафортного дела Сомов овладел под руководством гравера Т.Д. Дмитриева, свое мастерство совершенствовал в мастерской Общества аквафортистов в Париже. В кружке петербургских живописцев Сомов проявляет свои майевтические

способности, он не только подготавливал медные доски, лаки, но и объяснял на практике приемы гравирования. Знаточеские качества мастера гравирования проявились в беседах, где Сомов систематизировал правила аквафорты «на основании собственных опытов и лучших иностранных пособий» (Сомов, 1871: 1). Помимо техники гравирования по меди крепкой водкой, автор приводит некоторые побочные и вспомогательные способы гравирования: сухая игла, гравирование под тушь (au lavis) (Сомов, 1871: 48), густым соляным составом (Сомов, 1871: 49) и другие.

Будучи знатоком и исследователем гравировальной техники в период своей деятельности в журнале «Вестник изящных искусств» Андрей Иванович Сомов в первом номере выпускает статью-записку «И.И. Шишкин как гравер» (Сомов, 1883: 183-191), где прилагает полный список офортов и цинкографии И.И. Шишкина из коллекции знатока живописи Е.Е. Рейтерна, который значился членом Общества поощрения художеств и был коллекционером уникального собрания гравюр.

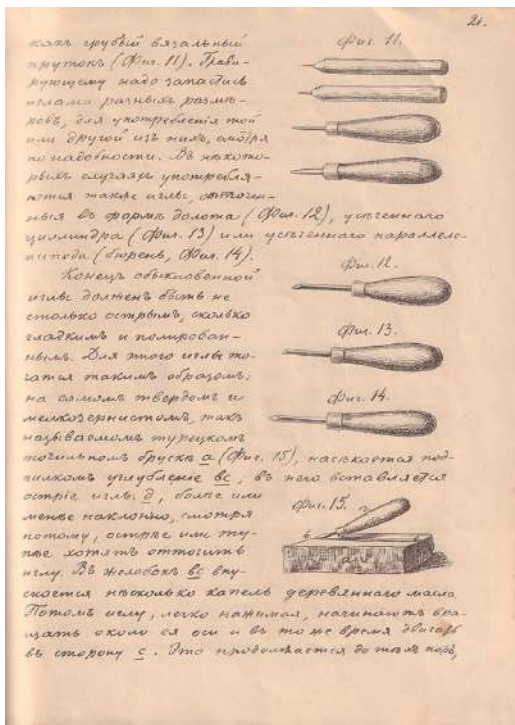

Рис. 2. Сомов, А.И. Краткое руководство к гравированию на меди крепкой водкой: По Делешану, Лаланну, Перро, Фильдингу и др.
Источник: bidspirit [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.bidspirit.com>

Обратимся к самой статье, которая представляет нам возможность взглянуть на искусствоведа А.И. Сомова как на знатока и исследователя вот что он пишет о технике гравирования на меди крепкую водкой: «Этот род гравюры, простой по своим приемам и благородный по результатам, прежде всего и пуще, требует от художника умения хорошо рисовать и некоторого навыка работать пером и мокрою тушью» (Сомов, 1883: 185). Шишкин, как пишет автор статьи, на момент, когда собрался работать с доской, уже искусно владел карандашом и пером, гравировальной иглой и славился своим мастерством и техникой рисовальщика (Сомов, 1883: 184). Первые две гравюры мастера были вытравлены в Цюрихе, где И.И. Шишкин проходил обучение в 1864 году, однако впоследствии вернуться к гравированию он смог только спустя годы, когда в 1870 году в Петербурге образовался кружок под названием «Общество русских аквафортистов» (Сомов, 1883: 185). В этот период художник выпускает свои известные в кругах коллекционеров и знатоков искусства гравюры как на отдельных листах, так и сериями. Сомов пишет, что в поисках способов размножения своих композиций Шишкина проводит ряд опытов с цинкографией или, как называет сам Шишкин, «выпуклого форта» (Сомов, 1883: 185), лучшие результаты были выпущены в журнале «Пчела». Как знаток истории русского искусства, Андрей Иванович отмечает специфику работы художника, говорит о его мастерстве пейзажной живописи, мастерстве рисовальщика, знатке растительных форм с тонким пониманием как общего характера природы, так и тонких отличительных черт. Однако, как отмечает искусствовед А.И. Сомов, наука форм далась И.И. Шишкину в ущерб для колорита (Сомов, 1883: 184). Гравюра «Крымский вид» (Рисунок 3) опубликована в первом выпуске журнала «Вестник Изящных искусств» 19823 года.

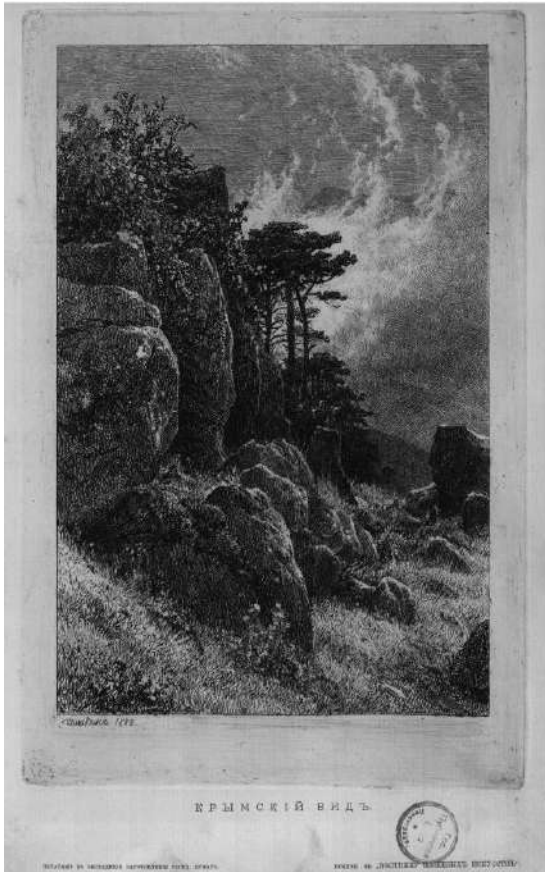

Рис. 3. Шишкин И.И. «Крымский вид», гравюра, размер листа 28,1x20 см, размер оттиска 24,2x15,8 см.

Формирование А.И. Сомова как искусствоведа-знатока, искусствоведа-исследователя продолжалось в период его работы в Картинной галерее Академии художеств. В современной исследовательской литературе, посвященной музейному делу, особое место отведено работе Андрея Ивановича как одному из авторитетных специалистов в области истории искусства, который, как отмечает исследователь статьи И.Н. Мартынов «Каталог Картинной галереи Эрмитажа А. И. Сомова и его роль в истории музейного дела России» успешно «решил задачу упорядочивания живописного собрания Академии художеств» (Мартынов, 2012: 26). Автор указывает на формирование профессиональных качеств А.И. Сомова как историка искусства, чему способствовала знаточеская среда, в которой находился искусствовед. Это и знакомство с крупнейшими собраниями художественных музеев, изучение новейших исследований того времени, знакомство и общение с коллекционерами-знатоками современного европейского искусства и отечественного искусства. На протяжении всей своей деятельности у Сомова прекрасно сформировался профессиональный навык определять художественные качества вещи, давать историческую интерпретацию, выработать новые приемы исследования (Мартынов, 2012: 28-29).

Работа редактора журнала по времени совпадает с преподавательской деятельностью профессора Андрея Ивановича в одном из первых высших учебных в России – Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге. Следует отметить, что он также был преподавателем истории изящных искусств в Смольном институте и Александровском училище (Качалина и др., 2004: 137) В период с 1885–1886 года выходят лекции профессора А.И. Сомова «История изящных искусств. 1885–1886 г.» (Рисунок 4). Будучи автором каталогов коллекций Императорской Академии искусств, автором первого руководства по Картинной галерее «Картинная галерея Эрмитажа» 1859 года (Качалина и др., 2004: 136). Сомов хорошо знаком с художественными произведениями. Его интерес в области каталогизации в музеях Западной Европы сформировала обширные познания в области западноевропейской истории искусства. Он тщательно подготавливал каталоги, записывал все известные о произведении факты, с точностью атрибутировал картины. Профессиональные качества искусствоведа – исследователя, способствовали обобщению материала, который был представлен в виде цикла лекций по «Истории изящных искусств».

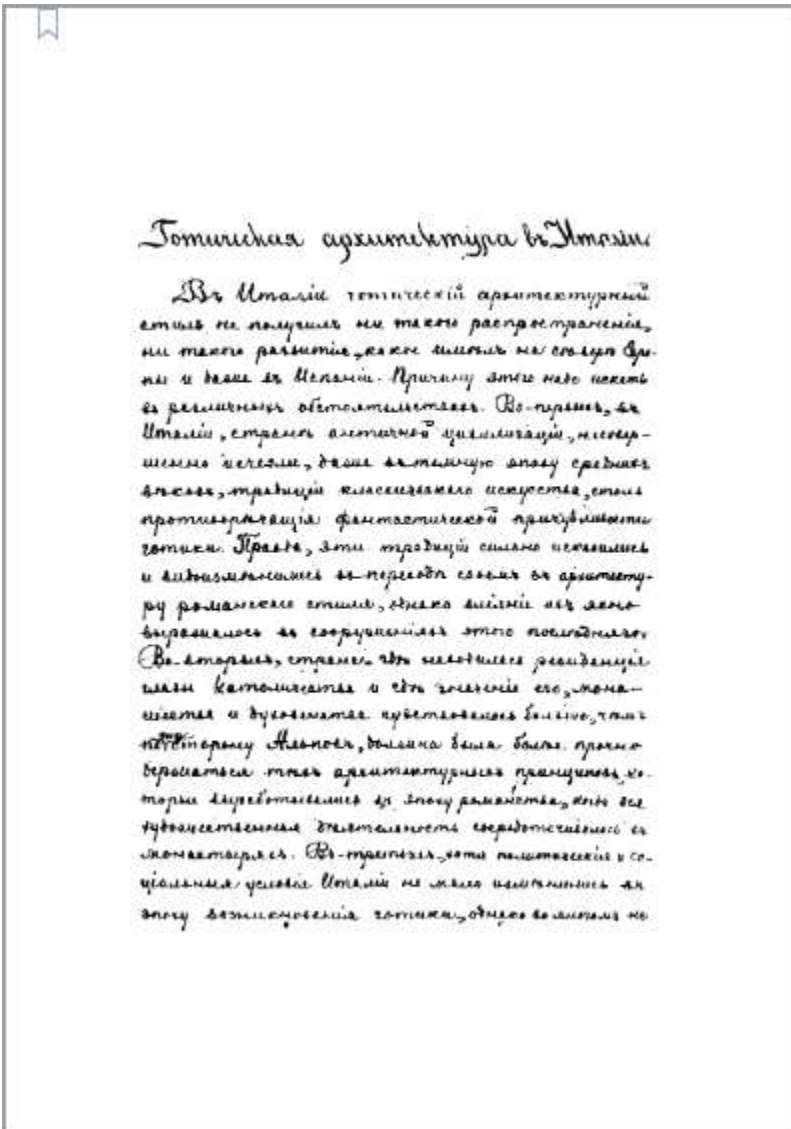

Рис. 4. Сомов, А. И. История изящных искусств: Лекции профессора А.И. Сомова
 Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://e.lanbook.com/book/32132>
 (дата обращения: 04.11.2023)

Обратимся к двум статьям искусствоведа А.И. Сомова, которые посвящены женщинам-художницам. В предисловии автор задается вопросом: «Будут ли когда-нибудь замечательные художницы в нашей школе, как были замечательные художники?» (Сомов, 1883: 359). Ответ на свой вопрос искусствовед-исследователь ищет в истории искусства. Знаток искусства Сомов систематизирует обзор разных эпох и стран, приводит значительное количество известных художниц и их работ, отмечая специфику их мастерства, особенности стиля. Искусствовед-исследователь анализирует актуально-исторический аспект, исторические события, которые могли повлиять на формирование мироотношения в разных странах, которые определили место женщин в бытовом и культурном пространстве. Рассматривая образ женщины-художницы, автор отмечает, что на ее формирование также повлияла и культурная среда, в которой родилась и воспитывалась художница. Так, отмечает Сомов, значительное большинство женщин-художниц родились в творческих семьях, где художественное воспитание было неотъемлемой частью повседневного быта. Уделяет внимание и женщинам-художницам, чье творчество стало служением Богу, их миссия заключалась в иллюстрировании священных книг и созданию произведений религиозного характера.

В 1886 году А.И. Сомов получает должность старшего хранителя Картинной галереи Эрмитажа. Сформировавшийся искусствовед-знаток, исследователь работает над одной из важных в истории музееведения – работой по каталогизации картинной галереи Эрмитажа. Исследователь И.Н. Мартынов отмечает, что каталог, созданный А.И. Сомовым, можно рассматривать «как первое глубокое научное описание живописной коллекции Эрмитажа» (Мартынов, 2012: 38). К этой работе искусствовед Сомов готовил себя и прошел большой путь становления как профессионала искусствоведа. С 1891 года А.И. Сомов становится сотрудником редакции Русского универсального

отечественной художественной культуры в ее самобытности и взаимосвязи с другими художественными традициями. Рассмотрим эти принципы подробнее.

Строгий научный подход В.В. Стасова к рассматриваемому материалу проявляется, прежде всего, в структурах его статей. В начале следует вступление с обозначением актуальности обращения к выбранной теме и постановкой задачи. Затем идет изложение основного материала с разделением на логические части, внутри которых материал представляется максимально подробный, с опорой на источники и свидетельства очевидцев. При этом строгость научного подхода легко соседствует с выразительным художественным стилем изложения автора и четким обозначением собственной авторской позиции и авторского мнения относительно фактов, явлений, событий, высказываний и суждений других исследователей. Можно сказать, что Владимир Васильевич Стасов представляет собой образец интеграции качеств знатока и исследователя истории искусства с качествами художественного критика, решающего задачу быть посредником между миром художественной культуры и обычного человека – зрителя и читателя.

Лучше всего обозначенные принципы проявляются в его статьях, посвященных художникам, в каждом из которых Стасов ищет истоки самобытности его таланта и оригинальности его стиля, обращаясь к подробностям биографии и культурного контекста. Почти все его статьи о персоналиях ставят своей задачей внесение как можно более полной ясности и объективности в представление широкой общественности о вкладе того или иного человека в развитие отечественного или мирового искусства и культуры: «Мне все это давно уже кажется великою несправедливостью, и я даже пробовал показать истинное значение это русского, истинно национального художника. Долго ли мои попытки останутся гласом вопиющего в пустыне – не знаю, но все твердо верую, что и для Горностаева, как для нескольких других значительнейших русских художников, когда-нибудь настанет верный суд потомства, а до тех пор хочу попытаться написать, возможно, полную его биографию» (Стасов, 1888а: 440).

Изложение биографических сведений о художнике Стасов неизменно начинает с подробнейшего описания членов семьи, окружения, условий жизни в детстве, раскрывая сложные и часто неочевидные причины и пути формирования художественных интересов и предпочтений: «Это национальное настроение и глубокая симпатия ко всему отечественному, царствовавшая на баташевских заводах до самой смерти И.Р. Баташева, т.н. до 1821 г., конечно, с ранней молодости наложили свою печать на понятия и вкусы молодого Алексея Горностаева» (Стасов, 1888а: 444).

Большое внимание автор уделяет рассмотрению художественного и культурного контекста соответствующего времени жизни и творчества художника, давая точные характеристики общих процессов и выстраивая связи творческой судьбы отдельного мастера с траекториями и интересами других, подчас более известных художников: «Многие русские художники выезжали из Петербурга и отправлялись в Италию с твердым намерением снимать шапку и низко кланяться одной только классической архитектуре. Но пробужденное свое собственное чувство, да на придачу пример немецких, французских и английских художников, принявшихся в то время изучать европейское искусство также и за его средневековую пору, повлекли русских художников на новые пути, на новые изучения и обожания» (Стасов, 1888а: 455).

Исследуя творчество отечественных мастеров, В.В. Стасов ищет прежде всего истоки и черты «русского стиля» и русских традиций: «А главное, он с самого своего детства был наполнен любовью к древнему русскому отечественному своему искусству, которое знал потому, что видел вокруг себя его создания почти с того дня, когда открыл глаза, и которое было ему сродни точь-в-точь столько же, как сродни приходится русская народная песня русскому человеку из народа, слышавшему ее с первого дня своего рождения» (Стасов, 1888а: 466).

Говоря о «русском стиле» Стасов часто сравнивает его с образцами западноевропейских и восточных стилей, определяя сложную диспозицию отечественных традиций, мастеров, произведений искусства: «Архитектура Горностаева была всегда искренняя, непритворная и неподдельная, быть может, подчас грубоватая и лишенная «тонкости» и «деликатности»; но, по моему мнению, этого не надо считать великим пороком. Русский архитектурный стиль есть стиль не галантерейный и изнеженный, а по преимуществу тот, который всего более имеет родства со стилем романским – стилем мощным, крепким, коренастым, собранным в самом себе» (Стасов, 1888а: 467).

Отдельного внимания заслуживают статьи В.В. Стасова, посвященные исчезнувшим из фондов Императорского Эрмитажа произведениям искусства. В рассматриваемом временном периоде Стасов опубликовал две статьи, в одной из которых был представлен подробный обзор известных автору графических произведений, в том числе рисунки Гольбейна, которые были утрачены. Эти статьи представляют результаты собственного расследования Стасова по выяснению причин их исчезновения и, что самое важное, являются чуть ли не единственным свидетельством их пребывания в России: «Но в последствии в Публичной библиотеке постепенно накопилось немало книг и брошюр прошлого и нынешнего столетий, по которым я имел возможность проследить всю историю оригиналов Гольбейна. Ее-то я хочу изложить здесь, теперь» (Стасов, 1888: 233).

Эта линия научного интереса В.В. Стасова представляет его как архивного деятеля и историка отечественной культуры: «Но я буду считать свою настоящую работу не излишнею, если и другие после меня приложат старания к тому, чтобы определить и указать, каких еще художественных драгоценностей, нам когда-то принадлежавших, нет уже больше у нас» (Стасов, 1888: 227).

Интересна статья В.В. Стасова, посвященная описанию и стилистическому анализу произведения декоративно-прикладного искусства – трона Хивинских ханов, переданного в Оружейную палату и долго находящегося в фондах без представления публике: «Сообщаемые здесь исторические сведения о троне Хивинском, как видит читатель, в высшей степени интересны и важны, и теперь было уже очень пора получить их и сообщить во всеобщее известие. Ни в каких официальных бумагах не сохранилось их следа; частным лицам они были, по-видимому, вовсе не известны, и, не будь настоящего случайного запроса, они, вероятно, так и остались бы неизвестными навсегда» (Стасов, 1886а: 410).

Автор подробнейшим образом описывает внешний вид, размеры, материал, конструкцию и декоративные элементы трона, выявляя его стилистическую определенность в сравнении с подобными произведениями персидских мастеров. И приходит к выводу, что в произведении вместе с иранскими традициями проявлены собственные среднеазиатские.

При обращении В.В. Стасова к критическому обзору современных источников по отдельным вопросам истории искусства вновь проявляется его энциклопедический подход к вопросу: подробное рассмотрение материала, широкий кругозор, стремление к объективности и полноте фактов, опора на источники. Для обзора автор выбирает те источники, которые приоткрывают новые страницы в истории искусства, рассматривают примеры проявления самобытных традиций, посвящены образцам и мастерам отечественного искусства: «Только в новейшее время африканская христианская архитектура обратила на себя должное внимание западных путешественников, ученых и неученых, знатоков и простых любителей, и плодом этого явились такие книги, которых рисунки и описания дают делу совершенно новый поворот, выдвигая на сцену новую, до сих пор неизвестную, архитектуру» (Стасов, 1885b: 428).

Часто исследователь добавляет к обзору источников собственные рассуждения: «Поэтому я приведу здесь этот любопытный и, вероятно, для всех нас новый документ в настоящем его виде, а потом прибавлю к его тексту несколько своих соображений» (Стасов, 1889: 382).

Главной задачей своей деятельности как историка и знатока отечественного искусства Владимир Васильевич Стасов считает исследование истоков русского искусства и знакомство широкой публики со всем его богатством и разнообразием: «Мы можем радоваться тому, что из среды наших великолепных коллекций многое снято и свезено в один из знаменитейших музеев Западной Европы. Сотни тысяч людей познакомятся теперь с нашими изумительными сокровищами. Но от этих коллекций до действительного русского искусства, особливо во всей его полноте, еще очень далеко. Англичане, кажется, этого еще не подозревают» (Стасов, 1885: 182).

Таким образом, можно сделать вывод, что научная деятельность Владимира Васильевича Стасова, представленная статьями в журнале «Вестник изящных искусств» Императорской Академии художеств в период с 1883 по 1889 годы, обладает признаками модели искусствоведа-знатока, искусствоведа-исследователя и искусствоведа-майевтика согласно современной теории изобразительного искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой. Все статьи В.В. Стасова, вне зависимости от предмета исследования, базируются и представляют читателю обширный знаточеский материал и знаточескую точку зрения на искусство. Одновременно с этим знаточеская база разворачивается в сторону исследовательских задач, связанных прежде всего с вопросами стилистического анализа как творчества отдельных мастеров и произведений искусства, так и целых периодов истории искусства. Майевтическая составляющая деятельности Стасова проявляется с выразительной стилистикой речи, прямыми обращениями к читателям статей и в выборе тем. Предметом искусствоведческого интереса Владимира Васильевича чаще всего являются современные ему авторы и явления, что само по себе задача сложная и ответственная. Однако Стасов прекрасно с этой задачей справляется, являя собой первый в истории русской культуры образец искусствоведа-профессионала в единстве всех трех аспектов деятельности: знатока, исследователя и майевтика.

5. Заключение

Результатом исследования, проведенного на основе теории изобразительного искусства Жуковского и Копцевой по материалам статей, опубликованных в журнале «Вестник изящных искусств» в 1880-х годах, стало следующее:

- Теория искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой, сформированная на базе философских исследований в области визуального мышления, теории культуры и теории религии, может являться функциональной концептуальной базой для проведения исследований в области теории и истории искусства, в частности, для проведения исследований искусствоведческой деятельности отдельных исторических личностей.

- Андрей Иванович Сомов представлял собой искусствоведа-профессионала, сочетающего в своей искусствоведческой деятельности все три составляющие модели искусствоведа согласно теории

искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой: искусствовед-знаток, искусствовед-исследователь и искусствовед-майевтик.

- Знаточеские качества деятельности А.И. Сомова раскрылись в его преподавательско-профессорской деятельности, а также в редакторской работе над журналом «Вестник изящных искусств». Как редактор журнала Сомов оказал значительное влияние на развитие таких важных для истории искусствознания факторов развития, как специализация, развитие исторического метода и междисциплинарного подхода к искусствознанию, учитывающего знания в области литературы, мифологии, религии, библиографии, музееведения. Все это не только обогатило искусствознание как науку, но и способствовало развитию знаточеской среды для взращивания профессионалов в этой сфере. Также знаточеские качества Сомова развивались благодаря практическому увлечению искусством гравюры и аквафортного дела.

- Исследовательские и майевтические качества А.И. Сомова проявились в его публицистической деятельности. В журнале «Вестник изящных искусств» под его авторством было издано достаточное количество статей, затрагивающих разные аспекты истории искусств. Кроме этого, огромный вклад в искусствоведение Сомовым был внесен благодаря работе над каталогизацией произведений искусств, в том числе созданию каталога картинной галереи Эрмитажа.

- Научная деятельность В.В. Стасова, представленная статьями в журнале «Вестник изящных искусств» Императорской Академии художеств в период с 1883 по 1889 годы, обладает признаками модели искусствоведа-знатока, искусствоведа-исследователя и искусствоведа-майевтика согласно современной теории изобразительного искусства В.И. Жуковского и Н.П. Копцевой.

- Статьи В.В. Стасова, вне зависимости от предмета исследования, базируются и представляют читателю обширный знаточеский материал и знаточескую точку зрения на искусство. Одновременно с этим знаточеская база разворачивается в сторону исследовательских задач, связанных прежде всего с вопросами стилистического анализа, в особенности исследований истоков русского стиля в искусстве, а также творчества отдельных мастеров и произведений искусства, как и целых периодов истории искусства.

- Майевтическая составляющая деятельности Стасова проявляется в выразительной стилистике речи, прямых обращениях к читателям статей и в выборе тем для публицистической деятельности.

Литература

Благодер, 2018 – Благодер Ю.Г. Китайское искусство в России (по страницам журналов "Вестник изящных искусств", "Зодчий", конец XIX – начало XX вв.). Россия – Китай: история и культура: Сборник статей и докладов участников XI Международной научно-практической конференции, Казань, 18–20 октября 2018 года // *Академия наук Республики Татарстан*. 2018. С. 46-52.

Благодер, 2022 – Благодер Ю.Г. Восприятие китайского искусства творческой интеллигенцией Императорской России / VI Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона: Материалы Международной научно-практической конференции, 2022 года // Иркутский государственный университет, 2023. С. 89-94.

Ватсон, Стасов, 1884 – Ватсон М.В., Стасов В.В. Франсиско Гойя // *Вестник изящных искусств*. 1884. Т.2. Вып. 5. С. 350-369.

Ватсон, Стасов, 1884а – Ватсон М.В., Стасов В.В. Франсиско Гойя (окончание) // *Вестник изящных искусств*. 1884а. Т.2. Вып. 6. С. 373-398.

Голлербах и др., 1994 – Голлербах Е.А., Зверева И.С., Ансберг О.Н. Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века / *Сборник научных трудов*. Вып. 7. Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 1994. 200 с.

Дегтяренко и др., 2022 – Дегтяренко К.А., Менжуренко Ю.Н., Пчелкина Д.С., Шпак А.А. Древние художественные произведения Центральной Сибири // *Журнал Сибирского федерального университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 6. С. 799-810.

Жуковский, Копцева, 2004 – Жуковский В.И., Копцева Н.П. Пропозиции теории изобразительного искусства: учебное пособие / Министерство образования Российской Федерации, Красноярский государственный университет. 2004. 265 с.

Жуковский, 2010 – Жуковский В.И. Искусствовед-профессионал: единство знатока, исследователя, майевтика // *Успехи современного естествознания*. 2010. № 3. С. 153-155.

Качалина и др., 2004 – Качалина Г.И., Маришкина В.Ф., Яковлева Е.М. Сотрудники императорского Эрмитажа, 1852-1917: биобиблиогр. справочник / Гос. Эрмитаж. СПб., 2004. 172 с.

Козлов, 2021 – Козлов А.Е. Литературная репутация писателя-беллетриста: Н. Д. Ахшарумов в 1850-1880-е годы. Тарту: University of Tartu Press, 2021. 242 с.

Козлов, 2022 – Козлов А.Е. «Порабощенное» и «освобожденное» искусство в эстетической критике Н.Д. Ахшарумова // *Вестник Томского государственного университета*. Культурология и искусствоведение. 2022. № 45. С. 124-135.

- Копцева, Пименова, 2020** – Копцева Н.П., Пименова Н.Н. Своеобразие культурных сообществ сегодня: опыт изучения трансформаций в культурных пространствах и классификация Т.Х. Эриксона // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2020. Т. 4. № 3. С. 57-69.
- Мартынов, 1997** – Мартынов И.Н. А. И. Сомов – редактор «Вестника изящных искусств» // *Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры Уральского государственного университета*. 1995–1996. Екатеринбург: [УрГУ], 1997. С. 54-64.
- Мартынов, 2012** – Мартынов И.Н. Каталог Картинной галереи Эрмитажа А. И. Сомова и его роль в истории музейного дела России // *ВМ*. 2012. №2 (6).
- Сергеева, Замараева, 2023** – Сергеева Н.А., Замараева Ю.С. Создание новых художественных объединений в советском изобразительном искусстве 1917-1922 гг. // *Журнал Сибирского федерального университета*. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 7. С. 1043-1061.
- Сергеева, 2023** – Сергеева Н.А. Понятие «визуальность» в современных теории и истории искусства // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. Т. 7, № 2. С. 108-115.
- Сергеева, 2023a** – Сергеева Н.А. Методологические подходы к исследованию визуальной культуры // *Сибирский антропологический журнал*. 2023. Т. 7. №3. С. 37-43.
- Ситникова, Ли, 2022** – Ситникова А.А., Ли С. Образ Китая в творчестве Красноярского художника Сергея Форостовского // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. Т. 6, № 4. С. 87-98.
- Сомов, 1871** – Сомов А.И. Краткое руководство к гравированию на меди крепкой водкой: По Делешану, Лаланну... и др. Санкт-Петербург, 1871. 80 с.
- Сомов, 1883** – Сомов А.И. И.И. Шишкин, как гравер // *Вестник изящных искусств*. 1883. Т. 1(1). С. 193-191.
- Сомов, 1883a** – Сомов А.И. Женщины – художницы // *Вестник изящных искусств*. 1883. Т. 1(3). С. 356-383.
- Сомов, 1883b** – Сомов А.И. Женщины – художницы // *Вестник изящных искусств*. 1883. Т. 1(4). С. 489-524.
- Сомов, 2013** – Сомов А.И. История изящных искусств: Лекции профессора А.И. Сомова. Санкт-Петербург: Лань, 2013. 238 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://e.lanbook.com/book/32132> (дата обращения: 04.11.2023).
- Стасов, 1883** – Стасов В.В. Василий Васильевич Верещагин // *Вестник изящных искусств*. 1883. Т. 1. Вып. 1. С. 98-128.
- Стасов, 1883a** – Стасов В.В. Василий Васильевич Верещагин (окончание) // *Вестник изящных искусств*. 1883a. Т. 1. Вып. 2. С. 238-278.
- Стасов, 1884** – Стасов В.В. Вячеслав Григорьевич Шварц // *Вестник изящных искусств*. 1884. Т. 2. Вып. 1. С. 25-63.
- Стасов, 1884a** – Стасов В.В. Вячеслав Григорьевич Шварц (окончание) // *Вестник изящных искусств*. 1884a. Т. 2. Вып. 2. С. 112-142.
- Стасов, 1885** – Стасов В.В. Новые иностранные книги о русском искусстве // *Вестник изящных искусств*. 1885. Т. 3. Вып. 2. С. 163-191.
- Стасов, 1885a** – Стасов В.В. Василий Александрович Прохоров // *Вестник изящных искусств*. 1885. Т. 3. Вып. 4. С. 320-360.
- Стасов, 1885b** – Стасов В.В. Коптская и эфиопская архитектура // *Вестник изящных искусств*. 1885. Т. 3. Вып. 6. С. 427-472.
- Стасов, 1886** – Стасов В.В. Русская деревянная архитектура в Галиции // *Вестник изящных искусств*. 1886. Т. 4. Вып. 4. С. 322-343.
- Стасов, 1886a** – Стасов В.В. Трон хивинских ханов // *Вестник изящных искусств*. 1886. Т. 4. Вып. 6. С. 405-417.
- Стасов, 1887** – Стасов В.В. Иван Семенович Богомолов. Биографический очерк // *Вестник изящных искусств*. 1887. Т. 5. Вып. 1. С. 67-85.
- Стасов, 1887a** – Стасов В.В. Живопись Штернберга // *Вестник изящных искусств*. 1887. Т. 5. Вып. 5. С. 365-432.
- Стасов, 1888** – Стасов В.В. Художественные произведения, исчезнувшие из Императорского Эрмитажа // *Вестник изящных искусств*. 1888. Т.6. Вып. 3. С. 227-256.
- Стасов, 1888a** – Стасов В.В. А.М. Горностаев // *Вестник изящных искусств*. 1888. Т. 6. Вып. 6. С. 439-480.
- Стасов, 1889** – Стасов В.В. Паоло Веронезе на допросе у Инквизиции // *Вестник изящных искусств*. 1889. Т. 7. Вып. 4. С. 381-391.
- Стасов, 1889a** – Стасов В.В. Новые сведения о «Пляске смерти» Гольбейна в России // *Вестник изящных искусств*. 1889. Т.7. Вып. 5. С. 476-485.
- Koptseva, Sereckina, 2021** – Koptseva N.P., Sereckina N.N. The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 343-356. DOI: 10.13187/bg.2021.1.343

[Koptseva et al., 2021](#) – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Menzhurenko Yu.N. The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 2043-2052. DOI: 10.13187/bg.2021.4.2043

[Koptseva et al., 2016](#) – Koptseva N.P., Luzan V.S., Razumovskaya V.A., Kirko V.I. The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy // *International Journal for the Semiotics of Law*. 2016. Vol. 29, No. 2. Pp. 1-28.

[Koptseva, 2022](#) – Koptseva N.P., Sitnikova A.A. Historical Memory of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Evenk Municipal District: Methodological Approaches to Research // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 15. Is. 5. Pp. 666-678.

References

[Blagoder, 2018](#) – Blagoder, Yu.G. (2018). Kitaiskoe iskusstvo v Rossii (po stranitsam zhurnalov "Vestnik izyashchnykh iskusstv", "Zodchii", konets XIX – nachalo XX vv.) [Chinese art in Russia (according to the pages of the magazines "Vestnik izyashchnykh iskusstv", "Zodchii", late XIX – early XX centuries)]. *Rossiya – Kitai: istoriya i kul'tura: Sbornik statei i dokladov uchastnikov XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Kazan', 18–20 oktyabrya 2018 goda*. Akademiya nauk Respubliki Tatarstan. Pp. 46-52. [in Russian]

[Blagoder, 2022](#) – Blagoder, Yu.G. (2022). Vospriyatie kitaiskogo iskusstva tvorcheskoi intelligentsiei Imperatorskoi Rossii [The Perception of Chinese Art by the Creative Intelligentsia of Imperial Russia]. *VI Gotlibovskie chteniya: Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 2022 goda*. Irkutskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 89-94. [in Russian]

[Degtyarenko i dr., 2022](#) – Degtyarenko, K.A., Menzhurenko, Yu.N., Pchelkina, D.S., Shpak, A.A. (2022). Drevnie khudozhestvennye proizvedeniya Tsentral'noi Sibiri [Ancient art works of Central Siberia]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 15(6): 799-810. [in Russian]

[Gollerbakh i dr., 1994](#) – Gollerbakh, E.A., Zvereva, I.S., Ansberg, O.N. (1994). Knizhnoe delo v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Bookmaking in Russia in the second half of the 19th - early 20th centuries: Collection of scientific works]. *Sbornik nauchnykh trudov*. Vyp. 7. Sankt-Peterburg: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, 200 p. [in Russian]

[Kachalina i dr., 2004](#) – Kachalina, G.I., Marishkina, V.F., Yakovleva, E.M. (2004). Sotrudniki imperatorskogo Ermitazha, 1852-1917: biobibliogr. spravochnik [Employees of the Imperial Hermitage, 1852-1917: biobibliogr. directory]. Gos. Ermitazh. SPb., 172 p. [in Russian]

[Koptseva et al., 2016](#) – Koptseva, N.P., Luzan, V.S., Razumovskaya, V.A., Kirko, V.I. (2016). The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy *International Journal for the Semiotics of Law*. 29(2): 1-28.

[Koptseva et al., 2021](#) – Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Yu.N. (2021). The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916. *Bylye Gody*. 16(4): 2043-2052. DOI: 10.13187/bg.2021.4.2043

[Koptseva, 2022](#) – Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A. (2022). Historical Memory of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Evenk Municipal District: Methodological Approaches to Research. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 15(5): 666-678.

[Koptseva, Pimenova, 2020](#) – Koptseva, N.P., Pimenova, N.N. (2020). Svoeobrazie kul'turnykh soobshchestv segodnya: opyt izucheniya transformatsii v kul'turnykh prostranstvakh i klassifikatsiya T.Kh. Eriksena [The originality of cultural communities today: the experience of studying transformations in cultural spaces and the classification of T.H. Eriksen]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 4(3): 57-69. [in Russian]

[Koptseva, Sredkina, 2021](#) – Koptseva, N.P., Sredkina, N.N. (2021). The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(1): 343-356. DOI: 10.13187/bg.2021.1.343

[Kozlov, 2021](#) – Kozlov, A.E. (2021). Literaturnaya reputatsiya pisatelya-belletrista: N. D. Akhsharumov v 1850-1880-e gody [Literary reputation of a fiction writer: N. D. Akhsharumov in the 1850-1880s]. Tartu: University of Tartu Press, 242 p. [in Russian]

[Kozlov, 2022](#) – Kozlov, A.E. (2022). «Poraboshchennoe» i «osvobozhdennoe» iskusstvo v esteticheskoi kritike N.D. Akhsharumova ["Enslaved" and "liberated" art in aesthetic criticism by N.D. Akhsharumova]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. 45: 124-135. [in Russian]

[Martynov, 1997](#) – Martynov, I.N. (1997). A. I. Somov – redaktor «Vestnika izyashchnykh iskusstv» [A. I. Somov – editor of the "Vestnik izyashchnykh iskusstv"]. *Ezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta russkoi kul'tury Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 1995–1996. Ekaterinburg: [URGU]. Pp. 54-64. [in Russian]

[Martynov, 2012](#) – Martynov, I.N. (2012). Katalog Kartinnoi galerei Ermitazha A. I. Somova i ego rol' v istorii muzeinogo dela Rossii [Catalog of the Hermitage Art Gallery of A. I. Somov and his role in the history of museum business in Russia]. *VM*. 2(6). [in Russian]

- Sergeeva, 2023** – *Sergeeva, N.A.* (2023). Ponyatie «vizual'nost'» v sovremennykh teorii i istorii iskusstva [The concept of “visual” in modern theory and history of art]. *Severnnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 7(2): 108-115. [in Russian]
- Sergeeva, 2023a** – *Sergeeva, N.A.* (2023). Metodologicheskie podkhody k issledovaniyu vizual'noi kul'tury [Methodological approaches to the study of visual culture]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal*. 7(3): 37-43. [in Russian]
- Sergeeva, Zamaraeva, 2023** – *Sergeeva, N.A., Zamaraeva, Yu.S.* (2023). Sozdanie novykh khudozhestvennykh ob'edinenii v sovetskom izobrazitel'nom iskusstve 1917-1922 gg. [The creation of new artistic associations in the Soviet fine arts of 1917-1922]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 16(7): 1043-1061. [in Russian]
- Sitnikova, Li, 2022** – *Sitnikova, A.A., Li, S.* (2022). Obraz Kitaya v tvorchestve Krasnoyarskogo khudozhnika Sergeya Forostovskogo [The image of China in the work of the Krasnoyarsk artist Sergei Forostovskiy]. *Severnnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 6(4): 87-98. [in Russian]
- Somov, 1871** – *Somov, A.I.* (1871). Kratkoe rukovodstvo k gravirovaniyu na medi krepkoi vodkoi [A brief guide to engraving on copper with strong vodka: According to Deleshan, Lalanne... and others]: Po Deleshanu, Lalannu... i dr. Sankt-Peterburg, 80 p. [in Russian]
- Somov, 1883** – *Somov, A.I.* (1883). I.I. Shishkin, kak graver [I.I. Shishkin, as an engraver]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 1(1): 193-191. [in Russian]
- Somov, 1883a** – *Somov, A.I.* (1883). Zhenshchiny – khudozhnitsy [Women artists]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 1(3): 356-383. [in Russian]
- Somov, 1883b** – *Somov, A.I.* (1883). Zhenshchiny – khudozhnitsy [Women artists]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 1(4): 489-524. [in Russian]
- Somov, 2013** – *Somov, A.I.* (2013). Istoriya izyashchnykh iskusstv: Lektsii professora A.I. Somova [History of fine arts: Lectures by Professor A.I. Somova]. Sankt-Peterburg: Lan', 238 p. [Electronic resource]. URL: <https://e.lanbook.com/book/32132> (date of access: 04.11.2023). [in Russian]
- Stasov, 1883** – *Stasov, V.V.* (1883). Vasilii Vasil'evich Vereshchagin [Vasily Vasilyevich Vereshchagin]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 1(1): 98-128. [in Russian]
- Stasov, 1883a** – *Stasov, V.V.* (1883). Vasilii Vasil'evich Vereshchagin (okonchanie) [Vasilii Vasil'evich Vereshchagin (ending)]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 1(2): 238-278. [in Russian]
- Stasov, 1884** – *Stasov, V.V.* (1884). Vyacheslav Grigor'evich Shvarts [Vyacheslav Grigor'evich Shvarts]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 2(1): 25-63. [in Russian]
- Stasov, 1884a** – *Stasov, V.V.* (1884). Vyacheslav Grigor'evich Shvarts (okonchanie) [Vyacheslav Grigor'evich Shvarts (ending)]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 2(2): 112-142. [in Russian]
- Stasov, 1885** – *Stasov, V.V.* (1885). Novye inostrannye knigi o russkom iskusstve [New foreign books about Russian art]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 3(2): 163-191. [in Russian]
- Stasov, 1885a** – *Stasov, V.V.* (1885). Vasilii Aleksandrovich Prokhorov [Vasily Alexandrovich Prokhorov]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 1885. 3(4): 320-360. [in Russian]
- Stasov, 1885b** – *Stasov, V.V.* (1885). Koptskaya i efiopskaya arkhitektura [Coptic and Ethiopian architecture]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 3(6): 427-472. [in Russian]
- Stasov, 1886** – *Stasov, V.V.* (1886). Russkaya derevyannaya arkhitektura v Galitsii [Russian wooden architecture in Galicia]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 4(4): 322-343. [in Russian]
- Stasov, 1886a** – *Stasov, V.V.* (1886). Tron khivinskikh khanov [Throne of the Khiva Khans]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 4(6): 405-417. [in Russian]
- Stasov, 1887** – *Stasov, V.V.* (1887). Ivan Semenovich Bogomolov. Biograficheskii ocherk [Ivan Semenovich Bogomolov. Biographical sketch]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 5(1): 67-85. [in Russian]
- Stasov, 1887a** – *Stasov, V.V.* (1887). Zhivopis' Shternberga [Sternberg's painting]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 5(5): 365-432. [in Russian]
- Stasov, 1888** – *Stasov, V.V.* (1888). Khudozhestvennye proizvedeniya, ischeznuvshie iz Imperatorskogo Ermitazha [Works of art that disappeared from the Imperial Hermitage]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 6(3): 227-256. [in Russian]
- Stasov, 1888a** – *Stasov, V.V.* (1888). A.M. Gornostaev [A.M. Gornostaev]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 6(6): 439-480. [in Russian]
- Stasov, 1889** – *Stasov, V.V.* (1889). Paolo Veroneze na doprose u Inkvizitsii [Paolo Veronese during interrogation by the Inquisition]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 7(4): 381-391. [in Russian]
- Stasov, 1889a** – *Stasov, V.V.* (1889). Novye svedeniya o «Plyaske smerti» Gol'beina v Rossii [New information about Holbein's Dance of Death in Russia]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 7(5): 476-485. [in Russian]
- Vatson, Stasov, 1884** – *Vatson, M.V., Stasov, V.V.* (1884). Fransisko Goiya [Francisco Goya]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 2(5): 350-369. [in Russian]
- Vatson, Stasov, 1884a** – *Vatson M.V., Stasov V.V.* (1884). Fransisko Goiya (okonchanie) [Francisco Goya (ending)]. *Vestnik izyashchnykh iskusstv*. 2(6): 373-398. [in Russian]

Zhukovskii, 2010 – Zhukovskii, V.I. (2010). Iskusstvoved-professional: edinstvo znatoka, issledovatelya, maievtika [Professional art critic: unity of the connoisseur, researcher, maieutic]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*. 3: 153-155. [in Russian]

Zhukovskii, Koptseva, 2004 – Zhukovskii, V.I., Koptseva, N.P. (2004). Propozitsii teorii izobrazitel'nogo iskusstva: uchebnoe posobie [Propositions of the theory of fine art: a textbook]. Ministerstvo obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii, Krasnoyarskii gosudarstvennyi universitet. 265 p. [in Russian]

«Вестник изящных искусств» 1880-х гг. как источник по истории искусства (модель искусствоведа)»

Тихон Константинович Ермаков ^{a,*}, Анастасия Викторовна Кистова ^{a,b},
Наталья Анатольевна Сергеева ^a, Тихон Константинович Ермаков ^a, Анна Александровна Омелик ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование выполнено на основе материалов печатного издания «Вестник изящных искусств», которое выпускалось в период с 1883 по 1890 год в Российской империи. В ходе исследования были изучены статьи Александра Ивановича Сомова – главного редактора «Вестника изящных искусств, историка и музейного деятеля, и статьи Владимира Васильевича Стасова – российского художественного и музыкального критика, историка искусств и общественного деятеля. Вклад А.И. Сомова и В.В. Стасова в искусствознание не ограничивается временными рамками XIX века, но продолжает быть актуальным и в настоящее время. За время существования журнала статьи этих двух творческих деятелей были посвящены истории российского и зарубежного искусства, эстетике, художественной критике и освещению современных художественных технологий и тенденций. Используя статьи этих авторов, а также биографические сведения, была выявлена модель искусствоведа-профессионала, проявившая себя в деятельности Сомова и Стасова. Кроме этого, отмечен их вклад в искусствознание с исторической точки зрения. Концептуальной рамкой данного исследования выступила теория искусства Владимира Ильича Жуковского - философа, искусствоведа, художника, доктора философских наук, и Натальи Петровны Кошцевой - доктора философских наук, профессора, заведующей кафедрой культурологии и искусствоведения Сибирского федерального университета. Данная теория сформирована на базе философских исследований в области визуального мышления теории культуры и теории религии. В контексте данного исследования за основу берется представленная в теории модель искусствоведа-профессионала как синтеза трёх ключевых проявлений: искусствоведа-знатока, искусствоведа-исследователя и искусствоведа-маиевтика.

Ключевые слова: искусствовед-профессионал, искусствовед, А.И. Сомов, история искусства, модель искусствоведа, В.В. Стасов, художественная критика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: erm-tihon@mail.ru (Т.К. Ермаков), kistochka7@mail.ru (А.В. Кистова), nasergeeva@sfu-kras.ru (Н.А. Сергеева), omelik@inbox.ru (А.А. Омелик)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1925-1935
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1925

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Main National Idea of the Russian Empire of the XIX century and Its Reflection in the Legislation of the XIX – early XX centuries

Alexey A. Fatyanov ^a, Nikolay A. Mashkin ^a, Anna V. Filippova ^{a, *}

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines the content of the three components of the ideologeme “Orthodoxy. Autocracy. Nationality” as a national idea of the Russian Empire, formulated by Count S.S. Uvarov. The authors focused on identifying the degree of legal certainty of each of the components of the well-known triad, as well as on identifying their political and legal assessment by jurists, historians and philosophers of the late XIX – early XX centuries. The research is based on a systematic and formal legal analysis of a number of legislative acts of the Russian Empire – the Supreme Manifestos of 1881, 1905 and 1906, as well as the Main state Laws of April 23, 1906. As a result of the conducted research, the authors found that all three elements of the ideologeme, on the basis of which S.S. Uvarov proposed to build a system of public education and public service to strengthen the unshakable foundations of Russian statehood, are no longer fully reflected in the legislative norms of these acts. Deviations from the completeness of the original content were observed to varying degrees in relation to each of the components of the national idea. The authors substantiate that the component “autocracy” retained its legislative appearance with the least interference, while “nationality”, being previously the most uncertain from a legal point of view, was completely lost in the norms of the Basic state Laws, despite some attempt to introduce popular representation in the exercise of legislative power. Russian Russian Orthodoxy, as the first of the triad of the Russian national idea of the XIX century, was significantly narrowed and reduced only to the participation of the Russian Orthodox clergy (and no other) in the formation of representative power. Thus, by the time the Main state Laws of the Russian Empire were adopted in 1906, the slogan “Orthodoxy. Autocracy. Nationality” did not have its own legal foundation.

Keywords: Russian Empire, national idea, Orthodoxy, autocracy, nationality, Basic state laws, Constitution.

1. Введение

Знаменитая триада графа С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность» признана национальной идеей Российской империи последнего века династии Романовых. Вместе с тем начало XX века в Российской империи было ознаменовано рядом юридически значимых событий, которые оказали существенное влияние на форму и содержание государственного правления, веками не подвергавшуюся реформированию. Впервые в Российской Империи попытки ограничения самодержавной власти императора нашли отражение в содержании конкретных нормативных правовых актов: в Высочайшем Манифесте от 17 октября 1905 года «Об совершенствовании государственного порядка» ([Высочайший Манифест..., 1909](#)), Высочайшем Манифесте «О изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы» от 20 февраля 1906 года ([Высочайший Манифест..., 1906](#)) и Высочайше утвержденными основными государственными законами от 23 апреля 1906 года ([Высочайше утвержденные..., 1906](#)). Указанные

* Corresponding author

E-mail addresses: Filippova.AV@rea.ru (A.V. Filippova), Fatyanov.AA@rea.ru (A.A. Fatyanov), MashkinN.A.@rea.ru (N.A. Mashkin)

законодательные акты вводили принцип народного представительства при осуществлении императором законодательной власти. Подобное нововведение породило обширную дискуссию, в которой довольно четко сформировались две противоположные позиции: о поддержке ограничения абсолютной власти императора и о критике такого ограничения, что находит подтверждение в опубликованных печатных трудах правоведов, философов, историков, литераторов и государственных деятелей первого десятилетия XX века. Одни из них усматривали в новых институтах государственного управления развитие принципа народности, другие противоречие идее абсолютной монархии, неограниченной самодержавной власти императора.

2. Материалы и методы

Материалами представленного исследования послужили нормы таких законодательных актов, как Высочайший Манифест о восшествии Его Императорского Величества, Государя Императора Александра Александровича на Прародительский Престол Всероссийской Империи и на нераздельные с ним Престолы: Царства Польского и Великого Княжества Финляндского ([Высочайший Манифест, 1881](#)) Высочайший Манифест от 17 октября 1905 года "Об совершенствовании государственного порядка" ([Высочайший Манифест..., 1909](#)), Высочайший Манифест «О изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы» от 20 февраля 1906 года ([Высочайший Манифест..., 1906](#)) и Высочайше утвержденные основные государственных законов от 23 апреля 1906 года ([Высочайше утвержденные..., 1906](#)); а также Устав Общества «Союз русского народа» ([Черновский, 1929](#)) и печатные труды правоведов, философов, историков, литераторов и государственных деятелей конца XIX – начала XX века, такие как Ф.И. Ляликова ([Ляликов, 1851](#)), Ф.М. Достоевского ([Достоевский, 1881](#)), Н.И. Лазаревского ([Лазаревский, 1910](#)), П.Е. Казанского ([Казанский, 1913](#)), Н.М. Коркунова ([Коркунов, 1909](#)), Н. И. Палиенко ([Палиенко, 1910](#)).

Авторами представленного научного исследования применялась совокупность общенаучных и частно-научных методов исследования. Применение метода системного анализа в совокупности с синтезом позволили исследовать идеологему XIX века «Православие. Самодержавие. Народность» в их единстве и взаимосвязи. Формально-юридический и специально-юридический методы применялись при исследовании вопроса об отражении указанной идеологемы в законодательных актах XIX – начала XX веков, а также позволили выявить специфику правового положения высших институтов государственной власти Российской Империи в указанный период, чему также способствовало применение историко-политического и хронологического методов, которые позволили дать оценку правовым нормам с учетом конкретных исторических событий в их последовательности, с учетом уровня развития правовой мысли в указанный период. К полученным на основании перечисленных методов промежуточным результатам был применен также телеологический метод, с помощью которого автором удалось определить степень достижения в процессе принятия новых законодательных актов XIX – начала XX веков цели создания прочной правовой основы, закрепления основных компонентов национальной идеи. Метод контент-анализа позволил провести исследование ряда научных работ XIX – начала XX в поисках оценки значимости компонентов идеологемы «Православие. Самодержавие. Народность» с позиции ведущих на тот момент времени российских правоведов.

3. Обсуждение

Исследованию сущности и значимости триады С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность» посвящены научные работы ряда дореволюционных авторов и современных исследователей. Так, в Ф.И. Ляликовым ([Ляликов, 1851](#)) дается подробная характеристика каждой составляющей, а также подчеркивается их неразрывная связь и благотворное влияние на организацию жизни народа в единении с Самодержавным Императором. Примечательным является то, что в указанной работе Ф.И. Ляликов излагает содержание составляющей «Народность» как совокупность действий и событий, совершившихся в среде какой-либо нации и отличающей ее от других ([Ляликов, 1851](#)). Анализ позиции Ф.И. Ляликова о содержании народности показывает, что она является не столько юридической, сколько психологической составляющей, характеризующей отношения народа к событиям Царского Дома, к старшим по возрасту и значению, жертвенность по отношению к Отечеству. Кроме того, в содержание народности Ф.И. Ляликов включал также «подражание хорошему» ([Ляликов, 1851: 44, 45](#)), что с юридической точки зрения является совершенно неопределенным, поскольку требует постоянной оценки соответствия.

Национальная идея Российского государства XIX-XX веков являлась предметом научных исследований ряда современных авторов. К их числу, в частности, относится исследование А.И. Елисейевой, в результате которого ею были сформулированы основные функции национальной идеи. В содержании этих функций заложены прежде всего моральные направления развития российского общества, такие как единение и повышение морального духа, а также «легитимация деятельности политической элиты» и возвышение России на европейской арене ([Елисейева, 2012](#)). Интерес также вызывает подход Д.В. Семикопова и А.А. Захряпина, представленный ими в работе, посвященной поиску «другого» по отношению к русскому историософскому сознанию ([Семикопов,](#)

Захряпин, 2021). В работе обосновано, что к расколу в народности привело искажение первоначального значения содержания формирующих ее основ – православия и самодержавия. Авторы отмечают, что формирование это проходило под мощным давлением Запада как «другого» русской цивилизации. При этом для той части общества, которая была верна старому изводу православия, сама власть стала «другим», что вызвало раскол и в народности (Семикопов, Захряпин, 2021). И.Б. Гаврилов (Гаврилов, 2019) исследовал триаду С.С. Уварова через призму развития образования и государственной службы Российской империи XIX века, а также отмечал ее «антиреволюционный» характер по сравнению с лозунгом революции во Франции. С.В. Нуреева подробно исследовала предпосылки возникновения формулы С.С. Уварова и охарактеризовала ее как сформированный духовно-политический идеал, к которому должна была стремиться Российская империя. Сердцевинной триады стала особая концепция исторического развития России и в дальнейшем (Нуреева, 2012). О.В. Головашина обратилась в своем исследовании к уваровской идеологии для анализа категории «национальная идентичность» в России в XIX веке (Головашина, 2011). В.А. Толстикова более отмечал, что православие, как основа русской культуры, явилась основой и национальной идеи, а также связывал ее развитие с возникновением идеи «христианского социализма» (Толстикова, 2017), из чего можно сделать вывод, что идеология XIX века преодолела рубеж века XX. «Народность», как наименее подвергающаяся однозначному обоснованию категория трилогии С.С. Уварова, явилась объектом исследований целого ряда ученых, среди которых А.В. Малинов (Малинов, 2017), Г.В. Ососков (Ососков, 2017), С.И. Скороходова (Скороходова, 2011), Л.Е. Шапошников (Шапошников, 2022).

Исследование правовых норм Основных государственных законов 1906 года содержится в работах ряда дореволюционных деятелей науки, среди которых Н.И. Лазаревский, поддерживающий переход от абсолютной монархии к монархии конституционной как естественный процесс развития общества, связанный с ростом умственного и нравственного развития народа (Лазаревский, 1910); Н.М. Коркунов, который также давал положительную оценку установления законодательных ограничений власти как необходимое условие каждого сколь-нибудь развитого государственного блага (Коркунов, 1909); Н. И. Палиенко, исследовавший форму правления России на основе формально-юридического анализа содержания Основных государственных законов и отмечавший, что по прошествии нескольких лет после принятия этого правового акта единая позиция о государственном строе в правительственных кругах все еще отсутствовала (Палиенко, 1910). П.Е. Казанский приходит к выводу о том, что государственным строем России в силу положений Основных государственных законов является «самоограниченная» монархия (Казанский, 1913).

Юридическому анализу содержания указанных правовых памятников уделяли внимание такие современные правоведы, как Н.Н. Зипунникова, усматривающая естественное отражение двух основ – «православие» и «самодержавие» в нормах Основных государственных законов 1906 года (Зипунникова, 2010), а также С. А. Котляревский, выявивший юридические предпосылки основных законов и обосновавший конституционную природу данных законов (Котляревский, 2014). Исследования ряда авторов посвящены вопросу о оценке значимости самодержавия для Российского государства и критике его ограничения нормами Основных государственных законов славянофилами. Так, А.А. Васильев на основе анализа трудов деятелей из числа славянофилов формулирует характерные черты самодержавного строя, которые, по мнению славянофилов, отставляют его безусловное достоинство для Русского государства (Васильев, 2010).

При достаточно обширном объеме исследований о сущности национальной идеи Российского государства XIX века и чуть меньшем, но все же существенном объеме исследований о содержании Основных государственных законов 1906 года вопрос об отражении основных начал идеи «Православие. Самодержавие. Народность» в нормах указанного законодательного акта до сих пор не нашел комплексного отражения в трудах историков и правоведов как дореволюционного, так и современного периодов.

4. Результаты

В многочисленной научной литературе и публицистике, посвященной весьма значимому периоду в истории нашего государства – XIX веку, в качестве основной государственной идеологии, то есть, говоря современным языком, национальной идеи, предлагается знаменитая триада «Православие. Самодержавие. Народность» идеологическое оформление которой приписывается С.С. Уварову (1786–1855) в бытность его министром народного просвещения Российской империи (1833–1849) (Нуреева, 2012: 5).

Отметим также, что данная идеология впоследствии трансформировалась в воинский девиз «За Веру, Царя и Отечество!», с которым наши предки шли в бой и побеждали (Нуреева, 2012: 6).

С.С. Уваров формулирует первоначальный вариант ставшей впоследствии столь известной идеологии следующим образом: «Национальная религия. Государство. Народный дух» (Ососков, 2017: 660). Стоит отметить, что подобная система национальных приоритетов «взаимосвязанных великих государственных начал» была предложена министром народного просвещения Российской империи в целях их внедрения, прежде всего, в систему российского образования для подготовки

достойных выпускников. Именно эта логическая последовательность впоследствии была положена в основу вышеуказанной государственной идеи.

Обратимся к первому из нормативных текстов, где эти идеи впоследствии нашли определенное отражение, Манифесту Императора Александра III от 1 марта 1881 г., опубликованному при восшествии его на Российский престол: «Подъемлем тяжкое бремя, Богом на нас возлагаемое с твердым упованием на Его всемогущую помощь. Да благословит Он труды наши ко благу возлюбленного Нашего Отечества, и да направит Он силы Наши к устройению счастья всех наших верноподданных» ([Высочайший Манифест..., 1881: 3](#)).

Итак, на первом месте в данной цитате – Господь Бог, на втором – Император, на третьем – народное счастье как составная часть более широкой категории «народность». Из анализа содержания приведенных актов следует, что нормативные акты стали постепенно впитывать рассматриваемую в данной работе идеологию, трансформируя ее в норму, являющуюся по своей сути торжественным обязательством главы государства перед собственным народом.

О политическом значении идеологии «Православие. Самодержавие. Народность» несколько весьма точных замечаний сделал И.Б. Гаврилов, сопоставив ее с принципами философии французского Просвещения и известному лозунгу революции во Франции 1789 года. И.Б. Гаврилов отмечал прежде всего ярко выраженный антиреволюционный характер российской триады ([Гаврилов, 2019: 166](#)). Помимо этого, И.Б. Гаврилов указывает, что данная формула представляет собой и своеобразный ответ либеральным мистическим идеям в связи с тем, что хотя изданный Александром I рескрипт 1822 года и содержал прямой запрет масонских лож и тайных обществ, это не привело к моментальному изжитию этого увлечения в высшем сословии.

Как представляется, с позиций юридической науки категории «православие» и «самодержавие» являются в достаточной мере определенными. В первом случае речь идет об устойчивом по своей религиозной идеологии ответвлении христианской религии, во втором – о форме государственного правления в виде неограниченной монархии, которые в совокупности дают нам идею национального государства, в котором народ сплачивается посредством единства веры и единства власти.

Напротив, категория «народность» не может быть признана юридически определенной. В силу указанного необходимо остановиться на ее содержании несколько более подробно.

По мысли самого С.С. Уварова, народность есть исторически сложившийся добровольный союз верховной власти и общества, препятствующий развитию социальной розни и вражды, своего рода интерпретация теории общественного договора Ж.Ж. Руссо, с тем лишь исключением, что категория «самодержавие» исключала одну из основных идей данной теории в виде лишения божественного права монарха издавать законы. Основную социальную задачу этого союза, как представляется, точнее всех выразил К.П. Победоносцев, который видел ее в охране русского народа от западного либерализма, демократии, которые развращали народ и отвращали его от проблем страны в пользу самих себя.

Но были и другие суждения. Так, в частности, Ф.И. Ляликов видел отражение идеи народности в сочувствии народа к радостным и печальным событиям Царского Дома – так радость и горе отца разделяются целым семейством, как отражается предмет в верном зеркале ([Ляликов, 1851: 39](#)).

И уж конечно, в данном случае нельзя обойти стороной Ф.М. Достоевского, который следующим образом выражал свои идеи русского государственного патернализма, являющиеся отражением теории народности. Ф.М. Достоевский видел в царе воплощение самого народа, всей его идеи, надежд и верований народа. Царь, по мнению Федора Михайловича, является тем отеческим началом, которое в развитии своем может объединить раздробленный разными враждебными силами народ и тогда составит из отдельных людей, кружков, обществ, сословий единое Отечество ([Достоевский, 2010: 784](#)).

На основании вышеизложенного мы можем констатировать, что народность является категорией, находящейся в однозначной логической взаимосвязи с категорией «самодержавие», говорящей нам, что благо государя есть благо народа, однако приведенная выдержка из Манифеста Императора Александра III ведет нас существенно дальше, определяя в качестве основной задачи самодержавной государственной власти устройство народного счастья.

Следующим нормативным правовым актом, на котором следует остановить свое внимание, является Высочайший манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». В нем более юридически четко выражается предназначение монаршей власти: «Благо Российского Государя неразрывно с благом народным, и печаль народная – Его печаль» ([Высочайший Манифест..., 1909](#)). Этот акт юридически оформляет завершение периода абсолютной монархии в России, определенным образом включая население Российской империи в процесс принятия государственных решений, так как устанавливает незыблемое правило, чтобы никакой закон без одобрения Государственной Думы не мог иметь силу, а также вводил надзор со стороны выборных от народа за закономерностью действий поставленных от Императора властей. Помимо указанного, Императором были дарованы основы гражданской свободы, началами которой стали привычные современному гражданину России неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и

союзов. Таким образом, категория «народность» наполняется новым содержанием. Есть версия о том, что текст данного акта подготовил сам Император Николай II.

К категории «народность» наиболее тесно примыкают такие свободы, как свобода собраний и союзов, а также свобода слова. Свобода совести, напротив, имела направленность на размытие одной из трех скреп российской государственной идеи - идеи сплачивающей народ религии, то есть православия. Государственную власть в этом смысле можно понять - Российская империя уже далеко не являлась Московским царством. Это было огромное государственно-территориальное образование, в рамках которого объединялись не только христиане разных исповеданий, но и многочисленные представители других мировых религий.

Манифест от 17 октября 1905 г. имел множество различных последствий, но авторы настоящего небольшого исследования полагают необходимым остановиться на одном из них, имеющем к тому же нормативное содержание, а именно на Уставе общества «Союз русского народа» принятом в 1906 г. (Черновский, 1929), ряд положений которого существенно видоизменяет первоначальный послы Манифеста. Анализ содержания данного Устава на предмет отражения в нем приоритетов национальной идеи показал, что уваровская триада фактически получила нормативное закрепление, в то же время, учитывая более позднее, по сравнению с принятием Основных государственных законов, утверждение данного Устава, в нем делается особый акцент на самодержавии русском и неограниченном, которое наряду православием и народностью составляет благо Родины. В Уставе не нарушается последовательность, определяющая первостепенное значение православию и самодержавию, однако значимость народности, несомненно, повышается, ей отводится первенствующее значение в государственной жизни и в государственном строительстве. К тому же уставные нормы декларируют стремление всех учреждений к поддержанию величия России, а также преимущественных прав русской народности на основе законности.

Сравнивая положения Манифеста 17 октября 1905 г. и положения Устава «Союза русского народа» который, по некоторым сведениям, поддерживал последний российский Император, мы, с одной стороны, видим существенное различие между юридически выверенными нормами Манифеста и их политическим преломлением в определенную сторону в Уставе. С другой стороны, в Уставе проявляются новые нотки категории «народность» заключающиеся в полном единении главы государства с народом, минуя государственный аппарат (бюрократический строй), что невозможно реализовать в действительности в любом крупном государстве. Как механизм реализации этой идеи Государственная Дума рассматривается создателями Устава в качестве органа, «являющего из себя создание непосредственной связи между державною волею царя и правосознанием народа» (Черновский, 1929: 412), то есть органа, в котором, по их логике, Император должен был непосредственно общаться с представителями населения империи.

Перейдем к анализу ряда положений Основных государственных законов, утвержденным Императором Николаем II 23 апреля 1906 г.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что православию посвящена отдельная глава «О вере» (глава седьмая Основных законов 1906 года). Правоположения данной главы чрезвычайно интересны именно с точки зрения их юридического содержания. Статья 62 устанавливает первостепенство и господство в Российской Империи христианской православной католической веры восточного исповедания. «Первенствующая и господствующая» с формально-юридической точки зрения не означает, что эта ветвь христианской религии являлась в России с момента принятия Основных государственных законов государственной религией. Подтверждение данному выводу мы находим в нормах статей 66 и 67 рассматриваемой главы.

Согласно статье 66 «все не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского Государства природные (а) и в подданство принятые (б), так иностранцы, состоящие в Российской службе, или временно в России пребывающие (в), пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной» (Высочайше утвержденные..., 1906).

Принципиально новый подход к статусу в данный период российской истории можно подтвердить также и тем, что в 1906 году были отменены весьма суровые наказания за действия, которые вели к отступлению от веры православных христиан, ранее существовавшие в уголовном законодательстве Российской империи. Например, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. устанавливало такой состав преступления, как отвлечение от христианской веры православного или другого исповедания в веру не христианскую, за которое устанавливалось в качестве наказания лишение всех прав, состояния и ссылка в каторжную работу в крепостях от восьми до десяти лет, а также с наказанием плетью и наложением клейм (Уложение..., 1988).

Основные государственные законы 1906 года провозглашали свободу веры, позволяя каждому исповедовать ту веру, которую исповедовали его праотцы. Каждый населяющий Российскую Империю народ, вне зависимости от того, какую веру от исповедовал, должен был иметь молитвенное попечение об укреплении силы Российской Империи, об умножении ее благоденствия, а также благословение царствования российских монархов. В этом и заключалось объединяющее все народы Империи начало. Однако очевидно, что такое положение существенно искажало национальную идею – триаду, фактически и юридически лишало ее первой составляющей – «Православие», нивелировало ее

первостепенность. Таким образом, авторы настоящего исследования могут констатировать, что категория «православие» из рассматриваемой триады подобия национальной идеи времен Российской империи перестала иметь законодательное подкрепление на уровне государственного права.

Перейдем к нормативному отражению категории «самодержавие» в Основных государственных законах. Глава первая данного акта именуется как «О существе Верховной Самодержавной власти». Следовательно, от норм данной главы можно ожидать полного абриса содержания данной юридической категории. Статья 4 определяет, что Российскому Императору принадлежит Верховная Самодержавная власть, которая включает в себя законодательную власть и власть управления.

Вместе с тем законодательную власть Император осуществляет совместно с Государственным Советом и Государственной Думой. Из этого следует, что законодательная власть Императора не является безраздельной. В то же время решающее значение в вопросе вступления законов в силу имеет утверждение их Императором. Следовательно, любой законодательный акт Император может не утвердить, и преодолеть это его право (в современной юридической литературе именуемое «правом вето») невозможно. Помимо указанного, Императору, согласно статье 8, принадлежит «почин по всем предметам законодательства» (в настоящее время данное субъективное право лица называется законодательной инициативой). Пересмотр же самих Основных государственных законов возможен исключительно по инициативе самого Императора, хотя процедура их пересмотра также предполагала участие Государственного Совета и Государственной Думы. Иными словами, пересмотреть суть юридической платформы государства был вправе только сам Император.

Конечно же, данные правоположения существенно ограничивали возможности Государственного Совета и Государственной Думы по формированию законодательства, сохраняя главные юридические рычаги в руках Императора.

Вторая ветвь государственной власти – власть управления, в соответствии с нормами статьи 10 «во всем ее объеме» принадлежала Императору в пределах всего государства. В «управлении верховном» власть его действовала непосредственно; в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверялась от него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим «Его Именем и по Его повелениям» (*Высочайший Манифест..., 1906: 3*).

Единственным ограничением данного права являлось то, что Император был вправе издавать указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления в соответствии с законами, а равно издавать повеления, необходимые для исполнения законов. С учетом того обстоятельства, что ни один не устраивающий Императора закон не мог вступить в силу, соответствие указов и иных повелений Императора законам не имело существенного юридического значения.

Таким образом, можно констатировать, что юридическая основа самодержавной власти в Основных государственных законах, пусть в несколько завуалированной форме, сохранялась неизбежно по всем принципиальным вопросам государственного устройства и общественной жизни его личное мнение было юридически определяющим.

Вокруг данных правоположений в научной литературе начала прошлого столетия разгорелась нешуточная дискуссия. В частности, Н.И. Лазаревский восклицал: «Но не является ли это положение, что государь есть источник всех властей в государстве, простою риторической фигурой? Неужели на деле фактически возможно такое положение вещей, чтобы все органы власти получили свои полномочия, свою возможность властвовать над населением, возможность принуждать его к тому или иному от одного лица, от государя, который само собой, очевидно, не имеет ни малейшей физической возможности сам поддерживать все органы государства? Между тем то, что все власти имеют свое основание и свой источник в Государе и только в нем, он же есть, так сказать, нечто самодовлеющее в самодержавном государстве, есть несомненный факт, а не только фикция» (*Лазаревский, 1910: 69*).

В данном суждении, как полагают авторы настоящей работы, заложено существенное противоречие. Глава государства в большинстве развитых стран как в рассматриваемый период, так и сегодня осуществляет свое правление не один, он опирается на государственный аппарат, который готовит проекты решений, обосновывает их, а глава государства затем осуществляет выбор между ними, исходя из своего убеждения. Это очевидный факт. А вопрос заключается в другом: что делать, если глава государства склонен принять явно ошибочное решение? Как в этом случае преодолеть его волю? При реализации модели самодержавия по российскому образцу это было невозможно. Император Николай II неоднократно и глубоко заблуждался в своей внешней и внутренней политике, но его волю юридически никто преодолеть не мог. Кончилось это, к огромному сожалению для потомков, подвалом дома инженера Ипатьева в Екатеринбурге.

Но были и противоположные суждения, принадлежащие перу целого направления в российской политической и юридической науках того периода. Современный исследователь государственно-правовых взглядов славянофилов А.А. Васильев отмечает, что их сторонники видели неразрывную связь русского самодержавия и христианского сознания народа, более того, самодержавие обуславливалось этим сознанием. Самодержавие для славянофилов виделось в

качестве несомненного блага, которое освобождает сам народ от тягот жизни политической, поэтому народ добровольно доверяет всю полноту этих тягот монарху без какого бы то ни было ограничения и наделяет его своим безусловным почтением и молитвенным попечением.

Вопрос о неограниченности самодержавной власти правовыми нормами виделся естественным и по тому не вызывавшем сомнений. Приоритет здесь имели нормы нравственные, а не нормы права, которым приписывался характер формальных гарантий, уступающих в своем регулятивном воздействии доверию народа самодержавному монарху. Положения о наследовании самодержавной власти также воспринимались в качестве механизма защиты насильственному захвату власти теми, кто по сути не способен к несению бремени государственного дела. Несение же этого бремени имеет характер нравственного подвига, что особо почитается народом (Васильев, 2010: 71).

При анализе данных суждений становится очевидным, что они основываются на некоем морально-нравственном фундаменте, не имеющем ничего общего с прозой организации реальной государственной деятельности в огромном, сложно устроенном государстве под названием Российская империя.

В ту конкретную историческую эпоху существования нашего государства неизбежен был к постановке и еще один вопрос: а готова ли была наиболее политически активная часть общества в лице русской аристократии и интеллигенции разделить с главой государства бремя государственного управления империей? Готова ли она была проявлять государственную мудрость, осуществлять жесткие и непопулярные шаги ради сохранения государства? И вообще, могла ли она представлять интересы большинства населения?

Обратимся к составу Государственного Совета, основной задачей которого, как следует из статьи 1 Книги первой Свода учреждений государственных, является обсуждение законодательных предположений, восходящих к Верховной Самодержавной власти. Состав Государственного Совета определялся двояко: половина его членов были "призываемы Высочайшей властью", а вторая половина избиралась. Выборы в члены Государственного Совета проводились из числа представителей определенных учреждений: Православной Российской Церкви (обратим внимание на то, что иное духовенство представительства в данном органе не имело), Губернских земских собраний, Дворянских обществ, образовательных и научных учреждений – Императорской Академии наук и Императорских Российских университетов, от Совета торговли мануфактур, Московского его отделения, местных Комитетов торговли и мануфактур, Биржевых комитетов и Купеческих управ.

Важно отметить, что в силу установления определенных квот, указанные учреждения не имели равного представительства в Государственном Совете. Для примера, от духовенства полагалось шесть членов Государственного совета, от дворянских обществ - восемнадцать, от Академии наук и университетов в совокупности - шесть членов, от коммерческого сообщества - двенадцать членов. Картина получалась пестрой, вряд ли позволяла создать какие-то коалиции в силу разновекторности своего состава и полностью исключала возможность представительства от остального многомиллионного населения Российской империи. Так что о «народности» в части состава Государственного Совета говорить не приходилось.

Для выборов в Государственную Думу соответствующим Положением была предусмотрена чрезвычайно сложная система, в основу которой была положено двухуровневое голосование, в результате которого сначала выбирались выборщики от каждого уезда, которые затем образовывали Губернские Избирательные Собрания под предводительством губернских предводителей дворянства. При этом выборщики в каждом уезде избирались: 1) съездом землевладельцев; 2) съездами городских избирателей; 3) съездом уполномоченных от волостей; 4) съездом уполномоченных от казачьих станиц (где таковые имелись). Поскольку даже в выборах выборщиков не было всеобщности голосования, попадание в Государственную Думу лиц, которые реально могли представлять интересы «широких народных масс», сводилось к минимуму. Добавим к этому, что помимо лиц, лишенных по суду прав состояния, состоящих под следствием и судом, предусматривающих такие наказания, в выборах не могли участвовать иностранные подданные и многие лица в силу возрастных ограничений до 25 лет, гендерных ограничений – лица женского пола, ограничений по роду занятий и службы – обучающиеся в учебных заведениях, воинские чины армии и флота, состоящие на действительной службе.

Таким образом, из числа не даже не избираемых, а выборщиков исключалось огромное число подданных Российской империи, в том числе имеющих активную жизненную позицию. О какой уж «народности» в этом случае могла идти речь.

Однако даже в таком «урезанном» представительстве Государственная Дума все же была органом, в определенной мере отражающем умонастроения и чаяния населения основной части Российской империи. Подвергнем краткому анализу предметы ведения Государственной Думы. К ним, в соответствии со статьей 31 главы пятой Учреждения, относились вопросы законодательства – принятие законов и внесение в них изменений и дополнений, некоторые вопросы государственных финансов, вопросы учреждения акционерных компаний, если они предполагали «изъятия» из действующих законов (Учреждение..., 1906).

Учитывая направленность данной работы прежде всего на установление уровня «народности» в деятельности главного представительного органа того периода, обратим внимание прежде всего на механизм законодательной инициативы, то есть возможность лиц вносить предложения по принятию законов. Как следует из норм статьи 34 Положения правом законодательной инициативы обладали министры, главноуправляющие отдельными частями, комиссии, образованные из членов Думы, Государственный Совет.

Учитывая то обстоятельство, что воля министров и главноуправляющих есть по своей сути продолжение воли Императора, наибольший интерес представляет собой правовой механизм, согласно которому законопроекты вносятся комиссиями членов Государственной Думы. В данном случае также был предусмотрен непростой механизм с участием министров и главноуправляющих, существенно сковывающий законодательную их законодательную инициативу.

Как мы видим, приоритет в законотворческой деятельности принадлежал министерствам и иным административным ведомствам. Государственная Дума, прежде чем стать инициатором законопроекта, должна была идти практически на открытую конфронтацию с представителями государственной администрации, что являлось одним из оснований для прекращения ее деятельности в данном созыве. "Народность" (в смысле демократических начал управления государством, где основная власть принадлежит выбранному гражданами (подданными) парламенту) в законотворческой деятельности в описанном правовом механизме не просматривается даже в отдаленном горизонте. Однако данное обстоятельство не свидетельствует о том, что принимаемые в тот период времени законодательные акты шли бы в разрез с интересами населения Российской Империи с учетом достигнутого на тот момент общего уровня развития правовой науки. В частности, нераспространение избирательных прав на женщин было в тот период практически общей тенденцией в развитых государствах, недаром об американской демократии начала XX века говорили как о демократии белых состоятельных мужчин.

5. Заключение

Основная часть российских законодательных установлений была вполне логична и шло постепенное, жаль, что очень медленное, не соответствующее по темпам бурному XX веку движение от аристократического правления к расширению демократических начал. Но ведь и опираться на мнение существенной доли неграмотного или малограмотного населения империи по принципу «один человек – один голос» в тот период времени было чревато потрясениями.

В Основных государственных законах отражение категории «православие» как первой из триады русской национальной идеи XIX века было существенно сужено и сводилось лишь к участию русского православного духовенства (и никакого иного) в формировании представительной власти.

Категория «самодержавие» сохраняла свое значение в полном объеме до печальных событий февраля 1917 года. Практически ничем не ограниченная власть императора, пусть в несколько завуалированной форме, была сохранена.

О реализации категории «народность» в нормах Основных государственных законов можно говорить только с очень большой натяжкой, если можно говорить вообще.

Таким образом, к моменту принятия Основных государственных законов Российской империи 1906 г. лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» не имел своего юридического фундамента.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта № FSSW-2023-0002 "Формирование общероссийской гражданской идентичности молодежи в рамках реализации государственной молодежной политики Российской Федерации и совершенствование механизмов обеспечения национальной безопасности в контексте миграционных процессов в молодежной среде", финансируемого за счет средств государственного задания Минобрнауки России.

Литература

Васильев, 2010 – *Васильев А.А.* Государственно-правовые взгляды славянофилов // *Известия АлтГУ*. 2010. №2-2. С.70-73.

Высочайше утвержденные..., 1906 – Высочайше утвержденные основные государственные законы от 23 апреля 1906 года. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. Т. 26 (1906). СПб., 1909. № 27805. С. 456.

Высочайший Манифест..., 1881 – Высочайший Манифест о восшествии Его Императорского Величества, Государя Императора Александра Александровича на Прародительский Престол Всероссийской Империи и на нераздельные с ним Престолы: Царства Польского и Великого Княжества Финляндского // *Журнал Гражданского и Уголовного Права*. Издание С.-Петербургского Юридического Общества. 1881. Книга вторая. С. 3-4.

Высочайший Манифест..., 1906 – Высочайший Манифест «О изменении учреждения Государственного Совета и о пересмотре учреждения Государственной Думы» от 20 февраля 1906 года. СПб.: Типолитография «Свет», 1906. Том 302. С. 1-4.

Высочайший Манифест..., 1909 – Высочайший Манифест от 17 октября 1905 года "Об совершенствовании государственного порядка". Законодательные акты переходного времени. 1904-1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. Изд. 3-е, пересм. и доп. по I сентября 1908 года / Под ред. пр.-доц. Н.И. Лазаревского. СПб.: Юрид. кн. склад "Право", 1909. С. 150-151.

Гаврилов, 2019 – *Гаврилов И.Б.* К характеристике философии образования С.С. Уварова // *Христианское чтение*. 2019. № 5. С. 161-173.

Головашина, 2011 – *Головашина О.В.* Национальная идентичность в России: базовая модель // *Fractal Simulation*. 2011. №2. С. 64-73.

Достоевский, 2010 – *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. / Сост. комментарии А.В. Белов / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.

Елисеева, 2012 – *Елисеева А.И.* Эволюция российской национальной идеи в XV–XX вв.: условия формирования и основные черты // *Pro nunc*. 2012. №1 (11). С. 42-47.

Зипунникова, 2010 – *Зипунникова Н.Н.* Идеологема «Самодержавие православие народность» в политике российского государства в сфере образования и науки первой половины XIX в.: нормативно-правовое закрепление и проблемы реализации // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2010. №4. С.7-16.

Казанский, 1913 – *Казанский П.Е.* Власть всероссийского императора: очерки действующего русского права / П. Е. Казанского ординарного профессора, декана Юридического факультета Имп. Новороссийского университета. Одесса : тип. «Техник», 1913. XL, 960 с.

Коркунов, 1909 – *Коркунов Н.М.* Русское государственное право : Пособие к лекциям / 6-е изд. Под ред. и с доп. прив.-доц. С.-Петерб. ун-та З.Д. Авалова, М.Б. Горенберга и К.Н. Соколова. Т. 1-2. СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 630 с.

Котляревский, 2014 – *Котляревский С.А.* Конституционное государство. Юридические предпосылки русских основных законов. Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало-М, 2014. 340 с.

Лазаревский, 1910 – *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1910. 479 с.

Ляликов, 1851 – *Ляликов Ф.И.* Православие, самодержавие и народность, - три незыблемые основы Русского царства. Соч. Ф. Ляликова. Одесса: в Тип. Л. Нитче, 1851. 48 с.

Малинов, 2017 – *Малинов А.В.* Понятие «народность» в историософской концепции С.С. Уварова // *Россия в глобальном мире*. 2016. №8 (31). С. 519-526.

Нуреева, 2012 – *Нуреева С. В.* Константы государственности в России в XIX веке // *Актуальные проблемы российского права*. 2012. №3. С. 4-11.

Ососков, 2017 – *Ососков Г.В.* Официальная идеология Российской империи XIX века «Православие – самодержавие – народность» (социально-философский анализ) // *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2017. №12-3. С. 659-662.

Палиенко, 1910 – *Палиенко Н.И.* Основные законы и форма правления в России: юрид. исслед. / Ярославль: Топогр. Губ. правления, 1910. 78 с.

Семикопов, Захряпин, 2021 – *Семикопов Д.В., Захряпин А.А.* Европа как "другой" русского историософского сознания: от средневековья к модерну // *Вестник Мининского университета*. 2021. №1(34). С. 11-27.

Скороходова, 2011 – *Скороходова С.И.* «Православие-народность-самодержавие» в историософии ранних славянофилов // *Преподаватель XXI век*. 2011. №1. С. 240-250.

Толстиков, 2017 – *Толстиков В.А.* Национальная идея России: к вопросу об эволюции представлений и метода формирования // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2017. №1(42). С. 52-55.

Уложение..., 1988 – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Российское законодательство X-XX веков. Том 6. М., 1988. С. 174-309.

Учреждение..., 1906 – Учреждение Государственной думы 1906 г. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 26. СПб., 1909. № 27424. Отделение 1. С. 150-154.

Черновский, 1929 – *Черновский А.А.* Союз русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. / Сост. А. Черновский. М.; Ленинград: Государственное издательство, 1929. 444 с.

Шапошников, 2022 – *Шапошников Л.Е.* С.С. Уваров как предтеча евразийства // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2022. №5-1. С. 747-749.

References

Chernovskii, 1929 – *Chernovskii, A.A.* (1929). Soyuz russkogo naroda : po materialam Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva 1917 g. [Union of the Russian People: based on materials of the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government of 1917]. Sost. A. Chernovskii. M.; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 444 p. [in Russian]

- Dostoevskii, 2010** – *Dostoevskii, F.M.* (2010). Dnevnik pisatelya. [Writer's Diary]. M.: Institut russkoi tsivilizatsii. 880 p. [in Russian]
- Eliseeva, 2012** – *Eliseeva, A.I.* (2012). Evolyutsiya rossiiskoi natsional'noi idei v XV–VV vv.: usloviya formirovaniya i osnovnye cherty [The evolution of the Russian national idea in the 15th–20th centuries: formation conditions and main features]. *Pro nunc.* 1(11): 42-47. [in Russian]
- Gavrilov, 2019** – *Gavrilov, I.B.* (2019). K kharakteristike filosofii obrazovaniya S.S. Uvarova [To characterize the philosophy of education of S.S. Uvarova]. *Khristianskoe chtenie.* 5: 161-173. [in Russian]
- Golovashina, 2011** – *Golovashina, O.V.* (2011). Natsional'naya identichnost' v Rossii: bazovaya model' [National identity in Russia: a basic model]. *Fractal Simulation.* 2: 64-73. [in Russian]
- Kazanskii, 1913** – *Kazanskii, P.E.* (1913). Vlast' vserossiiskogo imperatora: ocherki deistvuyushchego russkogo prava [The power of the All-Russian Emperor: essays on current Russian law]. Odessa: tip. "Tekhnik", XL. 960 p. [in Russian]
- Korkunov, 1909** – *Korkunov, N.M.* (1909). Russkoe gosudarstvennoe pravo : Posobie k lektsiyam. T. 1-2. [Russian state law: Lecture manual. T 1-2]. SPb: tip. M.M. Stasyulevicha. T 1-2. 630 p. [in Russian]
- Kotlyarevskii, 2014** – *Kotlyarevskii, S.A.* (2014). Konstitutsionnoe gosudarstvo. Yuridicheskie predposylki russkikh osnovnykh zakonov [Constitutional state. Legal background of Russian fundamental laws]. M.: Zertsalo-M. 340 p. [in Russian]
- Lazarevskii, 1910** – *Lazarevskii, N.I.* (1910). Lektsii po russkomu gosudarstvennomu pravu. T. 1. Konstitutsionnoe pravo. [Lectures on Russian state law. T. 1. Constitutional law]. SPb. 479 p. [in Russian]
- Lyalikov, 1851** – *Lyalikov, F.I.* (1851). Pravoslavie, samodержavie i narodnost', - tri nezyblemnye osnovy Russkago tsarstva [Orthodoxy, autocracy and nationality are the three unshakable foundations of the Russian kingdom]. Soch. F. Lyalikov. Odessa: v Tip. L. Nitche. 48 p. [in Russian].
- Malinov, 2017** – *Malinov, A.V.* (2016). Ponyatie «narodnost'» v istoriosofskoi kontseptsii S.S. Uvarova [The concept of “nationality” in the historiosophical concept of S.S. Uvarova]. *Rossiya v global'nom mire.* 8(31): 519-526. [in Russian]
- Nureeva, 2012** – *Nureeva, S.V.* (2012). Konstanty gosudarstvennosti v Rossii v XIX veke [Constants of statehood in Russia in the 19th century]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava.* 3: 4-11. [in Russian]
- Ososkov, 2017** – *Ososkov, G.V.* (2017). Ofitsial'naya ideologiya Rossiiskoi imperii XIX veka «Pravoslavie – samodержavie – narodnost'» (sotsial'no-filosofskii analiz) [The official ideology of the Russian Empire of the 19th century “Orthodoxy – autocracy – nationality” (socio-philosophical analysis)]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya.* 12-3: 659-662. [in Russian]
- Palienko, 1910** – *Palienko, N.I.* (1910). Osnovnye zakony i forma pravleniya v Rossii: yurid. issled. [Basic laws and form of government in Russia: legal. research]. Yaroslavl': Topogr. Gub. Pravleniya. 78 p. [in Russian]
- Semikopov, Zakhryapin, 2021** – *Semikopov, D.V., Zakhryapin, A.A.* (2021) Evropa kak "drugoi" russkogo istoriosofskogo soznaniya: ot srednevekov'ya k modern [Europe as the “other” of Russian historiosophical consciousness: from the Middle Ages to modernity]. *Vestnik Mininskogo universiteta.* 1(34): 11-27. [in Russian]
- Shaposhnikov, 2022** – *Shaposhnikov, L.E.* (2022). S.S. Uvarov kak predtecha evraziistva [S.S. Uvarov as a forerunner of Eurasianism]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo.* 5-1: 747-749. [in Russian]
- Skorokhodova, 2011** – *Skorokhodova, S.I.* (2011). «Pravoslavie-narodnost'- samodержavie» v istoriosofii rannikh slavyanofilov [“Orthodoxy-nationality-autocracy” in the historiosophy of early Slavophiles]. *Prepodavatel' XXI vek.* 1: 240-250. [in Russian]
- Tolstikov, 2017** – *Tolstikov, V.A.* (2017) Natsional'naya ideya Rossii: k voprosu ob evolyutsii predstavlenii i metoda formirovaniya [The national idea of Russia: on the question of the evolution of ideas and method of formation]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana).* 1(42): 52-55. [in Russian]
- Uchrezhdenie..., 1906** – Uchrezhdenie Gosudarstvennoi dumy 1906 g. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. [Establishment of the State Duma in 1906]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3. T. 26. SPb., 1909. № 27424. Otdelenie 1. Pp. 150-154. [in Russian]
- Ulozhenie..., 1988** – Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh [Regulations on criminal and correctional punishments]. Rossiiskoe zakonodatel'stvo Kh-KhKh vekov. Tom 6. M., 1988. Pp 174-309. [in Russian]
- Vasil'ev, 2010** – *Vasil'ev, A.A.* (2010). Gosudarstvenno-pravovye vzglyady slavyanofilov [State-legal views of Slavophiles]. *Izvestiya AltGU.* 2-2: 70-73. [in Russian]
- Vysochaishe utverzhennyye..., 1906** – Vysochaishe utverzhennyye osnovnye gosudarstvennye zakony ot 23 aprelya 1906 goda [The highest approved basic state laws of April 23, 1906]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3-e. T. 26 (1906). SPb., 1909. № 27805. 456 p. [in Russian]
- Vysochaishii Manifest..., 1881** – Vysochaishii Manifest o vosshestvii Ego Imperatorskogo Velichestva, Gosudarya Imperatora Aleksandra Aleksandrovicha na Praroditel'skii Prestol Vserossiiskoi Imperii i na nerazdel'nye s nim Prestoly: Tsarstva Pol'skogo i Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo [The Highest Manifesto on the accession of His Imperial Majesty, Sovereign Emperor Alexander Alexandrovich to the Ancestor Throne of the All-Russian Empire and to the inseparable Thrones: the Kingdom of Poland and the

Grand Duchy of Finland]. *Zhurnal Grazhdanskogo i Ugolovnogo Prava*. Izdanie S.-Peterburgskogo Yuridicheskogo Obshchestva. Kniga vtoraya. Pp. 3-4. [in Russian]

Vysochaishii Manifest..., 1906 – Vysochaishii Manifest «O izmenenii uchrezhdeniya Gosudarstvennogo Soveta i o peresmotre uchrezhdeniya Gosudarstvennoi Dumy» ot 20 fevralya 1906 goda i Vysochaishe utverzhdenykh osnovnykh gosudarstvennykh zakonakh ot 23 aprelya 1906 goda. [The Highest Manifesto “On changing the establishment of the State Council and on the revision of the establishment of the State Duma” dated February 20, 1906 and the Highest approved basic state laws of April 23, 1906]. SPb.: Tipolitografiya “Svet”, 1906. Tom 302, pp. 1-4. [in Russian]

Vysochaishii Manifest..., 1909 – Vysochaishii Manifest ot 17 oktyabrya 1905 goda "Ob sovershenstvovanii gosudarstvennogo poryadka". *Zakonodatel'nye akty perekhodnogo vremeni. 1904-1908 gg.* [The Supreme Manifesto of October 17, 1905 “On Improving State Order.” Legislative acts of transitional times. 1904-1908]. *Sbornik zakonov, manifestov, ukazov Pr. Senatu, reskriptov i polozhenii komiteta ministrov, otnosyashchikhsya k preobrazovaniyu gosudarstvennogo stroya Rossii, s prilozheniem alfavitnogo predmetnogo ukazatelya*. SPb.: Yurid. kn. sklad "Pravo", 1909. Pp 150-151. [in Russian]

Zipunnikova, 2010 – *Zipunnikova, N.N.* (2010). Ideologema «Samoderzhavie pravoslavie narodnost'» v politike rossiiskogo gosudarstva v sfere obrazovaniya i nauki pervoi poloviny XIX v.: normativno-pravovoe zakreplenie i problemy realizatsii [The ideologeme “Autocracy, Orthodoxy, nationality” in the policy of the Russian state in the field of education and science in the first half of the 19th century: legal framework and problems of implementation]. *Vestnik Permskogo universiteta*. Yuridicheskie nauki. 4: 7-16. [in Russian]

Основная национальная идея Российской империи XIX века и ее отражение в законодательстве XIX – начала XX веков

Алексей Александрович Фатьянов ^a, Николай Афанасьевич Машкин ^a,
Анна Владимировна Филиппова ^{a, *}

^a Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется содержание трех составляющих идеологемы «Православие. Самодержавие. Народность» как национальной идеи Российской империи, сформулированной графом С.С. Уваровым. Авторы сделали акцент на выявлении степени правовой определенности каждой из составляющих известной триады, а также на выявлении политико-правовой их оценки правоведами, историками и философами конца XIX – начала XX веков. Исследование основано на системном и формально-юридическом анализе ряда законодательных актов Российской империи – Высочайших Манифестов 1881, 1905 и 1906 годов, а также Основных государственных законов от 23 апреля 1906 года. В результате проведенного исследования авторами установлено, что в законодательных нормах указанных актов уже не находят полноты своего отражения все три элемента идеологемы, на основе которых С.С. Уваров предлагал выстраивать систему народного просвещения и государственной службы для укрепления незыблемых основ российской государственности. Отступления от полноты первоначального содержания в разной степени наблюдались в отношении каждой из составляющих национальной идеи. Авторами обосновано, что с наименьшим вмешательством законодательное обличье сохранила составляющая «самодержавие» тогда как «народность» будучи и ранее наиболее неопределенной с правовой точки зрения, в нормах Основных государственных законов вовсе затерялась, несмотря на некоторую попытку введения народного представительства при осуществлении законодательной власти. Отражение категории «православие» как первой из триады русской национальной идеи XIX века было существенно сужено и сводилось лишь к участию русского православного духовенства (и никакого иного) в формировании представительной власти. Таким образом, к моменту принятия Основных государственных законов Российской империи 1906 г. лозунг «Православие. Самодержавие. Народность» не имел своего юридического фундамента.

Ключевые слова: Российская империя, национальная идея, православие, самодержавие, народность, основные государственные законы, конституция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Filippova.AV@rea.ru (А.В. Филиппова),
Fatyantov.AA@rea.ru (А.А. Фатьянов), MashkinN.A.@rea.ru (Н.А. Машкин)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1936-1947
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1936

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Cherkasovs (Keretskys): Pavel Ivanovich Cherkasov (1883–1931)

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

The work is based on the archival materials, introduced into scientific circulation for the first time, examines the main milestones in the life of a Russian official, a native of a peasant family Pavel Ivanovich Cherkasov (1883–1931). The main sources of the work were archival documents, namely a temporary form list of service (undated) and a form list of service for 1910 of Pavel Ivanovich Cherkasov from the State Archive of the Arkhangelsk region (Arkhangelsk, Russian Federation). The materials from the National Archive of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation) were also involved.

In conclusion, the author states that in the history of the Russian Empire, a representative of any class of pre-revolutionary society had the right to move to a more prestigious class. Such an example for the Cherkasov family from Keret was Pavel Ivanovich Cherkasov, who at the age of 17, left without a father, went to work as a watchman in the Keret postal and telegraph office, and upon reaching the age of 21 in 1906, despite the lack of education, made his way as a postman of the Kandalaksha postal and telegraph office and became an official of the Ministry of Internal Affairs. During the First World War, he was transferred as an official of the 5th category to the Keret post and telegraph office, and in 1917 he reached the maximum in his career and became an official of the 6th category – the head of the Olang post office. In 1919, after the closure of the post office in the village of Olanga, he was transferred back to Keret and in December of this year entered the National Militia of the Northern Region, which was part of the Northern White Guard Army of General Miller. The service in the militia was short-lived, since in February 1920 the entire territory of the Northern Region was captured by the Bolsheviks. Since 1920, Pavel Ivanovich began to have health problems, nevertheless, he continued to serve in Kereti until his death in 1931.

Thus, despite the lack of education (Pavel Ivanovich Cherkasov did not even complete the full course of the parish school), with his hard work, dedication and dedication, Pavel Ivanovich managed to get out of the peasant class into the state, becoming a full member of the Russian bureaucracy.

Keywords: Cherkasovs (Keretskys), Pavel Ivanovich Cherkasov (1883–1931), official, postal and telegraph service.

1. Введение

В истории Российской империи имеется немного примеров, когда российские подданные делали в течение жизни карьеру, позволявшую им перейти из одного сословия в более высокое. Очевидно, что население изначально находилось в неравных условиях. Так, например, среди мещан, большая часть которых жила в городах, шанс перейти в чиновничество (в начале XX века в России насчитывалось до 0,5 млн чиновников, а неофициально они представляли статское сословие) был значительно выше, чем у крестьян. Это объяснялось, в том числе, шаговой доступностью в городах училищ и гимназий. Уровень образования весьма существенно сказывался на возможности сделать карьеру, соответственно, получить хорошее образование в сельской местности было практически невозможно. Тем не менее и среди выходцев из крестьянской среды случались примеры, когда

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A.A. Cherkasov)

бывший крестьян переходил в чиновничество. Одним из таких примеров был представитель семьи Черкасовых из Керети – Павел Иванович Черкасов (1883–1931 гг.).

2. Материалы и методы

Основными источниками данной работы стали впервые вводимые в научный оборот архивные документы, а именно временный формулярный список о службе (не датирован) и формулярный список о службе за 1910 г. Павла Ивановича Черкасова (фонд 55 – Управление Архангельского почтово-телеграфного округа) и материалы первой всероссийской переписи 1897 г. из государственного архива Архангельской области (Архангельск, Российская Федерация). Помимо этого, привлекались материалы из национального архива Республики Карелия (Петрозаводск, Российская Федерация).

В методологическом плане в работе были применены историко-биографический и ретроспективный методы. Историко-биографический метод позволил из общего массива информации выбрать наиболее значимые следы, оставленные Павлом Ивановичем Черкасовым за время его службы в почтово-телеграфном ведомстве. Благодаря ретроспективному методу мы смогли рассмотреть исторический портрет личности в хронологической последовательности.

3. Обсуждение

Историография, посвященная отдельным представителям рода Черкасовых (Керетских), начала складываться еще в поздний советский период. Одной из первых работ, в которой упоминался представитель Ивановской ветви семьи, советский изобретатель Павел Иванович Черкасов (1938–2010 гг.), появилась еще в 1984 г. Его фото было опубликовано на обложке журнала «Изобретатель и рационализатор» (*Лучший изобретатель, 1984*). В следующем году в этом же журнале была опубликована статья Ю. Егорова «Общедоступная теплица-автомат и другие разработки лучшего изобретателя Камчатки Павла Ивановича Черкасова», в которой представлены, в том числе, сведения биографического характера об этом выдающемся изобретателе (*Егоров, 1985*).

В 1995 г. уже в журнале «Техника – молодежи» была опубликована статья Ю. Егорова «Черкасовские глиссирующие» (*Егоров, 1995*), посвященная опытно-конструкторским работам П.И. Черкасова по созданию глиссирующих плавсредств. В последние годы в прессе опубликован целый ряд работ о представителях семьи Черкасовых из Керети. Так, в 2022 г. в журнале «Вопросы истории» была опубликована работа об Алексее Павловиче Черкасове (1910–1969 гг.) (*Черкасов, 2022*), в том же году в журнале «Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия «История» была опубликована работа, посвященная боевому пути основателя Ивановской ветви семьи Ивану Ивановичу Черкасову (1902–1969 гг.) (*Черкасов, 2022a*). В 2023 г. в журнале «Былые годы» была опубликована работа, посвященная боевому пути Андрея Тимофеевича Кемова (отец жены основателя Ивановской ветви) в годы Первой мировой войны (*Cherkasov, 2023*). Кроме этого, в журнале «Былые годы» в 2021–2022 г. были опубликованы одна историко-генеалогическая работа, посвященная семье Черкасовых (Керетских) в период со второй половины XVIII века до первой половины XX века (*Cherkasov, 2021*), и труд о комплексе исторических источников по истории данной семьи за период конца XIX – начала XX веков (*Cherkasov, 2022b*).

4. Результаты

Черкасовы (Керетские) – это старинный поморский род, проживавший в селе Кереть с периода Московского царства. Родоначальником семьи является черкасский казак Давыд, родившийся примерно в 1570 г. (*РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 47. Л. 4*).

Павел Иванович Черкасов родился 1 ноября 1883 г. в крестьянской семье в старинном селе Кереть Архангельской губернии. Его отцом был Иван Филиппович Черкасов (1856–1900 гг.), а матерью Гликерия Сергеевна (1855–1918 гг.), в девичестве Дворникова. Семья много поколений занималась в этом поморском селе рыбным промыслом, и ничего не предвещало изменений этой уже устоявшейся традиции.

Родители Павла Ивановича обвенчались 8 февраля 1878 г. (*НАРК. Ф. 25. Оп. 23. Д. 47. Л. 213об.*), накануне завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В семье родилось 9 детей, а последний, 10-й (Иван), родился в 1902 г. уже после смерти главы семейства. Первым родился Александр 28 августа 1879 г., но практически сразу от родимца это ребенок умер. Второй была Анна (16 ноября 1881 г.), которая умерла от родимца спустя 3 месяца. Третьим ребенком и был Павел, родившийся 1 ноября 1881 г.

12 ноября 1885 г. родился четвертый ребенок Филипп, умерший от родимца спустя 6 дней. Пятым ребенком был Феофан, который родился 12 марта 1886 г. Шестым был Степан, родившийся 29 июля 1889 г. Седьмым ребенком была дочь Павла, родилась 1893 г. Восьмым был Алексей, который скончался до переписи 1897 г. В июле 1896 г. родился девятый ребенок Петр, который умер в младенчестве.

Таким образом, Павел являлся старшим ребенком в семье среди выживших (пятеро не пережили младенческого возраста). Несмотря на многодетную семью, отец Иван Филиппович не

только сам был обучен грамоте (закончив обучение в училище системы Министерства народного просвещения), но и дал образование старшему сыну, который обучался в местной церковно-приходской школе, но не окончил ее. Так, согласно Переписи 1897 г., из семи человек (родители и пятеро детей) грамотными, которые умели писать и читать, были только двое – отец и старший сын (ГААО. Ф. 6. Оп. 19. Д. 28. Л. 135). Однако справедливости ради нужно пояснить, что трое из других детей не достигли еще школьного возраста, поэтому обучаться в школе даже чисто гипотетически не могли.

Согласно материалам переписи 1897 г., отец Павла Ивановича в качестве главного занятия занимался рыбным промыслом, а в качестве второстепенного – нанимался поденным работником (ГААО. Ф. 6. Оп. 19. Д. 28. Л. 135). 20 января 1900 г. в возрасте 44 лет отец Иван Филиппович Черкасов скоропостижно умирает, и Павел Иванович становится старшим кормильцем в семье.

Идти по стопам отца Павел Иванович не хотел, в результате в том же 1900 г. в возрасте 17 лет он поступает в Керетское почтово-телеграфное отделение на должность сторожа (НАРК. Ф. П-8. Оп. 4. Д. 3481. Л. 32). Напомним, что почтово-телеграфная служба в то время относилась к Министерству внутренних дел.

В момент своего прихода на работу исполняющим обязанности начальника Керетского почтово-телеграфного отделения был Сергей Федорович Кротов, а надсмотрщиком – Константин Прокопьевич Голштейн (в разных источниках встречается Гольштейн) (Адрес-календарь, 1900: 89).

Поступив на службу в качестве сторожа, Павел Черкасов приложил много усилий, чтобы зарекомендовать себя с наилучшей стороны и попытаться подняться выше по карьерной лестнице. На это потребовалось несколько лет службы.

Необходимо пояснить, что для поступления на службу в качестве чиновника в почтово-телеграфное отделение в начале XX века требовалось, чтобы соискатель имел возраст не менее 21 года, был с определенным образовательным уровнем и физическими возможностями. На позицию почтальонов могли поступать только лица, окончившие так называемый курс наук в уездном или городском училище, то есть соискатель должен был иметь примерно 4 класса образования. Без этого можно было претендовать только на позицию рассыльных или сторожа, где требовалось предоставить удостоверение личности, прошение и сведения об отсутствии судимости (Сидорова, 2019: 146).

В 1905 г., достигнув 21-летнего возраста, Павел Черкасов начал собирать документы для перехода на должность почтальона при наличии вакансии. Среди необходимых документов были отзывы и характеристики. В 1905 г. Павлу Черкасову справку об отсутствии судимости дало Керетское волостное правление Кемского уезда. В документе за №497 от 7 июля 1905 г. отмечалось: «Крестьянин села Керети Павел Иванович Черкасов, от роду 21 года, под судом и следствием не состоит» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 14).

Далее Павел Черкасов начинает ждать наличия вакансии, которая появилась летом 1906 г. В это время в Кандалакшинском почтово-телеграфном отделении (в 150 км на север) вышел в отставку почтальон Ракшин, Павел Черкасов не замедлил подать прошение на замещение этой вакантной должности. Так, 14 июля 1906 г. в своем прошении на имя начальника Кандалакшского почтово-телеграфного отделения Павел писал: «Покорнейше прошу о назначении меня почтальоном во вверенное Вам отделение вместо почтальона Ракшина, имеющего выйти в отставку. Служение мое сторожем около 8-ми лет дало мне возможность хорошо усвоить обязанности почтальона, а также лично я известен Вашему благородию. В настоящее время имею 22 года. Документы находятся в Керетском почтово-телеграфном отделении» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 11).

Прошение сопровождалось отметкой исправляющего должность начальника Керетского почтово-телеграфного отделения от 14 июля 1906 г.: «Сторож Черкасов за время служения в Керети вел себя хорошо, что удостоверяю своим подписом» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 110б.).

3 августа 1906 г. в своем представлении за №386 начальник Керетского почтово-телеграфного отделения писал начальнику Кандалакшского почтово-телеграфного отделения: «Черкасов честный, трезвый и исполнительный» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 13).

По всей вероятности, в начале августа 1906 г. Павел Иванович Черкасов пребывает в Кандалакшу. В результате 8 августа 1906 г. за №357 начальник Кандалакшского почтово-телеграфного отделения отправляет рекомендацию на Павла Черкасова начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа: «Черкасов лично мне известен, поведения хорошего, безукоризненно честный, послушный, расторопный, так что вполне заслуживает определения на должность почтальона» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 12).

11 августа 1906 г. от начальника Архангельского почтово-телеграфного округа последовала резолюция: «определить почтальоном в штат Кандалакшского отделения» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 12).

14 августа 1906 г. последовал приказ начальника Архангельского почтово-телеграфного округа №96, в котором отмечалось: «Определяются на службу... крестьянин Керетской волости Кемского уезда Павел Черкасов почтальоном по найму на оклад 300 рублей в год в штат Кандалакшского почтово-телеграфного отделения» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 15).

Так как почтальоны являлись служащими Министерства внутренних дел Российской империи, то спустя два дня, 16 августа 1906 г., за №15959 поступило распоряжение начальника Архангельского почтово-телеграфного округа начальнику Кандалакшского почтово-телеграфного отделения «Привести почтальона Черкасова к присяге на верность служб... Жалованием по должности и квартирными из оклада 24 рубля в год удовлетворите почтальона Черкасова со дня допущения его к занятиям» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 16-16об.).

9 сентября 1906 г. за №397 начальник Кандалакшского почтово-телеграфного отделения в представлении на имя начальника Архангельского почтово-телеграфного округа отмечал: «Черкасов допущен к занятиям 29 августа, обучался в Керетской церковно-приходской школе, но курса не окончил и свидетельства не имеет, холост» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 17). Так, 29 августа 1906 г. бывший крестьянин Павел Иванович Черкасов становится государственным служащим – почтальоном Кандалакшинского почтово-телеграфного отделения Министерства внутренних дел Российской империи. Недостаток в образовании был с лихвой перекрыт другими положительными качествами Павла Ивановича, поэтому начальство закрыло глаза на этот недочет.

Итак, с 1906 г. Павел Иванович Черкасов стал относиться к статскому составу сельского общества Российской империи. Напомним, что в духовных росписях православных приходов все почтово-телеграфные служащие, включая почтальонов, относились к чиновничеству или к так называемому статскому составу (ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 684. Л. 537-538).

Здесь, в Кандалакше, почтальон Павел Иванович Черкасов познакомился со своей будущей супругой Марией Андреевной Пушкаревой (1887–1976 гг.). Спустя год, 2 августа 1907 г., Павел Иванович Черкасов обращается к своему начальнику с прошением о разрешении брака: «Желая вступить в первый законный брак, почтительнейше прошу Вас исходатайствовать мне перед начальником Архангельского почтово-телеграфного округа 2-недельный отпуск с 23 августа для поездки на родину в с. Кереть» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 19).

В свою очередь, начальник почтово-телеграфного отделения в тот же день за №351 обратился к начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа: «Представляю... прошение почтальона вверенного мне отделения Черкасова о разрешении ему 2-недельного отпуска и доношу, что препятствий на это с моей стороны не имеется». В качестве справки было дописано: «Черкасов служит с 14 августа, в отпусках не был. Предполагалось бы разрешить отпуск» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 18). 13 августа 1907 г. на это прошение от начальника Архангельского почтово-телеграфного округа поступила резолюция: «Исполнить» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 18об.).

Однако по каким-то причинам прошение о разрешении на брак в Архангельск так и не поступило. В результате 19 августа 1907 г. начальник Кандалакшинского почтово-телеграфного отделения телеграфирует начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа: «Покорнейше прошу разрешения на брак почтальона Черкасова. Прошение представлено 2 августа №386» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 21). В ответ на это 20 августа последовала резолюция начальника Архангельского почтово-телеграфного округа о том, что прошение о разрешении вступить в брак не поступало (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 21).

21 августа 1907 г. Павел Черкасов вновь пишет прошение на имя начальника Кандалакшинского почтово-телеграфного отделения: «Желая вступить в первый законный брак с крестьянской девицей Марией Пушкаревой, покорнейше прошу... исходатайствовать мне разрешение на брак перед... начальником Архангельского почтово-телеграфного округа» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 24). В тот же день начальник отделения отправил представление на имя начальника округа: «Представляю... прошение почтальона вверенного мне отделения Черкасова о разрешении вступить в первый брак с крестьянской девицей Марией Пушкаревой». В качестве справки было сообщено: «Почтальон Черкасов холост. Предполагалось бы разрешить вступить в брак» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 23). Спустя 6 дней, 27 августа в ответ на ходатайство поступила резолюция начальника Архангельского почтово-телеграфного округа: «Разрешить» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 23об.).

6 сентября 1907 г. начальник Кандалакшинского почтово-телеграфного отделения в открытом казенном письме на имя начальника округа за №411, отмечал: «Почтальон Черкасов с 6 сентября освобожден от занятий для пользования разрешенным ему 2-недельным отпуском» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 27-27об.).

22 сентября 1907 г. начальник Кандалакшинского почтово-телеграфного отделения за №439 на имя начальника Архангельского почтово-телеграфного округа отмечал: «представляя при сем билет за №16831, выданный на право пользования 2-недельного отпуска почтальону вверенного мне отделения Черкасову, доношу... что Черкасов возвратился из отпуска 21 сентября 1907 г.» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 28).

2 октября 1907 г. за №455 начальник почтово-телеграфного отделения сообщил начальнику округа: «имею честь при сем представить... удостоверение притча Кандалакшинского прихода от 2 октября сего года за № 167 о вступлении почтальона вверенного мне отделения Черкасова в первый законный брак с крестьянской девицей с. Кандалакша Марией Андреевной Пушкаревой» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 30).

26 мая 1909 г. приказом по Архангельскому почтово-телеграфному округу за №34 Павлу Черкасову был назначен оклад жалования 360 руб. в год с 1 мая 1909 г. (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 2).

24 июля 1910 г. начальник Кандалакшинского почтово-телеграфного отделения доносил начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа за №350: «жена почтальона вверенного мне отделения Павла Черкасова родилась 29 марта 1887 г.» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 33). В тот же день начальник Кандалакшинского почтово-телеграфного отделения дополнил свою информацию в донесении за №351: «у почтальона вверенного мне отделения Павла Черкасова 17 марта 1910 г. родился сын Алексей» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 32). Важно пояснить, что согласно документам советского периода день рождения Алексея значится по новому стилю, то есть 30 марта.

20 мая 1912 г. Павел Черкасов обращался за предоставлением месячного отпуска по домашним обстоятельствам, но ввиду того, что в отделение в это время был некомплект сотрудников в этом ему было отказано (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 34-36).

В 1913 г. в Российской империи широко праздновалось 300-летие Дома Романовых. 21 февраля на основании Высочайшего повеления всем чиновникам Министерства внутренних дел, состоящим на службе, 21 февраля 1913 г. было предоставлено право ношения на груди Высочайше учрежденной в память 300-летия царствования Дома Романовых светло-бронзовой медали на ленте белого, желтого и черного цветов (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 2).

25 февраля 1913 г. начальник Кандалакшинского почтово-телеграфного отделения в своем донесении за №127 сообщал, что: «у почтальона вверенного мне отделения Черкасова 23 августа 1912 г. родился сын Петр» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 37).

В 1913 г. начальником Архангельского почтово-телеграфного округа был надворный советник Николай Петрович Лапин (Памятная книжка, 1913: 131). Начальником Кандалакшского почтово-телеграфного отделения в это время являлся коллежский секретарь Яков Владимирович Кириллов, а надсмотрщиком был Филипп Матвеевич Гашев (Памятная книжка, 1913: 191).

В 1914 г. началась Первая мировая война, и по мере того как конфликт затягивался, экономическая ситуация в России ухудшалась. 19 августа 1915 г. Павел Черкасов обратился к своему непосредственному начальству с прошением о переводе: «Прошу ходатайствовать перед... начальником Архангельского почтово-телеграфного округа о переводе меня тем же званием в штат Керетского почтово-телеграфного отделения на первую открывшуюся вакансию, ввиду того что в Кандалакше нет возможности жить семейному. На продукты первой необходимости цены растут все выше и выше, на квартиры цены набавляются еженедельно, за которую я раньше платил 5 руб. в месяц, теперь с открытием постройки Мурманской железной дороги цена возросла до 20 руб. В Керети у меня имеется свой дом, где уже не придется больше половины жалования платить за квартиру. При доме живет мать с малолетним братом (имеется ввиду Иван – А.Ч.), а другой же брат (имеется ввиду Феофан – А.Ч.) на войне. В такое тяжелое время как для меня, так и для матери, мое место службы в Керети имело бы большую поддержку в отношении материального положения» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 39-39об.).

30 сентября 1915 г. последовало объявление начальника Архангельского почтово-телеграфного округа начальнику Кандалакшинского почтово-телеграфного отделения за №27961: «Объявите почтальону вверенного Вам отделения Черкасову, что он зачислен кандидатом на перемещение тем же званием в Керетское почтово-телеграфное отделение» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 40).

С появлением вакансии в Керети 6 декабря 1915 г. Павел Черкасов был направлен из Кандалакши в Кереть (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 43). 7 декабря Павел Черкасов приступил к своим обязанностям в Керетском почтово-телеграфном отделении (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 46-46об.).

В 1915 г. Керетское почтово-телеграфное отделение возглавлял коллежский секретарь Константин Прокопьевич Гольштейн. По данным на 1916 г., в отделении работали чиновники 6-го разряда Федор Федорович Третьяков, Василий Владимирович Шабунин, Алексей Михайлович Никишенков и на должности надсмотрщика – Александр Николаевич Сержипинский (Памятная книжка, 1916: 19).

23 декабря 1915 г. на имя начальника Кандалакшинского почтово-телеграфного отделения поступило уведомление от начальника Архангельского почтово-телеграфного округа за №37696, в котором говорилось: «приказом по округу от 7 декабря № 63 почтальон с окладом 360 руб. в год вверенного Вам отделения Павел Черкасов, согласно прошению, перемещен тем же званием в штат Керетского почтово-телеграфного отделения на оклад 360 руб. в год с 1 декабря» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 44). Такое же уведомление было получено и начальником Керетского почтово-телеграфного отделения (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 45).

24 июня 1916 г. в административный отдел управления Архангельского почтово-телеграфного округа поступила справка главного механика Архангельского почтово-телеграфного округа: «по имеющимся сведениям почтальоны Керетского почтово-телеграфного отделения Черкасов и ... достаточно опытни в замещении должностей надсмотрщиков» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 48).

В ответ на эту справку от начальника Архангельского почтово-телеграфного округа 25 июня 1916 г. за №25579 на имя начальника Керетского отделения пришло распоряжение: «Немедленно произведите почтальонам вверенного Вам отделения Черкасову и ... испытания в знании почтово-телеграфной службы на должности надсмотрщиков и представьте мне их экзаменационные листы» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 49-49об.).

6 июля 1916 г. начальник Керетского отделения за №561 доносил начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа, что: «почтальоны вверенного мне отделения Черкасов и ... выдержать экзамена на должность надсмотрщика пока не могут... слабоваты, поэтому мною рекомендовано им усерднее позаниматься, чтобы пробить скорее возможную себе дорогу» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 50-50об.).

Однако уже спустя 5 дней Павел Иванович будет выдвинут на более высокую позицию. Так, 11 июля 1916 г. в донесении за №570 от начальника Керетского почтово-телеграфного отделения начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа отмечалось: «Вместо чиновника 6-го разряда Китаева при неимении кандидата для обслуживания телеграфа самостоятельно назначить почтальона вверенного мне отделения Черкасова, который хотя так же не принесет той пользы, как неудовлетворительно работающий на аппарате, зато может быть полезен в других отношениях. При этом присовокупляю, что Черкасов – старательный и человек семейный, служит в общем около 17-ти лет. Много раз бывал на исправлении поврежденной линии, что, в особенности не имея опытного надсмотрщика, к тому физически неразвитого, важно сейчас» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 51). На это донесение 3 августа 1916 г. последовала резолюция начальника Архангельского почтово-телеграфного отделения: «Назначить Черкасова почтово-телеграфным чиновником» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 52).

21 июля 1916 г. за №29805 начальник Архангельского почтово-телеграфного округа уведомил Кемское уездное по воинской повинности присутствие, что: «ратник ополчения 2-го разряда призыва 1905 г., происходящий из крестьян Кемского уезда Керетской волости и села, Павел Иванович Черкасов состоит на действительной государственной службе и в занимаемой ныне должности почтальона Керетского почтово-телеграфного отделения с 14 августа 1906 г., почему на основании 25 статьи Устава о воинской повинности (издание 1897 г.) и освобождается от призыва на действительную военную службу» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 53).

29 сентября 1916 г. в ходатайстве за №826 начальник Керетского почтово-телеграфного отделения на имя начальника Архангельского почтово-телеграфного округа отмечал: «при открытии почтового отделения в с. Оланге ходатайствую о назначении почтальона вверенного мне отделения Черкасова чиновником 6-го разряда названного отделения, при этом доношу... что Черкасов человек семейный, к службе относится с усердием и нравственным качеством заслуживает поощрения и служит в ведомстве около 16-ти лет». На документе была также отметка: «в список кандидатов внесен» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 54).

23 февраля 1917 г. начальник Керетского почтово-телеграфного отделения вновь отправил ходатайство начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа: «При открытии Олангского почтового отделения в штат названного отделения почтальона вверенного мне отделения Черкасова чиновником 6-го разряда... на которого возможно будет поручить и заведывание отделением». На ходатайстве стоит резолюция: «Назначить» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 55).

Уже после февральской революции и начале инфляции жалованье чиновников почтово-телеграфной службы было увеличено. Так, 19 мая 1917 г. уведомлением за №24194 начальника Архангельского почтово-телеграфного округа начальнику Керетского почтово-телеграфного отделения отмечалось: «приказом по округу от 18 мая 1917 г. № 23 почтальон вверенного Вам отделения Павел Черкасов назначен на оклад содержания 720 руб. в год с 1 апреля сего года» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 58).

Однако уже в следующем месяце, 7 июня 1917 г., начальник Керетского почтово-телеграфного отделения сообщил начальнику почтово-телеграфного округа: «почтальон Черкасов, назначаемый начальником вновь открываемого Олангского почтового отделения, сего числа выбыл к месту нового служения» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 59).

25 июля 1917 г. за № 34221 начальник Архангельского почтово-телеграфного округа уведомил начальника Кемской почтово-телеграфной конторы о том, что: «Приказом по округу от 6 июля № 33 почтальон Керетского почтово-телеграфного отделения Павел Черкасов назначен начальником Олангского почтового отделения с 10 июня сего года» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 60). Аналогичное уведомление в тот же день было отправлено и в Керетское почтово-телеграфное отделение (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 61).

В этот же день начальник Архангельского почтово-телеграфного округа писал начальнику Олангского почтового отделения Черкасову за №34242: «Содержанием по должности Вы, а равно и остальные служащие отделения будете удовлетворяться начальником Кемской почтово-телеграфной конторы, которому Вы должны доложить о действительном времени исполнения служебных обязанностей сторожами отделения, руководствуясь при найме и увольнении их циркуляром по округу от 13 июня 1908 г. № 13765» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 62).

Таким образом, выходец из крестьян села Керети Павел Иванович Черкасов 10 июня 1917 г., спустя 10 лет после начала своей службы в качестве почтальона, стал чиновником 6-го разряда и начальником почтового отделения в с. Оланга. Это была наивысшая должность за время его карьеры.

Во время службы Павла Ивановича в Оланге в Архангельске произошли судьбоносные изменения. Власти и общество Архангельска не поддержали Октябрьский переворот большевиков. Тем не менее к весне 1918 г., вероятно, благодаря вооруженному захвату власти, управление городом и регионом перешло к большевикам. Впрочем, большевики задержались здесь ненадолго, уже 2 августа 1918 г. в городе вспыхнул антибольшевистский мятеж на фоне приближавшегося к городу английского десанта, и Архангельск был освобожден. Власть в городе и регионе перешла к Временному правительству Северной области. Должность генерал-губернатора области занял Евгений-Людвиг Карлович Миллер.

Однако вернемся к почтовой службе. Возглавлял почтовое отделение Павел Иванович Черкасов чуть менее двух лет, после чего почтовое отделение в связи с Гражданской войной было закрыто. Так, 14 апреля 1919 г. уведомлением за №8438 начальник Архангельского почтово-телеграфного округа начальнику Керетской почтово-телеграфной конторы сообщал: «приказом по округу от 5 апреля 1919 г. № 71 начальник Олангского почтового отделения Павел Черкасов ввиду закрытия отделения оставлен за штатом с 15 марта... Прошу Вас бывшего начпота (начальник почтового отделения – А.Ч.) Черкасова освободить от занятий и удовлетворять содержание по достоинству в течение 6-ти месяцев, считая со дня оставления за штатом с 15 марта» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 63).

Накануне закрытия Олангского почтового отделения исправляющий должность начальника Павел Иванович Черкасов в своем рапорте о предстоящей поездке из Оланги в Кереть от 13 февраля 1919 г. на имя начальника Архангельского почтово-телеграфного округа отмечал: «поясняю, что высокие цены на проезд вызваны отсутствием лошадей на месте, которые находятся почти поголовно на заработках Мурманской железной дороги и отсутствием распорядительности местной власти земства» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 64-64об.).

18 мая 1919 г. донесением за №382 начальник Керетской почтово-телеграфной конторы сообщал начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа, что «за принятием на военную службу ... оставшиеся в штате вверенной мне конторы ... и прикомандированный начальник Олангского почтового отделения Черкасов на аппарате самостоятельно пока работать не могут» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 71).

17 июня 1919 г. из Керети в управление Архангельского почтово-телеграфного округа была отправлена телеграмма начальника Керетской почтово-телеграфной конторы: «бывшего завпота Черкасова, прослужившего в ведомстве 19 лет, человека семейного, назначить в штат конторы чиновником 5-го разряда». На следующий день на документе была поставлена резолюция: «Назначить Черкасова» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 69).

К 1919 г. состояние здоровья Павла Ивановича Черкасова ухудшилось, что нашло свое отражение в следующем документе. Так, 19 июня 1919 г. начальник Керетской конторы сообщал начальнику округа, что: «бывший Олангский начальник почты Черкасов, прослужив в ведомстве 19 лет, утратив за время службы трудоспособность, имея семьи 5 человек, просит назначения чиновником 5-го разряда или почтальоном, оставить в штате Керетской конторы. Ходатайствую о предоставлении ему должности, какую признаете возможной» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 70).

Спустя 2 дня из управления Архангельского почтово-телеграфного округа поступила телеграмма: «заштатный напот (начальник почтового отделения – А.Ч.) Черкасов определяется чиновником 5-го разряда в Кереть. Допустите к занятиям» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 72). 23 июня из Керети поступила ответная телеграмма: «Сего числа Черкасов допущен к занятиям» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 73).

24 июня 1919 г. начальник Керетской почтово-телеграфной конторы сообщил начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа, что у чиновника 5-го разряда Павла Черкасова 25 марта родилась дочь, которой при крещении дано имя Клавдия (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 75-75об.).

30 июня 1919 г. приказом №132 по округу заштатный начальник Олангского почтового отделения Павел Черкасов был назначен почтово-телеграфным чиновником 5-го разряда в штат Керетской почтово-телеграфной конторы (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 74).

10 ноября 1919 г. начальник Керетской почтово-телеграфной конторы доносил начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа, что «чиновник Черкасов и ... несмотря на их желание научиться работать на аппарате Морзе, работают до сих пор слабо. При скоплении нескольких телеграмм к передаче, как это и бывает занятием провода передачей военных телеграмм, если они не передадутся учеником или мною, то будут лежать без движения» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 78-79об.). В ответ на это сообщение 3 января 1920 г. начальник Архангельского почтово-телеграфного округа уведомил за №91 начальника Керетской почтово-телеграфной конторы, что необходимо «предложить чиновнику Черкасову ... ускорить изучение работы на аппарате Морзе в такой степени, чтобы беспрепятственно производить обмен депеш» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 86).

12 декабря 1919 г. начальник Керетской почтово-телеграфной конторы доносил за №760 начальнику Архангельского почтово-телеграфного округа, что «чиновник вверенной мне конторы Павел Черкасов и почтальон ... состоят в местном ополчении добровольцами-ополченцами» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (З). Д. 97. Л. 81). Создание отрядов Национального ополчения Северной области началось еще летом 1919 г., такой отряд был создан и в Керети. Всего в Национальном ополчении насчитывалось около 10 тыс. человек (Дерябин, 2002: 39). В ополчение записывались добровольцы с 17-летнего возраста, имевшие отсрочку от мобилизации или признанные негодными к строевой службе. В результате в ополчение попало много гимназистов, курсантов, чиновников и коммерсантов. Жалованье им не полагалось (Дерябин, 2002: 38). Ополчение несло службу в качестве милиционных частей, обеспечивало охрану общественного порядка и в ряде случаев применялось на фронте против большевиков. Упразднено Национальное ополчение было 21 февраля 1920 г. после падения Северного фронта. Нужно пояснить, что записался в Национальное ополчение Павел Иванович Черкасов уже практически в безвыходной ситуации, так как еще летом 1919 г. англичане покинули Архангельск, предоставив Северную армию генерала Миллера, в которое входило и Национальное ополчение, самим себе. В этих условиях записаться в ополчение можно было только движимым одним чувством – патриотизмом, любовью к своей Родине. Будучи не в силах остаться в стороне в этот грозный час, чиновник почтово-телеграфного отделения Павел Иванович Черкасов надел английский мундир с русским ополченческим крестом на фуражке. Справедливости ради нужно отметить, что в Северной армии генерала Миллера служил и брат Павла Ивановича – Феофан (НАРК. Ф. П-8. Оп. 4. Д. 3481. Л. 32). Феофан служил в качестве рядового (НАРК. Ф. П-8. Оп. 4. Д. 3481. Л. 39). Позднее, в 1930-х гг., дети Павла Ивановича факт поступления и службы добровольцем своего отца в Национальном ополчении Северной области будут тщательно скрывать в автобиографиях, так как их отец был фактическим врагом советской власти.

№	Имя	Должность	Примечание
1	Ташиткин Алексей Крех	Завхоз	
2	Черкасов Павел Иван	Пт. сурман	
3	Ташиткин Алексей Крех	— и —	
4	Ташиткин Алексей Крех	надсмотрщик	
5	Кушнев Иван Яковлев	подрабочий	
6	Самурин Александр	— и —	
7	Пуркова Анна	Пт. сурман	

Васильевский
контора
Пт. сурман
К. Смирнов
27 января 1922 г.
107

Рис. 1. Список рабочих и служащих на 27 января 1922 г. (НАРК. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 1-5а. Л.14)

В феврале 1920 г. власть в Архангельске и в Керети захватили большевики, Северная армия генерала Миллера потерпела поражение. Вне всякого сомнения Павел Иванович Черкасов тяжело переживал эти события.

За 20 лет своей трудовой деятельности Павел Иванович Черкасов хорошо усвоил регламент работы почтовой службы, но работа на аппарате Морзе ему не удавалась. Это привело к тому, что Павел Иванович начал искать вновь место службы в почтовом отделении, то есть там, где телеграфа не было. 27 ноября 1921 г. он обратился с заявлением на имя начальника своей почтово-телеграфной конторы: «По дошедшим до меня слухам, на разъезде Чупа Мурманской желдороги открывается почтовое отделение. Я, как старый служащий, служу в почтово-телеграфном ведомстве с 1900 г., знаком с делопроизводством по почтовой части, что и может доказать мое заведывание Олангским почтовым отделением в течение полутора лет. Ввиду вышесказанного прошу Вашего ходатайства перед Отделом связи Карелии о перемещении меня в Чупинское почтовой отделение на должность квалифицированного служащего» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 88). 10 декабря 1921 г. на заявление была поставлена резолюция: «Поставить в известность Черкасова через завконта (заведующий конторы – А.Ч.), что вопрос об открытии отделения в Чупе пока никем не возбуждался. В случае, если когда и будет открыто там отделение, то Черкасов будет иметься ввиду, зачисляется кандидатом» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 88).

По данным на 27 января 1922 г. Павел Иванович являлся почтово-телеграфным служащим и одновременно совмещал эту должность с заместителем начальника конторы.

Примерно в это же время был составлен список служащих почтово-телеграфной конторы, которые родились в период 1881–1903 гг. Это список был подписан Павлом Ивановичем Черкасовым как заместителем начальника конторы.

№	Имя	Родился	Место рождения	Образование	Служба	Зарплата	Другие сведения
1	Черкасов Павел	1888	26 июля 1888	Среднее	Служба	100	...
2	Савицкий Петр	1900	10 марта 1900	Среднее	Служба	15	...
3	Алексеев Иван	1894	16 июля 1894	Среднее	Служба	...	...
4	Уткин Николай	1888	11 сентября 1888	Среднее	Служба	85	...
5	...	...	...	...	...	105	...
6	...	1882	...	...	...	8	...
7	...	1881	...	...	...	...	...

Рис. 2. Список служащих, родившихся в период с 1881 по 1903 гг. (НАРК. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 449. Л. 57)

6 февраля 1922 г. заведующий почтово-телеграфной конторой сообщил в отдел связи Карелии, что «у служащего вверенной мне конторы Черкасова 5 января сего года родилась дочь Евгения» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 91).

Тем временем состояние здоровья Павла Ивановича продолжало ухудшаться. 1 октября 1922 г. заведующий конторы направил телеграмму в Петросвязь (г. Петроград): «Квалифицированный служащий Черкасов, страдающий ревматизмом, просит разрешения на выезд в Петрозаводск для совета с врачами и бесплатном проезде в почтовом вагоне» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 92). Такая отлучка была разрешена (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 92).

Ограничения по здоровью привели к тому, что квалифицированный работник Павел Иванович Черкасов 16 декабря 1922 г. был уволен со службы в связи с сокращением штата (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 94). Однако вскоре он вернулся на службу, но со значительными понижением, а именно как почтальон-сторож. Так, 9 августа 1923 г. заведующий районной конторы Кемь отмечал, что:

«в настоящее время перемещение почтальона-сторожа почтово-телеграфного отделения Кереть Черкасова в другое предприятие на более высокий разряд за неимением средств на оплату его расходов по переезду состояться не может и он будет иметься ввиду на перемещение при более благоприятных условиях» (ГААО. Ф. 55. Оп. 3 (3). Д. 97. Л. 95).

Согласно имеющимся данным, Павел Иванович Черкасов будет продолжать свою службу в Керетской почтово-телеграфной конторе вплоть до своей смерти в 1931 г. (НАРК. Ф. П-8. Оп. 4. Д. 3481. Л. 32). За это время у него родятся: в 1926 г. – пятый ребенок – дочь Маргарита и в 1928 г. последний (шестой) ребенок – дочь Александра. Образованию своих старших детей Павел Иванович уделит самое пристальное внимание. Так, Алексей Павлович Черкасов окончил сперва школу 1-й ступени в Керети, а потом в 1924–1927 гг. окончил Кемскую школу 2-й ступени и имел образование 7 классов (НАРК. Ф. П-8. Оп. 4. Д. 3481. Л. 30). Петр Павлович Черкасов в 1921–1926 гг. учился в Керетской школе 1-й ступени, в 1927–1930 гг. окончил обучение в Кемской школе 2-й ступени и имел, также, как и старший брат, 7-классное образование (НАРК. Ф. П-27. Оп. 7. Д. 370. Л. 4). Обоим это дало возможность добиться значительных успехов в карьере еще в довоенный период: Алексей стал начальником отдела в Народном комиссариате рыбной промышленности Карело-финской АССР, а Петр – начальником радиоузла в поселке Лоухи.

5. Заключение

Подводя итоги, мы не можем не отметить уникальность судьбы в истории рода Черкасовых (Керетских) – судьбы Павла Ивановича Черкасова (1883–1931 гг.). Из истории Российской империи известно, что представитель любого сословия дореволюционного общества имел право перейти в более престижное сословие. Таким примером для семьи Черкасовых из Керети и стал Павел Иванович Черкасов, который в 17-летнем возрасте, оставшись без отца, пошел работать сторожем в Керетское почтово-телеграфное отделение, а по достижении 21-летнего возраста в 1906 г. несмотря на нехватку образования, пробил себе дорогу в качестве почтальона Кандалакшинского почтово-телеграфного отделения и стал чиновником Министерства внутренних дел. В период Первой мировой войны он переводится чиновником 5-го разряда в Керетское почтово-телеграфное отделение, а в 1917 г. достигает максимума в своей карьере и становится чиновником 6-го разряда – начальником Олангского почтового отделения. В 1919 г. после закрытия почтового отделения в с. Оланга он переводится назад в Кереть и в декабре этого года вступает в Национальное ополчение Северной области, которое входило в состав Северной белогвардейской армии генерала Миллера. Служба в ополчении была недолгой, так как в феврале 1920 г. вся территория Северной области была захвачена большевиками. С 1920 г. у Павла Ивановича начинаются проблемы со здоровьем, тем не менее он продолжает служить в Керети вплоть до своей смерти в 1931 г.

Таким образом, несмотря на недостаточность образования (Павел Иванович Черкасов не окончил даже полного курса церковно-приходской школы), своим трудолюбием, самоотверженностью и преданностью делу Павел Иванович сумел выйти из крестьянского сословия в статское, став полноправным членом российского чиновничества.

Литература

- Адрес-календарь, 1900 – Адрес-календарь Архангельской губернии на 1901 г. Архангельск, 1900.
- ГААО – Государственный архив Архангельской области.
- Дерябин, 2002 – Дерябин А. Белая армия на Севере России. 1918-1920 гг. М., 2002.
- Егоров, 1985 – Егоров Ю. Общедоступная теплица-автомат и другие разработки лучшего изобретателя Камчатки Павла Ивановича Черкасова // *Изобретатель и рационализатор*. 1985. № 6. С. 14-15.
- Егоров, 1995 – Егоров Ю. Черкасовские глиссирующие // *Техника – молодежи*. 1995. № 2. С. 5.
- Лучший изобретатель, 1984 – Лучший изобретатель Камчатки П.И. Черкасов // *Изобретатель и рационализатор*. 1984. № 12. С. 3.
- НАРК – Национальный архив Республики Карелия.
- Памятная книжка, 1913 – Памятная книжка Архангельской губернии на 1913 г. Архангельск, 1913.
- Памятная книжка, 1916 – Памятная книжка Архангельской губернии на 1916 г. Архангельск, 1916.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
- Сидорова, 2019 – Сидорова С.О. Социальный состав служащих почтово-телеграфных учреждений белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вестник Полоцкого государственного университета*. Серия А. 2019. № 1. С. 146-150.
- Черкасов, 2022 – Черкасов А.А. Черкасовы (Керетские): Алексей Павлович Черкасов (1910-1969) // *Вопросы истории*. 2022. 5(2): 122-128.
- Черкасов, 2022а – Черкасов А.А. Боевой путь рядового Ивана Ивановича Черкасова // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета*. Серия «История». 2022. Т. 67. Вып. 2. С. 414-451.

[Cherkasov, 2021](#) – *Cherkasov A.A.* Cherkasovs (Keretskys): Historical and Genealogical Research (based on the Materials from the second half of the XVIII – first half of the XX centuries) // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1671-1682.

[Cherkasov, 2022b](#) – *Cherkasov A.A.* To the Issue of the Complex of Historical Sources of the mid–XIX – early XX centuries (On the Example of Ivan Filippovich Cherkasov' Family) // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1753-1758.

[Cherkasov, 2023](#) – *Cherkasov A.A.* The Combat Path of the Corporal of the 333rd Infantry Glazovsky Regiment Andrei Timofeevich Kemov during the First World War (1914–1915) // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 1007-1033.

References

[Adres-kalendar', 1900](#) – Adres-kalendar' Arkhangel'skoi gubernii na 1901 g. [Address-calendar of the Arkhangelsk province for 1901]. Arkhangel'sk, 1900. [in Russian]

[Cherkasov, 2021](#) – *Cherkasov, A.A.* (2021). Cherkasovs (Keretskys): Historical and Genealogical Research (based on the Materials from the second half of the XVIII – first half of the XX centuries). *Bylye Gody*. 16(4): 1671-1682.

[Cherkasov, 2022](#) – *Cherkasov, A.A.* (2022). Cherkasovy (Keretskie): Aleksei Pavlovich Cherkasov (1910–1969) [Cherkasovs (Keretskys): Aleksei Pavlovich Cherkasov (1910-1969)]. *Voprosy istorii*. 5(2): 122-128. [in Russian]

[Cherkasov, 2022a](#) – *Cherkasov, A.A.* (2022). Boevoi put' ryadovogo Ivana Ivanovicha Cherkasova [The combat path of Private Ivan Ivanovich Cherkasov]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya «Istoriya». 67(2): 414-451. [in Russian]

[Cherkasov, 2022b](#) – *Cherkasov, A.A.* (2022). To the Issue of the Complex of Historical Sources of the mid–XIX – early XX centuries (On the Example of Ivan Filippovich Cherkasov' Family). *Bylye Gody*. 17(4): 1753-1758.

[Cherkasov, 2023](#) – *Cherkasov, A.A.* (2023). The Combat Path of the Corporal of the 333rd Infantry Glazovsky Regiment Andrei Timofeevich Kemov during the First World War (1914–1915). *Bylye Gody*. 18(2): 1007-1033.

[Deryabin, 2002](#) – *Deryabin, A.* (2002). Belaya armiya na Severe Rossii. 1918-1920 gg. [The White Army in the North of Russia. 1918-1920]. M. [in Russian]

[Egorov, 1985](#) – *Egorov, Yu.* (1985). Obshchedostupnaya teplitsa-avtomat i drugie razrabotki luchshego izobretatelya Kamchatki Pavla Ivanovicha Cherkasova [Public automatic greenhouse and other developments of the best inventor of Kamchatka Pavel Ivanovich Cherkasov]. *Izobretatel' i ratsionalizator*. 6: 14-15. [in Russian]

[Egorov, 1995](#) – *Egorov, Yu.* (1995). Cherkasovskie glissiruyushchie [Cherkasovskie glissiruyushchie]. *Tekhnika – molodezhi*. 2: 5. [in Russian]

[GAAO](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [State Archives of the Arkhangelsk Region]. [in Russian]

[Luchshii izobretatel', 1984](#) – Luchshii izobretatel' Kamchatki P.I. Cherkasov [The best inventor of Kamchatka P.I. Cherkasov]. *Izobretatel' i ratsionalizator*. 12: 3. [in Russian]

[NARK](#) – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kareliya [National Archives of the Republic of Karelia].

[Pamyatnaya knizhka, 1913](#) – Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1913 g. [Commemorative book of the Arkhangelsk province for 1913]. Arkhangel'sk, 1913. [in Russian]

[Pamyatnaya knizhka, 1916](#) – Pamyatnaya knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1916 g. [Commemorative book of the Arkhangelsk province for 1916]. Arkhangel'sk, 1916. [in Russian]

[RGADA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. [in Russian]

[Sidorova, 2019](#) – *Sidorova, S.O.* (2019). Sotsial'nyi sostav sluzhashchikh pochtovo-telegrafnykh uchrezhdenii belorusskikh gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Social composition of employees of postal and telegraph institutions of Belarusian provinces in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya A. 1: 146-150. [in Russian]

Черкасовы (Керетские): Павел Иванович Черкасов (1883–1931 гг.)

Александр Арвелодович Черкасов ^{a, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.cherkasov@cherkasgu.net (А.А. Черкасов)

Аннотация. В работе на основе архивных, впервые вводимых в научный оборот, материалов рассматриваются основные вехи жизни русского чиновника, выходца из крестьянской семьи Павла Ивановича Черкасова (1883–1931 гг.).

Основными источниками работы стали архивные документы, а именно временный формулярный список о службе (не датирован) и формулярный список о службе за 1910 г. Павла Ивановича Черкасова из государственного архива Архангельской области (Архангельск, Российская Федерация). Привлекались также материалы из национального архива Республики Карелия (Петрозаводск, Российская Федерация).

В заключении автор отмечает, что в истории Российской империи представитель любого сословия дореволюционного общества имел право перейти в более престижное сословие. Таким примером для семьи Черкасовых из Керети и стал Павел Иванович Черкасов, который в 17-летнем возрасте, оставшись без отца, пошел работать сторожем в Керетское почтово-телеграфное отделение, а по достижении 21-летнего возраста в 1906 г., несмотря на нехватку образования, пробил себе дорогу в качестве почтальона Кандалакшинского почтово-телеграфного отделения и стал чиновником Министерства внутренних дел. В период Первой мировой войны он переводится чиновником 5-го разряда в Керетское почтово-телеграфное отделение, а в 1917 г. достигает максимума в своей карьере и становится чиновником 6-го разряда – начальником Олангского почтового отделения. В 1919 г. после закрытия почтового отделения в с. Оланга он переводится назад в Кереть и в декабре этого года поступает в Национальное ополчение Северной области, которое входило в состав Северной белогвардейской армии генерала Миллера. Служба в ополчении была недолгой, так как в феврале 1920 г. вся территория Северной области была захвачена большевиками. С 1920 г. у Павла Ивановича начинаются проблемы со здоровьем, тем не менее он продолжает служить в Керети вплоть до своей смерти в 1931 г.

Таким образом, несмотря на недостаточность образования (Павел Иванович Черкасов не окончил даже полного курса церковно-приходской школы), своим трудолюбием, самоотверженностью и преданностью делу Павел Иванович сумел выйти из крестьянского сословия в статское, став полноправным членом российского чиновничества.

Ключевые слова: Черкасовы (Керетские), Павел Иванович Черкасов (1883–1931 гг.), чиновник, почтово-телеграфная служба.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1948-1959
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1948

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Traditional Use of Siberian Pine in Northern Pre-Urals in the late 19th – early 20th centuries based on the Archival Data

Alexei A. Aleinikov ^{a, *}

^a Center for Forest Ecology and Productivity of the RAS, Moscow, Russian Federation

Abstract

Traditional land use has a significant impact on the transformation of forest ecosystems in the pre-industrial period. Understanding the structural elements of ecosystems that have been altered by previous anthropogenic activities is crucial. The archival data is an important and indispensable source of information about the peculiarities of the interaction of peasants with the surrounding forests. Siberian stone pine is one of the longest-lived tree species in boreal forests. Siberian stone pines start seeding at a later age of 150-200 and consequently recover slowly after forest fires and cuttings. Pine nuts were a valuable food source and a crucial subject of trade for peasants. However, despite the value and limitation of this resource, the peasants of Northern Pre-Urals throughout the 19th century actively exterminated it for nuts and wood, which were used for interior decoration and household furniture, repairs and construction. The article presents an analysis of new archival data that clarifies the features of the use of Siberian stone pine by the local population. Peasants cut large trees from 36 to 62 cm in diameter for wood and nuts. These were adult generative trees that produced maximum seeds. Systematic cuttings of such trees had gradually reduced Siberian stone pines in the forests around the villages. The archive data significantly expanded our understanding of the extent of the territories where peasants cut down stone pines. Peasants cut stone pines not only in the farmer forests around the villages but also around the huts, which were located along winter roads and hunting trails. The stone pines were also cut down around fishing areas to make wood barrels for salting fish. Therefore, the archival data about all past hunting huts, hayfields and fishing areas are extremely important for further ecological researches.

Keywords: traditional land use, boreal forests, large trees, Perm province, *Pinus sibirica*, selective cutting, Siberian pine nut gathering.

1. Введение

В последние десятилетия происходит переосмысление роли разных видов традиционного природопользования и их долгосрочных последствий в формировании современных лесов. На протяжении нескольких тысяч лет человечество играло важную роль в трансформации лесных экосистем (Feurdean et al., 2011; Foster et al., 1998; Kaplan et al., 2009). Несмотря на многолетние исследования многие вопросы все еще остаются недостаточно исследованными, в том числе последствия воздействия человека на отдельные виды деревьев, обладающих особыми свойствами (Caetano Andrade et al., 2019; Cywa, 2018; Grant et al., 2011). Кедровые сосны – одни из хозяйственно-ценных (пищевых) видов деревьев, традиционное использование которых исчисляется тысячелетиями (Pokorný et al., 2023). Главная ценность кедров заключается в орехах, имеющих высокие пищевые и вкусовые качества. В этнографической литературе накоплено много данных по использованию кедровых орехов в разных хозяйственных культурах Европы и Сибири (Mattalia et al., 2013).

* Corresponding author

E-mail addresses: aaacastor@gmail.com (A.A. Aleinikov)

Начиная с конца XIX века ареал кедра сибирского в европейской части сокращается (Кеппен, 1883; Крестьяшин, 1972; Непомилуева, 1974). Значительное сокращение произошло в XX веке в связи с интенсивным освоением лесов, но также нельзя исключать, что ареал кедра уже был сокращен в результате рубки деревьев местными жителями. Цель статьи: обобщить разрозненные литературные данные и ввести в научный оборот новые архивные сведения о традиционном использовании крестьянами кедра сибирского в конце XIX – начале XX века в Северном Предуралье.

2. Материалы и методы

Северное Предуралье – территория западного макросклона Северного Урала на стыке Пермского края и Республики Коми. В статье рассматривается территория, ограниченная бассейнами трех рек: Верхней Вишеры, Колвы и Верхней Печоры. Суровые климатические и орографические условия долгое время сдерживали освоение этой территории, поэтому оседлое население появилось намного позже южных и западных территорий европейской части России. В средние века эту местность населяли манси (вогулы), которые вели кочевой образ жизни и занимались охотой, рыболовством и собирательством (Алейников, 2017). Первые русские поселения вдоль р. Колва появились только во второй половине XVII века: д. Корепино в верховьях р. Колвы; д. Березовая на р. Березовой и д. Фадино на р. Вишерке (Чагин, 2017). Примерно в это же время появилась первая деревня на Печоре (Усть-Волосница) (Алейников, Чагин, 2015). Во второй половине XIX века население вдоль рр. Колвы и Вишеры резко увеличилось за счёт внутреннего прироста, и русские поселенцы начали колонизировать свободные казённые земли. Северное Предуралье – одна из немногих территорий в Европейской части России, где ещё на рубеже XIX – XX вв. сохранялась низкая плотность населения, практически полное отсутствие дорожной сети и крупные лесные массивы. В последние десятилетия этот район был предметом историко-географических исследований: информация о прошлых поселениях, тропах, пожарах, количестве заготовленных лесных материалах, казённых оброчных статьях позволила глубже понять роль местного населения в трансформации лесов и их пожарного режима (Aleinikov, 2019; Ryzhkova et al., 2022). На основе анализа сохранившегося архивных материалов изучены особенности сохранившегося архаичного подсечно-огневого земледелия в конце XIX-начале XX веков (Aleinikov, Lisitsyna, 2023; Drobyshev et al., 2023).

В статье проанализированы ранее неизвестные архивные источники конца XIX – начала XX веков по лесничествам Чердынского уезда Пермской губернии и частично Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, сохранившиеся в Чердынском краеведческом музее имени А. С. Пушкина (ЧКМ) и Государственном архиве Вологодской области (ГАВО) а также отдельные документы из Российского государственного исторического архива (РГИА). Наиболее ценными следует считать корпус первичных документов лесничеств Чердынского уезда, в том числе Дела о нарушениях Лесного устава. Важно отметить, что архивные документы по вопросам лесного планирования и протоколы нарушений имели небольшой срок хранения (15 лет) по истечении которого уничтожались, поэтому сохранившиеся дела – уникальный источник сведений о прошлой экологической роли местного населения (Aleinikov, Lisitsyna, 2023). В архивах были обнаружены 15 дел о нарушениях Лесного устава, в которых в качестве объекта самовольной порубки был кедр Сибирский. В описаниях содержатся сведения о месте самовольной порубки, диаметре срубленных деревьев, материалах, которые были в дальнейшем получены из бревен, а также о размерах и виде взысканий. Большинство нарушений произошло в Колвинском и выделенном из него в 1894 году Чусовском лесничествах Чердынского уезда Пермской губернии и охватывают период с 1885 по 1916 год.

Дополнительно обобщены материалы о кедровом промысле, опубликованные в Лесном журнале, Пермских губернских ведомостях, а также малоизвестные этнографические источники второй половины XIX – начала XX века. До 1918 года в России использовали русскую систему мер длины, площади и объема. Эти меры использованы в изученных делах. Для облегчения восприятия они были переведены в современные метрические (Шевцов, 2017).

Отсутствие картографических материалов и количественных данных о лесах существенно затрудняет оценку динамики кедра в лесах Северного Предуралья. В этом случае могут помочь исследования, основанные на локальных источниках и микроисторическом подходе, которые дают представление об отдельных фактах лесопользования, а также о взаимоотношениях крестьян и лесной стражи. Основной метод, используемый в работе – анализ документов, то есть систематический процесс просмотра или оценки документов как печатных, так и электронных. Как и другие аналитические методы в качественных исследованиях, анализ документов требует изучения и интерпретации данных для придания смысла, а также развития эмпирического знания (Bowen, 2009). Аналитическая процедура включала поиск, отбор, оценку и обобщение данных, содержащихся в различных законодательных нормах и правилах с соответствующими приложениями.

3. Обсуждение

История лесного хозяйства Урала многократно становилась предметом многочисленных исследований (Чернов, Торлопов, 1998; Турков 2021). Однако важно помнить, что к концу XIX века на

Урале существовала пестрая мозаика форм собственности на леса, обусловленная давностью, продолжительностью и особенностями хозяйственного освоения этой территории (Боков, 1899; Чернов, 2006b). Причем в разных частях Урала набор лесов разных форм собственности и их соотношение менялись. Значительное число работ посвящено особенностям эксплуатации горнозаводских и частновладельческих лесов (Зыкин, 2023; Теринов, 1970; Турков, 2020; Чернов, 2006а; Чернов, 2014; Шибаев, 2006; Шибаев, 2008), меньше – особенностям ведения хозяйства в казенных лесах (Алейников, 2021; Зеликман, 1913; Фаас, 1922).

Одно из активно развиваемых направлений современных исследований – разнообразные аспекты взаимодействия леса и крестьян, а также история традиционного и промышленного природопользования (Eriksson, 2022; Fedotova, Korchmina, 2020). Показаны долгосрочные последствия разных типов воздействия на разных пространственных уровнях даже спустя столетия (Dahlström et al., 2006). Прошлая человеческая деятельность сохранила заметные следы в нынешнем лесном ландшафте: возраст, запас, состав лесов, а также видовое разнообразие грибов менялись в зависимости от расстояния до населенных пунктов (Tikkanen et al., 2017; Tikkanen, Chernyakova, 2014).

Малоисследованным остается такой вид традиционного природопользования, как собирательство – форма присваивающего хозяйства, основанная на сборе готовых видов пищи. Собирательство вместе с охотой и рыболовством составляют единый хозяйственно-культурный тип присваивающего хозяйства, распространенный в том числе и среди немногочисленного населения лесной зоны (Итс, 1991). Исследования пищевых растений в бореальных лесах немногочисленны (Kolossova et al., 2020). Среди пищевых деревьев следует выделить кедровые сосны: европейскую и сибирскую, которые пользовались большим спросом (Данченко и др., 2016; Непомилуева, 1974; Петров, 1961; Поварницын, 1944; Поле, 1913). К настоящему времени накоплены археологические и этнографические сведения, подтверждающие использование кедровых орехов с глубокой древности (Pokorný et al., 2023; Rösch et al., 2005; Дунин-Горкавич, 1904; Милованович, 1926; Соёнов, 2002). Наибольшее значение ореховый промысел имел в Западной Сибири, особенно в Томской губернии. Например, в Бийском округе сбором орехов зарабатывали на жизнь 1,5 тыс. чел. За сезон два человека могли собрать до 250 мешков орехов (Дегальцева, 2010; Рубакин, 1908). С 1899 по 1908 гг. по сибирскому железнодорожному пути ежегодно перевозилось около 189 тыс. пудов (более 3 млн. т) орехов (Крылов, 1964). Однако, несмотря на значимость кедрового промысла, отношение к кедру у крестьян сильно отличалось. В Сибири, например, где расположены самые продуктивные кедровники, было характерно более щадящее и рациональное отношение населения к ресурсу: сельские сходы запрещали сбор кедровых орехов до их полного созревания и устанавливали наказание за нарушение сроков сбора (Белявский, 1907; Швецов, Юхнев, 1900). Подобное отношение к кедрам сохранялось большую часть XX века (Мягков, 2013). Однако на европейской части России, где проходит западная граница его сплошного распространения и практически отсутствуют чистые кедровники, фиксировали варварское отношение к кедру (Кеппен, 1883). Тем не менее средний сбор орехов в южных частях Печорского края достигал 1500 пудов (около 24 т) в том числе для экспорта на европейские рынки (Отчет..., 1867). Высокие цены и спрос провоцировали бесконтрольную рубку: в отдельные годы в Печорском крае вырубалось до тысячи деревьев (Латкин, 1853). В 1868–1883 годы выходят многочисленные публикации в Архангельских и Пермских губернских ведомостях о необходимости сохранности кедров из-за их уничтожения во время сбора шишек. Вероятно, из-за массовой рубки деревьев в урожайные годы рубка отдельных деревьев ради древесины оставалась малозаметна, но она тоже имела экологические последствия.

4. Результаты

В начале XIX века Северное Предуралье относилось к Усть-Сысольскому уезду Вологодской губернии и Чердынскому уезду Пермской губернии. Бассейны рек Верхней Печоры, Вишеры и Колвы оставались наименее освоенными (Алейников, Чагин, 2015; Попов, 1811; Чагин, 2017). До середины XIX века система управления казенными лесами фактически отсутствовала, в отличие от горнозаводских лесов, которые начали исследовать и устраивать (приводить в известность) раньше (Мозель, 1864). Поэтому вплоть до первой трети XX века какие-либо количественные сведения о распространении кедр в лесах отсутствуют. Однако на протяжении всего XIX и начала XX века исследователи и путешественники упоминают о произрастании кедр в Вологодской и Пермской губерниях (Батуев, 1902; Белдыцкий, 1916; Боровский, 1855; Глушков, 1906; Грюнер, 1905; Зеликман, 1913; П.Н. Крылов, 1926; Попов, 1811; Теплоухов, 1856). Некоторые авторы отмечали его редкость (кедр встречался только в виде примеси в пихтово-еловых лесах) и исключительные размеры кедровых деревьев (диаметр ствола до 2 м) (Боровский, 1855; Сонни, 1839). Также было замечено, что древесина кедр имеет свои особенности: ее мягкость, легкость, приятный запах и цвет, устойчивость к гнилям, поэтому крестьяне ее использовали при устройстве полов, столов, скамеек, косяков и прочего внутреннего убранства своих жилищ (Попов, 1811; Батуев, 1902). Однако, как уже было отмечено, наибольшую ценность имели кедровые орехи. Сбор кедровых орехов, кедровый промысел, сильно отличался даже в соседних уездах. Например, в Верхотурском уезде (Северное Зауралье) участки казенного леса с кедром сдавали в аренду местным крестьянам, которые бережно относились

к деревьям. В это же самое время крестьяне Усть-Сысольского, Чердынского и Соликамского уездов (Северное Предуралье) ради сбора шишек срубали деревья (Арсеньев, 1881; Белдыцкий, 1916; Грюнер, 1905; Зеликман, 1913). “...Урожай орехов - гибель для кедровых лесов”, говорят видевшие эту эксплуатацию: шишек не снимают каким-нибудь орудием, а рубят дерево. Для этого промысла крестьяне отправляются в лес, часто с семьями и рубят высокие деревья; с иного снимают от 1000 до 1500 шишек. Во время урожая сколько этих деревьев истребляется в одно лето, если вспомнить, что для пуда орехов нужно от 800 до 1000 шишек и что орехов в иной год добывают тысячи пудов. Когда станешь говорить о сбережении кедров, они спокойно отвечают: “не вырубишь всех, есть их много: на нас достанет...” (Арнольд, 1899: 385-386).

В архивах сохранилось крайне мало сведений о лесах и лесном хозяйстве первой половины XIX века. Можно предположить, что, несмотря на отсутствие фактической охраны лесов, бесконтрольное пользование лесными ресурсами, низкая численность населения в этот период незначительно влияла на распространение кедр. Во второй половине XIX века увеличивается численность населения, строятся новые дома и, вероятно, возрастает потребность в кедровой древесине. В результате уже к концу XIX века сокращение кедр в лесах было заметно даже современникам (Арсеньев, 1881). Вероятно, в казенных лесничествах существовал негласный запрет на рубку кедров, хотя пока никаких прямых подтверждающих документов не обнаружено. Но запрет рубки кедров все-таки был отражен в некоторых договорах, например, о заготовке дров для Кутимского завода (Боков, 1899). Также запрет рубки кедров – одно из условий контракта 1900 года с «Французским анонимным обществом эксплуатации лесов Верхней Печоры», которому было разрешено вырубить более 2,3 млн. пиловочных деревьев всех остальных пород (РГИА. Ф. 22. Оп. 4. Д. 378. Л. 107).

Большинство сохранившихся дел были составлены в пределах той части Колвинского лесничества, которая с 1894 года стала самостоятельным Чусовским лесничеством (таблица). В делах описана самовольная рубка 22 кедров с диаметром основания от 36 до 62 см, средний диаметр 46±1,6 см. Нарушители – местные жители, проживавшие в деревнях вдоль реки Колвы и ее основных притоков: Вишерки и Березовой. Несколько самовольных порубок кедр были совершены крестьянами из деревень, расположенных значительно ниже по р. Колве (д. Бигичи). Эти наемные крестьяне нарубили себе кедровых плах во время работы на лесозаготовках. Возможно, крестьяне вынуждены были заготавливать кедровую древесину за более чем 100 км (напрямую) от дома, поскольку в окрестностях некоторых деревень кедр уже отсутствовал. Это, кстати, подтверждается описаниями крестьянских надельных лесов, в которых преобладали лиственные древостои (Материалы..., 1901).

Таблица 1. Сведения о самовольных порубках кедр

Год	Место нарушения	Диаметр у основания, число срубленных кедров	Что было сделано из кедр	Наказание	Источник
1885	Колвинское лесничество, урочище Ларевское, в 2-верстах от выс. Семь Сосен	45 см – 2 шт.	плахи в дом	13 руб. + 2 месяца ареста	ЧКМ., ФЛ. Колвинское л-во. 1885. Л. 15-20
1887	Колвинское лесничество, вдоль реки Шудья	40 см – 1 шт.	плаха длиной 6,4 м, толщиной 9 см – 2 шт.	4 руб. 92 коп.	ЧКМ., ФЛ. Колвинское л-во. 1887. Л. 73-85
1887	кр-н Корепинской волости, деревни Березовая Алексей Марков Собянин	62 см – 1 шт. 58 см – 1 шт.	плаха длиной 6,4 м, толщиной 9 см – 4 шт. для дома	8 руб. 16 коп.	ЧКМ., ФЛ. Колвинское л-во. 1887. Л. 95-100.
1887	Колвинское лесничество, верховья реки Березовой	52 см – 1 шт.	плаха длиной 10,5 м – 1 шт., длиной 4,8 м – 2 шт., из одной плахи сделано корыто	7 руб. 08 коп.	ЧКМ., ФЛ. Колвинское л-во. 1887. Л. 115-123.

Год	Место нарушения	Диаметр у основания, число срубленных кедров	Что было сделано из кедра	Наказание	Источник
1890	Колвинское лесничество, урочище Верх-Вишерское	36 см – 1 шт.	столб для двора	3 руб. 39 коп.	ЧКМ., ФЛ. Колвинское л-во. 1890. Л. 42-46.
1892	Колвинское лесничество, урочище Верх-Вишерское, в 3 верстах от деревни Фадиной	45 см – 1 шт.	чурки длиной 2,5 м, в дальнейшем расколоты на доски для дома	8 руб. 20 коп.	ЧКМ., ФЛ. Колвинское л-во. 1892. Л. 45-49.
1895	Чусовское лесничество	45 см – 1 шт.	чурки длиной 2 м, одна из чурок распилена на доски	6 руб. 53 коп.	ЧКМ., ФЛ. Чусовское л-во. 1895. Л. 163-169.
1895	Печерское лесничество Усть-Сысольского уезда, верховья р. Березовой	> 40 см - 1 шт.	лодка	3 руб. 30 коп.	ЧКМ., ФЛ. Чусовское л-во. 1895. Л. 34-45.
1899	Чусовское лесничество, урочище Еловское, возле избы	31 см (на высоте 1,3 м) - 1 шт.	плахи в избушку на нары и лавки	н/д	ЧКМ., ФЛ. Чусовское л-во. 1899. Л. 17-22.
1903	Чусовское лесничество, урочище Щугорское, в 53 км вверх по течению от устья р. Щугор	53 см - 1 шт.	лодка	15 руб.	ЧКМ., ФЛ. Чусовское л-во. 1903. Л. 19-24.
1904	Чусовское лесничество, окрестности поселения зырян у Березовского озера	36 см - 2 шт. 40 см - 2 шт. 44 см - 3 шт. 53 см - 1 шт.	сбор шишек	45 руб. 70 коп.	ЧКМ., ФЛ. Чусовское л-во. 1904. Л. 30-37.
1904	Чусовское лесничество, урочище Вижайское, возле избы	58 см - 1 см	часть ствола длиной 11 м искололи на доски и плахи, из комля - колода для корма лошадей	17 руб. 67 коп.	ЧКМ., ФЛ. Чусовское л-во. 1904. Л. 253-259.
1906	Чусовское лесничество, урочище Вижайское, возле избы	49 см - 1 шт.	кедр раскололи на две части и сделали плахи по 2 м для столов в избе	10 руб. 62 коп.	ЧКМ., ФЛ. Чусовское л-во. 1906. Л. 174-176.
1916	Чусовское лесничество, оброчная статья, возле избы	49 см – 1 шт.	для устройства амбара у избы	4 руб. 82 коп.	ЧКМ., ФЛ. Чусовское л-во. 1916. Л. 54-60.

Примечание. ЧКМ – Архив Чердынского краеведческого музея, ФЛ – фонд лесничеств.

Следует отметить несколько особенностей. Так, из 14 дел только 1 самовольная порубка кедров была связана со сбором кедровых шишек коми-зырянами, незадолго до этого поселившимися около Березовского озера. Тем не менее, это самая масштабная порубка среди всех дел – 8 деревьев. Подобный случай также известен из Печорского лесничества Усть-Сысольского уезда, где в 1893 году двух крестьян Помоздинской волости обвинили в самовольной рубке 8 кедров для сбора шишек (ГАВО. Ф. 276. Оп.1. Д. 6242). Это случаи подтверждают, что в урожайные годы кедровые рубили в огромном количестве. К сожалению, пока не обнаружено никаких данных о законном кедровом промысле на изучаемой территории, хотя в литературе отмечено, что лесничества выдавали билеты на сбор орехов при предъявлении железных когтей для лазанья по деревьям (Грюнер, 1905).

Большинство описанных самовольных порубок – рубка единичных кедров ради древесины для изготовления мебели. Обычно срубленные кедровые бревна превращали в плахи толщиной до 10 см, реze распиливали на чурки, которые затем раскалывали на доски. В одном случае из кедра был сделан стол, в двух случаях – лодка. Вероятно, строительство лодок из цельного кедрового бревна было распространено, поскольку такая же лодка была замечена на р. Унье (приток р. Печора) в 1870–1880-е годы (Крылов, 1926).

Наказание за самовольную рубку заключалось в виде денежного взыскания, которое состояло из нескольких частей: стоимость срубленного дерева, определяемая по таксам для сосны с надбавкой 20% + штраф в размере двойной стоимости срубленного дерева. В итоге крестьянин оплачивал тройную стоимость срубленного дерева. При конфискации материалов крестьянин оплачивал только штраф. В случае невозможности оплатить взыскание крестьянина приговаривали к общественным /казенным работам, если же такого запроса не было, то его могли арестовать на срок до трех суток.

Анализ локаций самовольных рубок показал, что крестьяне рубили кедровые деревья не только возле деревень, но даже вокруг своих изб, расположенных в оброчных статьях, вдоль зимних дорог и охотничьих троп. Несмотря на высокие штрафы, местные жители предпочитали использовать древесину кедра даже при обустройстве изб, в которых из кедра делали столы, нары (полати) а также колоды для кормления лошадей.

Еще одно специфическое использование кедровой древесины было описано П.Н. Крыловым (1926) заметившим, что рыбаки прямо на рыболовецком стане из кедров делают кадушки и бочки для засолки рыбы.

ЗадOCUMENTированные факты существенно дополняют представление об использовании кедровой древесины в повседневной жизни крестьян, размерах используемых деревьев и, самое главное, о масштабах лесов, трансформируемых крестьянами. Становится очевидно, что кедровые деревья рубили не только вокруг постоянных населенных пунктов, но даже вокруг временных жилищ – охотничьих и рыболовецких изб, а также полевых станов и оброчных статей.

5. Заключение

Традиционное природопользование крестьян – один из главных факторов трансформации лесных экосистем в доиндустриальный период. При исследовании современных лесов крайне важно понимать, какие элементы ландшафта были изменены предшествующей антропогенной деятельностью. Архивные сведения – ценный и незаменимый источник информации об особенностях прошлого взаимодействия крестьян с окружающими их лесами. Особенно это важно при исследовании долгоживущих видов деревьев, таких как кедр Сибирский, который начинает поздно семеносить (не раньше 150–200 лет) и очень медленно восстанавливается после нарушений. Кедровые орехи были не только лакомством для крестьян, но и одним из главных предметов торга. Однако, несмотря на ценность и ограниченность этого ресурса, крестьяне Северного Предуралья на протяжении XIX века активно истребляли его не только ради орехов, но и древесины, которую использовали для внутреннего убранства и обустройства жилищ, при ремонте и строительстве домов. Для этих целей крестьяне рубили деревья диаметром от 36 до 62 см – взрослые генеративные деревья, основная функция которых заключалась в регулярном производстве семян для поддержания устойчивого потока поколений. Систематическая рубка таких деревьев постепенно привела к сокращению кедра в лесах вокруг деревень. Архивные сведения и заметки естествоиспытателей существенно дополняют наши представления о масштабах этого вида природопользования. Помимо крестьянских казенных лесов, примыкавших к деревням, кедровые деревья рубили вокруг изб, расположенных вдоль зимних дорог, охотничьих троп, а также рыболовецкие станы, где из кедров изготавливали бочки и кадушки для засолки рыбы. Поэтому для дальнейших исследований крайне важна архивная информация обо всех прошлых охотничьих избах, сенокосах, рыболовецких станах, оброчных статьях.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-24-00294 «Леса Северного Предуралья в первой трети XX века как отражение исторического традиционного и промышленного природопользования»

Литература

- Алейников, 2017 – Алейников А.А. Население и особенности трансформации природных ландшафтов бассейна Верхней Печоры до начала русской колонизации в XV-XIX вв. // *Russian Journal of Ecosystem Ecology*. 2017. Vol. 2(3). Pp. 1-16.
- Алейников, 2021 – Алейников А.А. Историко-географические причины сохранности ненарушенных темнохвойных лесов Северного Урала // *Лесоведение*. 2021. № 6. С. 593-608.
- Алейников, Чагин, 2015 – Алейников А.А., Чагин Г.Н. Население в верховьях Печоры и Уньи в конце XIX – начале XX века / *Труды Печоро-Ильчского Заповедника*. 2015. № 17. С. 4-12.
- Арнольд, 1899 – Арнольд Ф.К. Русский лес. Т. 2. Ч. 2. СПб: А. Ф. Маркса. 585 с.
- Арсеньев, 1881 – Арсеньев Ф.А. Картины Дальнего Севера. Щугор. Из охотничьих рассказов / Вологодский сборник, издаваемый Вологодским губернским статистическим комитетом. Вологда, 1881. С. 154-208.
- Батуев, 1902 – Батуев Н.Г. Краткий очерк Колвинского лесничества // *Лесной Журнал*. 1902. № 3. С. 487-536.
- Белдыцкий, 1916 – Белдыцкий Н.П. О русском севере и необходимости его изучения / Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Пермь, 1916. Вып. II. С. 220-231.
- Белявский, 1907 – Белявский Ф.Н. Промыслы и занятия населения / Полное географическое описание нашего Отечества. Западная Сибирь. Т. 16. СПб, 1907. С. 282-360.
- Боков, 1899 – Боков В.Е. Деревообрабатывающая промышленность в Пермской губернии. Пермь, 1899. 354 с.
- Боровский, 1855 – Боровский. Печорский край в географическом, статистическом и лесном отношении // *Лесоводство и Охота*. 1855. № 9. Приложение. С. 1-16.
- Глушков, 1906 – Глушков Н.Н. Лесное хозяйство в Пермском нераздельном имении графа Сергея Александровича Строганова // *Лесной Журнал*. 1906. Т. 7. С. 691-714.
- Грюнер, 1905 – Грюнер С.А. Очерк флоры северной части Чердынского уезда Пермской губернии / *Зап. Урал. общества любителей естествознания*. 1905. Т. 25. С. 70-113.
- Данченко и др., 2016 – Данченко А.М., Данченко М.А., Мясников А. Г., Бех И.А. Кедр России. Томск, 2016. 298 с.
- Дегальцева, 2010 – Дегальцева Е.А. Хозяйственная культура коренного населения Сибири // *Вестник Томского Государственного Университета. История*. 2010. Т. 1. № 9. С. 104-109.
- Дунин-Горкавич, 1904 – Дунин-Горкавич А.А. Тобольский север. СПб., 1904. 282 с.
- Зеликман, 1913 – Зеликман М.Н. Записка о лесах Пермской и Вятской губерний. Пермь, 1913. 53 с.
- Зыкин, 2023 – Зыкин И.В. Исследование и эксплуатация лесов Николае-Павдинского горного округа в начале XX в. // *Экономическая История*. Т. 19. № 1. С. 66-75.
- Итс, 1991 – Итс Р.Ф. Введение в этнографию: Учебное пособие. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. 168 с.
- Кеппен, 1883 – Кеппен Ф. Географическое распространение хвойных пород. М., 1883. 634 с.
- Крестьяшин, 1972 – Крестьяшин Л.И. О возобновлении кедра сибирского в Пермской области / Кедр сибирский на европейском севере СССР: его распространение, возобновление и культура. Л.: Наука, 1972. С. 76-80.
- Крылов, 1964 – Крылов А.Г. Классификация кедровых лесов Алтая // *Известия СО АН СССР. Сер. Биология*. 1964. Т. 8. № 2. С. 40-47.
- Крылов, 1926 – Крылов П.Н. Вишерский край: исторический и бытовой очерк Северного Приуралья. Свердловск, 1926. 45 с.
- Латкин, 1853 – Латкин В. Дневник Василия Николаевича Латкина, во время путешествия на Печору, в 1840 и 1843 годах. Тип. Имп. Акад. наук. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1853. 143 с.
- Материалы..., 1901 – Материалы к оценке земель Пермской губернии. Чердынский уезд. Т. III. Вып. 1. Пермь., 1901. 287 с.
- Милованович, 1926 – Милованович Д.А. Леса Печорского края. 1926. Рукопись.
- Мозель, 1864 – Мозель Х.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба [Т. 18]: Пермская губерния. ч. 2. СПб.: Главное управление Генерального штаба, 1864. 746 с.
- Мягков, 2013 – Мягков Д.А. Кедровый промысел тобольских татар в конце XX – начале XXI в.: экологические и адаптационные аспекты // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2013. Т. 1. № 20. С. 89-95.
- Непомилуева, 1974 – Непомилуева Н.И. Кедр сибирский на северо-востоке европейской части СССР. Ленинград, 1974. 184 с.
- Отчет..., 1867 – Отчет комиссии по исследованию Печорского края. Архангельск: Губернская типография, 1867. 183 с.
- Петров, 1961 – Петров М. В. Кедровые леса и их использование. М. – Л., 1961. 220 с.
- Поварницын, 1994 – Поварницын В.А. Кедровые леса СССР. Красноярск, 1994. 220 с.
- Поле, 1913 – Поле Р.Р. К биологии кедра сибирского // *Известия С.-Петербургского Ботанического Сада*. 1913. Т. XIII. № 1-2). С. 22.

- Попов, 1811** – Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству. Ч. 1. Санкт-Петербург, Императорская типография. 1811. 405 с.
- Рубакин, 1908** – Рубакин Н. А. Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди. М., 1908. 187 с.
- Соёнов, 2002** – Соёнов В.И. Собираательство растительной пищи на Алтае // *Древности Алтая*. 2002. № 9. С. 18-30.
- Сонни, 1839** – Сонни К.М. Несколько замечаний о Сибирском кедре // *Лесной Журнал*. 1839. Ч. 1. Кн. 1. С. 134-139.
- Теплоухов, 1856** – Теплоухов А.Е. Лесохозяйственное описание Чердынского уезда // *Пермские Губернские Ведомости*. № 3. Часть Неоф. 1856. С. 1-4.
- Теринов, 1970** – Теринов Н.Н. Способы рубок и динамика лесов в Артинском лесничестве (Средний Урал) за последние 200 лет / *Леса Урала и хозяйство в них*. 1970. № 8. С. 31-44.
- Турков, 2020** – Турков В.Г. Динамика растительного покрова горного Среднего Урала. Антропогенные смены. Верхний Тагил, 2020. 128 с.
- Фаас, 1922** – Фаас В.В. Леса Северного района и их эксплуатация. Вып. 15. Москва-Петроград, 1922. 171 с.
- Чагин, 2017** – Чагин Г.Н. Колва, Чусовское, Печора: история, культура быт от древности до 1917 года. Пермь, 2017. 672 с.
- Чернов, 2006a** – Чернов Н.Н. Лесное хозяйство в Билимбаевском округе имения гр. Строгановых // *Леса Урала и хозяйство в них*. 2006. № 27. С. 120-128.
- Чернов, 2006b** – Чернов Н.Н. Особенности становления форм собственности на леса на Урале // *Леса Урала и хозяйство в них*. 2006. № 28. С. 144-153.
- Чернов, 2014** – Чернов Н.Н. Устройство лесов Нижнетагильского горного округа // *Леса России и хозяйство в них*. 2014. Т. 48. № 1. С. 12-18.
- Швецов, Юхнев, 1900** – Швецов С.П., Юхнев П.М. Материалы по исследованию крестьянских и инородческих хозяйств в Томском округе. Т. 2. Вып. 3. Барнаул, 1900. С. 227-300.
- Шевцов, 2017** – Шевцов В.В. Историческая метрология России: учебное пособие. Томск, 2017. 280 с.
- Шибяев, 2006** – Шибяев В.В. История уральского горно-лесного ведомства в XVIII – середине XIX в. в советской историографии // *Известия Уральского Государственного Университета. Сер. 2. Гуманитарные науки*. 2006. Т. 47. № 12. С. 291-296.
- Шибяев, 2008** – Шибяев В.В. Становление и развитие горно-лесного ведомства Урала в XVIII в. / *Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. трудов*. 2008. Вып. 19. С. 84-99.
- Aleinikov, Lisitsyna, 2023** – Aleinikov A., Lisitsyna O. Archival Analysis of Slash-And-Burn Agriculture in the Northern Ural Mountains at the End of the Nineteenth Century // *Human Ecology*. 2013. Vol. 54. N. 4. Pp. 671-683.
- Aleinikov, 2019** – Aleinikov A.A. The fire history in pine forests of the plain area in the Pechora-Ilych Nature Biosphere Reserve (Russia) before 1942: possible anthropogenic causes and long-term effects // *Nature Conservation Research*. 2019. Vol. 4 (Suppl. 1). Pp. 21-34.
- Bowen, 2009** – Bowen G.A. Document analysis as a qualitative research method // *Qualitative Research Journal*. 2000. Vol. 9. N. 2 Pp. 27-40.
- Caetano Andrade et al., 2019** – Caetano Andrade V.L., Flores B.M., Levis C., Clement C.R., Roberts P., Schöngart J. Growth rings of Brazil nut trees (*Bertholletia excelsa*) as a living record of historical human disturbance in Central Amazonia // *PLOS ONE*. 2019. Vol. 14. N. 4. P. e0214128.
- Cywa, 2018** – Cywa K. Trees and shrubs used in medieval Poland for making everyday objects // *Vegetation History and Archaeobotany*. 2018. Vol. 27. N. 1. Pp. 111-136.
- Dahlström et al., 2006** – Dahlström A., Cousins S. A. O., Eriksson O. The History (1620-2003) of Land Use, People and Livestock, and the Relationship to Present Plant Species Diversity in a Rural Landscape in Sweden // *Environment and History*. 2006. Vol. 12. N. 2. Pp. 191-212.
- Drobyshev et al., 2023** – Drobyshev I., Aleinikov A., Ryzhkova N., Aleksutin V. E., Lisitsyna O., Vozmitel F.K. The first annually resolved analysis of the slash-and-burn practices in the boreal Eurasia suggests their strong climatic and socio-economic controls // *Vegetation History and Archaeobotany*. 2023.
- Eriksson, 2022** – Eriksson O. Floristic Legacies of Historical Land Use in Swedish Boreo-Nemoral Forests: A Review of Evidence and a Case Study on *Chimaphila umbellata* and *Moneses uniflora* // *Forests*. 2022. Vol. 13. N. 10. P. 1715.
- Fedotova, Korchmina, 2020** – Fedotova A., Korchmina E. Cattle pasturing as a traditional form of forest use and conflicts between peasants and forestry administration in the long nineteenth century (the case of Białowieża Primeval Forest) // *Global Environment*. 2020. Vol. 13. N. 3. Pp. 525-554.
- Feurdean et al., 2011** – Feurdean A., Tanțău I., Fărcaș S. Holocene variability in the range distribution and abundance of *Pinus*, *Picea abies*, and *Quercus* in Romania; implications for their current status // *Quaternary Science Reviews*. 2011. Vol. 30. N. 21-22. Pp. 3060-3075.

- Foster et al., 1998 – Foster D.R., Motzkin G., Slater B. Land-Use History as Long-Term Broad-Scale Disturbance: Regional Forest Dynamics in Central New England // *Ecosystems*. 1998. Vol. 1. N. 1. Pp. 96-119.
- Grant et al., 2011 – Grant M.J., Waller M. P., Groves J.A. The Tilia decline: vegetation change in lowland Britain during the mid and late Holocene // *Quaternary Science Reviews*. 2011. Vol. 30. N. 3–4. Pp. 394-408.
- Kaplan et al., 2009 – Kaplan J.O., Krumhardt K.M., Zimmermann N. The prehistoric and preindustrial deforestation of Europe // *Quaternary Science Reviews*. 2009. Vol. 28. N. 27–28. Pp. 3016-3034.
- Kolosova et al., 2020 – Kolosova V., Belichenko O., Rodionova A., Melnikov D., Sõukand R. Foraging in Boreal Forest: Wild Food Plants of the Republic of Karelia, NW Russia // *Foods*. 2020. Vol. 9. N. 8. P. 1015.
- Mattalia et al., 2013 – Mattalia G., Quave C. L., Pieroni A. Traditional uses of wild food and medicinal plants among Brigasc, Kyé, and Provençal communities on the Western Italian Alps // *Genetic Resources and Crop Evolution*. 2013. Vol. 60. N. 2. Pp. 587p603.
- Pokorný et al., 2023 – Pokorný P., Šída P., Ptáková M., Světlík I. A little luxury doesn't hurt: Swiss stone pine (*Pinus cembra* L.) - an unexpected item in the diet of central European Mesolithic hunter-gatherers // *Vegetation History and Archaeobotany*. 2023. Vol. 32. N. 3. Pp. 253-262.
- Rösch et al., 2005 – Rösch M., Fischer E., Märkle T. Human diet and land use in the time of the Khans—Archaeobotanical research in the capital of the Mongolian Empire, Qara Qorum, Mongolia // *Vegetation History and Archaeobotany*. 2005. Vol. 14. N. 4. Pp. 485-492.
- Ryzhkova et al., 2022 – Ryzhkova N., Kryshen A., Niklasson M., Pinto G., Aleinikov A., Kutjavin I., Bergeron Y., Ali A.A., Drobyshev I. Climate drove the fire cycle and humans influenced fire occurrence in the East European boreal forest // *Ecological Monographs*. 2022. ecm.1530
- Tikkanen, Chernyakova, 2014 – Tikkanen O.-P., Chernyakova I. Past human population history affects current forest landscape structure of Vodlozero National Park, Northwest Russia // *Silva Fennica*. 2014. Vol. 48. N. 4.
- Tikkanen et al., 2017 – Tikkanen O.-P., Predtechenskaya O., Ruokolainen A., Heikkilä R. Recovery of functional groups of fungi and wood-decaying species of conservation concern after variable intensity forest utilization // *European Journal of Forest Research*. 2017. Vol. 136. N. 5–6. Pp. 827-837.

References

- Aleinikov, 2017 – Aleinikov, A.A. (2017). Naselenie i osobennosti transformatsii prirodnykh landshaftov basseina Verkhnei Pechory do nachala russkoi kolonizatsii v XV-XIX vv. [The population and transformation features of natural landscapes of the upper Pechora in the 15th-19th centuries]. *Russian Journal of Ecosystem Ecology*. 2(3): 1-16. [in Russian]
- Aleinikov, 2019 – Aleinikov, A.A. (2019). The fire history in pine forests of the plain area in the Pechora-Ilych Nature Biosphere Reserve (Russia) before 1942: possible anthropogenic causes and long-term effects. *Nature Conservation Research*. 4 (Suppl. 1): 21-34.
- Aleinikov, 2021 – Aleinikov, A.A. (2021). Istoriko-geograficheskie prichiny sokhrannosti nenarushennykh temnokhvoinykh lesov Severnogo Urala [Historical and geographic factors of intactness of the primary dark coniferous forests of Northern Ural]. *Lesovedenie*. 6: 593-608. [in Russian]
- Aleinikov, Chagin, 2015 – Aleinikov, A.A., Chagin, G.N. (2015). Naselenie v verkhov'yakh Pechory i Un'i v kontse XIX – nachale XX veka [Population in upstreams of Pechora and Unja Rivers in the middle of 19th–early 20th century]. *Trudy Pechoro-Ilychskogo Zapovednika*. 17: 4-12. [in Russian]
- Aleinikov, Lisitsyna, 2023 – Aleinikov, A., Lisitsyna, O. (2023). Archival Analysis of Slash-And-Burn Agriculture in the Northern Ural Mountains at the End of the Nineteenth Century. *Human Ecology*. 54(4): 671-683.
- Arnol'd, 1899 – Arnol'd, F.K. (1899). Russkii les [Russian forest]. T. 2. Ch.2. SPb: A. F. Marksa. 585 p. [in Russian]
- Arsen'ev, 1881 – Arsen'ev, F.A. (1881). Kartiny Dal'nego Severa. Shchugor. Iz okhotnich'ikh rasskazov [Pictures of the Far North. Shchugor. From hunting stories]. *Vologodskii sbornik, izdavaemyi Vologodskim gubernskim statisticheskim komitetom*. Vologda. Pp. 154-208. [in Russian]
- Batuev, 1902 – Batuev, N.G. (1902). Kratkii ocherk Kolvinskogo lesnichestva [A brief essay Kolvinskoye forestry]. *Lesnoi Zhurnal*. 3: 487-536. [in Russian]
- Beldytskii, 1916 – Beldytskii, N.P. (1916). O russkom severe i neobkhodimosti ego izucheniya [About the Russian north and the need to study it]. *Illyustrirovannyi sbornik-ezhegodnik Permskogo gubernskogo zemstva*. Perm', 1916. Vyp. II. Pp. 220-231. [in Russian]
- Belyavskii, 1907 – Belyavskii, F.N. (1907). Promysly i zanyatiya naseleniya [Crafts and occupations of the population]. *Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Zapadnaya Sibir'*. T. 16. SPb. Pp. 282-360. [in Russian]
- Bokov, 1899 – Bokov, V.E. (1899). Derevoobrabatyvayushchaya promyshlennost' v Permskoi gubernii [Woodworking industry in the Perm province]. Perm', 354 p. [in Russian]
- Borovskii, 1855 – Borovskii (1855). Pechorskii kraj v geograficheskom, statisticheskom i lesnom otnoshenii [Pechora region in geographical, statistical and forest terms]. *Lesovodstvo i Okhota*. 9. Prilozhenie. Pp. 1-16. [in Russian]

- [Bowen, 2009](#) – Bowen, G.A. (2009). Document analysis as a qualitative research method. *Qualitative Research Journal*. 9(2): 27-40.
- [Caetano Andrade et al., 2019](#) – Caetano Andrade, V.L., Flores, B.M., Levis, C., Clement, C.R., Roberts, P., Schöngart, J. (2019). Growth rings of Brazil nut trees (*Bertholletia excelsa*) as a living record of historical human disturbance in Central Amazonia. *PLOS ONE*. 14(4): e0214128.
- [Chagin, 2017](#) – Chagin, G.N. (2017). Kolva, Chusovskoe, Pechora: istoriya, kul'tura byt ot drevnosti do 1917 goda [Kolva, Chusovskoy, Pechora: history, culture, life from antiquity to 1917]. Perm', 672 p. [in Russian]
- [Chernov, 2006a](#) – Chernov, N.N. (2006). Lesnoe khozyaistvo v Bilimbaevskom okruge imeniya gr. Stroganovykh [Forestry in the Bilimbaevsky district of the estate gr. Stroganov]. *Lesnaya Urala i khozyaistvo v nikh*. 27: 120-128. [in Russian]
- [Chernov, 2006b](#) – Chernov, N.N. (2006). Osobennosti stanovleniya form sobstvennosti na lesa na Urale [Features of the formation of forms of ownership of forests in the Urals]. *Lesnaya Urala i khozyaistvo v nikh*. 28: 144-153. [in Russian]
- [Chernov, 2014](#) – Chernov, N.N. (2014). Ustroistvo lesov Nizhneatagil'skogo gornogo okruga [Construction of forests in the Nizhneatagil mountain district]. *Lesnaya Rossiya i khozyaistvo v nikh*. 48(1): 12-18. [in Russian]
- [Cywa, 2018](#) – Cywa, K. (2018). Trees and shrubs used in medieval Poland for making everyday objects. *Vegetation History and Archaeobotany*. 27(1): 111-136.
- [Dahlström et al., 2006](#) – Dahlström, A., Cousins, S.A.O., Eriksson, O. (2006). The History (1620-2003) of Land Use, People and Livestock, and the Relationship to Present Plant Species Diversity in a Rural Landscape in Sweden. *Environment and History*. 12(2): 191-212.
- [Danchenko i dr., 2016](#) – Danchenko, A.M., Danchenko, M.A., Myasnikov, A.G., Bekh I.A. (2016). Kedry Rossii [Cedars of Russia]. Tomsk, 298 p. [in Russian]
- [Degal'tseva, 2010](#) – Degal'tseva, E.A. (2010). Khozyaistvennaya kul'tura korennoy naseleniya Sibiri [Economic culture of the indigenous population of Siberia]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Istoriya. 1(9): 104-109. [in Russian]
- [Drobyshev et al., 2023](#) – Drobyshev, I., Aleinikov, A., Ryzhkova, N., Aleksutin, V. E., Lisitsyna, O., Vozmitel, F.K. (2023). The first annually resolved analysis of the slash-and-burn practices in the boreal Eurasia suggests their strong climatic and socio-economic controls. *Vegetation History and Archaeobotany*.
- [Dunin-Gorkavich, 1904](#) – Dunin-Gorkavich, A.A. (1904). Tobol'skii sever [Tobolsk North]. SPb., 282 p. [in Russian]
- [Eriksson, 2022](#) – Eriksson, O. (2022). Floristic Legacies of Historical Land Use in Swedish Boreal-Nemoral Forests: A Review of Evidence and a Case Study on *Chimaphila umbellata* and *Moneses uniflora*. *Forests*. 13(10): 1715.
- [Faas, 1922](#) – Faas, V.V. (1922). Lesa Severnogo raiona i ikh ekspluatatsiya [Forests of the Northern region and their exploitation]. Vyp. 15. Moskva-Petrograd, 171 p. [in Russian]
- [Fedotova, Korchmina, 2020](#) – Fedotova, A., Korchmina, E. (2020). Cattle pasturing as a traditional form of forest use and conflicts between peasants and forestry administration in the long nineteenth century (the case of Białowieża Primeval Forest). *Global Environment*. 13(3): 525-554.
- [Feurdean et al., 2011](#) – Feurdean, A., Tanțău, I., Fărcaș, S. (2011). Holocene variability in the range distribution and abundance of *Pinus*, *Picea abies*, and *Quercus* in Romania; implications for their current status. *Quaternary Science Reviews*. 30(21-22): 3060-3075.
- [Foster et al., 1998](#) – Foster, D.R., Motzkin, G., Slater, B. (1998). Land-Use History as Long-Term Broad-Scale Disturbance: Regional Forest Dynamics in Central New England. *Ecosystems*. 1(1): 96-119.
- [Glushkov, 1906](#) – Glushkov, N.N. (1906). Lesnoe khozyaistvo v Permskom nerazdel'nom imenii grafa Sergeya Aleksandrovicha Stroganova [Forestry in the Perm undivided estate of Count Sergei Aleksandrovich Stroganov]. *Lesnoi Zhurnal*. 7: 691-714. [in Russian]
- [Grant et al., 2011](#) – Grant, M.J., Waller, M. P., Groves, J.A. (2011). The Tilia decline: vegetation change in lowland Britain during the mid and late Holocene. *Quaternary Science Reviews*. 30(3-4): 394-408.
- [Gryuner, 1905](#) – Gryuner, S.A. (1905). Ocherk flory severnoi chasti Cherdynskogo uезда Permskoi gubernii [Essay on the flora of the northern part of the Cherdyn district of the Perm province]. *Zap. Ural. obshchestva lyubitelei estestvoznaniya*. 25: 70-113. [in Russian]
- [Its, 1991](#) – Its, R.F. (1991). Vvedenie v etnografiyu [Introduction to ethnography]: Uchebnoe posobie. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 168 p. [in Russian]
- [Kaplan et al., 2009](#) – Kaplan, J. O., Krumhardt, K.M., Zimmermann, N. (2009). The prehistoric and preindustrial deforestation of Europe. *Quaternary Science Reviews*. 28(27-28): 3016-3034.
- [Keppen, 1883](#) – Keppen, F. (1883). Geograficheskoe rasprostranenie khvoinykh porod [Geographical distribution of conifers]. M., 634 p. [in Russian]
- [Kolosova et al., 2020](#) – Kolosova, V., Belichenko, O., Rodionova, A., Melnikov, D., Söukand, R. (2020). Foraging in Boreal Forest: Wild Food Plants of the Republic of Karelia, NW Russia. *Foods*. 9(8): 1015.

- Krest'yashin, 1972** – *Krest'yashin, L.I.* (1972). O vozobnovlenii kedra sibirskogo v Permskoi oblasti [On the regeneration of Siberian cedar in the Perm region]. *Kedr sibirskii na evropeiskom severe SSSR: ego rasprostranenie, vozobnovlenie i kul'tura*. L.: Nauka. Pp. 76-80. [in Russian]
- Krylov, 1926** – *Krylov, P.N.* (1926). Visherskii kraï : istoricheskii i bytovoï ocherk Severnogo Priural'ya [Vishera the edge of a historical and household essay Northern Urals]. Sverdlovsk, 45 p. [in Russian]
- Krylov, 1964** – *Krylov, A.G.* (1964). Klassifikatsiya kedrovyykh lesov Altaya [Classification of cedar forests in Altai]. *Izvestiya SO AN SSSR. Ser. Biologiya*. 8(2): 40-47. [in Russian]
- Latkin, 1853** – *Latkin, V.* (1853). Dnevnik Vasiliya Nikolaevicha Latkina, vo vremya puteshestviya na Pechoru, v 1840 i 1843 godakh [Diary of Vasily Nikolaevich Latkin, during a trip to Pechora, in 1840 and 1843]. Tip. Imp. Akad. nauk. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 143 p. [in Russian]
- Materialy..., 1901** – *Materialy k otsenke zemel' Permskoi gubernii. Cherdynskii uезд [Materials for the assessment of the lands of the Perm province. Cherdyn county]. T. III. Vyp. 1. Perm', 1901. 287 p. [in Russian]*
- Mattalia et al., 2013** – *Mattalia, G., Quave, C. L., Pieroni, A.* (2013). Traditional uses of wild food and medicinal plants among Brigasc, Kyé, and Provençal communities on the Western Italian Alps. *Genetic Resources and Crop Evolution*. 60(2): 587p603.
- Milovanovich, 1926** – *Milovanovich, D.A.* (1926). Lesa Pechorskogo kraya [Forests of the Pechora region]. Rukopis'. [in Russian]
- Mozel', 1864** – *Mozel', Kh.I.* (1864). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba [T. 18]: Permskaya guberniya. ch. 2 [Materials for the geography and statistics of Russia, collected by the chiefs of the General Staff [T. 18]: Perm province. Part 2]. SPb.: Glavnoe upravlenie General'nogo shtaba, 746 p. [in Russian]
- Myagkov, 2013** – *Myagkov, D.A.* (2013). Kedrovyy promysel tobol'skikh tatar v kontse XX – nachale XXI v.: ekologicheskie i adaptatsionnye aspekty [The cedar fishery of the Tobolsk Tatars at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries: environmental and adaptation aspects]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 1(20): 89-95. [in Russian]
- Nepomilueva, 1974** – *Nepomilueva, N.I.* (1974). Kedr sibirskii na severo-vostoke evropeiskoi chasti [Siberian cedar in the northeast of the European part of the USSR]. SSSR. Leningrad, 184 p. [in Russian]
- Otchet..., 1867** – *Otchet komissii po issledovaniyu Pechorskogo kraya [Report of the commission for the study of the Pechora region]. Arkhangel'sk: Gubernskaya tipografiya, 1867. 183 p. [in Russian]*
- Petrov, 1961** – *Petrov, M.V.* (1961). Kedrovye lesa i ikh ispol'zovanie [Cedar forests and their use]. M. – L., 220 p. [in Russian]
- Pokorný et al., 2023** – *Pokorný, P., Šída, P., Ptáková, M., Světlík, I.* (2023). A little luxury doesn't hurt: Swiss stone pine (*Pinus cembra* L.) - an unexpected item in the diet of central European Mesolithic hunter-gatherers. *Vegetation History and Archaeobotany*. 32(3): 253-262.
- Pole, 1913** – *Pole, R.R.* (1913). K biologii kedra sibirskogo [On the biology of Siberian pine]. *Izvestiya S.-Peterburgskogo Botanicheskogo Sada*. XIII(1-2): 22. [in Russian]
- Popov, 1811** – *Popov, N.S.* (1811). Khozyaistvennoe opisanie Permskoi gubernii po grazhdanskomu i estestvennomu eyu sostoyaniyu v otnoshenii k zemledeliyu, mnogochislennym rudnym zavodam, promyshlennosti i domovodstvu [Economical description of the Perm province according to the civil and natural state of the state in relation to agriculture, numerous ore plants, industry and housekeeping]. Ch. 1. Sankt-Peterburg, Imperatorskaya tipografiya. 405 p. [in Russian]
- Povarnitsyn, 1994** – *Povarnitsyn, V.A.* (1994). Kedrovye lesa SSSR [Cedar forests of the USSR]. Krasnoyarsk, 220 p. [in Russian]
- Rösch et al., 2005** – *Rösch, M., Fischer, E., Märkle, T.* (2005). Human diet and land use in the time of the Khans—Archaeobotanical research in the capital of the Mongolian Empire, Qara Qorum, Mongolia. *Vegetation History and Archaeobotany*. 14(4): 485-492.
- Rubakin, 1908** – *Rubakin, N.A.* (1908). Rasskazy o Zapadnoi Sibiri ili o guberniyakh Tobol'skoi i Tomskoi i kak tam zhivut lyudi [Stories about Western Siberia or the provinces of Tobolsk and Tomsk and how people live there]. M., 187 p. [in Russian]
- Ryzhkova et al., 2022** – *Ryzhkova, N., Kryshen, A., Niklasson, M., Pinto, G., Aleinikov, A., Kut'yavin, I., Bergeron, Y., Ali, A.A., Drobyshev, I.* (2022). Climate drove the fire cycle and humans influenced fire occurrence in the East European boreal forest. *Ecological Monographs*. ecm.1530
- Shevtsov, 2017** – *Shevtsov, V.V.* (2017). Istoricheskaya metrologiya Rossii [Historical metrology of Russia]: uchebnoe posobie. Tomsk, 280 p. [in Russian]
- Shibaev, 2006** – *Shibaev, V.V.* (2006). Istoriya ural'skogo gorno-lesnogo vedomstva v XVIII – seredine XIX v. v sovetskoi istoriografii [History of the Ural Mining and Forestry Department in the 18th – mid-19th centuries. in Soviet historiography]. *Izvestiya Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Ser. 2. Gumanitarnye nauki. 47(12): 291-296. [in Russian]
- Shibaev, 2008** – *Shibaev, V.V.* (2008). Stanovlenie i razvitie gorno-lesnogo vedomstva Urala v XVIII v. [Formation and development of the mining and forestry department of the Urals in the 18th century]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': sb. nauch. trudov*. 19:84-99. [in Russian]

- Shvetsov, Yukhnev, 1900 – Shvetsov, S.P., Yukhnev, P.M. (1900). Materialy po issledovaniyu krest'yanskikh i inorodcheskikh khozyaistv v Tomskom okruge [Materials on the study of peasant and foreign farms in the Tomsk Okrug]. T. 2. Vyp. 3. Barnaul. Pp. 227-300. [in Russian]
- Soenov, 2002 – Soenov, V.I. (2002). Sobiratel'stvo rastitel'noi pishchi na Altae Altaye [Gathering of plant food in Altai]. *Drevnosti Altaya*. 9: 18-30. [in Russian]
- Sonni, 1839 – Sonni, K.M. (1839). Neskol'ko zamechaniy o Sibirskom kedre kedre [A few notes about the Siberian cedar]. *Lesnoi Zhurnal*. Ch. 1. Kn. 1. Pp. 134-139. [in Russian]
- Teploukhov, 1856 – Teploukhov, A.E. (1856). Lesokhozyaistvennoe opisanie Cherdynskogo uezda [Forestry description of the Cherdyn district]. *Permskie Gubernskie Vedomosti*. № 3. Chast' Neof. Pp. 1-4. [in Russian]
- Terinov, 1970 – Terinov, N.N. (1970). Sposoby rubok i dinamika lesov v Artinskom lesnichestve (Srednii Ural) za poslednie 200 let [Felling methods and forest dynamics in the Artinsky forestry (Middle Urals) over the past 200 years]. *Lesa Urala i khozyaistvo v nikh*. 8: 31-44. [in Russian]
- Tikkanen et al., 2017 – Tikkanen, O.-P., Predtechenskaya, O., Ruokolainen, A., Heikkilä, R. (2017). Recovery of functional groups of fungi and wood-decaying species of conservation concern after variable intensity forest utilization. *European Journal of Forest Research*. 136(5–6): 827-837.
- Tikkanen, Chernyakova, 2014 – Tikkanen, O.-P., Chernyakova, I. (2014). Past human population history affects current forest landscape structure of Vodlozero National Park, Northwest Russia. *Silva Fennica*. 48(4).
- Turkov, 2020 – Turkov, V.G. (2020). Dinamika rastitel'nogo pokrova gornogo Srednego Urala. Antropogennye smeny [Dynamics of vegetation cover in the mountainous Middle Urals. Anthropogenic changes]. *Verkhniy Tagil*, 128 p. [in Russian]
- Zelikman, 1913 – Zelikman, M.N. (1913). Zapiska o lesakh Permskoi i Vyatskoi gubernii [Note on the forests of the Perm and Vyatka provinces]. *Perm'*, 53 p. [in Russian]
- Zykin, 2023 – Zykin, I.V. (2023). Issledovanie i ekspluatatsiya lesov Nikolae-Pavdinskogo gornogo okruga v nachale XX v. [Research and exploitation of the forests of the Nikolae-Pavda mining district at the beginning of the 20th century]. *Ekonomicheskaya Istoriya*. 19(1): 66-75. [in Russian]

Традиционное использование кедров сибирского в Северном Предуралье в конце XIX – начале XX по архивным данным

Алексей Александрович Алейников ^{a, *}

^a Центр по проблемам экологии и продуктивности лесов РАН, Российская Федерация

Аннотация. Традиционное природопользование – один из мощных факторов трансформации лесных экосистем в доиндустриальный период. При исследовании современных лесов важно понимать, какие структурные элементы экосистем были изменены предшествующей антропогенной деятельностью. Архивные сведения – важный и незаменимый источник информации об особенностях взаимодействия крестьян с окружающими лесами. Кедр сибирский – один из самых долгоживущих видов в бореальных лесах. Кедровые деревья начинают поздно семеносить (не раньше 150-200 лет) и поэтому очень медленно восстанавливаются после пожаров и рубок. Кедровые орехи были ценным пищевым ресурсом и важным предметом торга для крестьян. Однако, несмотря на ценность и ограниченность этого ресурса, крестьяне Северного Предуралья на протяжении XIX века активно истребляли его ради орехов и древесины, которую использовали для внутреннего убранства и обустройства жилищ, ремонте и строительстве домов. В статье представлен анализ новых архивных документов, которые проясняют особенности традиционного использования кедров. Для получения древесины и орехов крестьяне рубили огромные деревья диаметром от 36 до 62 см. Это взрослые генеративные деревья, которые производили максимум семян. Выборочная, но систематическая рубка таких деревьев постепенно привела к сокращению кедров в лесах вокруг деревень. Архивные сведения существенно расширили наши представления о масштабах территорий, где крестьяне вырубали кедровые деревья. Крестьяне рубили кедровые деревья не только в крестьянских лесах вокруг деревень, но и вокруг изб, которые располагались вдоль зимних дорог и охотничьих троп. Также кедровые деревья вырубали вокруг мест, где ловили рыбу, для изготовления бочек. Поэтому для дальнейших исследований крайне важна архивная информация обо всех прошлых охотничьих избах, сенокосах, рыболовецких станах.

Ключевые слова: традиционное природопользование, собирательство, бореальные леса, кедровый промысел, *Pinus sibirica*, выборочные рубки, Пермская губерния.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aaacastor@gmail.com (А.А. Алейников)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1960-1969
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1960

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Russian Empire and the Muslim Population of the North Caucasus in the 2nd half of the 19th century: Problems and Successes of Integration

Evgenii A. Avdeev ^{a, *}, Aleksey M. Erokhin ^a, Sergej M. Vorobev ^a

^aNorth-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

In the second half of the 19th century, the process of formation of Russian state institutions continued in the North Caucasus, state control over Muslims was strengthened and the quality of governance was improving. The article discusses the features of government administration of the mountainous Muslim peoples of the Caucasus. The main approaches to Islam that had developed by the mid-19th century in the imperial authorities, government policies and specific management decisions of the Caucasian administration are analyzed. The authors draw on a wide range of research and archival materials. Despite the lack of a unified approach to confessional policy and the refusal to form a separate religious organization of North Caucasian Muslims, a relatively effective system of public administration is emerging in the region. The administration's actions are based primarily on the principle of religious tolerance and the incorporation of Muslim clergy into the Russian elite; measures are being taken to ensure and respect the religious rights of Muslims and counteract destabilizing foreign influence. Among the mountain elites, the desire for integration and loyalty to the empire is increasing, which is manifested in increased interest in Russian education, culture, military and civil service.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, Muslim population, Muslim clergy, public administration, Caucasian administration, integration.

1. Введение

Во второй половине XIX века началась активная интеграция горских народов в Российскую империю. Это был сложный этап изменения традиционного социокультурного уклада народов Северного Кавказа посредством установления новых государственных правил и формирования системы администрирования. Последние отличались от принципов самоуправления народов, имели иерархию и системность. В ходе Великих реформ в регионе была окончательно сформирована система государственного управления, единое правовое пространство, активизировались хозяйственно-экономическое взаимодействие и культурные связи. Усилилась тенденция к объединению разрозненных народов в единое экономическое и социокультурное пространство, расширилась сфера общественных, культурных и личных контактов русского и горских народов.

Это было время активного взаимодействия с мусульманскими народами Кавказа, повышения интереса к исламу, что привело к изучению данной религии и актуализации вопросов управления в мусульманских регионах Российской империи. Начался активный процесс формирования научной школы востоковедения и исламоведения в Санкт-Петербурге и миссионерской – в Казани. В середине XIX в. при Кавказских наместниках работали и служили известные востоковеды: Н.В. Ханьков, написавший ряд трудов по географии и этнографии края, Н.Е. Торнау, внесший большой вклад в изучение мусульманского права.

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

Во второй половине XIX в. конфессиональная идентичность на Северном Кавказе являлась, наряду с этнической (родовой), одной из основных групповых идентичностей. К концу XIX в. она становится одной из составляющих формирующегося этнического (национального) самосознания горских народов. На Северном Кавказе доминирующее положение занимает ислам суннитского толка. В 1886–1890 гг. наибольшее число мусульман проживает в Дагестанской области — 577,3 тыс. человек или около 98,5 % населения. В Терской области — 446,5 тыс. мусульман (49,8 %), в Кубанской области — 107,5 тыс. (7,6 %), в Ставропольской губернии — 43,8 тыс. (6,8 %), в Черноморском округе — 1,4 тыс. (7,7%) (Цуциев, 2006: 42-43) (см. Рисунок 1).

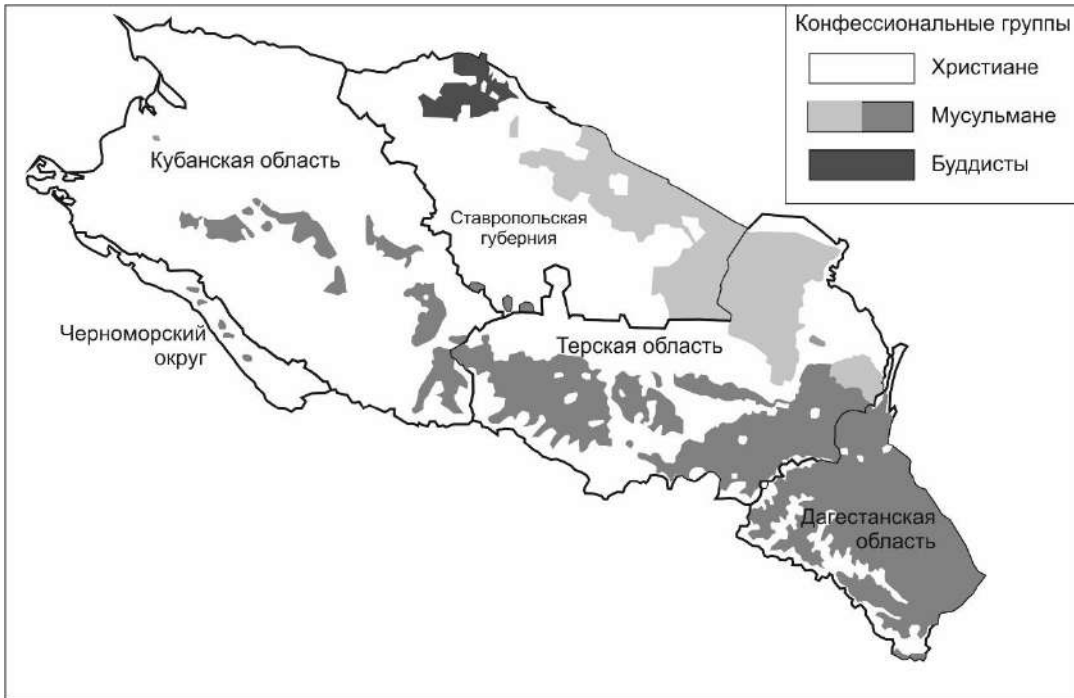

Рис. 1. Конфессиональная карта Северного Кавказа в 1886–1890 гг.

В процессе интеграции Северного Кавказа происходило сложное формирование межцивилизационного взаимодействия русского православного и мусульманских народов, которое сопровождалось этнокультурными объединениями и локальными конфликтами. Оно может быть охарактеризовано как диалог, в котором происходили отстаивание и распространение наиболее значимых цивилизационных оснований: религии, культуры и языка, определяющих основы образа жизни, социального строя и форм хозяйствования различных народов. В ходе диалога происходило сопоставление «своих» и «других» ценностей, вычленение из них наиболее значимых для формирующейся новой российской цивилизационной общности на Северном Кавказе. В целом Кавказ исторически являлся зоной фронта, взаимодействия и взаимовлияния христианского, исламского и языческого миров. В XIX в. эта зона, значительно отличаясь от других многонациональных и фронтальных регионов Российской империи, полностью оформилась в качестве пограничья русского мира. Это требовало новых стратегий, управленческих практик и подходов взаимодействия с мусульманскими горскими народами.

2. Материалы и методы

Основной задачей стало рассмотрение особенностей социокультурной интеграции горских мусульманских народов в Российскую империю через призму государственной политики и управленческих решений кавказской администрации. Статья опирается на широкий круг исторических публикаций. Были рассмотрены многочисленные исследования по истории, этнографии и жизни горских народов Кавказа, а также материалы Центрального государственного архива РСО-А (Владикавказ, Российская Федерация), Центрального государственного архива КБР (Нальчик, Российская Федерация), Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия), Государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация).

Исследование опиралось на принцип историзма, предполагающий рассмотрение проблемных вопросов в ходе их развития, обусловленного процессами становления России на Северном Кавказе, а также сложным взаимодействием православных и мусульманских народов. Комплексный подход позволил сочетать историко-архивный и цивилизационный анализ в контексте проблем организации государственного управления среди мусульманских народов. Посредством историографического и

историко-системного анализа была рассмотрена политика Российской империи по социокультурной интеграции мусульман на основе принятия государственных решений, управленческих практик по их реализации и реакции на них мусульманского населения. Сложный и многоаспектный характер взаимодействия горцев-мусульман Северного Кавказа и российской администрации во многом объясняется в рамках фронтирного подхода к формированию кавказского пограничья.

3. Обсуждение

Ислам на Северном Кавказе становится предметом изучения отечественных исследователей еще в первой половине XIX в. При этом авторы большинства работ того периода рассматривали проблематику взаимодействия горцев-мусульман с Россией в фокусе имперской политики и русского православного мессианства. Например, военный историк П.П. Зубов писал о необходимости «озарив светом христианства, представить им — северокавказским горцам (*прим. авт.*) — весь ужас их положения и те бесчисленные выгоды гражданственности, которые ожидают их, когда они добровольно покорятся могущественной России...» (Зубов, 1834–1835: 90). Российский чиновник и литератор В.А. Соллогуб подчеркивал, что «наше владычество на Кавказе не есть завоевание, но крест..., пылавший в старину не ради хлеба и одежды, а ради священных верований...» (Соллогуб, 1856: 30). Многочисленные материалы по истории, этнографии и жизни горских народов Кавказа в первой половине XIX в. были собраны и опубликованы основоположниками русского востоковедения М. Казем-Бекем и Ф.Ф. Торнау (Казем-Бек, 1985; Дзидзария, Ф.Ф., Торнау, 1976). Военный историк второй половины XIX в. В.А. Потто, описывая период Кавказской войны с начала XIX в. по 1831 г., рассматривает ее причины через призму горской воинственности и религиозного фанатизма (Потто, 1887–1889).

Изучение ислама в Российской империи способствовало формированию на официальном уровне менее благоприятного отношения к нему, некоторому ужесточению конфессиональной политики (Werth, 2001). Так, в 50-70-х гг. XIX в. во властных и военных кругах начинают преобладать сторонники игнорирования мусульманской духовной элиты. Подвергалась критике политика Екатерины II, направленная на упрочение влияния и контроля государственной власти над мусульманским населением посредством формирования официальных организаций российских мусульман. Сближение исламского и православного населения, по мысли большинства государственных деятелей второй половины XIX в., должно было происходить посредством светского просвещения и распространения русского языка (Овчинникова, 2013: 324). Второй подход, развивавшийся прежде всего в Министерстве внутренних дел, напротив, предполагал целенаправленную работу по продолжению политики централизации и контроля за деятельностью исламского духовенства и населения путем включения их в государственные организации разного уровня. Следует подчеркнуть, что отдельный муфтият для мусульман региона сформирован не был, вопросы управления исламским населением решались ситуативно военными властями.

В советской историографии проблематика взаимодействия горцев-мусульман и имперской администрации рядом историков рассматривалась с позиций национально-освободительного подхода в рамках «антифеодальной» и «антиколониальной» борьбы, при этом лидеры и мотивы сопротивления горских народов российским властям зачастую идеализировались (История народов..., 1988). Большой вклад в исследование отношений между казаками и горцами внесли историки ростовской школы, созданной А.П. Пронштейном (Дон и Северный Кавказ..., 1972).

Исследования ряда зарубежных историков посвящены рассмотрению сопротивления горцев-мусульман российской имперской политике (Gammer, 1994; Barrett, 1994). Включение этих народов в Российскую империю рассматривалось в парадигме колониальной экспансии и антиколониального сопротивления исламского населения (The North Caucasus Barrier..., 1992).

На сегодняшний день проблематика исламизации горских народов Северного Кавказа и взаимодействия имперской администрации с мусульманскими общинами остается недостаточно исследованной. Большинство статей посвящено отдельным народам и областям, ряд работ имеет идеологизированный характер. В постсоветский период большое внимание было уделено политическому исламу, его радикальным и фундаменталистским направлениям (Шамаев, 2015: 38). Рассмотрение позитивного влияния ислама на жизнь и судьбы народов региона проводится в ряде работ В.О. Бобровникова и А.В. Малашенко (Bleikh, 2014: 405). Исследованию планов и действий военной администрации по взаимодействию с горцами в первой половине XIX в., а также проектам «покорения Кавказа» посвящены работы М.М. Блиева (Блиев, 2004). Более полный и сложный взгляд на проблему включения и последующего взаимодействия горцев-мусульман с Российским государством, их активное участие в имперском государственном строительстве, в том числе через поступление на государственную службу, также нашло отражение в некоторых работах (Аликберов и др., 2018).

4. Результаты

К середине XIX в. Северный Кавказ был территорией активного взаимодействия русского православного и горского мусульманского населения, представлял собой в основном фронтирную

контактную зону (Barrett, 1999; Jersild, 2002). Налаживалось сотрудничество кавказской администрации с местными элитами. Шел процесс привлечения горской знати на военную и государственную службу, в том числе и путем включения ее в российское дворянство. Некоторые знатные горцы служили в российской армии на Кавказе, в казачьих частях и даже руководили некоторыми укреплениями Кавказской линии (Аликберов и др., 2018: 102). Увеличение численности терского казачества в период Кавказской войны происходило и за счет включения в его состав мусульман. Однако в последние годы войны и после ее окончания их численность существенно сокращается. Например, в 1821 г. из числа жителей Бабуковского аула, население которого состояло «наполовину из кабардинцев, наполовину из абазин», «постоянный конный отряд» в 1822 г. преобразовали в казачью сотню, а сам аул – в казачью станицу. При этом многие бабуковцы не изъявляли большого желания выполнять все обязанности казачьей службы, неблагонадежными считала их и российская администрация. Уже в 1860 г. был принят указ «О упразднении Бабуковской станицы Кавказского линейного казачьего войска с предоставлением жителям оной из горских выходцев водвориться в Большой Кабарде» (ПСЗРИ. Т. 35: 1860, отд-ние 2: №36204). Бабуковцы были выведены из состава казачества (ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп.1. Д. 12. Л. 41). Абазины, жившие при станице Георгиевской, в 1867 г. были исключены из состава казачьих войск и переселились в Кабарду (ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 50. Л. 77–114). В 1870 г. была упразднена станица Кизлярская (ПСЗРИ. Т. 45: 1870, отд-ние 2: №48351). В 1860-е – 70-е гг. численность казаков-мусульман значительно сокращается. В 1888 г. в составе Терского казачьего войска их оставалось 625 человек (0,4 %) (Краткое описание..., 1888: 283).

Взаимодействие православия и ислама на Северном Кавказе, мусульманского населения и российской администрации носило зачастую сложный и противоречивый характер. Значимым фактором было дестабилизирующее зарубежное влияние, разжигавшее межрелигиозную напряженность и фанатизм. Например, Вторая турецко-египетская война 1839–1841 гг. привела к распространению среди части мусульманского населения антироссийских и антихристианских настроений (Гаммер, 1998: 166–167). Все это требовало от российской администрации как усиления контроля за мусульманскими общинами и духовенством, так и мер, направленных на нивелирование внешнего влияния и повышение лояльности мусульман Кавказа Российской империи.

После окончания Кавказской войны начался процесс формирования административно-правовых автономных органов управления мусульманскими горскими народами. Военно-народное управление было создано в Дагестанской области и Черноморском округе. Осуществлялось оно на основе не российских законов, а «народных обычаев и особых постановлений». Судопроизводство над мусульманским населением проходило в ряде случаев по адату и шариату. Горское население сохраняло право свободного вероисповедания, что способствовало частичному сохранению власти мусульманской духовной элиты. Была легализована деятельность кади, введенных в состав народных (горских) судов. Полнота власти была сосредоточена в руках военно-гражданской администрации, которая имела право «употреблять против жителей оружие в случаях, не терпящих отлагательств» (Утверждение русского владычества..., 1901: 437). Правовой основой, определяющей статус мусульман на Северном Кавказе, стал «Устав духовных дел иностранных исповеданий», изданный в 1857 и дополненный в 1896 гг. В дальнейшем происходило укрепление государственного контроля за мусульманским населением региона, при этом представители власти стремились избегать открытой конфронтации с ним. Так, при надзоре за иноверцами Департаменту духовных дел иностранных исповеданий предписывалось придерживаться «принципа полной терпимости, насколько такая терпимость может согласовываться с интересами государственного порядка» (МВД, 1902: 153).

Государственная власть начинает осуществлять непосредственный контроль за деятельностью мусульманского духовенства. Так, избираемый на аульном собрании сельский мулла (эфенди) должен был быть утвержден кавказкой администрацией. Сам мулла при этом освобождался от уплаты налогов и получал из казны определенное содержание (Невская, Кондрашева, 2011: 104). Например, начальник Чеченского округа П.Г. Беллик 29 августа 1857 г. приказывает, чтобы «все аульные муллы явились к старшему Кадию в кр. Грозную для испытания их достоинства». Кроме этого, всем деревням вменялось в обязанность приглашать к себе мулл только после получения ими письменного разрешения от Беллика исполнять в ауле свои обязанности (Ткачев, 1911: 42–43).

Для усиления государственного контроля и повышения качества управления мусульманским населением Закавказья в 1872 г. при поддержке наместника Кавказского великого князя Михаила Николаевича были организованы два муфтията: закавказские магометанские духовные правления шиитского и суннитского учений (ЗМДП). Их создание способствовало усилению централизованного управления мусульманским населением и укреплению лояльности мусульманских священнослужителей. Михаил Николаевич считал, что создание этих муфтиятов будет способствовать улучшению контроля за местными проповедниками и недопущению с их стороны враждебной деятельности, формированию мер по пресечению попыток проникновения в регион мусульманских проповедников из Османской империи и Персии. Создание ЗМДП должно было позволить ограничить «круг действий» мусульманских проповедников, усилить контроль за мусульманскими школами и имуществом, определяющим основу финансовой автономности

мусульманского духовенства (ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 14. Л. 2 об.; Отчет по Государственному Совету..., 1874: 149). Несмотря на высокий уровень веротерпимости, в регионе не существовало равенства ислама и православия. По-прежнему насаждался статус Православной церкви как первенствующей и господствующей (Свод законов..., 1857: 46-70). Только православным священникам предоставлялось право свободного миссионерства (Ширяев, 1907: 7).

Создание закавказских магометанских духовных правлений было направлено на формирование единой вертикальной системы духовной власти в Закавказье от сельского муллы до муфтия. ЗМДП были основаны на принципе коллегиального управления при сохранении пристального контроля со стороны российской гражданской администрации. Правовое регулирование отношений между мусульманами осуществлялось на основе норм шариата. Сельские имамы и кади наделялись рядом управленческих функций. На уровне мечетной общины имам обладал как светской, так и духовной властью. Мусульманскому духовенству вменялось управление местными общинами и обучение в мусульманских школах, а также предоставление данных о количестве мечетей, заключенных браков и смертей. Кади подчинялись губернским медресам и должны были наряду с отправлением судебных функций надзирать за сельскими имамами и вести отчетность. Кандидатуры на должности имама и кади рассматривались на открытых экзаменах, проводившихся на заседаниях медреса (Аликберов и др., 2018: 109-110). Лояльность закавказского мусульманского духовенства обеспечивалась не только пристальным государственным контролем, но и предоставлением ему значительных прав и привилегий. Мусульманское духовенство освобождалось от исполнения казенных повинностей, дети духовных лиц, лояльно осуществлявших свою деятельность 20 и более лет, наделялись правами почетных граждан.

Несмотря на все усилия по формированию единой подконтрольной властям организации мусульманского духовенства в Закавказье, на Северном Кавказе к концу XIX в. удалось сформировать только низший общинный уровень государственной мусульманской администрации. Наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич смог ввести в административно-правовое пространство основную часть мусульманского духовенства (муэдзинов, имамов, кадиев и мударисов). Суфии легализованы не были в связи с тем, что их деятельность рассматривалась властями как потенциально опасная. Подконтрольное государству мусульманское духовенство было невелико. Так, в Дагестанской области оно охватывало лишь 5 % мусульманского населения. Однако после Великих реформ произошел быстрый рост низовых мусульманских институтов на Северном Кавказе. Например, в 1873 г. в Кабарде и Балкарии было 42 медресе, в 1909 г. – уже 105 (Аликберов и др., 2018: 111-112).

В пореформенный период большая часть мечетей и примечательных школ находилась на территории Дагестанской области. В 1915 г. здесь осуществляла свою деятельность 671 примечательная школа, где обучалось 6592 человека. В области было зарегистрировано 1711 квартальных суннитских мечетей и 25 шиитских мечетей (Обзор..., 1916). Юрисдикция ЗМДП распространялась на мусульман Бакинской, Елисаветпольской, Тифлисской и Эриванской губерний. Остальные территории Закавказья и Северного Кавказа не были подведомственны этим правлениям, мусульмане Терской, Кубанской областей и Черноморского округа (с 1896 г. Черноморской губернии) формально были подчинены Оренбургскому магометанскому духовному собранию (ОМДС) (Кавказский сборник..., 2006: 188). При этом ЗМДП суннитского учения в некоторых случаях могло рассматривать дела, поступающие из районов вне его юрисдикции (ЦГИАГ. Ф. 12. Оп. 7. Д. 929. Л. 13). Фактически во второй половине XIX в. связи мусульманского духовенства Северного Кавказа с ОМДС и с ЗМДП были слабыми и нерегулярными (Рыбаков, 2001: 270). Необходимость формирования отдельного северокавказского муфтията осознавалась кавказской администрацией. В 1889 г. главноначальствующим гражданской частью на Кавказе князем А.М. Дондуковым-Корсаковым был предложен проект создания независимого как от ОМДС, так и от ЗМДП духовного правления для мусульман-суннитов Северного Кавказа, однако он не был реализован (Кавказский сборник..., 2006: 191-192). В этот период были разработаны и другие предложения по созданию отдельного муфтията, который позволил бы объединить мусульман региона. Они также были отвергнуты органами центральной власти. Была введена лишь должность при главноначальствующем гражданской частью на Кавказе чиновника по особым поручениям, надзиравшего за деятельностью мусульманского духовенства (Аликберов и др., 2018: 115).

Несмотря на различия в подходах к политике государства, направленной на сближение православного и мусульманского населения Российской империи, а также вопреки популярности среди российских элит идей игнорирования ислама и православного мессианства, в целом во второй половине XIX в. на Северном Кавказе преобладают интеграционные процессы (Erokhin et al., 2023). Действия имперской администрации исходят преимущественно из принципа веротерпимости и инкорпорирования в российскую элиту мусульманского духовенства, а среди мусульман возрастает пророссийская ориентация. Попытки дестабилизировать ситуацию в регионе, предпринимаемые в конце XIX в. из-за рубежа, не получают значительного отклика (ЦИАГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133. Л. 1). По словам наместника Кавказа И.И. Воронцова-Дашкова, мусульманское население было «совершенно равнодушно» как к событиям, происходившим на зарубежном Востоке, так и к отдельным попыткам «проповеди панисламизма и пантюркизма» (Всепоподаннейший отчет..., 1913: 9-10).

Так, И. Гаспринский писал, что «ветви тюрко-татарского племени» становятся нераздельной частью «обширного отечества», а России «в будущем суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств», сохраняя при этом положение «великой христианской державы» (Гаспринский, 1994: 258). В этот период возрастает лояльность среди мусульман, выражающаяся, в том числе и в желании служить России. В связи с этим в 1864 г. утверждается специальная форма «клятвенного обещания для мусульман, поступающих в военную службу» (ПСЗРИ. Т. 39: 1864, отд-ние 1: №40623). Принимавшиеся в состав российской армии мусульмане давали присягу на Коране, для них предусматривались и особые награды (Хоперская, 1997: 41). В целом военная служба способствует формированию среди горцев-мусульман не только лояльности к государству, но и восприятию России в качестве своего Отечества. Другим значимым фактором, свидетельствующим об их успешной интеграции в российское культурно-цивилизационное пространство, являлся растущий, вопреки желанию некоторых мулл «задержать развитие школьного дела», интерес к получению российского образования. Росту его популярности способствовало также привлечение самих горцев к преподаванию (ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1229. Л. 78).

Несмотря на значительные успехи политики в области интеграции и обеспечения лояльности к Российской империи горцев-мусульман, следует подчеркнуть ее ограниченный характер. Российское образование, военная и гражданская служба были доступны только узкому кругу горских элит, основная часть населения не была включена в сферу российского государственного и социокультурного влияния, оставаясь в узких рамках своего поселения и общины. Неоднозначной была позиция и части мусульманского духовенства. Несмотря на государственный контроль, сочетавшийся с предоставлением исламским священнослужителям ряда прав и привилегий, имели место и зарубежные дестабилизирующие идеи. Однако в целом влияние зарубежного мусульманского Востока ослабевало. Мусульманское население Северного Кавказа стало воспринимать себя частью большой России. Например, в своем обращении к центральной власти от 1906 г. ряд представителей мусульманской элиты региона заверяют: «Мы, российские мусульмане,... будем служить нашему... царю и его трону так же верно, как служили ему наши отцы и деды» (Бурмистрова, Гусакова, 1976: 35; Шафранов, 1976: 31). Ряд горских обществ выносят приговоры строить мечети «в честь государя императора» (Матвеев, 2002).

Поступающие в высшие и центральные органы государственной власти империи в начале XX в. обращения и предложения расширить доступ к государственной службе, унифицировать систему управления, уменьшить налоговые повинности и ввести в регионе земские учреждения имеют конструктивный и общегосударственный характер (История Дагестана, 1968: 238). К началу XX в. среди горских элит и широких слоев мусульманского населения лояльность к государству и императору, восприятие России в качестве своего Отечества можно считать в основном сформированными. Последующие революционные события и войны подтверждают это. Большинство горцев-мусульман сохраняет лояльность к Российской империи вплоть до ее распада. Государственная политика, в свою очередь, продолжает развиваться в русле укрепления начал веротерпимости и установления свободы вероисповеданий, обеспечения и соблюдения религиозных прав мусульман.

5. Заключение

Взаимодействие горцев-мусульман Северного Кавказа с российской администрацией по завершении Кавказкой войны имеет многоаспектный, преимущественно мирный характер. Действия государственной власти не были результатом последовательной реализации заранее подготовленного курса, зачастую являясь ситуативными, продиктованными субъективными соображениями и предпочтениями царских чиновников. Оформлению завершенной и подконтрольной кавказской администрации религиозной организации северокавказских мусульман мешали предвзятость и игнорирование ислама многими представителями центральной власти. Вторая половина XIX в. – время включения региона в российское государственное и социокультурное пространство. Несмотря на вышеотмеченные недостатки, на местах складывается относительно эффективная система государственного контроля за деятельностью мусульманского духовенства, был реализован ряд мер, направленных на обеспечение его лояльности. Действия кавказской администрации исходят преимущественно из принципа веротерпимости и инкорпорирования в российскую элиту мусульманского духовенства, принимаются меры, направленные на обеспечение и соблюдение религиозных прав мусульман, а дестабилизирующее зарубежное влияние во многом удается купировать. Среди горских элит возрастает ориентация на Россию и лояльность империи, что выражается в повышении интереса к российскому образованию и культуре, увеличивается число желающих поступить на военную службу. Причины сохраняющегося среди мусульманского населения конфликтного потенциала следует искать не столько в деятельности кавказской администрации и просчетах государственной политики, сколько в общей социально-экономической отсталости региона, а также в недостаточном уровне развития системы российского образования. Преодоление этих проблем в реалиях той эпохи было сложно реализуемым.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00237 «Риски конфликтности трансформации социокультурных оснований идентичности молодежи Северного Кавказа».

The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. № 23-28-00237 «Risks of Conflict in the Transformation of the Socio-Cultural Foundations of the North Caucasus Young People's Identity».

Литература

- [Аликберов и др., 2018](#) — *Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К.* Российский ислам: Очерки истории и культуры. М.: ИВ РАН, 2018. 456 с.
- [Блиев, 2004](#) — *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.
- [Бурмистрова, Гусакова, 1976](#) — *Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С.* Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России: 1905-1917 гг. М.: Мысль, 1976. 261 с.
- [Всепопданнейший отчет..., 1913](#) — Всепопданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Государственная типография, 1913. 36 с.
- [ГАКК](#) — Государственный архив Краснодарского края.
- [Гаммер, 1998](#) — *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. 512 с.
- [Гаспринский, 1994](#) — *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина / В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. М.: Наука, 1994. С. 297-259.
- [Дзидзария, 1976](#) — *Дзидзария Г.А. Ф.Ф.* Торнау и его кавказские материалы. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. 130 с.
- [Дон и Северный Кавказ..., 1972](#) — Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе: сб. ст. / отв. ред. А.П. Пронштейн. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1972. 154 с.
- [Зубов, 1834–1835](#) — *Зубов П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. В 4 ч. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1834–1835. Ч. 3.
- [История Дагестана, 1968](#) — История Дагестана. Т. 2. М.: Наука, 1968. 368 с.
- [История народов..., 1988](#) — История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Отв. ред. Нарочницкий А.Л. М.: Наука, 1988. 659 с.
- [Кавказский сборник..., 2006](#) — Кавказский сборник. М.: Русская панорама, 2006. Т. 3(35). 384 с.
- [Казем-Бек, 1985](#) — *Казем-Бек М.* Избранные произведения. Баку: Элм, 1985. 420 с.
- [Краткое описание..., 1888](#) — Краткое географическо-статистическое описание Терского казачьего войска // Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске / Сост. А. Ржевуский. Владикавказ: Тип. Терского обл. Правления, 1888. С. 279-287.
- [Матвеев, 2002](#) — *Матвеев В.А.* Сепаратизм на Северном Кавказе: границы явления на рубеже XIX–XX вв. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. 30 с.
- [МВД, 1902](#) — Министерство внутренних дел: Исторический очерк. 1802–1902. СПб., 1902. 225 с.
- [Невская, Кондрашева, 2011](#) — *Невская Г.А. Кондрашева А.С.* Власть и реформы на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.). Ставрополь: СевКавГТУ, 2011. 392 с.
- [Обзор..., 1916](#) — Обзор Дагестанской области за 1915 г. Темир-Хан-Шура, 1916.
- [Овчинникова, 2013](#) — *Овчинникова Е.В.* Образование мусульман: взгляды государственных деятелей Российской империи второй половины XIX – начала XX в. // *Царскосельские чтения.* 2013. Т. 2, № 17. С. 319-324.
- [Отчет по Государственному Совету..., 1874](#) — Отчет по Государственному Совету за 1872 год. СПб.: тип. Второго Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1874. 462 с.
- [Потто, 1887–1889](#) — *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887-1889. В 5 т.
- [ПСЗРИ](#) — Полное собрание законов Российской империи.
- [Рыбаков, 2001](#) — *Рыбаков С.Г.* Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России / Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика. М.: ИКЦ Академкнига, 2001. 367 с.
- [Свод законов..., 1857](#) — Свод законов Российской империи. Издание 1857. Т. XV. Свод законов уголовных. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. 964 с.
- [Соллогуб, 1856](#) — *Соллогуб В.А.* Кавказ в восточном вопросе. Тифлис, 1856. 48 с.
- [Ткачев, 1911](#) — *Ткачев Г.А.* Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области / *Труды терского общества любителей казачьей старины.* Выпуск 2-й. Владикавказ. Электротечная Типография Терского Областного Правления, 1911. 156 с.
- [Утверждение русского владычества..., 1901](#) — Утверждение русского владычества на Кавказе. Кн. 7: Том XII / Под ред. генерал-майора В.А. Потто. Тифлис, 1901. 548 с.

- [Хоперская, 1997](#) — Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: концепция этнической субъектности. Ростов н/Д: СКАГС, 1997. 144 с.
- [ЦГА КБР](#) — Центральный государственный архив КБР.
- [ЦГА РД](#) — Центральный государственный архив Республики Дагестан.
- [ЦГА РСО-А](#) — Центральный государственный архив РСО-А.
- [ЦГИАГ](#) — Центральный государственный исторический архив Грузии.
- [Цуциев, 2006](#) — Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Северного Кавказа (1774-2004). М.: «Европа», 2006. 128 с.
- [Шамаев, 2015](#) — Шамаев А.М. Некоторые особенности становления экстремизма в Северо-Кавказском регионе // *Общество: философия, история, культура*. 2015. №1. С. 38-40.
- [Шафранов, 1976](#) — Шафранов В.П. К вопросу о формировании адыгейской социалистической народности // *Из истории партийной организации Адыгеи*. Ростов н/Д: РГПИ, 1976. С. 19-57.
- [Ширяев, 1907](#) — Ширяев В.Н. Уголовно-правовая охрана религиозной свободы // *Журнал Министрства юстиции*. 1907. № 4. С. 1-62.
- [Barrett, 1994](#) — Barrett T.M. The Remaking of the Lion of Dagestan: Shamil in Captivity // *The Russian Review*. 1994. No. 3. Pp. 353-366.
- [Barrett, 1999](#) — Barrett T.M. At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860. Boulder, Oxford, 1999. 264 p.
- [Bleikh, 2014](#) — Bleikh N.O. The Influence of Russian Innovator Teachers on the Development of Mountain Dwellers (XIX century) // *Bylye Gody*. 2014. No. 33(3). Pp. 405-409.
- [Erokhin et al., 2023](#) — Erokhin A.M., Avdeev E.A., Vorobev S.M. Sociocultural Integration of the Highlanders of the North Caucasus into the Russian Empire in the second half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 821-829. DOI: 10.13187/bg.2023.2.821
- [Gammer, 1994](#) — Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. Frank Cass & Co. Ltd., 1994. 247 p.
- [Jersild, 2002](#) — Jersild A. Orientalism and Empire. North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 2002. 288 p.
- [The North Caucasus Barrier..., 1992](#) — The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World / Ed. by M. Bennigsen Broxup. New York: St. Martin's Press, 1992. 252 p.
- [Werth, 2001](#) — Werth P. At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Cornell University Press, 2001. 296 p.

References

- [Alikberov i dr., 2018](#) — Alikberov, A.K., Bobrovnikov, V.O., Bustanov, A.K. (2018). Rossijskij islam: Oчерki istorii i kul'tury [Russian Islam: Essays on History and Culture]. М.: IV RAN. 456 p. [in Russian]
- [Barrett, 1994](#) — Barrett, T.M. (1994). The Remaking of the Lion of Dagestan: Shamil in Captivity. *The Russian Review*. 3: 353-366.
- [Barrett, 1999](#) — Barrett, T.M. (1999). At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860. Boulder, Oxford. 264 p.
- [Bleikh, 2014](#) — Bleikh, N.O. (2014). The Influence of Russian Innovator Teachers on the Development of Mountain Dwellers (XIX century). *Bylye Gody*. 33(3): 405-409.
- [Bliev, 2004](#) — Bliev, M.M. (2004). Rossiia i gorcy Bol'shogo Kavkaza na puti k civilizacii [Russia and the mountaineers of the Greater Caucasus on the way to civilization]. М.: Mysl'. 877 p. [in Russian]
- [Burmistrova, Gusakova, 1976](#) — Burmistrova, T.Iu., Gusakova, V.S. (1976). Nacional'nyj vopros v programmakh i taktike politicheskikh partij v Rossii: 1905-1917 gg. [The national question in the programs and tactics of political parties in Russia: 1905-1917]. М.: Mysl'. 261 p. [in Russian]
- [Don i Severnyj Kavkaz ..., 1972](#) — Don i Severnyj Kavkaz v sovetskoj istoricheskoi literature [Don and the North Caucasus in Soviet historical literature]. Otv. red A.P. Pronshtejn. Rostov-on-Don, 1972. 154 p. [in Russian]
- [Dzidzariia, 1976](#) — Dzidzariia, G.A. (1976). F.F. Tornau i ego kavkazskie materialy. [F.F. Tornau and its Caucasian materials]. М.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 130 p. [in Russian]
- [Erokhin et al., 2023](#) — Erokhin, A.M., Avdeev, E.A., Vorobev, S.M. (2023). Sociocultural Integration of the Highlanders of the North Caucasus into the Russian Empire in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*. 18(2): 821-829. DOI: 10.13187/bg.2023.2.821
- [Gammer, 1994](#) — Gammer, M. (1994). Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. Frank Cass & Co. Ltd., 1994. 247 p.
- [Gammer, 1998](#) — Gammer, M. (1998). Shamil'. Musul'manskoe soprotivlenie carizmu. Zavoevanie Chechni i Dagestana [Shamil. Muslim resistance to tsarism. Conquest of Chechnya and Dagestan]. М.: KRON-PRESS. 512 p. [in Russian]
- [Gasprinskij, 1994](#) — Gasprinskij, I. (1994). Russkoe musul'manstvo. Mysli, zametki i nabliudeniia musul'manina [Russian Islam. Thoughts, notes and observations of a Muslim]. V poiskakh svoego puti: Rossiia mezhdru Evropoj i Aziej. Part 1. Moskva. Pp. 297-259. [in Russian]

- GAKK** — Gosudarstvennyj arkhiv Krasnodarskogo kraia [State Archive of the Krasnodar Territory].
- Istoriia Dagestana, 1968** — Istoriia Dagestana [History of Dagestan]. T. 2. M.: Nauka, 1968. 368 p. [in Russian]
- Istoriia narodov..., 1988** — Istoriia narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.). [History of the peoples of the North Caucasus (end of the 18th century – 1917)]. Otv. red. Narochitskii A.L. M.: Nauka, 659 p. [in Russian]
- Jersild, 2002** — *Jersild, A.* (2002). Orientalism and Empire. North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press. 288 p.
- Kavkazskij sbornik..., 2006** — Kavkazskij sbornik [Caucasian collection]. M.: Russkaya panorama, 2006. T. 3(35). 384 p. [in Russian]
- Kazem-Bek, 1985** — *Kazem-Bek, M.* (1985). Izbrannye proizvedeniia [Selected works]. Baku. 420 p. [in Russian]
- Khoperskaia, 1997** — *Khoperskaia, L.L.* (1997). Sovremennye etnopoliticheskie processy na Severnom Kavkaze: koncepciiia etnicheskoi sub"ektnosti [Modern ethnopolitical processes in the North Caucasus: the concept of ethnic subjectivity]. Rostov n/D: SKAGS, 144 p. [in Russian]
- Kratkoe opisaniie..., 1888** — Kratkoe geograficheskoe-statisticheskoe opisaniie Terskogo kazach'ego vojska (1888). [Brief geographical and statistical description of the Terek Cossack army]. Tercy. Sbornik istoricheskikh, bytovykh i geograficheskoe-statisticheskikh svedenij o Terskom kazach'em vojske. Vladikavkaz. Pp. 279–287. [in Russian]
- Matveev, 2002** — *Matveev, V.A.* (2002). Separatizm na Severnom Kavkaze: granicy iavleniia na rubezhe XIX–XX vv. [Separatism in the North Caucasus: the boundaries of the phenomenon at the turn of the 19th–20th centuries]. Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN, 30 p. [in Russian]
- MVD, 1902** — Ministerstvo vnutrennikh del: Istoricheskij ocherk. 1802–1902 [Ministry of Internal Affairs: Historical sketch]. Sankt-Peterburg, 225 p. [in Russian]
- Nevskaia, Kondrasheva, 2011** — *Nevskaia, T.A. Kondrasheva, A.S.* (2011). Vlast' i reformy na Severnom Kavkaze (konets XVIII – nachalo XX vv.) [Power and reforms in the North Caucasus (late 18th – early 20th centuries)]. Stavropol': SevKavGTU. 392 p. [in Russian]
- Obzor..., 1916** — Obzor Dagestanskoi oblasti za 1915 g. [Review of the Dagestan region for 1915]. Temir-Khan-Shura. [in Russian]
- Otchet po Gosudarstvennomu Sovetu..., 1874** — Otchet po Gosudarstvennomu Sovetu za 1872 god. [Report on the State Council for 1872.]. Sankt-Peterburg, 1874. 462 p. [in Russian]
- Ovchinnikova, 2013** — *Ovchinnikova, E.V.* (2013). Obrazovanie musul'man: vzgliady gosudarstvennykh deiatelej Rossijskoi imperii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Education of Muslims: views of statesmen of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Tsarskosel'skie chteniia*. 2(17): 319–324. [in Russian]
- Potto, 1887–1889** — *Potto, V.A.* (1887–1889). Kavkazskaia vojna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiakh [The Caucasian War in selected essays, episodes, legends and biographies]. SPb.: Tip. E. Evdokimova. V 5 t. [in Russian]
- PSZRI** — Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].
- Rybakov, 2001** — *Rybakov, S.G.* (2001). Ustrojstvo i nuzhdy upravleniia dukhovnymi delami musul'man v Rossii [The structure and needs of managing the spiritual affairs of Muslims in Russia]. Islam v Rossijskoi imperii: zakonodatel'nye akty, opisaniia, statistika. Moscow. 367 p. [in Russian]
- Shafranov, 1976** — *Shafranov, V.P.* (1976). K voprosu o formirovanii adygejskoi socialisticheskoi narodnosti [On the issue of the formation of the Adyghe socialist nation]. *Iz istorii partijnoj organizacii Adygei*. Rostov-on-Don. Pp. 19–57. [in Russian]
- Shamaev, 2015** — *Shamaev, A.M.* (2015). Nekotorye osobennosti stanovleniia ekstremizma v Severo-Kavkazskom regione [Some features of the development of extremism in the North Caucasus region]. *Obshchestvo: filosofiiia, istoriia, kul'tura*. 1: 38–40. [in Russian]
- Shiriaev, 1907** — *Shiriaev, V.N.* (1907). Ugolovno-pravovaia okhrana religioznoi svobody [Criminal legal protection of religious freedom]. *Zhurnal Ministerstva iusticii*. 4: 1–62. [in Russian]
- Shiryayev, 1907** — *Shiryayev, V.N.* (1907). Ugolovno-pravovaya okhrana religioznoi svobody [Criminal legal protection of religious freedom]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 4: 1–62. [in Russian]
- Sollogub, 1856** — *Sollogub, V.A.* (1856). Kavkaz v vostochnom voprose [The Caucasus in the Eastern Question]. Tiflis, 48 p. [in Russian]
- Svod zakonov Rossijskoi imperii, 1857** — Svod zakonov Rossijskoi imperii [Code of Laws of the Russian Empire]. Izdanie 1857. Vol. XY. Svod zakonov ugolovnykh. St. Petersburg, 1857. 964 p. [in Russian]
- The North Caucasus Barrier..., 1992** — The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World (1992). Ed. by M. Bennigsen Broxup. New York: St. Martin's Press. 252 p.
- Tkachev, 1911** — *Tkachev, G.A.* (1911). Ingushi i chechencev v sem'e narodnostej Terskoi oblasti [Ingush and Chechens in the family of nationalities of the Terek region]. Trudy terskogo obshchestva lyubitelei kazach'ei stariny. Vypusk 2-i. Vladikavkaz. Elektropechnaya Tipografiya Terskogo Oblastnogo Pravlениya. Vladikavkaz, 156 p. [in Russian]

TsGA KBR — Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic].

TsGA RD — Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan [Central State Archive of the Republic of Dagestan].

TsGA RSO-A — Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv RSO-A [Central State Archive of RNO-A].

TsGIAG — Tsentral'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Gruzii [Central State Historical Archive of Georgia].

Tsutsiev, 2006 — *Tsutsiev, A.A.* (2006). Atlas etnopoliticheskoj istorii Severnogo Kavkaza (1774-2004) [Atlas of the ethnopolitical history of the North Caucasus (1774-2004)]. M.: «Evropa». 128 p. [in Russian]

Utverzhdenie russkogo vladychestva..., 1901 — Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze [Establishment of Russian rule in the Caucasus]. Book 7: Vol. XII. Tiflis, 1901. 548 p. [in Russian]

Vsepoddannejšij otchet..., 1913 — Vsepoddannejšij otchet za vosem' let upravleniia Kavkazom general-ad"iutanta grafa Voroncova-Dashkova [The most humble report for eight years of governance of the Caucasus by Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov]. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1913. 36 p. [in Russian]

Werth, 2001 — *Werth, P.* (2001). At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Cornell University Press. 296 p.

Zubov, 1834–1835 — *Zubov, P.* (1834–1835). Kartina Kavkazskogo kraia, prinadlezhashchego Rossii i sopredel'nykh onomu zemel'; v istoricheskom, statisticheskom, etnograficheskom, finansovom i torgovom otnosheniiakh [A picture of the Caucasus region, which belongs to Russia and its adjacent lands; in historical, statistical, ethnographic, financial and trade relations]. V 4 ch. SPb.: Tip. K. Vingebera. Ch. 3. [in Russian]

Российская империя и мусульманское население Северного Кавказа во 2-й половине XIX века: проблемы и успехи интеграции

Евгений Александрович Авдеев ^{a, *}, Алексей Михайлович Ерохин ^a, Сергей Михайлович Воробьев ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Во второй половине XIX в. на Северном Кавказе продолжается процесс формирования российских государственных институтов, усиливается государственный контроль за мусульманами и повышается качество администрирования. В статье рассматриваются особенности государственного управления горскими мусульманскими народами Кавказа. Анализируются основные подходы к исламу, сложившиеся к середине XIX в. в имперских властных органах, государственная политика и конкретные управленческие решения кавказской администрации. Авторы опираются на широкий круг исследований и архивных материалов. Несмотря на отсутствие единого подхода к конфессиональной политике и отказ от формирования отдельной религиозной организации северокавказских мусульман, в регионе складывается относительно эффективная система государственного управления. Действия администрации исходят преимущественно из принципа веротерпимости и инкорпорирования в российскую элиту мусульманского духовенства, принимаются меры, направленные на обеспечение и соблюдение религиозных прав мусульман, а также на противодействие дестабилизирующему зарубежному влиянию. Среди горских элит возрастает стремление к интеграции и лояльность империи, что проявляется в повышении интереса к российскому образованию, культуре, военной и гражданской службе.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, мусульманское население, мусульманское духовенство, государственное управление, кавказская администрация, интеграция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1970-1981
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1970

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Rural Doctor of the Siberian Hinterland of the XIX – early XX centuries in the Mirror of Socio-Professional Analysis

Vera I. Fedorova ^{a, *}

^a Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the social, ethnic, age, gender composition, length of professional experience, service mobility as factors that influenced professional motivation, career strategies and values that determined the socio-professional identity of rural doctors of the Yenisei province. The analysis of the personal data of rural doctors shows that the core of this socio-professional group consisted of people who started their professional career with a low social start. It was this part that had the longest (more than 10 years) work experience as a rural doctor, but was only 6.3 %. The vast majority of the rural medical corps were specialists with very active service mobility. However, despite the high turnover in the cadre of rural doctors, we can talk about the formation of a common understanding of professional tasks arising from the peculiarities of the socio-professional status of doctors in the Siberian region. It consisted in the fact that, on the one hand, rural doctors were part of the service bureaucracy, on the other – the emerging intelligentsia. This dualism hindered its design as a new social stratum.

Keywords: rural doctor, socio-professional group, professional experience, professional qualification, professional motivation, socio-professional identity, Congress of doctors of the Yenisei province.

1. Введение

Медицинская интеллигенция в процессе развития неизбежно дифференцируется на отдельные группы, характеризующиеся специфическими профессиональными знаниями и навыками, условиями труда, социально-правовым статусом, корпоративной этикой, социопрофессиональной идентичностью. К такой специфической группе внутри медицинского сообщества можно отнести сельских врачей. Изучение особенностей ее формирования, социально-правового статуса, условий профессиональной деятельности представляет интерес для понимания сущности социокультурного феномена российской интеллигенции конца имперского периода. Сельские врачи самым плотным образом соприкасались с крестьянством, являясь частью сельского социума, что дает историку материал для анализа сложных процессов социальной трансформации аграрного общества, происходивших в русле модернизации. Обращение к региональным аспектам темы обусловлено тем, что социальные процессы в сибирской деревне были резко ускорены в начале XX в. массовым переселением, что порождало весьма существенные противоречия, усугублявшиеся особым административно-территориальным статусом Сибири.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляет массив разнообразных по степени информативности архивных и опубликованных документов. В него входят источники справочно-статистического характера: «Статистические обзоры Енисейской губернии» за 1890–1916 гг., «Памятные книжки Енисейской губернии» за 1890–1915 гг., которые помогают выявить динамику

* Corresponding author

E-mail addresses: vi-fedorova@yandex.ru (V.I. Fedorova)

численности врачебного персонала. Адресно-календарный раздел «Памятных книжек» содержит также поименные списки участковых врачей в уездах с указанием их должности и чина, что позволяет отследить их передвижения по служебной лестнице.

К данному типу источников относится также справочник «Российский медицинский список, изданный Управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел». Он издавался ежегодно и фиксировал сведения обо всех врачах, имевших право медицинской практики. Данные справочника включали место деятельности, должность, занимаемую на данный момент, чин, год рождения и получения диплома об образовании. К аналогичным изданиям относятся и списки студентов медицинских факультетов университетов, выпускниками которых являлись работавшие в губернии врачи. Они содержат информацию о социальном происхождении студента, среднем учебном заведении, которое он окончил, времени обучения, получении стипендии. В совокупности с таким важными источниками, как формулярные списки врачей, дела о назначении и увольнении врачебно-фельдшерского персонала из фондов Енисейской губернской врачебной управы (Ф. 612) и Губернского управления (ф. 595) Государственного архива Красноярского края (ГАКК), они помогают воссоздать жизненный и карьерный путь сельского врача, выявить такие важные показатели для социoproфессиональной характеристики, как социальное происхождение, образовательный уровень, профессиональный стаж, служебные передвижения. Ценную информацию дают нормативно-правовые документы (указы и циркуляры Медицинского департамента МВД), регулировавшие условия службы врачей.

Однако перечисленные документы отражают только формальную сторону профессиональной деятельности врачей, не раскрывая ее внутренней мотивации. Этот пробел восполняют опубликованные материалы I съезда врачей Енисейской губернии 1912 года. Они отражают ценностные установки в понимании социального и гражданского предназначения профессиональной деятельности.

В основу работы положены методы, применяемые в современных просопографических исследованиях. Выделяется группа лиц, объединенных общими признаками, в данном случае общим социoproфессиональным статусом и местом деятельности (Енисейская губерния), создается база данных, характеризующих их персонально, и производится анализ, целью которого является установление идентичности данной группы. Наша выборка охватывает 110 персоналий, служивших в период 1890-1916 гг. в должности участковых сельских врачей. Данные включают следующие сведения: год и место рождения, социальное и этническое происхождение, тип среднего учебного заведения, оконченого до поступления на медицинский факультет университета, время его окончания, начало профессиональной службы, передвижения по службе, чиновничество, награды, участие в деятельности научно-просветительских организаций. Анализ данных по определенным алгоритмам позволяет выявить типические признаки, характеризующие эту группу, траектории карьерного роста, мотивацию профессиональной деятельности, ее роль в общественной жизни региона.

3. Обсуждение

Изучаемая тема лежит на пересечении исследовательской проблематики двух научных дисциплин: истории и медицины. Неслучайно среди ее первых исследователей были профессиональные медики: известные сибирские общественные деятели В.М. Крутовский и Н.А. Викдорчик, высланные в 1902 году в Енисейскую губернию за участие в революционном движении. Оба работали сельскими врачами, знали проблемы сельской медицины. Оба в своих брошюрах солидарны в оценке существовавшей в Сибири системы медицинской помощи, утверждая, что она вредна как для врача, так и для больных. Для больных – потому, что разъездная медицина может обеспечить помощью только «едва десятую долю потребностей населения», а для врача – потому, что «доставляет массу физических и особенно моральных терзаний, которые усугубляются сознанием всей бесполезности своей работы» (Крутовский, 1902: 18).

В советское время наблюдалось смещение проблематики в изучение институциональных основ врачебного дела. На региональном уровне это отчетливо заметно в монографии Н.П. Федотова и Г.И. Мендриной (Федотов, Мендрин, 1975). В постсоветский период стал возможен разворот к изучению проблемы в русле антропологически ориентированной социальной истории. Именно в таком формате она изучается в работах Е.М. Смирновой и И.В. Зимина, что позволяет историкам выйти за рамки плоского эмпирического нарратива, расширить исследовательское поле путем использования понятийного аппарата и инструментария социологической науки (Смирнова, 2020; Зимин, 2003). Так, Смирнова вводит понятие профессиональной идентичности медицинской интеллигенции, рассматривая ее как важную характеристику формирования особой социoproфессиональной группы (Смирнова, 2020: 36).

В последнее время активизировался интерес к изучению медицинских кадров на региональном уровне. Появились работы, в которых рассматриваются различные аспекты положения и деятельности медицинских кадров Сибири. В публикациях В.А. Шаламова, И.Л. Дамешек, Орловой, Я.А. Ерофеева, Е.В. Почеревина изучаются социально-правовое и материальное положение, должностные обязанности, квалификация, порядок и механизмы чиновничества, система

профессиональной подготовки врачей и фельдшеров в Западной и Восточной Сибири (Шаламов, 2021; Дамешек, 2023; Ерофеев, 2011; Почеревин, 2021). Все это можно расценивать только положительно, однако авторы не выходят за рамки традиционного круга вопросов и фактографического нарратива. Думается, на сегодняшний день накоплено достаточно материалов, чтобы расширить поле исследования, перевести его на более высокий проблемный уровень.

4. Результаты

Оказание медицинской помощи сельскому населению в Сибири к концу XIX – началу XX вв. вырастает до острой социальной проблемы для имперской власти. А поскольку в это время власть начинает все более активно рассматривать Сибирь как резервный фонд для ослабления аграрного перенаселения в центре страны, то это еще более актуализирует задачу модернизации системы здравоохранения, частью которой была и проблема обеспечения медицинскими кадрами. Если в коренной России она хотя бы частично была решена путем создания земской медицины, то в Сибири продолжала действовать архаичная система организации врачебной помощи, введенная в 1865 г., в соответствии с которой была учреждена должность сельского врача в округах. По положению о сельских окружных врачах они приравнивались к государственным служащим, и на них распространялся соответствующий порядок чиновничества. Прослужившие сельскими врачами 5 лет имели преимущественное право на занятие медицинских должностей в окружных и губернских городах Восточной Сибири, а также на прибавку жалования в размере ¼ оклада и пенсию за выслугу (ГАКК. Ф. 608. Оп. 1. Д. 352. Л. 20б.). В обязанности сельского врача входило «подание врачебного пособия больным своего округа как в их жилищах, так и в лечебных избах при невозможности пользования на дому и в случае заболевания заразительной и прилипчивой болезнью», а также все обязанности по оспопрививанию (ГАКК. Ф. 608. Оп. 1. Д. 352. Л. 20б.). Окружной сельский врач обязательно должен был иметь высшее медицинское образование и степень лекаря или доктора.

Громадный объем и трудность работы в сочетании с низкими окладами, положенными по штату сельским врачам, приводили к тому, что эти должности почти 20 лет оставались вакантными. В обзорах губернаторов из года в год повторялись жалобы, что сельское население фактически лишено медицинской помощи. Перелом происходит только после реформы сельской врачебной части, инициированной в 1897 г. генерал-губернатором Восточной Сибири А.Д. Горемыкиным. Старое деление на окружных и сельских врачей было упразднено, а вместо него вся сельская округа в губернии была поделена на 22 участка с отдельными участками в Туруханском крае и Усинском пограничном округе. Дополнительно были учреждены две должности разъездных врачей, которые должны были помогать в случае обострения ситуации. В подчинении участкового врача находились 3 фельдшера и акушерка. В итоге численность медицинского персонала в сельской местности выросла в 5,4 раза. Однако, если сравнивать положение с обеспеченностью врачебными кадрами в европейской части страны, нагрузка на сибиряков была несравненно более интенсивной. Так, на одного врача губернии в среднем приходилось 25 300 чел., проживавших на площади 12 404 кв. верст, а в европейской России 1 врач приходился на 6 450 чел. и 1 188 кв. верст (Крутовский, 1902: 15). Кроме того, после упразднения должности окружных врачей, которые ранее занимались судебно-медицинской экспертизой и организацией медосмотров новобранцев, эти функции перешли к участковым врачам. Таким образом, хотя численность сельских врачей по реформе увеличилась, но вырос и объем работы, а ее организация стала крайне неэффективной. В итоге желающих тянуть этот тяжелый жребий находилось мало, а постоянная кадровая текучка приводила к тому, что большинство участков по несколько месяцев в году оставались без врачей.

Чтобы поправить положение, в 1910 г. правительство приняло закон «О дополнении штатов сельско-врачебной части губерний Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и областей Якутской, Забайкальской, Амурской, Приморской и Камчатской и об изменении порядка отпуска кредитов на нужды сельско-врачебной части». Он предусматривал открытие новых лечебных учреждений, введение дополнительных медицинских штатных единиц во всех губерниях и областях Азиатской России, значительное увеличение должностных окладов всем категориям медицинских работников в зависимости от регионов. В итоге численность сельских медиков к началу Первой мировой войны в губернии удвоилась, составив 248 человек, включая фельдшерский персонал и фармацевтов.

Таблица 1. Численность медицинского персонала в сельской местности Енисейской губернии (Статистический обзор..., 1890–1916)

Год	1875	1885	1898	1905	1911	1913
Сельские врачи	0	5	24	23	28	44
Фельдшеров и фельдшериц	16	16	89	86	84	197
Фармацевты	0	0	0	4	8	7
Всего	16	21	113	113	120	248

Второй стороной кадрового обеспечения сельской медицины являлось развитие системы подготовки медперсонала. Профессиональное становление врача является трудоемким процессом в силу высокой социальной значимости этой профессии для общества. Длительность подготовки на медицинских факультетах университетов составляла 5 лет (10 семестров) с обязательной клинической практикой на последних курсах. Окончившие университетский курс в 1860–1870 гг. проходили аттестацию с присвоением степеней-званий: «лекарь», «медико-хирург», «доктор медицины», «доктор медицины и хирургии». Уставом 1884 г. была установлена трехчленная градация степеней: «лекарь», «доктор медицины», «доктор медицины и хирургии». Для получения служебного звания уездного врача следовало пройти дополнительные испытания в виде экзаменов.

Высокая планка требований к профессиональной квалификации приводила к тому, что студенты, не усвоившие учебную программу, нередко продлевали свое обучение на курсах. У некоторых обучение на одном курсе затягивалось до трех лет. В нашей выборке имеет место случай со студентом Томского университета П.Н. Малышевым, который проучился на медфаке с 1896 по 1913 гг., то есть 17 лет, пользуясь отсрочками по разным причинам (ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 248. Л. 10). Однако чаще всего затягивание обучения было связано с причинами материального порядка – неспособностью вовремя вносить плату за обучение.

При анализе возрастного состава сельских врачей, служивших в Енисейской губернии в 1890–1917 гг., прослеживается явная тенденция к сокращению возрастного порога окончания учебы. Так, в старшей возрастной когорте 1850–1860-х гг. рождения средний возраст окончания учебы составлял 28,2 года. Тогда как в младшей (1870–1880-х гг. рождения) он сократился до 26,6 лет. В старшей группе минимальный возраст окончания учебы составлял 25 лет, максимальный – 41 год. В младшей, соответственно: 23 и 38 лет. Если иметь в виду, что продолжительность обучения в университете составляла 5 лет, то более позднее его окончание связано с тем, что у некоторых был большой временной лаг между получением среднего образования и поступлением в университет. Только 12 из 110 (10,9 %) студентов поступали в университет до 20 лет. В подавляющей массе средний возраст поступления составлял 22–23 года.

Это было связано с тем, что путь на студенческую скамью проходил через преодоление множества препятствий. Кому-то приходилось долго восполнять пробелы в образовании, так как выходцы из низших сословий в основном имели начальное образование, которое приходилось дополнять посредством самообразования и сдачи экзамена за гимназический курс. Кому-то приходилось делать перерыв между гимназией и университетом, чтобы накопить деньги для учебы. Так, например, трое студентов в данной выборке поступили в университет только после 30 лет. Такое «опоздание» объясняется не столько рефлексией по поводу выбора профессии, сколько объективными обстоятельствами социального характера. Один из них, Н.Г. Реморев, сын священника, чтобы не потерять церковный приход отца, от которого кормилась вся семья, вынужден был поступить в духовную семинарию. Затем после ее окончания в 1895 г. принять сан священника и возглавлять приход до 1907 года. И только когда все семейные проблемы были решены, он смог выйти из сана и поступить в университет, чтобы осуществить свою мечту стать врачом. К этому времени ему уже было 34 года, а окончил медицинский факультет он в 39 лет. (Список студентов..., 1912: 51).

Однако не каждый выпускник после окончания учебы сразу начинал свой профессиональный путь. Среди сельских врачей Енисейской губернии разрыв между временем окончания университета и началом службы составлял от двух до семи лет. Отчасти это связано с тем, что для получения должности надо было сдать экзамен на звание уездного врача. Лишь очень немногие совмещали выпускные экзамены и экзамен на должность уездного врача. В результате у некоторых это растягивалось на многие годы. Так, у известного красноярского врача И.И. Кускова этот разрыв составил 8 лет. В 1883 г. он окончил Военно-медицинскую академию со степенью лекаря, и только в 1891 г. Конференцией ВМА был признан уездным врачом (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 216. Л. 43). Правда, при острой нехватке сельских врачей губернские власти не очень строго соблюдали регламенты, и уже с 1886 г. Кусков был назначен на должность окружного сельского врача Енисейского округа.

Наибольший разрыв между этими двумя точками в профессиональной биографии отмечается у выпускников университетов из европейской части страны. Здесь в пореформенное время возникает проблема трудоустройства врачей, так как открытие новых медицинских факультетов в Одесском, Варшавском, Саратовском университетах привело к резкому росту численности медиков. По обеспеченности населения врачами Россия занимала одно из последних мест в Европе, тем не менее дипломированный врач с трудом мог найти место службы. Вольная практика для начинающего врача не могла стать надежным источником существования. Показательным в этом плане является пример В.В. Надаховского, закончившего в 1895 г. медицинский факультет Киевского университета. После безуспешных попыток найти место на службе он решается в 1899 г. вести вольную практику в Каменец-Подольске, но не продержался и года. И в 1900 г. вынужден был отправиться в Сибирь, заняв место сельского врача в селе Балахтинском. Другой выпускник этого же университета С.М. Стефанович продержался вольнопрактикующим врачом в таком многолюдном и небедном городе, как Киев чуть больше двух лет (1904–1906 гг.), но также вынужден был променять Киев на

село Богучаны Енисейской губернии (ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 248. Л. 8). В целом 12% сельских врачей из нашей выборки начинали свой профессиональный путь с разрывом более 5 лет после получения профессионального образования, что не самым лучшим образом сказывалось на их профессиональной деятельности.

Итак, средний возраст, в котором сельские врачи начинали свою профессиональную деятельность в Енисейской губернии составлял 33,7 года. Самым молодым в данной выборке стал уроженец Енисейской губернии К.Е. Антропов, начавший свою карьеру сельским врачом в с. Ирбейском Канского уезда в 1914 г. двадцатипятилетним юношей практически сразу после окончания Томского университета. А самый большой послужной список до приезда в губернию оказался у С.Н. Щеглова, который начал свой профессиональный путь в 1880-е гг. в земских больницах Симбирской губернии. Судя по всему, служба шла успешно, так как уже к 45-ти годам он получает чин статского советника. И вот, когда Щеглов стал приближаться к финишу своей службы, он вдруг принимает решение уволиться с должности врача Сызранского уезда, в которой он бессменно прослужил более 20 лет, и в свои 60 лет поменять обжитое место в городской больнице на должность участкового врача в селе Богучаны Енисейской губернии (ГАКК. Ф. 612. Оп. 1. Д. 248. Л. 11). Это глухая деревня на севере, которая была связана с миром только в короткие летние месяцы судоходства по Енисею. Здесь он пробыл два года, после чего перевелся участковым врачом в Енисейск, а далее его следы теряются. Вряд ли на седьмом десятке лет, отправляясь в сибирскую глушь, он руководствовался высокими альтруистическими побуждениями, скорее, в основе его мотивации лежали сугубо житейские помыслы – получение пенсии. То, что это было довольно типичным поведением, подтверждается примерами других его коллег. В целом группа врачей, которые прибыли в губернию уже в зрелом возрасте (после сорока лет), была невелика – 9 человек (8,1 %).

Приведенные факты мотивации профессиональной деятельности, безусловно, неоднозначно влияли на общее состояние кадрового потенциала сельских врачей в губернии. С одной стороны, присутствие специалистов с высоким стажем профессиональной деятельности от 10 лет и выше может рассматриваться как положительный фактор в смысле профессиональной квалификации. С другой – среди этой группы значительную прослойку составляли выходцы из европейских губерний, которые рассматривали свое пребывание в Сибири преимущественно в утилитарных целях – более быстрого чинопроизводства, высоких окладов и льгот, предназначенных для служащих восточных территорий империи. Находясь на завершающем этапе своей профессиональной карьеры, они в подавляющем своем большинстве не обладали сильной мотивацией к профессиональному росту, социальной и гражданской активности.

Разумеется, не следует заключать, что все ехавшие в Сибирь руководствовались только утилитарными целями. Именно мигранты из центральных губерний России составляли 72,9 % всего корпуса сельских врачей Енисейской губернии. Подавляющую массу среди них составляли начинающие специалисты, которым только предстояло утвердиться в своей профессии, и они были полны сил и амбиций. Именно представители возрастной когорты 1870–1880-х гг. рождения составляли численное большинство – 74 человека (67,2 %), а средний возраст их колебался в диапазоне 32–34 лет. Кроме того, объективно пополнение врачебных кадров специалистами из разных концов страны приводило к аккумуляции опыта, развитию научных и культурных связей, что в конечном счете работало на повышение профессионализма врачей. В селах губернии работали выпускники медицинских факультетов Казанского, Киевского, Харьковского, Московского, Санкт-Петербургского университетов, Медико-хирургической академии, Военно-медицинской академии. Однако самая весомая доля (48,6 %) приходилась на выпускников Томского университета. К концу второго десятилетия XX в. в корпусе губернских врачей заметно возросла доля сибиряков, составив 27,3%. При этом 18 из 30 сибиряков были уроженцами Енисейской губернии.

Итак, главным показателем квалификации медицинских кадров являлся профессиональный стаж. При анализе этого важного параметра мы выделили следующие группы. Первую группу составили те, кто имел стаж до 5 лет. Она является самой многочисленной – 52 человека (47,3 %). В нее вошли как те, кто начал свою профессиональную деятельность накануне Первой мировой войны и еще не успел реализовать свой профессиональный потенциал (18 чел.), так и те, для кого деятельность в Енисейской губернии стала только стартом их профессиональной карьеры, но продолжили они ее уже за пределами губернии (34 чел.). Они либо получали перевод по службе на другое место работы, либо прекращали ее, уезжая из Сибири.

Надо заметить, что работа сельским врачом, с одной стороны, привлекала молодых врачей, потому что давала огромную практику, являясь настоящей школой профессионального опыта. Во-вторых, она открывала возможности самостоятельного творчества, не скованного бюрократическими регламентами, контролем вышестоящего начальства. Но, с другой – лишала специалиста возможности профессионального общения по причине культурной изоляции деревни. Кроме того, культурная инфраструктура сибирского села была крайне неразвита, что затрудняло для начинающего профессионала доступ к информации о новейших достижениях медицины. Это служило демотивирующим фактором, предрешая отток кадров из сельской местности.

По данным Н.А. Викдорчика, на участках Красноярского уезда, наиболее близком к губернскому центру, сменяемость сельских врачей была очень интенсивной. С 1898 по 1903 гг. сменились 4 специалиста (Викдорчик, 1903: 7).

Следующая группа сельских врачей, стаж которых варьировался от 5 до 10 лет, составила 35 чел. (31,8 %). И третья группа врачей, имевшая стаж от 10 лет и более, – 23 человека (20,9 %). В этой группе, довольно представительной (16 человек), была прослойка людей с очень насыщенной профессиональной биографией, например, И.С. Дудченко-Колбасенко. После окончания в 1885 г. Киевского университета он работал уездным врачом в Средней Азии, с 1896 по 1898 гг. служил старшим врачом Шелопугинской войсковой больницы в станице Сретенской (Забайкалье). В 1900-е гг. служил на Дальнем Востоке, участвовал в Русско-японской войне. В 1908 г. специальной Противочумной комиссией был направлен на борьбу с чумой в Забайкалье. Внес большой вклад в изучение эпидемиологии и эпизоотологии чумы. Его заслуженно считают основоположником концепции происхождения чумных эпидемий, ему принадлежит 50 научных публикаций по вопросам медицины и санитарии. В 1910–1913 гг. Иван Степанович был переведен в Енисейскую губернию, где возглавил работу медицинского пункта переселенческого участка в Большеулуйской волости Ачинского уезда. И хотя его пребывание в Енисейской губернии стало кратковременным, его деятельность не могла пройти бесследно для общего состояния сельской медицины края. Конечно, яркая самоотверженная деятельность Дудченко-Колбасенко заметно выделялась на фоне куда более скромных результатов его коллег, но такие, пусть даже единичные, примеры поднимали планку профессионализма, к которой постепенно подтягивались и другие.

Среди третьей группы можно выделить 7 человек, которые более десяти лет прослужили окружными сельскими врачами в одном и том же месте. Так, Ф.Д. Лотоцкий, окончив Киевский университет, поступил в 1900 г. сельским врачом в с. Ирбейское и прослужил здесь до 1917 года. Н.И. Гнетов 17 лет прослужил в с. Казачинском, последовательно переходя по ступенькам служебной карьеры от титулярного советника до коллежского советника.

Если говорить о социальном составе сельских врачей, то он характеризуется преобладанием представителей низших сословий. Самой многочисленной группой (36,8 %) являлись выходцы из мещанского сословия. Им немного уступали представители духовенства (35,7 %). Эти две сословные группы самым активным образом участвовали в формировании сибирской интеллигенции. Активность духовенства характерна для всех регионов империи, так как по образовательному уровню выходцы из этого сословия стояли даже выше дворянства. Для Сибири это объяснялось еще и тем обстоятельством, что Томский университет стал одним из немногих в империи высших учебных заведений, куда можно было поступать после окончания духовной семинарии. Это привлекало сюда выпускников семинарий со всех концов страны. Тогда как из сибиряков только трое (двое из Томской и один из Енисейской губернии), вышедшие из семей священников, выбрали профессию врача. Что касается мещанства, то в Сибири оно численно преобладало среди городского населения, где процессы формирования социальной структуры нового типа происходили быстрее.

Третью позицию по удельному весу занимало дворянство – 11,7 %, среди которого преобладали потомки участников польского восстания 1863 г., сосланных в Сибирь. Многочисленные царские манифесты 1870–1880-х гг. вернули им привилегированный статус, что открывало для них перспективы социальной мобильности. И те из них, кто остался в Сибири, стали заполнять нишу интеллигентных профессий, в том числе медиков. Благо в Томском университете не было ограничительных квот для лиц римско-католического вероисповедания. Из одиннадцати врачей в сельской местности губернии, имевших дворянский статус, только один (Я.Г. Рымарев) был родом сибиряк, сын надворного советника из Минусинска.

Очень слабо в формировании интеллигентных структур в Сибири участвовало местное крестьянство. Из всей выборки только 6 крестьян (6,4 %) вернулись в сельскую среду в новом социальном статусе врача. При этом четверо из них являлись уроженцами европейских губерний, а двое происходили из Енисейской губернии (И.И. Кусков и А.И. Колегов), но крестьянами числились только по паспорту. Де-факто же они жили в городе и к сельским занятиям никакого отношения не имели. Это разительно отличалось от ситуации в центре страны, где на рубеже XIX–XX вв. крестьяне все более активно начинают осваивать интеллигентные профессии. Сибирского крестьянства эти процессы касались очень слабо. Во-первых, оно в большей степени сохраняло патриархальный уклад, поэтому не особенно стремилось к переменам ни в хозяйственной, ни в социально-культурной жизни. Отношение крестьян к официальной медицине и врачам базировалось на недоверии, смешанном со страхом и невежественными предрассудками. Во-вторых, в силу отсутствия в Сибири земств сеть медицинских учреждений в сельской местности была так малочисленна, что фигура врача для крестьянина была какой-то экзотической диковиной и не внушала понимания важности этой профессии для его повседневных нужд. Положение меняется в последнее предреволюционное десятилетие, когда миллионным валом пошел поток переселенцев из европейской части страны, заметно выросла сеть сельских больниц, возросла вместе с этим и потребность в медицинских кадрах, стал меняться экономический и культурный уклад в сибирской деревне. Однако социальные процессы носили инерционный характер, и массовое движение крестьян к освоению новой для себя

социопрофессиональной ниши падает на 1920-1930-е гг., но в это время качественно меняется общая социально-политическая ситуация, и на первый план выходят другие факторы.

Последнее место в рейтинге участников формирования профессионального корпуса врачей в губернии занимали чиновники и купечество – 5,7 и 3,7 %.

В этническом отношении корпус сельских врачей губернии был достаточно однороден. Большую часть, 70 чел. (63,6 %), составляли этнические русские – уроженцы российского центра и сибирских губерний. Довольно внушительную группу представляли евреи – 19 чел. (17,2 %), 10 из которых являлись уроженцами Сибири. Десять врачей были этническими поляками, имели римско-католическое вероисповедание, но родились уже в Сибири, являясь потомками участников восстания в Польше 1863–1864 гг., сосланных в Сибирь. Четверо врачей были выходцами из Малороссии и четверо – из северо-западных губерний (Могилевская, Ковенская, Виленская), но все они являлись православными по вероисповеданию и русскоязычными по культуре. Надо заметить, что в имперский период мы не встречаем ни одного представителя коренных народов Сибири среди врачей губернии.

Редкий случай представляла судьба Роберта Карловича Пикокка – красноярского врача, родившегося в Англии. Его отец являлся подданным Англии, а мать уроженкой Саксонии. Сам Роберт Карлович в шутку себя называл «англосаксом» (Пикок, 1893: 156). Позднее семья переехала в Россию, обосновавшись в Курляндии. После окончания гимназии Пикок поступил в Московский университет, откуда перевелся в Медико-хирургическую академию. В 1868 г. после сдачи выпускного экзамена он получил назначение на золотые прииски Енисейской губернии. После истечения срока службы на приисках Пикок был приглашен на должность старшего врача городской больницы Красноярска. С городом связана большая часть его профессиональной биографии, но на завершающем ее этапе (1903–1905 гг.) Пикок переходит на должность сельского врача 1-участка Красноярского уезда. Его профессиональный стаж к этому времени уже исчислялся 35 годами. В новом для себя ранге он продолжает самоотверженно трудиться, не делая различий между теми, кто нуждался в его помощи, будь то горожанин, сельский житель, бедный или богатый. В благодарственном адресе, поднесенном жителями Заледеевской волости в связи с 30-летием его профессиональной деятельности, говорилось: «Велика польза, приносимая Вами, страждущим во вверенном Вам участке. Не ограничиваясь приемом больных в лечебнице, Вы, во всякое трудное время дня и ночи, являетесь там, где необходима помощь врача, и, врачую тело, как нам стало известно, облегчаете материально бедняков, и для Вас не существует разницы между состоянием и положением лиц, и помощь Ваша является всегда бескорыстной и действительной» (На берегах Енисея..., 2003: 66). Биография Пикокка являет пример того, как уровень профессиональной культуры влияет на мировоззрение человека. Профессиональная деятельность воспринимается не только как совокупность определенных компетенций, которые обеспечивают материальный и социальный статус в обществе, но в широком метафизическом плане как выполнение социальной и духовной миссии человека. Именно такая парадигма была заложена в генезисе самосознания российской интеллигенции.

Новым явлением в развитии российской системы здравоохранения на рубеже XIX-XX вв. стало активное освоение профессии врача женщинами. Оно шло в русле женской эмансипации, начавшейся под влиянием либеральных реформ 1860–1870-х годов. Однако в Сибири это движение тормозилось из-за удаленности края от очагов высшего образования. Долгое время единственным учреждением в России, где женщины могли получить высшее медицинское образование, оставались Высшие женские медицинские курсы в Петербурге, открывшиеся в 1872 г. при МХА. Курс обучения в них был приравнен к программе на медицинских факультетах университетов и МХА. В 1877 г. курсы были переданы в ведение Николаевского госпиталя. В 1897 г. в Петербурге открылся женский медицинский институт, имевший ранг университета. Однако для подавляющей массы сибирячек, горевших желанием овладеть профессией врача, эти учреждения были недоступны в силу удаленности и дороговизны столичной жизни. Настоящим прорывом в этой сфере стало разрешение женщинам поступать в университеты на правах вольнослушательниц, полученное в годы Первой русской революции 1905–1907 годов. Так в аудиториях медицинского факультета единственного в Сибири Томского университета появились девушки. А в 1905 г. новый Врачебный устав санкционировал право женщин, получивших высшее медицинское образование, занимать штатные должности в медицинских учреждениях. Правда, в 1908 г. власть аннулировала указ о доступе к университетскому образованию женщин, но в 1913 г. правительство уже окончательно разрешило обучение женщин в университетах, дав им право получения диплома с занесением в официальные списки практикующих врачей.

В Енисейской губернии первыми женщинами, кто получил право самостоятельно вести медицинскую практику, стали М.С. Черневская (Вериги) и М.В. Захарова-Квятковская. Всего по медицинским спискам удалось выявить 29 женщин, занимавшихся медицинской практикой в Енисейской губернии, из них только 7 работали в сельской местности. Пятеро из них были назначены на должности врачей переселенческих участков уже после начала Первой мировой войны, заменив ушедших на фронт мужчин. Большая часть из них являлись уроженками сибирских губерний, выпускницами медицинского факультета Томского университета. Четверо начали свою профессиональную карьеру в возрасте до 30 лет (А.И. Гусарова, М.Н. Ильинская, К.И. Фадеева,

Ц.Б. Субботовская) и трое – на четвертом десятке лет. При этом одна из них, А.Н. Кривошеина, назначенная участковым врачом в с. Усть-Абакан, получила диплом об образовании уже в 45-летнем возрасте. В целом, доля женщин среди сельских врачей губернии росла очень медленно, составив к 1917 г. всего 11,7 %. Отчасти это объясняется спецификой деятельности сельских врачей в Сибири, так как наряду с лечением больных приходилось выполнять множество других обязанностей, самой обременительной из которых являлись разъезды по отдаленным селам. Это не могло не демотивировать определенную часть женщин.

5. Заключение

Итак, формирование социoproфессиональной группы сельских медиков в Енисейской губернии шло в русле общего процесса генезиса новой социально-классовой структуры. Она складывалась из разнородных сословно-социальных групп, хотя преимущественно в ней доминировали демократические элементы. Общим для выходцев из разных сословий было то, что они принадлежали к малоимущим слоям и шли к будущей профессии долго и упорно, преодолевая трудности материального порядка. Поэтому для большинства из них характерно позднее поступление в университет, его позднее окончание (после 30 лет) и, соответственно, позднее начало профессиональной карьеры. Именно их невысокий стартовый социальный статус во много определял выбор карьерной стратегии сельского врача в Сибири. Этот труд, хотя и был тяжелым и изматывающим, но все же давал гарантированный заработок и плюс к нему 25 %-ю прибавку к окладу, льготную ссуду на образование детей и пенсию. Как показывает фактический материал, такую стратегию выбирали даже те, кто смог состояться в профессии, но на склоне лет предпочел скромный оклад сельского врача, к которому прилагался пакет социальных гарантий.

Особенностью формирования профессионального корпуса сельских врачей в губернии являлось преобладание мигрантов из центральных регионов. Они представляли разные научные школы и направления в российской медицине, что создавало благоприятную среду для их синтеза, благотворно влиявшего на рост профессиональной квалификации. Только к концу периода возрастает удельный вес уроженцев Сибири, представлявших школу Томского университета.

В плане уровня профессиональной квалификации сельские медики существенно не отличались от городских своих коллег. Все они имели высшее медицинское образование со степенью лекаря. Высокая квалификация доктора даже в городах встречалась крайне редко. Однако в городе среди врачей имела место специализация, что в то время среди некоторой части профессионалов считалось показателем более высокой квалификации. Профессия же сельского врача не способствовала узкой специализации, требуя от него универсальной подготовки.

В отличие от аналогичной профессиональной группы сельских медиков в коренной России, относившихся к земской интеллигенции, сибирские сельские врачи являлись штатными служащими, подчиненными ведомству губернской врачебной управы. Являясь служащими, они составляли часть бюрократии, занимали низшие и средние ступени в ее иерархии. Как правило, высшей карьерной ступенькой, которой удавалось достичь сельскому врачу, являлся чин статского советника. В корпусе сельских врачей губернии из более чем ста человек это удалось только одному, 11 имели чин коллежского советника, 9 – надворного советника, 4 – коллежского асессора, 4 – титулярного советника.

Принадлежность к чиновно-бюрократическому сообществу, с одной стороны, предполагала формирование таких родовых черт бюрократии, как лояльность власти, приоритет корпоративных интересов над общегражданскими. С другой – социальный статус врача как наемного работника сближал его с трудовыми слоями. Кроме того, само гуманистическое предназначение профессии врача делало медиков чутким резонатором ко всяким проявлениям социальной несправедливости. Врач был вынужден близко сталкиваться с бедственным положением сельского населения, состояние которого находилось на грани умственно-физической и социально-нравственной деградации и требовало немедленной профессиональной помощи. Но существующая система здравоохранения обеспечить эту помощь на том качественном уровне, который была способна дать современная медицина, не могла. Это порождало конфликт между социально-профессиональной мотивацией специалиста и системой. Возникла дилемма: либо смириться с системой, что вело к профессиональной и моральной деградации, либо стать к ней в оппозицию, искать пути ее модернизации. Альтернатива борьбы неизбежно вела к консолидации врачебного сообщества, осознанию своего места и роли, выработке общей стратегии реформы системы здравоохранения и статуса врача.

Все это создавало почву для социoproфессиональной идентификации. Триггером, ускорившим процесс, стали политические события начала XX в. Они показали, что общество является реальным субъектом гражданской жизни. Не все зависит только от воли начальства, инициатива может и должна исходить снизу. Надо было учиться артикулировать профессиональные проблемы, смелее заявлять о них перед властью. Неслучайно в это время учащается практика проведения съездов представителей разных профессий: учителей, врачей, ученых. В 1911–1912 гг. состоялись съезды сельских врачей в разных губерниях Сибири: Тобольской, Енисейской, Иркутской и Забайкальской области. Хотя они проходили под эгидой губернской администрации, пристально следившей, чтобы общественная

инициатива не вышла «из пределов строго указанных умеренностью и аккуратностью», тем не менее присутствие начальства не смогло удержать радикально настроенную часть врачей от критики и таких инициатив, которые расходились с намерениями власти. Сельские врачи Енисейской губернии приняли в съезде, состоявшемся 4-7 сентября 1912 г., самое активное участие.

В числе важнейших требований, выдвинутых на съезде, превалировали требования улучшения материально-технического состояния медучреждений (постройка типовых зданий больниц, увеличение кредитов на лекарства и медицинские инструменты, создание амбулаторий при больницах), а также институциональных изменений: отмены разъездной медпомощи, организации института санитарных врачей, создание санитарных отрядов для борьбы с эпидемиями среди коренных народов, передачи медучреждений на приисках в ведение окружных врачей, реорганизации больничных советов и передачи управления больниц непосредственно врачам, создания отделов медицинской статистики (*Труды Первого..., 1913: 217-219*).

Не менее громко звучали на съезде вопросы, касавшиеся социально-правового статуса сельского врача. Говорилось о его чрезмерной перегрузке, отсутствии элементарных условий труда и отдыха, правовой зависимости от судебной-полицейских ведомств, сельской администрации, приискового начальства, скудных зарплатах. Сельские врачи требовали распространить право увеличения окладов за службу в Восточной Сибири на 20 % после первого пятилетия службы и на 30 % – после второго пятилетия на все категории (она не распространялась на уроженцев Сибири). Выдвигали также требование закрепить юридически обязательное обеспечение врачей жильем при больницах, бесплатным обучением детей в средней школе, полной пенсией за 20 лет службы и обязательным страхованием (*Труды Первого..., 1913: 216-217*). Общим для всех врачей губернии, как сельских, так и городских, стало требование об обязательном предоставлении ежегодного отпуска в 28 дней и оплачиваемого отпуска 1 раз в три года сроком на 4 мес. для повышения квалификации.

Съезд показал, что, несмотря на различия, существовавшие внутри корпорации врачей губернии по социально-правовому, служебному, материальному статусу, они сумели подняться над тем, что их разъединяло ради общей цели – вывести организацию медицинской службы на качественно новый уровень, который они связывали с введением в Сибири медицины земского типа. Это требование четко прозвучало в выступлении врача Красноярской городской больницы Н. Агеева: «Необходимо заново пересмотреть все врачебно-больничное дело, – заявлял он, – нужны широкие реформы соответственно требованиям, предъявляемым живой действительностью; нужно догнать медицину земских губерний, от которых мы отстали на целый век; давно пора сдать в архив Врачебный устав и Устав лечебных заведений 50-х годов» (*Труды Первого..., 1913: 137*).

Однако требование земской медицины было далеко не безобидно с политической точки зрения, губернское начальство постаралось не заметить его и не включило в официальные протоколы съезда. Вероятно, такая реакция не стала неожиданной для врачей, но они не желали сдаваться. Врачебное сообщество уже осознало себя как реальную гражданскую силу, объединенную общностью социoproфессиональных целей и ценностей. О готовности продолжать борьбу врачей заявил в своем выступлении минусинский врач К.М. Онисимов: «Многоуважаемые товарищи, представители 1-го съезда врачей Енисейской губернии! В данный момент мы все представляем здесь великую силу, если не с юридическими полномочиями, то с громадным моральным общественным весом. К вам, к съезду, я обращаюсь и прошу вас своим гуманным решением помочь осуществить все те пожелания, которые каждый из нас принес сюда в своей наболевшей душе» (*Труды Первого..., 1913: 25*).

Литература

Викдорчик, 1903 – Викдорчик Н.А. Материалы к характеристике сельской медицины в Сибири. Красноярск: Енис. губ. тип., 1903. 28 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Дамешек, Орлова, 2023 – Дамешек И.Л. Орлова И.В. Формирование профессионального статуса врача в России в конце XVII – XIX в.: на примере Иркутской губернии. Часть 1 // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия «История». 2023. Т. 43. С. 16–25.

Дамешек, Орлова, 2023а – Дамешек И.Л. Орлова И.В. Формирование профессионального статуса врача в России в конце XVII – XIX в.: на примере Иркутской губернии. Часть 2 // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия История. 2023. Т. 44. С. 4-13.

Ерофеев, 2011 – Ерофеев Я.А. Правовой статус и социальное положение медицинского персонала в городах Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) / *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. материалов I Всероссийской молодежной научной конференции* / Отв. ред. Р.Е. Романов; Институт истории СО РАН. Новосибирск: Параллель, 2011. 297 с.

Зимин, 2003 – Зимин И.В. Медицинская интеллигенция в сословной структуре Российской империи XIX века // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2003. № 6. С. 49-51.

Крутовский, 1902 – Крутовский В.М. Очерки современного положения сельской врачебной помощи в Енисейской губернии. Томск: Паровая типолит. П.И. Макушина, 1902. 92 с.

- [На берегах Енисея..., 2003](#) – На берегах Енисея: рассказы, статьи, очерки, стихи / гл. ред. В.И. Ермаков. Красноярск: Книжное издательство, 2003. С. 64–68.
- [О дополнении штатов..., 1913](#) – О дополнении штатов сельско-врачебной части губ. Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и обл. Якутской, Забайкальской, Амурской, Приморской и Камчатской и об изменении порядка отпуска кредитов на нужды сельско-врачебной части // *ПСЗРИ*. Собр. 3-е. Т. XXX. Отделение I. 1910. № 33900. СПб., 1913.
- [О преобразовании врачебной части..., 1897](#) – О преобразовании врачебной части в округах губ. Иркутской и Енисейской и обл. Якутской и об утверждении штата врачебной части в названных местностях // *ПСЗ РИ*. Собр. 3-е. Т. XVII. 1897. № 14188. СПб., 1900.
- [Памятная книжка..., 1897](#) – Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленная по 1-е янв. 1898 г. / под ред. П.Е. Кулакова. Красноярск: Енисейская губ. тип., 1897. 146 с.
- [Памятная книжка..., 1901](#) – Памятная книжка Енисейской губернии на 1901. Красноярск: Енисейская губернская типография 1901. 307 с.
- [Памятная книжка..., 1909](#) – Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 г. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1909. 455 с.
- [Памятная книжка..., 1915](#) – Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 г. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1915. 128 с.
- [Пикок, 1893](#) – *Пикок Р.К.* Автобиография (1841–1892) // Двадцати пятилетие врачей бывших студентов Императорской медико-хирургической академии выпуска 9-го декабря 1868 года. Санкт-Петербург, 1893. С. 155–158.
- [Почеревин, 2021](#) – *Почеревин Е.В.* Фельдшерская служба в Сибири в конце XIX – начале XX века // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. 2021. № 1. С. 143–151.
- [Российский медицинский..., 1890–1916](#) – Российский медицинский список, изданный медицинским департаментом МВД. Упр. гл. врачебного инспектора М-ва внутренних дел. [по годам]. 1890–1916. СПб.: Тип. МВД.
- [Смирнова, 2020](#) – *Смирнова Е.М.* Медицинское сообщество России в поисках профессиональной идентичности (XIX – начало XX вв.) // *Современная научная мысль*. 2020. №2. С. 30–38.
- [Список студентов..., 1896](#) – Список студентов и посторонних слушателей Императорского Томского Университета за 1895–96 академический год. Томская губернская типография. Томск, 1896. 243 с.
- [Список студентов..., 1904](#) – Список студентов и посторонних слушателей Императорского Томского университета на 1904–1905 академический год. Томск: Типография Епархиального братства, 1904]. 122 с.
- [Список студентов..., 1912](#) – Список студентов, слушательниц и посторонних слушателей Императорского Томского университета... на 1911–1912 учебный год.: Типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, Томск, 1912. 137 с.
- [Статистический обзор..., 1890–1916](#) – Статистический обзор Енисейской губернии ... [по годам]. Красноярск, 1890–1916.
- [Труды Первого..., 1913](#) – Труды Первого съезда врачей Енисейской губернии с 4-го по 7-е сентября 1912 г. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1913. 220 с.
- [Федотов, Мендрин, 1975](#) – *Федотов Н.П., Мендрин Г.И.* Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 260 с.
- [Шаламов, 2021](#) – *Шаламов В.А.* Характеристика медицинского персонала Восточной Сибири конца XIX – начала XX в. // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 3. С. 161–171.

References

- [Dameshek, Orlova, 2023](#) – *Dameshek, I.L. Orlova, I.V.* (2023). Formirovanie professional'nogo statusa vracha v Rossii v kontse XVII – XIX v.: na primere Irkutskoi gubernii. Chast' 1 [Formation of the professional status of a doctor in Russia at the end of the 17th – 19th centuries: using the example of the Irkutsk province. Part 1]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya «Istoriya». 43: 16–25. [in Russian]
- [Dameshek, Orlova, 2023a](#) – *Dameshek, I.L. Orlova, I.V.* (2023). Formirovanie professional'nogo statusa vracha v Rossii v kontse XVII – XIX v.: na primere Irkutskoi gubernii. Chast' 1 [Formation of the professional status of a doctor in Russia at the end of the 17th – 19th centuries: using the example of the Irkutsk province. Part 2]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya «Istoriya». 44: 4–13. [in Russian]
- [Erofeev, 2011](#) – *Erofeev, Ya.A.* (2011). Pravovoi status i sotsial'noe polozhenie meditsinskogo personala v gorodakh Tobol'skoi gubernii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Legal status and social status of medical personnel in the cities of Tobolsk province (second half of the 19th – early 20th century)]. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanii: vzglyad molodykh uchenykh: Sb. materialov I Vserossiiskoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii*. Otv. red. R.E. Romanov; Institut istorii SO RAN. Novosibirsk: Parallel', 297 p. [in Russian]

Fedotov, Mendrina, 1975 – *Fedotov, N.P., Mendrina, G.I.* (1975). Ocherki po istorii meditsiny i zdravookhraneniya Sibiri [Essays on the history of medicine and healthcare in Siberia]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 260 p. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].

Krutovskii, 1902 – *Krutovskii, V.M.* (1902). Ocherki sovremennogo polozheniya sel'skoi vrachebnoi pomoshchi v Eniseiskoi gubernii [Essays on the current situation of rural medical care in the Yenisei province]. Tomsk: Parovaya tipolit. P.I. Makushina, 92 p. [in Russian]

Na beregakh Eniseya..., 2003 – Na beregakh Eniseya: rasskazy, stat'i, ocherki, stikhi [On the banks of the Yenisei: stories, articles, essays, poems]. Gl. red. V. I. Ermakov. Krasnoyarsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 2003. Pp. 64-68. [in Russian]

O dopolnenii shtatov..., 1913 – O dopolnenii shtatov sel'sko-vrachebnoi chasti gub. Tobol'skoi, Tomskoi, Eniseiskoi i Irkutskoi i obl. Yakutskoi, Zabaikal'skoi, Amurskoi, Primorskoi i Kamchatskoi i ob izmenenii poryadka otpuska kreditov na nuzhdy sel'sko-vrachebnoi chasti [On the addition of states in the rural and medical part of the lips. Tobolsk, Tomsk, Yenisei and Irkutsk and regions. Yakut, Transbaikal, Amur, Primorsk and Kamchatka and on changing the procedure for issuing loans for the needs of the rural medical unit]. PSZRI. Sobr. 3-e. T. XXX. Otdelenie I. 1910. № 33900. SPb., 1913. [in Russian]

O preobrazovanii vrachebnoi chasti..., 1900 – O preobrazovanii vrachebnoi chasti v okrugakh gub. Irkutskoi i Eniseiskoi i obl. Yakutskoi i ob utverzhenii shtata vrachebnoi chasti v nazvannykh mestnostyakh [On the transformation of the medical unit in the districts of the provinces. Irkutsk and Yenisei and regions. Yakutsk and on the approval of the staff of the medical unit in the named areas]. PSZ RI. Sobr. 3-e. T. XVII. 1897. № 14188. SPb., 1900. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka, 1897 – Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii s adres-kalendarem, sostavlenaya po 1-e yanv. 1898 g. [Commemorative book of the Yenisei province with an address-calendar, compiled on January 1st. 1898]. Pod red. P.E. Kulakova. Krasnoyarsk: Eniseiskaya gub. tip., 1897. 146 p. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka, 1901 – Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1901 [Commemorative book of the Yenisei province for 1901]. Krasnoyarsk: Eniseiskaya gubernskaya tipografiya 1901. 307 p. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka, 1909 – Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1909 [Commemorative book of the Yenisei province for 1909]. Krasnoyarsk: Eniseiskaya gubernskaya tipografiya, 1909. 455 p. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka, 1915 – Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1915 [Commemorative book of the Yenisei province for 1915]. Krasnoyarsk: Eniseiskaya gubernskaya tipografiya, 1915. 128 p. [in Russian]

Pikok, 1893 – *Pikok, R.K.* (1893). Avtobiografiya (1841–1892) [Autobiography (1841–1892)]. Dvadtsati pyatiletie vrachei byvshikh studentov Imperatorskoi mediko-khirurgicheskoi akademii vypuska 9-go dekabrya 1868 goda. Sankt-Peterburg. Pp. 155-158. [in Russian]

Pocherevin, 2021 – *Pocherevin, E.V.* (2021). Fel'dsherskaya sluzhba v Sibiri v kontse XIX — nachale XX veka [Paramedic service in Siberia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 1: 143-151. [in Russian]

Rossiiskii meditsinskii..., 1890–1916 – Rossiiskii meditsinskii spisok, izdannyi meditsinskim departamentom MVD [Russian medical list published by the medical department of the Ministry of Internal Affairs]. Upr. gl. vrachebnogo inspektora M-va vnutrennikh del. [po godam]. 1890–1916. SPb.: Tip. MVD. [in Russian]

Shalamov, 2021 – *Shalamov, V.A.* (2021). Kharakteristika meditsinskogo personala Vostochnoi Sibiri kontsa XIX – nachala XX v. [Characteristics of the medical personnel of Eastern Siberia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. 17(3): 161-171. [in Russian]

Smirnova, 2020 – *Smirnova, E.M.* (2020). Meditsinskoe soobshchestvo Rossii v poiskakh professional'noi identichnosti (XIX – nachalo XX vv.) [Russian medical community in search of professional identity (XIX-early XX centuries)]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 2: 30-38. [in Russian]

Spisok studentov, 1904 – Spisok studentov i postoronnikh slushatelei Imperatorskogo Tomskogo universiteta na 1904–1905 akademicheskii god [List of students and outside students of the Imperial Tomsk University for the 1904–1905 academic year]. Tomsk: Tipografiya Eparkhial'nogo bratstva, 1904]. 122 p. [in Russian]

Spisok studentov, 1912 – Spisok studentov, slushatel'nits i postoronnikh slushatelei Imp. Tomskogo universiteta... na 1911–1912 uchebnyi god [List of students, listeners and outside listeners Imp. Tomsk University... for the 1911–1912 academic year]: Tipo-lit. Sib. t-va pech. dela, Tomsk, 1912. 137 p. [in Russian]

Spisok studentov..., 1896 – Spisok studentov i postoronnikh slushatelei Imperatorskogo Tomskogo Universiteta za 1895–96 akademicheskii god [List of students and outside students of the Imperial Tomsk University for the 1895–96 academic year]. Tomskaya gubernskaya tipografiya. Tomsk, 1896. 243 p. [in Russian]

Statisticheskii obzor..., 1890–1916 – Statisticheskii obzor Eniseiskoi gubernii ... [po godam] [Statistical review of the Yenisei province... [by year]]. Krasnoyarsk, 1890–1916. [in Russian]

[Trudy Pervogo..., 1913](#) – Trudy Pervogo s"ezda vrachei Eniseiskoi gubernii s 4-go po 7-e sentyabrya 1912 g. [Proceedings of the First Congress of Doctors of the Yenisei Province from September 4 to 7, 1912]. Krasnoyarsk: Eniseiskaya gubernskaya tipografiya, 1913. 220 p. [in Russian]

[Vigdorchik, 1903](#) – Vigdorchik, N.A. (1903). Materialy k kharakteristike sel'skoi meditsiny v Sibiri [Materials for the characteristics of rural medicine in Siberia]. Krasnoyarsk: Enis. gub. tip., 28 p. [in Russian]

[Zimin, 2003](#) – Zimin, I.V. (2003). Meditsinskaya intelligentsiya v soslovnoi strukture Rossiiskoi imperii XIX veka [Medical intelligentsia in the class structure of the Russian Empire of the 19th century]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 6: 49-51. [in Russian]

Сельский врач сибирской глубинки XIX – начала XX вв. в зеркале социопрофессионального анализа

Вера Ивановна Федорова^{a, *}

^a Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется социальный, этнический, возрастной, гендерный состав, длительность профессионального стажа, служебная мобильность как факторы, влиявшие на профессиональную мотивацию, карьерные стратегии и ценностные установки, определявшие социопрофессиональную идентичность сельских врачей Енисейской губернии. Анализ персональных данных сельских врачей показывает, что ядро данной социопрофессиональной группы складывалось из людей, начинавших карьеру с низкого социального старта. Именно эта часть имела самый длительный (более 10 лет) стаж работы в должности сельского врача, но составляла только 6,3 %. Подавляющую часть сельского врачебного корпуса составляли специалисты с очень активной служебной мобильностью. Однако, несмотря на высокую текучесть в кадровом корпусе сельских врачей, можно говорить о формировании общего понимания профессиональных задач, вытекавших из особенностей социопрофессионального статуса врачей сибирского региона. Она заключалась в том, что, с одной стороны, сельские врачи являлись частью бюрократии, с другой – формирующейся интеллигенцией. Этот дуализм тормозил ее оформление в качестве новой социальной страты.

Ключевые слова: сельский врач, социопрофессиональная группа, профессиональный стаж, профессиональная квалификация, профессиональная мотивация, социопрофессиональная идентичность, Съезд врачей Енисейской губернии.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vi-fedorova@yandex.ru (В.И. Федорова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1982-1997
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1982

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Demographic, Social, and Economic Aftermath of the Cholera Epidemic in Astrakhan in 1892

Sergey V. Ryazantsev ^{a, b, *}, Alexey V. Smirnov ^b, Nikita S. Ryazantsev ^b

^a Institute for Population and Social Research of the Mahidol University (IPSR MU), Bangkok, Thailand

^b Institute for Demographic Research of the Federal Central of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russian Federation

Abstract

Astrakhan, due to its location, was always considered to be a gateway of cholera to the Russian Empire. The aim of the following study is to assess demographic, social, and economic aftermath of the cholera epidemic, occurred in Astrakhan in 1892, maintaining historical and demographic methods of press analysis as a source, with an assessment of the demographic aftermath provided by the eyewitnesses of that accident.

The sources for the study were materials from pre-revolutionary sources. Contact analysis of the press to reveal the demographic estimations of eyewitnesses of the incident, i.e. experts of that time (medical workers, town governors, civil servants, military officers) in relation to the peculiarities of the epidemic development, as well as their subjective estimation of the demographic, social, and economic aftermath of the cholera epidemic were used.

The 5th cholera epidemic in Russia lasted within 1892–1894. The 1st wave was the deadliest. In 1892, mainly from May to November, more than 620 thsd people were infected and 300 thsd of them died. In 1893, there were infected 103 thsd people and 43 thsd people died. In 1894, the epidemic occurred on a smaller scale. By 1892, cholera caused 13 epidemics in Astrakhan. In 1892, cholera, causing an outbreak of morbidity in the Transcaspien region, ended up in Baku. The deterioration of the epidemiological situation in Astrakhan was facilitated by the mass departure of Baku residents on overcrowded ships, despite the denial by the authorities of the city of Baku of the presence of cholera. After the introduction of quarantine measures in Astrakhan, rumors arose among the population that in cholera hospitals, living people are put in coffins, sprinkled with lime, and buried. During the riots, medical personnel were killed, a cholera hospital was burned, and the infected were sent home. After the riots, there was a sharp increase in morbidity.

From the 14th of June to the 20th of September, 1892, in Astrakhan, more than 3 per cent of the city's population died from cholera, and for 10 thsd residents there were 480 cases and 316 deaths. This was the demographic maximum for the cholera epidemic of 1892. The assessment of excess mortality showed an increase in mortality by 278 per cent in June and by 555 per cent in July compared to these months in 1888–1894. Of all those admitted to the hospital in Astrakhan, about 73 per cent were laborers who were living in hostels (shelters); about 5 per cent were workers on ships, steamships, and barges; 12 per cent are artisans. The social composition by estates was the following: 1983 peasants, 316 soldiers, 262 burghers, 12 Cossacks (kazaks), 8 nobles, and 5 church servants. Natives of Astrakhan and the province accounted for about 11 per cent of cases, 89 per cent were seasonal migrants. Due to supermortality, many children were orphaned. The budget expenditures of Astrakhan to combat the epidemic amounted to 142 thsd rubles, including 33 thsd rubles went to the maintenance of troops who arrived to suppress the cholera riot. The cholera epidemic had a positive sanitary condition of cities, formed new habits of the population in terms of personal hygiene.

* Corresponding author

E-mail addresses: riazan@mail.ru (S.V. Ryazantsev), sofetel@mail.ru (A.V. Smirnov), ryazantsevo80700@ya.ru (N.S. Ryazantsev)

Keywords: cholera, cholera epidemic, 5th cholera pandemic, mortality, cholera in Astrakhan, cholera in 1892, epidemic, pandemic.

1. Introduction

Cholera¹ has been affecting people for thousands of years. The ancient Sanskrit medical literature of 500-400 B.C. describes the symptoms of the disease. In the last two centuries cholera caused seven pandemics. The 7th pandemic is ongoing nowadays (Kanungo et al., 2022: 1429; CGS).

Cholera is considered to be native to the Ganges River delta in India (Cholera). Before the 19th century, beyond India cholera epidemics were observed in Persia in 1364-1376 and Arabia in 1761-1763. With the development of international relations and population migration, cholera caused the 1st pandemic lasting in 1817-1823, the 2nd pandemic lasted in 1826-1837, the 3rd in 1846-1862, the 4th in 1864-1875, the 5th in 1883-1896, the 6th in 1902-1925, and the 7th pandemic began in 1961 (Drankin, 1973: 5; Moskvitina, 2008: 22).

The spread of cholera was directly dependent on the development of transport communion. In the 1st pandemic, cholera vibrio reached Europe six years after the outbreak of the epidemic in India. In the 4th pandemic, cholera in a year reached some European countries, during the 5th epidemic within less than a year (Kovaleva, 1970: 2-3).

Cholera first appeared in the Russian Empire on the 10th of September, 1823, among the employees of the port of the city Astrakhan. But the disease did not spread further. The Astrakhan medical board at that time adhered to the miasmatic theory, believing that cholera arose due to "an unusual change in the local atmosphere" (Drankin, 1973: 13).

In 1830-1831, cholera vibrio spread throughout the Russian Empire. In two years, about 230 thsd people died. In 1830, Astrakhan again became the gateway of cholera's entry into the state. During 1823-1925 there were 55 "cholera years" in the Russian Empire. During these years, 5.5 mln people were infected with cholera and 2.3 mln died (Drankin, 1973: 7-9, 13).

The Volga waterway often played a decisive role in the spread of cholera throughout the Russian Empire. Astrakhan was a gateway for epidemics from Central Asia, Transcaucasia, and Persia. The infection was mostly transmitted through water, in which cholera vibrio got with the excretions of the patient. After its appearance in Astrakhan, cholera spread rapidly through the cities of the Volga region (Tsaritsyn, Saratov, Samara, Nizhny Novgorod, and etc.) (Henrici, 2020: 17).

Before the spread of railroads within the Russian Empire, the Volga River, and other navigable rivers used to be the main transportation routes. With the advent and expansion of the railroad network, their role in the spread of the 5th and 6th cholera pandemics increased significantly (Drankin, 1973: 15-16). In 1892, during the 5th pandemic the cholera pathogen was introduced from Persia and spread through Astrakhan to the Russian Empire, causing a "tremendous explosion" of disease (Henrici, 2020: 13).

2. Materials and methods

The aim of the article is to assess the demographic, social, and economic aftermath of the cholera epidemic, occurred in Astrakhan in 1892, on the basis of the historical and demographic methods of analyzing press materials as a source with the assessment of demographic consequences of eyewitnesses of that accident.

The objectives of the study are to identify the peculiarities of the spread of the cholera epidemic in Astrakhan in 1892 as one of the most significant ports of the empire in the context of population migration, to assess the demographic aftermath of the cholera epidemic in Astrakhan on the basis of eyewitness experience of experts of that period (medical workers, town governors, civil servants, military officers), to determine the impact of the epidemic on key demographic processes in Astrakhan, including mortality and population migration, to assess the effectiveness of measures to combat the epidemic in Astrakhan, and to assess the effectiveness of measures to combat the epidemic in Astrakhan.

The source basis of the study are the materials of pre-revolutionary publications, including periodicals, as "The News of the City of Astrakhan" (*Astrakhansky Vestnik*), "The Doctor" (*Vrach*), "The State News" (*Governmental Vestnik*), "The News about Finances, Industry, and Trade" (*Vestnik of Finance, Industry, and Trade*) in 1892-1894, which contain information about the cholera epidemic in Astrakhan and in the territory of the Russian Empire. The complementary materials describe the history of the cholera epidemic in Astrakhan in 1892.

The research conducts a content analysis of the press in order to identify the demographic assessments of eyewitnesses of the passed accidents, experts of that time (doctors, town governors, civil servants, military

¹ Cholera is an "acute diarrheal infection, severe forms of which are accompanied by acute watery diarrhea and potentially fatal dehydration" (CGS). It's caused by the bacterium *Vibrio cholerae*. "The way of spread is fecal and oral, realized through factors of household transmission (contaminated hands, household items), water, and food. A certain role play flies. The leading way of spread is via water routes" (Pokrovsky et al., 2009: 265). Cholera usually occurs in regions with inadequate access to fresh water (Kanungo et al., 2022: 1429). Incubation period lasts from two hours to five days (CGS). Cholera vibrio was discovered by F. Pacini in 1853 and by E. Niedzwiecki in 1872. Pure culture was distinguished and studied by R. Koch in 1883 (Pokrovsky et al., 2009: 264).

officers), regarding the peculiarities of the epidemic development, as well as their subjective assessment of the demographic, social, and economic aftermath of the cholera epidemic.

3. Discussion

Research about epidemics, including cholera, is presented in both internal and international scientific works. Studies about cholera were ordinary focused on describing the causes and characteristics of epidemics. Nevertheless, some studies have provided comprehensive assessments of the demographic consequences of cholera epidemics, including their impact not only on the overall scale of mortality, but also on its structure by age and ethnic groups. A special role is taken by the study of the relationship between the aftermath of epidemics and social and economic consequences for society.

Asa Briggs and L. Chevalier are considered to be the first researchers of the impact of cholera epidemics on European societies, who believed that epidemics exposed the accumulated social problems of society (Henze, 2011: 1-3). Russian literature notes the role of N.F. Gamaley, who investigated "chicken cholera", in the formation of microbiology in Russia (Mikhel, 2009: 11). Russian scientists G.K. Vasiliev and A.E. Segal noted that among epidemic diseases cholera takes an absolutely extraordinary place (Vasiliev, Segal, 1960: 243).

The most common area of research in the scientific literature is about the assessment the impact of epidemics. Primarily, about the demographic aftermath. For example, Ch. Rosenberg believed that cholera in the 19th century was the same epidemic disease as the plague in the 14th century. He finds similar symptoms of cholera and acute arsenic poisoning. Taking into consideration the USA as an example, he also noted that cholera had a lower mortality rate than other epidemics, claiming that a few Americans died from cholera, for every victim of the disease there were dozens of deaths from malaria and tuberculosis (Rosenberg, 1987: 4).

It is also worth noting the studies of social aftermath of epidemics. M. Pelling also compared the impact of cholera on society with the plague and believes that cholera caused only a short-term impact on society (Pelling, 2022: 346), disagreeing with Briggs and Chevalier (Henze, 2011: 1-3).

According to Ch. Rosenberg, "cholera became a stimulus to overcome centuries of government inertia and indifference to public health problems" (Rosenberg, 1987: 2). Frieden noted that the cholera epidemic of 1892 strengthened the position of physicians in the tsarist Russia (Frieden, 1977: 552).

British social historian Asa Briggs stated: "Cholera, wherever it appeared... mercilessly exposed the political, social, and moral shortcomings of society... It inspired not only sermons, but also novels and works of art" (Briggs, 1961: 76). K.A. Bogdanov believes that "the fight against cholera stimulated research not only in medicine, but also in statistics, cartography, and urban planning (primarily, in public water supply systems)" (Bogdanov, 2017: 375).

In addition, the scientific works note the political aftermath of epidemics. For instance, D. Davis and S. Henze believe that the crisis caused by the famine of 1891 and the cholera epidemic of 1892 served as a trigger for revolutionary movements in the Russian Empire" (Davis, 2018: 1-4; Henze, 2011: 1-3).

A whole area of research in the scientific literature deals with the peculiarities of cholera epidemics in the Russian Empire. Pre-revolutionary cholera epidemics were in focus of the following researchers: P.E. Ratmanov, K.S. Barabanova, A.M. Stochik, and S.N. Zatravkin (Ratmanov, 2008; Barabanova, 2015; Stochik, Zatravkin, 1995). For example, D. Davis highlights that Russia is one of the few states that faced such a prolonged and intense impact of cholera on society (Davis, 2018: 4). Sh. Henze, covering the cholera epidemic in Saratov in 1892, compares it to a medical, social, and economic catastrophe, claiming: "Russia was the first European country to be struck by cholera and the last to defeat it" (Henze, 2011: 1-3, 50). Russian scientists, G.K. Vasiliev and A.E. Segal, came to the conclusion that the measures against the epidemic, carried out by the tsarist administration in 1892, proved the failure of the fight against the disease. As a result, the tsarist government legalized the activities of zemstvo and city sanitary commissions, thus "reluctantly acknowledging" the importance of society in the fight against infections (Vasiliev, Segal, 1960: 275). K.A. Bogdanov notes that "despite the fact that cholera epidemics affected all strata of society in Russia, the historical study in Russian works of its social and cultural reception has barely begun" (Bogdanov, 2017: 377).

The scientific novelty of the study deals with the expansion of information about the cholera epidemic in the Russian Empire at the end of the 19th century via introduction of historical sources reflecting the peculiarities of the pandemic and its social, economic, and demographic aftermath on the basis of the methods of historical and demographic analysis, i.e. content analysis of the press.

4. Results

The features of the development of the cholera pandemic in 1892

Epidemics were often companions of wars. Cholera accompanied colonial wars in India and North Africa, and was observed during the Turkish-Persian wars and the Crimean campaign. Pilgrimage also played a significant role in the spread of cholera vibrio. It has been recorded that outbreaks in India occur every twelve years when the religious festival of the Brahmanists, Kumb Mela, is celebrated. On that days, up to 3 mln pilgrims performed ablutions in the sacred Ganges River, drank water, and prayed. The crowding, unsanitary conditions, and religious ceremonies created ideal conditions for the pilgrims to spread infection (Drankin, 1973: 25).

Cholera was brought from India to Kanadar in late March or early April, 1892. The pathogen then caused an epidemic in the city of Mashhad, which was 230 versts¹ from the Russian border. Mashhad was a religious center for Shiite Muslims, where Imam Riza was buried (Arustamov, 1894: 1-2). Every Shiite dreamed of being buried next to the Imam's grave. Due to this reason, "the corpses of many wealthy Shiites were sent right over to Mashhad, no matter how much and trouble it would cost" (Arustamov, 1894: 1-2).

There was a cemetery in downtown. The clergy received large sums of money for organizing funerals. It seems that muslims from India arrived to Mashhad and could bring infection (Arustamov, 1894: 1).

According to the Russian Consul to Mashhad, the cholera epidemic managed to kill 3-4 thsd people out of more than 120 thsd populated city. The Russian consulate in Mashhad lacked medical personnel who could have informed the Russian authorities and the border towns of the epidemic in time. As a result of untimely reporting, the measures that were taken against the appearance of cholera in Baku and Astrakhan were too late (Arustamov, 1894: 2-10).

On the 26th of May, first news about the appearance of cholera in Persia came to Astrakhan. It became known about a case of cholera in a village near the station Kaahka of the Transcaspiian railroad. Because of the possible introduction of the infection into Astrakhan, the Committee of Public Health was convened on the 29th of May and the 2nd of June, at which it was decided to introduce measures against cholera in the area of the Caspian Sea and on the wharves of the city. It was decided, as in 1890 (during the cholera in Persia and Turkey), to follow sanitary control of ships arriving at the nine- and twelve-foot roadstead. "Favorable (safe) ships" (free of cholera patients) were allowed through, and "unfavorable" ones were detained for quarantine (Grigoriev, 1893: 1-3). According to the instructions, if there was anyone infected or just suspected ones on board, all passengers had to be sent for a seven-day observance (Arustamov, 1894: 4).

There was a permanent quarantine camp in Baku, so passengers arrived from this city were provided with "clean certificates" that allow them to freely pass through (Grigoriev, 1893: 3). "In Baku, before the 11th of June, cholera nostras with a huge percentage of mortality was not yet recognized as Asian cholera" (Arustamov, 1894: 2). Panic began among the people. Every day ships from Baku arrived in Astrakhan with a large number of passengers "... on the way there were infected and dead among those who had fled, who were thrown into the sea, but they could be considered as dead from cholera, as they had left Baku, where officially there was no cholera at that time" (Arustamov, 1894: 4).

The steamship "Alexander", arrived from Baku to Astrakhan on the 12th of June, despite the status of safe, was on quarantine due to the death of a child and illness of some passengers. There were already five dead on the steamer on the 14th of June. A bacterioscopic testing of the intestines of a corpse exposed cholera. Thus, after the arrival of the steamship, all vessels traveling from Baku to Astrakhan were inspected (Grigoriev, 1893: 3).

After the official recognition of cholera diseases in Baku, the number of passengers arriving in Astrakhan only increased (Grigoriev, 1893: 3). Steamship companies and shipowners, taking advantage of the panic among the people, raised the fare, transported passengers even via cargo vessels. In addition, there was lack of medical personnel and disinfectants on boards. There was no food supply and "... they charched huge sums of money for lunches, even for boiled water" (Arustamov, 1894: 7). The price of boiled reached 10-15 penny (*kopecks*) per glass (Grigoriev, 1893: 6). The schooner "Evilina", which usually carried around 200-300 passengers, "... during cholera... took over 700 passengers who fled in panic" (Arustamov, 1894: 4).

After the "escape" from Baku by the 20th of June, more than 3 thsd people had crowded together on the nine-foot raid. There was no fresh water on the roadstead and they were afraid to bring provisions to the quarantine point. There were no more than five doctors and a few paramedics (OHJH, 1892a: 2). The government had to rent 16 steamships to transport provisions to the raid (MH, 1892i: 3).

Then, cholera vibrio began to spread along the main route of communication with Astrakhan, the Volga River (Arustamov, 1894: 10). In Tsaritsyn, Saratov, and Samara the epidemic manifested itself "... with much less violence" (Arkhangelsky, 1892: 15). Just within two months, the infectious agent covered eight provinces and regions in the Caucasus (the provinces of Baku, the Elisavetopol, Erivan, Tiflis, Stavropol, Dagestan, Tersk, and Kuban). In East, beyond the provinces of Astrakhan, Saratov, and Samara, the disease was observed in the provinces of Simbirsk, Kazan, Nizhny Novgorod, Vyatka, Orenburg, and Ural (Arkhangelsky, 1892: 15). "All efforts to stop the further spread of the epidemic are in vain and every day it seizes more and more new areas, passing from state to state and from province to province, and finally the cholera contagion, with its inherent Kochov's zapatovid bacillus, has already entered both capitals Moscow and St. Petersburg" (Arkhangelsky, 1892: 15). From May to November, the infectious agent spread throughout most of the territory of the Russian Empire.

¹ A verst (*versta*) is a former obsolete Russian unit of length defined as 3,500 feet.

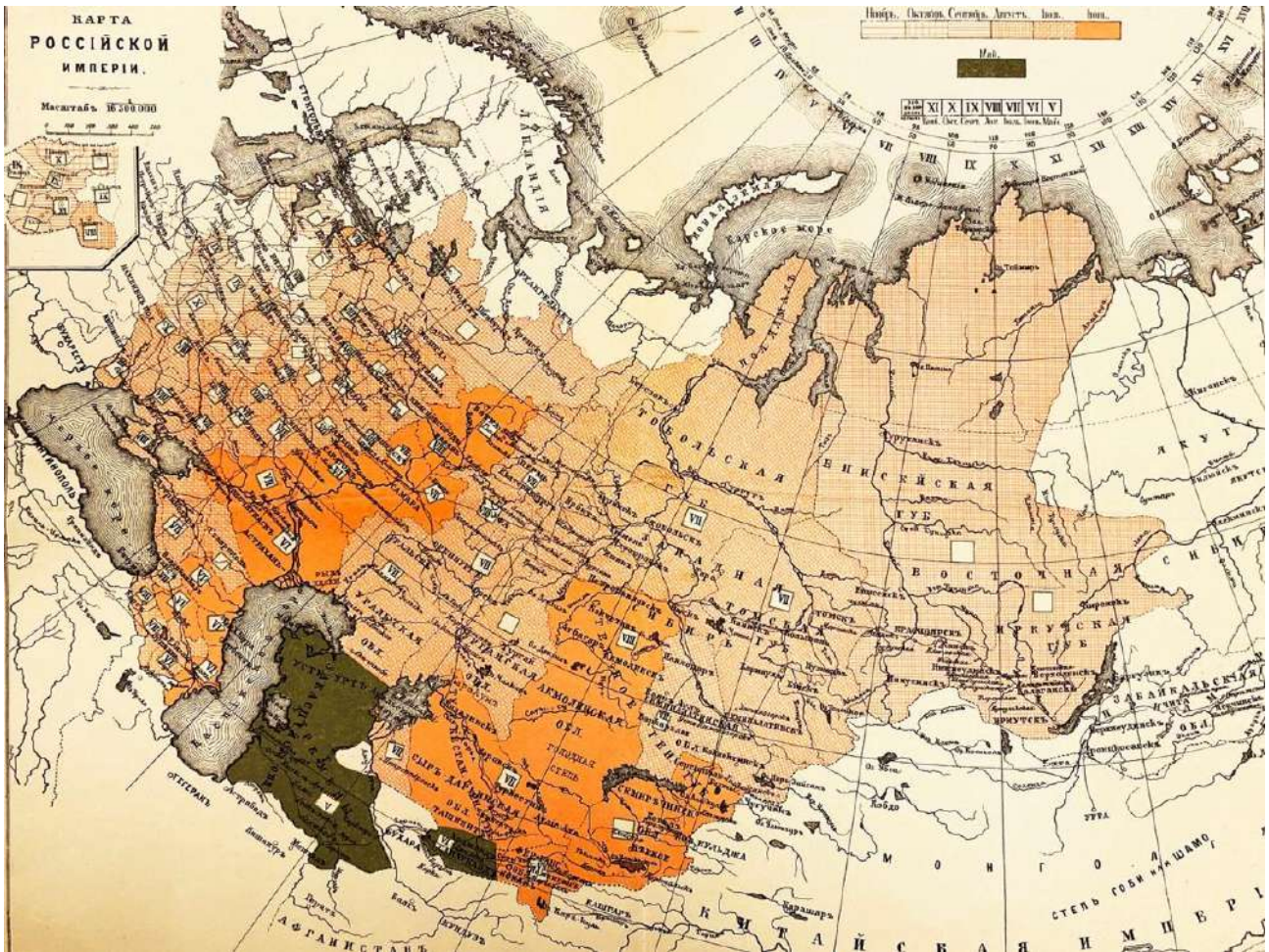

Fig. 1. Distribution of the cholera epidemic by the provinces and regions of the Russian Empire in 1892 (Karta..., 189-)¹

The 5th cholera pandemic in the Russian Empire lasted until 1894. In 1892, the first wave occurred from May to November, more than 620 thsd were infected and 300 thsd people died (Henrici, 2020: 13). Ordinary, there were 17.46 infected people per 1 thsd in the level of whole the state, 9.53 in Central Asia, 6.77 in Siberia, and 3.41 in the European part of Russia. The epidemic caused critical damage in the Caucasus, where the mortality rate was the highest, reaching up to 51.52 per cent (Mendelsohn, 1892: 439).

In 1891 there was a crop failure, which provoked famine in many regions of the Russian Empire (Mery..., 1891: 274). In sixteen "starving" provinces there were 60.7 infected per 10 thsd people, and the mortality rate was 46.3 per cent. In the remaining forty-four provinces there were 19.7 infected per 10 thsd people, and the mortality rate was 41.4 per cent. One of the most affected with cholera regions was the Astrakhan province, but there was no crop failure there (Henrici, 2020: 54-55).

In 1893, 103 thsd people were infected and 43 thsd died. The most affected were the provinces of Podolia, Kyiv, Orel, Volyn, Kursk, and Tula. In 1894, the epidemic occurred again, but with much less intensity (Gamaleya, 1905: 54).

After cholera spread throughout the Russian Empire, the pathogen caused an epidemic in European countries. In late August, 1892, cholera struck port workers and residents of Hamburg who drank unfiltered water from the Elbe River. In the neighboring town of Altona, whose population drank water from the same river but had a central sand filter, 259 people were infected and 112 died (Gamaleya, 1905: 54). However, most of them contracted cholera in Hamburg (Lukomsky, 1893: 14). At the end of the 19th century, many people did not believe in the contagionist theory, so cholera posed "riddles". That is why some of the inhabitants were infected and those who had water filters were not infected (Briggs, 1961: 79).

A week after the epidemic had spread through Hamburg, the highest daily number of infected people reached a thousand, and the highest daily mortality rate turned out to be 455 (Lukomsky, 1893: 14). "There was nowhere to put infected people; there was not enough strength to bury all the dead in time either. But... measures were soon taken to eliminate the inconvenience. A special detachment of 150 men with 60 two-

¹ Colors indicate the spread of cholera among civilians, while Roman numerals illustrate spread of cholera among military forces by months.

horse carriages was continuously engaged in the transportation of infected and corpses. In the period of the 20-29th of August, the detachment transported 2,335 patients and 1,068 corpses" (HMN, 1892: 949). Thus, 7,972 people were infected and 7,610 died, while the total population of Hamburg was 640 thsd people (Lukomsky, 1893: 14; HMN, 1892: 972).

In the 1890ths, the port of the city of Hamburg used to be one of the largest hubs in the world. In 1892, 54 thsd of Russian emigrated through it, mostly to North and South America (Ryazantsev et al., 2023).

Cholera was brought into British ports by personnel and passengers of the ships arriving from Hamburg. In early September it was diagnosed at Liverpool, Falmouth, Leith, and Grimsby (OHJH, 1892a: 2). In the town of Falmouth, sailors of a ship from Liverpool were put on trial for refusing to sail to Hamburg due to cholera (OHJH, 1892c: 2). In Denmark, the first victim of cholera was a member of the Aargus municipal council who had returned from Hamburg. The government imposed a strict quarantine (OHJH, 1892b: 2). The epidemic in Hamburg likely led to the spread of cholera to each continent, causing the 5th pandemic.

In late August, the European press concluded that the Hamburg authorities had deliberately concealed the cholera outbreak in the interests of trade. The Daily Telegraph announced: "This reckless act... has affected all the financial markets of Europe. The result has been damage to the cities... and they have paid the price of allowing the contagion to reach them... The authorities of Hamburg will pay dearly for their cowardice. Their trade will suffer enormous losses, and in addition it will be very difficult to paralyze this scourge when it has broken out in the city itself" (OH, 1892a: 2).

The measures against the cholera epidemic in Astrakhan

Cholera caused epidemics in Astrakhan even before 1892. In 1823-1872, thirteen outbreaks were registered. During that time 33,5 thsd people were infected and 17,5 thsd died. During the epidemic of 1830, 10 per cent of the city's population died. Cholera, which was brought from Persia, caused epidemics five times, more than 13 thsd Astrakhans died. The other eight epidemics were brought from the Russian Empire's territory. The mortality reached about 4 thsd people (KVOH, 1892b: 2).

As the city was familiar with cholera, without waiting for the first cases, the Astrakhan City Council took anti-cholera measures (Dopolnenie..., 1892: 1-2). A cholera bureau was established under the city government to direct all actions to combat the epidemic (Grigoriev, 1893: 8). The city was divided into sixteen sanitary districts; beyond quarantine for ships arriving from cholera-unfavorable areas, brochures on cholera were distributed all over the city; a ban on the sale of kvass and ice cream was imposed; a ban on burial in churches of those who died from cholera; the sale and purchase of worn clothes was prohibited; cleaning of courtyards was allowed only during daytime with special permission of the sanitary-police supervision and observation of the process; immediate reporting of every cholera patient to a doctor or hospital; if a cholera infected patient did not have a separate room, he had to be admitted to a hospital (Grigoriev, 1893: 8; MH, 1892i: 2; MH, 1892a: 2; MH, 1892d: 3).

On the 14th of June, 1892, the first cholera patients appeared (Arustamov, 1894: 8). Local newspapers urged infected people over their dwellings to bring their belongings to the steam chamber for disinfection. While their belongings were being steamed, people were having bath. There were two type of showers (one with sulem solution and another one with warm soapy water). At that time apartments were being disinfected by medical personnel. The wealthy citizens had to buy disinfectants by their own expenses, while the poors were provided by the city (Address, 1892: 2). After taking a shower and disinfecting all belongings, tickets were issued, which had to be taken to the police department if the person was sent for treatment from there (MH, 1892v: 3). In three disinfection chambers in the city, 5,172 people were treated during the epidemic (MH, 1892aa: 2). A disinfection furnace was installed in the city to burn bed linen, clothes, and other things left by the cholera victims (MH, 1892o: 3).

The Sanitary Commission inspected the town for a several times. Sometimes, it was forced to carry out forced cleaning of yards, inviting the city sludge barrels, for the work of which money was subsequently collected (MH, 1892v: 3). Wealthy landlords, who did not fulfill the requirements of sanitary doctors to clean their yards, were fined by large sums (100 rubles or even higher) (MH, 1892z: 3). Some residents used their own money to buy sanitation barrels and pumping machines, cleaning their yards on a daily basis (MH, 1892y: 3).

By epy order of the city administration, signed promises were taken from the owners of commercial and industrial firms employing hired personnel, which forbade them to give their employees raw water and obliged them to have sufficient quantities of boiled water and tea, which were to be given free of charge during the business days (MH, 1892e: 2; Supplementary, 1892: 1). Tanks for boiled water were installed in the building of the city police local departments (MH, 1892g: 2). All police departments had medicines necessary for primary care of infected (MH, 1892f: 2). Summer gardens were required to have boiled water for the visitors (MH, 1892g: 2).

Some private companies took part in the fight against the epidemic. The trade firm "Sapozhnikov Brothers" limited the working schedule up to 7 hours per day and postponed the workers' debts payments until the 1st of October, (MH, 1892h: 2).

Prayers for deliverance from cholera were held in churches (MH, 1892h: 2). The press offered to inform the population about the fight against the epidemic through church officials. "People are more

trusting of piece of advice of the clergy than of various printed pamphlets and rules, which are usually attributed to the fabrications of physicians, who, due for their own profit, spread fear among the people" (MH, 1892g: 2).

Disinfectants, anticholera eye drops, and castor oil were run out of stock in drugstores. The prices on so-called Botkin and Inozemtsev's eye drops, borax, and carbolic, used in the treatment of cholera, increased by 40 per cent (MH, 1892m: 3). In late June, the medical inspector imposed a price ceiling on disinfectants until the special order (MH, 1892k: 3). Lemon prices also increased (MH, 1892h: 2).

One of the leading steamship company, The Caucasus and Mercury, operated on the Volga River, approved a request from the dean of the medical faculty of Kazan University about offering doctors work on company's steamships sailing on the Caspian Sea. The salary was 100 rubles per month, and medical staff was also provided with accommodation and travel expenses (OH, 1892b: 2).

Readings about cholera were periodically held among the city residents. Of particular interest to the visitors was so-called "cholera worm", the existence of which "... many of the common people certainly refused to believe" (Materialy..., 1892: 3).

Public baths (*kupalnya*) were closed after the request of the cholera bureau. The City Duma required to return the rent payments to the owners (MH, 1892w: 3).

One of the measures to prevent cholera was washing hands before having food and abolishing handshakes. "It has been proved that by shaking hands with acquaintances, one can catch not only "any stomach disease"... , but something even worse" (Mimohodom, 1892: 3).

The Astrakhan city administration approved rules according to which barbershops should had two separate rooms for men and women. Before the procedures, the hairdressing equipment had to be rinsed and cleaned, and the room had to be disinfected in the absence of customers (HMN, 1892: 1289).

The Ministry of Internal Affairs ordered bacteriologists doctors to investigate the cholera epidemic to Astrakhan (MH, 1892c: 3).

Cholera riots in Astrakhan

The 1st cholera pandemic made clear that the disease was "contagious". Cities where the disease appeared were cordoned off by troops and provinces were separated by sanitary cordons (Gamaleyeva, 1905: 9). These measures created inconveniences and material losses for the population. Cholera was a new, unfamiliar disease that gave rise to rumors. On the one hand "this embarrassment of the population and deprivation of their freedom of movement", and on the other hand "the incomprehensible appearance of a deadly disease led the people to suspect that they were being deliberately poisoned" (Gamaleyeva, 1905: 10). This outlook of the population led to unrest in the Tambov, Kaluga, Minsk, St. Petersburg, and Novgorod provinces. There was a riot in the Arakcheev military settlements in Novgorod region, where doctors and officers were beaten. Similar riots were observed in Hungary, England (Birmingham and Manchester), France (Paris and Arles), and Spain (Gamaleyeva, 1905: 10).

The 5th pandemic also cholera riots. When the necessary quarantine measures were introduced, rumors arose among the population that the disease did not exist, in cholera hospitals alive people were put in coffins, sprinkled with lime and buried (HMN, 1892: 691). "... There was even a physician who, in daily press allowed himself to state the possibility of such cases..." (OMS, 1892: 2). The riots caused by the quarantine measures spread throughout the cities of the Russian Empire. In Baku, resident Persians appealed to the city administration with a request that "Russian doctors should not poison them" (HMN, 1892: 691). In Tashkent, locals were sure that doctors "... deliberately poison the infected people, and by hasty funerals trample on the Muslim faith" and organized riots in the city (HMN, 1892: 763). The Turkestan military district court sentenced the eight main perpetrators to death (HMN, 1893: 57). "In Balakhna, peasant Lukyanychev, while in a hotel, spoke various absurdities about cholera hospitals; for that General Baranov made him serve in a cholera hospital..." (HMN, 1892: 763). In Kazan, a peasant was arrested for a month for fake rumors about anti-cholera measures (HMN, 1892: 763).

In some cities there were riots with violence and kills. The first conflicts occurred in Astrakhan, later in Saratov, Pokrovskaya Sloboda, and Khvalynsk (HMN, 1892: 710).

On the morning of the 21th of June, news spread across Astrakhan: "... Kriushin residents are rioting... doctors are being beaten...". Eyewitnesses reported that a doctor and a paramedic wanted to take a woman with cholera symptoms to the hospital and disinfect her house. But a crowd began to gather outside the house, yelling that they were poisoned, and the doctors and paramedics should be beaten. The doctor heard the shouts and hurried away, while the paramedic stayed behind, so the crowd jumped on him and started to beat, trying to break the cholera wagon, as well. The number of people increased. They threw stones at cleanly dressed people in white, considering them to be medical staff (MH, 1892i: 2).

"More often the shouts were heard: "let's tear down the cholera hospital... There is no cholera... the doctors invented it to starve us... Let's destroy the hospital, let the people out"..."" (MH, 1892i: 2). Rumors that patients were being buried alive and that "the walking dead had their hands and feet tied" began to spread through the city. Cossacks patrols were riding through the city and tried to subdue everybody (MH, 1892i: 2).

At 3 p.m. the crowd approached the hospital for cholera infected. "A huge mass of rioters ... rushed into the hospital and beat its staff, dragged cholera patients out of the wards, who were immediately taken away and sent home by their relatives; the homeless patients were put under the branches lining the Kutum shaft. In the courtyard of the hospital and around it there was a real Babylonian mass with a boom, with whistling, with swearing, the rioters caught everyone who seemed to them to be involved in the hospital staff, and began to beat them with anything and anywhere" (MH, 1892i: 2).

One of the first victims was scientist, Dr. N.S. Sokolov, who was beaten and had his head broken in several places. The crowd, mistaking paramedic Popov for a doctor, killed him, then doused him with fuel oil, and disinfectants and set him on fire. Someone among the hospital staff saved themselves by changing into the costumes of the patients (MH, 1892j: 2).

The hospital was surrounded by soldiers and the Cossacks. The crowd did not respond to their requests to calm down and go home, the hospital was set on fire by the riots (MH, 1892i: 2). "The flames spread with terrifying speed, as the crowd did not allow to extinguish the fire, showering the firemen with a hail of stones... Around the burning buildings the rioting crowds indulged in merriment: whistling, shouting, singing, dancing, throwing up hats, etc. Only then did the excitement begin to subside when the hospital building was turned into ruins" (MH, 1892i: 2).

At 9 a.m. next day, a crowd gathered in front of the governor's house, which was cordoned off by troops and the Cossacks. The crowd was wondering, why did doctors bury alive patients? "Why are infected being grabbed with forceps? Why are infected taken to the hospital without the consent of relatives and family?" (MH, 1892i: 2). All that day glosary stores, shops, and taverns were closed. Local newspapers were not published next day. Cholera riots frightened doctors, some left the town. Those who remained were afraid to visit patients (MH, 1892i: 2).

On the 25th of June, the 1st and 2nd battalions of the 157th infantry Imeretian regiment were sent to Astrakhan (MH, 1892j: 2). Military patrols were stationed in different parts of the city. Doctors began to return to the city. "The doctors' rooms were crowded with those seeking medical help" (MH, 1892j: 2).

Three judicial investigators were assigned to investigate the street riots (MH, 1892j: 3). On the 19th of December, 1892, the sentence was announced by the military district court. 20 people were sentenced to death by hanging, 25 to hard labor from 12 to 20 years, and 1 defendant was sentenced to exile to Siberia for settlement. Nobleman Ivanov was sentenced to exile to the Tobolsk province with deprivation of nobility and state, 4 persons to detention for thirty months in correctional detention millitary centers, 25 persons to imprisonment in prison for a period up to eight months, three children were sent to a colony for young criminals (Prigovor..., 1892: 2).

The incidents of the 21st and 22nd of June demonstrated the lack of public trust in the state health care system. "A native distrust of the ordinaly people in hospitals, the baseless beliefs that in hospitals only people die, not recover" (Vam..., 1892: 3). Some residents did not consider cholera as a dangerous "contagious" disease, as they were selling and buying belongings of the people who had just died (MH, 1892j: 3). The number of cholera patients rapidly increased.

Demographic aftermath of the cholera epidemic in Astrakhan

In the late 19th century, one of the features of the population of Astrakhan was its increased migratory mobility. "With the cessation of navigation more number of trades suspend or reduce their production, and with the opening of navigation they resume their bustling activity, requiring masses of workers flocking from different parts of the Astrakhan region, from other provinces of the Russian Empire, and even from Persia" (Svedenija..., 1895: I). In winter, Astrakhan was mainly inhabited by the permanent residents, while in spring and summer there was seasonal migration.

According to the census held on the 20th of January, 1891, the population of Astrakhan was 95.5 thsd people. The city was divided into 6 districts. The most populated was district No. 6 with 21 thsd residents, district No. 3 included 20 thsd people, district No. 5 – 18.4 thsd, district No. 4 – 14.4 thsd, district No. 2 – 10.7 thsd, and district No. 1 – 10 thsd. About 77 per cent of the total population were Russian, 13 per cent were Tatars, about 4 per cent were Armenians, and 2 per cent were Jews. The most educated were Armenians (54 per cent) and Jews (41 per cent), among the Russian population the share of educated people was 35 per cent, and among Tatars only 11 per cent. By the opening of navigation, the number of literate people was probably decreasing. Labor migrants mostly had a low level of education (Svedenija..., 1895: 2).

According to approximate estimates, the population of Astrakhan at the time of the epidemic was about 105 thsd people (Kursy..., 1892: 2). The epidemic started in the midst of seasonal works, probably migrant laborers, i.e. seasonal workers, were also in the city at that time.

After the cholera riots, there was an increase in the number of cholera patients. "In view of the huge inflow of patients to the cholera hospital" the medical staff did not have time to receive patients. Consequently, questions were raised in the press about the need to recruit free-practicing patients to the city hospitals (MH, 1892k: 3). The cholera epidemic in the city began on the 14th of June, 1892, with rare cases, reaching its peak ten days later. The peak was reported during two weeks, and then the number of infected people began to decrease, reaching its minimum within twenty days (Fig. 2) (Arustamov, 1894: 8).

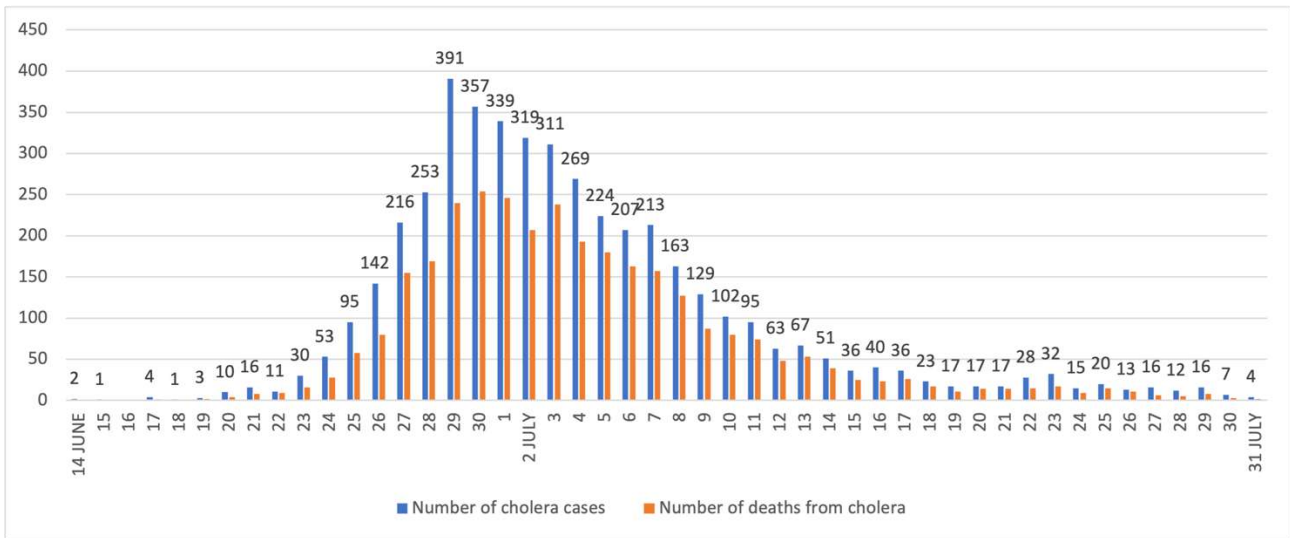

Fig. 2. Daily dynamics of the number of dead and infected in Astrakhan from the 14th of June to the 31st of July, 1892 (Arustamov, 1894: 8)

By the 17th of July, the cholera epidemic in the central part of the city had almost ceased (MH, 1892s: 3). By the 25th of July, the medical and sanitary staff was reduced to the previous (pre-cholera) norm due to the reduction of the disease rate (MH, 1892u: 3). By the 15th of August, a prayer service was held by the city clergy to mark the cessation of the epidemic. The night duty of medical staff at the cholera bureau was canceled. The number of people seeking medical help was "insignificant" (MH, 1892aa: 2).

By the 20th of August, the number of cholera cases had significantly reduced. "The disinfection chambers are almost empty, few people and things are disinfected" (MH, 1892ab: 2). Since the 14th of June by the 20th of September, about 3 per cent of the city's population died from cholera within three months of the epidemic in the city (Kursy..., 1892: 2).

There were 480 infected and 316 dead per 10 thsd residents of the city, 302 and 183 in Baku, 266 and 142 in Saratov, 14 and 8 in Moscow, 42 and 13 respectively in St. Petersburg (Obshhaja..., 1892c: 2).

In 1892, due to the two cholera months mortality significantly increased. An estimate of excess mortality showed an increase of 278 per cent in June and 555 per cent in July compared to these months in 1888-1894 (Fig. 3) (DCN, 1892: 94-95; DCN, 1893: 94-95; DCN, 1895a: 94-95; DCN, 1895b: 94-95; DCN, 1895c: 94-95; DCN, 1896: 94-95; DCN, 1897: 94-95). The share of men among the dead in June was 58 per cent, 57 per cent in July, and 53 per cent in August (DCN, 1896: 94-95).

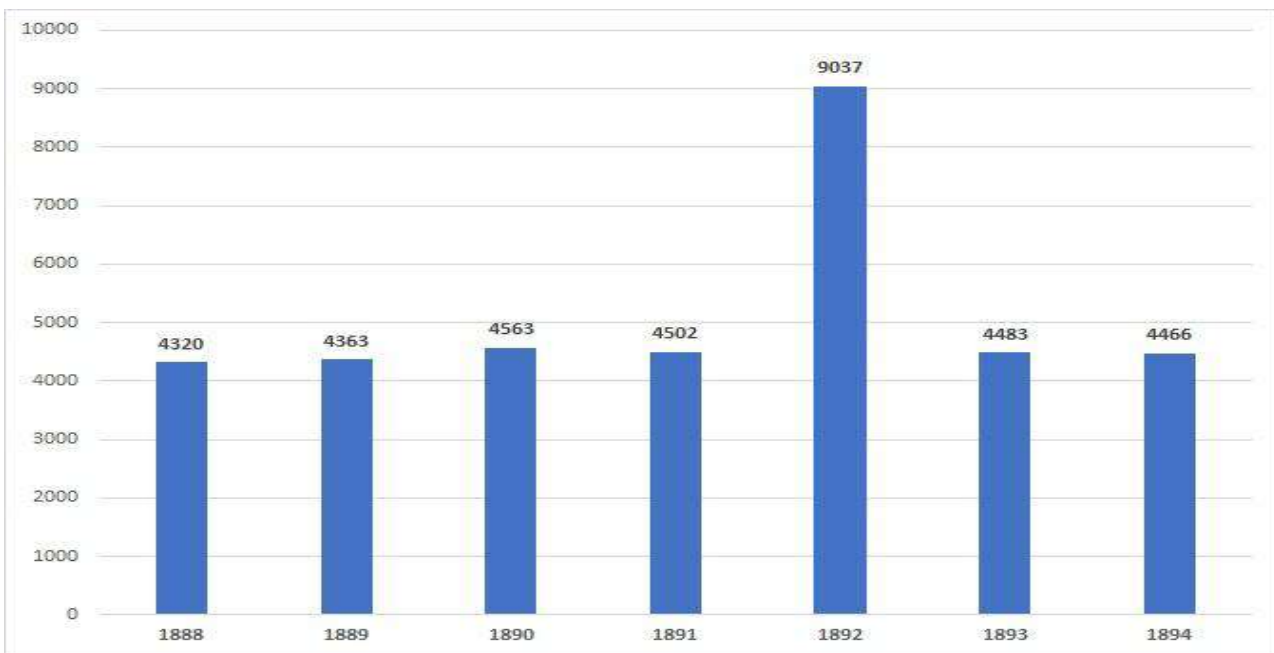

Fig. 3. Mortality in Astrakhan in 1888-1894 (DCN, 1892: 94-95; DCN, 1893: 94-95; DCN, 1895a: 94-95; DCN, 1895b: 94-95; DCN, 1896: 94-95; DCN, 1897: 94-95)

All those among 2,586 patients enrolled the hospital in Astrakhan, about 73 per cent were laborers living in lodging houses; about 5 per cent were workers on ships, steamships, and barges; and about 12 per cent were artisans. The social composition was the following: 1,983 peasants, 316 soldiers, 262 burghers, 8 nobles, 5 church servants, and 12 Cossacks. The share of natives of the city and Astrakhan province amounted to about 11 per cent, and the remaining 89 per cent were seasonal migrants (Arustamova, 1894: 10).

Taking into consideration the ethnic distribution of the dead, Russians died most of all, mainly immigrants; among Tatars who died, most of them were engaged in small-scale industry and day labor; among Persians, mainly hook workers; the poorest people among Jews, as well as Armenians did (MH, 1892v: 3).

The Tatars did not follow the doctors' recommendations, keeping drinking raw canal water and washing clothes in it, as well (MH, 1892l: 3). When the first cases of cholera appeared, the Jewish community purchased disinfectants and medicines. There were eight people on duty in the synagogue at all times. Their duties were to provide first aid to the infected ones. Six people (two of them stayed in the synagogue) visited infected in their apartments. One was engaged in disinfecting the room, another put up a samovar, the rest were engaged in rubbing the infected person with camphor or mustard alcohol (MH, 1892q: 2). Thus, for the whole epidemic, only 40 Jews were infected and six people died (MH, 1892z: 2).

Among locals, a high share of infected people was observed in the cooperage settlement due to the failure to comply with sanitary requirements (MH, 1892p: 3). A month after the epidemic, the population of the settlement began to heed the advice of doctors, sending infected into the hospital, did not drinking raw water, and observing sanitary requirements. Thus, the number of infected and dead rapidly decreased (MH, 1892r: 3).

The cholera epidemic affected the fertility rate. There were 350 births in March and 306 in April, 1893. This is the lowest monthly birth rate within that year. Moreover, the birth rate in March and April, 1893, was the lowest within 1888-1894. For instance, 440 people were born in March, 1892, and 450 in 1893 (DCN, 1892: 16-17; DCN, 1893: 16-17; DCN, 1895a: 16-17; DCN, 1895b: 16-17; DCN, 1896: 16-17; DCN, 1897: 16-17).

In addition, the cholera epidemic also affected the marriage rate. In June 1892, the number of registered marriages was the lowest for the period of 1890-1894 (Figure 4). October, November, and December, 1892, and January, 1893, accounted for the highest number of marriages registered within five years (DCN, 1895a: 56-57; DCN, 1895b: 56-57; DCN, 1896: 56-57; DCN, 1897: 56-57). It is likely that the number of marriages increased due to then postponed marriages during cholera psychological impact of the epidemic.

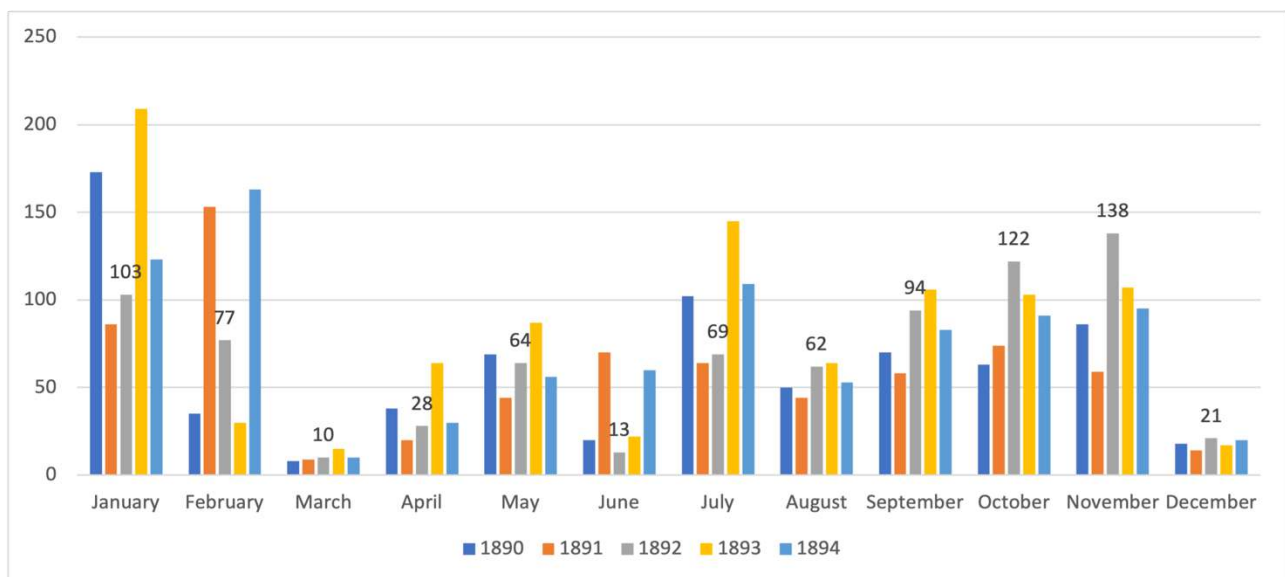

Fig. 4. Number of officially registered marriages in Astrakhan in 1890-1894 in monthly dynamics (DCN, 1895a: 56-57; DCN, 1895b: 56-57; DCN, 1896b: 56-57; DCN, 1897: 56-57)

The highest morbidity and mortality was among labor migrants, who lived in crowded hostels and lodging houses, mostly drinking raw water (MH, 1892p: 2). According to the press, migrants mainly came to work from villages. Whose people accustomed "... living and behaving inconsiderately with regard to food and drink" (MH, 1892p: 2). On steamships, where boiled water was provided free of charge, many workers drank raw water from kettles worn on their belts. When asked to observe sanitary measures, they replied that boiled water was untasty (MH, 1892w: 3). In Persia cholera was called the disease of the poor (Arustamov, 1894: 10).

Migrants did not fit well climate and weather conditions of the Astrakhan region. "Many of the migrations could not properly acclimatize here for even a few years, the temporary residents almost

invariably pay tribute to the local climate, due to illnesses of swamp fever and acute intestinal disorders. Some people positively cannot be healthy living in Astrakhan, so doctors recommend them to leave the city... " (MH, 1892p: 2). Thus, that all could also affect the morbidity among migrants.

The high mortality rate made a lot of children orphaned. The city administration provided buildings for the orphanage (MH, 1892m: 3). On the 4th of July, 1892, the orphanage was established (MH, 1892n: 3). The newspapers constantly wrote about the donations, and not only money was accepted, but also clothes, shoes, and underwear (Epidemija..., 1892: 1). By the 16th of July, due to the epidemic the number of orphaned children reached 60 (MH, 1892r: 2). And by the 21st of July, there were already 95 children (MH, 1892t: 3). Yet, despite the establishment of the orphanage, the number of homeless children of different ages rapidly increased (MH, 1892x: 3).

Living in villages peasants were informed about the impending cholera epidemic via three ways. Warnings about the disease were sent to the volosts, zemstvo doctors traveled around the districts, and information was published through newspapers (DH, 1892: 2).

In 1892, the number of infected and dead in the Astrakhan province per 100 thsd people was the highest (2,494 and 1,248 people respectively). The number of infected people reached 1,603 and the number of dead people 981 in the Baku province, 1,719 and 866 in the Saratov province, 64 and 33 in the Moscow province, and 286 and 83 respectively in the St. Petersburg province (Obshhaja..., 1892b: 2; Obshhaja..., 1892a: 2).

The population of the Astrakhan province was about 926 thsd people (Arustamov, 1894: 10). There were 5 doctors, 30 feldshers, and 15 midwives living in the rural areas of the Astrakhan province. There were no medical institutions, like rural hospitals, reception centers, or feldsher stations (MH, 1892b: 2). Given the number of medical personnel in the Astrakhan province and the illiteracy of the peasant population, it is not surprising that "... no one was afraid of the approach of the terrible guest. "God's willing", they decided..." (DCN, 1892: 2). At the same time, more educated people (landlords, Jews, and etc.) demonstrated another behavior buying medicines and trying to observe sanitary conditions (DCN, 1892: 2).

Beyond mortality, the cholera epidemic had an impact on migration processes. In early June, wealthy residents of Astrakhan started to leave for cities up the Volga River. The migration flows were increasing day by day (MH, 1892e: 2). By the 21th of June, emigration from Astrakhan took on a large scale, "the last steamers that departed were crowded with Astrakhan emigrants, mainly women and children" (MH, 1892h: 2). Cholera vibrio spread through migration of the population. Originally, people moved to Astrakhan from Baku. Then, after the outbreak of infection, the population of Astrakhan dispersed to the Upper Volga towns. Those who could not leave the city rented apartments and houses in suburb areas. "The prices for these improvised countryside houses (*dacha*) were increasing not by the day, but by the hour" (MH, 1892h: 2).

In late June, in addition to the middle and wealthy classes, despite high wages at forest and steamship wharves, migrant workers began to leave the city. "The steamboats were crowded with emigrants... Even the prospect of a considerable increase of then already high wages, promised by the employers, could not tempt migrants to stay in the town" (MH, 1892k: 3). Beyond these people, house workers were leaving the city, which caused an increase of labor price. The newspapers stated that there was no one to work (MH, 1892p: 3).

When the number of cholera infected people decreased, workers began to return to Astrakhan, as they could not find work in the cities of the middle Volga region, and a new wave of cholera epidemic appeared there (MH, 1892s: 3).

Due to the outbreak of the epidemic fishermen from the Saratov province arrived. "They flee on boats full of household belongings ... But the epidemic reached the survivors, so many of them were infected on the way, some of them died" (MH, 1892u: 3).

When the epidemic occurred, it was ordered to suspend the movement of settlers to the Caucasus and the Transcaspien region through Astrakhan, and steamship companies were notified about it (KVOH, 1892a).

Epidemics are important accidents in social life, which can be considered as social crises highlighting problems and shortcomings, the solution of which often leads to positive changes (Afanasyeva, 2016: 491). The rapid development of medieval cities with poor hygiene led to extreme pollution. A cesspool in the house of Johann Wolfgang von Goethe makes sense. It was a cellar equal to the size of a yard and in forty years it had never been cleaned. All five of the Goethe's then healthy siblings died between the ages of one and seven (Gamaleya, 1905: 13).

The decline in mortality in Western states in the 18th and 19th centuries was due more to social factors, such as better nutrition, use of soap, cotton clothing, ventilated housing, cleanliness and waste disposal, than to medical factors. These changes occurred largely under the influence of epidemics. N.F. Gamaleya claimed: "The fear of cholera has done more to cleanse the dwellings and cities of Western Europe than all the instructions of science and the necessities of dormitory life" (Gamaleya, 1905: I).

Ordinary, people turned to "healing remedies" in the form of amulets, tinctures, etc. for support. Repeated visits to epidemics allowed people to understand the cause-and-effect relationships and tried to prevent the appearance of the disease. It was largely due to cholera epidemics, since the transmission routes of the bacterium were linked to fresh water, sanitary conditions of dwellings, and personal hygiene, that for the first time in European states an epidemiological transition occurred, causing a decrease in mortality (Omran, 2019: 185).

Taking into consideration that the incidence of cholera was directly related to the sanitary condition, medical journals and the press in 1892 called for cleaning of the city to begin. In Baku, "... all sanitary duties are entrusted to the north wind" (HMN, 1892b: 691). In Moscow, according to the statement of the city head, after the outbreak of cholera in the territory of the empire, to clean the city by the 1st of August, it was necessary to remove 30 thsd barrels a day; in reality, only 9 thsd barrels a day were removed. The Moscow City Duma allocated 2 thsd rubles for sanitary measures, and 10 thsd rubles in St. Petersburg (HMNc, 1892: 711).

Cholera had an impact on science and medical practice. The epidemic destroyed entire theories that "... most people considered irrefutable" (Gamaleya, 1905: 9). On the 6th of July, 1892, Prof. Roux's assistant at the Pasteur Institute, Russian Dr. V.A. Khavkin injected himself with an anticholera vaccine in his left side (KVOP, 1892c: 2). To prove the effect of the vaccine, Khavkin traveled to the birthplace of cholera in India, where he began to vaccinate locals (Lukomsky, 1893: 19). Before leaving, he was introduced to the heads of the British Medical Department in London (HMN, 1896i: 1232). By June 1894, he had immunized about 25 thsd people in India (HMN, 1894m: 1339).

The COVID-19 pandemic, which reduced life expectancy by several years in Russia and the whole world, also had a positive impact on the development of science. Vaccines against the new coronavirus infection were created in an unprecedentedly short period. For instance, the mRNA technology used in Moderna Inc. vaccine proved its effectiveness through the pandemic. The company has announced the development of vaccines against fifteen deadly diseases such as HIV, Ebola, Zika, and others (Moderna..., 2023). Whether Moderna Inc. finds a solution for at least one announced disease, it will become a significant contribution to increasing the life expectancy of the population.

The cholera epidemic managed to form new habits such as washing hands before having food, eliminating handshakes during outbreaks, drinking boiled water, and eating heat-treated food.

Epidemics caused economic damage. Astrakhan's expenses to fight against epidemic reached 142 thsd rubles, including 33 thsd for the maintenance of the troops that arrived to suppress the cholera riot (HMN, 1893l: 621-622). The costs of Nizhny Novgorod reached about 1 mln rubles due to the fair held in the city (Korrespondencija..., 1892: 619-620). The costs were justified, as the number of cholera cases and deaths per 10 thsd residents was 1.5 times lower than in Astrakhan (OVG, 1892: 2). The expenses against fighting cholera in Baku reached 105 thsd rubles (HMN, 1892a: 229-230).

Beyond the reduction of labor resources due to excessive deaths from cholera, trade and public life in Hamburg were stopped, what made thousands bankrupts. The city authorities had to distribute 400 thsd marks to those who left unemployed (HMN, 1892g: 996). Money collected in England was in favor of cholera victims in Hamburg (HMN, 1892h: 1105).

The USA declared a twenty-day quarantine for all arriving ships (not only from Germany), which caused losses to the countries of Western Europe. According to sanitary doctors' calculations, Hamburg's losses from stagnation in trade amounted to 30 mln marks (9,261 thsd rubles). In this connection, the public health journal "The Sanitary Record" stated how insignificant the cost of water filters and increased sanitary control would have been compared to the losses due to the epidemic (HMN, 1892g: 996). European states concluded that it was more profitable to take measures to control infections in advance.

Low number of infected people among the permanent residents of Astrakhan indicates knowledge of the importance of preventive measures gained from previous epidemics in the city. Educated part of society also was less infected, as they opr for doctors' piece of advice and used to live in better conditions than migrant workers.

5. Conclusion

Since 1823 to 1925 there occurred 55 so-called "cholera years" in Russia in total. During these years, 5.5 mln people were infected with cholera and 2.3 mln died. The 5th cholera epidemic in Russia lasted in 1892–1894. The first wave was the most deadly, from May to November, 1892, more than 620 thsd people were infected and about 300 thsd of them died. Astrakhan with its water connection with Baku, served as a gateway for the further spread of cholera throughout the Russian Empire, Western Europe, and America.

With the early coming news of the appearance of cholera near the border of the Russian Empire, the measures were taken in Astrakhan. On the nine- and twelve-foot roadsteads, observation and quarantine of then arriving ships from the places with cholera; a floating hospital was set up on the nine-foot roadstead. In the city itself the yards were cleaned, commercial and residential premises inspected, regulations on measures to protect against cholera vibrio were posted around the city, and a cholera bureau started its work.

Despite the taken measures to prevent the epidemic, the first cases of the disease were recorded on the 14th of June. The measures necessary to stop the spread of cholera caused rumors, mainly among the working class, claiming that the disease did not exist, hospitals did not treat it, but put live people alive in coffins, sprinkling them with lime. The rumors caused riots, which continued on the 21st and 22nd of June. The cholera hospital was vandalized and burned, one of the doctors was beaten and had his head broken in several places. A paramedic, mistaken for a doctor, was also killed, doused with fuel oil and disinfectants and set on fire. Some hospital workers saved themselves by dressing up in the costumes of patients. All after that, there was a sharp increase in the incidence of disease in the city.

Despite the establishment of a shelter for children who lost their parents due to the cholera epidemic, over time the number of homeless children in Astrakhan only increased. The morbidity provoked a mass migration of the population. People left mainly for cities located along the Volga River banks. Those who could not leave rented apartments and countryside houses in the suburb area.

The epidemic ended on the 20th September. Over 3 per cent of over 100 thousand people died during the three months of the epidemic. In 1892, mortality increased due to two cholera months. An estimate of excess mortality showed a 278 per cent increase in deaths in June and a 555 per cent increase in July. At the same time, a large proportion of the deaths (89 per cent) occurred among migrant workers, who were mainly from villages, lived very crowded, had a low level of domestic culture, and did not follow the piece of advice of doctors. That was a reason why in Persia cholera was called as a "disease of the poor".

The epidemic affected marriage and birth rates. In June, 1892, the number of marriages contracted was the lowest within 1890–1894. October, November, and December, 1892, and January, 1893, accounted for the lowest number of marriages contracted in five years. The birth rate in March and April, 1893, (nine months after the epidemic) was the lowest within 1888–1894.

The cholera epidemic influenced the sanitary condition of the cities, formed a new positive cultural and daily habits of the population. In the 5th cholera pandemic the Russian physician V.A. Khavkin, immunizing the population of India with an anticholera vaccine, proved the effectiveness of his discovery. The fear of death that cholera caused motivated progress in science, lifestyle, and positive changes in the predominantly urban environment. These developments led to a reduction of overmortality.

References

- [Afanasyeva, 2016](#) – Afanasyeva, A.E. (2016). Novaja istorija mediciny v nachale XXI veka: osnovnye napravlenija razvitija [The new history of medicine at the beginning of the XXI century: the main development trends]. *Prepodavatel' XXI vek.* 4-2: 486-499. [in Russian]
- [Arkhangelsky, 1892](#) – Arkhangelsky, G.I. (1892). Holera v Sankt-Peterburge v minuvshie gody [Cholera in St. Petersburg in previous years]. Saint Petersburg. *Schroeder's Typo-Lithography.* 20 p. [in Russian]
- [Arustamov, 1894](#) – Arustamov, M.I. (1894). Holera v Astrahanskoj gubernii v 1892 godu [Cholera in the Astrakhan province in 1892]. Saint Petersburg. *Printing House of the Ministry of Railways.* 12 p. [in Russian]
- [Barabanova, 2015](#) – Barabanova, K.S. (2015). Blagotvoritel'nye akcii vo vremja pervoj jepidemii holery v Moskve v 1830 godu [Charitable deeds during the first Moscow cholera epidemic in 1830]. *Ezhegodnaja bogoslovskaja konferencija pravoslavnogo svjato-hitonovskogo gumanitarnogo universiteta.* 25: 226-228. [in Russian]
- [Bogdanov, 2017](#) – Bogdanov, K.A. (2017). Vrachy, pacienty, chitateli: patograficheskie teksty russkoj kul'tury [Doctors, patients, readers: pathographic texts of Russian culture]. Saint Petersburg. *Azbuka-Attikus.* 672 p. [in Russian]
- [Briggs, 1961](#) – Briggs, A. (1961). Cholera and society in the nineteenth century. *Past and present.* 19(1): 76-96.
- [CGS, 2023](#) – Cholera – Global situation. [Electronic resource]. URL: <https://www.who.int/ru/emergencies/disease-outbreak-news/item/2022-DON426> (data of access: 04.09.2023).
- [Cholera, 2023](#) – Cholera. [Electronic resource]. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/cholera> (data of access: 04.09.2023).
- [Davis, 2018](#) – Davis, J.P. (2018). Russia in the time of cholera: disease under Romanovs and Soviets. London and New York. *I.B. Tauris.* 314 p.
- [DCN, 1892](#) – Dinamika chislennosti naselenija Evropejskoj Rossii v 1888 godu [Population movement in European Russia in 1888]. XXI. Saint Petersburg. Printing House and Phototype of V.I. Stein. 1892. 211 p. [in Russian]
- [DCN, 1893](#) – Dinamika chislennosti naselenija Evropejskoj Rossii v 1889 godu [Population movement in European Russia in 1889]. XXIV. Saint Petersburg. Printing House and Phototype of V.I. Stein. 1893. 211 p. [in Russian]
- [DCN, 1895a](#) – Dinamika chislennosti naselenija Evropejskoj Rossii v 1890 godu [Population movement in European Russia in 1890]. XXXIII. Saint Petersburg. Printing House and Phototype of V.I. Stein. 1895. 211 p. [in Russian]
- [DCN, 1895b](#) – Dinamika chislennosti naselenija Evropejskoj Rossii v 1891 godu [Population movement in European Russia in 1891]. XXXIV. Saint Petersburg. Printing House, Lithography and Phototype of P.I. Babkin. 1895. 211 p. [in Russian]
- [DCN, 1896](#) – Dinamika chislennosti naselenija Evropejskoj Rossii v 1892 godu [Population movement in European Russia in 1892]. XXXVIII. Saint Petersburg. Printing House, Lithography and Phototype of P.I. Babkin. 1896. 211 p. [in Russian]
- [DCN, 1897](#) – Dinamika chislennosti naselenija Evropejskoj Rossii v 1893 godu [Population movement in European Russia in 1893]. XLI. Saint Petersburg. Printing House, Lithography and Phototype of P.I. Babkin. 1897. 211 p. [in Russian]

- [DCN, 1898](#) – Dinamika chislennosti naselenija Evropejskoj Rossii v 1894 godu [Population movement in European Russia in 1894]. XLV. Saint Petersburg. Printing House, Lithography and Phototype of P.I. Babkin. 1898. 211 p. [in Russian]
- [DH, 1892](#) – Druz'ja holery [Friends of Cholera]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 9. P. 2. [in Russian]
- [Dopolnenie..., 1892](#) – Dopolnenie k 847 nomeru "Astrahanskogo vestnika" [Addition to No. 847 of the Astrakhan Bulletin]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. May 31. pp. 1-2 [in Russian]
- [Drankin, 1973](#) – *Drankin, D.I.* (1973). Holera. Proshloe i nastojashhee [Cholera. Past and present]. Saratov. *Saratov University Press*. 1973. 93 p. [in Russian]
- [Epidemija..., 1892](#) – Epidemija, rasprostranivshajasja v Astrahani [The epidemic that has spread in Astrakhan]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 11. P. 1. [in Russian]
- [Frieden, 1977](#) – *Frieden, N.M.* (1977). The Russian cholera epidemic in 1892-1893, and medical professionalization. *Journal of Social History*. 1977. 10 (4). pp. 538-559.
- From the medical council. *Pravitel'stvennyj vestnik*. 1892. July 18. P. 2.
- [Gamaleya, 1905](#) – *Gamaleya, N.F.* (1905). Holera i bor'ba s nej [Cholera and the fight against it]. Odessa. *Printing House of the South Russian Society of Printing*. 1905. 137 p. [in Russian]
- [Genrici, 2020](#) – *Genrici, A.A.* (2020). Holera v Rossii: vospominanija ochevidca [Cholera in Russia: memoirs of an eyewitness]. Moscow. *Homeland*. 2020. 288 p. [in Russian]
- [Grigoriev, 1893](#) – *Grigoriev, N.I.* (1893). Holera v Astrahani v 1892 godu [Cholera in Astrakhan in 1892]. Saint Petersburg. *Printing House of the Charity of the Young Poor*. 1893. 9 p. [in Russian]
- [Henze, 2011](#) – *Henze, C.E.* (2011) Disease, health care and government in late Imperial Russia: life and death on the Volga in 1823-1914. London. *Routledge*. 2011. 227 p.
- [HMN, 1892a](#) – Hronika i melkie novosti [Chronicle and minor news]. 1082. *Vrach*. 1892. 37: 949. [in Russian]
- [HMN, 1892b](#) – Hronika i melkie novosti [Chronicle and minor news]. 110. *Vrach*. 1894. 48: 1339. [in Russian]
- [HMN, 1892c](#) – Hronika i melkie novosti [Chronicle and minor news]. 1294. *Vrach*. 1892. 27: 691-692. [in Russian]
- [HMN, 1892d](#) – Hronika i melkie novosti [Chronicle and minor news]. 1336. *Vrach*. 1892. 28: 710-111. [in Russian]
- [HMN, 1892e](#) – Hronika i melkie novosti [Chronicle and minor news]. 1431. *Vrach*. 1892. 30: 763. [in Russian]
- [HMN, 1892f](#) – Hronika i melkie novosti [Chronicle and minor news]. 1833. *Vrach*. 1892. 38: 972. [in Russian]
- [HMN, 1892g](#) – Hronika i melkie novosti [Chronicle and minor news]. 1881. *Vrach*. 1892. 39: 996. [in Russian]
- [HMN, 1892h](#) – Hronika i melkie novosti [Chronicle and minor news]. 2068. *Vrach*. 1892. 43: 1105. [in Russian]
- [HMN, 1892i](#) – Hronika i melkie novosti [Chronicle and minor news]. 2284. *Vrach*. 1892. 48: 1232. [in Russian]
- [HMN, 1892j](#) – Hronika i melkie novosti [Chronicle and minor news]. 2351. *Vrach*. 1892. 50: 1289. [in Russian]
- [HMN, 1892k](#) – Hronika i melkie novosti [Chronicle and minor news]. 325. *Vrach*. 1892. 8: 229-230. [in Russian]
- [HMN, 1892l](#) – Hronika i melkie novosti [Chronicle and minor news]. 56. *Vrach*. 1893. 2: 57. [in Russian]
- [HMN, 1892m](#) – Hronika i melkie novosti [Chronicle and minor news]. 824. *Vrach*. 1893. 21: 621-622. [in Russian]
- [Kanungo et al., 2022](#) – *Kanungo, S., Azman, A.S., Ramamurthy, T., Deen, J., Dutta, S.* (2022). Cholera. *Lancet*. 2022. V. 399. № 10333. pp. 1429-1440.
- [Karta..., 1892](#) – Karta Rossijskoj imperii. Kartogramma pomesjachnogo rasprostranenija jepidemii holery, po gubernijam i oblastjam, sredi grazhdanskogo naselenija i v vojskah v 1892 godu [Map of the Russian Empire. Cartogram of the monthly spread of the cholera epidemic, in provinces and regions, among the civilian population and among the troops in 1892]. *Karty*. Saint Petersburg, 189-. 1 sheet: color; 37x36 cm. [in Russian]
- [Korrespondencija..., 1892](#) – Korrespondencija: ot Obshhestva vrachej pri Kazanskom universitete [The Correspondence: from the Society of Doctors at Kazan University]. *Vrach*. 1892. № 21. pp. 619-620. [in Russian]
- [Kovaleva, 1970](#) – *Kovaleva, E.P.* (1970). Holera (jepidemiologija i profilaktika) [Cholera (epidemiology and prevention)]. Moscow. 1970. 31 p. [in Russian]
- [Kursy..., 1892](#) – Kursy sanitarov [The Courses of sanitary attendants]. *Astrahanskij vestnik*. 1892, December 4. P. 2. [in Russian]
- [KVOH, 1892a](#) – K voprosu o holere [On the issue of cholera]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. June 6. P. 2. [in Russian]

- KVOH, 1892b** – K voprosu o holere [On the issue of cholera]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. May 29. P. 2. [in Russian]
- KVOH, 1892c** – K voprosu o privivkah protiv holery [On the issues of vaccination against cholera]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. August 4. P. 2. [in Russian]
- Lukomsky, 1839** – *Lukomsky, V.* (1893). Nekotorye vyvody iz nabljudenij za jepidemiej holery v 1892 i 1893 godu [Some conclusions from observations of the cholera epidemic in 1892 and 1893]. Omsk. *Printing house of the district headquarters*. 22 p. [in Russian]
- Materialy..., 1892** – Materialy o holere [Reading about Cholera]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 29. P. 3. [in Russian]
- Mendelson, 1892** – *Mendelson, A.* (1892). Rezul'taty po holere [Cholera results]. *Bol'nichnaja gazeta Botkina*. 35: 439-440. [in Russian]
- Mery..., 1891** – Mery po bor'be s posledstvijami neurozhaja [Measures against the consequences of crop failure]. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli*. 1891. August 4. pp. 273-278. [in Russian]
- MH, 1892a** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. August 1. pp. 2-3. [in Russian]
- MH, 1892aa** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. June 9. P. 3. [in Russian]
- MH, 1892ab** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. May 30. P. 2. [in Russian]
- MH, 1892ac** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. September 18. P. 2. [in Russian]
- MH, 1892b** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. August 18. pp. 2-3. [in Russian]
- MH, 1892c** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. August 22. P. 2. [in Russian]
- MH, 1892d** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. August 6. P. 3. [in Russian]
- MH, 1892e** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. August 8. pp. 2-3. [in Russian]
- MH, 1892f** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 1. P. 3. [in Russian]
- MH, 1892g** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 12. P. 2. [in Russian]
- MH, 1892h** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 16. P. 2-3. [in Russian]
- MH, 1892i** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 17. pp. 2-3. [in Russian]
- MH, 1892j** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 2. pp. 2-3. [in Russian]
- MH, 1892k** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 21. P. 3. [in Russian]
- MH, 1892l** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 24. pp. 2-3. [in Russian]
- MH, 1892m** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 26. P. 3. [in Russian]
- MH, 1892n** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 3. P. 3. [in Russian]
- MH, 1892o** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 31. pp. 2-3. [in Russian]
- MH, 1892p** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 4. P. 3. [in Russian]
- MH, 1892q** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 7. pp. 2-3. [in Russian]
- MH, 1892r** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 9. pp. 2-3. [in Russian]
- MH, 1892s** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. June 18. P. 2. [in Russian]
- MH, 1892t** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. June 19. P. 2. [in Russian]
- MH, 1892u** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. June 2. P. 2. [in Russian]
- MH, 1892v** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. June 20. P. 2. [in Russian]
- MH, 1892w** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. June 21. P. 2. [in Russian]
- MH, 1892x** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. June 25. pp. 2-3. [in Russian]
- MH, 1892y** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. June 26. Pp. 2-3. [in Russian]
- MH, 1892z** – Mestnaja hronika [Local chronicle]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. June 7. P. 3. [in Russian]
- Mikhel, 2009** – *Mikhel, D.V.* (2009). Stanovlenie medicinskoj mikrobiologii v Rossii i problema holery [The formation of medical microbiology in Russia and the problem of cholera (1885-1910)]. *Izvestija saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 9(2): 7-17. [in Russian]
- Mimohodom, 1892** – Mimohodom [By the way]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. August 22. P. 2. [in Russian]
- Moderna..., 2023** – Moderna aims to make vaccines against 15 deadly diseases – and the next pandemic. [Electronic resource]. URL: <https://www.forbes.com/sites/alexknapp/2022/03/07/moderna-aims-to-make-vaccines-against-15-deadly-diseases-and-the-next-pandemic/?sh=42720f42145d> (data of access: 04.09.2023).
- Moskvitina, 2008** – *Moskvitina, E.A.* (2008). Current trends in the development of the seventh cholera pandemic. *Problemy osobo opasnyh infekcij*. 1 (95): 22-26.
- Obrashhenie..., 1892** – Obrashhenie k zhiteljam Astrahani [Appeal to the residents of Astrakhan]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 10. P. 2. [in Russian]
- OH, 1892a** – O holere [About cholera]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. June 20. P. 2. [in Russian]
- OH, 1892b** – O holere [About cholera]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. June 25. P. 2. [in Russian]

- OHJH, 1892a** – O hode jepidemii holery [About the course of the cholera epidemic]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. September 1. P. 2. [in Russian]
- OHJH, 1892b** – O hode jepidemii holery [About the course of the cholera epidemic]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. September 2. P. 2. [in Russian]
- OHJH, 1892c** – O hode jepidemii holery [About the course of the cholera epidemic]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. September 8. P. 2. [in Russian]
- Obshhaja..., 1892a** – Obshhaja karakteristika rasprostraneniya holernoj jepidemii 1892 goda po nojabr' v gubernijah i oblastjah Sibiri, Srednej Azii, Kavkaza i Vojska Donskogo [General statement of the movement of the cholera epidemic of 1892 to November in the provinces and regions of Siberia, Central Asia, the Caucasus and the Don Army]. *Pravitel'stvennyj vestnik*. 1892. November 19. P. 2. [in Russian]
- Obshhaja..., 1892b** – Obshhaja karakteristika rasprostraneniya jepidemii holery 1892 goda na nojabr' mesjac v gorodah [General statement of the movement of the cholera epidemic of 1892 to the month of November in the cities]. *Pravitel'stvennyj vestnik*. 1892. November 19. P. 2. [in Russian]
- Obshhaja..., 1892c** – Obshhaja vedomost' rasprostraneniya jepidemii holery 1892 goda po nojabr' mesjac v gubernijah Evropejskoj Rossii [General statement of the movement of the cholera epidemic of 1892 to November in the provinces of European Russia]. *Pravitel'stvennyj vestnik*. 1892. November 19. P. 2. [in Russian]
- Omran, 2019** – Omran, A.R. (2019). The theory of epidemiological transition: a look 30 years later. *Demograficheskoe obozrenie*. 6 (1): 177-216.
- Pelling, 2022** – Pelling, M. (2022). Epidemics in Nineteenth-Century British Towns: How Important was Cholera? *Journal of Victorian Culture*. 27(2): 346-355.
- Pokrovsky et al., 2009** – Pokrovsky, V.I., Pak, S.G., Briko, N.I., Danilkin, B.K. (2009). Infekcionnye bolezni i jepidemiologija: Uchebnik - 2-e izdanie, pererabotannoe [Infectious Diseases and Epidemiology: Textbook – 2nd edition, revised]. Moscow. *GEOTAR-Media*. 816 p. [in Russian]
- Postanovlenie..., 1892** – Postanovlenie Gorodskoj Dumy O dopolnitel'nom objazatel'nom vremeni bor'by s holeroj dlja zhitelej g. Astrahani [Additional mandatory cholera time for residents of Astrakhan resolution of the City Duma]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 11. P. 1. [in Russian]
- Prigovor..., 1892** – Prigovor voennogo okružhnogo suda [The verdict of the military District Court]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. December 20. P. 2. [in Russian]
- Ratmanov, 2008** – Ratmanov, P.E. (2008). Jepidemija holery v Man'chzhurii v 1902 godu [Cholera epidemic in Manchuria in 1902]. *Dal'nevostochnyj zhurnalinfekcionnoj patologii*. 12(12): 156-159. [in Russian]
- Rosenberg, 1987** – Rosenberg, C.E. (1987). The cholera years the United States in 1832, 1849, and 1866 with a new afterword. Chicago. *The University of Chicago Press*. 265 p.
- Ryazantsev et al., 2023** – Ryazantsev, S.V., Smirnov, A.V., Truzzi, O.M.S., Ruseishvili, S. (2023). Emigration from the Russian Empire to Brazil in the late XIX and early XX centuries. *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 842-857.
- Stochik, Zatravkin, 1995** – Stochik, A.M., Zatravkin, S.N. (1995). Ob istorii izuchenija patogeneza i poiska sredstv lechenija holery (po materialam pervyh treh pandemij 1817-1862 godov) [On the history of the study of pathogenesis and the search for remedies for cholera (based on the materials of the first three pandemics of 1817-1862)]. *Terapevticheskij arhiv*. 67(7): 75-79. [in Russian]
- Svedeniya..., 1895** – Svedeniya o lichnom sostave naselenija, dvorovyh uchastkah, domah i kvartirah v Astrahani. Sostavleno po rezul'tatam odnodnevnoj perepisi 20 janvarja 1891 goda [Statements about the personal composition of the population, yard plots, buildings and apartments in Astrakhan. Compiled on the basis of the results of a one-day census on the 20th of January, 1891]. Astrakhan. 1895. 22 p. [in Russian]
- Vam..., 1892** – Vam ne stoit boyat'sya bol'nic [You should not be afraid of hospitals]. *Astrahanskij vestnik*. 1892. July 9. 3. [in Russian]
- Vasiliev, Segal, 1960** – Vasiliev, K.G., Segal, A.E. (1960). Istorija epidemii v Rossii (materialy i ocherki) [The history of epidemics in Russia (materials and essays)]. M. Gosudarstvennoe izdatel'stvo medicinskoj literatury. 397 p. [in Russian]

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1998-2003
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1998

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Development and Operation of Secondary Schools of the Ministry of Railways of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries

Leonid L. Balanyuk ^{a,*}, Svetlana A. Grimalskaya ^b, Igor A. Gordeev ^c, Mikhail G. Smirnov ^d

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^c Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^d National University of Oil and Gas «Gubkin University», Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines the creation and operation in the pre-revolutionary period of general railway schools of the Ministry of Railways. The attention is paid to the distribution of these educational institutions by type, and the composition of students by age, nationality and religion.

There was used as materials a set of historical sources, including regulations, accounting documentation and collections of information. In a methodological sense, the work is based on the method of content analysis, since the study involved sampling statistical and other information from an array of regulatory, reporting and other documents. At the same time, the principles of objectivity and historicism were applied.

In conclusion, the authors state that the idea of creating educational institutions for the departments of the Russian Empire was not new. One of the earliest examples was the cantonist schools, which were later reorganized into conductor schools for the Ministry of Railways. However, since the last third of the XIX century in the Russian Empire, the process of creating an extensive network of general railway educational institutions began, which were located along the railways and aimed at educating children of railway employees to prepare them for admission to specialized railway schools. By the beginning of the First World War, the Ministry of Railways had 636 general educational institutions, most of which were 2-grade and 1-grade elementary schools. In 1914, more than 122 thousand students studied in these schools, which formed a significant contingent of people focused on admission to specialized railway schools.

Keywords: general railway schools, Russian Empire, Ministry of Railways, late XIX – early XX centuries.

1. Введение

В истории народного начального образования Российской империи одну из интересных страниц составляли общеобразовательные училища, подчиненные Министерству путей сообщения, или железнодорожные начальные училища. Создание этих училищ началось практически одновременно с появлением железных дорог в России, то есть со второй половины XIX века. Основная цель этих общеобразовательных училищ заключалась в подготовке детей железнодорожных служащих к поступлению в специализированные железнодорожные училища. К 1913 г. Российская империя располагала целой сетью железных дорог: казенными (18 дорог в европейской части России и 5 – в азиатской части), частными (9 дорог) и 2-мя дорогами местного значения. При всех этих дорогах были собственные общеобразовательные начальные училища ([Краткий обзор..., 1915: 3-5](#)).

* Corresponding author

E-mail addresses: iarann@mail.ru (L.L. Balanyuk)

2. Материалы и методы

В качестве материалов был использован комплекс исторических источников, среди которых: нормативные акты (например: «Правила о комитетах и местных попечительствах для заведывания образовательными учреждениями на казенных железных дорогах» утвержденных в 1906 г.), отчетная документация (например: «Всепопданнейший отчет по ведомству путей сообщения за 25 лет с 19 февраля 1855 по 19 февраля 1880 г.», «Обзор деятельности Министерства путей сообщения за 1895 г.» и аналогичный отчет за десятилетие 1895-1904 гг., а также «Краткий обзор постановки начального образования на линиях железных дорог» за 1913 и 1914 гг.) и сборники сведений (например: «Церкви, школы и больницы Либаво-Роменской железной дороги»).

В методологическом смысле работа опирается на метод контент-анализа, так как исследование предполагает выборку статистической и иной информации из массива нормативных, отчетных и других документов. При этом в работе применялись принципы объективности и историзма. Это позволило максимально широко взглянуть на проблему организации и деятельности общеобразовательных учебных заведений Министерства путей сообщения в имперский период и представить полученные материалы в их хронологической последовательности.

3. Обсуждение

Историография темы исследования не отличается своей многочисленностью, поэтому мы включили в обзор даже ту литературу, в которой имеются фрагментарные упоминания об учебных заведениях Министерства путей сообщения Российской империи дореволюционного периода.

Из литературы, непосредственно посвященной теме нашего исследования, мы хотели бы отметить следующих авторов: И.Н. Мамкина, которая предприняла попытку проанализировать организацию школьного дела на Забайкальской железной дороге (Мамкина, 2020), В.С. Сулимов рассматривал общеобразовательные школы на железных дорогах Западной Сибири в конце XIX в. (Сулимов, 2014), А.В. Василевич обращался к теме «педагоги железнодорожных училищ Южной Украины» в имперский период (Василевич, 2014), в свою очередь Р.А. Эйвазов рассматривал становление железнодорожного образования на примере Азербайджана (Эйвазов, 2023), Ю.А. Иванова изучала железнодорожные училища в системе образования Российской империи в период второй половины XIX века (Иванова, 2010).

Из литературы, в которой имеются фрагментарные упоминания об общеобразовательных учебных заведениях, можно назвать следующие труды: Л.С. Лашина, А.А. Красников «Условия труда и жизни рабочих и служащих акционерных обществ железных дорог Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX века» (Лашина, Красников, 2012), Ю.А. Иванова, Т.А. Красницкая «Организация просветительской работы среди служащих железных дорог Центральной России во второй половине XIX – начале XX в.» (Иванова, Красницкая, 2011), а также Е.Е. Задворнову, В.В. Караблина «Политика государства и организация учебной работы в железнодорожных училищах дореволюционной России» (Задворнова, Караблин, 2013).

Завершая этот краткий обзор, мы хотели бы констатировать, что до настоящего времени общеобразовательные учебные заведения Министерства путей сообщения так и не становились темой для специального исследования. Это обстоятельство и предопределило наше обращение к данной теме.

4. Результаты

Нужно сразу отметить, что опыт создания общеобразовательных учебных заведений при Министерстве путей сообщения восходит еще к периоду существования кантонистских школ, которые были учреждены еще императором Петром I в 1721 г. Во второй половине XIX века при Министерстве путей сообщения находилось пять бывших кантонистских школ при 5-ти округах путей сообщения, эти школы находились в Шлиссельбурге, Вытегре, Вышнем-Волочке, Лепеле и Телеханах. С упразднением звания «кантониста» эти школы начали называться кондукторскими, хотя программа подготовки была аналогичной обычным общеобразовательным начальным школам. По состоянию на 1880 г. в этих школах обучалось 228 учеников в возрасте от 11 до 19 лет (Всепопданнейший отчет..., 1880: 87). К 1895 из этих школ осталось только одна – Вышневолоцкая кондукторская школа (Обзор деятельности..., 1896: 174).

26 июня 1882 г. при Министерстве путей сообщения была создана специальная учебная организация – учебный отдел, на который было возложено заведывание всеми учебными заведениями данного ведомства. К 1890-м гг. количество общеобразовательных школ, подчиненных Министерству путей сообщения, было невелико. К примеру, в 1894 г. на Либаво-Роменской железной дороге было всего 5 школ с 345 учениками (Церкви..., 1901: 10). В 1898 г. правление Томской железной дороги инициировало создание двух учебных заведений (1-классного и 2-классного) на станции Боготол и станции Обь соответственно (Сулимов, 2014). Примерно в это же время открывались две школы в Омске и школа на станции Тайга (Сулимов, 2014).

В 1894 г. при Министерстве путей сообщения было 135 общеобразовательных железнодорожных школы (Обзор деятельности..., 1896: 173). Спустя год их количество увеличилось до 142 с 10750 учениками (Обзор деятельности..., 1906: 258).

В 1901 г. количество школ на Либаво-Рюминской железной дороге достигло 12 (Церкви..., 1901: 11), а в 1914 г. до 20, из них 13 2-классных и 7 1-классных (Краткий обзор..., 1916: 4).

Первые школы Забайкальской железной дороги открылись в 1901 г. (станции Могзон и Оловянная), в 1902 г. их было уже 6, в 1905 – 14, в 1908 г. – 21 (Мамкина, 2020: 57), а в 1914 г. это число осталось без изменений (Краткий обзор..., 1916: 4), так как школьная сеть Забайкальской железной дороги была уже сформирована. Дальнейшая забота школьного комитета заключалась в поднятии качества образования, а именно реорганизации 1-классных общеобразовательных училищ в 2-классные. Косвенно об этом свидетельствует такой факт, что в 1906 г. на железной дороге было только две 2-классные и 12 1-классных училищ (Мамкина, 2020: 58). В 1914 г. этот показатель составлял 11 2-классных и 10 1-классных училищ (Краткий обзор..., 1916: 4).

Для курирования работы общеобразовательных учреждений создавались при железных дорогах специальные школьные комитеты. Так, на Забайкальской железной дороге в 1903 г. был специально создан Главный школьный комитет (Мамкина, 2020: 56). Уже в 1906 г. министерством были утверждены Правила о комитетах и местных попечительствах для заведывания образовательными учреждениями на казенных железных дорогах. Обычно такой комитет состоял из десяти человек, шесть из которых были избранными, а четверо назначались администрацией дороги. В ведении комитета находились школы, вечерние курсы, общежития, столовые. Для ведения дел при комитете действовала канцелярия из двух человек (Правила о комитетах, 1906: 1-10).

В 1904 г. общее количество общеобразовательных железнодорожных училищ достигло 276 с 31709 учениками (Обзор деятельности..., 1896: 259).

В 1913 г. общее количество общеобразовательных учебных заведений Министерства путей сообщения составляло 620 единиц со 114038 учениками (Краткий обзор..., 1915: 10). В течение года количество учебных заведений увеличилось на 16 (6 2-классных и 10 1-классных училищ), а также на 8187 учащихся.

К 1914 г. Министерство путей сообщения располагало целой сетью общеобразовательных учебных заведений. Среди них были учебные заведения повышенного уровня (6-классные общеобразовательные, высшие начальные училища и 4-классные городские училища), однако основной костяк составляли 2-классные и 1-классные учебные начальные заведения. Всего в 1914 г. имелось 636 учебных заведений (1 – 6-классное общеобразовательное, 3 – высших начальных, 4 – городских училища, 327 – 2-классных и 301 – 1-классное) (Краткий обзор..., 1916: 5). Наибольшее число учебных заведений было на казенной Екатеринбургской железной дороге (12 – 2-классных и 34 – 1-классных), на втором месте была частная Рязанско-уральская железная дорога – 44 школы (по 22 2-классных и 1-классных), на третьем месте находилась казенная Томская железная дорога – 40 школ (30 – 2-классных и 10 – 1-классных). В числе аутсайдеров были дороги местного назначения (Новозыбковский подъездной путь и Рязанско-Владимирская железная дорога), которые имели по одному 1-классному училищу. Помимо этого по одному училищу имели еще три другие дороги: (казенная Баскунчакская – 2-классное, частная Богословская – 1-классное и Лодзинская-Фабричная – 2-классное) (Краткий обзор..., 1916: 3-5).

По состоянию на 1914 г. в населенных пунктах вдоль железных дорог проживало около 333 тыс. детей школьного возраста, из которых 234 тыс. человек в зоне казенных дорог, 96 тыс. – частных и более 2 тыс. в зоне дорог местного значения (Краткий обзор..., 1916: 5-7). Из этого количества охвачены учебным процессом были 122225 человек, из которых 72695 мальчиков и 49530 девочек (Краткий обзор..., 1916: 7).

Общеобразовательные железнодорожные учреждения по своему составу делили на две группы: училища Министерства народного просвещения и церковно-приходские школы ведомства Православного вероисповедания. И те, и другие учебные заведения могли быть 2-классными и 1-классными, в 2-классных училищах срок обучения составлял 5-6 лет, а в 1-классных – 3-4 года (Cherkasov et al., 2020: 750-770).

В 1913-1914 гг. учебный отдел Министерства путей сообщения проводил массовые мероприятия по пропагандированию железнодорожного школьного дела. Так, в летних период проводились курсы по подготовке детей окончивших 2-классные училища к приемным испытаниям в технические железнодорожные училища. Помимо этого учебный отдел инициировал организацию выставок ученических изделий, способствовал организации балалаечных оркестров и расширению училищ путем открытия параллельных классов, занимался устройством летних колоний для болезненных учащихся, занимался внедрением новейших педагогических практик и финансировал траты связанные со школьным кинематографом (Краткий обзор..., 1916: 10).

Контингент учащихся представляет значительный интерес. В 1914 г. учащиеся по возрастам были распределены следующим образом: 7 лет – 1301 ученик, 8 – 11582 ученика, 9 лет – 18634, 10 лет – 21021, 11 лет 18748, 12 лет – 16722, 13 лет – 12009, 14 лет – 7804, 15 лет – 3552, 16 лет – 1398, 17 лет – 378, 18 лет – 102 и 19 лет – 12 учеников (Краткий обзор..., 1916: 26-27).

Национальный состав учащихся был следующим: русских – 104833, поляков – 4581, немцев – 252, татар – 131, армян – 350, грузин – 1524, латышей – 439, эстов – 589, евреев – 134 и других национальностей – 430 (Краткий обзор..., 1916: 27). Таким образом 85,7 % составляли русские,

на втором месте были поляки – 3,7 % и на третьем месте были грузины – 1,2 %. В конфессиональном составе православные составляли 105046 человек, старообрядцев было 496 человек, армяно-григориан – 350, сектантов – 198, лютеран – 1035, католиков – 5854, магометан – 150, иудеев – 134.

Несколько слов скажем и об учебных программах. Так, объем преподавания учебных предметов в начальных училищах определялся программами министерства народного просвещения, а в церковно-приходских школах программами Святейшего Синода.

В виду расширения умственного развития учащихся, а также с целью подготовки их к предстоящей самостоятельной жизни, низших общеобразовательных училищах преподавались в числе дополнительных предметов: рукоделие, переплетное, столярное, слесарное, сапожное ремесла, огородничество, садоводство, пчеловодство и кулинария. Для укрепления здоровья, а также с целью поддержания среди учащихся дисциплины и развития в них чувства патриотизма и любви к родине, в низших учебных заведениях в качестве обязательных предметов преподавалась гимнастика и военный строй (*Краткий обзор..., 1916: 56*).

Важное внимание уделялось и организации ученических экскурсий. Так, в заботах об интеллектуальном развитии учащихся низших общеобразовательных училищ устраивались и экскурсии для учеников, в которых учащиеся под руководством учителей знакомились с достопримечательностями городов своего края и с сохранившимися памятниками историко-культурного значения. Всего в 1914 г. было проведено 120 экскурсий, при этом наиболее популярными были экскурсии в такие города, как: Петроград, Москва, Киев, Смоленск, Н.-Новгород, Новгород, Полтава, Севастополь, Орел, Рига, Иркутск, Чита, Владикавказ, Новороссийск, Пятигорск, Геленджик и Екатеринодар. Нужно отметить, что ученические экскурсии в начале XX века были неотъемлемой частью внешкольной работы и в школах других ведомств (*Гусарова, 2021: 36-43; Мерзлякова, Баталова, 2015: 20-26*).

Уделялось внимание и внеклассным чтениям. Так, в 1914 г. в общеобразовательных школах прошло 2664 внеклассных чтений по литературе, 1061 – по истории, 973 – по Закону Божьему, 809 – по географии и 652 – по естественной истории (*Краткий обзор..., 1916: 58*).

Помимо этого, при железных дорогах имелось 4 дачи-школы, в которых учащимся предоставлялась возможность провести летние каникулы в наиболее необходимой для укрепления здоровья местности. Такие дачи-школы были на Пермской, Северо-Западной и Томской железных дорогах (*Краткий обзор..., 1916: 58-59*).

5. Заключение

Подводя итоги, мы можем констатировать, что идея создания общеобразовательных учреждений для ведомств Российской империи была не нова. Одним из ранних примеров служили школы кантонистов, в последующем для Министерства путей сообщения реорганизованные в кондукторские школы. Однако с последней трети XIX века в Российской империи начинается процесс создания обширной сети общеобразовательных железнодорожных учебных заведений, которые находились вдоль железных дорог и преследовали целью обучение детей железнодорожных служащих для подготовки их к поступлению в специализированные железнодорожные училища. К началу Первой мировой войны министерство путей сообщения располагало 636 общеобразовательными учебными заведениями, большинство из которых составляли 2-классные и 1-классные начальные училища. В 1914 г. в этих школах обучалось более 122 тыс. учащихся, что формировало значительный контингент лиц, ориентированных на поступление в специализированные железнодорожные училища.

Литература

Василевич, 2014 – *Василевич А.В.* Педагоги профессионально-технических заведений Южной Украины конца XIX – начала XX в. (на примере железнодорожных училищ) // *Амінак*. 2014. № 1-2 (8). С. 13-16.

Всеподданнейший отчет..., 1880 – Всеподданнейший отчет по ведомству путей сообщения за 25 лет, с 19 февраля 1855 по 19 февраля 1880 г. СПб., 1880.

Гусарова, 2021 – *Гусарова А.Ю.* Экскурсионный метод обучения в учебных заведениях Чувашии во второй половине XIX – начале XX века // *Вестник Чувашского университета*. 2021. № 2. С. 36-43.

Задворнова, Караблин, 2013 – *Задворнова Е.Е., Караблин В.В.* Политика государства и организация учебной работы в железнодорожных училищах дореволюционной России // *Социум и власть*. 2013. № 2 (40). С. 125-128.

Иванова, 2010 – *Иванова Ю.А.* Железнодорожные училища в системе образования России (вторая половина XIX в.) // *Наука и школа*. 2010. № 1. С. 129–131.

Иванова, Красницкая, 2011 – *Иванова Ю.А., Красницкая Т.А.* Организация просветительской работы среди служащих железных дорог Центральной России во второй половине XIX – начале XX в. // *Преподаватель XXI века*. 2011. № 1. С. 141–143.

Краткий обзор..., 1915 – Краткий обзор постановки начального образования на линиях железных дорог за 1913 г. Петроград, 1915.

Краткий обзор..., 1916 – Краткий обзор постановки начального образования на линиях железных дорог за 1914 г. Петроград, 1916.

Лашина, Красников, 2012 – Лашина Л.С., Красников А.А. Условия труда и жизни рабочих и служащих акционерных обществ железных дорог Центрального Черноземья в конце XIX – начале XX века // *Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова*. 2012. № 2. С. 179-184.

Мамкина, 2020 – Мамкина И.Н. Организация школьного образования на Забайкальской железной дороге в начале XX века // *Гуманитарный вектор*. 2020. № 6(15). С. 54-61.

Мерзлякова, Баталова, 2015 – Мерзлякова Г.В., Баталова Л.В. Организация ученических экскурсий в Крым в конце XIX – начале XX века (на примере Вятской губернии) // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2015. № 1 (9). С. 20-26.

Обзор деятельности..., 1896 – Обзор деятельности министерства путей сообщения за 1895 г. СПб., 1896.

Обзор деятельности..., 1906 – Обзор деятельности министерства путей сообщения за десятилетие 1895-1904 гг. СПб., 1906.

Правила о комитетах, 1906 – Правила о комитетах и местных попечительствах для заведывания образовательными учреждениями на казенных железных дорогах: Утв. министр пут. сообщ. 13 янв. 1906 г. Санкт-Петербург, 1906. 10 с.

Сулимов, 2014 – Сулимов В.С. Общеобразовательные школы на железных дорогах Западной Сибири в конце XIX века // *История и археология*. 2014. № 8.

Церкви..., 1901 – Церкви, школы и больницы Либаво-Роменской железной дороги. Минск, 1901.

Эйвазов, 2023 – Эйвазов Р.А. Становление железнодорожного образования в Азербайджане // *Техник транспорта: образование и практика*. 2023. № 1(4). С. 89-95.

Cherkasov et al., 2020 – Cherkasov A.A., Koroleva L.A., Bratanovskii S.N. The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1 // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. 65(3): 750-770.

References

Cherkasov et al., 2020 – Cherkasov, A.A., Koroleva, L.A., Bratanovskii, S.N. (2020). The System of Public Education on the Territory of the Black Sea Province in 1896–1917. Part 1. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 65(3): 750-770.

Eivazov, 2023 – Eivazov, R.A. (2023). Stanovlenie zheleznodorozhnogo obrazovaniya v Azerbaidzhane [Formation of railway education in Azerbaijan]. *Tekhnik transporta: obrazovanie i praktika*. 1(4): 89-95. [in Russian]

Gusarova, 2021 – Gusarova, A.Yu. (2021). Ekskursionnyi metod obucheniya v uchebnykh zavedeniyakh Chuvashii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Excursion method of teaching in educational institutions of Chuvashia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2: 36-43. [in Russian]

Ivanova, 2010 – Ivanova, Yu.A. (2010). Zheleznodorozhnye uchilishcha v sisteme obrazovaniya Rossii (vtoraya polovina XIX v.) [Railway schools in the Russian education system (second half of the 19th century)]. *Nauka i shkola*. 1: 129-131. [in Russian]

Ivanova, Krasnitskaya, 2011 – Ivanova, Yu.A., Krasnitskaya, T.A. (2011). Organizatsiya prosvetitel'skoi raboty sredi sluzhashchikh zheleznykh dorog Tsentral'noi Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Organization of educational work among railway employees of Central Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Prepodavatel' XXI veka*. 1: 141-143. [in Russian]

Kratkii obzor..., 1915 – Kratkii obzor postanovki nachal'nogo obrazovaniya na liniyakh zheleznykh dorog za 1913 g. [A brief overview of the organization of primary education on railway lines in 1913]. Petrograd, 1915. [in Russian]

Kratkii obzor..., 1916 – Kratkii obzor postanovki nachal'nogo obrazovaniya na liniyakh zheleznykh dorog za 1914 g. [Working and living conditions of workers and employees of joint-stock companies of railways of the Central Black Earth Region in the late XIX – early XX centuries]. Petrograd, 1916. [in Russian]

Lashina, Krasnikov, 2012 – Lashina, L.S., Krasnikov, A.A. (2012). Usloviya truda i zhizni rabochikh i sluzhashchikh aktsionernykh obshchestv zheleznykh dorog Tsentral'nogo Chernozem'ya v kontse XIX – nachale XX veka [Working and living conditions of workers and employees of joint-stock companies of railways of the Central Black Earth Region in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta im. V.G. Shukhova*. 2: 179-184. [in Russian]

Mamkina, 2020 – Mamkina, I.N. (2020). Organizatsiya shkol'nogo obrazovaniya na Zabaikal'skoi zheleznoi doroge v nachale XX veka [Organization of school education on the Trans-Baikal Railway at the beginning of the 20th century]. *Gumanitarnyi vektor*. 6(15): 54-61. [in Russian]

Merzlyakova, Batalova, 2015 – Merzlyakova, G.V., Batalova, L.V. (2015). Organizatsiya uchenicheskikh ekskursii v Krym v kontse XIX – nachale XX veka (na primere Vyatskoi gubernii) [Organization of student excursions to Crimea at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries (on the example of the Vyatka province)]. *Sovremennye problemy servisa i turizma*. 1(9): 20-26. [in Russian]

Obzor deyatel'nosti..., 1896 – Obzor deyatel'nosti ministerstva putei soobshcheniya za 1895 g. [Review of the activities of the Ministry of Railways for 1895]. SPb., 1896. [in Russian]

Obzor deyatel'nosti..., 1906 – Obzor deyatel'nosti ministerstva putei soobshcheniya za desyatiletie 1895-1904 gg. [Review of the activities of the Ministry of Railways for the decade 1895-1904]. SPb., 1906. [in Russian]

Pravila o komitetakh, 1906 – Pravila o komitetakh i mestnykh popechitel'stvakh dlya zavedyvaniya obrazovatel'nymi uchrezhdeniyami na kazennykh zheleznykh dorogakh: Utv. ministr put. soobshch. 13 yanv. 1906 g. [Rules on committees and local trustees for the management of educational institutions on state-owned railways: Approved. Minister of Transport message 13 Jan 1906]. Sankt-Peterburg, 1906. 10 p. [in Russian]

Sulimov, 2014 – Sulimov, V.S. (2014). Obshcheobrazovatel'nye shkoly na zheleznykh dorogakh Zapadnoi Sibiri v kontse XIX veka [Comprehensive schools on the railways of Western Siberia at the end of the 19th century]. *Istoriya i arkheologiya*. 8. [in Russian]

Tserkvi..., 1901 – Tserkvi, shkoly i bol'nitsy Libavo-Romenskoj zheleznoj dorogi [Churches, schools and hospitals of the Libavo-Romensky railway]. Minsk, 1901. [in Russian]

Vasilevich, 2014 – Vasilevich, A.V. (2014). Pedagogi professional'no-tekhnicheskikh zavedenii Yuzhnoi Ukrainy kontsa XIX – nachala XX v. (na primere zheleznodorozhnykh uchilishch) [Teachers of vocational and technical institutions of Southern Ukraine at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries (on the example of railway schools)]. *Aminak*. 1-2 (8):13-16. [in Russian]

Vsepoddanneishii otchet..., 1880 – Vsepoddanneishii otchet po vedomstvu putei soobshcheniya za 25 let, s 19 fevralya 1855 po 19 fevralya 1880 g. [The most submissive report on the department of railways for 25 years, from February 19, 1855 to February 19, 1880]. SPb., 1880. [in Russian]

Zadvornova, Karablin, 2013 – Zadvornova, E.E., Karablin, V.V. (2013). Politika gosudarstva i organizatsiya uchebnoi raboty v zheleznodorozhnykh uchilishchakh dorevolyutsionnoi Rossii [State policy and organization of educational work in railway schools of pre-revolutionary Russia]. *Sotsium i vlast'*. 2(40): 125-128. [in Russian]

К вопросу о развитии и деятельности общеобразовательных училищ министерства путей сообщения Российской империи в конце XIX – начале XX века

Леонид Леонидович Баланюк ^{a, *}, Светлана Александровна Гримальская ^b,
Игорь Анатольевич Гордеев ^c, Михаил Гурамович Смирнов ^d

^a Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^c Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^d Российский государственный университет нефти и газа НИУ имени И. М. Губкина, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается создание и деятельность в дореволюционный период общеобразовательных железнодорожных училищ Министерства путей сообщения. Уделено внимание распределению этих учебных заведений по типу, составу учащихся – по возрастам, национальности и вероисповеданию.

В качестве материалов был использован комплекс исторических источников, среди которых нормативные акты, отчетная документация и сборники сведений. В методологическом смысле работа опирается на метод контент-анализа, так как исследование предполагало выборку статистической и иной информации из массива нормативных, отчетных и других документов. При этом в работе применялись принципы объективности и историзма.

В заключении авторы отмечают, что идея создания общеобразовательных учреждений для ведомств Российской империи была не нова. Одним из ранних примеров служили школы кантонистов, в последующем для Министерства путей сообщения реорганизованные в кондукторские школы. Однако с последней трети XIX века в Российской империи начинается процесс создания обширной сети общеобразовательных железнодорожных учебных заведений, которые находились вдоль железных дорог и преследовали целью обучение детей железнодорожных служащих для подготовки их к поступлению в специализированные железнодорожные училища. К началу Первой мировой войны Министерство путей сообщения располагало 636 общеобразовательными учебными заведениями, большинство из которых составляли 2-классные и 1-классный начальные училища. В 1914 г. в этих школах обучалось более 122 тыс. учащихся, что формировало значительный контингент лиц, ориентированных на поступление в специализированные железнодорожные училища.

Ключевые слова: общеобразовательные железнодорожные училища, Российская империя, министерство путей сообщения, конец XIX – начало XX вв.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iarann@mail.ru (Л.Л. Баланюк)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2004-2013
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2004

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Historical and Economic Phenomenon of “Hodachestvo” (Scouting) in the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries

Evgenii V. Bogomolov^{a, *}, Yulia A. Mamaeva^a

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

Based on the synthesis of historical and institutional approaches, the article examines the role of “hodachestvo” (scouting) in the Russian Empire. Hodachestvo became a consequence of the processes of resettlement and colonization of sparsely populated territories of Siberia and the Far East, and from an economic point of view was a tool to reduce transaction cost or cost incurred by economic entities due to insufficient information. The stages of the formation of hodachestvo are considered, starting from the middle of the XIX century and ending in 1914, when hodachestvo ceased due to the First World War.

It is determined that the formalization of the institution of hodachestvo takes place in 1896 and in the future there is a process of legislative improvement of this phenomenon. Hodachestvo reaches its greatest activity during the period of P.A. Stolypin's agrarian reform, starting in 1904, when the obligation to send scouts (walkers) was established.

The phenomenon of hodachestvo is one of the examples of principal-agent relations with their characteristic opportunistic behavior of agents, which were scouts (walkers). The experience of hodachestvo at the turn of the XIX – XX centuries can be used in modern Russia, as far as the problem of migration and development of Siberia and the Far East is still relevant.

Keywords: scouts (walkers), hodachestvo (scouting), resettlement, agrarian reform, transaction cost, principal-agent problem.

1. Введение

Множество исторических событий так или иначе связано с проблемой соответствия земельных ресурсов и величины населения. Земля как базовый ресурс для обеспечения жизнедеятельности человека всегда была и будет являться фактором, определяющим вектор развития человечества. Несмотря на то что Россия занимает огромную, по сравнению с численностью населения, территорию, проблема обеспечения граждан земельным ресурсом занимает важное место в экономическом развитии и историографии страны. Это определяется тем, что качество российских земель в широком понимании (плодородность, климатические особенности, транспортная доступность) неоднородно, что ведет к концентрации населения преимущественно в европейской части страны. Вместе с тем бескрайние просторы Сибири и Дальнего Востока как потенциал улучшения жизнеобеспечения всегда являлись притяжением внимания населения и лидеров Российского государства. Освоение земель за Уралом не прекращается и по сей день. Примечательно, что и в наше время встречаются факты переселения в эти части страны не только жителей Центральной России, но и иностранцев (В Омской..., 2023). В то же время отмечается и отток населения из наиболее отдаленных и менее благополучных по климату районов (Лукьянец, 2020). В этой связи возникают исторические параллели прошлых и современных переселенческих процессов, которые побуждают к исследованию особенностей их организации и реализации в

* Corresponding author

E-mail addresses: 200oerty@mail.ru (E.V. Bogomolov), YAMamaeva@fa.ru (Y.A. Mamaeva)

прошлом с целью фиксации и использования исторического опыта. Среди историко-экономических особенностей организации переселения выделяется такой феномен, как *ходачество*. Институт ходачества (заблаговременное отправление ходочков – представителей планируемых переселенцев для подбора участков земли и их закрепления в органах власти либо для проведения переговоров о приписке к старожильческим общинам) возник как необходимость снижения издержек на переселение и был закреплен на государственном уровне в 1896 году (ПСЗРИ, 1899). В рамках институционального подхода в экономической науке ходачество как институт можно обосновать необходимостью снижения транзакционных издержек по приобретению земли как объекта хозяйствования (Кузьмин, 2013). Целью настоящей работы является определение роли ходачества как социального, экономического и исторического явления.

2. Материалы и методы

Источниками исследования явились законодательные акты о переселении, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи в период 1844–1910 гг., нормативные документы и статистические отчеты Главного управления землеустройства и земледелия 1907–1912 гг., Записка (доклад) председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году, а также справочные издания.

Методология исследования основывалась на институциональном подходе, позволяющим осуществить мультидисциплинарное исследование феномена ходачества. Применение системного анализа выявило особенности ходачества как социального, экономического, культурного явления. Также системный анализ позволил установить экономические причины исторической хронологии ходачества в России.

Использованный в работе хронологический метод вкупе с методом периодизации позволил определить временную последовательность и этапы формирования института ходачества в Российской империи. Подвергнутые анализу законодательные акты показали эволюцию формализации института ходачества, а также то, что чрезмерное регулирование снижает эффективность института.

Благодаря использованию историко-сравнительного метода проведена параллель с сегодняшними процессами в России. Одной из особенностей страны на протяжении многих веков является ее огромная территория, которая неодинаково развита в экономическом отношении. На сегодняшний день, как и в прошлые периоды, остро стоит вопрос об экономическом укреплении районов Сибири и Дальнего Востока, поэтому необходимо обратить внимание на историческую ретроспективу и использовать исторический опыт ходачества.

3. Обсуждение

Переселение крестьян как значимое историческое и экономическое событие в России представляет постоянный научный интерес. Многочисленные труды историков, экономистов, социологов выявляют различные аспекты данного явления. В дореволюционный период (до 1917 г.) можно выделить работы А.А. Кауфмана, О.А. Шкапского (Кауфман, 1905; Шкапский, 1907), публикации в период 1907–1917 гг. в периодическом сборнике трудов «Вопросы колонизации».

В советский период к данной теме обращались С.М. Дубровский, В.В. Покшишевский, Л.Ф. Складаров и др. (Дубровский, 1963; Покшишевский, 1951; Складаров, 1962). А среди относительно недавних исследований обращают на себя внимание работы Н.Д. Белянина, Н.С. Зуевой, А.А. Кузьмина (Белянин, 2016; Зуева, 2016; Кузьмин, 2013). Большинство работ посвящено комплексному анализу процессов переселения как в целом, так и в отдельных регионах. Ходачество как отдельный значимый элемент этих процессов при этом анализируется недостаточно подробно.

4. Результаты

Среди данных работ значительную часть составляют исследования, посвященные аграрной реформе П.А. Столыпина, которая сделала данный процесс широким и массовым. Долгосрочной целью реформы было обеспечение устойчивого роста сельскохозяйственного производства как базы для усиления экономической силы государства, создания социальной основы для поддержания монархической власти, а также освоения малонаселенных земель Сибири и Дальнего Востока. Русско-японская война (1904–1905) не только показала экономическую слабость Российской империи, но и стала катализатором первой русской революции. Кроме того, нерешенность аграрного вопроса, сохранение помещичьего землевладения, малоземелье крестьян и перенаселенность центральной европейской части подтолкнули к проведению аграрной реформы. Данная реформа пыталась разрешить противоречие между неэффективным производством в условиях малоземелья (избыточности трудовых ресурсов) и чересполосицей крестьянских хозяйств и естественным нежеланием крупных землевладельцев терять хоть какую-то часть своих земель (снижать эффективность крупного хозяйства). Данную проблему частично можно было решить за счет наделения малоземельных крестьян государственными землями в Сибири. Однако переселение в Сибирь активно шло и до Столыпинской реформы. Оно было вызвано не только проблемой

малоземелья в Европейской части России, но и необходимостью освоения и вовлечения в хозяйственные процессы земель Сибири и других малонаселенных местностей (Астраханская, Оренбургская, Саратовская губернии, Туркестанский край, Крым и Кавказ). Кроме того, переселение рассматривалось и как способ развития народов, изначально населявших эти земли. Переселение на эти территории являлось «одним из надежнейших средств проникновения в массу туземного населения новых приемов обработки земли, новых приемов животноводства, обращения к новым отраслям сельского хозяйства...» (Мамадалиев, 2018: 17). В 1843 г. публикуются «Дополнительные правила о переселении малоземельных государственных поселян в многоземельные места» (ПСЗРИ, 1844), явившиеся по сути отправной точкой официального начала переселенческих процессов. Вначале под политику переселения попадали только черносошные крестьяне, которые принадлежали государству, а после отмены Крепостного права и выхода манифеста 19 февраля 1861 г. – и все остальные категории крестьян, хотя массовое переселение как угроза оттока трудовых ресурсов из Европейской России пресекалось. В период проведения политики контрреформ Александра III закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке перечисления лиц, означенных сословий, переселившихся в прежнее время», принятый в 1889 году, (ПСЗРИ, 1891) устанавливал, что крестьянам, которые хотели переместиться на новые земли, необходимо было получить дозволение от двух министров: внутренних дел и государственного имущества. В противном случае за самовольное переселение грозило принудительное возвращение.

Также процессу переселения препятствовали такие условия, как отсутствие дорог, средств на дорогу и обустройство на новом месте и, конечно, само состояние неопределенности, недостаточность сведений о новых местах возможной жизни. Ответом на проблему недостаточности информации стало возникновение такого явления, как ходачество.

До середины 1890-х гг. оно было слабо представлено. Ходоки посылались самовольными переселенцами, практически не учитывались властями. Однако в 1894 г. министр внутренних дел Д.А. Толстой указал на то, что процесс ходачества должен находиться под опекой государства (Белянин, 2019: 50), так как это позволило не только регулировать процесс переселения, решая экономические проблемы, но и контролировать революционные настроения, поскольку ходоки могли сообщать представителям власти о неблагонадежных шагах переселенцев. Мерой поощрения ходачества стало предоставление льготного железнодорожного проезда в оба конца, выдача пособий на дорогу, а также облегчение процесса выдачи свидетельств, которые бы обеспечивали получение данных льгот.

Запрет, рекомендация и почти обязательность ходоков – такой путь прошло становление ходачества как института процесса переселения. Благодаря ряду законодательных актов, которые были подписаны 15 апреля 1896 года («О некоторых изменениях в действующих узаконениях, касающихся добровольного переселения сельских обывателей и мещан в губернии Тобольскую и Томскую (кроме Алтайского округа) и генерал-губернаторства Степное и Иркутское» (ПСЗРИ, 1899), такое социально-экономическое явление, как ходачество, было фактически закреплено официально. Ходокам предоставлялось право приезжать на свободные земли и закреплять за собой земельные участки сроком на два года, они могли получить специальный документ, который давал право на льготный проезд туда и обратно, в отличие от пониженного тарифа для всех переселенцев, действовавшего только в одну сторону.

В результате изменения государственного подхода к ходачеству оно получило существенное распространение. Так, если в 1896 г. в Сибирь прошло 11 910 ходоков, то через два года, в 1898 г., их поток увеличился уже почти в пять раз – 54 753 (Статистические данные, 1900: VI). В среднем ходоки составляли 20–29 % от всего количества переселенцев. Так, в 1903 г. их было 25,3%, семейных – 70,5 % и одиноких переселенцев – 4,2 %. (Сибирское переселение, 1903: 8).

Д.И. Белянин в своем исследовании приводит мнение томского губернатора в 1897 г. о том, что «распространение точных сведений об условиях переселения в дешевых (1½ копейки) изданиях вкупе с ходачеством придало переселению значительно более осмысленный характер» (Белянин, 2016: 198; Белянин, 2019: 51).

Как отмечает Панасюк В.В., кроме «водворения на казенных землях, ходачество предполагало возможность закрепления земли в старожильческих общинах по приемным приговорам» (Панасюк, 2015: 155). Ходоки выясняли информацию о наличии свободных земель в уже обжитых районах.

В период Столыпинских реформ роль ходачества как института снижения издержек по распространению достоверных сведений о местах переселения значительно возросла. Правительство, видя положительный опыт законодательного закрепления ходачества, продолжает развивать данную политику и в начале XX века. Отчасти это было продолжено благодаря мерам, которые предлагал С.Ю. Витте, обосновывая необходимость выработки мероприятий, направленных на усовершенствование данной политики. Переселение крестьян должно быть устремлено в Сибирь и на Дальний Восток. Во-первых, это могло снять напряженность в аграрном вопросе, а во-вторых, способствовать экономическому укреплению данного региона в преддверии Русско-японской войны. Так, в законе о переселенцах, который был обнародован 6 июня 1904 года («Высочайше утвержденные Временные правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-

земледельцев» (ПСЗРИ, 1907) крестьянам разрешалось свободное перемещение, а также была закреплена предварительная отправка ходоков для выбора и зачисления земель.

Ходоки уже не самостоятельно искали землю, а целенаправленно направлялись государством к свободным участкам. Координатором ходачества выступило Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), преобразованное в 1905 г. из Министерства земледелия и государственных имуществ. Ему было также передано Переселенческое управление Министерства внутренних дел.

Ходоки имели возможность и право получить от местных властей необходимые сведения о состоянии выбранных участков, которые включали в себя информацию об их местонахождении, плодородии и водоснабжении. Для ходоков изготавливались маршрутные карты и планы участков, а также в некоторых районах содержались проводники-стражники. Последние удостоверяли действительность осмотра ходоком участка, если участок еще не начал заселяться. В случае уже наличия поселенцев осмотр ходока удостоверялся сельским старостой (Переселение и землеустройство..., 1911: 28). Этим правительство не только признало положительный опыт ходачества предыдущего десятилетия, но и способствовало сознательным, взвешенным действиям крестьян по переселению на основе распространения среди них достоверных сведений о местах переселения. С экономической точки зрения ходачество стало официально закрепленным институтом снижения издержек информационной недостаточности (транзакционных издержек).

Если для крестьян ходачество было инструментом снижения издержек поиска и оценки, то для властей – издержек контроля. Как отмечает Д.Н. Белянин, «подсчет зачисленных за ходоками душевых наделов (в теории) позволял правительству хотя бы приблизительно составить представление о потоке переселенцев на следующий год. Это давало возможность структурам Переселенческого управления планировать переселенческую кампанию будущего года» (Белянин, 2016: 218).

Николай II 10 марта 1906 г. утвердил Меморию Совета министров (Сборник узаконений..., 1907: 22), содержащую дополнявшие в законе 6 июня 1904 г. правила переселения. Вкупе они составили законодательную основу переселений эпохи П.А. Столыпина.

Согласно дополненным правилам, всем крестьяне (как общества, так и отдельные семьи) могли посылать ходоков в Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии, Амурскую, Приморскую, Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайскую области и Верхотурский уезд Пермской губернии. Ходокам предоставлялся льготный железнодорожный тариф в оба конца, а также беспрепятственное получение документов. При этом предусматривалось и регулирование потока переселенцев посредством приостановки выдачи ГУЗиЗ свидетельств на льготный и бесплатный проезд ходоков в те районы, где был недостаток свободных переселенческих участков. Как отмечает Д.Н. Белянин, это было сделано с учетом опыта предыдущих лет, когда в отдельные периоды количество переселенцев превышало государственные возможности их устройства (Белянин, 2018: 98-99).

Одновременно предусматривалось особое содействие переселению отдельных категорий лиц, полезное с точки зрения властей, в том числе участников Русско-японской войны.

Свободные переселения (без экономического ценза крестьянских хозяйств) и ходачество привели к резкому росту переселенцев. Административные органы не могли справиться с таким наплывом желающих, что привело к ограничению ходачества – переходу к организованному групповому ходачеству. Циркуляром Переселенческого управления ГУЗиЗ от 4 августа 1907 г. (Циркуляр..., 1907b) устанавливался порядок группового ходачества. Партии ходоков образовывались Землеустроительными комиссиями размером 25-30 человек, каждый из которых представлял интересы предпочтительно не менее 10 семей, желающих переселиться, с одинаковым уровнем экономических и бытовых условий. Партии направлялись в заранее определенные районы с уведомлением местной администрации. Ограничивалось тремя и количество участков, которые мог ходок зачислить за семьями. Однако допускалось отступление от регламента с разрешения губернаторов ввиду особенностей той или иной губернии.

Исключение по индивидуальному ходачеству было сделано для Дальнего Востока в силу меньшей востребованности расположенных там участков из-за удаленности и более высоких расходов на переселение. Туда сохранялась свободная отправка ходоков или их отправка и вовсе не требовалась (Циркуляр..., 1907a).

Необходимость группового ходачества, помимо регулирования потоков переселенцев, также обосновывалась и экономией затрат для самих переселенцев. «Для артели и проезд (по колесным дорогам) и харчи в пути обходятся, конечно, гораздо дешевле, чем одинокому путнику, чем двум трем. И чем больше ходаческая партия, тем, понятно, меньше потратит денег каждый, входящий в состав вей» (Справочная книжка..., 1909:23).

Также законом от 13 мая 1910 г. «Об изменении срока сохранения переселенческих участков за ходоками и переселенцами, самовольно покинувшими места водворения» (ПСЗ, 1910) был уменьшен срок переселения на выбранный ходоками участок земли до 1 августа следующего за закреплением участка года (вместо прежнего срока до двух лет). Поскольку не все переселенцы обосновывались на выбранных ходоками местах, данный закон должен был способствовать более быстрому процессу заселения и возврату участков в земельный фонд переселения в случае их невостребованности.

С 1907 г. по 1911 г. были организованы 8 759 ходоческих групп, включавших 117 735 ходоков (Обзор..., 1912: 14). Организация группового хождения была вынужденной мерой. Во-первых, это удешевляло процедуру переселения, а во-вторых, сохраняло и поддерживало дух коллективизма, который был важен в новых, зачастую тяжелых условиях. Процесс переселения, кроме того, в XX столетии не являлся новшеством. Следовательно, могли возникать конфликты между новоприбывшими и старожилами.

Большую роль в реализации организованного хождения сыграли такие выборные органы местного самоуправления, как земства, которые наделялись преимущественно хозяйственными функциями. Поэтому при земских управах, когда стало распространяться хождение, создавались и действовали переселенческие организации. Иногда они объединяли представителей земств нескольких губерний. Они контролировали движение переселенцев, а также места, где ходокам предлагались наделы. Было организовано сопровождение ходоческих партий земскими агентами (Беянин, 2018: 100). «Они облегчают все дорожные невзгоды ходоков, они ускоряют самый проезд их» (Справочная книжка..., 1909: 24).

В результате ограничений самого хождения и выбора участков доля зачислений предложенных властями земельных наделов была менее половины: в 1908 г. – 36 %, в 1909 г. – 47 % и в 1910 г. – 33 % (Скляров, 1962: 141). На отказ ходоков закреплять за собой участки влияло и то, что межевание при недостаточности специалистов проводилось так, чтобы успеть нарезать больше участков, не обращая внимания на их качество. Важно иметь в виду, что переселенческое движение фактически началось после отмены крепостного права, и к этому времени лучшие земельные наделы были уже заняты, на них велась активная экономическая деятельность, а то, что предлагалось вновь прибывшим ходокам, зачастую не соответствовало их представлениям о качестве и расположении земельного участка. Зачастую ходоки вообще отказывались от осмотра участков в силу их удаленности.

П.А. Столыпин, лично посетив места переселения, оценил положительные моменты политики хождения и решил продолжить мероприятия по ее поддержанию, но без жесткой регламентации и активного использования административных рычагов управления этим процессом. Кроме того, он считал, что те методы, которые использует государство для управления и упорядочивания хождения, являются неэффективными. Он подчеркивал, что процессы переселения в теории и на практике сильно отличаются друг от друга. В действительности при свободном переселении, когда не существовало жестких ограничений со стороны властей, например, четкого определения количества наделов в определенных губерниях, на которые должны были переселиться крестьяне из других губерний, а крестьяне имели возможность свободно выбрать тот участок, на котором хотели осуществлять дальнейшую деятельность, все предлагаемые наделы распределялись между желающими. А при использовании строгой регламентации колонизационного фонда ходоки часто не хотели занимать предлагаемые участки, поэтому появилось такое негативное явление как «неиспользованный фонд», что приводило к дополнительным экономическим издержкам. Во-первых, расходы по отправке ходоков не давали положительного результата по выбору участка в силу административной ограниченности этого выбора, во-вторых, расходы на межевание также оказывались излишними, если участок не привлекал конкретных ходоков, а для других ходоков и свободных переселенцев этот участок временно был недоступен. Таким образом, сама идея хождения практически не реализовывалась. Поэтому П.А. Столыпин выступил за необходимость снятия административных ограничений с ходоческого движения, так как в существующем варианте они не только себя исчерпали, но и были крайне неэффективны: «... переселение должно сохранить главное свое драгоценное свойство естественного процесса в русской народной жизни» (Записка..., 1910: 17). Не административное регулирование хождения, а введение рыночного механизма распределения лучших участков земли должно стать инструментом совершенствования процесса переселения: «... в лучших районах естественным ограничением прилива ходоков явится продажа участков и требование задатков, а в худших и более трудных – можно скорее ожидать недостатка, чем опасного избытка засельщиков» (Записка..., 1910: 21).

В результате предложения П.А. Столыпина были реализованы. На последовательность этой реализации указывает исследователь Д.Н. Беянин: 4 марта 1911 г. было прекращено перераспределение земельного переселенческого фонда между губерниями, а свобода хождения восстановлена. 12 июля 1912 г. была закреплена беспрепятственная выдача ходоческих свидетельств, в августе 1912 г. ГУЗиЗ разрешило отправлять ходоков на предполагаемые земельные участки как для крестьянских общин, так и для отдельных крестьянских хозяйств, а также для мещан, которые изъявляли желание к переселению и занятию сельскохозяйственной деятельностью. За ходоками сохранялся льготный проезд в обе стороны в те губернии, где они предполагали осмотреть земельный надел (Беянин, 2016: 386).

Свободный проезд ходоков и переселенцев в 1914 году ограничился только первой половиной года. В связи с вступлением России в Первую мировую войну (1914–1918) и началом боевых действий и мобилизацией выдача ходоческих удостоверений была приостановлена. Хождение и переселение почти прекратились.

Информационную роль ходоков трудно оценить, ведь реальная информация о суровых условиях могла своевременно оградить людей, неготовых к ним, от траты времени и денег на переселение. «Люди сурового закала, упорные и нетребовательные например, латыши, сектанты, уживались легче; переселенцы из среднерусских губерний, выросшие в иной обстановке, а в особенности бабы, долго не могут привыкнуть к дикости новых условий» (Столыпин, Записка, 1910: 45).

В рамках институционального анализа ходачество может быть обосновано агентской теорией, одним из основоположников которой является С. Росс (Ross, 1973). Ходачество представляет собой отношения принципала и агента: ходоки выступают агентами (исполнителями поручений), тогда как крестьянские хозяйства и представители государственной власти – принципалами (заказчиками). Ходокам поручается выявление альтернатив (осмотр участков) переселения и выбор. Как и в случае выполнения любой услуги требуется компетентный исполнитель, так и в случае с ходачеством исполнитель должен знать особенности ведения хозяйства.

Институт ходачества предполагал, что не каждый желающий может стать ходоком, так как многие из них преследовали личные корыстные цели, поэтому ходачество предписывало, чтобы крестьяне выбирали людей «толковых, грамотных, рассудительных и добросовестных ... чтобы ходоки были сами из числа тех, кто будет переселяться» (Справочная книжка..., 1909: 25).

Как правило, ходоками становились крестьяне, которые не являлись пьяницами, они обладали определенными знаниями, чтобы составить верное представление о предоставляемом земельном наделе, не были склонны к выдумкам, преувеличениям или преуменьшениям, имели достаточно хозяйственного опыта. Так, исследователь Д.Н. Белянин приводит несколько свидетельств того времени. Мнение С. Марусина о ходоке: «дельный, умный, знает по памяти едва ли не все станции и переселенческие участки того или иного округа, особенности каждого из них, знает, есть ли сторонние заработки и какие, и пр.». А обстоятельный рассказ зажиточного крестьянина П. Иванова из Скопинского уезда, который в 1882 г., прослышав «об избытии Томской губернии», пошел лично убедиться в этом, произвел на всех такое впечатление, что в результате вместе с ним переселяться захотели несколько десятков семей (Белянин, 2016: 196).

В обязанности ходоку вменялось лично проверить все особенности жизни на месте. Какие условия и возможности есть для земледелия, что уже выращивают и куда сбывают излишки продукции, где покупают промышленные товары и стройматериалы, какие цены в регионе, что можно купить на месте, а что необходимо привезти с собой. «Очень тяжела и очень ответственна та обязанность, которую принимает на себя ходонок, но он должен помнить, что чем лучше, чем добросовестнее он исполнит свое дело, тем легче и скорее и тем лучше устроится он и его семья на новом месте» (Справочная книжка..., 1909: 26).

Как известно, проблемой принципал-агентских отношений выступает оппортунистическое поведение агентов – поведение в собственных интересах в ущерб другой стороне отношений обмена. Такое поведение обнаруживается и в отношениях ходоков и их посылающих.

Введение группового ходачества, с одной стороны, сокращало агентские расходы (поиск и зачисление земельных участков сразу для нескольких доверителей-принципалов), а с другой стороны, увеличивало издержки принципалов: групповые ходоки для доверителей в большинстве случаев зачисляли участки хуже, чем для себя, либо без всякого осмотра, минимизируя таким образом свои издержки выполнения поручения. В своем исследовании О.Б. Вакуленко приводит высказывание одного из местных крестьян, свидетельствующего об этом (Вакуленко, 2012: 38). В результате поверившие переселенцы, попав на непригодные для нормальной жизнедеятельности участки, полностью разорялись.

Н.С. Зуева (Зуева, 2016: 281) обращает внимание, приводя соответствующие свидетельства других исследователей, на еще одно явление, подтверждающее оппортунистическое поведение ходоков уже по отношению к правительству как принципалу. Под видом ходоков с целью использования удешевленного тарифа на проезд на Дальний Восток приезжали сезонные работники. Весной они ехали туда, а осенью – обратно. Это усложняло и оценку процесса переселения. Так, с конца 1890-х гг. в Челябинске проводилась регистрация «крестьян на заработки», но к 1908 г. она прекратилась в результате сокращения такой социальной группы, что можно объяснить сокрытием действительных мотивов поездки за Урал по ходаческому свидетельству.

5. Заключение

Ходачество как социально-экономическое явление возникло в XIX в. первоначально как неформальный институт, позволивший снизить издержки по приобретению новых участков земли. Оно трансформировалось в формальный институт, будучи закрепленным законом 1896 года.

Условно можно выделить три этапа развития института ходачества:

1. Середина – последняя четверть XIX в. – этап зарождения, активизации ходачества сразу после отмены крепостного права. В этот период наблюдается хаотичность ходачества и настороженное отношение к нему властей.

2. 1896–1904 гг. – этап формализации, законодательного закрепления ходачества и внедрения его на государственном уровне.

3. 1904–1914 гг. – этап активной реализации и совершенствования. В рамках аграрной реформы П.А. Столыпина происходит смена индивидуального хозяйства управляемым групповым и возврат к свободе хозяйства.

С позиций институционального анализа ходяки снижали издержки переселения, выступая своего рода экономическими разведчиками, получающими важные сведения для принятия взвешенных хозяйственных решений. Ходячество решало проблемы перераспределения населения из густонаселенной европейской части Российской империи за Урал и Сибирь, позволяло экономически укреплять отдаленные от центра территории, способствовать более эффективному использованию земли. В то же время ходячество обнаруживает признаки принципал-агентских отношений с присущим им оппортунистическим поведением.

Литература

Белянин, 2016 – Белянин Д.А. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западной Сибири в 1861–1917 гг.: дисс. ... доктора исторических наук: 07.00.02. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. 696 с.

Белянин, 2018 – Белянин Д.Н. Организованное ходячество как инструмент государственного регулирования переселенческого движения в Сибирь в начале XX в. / *Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: материалы всероссийской научно-теоретической конференции с международным участием, посвященной 105-ой годовщине со дня рождения доктора исторических наук, профессора Всеволода Ивановича Дулова и 90-летию его ученика, доктора исторических наук, профессора Виктора Григорьевича Тюкавкина*, Иркутск, 25 апреля 2018 года. Иркутск: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство Оттиск", 2018. С. 97-104.

Белянин, 2019 – Белянин Д.Н. Основные направления государственной помощи переселенцам в период деятельности Комитета Сибирской железной дороги // *Вестник Омского университета*. Серия: Исторические науки, 2019. № 3(23). С. 49-57. DOI 10.25513/2312-1300.2019.3.49-57

В Омской..., 2023 – В Омской области отмечен рост числа переселенцев из Германии / Омск-информ. 16.05.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.omskinform.ru/news/177375> (дата обращения: 10.01.2023).

Вакуленко, 2012 – Вакуленко О.Б. Переселенческое движение в Приамурье на рубеже XIX–XX вв. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение*. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10. Ч. 2. С. 36-40.

Дубровский, 1963 – Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 599 с.

Записка..., 1910 – Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году. Приложение к всеподданнейшему докладу. СПб: Государственная типография, 1910. 168 с.

Зуева, 2016 – Зуева Н.С. Переселенческая политика российского правительства на Дальнем Востоке в период столыпинских реформ. Дисс.канд.исторических наук. 07.00.02. М.: МПГУ, 2016. 351 с.

Кауфман, 1905 – Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. IX, 349, 81 с.

Кузьмин, 2013 – Кузьмин А.А. Опыт институционального анализа переселенческого освоения новых территорий (на примере земледельческого освоения Сибири). М.: Директ-Медиа, 2013. 150 с.

Лукьянец, 2020 – Лукьянец А.С. Факторы миграционного оттока населения из районов Крайнего Севера России // *Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, социально-экономические и демографические эффекты: Сборник трудов Международной научно-практической конференции (Москва, 5–6 ноября 2020 г.)* / Под ред. М.Н. Храмовой, Р. В. Маньшина. М., 2020. С. 78-93.

Мамадалиев, 2018 – Мамадалиев И.А. Деятельность комиссии по переселению русского крестьянства в Туркестанский край // *Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова*. Серия гуманитарно-общественных наук. 2018. № 1(54). С. 16-20.

Обзор..., 1912 – Обзор деятельности землеустроительных комиссий, 1907-1911 / Гл. упр. землеустройства и земледелия, департамент гос. земельных имуществ. Санкт-Петербург: Тип. В. Киршбаума, 1912. VIII, 99 с.

Панасюк, 2015 – Панасюк В.В. Переселение крестьян из Калужской губернии в Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение*. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-2 (58). С. 154-159.

Переселение и землеустройство..., 1911 – Переселение и землеустройство за Уралом в 1906-1910 гг. и отчет по переселению и землеустройству за 1910 год. СПб., 1911.

Покшишевский, 1951 – Покшишевский В.В. Заселение Сибири, М., 1951.

ПСЗ, 1910 – Полный свод законов. 3-е изд. Т. 30. № 33539. Собрание узаконений. 1910. 28 мая. Отд. I. Ст. 868.

ПСЗРИ, 1891 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1891. Т. 9. № 6198.

- ПСЗРИ, 1899** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1899. Т. XVI. 1896. Ст. 12777.
- ПСЗРИ, 1907** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1907. Т. 24. Отд. 1. № 24701.
- ПСЗРИ, 1844** – Полное собрание законов Российской империи. Издание 2. Т.18. СПб, 1844 / ГАПК. Ф. печ. изд. №13523. С. 235-240.
- Сборник узаконений..., 1907** – Сборник узаконений и распоряжений о водворении переселенцев и образовании переселенческих участков. СПб., 1907. XII, 181 с.
- Сибирское переселение..., 1903** – Сибирское переселение: итоги учета переселенческого движения в Челябинске: сборник цифровых материалов для изучения крестьянских переселений. Челябинск: Издание Переселенческого управления МВД, 1903. 625 с.
- Скляр, 1962** – *Скляр Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1962. 587с.
- Справочная книжка..., 1909** – Справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1909 год. СПб., 1909. 112 с.
- Статистические данные..., 1900** – Статистические данные по переселенческому делу в Сибири за 1898 г. СПб.: Канцелярия комитета министров, 1900. 527 с.
- Указ..., 2006** - Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. N 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».
- Циркуляр..., 1907a** – Циркуляр главноуправляющего землеустройством и земледелием губернаторам (19 февраля 1907 г. № 1) О порядке переселения в 1907 г. // Известия Главного управления землеустройства и земледелия. 1907. № 10. 11 марта. С. 165-166.
- Циркуляр..., 1907b** – Циркуляр гг. губернаторам по Переселенческому управлению от 4 августа 1907 г. № 24 // Известия Главного управления землеустройства и земледелия. 1907. № 33. 19 августа. С. 605-606.
- Шкапский, 1907** – *Шкапский О.А.* На рубеже переселенческого дела // *Вопросы колонизации.* 1907. № 1. С. 112–137.
- Ross, 1973** – *Ross S.* The economic theory of agency: the principal's problem // *American Economic Review.* 1973. Vol. 63(2). May. Pp. 134-139.

References

- Belyanin, 2016** – *Belyanin, D.A.* (2016). Gosudarstvennaya politika agrarno-krest'yanskikh pereselenii v Zapadnyuyu Sibir' v 1861–1917 gg. [State policy of agrarian and peasant resettlement to Western Siberia in 1861–1917]. Tomsk. 696 p. [in Russian]
- Belyanin, 2018** – *Belyanin, D.N.* (2018). Organizovannoe khodachestvo kak instrument gosudarstvennogo regulirovaniya pereselencheskogo dvizheniya v Sibir' v nachale XX v. [Organized hodachestvo (scouting) as an instrument of state regulation of the migration movement to Siberia at the beginning of the twentieth century]. *Sibir' v izmenyayushchetsya mire. Istoriya i sovremennost'.* Irkutsk. Pp. 97-104. [in Russian]
- Belyanin, 2019** – *Belyanin, D.N.* (2019). Osnovnye napravleniya gosudarstvennoi pomoshchi pereselentsam v period deyatelnosti Komiteta Sibirskoi zheleznoi dorogi [The main directions of state assistance to migrants during the activities of the Siberian Railway Committee]. *Vestnik Omskogo universiteta.* Seriya: Istoricheskie nauki. 3(23): 49-57. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.3.49-57 [in Russian]
- Dubrovskii, 1963** – *Dubrovskii, S.M.* (1963). Stolypinskaya zemel'naya reforma [Stolypin land reform]. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 599 p. [in Russian]
- Kaufman, 1905** – *Kaufman, A.A.* (1905). Pereselenie i kolonizatsiya [Resettlement and colonization]. SPb.: Tip. t-va «Obshchestvennaya pol'za», IX, 349, 81 p. [in Russian]
- Kuz'min, 2013** – *Kuz'min, A.A.* (2013). Opyt institutsional'nogo analiza pereselencheskogo osvoiniya novykh territorii (na primere zemledel'cheskogo osvoiniya Sibiri) [Experience of institutional analysis of resettlement development of new territories (using the example of agricultural development of Siberia)]. M.: Direkt-Media. 150 p. [in Russian]
- Luk'yanets, 2020** – *Luk'yanets, A.S.* (2020). Faktory migratsionnogo ottoka naseleniya iz raionov Krainego Severa Rossii [Factors of migration outflow from the regions of the Far North of Russia]. *Migratsionnye protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: politicheskie, sotsial'no-ekonomicheskie i demograficheskie efekty.* M. Pp. 78-93. [in Russian]
- Mamadaliyev, 2018** – *Mamadaliyev, I.A.* (2018). Deyatel'nost' komissii po pereseleniyu russkogo krest'yanstva v Turkestanskii kraj [Activities of the commission for the resettlement of the Russian peasantry in the Turkestan region]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova.* Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk. 1(54): 16-20. [in Russian]
- Obzor..., 1912** – *Obzor deyatelnosti zemleustroitel'nykh komissii, 1907-1911* [Review of the activities of land management commissions, 1907-1911]. Sankt-Peterburg: Tip. V. Kirshbauma, 1912. VIII, 99 p. [in Russian]

Panasyuk, 2015 – Panasyuk, V.V. (2015). Pereselenie krest'yan iz Kaluzhskoi gubernii v Sibir' v gody stolypinskoi agrarnoi reformy [Resettlement of peasants from the Kaluga province to Siberia during the years of the Stolypin agrarian reform]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie*. Voprosy teorii i praktiki. 8-2(58): 154-159. [in Russian]

Pereselenie i zemleustroistvo..., 1911 – Pereselenie i zemleustroistvo za Uralom v 1906-1910 gg. i otchet po pereseleniyu i zemleustroistvu za 1910 god [Resettlement and land management beyond the Urals in 1906-1910 and the resettlement and land management report for 1910]. SPb., 1911. [in Russian]

Pokshishevskii, 1951 – Pokshishevskii, V.V. (1951). Zaselenie Sibiri [Settlement of Siberia]. M. [in Russian]

PSZ, 1910 – Polnyi svod zakonov [Complete set of laws]. 3-e izd. T. 30. № 33539. Sobranie uzakonenii. 1910. 28 maya. Otd. I. St. 868. [in Russian]

PSZRI, 1844 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Izdanie 2 [Complete collection of laws of the Russian Empire. Edition 2]. T.18. SPb, 1844 / GAPK. F. pech. izd. №13523. S.235-240. [in Russian]

PSZRI, 1891 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e [Complete collection of laws of the Russian Empire. Third collection]. SPb., 1891. T. 9. № 6198. [in Russian]

PSZRI, 1899 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e [Complete collection of laws of the Russian Empire. Third collection]. SPb., 1899. T. XVI. 1896. St. 12777. [in Russian]

PSZRI, 1907 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e [Complete collection of laws of the Russian Empire. Third collection]. SPb., 1907. T. 24. Otd. 1. № 24701. [in Russian]

Ross, 1973 – Ross, S. (1973). The economic theory of agency: the principal's problem. *American Economic Review*. 63(2), May. Pp. 134-139.

Sbornik uzakonenij..., 1907 – Sbornik uzakonenij i rasporyazhenij o vodvorenii pereselencev i obrazovanii pereselencheskih uchastkov [Collection of resettlement acts and orders (resettlement of migrants and the formation of resettlement areas)]. SPb., 1907. XII, 181 p. [in Russian]

Shkapskii, 1907 – Shkapskii, O.A. (1907). Na rubezhe pereselencheskogo dela [At the turn of the resettlement process]. *Voprosy kolonizatsii*. 1: 112-137. [in Russian]

Sibirskoe pereselenie..., 1903 – Sibirskoe pereselenie: itogi ucheta pereselencheskogo dvizheniya v Chelyabinske: sbornik tsifrovyykh materialov dlya izucheniya krest'yanskikh pereselenii [Siberian resettlement: results of resettlement movement accounting in Chelyabinsk : a collection of digital materials for the study of peasant resettlement]. Chelyabinsk: Izdanie Pereselencheskogo upravleniya MVD, 1903. 625 p. [in Russian]

Sklyarov, 1962 – Sklyarov, L.F. (1962). Pereselenie i zemleustroistvo v Sibiri v gody stolypinskoi agrarnoi reform [Resettlement and land management in Siberia during the years of the Stolypin agrarian reform]. Leningrad.: Izd-vo Leningradskogo universiteta. 587 p. [in Russian]

Spravochnaya knizhka..., 1909 – Spravochnaya knizhka dlya khodokov i pereselentsev na 1909 god [Reference book for walkers (scouts) and migrants for 1909]. SPb., 1909. 112 p. [in Russian]

Statisticheskie dannye..., 1900 – Statisticheskie dannye po pereselencheskomu delu v Sibiri za 1898 g. [Statistical data on resettlement in Siberia for 1898]. SPb.: Kantselyariya komiteta ministrov, 1900. 527 p. [in Russian]

Tsirkulyar..., 1907a – Tsirkulyar glavnoupravlyayushchego zemleustroistvom i zemledeliem gubernatoram (19 fevralya 1907 g. № 1) O poryadke pereseleniya v 1907 g. [Circular of the Chief Administrator of Land Management and Agriculture to the governors (February 19, 1907 No. 1) About the resettlement procedure in 1907]. *Izvestiya Glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya*. 1907. № 10. 11 marta. Pp. 165-166. [in Russian]

Tsirkulyar..., 1907b – Tsirkulyar gg. gubernatoram po Pereselencheskomu upravleniyu ot 4 avgusta 1907 g. № 24 [Resettlement Administration Circular to Misters governors dated August 4, 1907 No. 24]. *Izvestiya Glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya*. 1907. № 33. 19 avgusta. Pp. 605-606. [in Russian]

Ukaz, 2006 – Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federatsii ot 22 iyunya 2006 g. N 637 «O merakh po okazaniyu sodeistviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossiiskuyu Federatsiyu sootechestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom» [Decree of the President of the Russian Federation, June 22, 2006 N 637 “On measures to facilitate the voluntary resettlement of compatriots living abroad to the Russian Federation”]. [in Russian]

V Omskoi..., 2023 – V Omskoi oblasti otmechen rost chisla pereselentsev iz Germanii [An increase in the number of immigrants from Germany has been noted in the Omsk region]. Omsk-inform. 16.05.2023. [Electronic resource]. URL: <https://www.omskinform.ru/news/177375> (date of access: 10.01.2023). [in Russian]

Vakulenko, 2012 – Vakulenko, O.B. (2012). Pereselencheskoe dvizhenie v Priamur'e na rubezhe XIX–KhKh vv. [Resettlement movement in Priamure at the turn of the 18th and 20th centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie*. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. № 10. Ch. 2. Pp. 36-40. [in Russian]

Zapiska..., 1910 – Zapiska predsedatelya Soveta ministrov i glavnoupravlyayushchego zemleustroistvom i zemledeliem o poezdke v Sibir' i Povolzh'e v 1910 godu [Note from the Chairman of the

Council of Ministers and the Chief Manager of Land Management and Agriculture about a trip to Siberia and the Volga region in 1910]. SPb: Gosudarstvennaya tipografiya, 1910. 168 p. [in Russian]

Zueva, 2016 – Zueva, N.S. (2016). Pereselencheskaya politika rossiiskogo pravitel'stva na Dal'nem Vostoke v period stolypinskikh reform [Resettlement policy of the Russian government in the Far East during the period of Stolypin reforms]. M.: MPGU, 351 p. [in Russian]

Историко-экономический феномен ходачества в Российской империи на рубеже XIX–XX веков

Евгений Викторович Богомолов ^{a, *}, Юлия Александровна Мамаева ^a

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе синтеза исторического и институционального подхода исследуется роль ходачества в Российской империи. Ходачество стало следствием процессов переселения и колонизации малонаселенных территорий Сибири и Дальнего Востока и с экономической точки зрения явилось инструментом снижения транзакционных издержек или издержек, которые несут экономические субъекты в силу недостаточности информации. Рассмотрены этапы становления ходачества начиная с середины XIX века и заканчивая 1914 г., когда ходачество прекращается из-за Первой мировой войны.

Определено, что формализация института ходачества происходит в 1896 г., и в дальнейшем идет процесс законодательного совершенствования данного явления. Наибольшей активности ходачество достигает в период аграрной реформы П.А. Столыпина начиная с 1904 г., когда на государственном уровне была закреплена обязательность посылки ходоков.

Феномен ходачества представляет собой один из примеров принципал-агентских отношений со свойственным им оппортунистическим поведением агентов, коими и выступали ходоки. Опыт ходачества на рубеже XIX–XX вв. может быть использован в современной России, поскольку проблема переселения и освоения Сибири и Дальнего Востока по-прежнему актуальна.

Ключевые слова: ходоки, ходачество, переселение, аграрная реформа, транзакционные издержки, проблема принципал-агента.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: 200oerty@mail.ru (Е.В. Богомолов), YAMamaeva@fa.ru (Ю.А. Мамаева)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2014-2024
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2014

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Countering Religious Sectarianism in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries (on the example of the Yenisei Province)

Tatyana V. Izluchenko ^{a, *}, Daria N. Nesterenko ^a, Anna P. Dvoretzkaya ^a, Evgeniy A. Akhtamov ^a

^aSiberian Federal University, Institute for the Humanities, Russian Federation

Abstract

Religious sectarianism was the most important problem for the internal policy of the Russian state at the turn of the nineteenth and twentieth centuries, which in the modern world can be understood as a problem of religious extremism. The pre-revolutionary anti-sectarian works are analyzed. The state has engaged the Church to demarcate religious associations on the basis of loyalty to the current government. Close attention to fanatical and anti-government sectarians. The legislation was regularly relaxed. However, the prevention and detection of sectarianism continued to be the most important task. The state assigned it to Orthodox clergy. This article highlights the basic principles (observation, accounting, exhortation) and subjects (the state, the Orthodox Church, pro-Orthodox public associations) of conducting anti-sectarian work. Missionary activity is characterized in the aspect of actions to combat sectarians. Sectarians were his direct target audience. It was recommended to persuade them to Orthodoxy through theological disputes, exhortations and demonstrations of the inconsistency of their beliefs. Promising areas of work were: motivation of social activity of parishioners; identification of hiding sectarians; strengthening of Orthodox in tradition; suppression of the spread of sectarian sentiments and a return to paganism. The article is based on materials from State Archive of Krasnoyarsk Krai, containing data on the activities of sectarians in the Yenisei province, collected by the diocesan administration and state authorities. The authors conclude that there is no unified system of state and church policy in the issue of countering sectarianism. This did not allow the formation of an integrated approach and reduced the effectiveness of the few measures taken.

Keywords: sectarianism, the orthodox church, Christianity, religious extremism, missionary work, Yenisei province, prevention of sectarianism, counteraction measures.

1. Введение

Актуальность исследований сектантства рубежа XIX – XX веков в Российской империи в настоящее время обуславливается наличием межрелигиозных и государственно-религиозных противоречий, разрешение которых требует согласования нормативно-правовых норм, права на свободу совести, принципа светскости и общественного мнения. Эффективность общественных и государственных программ по разрешению и недопущению конфликтов с религиозным фактором детерминирована демаркацией религиозных объединений и религиозных организаций, деятельность которых противоречит действующему законодательству и является деструктивной. О необходимости миссионерской деятельности среди сектантов высказался архиепископ Никон (Рождественский): «Ужели православное правительство может равнодушно смотреть на соращения в расколе, не говоря уже о сектах и иновериях?» (Архиепископ Никон, 2013: 59).

Разграничение религиозных объединений, традиционно присутствующих на определенной территории, и недавно начавших свою работу религиозных экстремистских организаций, к которым

* Corresponding author

E-mail addresses: izluchenko@mail.ru (T.V. Izluchenko), d.n.matveeva@mail.ru (D.N. Nesterenko), advoretzkaya@sfu-kras.ru (A.P. Dvoretzkaya), akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov)

общественность относится с настороженностью, необходимо осуществлять в исторической ретроспективе. Это позволит реконструировать процесс взаимоотношений государства и религиозных объединений, установить специфику противодействия сектантству, проанализировать эффективность предлагаемых мер и их востребованность в современных программах противодействия религиозному экстремизму.

Ярким примером осуществления государственно-религиозной политики и, как следствие, реализации борьбы с сектантством на территории Российской империи можно назвать Енисейскую губернию на рубеже XIX – XX веков. Это подтверждается объемом документальных источников и содержанием разнообразных архивных материалов по исследуемой нами проблеме. Согласно Спискам населенных мест 1861 г., преобладающей религией являлось православие (94,16 %). Также присутствовали представители католицизма (0,51 %), протестантизма (0,35 %), иудаизма (0,49), ислама (0,34 %) и старообрядчества (2 %). Сектанты составляли не более 0,6 % (*Списки...*), за редким исключением (д. Иудинская Минусинского уезда) проживая совместно с представителями других вероисповеданий, затрудняли точность подсчетов местными властями их численности.

2. Материалы и методы

Методологическая основа исследования включает религиозоведческий и социально-политический анализ делопроизводственных документов, сведений о сектантах и раскольниках, материалов периодической печати, опубликованных программ и циркулярных предложений (для служебного пользования) по противодействию сектантству, а также труды теоретиков и практиков рубежа XIX – XX веков. Анализ исторических источников, работ публицистов, историков и богословов показал, что использование понятия «сектантство» в соответствующей интерпретации осуществлялось с учетом социально-политического и исторического контекста. Процесс противодействия сектантским общинам среди населения Енисейской губернии церковными и гражданскими властями рассмотрен на основе документов, хранящихся в Государственном архиве Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация). Проанализированы предъявляемые государством и рекомендованные церковью (РПЦ МП) требования к местным чиновникам и священнослужителям по выявлению сектантов, осуществлению учета и надзора, работы по нейтрализации их влияния. Из Статистических сведений о раскольниках и сектантах, составляемых местными благочиниями, получены данные по сектантам из Списков населенных мест Центрального статистического комитета МВД Российской империи – по религиозному составу Енисейской губернии.

В ходе данного исследования применялись общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение, сравнение) и конкретно-научные методы исторической науки. На основе принципов историзма и объективности было реконструировано межрелигиозное и государственно-религиозное положение в Енисейской губернии. Выявление качественных данных по сектантству проведено посредством контент-анализа статистических сведений. Сравнительно-исторический метод использовался при характеристике динамики социально-политического положения сектантства, что позволило рассмотреть отличия в социально-политических и повседневных условиях деятельности изучаемых религиозных организаций. Посредством историко-генетического метода рассмотрены развитие сектантства и изменения отношения к нему государства. Методом актуализации выявлены приемы и рекомендации по противодействию сектантству, которые экстраполировались на современные меры противодействия религиозному экстремизму.

3. Обсуждение

В настоящее время при наблюдаемых социокультурных изменениях и дестабилизации многих общественных структур становится важным понять источник и природу разворачивающихся кризисов в исторической динамике. Проблемы идентификации нетрадиционных проявлений религиозности, демаркации их от деструктивных действий и взаимосвязи с религиозными традициями требуют определения исторических оснований противодействия сектантству. Религиозные объединения, которые с конфессиональной точки зрения считаются сектами, с социально-политической позиции не всегда обладают деструктивной характеристикой. Распространяя культурные ценности и моральные нормы, они отражают социальную динамику и способствуют становлению морально-нравственного состояния общества. Зачастую причиной возникновения сектантства является не расхождение религиозных убеждений, а политическое и экономическое недовольство (*Ille, 2021*). Формированию объективного социально-политического отношения препятствует негативное восприятие широкой общественностью религиозных ритуальных практик, которые не соответствуют традиционным религиям и понимаются чуждыми, несущими угрозу общественной стабильности и государственному благу.

Понятия «секта» и «сектантство» получили широкое распространение в дореволюционных научных и публицистических материалах. М.В. Муратов, отмечая крайне низкую изученность русского сектантства со стороны научного сообщества, выделил основные мотивы сектантов: а) личные духовные, философские искания по познанию мира; б) стремление упорядочить взаимоотношения людей, «изменить общественный строй и создать царствие Божие на Земле» (*Муратов, 1919: 18*). В.М. Андерсон сектантство относил к результатам русского религиозного

непонимания истин догматов православной церкви, выражающегося в радикальной интерпретации заповедей. Характеристикой сектантства указывал мистицизм, который есть ощущение человеком духовного живого начала, направляющего его туда, «где сама действительность является в фантастическом освещении ... человек получает возможность жить в мире грез» (Андерсон, 1908: 288).

Нередко в качестве тождественных понятий используются термины «раскол», «ересь», «деструктивный культ». Ими оперируют представители общественности, государства, научного сообщества и СМИ применительно к деятельности разнообразных религиозных объединений (Фокин, 2010). В.И. Даль называл отступниками от веры не только представителей христианских сект, старообрядчества, но и ислама, и язычества. Причинами разделения на ереси и расколы он указал неприятие православных догматов и обрядовые различия (Даль, 1844: 9). А.С. Пругавин отграничил старообрядческие согласия и толки (поповцы и беспоповцы) от мистического (хлысты, скопцы, скакуны) и рационального (молокане, духоборцы, субботники, баптисты) сектантства (Пругавин, 1905: 8).

В начале XX века увеличение проявлений нетрадиционной религиозности, возникновение новых форм совместной религиозной деятельности спровоцировали исследователей на изучение сектантства и типологизацию религиозных объединений. Принадлежностью к секте подчеркивалась способность участников принимать осознанные решения и нести за них ответственность перед людьми и всем человечеством в соответствии с выдвигаемыми высокими моральными требованиями (Вебер, 1990: 277), необходимыми для достижения сверхмирских целей, победы в борьбе добра со всемирным злом. Ключевой чертой указывается религиозная идеология, положения которой противопоставлены церковной и государственной политике и мобилизуют социальную активность некоторой части населения для достижения целей сектантства. Б. Уилсон классифицировал секты по идеологическим положениям: конверсионистские – исправление природы человека через массовое обращение; революционные – скорейшее переустройство мира; интерверсионистские – личная святость, уход от мирского; манипулятивные – наличие универсального знания; чудотворные – личностное духовное развитие; реформистские – социальная активность; утопические – построение идеальных общин (Wilson, 1969). М. Йингер выделил типы сект по признаку ответной реакции на сложившуюся обстановку: принимающие, подстраивающиеся; агрессивно сопротивляющиеся, радикализм; избегающие или «пессимистический уход в себя» (Yinger, 1970).

Исследование сектантства связано не только с его отграничением от церкви, но и с сопоставлением с христианской традицией. Традиционность религии является дискуссионной темой. В широком понимании традиционная религия – это религия, которая исповедуется большинством населения на определенной территории и обладает историческими корнями, влияет на культурно-исторический процесс, становление государственности и формирование культурных ценностей, цивилизационной и гражданской идентичности. Традиция как форма воспроизводства культуры, соединяя архетипические и конкретно-исторические социокультурные императивы, подвержена трансформации в историческом развитии общества. Посредством религии институализируются исторически сложившиеся формы взаимодействия между верующими, государством и социумом. Проявления традиционной религиозности ограничиваются социальными (коммуникативными), материальными, этико-моральными и правовыми аспектами. В связи с этим выработка единого определения и критериев традиционности затруднительна (Илларионов и др., 2023).

4. Результаты

К концу XIX века в российском государстве сложилась классификация религиозных объединений по возлагаемым обязанностям и предоставляемым правам. Главенствующее положение занимала Русская православная церковь (РПЦ МП). Вторая группа – терпимые признанные – состояла из представителей католицизма, протестантизма, армяно-григорианства, армяно-католичества, иудаизма, ислама, буддизма и язычества. Третья – терпимые непризнанные – включала старообрядчество, хлыстовство, духоборство, молоканство. В четвертую группу входили непризнанные и нетерпимые: скопничество, штундо-баптизм. После Указа 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» такое религиозно-политическое деление претерпело значительные изменения, отраженные в последующих нормативных документах (Указ о старообрядческих общинах 1906 г. и др.). Пунктом пятым была закреплена новая классификация религиозных объединений «объемлемыми ныне наименованием «раскол», разделив их на три группы: а) старообрядческие согласия, б) сектантство и в) последователи изуверных учений» (Указ..., 1905). Первым двум разрешалось свободно проповедовать свое вероучение, проводить богослужения, осуществлять строительство ритуальных сооружений, обучать в учебных заведениях наравне с православной церковью. Деятельность третьей группы приравнивалась к уголовным преступлениям. Уголовному наказанию подлежали следующие действия: участие в секте скопцов; кастрация; вовлечение в секты; противоправные действия, совершенные по религиозным мотивам; богохульство и осквернение православной веры. Высшим надзорным органом по сбору сведений о сектантстве являлось Третье Отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии. Положения о наказаниях за ересь и раскол содержались в третьей главе «О преступлениях против веры» первой книги

«О преступлениях и наказаниях вообще» т. XV Свода законов (ГАКК. Ф. 609. Оп. 1. Д. 2536). Государство данным Указом предприняло попытку разграничения старообрядческих толков и согласий, приемлемых и деструктивных религиозных объединений в старообрядческой среде. Отсутствие единых определений, учитывающих как государственную, так и церковную позицию, а также отсутствие понятий «секта» и «раскол» не позволило систематизировать существовавшие религиозные объединения, а также усилило непонимание в отношении несвязанных с расколом христианских и религиозно-философских учений.

Однако, несмотря на провозглашенную свободу вероисповедания в Российской империи в начале XX в., обязательная религиозная принадлежность правителя к православному исповеданию и процесс его коронования являли собой перформативный акт, подтверждающий через визуализацию символическое заявление о главенстве православной церкви. Это позволяет утверждать, что продолжала сохраняться модель государственно-религиозных отношений, отражающая православную специфику российской государственности и подчеркивающая структурообразующую роль православной веры и церкви. В главе пятой первого раздела «Свода основных государственных законов Российской империи» 1906 г. подчеркивалось, что при короновании на престол в обязательном порядке совершается миропомазание по чину православной церкви, а императором произносится «Символ Православно-Кафолическия веры» (Из свода...). Признавая в главе седьмой первого раздела свободу нехристианского и неправославного вероисповедания, государство требует от всех религиозных объединений благословлять правление российских монархов и молиться об умножении благоденствия и укреплении российского государства.

Подводя итог обзору интерпретаций понятия «сектантство» отметим, что оно продолжало применяться преимущественно в делопроизводственных документах рубежа XIX – XX веков в отношении религиозных учений: а) отделившихся от православного вероучения, но исторически связанных с российской государственностью (молоканство, духоборчество, хлыстовство); б) возникших в результате прозелитской деятельности иностранных религиозных организаций (штундизм); в) философско-духовной направленности (толстовство, иоанниты, русский католицизм). При этом сектантством Енисейское губернское управление именовало и традиционные религии. Например, ислам – при сборе и сдаче денег за метрические книги и их рассылку (ГАКК. Ф. 595. Оп. 29. Д. 1659), иудаизм – при рассмотрении запроса на строительство молитвенного дома (ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 301). Такое вольное использование понятия, которое несет негативное оценочное суждение, даже после 1905 г. свидетельствует не только о недостаточном уровне профессиональной подготовки кадров, но и об отсутствии однозначного законодательного определения и соответствующих научных исследований, на основе которых могли бы быть разработаны инструкции и даны разъяснения. Старообрядческие согласия и толки продолжали преимущественно именоваться «раскольниками» в государственном документообороте до 1905 г. и в материалах Енисейской духовной консистории (ГАКК. Ф. 595. Оп. 6. Д. 183). В последних – по причине отсутствия на тот момент времени снятия церковных клятв, что было произведено только на Поместном соборе в 1971 г.

Для эффективного противодействия сектантству необходимо было не только аргументировать несостоятельность их идеологических положений в сравнении с православным вероучением и пресекать распространение идей сектантства среди членов православного прихода, но и выявлять самих сектантов. Эта обязанность была возложена государством на православных священнослужителей. Вследствие участия в Первой мировой войне в 1916 г. Енисейским губернатором вслед за Департаментом духовных дел Министерства внутренних дел были выпущены предложения «Об усилении надзора за сектантским движением», в которых подчеркивалась необходимость борьбы с организованной преступной религиозной пропагандой легализованных и нелегализованных обществ, в отношении которых имеются данные об их антиправительственной деятельности: связи с немецким правительством, дискредитация российской армии. В качестве основной меры предлагалось более внимательно проверять издания, распространяемые книгоношами на территории Енисейской губернии (ГАКК. Ф. 595. Оп. 6. Д. 13).

Проблемы профилактики сектантства в приходах зачастую сопровождались нерешительностью священнослужителей при наблюдаемых ими колебаниях от православной веры, что усиливалось сознательным уклонением от миссионерства. В значительной мере это было обусловлено недостаточной подготовкой церковных кадров и обесцениваем самой церковью миссионерства, а также безразличием государства к результатам такой работы, если это не относилось к изуверским и антиправительственным действиям. Церковь ограничивалась в использовании агрессивных прозелитских мер с целью недопущения в будущем повсеместной религиозной дисциплины, которая могла бы выступить противовесом государству (Kulkarni, Pfaff, 2022). Так, в отношении членов «Евангельских христиан-баптистов» С. Хрымова, К. Даниленко, И. Елифанова по обвинению в вовлечении в сектантство и оскорблении православной веры согласно статье 73 Уголовного Уложения в 1911 г. Красноярским окружным судом было вынесено решение об их оправдании. Основаниями в приговоре отмечались: «каковая по определению эксперта священника миссионера Арфеева является не изуверской». Оскорбительные высказывания в отношении православной церкви произносились на

молитвенных собраниях баптистов, на которых присутствовали главным образом единоверцы, проповедовали свое вероучение в своем же молитвенном доме (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 2702).

Предпринимались отдельные перспективные попытки разработать принципы и методы борьбы с сектантством. Они основывались на необходимости разграничения сект по их отношению к государству и церкви, наличию общественной поддержки и внутренних ресурсов для дальнейшего развития. В данных наработках подчеркивалась важность взаимодействия церкви с государством и населением, на основе которого возможна реализация системного подхода – выявление структурных связей между всеми участниками противосектантской работы, распределение функциональных обязанностей, соотнесение имеющихся ресурсов и планируемых результатов.

Общественным деятелем А.С. Пругавиным была предложена программа для сбора сведений о сектантстве. Ответы на сформулированные вопросы должны были дать понимание: а) тенденций в сектантском движении, обусловленных народной мыслью в изучаемом районе (численность участников сектантских общин по сведениям церковных и гражданских властей); б) содержания вероучений сектантства, догматики (общее и особенное с православной верой); в) социально-экономического положения сектантов (наличие/отсутствие предприятий); г) семейного и домашнего быта (взаимоотношения между членами семьи); д) умственного и нравственного развития (склонность к совершению определенных преступлений); е) отношения к правительству (поддержка/оппозиция решениям гражданской власти), духовенству и другим религиозным объединениям, местному населению; ж) приемов по вовлечению (использование недееспособности, подкуп). Отдельно подчеркивалась необходимость анализа проводимой работы с сектантством миссионерскими обществами и братствами (ориентация на рядовых участников сект или их лидеров) (Пругавин, 1881). Данная программа являла собой попытку стандартизации имеющейся информации о сектантстве посредством единой системы вопросов. Однако автором не были разработаны предложения по дальнейшей обработке, систематизации и внедрению полученных данных для практического применения государственными служащими и священнослужителями.

Архиепископ Омский и Павлодарский Сильвестр (Ольшевский) отметил основной проблемой противосектантской работы отсутствие интереса со стороны церкви к миссионерской деятельности, отождествляемой с маловерием. В качестве основных направлений им были отмечены следующие: первое – отпадение от православной веры, распространение религиозно-нравственного свободомыслия требуют внутреннего миссионерства, оживления приходской жизни, воспитания активного православного человека и недопущения проникновения сектантских взглядов; второе – против рационалистических сект, имеющих антицерковную позицию (молокане, штундисты, баптизм), и поддерживающих антиправительственные социально-политические веяния.

Архиепископом в качестве решения проблемы с сектантами разрабатывался системный подход, включающий деятельность миссионеров на всех уровнях церковной иерархии, социальную активность прихожан и работу гражданской власти. Подчеркивалось наличие обязанности у государства в препятствовании нравственному упадку населения, причиной которого позиционировались секты. Реализовать это предлагалось через оживление жизни приходов, развитие церковно-приходских учебных заведений и системы миссионерских библиотек, а также посредством работы с отошедшей от православия интеллигенцией (Денисов, 2017: 131). Были обозначены основные принципы проведения диспутов с сектантами: а) ссылки на ясные и однозначные высказывания из Священного Писания без возможности ссылаться на историко-археологическую науку (т.к. она неавторитетна для сектантов) и без аллегорического толкования; б) раскрытие библейских цитат в контексте; в) недопущение софистического спора; г) контраргументы из Священного Писания; д) полемика только с теми положениями сектантов, которые ими же и были высказаны; е) занятие позиции вопрошающего, а не защищающегося, но для мирянина допускается использование иронии и резкого обличения.

Новаторским предложением стоит отметить идею включения в миссионерство подготовленных мирян. В труде «Борьба со штундой» (1900) архиепископом были даны рекомендации по повышению эффективности противосектантской работы в приходе. Первая – строгая подотчетность всех проживающих в пределах прихода сектантов. Вторая – аргументация истинности православного вероучения с указанием на сектантские заблуждения. Осуществлять это должны были и некоторые прихожане как ближайшие помощники миссионерствующего пастыря. Они же могли дать нужные сведения об отступниках. Третья – социальная изоляция сектантов от остального прихода. Православным воспрещалось посещение домов молокан и жидовствующих (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 1199). Четвертое – религиозное обучение и просвещение среди широкого круга лиц (Ольшевский, 1910: 11).

Священнослужитель И. Приходин в своем труде «Каждый на своем посту (Братский миссионерский призыв к духовенству)» (1913) сравнивал появление сектантства в приходе с неожиданной болезнью для местного пастыря, которая приводит к атеизму. Он описал путь распространения сектантства от городов с их фабриками и железными дорогами в отдаленные местности. Первый этап: склонение к участию в сектантстве, которое усиливается социально-экономической составляющей, помощью семье и негативной оценкой местного духовенства. Главное в этот момент священнику сохранить авторитет и не допустить возвеличивание сектантского проповедника. На втором этапе создаются общины сектантов, участие в

которых подкрепляется профессиональными и материальными интересами. Основными средствами противодействия сектантству позиционируются здравый смысл и пастырская чистая совесть, не допускающие клеветнических выпадов и частого обращения за помощью к гражданскому начальству (Приходин, 1913: 6).

Енисейская консистория вместе с ведением отчетов по положению сектантства собирала сведения о состоянии противосектантской миссии за полугодия, в которых подробно описывались действия сектантов в Енисейской епархии и результаты диспутов с указанием применяемых методов со стороны сектантов и миссионеров. При проведении диспутов подчеркивалась бесполезность препирательств с сектантскими проповедниками, высказывания которых сводились к критике православной церкви, «доводя ее до открытого кощунства над святынями» (ГАКК. Ф. 560. Оп. 1. Д. 80). Отдельное внимание уделялось фиксации способов сектантской пропаганды: торжественно обставленные молитвенные собрания с приглашением православных; торжественная обстановка, развлечения (пение); частные беседы с православными. Выделялись следующие направления работы сектантов: а) устройство сети молитвенных собраний среди фабричных рабочих и в глухих деревнях; б) организация кружков юношества и молодежи с целью нравственного, умственного и физического совершенствования под руководством духовных наставников и взрослых членов общины (гимнастические упражнения, шитье и чтение); в) устройство воскресных школ; г) раздача листовок идеологического содержания.

Церковная власть от миссионеров и приходских священников требовала изыскивать способы противодействия указанным приемам и охранять вверенную им паству. Способами профилактики указывались: частные и публичные беседы с заблудшими; миссионерские чтения; проповеди при богослужении; широкая раздача религиозных листовок. В Иркутской губернии в 1914 г. появилась должность епархиального книгоноши, который распространял брошюры и листки. Енисейская епархия предлагала ввести специализацию для миссионеров, «чтобы один епархиальный и два окружных были противосектантскими, а остальные три – противораскольническими» (ГАКК. Ф. 560. Оп. 1. Д. 80).

Церковным руководством составлялись специальные рекомендации по выявлению сектантов в приходе и организации борьбы с ними для священнослужителей. Так, например, типографией Ал.Д. Жилина в 1903 г. была издана «Программа для собирания сведений о расколо-сектантах», состоящая из двух частей. Первая содержала перечень вопросов и примечаний к ним, направленных на сбор сведений: а) общего характера (Какие раскольничьи толки и согласия существуют в приходе? Нет ли в приходе колеблющихся? Каковы по наружному виду и внутренней отделке молебни? Насколько часты молитвенные собрания? Есть ли отдельные дни?); б) о внутреннем устройстве (В каком виде можно представить учение? Всегда ли относятся с почтением? Имеются вожаки и требоисправители? Какие имена усвоятся этими лицами? Всегда ли относятся с почтением к своим вожакам? Не бывает ли случаев массового недовольства? Какова нравственность? Не ведется ли ими пропаганда среди православных? Особенности богослужения); в) о материальном быте (Не отличаются ли богатством или бедностью в сравнении с православными? Общественное положение женщин, стариков и детей); г) об отношениях между сектантами и последователями других толков и согласий. Особое внимание обращалось на наличие связей с единоверцами за границей и последователями толстовства: д) об отношении к православному населению, школам и гражданскому начальству; е) об отношении православного населения к сектантству (Не дают ли православные каких-либо кличек? Делают ли попытки обращения в православие? Есть ли активные прихожане, которые могли бы принять участие в борьбе? Какие методы борьбы необходимы?). Вторая часть программы содержала указания на некоторые способы распознавания сектантов по причине сокрытия ими своего учения и принадлежности: исповедь – акцент сектантом на греховность священника при высказывании «грешен батюшка»; содержание духовных стихов; обособленность от православных; опрос прихожан. Здесь же приводятся рекомендации: вразумление заблудших, проведение внебогослужебных религиозно-нравственных чтений с разбором учений предполагаемых сектантов (в случае подозрения о наличии таковых в приходе) (ГАКК. Ф. 201. Оп. 1. Д. 37).

Все вышеизложенное указывает на то, что государство, церковь и общественные объединения были заинтересованы в снижении количества сектантских проявлений (членовредительства, антиправительственных настроений, богохульства, осквернения православия) и социальной активности религиозных объединений, связанных с иностранными государствами. Осуществляемая ими противосектантская деятельность имела несистемный характер и, как следствие, низкую эффективность. Как верно заметил А.С. Пругавин, «меры и рецепты практикуются многие годы, и потому будет вполне уместным и своевременным спросить: где плоды той работы полезной?» (Пругавин, 1905: 57). По итогам переписи населения 1897 г. всего около 180 тыс. чел. являлись сторонниками рационалистических (штундисты, баптисты) и мистических (скопцы, хлысты) сект. Однако согласно сведениям четвертого миссионерского съезда 1908 г. сектантов разного толка, не беря во внимание старообрядцев, насчитывалось около пяти миллионов (Оленич, 2005: 16-17). Это свидетельствовало о недостоверности собираемых данных и несогласованности действий между участниками противосектантской работы.

Нами отмечаются следующие проблемы в противодействии сектантству: а) расхождение в казенных отчетах, в церковной статистике, в данных немногочисленных исследователей; б) умышленное отрицание своей принадлежности сектантам, сокрытие их численности священниками для поддержания «чистой» статистики по своим приходам. На основе анализа архивных материалов и доступных источников были выделены следующие социально-политические субъекты, осуществлявшие мероприятия по противодействию работы сектантских общин на рубеже XIX – XX веков в Российской империи.

Первый субъект – государство, которое посредством волостных правлений (ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 429), полицейских окружных управлений (ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 129. Л. 1-9), окружных исправников отслеживало изменения в религиозной сфере (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 1225). В постановлениях волостных правлений и предписаниях земских заседателей подчеркивалась необходимость усиления наблюдения и принимаемых мер к пресечению распространения сект (ГАКК. Ф. 344. Оп. 1. Д. 429). Однако непосредственное силовое вмешательство и пресечение деятельности сектантов применялись только в случаях действий «изуверных сект» (скопцов) в соответствии с уголовным законодательством.

Во-первых, отмечалось количественное и качественное состояние сектантских общин: возникновение новых; статистические сведения о количестве участников на определенной административной территории, их организационная принадлежность, пол, возраст, состав семьи, поселение, род занятий (ГАКК. Ф. 815. Оп. 1. Д. 14). Также согласно циркулярному предписанию Енисейского губернатора от 1912 г. все уездные исправники обязывались предоставлять ведомости обо всех пожертвованиях в пользу молитвенных домов старообрядческих, сектантских и иудейских общин (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 79).

Во-вторых, учитывалась социально-политическая активность сектантов: профессиональная деятельность, поддержка/критика решений правительства, пожертвования на военные нужды, проповедническая деятельность, пропаганда учения на своих рабочих местах с использованием служебных помещений и остановок военных поездов (ГАКК. Ф. 832. Оп. 1. Д. 440). Попытки вовлечения граждан православного вероисповедания в сектантство первоначально фиксировались епархиальными властями, а после передавались на рассмотрение государственным инстанциям. Так, например, Енисейский губернский прокурор инициировал формальное следствие о совращении православных в молоканскую секту ее участником Харитоном Хмыровым после письма епископа Енисейского и Красноярского в 1985 г. (ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 149).

Второй субъект – православная церковь, которая вела учет раскольников и сектантов на территории своих приходов. Особое внимание уделялось лицам православного вероисповедания, которые уклонились в раскол или секту с обязательным указанием толка или согласия, наименования общины (ГАКК. Ф. 815. Оп. 1. Д. 11). Красноярским духовным правлением отмечались случаи перехода из православной веры в сектантские общины, а также избегания участия в церковных таинствах прихожанами (ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 761).

Основным направлением противосектантской работы православных священников являлась миссионерская деятельность, направленная на противодействие исторически присутствующим сектантским общинам и набирающим популярность иностранного происхождения протестантским движениям. К концу XIX века миссионерская деятельность стала ориентироваться не только на сторонников местных национальных культов, но и сектантства и старообрядчества. Ее посылом позиционировалось распространение православия и способствование возвращению заблудших посредством духовно-нравственного примера и увещаний.

Во-первых, священнослужители участвовали в публичных спорах с представителями неправославного христианства. В 1914 г. енисейский миссионер И. Орфеев дискутировал с главой баптистов И. Кабаненко. В 1916 г. в г. Канске священник провел беседы со штундо-баптистами, военнослужащими расквартированного полка.

Во-вторых, издавались брошюры, содержащие предложения по реализации мер борьбы с сектантством. Они рекомендовались миссионерам и даже использовались при рассмотрении дел в судах: «Баптизм: история появления и распространения, секты; ее учение, характер и способы пропаганды; меры борьбы с распространением лжеучения» А. Троицкого (1914), «Беседы со старообрядцами» В. Демидова (1914), «Краткое толкование мест Священного Писания, извращаемых иномыслящими с Православною церковью», И. Смолина (1914).

В-третьих, в статьях периодической печати приводились полезные советы для проведения диспутов с сектантами. Так, редакцией «Енисейских епархиальных ведомостей» за 1914 г. обозначались: приведение в защиту церкви только тех доводов, против которых ничего нельзя возразить; обсуждение вопросов прихода антихриста, причин отделения старообрядцев от святой церкви; анализ богословской литературы (Соболев, 2014: 25-27). Местные епархиальные издания систематически печатали в соответствующей интерпретации рассказы бывших сектантов, которые перешли в православную веру. В «Енисейских епархиальных ведомостях» за 2015 г. опубликовали отрывки из дневника одного из прихожан: «Итак, я разочаровался в том, что считал святым и во что верил всей душой, т.е. в святости и спасительности старообрядческого упования» (Из дневника...).

В реализации крупномасштабных противосектантских мероприятий церковь сталкивалась со следующими проблемами.

А) Отсутствие подготовленных служителей и, как следствие, необходимость создания системы миссионерских кадров. Священным Синодом предпринимались незначительные действия по разрешению данных вопросов, несмотря на регулярное их обсуждение на миссионерских съездах. В 1865 г. кабинетом министров было утверждено «Миссионерское общество». Однако его деятельность была направлена только на распространение православия среди язычников и других нехристиан в пределах империи и соседних странах. Некоторыми священнослужителями в частном порядке предпринимались шаги по подготовке специалистов. Митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский) в 1905 г. попытался открыть на средства епархии кафедру сектоведения в Московской духовной академии, но безрезультатно. Только в 1912 г. в духовных академиях заработали кафедры сектоведения, а в семинариях была введена дисциплина по истории и обличению сектантства.

Б) Отсутствие богословского осмысления сектантства. Не учитывались терминологические нюансы (секта, ересь, раскол, культ), и зачастую все неправославные общины относились к сектам, разграниченным на внешних (баптизм, штундизм, адвентизм, ислам, иудаизм, язычество) и внутренних (старообрядчество) врагов. Представители евангельских христиан и баптисты воспринимались расколо-сектантами (ГАКК. Ф. 560. Оп. 1. Д. 80). При религиозно-богословской ангажированности описание сектантских учений ограничивалось указанием их неоригинальности и поверхностности, игнорировались трансформации под влиянием социально-политических потребностей общества в сектантских общинах, а причинами отмечались только действия дьявола, патологические чувства, ревность о своем спасении и гордыня (Буткевич, 2018: 9-13).

Третьим субъектом противодействия сектантству являлись общественные объединения, соединяющие в своей работе борьбу за трезвость и противосектантскую деятельность. Данные общества были двух типов: действующие по утвержденным епархиальным или гражданским начальством уставам. На начало 1911 г. в Восточной Сибири насчитывалось 30 обществ трезвости, из которых только одно было гражданским – Красноярское общество трезвости (Афанасьев, 2010). Ими проводились религиозно-нравственные и антиалкогольные чтения, устраивались «разумные развлечения» через церковно-приходские школы, открывались библиотеки-читальни, организовывались спектакли и районные совещания с привлечением местной интеллигенции и кооперативов. В г. Минусинске Енисейской губернии действовало «Противосектантское братство молитвы и трезвости», которое занималось просвещением населения через кабинет бесплатного чтения (ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 991). Епархиальным Училищным советом и братством Иннокентия Иркутского были разосланы в 60 беднейших школ соответствующие пособия (Белашапкин, Терскова, 2017: 132).

5. Заключение

Проблема противодействия религиозному сектантству являлась актуальной для российского государства на рубеже XIX–XX веков. Особую озабоченность со стороны государства вызывали религиозные объединения, посягающие на человеческое достоинство, «изуверные секты», имеющие международные связи, связанные с иностранными государствами и обладающие иностранными проповедниками, иностранными руководителями русского сектантства. Старообрядчество, особенно после 1905 г., реальной угрозой не воспринималось по причине отсутствия среди его последователей единой организационной структуры. Возложенная на церковь обязанность по борьбе с сектантством ограничивалась в методах и средствах государством.

Несмотря на регулярные противосектантские заявления, ни государство, ни церковь, ни общественные организации не осуществляли полноценной совместной продолжительной и системной работы. Они ограничивались наблюдением, учетом изменений, распространением листовок религиозного содержания и увещеваниями. Результаты принимаемых в частном порядке мер и немногочисленных научных изысканий можно считать исторической формой современных программ противодействия религиозному экстремизму. Однако они не получали широкого практического применения в масштабах государства. Отсутствие единого направления государственной и церковной политики по этому вопросу затрудняло разработку комплексного подхода, а также снижало эффективность немногочисленных перспективных проектов.

Литература

Андерсон, 1908 – Андерсон В.М. Старообрядчество и сектантство: исторический очерк русского религиозного разномыслия. СПб.: В.И. Губинский, 1908. 460 с.

Архиепископ Никон, 2013 – Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России / Сост. о. Я. Шипов; отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 640 с.

Афанасьев, 2010 – Афанасьев А.Л. Общества трезвости в Восточной Сибири (1890-е гг. – 1911 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 94-98.

- Белошапкин, Терскова, 2017** – Белошапкин В.М., Терскова А.А. Деятельность Красноярского общества трезвости в годы Первой Мировой войны // *Эпоха науки*. 2017. № 11. С. 129-133.
- Буткевич, 2018** – Буткевич Т.И. Русские секты и их толки. М.: Центр полиграф, 2018. 559 с.
- Вебер, 1990** – Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края.
- Даль, 1844** – Даль В.И. Исследование о скопческой ереси: напечатано по приказанию г. министра внутр. дел. СПб.: б.и., 1844. 238 с.
- Денисов, 2017** – Денисов А.А. Принципы и методы противосектантской миссии (по трудам священномученика Сильвестра, архиепископа Омского и Павладарского) // *Вестник Омской православной духовной семинарии*. 2017. №3. С. 128-135.
- Из дневника...** – Из дневника бывшего раскольника // *Енисейские епархиальные ведомости*. 2015. № 15. С. 16-17.
- Из свода...** – Из свода основных государственных законов Российской империи (Т. I. Ч. I. 1906: Гл. 7 «О вере») / Российское историческое общество. Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/80656> (дата обращения: 06.10.2023).
- Илларионов и др., 2023** – Илларионов Г.А., Грицков Ю.В., Злобина С.Д., Рахинский Д.В. Методологические основания исследования пограничных форм религиозности в условиях посттрадиционного общества // *Философская мысль*. 2023. № 9. С. 1–18.
- Муратов, 1919** – Муратов М. В. Русское сектантство. М.: Всерос. Центр совет. проф. союзов, 1919. 32 с.
- Оленич, 2005** – Оленич Т. С. Проблема классификации русского религиозного сектантства Российской империи // *Известия ВУЗов. Северо-кавказский регион. Общественные науки*. 2005. № 2. С. 15-25.
- Ольшевский, 1910** – Ольшевский И. Борьба со штундой. Из руководственных миссионерских бесед. Полтава: Электрич. Типография Г.И. Маркевича. Панский ряд. 1910. 64 с.
- Приходин, 1913** – Приходин И. Каждый на своем посту: Братский миссионерский призыв к духовенству. СПб: Колокол, 1913. 16 с.
- Пругавин, 1881** – Пругавин А. С. Программа для собирания сведений о русском расколе или сектантстве. М.: типо-лит. И.Н. Кушнерева и К°, 1881. 20 с.
- Пругавин, 1905** – Пругавин А. С. Раскол и сектантство в русской народной жизни: с критическими замечаниями духовного цензора. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1905. 94 с.
- Соболев, 2014** – Соболев Х. Библиографический листок // *Енисейские епархиальные ведомости*. 2014. № 15. С. 25-27.
- Списки населенных мест...** – Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел: По сведениям 1859. СПб. : изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861-1885. Вып. 51: Енисейская губерния / Обработ. Р. Мааком. 1864. XLII, 74 с.
- Указ..., 1905** – Указ об укреплении начал веротерпимости, 1905. [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_об_укреплении_начал_веротерпимости_\(1905\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_об_укреплении_начал_веротерпимости_(1905)) (дата обращения: 26.09.2023)
- Фокин, 2010** – Фокин М. С. Сектантство с точки зрения уголовного законодательства // *Вестник Омского университета*. Серия «Право», 2010. №2(23). С. 124–128.
- Ille, 2021** – Ille S. The evolution of sectarianism // *Communications in Nonlinear Science and Numerical Simulation*. 2021. Vol. 97. P. 105726.
- Kulkarni, Pfaff** – Kulkarni P., Pfaff S. Church politics, sectarianism, and judicial terror: The Scottish witch-hunt, 1563 – 1736 // *Explorations in Economic History*. 2022. Vol. 84. P. 101447.
- Wilson, 1969** – Wilson B. Patterns of Sectarianism: Organisation and Ideology in Social and Religious Movements. L.: Heinemann, 1967. 416 p.
- Yinger, 1970** – Yinger M. J. The Scientific Study of Religion. N. Y.: Macmillan, 1970. 593 p.

References

- Afanas'ev, 2010** – Afanas'ev, A.L. (2010). Obshchestva trezvosti v Vostochnoj Sibiri (1890-e gg. – 1911 g.) [Sobriety societies in Eastern Siberia (1890s – 1911)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 340: 94-98. [in Russian]
- Anderson, 1908** – Anderson, V.M. (1908). Staroobryadchestvo i sektantstvo: istoricheskij ocherk russkogo religioznogo raznomyслиya [Old Believers and sectarianism: a historical sketch of Russian religious diversity]. SPb.: V. I. Gubinskij, 460 p. [in Russian]
- Archiepiskop Nikon, 2013** – Archiepiskop Nikon (Rozhdestvenskij) (2013). Pravoslavie i gryadushchie sud'by Rossii [Orthodoxy and the future destinies of Russia]. Sost. o. YA. SHipov; otv. red. O. A. Platonov. M.: Institut russkoj civilizacii, 640 p. [in Russian]

- Beloshapkin, Terskova, 2017** – *Beloshapkin, V.M., Terskova, A.A.* (2017). Deyatel'nost' Krasnoyarskogo obshchestva trezvosti v gody Pervoj mirovoj vojny [Activity of the Krasnoyarsk Sobriety Society during the First World War]. *Epoha nauki*. 11: 129-133. [in Russian]
- Butkevich, 2018** – *Butkevich, T.I.* (2018). Russkie sekty i ih tolki [Russian sects and their interpretations]. M.: Centr poligraf, 559 p. [in Russian]
- Dal', 1844** – *Dal' V.I.* (1844). Issledovanie o skopcheskoj erezii: napechatano po prikazaniyu g. ministra vnutr. del [Research on the Catholic heresy: printed by order of the Minister of Internal Affairs of St. Petersburg]. SPb.: b.i., 238 p. [in Russian]
- Denisov, 2017** – *Denisov, A.A.* (2017). Principy i metody protivosektantskoj missii (po trudam svyashchennomuchenika Sil'vestra, arhiiepiskopa Omskogo i Pavladarskogo) [Principles and methods of the anti-sectarian mission (according to the works of the Hieromartyr Sylvester, Archbishop of Omsk and Pavladarsky)]. *Vestnik Omskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii*. 3: 128-135. [in Russian]
- Fokin, 2010** – *Fokin, M.S.* (2010). Sektantstvo s točki zreniya ugolovnogo zakonodatel'stva [Sectarianism from the point of view of criminal legislation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*, 2(23): 124-128. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State Archive of the Krasnoyarsk Krai].
- Illarionov i dr., 2023** – *Illarionov, G.A., Grickov, Yu.V., Zlobina, S.D., Rahinskij, D.V.* (2023) Metodologicheskie osnovaniya issledovaniya pogranichnykh form religioznosti v usloviyah posttradicionnogo obshchestva [Methodological foundations for the study of borderline forms of religiosity in a posttraditional society]. *Filosofskaya mysl'*. 9: 1-18. [in Russian]
- Ille, 2021** – *Ille, S.* (2021). The evolution of sectarianism. *Communications in Nonlinear Science and Numerical Simulation*. 97: 105726.
- Iz dnevnika...** – Iz dnevnika byvshego raskol'nika [From the diary of a former schismatic]. *Enisejskie eparhial'nye vedomosti*. 15: 16-17. [in Russian]
- Iz svoda...** – Iz Svoda osnovnykh gosudarstvennykh zakonov Rossijskoj imperii (T. I. CH. I. 1906: Gl. 7 «O vere») [From the Code of the main state laws of the Russian Empire (T. I. Ch. I. 1906: Chapter 7 “On Faith”). Rossijskoe istoricheskoe obshchestvo. Elektronnyaya biblioteka istoricheskikh dokumentov [Electronic resource]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/80656> (date of access: 06.10.2023). [in Russian]
- Kulkarni, Pfaff** – *Kulkarni, P., Pfaff, S.* (2022). Church politics, sectarianism, and judicial terror: The Scottish witch-hunt, 1563 – 1736. *Explorations in Economic History*. 84: 101447.
- Muratov, 1919** – *Muratov, M. V.* (1919). Russkoe sektantstvo [Russian sectarianism]. M.: Vseros. Centr sovet. prof. soyuzov, 32 p. [in Russian]
- Olenich, 2005** – *Olenich, T.S.* (2005). Problema klassifikatsii russkogo religioznogo sektantstva Rossijskoj imperii [The problem of classification of Russian religious sectarianism of the Russian Empire]. *Izvestiya VUZov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. 2: 15-25. [in Russian]
- Prihodin, 1913** – *Prihodin, I.* (1913). Kazhdyj na svoem postu: Bratskij missioner. prizyv k duhovenstvu [Everyone at his post: A fraternal missionary. a call to the clergy]. SPb: Kolokol, 16 p. [in Russian]
- Prugavin, 1881** – *Prugavin, A.S.* (1881). Programma dlya sobiraniya svedenij o russkom raskole ili sektantstve [Program for collecting information about the Russian schism or sectarianism]. M.: tipo-lit. I.N. Kushnereva i K°, 20 p. [in Russian]
- Prugavin, 1905** – *Prugavin, A.S.* (1905). Raskol i sektantstvo v russkoj narodnoj zhizni: s kriticheskimi zamechaniyami duhovnago cenzora [Schism and sectarianism in Russian folk life: with critical remarks of the spiritual censor]. M.: Tip. T-va I. D. Sytina, 94 p. [in Russian]
- Sobolev, 2014** – *Sobolev, H.* (2014). Bibliograficheskij listok [Bibliographic leaflet]. *Enisejskie eparhial'nye vedomosti*. 15: 25-27. [in Russian]
- Spiski...** – Spiski naselennykh mest Rossijskoj imperii, sostavlennyye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del: Po svedeniyam 1859 [Lists of populated places of the Russian Empire compiled and published by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs: According to 1859]. SPb.: izd. Tsent. stat. kom. Min. vnutr. del, 1861-1885. Vyp. 51: Enisejskaya guberniya. Obrab. R. Maakom. 1864. XLII, 74 p. [in Russian]
- Ukaz..., 1905** – Ukaz ob ukreplenii nachal veroterpimosti [Decree on strengthening the principles of religious tolerance]. 1905. [Electronic resource]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Ukaz_ob_ukreplenii_nachal_veroterpimosti_\(1905\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Ukaz_ob_ukreplenii_nachal_veroterpimosti_(1905)) (date of access: 26.09.2023). [in Russian]
- Veber, 1990** – *Veber, M.* (1990). Izbrannyye proizvedeniya [Selected works]: translated from German. Comp., general ed. and afterword by Yu. N. Davydov; Preface by P. P. Gaidenko. M.: Progress, 808 p. [in Russian]
- Wilson, 1969** – *Wilson, B.* (1967). Patterns of Sectarianism: Organisation and Ideology in Social and Religious Movements. L.: Heinemann, 416 p.
- Yinger, 1970** – *Yinger, M.J.* (1970). The Scientific Study of Religion. N. Y.: Macmillan, 593 p.

Противодействие религиозному сектантству в Российской империи на рубеже XIX–XX веков (на примере Енисейской губернии)

Татьяна Владимировна Излученко ^{а, *}, Дарья Николаевна Нестеренко ^а, Анна Павловна Дворецкая ^а, Евгений Александрович Ахтамов ^а

^а Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт, Российская Федерация

Аннотация. Одним из важнейших вопросов внутренней политики российского государства на рубеже XIX–XX веков являлся вопрос о религиозном сектантстве, который в современности актуализировался в проблеме религиозного экстремизма. В статье приведены результаты анализа дореволюционных противосектантских разработок. Государством при привлечении церкви проводилась демаркация религиозных объединений по признаку лояльности правительству. Особое внимание обращалось на изуверские и антиправительственные действия сектантов. Несмотря на регулярное смягчение законодательства, противодействие сектантству продолжало оставаться задачей, возложенной государством на православных священнослужителей. Авторами выделяются основные принципы (наблюдение, учет, увещание) и субъекты (государство, православная церковь, православные общественные объединения) противосектантской работы. Миссионерство охарактеризовано в аспекте борьбы с сектантами, которая ограничивалась ненасильственным склонением в православие посредством богословских диспутов, увещаний и демонстраций несостоятельности идеологии сектантства. Подчеркивалась работа с прихожанами: выявление скрывающихся сектантов, активизация приходской жизни и укрепление православных в вере, недопущение распространения сектантских настроений и возрождения языческих культов. Статья основана на материалах Государственного архива Красноярского края, содержащих данные по деятельности сектантов в Енисейской губернии, собранных епархиальным управлением и государственными инстанциями. Авторами сделан вывод об отсутствии единой системы государственной и церковной политики в отношении сектантов, что не позволило сформировать комплексный подход и снизило эффективность немногочисленных перспективных мер.

Ключевые слова: сектантство, православная церковь, христианство, религиозный экстремизм, миссионерство, Енисейская губерния, профилактика сектантства, меры противодействия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: izluchenko@mail.ru (Т.В. Излученко), d.n.matveeva@mail.ru (Д.Н. Нестеренко), advoretskaya@sfu-kras.ru (А.П. Дворецкая), akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2025-2035
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2025

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Journal “Mir Iskusstva” (1899–1904) as a Source on the History of Russian Art at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries

Ekaterina A. Sertakova ^{a, *}, Natalia M. Leshchinskaia ^a, Maria A. Kolesnik ^a, Aleksandra A. Sitnikova ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The relevance of this study is associated with the eternal return of Russian art to the question of its national identity – trending either towards the development of Western styles, artistic techniques and trends, or towards the revival of ancient Russian types of art, subjects and patterns, artists are constantly in search of a middle way. At the beginning of the 21st century, we are again witnessing the search for characteristic Russian national imagery in art – a similar path was followed by artists at the turn of the 19th-20th centuries, which is documented in detail on the pages of the journal “Mir iskusstva”, which united the work of such outstanding philosophers, artists, critics as S. Diaghilev, A. Benois, D. Filosofov, I. Grabar, V. Rozanov and others, therefore, turning to the study of the concepts of national Russian art on the pages of this journal allows us to borrow the experience of the past in understanding the present. The research method was qualitative content analysis. Since the journal “World of Art” sought to synthesize different types of arts, its pages equally examine the processes occurring in all types of creative activity. In accordance with this, the results of the study are presented by type of art: painting, graphics, sculpture, architecture, decorative and applied arts. In conclusion, conclusions are drawn about the specifics of presenting the history of Russian national art on the pages of the journal “Mir iskusstva”.

Keywords: Mir iskusstva, Sergei Diaghilev, national Russian art.

1. Введение

В качестве цели настоящего исследования было выбрано определение роли и значения публикаций в журнале «Мир искусства» для развития отечественного искусства. Иллюстрированный художественный журнал «Мир искусства» выходил в период с 1 января 1899 года по 1904 год. Это был печатный орган одноименного творческого объединения. До 1902 года выпуском журнала занимались княгиня М.К. Тенишева и С.И. Мамонтов, а после С.П. Дягилев, с 1903 года к редактированию журнала также подключился А.Н. Бенуа.

Издание задумывалось как искусствоведческое, включало в себя три раздела. Первый раздел – художественный, посвященный осмыслению произведений искусства мастеров разных эпох, как российских, так и зарубежных. Второй раздел – художественно-промышленный, целью которого было освещение вопросов связанных с созданием произведений декоративно-прикладного искусства, и особенно возрождению старинных русских традиций, «русского духа» в данной сфере. И третий раздел представляет собой художественную хронику, где освещались актуальные события в области искусства России и Запада: обзоры выставок, отчеты с мероприятий, презентация и анализ новых художественных изданий. В связи с этим, журнал вызывает исследовательский интерес, как подробный источник по истории искусства в целом, а так же как дискуссионное пространство, где обсуждались вопросы в области искусства актуальные для конца XIX – начала XX веков.

* Corresponding author

E-mail addresses: sertachok@mail.ru (E.A. Sertakova), trognonulia@gmail.com (N.M. Leshchinskaia), masha_kolesnik@mail.ru (M.A. Kolesnik), sem_dobrianka@mail.ru (A.A. Sitnikova)

2. Материалы и методы

2.1. Настоящая работа основана на результатах исследования публикаций в журнале «Мир искусства». Российская дореволюционная периодика является источником важных исторических сведений в различных областях, современные ученые неоднократно использовали их в качестве исследовательского материала (Koptseva et al., 2021; Koptseva, Seredkina, 2021; Дворецкая, Пиков, 2022; Leshchinskaja et al., 2022; Ахтамов, Гергилев, 2023).

2.2. Основным методом для исследования был выбран количественный и качественный контент-анализ, неоднократно применяемый учеными в качестве результативного инструмента для аналитической работы с разноплановыми текстами (Букова и др., 2023; Koptseva et al., 2023; Сергеева, 2023; Ситникова, 2023). В настоящем исследовании он был использован для изучения публикаций из журнала «Мир искусства», в которых представлено обсуждение процесса становления принципов, повлиявших на определение вектора развития искусства на рубеже XIX–XX веков.

3. Обсуждение

Журнал «Мир искусства» не раз становился объектом исследования ученых. Сам журнал, его оформление являются предметом интереса некоторых авторов, примером тому служит статья А.Г. Асташкина (Асташкин, 2015). История журнала и его развития раскрывается в статьях Е.Е. Вебера (Вебер, 2021), Н.Д. Мельник (Мельник, 2015), причем в статье последней приведены интереснейшие архивные документы. Для многих исследователей интерес представляют эстетические концепции и манифесты, публиковавшиеся на страницах журнала: статьи А.Г. Асташкина (Асташкин, 2009), А.С. Яковлева (Яковлева, 2017; Яковлева, 2016), Н.Д. Мельник (Мельник, 2013). Некоторые авторы обращают внимание на освещение определенной тематики в номерах журнала «Мир искусства», так, например, К.Г. Позднякова рассматривает проблематику, связанную с декоративно-прикладным искусством (Позднякова, 2016), а Д.А. Абдуллина изучает специфику раскрытия мира детства через репродукции, напечатанные в журнале (Абдуллина, 2022). Структура номеров журнала за 1899 г. проанализирована в статье О. А. Казановой (Казанова, 2020). Определением роли журнала в русской культуре рубежа XIX–XX вв. занимаются И.Л. Галинская (Галинская, 2003), О.А. Небылица, И.И. Киятина (Небылица, Киятина, 2022).

В настоящей статье исследуется то, как были представлены художественные концепции на страницах журнала за весь период его существования с 1899 по 1904 гг., причем для этого были выделены статьи, освещающие разные виды искусства: живопись, архитектуру, скульптуру, графику и декоративно-прикладное искусство.

4. Результаты

Редакторы и авторы журнала «Мир искусства» вели на его страницах детальное обсуждение вопросов философии и теории искусства. В первые годы существования журнала обсуждается самый важный вопрос, объединивший «мирискусников»: должно ли искусство быть утилитарным и приносить пользу обществу (например, включаясь в изображение социальных проблем, как это делали «передвижники») или оно должно сохранять свою независимость, создавая особенное пространство в жизни человечества – художественное? (Дягилев, 1899). Деятели журнала «Мир искусства» однозначно склоняются в сторону отстранения искусства от решения социальных проблем, от необходимости становится выгодным для каких-либо социальных процессов. В журнале публикуются и обсуждаются теоретические взгляды на искусство ведущих мыслителей XIX века и современников – Л. Толстого, Д. Рёскина, Э. Золя и др. Философская полемика об искусстве составляет значительную часть содержания журнала. Вторая часть журнальных статей и иллюстраций позволяет получить представление о том, как развивались разные виды искусства на рубеже XIX–XX веков и как тенденции развития этих видов искусства оценивали представители «Мира искусства».

Искусство живописи

Живопись является ключевым видом искусства, внимание которому уделяли авторы журнала.

В первую очередь журнал «Мир искусства» являлся практически художественным альбомом, знакомившим читателей с картинами зарубежных и русских художников. Практически каждый номер журнала содержит значительное количество (десять и более) иллюстраций, предваряющих текстовое содержание. В некоторых номерах мы можем видеть произведения главного культурного героя номера – например, собрание картин В. Васнецова, И. Левитана, П. Соколова, П. Пюви-де-Шаванна, Э. Дега, Л. Фредерика, Д. Уистлера, Е. Поленовой, А. Эдельфельта, М. Дени, Г. Моро и многих других художников. Художники необязательно являются современниками (хотя картины современных художников все же преобладают) – иногда в собрании картин можно встретить представителей итальянского Возрождения или европейского средневековья, русских художников XVIII и XIX веков. Единственное, что совершенно точно объединяет все иллюстрации – это значительные произведения живописи, признанные представителями журнала «Мир искусства», созданные самыми оригинальными мастерами среди художников прошлого или среди современников. Несмотря на то, что иллюстрированные журналы получили широкое

распространении в мире и в России на рубеже XIX–XX веков, вероятно, журнал «Мир искусства» был таким изданием, которое целенаправленно и концептуально знакомило читателей с лучшими представителями современной живописи внеакадемических направлений – символизмом, неоимпрессионизмом, художниками группы «Наби», постимпрессионистами, их кумирами и предшественниками. Некоторые номера журналов проиллюстрированы репродукциями картин с недавно прошедших художественных выставок – в таком случае, читатели знакомятся не с монографической подборкой одного художника, а с несколькими наиболее примечательными произведениями, представленными за последнее время на выставках.

Во второй половине XIX века в России и Европе очень сильно начали ощущаться академические ограничения живописного творчества. Во Франции и в Российской Империи художественные академии предъявляли к художникам строгие требования, предписывали следовать определенным правилам при создании произведений искусства – анатомические студии в основе изображения человека, классические композиционные построения, религиозная и мифологическая тематика в приоритете и т. п. Уже в 1860–70-е годы это привело к тому, что некоторые художники начали обособляться от Академии, искать альтернативные выставочные площадки помимо ежегодных выставок Академии и французских Салонов. К рубежу XIX–XX веков этот процесс приводит к открытой борьбе и противостоянию современных художников с мощными Академическими школами – прежде всего, во Франции, Италии и России. На протяжении всех лет выпуска журнала «Мир искусства» лейтмотивом статей становится критика Академии, негативная оценка академического образования, академических выставок и выставок учеников академии. Практически каждая рецензия на академических выставки в журнале «Мир искусства» содержит слово «скучно», отмечает отсутствие хоть сколько-нибудь талантливых художников, авторы статей называют имена преподавателей академии и характеризуют их как неспособных взрастить новых талантливых художников, негативно отзываются о большинстве академических художников за исключением И.Е. Репина, творчество которого и учеников которого представители журнала «Мир искусства» высоко оценивали, несмотря на то, что не принимали социальную позицию И.Е. Репина. Приведем выдержку из рецензии С. Дягилева на ученическую выставку Академии художеств: «Итак, что же говорить об учениках, когда приходится сетовать на профессоров. Мало – уметь рисовать, чтоб получить право воспитывать, надо быть раньше всего образованным человеком, надо любить и знать старое искусство, надо считаться со временем, а если послушать, что говорят наши профессора, или взглянуть, что они пишут, то невольно хочется спросить, из какого заморского царства они пришли, каким воздухом они дышат, да и вообще дышат ли они? Пускай бы со своими суждениями и работами они показались на западе – кто бы выдал им патент на право внушения своих идей молодежи?» (С.Д., 1899: 21). Таким образом, деятельность журнала «Мир искусства» способствовала уменьшению авторитета и монопольного управления художественной жизнью Академии художеств, что, в принципе, было естественным и общеевропейским процессом.

На страницах журнала «Мир искусства» велась важнейшая дискуссия о своеобразии русского национального искусства. Идея значимости национального искусства, проявляющего в живописи и других видах искусства уникальные черты национальной культуры – мифологию народа, орнаментальные отличия, историю и т. п. – обсуждается «мирискусниками» по отношению к искусству всех стран. Авторы журнала часто пишут о финском искусстве, искусстве Скандинавских стран, где к началу XX века отчетливо начали просматриваться самобытные национальные черты (Дягилев, 1899). Вместе с этим они старательно исследуют и описывают процесс становления национального русского искусства. В первую очередь, для них очень важно изучение истории русского искусства. Многие иллюстрации на страницах журнала собирают коллекцию произведений русских художников XVIII века (В. Боровиковский, Д. Левицкий, А. Лосенко и др.). Авторы «Мира искусства» сокрушаются, что многие произведения русских художников XVIII века утрачены, не идентифицированы и этот период в истории русского искусства крайне сложно обозреть: «Большую услугу историографии русского искусства оказал бы тот, кто устроил бы из этих разбросанных произведений одну общую выставку русской живописи XVIII в. Такая выставка наверное поспособствовала бы выяснению многих загадок и недоумений» (Вениаминов, 1900: 243). Один из ведущих авторов журнала – Александр Бенуа – написал, в свою очередь, книгу «История русской живописи в XIX веке» в двух частях. Данное издание воспринимается как большой шаг на пути становления русского национального искусства в истории искусства, книга рецензируется и обсуждается на страницах журнала: «Он первый расчистил авгиевы конюшни нашей живописи и дал руководящую нить, с которой не рискуешь сбиться с настоящего пути. Пусть его оценки преждевременны, пусть он даже подчас пристрастен и близорук – данная им группировка тех художественных явлений, которые перешли в историю – полна новизны и импонирует, как исходящая от человека, воистину живущего искусством» (Дягилев, 1902: 44). Согласно рецензии, пристрастность А. Бенуа в оценке русской живописи XIX века проявляется в том, что он уделяет внимание русским художникам в соответствии с художественными идеями «мирискусников» – например, уделяя скромное внимание живописи В. Верещагина и А. Куинджи, творчество которых многократно критиковалось в журнале. Поиск национальной самобытности русского искусства также

проявляется в том, каким художникам уделяется наибольшее внимание на страницах журнала – В. Васнецов, Ф. Малявин, Н. Рерих и другие, в творчестве которых национальная самобытность русского искусства читается на уровне сюжетов.

Журнал «Мир искусства» в настоящем исследовании рассматривается как пространство становления новой концепции русского искусства на рубеже XIX–XX вв. Результаты проведенного анализа структурированы по видам искусства: графика, живопись, скульптура, архитектура. На основе изучения суждений об этих сферах изобразительного искусства были сделаны выводы о влиянии авторов, публиковавшихся в данном журнале, на художественную среду в России конца XIX – начала XX веков.

Искусство графики

Начиная с первого выпуска графике уделяется значительное внимание в журнале «Мир искусства». Прежде всего это касается оформления самого издания – обложки, оформления страниц и названий статей. Помимо этого, произведения графического искусства обсуждаются в статьях, активно печатаются в качестве иллюстративного материала. Отдельные работы предлагаются для приобретения. Так, в журнале печатается объявление, в котором редакция журнала в рамках содействия развитию граверного дела в России предлагает приобрести 25 авторских экземпляров офорта В. Серова ценой в 15 рублей за оттиск.

Оформление журнала «Мир искусства» не раз привлекало к себе внимание современников и последующих поколений: деятелей культуры и искусства, простых обывателей. Во-первых, так как в его разработке принимали участие известные художники Л. Бакст, Б. Лансере, К. Сомов, И. Билибин и др. Во-вторых, сам журнал рассматривался как целостное произведение искусства, о котором писали авторы колонок. В-третьих, обложка и оформление журнала отражали концепцию искусства, продвигаемую мирискусниками. В-четвертых, журнал стал образцом для последующих проектов книжной и журнальной графики (повлияв, например, на оформление журнала «Аполлон»).

Журнал придерживался принципа годовых обложек. Они были авторскими. Несмотря на то, что художники были единомышленниками, стиль исполнения был индивидуальный: что и как изображено на обложке определял художник, выбирал шрифт написания названия журнала, задавал тон выпускам. На обложках как на самостоятельных произведениях ставилась авторская подпись.

Обложка первого номера была сделана К. Коровиным. Орнаментальный фриз с рисунком русской деревни сверху дополнялся изображением прямоугольной печати с двумя рыбками. Графическим оформлением номера занимались В. Васнецов и Е. Поленова. Архитектонику номера они задают в стилистике древнерусской рукописной книги: появляются заглавные буквы, используются заставки и концовки. Текст зачастую заключается в орнаментальные рамки.

Оформление журнала разрабатывается с целью гармонизации текста и иллюстрации с журнальным листом. С первых выпусков заметно как вырабатываются художественные приемы, которые определяют дизайн выпусков: изображение дается лаконично и изысканно, преимущественно в черно-белой манере, используется стилизация под ушедшие эпохи. Используя отсылки к художественным стилям прошлого авторы демонстрировали важность культурного наследия в искусстве.

Обложка, сделанная М. Якунчиковой для второго тома 1899 года, соответствует новому направлению – русскому модерну. В работе отражена увлеченность русской сказкой, образы несколько лубочны, но при этом абсолютно новы – елки-церкви, путеводная звезда и образ лебедя синтезируют народную культуру с христианским мировоззрением. Стилистика модерна отразится и на других выпусках.

Обложки К. Сомова и Л. Бакста содержат легкие ажурные рисунки, отсылающие к классицистическим и галантным произведениям рококо XVIII столетия. Так, работа Бакста театральна, в рамке-медальоне изображен садовый павильон. Вокруг него разворачивается сцена – юноша пытается зацепить крюком убегающую обнаженную девушку. Безучастными свидетелями происходящего становятся мужчина, читающий книгу и молодая особа с надвинутой на лицо шляпкой. Их отстраненность театральна как и все изображение. Играя недотрог, они испытывают острое желание близости. Сцена в саду, символы кроликов и птичек помогают проявить сокрытое любовное чувство.

В целом каждая обложка демонстрирует индивидуальную творческую манеру художников, но при этом журнал воспринимается как целостный живой организм. Его композиция, составные элементы соотносятся с содержанием. Очень важно, что рисунки, акварели, офорты, литографии и т.д., размещенные на страницах «Мир искусства» не несли назидательности. Их ключевая задача была эстетической – проявить индивидуальное восприятие красоты, увидеть взаимосвязь разных искусств разных эпох, увидеть в этой схожести разность, самобытность, прежде всего, русского искусства.

Помимо оформления, в журнале активно писали об искусстве графики. На страницах постоянно печатались статьи, посвященные блистательным мастерам графики и их работам. Среди иностранных мастеров фигурировали: Ф. Гойя, А. Галлен, Ф. Валлотон, Э. Веренскольд, Дж. Уистлер, Г. Моро. Особое восхищение мирискусники отдавали творчеству О. Бёрдслея. Среди отечественных рисовальщиков отмечали К. Брюллова, К. Сомова, М. Якунчикову, А. Остроумову и других. В текстах

разбирается стиль художника, рассматривается отражение истории и современности в произведениях, их культурная значимость. Внимание к искусству графики уделяют в основном С. Дягилев и А. Бенуа. Последний в статье «Сомов» (Бенуа, 1899) рассматривает не только творчество художника, говоря, что «рисунки его доставляют бесконечное наслаждение истинному любителю» (Бенуа, 1899: 138), но и обращаясь к общим вопросам графики. Бенуа настаивает на том, что рисунок является самостоятельной областью искусства, хотя в России многие смотрят на него как часть подготовительной работы. Говоря в этой же статье о книжной иллюстрации Бенуа подчеркивает важность гармоничного сочетания изображения с текстом и трепетного отношения к книге как организму, прививающему в обществе художественный вкус. Данный подход А. Бенуа продемонстрировал на собственном примере. В 1 выпуске журнала за 1904 год была опубликована поэма А.С. Пушкина с иллюстрациями Бенуа, которые смогли не только обрисовать текст, но и создать поэтическую атмосферу (Бенуа, 1904: 8-45). Целый № 5 за 1901 год демонстрирует гармоничную связь поэтических текстов и изображений современных рисовальщиков: Е. Лансере, И. Билибиним, А. Бенуа, Л. Бакстом.

Авторы «Мир искусства» в целом начинают рассматривать искусство графики в качестве одного из важнейших видов художественной культуры. Они стимулируют больших авторов обращаться к книжной графике, заниматься гравюрой на дереве и литографией, выпуская альбомы литографий русских художников.

Искусство скульптуры

В отличие от других видов искусства, внимание русской скульптуре в журнале «Мир искусства» уделяется не так много. Авторы отмечают, что «у нас скульптура не процветает: она не имеет корней в истории нашего национального искусства» (Урусов, 1900: 196). Многие памятники представляют собой печальные творения, они не всегда вписываются в окружающее пространство, не являют прекрасное, в представлении об утилитарности – поучают и наставляют в добродетели. Это по мнению читателей журнала не соответствует духу времени. «Мне же кажется, что скульптор должен стремиться только к созданию характерной, стильной и прекрасной статуи» (Урусов, 1900: 198). Автор сокрушается о заказе нового памятника Н.В. Гоголю, в котором уже предполагается создание очередной бесформенной глыбы и призывает к скульпторам не совершать ошибок в штамповании подобных форм.

В заметке В. Розанова «Успехи нашей скульптуры» автор восхищается деятельностью скульпторов-мирскутников. Он отмечает, что не так давно в данном виде искусства было мало имен – М. Антокольский и И. Гинцбург (Розанов, 1901: 112). Теперь же на выставке присутствует много новых авторов, которые не выражают «идейные темы и аллегории», а обращаются к «миру частного, индивидуального». Ярким примером выступает творчество П. Трубецкого, который фиксировал камерные сцены из русской жизни и отображал характеры в портретных работах. Розанов, рассматривая проекты и готовые произведения скульптора, отмечает в них отражение истинной русскости. «Тут – наша история, тут «Русью пахнет»» (Розанов, 1901: 112).

Качества индивидуального и истинно правдивого отмечаются и в скульптурных изваяниях А. Голубкиной. Автор восхищается образами старух: «сколько красоты в некрасивом, если оно в то же время истинно» – «Это la nature vive, в секунде жизни, не повторяющейся, и у неповторимого, хотя в то же самое время совершенно частного лица...» (Розанов, 1901: 113).

Декоративно-прикладное искусство

В журнале «Мир искусства» значительная часть статей посвящена теоретическим рассуждениям об искусстве, как то: какие виды искусства есть, каково их назначение, чему те или иные предметы искусства служат, какова природа подлинно национального русского искусства. Встречаются подобные рассуждения и относительно декоративно-прикладного искусства. Так, например, сказано, что произведения искусства самостоятельны: «Телескоп сам по себе не имеет смысла, не может ни радовать, ни поучать; картина сама по себе имеет смысл и, наравне со звездой, которую телескоп к нам приближает, может быть и самостоятельным предметом изучения, и источником духовной радости. Таким образом, служение, выполняемое произведениями прикладной науки, – вспомогательное, служение, выполняемое произведениями искусства, – самостоятельное» (Волконский, 1899). И далее автор статьи кн. С. Волконский рассуждает уже об особых произведениях, имеющих практическое назначение, но все же важнейшим их качеством является именно художественное. Полезность вообще в подобного типа предметах признается случайным элементом.

Встречаются в журнале и критические заметки о состоянии декоративно-прикладного искусства рубежа XIX-XX вв. Само название одной из заметок «Трудолюбие вместо художества (Ученическая выставка в музее Штиглица)» задает общий критический тон (Ростиславов, 1901). Автор статьи А. Ростиславов сетует на отсутствие оригинальной художественности в работах учеников отечественной художественной школы керамики и графики. В другом номере журнала уже за 1902 г. (Ростиславов, 1902) этому же автору принадлежит статья «Выставка в школе Штиглица», в которой он обрушивается с критикой на систему художественного образования, не способную воспитать действительно оригинальных художников, работающих в сфере декоративно-прикладного искусства. Также А. Ростиславов предполагает, почему складывается подобная ситуация: «Быть может

безжизненность постановки дела, отсутствие художественности в наших художественных школах объясняется именно все еще царящим взглядом, будто индустрия, так называемое прикладное искусство, низший род искусства, не требующий ни таких познаний, ни такой подготовки, каких требует искусство вообще, будто она стоит на пороге искусства и ремесла» (Ростилавов, 1904). В целом же можно сказать, что этот автор ратует за признание декоративно-прикладного искусства ничем не уступающим таким искусствам как живопись, архитектура или скульптура.

Другой автор, – Д. Божаницкий, пишет критическую статью «Выставка керамических изделий» (Божаницкий, 1901). Снова в статье звучит критика относительно отечественной художественной промышленности, заметно, по мнению автора, уступающей западноевропейским образцам. Отмечаются достоинства работ Императорского фарфорового завода, которые в XVIII в. обладали художественными достоинствами, хотя и не имели русского национального характера, тогда как со второй половины XIX в. производство художественных предметов находится в упадке. Д. Божаницкий формулирует главный недостаток: «С технической стороны изделия заводов не лишены достоинства. Масса – хороша, позолота фарфора великолепна, вообще сразу видно, что заводы поставлены очень хорошо. Но этого мало. Заводы, поставленные в столь благоприятное положение, не должны довольствоваться ремесленным совершенством и рабским подражанием западным образцам. Они должны идти впереди, создавать новые формы, искать новых путей» (Божаницкий, 1901). Автор не преминул указать на недостатки получаемого профессионального образования в ведущих училищах Российской Империи, например, в училище Штиглица. Похвала достается только витрине Строгановского училища в Москве за стремление к национально-самобытным формам. Выказано и сожаление о технических недостатках Абрамцевского завода, произведения которого отличаются оригинальными формами.

Вообще же про декоративно-прикладное искусство написано в журнале очень мало. Можно привести еще весьма короткую заметку из статьи про Врубеля, в которой много внимания уделяется живописным полотнам, но не менее видной и интересной грани его таланта уделено буквально пара предложений: «Врубель также много работал для прикладного искусства. Еще во Владимирском соборе он проявил изумительное мастерство в орнаментике – в этой труднейшей и самой сложной области искусства. Выдающейся вещью этого рода должен быть признан камин для майоликовой фабрики «Абрамцево» (Яремич, 1901).

Исключение представляет последний выпуск журнала «Мир искусства», где опубликованы две большие статьи, имеющие отношение к обсуждению предметов декоративно-прикладного искусства.

Первая из них опубликована в №7 журнала за 1904 г. и посвящена описанию коллекции Патриаршей ризницы, причем в сопровождении богатого иллюстративного материала (Успенский, 1904). Хотя обсуждаются предметы религиозного искусства, но техники их исполнения относятся к созданию произведений декоративно-прикладного искусства: золотое шитье, вышивка, работа с металлами и финифть. Описания предметов, хранящихся в ризнице, скорее напоминают каталог.

Вторая статья, «Народное творчество Севера», авторства художника-мирискусника И.Я. Билибина посвящена тем задачам, которые должны быть поставлены перед современными художниками, в деле сохранения истинно прекрасного народного искусства (Билибин, 1904). В качестве идеала автор статьи избирает эпоху XVII в., когда существовала живая традиция русского народного искусства, образцы которого необходимо собирать, пока они еще не исчезли. Необходимо это делать для того, чтобы буквально воспитывать вкус у народа, создавая, например, образцы орнаментов на основе русской традиции, прекратившей свое естественное развитие. И более того, художники-профессионалы должны интересоваться народным декоративно-прикладным искусством, поскольку это также и их вкус тоже воспитывает. Дает И. Я. Билибин в этой статье также и подробное описание техник вышивания, бытовавших в нескольких северных губерниях России: шитье со счетом ниток (одностороннее и двустороннее), шитье «строчкой» и шитье «по письму». Указывает он также и на практичность в исполнении той или иной вышивки, всегда дающую в итоге гармоничное впечатление от готового изделия. Кроме этого описана и типология узоров (звериный, фигурный, растительный и геометрический) с выделением наиболее часто встречающихся элементов и приведением названий из лексики народных мастериц. Пишет И. Я. Билибин также и об искусстве набойки и разнообразии набоечного узора, еще более богатого по содержанию, чем вышитый. Стоит отметить и тот факт, что Билибин не предлагает копировать старорусское, но создавать на основе изучения оно новое и современное искусство.

Искусство архитектуры

Архитектура на страницах журнала «Мир искусства» рассматривается в различных аспектах: описываются отдельные памятники (Вениаминов, 1900: 75-76; Вениаминов, 1900: 159-160; Философов, 1902: 187-198), анализируется специфика архитектуры как особой формы творчества, а также место и значение зодчества в соотношении с другими видами искусства.

Так, рассуждая о значении понятия «искусство» князь С. Волконский, обращается к анализу признаков данного феномена, анализирует существующие определения Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского, Э. Золя. Задумывается о том, что же объединяет разные произведения искусства. В данном рассуждении автор ставит в один ряд музыку, архитектуру, и отмечает, что они

остаются «за бортом», если рассматривать искусство как выражении идеи в прекрасной форме (Волконский, 1899: 66).

В журнале неоднократно приводятся примеры понимания искусства, как отечественными мастерами, так и зарубежными. Публикуемые точки зрения критикуются или же наоборот рассматриваются как созвучные концепции мирискусников. Среди последних идеи Рихарда Вагнера (Лихтенбергер, 1899: 110). В описании достоинств греческой драмы как жизненного искусства, а не только литературного произведения для ума и воображения, подчеркивается роль архитектуры в создании этого восхитительного единения.

Помимо рассуждений об архитектуре, ее особенностях и эстетическом содержании как особого вида искусства, в журнале также встречаются оценочные суждения о положении архитекторов, об отношении к архитектуре как искусству. Некто N в разделе «Заметки» сообщает о решении парижского муниципалитета выдавать денежные премии за лучшие архитектурные сооружения возведенные в последнее время. При этом отмечает, что в России премировать за возводимые в Петербурге постройки некого, и было бы целесообразнее взимать со строителей штрафы соразмерные безвкусице возводимых ими построек. А также озвучивает жалобы архитекторов на то, что публика их не считает художниками наравне с живописцами, музыкантами, скульпторами, архитектура недооценена: «архитектура, как искусство, у нас почти не существует» (N., 1899: 62).

В противоположность этому мнению, Фомин с восторгом описывает произведения архитектуры предшествующих эпох, и так же отмечает почтительное отношение к архитекторам: «нельзя обойти молчанием также ту любовь и уважение, которыми пользовались тогда архитекторы; чувствуется, как в них тогда нуждались, как живо интересовались тем, что они делали, и как умели ценить то, что было талантливо сделано. Это рождало ту силу и энергию и то вдохновение, которые сквозят почти в каждом архитектурном произведении того времени» (Фомин, 1904: 191).

5. Заключение

Журнал «Мир искусства» внес значительный вклад в развитие русского искусства на рубеже XIX–XX вв. Во всех своих номерах он предлагал читателям новую программу творчества:

Во-первых, мирискусники призывали освободить искусство от назидательности, а художников от необходимости служить общественным идеям. Искусство в их понимании должно было воспитывать вкус, красотой воздействовать на душу.

Во-вторых, они ратовали за синтез искусства прошлого и настоящего, только в их взаимодействии они видели подлинно национальное творчество.

В-третьих, в самом журнале они визуализировали принцип синтеза искусств, который был замечен не только в рубриках, но и в оформлении издания. «Мир искусства» как журнал был подлинным и цельным произведением искусства, созданным яркими художниками, обладающими индивидуальной манерой творчества. Помимо обозначенных в статье архитектуры, скульптуры, живописи, графики и декоративно-прикладного искусства, обязательными были музыкальная, театральная, литературная рубрики. Авторы журнала полагали, что именно в равномерном и органичном развитии разных видов искусств можно уловить истинный «дух эпохи».

В-четвертых, полемика с Академией художеств на страницах журнала «Мир искусства» привела к финалу монополии Академии художеств в художественной жизни Российской империи в начале XX века и доминированию академических правил в искусстве.

В-пятых, на страницах журнала «Мир искусства» была разработана концепция русского национального искусства: описана история русского искусства с XVIII века до современности, выявлена самобытность русского искусства сквозь призму творчества художников рубежа XIX–XX веков, которая заключалась как в обращении к русским сказочным сюжетам, национальной природе, так и в возрождении русской орнаментики старинного искусства.

Литература

Абдуллина, 2022 – Абдуллина Д.А. Детский мир на страницах журнала «Мир искусства» (1898–1904) // *Academia*. 2022. №1. С. 106–120.

Асташкин, 2009 – Асташкин А. Г. Журнал «Мир искусства» как «поле битвы» художественных манифестов // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 35. С. 10–13.

Асташкин, 2015 – Асташкин А.Г. Журналы «Мир искусства» и «Аполлон»: эволюция оформительской модели журнала-манифеста // *Современные проблемы литературоведения, лингвистики и коммуникативистики глазами молодых ученых: традиции и новаторство*. 2015. С. 147–150.

Ахтамов, Гергилев, 2023 – Ахтамов Е.А., Гергилев Д.Н. Газета «речник Енисея» как исторический источник // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. № 7 (3). С. 73–78.

Бенуа, 1899 – Бенуа А. Сомов // *Мир искусства*. 1899. № 20. С. 127–140.

Бенуа, 1901 – Бенуа А. Монплезир // *Мир искусства*. 1901. № 2–3. С. 121–124.

Бенуа, 1904 – Бенуа А. 33 иллюстрации к поэме Пушкина «Медный всадник» // *Мир искусства*. 1904. № 1. С. 8–45.

- Билибин, 1904** – Билибин И. Народное творчество Севера // *Мир искусства*. 1904. Т. 12. № 11. С. 303-318.
- Божаницкий, 1901** – Божаницкий Д. Выставка керамических изделий // *Мир искусства*. 1901. Т.5. № 1. С. 50-52.
- Букова и др., 2023** – Букова М.И., Пименова Н.Н., Замараева Ю.С., Кистова А.В. Региональное своеобразие большого стиля: сибирский модерн // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 16 (11). С. 1956-1973.
- Вебер, 2021** – Вебер Е. Е. Журнал «Мир искусства»: история, развитие // *Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории*. 2021. С. 227-233.
- Вениаминов, 1900** – Вениаминов Б. Инженерный замок // *Мир искусства*. 1900. № 3-4. С. 75-76.
- Вениаминов, 1900** – Вениаминов Б. Катальная горка в Ораниенбауме // *Мир искусства*. 1900. № 7-8. С. 159-160.
- Вениаминов, 1900** – Вениаминов Б. Сведения // *Мир искусств*. № 11-12. С. 243-245.
- Волконский, 1899** – Волконский С. Искусство (окончание) // *Мир искусства*. 1899. Т.1. № 5. С. 80.
- Волконский, 1899** – Волконский С. Искусство // *Мир искусства*. 1899. Т.1. №3. С. 62-68.
- Галинская, 2003** – Галинская И. Л. «Мир искусства» и формирование художественной культуры начала XX в // *Вестник культурологии*. 2003. №3. С. 123-126.
- Дворецкая, Пиков, 2022** – Дворецкая А.П., Пиков Н.О. Формирование представлений о храме как объекте историко-культурного наследия во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах Енисейской губернии) // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2022. № 6 (4). С. 43-52.
- Дягилев, 1899** – Дягилев С. Вечная борьба // *Мир искусства*. 1899. № 1-2. С. 12-16.
- Дягилев, 1899** – Дягилев С. Выставка в Гельсингфорсе. Художественная хроника // *Мир искусства*. 1899. № 1-2. С. 3-4.
- Дягилев, 1902** – Дягилев С. По поводу книги Бенуа «История русской живописи в XIX веке», часть II // *Мир искусства*. № 11. С. 39-44.
- Казанова, 2020** – Казанова А. О. Анализ журнала «Мир искусства» № 1-12 1899 года // *Смоленский филологический сборник*. 2020. №12. С. 60-69.
- Копцева и др., 2023** – Копцева Н.П., Середкина Н.Н., Дегтяренко К.А. Эстетические трансформации как идейная основа советского изобразительного искусства 1917-1922 гг. // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 16 (4). С. 522-535.
- Лихтенбергер, 1899** – Лихтенбергер Г. Взгляды Вагнера на искусство // *Мир искусства*. 1899. № 7. С. 107-195.
- Мельник, 2013** – Мельник Н. Д. Формирование эстетической платформы журнала «Мир искусства» (полемика С.П. Дягилева и И.Е. Репина) // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2013. № 4 (24). С. 219-226.
- Мельник, 2015** – Мельник Н. Д. История создания журнала «Мир искусства» // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2015. 9(3). С. 203-215.
- Небылица, Кютина, 2022** – Небылица О. А., Кютина И. И. Роль журнала «Мир искусства» в Серебряном веке // *Актуальные проблемы современной гуманитарной науки*. 2022. С. 129-133.
- Позднякова, 2016** – Позднякова К. Г. Проблематика декоративно-прикладного искусства в художественных журналах в России конца XIX-начала XX вв. // *Успехи современной науки*. 2016. 3(4). С. 6-9.
- Розанов, 1901** – Розанов В. Успехи нашей скульптуры // *Мир искусства*. 1901. № 2-3. С. 112.
- Ростиславов, 1901** – Ростиславов А. Трудолюбие вместо художества (Ученическая выставка в музее Штиглица) // *Мир искусства*. 1901. Т.5. № 1. С. 48-50.
- Ростиславов, 1902** – Ростиславов А. Выставка в школе Штиглица // *Мир искусства*. 1902. Т. 7. № 1. С. 10-12.
- Ростиславов, 1904** – Ростиславов А. О школах // *Мир искусства*. 1904. Т. 11. № 1. С. 19.
- С.Д., 1899** – С.Д. Ученическая выставка // *Мир искусства*, 1899, № 3-4. С. 20-21.
- Сергеева, 2023** – Сергеева Н.А. Понятие «визуальность» в современных теории и истории искусства // *Северные Архивы и Экспедиции*. 2023. № 7 (2). С. 108-115.
- Ситникова, 2023** – Ситникова А.А. Городская художественная культура: современные концептуальные основания и методологические подходы к изучению // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 16 (11). С. 1999-2009.
- Урусов, 1900** – Урусов А. О памятнике Гоголю // *Мир искусства*. 1900. № 9-10. С. 195-199.
- Успенский, 1904** – Успенский А. Патриаршая ризница // *Мир искусства*. 1904. Т. 12. № 10. С. 237-264.
- Фомин, 1904** – Фомин Ив. Московский классицизм // *Мир искусства*. 1904. Т. 12. № 7. С. 187-198.
- Яковлева, 2016** – Яковлева А. С. Проблема национальной художественной традиции в статьях Д.В. Философова и А.Н. Бенуа в журнале «Мир искусства» // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2016. №. 4 (29). С. 132-135.

- Яковлева, 2017 – Яковлева А. С. Эстетизм и декадентство в статьях журнала «Мир искусства» // *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2017. №3 (32). С. 150-152.
- Яремич, 1901 – Яремич Ст. Врубель // *Мир искусства*. 1901. Т. 5. № 2. С. 124-125.
- Н, 1899 – Н. Заметки // *Мир искусства*. 1899. № 6. С. 61-62.
- Koptseva et al., 2021 – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Menzhurenko Yu.N. The Journal «Cinephono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 2043-2052.
- Koptseva, Seredkina, 2021 – Koptseva N.P., Seredkina N.N. The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2021. 16(1): 343-356.
- Leshchinskaia et al., 2022 – Leshchinskaia N.M., Sitnikova A.A., Sertakova E.A., Koptseva N.P. The Journal “Zodchiy” as a Source on the History of Russian Modern in the late XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(3): 1237-1249.

References

- Abdullina, 2022 – Abdullina, D.A. (2022). Detskiy mir na stranitsakh zhurnala «Mir iskusstva» (1898-1904) [Children's world on the pages of the journal “Mir iskusstva” (1898-1904)]. *Academia*. 1: 106-120. [in Russian]
- Akhtamov, Gergilev, 2023 – Akhtamov, Ye.A., Gergilev, D.N. (2023). Gazeta «rechnik Yeniseya» kak istoricheskiy istochnik [The newspaper “Yenisei Riverman” as a historical source]. *Northern archives and expeditions*. 7(3): 73-78. [in Russian]
- Astashkin, 2009 – Astashkin, A.G. (2009). Zhurnal «Mir iskusstva» kak «pole bitvy» khudozhestvennykh manifestov [The journal “Mir iskusstva” as a «battlefield» of artistic manifestos]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 35: 10-13. [in Russian]
- Astashkin, 2015 – Astashkin, A.G. (2015). Zhurnaly «Mir iskusstva» i «Apollon»: evolyutsiya oformitel'skoy modeli zhurnala-manifesta [Journals «World of Art» and «Apollo»: the evolution of the design model of the manifesto journal]. *Sovremennyye problemy literaturovedeniya, lingvistiki i kommunikativistiki glazami molodykh uchenykh: traditsii i novatorstvo*. Pp. 147-150. [in Russian]
- Benua, 1899 – Benua, A. (1899). Somov. *Mir iskusstva*. 20: 127-140. [in Russian]
- Benua, 1901 – Benua, A. (1901). Monplezir [Monplezir]. *Mir iskusstva*. 2-3: 121-124. [in Russian]
- Benua, 1904 – Benua, A. (1904). 33 illyustratsii k poeme Pushkina «Mednyy vsadnik [33 illustrations for Pushkin's poem “The Bronze Horseman”]. *Mir iskusstva*. 1: 8-45. [in Russian]
- Bilibin, 1904 – Bilibin, I. (1904). Narodnoye tvorchestvo Severa [Folk art of the North]. *Mir iskusstva*. 12(11): 303-318. [in Russian]
- Bozhanitsky, 1901 – Bozhanitsky, D. (1901). Vystavka keramicheskikh izdeliy [Exhibition of ceramic products]. *Mir iskusstva*. 5(1): 50-52. [in Russian]
- Bukova i dr., 2023 – Bukova, M.I., Pimenova, N.N., Zamarayeva, Yu.S., Kistova, A.V. (2023). Regional'noye svoeobraziye bol'shogo stilya: sibirskiy modern [Regional originality of the great style: Siberian modern]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(11): 1956-1973. [in Russian]
- Dvoretskaya, Pikov, 2022 – Dvoretskaya, A.P., Pikov, N.O. (2022). Formirovanie predstavlenii o khrame kak ob'ekte istoriko-kul'turnogo naslediya vo vtoroi poloviny XIX – nachale XX v. [Formation of ideas about the temple as an object of historical and cultural heritage in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Yenisei province)]. *Northern archives and expeditions*. 6(4): 43-52. [in Russian]
- Dyagilev, 1899 – Dyagilev, S. (1899). Vechnaya bor'ba [Eternal struggle]. *Mir iskusstva*. 1-2: 12-16. [in Russian]
- Dyagilev, 1899 – Dyagilev, S. (1899). Vistavka v Gel'singforce. Hudozhestvennaya hronika [Exhibition in Helsingfors. Art chronicle]. *Mir iskusstva*. 1-2: 3-4. [in Russian]
- Dyagilev, 1902 – Dyagilev, S. (1902). Po povodu knigi Benua “Istoriya russkoi zhivopisi v XIX veke”, chast' 2 [Regarding Benoit's book “The History of Russian Painting in the 19th Century”, Part II]. *Mir iskusstva*. 11: 39-44. [in Russian]
- Filosofov, 1902 – Filosofov, D. (1902). Sovremennoye iskusstvo i kolokol'nya Sv. Marka [Modern art and the bell tower of St. Mark]. *Mir iskusstva*. 8(7-8): 112-121. [in Russian]
- Fomin, 1904 – Fomin, Iv. (1904). Moskovskiy klassitsizm [Moscow classicism]. *Mir iskusstva*. 12(7): 187-198. [in Russian]
- Galinskaya, 2003 – Galinskaya, I.L. (2003). «Mir iskusstva» i formirovaniye khudozhestvennoy kul'tury nachala KHKH v [“Mir iskusstva” and the formation of artistic culture in the early twentieth century]. *Vestnik kul'turologii*. 3: 123-126. [in Russian]
- Kazanova, 2020 – Kazanova, A.O. (2020). Analiz zhurnala «Mir iskusstva» № 1-12 1899 goda [Analysis of the journal “Mir iskusstva”. No. 1-12 of 1899]. *Smolenskiy filologicheskiy sbornik*. 12: 60-69. [in Russian]

- Koptseva et al., 2021** – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Yu.N.* (2021). The Journal «Cine-phon» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907–1916. *Bylye Gody*. 16(4): 2043-2052.
- Koptseva, Seredkina, 2021** – *Koptseva, N.P., Seredkina, N.N.* (2021). The Journal «North» (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 16(1): 343-356.
- Koptseva i dr., 2023** – *Koptseva, N.P., Seredkina, N.N., Degtyarenko, K.A.* (2023). Esteticheskiye transformatsii kak ideynaya osnova sovetskogo izobrazitel'nogo iskusstva 1917-1922 gg. [Aesthetic transformations as the ideological basis of Soviet fine arts in 1917-1922]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(4): 522-535. [in Russian]
- Leshchinskaia et al., 2022** – *Leshchinskaia, N.M., Sitnikova, A.A., Sertakova, E.A., Koptseva, N.P.* (2022). The Journal “Zodchiy” as a Source on the History of Russian Modern in the late XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 17(3): 1237-1249.
- Lichtenberger, 1899** – *Lichtenberger, G.* (1899). Vzgl'yady Vagnera na iskusstvo [Wagner's views on art]. *Mir iskusstva*. 7: 107-128. [in Russian]
- Melnik, 2013** – *Melnik, N.D.* (2013). Formirovaniye esteticheskoy platformy zhurnala «Mir iskusstva» (polemika S.P. Dyagileva i I.Ye. Repina) [Formation of the aesthetic platform of the journal “Mir iskusstva” (controversy between S.P. Diaghilev and I.E. Repin)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 4(24): 219-226. [in Russian]
- Melnik, 2015** – *Melnik, N.D.* (2015). Istoriya sozdaniya zhurnala «Mir iskusstva» [History of the creation of the journal “Mir iskusstva”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature*. 9(3): 203-215. [in Russian]
- N., 1899** – *N.* (1899). Zametki [Notes]. *Mir iskusstva*. 3: 61-62. [in Russian]
- Nebylitsa, Kiyutina, 2022** – *Nebylitsa, O.A., Kiyutina, I.I.* (2022). Rol' zhurnala «Mir iskusstva» v Serebryanom veke [The role of the journal “Mir iskusstva” in the Silver Age]. *Aktual'nyye problemy sovremennoy gumanitarnoy nauki*. Pp. 129-133. [in Russian]
- Pozdnyakova, 2016** – *Pozdnyakova, K.G.* (2016). Problematika dekorativno-prikladnogo iskusstva v khudozhestvennykh zhurnalakh v Rossii kontsa XIX-nachala XX vv. [Problems of decorative and applied art in art journals in Russia at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries]. *Uspekhi sovremennoy nauki*. 3(4): 6-9. [in Russian]
- Rostislavov, 1901** – *Rostislavov, A.* (1901). Trudolyubiye vmesto khudozhestva (Uchenicheskaya vystavka v muzeye Shtiglitsa) [Hard work instead of art (Student exhibition at the Stieglitz Museum)]. *Mir iskusstva*. 5(1): 48-50. [in Russian]
- Rostislavov, 1902** – *Rostislavov, A.* (1902). Vystavka v shkole Shtiglitsa [Exhibition at the Stieglitz school]. *Mir iskusstva*. 7(1): 10-12. [in Russian]
- Rostislavov, 1904** – *Rostislavov, A.* (1904). O shkolakh [About schools]. *Mir iskusstva*. 11(1): 19. [in Russian]
- Rozanov, 1901** – *Rozanov, V.* (1901). Uspekhi nashey skul'ptury [The successes of our sculptur]. *Mir iskusstva*. 2-3: 112-113. [in Russian]
- S.D., 1899** – *S.D.* (1899). Uchenicheskaya vistavka [Student exhibition]. *Mir iskusstva*. 3-4: 20-21. [in Russian]
- Sergeeva, 2023** – *Sergeeva, N.A.* (2023). Ponyatiye «vizual'nost'» v sovremennykh teorii i istorii iskusstva [The concept of "visuality" in modern theory and history of art]. *Northern archives and expeditions*. 7(2): 108-115 [in Russian]
- Sitnikova, 2023** – *Sitnikova, A.A.* (2023). Gorodskaya khudozhestvennaya kul'tura: sovremennyye kontseptual'nyye osnovaniya i metodologicheskiye podkhody k izucheniyu [Urban artistic culture: modern conceptual foundations and methodological approaches to study]. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 16(11): 1999-2009. [in Russian]
- Urusov, 1900** – *Urusov A.* (1900). O pamyatnike Gogolyu [About the monument to Gogol]. *Mir iskusstva*. 9-10: 195-199. [in Russian]
- Uspensky, 1904** – *Uspensky, A.* (1904). Patriarshaya riznitsa [Patriarchal sacristy]. *Mir iskusstva*. 12(10): 237-264. [in Russian]
- Veber, 2021** – *Veber, Ye.Ye.* (2021). Zhurnal «Mir iskusstva»: istoriya, razvitiye [Journal “Mir iskusstva”: history, development]. *Tvorchestvo V.I. Likhonosova i aktual'nyye problemy razvitiya yazyka, literatury, zhurnalistiki, istorii*. Pp. 227-233. [in Russian]
- Veniaminov, 1900** – *Veniaminov, B.* (1900). Inzhenernyy zamok [Engineering castle]. *Mir iskusstva*. 3-4: 75-76. [in Russian]
- Veniaminov, 1900** – *Veniaminov, B.* (1900). Katal'naya gorka v Oraniyenbaume [Rolling Mountain in Oranienbaum]. *Mir iskusstva*. 7-8: 159-160. [in Russian]
- Veniaminov, 1900** – *Veniaminov, B.* (1900). Svedeniya [Details]. *Mir iskusstva*. 11-12: 243-245. [in Russian]
- Volkonskiy, 1899** – *Volkonskiy, S.* (1899). Iskusstvo [Art]. *Mir iskusstva*. 1(3): 62-68. [in Russian]
- Volkonsky, 1899** – *Volkonsky, S.* (1899). Iskusstvo (okonchaniye) [Art (end)]. *Mir iskusstva*. 1(5): 80. [in Russian]

Yakovleva, 2016 – Yakovleva, A.S. (2016). Problema natsional'noy khudozhestvennoy traditsii v stat'yakh D.V. Filosofova i A.N. Benua v zhurnale «Mir iskusstva» [The problem of national artistic tradition in the articles of D.V. Filosofov and A.N. Benois in the journal “Mir iskusstva”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 4(29): 132-135. [in Russian]

Yakovleva, 2017 – Yakovleva, A.S. (2017). Estetizm i dekadentstvo v stat'yakh zhurnala «Mir iskusstva» [Aestheticism and decadence in the articles of the journal “Mir iskusstva”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 3(32): 150-152. [in Russian]

Yaremich, 1901 – Yaremich, St. (1901). Vrubel' [Vrubel']. *Mir iskusstva*. 5(2): 124-125. [in Russian]

Журнал «Мир искусства» (1899–1904 гг.) как источник по истории русского искусства конца XIX – начала XX вв.

Екатерина Анатольевна Сертакова ^{a, *}, Наталья Михайловна Лещинская ^a,
Мария Александровна Колесник ^a, Александра Александровна Ситникова ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность настоящего исследования связана с вечным возвращением русского искусства к вопросу о своем национальном своеобразии – отклоняясь то в сторону освоения западных стилей, художественных техник и направлений, то в сторону возрождения старинных русских видов искусства, сюжетов и узоров, художники постоянно находятся в поиске золотой середины. В начале XXI века мы вновь становимся свидетелями поиска характерной русской национальной образности в искусстве – подобный путь был пройден художниками на рубеже XIX-XX веков, что подробно задокументировано на страницах журнала «Мир искусства», объединившего работу таких выдающихся философов, художников, критиков как С. Дягилев, А. Бенуа, Д. Filosofov, И. Грабарь, В. Розанов и других, поэтому обращение к исследованию концепций национального русского искусства на страницах этого журнала позволяет заимствовать опыт прошлого в осмыслении современности. Методом исследования выступил качественный контент-анализ. Поскольку журнал «Мир искусства» стремился к синтезу разных видов искусств, то на его страницах в равной степени рассматриваются процессы происходящие во всех видах творческой деятельности. В соответствии с этим результаты исследования представлены по видам искусства: живопись, графика, скульптура, архитектура, декоративно-прикладное искусство. В заключение сделаны выводы о специфике представления истории русского национального искусства на страницах журнала «Мир искусства».

Ключевые слова: мир искусства, Сергей Дягилев, национальное русское искусство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sertachok@mail.ru (Е.А. Сертакова),
trognonulia@gmail.com (Н.М. Лещинская), masha_kolesnik@mail.ru (М.А. Колесник),
sem_dobrianka@mail.ru (А.А. Ситникова)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2036-2044
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2036

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Electoral Activity of Voters and the Practice of Forming Representative Assemblies in the cities of Siberia (1900s)

Alexander B. Khramtsov ^{a, *}

^a Industrial university of Tyumen, Russian Federation

Abstract

In the work with the involvement of archival documents, the electoral activity of voters in the elections of representative assemblies in the cities of Siberia in the 1900s was studied for the first time (based on the materials of the Tobolsk province). It is established that the process of formation of city dumas and meetings of commissioners depended on the ratio of various factors, such as the number of persons who had the right to vote, their electoral activity, the class structure and the degree of education of the local society, the level of commercial and industrial development of the city, its administrative status. The practice of elections has shown that less than 5 % of their residents were granted the right to vote in Siberian cities, and small owners and tenants were excluded from participating in solving urban problems. The election results were affected by the imperfect mechanism of electoral production, absenteeism of voters, their indifferent attitude to public service. The analysis of the voter lists by property qualification allowed us to divide the cities of the region into 3 groups: large, actively developing (Kurgan, Tobolsk, Tyumen), "medium" (Tara, Ishim, Yalutorovsk, Tyukalinsk) and small settlements "frozen" in their development (Berezov, Surgut, Turinsk). It is estimated that the average turnout for the elections was 25 %. Most of the legitimate voters did not take part in local elections, in the formation of representative government. It has been established that most of the members of the city dumas of Tyumen, Kurgan and Ishim at the beginning of the XX century were retained by representatives of the merchant class, in the provincial center there was an approximately equal ratio between merchants, burghers and officials, and in small towns petty-bourgeois artisans prevailed. It can be concluded that city meetings were characterized by blockiness of interests, closeness from the broad masses of citizens, ossification (non-renewability of compositions) and an entrepreneurial management style.

Keywords: local elections, voters, city commissioners, voters, absenteeism, electoral activism.

1. Введение

После первой русской революции центральная власть пришла к выводу, что действовавшие нормы Городового положения 1892 г. сдерживают развитие городского хозяйства, и его нужно пересмотреть (ПСЗ, 1895: 430). Низкая эффективность работы органов местного самоуправления обуславливалась комплексом факторов, среди которых наличие разного рода цензов, а также нежелание жителей участвовать в формировании и деятельности представительной власти в городах страны. 19 ноября 1913 г. Главное управление местного хозяйства МВД запросило у губернаторов сведения о составе городских избирателей и об их участии в местных выборах (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1089. Л. 16.).

В этой связи научный интерес представляет анализ электоральной активности избирателей на выборах и практики формирования городских дум (собраний) на уровне конкретного региона, в нашем случае Тобольской губернии. В соответствии с предписанием центрального органа местный губернатор 13 декабря 1913 г. обратился к городским головам и старостам за означенными

* Corresponding author

E-mail addresses: khramtsov_ab@bk.ru (A.B. Khramtsov)

сведениями по предлагавшимся двум таблицам с приложением списка городских избирателей на текущее четырехлетие (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1089. Л. 3).

2. Материалы и методы

В ходе изучения данной проблематики первый блок источников составили архивные документы по выборам в городах Сибири начала XX века, извлеченные впервые из государственного архива города Тобольска (Тобольск, Российская Федерация): отчеты, справки, обзоры, списки избирателей, выборные листы, списки личного состава и их кандидатов, служебная переписка и др. В фонде губернского управления (И-152) сохранился комплекс отчетных документов по результатам местных выборов, а также списки лиц, имевших право участвовать в выборах. Составы гласных городских собраний публиковались в «Тобольских губернских ведомостях». Второй блок – воспоминания (очерки, письма) современников-участников событий (Письма, 1894; Чукмалдин, 1902).

Статья основана на базовых принципах теоретико-правового познания – историзма и научной объективности, предполагающих критическое отношение к историческим источникам. Результаты местных выборов рассматривались с разных сторон, оценивались как объективные, так и субъективные факторы, обнаруживались различные трудности, правовые коллизии и противоречия. Процесс формирования органов городского самоуправления в губерниях Сибири позволил раскрыть комплекс методов познания как общенаучных (анализ, синтез, сравнительный, аналогия), так и специальных (типология, системный контент-анализ).

Историко-хронологический метод дал возможность определить последовательность событий, явлений и процессов на местном уровне, аналитико-синтетический метод – раскрыть цепочку факторов, влияющих на активность избирателей и их поведение; типологический метод – выявить общие проблемы, характерные для городских управлений, а также нетипичность отдельных явлений; сравнительный метод – оценить результаты выборного производства в разных городах региона; системный метод – рассмотреть общественный институт самоуправления как совокупность взаимосвязанных элементов, объединенных общей целью развития городов, их благоустройства и повышения качества жизни горожан.

3. Обсуждение

В 1990–2000-е гг. вопросы формирования органов местного самоуправления в сибирских городах стали объектом исследования для целого ряда ученых. Скажем, общие проблемы становления городского самоуправления в Западной Сибири в досоветский период рассмотрели омские историки (Толочко и др., 2003), аспекты организации выборов после введения реформы 1870 г. раскрыл К.В. Лен (Лен, 2006), результаты отдельных работ авторов по данной теме были обсуждены на конференциях и круглых столах и объединены в коллективный труд (История общественного самоуправления, 2006).

Ряд авторов сконцентрировал свое внимание на специфике сословно-социального состава населения в сибирских городах, анализе особой социальной среды, из которой формировались составы гласных городских собраний (Жиров, 2001; Литягина, 2015; Меренкова, 2007).

Сегодня заметно возрос интерес к познанию особенностей проведения местных выборов и практик формирования институтов самоуправления, их эволюции в конкретных городах Западно-Сибирского региона. Скажем, изучением данной проблемы в городах Степного края (Омск, Акмолинская область) занимается И.А. Коновалов (Коновалов, 2023), Тобольской и Томской губерниях – Д.А. Кокшаров (Кокшаров, 2009), К.А. Анкушева (Анкушева, 2007) и А.Б. Храмов (Khramtsov, 2021). Однако многие проблемы организации городских выборов, практика, динамика, специфика формирования органов местного самоуправления, ментальность избирателей, их электоральная активность еще остаются малоизученными.

4. Результаты

По подсчетам исследователей, с 1897–1910 гг. городское население Тобольской губернии возросло в 1,4 раза, с 87 351 до 11 7971 чел. (Толочко и др., 2003: 56). Причем около 54 % населения в городах региона были «пришлые», а из них основная часть – крестьяне, не имевшие права голоса на местных выборах. Избирательным правом в городах Тобольской губернии обладали в среднем менее 5 % их жителей. Например, по данным статистики, в г. Тюмени на 1910 г. проживало 35 350 горожан, а список избирателей включал 368 (1,0 %) (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1089. Л. 14); в Кургане – 35 043 и 520 (1,5 %) (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1089. Л. 26); в Сургуте – 1 383 и 110 (7,9 %) соответственно (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1089. Л. 47).

Такой низкий процент вовлечения горожан в местное самоуправление связан с тем, что для избрания в представительное собрание (городскую думу или собрание уполномоченных в малых поселениях) житель должен был владеть недвижимостью в городе. Причем в Тобольске и Тюмени имущественный ценз составлял от 1 000 руб., в Ишиме, Кургане и Таре – от 300 руб.; в Березове, Сургуте, Туринске, Тюкалинске и Ялуторовске – от 100 руб. (табл. 1).

Цензовая избирательная система исключала мелких собственников и квартиронанимателей из числа участников формирования личных составов городских собраний. Очевидно, что высокий имущественный ценз не позволял большинству людей интеллектуального труда занимать выборные должности по городскому управлению (Меренкова, 2007: 41). Все принятые городские реформы 1785 г., 1870 г. и 1892 г. посредством введения цензов преимущественное избирательное право давали крупным владельцам недвижимости, торговцам и промышленникам (Khrantsov, 2021: 817).

Таблица 1. Распределение городских избирателей по имущественному цензу (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1089. Л. 5 об-6, 12 об.-13, 24 об.-25, 28 об.-29, 31 об.-32, 35 об.-36, 39 об.-40, 47, 51 об.-52, 59)

Город	Список избирателей на год	Численность избирателей по оценке их собственности						Лица по торгово-промышленным, промышленным, промысловым свидетельствам разных разрядов
		от 100-299 руб.	от 300-499 руб.	от 500-999 руб.	от 1000-1499 руб.	от 1500-2999 руб.	от 3000 руб. и выше	
Березов	1902	46	10	8	2	5	5	-
	1906	40	14	5	3	5	4	-
	1910	33	10	11	5	4	5	-
Ишим	1902	-	42	33	17	11	10	7
	1906	-	57	31	23	18	16	-
	1910	-	56	41	23	12	16	2
Курган	1902	-	93	47	19	19	3	31
	1906	-	102	63	24	21	9	43
	1910	-	232	124	36	48	37	43
Сургут	1902	52	10	4	3	3	2	-
	1906	68	13	2	1	1	2	-
	1910	91	8	6	-	3	2	-
Тара	1901	-	71	40	6	11	11	3
	1905	-	63	19	6	10	11	3
	1909	-	81	35	9	10	13	3
Тобольск	1901	-	-	-	62	92	72	21
	1905	-	-	-	74	100	67	31
	1909	-	-	-	77	104	63	24
Туринск	1902	63	19	15	6	15	2	-
	1906	64	19	16	7	15	2	-
	1910	53	26	16	7	11	1	2
Тюкалинск	1902	85	30	19	5	8	3	-
	1906	67	14	25	4	6	7	-
	1910	86	23	30	7	6	10	-
Тюмень	1902	-	-	-	58	76	78	17
	1906	-	-	-	73	81	82	38
	1910	-	-	-	98	102	129	39
Ялуторовск	1902	76	31	15	7	7	6	-
	1906	72	31	22	9	9	6	-
	1910	112	40	35	12	6	12	-
<i>Всего</i>		<i>1008</i>	<i>1095</i>	<i>662</i>	<i>683</i>	<i>819</i>	<i>686</i>	<i>307</i>

Согласно [Таблице 1](#), большая часть избирателей (55 %) в городах владела собственностью от 100 до 1 000 руб. При этом отдельные избиратели обладали дорогостоящей недвижимостью, а их предприятия имели торговые обороты на миллионы рублей. В частности, в Ишиме это купец В.П. Баев с оценкой собственности в 11 000 руб.; в Тюкалинске – купец Ф.С. Афонин – 15 000 руб.; в Ялуторовске – купец А.В. Колмаков – 25 000 руб.; в Тобольске – купец А.А. Сыромятников – 33 899 руб.; в Тюмени – купец А.И. Текутьев – 78 620 руб. Интересно, что из всех избирателей в городах региона, пожалуй, самой дорогой недвижимостью владел казенный винный склад в Тюмени (по оценке 1910 г. – 250 тыс. руб.) ([Анкушева, 2007: 210](#)). Для сравнения – доходная часть бюджета Сургута в 1914 г. составила всего 2 361 руб. ([Обзор, 1916](#)).

Распределение избирателей по имущественному цензу за последние три четырехлетия (1902–1914 гг.) позволяет разделить города региона, во-первых, на быстро развивавшиеся центры с преобладающей торговой функцией – Курган, Тобольск и Тюмень. Причем в Кургане за 1902–1910 гг. количество избирателей возросло в 2,5 раза, с 212 до 520; во-вторых, «средники» («точки роста») – Тара, Ишим, Ялуторовск и Тюкалинск; в-третьих, малые поселения, фактически «застывшие» в своем

развитии (Березов, Сургут, Туринск). В последних городах практически не росла численность населения, а значит, и число избирателей и оценка их собственности (Таблица 1).

Средняя явка избирателей на участки составила 25 %. В отдельных городах (Сургут, Ишим, Тобольск) число лиц, принявших участие в выборах, достигало 40-45 %. Более половины законных избирателей не пользовались своим правом. Со знаком минус «отличились»: Тюмень, где из 274 избирателей на участок пришли 51 (18,6 %), Тюкалинск – 162 и 26 (16 %) и Курган – 212 и 41 (19,3 %) соответственно (Таблица 2).

Таблица 2. Численность городских избирателей в начале XX в. (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1089. Л. 7, 14, 26, 30, 34, 38, 42, 49, 54, 60)

Четырехлетия	Общее число избирателей по списку	Число избирателей, принявших участие в выборах	В том числе, по роду ценза					
			Владельцев недвижимой собственности	Содержателей торговых-промышленных предприятий	В том числе, с личным правом	По доверенности или уполномочию	В том числе за лиц женского пола	По праву представительства
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Березов								
1903–1907 гг.	76	29	29	-	26	3	3	-
1907–1911 гг.	71	22	22	-	19	3	3	-
1911–1915 гг.	68	20	20	-	17	3	3	-
Ишим								
1903–1907 гг.	120	24	22	2	23	1	1	-
1907–1911 гг.	145	58	58	-	57	1	1	-
1911–1915 гг.	150	72	72	-	65	7	7	-
Курган								
1902–1906 гг.	212	41	33	8	33	6	2	2
1906–1910 гг.	262	84	70	14	67	14	7	3
1910–1914 гг.	520	163	152	11	139	20	14	4
Сургут								
1903–1907 гг.	74	38	38	-	38	-	-	-
1907–1911 гг.	87	37	37	-	37	-	-	-
1911–1915 гг.	110	48	48	-	48	-	-	-
Тара								
1902–1906 гг.	142	39	38	1	34	3	3	2
1906–1910 гг.	112	49	45	4	44	4	4	1
1910–1914 гг.	151	71	67	4	69	1	1	1
Тобольск								
1902–1906 гг.	247	95	93	2	66	28	26	1
1906–1910 гг.	272	83	80	3	60	20	15	3
1910–1914 гг.	268	108	102	6	77	25	18	6
Туринск								
1903–1907 гг.	120	30	30	-	30	-	-	-
1907–1911 гг.	123	34	34	-	34	-	-	-
1911–1915 гг.	116	43	43	-	43	-	-	-
Тюкалинск								
1903–1907 гг.	150	29	29	-	29	-	-	-
1907–1911 гг.	123	40	40	-	40	-	-	-
1911–1915 гг.	162	26	26	-	23	3	2	-
Тюмень								
1903–1907 гг.	229	60	53	7	52	6	3	2

1907–1911 гг.	274	51	45	6	43	4	2	4
1911–1915 гг.	368	96	89	7	79	13	10	4
Ялutorовск								
1903–1907 гг.	142	40	40	-	38	2	2	-
1907–1911 гг.	149	34	34	-	33	1	1	-
1911–1915 гг.	217	52	52	-	52	-	-	-

Интересно, что низкая явка избирателей не являлась основанием для отмены результатов местных выборов. В частности, в Березове, согласно выборному листу (1910 г.), баллотировались 20 человек. Столько же избирателей пришли на участок, в их числе были неграмотные люди. Стало быть, все, кто принял в выборах участие, выбирали городское собрание. Губернское управление итоги выборов оставило в силе, так как в них участвовало количество избирателей больше числа подлежащих к избранию городских уполномоченных и кандидатов к ним, то есть 12 и 3 соответственно (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 899. Л. 66-66 об.).

Причины абсентеизма горожан-избирателей, по суждению исследователей, крылись в обременительности общественной службы, «в низкой политической культуре и слабой информированности» о дате проведения местных выборов и правилах участия в них, а многим жителям не хватало кругозора и элементарной грамотности (История общественного самоуправления, 2006: 87).

В период проведения местных выборов в городах Тобольской губернии отмечались ошибки, отступления от требований закона 1892 г. и разные мелкие нарушения, причем повсеместно. Например, группа городских уполномоченных и мещан г. Тюкалинска (6 человек) 10 мая 1907 г. подали заявление губернатору об отмене результатов местных выборов и проведении новых. По их утверждению, в ходе выборов были допущены следующие «неправильности»:

1) большинство уполномоченных оказались торгующими, бывшими уполномоченными подряд несколько лет, т.е. почти те же самые, что и в 1906 г.

2) уполномоченные уже из своей среды только без всякого приглашения мещан избрали старосту В.И. Фирстова, за которым, по слухам, были недоимки и который имел винную торговлю. Означенное лицо достаточно уже известно городу по своей службе в роли гласного.

3) помощник городского старосты Пospelов удержался единственно лишь благодаря торгующим гласным, тогда как мещане предлагали двух или трех кандидатов, лиц испытанных.

В заявлении отмечалось, что для ведения дел городского хозяйства требовались лица, не могущие смешивать интересы города со своими собственными, как это наблюдалось подряд несколько лет благодаря тому, что подавляющее большинство гласных из года в год состояло из класса купцов. Как заботились последние об интересах города и его нуждах, видно было из их отношения к делу. Всякие заседания и собрания по делам города состояли иногда из 4-5 гласных-купцов, старосты и его помощника. Приговоры и протоколы подобных заседаний различались отсутствовавшим гласным для подписи, купцы подписывали документы и бесконтрольно предоставляли старосте, его помощнику, секретарю (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 715. Л. 46).

Эта группа уполномоченных ходатайствовала перед губернатором об отмене результатов выборов, о проведении выборов старосты из мещан как основных налогоплательщиков, что позволило бы «поправить дела города, все время идущие и ведущие город к полнейшему обнищанию, долгам и к полному хаосу и беспорядку ведению дел городского хозяйства» (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 715. Л. 47). Городской староста Ахматов доложил губернатору, что В.И. Фирстов все числившиеся за ним недоимки уплатил. Глава губернии оставил данную жалобу без уважения.

Губернаторы, прежде осуществлявшие общий надзор за законностью деятельности городских управлений, с 1892 г. приобрели право проводить их ревизии, давать предписания членам управ и даже отстранять их от должностей. Таким образом, глава региональной администрации был непосредственным «участником» процесса формирования органов местного самоуправления, включенных в «единую вертикаль публичной власти» (Коновалов, 2023: 30).

Нередко губернаторы отменяли результаты выборов. В частности, 9 октября 1915 г. уполномоченные Ялutorовского городского управления и их кандидаты (9 человек) направили заявление губернатору о том, что старостой был избран И.В. Николаевский – лицо, «совершенно несоответствующее должности» (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1288. Л. 42-42 об.).

Ялutorовский уездный исправник 6 ноября 1915 г. доложил губернатору, что мещанин И.В. Николаевский за время проживания в городе с 1903 г. судом не был. Поведение и нравственные его качества не имели за собой ни отрицательной, ни похвальной оценки, замечалось невежество и неряшливость. Начальник губернии не утвердил его в должности, распорядился провести перевыборы (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1288. Л. 58).

В избирательных списках зачастую фигурировали недоимщики, ссыльные и подсудимые, что было запрещено законодательством. Скажем, в Тюмени из списка избирателей для участия в выборах местной думы 1911–1915 гг. созыва были исключены 50 человек как недоимщики (418 – 50 = 368) (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1089. Л. 15-22). В Туринске из списка избирателей в 1911 г. вычеркнули 18 человек

как должников по уплате сборов (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 900. Л. 2-3). Мещанин А.П. Кушников был исключен уже из выбранных в состав собрания уполномоченных Сургута, так как он был судим по делу за разбой и не подлежал избранию на общественную службу (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 898. Л. 21-22).

В социально-профессиональном разрезе составы гласных дум и собраний уполномоченных непосредственно «отражались» от сословного состава населения, проживавшего в конкретном городе. Очевидно, что наиболее «пестрые» личные составы местных дум по сословиям и профессиям были в Тюмени, Кургане и Тобольске. Скажем, гласными Тобольской городской думы 1910-1914 гг. созыва служили 11 мещан, 11 купцов, 7 чиновников и 1 колонист (переселенец), а по профессиям – преподаватели, нотариус, почетный мировой судья, заводчики и торговцы разными товарами (галантерея, бакалея, железо, хлеб, кожа, вино, пиво, соки и др.), госслужащие, бухгалтер, фотограф, издатель газеты, страховой агент, прапорщик запаса. Всего в списке избирателей по Тобольску значились 24 торгово-промышленных предприятия (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1089. Л. 43-44 об.).

В крупных городах купечество, по мнению исследователей, являлось наиболее подвижной социальной прослойкой общества, купцы были сторонниками и лоббистами эффективных и быстрых решений (Бондаренко, 2008: 27). Тюменский, а позднее московский, купец в своих воспоминаниях отмечал, что жители главами города постоянно избирали лишь «самых богатых купцов, хотя бы грамота их не шла далее подписи имени и фамилии» (Чукмалдин, 1902: 148). Очевидно, что концентрация людей грамотных и опытных (соответственно, горожан-избирателей и гласных) была на порядок выше в крупных центрах, чем в малых поселениях, что отражалось в их подходах к управлению (Литягина, 2015: 153).

Социально-сословный состав жителей в малых поселениях сложился менее разношерстным, более однородным с преобладанием в городских собраниях одной группы – мещан. В частности, список лиц, имевших право голоса на городских выборах в Березове от 21 апреля 1914 г., включал 71 избирателя: 1 купец, 4 чиновника, 62 мещанина (87 %) и 4 крестьянина (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1177. Л. 2-3об.). На состоявшихся 9 ноября 1914 г. выборах в состав местного собрания из 12-ти членов «прошли» 11 мещан и 1 купец (ТГВ, 1915: 2). В Ялуторовское городское собрание в августе 1915 г. в состав 15-ти членов избралось 10 мещан, 2 купеческих сына, 2 крестьянина и 1 канцелярский служащий (ТГВ, 1915: 44).

Профессиональная занятость городских уполномоченных была менее разнообразной. Например, Туринское городское собрание 1911-1915 гг. созыва по профессиям состояло из следующих лиц: А.А. Самылов-Леонтьев – мельник, В.Е. Стадухин – лесной кондуктор, В.К. Яворский – сборщик винных лавок, Ф.И. Кузнецов – хлебник, М.С. Рысев – кожевник, Ф.И. Мальцев – торговец, Г.В. Каскин – часовой мастер, И.А. Мальцев – сапожник, С.Я. Яненко – лесничий, М.М. Боярский – учитель приходского училища, А.А. Мальцев – сапожник, Н.С. Кудашев – кожевник, П.Н. Козлов – хлебопек, П.Н. Рычков – землепашец, Ф.Ф. Фаддеев – присяжный казначейства (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 900. Л. 36-36 об.). Как видно по составу собрания, в нем преобладали «ремесленники», которые могли конвертировать решения в своих интересах.

Гласные и кандидаты, как правило, избралась в полном составе на первых же выборах и в одном избирательном собрании. Влияние каких-либо партий на исход выборов не наблюдалось. Городские собрания от созыва к созыву состояли почти полностью из лиц, ранее бывших на общественной службе, что можно объяснить «закрытостью» местной власти посредством разных цензов от широких масс горожан, низкой электоральной активностью, а также высоким коэффициентом переизбираемости гласных (59,8 %). Например, в Кургане купец И.И. Меньщиков более 30 лет избирался гласным местной думы, П.Е. Борисов – 24 года, Ф.В. Шветов – 20 лет (Кокшаров, 2009: 21). Исключение – Сургут и Туринск, где, по заключению губернской администрации, выбор лиц, ранее не служивших по городским выборам, можно объяснить лишь желанием избирателей привлечь на общественную службу более молодые и деятельные силы.

Служба гласных (городских уполномоченных) являлась безвозмездной. И даже ее обязательность по закону 1892 г. (ст. 60) не содействовала вовлечению избранных лиц к участию в городском собрании. Для ряда лиц общественная нагрузка стала обременительной. Из городских дум в течение четырехлетия по разным причинам выбывали 5-7 гласных, что приводило к нехватке кворума (2/3) для законности заседаний. На их место зачислялись кандидаты (Таблица 3).

Таблица 3. Составы гласных дум (собраний уполномоченных) на 1910-1911 гг. (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 904. Л. 188-188 об.)

Город	Избрано гласных (уполномоченных)	Избрано кандидатов	Гласные-инкумбенты (переизбранные)	Коэффициент переизбираемости (%)
Березов	12	3	11	91,7
Ишим	23	14	16	69,6
Курган	40	7	28	70
Сургут	12	1	2	16,7

Город	Избрано гласных (уполномоченных)	Избрано кандидатов	Гласные- инкубенты (переизбранные)	Коэффициент переизбираемости (%)
Тара	23	15	15	65,2
Тобольск	29	4	23	79,3
Туринск	15	7	2	13,3
Тюкалинск	15	3	7	46,7
Тюмень	35	7	19	54,3
Ялуторовск	15	5	8	53,3
<i>Всего</i>	<i>219</i>	<i>66</i>	<i>131</i>	<i>59,8</i>

Спецификой выборного производства являлось участие в нем учреждений, торговых фирм и предприятий, которые обладали собственностью в городе (имущественным цензом) и могли выдвигать своих представителей в городское собрание. Из таблицы 1 следует, что в половине городов региона юридические лица не были заинтересованы в местном самоуправлении и не участвовали в его формировании. Скажем, в Березове избирательное право, согласно списку избирателей, имели уездное казначейство (оценка собственности – 10 000 руб.) и городское училище (8 500 руб.), но своих кандидатов в городские уполномоченные они не выдвигали (ГАТ. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 904. Л. 10, 27, 38, 54, 91, 109, 128, 138, 148, 182).

Наряду с требованиями законодательства на избирательный процесс в городах оказывали влияние разные субъективные факторы, обусловленные психологией человека, его мотивацией и поведением: «сословная принадлежность», «диаспоры», «лоббизм», «торговые связи», образованность, личный интерес, устои, традиции и т. п. Интересно, что гласных как представителей политических партий в составах городских дум не было. Тем не менее имелись негласные группы (блоки) избирателей (по общим интересам). В частности, по утверждению современника, в Тюмени «между обывателями господствуют три влиятельные партии: парходчики, кожевенные заводчики и винооторговцы» (Письма, 1894: 7).

В начале XX века, несмотря на устойчивую тенденцию к уменьшению веса гласных из купцов, последним удалось сохранить большинство в местных думах Тюмени, Кургана и Ишима. Любопытно, что в городской думе губернского Тобольска (1910 г.) ни одна группа гласных не имела решающего перевеса: 38 % из купечества, 38 % из мещан и 24 % из чиновников (дворян). В малых центрах региона возросло влияние мещан-ремесленников.

5. Заключение

Рассмотренные факторы определяли процесс выборов представительных собраний в городах Тобольской губернии начала XX в. Ключевой проблемой стала низкая электоральная активность, абсентеизм избирателей. Более половины избирателей не принимали участие в местных выборах, оставались в стороне от общественной жизни и решения городских вопросов. Составом городских собраний региона были свойственны такие черты, как блоковость, закрытость, необновляемость (закостенелость), предпринимательский стиль управления. На практике процесс формирования системы местного самоуправления в начале XX в. сталкивался с целым рядом трудностей, что сказывалось на темпах развития городского хозяйства.

Литература

Анкушева, 2007 – Анкушева К.А. Организация и деятельность Тюменской городской думы на основе городских положений 1870 и 1892 годов // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. 2007. № 1. С. 206-212.

Бондаренко, 2008 – Бондаренко Ф.В. Купеческое сословие – барометр социально-экономического развития городов Пермской губернии во второй пол. XVIII – первой пол. XIX в. / *Традиционные общества: неизвестное прошлое: Мат. IV Междунар. науч.-практ. конф.* Челябинск, 2008. С. 23-27.

ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.

Жиров, 2001 – Жиров А.А. Купечество в самоуправлении уездных городов Сибири / *Городская культура Сибири: динамика культурно-исторических процессов*. Омск, 2001. С. 164-167.

История общественного самоуправления, 2006 – История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX в. / К.А. Анкушева, Г.А. Бочанова, Е.А. Дегальцева, А.К. Кириллов, Г.А. Ноздрин, М.В. Шиловский, Л.Б. Ус. Новосибирск, 2006. 352 с.

Кокшаров, 2009 – Кокшаров Д.А. Представительная власть в Зауралье: история и современность. Челябинск, 2009. 343 с.

Коновалов, 2023 – Коновалов И.А. Особенности местного самоуправления в Степном генерал-губернаторстве // *Правоприменение*. 2023. Т. 7. № 2. С. 27-33.

Лен, 2006 – Лен К.В. Организация городского самоуправления в Западной Сибири после введения городского положения 1870 г. // *Муниципальное право*. 2006. № 4. С. 88-94.

Литягина, 2015 – *Литягина А.В.* Влияние уровня грамотности гласных городских дум Западной Сибири на их управленческую деятельность // Бийские градоначальники. Книга очерков. Бийск, 2015. С. 140-153.

Меренкова, 2007 – *Меренкова Е.Ю.* Служащие городского самоуправления в России в конце XIX – начале XX вв. (по материалам крупных городов Западной Сибири) / *Международные юридические чтения. ежегодная научно-практическая конференция: материалы и доклады.* Омск: Омский юридический институт, 2007. С. 38-41.

Обзор, 1916 – Обзор Тобольской губернии за 1914 г. Тобольск, 1916. Таблица 12.

Письма, 1894 – Письма из Тюмени претендента на должность городского головы. Тобольск, 1894. 111 с.

ПСЗ, 1895 – Полное Собрание Законов. Собр. III. Т. XII. Отд. 1-е. СПб., 1895. Ст. 8707. С. 430-456.

ТГВ, 1915 – Газета «Тобольские губернские ведомости». 1915.

Толочко и др., 2003 – *Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю., Чудаков О.В.* Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие: монография. Омск, 2003. 196 с.

Чукмалдин, 1902 – *Чукмалдин Н.М.* Записки о моей жизни. Москва, 1902. 197 с.

Khramtsov, 2021 – *Khramtsov A.B.* Dynamics of the composition of city meetings of Western Siberia following the elections of the 1870-1890s // *Bylye Gody.* 2021. 16 (2): 812-820.

References

Ankusheva, 2007 – *Ankusheva, K.A.* (2007). Organizatsiya i deyatel'nost' Tyumenskoi gorodskoi dumy na osnove gorodovyykh polozhenii 1870 i 1892 godov [Organization and activities of the Tyumen City Council on the basis of the city regulations of 1870 and 1892]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates.* 1: 206-212. [in Russian]

Bondarenko, 2008 – *Bondarenko, F.V.* (2008). Kupecheskoe soslovie – barometr sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya gorodov Permskoi gubernii vo vtoroi pol. XVIII – pervoi pol. XIX v. [The merchant estate is a barometer of the socio-economic development of cities of the Perm province in the second half of the XVIII – the first half of the XIX century]. *Traditsionnye obshchestva: neizvestnoe proshloe: Mat. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Chelyabinsk, pp. 23-27. [in Russian]

Chukmaldin, 1902 – *Chukmaldin, N.M.* (1902). Zapiski o moei zhizni [Notes about my life]. Moskva, 197 p. [in Russian]

GAT – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [State Archives in Tobolsk].

Istoriya obshchestvennogo samoupravleniya, 2006 – *Istoriya obshchestvennogo samoupravleniya v Sibiri vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* [The history of public self-government in Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries]. K.A. Ankusheva, G.A. Bochanova, E.A. Degal'tseva, A.K. Kirillov, G.A. Nozdrin, M.V. Shilovskii, L.B. Us. Novosibirsk, 2006. 352 p. [in Russian]

Khramtsov, 2021 – *Khramtsov, A.B.* (2021). Dynamics of the composition of city meetings of Western Siberia following the elections of the 1870-1890s. *Bylye Gody.* 16(2): 812-820.

Koksharov, 2009 – *Koksharov, D.A.* (2009). Predstavitel'naya vlast' v Zaural'e: istoriya i sovremennost' [Representative power in the Trans-Urals: history and modernity]. Chelyabinsk, 343 p. [in Russian]

Konovalev, 2023 – *Konovalev, I.A.* (2023). Osobennosti mestnogo samoupravleniya v Stepnom general-gubernatorstve [Features of local self-government in the Steppe Governor General]. *Pravoprimenenie.* 7(2): 27-33. [in Russian]

Len, 2006 – *Len, K.V.* (2006). Organizatsiya gorodskogo samoupravleniya v Zapadnoi Sibiri posle vvedeniya gorodovogo polozheniya 1870 g. [Organization of urban self-government in Western Siberia after the introduction of the urban situation of 1870]. *Munitsipal'noe pravo.* 4: 88-94. [in Russian]

Lityagina, 2015 – *Lityagina, A.V.* (2015). Vliyaniye urovnya gramotnosti glasnykh gorodskikh dum Zapadnoi Sibiri na ikh upravlencheskuyu deyatel'nost' [The influence of the literacy rate of urban dumas of Western Siberia on their management activities]. Biiskie gradonachal'niki. Kniga ocherkov. Biisk, pp. 140-153. [in Russian]

Merenkova, 2007 – *Merenkova, E.Yu.* (2007). Sluzhashchie gorodskogo samoupravleniya v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. (po materialam krupnykh gorodov Zapadnoi Sibiri) [Employees of urban self-government in Russia in the late XIX – early XX centuries. (based on materials from large cities of Western Siberia)]. *Mezhdunarodnye yuridicheskie chteniya. ezhegodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: materialy i doklady.* – Омск: Омский юридический институт, pp. 38-41. [in Russian]

Obzor, 1916 – Обзор Тобольской губернии за 1914 г. [Review of the Tobolsk province for 1914]. Tobol'sk, 1916. Tablitsa 12. [in Russian]

Pis'ma, 1894 – Pis'ma iz Tyumeni pretendenta na dolzhnost' gorodskogo golovy [Letters from Tyumen applicant for the position of mayor]. Tobol'sk, 1894. 111 p. [in Russian]

PSZ, 1895 – Полное Собрание Законов [Full Collection of Laws]. Собр. III. Т. XII. Отд. 1-е. СПб., 1895. Ст. 8707. pp. 430-456.

TGV, 1915 – *Gazeta «Tobol'skie gubernskie vedomosti»* [Tobolsk Provincial Gazette]. 1915. [in Russian]

Tolochko i dr., 2003 – *Tolochko, A.P., Konovalov, I.A., Merenkova, E.Yu., Chudakov, O.V.* (2003). *Gorodskoe samoupravlenie v Zapadnoi Sibiri v dorevolyutsionnyi period: stanovlenie i razvitie* [Urban self-government in Western Siberia in the pre-revolutionary period: formation and development]: monografiya. Omsk, 196 p. [in Russian]

Zhirov, 2001 – *Zhirov, A.A.* (2001). *Kupechestvo v samoupravlenii uezdnykh gorodov Sibiri* [Merchants in the self-government of county towns of Siberia]. *Gorodskaya kul'tura Sibiri: dinamika kul'turno-istoricheskikh protsessov*. Omsk, pp. 164-167. [in Russian]

Электоральная активность избирателей и практика формирования представительных собраний в городах Сибири (1900-е годы)

Александр Борисович Храмов ^{a, *}

^a Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В работе с привлечением архивных документов впервые исследована электоральная активность избирателей на выборах представительных собраний в городах Сибири в 1900-е годы (на материалах Тобольской губернии). Установлено, что процесс формирования городских дум и собраний уполномоченных зависел от соотношения различных факторов, таких как численность лиц, обладавших избирательным правом, их электоральная активность, сословная структура и степень образованности местного общества, уровень торгово-промышленного развития города, его административный статус. Практика выборов показала, что избирательным правом в сибирских городах наделялось менее 5 % жителей, а мелкие собственники и квартиронаниматели отстранялись от участия в решении городских проблем. На результатах выборов сказывались несовершенный механизм выборного производства, абсентеизм избирателей, их безразличное отношение к общественной службе. Анализ списков избирателей по имущественному цензу позволил подразделить города региона на 3 группы: большие, активно развивавшиеся (Курган, Тобольск, Тюмень), «средние» (Тара, Ишим, Ялуторовск, Тюкалинск) и малые поселения, «застывшие» в своем развитии (Березов, Сургут, Туринск). Подсчитано, что средняя явка на выборы составила 25 %. Большая часть законных избирателей не принимала участие в местных выборах. Установлено, что большинство гласных городских дум Тюмени, Кургана и Ишима в начале XX века сохранили за собой представители купеческого сословия, в губернском центре было примерно равное соотношение между купцами, мещанами и чиновниками, а в малых городах преобладали мещане-ремесленники. Можно заключить, что городским собраниям были свойственны блоковость по интересам, закрытость от широких масс горожан, закостенелость (необновляемость составов) и предпринимательский стиль управления.

Ключевые слова: местные выборы, гласные, городские уполномоченные, избиратели, абсентеизм, электоральная активность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: khramtsov_ab@bk.ru (А.Б. Храмов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2045-2056
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2045

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Zhurnal Dlya Vsekh” (1901) as a Source on the Political History of the Russian Empire at the beginning of the XX century

Natalia P. Koptseva^{a,*}, Anna A. Shpak^a, Yulia N. Menzhurenko^a, Kseniya A. Degtyarenko^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

“Zhurnal dlya vsekh” (“Journal for Everyone”) is an illustrated popular science, literary and artistic publication that operated in St. Petersburg from 1895 to 1906 monthly. The periodical “Mir Bozhii” (“World of God”) was chosen as data for a comparative analysis of the main internal political events in Russia and current topics of the Russian public of that time. The journal “Mir Bozhii” was published monthly in St. Petersburg in 1892–1906 and was a popular science and literary publication whose primary task was to promote self-education through the popularization of science and history. The choice of the journal is based on similar parameters, publication period, content and the presence of sections devoted to the study of socio-political, socio-economic processes of the Russian Empire. The purpose of the article is to study political history in periodicals, highlighting the principles of covering the main events of the early 20th century. The headings “Internal Review” of the “Zhurnal dlya vsekh” and “Miscellaneous Differences” of the journal “Mir Bozhii” are analyzed. The content of the periodicals includes 12 issues and topics from different spheres of people's lives, which helps to interpret events in the context of forming the image of the Russian Empire at the beginning of the 20th century and understanding the main directions of development of the Russian state. The attention is focused on the reconstruction of the internal political picture of the world of this period. Materials from a comparative study of the journals “Zhurnal dlya vsekh” and “Mir Bozhii” will allow us to develop and supplement the provisions of historical science about the Russian Empire of the early 20th century. In addition, the results of the analysis make it possible to comprehend the socio-political experience of the country in modern realities, determine the historical patterns of domestic politics and predict the further development of the socio-political life of Russia.

Keywords: Russian Empire, history of Russian domestic politics, periodicals, “Zhurnal dlya vsekh”, “Mir Bozhii”.

1. Введение

На рубеже XIX-XX вв. в России идет активный поиск путей обновления политических и социально-экономических отношений, становления и развития общественно-политических организаций и движений. В этот период промышленное преобразование страны впервые происходит в условиях формирования многопартийной политической системы. Это принципиально новое явление, которое оказало серьезное влияние на дальнейшую деятельность правительства Российской империи и на общий процесс вовлечения общества в обсуждение перспектив развития страны.

Изучение политической истории Российской империи позволяет выявить, какое место в общественно-политической жизни занимала проблема модернизации страны, проследить позиции правительственных кругов и выявить те или иные политические противостояния и взаимовлияния. Таким образом, анализ периодической печати как источника по политической истории Российской

* Corresponding author

E-mail addresses: decanka@mail.ru (N.P. Koptseva), annaheyy@gmail.com (A.A. Shpak), yulia-avdeeva2406@mail.ru (Yu.N. Menzhurenko), akseniya.krupkina@mail.ru (K.A. Degtyarenko)

империи позволяет расширить представление о деятельности различных общественно-политических субъектов в период рубежа XIX и XX вв., рассмотреть динамику общественно-политической жизни страны, углубить историческое знание о роли и значении различных организаций и партий, существовавших в изучаемый период, а так же интерпретировать исторические события в контексте формирования российской идентичности, развития общественно-политической мысли, идеологий, политического сознания и менталитета масс начала XX в.

Материалы сравнительного исследования журналов «Журнал для всех» и «Мир Божий» позволят развить и дополнить положения исторической и политической науки об исследуемом периоде Российской империи. Кроме того, результаты анализа сделают возможным использование общественно-политического опыта страны в современных реалиях, помогут выявить соответствующие исторические закономерности и использовать полученное знание для возможного прогнозирования дальнейшего развития общественно-политической жизни России.

2. Материалы и методы

1. Источниковой базой исследования являются 12 номеров «Журнала для всех» и 12 номеров журнала «Мир Божий» 1901 года издания. Основным материалом для анализа был выбран «Журнал для всех», а именно рубрика «Внутреннее обозрение», содержащая основные исторические данные об эпохе. Поскольку это ежемесячная рубрика журнала, то важно отметить выбор тем для публикации, а также характер оценки выбранных событий и явлений политической жизни Российской империи рубежа XIX-XX вв. Для сравнения выбрана аналогичная рубрика в журнале «Мир Божий» под названием «Разные разности».

«Журнал для всех» представляет собой иллюстрированное научно-популярное и литературно-художественное издание, которое осуществляло свою деятельность в Санкт-Петербурге с 1895 по 1906 г. ежемесячно. Издательством и редакцией журнала в первые годы занимался Д.А. Гепик, а с 1897 г. – В.С. Миролюбов. Журнал имел 4 отдела: исторический и литературный, религиозно-нравственный, естественно-научный и хозяйственный. Публиковались также материалы по библиографии, домашней медицине и охоте, музыке, кулинарии и охоте. Кроме того, в журнале можно наблюдать репродукции с картин и фресок русских и европейских художников на религиозные темы и различные частные объявления. В нач. 1900-х гг. редакционная политика журнала претерпела изменения, которые были обусловлены увлечением редактора-издателя богословскими идеями. Миролюбов сблизился с религиозными философами и принимал активное участие в работе религиозно-философских собраний. Изменилось как оформление журнала, так и соотношение материалов в номере. Научный отдел журнала начал сокращаться, тематические акценты стали смещаться в сторону современной литературы и искусства. С 1905 г. на первый план выходит общественно-политическая проблематика: освещаются революционные события, рабочее движение, жизнь деревни, деятельность Государственной Думы. Кроме того, в это время появляются статьи, оппозиционные официальной политике, что приводит к столкновениям редакции с цензурой. В сентябре 1906 г. издание журнала было прекращено в административном порядке.

Журнал «Мир Божий» издавался ежемесячно в Санкт-Петербурге в 1892–1906 гг. Представлял собой научно-популярное и литературное издание, первоочередной задачей которого было способствовать самообразованию через популяризацию науки и истории. Вначале издателем журнала была А.А. Давыдова, а редактором – В.П. Острогорский (1892–1901), затем Ф.Д. Батюшков (1902–1906). К середине 1890 г., во многом благодаря литературному критику А.И. Богдановичу, который вызвал на страницах журнала широко распространившуюся полемику с народниками, журнал стал более политизированным. Привлекая авторов-марксистов и соответствующую читательскую аудиторию, журнал стал популярным среди либеральной и радикальной российской интеллигенции. В июле 1906 г. журнал был закрыт цензурой. В октябре 1906 г. он вновь начал издаваться под названием «Современный мир» под руководством А.И. Богдановича и просуществовал до 1918 г.

2. Методологической основой исследования выступили источниковедческий и сравнительный контент-анализ. Источниковедческий анализ позволяет раскрыть и проанализировать содержание журнальных материалов в контексте их исторической и политической значимости, а также оценить содержание публикаций в качестве исторических источников и оценить их потенциал в научных исследованиях политической истории Российской империи рубежа XIX–XX вв. Сравнительный анализ позволяет соотнести содержание политических публикаций двух журналов, издаваемых в один период, и проследить динамику и неоднозначный характер внутренних процессов, происходящих в политической сфере Российской империи.

3. Обсуждение

Интерес ученых-историков к политической проблематике Российской империи рубежа XIX–XX вв. прослеживается со второй половины XX в. В.И. Старцев в своих научных трудах уделяет особое внимание субъективным вопросам в деятельности правительства – взаимоотношениям не только правительства с Советом и Временным комитетом Госдумы, но и взаимоотношениям конкретных деятелей (Старцев, 1978; Старцев, 1989). Американский историк М. Раев в 1982 г. публикует книгу

«Понять дореволюционную Россию», в которой он представляет глубинный анализ государства и общества в Российской империи, обращается к эволюции государственных учреждений и отношения к ним общественных сил (Раев, 1990).

В коллективной монографии 1984 г. «Кризис самодержавия в России» проводится фундаментальное исследование внутренней политики конца XIX–нач. XX в. – эпохи империализма, когда экономические и политические противоречия российской действительности были особенно обострены (Кризис самодержавия..., 1984).

Современные историки занимаются изучением конститутивных, основополагающих принципов внутренней политики российского правительства, выделяя приоритетные направления этой политики: православную веру и связанное с ней русское этническое самосознание, достижение политической лояльности как русских, так и нерусских подданных по отношению к российским императорам (Бендин, 2004; Бахтурина, 2004; Леонтьева, 2012). Ученые относят эти принципы к интегрирующим силам, сохранявшим и поддерживавшим единство Российской империи. Однако прочность многоэтнической и полирелигиозной империи не могла быть обеспечена какой-либо одной этнической или конфессиональной идеологией. А. Капелер (Россия – многонациональная империя, 2000) подчеркивает, что главную интегрирующую роль играли династические принципы – принципы самодержавной, освященной Божественной волей власти государя и сословный принцип, определявший социальные связи.

И.В. Омелянчук (Омелянчук, 2006) обращается к истории черносотенного движения, что дает возможность уточнить расстановку и соотношение сил на политической арене в начале XX в. для ответа на вопрос о социально-политической детерминированности политических процессов. Другие современные исследователи анализируют различные аспекты политической истории Российской империи рубежа XX века: государственно-правовой политике (Арсанукаева, 2010; Koptseva et al., 2021; Сертакова, 2022; Середкина и др., 2022; Пчелкина, 2022; Замараева, 2023), промышленной политике (Погребинская, 2008), переселенческой политике (Вердиева, 2016), политической культуре (Смирнова, 2017; Дегтяренко, 2022; Koptseva et al., 2016; Koptseva et al., 2021); военной цензуре (Бондарь, 2012), перлюстрации (Измозик, 2015) и другим аспектам российской политической истории.

К. Соловьев исследует политическую систему Российской империи в 1881–1905 гг., уделяя особое внимание механизмам законотворчества. Автор представляет и анализирует государственные учреждения, политические институты, законотворческие практики и ключевых политических деятелей изучаемого периода (Соловьев, 2018).

Р.Ю. Почекаев анализирует правовые аспекты использования российских войск в Бухарском эмирате, Хивинском и Кокандском ханствах – протекторатах Российской империи. Автор уделяет особое внимание политико-дипломатическому обоснованию военных акций и раскрытию их роли в поддержании мира и стабильности в регионе (Почекаев, 2020).

Ряд исследователей изучают материалы российской периодики нач. XX в. как источники по истории общественно-политической жизни страны (Самарцева, 2012; Севастенко, 2013; Адоньева, 2017; Шевцов, 2020). Действительно, периодика общественно-политической тематики в это время получает широкое развитие и распространение – издается огромное количество журналов и газет, публиковавших новости о политических событиях, распоряжения и доклады правительства, внутренние и зарубежные новости, отражающие общественные настроения (Неделя, 1866; Торгово-промышленная газета, 1893; Правительственный вестник, 1869).

4. Результаты

Периодическое издание «Журнал для всех» в качестве источника по политической истории Российской империи рубежа XIX–XX вв. представляет научную ценность, в частности, содержанием публикаций раздела «Внутреннее обозрение», где публикуются известия об основных общественно-политических, социально-экономических событиях за каждый месяц 1901 г.

Выбор рубрики «Внутреннее обозрение» «Журнала для всех» в качестве источника по политической истории Российской империи обусловлен содержанием в нем следующих важных новостных тем: сведений об императорской семье (Журнал для всех, 1901, № 7: 883); о реформах образования и просвещения (Журнал для всех, 1901, № 3: 371–372; Журнал для всех, 1901, № 5: 627; Журнал для всех, 1901, № 5: 629; Журнал для всех, 1901, № 5: 632; Журнал для всех, 1901, № 6: 755–757; Журнал для всех, 1901, № 7: 883–886; Журнал для всех, 1901, № 8: 1011–1014; Журнал для всех, 1901, № 9: 1146–1147; Журнал для всех, 1901, № 10: 1266–1267; Журнал для всех, 1901, № 11: 1406; Журнал для всех, 1901, № 12: 1523–1525); об издательской деятельности (Журнал для всех, 1901, № 8: 1011; Журнал для всех, 1901, № 9: 1145–1146; Журнал для всех, 1901, № 10: 1271–1272); о благотворительной деятельности (Журнал для всех, 1901, № 2: 246–247; Журнал для всех, 1901, № 9: 1145; Журнал для всех, 1901, № 10: 1265–1266; Журнал для всех, 1901, № 11: 1402; Журнал для всех, 1901, № 12: 1521); о еврейском населении (Журнал для всех, 1901, № 7: 886; Журнал для всех, 1901, № 8: 1014; Журнал для всех, 1901, № 10: 1269); о деятельности государственных служащих (Журнал для всех, 1901, № 2: 248; Журнал для всех, 1901, № 5: 630; Журнал для всех, 1901, № 7: 886–887; Журнал для всех, 1901, № 9: 1146; Журнал для всех, 1901, № 12: 1525); о рабочих и трудовых

товариществах (Журнал для всех, 1901, № 9: 1143-1144; Журнал для всех, 1901, № 10: 1268-1269; Журнал для всех, 1901, № 10: 1270-1271; Журнал для всех, 1901, № 11: 1402-1403); о движении переселенцев (Журнал для всех, 1901, № 1: 116-118; Журнал для всех, 1901, № 3: 370; Журнал для всех, 1901, № 11: 1403); о деятельности банков (Журнал для всех, 1901, № 8: 1018-1019; Журнал для всех, 1901, № 10: 1267-1268); о сектантах (Журнал для всех, 1901, № 2: 248-249; Журнал для всех, 1901, № 8: 1014-1016); о реформах в Великом княжестве Финляндском (Журнал для всех, 1901, № 1: 113-115; Журнал для всех, 1901, № 1: 499; Журнал для всех, 1901, № 8: 1016; Журнал для всех, 1901, № 10: 1269-1270); о земельной собственности (Журнал для всех, 1901, № 9: 1141-1143; Журнал для всех, 1901, № 11: 1403); о хозяйственно-продовольственной деятельности (Журнал для всех, 1901, № 3: 369-370; Журнал для всех, 1901, № 8: 1016-1018; Журнал для всех, 1901, № 10: 1263-1265; Журнал для всех, 1901, № 11: 1397-1402; Журнал для всех, 1901, № 12: 1519-1521); о развитии промышленности и транспортной инфраструктуры (Журнал для всех, 1901, № 12: 1521-1523); об охране государственной территории (Журнал для всех, 1901, № 9: 1147); об уголовных преступлениях и вопросах юстиции (Журнал для всех, 1901, № 1: 118; Журнал для всех, 1901, № 2: 245-246; Журнал для всех, 1901, № 3: 372; Журнал для всех, 1901, № 5: 632; Журнал для всех, 1901, № 7: 887-888); об известных деятелях, памятных датах и некрологах (Журнал для всех, 1901, № 1: 118-120; Журнал для всех, 1901, № 3: 367-368; Журнал для всех, 1901, № 3: 374; Журнал для всех, 1901, № 4: 499-500; Журнал для всех, 1901, № 4: 502; Журнал для всех, 1901, № 5: 628-629; Журнал для всех, 1901, № 5: 632-634; Журнал для всех, 1901, № 7: 888; Журнал для всех, 1901, № 8: 1019-1022; Журнал для всех, 1901, № 9: 1147-1148; Журнал для всех, 1901, № 11: 1406); о чрезвычайных ситуациях и волнениях (Журнал для всех, 1901, № 3: 373; Журнал для всех, 1901, № 6: 757-760); о государственном управлении (Журнал для всех, 1901, № 3: 370; Журнал для всех, 1901, № 4: 500; Журнал для всех, 1901, № 5: 630; Журнал для всех, 1901, № 6: 753-755); об экономических факторах внутренней политики (Журнал для всех, 1901, № 2: 243; Журнал для всех, 1901, № 5: 630-631)

В качестве данных для сравнительного анализа представленности главных внутриполитических событий Российской империи, актуальных тем для российской общественности рубежа XIX–XX вв. было выбрано периодическое издание «Мир Божий», его рубрика «Разные разности» (отдел второй журнала) с подразделом «На родине» по тематически схожему содержанию обоих изданий.

Первый выпуск «Журнала для всех» содержит информацию по темам: «Правительственные распоряжения относительно Финляндии», «Итоги неурожая и его последствия», «Положение переселенцев», «Земские собрания о телесных наказаниях», «Некролог А.К. Шеллеру», «Некролог А.Я. Конисскому» – 6 тем, в основном касающихся освоения территорий Российской империи в разных географических направлениях, а также необходимости государственной поддержки крестьянского сословия и вопросов юстиции.

Сравнивая данную рубрику журнала с аналогичной по тематике рубрикой «Разные разности» журнала «Мир Божий», стоит отметить пересечение в первом выпуске тематических содержаний, связанных с переселенческими проблемами развития обширных территорий Российской империи, но если в «Журнале для всех» этот аспект раскрывается через общее обсуждение вопроса и связанных с ним разноплановых проблем, то в издании «Мир Божий» рассматривается только проблема переселения на территории Средней Азии.

Февральский выпуск «Журнала для всех» посвящён следующим темам: «Государственная роспись», «Циркуляр министра юстиции», «Развитие благотворительности в России», «Земства», «Народное невежество и борьба с ним».

Проводя сравнительный анализ с рубрикой «Разные разности» журнала «Мир Божий» можно увидеть, что во 2 выпуске есть тематическое единство в обсуждении важного государственного документа – «Доклада о государственной росписи доходов и расходов». Обсуждение доклада в обоих изданиях рассматривается, опираясь на основные события, происходящие в стране, и, соответственно, анализируется их влияние на формирование государственного бюджета и его расходов.

Основное отличие в освещении новостей заключается в том, что «Журнал для всех» приводит определенные статистические данные и на их основе делает заключения, например, о больших тратах на развитие инфраструктуры страны, а именно, железных дорог и создание военных сооружений на Дальнем Востоке в связи с возможным обострением внешнеполитических проблем с Китаем по поводу маньчжурского вопроса. В то время как в публикациях журнала «Мир Божий» не объясняется подробно специфика проблемы, но делается негативное освещение содержания доклада со ссылками на министра финансов, а именно: министр финансов, «останавливаясь на отрицательном значении для России совершающихся на Дальнем Востоке событий, замечает, что размеры причиненных ими стране убытков сейчас, конечно, трудно определить, «но о серьезности их можно судить по тому, что они выразились в отвлечении рабочего населения от производительных занятий, в приостановке промышленной деятельности, в изменении нормальных условий торговли и т. д. Наконец, к неблагоприятным последствиям событий на Дальнем Востоке нельзя не отнести до некоторой степени и затруднений в области денежного рынка» (Мир Божий, 1901, № 2: 25).

К общим темам обоих изданий можно отнести благотворительность: в «Журнале для всех» она рассматривается в широком ключе, как значимая в целом для России, а в журнале «Мир Божий» ее значение раскрывается через деятельность Общества Красного Креста.

Третий выпуск «Журнала для всех» содержит следующие публикационные темы: «Сорокалетие отмены крепостного права», «Правительственное сообщение о мерах борьбы с последствиями неурожая», «Циркуляр по переселенческому управлению», «Проект ремесленной инспекции», «Проект «Наказа» училищным советам», «Помилование цыган-разбойников», «Бакинская катастрофа», «Покушение на жизнь министра народного просвещения».

Публикации о мерах борьбы с последствиями неурожая выполнены в обоих изданиях с позиции обсуждения возможных решения этой проблемы. Связанная с предыдущей тема по переселенческому управлению в журналах раскрыта различным образом. Публикации о последствиях неурожая к марту набирают силу, в них обсуждаются ключевые решения этой значимой для страны проблемы.

Далее оба журнала раскрывают проблему отделения земств от дел народного образования и проект «Наказа» (*Журнал для всех*, 1901, № 3: 371). На первый план в управлении народным образованием и образовательными учреждениями в этот период выходят училищные советы и инспектора народных училищ. Единственная зависимость от земств сохраняется по вопросам финансирования народного образования. Данные изменения обсуждаются в обоих журналах как вызывающие негативные последствия для качества образования.

Пересечение проблематики публикаций двух журналов в выпуске за март отмечается и в обсуждении масштабного бакинского пожара. Позиция «Журнала для всех» здесь достаточно формальная, обсуждаются только факты, технические причины, длительность, потери и ликвидация чрезвычайного происшествия. Издание «Мир Божий» в своих статьях, помимо фактической информации, исследует причины пожара, опираясь на описания очевидцев, и главной причиной происшествия считает плохие условия труда на нефтяных крестах и беспорядки в организации нефтяного промысла. При сравнении содержания 2 статей в обоих изданиях можно отметить ориентацию только на событийные факты в первом издании и развернутое журналистское исследование причин пожара, а также подробный анализ социальных факторов, приведших к катастрофе, подкрепленный цитированием мнения специалистов из разных областей, создание полной картины происшествия и постановка острых проблем государственной политики в области трудового права – во втором.

Четвертый выпуск «Журнала для всех» содержит публикации о следующих событиях: «Финляндские дела», «Чествование сорокалетней годовщины 19 февраля 1861 года», «Съезды: агрономический, по народному образованию и проч.», «Некролог В.А. Манассеина», «Кончина Н.Н. Богольцова».

Проблему недовольства финнов насаждением русской культуры оба издания представляют в негативном ключе с позиции бездействия полиции и необходимости защиты русской культуры. В публикациях журнала «Мир Божий» при описании тех же событий используется лексика преувеличения негативной оценки выступлений недовольных финнов с акцентом на их конкретные действия. В журнале «Мир Божий» описание этих событий встречается в третьем выпуске, а не четвертом, то есть публикации были сделаны оперативно, по горячим событиям.

Съезды общественных деятелей, прошедшие в 1901 г. в Москве, по-разному оцениваются в обоих журналах, за исключением общей оценки агрономического съезда. Но если в публикации «Журнале для всех» дано самое общее описание событий съезда, то в издании «Мир Божий», наоборот, рассмотрены все основные проблемные вопросы, обсуждаемые участниками съезда, и даны экспертные оценки решениям, которые здесь обсуждались и принимались.

Майский выпуск «Журнала для всех» включает публикации на следующие темы: «Высочайший рескрипт на имя Министра народного просвещения П.С. Ванновского», «Осмотр военно-учебных заведений, обязательные постановления», «Проект введения земских учреждений в западных губерниях», «Крестьянские начальники в Сибири», «Проект насаждения крупной поземельной собственности в России», «Доклад чернского дворянства», «Съезд криминалистов», «Телесные наказания», «Приказ генерального адмирала Драгомирова», «Иван Иванович Сведенцов».

«Высочайший рескрипт на имя Министра народного просвещения» – это важнейший документ об образовательной политике Российской империи рубежа XIX–XX вв., в частности, он содержит информацию о неудовлетворительном состоянии организации учебных заведений и административных единиц. В обоих журналах публикации о «Высочайшем рескрипте» цитируют его содержание. При этом в издании «Мир Божий» более широко раскрывается значение «Высочайшего рескрипта» с позиций общественных настроений о реформах русской школы, а также публикуются официальные ходатайства, ранее созданные и поданные министру для решения. Здесь же подчеркивается активное развитие российского образования в данный момент времени.

Оба журнала акцентируют внимание на вопросах «крестьянских начальников в Сибири». Если «Журнал для всех» с самого начала дает негативную оценку опыта данного административного нововведения из-за большого количества хищений, то «Мир Божий» не столь категоричен, а, напротив, изначально анализирует позитивные примеры реформы сибирского администрирования

и только потом дает анализ самой реформы и раскрывает специфику ее влияния на экономику административно-территориальных единиц Сибири.

Некролог И.И. Сведенцова публикуется в обоих изданиях, подчеркивая значение его литературной деятельности в качестве писателя и редактора именно периодических изданий. В обоих журналах указывается неопределимый вклад И.И. Сведенцова в развитие российских периодических изданий как столичных, так и провинциальных, но подчеркивается, что все же основным направлением его деятельности была беллетристика. Отмечается важность фигуры писателя для формирования настроений «общественной жизни» (*Мир Божий*, 1901, № 5: 634).

Июньский выпуск «Журнала для всех» содержит такие темы, как: «Юбилей Государственного Совета», «Школьная реформа», «Новые правила о народных чтениях», «Официальное сообщение о беспорядках в Тифлисе и сообщение о беспорядках на Обуховском заводе», «Меры администрации», «Пожары».

Главной темой этого выпуска является юбилей Государственного Совета, как высшего законодательного органа при Императоре Всероссийском. В «Мире Божьем» дано описание основных функций совета, его позитивное влияние за столетнюю деятельность 1801–1901 гг. на установление и «упрочение законности в Империи» (*Мир Божий*, 1901, № 6: 38).

Актуальные события в публикациях обоих изданий связаны с беспорядками в Тифлисе и на Обуховском заводе, дана хронология развития как самих событий, так и введения дополнительных мер ограничения ношения разного вида оружия. В обоих журналах обсуждение беспорядков в Тифлисе сопровождается лишь фактическим описанием самого события, без анализа его причин. Только в публикации «Мира Божьего» есть упоминание о знаке, который был на бунтующих: «красный значок из шелковой материи» (*Мир Божий*, 1901, № 6: 40), что указывает на рабочих как участников беспорядков. Беспорядки в Санкт-Петербурге рассмотрены так же в форме хронологии событий, причиной называются необоснованные требования рабочих, но содержание данных требований не раскрывается.

В рубрике «Внутреннее обозрение» июльского выпуска «Журнала для всех» за 1901 г. заявлено 5 тем: «Вопросы образования и воспитания», «Определение Сената о приеме евреев на службу», «Ревизия вятских земских начальников», «Дело Малышева», «С.В. Максимов, Г. Солодовников и К. Солдатенков». Рубрика начинается с публикации новости о рождении в семье императора дочери – Великой Княжны Анастасии (*Журнал для всех*, 1901, № 7: 883). Тема «Вопросы образования и воспитания» представлена в пяти самостоятельных новостных сюжетах: 1) о деятельности комиссии по преобразованию средней школы для среднего женского и начального образования; 2) о деятельности университетских советов по преобразованию высшей школы; 3) о комиссии при Министерстве финансов, связанной с коммерческим образованием – создании особой комиссии по вопросам воспитания; 4) об обществе «для саморазвития и самопомощи «Московское общество взаимопомощи рабочим в механическом производстве»»; 5) предложения «о прекращении выдачи денег за обучение городских стипендиатов в женских гимназиях» (*Журнал для всех*, 1901, № 7: 883-886).

В 7 номере журнала «Мир Божий» за 1901 г. имеются совпадения с новостными очерками «Журнала для всех» июльского выпуска: 1) очерк о «Московском обществе взаимопомощи рабочим в механическом производстве» с подробным изложением информационной повестки и результатов ряда организационных совещательных собраний (*Мир Божий*, 1901, № 7: 15-17); 2) о рождении Великой Княжны Анастасии (*Мир Божий*, 1901, № 7: 22); 3) о деятельности университетских советов по вопросам преобразования высшей школы (*Мир Божий*, 1901, № 7: 23-24); 4) о реформах среднего образования (*Мир Божий*, 1901, № 7: 24-25); 5) о реформах коммерческого образования (*Мир Божий*, 1901, № 7: 25-26); 6) об ограничениях приема на гражданскую службу евреев (*Мир Божий*, 1901, № 7: 25-26); 7) некрологи Г. Солодовникова, К. Солдатенкова, С.В. Максимова (*Мир Божий*, 1901, № 7: 27-29).

Данные совпадения новостной повестки двух популярных изданий можно считать прямым указанием на то, что проблематика широкой реформы народного образования и организации общественных объединений для решения насущных конкретных проблем – это главные темы российской внутренней политики в ее социальном и культурном аспектах.

Раздел «Внутреннее обозрение» августовского выпуска «Журнала для всех» за 1901 г. представлен темами: «Новый закон о печати», «Реформа средней школы» (в том числе, касающиеся системы воспитания), «Новые распоряжения министра народного просвещения» (включая блок тем, затрагивающих вопросы подписки на периодические издания для народных библиотек и библиотек образовательных учреждений, приобретения учебными учреждениями сочинений М.Н. Каткова, образовательной деятельности учеников-евреев), «Официальные сведения о сектантах», «Устав о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском», «Казенная винная монополия», «Сведения об урожае», «Крахи банков», «Исключение гр. Л.Н. Толстого из общества трезвости», «Болезнь гр. Л.Н. Толстого» (*Журнал для всех*, 1901, № 8: 1011-1022).

Совпадения по новостной повестке восьмых выпусков «Журнала для всех» и «Мира Божьего» зафиксированы в 8 случаях: 1) исключение гр. Л.Н. Толстого из московского Общества трезвости (*Мир Божий*, 1901, № 8: 26-28); 2) преобразования средней школы (*Мир Божий*, 1901, № 8: 34-35); 3) преобразования системы воспитания (*Мир Божий*, 1901, № 8: 35-36); 4) приобретение учебными

заведениями сочинений М.Н. Каткова (Мир Божий, 1901, № 8: 36); 5) ученики-евреи (Мир Божий, 1901, № 8: 36-37); 6) сектанты и штундисты (Мир Божий, 1901, № 8: 37-39); 7) цензурные предостережения для периодических изданий (Мир Божий, 1901, № 8: 39); 8) болезнь гр. Л.Н. Толстого (Мир Божий, 1901, № 8: 39).

В девятом номере журнала «Мир Божий» за 1901 год можно найти 3 совпадения с новостными очерками «Журнала для всех» сентябрьского выпуска: 1) отведение частным лицам земельной собственности в Сибири (Мир Божий, 1901, № 9: 30-32); 2) положение об усиленной охране русских территорий (Мир Божий, 1901, № 9: 32); некролог Г.А. Мачтета (Мир Божий, 1901, № 9: 32-33). Раздел «Внутреннее обозрение» данного выпуска «Журнала для всех» включает 11 новостных публикаций: «Насажение частной земельной собственности в Сибири»; «Пенсии рабочим казенных горных заводов и рудников»; «Правила о найме рабочих»; «Попечительства о бедных»; «Ограничение земского книгоиздательства»; «Земские нужды»; «Новые веяния в земстве и положение земских служащих»; «Переполнение специальных школ», «Положение об усиленной охране»; «Г.П. Мачтет»; «Интересный опыт» (Журнал для всех, 1901, № 9: 1141-1148).

В десятом номере журнала «Мир Божий» за 1901 г. можно найти 5 совпадений с новостными публикациями «Журнала для всех» октябрьского выпуска: 1) преобразование продовольственного дела (Мир Божий, 1901, № 10: 24-26); 2) новые правила народных чтений (Мир Божий, 1901, № 10: 26); 3) об уставе о воинской повинности в Великом княжестве Финляндском (Мир Божий, 1901, № 10: 26-27); 4) разъяснения о евреях (Мир Божий, 1901, № 10: 27); 5) закрытие Общества взаимопомощи лиц интеллигентных профессий (Мир Божий, 1901, № 10: 27). В разделе «Внутреннее обозрение» данного выпуска «Журнала для всех» были представлены следующие темы: «Новая организация продовольственного дела»; «Общественная и частная благотворительность»; «Народные чтения»; «Пересмотр акционерного законодательства»; «Земельные банки»; «Проект положения об артелях»; «Новое разъяснение о евреях»; «Высочайший ответ на представление финляндского сената»; «Общество взаимопомощи лиц интеллигентных профессий»; «Николаевское общество техников и рабочих»; «Цензурные распоряжения» (Журнал для всех, 1901, № 10: 1263-1272).

В одиннадцатом номере журнала «Мир Божий» за 1901 г. зафиксировано 3 совпадения с новостными публикациями «Журнала для всех» ноябрьского выпуска: 1) пересмотр городского положения (Мир Божий, 1901, № 11: 22-23); 2) о правительственной помощи по предоставлению продовольственных средств (Мир Божий, 1901, № 11: 23-24); 3) некролог М.В. Ненцкого (Мир Божий, 1901, № 11: 24). В целом раздел «Внутреннее обозрение» этого выпуска «Журнала для всех» включает 11 новостных публикаций: «Официальные сведения о размерах неурожая и о борьбе с ним»; «Воззвание Красного Креста»; «Скопление рабочих на юге»; «Обратные переселенцы»; «Представитель дворянских интересов в Сибири»; «Пересмотр городского положения»; «Из деятельности сельского самоуправления»; «Два опровержения министерства финансов»; «Новые железнодорожные займы»; «Ходатайство русских образованных женщин»; «М.В. Ненцкий» (Журнал для всех, 1901, № 11: 1397-1406).

В двенадцатом номере журнала «Мир Божий» за 1901 г. найдено 4 совпадения с новостными публикациями «Журнала для всех» декабрьского выпуска: 1) вспышка чумы (Мир Божий, 1901, № 12: 30); 2) ход продовольственной компании (Мир Божий, 1901, № 12: 30-31); 3) увеличение расходов по министерству народного просвещения (Мир Божий, 1901, № 12: 31-31); 4) условия приема реалистов в Военно-медицинскую академию (Мир Божий, 1901, № 12: 32). Раздел «Внутреннее обозрение» двенадцатого выпуска «Журнала для всех» насчитывает тринадцать новостных публикаций: «Официальные сведения о ходе продовольственной компании»; «Деятельность Красного Креста»; «Отдельная вспышка чумы на юге России»; «Два события в деле русского железнодорожного строительства»; «К вопросу о повышении железнодорожных тарифов»; «Горная промышленность и товарный тариф»; «Комиссия по вопросу об упадке центра»; «Школьные сберегательные кассы»; «Дополнительный кредит в министерство народного просвещения»; «Прием реалистов в Военно-медицинскую академию»; «Ученический журнал»; «Из земской хроники»; «Три съезда» (Журнал для всех, 1901, № 12: 1519-1526).

Таким образом, полных совпадений публикационных тем в первых номерах «Журнала для всех» и журнала «Мир Божий» – 0, во вторых – 1, в третьих – 4, в четвертых – 2, в пятых – 3, в шестых – 2, в седьмых – 7, в восьмых – 8, в девятой – 3, в десятых – 5, в одиннадцатых – 3, в двенадцатых – 4. Итого можно зафиксировать 41 совпадение тематического содержания в двух анализируемых изданиях за 1901 г.

Для соответствующих рубрик изданий «Журнал для всех» и «Мир Божий» можно выявить следующие принципы и закономерности публикации событий внутренней жизни Российской империи: наиболее частое упоминание событий, связанных с преобразованием в сфере образования и просвещения, а также с преобразованием порядка продовольственного снабжения территорий Российской империи из-за неурожая, акцент на событиях, происходящих в Великом княжестве Финляндском, проблематика благотворительности, хроники чрезвычайных ситуаций разного рода – бакинский пожар, вспышка чумы, памятные даты, описание значимых деятелей.

Ряд новостных сюжетов в «Журнале для всех» публикуется со ссылкой на другие периодические издания, например, «Народное обозрение» (*Журнал для всех*, 1901, № 5: 633), «Правительственный Вестник» (*Журнал для всех*, 1901, № 7: 883), «Россия» (*Журнал для всех*, 1901, № 7: 883), «Санкт-Петербургские Ведомости» (*Журнал для всех*, 1901, № 7: 886). Это подчеркивает статусность периодических изданий и важность прессы в воздействии на общественное мнение и его отражение в периодических изданиях.

И в том, и в другом издании публикуются обсуждения актуальных для анализируемого исторического периода религиозных проблем, в том числе, сектантства и его распространения среди населения (*Журнал для всех*, 1901, № 2: 248; *Мир Божий*, 1901, № 1: 29). Больше всего обсуждений религиозных вопросов связано с баптизмом, анализируется также религиозный феномен штундизма (стихийное появление крестьянских кружков по изучению Библии, характерное для Херсонской, Киевской и других южно-российских губерний).

Темы, связанные с событиями в Великом Княжестве Финляндском, государственными проблемами на других северных территориях Российской империи, возможно, обусловлены территориальным расположением редакций журналов в Санкт-Петербурге и локальной близостью журналистов к этим местам (*Журнал для всех*, 1901, № 1: 114-115; *Мир Божий*, 1901, № 3: 13; *Журнал для всех*, 1901, № 4: 499).

5. Заключение

Обобщая полученные результаты, можно сделать вывод о единстве тематического содержания наиболее важных для внутренней политики Российской империи публикаций в отечественных периодических изданиях 1901 г. «Журнал для всех» и «Мир Божий». Публикации в обоих изданиях могут быть использованы в качестве источника по истории внутренней российской политики рубежа XIX–XX вв., поскольку фиксируют наиболее резонансные внутриполитические события Российской империи этого исторического периода.

Стоит отметить, что более объемно и всесторонне раскрываются новостные события в журнале «Мир Божий» (рубрика «Разные разности») по сравнению с рубрикой «Внутреннее обозрение» «Журнала для всех». Журнал «Мир Божий» в обсуждении внутренних проблем, событий и дел Российской империи часто основывается на анализе наиболее общих государственных дел, но примеры для иллюстрации выводов выбираются точные и конкретные (рассматривается определенное дело, работа конкретного руководителя и т. д.), а далее разворачивается обсуждение вопроса, выделение положительных или отрицательных его сторон, подкрепление мнения журналистами цитатами и мнениями специалистов, экспертов. В издании «Журнал для всех» часто встречаются такие же суждения и такие же события становятся поводом для новостных публикаций, но содержатся и некоторые специфические для издания приемы обсуждения актуальных событий, когда для разъяснения содержания новости делаются расширенные рассуждения о ее предмете, например, о специфике работы попечительских участков, о государственном распределении ресурсов и т. д.

Значительное количество журнальных тем ориентирует читателей на создание общественных объединений, имеющих конкретные цели деятельности, привлекается активное внимание к реформам образования и просвещения, хозяйственно-продовольственной деятельности, промышленного производства и транспортной инфраструктуры, что позволяет выделить главные направления внутреннего развития Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Литература

Адоньева, 2017 – Адоньева, И. Г. Государственно-правовой дискурс журнала "Мир Божий" // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 25-летию кафедры теории, истории культуры и музеологии НГПУ. Новосибирск*. 2017. С. 68-71.

Арсанукаева, 2010 – Арсанукаева М. С. Государственно-правовая политика Российской империи в Чечне и Ингушетии (XIX-начало XX вв.). М. 2010. 456 с.

Бахтурина, 2004 – Бахтурина А. Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.). М. 2004. 388 с.

Бендин, 2004 – Бендин А. Ю. Веротерпимость и проблемы национальной политики Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *Церковно-исторический вестник*. 2004. №11. 113 с.

Бондарь, 2012 – Бондарь В.О. Военная цензура периодических изданий в Российской империи в XIX-начале XX веков. 2012. 28 с.

Вердиева, 2016 – Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика российской империи в Северном Азербайджане: в XIX – начале XX вв.: историко-демографическое исследование. Баку. 2016. 420 с.

Дегтяренко и др., 2023 – Дегтяренко, К. А., Менжуренко Ю.Н., Шпак А.А. Традиционное общинное устройство и культурное наследие коренных малочисленных народов Севера Красноярского края // *Северные Архивы и Экспедиции*. Т. 7, № 3: 161–172.

Журнал для всех, 1901 – Журнал «Журнал для всех» 1901 года издания. Санкт-Петербург. № 1–12.

- Замараева, Сергеева, 2023** – Замараева, Ю. С., Сергеева Н.А. Родовые общины и традиционная экономика коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // *Северные Архивы и Экспедиции*. Т. 7. № 3. С. 27-42.
- Измозик, 2015** – Измозик В. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века // *Новое литературное обозрение*. 2015. 693 с.
- Каппелер, 2000** – Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М. 2000. 342 с.
- Копцева, Ситникова, 2022** – Копцева, Н. П., Ситникова А.А. Историческая память коренных малочисленных народов Эвенкийского муниципального района: методологические подходы к исследованию // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки»*. Т. 15, № 5. С. 666-678.
- Кризис самодержавия..., 1984.** – Кризис самодержавия в России (1895 – 1917 гг.). Л. 1984. 657 с.
- Леонтьева, 2012** – Леонтьева О.Б. Национальная и конфессиональная политика Российской империи в современной историографии // *Вестник Самарского государственного университета*. 2012. №8-2. С. 27-46.
- Мир Божий, 1901** – Журнал «Мир Божий» 1901 года издания. Санкт-Петербург. № 1–12.
- Неделя, 1866** – Российская газета «Неделя» 1866–1903 гг. издания. Санкт-Петербург.
- Омельянчук, 2006** – Омельянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901-1914 гг.). Киев. 2006. Т. 744. 46 с.
- Погребинская, 2008** – Погребинская В. А. Промышленная политика России в конце XIX – начале XX в. // *Вестник Московского университета*. 2008. № 3. С. 3-13.
- Почекаев, 2020** – Почекаев Р. Ю. Использование российских войск в среднеазиатских протекторатах Российской империи // *Военно-исторический журнал*. 2020. №. 3. С. 34-39.
- Правительственный вестник, 1869** – Газета «Правительственный вестник» 1869-1917 гг. издания. Санкт-Петербург.
- Пчелкина и др., 2022** – Пчелкина Д.С., Пименова Н.Н., Замараева Ю.С. и др. Нациестроительство на территории Эвенкийского и Таймырского национальных округов в 1920–1970-е гг.: культурные и художественные практики // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки»*. Т. 15, № 10. С. 1465-1479.
- Раев, 1990** – Раев М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи. Лондон. 1990. 304 с.
- Самарцева, 2012** – Самарцева, Е. И. Культурно-просветительное наследие "Журнала для всех" // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2012. № 8. С. 142-143.
- Севастенко, 2013** – Севастенко Р.А. Российская периодика в начале XX века и ее участие в общественно-политической жизни страны // *Вестник РУДН*. 2013. № 4. С. 112–121.
- Середкина и др., 2022** – Середкина Н.Н., Резникова К.В., Менжуренко Ю.Н., Сергеева Н.А. Образование и здравоохранение как практики строительства нации (по материалам Эвенкийского архива) // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки»*. Т. 15, № 10. С. 1480-1491.
- Сертакова, 2022** – Сертакова Е.А. Устав об «управлении инородцев», составленный М.М. Сперанским, и особенности его реализации по отношению к коренным малочисленным народам Енисейской губернии в XIX-начале XX веках // *Северные Архивы и Экспедиции*. Т. 6. №2. С. 94-106.
- Смирнова, Токарева, 2017** – Смирнова Ю. В., Токарева Е. А. Ожидания, ценности и ментальные "разрывы" в политической культуре российской либеральной интеллигенции в начале XX века // *Вестник Московского городского педагогического университета*. 2017. №2. С. 18-27.
- Соловьев, 2018** – Соловьев К. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законоотворчества. М. 2018. 351 с.
- Старцев, 1978** – Старцев В.И. Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте-апреле 1917 г. М. 1978. 256 с.
- Старцев, 1989** – Старцев В.И. Российские масоны XX века. Л. 1989.
- Торгово-промышленная газета, 1893** – Газета «Торгово-промышленная газета» 1893-1918 гг. издания. Санкт-Петербург.
- Шевцов, 2020** – Шевцов Н.В. Журнал "Мир Божий" и русская культура конца XIX – начала XX столетий. 2020. Т. 4, № 2(14). С. 63-70.
- Koptseva et al., 2016** – Koptseva N.P., Luzan V. ., Razumovskaya V.A., Kirko V.I. The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy // *International Journal for the Semiotics of Law*. 29(2): 1-28.
- Koptseva et al., 2021** – Koptseva N.P., Reznikova K.V., Menzhurenko Y.N. The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907-1916 // *Bylye Gody*. Vol. 16, Is. 4: 2043-2052.
- Koptseva, Seredkina, 2021** – Koptseva N.P., Seredkina N.N. The Journal "North" (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire // *Bylye Gody*. 16(1). 343-356.

References

- Adon'eva, 2017** – *Adon'eva, I.G.* (2017). Gosudarstvenno-pravovoj diskurs zhurnala "Mir Bozhii" [State-legal discourse of the journal "Mir Bozhii"]. *Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 25-letiyu kafedry teorii, istorii kul'tury i muzeologii NGPU. Novosibirsk.* Pp. 68-71. [in Russian]
- Arsanukaeva, 2010** – *Arsanukaeva, M.S.* (2010). Gosudarstvenno-pravovaya politika Rossijskoj imperii v Chechne i Ingushetii (XIX-nachalo XX vv.) [State and legal policy of the Russian Empire in Chechnya and Ingushetia (XIX-early 20th centuries)]. M. 456 p. [in Russian]
- Bahturina, 2004** – *Bahturina, A.Yu.* (2004). Okrainy rossijskoj imperii: gosudarstvennoe upravlenie i nacional'naya politika v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – 1917 gg.) [Outskirts of the Russian Empire: public administration and national policy during the First World War (1914 – 1917)]. M. 388 p. [in Russian]
- Bendin, 2004** – *Bendin, A. Yu.* (2004). Veroterpimost' i problemy nacional'noj politiki Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XIX-nachalo XX v. v.) [Tolerance and problems of national policy of the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Tserkovno-istoricheskij vestnik.* 11. 113 p. [in Russian]
- Bondar', 2012** – *Bondar', V. O.* (2012). Voennaya cenzura periodicheskikh izdaniy v Rossijskoj imperii v XIX-nachale XX vekov [Military censorship of periodicals in the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries]. 28 p. [in Russian]
- Degtyarenko i dr., 2023** – *Degtyarenko, K.A., Menzhurenko, Yu.N., Shpak, A.A.* (2023). Traditsionnoe obshchinnoe ustrojstvo i kul'turnoe nasledie korennykh malochislennykh narodov Severa Krasnoyarskogo kraja [Traditional communal structure and cultural heritage of indigenous peoples of the North of the Krasnoyarsk Territory]. *Severnnye Arhivy i Ekspedicii.* 7(3): 161-172. [in Russian]
- Izmozik, 2015** – *Izmozik, V.* (2015). «Chernye kabinety»: istoriya rossijskoj perlyustracii. XVIII–nachalo XX veka [“Chernye kabinety (Black offices)”: the history of Russian illustration. XVIII–beginning of XX centuries]. *Novoe literaturnoe obozrenie.* 693 p. [in Russian]
- Kappeler, 2000** – *Kappeler, A.* (2000). Rossiya – mnogonacional'naya imperiya: Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia – a multinational empire: Emergence. Story. Decay]. M. 342 p. [in Russian]
- Koptseva, Sitnikova, 2022** – *Koptseva, N.P., Sitnikova, A.A.* (2022). Istoricheskaya pamyat' korennykh malochislennykh narodov Evenkijskogo municipal'nogo rajona: metodologicheskie podhody k issledovaniyu [Historical memory of indigenous peoples of the Evenki municipal district: methodological approaches to research]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki».* 15(5): 666-678. [in Russian]
- Koptseva et al., 2016** – *Koptseva, N.P., Luzan, V.S., Razumovskaya, V.A., Kirko, V.I.* (2016). The Content Analysis of the Russian Federal and Regional Basic Legislation on the Cultural Policy. *International Journal for the Semiotics of Law.* 29(2): 1-28.
- Koptseva et al., 2021** – *Koptseva, N.P., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Y.N.* (2021). The Journal «Cine-phono» as a Historical Source: National Provincial Cinematography in 1907-1916. *Bylye Gody.* 16(4): 2043-2052.
- Koptseva, Sereckina, 2021** – *Koptseva N.P., Sereckina N.N.* (2021). The Journal "North" (1903) as a Historical Source: the Issue of Education Reform in the Russian Empire. *Bylye Gody.* 16(1): 343-356.
- Krizis samodержaviya v Rossii..., 1984** – *Krizis samodержaviya v Rossii (1895 – 1917 gg.)* [Crisis of autocracy in Russia (1895 – 1917)]. 1984. L. 657 p. [in Russian]
- Leont'eva, 2012** – *Leont'eva, O. B.* (2012). Nacional'naya i konfessional'naya politika Rossijskoj imperii v sovremennoj istoriografii [National and confessional policy of the Russian Empire in modern historiography]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta.* 8–2: 27-46. [in Russian]
- Mir Bozhii, 1901** – *Zhurnal «Mir Bozhii» 1901 goda izdaniya* [The journal "Mir Bozhii" published in 1901]. Sankt-Peterburg. № 1–12. [in Russian]
- Nedelya, 1866** – *Rossijskaya gazeta «Nedelya» 1866-1903 gg. Izdaniya* [Russian newspaper "Nedelya" 1866–1903 editions]. Sankt-Peterburg. [in Russian]
- Omel'yanchuk, 2006** – *Omel'yanchuk, I.V.* (2006). Chernosotennoe dvizhenie v Rossijskoj imperii (1901-1914 gg.) [Black Hundred movement in the Russian Empire (1901-1914)]. Kiev. T. 744. 46 p. [in Russian]
- Pchelkina i dr., 2022** – *Pchelkina, D.S., Pimenova, N.N., Zamaraeva, Yu.S. i dr.* (2022). Naciestroitel'stvo na territorii Evenkijskogo i Tajmyrskogo nacional'nykh okrugov v 1920-1970-e gg.: kul'turnye i hudozhestvennye praktiki [Nation-building on the territory of the Evenk and Taimyr National districts in the 1920s–1970s: cultural and artistic practices]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki».* 15(10): 1465-1479. [in Russian]
- Pochekaev, 2020** – *Pochekaev, R.Yu.* (2020). Ispol'zovanie rossijskikh vojsk v sredneaziatskikh protektoratah Rossijskoj imperii [The use of Russian troops in the Central Asian protectorates of the Russian Empire]. *Voенно-istoricheskij zhurnal.* 3: 34-39. [in Russian]
- Pogrebinskaya, 2008** – *Pogrebinskaya, V.A.* (2008). Promyshlennaya politika Rossii v konce XIX – nachale XX v. [Industrial policy of Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta.* 3. 3-13 p. [in Russian]

- [Pravitel'stvennyj vestnik, 1869](#) – Gazeta “Pravitel'stvennyj vestnik” 1869–1917 gg. Izdaniya [The newspaper “Pravitel'stvennyj vestnik” 1869-1917 editions]. Sankt-Peterburg. [in Russian]
- [Raev, 1990](#) – *Raev, M.* (1990). Ponyat' dorevolucionnuyu Rossiyu. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossijskoj imperii [Understanding pre-revolutionary Russia. State and society in the Russian Empire]. London. 304 p. [in Russian]
- [Samartseva, 2012](#) – *Samartseva, E.I.* (2012). Kul'turno-prosvetitel'noe nasledie "zhurnala dlya vsekh" [Cultural and educational heritage of the “Journal for everyone”]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*. 8: 142-143. [in Russian]
- [Seredkina i dr., 2022](#) – *Seredkina, N.N., Reznikova, K.V., Menzhurenko, Yu.N., Sergeeva, N.A.* (2022). Obrazovanie i zdravoohranenie kak praktiki stroitel'stva natsii (po materialam Evenkijskogo arhiva) [Education and healthcare as practices of nation building (based on the materials of the Evenki Archive)]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 15(10): 1480-1491. [in Russian]
- [Sertakova, 2022](#) – *Sertakova, E.A.* (2022). Ustav ob «upravlenii inorodcev», sostavlennyj M.M. Speranskim, i osobennosti ego realizacii po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam Enisejskoj gubernii v XIX-nachale XX vekah [The Charter on the “management of foreigners”, compiled by M.M. Speransky, and the specifics of its implementation in relation to the indigenous small peoples of the Yenisei province in the XIX – early XX centuries]. *Severnyye Arhivy i Ekspedicii*. 6(2): 94-106. [in Russian]
- [Sevastenko, 2013](#) – *Savastenko, R.A.* (2013). Rossijskaya periodika v nachale XIX veka i ee uchastie v obshchestvenno-politicheskoj zhizni strany [Russian periodicals at the beginning of the twentieth century and its participation in the socio-political life of the country]. *Vestnik RUDN*. 4: 112-121. [in Russian]
- [Shevtsov, 2020](#) – *Shevtsov, N.V.* (2020). Zhurnal “Mir Bozhii” i russkaya kul'tura konca XIX – nachala XX stoletij [The Journal “Mir Bozhii” and Russian culture of the late XIX – early XX centuries]. 4. 2(14): 63-70. [in Russian]
- [Smirnova, Tokareva, 2017](#) – *Smirnova, Yu. V., Tokareva, E.A.* (2017). Ozhidaniya, cennosti i mental'nye “razryvy” v politicheskoj kul'ture rossijskoj liberal'noj intelligencii v nachale XX veka [Expectations, values and mental “gaps” in the political culture of the Russian liberal intelligentsia at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. 2: 18-27. [in Russian]
- [Solov'ev, 2018](#) – *Solov'ev, K.* (2018). Politicheskaya sistema Rossijskoj imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva [Political system of the Russian Empire in 1881–1905: the problem of lawmaking]. M. 351 p. [in Russian]
- [Startsev, 1978](#) – *Startsev, V.I.* (1917). Revolyuciya i vlast': Petrogradskij Sovet i Vremennoe pravitel'stvo v marte-aprele 1917 g. [Revolution and power: the Petrograd Soviet and the Provisional Government in March-April 1917]. M. 256 p. [in Russian]
- [Startsev, 1989](#) – *Startsev, V.I.* (1989). Rossijskie masony XX veka [Russian Masons of the 20th century]. L. [in Russian]
- [Torgovo-promyshlennaya gazeta, 1893](#) – Gazeta «Torgovo-promyshlennaya gazeta» 1893-1918 gg. Izdaniya [The newspaper “Torgovo-promyshlennaya gazeta” 1893-1918 editions]. Sankt-Peterburg. [in Russian]
- [Verdieva, 2016](#) – *Verdieva, H.Yu.* (2016). Pereselencheskaya politika rossijskoj imperii v Severnom Azerbajdzhane: XIX – nachale XX vv.: istoriko-demograficheskoe issledovanie [Resettlement policy of the Russian Empire in Northern Azerbaijan: XIX – early XX centuries: historical and demographic study]. Baku. 420 p. [in Russian]
- [Zamaraeva, Sergeeva, 2023](#) – *Zamaraeva, Yu. S., Sergeeva N.A.* Rodovye obshchiny i tradicionnaya ekonomika korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [Tribal communities and the traditional economy of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East]. *Severnyye Arhivy i Ekspedicii*. 7(3): 27-42. [in Russian]
- [Zhurnal dlya vsekh, 1901](#) – Zhurnal “Zhurnal dlya vsekh” 1901 goda izdaniya [The journal “Zhurnal dlya vsekh” published in 1901]. Sankt-Peterburg. № 1–12. [in Russian]

«Журнал для всех» (1901 г.) как источник по политической истории Российской империи начала XX века

Наталья Петровна Копцева^{a, *}, Анна Андреевна Шпак^a, Юлия Николаевна Менжуренко^a, Ксения Александровна Дегтяренко^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: decanka@mail.ru (Н.П. Копцева), annaheyy@gmail.com (А.А. Шпак), yulia-avdeeva2406@mail.ru (Ю.Н. Менжуренко), akseniya.krupkina@mail.ru (К.А. Дегтяренко)

Аннотация. «Журнал для всех» представляет собой иллюстрированное научно-популярное и литературно-художественное издание, которое осуществляло свою деятельность в Санкт-Петербурге с 1895 по 1906 гг. ежемесячно. В качестве данных для сравнительного анализа главных внутрисполитических событий России, актуальных тем российской общественности того времени, было выбрано периодическое издание «Мир Божий». Журнал «Мир Божий» издавался ежемесячно в Санкт-Петербурге в 1892–1906 гг. и представлял собой научно-популярное и литературное издание, первоочередной задачей которого было способствовать самообразованию через популяризацию науки и истории. Выбор журнала основан на схожих параметрах, периоде выхода, содержанию и наличию разделов, посвященных изучению общественно-политических, социально-экономических процессов Российской Империи. Целью статьи является исследование в периодических изданиях политической истории, выделение принципов освещения главных событий начала XX века. Анализируются рубрики «Внутреннее обозрение» «Журнала для всех» и «Разные разности» журнала «Мир Божий». Содержание выпусков периодических изданий включает 12 номеров и темы из разных сфер жизни людей, что помогает интерпретировать события в контексте формирования образа Российской империи начала XX в., понимания основных направлений развития Российского государства. Акцентируется внимание на реконструкции внутрисполитической картины мира указанного периода. Материалы сравнительного исследования журналов «Журнал для всех» и «Мир Божий» позволят развить и дополнить положения исторической науки о Российской империи начала XX века. Кроме того, результаты анализа делают возможным осмысление общественно-политического опыта страны в современных реалиях, определение исторических закономерностей внутренней политики и прогнозирование дальнейшего развития общественно-политической жизни России.

Ключевые слова: Российская империя, история российской внутренней политики, периодические издания, «Журнал для всех», «Мир Божий».

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2057-2065
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2057

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russian Liberal-Conservative Organizations in Pre-Revolutionary Ukraine: the Poltava Party of Legal Order

Alexey V. Antoshin ^{a, *}

^a Ural Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the emergence of Russian liberal-conservative political organizations in the Little Russian provinces under the conditions of the revolution of 1905–1907. The focus is on the history of the Poltava organization of the Party of Legal Order, which was a significant political structure of the center-right. The source base for this study was documents stored in the funds of the State Archives of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation) and the Russian State Historical Archives (St. Petersburg, Russian Federation). In addition, materials from the periodical press – “Poltavskaya zemskaya gazeta”, as well as the central press were used. The methodological basis of the study is the theoretical developments of specialists in the field of studying the phenomenon of political parties. Using these conceptual constructions, the author comes to the conclusion that the organizers of the Party of Legal Order in Poltava were moderately reformist figures of local zemstvo and city governments. They believed that a progressive movement of Russia was necessary on the basis of the principles proclaimed in the Manifesto of October 17, 1905. Russian nationalism and the negative attitude of law enforcement officers to the idea of equal rights for Jews in Russia were also consolidating factors for many local PPP organizations. The leaders of the Poltava organization of the PPP sought to use administrative resources to carry out a political mobilization of the population based on the principles of the party program. However, the author comes to the conclusion that the project of the Poltava PPP organization cannot be called completely successful. In the context of the political crisis in the country, associated with the defeat in the Russo-Japanese war and unrest in society, the public was not inclined to compromise with the authorities, which was advocated by the law enforcement officers. As a result, the organizers of this party in the Poltava province themselves eventually decided to reorient themselves to other political projects, in particular, to the Union of October 17th.

Keywords: First Russian Revolution, Legal Order Party, Russian nationalism, liberal conservatism, Little Russia, Russian community of Poltava, Poltava Zemstvo, N.B. Shcherbatov, F.A. Lizogub, All-Russian National Union.

1. Введение

Феномен либерал-консерватизма начал привлекать пристальное внимание российских исследователей уже в 1990-е гг., когда радикальные реформы вызвали тягу к стабильности, породили желание опереться на некие незыблемые нравственные устои. В этих условиях многим представителям интеллигенции наиболее перспективным стал представляться синтез либеральных и консервативных идеологических установок как возможность поступательного движения вперед с опорой на традиционные ценности. В интеллектуальном дискурсе России начал утверждаться тезис о том, что данный синтез не только возможен, но и необходим. Исследователь Т.А. Филиппова подчеркивала: «На практике консерватизм отнюдь не предстает антиподом либерализма. Исправно

* Corresponding author

E-mail addresses: alex_antoshin@mail.ru (A.V. Antoshin)

оппонируя ему в конкретных политических ситуациях, он все же разделяет с ним многие доктринальные и нравственные ценности» (Филиппова, 1999: 202).

Обращаясь к историческому опыту, некоторые приверженцы идеи либерально-консервативного синтеза осознали, что необходим более глубокий анализ периода формирования российской многопартийности начала XX в., когда происходили кристаллизация и организационное оформление объединений приверженцев различных идеологических доктрин. В частности, возникают либерально-консервативные политические организации, одной из которых стала Партия правового порядка (ППП). Малороссийские губернии стали регионом, где возникли достаточно значимые филиалы данной партии. Среди них важное место занимала Полтавская организация ППП, в рядах которой были известные общественные деятели, впоследствии получившие общероссийскую известность. В Полтавской губернии ППП пришлось вести политическую борьбу в непростых условиях, тем не менее она пыталась последовательно отстаивать принципы либерально-консервативного развития России. Это обстоятельство обуславливает значимость и актуальность анализа истории данной партийной структуры начала XX в.

2. Материалы и методы

База источников данной статьи представлена несколькими группами материалов. Прежде всего, в статье использованы документы, хранящиеся в ряде фондов Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация). Среди них можно выделить фонд 1822 «Соединенный комитет конституционно-монархических партий», в котором отложились документы, посвященные взаимодействию ППП с другими либерально-консервативными партиями в период избирательной кампании в I Государственную думу. Основным партнером ППП была партия октябристов, поэтому ценные материалы по данной теме содержатся в фонде 115 ГАРФ «Союз 17 октября».

Региональные организации ППП (в частности, Полтавская) активно сотрудничали не только с либерал-консерваторами, но и с приверженцами правомонархических взглядов. Поэтому несомненный интерес для исследования данной темы имеют документы фонда 116 ГАРФ «Всероссийский Дубровинский Союз русского народа».

Отдельные ценные материалы по истории Полтавской организации ППП хранятся также в фондах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Так, следует выделить фонд 150 «Петербургское общество заводчиков и фабрикантов», где имеются некоторые программные документы ППП. Доклады чиновника по особым поручениям Дмитриева-Мамонова о ходе избирательной кампании в I Государственную думу в различных регионах хранятся в фонде Совета министров Российской империи (РГИА. Ф. 1276).

Поскольку архивные документы, в которых содержится информация по истории Полтавской организации ППП, весьма ограничены, то ценным историческим источником становятся материалы периодической печати. Во время избирательной кампании в I Государственную думу наиболее близким к ППП изданием была «Полтавская земская газета», являвшаяся органом Полтавского губернского земства. Ее материалы позволяют проанализировать особенности идеологических установок полтавских правопорядцев, их взаимоотношения с другими политическими силами, показывают эволюцию, которую прошла Полтавская организация ППП. Кроме того, некоторые материалы по данной теме содержатся в публикациях общероссийских изданий: консервативного «Русского вестника» (Петербург), либерально-консервативных газет «Слово» (Петербург), «Родина» (Петербург) и «Голос Москвы», кадетского «Вестника народной свободы» (Петербург).

В современных исследованиях зарождавшейся в начале XX в. российской многопартийности важное место занимают сюжеты, посвященные социокультурному облику лидеров той или иной политической организации. Данное обстоятельство, конечно, неслучайно, поскольку отражает интерес к историко-антропологической проблематике, характерной для современной исторической науки. Поэтому неслучайно в данном исследовании используются материалы Адрес-календаря и памятных книжек Полтавской губернии начала XX в.

В основе методологических установок автора данной статьи лежат разработки специалистов в области изучения феномена политических партий (М. Вебер, Й. Блунчли, Г. Кельзен и др.). При этом особое внимание уделяется концептуальным построениям, характерным для теоретиков бихевиоризма (Б. Берельсон, П. Лазерфельд, Г. Лассуэлл и др.). В данном случае особое внимание отводится тем факторам, которые обуславливали политическое поведение лидеров Полтавской организации ППП. Одновременно значительное место занимает анализ электорального поведения избирателей Полтавской губернии, осмысление их предпочтений в ходе избирательных кампаний в Государственную думу.

3. Обсуждение

Партия правового порядка лишь фрагментарно привлекала внимание советских историков (Черменский, 1939; Славин, 1968; Спирин, 1977 и др.). При этом отдельные упоминания об этой организации почти исключительно касались ее деятельности в Петербурге, история провинциальных

отделов фактически не освещалась. Опираясь на классовый подход, советские историки разоблачали попытки отдельных правопорядцев (так называли членов ППП в начале XX в.) противостоять активности революционных партий в рабочей среде.

Как известно, в 1990-е гг. отечественная историческая наука переживала бум исследований многопартийности. Важнейшим событием этого периода стал выход в свет энциклопедии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.», в которой была опубликована статья Д.Б. Павлова, посвященная истории ППП. В данной публикации были проанализированы идеологические установки ППП, кратко охарактеризованы основные вехи ее истории (Павлов, 1996b: 428).

Кроме того, ППП так или иначе упоминается в большинстве трудов, посвященных истории «Союза 17 октября» – главного объединения русских либерал-консерваторов. При этом исследователи акцентируют внимание на сильном идеологическом «крене» ППП вправо от октябристов, что обуславливало тесное сотрудничество правопорядцев с черносотенцами. Так, Д.Б. Павлов, называя Партию правого порядка «политической организацией октябристского толка», при этом указывал, что она «в своей практической деятельности нередко отличалась от крайних монархистов лишь по названию» (Павлов, 1996a: 5).

Именно тот факт, что в либерально-консервативной части политического спектра России ППП располагалась справа от октябристов, обусловил последующее присоединение некоторых ее членов к проекту Всероссийского национального союза (ВНС) – партии русских националистов. Особенно эта тенденция была характерна для организаций ППП на Украине, где сложный этнический и религиозный состав населения определял особую остроту национального вопроса. Эта ситуация повлияла на то обстоятельство, что история ППП затрагивалась в работах Д.А. Коцюбинского и С.М. Саньковой, посвященных феномену ВНС (Коцюбинский, 2001; Санькова, 2006).

Деятельность Партии правого порядка в украинских губерниях привлекла внимание исследователей на заключительном этапе существования Советского Союза (Попик, 1989). Данное обстоятельство, безусловно, отнюдь не случайно, так как распад СССР ознаменовался обострением национальных противоречий, что резко актуализировало данную проблематику. В постсоветский период глубокое изучение истории региональных организаций ППП по разным причинам практически не проводилось.

В 1970–1990-е гг. к отдельным аспектам истории ППП обращались некоторые зарубежные исследователи. Поскольку в Полтавской губернии Партия правого порядка наиболее активно действовала в период выборов в I Государственную думу, то необходимо отметить труд Т. Эммонса, посвященный глубокому анализу борьбы различных политических сил в ходе данной избирательной кампании (Emmons, 1983). Р. Эдельман специально обращался к партийному противостоянию периода выборов в III Государственную думу, в которых ППП также приняла участие (Edelman, 1979). Наконец, нельзя не упомянуть труд Д. Роусона, в котором ППП рассматривается как одна из правых политических сил в дореволюционной России (Rawson, 1995).

4. Результаты

Формирование либерально-консервативных политических организаций стало одним из итогов общественного движения в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Значительную роль в нем играли возникшие в результате Великих реформ Александра II органы земского и городского самоуправления, деятели которых принимали участие в решении насущных хозяйственных и социальных проблем. Постепенно их активность выходит за пределы того круга вопросов, который был обозначен в документах, регламентировавших работу земств и городских дум. Гласные земских собраний и члены городского самоуправления начинают выступать по различным проблемам общественной жизни, эти акции постепенно принимают оппозиционный характер. Одним из центров земского либерализма стала Полтавская губерния. Характерно, что в известном труде Н.М. Пирумовой, посвященном данному феномену, упоминаются полтавские земцы В.В. Барятинский, В.В. Гамалея, Д.К. Квитка, А.Ф. Русинов, А.Н. Ходолей, которые участвовали в либеральном движении рубежа XIX–XX вв. (Пирумова, 1977: 254-256).

Деятельность земских либералов была особенно характерна для периода кануна и начала Первой русской революции, когда неудачи в ходе Русско-японской войны усилили недовольство части русской общественности политикой правительства. Важнейшими вехами, которые символизировали рост активности либералов, стали съезд земских деятелей в Петербурге (6–9 ноября 1904 г.) и т.н. «банкетная кампания» ноября-декабря 1904 г. В этих акциях принимали участие деятели земского и городского самоуправления из различных регионов империи, в том числе и полтавский городской голова В. П. Трегубов, который впоследствии был видным деятелем местного отдела Партии правого порядка.

Именно в конце 1904 – первые месяцы 1905 гг. происходило размежевание в рядах русских либералов, выделение в их составе сторонников двух политических направлений. Наряду с радикальными либералами, которые впоследствии создали Конституционно-демократическую партию (Партию народной свободы), четко выявились и либерально-консервативные общественные деятели. Последние полагали, что не надо менять существующий строй на новый «придуманный»,

а необходимо «устранить в нем то, что делало его непригодным, а делало его непригодным обособленность царя от народа, недоступность к царю голоса населения, скажем откровеннее: созданное бюрократией ограничение самодержавной царской власти» (здесь должна быть ссылка на источник). Целью либерал-консерваторов в этот период была «обновленная Россия с самодержавной властью, с одной стороны, и с свободным доступом к царю голоса населения через избранных представителей – с другой» ([К мнению меньшинства, 1905: 8](#)). Для этого предлагалось пополнить Государственный совет представителями от земских собраний, избранными на многоступенчатой основе. Сущностью взглядов либерал-консерваторов было убеждение, что «единственной реальной, а не фиктивной гарантией реформы является соответствие ее с мировоззрением, навыками и чувствами народа» ([К мнению меньшинства, 1905: 11](#)). Очевидно, именно эти идейные установки разделял и будущий организатор ППП в Полтаве В.П. Трегубов.

Создание Партии правового порядка произошло осенью 1905 г. в Петербурге. В изданном 1 октября 1905 г. воззвании вновь возникшей партии, прежде всего, подчеркивалось, что ее корни находятся в либеральном движении земств и городских дум (1904–1905 гг.). Авторы воззвания вспоминали ноябрьский 1904 г. съезд как форум, который провозгласил необходимость «преобразования полицейского строя России в правовой» ([Русский вестник. 1905. № 11: 311](#)).

В этом же воззвании был четко определен и вопрос, расколовший ранее единое либеральное движение России на два направления. По словам авторов воззвания, они не могли согласиться с тем, что в сентябре 1905 г. земско-городской съезд принял резолюцию об автономии Польши. По этому поводу организаторы ППП заявляли: «Мы безусловно отвергаем всякие предположения о политической автономии для какой бы то ни было части государства» ([Русский вестник. 1905. № 11: 313](#)). Таким образом, именно национальный вопрос был ключевым для тех общественных деятелей России, которые объединились в Партию правового порядка. Заметим, что особенно значимым он был для регионов, которые не относились к «историческому центру» России, поскольку там угроза сепаратизма стояла довольно остро. Среди таких губерний важное место занимали малороссийские, в том числе Полтавская.

Наряду с лозунгом единой неделимой России программные документы ППП содержали также другие ключевые положения ее идеологии. Среди них: сильная государственная власть, гарантии неприкосновенности личности (отмена ссылки, высылки, административных арестов, прекращение практики предварительной цензуры печати), наделение крестьян землей «со справедливым вознаграждением лиц, от которых будет переходить к ним земля» и т. д. ([ГАРФ. Ф.115. Оп. 1. Д. 103. Л. 15](#)).

Особое место в программе ППП, как и других политических сил, занимало решение ею еврейского вопроса. Известно, что именно под влиянием существовавших в украинских губерниях местных партийных организаций программа ППП так и не зафиксировала пункт о равноправии евреев в России ([РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 265. Л. 132](#)).

Вслед за провозглашением создания Партии правового порядка в столице началось оформление ее региональных организаций. Большинство из них возникало в конце 1905 – начале 1906 гг. Среди них были и те группы сторонников ППП, которые организационно оформились в Полтавской губернии. Показательно, что там, в отличие от некоторых других регионов, отделы партии проявляли свою активность не только в губернском городе – Полтаве, но также в Кременчуге и Лубнах. Данное обстоятельство позволяет считать Полтавскую губернию достаточно значимым центром деятельности ППП в Российской империи.

Лидерами партии в губернии стали видные местные общественные деятели. Особое место среди них, бесспорно, занимает князь Н.Б. Щербатов, который стал председателем Имперского совета ППП. Он являлся крупным местным землевладельцем, гласным Полтавского губернского земского собрания, впоследствии – Полтавским губернским предводителем дворянства и членом Совета объединенного дворянства ([Соловьев, 1981: 233](#); [Соловьев 1990: 109](#)). Пожалуй, наивысшей точкой его карьеры стал период Первой мировой войны. Летом-осенью 1915 г., в крайне тяжелой ситуации, связанной с поражениями на фронте и атаками на правительство со стороны оппозиционного Прогрессивного блока, Николай II назначил князя Н.Б. Щербатова на пост министра внутренних дел. Имевший ранее репутацию консервативного политика, князь Н.Б. Щербатов в этот период проявил себя как либерал.

Согласно «Воспоминаниям» П.Н. Милокова, князь вошел в состав «либеральной группы» правительства, взаимодействовал с Прогрессивным блоком, в итоге став «особенно ненавистен кружку царицы» ([Милоков, 1990: 187, 190](#)). Известно также, что Н.Б. Щербатов вместе с думской оппозицией резко критиковал генерал-губернатора Восточной Пруссии П.Г. Курлова ([Курлов, 1992: 223](#)). Тот факт, что Н.Б. Щербатов даже выступил против решения Николая II возглавить военное командование ([Пайпс, 1994: 257](#)), закономерно привел к отставке князя в конце сентября 1915 г.

Будучи лидером Партии правового порядка, князь Н.Б. Щербатов в основном занимался общеимперскими вопросами. Оперативное руководство деятельностью ППП в Полтавской губернии осуществлял Ф.А. Лизогуб – статский советник, председатель Полтавской губернской земской управы, землевладелец (416 десятин земли) ([Адрес-календарь..., 1903: 5, 14](#)). Поскольку в Полтавской губернии, как и в ряде других регионов, организации ППП активно взаимодействовали с октябристскими структурами, то Ф.А. Лизогуб одновременно возглавлял и местный отдел «Союза 17 октября» (слово. 1906.

8 января). Как и Н.Б. Щербатов, этот человек получил широкую известность в эпоху Великих потрясений, возглавив в условиях Гражданской войны правительство гетмана П.П. Скоропадского на Украине.

Уездные организации ППП возглавили видные местные общественные деятели, в основном гласные органов земского и городского самоуправления. Таков, например, лидер Кременчутского отдела партии П.М. Бутовский – тайный советник, гласный Кременчутского уездного земского собрания.

Однако следует подчеркнуть, что в организациях Партии правового порядка в Полтавской губернии были отнюдь не только представители высших слоев общества, аристократы, крупные чиновники, руководители земских и городских учреждений. Как известно, в рядах правых партий находилась и часть патриотически настроенных рабочих, которых привлекала идея сильной государственной власти, зафиксированная в программах этих политических сил. Не стала исключением в этом плане и ППП. В фонде Союза русского народа (СРН), хранящемся в ГАРФ, имеется письмо полтавского рабочего Машкова лидеру СРН А.И. Дубровину. В нем содержится характерный рассказ о том пути, который приводил подобных Машкову рабочих в ряды правых партий: «Я – токарь при Полтавских железнодорожных мастерских, в коих работаю с 1887 г. ...20-ти лет от роду самоучкой выучился читать и с тех пор всегда кое-что почитываю... В 1905 г., когда разразились такие сумасбродные забастовки, я примкнул к партии правового порядка... Видя такое уродливое бастование, я один стал спорить с целой мастерской... Конечно, мне грозили, но я... не обращал внимания... 2 мая, шедши с работы, на берегу Ворсклы меня схватили двое очень озорниковатых и атлетически сильных людей да и ну разделявать под дых кулаками... На мое счастье, шел на реку городской, они меня и бить остановились. Я, вырвавшись, поднял с земли пиджак и с испугу давай Бог ноги» (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 411. Л. 11). Однако на этом испытания Машкова не закончились. Через месяц он получил ранение в голову, нанесенное выстрелом из «слабого револьвера», после чего ему пришлось провести в больнице 26 дней (ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 411. Л. 12). Данная история является яркой иллюстрацией того, в какой атмосфере происходило противостояние между членами Полтавской организации ППП и леворадикальными группировками.

Возникшая в конце 1905 г. организация ППП в Полтаве сразу же приступила к активной пропагандистской деятельности. При этом руководство местного отдела партии во главе с Ф.А. Лизогубом, возглавлявшим губернское земство, прежде всего использовало возможности, которые имели земские учреждения. Рупором идей ППП стала «Полтавская земская газета». В ее корреспонденциях сообщалось о том, что ППП в Полтавской губернии «горячо приступила к работе»: агитировала и в губернском городе, и в уездах, выпускала воззвания к населению (*Полтавская земская газета. 1906. 8 декабря*).

Эта активность ППП во многом была связана с подготовкой к избирательной кампании в I Государственную думу, под знаком которой прошли первые месяцы 1906 г. В столице Партия правового порядка заключила избирательное соглашение с другими либерально-консервативными организациями – «Союзом 17 октября», «Прогрессивно-экономической партией и Всероссийским торгово-промышленным союзом» (ГАРФ. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 4. Л. 71-81). Основой, которая сплотила данные партии в единый блок, был тезис о необходимости укрепления в стране государственного строя, созданного Манифестом 17 октября 1905 г.

Впрочем, в регионах ситуация была несколько иной. Многие провинциальные организации ППП возникали на основе идеи борьбы с революционным движением. Решающим фактором здесь выступало наличие в названии новой политической партии слова «порядок». Многие члены ППП тяготели к тому, чтобы заключить блок с крайне правыми организациями, однако в среде черносотенцев правопорядцы имели репутацию «слишком либеральной» партии. В результате ППП приходилось заключать лишь локальные избирательные соглашения с маловлиятельными политическими силами (например, в Киеве с Торгово-промышленной партией) (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 8. Л. 277). Впоследствии деятель Полтавской организации ППП Медведев заявлял, что именно недоверие в отношениях между правыми и правоцентристами привело к тому, что в итоге победу на выборах одержали кадеты (*Полтавская земская газета. 1906. 8 декабря*).

Впрочем, именно Полтавская губерния была одной из немногих, где ППП добилась на выборах хотя бы локальных успехов. Так, по сообщениям прессы, ей удалось провести своих кандидатов в выборщики по Кременчутскому уезду (*Родина. 1906. 26 февраля*).

Однако общие итоги выборов в I Государственную думу оказались для ППП крайне неудачными, в результате чего партия оказалась на грани распада. Представители местной политической элиты, главы органов самоуправления – председатель Полтавской губернской земской управы Ф. А. Лизогуб и бывший городской голова Полтавы В.П. Трегубов – решили сделать ставку на октябристский политический проект и вышли из рядов ППП. Это привело к тому, что полтавские правопорядцы более не имели возможности использовать ресурсы земства для ведения своей пропагандистской работы. Ранее близкая к партии «Полтавская земская газета» в конце 1906 г. стала подчеркивать в своих публикациях глубину организационного кризиса в ППП. В ноябре 1906 г. она вообще заявила, что «партия эта более у нас не существует» (*Полтавская земская газета. 1906. 11 ноября*). Однако выяснилось, что это было не совсем так. 3 декабря 1906 г. Полтавская организация ППП все же провела общее собрание своих членов, на котором, по словам корреспондента земского

официоза, присутствовало 30-35 человек – «преимущественно мелкие чиновники со своими женами» (Полтавская земская газета. 1906. 8 декабря). Организатором собрания выступил один из новых лидеров местного отдела ППП Сметанкин, который заявил: «ППП имеет за собой славное прошлое, будучи неизменно умеренно-либеральной, отвечающей переживаемому моменту, а потому она не должна прекратить своего существования и ни в коем случае не должна слиться с «Союзом 17 октября». С последним она может идти рука об руку» (Полтавская земская газета. 1906. 8 декабря). Однако после перерегистрации членов в Полтавской организации ППП осталось всего около 25 человек.

Став малочисленной организацией, ППП уже не могла являться серьезной политической силой на выборах во II Государственную думу. Тем не менее она участвовала в создании блоков с другими партиями. Как и в других регионах, в Полтавской губернии этот процесс проходил непросто. В прессе появлялась информация о неожиданных политических комбинациях. Так, центральный печатный орган «Союза 17 октября» газета «Голос Москвы» в середине января 1907 г. сообщила, что в Кременчуге, например, кадеты были «не прочь блокироваться с «Союзом 17 октября» (Голос Москвы. 1907. 16 января). Вполне возможно, это сообщение являлось типичным информационным «вбросом», нацеленным на то, чтобы подтолкнуть других потенциальных партнеров-октябристов к достижению соглашения. Очевидно, оно возымело действие: уже через неделю тот же «Голос Москвы» заявил, что в Полтавской губернии был создан избирательный блок «Союза 17 октября», ППП, Русского собрания и Союза русского народа (Голос Москвы. 1907. 23 января).

Последней в истории Полтавской организации ППП избирательной кампанией стали выборы в III Государственную думу. Они прошли уже в условиях нового избирательного закона 3 июня 1907 г., который предоставлял определенные преимущества именно правоцентристам. На этих выборах полтавские правопорядцы заключили блок с «Союзом 17 октября» и правомонархическими группировками (Вестник народной свободы. 1907. № 27-28: 1431). Фактически именно ППП в подобных союзах исполняла роль партии-посредника, ее представители прилагали все силы, чтобы сгладить противоречия между октябристами и черносотенцами.

Однако к этому времени стало очевидно, что история политического проекта Партии правового порядка заканчивается. Организаторы ППП переориентировались на иные структуры, в частности, на «Союз 17 октября». Впоследствии политическим преемником ППП во многом стал Всероссийский национальный союз, который являлся главной опорой правительства П.А. Столыпина.

5. Заключение

Таким образом, исторические источники свидетельствуют о том, что в Полтавской губернии Партия правового порядка должна была стать весьма значимым политическим проектом. Он был инициирован умеренно-реформистской частью местной политической элиты, преимущественно связанной с органами земского и городского самоуправления. Эти общественные деятели объединились в Партию правового порядка, чтобы провести политическую мобилизацию населения на основе принципов, провозглашенных в Манифесте 17 октября. При этом для них был важен тезис о сохранении единства и неделимости Российского государства, они разделяли негативное отношение к идеям автономизации и федерализации страны.

Однако в целом данный политический проект трудно назвать полностью успешным. Тот факт, что за ним в Полтавской губернии стояли представители определенных кругов региональной политической элиты, которые использовали административные ресурсы для привлечения избирателей на свою сторону, не принес дивидендов ППП. В кризисной ситуации, в которой находилась проигравшая Русско-японскую войну и охваченная волнениями страна, доверие населения к власти резко упало. Зачастую избиратели предпочитали голосовать за главную партию либеральной оппозиции – кадетов. Кроме того, если для организаторов ППП весьма значимы были идеи консервативного реформизма, то многих обывателей, ставших рядовыми членами партии, привлекало в ее ряды наличие в названии слова «порядок». Во многом именно этот идеологический и ценностный разрыв сделал в итоге Партию правового порядка маргинальной структурой, сошедшей с политической арены после окончания Первой русской революции.

6. Благодарности

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства "Приоритет-2030".

Литература

Адрес-календарь..., 1903 – Адрес-календарь и справочная книжка Полтавской губернии на 1903 г. Полтава, 1903. 74 с.

- Вестник народной свободы** – Вестник народной свободы. 1907. № 27-28.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
Голос Москвы, 1907 – Голос Москвы. 1907. 16 января, 23 января.
К мнению меньшинства, 1905 – К мнению меньшинства частного совещания земских деятелей 6-8 ноября 1904 г. М., 1905. 22 с.
Коцюбинский, 2001 – *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
Курлов, 1992 – *Курлов П.Г.* Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992. 255 с.
Милюков, 1990 – *Милюков П.Н.* Воспоминания. М.: Современник, 1990. Т. 2. 446 с.
Павлов, 1996а – *Павлов Д.Б.* Предисловие / Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. М.: РОССПЭН, 1996. Т. 1. С. 5-23.
Павлов, 1996б – *Павлов Д.Б.* Партия правового порядка // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1996. С. 428.
Пайпс, 1994 – *Пайпс Р.* Русская революция. М.: РОССПЭН, 1994. Ч. 1. 398 с.
Пирумова, 1977 – *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М.: Наука, 1977. 288 с.
Полтавская земская газета, 1906 – *Полтавская земская газета.* 1906. 8 декабря.
Попик, 1989 – *Попик В.И.* Политическая борьба на Украине вокруг выборов в III Государственную думу. Киев: Наук. думка, 1989. 97 с.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
Родина, 1906 – *Родина.* 1906. 26 февраля.
Русский вестник, 1905 – *Русский вестник.* 1905. № 11.
Санькова, 2006 – *Санькова С.М.* Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908-1917 гг.). Орел: С. В. Зенина, 2006. 370 с.
Славин, 1968 – *Славин Н.Ф.* Правового порядка партия / Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. II. С. 502.
Слово, 1906 – *Слово.* 1906. 8 января.
Соловьев 1981 – *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг. Л.: Наука, 1981. 250 с.
Соловьев 1990 – *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг. Л.: Наука, 1990. 268 с.
Спирин, 1977 – *Спирин Л.М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977. 366 с.
Черменский, 1939 – *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в революции 1905-1907 гг. М.-Л.: Гос.соц.-эк.изд-во, 1939. 374 с.
Филиппова, 1999 – *Филиппова Т.А.* Либерально-консервативный синтез (Попытка хронополитического анализа) / *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы.* Мат-лы междунар. науч. конф. М.: РОССПЭН, 1999. С. 201-208.
Edelman, 1979 – *Edelman R.* The Elections to the Third Duma: the Roots of the Nationalist Party / The Politics of Rural Russia. Bloomington; London, 1979. P. 94-122.
Emmons, 1983 – *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge; London: Harvard University Press, 1983. 543 p.
Rawson, 1995 – *Rawson D.C.* Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 286 p.

References

- Adres-kalendar, 1903** – Adres-kalendar i spravochnaya knijka Poltavskoy gubernii na 1903 god [Address-calendar and reference book of the Poltava province for 1903]. Poltava, 74 p. [in Russian]
Chermensky, 1939 – *Chermensky, E.D.* (1939). Burjuazija i tsarizm v revolutsii 1905-1907 gg. [The bourgeoisie and tsarism in the revolution of 1905-1907]. Moscow; Leningrad. 374 p. [in Russian]
Edelman, 1979 – *Edelman, R.* (1979). The Elections to the Third Duma: the Roots of the Nationalist Party. The Politics of Rural Russia. Bloomington; London. Pp. 94-122.
Emmons, 1983 – *Emmons, T.* (1983). The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge; London: Harvard University Press. 543 p.
Filippova, 1999 – *Filippova, T.A.* (1999). Liberalno-konservativny sintez (Popytka hronopoliticheskogo analiza) [Liberal-Conservative Synthesis (An attempt at a chronopolitical analysis)]. Russky liberalism: istoricheskie sudby i perspektivy. Moscow. Pp. 201-208. [in Russian]
ГАРФ – Gosudarstvenny arhiv Rossiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
Golos Moskvy, 1907 – *Golos Moskvuy.* 1907. January 16, January 23. [in Russian]
K mneniyu menshinsva, 1905 – K mneniyu menshinsva chastnogo soveshaniya zemskih dejateley [To the opinion of a minority of a private meeting of zemstvo leaders November 6-8, 1904]. Moskva. 22 p. [in Russian]
Kotsubinsky, 2001 – *Kotsubinsky, D.A.* (2001). Russky natsionalizm v nachale XX stoletija: Rojdenie i gibel ideologii Vserossiskogo natsionalnogo sojuza [Russian Nationalism at the Beginning of the 20th

- Century: The Birth and Death of the Ideology of the All-Russian National Union]. Moskva, 528 p. [in Russian]
- [Kurlov, 1992](#) – *Kurlov, P.G.* (1992). Gibel Imperatorskoy Rossii [The Death of Imperial Russia]. Moskva, 255 p. [in Russian]
- [Milykov, 1990](#) – *Milykov, P.N.* (1990). Vospominaniya [Memoirs]. Moskva, 446 p. [in Russian]
- [Pavlov, 1996a](#) – *Pavlov, D.B.* (1996). Predislovie [Foreword]. Partiya Sojuz 17 oktybrya. Protokoly syezdov, konferentsiy i zasedaniy TsK. Moscow. P. 5-23. [in Russian]
- [Pavlov, 1996b](#) – *Pavlov, D.B.* (1996). Partiya pravovogo porjadka [The Party of Legal Order]. Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaja tret XX veka. Entsiklopediya. Moscow. P. 428. [in Russian]
- [Pipes, 1994](#) – *Pipes, R.* (1994). Russkaya revolyutsiya [Russian revolution]. Vol. 1. Moscow. 398 p. [in Russian]
- [Pirumova, 1977](#) – *Pirumova, N.M.* (1977). Zemskoe liberalnoe dvizhenie. Sotsialnye korni i evolyutsiya do nachala XX v. [Zemstvo liberal movement. Social roots and evolution before the beginning of the 20th century]. Moskva, 288 p. [in Russian]
- [Poltavskaya zemskaya gazeta](#) – *Poltavskaya zemskaya gazeta*. 1906. December 8. [in Russian]
- [Popik, 1989](#) – *Popik, V.I.* (1989). Politicheskaya borba na Ukraine vokrug vyborov v III Gosudarstvennyu dumu [Political struggle in Ukraine around the elections to the Third Dume]. Kiev. 97 p. [in Russian]
- [Rawson, 1995](#) – *Rawson, D.C.* (1995). Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge: Cambridge University Press. 286 p.
- [RGIA](#) – Rossiskiy gosudarstvenny istorichesky arhiv [State Archive of the Russian Federation].
- [Rodina, 1906](#) – *Rodina*. 1906. February 26. [in Russian]
- [Russky vestnik, 1905](#) – *Russky vestnik*. 1905. No. 11. [in Russian]
- [Sankova, 2006](#) – *Sankova, S.M.* (2006). Russkaya partiya v Rossii. Obrazovanie i dejatel'nost' Vserossoskogo natsionalnogo sojuza, 1908-1917 [Russian party in Russia. Formation and activities of the All-Russian National Union, 1908-1917]. Orel. 370 p. [in Russian]
- [Slavin, 1968](#) – *Slavin, N.F.* (1968). Pravovogo porjadka partiya [The Party of Legal Order]. Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. P. 502. [in Russian]
- [Slovo](#) – *Slovo*. 1908. 8 January. [in Russian]
- [Soloviev, 1981](#) – *Soloviev, Ju.B.* (1981). Samoderjavie i dvoryanstvo v 1902-1907 gg. [Autocracy and nobility in 1902-1907]. Leningrad. 250 p. [in Russian]
- [Soloviev, 1990](#) – *Soloviev, Ju.B.* (1990). Samoderjavie i dvoryanstvo v 1907-1914 gg. [Autocracy and nobility in 1907-1914]. Leningrad. 268 p. [in Russian]
- [Spirin, 1977](#) – *Spirin, L.M.* (1977). Krushenie pomeschicheskikh i burjuaznykh partiy v Rossii (nachalo XX v. – 1920 g.) [The collapse of the landlord and bourgeois parties in Russia (beginning of the 20th century - 1920)]. Moskva. 366 p. [in Russian]
- [Vesntik narodnoy svobody](#) – *Vesntik narodnoy svobody*. 1907. № 27-28. [in Russian]

Русские либерально-консервативные организации в дореволюционной Украине: Полтавская Партия правового порядка

Алексей Валерьевич Антошин ^{a, *}

^aУральский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена возникновению русских либерально-консервативных политических организаций в малороссийских губерниях в условиях революции 1905–1907 гг. В центре внимания – история Полтавской организации Партии правового порядка, которая была значимой политической структурой правоцентристского толка. Базой источников данного исследования послужили документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (Москва, Российская Федерация) и Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Кроме того, использованы материалы периодической печати: «Полтавская земская газета», а также центральная пресса. Методологической основой исследования являются теоретические разработки специалистов в области изучения феномена политических партий. Используя эти концептуальные построения, автор приходит к выводу о том, что организаторы Партии правового порядка в Полтаве были умеренно-реформистски настроенными деятелями местных органов земского и городского самоуправления. Они полагали, что необходимо поступательное движение России на основе принципов, провозглашенных в Манифесте 17 октября 1905 г. Консолидирующими факторами для многих местных организаций ППП выступали также

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alex_antoshin@mail.ru (А.В. Антошин)

русский национализм и отрицательное отношение правопорядцев к идее равноправия евреев в России. Лидеры Полтавской организации ППП стремились использовать административные ресурсы, чтобы провести политическую мобилизацию населения на основе принципов программы партии. Однако автор приходит к выводу о том, что проект Полтавской организации ППП нельзя назвать полностью успешным. В условиях политического кризиса в стране, связанного с поражением в Русско-японской войне и волнениями в обществе, общественность не была настроена на компромисс с властью, за который выступали правопорядцы. В результате сами организаторы данной партии в Полтавской губернии в итоге решили переориентироваться на иные политические проекты, в частности, на «Союз 17 октября».

Ключевые слова: Первая русская революция, Партия правового порядка, русский национализм, либеральный консерватизм, Малороссия, русская общественность Полтавы, Полтавское земство, Н.Б. Щербатов, Ф.А. Лизогуб, Всероссийский национальный союз.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2066-2074
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2066

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Participation of the Don Cossack Units in the Russian-Japanese War

Vladimir P. Trut ^{a, b, *}, Sergey G. Voskoboynikov ^a

^a Don State Technical University, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

Abstract

The article characterizes the participation of the Don Cossack units—the 4th Don Cossack Division and the 3rd Don Cossack Artillery Division in the Russian-Japanese war. The features of the composition and formation of this non-combatant priority, but preferential (reserve) Cossack division and its dispatch to the front are revealed. The participation of the Don units in the battles and battles of this war is shown, especially in raids into the enemy rear. The successful and unsuccessful military actions of the latter during the war are analyzed, as well as the reasons for the unsatisfactory use of the Cossack cavalry by the command of the Russian army during military operations. When describing the shortcomings of the actions of the Don Cossack units, both objective and particularly subjective reasons for this circumstance are comprehensively revealed. The article draws attention to the consideration of controversial issues present in historiography regarding the general assessment and particular examples of the actions of the Don Cossack units and subunits in various episodes of their combat participation. The conclusions about the combat contribution of the Don Cossacks to the general military actions of the Russian army during this war, the heroism, courage and military valor shown by the Cossacks, the level of their military training, the causes, content and consequences of the shortcomings, mistakes and miscalculations of the command of the army and tactical levels, directly Cossack officers are substantiated. Data on losses and the number of awarded Cossacks of these units during the war are given.

Keywords: Don Cossacks, units, battles, Russian-Japanese war, participation, discussion issues.

1. Введение

История Русско-японской войны, несмотря на проделанную исследователями весьма значительную работу, по-прежнему вызывает научный интерес, обусловленный как имеющимися дискуссионными вопросами, так и недостаточно изученными аспектами. Одним из них, безусловно, является участие в событиях данной войны 4-й Донской казачьей дивизии и 3-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона. Это обуславливается особенностями их формирования и комплектования, уровнем их боевой и тактической подготовки, использованием их в ходе ведения крупных и мелких боевых действий, а также наличием позитивных и негативных примеров ведения казаками военных действий.

Дальнейший научный анализ необходим при рассмотрении участия донских частей в боях и сражениях данной войны, особенно в рейдах во вражеский тыл, где были проявлены боевые и морально-психологические качества рядовых казаков и казачьих офицеров.

При анализе недостатков действий донских казачьих частей в этот период необходимо всесторонне раскрыть и охарактеризовать как объективные, так и субъективные причины выбранной ими стратегии боя. Особого внимания и аргументированной научной критики требуют имеющиеся в историографии

* Corresponding author

E-mail addresses: trut.vladimir@rambler.ru (V.P. Trut),
voskoboynikov1968c@yandex.ru (S.G. Voskoboynikov)

дискуссионные вопросы, в частности, относительно общей оценки и конкретных примеров действий донских казачьих частей и подразделений в различных эпизодах их боевого участия.

Всестороннее и обстоятельное исследование участия донского казачества в Русско-японской войне обуславливается необходимостью дальнейшего изучения как хода специфики данной войны, особенностей применяемых стратегических и тактических приемов ведения военных действий, так и использования в ней казачьей кавалерии, выявления причин неудовлетворительного ее применения в крупных сражениях и тактических боях с учетом достоинств и недостатков боевой подготовки донских казаков и неудовлетворительной подготовки офицерских кадров всех уровней.

2. Материалы и методы

Источниковую основу составили документы Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация) и государственного архива Ростовской области (Ростов-на-Дону, Российская Федерация), а именно материалы официального делопроизводства, выявленные авторами в архивных хранилищах и в опубликованных официальных правительственных и ведомственных документах периода Русско-японской войны, содержащиеся, в частности, в документе «О мобилизации 4-й Донской казачьей дивизии и 3-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона и обеспечении мобилизуемых казачьих частей лошадьми. 30 июня 1904 г. — 11 ноября 1904 г.», Военного министерства (РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 722) в приказе правительства, который, согласно официальной делопроизводственной лексике, назывался следующим образом: «Распоряжение по Казачьим Войскам от 25 июня №107 об определении мобилизации 4-й Донской казачьей дивизии и 3-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона» (ГАРО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 375. Л. 27), и в «Сборнике правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1904 г.» (Сборник правительственных..., 1905).

Были задействованы также мемуарные произведения непосредственных участников рассматриваемых событий, например, В.В. Добрынина (Добрынин, 1907), П.Н. Краснова (Краснов, 1909), Ф.И. Ростовцева (Ростовцев, 1910). Они раскрывают особенности формирования 4-й Донской казачьей дивизии, повествуют о сжатых сроках её мобилизации, об уровне военной подготовки и высоком боевом духе рядовых казаков и офицеров, показывают её участие в боях в период Русско-японской войны. Активно, но в то же самое время с позиций современного научно-критического подхода, привлекались и специальные исследования по истории участия донских казаков в этой войне. Подвергались анализу недостаточно изученные и дискуссионные аспекты данного вопроса.

Используя логический и научно-критический анализ, историко-системный, проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы, автор показал и всесторонне охарактеризовал специфику комплектования и ход мобилизации 4-й Донской казачьей дивизии, ее участие в Русско-японской войне совместно с 3-м Донским казачьим артиллерийским дивизионом, выявил и проанализировал как сильные, так и слабые стороны их боевой подготовки, успехи и неудачи в военных действиях.

3. Обсуждение

История Русско-японской войны в общем и целом достаточно хорошо исследована в отечественной историографии. Так, образованная почти сразу после войны специальная комиссия по всестороннему изучению боевых действий, в состав которой вошли авторитетные военные чины и различные военные специалисты, активно и обстоятельно работала в течение пяти лет и достигла достаточно впечатляющих результатов. В 1910 году было опубликовано солидное 9-томное военно-историческое исследование «Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны» (Русско-японская война..., 1910). В ней не только были детально показаны все события войны, но и достаточно обстоятельно проанализированы действия различных родов войск, русского командования, отдельные военные операции и их результаты, допущенные просчеты, причины поражений русской армии и флота. Но ввиду довольно ограниченных и в общем слабых боевых действий кавалерии русской армии участие в войне казачьих частей и соединений в данной работе не получили необходимого освещения.

В послевоенные годы были предприняты и различные разрозненные попытки рассмотрения действий конницы в отдельных военных сражениях и операциях. А поскольку подавляющее большинство численности кавалерии русской армии составляли казачьи полки, то их боевая служба получила предметное отражение в данных работах. Среди них заслуживает внимания военно-историческое сочинение К.Л. Голеевского «Описание действий конницы 2-й Маньчжурской армии у Мукдена в феврале 1905 года» (Голеевский, 1906), вышедшее в свет уже в 1906 г., а также труд М.А. Свечина «Набег конного отряда Мищенко на Инкоу» (Свечин, 1907), изданный в 1907 году, и Ф.К. Гершельмана «Конница в Японскую войну и в былое время» (Гершельман, 1912). Особо необходимо выделить обстоятельную работу Ф. И. Ростовцева «4-я Донская казачья дивизия в Русско-японскую войну» (Ростовцев, 1910), в которой автор весьма детально рассмотрел все события, связанные с участием в войне этого казачьего соединения, начиная от его мобилизации и прибытия на фронт и заканчивая расписанной буквально по дням боевой деятельностью с 8 октября до

26 декабря 1904 г., с участием донских казаков в рейдах на Инкоу и Сандепу, в монгольской экспедиции и в позиционных действиях на Сыпингайских позициях в конце войны. Но, несмотря на то, что во всех названных работах содержался хороший фактический материал, все они, созданные офицерами, носят фактически только описательный характер. В рассматриваемый период времени были опубликованы и историко-публицистические работы П.Н. Краснова «Год войны» (Краснов, 1911) и «Картины былого Тихого Дона» (Краснов, 1909), В.В. Добрынина «Донцы в Маньчжурии. Путевые, походные и боевые воспоминания и краткая историческая справка 3-й Донской казачьей батареи» (Добрынин, 1907), И.А. Тонконогова «Наши казаки на Дальнем Востоке. Сборник рассказов современников и участников войны, помещенных в различных периодических изданиях» (Тонконогов, 1907).

Вновь к изучению событий Русско-японской войны отечественные исследователи обратились только в конце 1930-х годов. Участие в войне донских казаков 4-й Донской казачьей дивизии получило отражение в сочинении Б.В. Лунина (Лунин, 1939). Однако данная работа, имевшая значительную политико-идеологическую нагрузку, в частности острую критику русской империалистической внешней политики, бездарности высшего политического и военного руководства страны, практически не содержит исторического анализа.

После значительного перерыва в исследовании данной проблематики историки вновь обратились к ней только в середине 1990-х годов. Заметным явлением в развитии историографии по проблеме казачества в Русско-японской войне стала работа Г.Л. Воскобойникова, в которой отражены многие аспекты военных действий казаков, воинские части которых были направлены на Маньчжурский фронт (Воскобойников, 1995). Эта книга отличается хорошей источниковой базой, развернутым статистическим материалом. Участие в войне донских казаков получило отражение в монографии В.П. Трута (Трут, 2007) и в работе Н.В. Рыжковой (Рыжкова, 2008). Данный вопрос рассмотрен и в коллективной работе «Казачий Дон. Пять веков воинской славы» (Казачий Дон..., 2010).

Обозначенная проблематика участия донских казачьих частей в Русско-японской войне получила отражение в отдельной главе вышедшей в 2020 году фундаментальной трехтомной «Истории Донского казачества» (История донского казачества, 2020).

Отдельные аспекты этого вопроса были рассмотрены в некоторых статьях, в частности, в работе А.Ю. Перетятыко, носящих дискуссионный характер (Перетятыко, 2014).

В целом вклад в исследование проблемы представляется вполне определенным, хотя, безусловно, далеко неполным и всесторонним.

4. Результаты

По мере развития событий Русско-японской войны правительство приняло решение отправить на фронт дополнительные силы, в состав которых вошли и донские казачьи части. Так, 22 июня 1904 г. особым указом императора офицеры и рядовые полков так называемой «льготной», то есть находившейся в запасе 4-й Донской казачьей дивизии, к которой были приписаны казаки второй очереди строевого разряда, были переведены из резервного положения мирного времени «в состояние военного положения». 25 июня вышел специальный указ (тогда он назывался распоряжением) правительства об определении, то есть объявлении мобилизации 4-й Донской казачьей дивизии, в которой вводилась бригадная структура. Были образованы две бригады, в одну из которых сводились 19-й и 24-й Донские казачьи полки, а во вторую — 25-й и 26-й Донские казачьи полки и 3-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона (ГАРО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 375. Л. 27).

В этот же день Войсковой штаб Войска Донского издал соответствующий приказ, в котором говорилось о данном императорском указе и объявлении первым днем мобилизации штаба и всех полков этой дивизии с 20 июля (Донские областные ведомости. 1904. №57. 27 июня).

19 июля выходит очередной приказ по войску Донскому, в котором вновь объявлялось, что мобилизация 4-й Донской казачьей дивизии началась с 20 июля (Сборник правительственных..., 1905: 157). В ее составе находились четыре, согласно официальной терминологии того времени, на «льготе», то есть в запасе, 19-й, 24-й, 25-й и 26-й Донские казачьи полки. Они укомплектовывались казаками второй очереди строевого разряда, которые уже отслужили четырехлетнюю действительную срочную службу в армии в частях первой очереди и вышли «на льготу», то есть в запас. В эти полки входили казаки из 35 донских станиц двух административно-территориальных единиц области войска Донского 1-го Донского и Черкасского округов (Ростовцев, 1910: 7).

После необходимой организационной подготовительной работы 24-й Донской казачий полк закончил свое формирование и укомплектование 26 июля; 19-й Донской казачий полк — через два дня, 28 июля; 25-й и 26-й Донские казачьи полки — на следующий день, 27 июля, а штаб дивизии и управления, как официально на военном лексиконе назывались их штабы, завершили свое формирование 29 июля (РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 722. Л. 55, 56, 63-66, 70-72, 76; Сборник правительственных..., 1905: 524).

Такой достаточно продолжительный период мобилизации данных казачьих частей, которые считались наиболее подготовленными к военной службе и морально, и материально, и, соответственно, осуществляли мобилизацию в очень сжатое время, объяснялся достаточно просто:

находившимся в запасе казакам специально выделялось время на тщательную материальную подготовку в плане приобретения хороших строевых лошадей, обмундирования и снаряжения, а также на дополнительные тренировки и восстановление в полном объеме их кавалерийских и прочих военных навыков сабельного и огневого боя, общую тактическую подготовку. И такой подход себя оправдал: конский состав этих полков, обмундирование, снаряжение и общий уровень подготовки казаков при их инспектировании непосредственно перед отправкой на фронт специальной строгой комиссией из представителей войсковой и окружной казачьей администрации и армейских офицеров был признан весьма хорошим.

В 4-й Донской казачьей дивизии вводилась бригадная структура. Она включала в себя две бригады по два полка. Командование дивизией было возложено на генерал-лейтенанта Михаила Николаевича Телешова, а начальником штаба дивизии был назначен полковник Генерального штаба Николай Григорьевич Филимонов. После полного укомплектования все части и подразделения 4-й Донской казачьей дивизии состояли из 118 офицеров и 3047 рядовых казаков (Краснов, 1909: 170-172).

С целью необходимой огневой артиллерийской поддержки частей и подразделений 4-й Донской дивизии на поле боя отдельным императорским указом от 25 июня 1904 г. ей придавался 3-й Донской казачий артиллерийский дивизион под командованием полковника Николая Михайловича Кузнецова. В него входили 2-я и 3-я Донские казачьи батареи, каждая из которых имела в своем составе по шесть трехдюймовых (76,2 мм) скорострельных артиллерийских орудий образца 1900 г. и 12 зарядных ящиков с соответствующим обозом. В своем составе он насчитывал порядка 600 казаков-артиллеристов.

На добровольные пожертвования жителей Донской области был организован отдельный санитарный отряд Красного Креста, включавший в себя два специальных военно-санитарных поезда.

Прибывший в это время на Дон проездом Николай II 16 августа принял участие в войсковом смотре и проходах Донской дивизии на фронт. После церемониального марша, во время которого все казачьи части дивизии дважды прошли перед императором, он обратился к казакам с речью, в которой особо подчеркнул, что своим участием в боевых действиях идущей войны личный состав дивизии продолжит прошлую военную славу донцов. При этом он благословил донские полки святыми иконами Спаса Нерукотворного, Спасителя Вседержителя и Святого Николая Чудотворца. (Примечательно, что эти реликвии 4-й Донской казачьей дивизии были сохранены казаками и ныне хранятся в Музее истории донского казачества в городе Новочеркасске. Иконы поступили на хранение в музей до 1917 года. Затем, в 1919 г. вместе с другими реликвиями Войска Донского были вывезены за границу и хранились в Пражском национальном музее. Возвращены данные иконы, как и другие предметы, относящиеся к истории донского казачества, в этот музей были в 1946 г. (Казачьи реликвии..., 2020).

Первые эшелоны с частями и подразделениями 4-й Донской казачьей дивизии отправились на фронт уже на следующий день, 17 августа. Ввиду того, что Транссибирская магистраль была однопутной и имела низкую пропускную способность, они находились в пути целых сорок четыре дня. Казачьи части прибывали в Маньчжурию постепенно, в период с 3 по 9 октября. По прибытии дивизия была включена в состав 6-го Сибирского корпуса в состав Западного отряда 2-й Маньчжурской армии. И уже 17 октября подразделения 19-го, 24-го и 25-го Донских казачьих полков совместно с батареями 3-го Донского артдивизиона вступили в свой первый бой возле деревень Фуцзячжуаньцзы и Лидитунь. Затем казаки 24-го Донского полка по приказу командования осуществили разведку боем у деревни Цинзятунь. Военские заслуги донских казаков, проявленные в ходе этих боестолкновений, были высоко оценены командованием, наградившим 38 казаков Георгиевскими крестами (Добрынин, 1907: 44; Ростовцев, 1910: 89). В 1913 г. высший солдатский орден, именованный в обиходе Георгиевским крестом, был переименован и получил теперь уже официальное наименование Георгиевского креста.

Конец осени и начало зимы 1904 г. прошли для донских казаков в постоянных разведывательных рейдах и боевых стычках с небольшими японскими отрядами. В ноябре и декабре 1904 г. донцы совершали стремительные набеги в тыл неприятеля с целью разведки его сил и внесения паники в его ряды. Чтобы достичь максимального эффекта неожиданности и стремительности, набеги осуществлялись небольшими казачьими отрядами. Рейды в тыл противника в то время казаками назывались разъездами. Такие набеги, в частности, также были проведены казаками на находившиеся под вражеским контролем деревни Хунхэ, Нючожуан и Сафынтай.

Согласно приказам высшего командования, ценившего исполнительность, дисциплинированность и внимательность донцов, отдельные подразделения Донской дивизии несли сторожевое охранение позиций русской армии. Также в составе небольших по численности казачьих подразделений охраняли армейские штабы, военные склады, мосты и другие коммуникации в тылу русской армии.

В начале ноября с целью проведения конного рейда и атаки важного железнодорожного и морского транспортного узла Инкоу был создан сводный кавалерийский отряд в составе 72 казачьих сотен, в который вошли подразделения 19-го, 24-го и 25-го Донских полков, а также части уральских и забайкальских казаков, Кавказской конной бригады и эскадроны трех драгунских полков. Данный

рейд начался 26 декабря. По пути его продвижения были уничтожены некоторые мелкие части противника, в двух местах повреждено железнодорожное полотно. Через два дня казаки 19-го Донского и 1-го Верхнеудинского полков и сводной разведывательной полусотни уничтожили около двух рот противника в районе города Ньючжуань. Затем казаки, выбив неприятеля из деревни Калихе, продолжили движение на юг по направлению к Инкоу. На следующий день казаки отряда разгромили до трех рот неприятеля около Хайчена, в нескольких местах испортили железнодорожные пути, пустили под откос японский поезд, разрушили неприятельский телеграф, отбили большой вражеский обоз с провиантом и снаряжением. Преодолев за три дня порядка 110 километров, вечером 30 декабря части отряда подошли к цели своего рейда — станции Инкоу. Но это не стало неожиданностью для неприятеля, который уже смог хорошо подготовиться к обороне. В результате обе атаки, предпринятые личным составом отряда, были отражены противником, а наступавшим нанесен урон в живой силе (Краснов, 1909: 178). В итоге в силу целого ряда причин в ходе данного рейда отряду не удалось выполнить поставленные перед ним задачи.

Части 4-й Донской казачьей дивизии особо отличились в ходе начавшегося 12 января 1905 г. наступления 2-й Маньчжурской армии в районе Сандепу. Командир Сводного казачьего отряда, в состав которого входили части забайкальских и уральских казаков и 25-й и 26-й Донские казачьи полки, генерал П.И. Мищенко, не получив никаких конкретных указаний о действиях своего отряда, самостоятельно отдал приказ о наступлении, в результате которого донские казаки в этот же день выбили японцев из деревни Локонто и затем начали успешное наступление на деревню Уцзяганзу. 13 января казаки этих полков успешно атаковали противника с тыла и, заняв деревню Нюге, продолжили наступление. В этот же день донские сотни этого отряда заняли еще несколько деревень.

В эти же дни на другом фланге подразделения 19-го и 24-го Донских казачьих полков успешно атаковали противника в районе деревни Мамакай, заставили его ретироваться, после чего переправились через находившуюся перед ними реку и неожиданно для неприятеля быстро атаковали и захватили деревню Цзяньцзявупу, создав угрозу флангу и тылу неприятеля.

14 января генерал П.И. Мищенко получил телеграфное сообщение от командующего 2-й Маньчжурской армией, отмечавшего успехи его отряда. Там содержалась благодарность личному составу. Боевые заслуги казаков были отмечены почетными Знаками отличия Военного Ордена, которых жаловалось по пять штук на каждую казачью сотню, как единицу воинского подразделения, существовавшую в казачьих частях и эквивалентную по своему составу и предназначению такому воинскому подразделению частей регулярной кавалерии, как эскадрон 19-го и 24-го Донских казачьих полков. Помимо этого, личные подвиги и воинские заслуги конкретных казаков и офицеров были отмечены именными наградами и присвоением им внеочередных воинских званий (Краснов, 1909: 184). Всего данными почетными боевыми орденами были награждены 65 донских казаков.

Продолжая успешное наступление, 15 января отряд генерала Мищенко неожиданно столкнулся с частями целой 8-й японской дивизии, однако, несмотря на огромную разницу в силах и средствах, казаки мужественно вступили в кровопролитный встречный бой и смогли задержать дальнейшее продвижение противника.

Несмотря на тактические успехи Сводного казачьего отряда, продолжавшиеся в течение четырех дней ожесточенные бои под Сандепу в целом окончились безрезультатно, и соединения и части 2-й Маньчжурской армии отошли на исходные позиции.

Позднее специалисты Военно-исторической комиссии Генерального штаба по рассмотрению и анализу хода и событий Русско-японской войны в своей обобщающей фундаментальной работе «Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа Военно-исторической комиссии», вышедшей в 1910 году, отметили, что действия личного состава конного отряда генерала Мищенко под Сандепу явили собой «прекрасный образец боевых действий кавалерии в условиях дальневосточного театра военных действий и современной военной науки» (Русско-японская война..., 1910: 330).

В это время непосредственно на фронте насчитывалось 3700 донских казаков (Воскобойников, 1995: 51, 95-97).

В феврале 1905 г. русская и японская армии активно сосредотачивали все свои силы в районе Мукдена, где впоследствии произошло генеральное сражение всей войны. В это время активно действовали разведывательные русские и особенно японские отряды. Один из таких конных японских отрядов проник в тылы русской армии и вызвал совершенно неоправданную, ввиду своей малочисленности, настоящую панику у русского командования. Вместо того, чтобы направить кавалерийские разъезды на поимку и ликвидацию японского отряда, оно приняло очевидное ошибочное решение по серьезному усилению штабов и линий коммуникаций, дополнительно направив для этих целей порядка 25 тысяч солдат и кавалеристов, снятых с передовой линии фронта, включая практически все казачьи части, в том числе и полки 4-й Донской казачьей дивизии. После этого непродуманного решения общая численность охранных войск в тылу достигла 50 тысяч человек. Таким образом, поистине огромные силы отлично подготовленных кавалерийских частей, включая Донские полки, отличавшиеся к тому же высоким уровнем военной подготовки, а также общим морально-психологическим и боевым духом, буквально накануне генерального сражения были выведены с передовой и не приняли участия в развернувшемся масштабном сражении.

Впоследствии 4-я Донская казачья дивизия была отправлена в Монголию для выполнения возложенных на нее охранных функций и, самое главное, с целью борьбы с бесчинствовавшими там многочисленными отрядами местных разбойников-хунгузов. 4 февраля части дивизии сосредоточились в районе станции Гунжулин и стали выполнять возложенные на них задачи.

Но казаки не только боролись с хунгузами и охраняли порученные им объекты и коммуникации на протяжении достаточно длительного периода февраля-октября 1905 года, они также практически постоянно осуществляли разведку позиций противника, зачастую вступая при этом в локальные боестолкновения, в ходе которых многократно демонстрировали отвагу и воинское мастерство.

После подписания 23 августа 1905 года мирного договора между Россией и Японией было заявлено о заключении перемирия, а затем и о прекращении военных действий, ознаменовавших окончание войны.

В последний день февраля — первых числах марта 1906 года началась погрузка в эшелоны и отправка на родину частей и подразделений 4-й Донской казачьей дивизии. На Дон они прибыли только в апреле. Их личный состав был демобилизован и распущен по домам.

Всего во время войны для направления в состав Действующей армии мобилизовали 4887 донских казаков. Общие потери среди них убитыми, умершими от ран, ранеными, контуженными, пропавшими без вести и пленными составили 275 человек. В 19-м Донском казачьем полку было 20 убитых, 63 раненых, 3 пленных. В 24-м Донском казачьем полку насчитывалось 14 убитых, 40 раненых, 5 пропавших без вести и 1 пленный. В 25-м Донском казачьем полку числилось 11 убитых и умерших от ран, 32 раненых, 7 пропавших без вести. В 26-м Донском казачьем полку насчитывалось 5 убитых, 60 раненых и контуженных, 5 пропавших без вести. Во 2-й Донской казачьей артиллерийской батарее потери составили 1 убитым и 3 ранеными, а в 3-й Донской казачьей артиллерийской батарее было 5 раненых (Ростовцев, 1910: 470-475).

За проявленные подвиги и отличия в ходе боевых действий 23 донских офицера удостоились награждения различными орденами, а 584 казака, имевших звания рядовых и приказных, а также унтер-офицерские младшего урядника, старшего урядника и вахмистра, были награждены почетными боевыми солдатскими орденами «Знак отличия Военного Ордена» 2-й, 3-й и 4-й степеней (Ростовцев, 1910: 458-469).

Уже после войны, 21 января 1906 года, вышел указ императора о выпуске в качестве военной награды специальной медали «В память Русско-японской войны 1904–1905 гг.». По своему статусу она официально не имела степеней. Неофициально медали из серебра считались высшей наградой первой степени, светло-бронзовые — второй, а темно-бронзовые — третьей. Медалями из серебра наградили всех защитников Порт-Артура и Квантунского полуострова. Офицеры и солдаты, в том числе и казаки, принимавшие непосредственное участие в боях, удостоивались награждения светло-бронзовыми медалями, а не участвовавшие непосредственно в боестолкновениях получили темно-бронзовые медали.

Участники войны пользовались среди станичников авторитетом и уважением, как честно выполнившие свой воинский долг перед Родиной. А в Верхне-Кундрюченской станице, в районе станичного хутора Кривая Лука даже был построен памятник казакам этой станицы, участвовавшим в Русско-японской войне. По свидетельству очевидца тех событий, казака Григория Попова, отраженному в его дневниковой записи: «в честь выхода станичников на войну всем миром на добровольные пожертвования построили им памятник в Кривой Луке на кургане 15 октября 1905 г. Открыт 6 мая 1906 года» (Единственный в мире памятник..., 2019). На чугунных плитах памятника были отлиты фамилии и имена казаков данной станицы и относившихся к ней хуторов.

5. Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие обобщения и итоговые выводы. В период Русско-японской войны личный состав 4-й Донской казачьей дивизии и 3-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона, несмотря на достаточно ограниченное по времени и по масштабам боевого применения участие в военных действиях, продемонстрировал отличную военную подготовку, высокий боевой и морально-психологический дух, мужество и отвагу. При этом, однако, уровень общей военной и тактической подготовки и собственно донских казаков, и прикомандированных к данным донским формированиям средних и старших офицеров во многом не соответствовал предъявляемым требованиям современной войны.

В то же время донцы продемонстрировали хорошую военную выучку в ходе разведывательных действий и несении патрульно-охранной службы многократно демонстрировали отвагу, воинское мастерство, боевую выучку и слаженность действий. Примечательно, что при любых обстоятельствах, например, ранениях, как это многократно отмечали командование армией и участники тех событий, казаки не покидали поле боя и до конца выполняли свой воинский долг.

Необходимо отметить и еще одно важное и интересное обстоятельство. Впоследствии авторитетные военные теоретики и специалисты, такие как А.А. Свечин, М.С. Свешников, А.В. Квитка, Ф.К. Гершельман, П.Н. Краснов и другие, характеризуя бои и сражения Русско-японской войны, ход, специфику и результаты военных действий, участие в них частей различных родов войск,

отметили один важный аспект, заключающийся в том, что в ходе данной войны, когда русская армия проигрывала крупные сражения, казачьи части практически все небольшие столкновения и бои с противником выигрывали. Данные обоснованные профессиональные суждения отчетливо подчеркивали высокие боевые качества казаков.

Следует отметить и такое немаловажное обстоятельство, непосредственно сказавшееся на недостаточно успешных военных действиях казаков: Высшее командование русской армии в период войны крайне неудовлетворительно и непрофильно использовало казачью кавалерию. Вместо постановки ей задач по быстрым и масштабным глубоким рейдам в тыл противника, вместо фланговых обходов, неожиданных ударов на различных участках линии боевого соприкосновения, что держало бы командование и части противника в постоянном боевом напряжении и способствовало бы их усталости, командование русской армии или использовало казаков в общей линии войск, или вообще держало в тылу, возложив на них охранно-сторожевые функции.

Итак, в период войны донские казаки полностью выполнили свой воинский долг. По мере своих сил и реальных возможностей они выполнили все приказы командования. Они самоотверженно участвовали в боях, проявив при этом выучку, умение, стойкость, мужество, героизм, исполнительность, дисциплинированность, ответственность, общий высокий боевой и моральный настрой, а также традиционные для казаков чувства товарищества и самопожертвования. Среди них не оказалось ни одного дезертира или добровольно сдавшегося в плен.

Однако в ходе войны проявились и недостатки военной выучки и боевой подготовки казаков и особенно офицеров казачьих частей. Это заключалось, прежде всего, в недостаточном уровне их тактической грамотности, не отвечавшей в полной мере реалиям современной войны, а также в отсутствии необходимой инициативы на поле боя, в шаблонности и недостаточной скорости командных действий. У казаков-артиллеристов и их командиров был очевидно низкий уровень общей и специальной военной подготовки. Одной из главных причин недостаточно успешных действий донских казачьих частей было их непродуманное и неудовлетворительное армейское командование.

Литература

Воскобойников, 1995 — *Воскобойников Г.Л.* Казачество в Русско-японской войне (1904-1905 гг.). Ростов-н/Д.: Науч. б-ка Рост. н/Д гос. ун-та, 1995. 110 с.

ГАРО — Государственный архив Ростовской области.

Гершельман, 1912 — *Гершельман Ф.К.* Конница в Японскую войну и в былое время. Санкт-Петербург: тип. Гл. упр. уделов, 1912. 94 с.

Голеевский, 1906 — *Голеевский К.Л.* Описание действий конницы 2-й Маньчжурской армии у Мукдена в феврале 1905 г. Санкт-Петербург: Тип. товарищ. "Общественная Польза", 1906. 192 с.

Добрынин, 1907 — *Добрынин В.В.* Донцы в Маньчжурии. Путевые, походные и боевые воспоминания и краткая историческая справка 3-й Донской казачьей батареи. Новочеркасск: Част. дон. тип., 1907. 166 с.

Донские областные ведомости..., 1904 — *Донские областные ведомости.* 1904. №57. 27 июня.

Единственный в мире памятник..., 2019 — Единственный в мире памятник казакам-участникам Русско-японской войны восстанавливают энтузиасты. [Электронный ресурс]. URL: <https://big-rostov.ru/edinstvennyj-v-mire-pamyatnik-kazakam-uchastnikam-russko-yaponskoj-vojny-vosstanavlivayut-entuziasty/>

История донского казачества, 2020 — История донского казачества. В 3-х томах. Т. 2. Донское казачество в составе Российской империи в XVIII — начале XX в. Ростов-н/Д.: Омега Паблишер, 2020. 416 с.

Казачий Дон..., 2010 — Казачий Дон: Пять веков воинской славы. М.: «Яуза», «Эксмо», 2010. 416 с.

Казачьи реликвии..., 2020 — Казачьи реликвии Русско-японской войны 1904-1905 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novochmuseum.ru/novosti/682-kazachi-relikvii-russko-japonskoj-vojny-1904-1905-gg.html>

Краснов, 1911 — *Краснов П.Н.* Год войны. 14 месяцев на войне: очерки Русско-японской войны с февраля 1904 года по апрель 1905 года. Санкт-Петербург: издание газеты "Русское чтение", 1911. 256 с.

Краснов, 1909 — *Краснов П.Н.* Страницы Былого Тихого Дона. Крат. очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. Санкт-Петербург: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. 522 с.

Лунин, 1939 — *Лунин Б.В.* Донские казаки в Русско-японской войне. Ростов-н/Д.: Ростиздат, 1939. 112 с.

Перетяцько, 2014 — *Перетяцько А.Ю.* Эффективность действий донских и кубанских казаков в Русско-японскую войну 1904–1905 гг.: дискуссионные аспекты // *Научная мысль Кавказа.* 2014. № 2. С.69-75.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Ростовцев, 1910 — *Ростовцев Ф.И.* 4-я Донская казачья дивизия в Русско-японскую войну: Исслед. воен.-ист. Киев: тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1910. 485 с.

Русско-японская война..., 1910 — Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. В IX т. Т. IV. Санкт-Петербург: тип. Тренке и Фюсно, 1910. 507 с.

Рыжкова, 2003 — *Рыжкова Н.В.* Донское казачество в войнах начала XX века. М.: Вече, 2008. 448 с.

Сборник правительственных..., 1905 — Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1904 г. Т.40. СПб.: Глав. упр. иррегулярных войск, 1870-1917. Т. 40: 1904. 1905. 846 с.

Свечин, 1907 — *Свечин М.А.* Набег конного отряда генерал-адъютанта Мищенко на Инкоу: Организация и производство набега. Санкт-Петербург: изд. склада "Офицер-воспитатель", 1907. 86 с.,

Тонконогов, 1907 — *Тонконогов И.А.* Наши казаки на Дальнем Востоке: Сб. рассказов корреспондентов и участников войны, помещ. в различ. период. изд. Вып. [1]-2. Санкт-Петербург: Рус. скоропеч., 1907. 196 с.

Трут, 2007 — *Трут В.П.* Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. 544 с.

References

Dobrynin, 1907 — *Dobrynin, V.V.* (1907). Dontsy v Man'chzhurii. Putevye, pokhodnye i boevye vospominaniya i kratkaya istoricheskaya spravka 3-i Donskoi kazach'ei batarei [Donets in Manchuria. Travel, marching and combat memories and a brief historical summary of the 3rd Don Cossack Battery]. Novocheerkassk: Chast. don. tip., 166 p. [in Russian]

Donskie oblastnye vedomosti..., 1904 — *Donskie oblastnye vedomosti.* 1904. №57. 27 iyunya. [in Russian]

Edinstvennyi v mire pamyatnik..., 2019 — Edinstvennyi v mire pamyatnik kazakam-uchastnikam Russko-yaponskoi voyny vosstanavlivayut entuziasty [Enthusiasts are restoring the world's only monument to the Cossacks-participants of the Russian-Japanese war]. [Electronic resource]. URL: <https://bigrostov.ru/edinstvennyj-v-mire-pamyatnik-kazakam-uchastnikam-russko-yaponskoj-vojny-vosstanavlivayut-entuziasty/> [in Russian]

GARO — Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov Region].

Gershel'man, 1912 — *Gershel'man, F.K.* (1912). Konnitsa v Yaponskuyu voinu i v byloe vremya [Cavalry in the Japanese War and in the old days]. Sankt-Peterburg: tip. Gl. upr. udelov, 94 p. [in Russian]

Goleevskii, 1906 — *Goleevskii, K.L.* (1906). Opisanie deistvii konnitsy 2-i Man'chzhurskoi armii u Mukdena v fevrale 1905 g. [Description of the actions of the cavalry of the 2nd Manchurian Army at Mukden in February 1905]. Sankt-Peterburg: Tip. tovarishch. "Obshchestvennaya Pol'za", 192 p. [in Russian]

Istoriya donskogo kazachestva, 2020 — Istoriya donskogo kazachestva. V 3-kh tomakh. T. 2. Donskoe kazachestvo v sostave Rossiiskoi imperii v XVIII — nachale XX v. [The history of the Don Cossacks. In 3 volumes. Vol. 2. Don Cossacks as part of the Russian Empire in the XVIII – early XX centuries]. Rostov-n/D.: Omega Publisher, 2020. 416 p. [in Russian]

Kazach'i relikvii..., 2020 — Kazach'i relikvii Russko-yaponskoi voiny 1904-1905 gg. [Cossack relics of the Russian-Japanese war of 1904-1905]. [Electronic resource]. URL: <http://www.novochmuseum.ru/novosti/682-kazachi-relikvii-russko-japonskoj-vojny-1904-1905-gg.html> [in Russian]

Kazachii Don..., 2010 — Kazachii Don: Pyat' vekov voinskoi slavy [Cossack Don: Five centuries of military glory.]. М.: «Yauza», «Eksmo», 416 p. [in Russian]

Krasnov, 1909 — *Krasnov, P.N.* (1909). Stranitsy Bylogo Tikhogo Dona. Krat. ocherk istorii Voiska Donskogo dlya chteniya v sem'e, shkole i voiskovykh chastyakh [Pages of the Former Quiet Don. Krat. an essay on the history of the Don Army for reading in the family, school and military units]. Sankt-Peterburg: t-vo R. Golike i A. Vil'borg, 522 p. [in Russian]

Krasnov, 1911 — *Krasnov, P.N.* (1911). God voiny. 14 mesyatsev na voine: ocherki Russko-yaponskoi voiny s fevralya 1904 goda po aprel' 1905 goda [The year of the war. 14 months at war: essays on the Russian-Japanese War from February 1904 to April 1905]. Sankt-Peterburg: izdanie gazety "Russkoe chtenie", 256 p. [in Russian]

Lunin, 1939 — *Lunin, B.V.* (1939). Donskie kazaki v Russko-yaponskoi voine [Don Cossacks in the Russian-Japanese war]. Rostov-n/D.: Rostizdat, 112 p. [in Russian]

Peretyat'ko, 2014 — *Peretyat'ko, A.Yu.* (2014). Effektivnost' deistvii donskikh i kubanskikh kazakov v Russko-yaponskuyu voinu 1904–1905 gg.: diskussionnye aspekty Nauchnaya mysl' Kavkaza [The effectiveness of the actions of the Don and Kuban Cossacks in the Russo-Japanese War of 1904–1905: debatable aspects]. 2: 69-75. [in Russian]

RGVIA — Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].

Rostovtsev, 1910 — *Rostovtsev, F.I.* (1910). 4-ya Donskaya kazach'ya diviziya v Russko-yaponskuyu voinu: Issled. voen.-ist. [The 4th Don Cossack Division in the Russian-Japanese War : Research. military-ist.]. Kiev: tip. t-va I.N. Kushnerev i K^o, 485 p. [in Russian]

Russko-yaponskaya voina..., 1910 — Russko-yaponskaya voina 1904-1905 gg. Rabota voenno-istoricheskoi komissii po opisaniyu Russko-yaponskoi voiny. V IX t. Т. IV. [Russian-Japanese war of 1904-

1905 The work of the military historical commission on the description of the Russian-Japanese war. In IX vol. Vol. IV]. Sankt-Peterburg: tip. Trenke i Fyusno, 1910. 507 p. [in Russian]

Ryzhkova, 2003 — Ryzhkova, N.V. (2003). Donskoe kazachestvo v voynakh nachala XX veka [Don Cossacks in the wars of the early 20th century]. M.: Veche, 448 p. [in Russian]

Sbornik pravitel'stvennykh..., 1905 — Sbornik pravitel'stvennykh rasporyazhenii po kazach'im voiskam za 1904 g. [Collection of government orders on Cossack troops for 1904, vol. 40]. T. 40. SPb.: Glav. upr. irregulyarnykh voisk, 1870-1917. T. 40: 1904. 1905. 846 p. [in Russian]

Svechin, 1907 — Svechin, M.A. (1907). Nabeg konnogo otryada general-ad'yutanta Mishchenko na Inkou: Organizatsiya i proizvodstvo nabega [The raid of the cavalry detachment of Adjutant General Mishchenko on Inkou: Organization and production of the raid]. Sankt-Peterburg: izd. sklada "Ofitser-vospitatel'", 86 p. [in Russian]

Tonkonogov, 1907 — Tonkonogov, I.A. (1907). Nashi kazaki na Dal'nem Vostoke: Sb. rasskazov korrespondentov i uchastnikov voyny, pomeshch. v razlich. period. izd. [Our Cossacks in the Far East: Collection of stories of correspondents and participants of the war, vol. in different. period. ed.]. Vyp. [1]-2. Sankt-Peterburg: Rus. skoropech., 196 p. [in Russian]

Trut, 2007 — Trut, V.P. (2007). Dorogoi slavy i utrat. Kazach'i voiska v period voyn i revolyutsii [Road of glory and loss. Cossack troops during wars and revolutions]. M., 544 p. [in Russian]

Voskoboinikov, 1995 — Voskoboinikov, G.L. (1995). Kazachestvo v Russko-yaponskoi voine (1904-1905 gg.) [Cossacks in the Russian-Japanese War (1904-1905)]. Rostov-n/D.: Nauch. b-ka Rost. n/D gos. un-ta, 110 p. [in Russian]

К вопросу участия донских казачьих частей в Русско-японской войне

Владимир Петрович Трут ^{a, b, *}, Сергей Георгиевич Воскобойников ^a

^a Донской государственный технический университет, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. В статье характеризуется участие донских казачьих частей 4-й Донской казачьей дивизии и 3-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона в Русско-японской войне. Раскрываются особенности состава и формирования данной не строевой первоочередной, а льготной (запасной) казачьей дивизии и ее отправки на фронт. Показывается участие донских частей в боях и сражениях данной войны, особенно в рейдах во вражеский тыл. Анализируются успешные и неудачные их боевые действия в ходе войны, а также причины неудовлетворительного использования командованием русской армии в ходе военных действий казачьей кавалерии. При характеристике недостатков действий донских казачьих частей всесторонне раскрываются как объективные, так и субъективные причины данного обстоятельства. В статье обращается внимание на рассмотрение дискуссионных вопросов, присутствующих в историографии, относительно общей оценки и частных примеров действий донских казачьих частей и подразделений в различных эпизодах их боевого участия. Обосновываются выводы о боевом вкладе донских казаков в общие военные действия русской армии в период данной войны, о проявленном казаками героизме, мужестве и воинской доблести, уровне их военной подготовки, причин, содержания и последствий имевшихся недостатков, ошибок и просчетов командования армейского и тактического уровней, непосредственно казачьих офицеров. Приводятся данные о потерях и количестве награжденных казаков данных частей в период войны.

Ключевые слова: донские казаки, части, сражения, Русско-японская война, участие, дискуссионные вопросы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: trut.vladimir@rambler.ru (В.П. Трут)

voskoboinikof1968c@yandex.ru (С.Г. Воскобойников)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2075-2095
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2075

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Strengthening the Peasant Colonization of the Kazakh Krai in the Period of the Stolypin Agrarian Reform (1906–1917)

Nursan A. Alimbay ^{a, *}, Anar M. Fazylzhanova ^b, Bolat Q. Smagulov ^a, Kyzdarhan K. Rysbergen ^b

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

^b Ahmet Baitursynuly Institute of Linguistics Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is investigated the scale and direction of peasant colonization in Kazakhstan, that considered by the authors as the main direction of Stolypin's agrarian policy in the Kazakh region. According to sources, the more organized nature and previously unprecedented scale of peasant colonization of the region at the time under consideration is explained by powerful state support, actively initiated by P.A. Stolypin himself and personally controlled by him at the government level. Even the premature death of P.A. Stolypin, which occurred in 1911, essentially did not prevent the implementation of his plans for the "peasantization" of the ancestral territories of Kazakh cattle breeders until the October events of 1917. It's true, the pace and geography of this process in the post-Stolypin era decreased slightly. Nevertheless, the goal set by the imperial authorities of the mass settlement of peasant families from various regions of the empire on the territory of the Steppe land was practically achieved. The total area of land confiscated from the Kazakhs by 1917 amounted to more than 45 million dessiatines. The authors consider this period of time as the final stage of land colonization of the region.

Keywords: Kazakh region, Stolypin agrarian reform, peasant colonization, state support for colonization, movement of peasants to the Kazakh region, geography of peasant colonization, reverse movement of peasants, ethnic composition of settlers, resistance of Kazakhs to colonization, "toponymic chauvinism".

1. Введение

С точки зрения масштабности, интенсивности и результативности начавшийся со второй половины 90-х гг. XIX в. заключительный этап крестьянской колонизации края состоит из двух взаимообусловленных стадий. Первая охватывает вторую половину 90-х гг. XIX в. – середину 1906 года, то есть до назначения П.А. Столыпина главой российского правительства. Начавшаяся в 1906 г. заключительная стадия завершилась в канун октябрьских событий 1917 г. Данная, рассматриваемая нами как более активная стадия завершающего этапа «крестьянизации» края непосредственно связана с именем главы правительства России П.А. Столыпина. Именно столыпинская аграрная политика и практика дали мощный импульс этому процессу, придав ему более масштабный, организованный и активный, чем прежде, характер. Поэтому всеобщее заселение крестьянами территории Казахстана царским режимом по праву рассматривалось как создание такой сельской инфраструктуры, которая, по замыслу властей, должна была выступить хозяйственно-экономической и социокультурной базой покорения Степи. А сами крестьяне рассматривались в

* Corresponding author

E-mail addresses: burgan555@gmail.com (N.A. Alimbay), nar20@bk.ru (A.M. Fazylzhanova), bolat_alemdar@mail.ru (B.Q. Smagulov), ms.rysbergen@mail.ru (K.K. Rysbergen)

качестве носителей «истинно русского духа» на «туземной» территории, что послужило бы одним из ключевых факторов решения задачи навечного закрепления за империей этого обширного региона. Контекст сказанного хорошо объясняет, почему крестьяне должны были стать едва ли не основной силой реализации русификации местного населения. Русификация же вкупе с ее непосредственным «культурно-антропологическим» продолжением – обрусением казахов – означает окончательное завоевание края. Вместе с тем крестьянская колонизация, с точки зрения правительственных кругов Российской империи, позволяла частично решить и обострившийся в тот момент аграрный вопрос в центральных губерниях империи. Как ярко выразился сам П.А. Столыпин, переселение крестьян на территорию края позволило бы им, «то есть соли земли русской освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий, в которых они в настоящее время находятся» (Столыпин, 2021: 109).

Казахский край с его обширной территорией, богатыми природными ресурсами, географическим положением, позволяющим выходить на аграрные рынки Цинской империи и других стран Центральной Азии, действительно представлял собой ценное приобретение для империи. Поэтому крестьянской колонизации края российской корона придавала исключительное значение, главным образом, как базовому условию одновременно и фактору реализации геополитического проекта «Азиатская Россия». Это объясняет, почему именно в период Столыпинской аграрной реформы правительство решительно перешло к практическому осуществлению крестьянской колонизации национальных окраин, прежде всего Казахского края и Сибири. В этих целях были приняты конкретные организационные и институциональные меры, в особенности соответствующие законодательные акты, послужившие правовой базой и основанием изъятия т.н. «излишков земель» (варианты – «пустопорожние пространства», «впусте лежащие земли» и т.д.)¹. При этом выделялся достаточно большой объем финансовых средств. Все эти меры действительно активно способствовали более организованному переселению, а также равномерному распределению крестьян на всей территории Степного края. Тем не менее огромный приток крестьянских переселенцев в пределы Казахстана, особенно усилившийся к середине 90-х гг. XIX в., наглядно показал неподготовленность имперских властей. Прежде всего, обнаружилось отсутствие необходимого организующего начала в самом процессе крестьянской колонизации. Допущенный властями подобный серьезный просчет вполне мог привести к нежелательным для империи последствиям как политико-экономического, так и геополитического порядка. Осознание этого обстоятельства в высших эшелонах власти, а также в политических и интеллектуальных кругах империи, обусловило необходимость немедленной инструментализации процесса крестьянской колонизации края. Так, в 1896 году появилось Переселенческое управление в составе Министерства внутренних дел – специальный орган, посредством которого имперские власти пытались организованно провести массовое заселение крестьянами земель казахских скотоводов (Переселение..., 1911). Этим же обстоятельством следует объяснить и организацию в 1896–1903 гг. сплошного обследования казахского аула экспедицией под руководством известного ученого-статистика Ф.А. Щербины (Переселение..., 1911, История Казахстана, 2000: 560-562).

2. Материалы и методы

При написании статьи использованы материалы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) в виде отчетов, записок чиновников как правительственного аппарата, так и местных властных структур, а также различного рода делопроизводительных документов, в том числе руководящих инструкций вышестоящих органов, в частности, Переселенческого управления, по составлению развернутых итоговых протокольных актов и т. д. Данная категория источников отражает не только ход и результаты обустройства крестьянских семей на местах, но и позволяет более или менее реально представить содержание и направленность финансовой, налоговой и хозяйственной деятельности властных структур различного уровня по организации крестьянского переселения. Еще одна категория источников представлена трудами исследователей и рядом чиновников. Написанные по горячим следам исторических событий, они дают, с одной стороны, очень ценные сведения о масштабе и динамике изъятия т.н. «излишков земель» у казахских скотоводов, с другой – о процессе заселения крестьянских семей на

¹Понятие «излишки земель», как, впрочем, и его синоним «пустующее пространство» на хозяйственной территории казахских скотоводов, впервые введено в научно-практический оборот участниками экспедиции по фронтальному обследованию казахского аула во главе Ф.А. Щербины в 1896–1903 гг. Термин же «впусте лежащие земли» вполне легально использовался рядом представителей правительства в Государственной думе (Алимбай и др., 2023: 28). Ранее в обиходе в публичных выступлениях и публикациях некоторых российских политиков и исследователей был использован термин «пустопорожние места» (Данилевский, 1991: 39), который, на наш взгляд, послужил своего рода предтечей вышеотмеченных понятий. Эти понятийные конструкции в качестве инструмента активно использовались властями в целях политико-экономического и юридического обоснования необходимости изъятия этих самых «излишних земель» из хозяйственного оборота кочевников в пользу крестьян.

хозяйственных территориях кочевников. Эти материалы вкупе с вышеотмеченными видами официальных документов существенно конкретизируют наши представления о ходе крестьянской колонизации не только на уровне всего края, но и в том или ином региональном разрезе.

При сборе материалов и их научной интерпретации использовался контекстуальный подход, который в зависимости от характера и содержания извлекаемой исторической информации вычленяется на хозяйственно-экономический, политический, идеологический и даже социокультурный «подконтексты». В целях использования эвристического потенциала данного подхода применялся факторный анализ (метод), что позволило показать те условия и факторы, которые оказали непосредственное или опосредованное влияние на процесс массового крестьянского заселения территорий казахских скотоводов в столыпинский период. В частности, речь идет о таких субъективных причинах, как мотивация и действия отдельных политических деятелей, чиновников и т.д. В этом смысле в процессе интерпретации соответствующих исторических известий контекстуальный подход выполнял как бы программирующую, а факторный – реализующую функцию. Применялись также и методы акцентуации и актуализации. Первый из них дал возможность акцентировать внимание на узловых аспектах проблематики, что имеет системообразующее значение в процессе научной реконструкции исторического процесса. Отметим, что метод акцентуации в нашем случае реализовывался посредством актуализации акцентируемых вопросов темы. Используемый же системный подход позволил изучить проблематику с точки зрения причинно-следственных связей составляющих ее аспектов.

3. Обсуждение

Появление первых публикаций по теме относится ко времени прихода к власти П.А. Столыпина в качестве главы правительства России. Он выступал инициатором и главным разработчиком, а также организатором нового курса аграрной политики царизма и в национальных окраинах империи, в том числе в Казахстане. Поскольку лимитированный объем настоящего исследования не позволяет более или менее подробно осуществить историографический разбор первых публикаций, остановимся на наиболее типичных, вышедших, прежде всего, в специальном сборнике под характерным названием «Вопросы колонизации». Издававшийся с 1907 по 1917 годы и состоящий из 20 выпусков (номеров) данный периодический сборник сыграл едва ли не решающее значение в историографии вопроса. Практически в каждом номере освещались актуализированные самим текущим опытом организация переселения крестьян, а также те или иные аспекты аграрной колонизации различных регионов национальных окраин империи. В интересующем аспекте следует выделить статьи Н. Петропавловского, В. Остафьева¹, П. Хворостанского и др. Авторы размышляют над теми вопросами, которыми обозначены, на их взгляд, наиболее животрепещущие проблемы заселения крестьянских семей в различных регионах Степного края, требующие своего безотлагательного решения. Исследователи, особенно П. Хворостанский и В. Остафьев, откровенно выразили свое категорическое несогласие в отношении темпов и масштабов выделения т.н. «излишков земель» на хозяйственных территориях кочевников в пользу крестьянских семей. Их особенно не устраивали методы обустройства вновь прибывших крестьян на местах. П. Хворостанский в своей статье даже выступил с жестким требованием больше заострить внимание на незамедлительном обустройстве всех крестьянских семей на землях «инородцев» «без оглядки ни на что». Ибо, по мнению автора, горький опыт прошлых лет достаточно красноречиво демонстрирует следующее печальное обстоятельство: из-за безответственного отношения властей всех уровней, например, Акмолинской области, только «...к 1885 году 12 участков [специально выделенных для крестьян] остались незаселенными, а новоселы 10 селений, около 55 % всех поселившихся на участках крестьян, дошли до такого положения, что администрация должна была перевести их на новые участки; часть же семей ушла на родину» (Хворостанский, 1907: 62). В этом П. Хворостанский склонен обвинять, прежде всего, местные власти: они, как с издевкой отмечает автор, «всегда склонялись в пользу аборигена как более податливой и густо обросшей овцы» (Хворостанский, 1907: 62). Эту же позицию отстаивал и В. Остафьев. На его взгляд, в новых условиях следует уделить исключительное внимание активизации колонизационного процесса в Казахстане по принципу «вглубь и вширь», поскольку до начала XX в. сия «колонизация шла очень туго и медленно» (Остафьев, 1895: 7).

Из числа публикаций, вышедших как отдельными выпусками (брошюры, книги и т.д.), так и в виде статей, отметим «Историческую географию России в связи с колонизацией. Курс, читаемый в Московском университете в 1908–1909 гг.» М.К. Любавского. Автор, в отличие от критически настроенных к имперским властям П. Хворостанского и В. Остафьева, выражает свою полную поддержку политики имперских властей в отношении «крестьянизации» края. Ценность приведенных автором цифровых выкладок заключается в том, что их динамический ряд позволяет получить более

¹ Правда, труды первых двух авторов были опубликованы в 90-х гг. XIX в. Тем не менее их содержание во многом превосходит взгляды и позиции различных политических сил и течений в империи по вопросам крестьянской колонизации края и в последующее время. В таком качестве они представляют, главным образом, концептуальный интерес.

или менее полное представление о темпах и масштабах колонизационного процесса в различных регионах Степного края. Сравнительный анализ приводимых М.К. Любавским итогов крестьянской колонизации Сибири и Казахского края к началу XX в. достаточно определенно показывает, что в колонизационных планах имперского правительства Казахстан занимал первое место: если в 1885–1900 гг. только на землях Акмолинской области поселилось 645 тыс. переселенцев из других регионов Российской империи, то, например, в южные округа Тобольской губернии переселилось 146 тыс. крестьян, в южные части Енисейской – 99 тыс., в Амурскую и Приморскую – 18 тыс., в Иркутскую – 3600 человек (Любавский, 1909: 65). Практически аналогичные данные приводятся и в «Хронике переселенческого дела» за 1907 год (Хроника..., 1907: 232). Это означает, что приводимые М.К. Любавским цифровые выкладки хорошо корреспондируются с отмеченными статистическими данными из этой «Хроники...», что сообщает этим данным необходимую репрезентативность.

Несколько особняком стоит позиция Н. Петропавловского, подвергающего жесткой критике власти за попустительство насильственному и массовому изъятию у казахских скотоводов т.н. «излишков земель» в пользу крестьянских семей. Как отмечает автор, «...такое отношение более чем несправедливо. Первый вопрос, который меня заинтересовал, это вопрос о причинах экономического падения киргизского (казахского – авт.) хозяйства, которое защитниками кочевого хозяйства и противниками колонизации объяснялось крайним земельным обеднением киргиз (казахов – авт.)» (Петропавловский, 2007: 37). Однако Н. Петропавловский подвергает сомнению обоснованность подобного укоренившегося взгляда не только у администрации, но и ряда корреспондентов газет на текущее состояние кочевого скотоводства. «Но правда ли это? Имеется ли у администрации достаточно данных и фактов – утверждать последнее? Исследовано ли кочевое хозяйство? Выработаны ли нормы...» земель для кочевых скотоводов? – вопрошал он. Далее автор с нескрываемой досадой отмечает, что доселе происходившее и поныне продолжающееся массовое насильственное заселение крестьян на хозяйственных территориях кочевников в отсутствие научно выверенных данных в отношении реальной потребности казахских скотоводов в пастбищных и сенокосных угодьях чревато их массовым обнищанием. Такая критическая ситуация, по мнению Н. Петропавловского, является следствием необдуманного и в то же время слишком жесткого отношения властей к местному населению по вопросам землеустроительных и землеотводных работ. Во избежание негативных последствий такого рода стихийного и откровенно насильственного переселения крестьян на общинно-родовые территории кочевников он предлагает, в частности «...детальное изучение степных областей не с тарантаса, а *voile doisauх...*», то есть профессионально. По мнению автора, при этом в первоочередном порядке следует «выяснить ...экономическую норму обеспеченности семьи при кочевом хозяйстве...», «чтобы колонизация степных областей не стесняла кочевого хозяйства» (Петропавловский, 2007: 83). Нетрудно заметить, что отмеченный несколько доброжелательный настрой рассматриваемой статьи как в концептуальном, так и конкретно-историческом аспекте обусловлен либерально ориентированным отношением Н. Петропавловского к местному населению. Подобной позиции придерживались и известные ученые-экономисты П.П. Румянцев (Румянцев, 1910), А.А. Кауфман (Кауфман, 1908: 1-178), а также вышеупомянутый Ф.А. Щербина (Щербина, 1902) и др. К этой либерально настроенной группе исследователей следует отнести А.Н. Седельникова, Т.И. Седельникова, С.Д. Чадова и др. (Седельников и др., 1903, Алимбай и др., 2023: 18-19).

Итак, написанные непосредственными участниками, очевидцами и современниками обсуждаемых исторических событий публикации появились в большей степени как идеологическое и, в не меньшей степени, историографическое обоснование необходимости крестьянской колонизации края. Этим и определяется публицистический характер этой категории изданий тех лет. Поэтому публикации рассматриваемого периода с их фактофиксирующим характером имеют не только историографическое, но и источниковедческое значение (Алимбай и др., 2023: 9-10).

Проблемы крестьянской колонизации края в тех или иных аспектах изучались и в советское время. Однако сложившаяся в советское время историографическая традиция, находившаяся под мощным идеологическим и политическим прессингом системы, была не в состоянии объективно оценить геополитически мотивированные причины и пагубные следствия массовой «крестьянизации» края для казахских скотоводов. Наиболее характерно в этом отношении следующее утверждение авторов «Истории Казахской ССР» (1949), выдержавшей несколько изданий с небольшими уточнениями и изменениями: «...изъятие земель коснулось лишь бедных слоев казахского общества, а что касается «баев, мулл и других господствующих слоев», то «царизм охранял их интересы, и они получили во владение обширные земли» (Казах ССР тарихы..., 1949: 449). Данная формулировка с ее ярко выраженной приверженностью духу и букве т.н. «пролетарского интернационализма» хорошо объясняет, почему исследователи тех лет, несмотря на явные факты насильственных действий царского режима в отношении казахских скотоводов, в конечном счете даже выразили солидарность с общей направленностью крестьянской колонизации края. В духе этой идеологически мотивированной позиции утверждалось, что «запас свободных земель (в Казахстане. – авт.) имелся». Поэтому-де освоение этих самых земель переселенцами «могло иметь известное положительное значение как для колонизируемых районов, так и для России» (История Казахской

ССР..., 1949: 432). Представители партийно-советских властей опасались демонстрировать негативные последствия насильственной направленности массового крестьянского заселения на казахских территориях. Поэтому они всячески старались исключить эти страницы из истории «переселенческого освоения» «запаса свободных земель» в Казахстане.

Тем не менее некоторые историки не могли игнорировать тот очевидный факт, что «из 242 млн десятин казахской земли в пользу переселенцев было насильственно отобрано («таргып алынды») 40 млн десятин...» (*Казах ССР тарихы..., 1949: 448*)¹. Поэтому они вынуждены были признаться и в том, что действия имперских властей по изъятию т.н. «пустующих земель» на хозяйственных территориях казахских скотоводов в пользу переселенцев следует квалифицировать как «грабительскую переселенческую политику» (*История Казахской ССР..., 1949: 429, Казах ССР тарихы..., 1949: 448*). Вероятно, в целях «восполнения» этой и подобных издержек в науке ряд критически настроенных историков подверг резкой критике Столыпинскую аграрную политику в крае, охарактеризовав ее как репрессивную. Появилось даже отдельное небольшое исследование Г. Барандова под характерным названием «Столыпинская реакция» (*Barandov, 1940*). Как утверждалось автором, «правительственные чиновники не нашли ничего лучшего, как выделить переселенцам земли местного населения. Правительство Столыпина в этом случае руководствовалось националистической политикой «русификации» окраин». Вследствие этого «...пострадали сотни тысяч кочевников... положение народов на местах заселения также ухудшилось» (*Barandov, 1940: 27*). Между тем, по данным этого же автора, именно со времени прихода в руководство правительством П.А. Столыпина участились и различные формы протеста со стороны местного населения. В ответ на такие нежелательные для режима эксцессы «...репрессии резко усилились. Царские каратели и тюремщики безостановочно делали свою кровавую работу» (*Barandov, 1940: 4*).

В новых академических изданиях, вышедших в 1979 и 2000 гг., описывается динамика процесса крестьянской колонизации края в том или ином региональном (областном) разрезе в период с последней трети XIX в. до октябрьской революции 1917 года (*История Казахской ССР..., 1979: 258, 405; История Казахстана..., 2000: 595*). Опируемый авторами этих изданий динамический ряд цифровых данных, даже в своих неполных показателях, хорошо демонстрирует, что резкий рост изъятий находившихся в хозяйственном обороте «излишков земель» у казахских скотоводов произошел именно в период Столыпинской аграрной реформы. Однако между этими изданиями в части итоговой величины изъятых властями «излишков земель» имеется и разница: если рядом исследователей 50-х – первой половины 70-х гг. XX в., в том числе и авторами обобщающего труда 1979 г., утверждалось, что насильственно отобранных у казахских скотоводов общая площадь земель доходила до 40 млн десятин (*История Казахской ССР..., 1979: 258, 405*), то теперь, по уточненным авторами второго издания данного труда, этот показатель достигал более 45 млн десятин (*История Казахстана..., 2000: 599*), что составляет 1/5 часть общей территории Казахстана.

Большой вклад в изучение вопроса, несомненно, внесли ведущие ученые-аграрники советского Казахстана Б.С. Сулейменов, В.Я. Басин и П.Г. Галузо – авторы фундаментальных монографий, не потерявших своей значимости и поныне (*Сулейменов, 1963, Галузо, 1965, Сулейменов, Басин, 1981*). Эти исследователи впервые ввели в научный оборот систематизированные цифровые данные. Правда, как в хронологическом и территориально-пространственном отношении, так и с точки зрения предметно-целевой направленности рамки их исследований ограничены. Если труды Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина хронологически завершаются началом XX в., то монография П.Г. Галузо больше нацелена на изучение демографических ситуаций, сложившихся вследствие наплыва крестьян, в данном случае южной и юго-восточной части Казахстана. Вследствие этого ученый проблему крестьянской колонизации рассматривает через призму исторической демографии (*Сулейменов, 1963, Галузо, 1965, Сулейменов, Басин, 1981*).

Традиция изучения крестьянской колонизации края предшествующих лет продолжается и в настоящее время, как утверждает исследователями постсоветского периода, уже в условиях отсутствия засилья «единственно верного учения». Рядом вопросов крестьянской колонизации края интересуются преимущественно российские исследователи (*Сафронов, 2011, Суворова 2017, Сысоева, 2009, Тарасова, 2013, Татарникова, Чуркин, 2020, Токмурзаев, 2015, Токмурзаев, 2017, Токмурзаев, 2019* и др.). Для характеристики сущности и направленности «крестьянизации» края авторы оперируют терминами «колонизация», «колониализм» и т.д. (*Ремнев, Суворова, 2010* и др.), пытаются обосновать закономерный характер и неизбежность процесса имперского присвоения территорий

¹ Однако репрезентативность показателя общей площади территории Казахского края в канун октябрьской революции 1917 г. в 242 млн десятин вызывает сомнение. По данным же непосредственно занимавшегося руководством вопросами крестьянской колонизации национальных окраин империи, в особенности Казахстана, князя Б.А. Васильчикова вышеотмеченный показатель только в 1907 г. составлял 245 млн десятин земли (*Речь главноуправляющего..., 1907: 423, 424, Алимбай и др., 2023: 24*). Учитывая, что процесс изъятия у казахских скотоводов т.н. «излишков земель» продолжался и в дальнейшем – вплоть до 1917 г., отметим, что данный вопрос нуждается в специальном исследовании.

национальных окраин. В русле этой позиции ряд авторов признает существование в российском имперском общественно-политическом дискурсе идей т.н. «морального превосходства» русских, как пишут А.И. Татарникова и М.К. Чуркин, над «субалтернами», то есть покоренными народами (Татарникова, Чуркин, 2020: 7). Более открыто высказывает свою точку зрения Д.В. Кузнецов, который, признавая жесткость политики имперских властей в отношении казахов (в частности, выселение их с лучших земель на худшие и т.д.), тем не менее отмечает неизбежность подобного рода подхода со стороны царского режима, поскольку властям в системе неравных взаимоотношений метрополии и колонии так или иначе приходится руководствоваться «практической целесообразностью и государственной пользой, а не соображениями абстрактно понимаемого гуманизма» (Кузнецов, 2017: 159). Однако исследуемый нами вопрос российскими учеными пока что рассматривается лишь в рамках исторического сибиреведения, безусловно имеющего богатую научную традицию. Вероятно, этим обстоятельством следует объяснить не совсем удовлетворительный уровень источниковой базы, в частности цифровых данных в исследованиях российских ученых, призванных характеризовать имперскую политику и идеологию массовой «крестьянизации» края в ее конкретном проявлении.

Что касается имеющих к настоящему времени историографических работ (Абселемов, 2019; 2020; Чуркин, 2016; Чуркин, Абселемов, 2020), то в них степень изученности рассматриваемого нами вопроса исследуется лишь как привходящий аспект общей историографии крестьянской колонизации сибирских регионов. К истории изучения этого вопроса в дореволюционной российской историографии обращались и авторы настоящей статьи, однако только лишь в рамках предметного диапазона своих исследований (Алимбай, Орынбаева, 2019: 337-347, Алимбай, Смагулов, 2020: 2767-2769).

4. Результаты

8 июля 1906 года вышел указ императора Николая I о роспуске I Государственной думы. В тот же день ушло в отставку и правительство во главе с И.Л. Горемыкиным. Как уже отмечалось выше, было сформировано новое правительство, во главе которого встал П.А. Столыпин (Barandov, 1940: 4). 6 марта 1907 года П.А. Столыпин выступил во II Думе в качестве председателя Совета министров с программным заявлением по основным направлениям правительственной политики. В нем глава правительства особо заострил внимание на необходимости «устройства быта крестьян», в первую очередь, путем «предоставления крестьянам земель государственных» (Столыпин, 2021: 62, 63). Как бы конкретизируя этот вопрос, в своем очередном выступлении в Думе 10 мая этого же года он заявил о невозможности решить аграрный вопрос путем ликвидации помещичьего землевладения в европейских губерниях империи, поскольку это означало бы, по словам П.А. Столыпина, «уничтожение очагов культуры» и появление «класса разоренных землевладельцев» (Столыпин, 2021: 112). Поэтому выходом из этого положения им виделось переселение крестьян на окраины империи (Столыпин, 2021: 109).

Государственная поддержка крестьянской колонизации. Процесс «крестьянизации» края стимулировался специальными правительственными мерами. Так, крестьянам, желающим переселиться в Степной край, рекомендовалось направлять ходока для осмотра и выбора земельного участка для постоянного поселения, то есть перед переселением крестьянские семьи могли предварительно направлять ходока для осмотра и оценки предоставляемого колонизационного участка. В этой связи представителям имперских властей на местах (мировым посредникам, комиссарам по крестьянским делам и др.) вменялось в обязанность оказывать ходокам всяческое содействие, в частности, выдавать им т.н. ходоческие свидетельства на льготный проезд по переселенческому тарифу. После выбора ходоком земельного участка земский начальник должен был выдать на всю семью ходока документ под названием «проходное», по которому он со своей семьей мог переселиться в избранную местность (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 23. Л. 61).

Такая поддержка активно способствовала тому, что переселившиеся семьи пользовались рядом льгот на новом месте, а именно переездом по железным дорогам до места назначения по особому переселенческому тарифу; освобождением от казенных платежей и земских денежных сборов в течение пяти лет, а в последующие шесть лет указанные платежи и сборы оплачивались в половинном размере; отсрочкой от отбывания воинской повинности на три года в случае, если на момент поселения на новом месте переселенец достиг 18 лет; освобождением от выплат задолженностей по казенным недоимкам и в общий продовольственный капитал; предоставлением ссуд на хозяйственные нужды в размере до 165 руб.; отсутствием необходимости испрашивать «для выхода из состава своих обществ увольнительных приговоров» по месту прежнего проживания (Переселение..., 1906: 56-57). При этом переселенцам государство выделяло ссуды «на хозяйственное устройство, на общепользные надобности, выдачу хлеба на продовольствие и обсеменение полей, бесплатную выдачу лесорубных билетов и постройку жилищ и оказание врачебной помощи» (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 15). К примеру, только в период с 1906 по 1911 гг. переселенцам было выдано ссуд более чем на 7 млн руб. (см.: Таблицу 1):

Таблица 1. Размеры ссуд, выделенных переселенцам государством в 1906–1911 гг.

Годы	Сумма выданных ссуд
1906	483485 руб. 63 коп.
1907	1015789 руб. 69 коп.
1908	1171539 руб. 35 коп.
1909	1967942 руб. 45 коп.
1910	1430900 руб. 16 коп.

Источник: ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 15

Вместе с тем из приведенных в таблице динамических рядов цифровых выкладок по годам нетрудно заметить значительное снижение объема выдаваемых ссуд переселенцам в 1910 г., что объясняется ослаблением интенсивности колонизационного потока в Степной край в это время (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 15).

Власти придавали огромное значение и организации агитационно-рекламной кампании. В этой связи за счет выделенных Переселенческому управлению финансовых средств в центральных русских губерниях издавались специальные брошюры, плакаты, листовки, справочники и др. В частности, было организовано предоставление информации ходакам и потенциальным переселенцам относительно географического расположения района заселения с подробным описанием природных условий и ландшафтных характеристик, а также водных и кормовых ресурсов местностей (Шевченко, 2017: 165).

Однако, несмотря на принятые усилия, властям удалось осуществить не все задуманные планы. Например, к концу 1906 года выяснилось, что переселенцы не всегда обеспечиваются достаточным объемом площадей для заселения и ведения хозяйства. Это обстоятельство вынудило правительство принять решение запретить усиливающуюся тенденцию процесса т.н. «индивидуального ходачества» в национальные окраины и регионы, а также выдачу проходных свидетельств до положительного решения вопроса как в организационном, так и в практическом плане. Впоследствии на уровне Главного управления землеустройства и земледелия были приняты решительные меры по стимулированию переселений крестьян. Дело в том, что прежние попытки властей заранее определить заселяемые участки переселенцам на деле оказались неудачными, поскольку прибывшие крестьяне практически не обеспечивались земельными наделами. Это вызывало со стороны переселенцев-крестьян бурные негодования. А самое главное, практически оказались под угрозой срыва планы властей активизировать аграрную колонизацию на местах. Поэтому ими было принято новое решение, согласно которому изымаемые земли, разумеется, прежде всего за счет пастбищных и сенокосных угодий казахских скотоводов теперь считались «условно» заселенными даже все еще неприбывшими переселенцами (Сысоева, 2009: 42). Это означает, что местные власти, оказавшись в тупиковой ситуации, фактически пошли на подлог.

С этого же года проводились специальные совещания под председательством заместителя¹ Главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Б.Е. Иваницкого, в которых принимали участие представители и Министерства путей сообщения. На совещаниях рассматривались первоочередные мероприятия по улучшению перевозки переселенцев. В итоге были введены особые переселенческие поезда, выработаны правила и инструкции для наиболее успешного обслуживания передвижения по путям следования переселенческих и ходаческих партий, также были установлены особые облегченные тарифные ставки для перевозки переселенцев по водным путям Сибири и Дальнего Востока (Переселение..., 1911: 4-5). В Омском и Петропавловском уездах Акмолинской области, куда направлялось большое количество крестьян, именуемых казахами *қарашекпен* (букв. «люди, одетые в черные халаты») или *келімсек* («пришлые люди», «чужеродный человек»), функционировало два переселенческих пункта, принимавших переселенцев, к примеру, с инфекционными заболеваниями. Однако эти пункты обслуживали и Семипалатинскую, и Тургайскую, и Семиреченскую области, а также Западную, Восточную Сибирь и Дальний Восток (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 7-8). Следует сказать, что функции этих и тому подобных пунктов не ограничивались только лишь оказанием первичной медицинской помощи, но и выполняли функцию адаптации вновь прибывших переселенцев, прежде всего, к местным климатическим условиям.

В связи с усилением потока крестьянских мигрантов на колонизируемые территории в 1908 году Главное управление землеустройства и земледелия вынуждено было ввести очередность отправок переселенцев. Было установлено пять очередей, причем первостепенно (с 10 по 25 марта) для четырех степных казахских регионов (Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская области), а также некоторых территорий Западной и Восточной Сибири. Пятая же очередь (16 мая – 20 июня) предназначалась для тех крестьян, которые по каким-то причинам не смогли воспользоваться такой возможностью. Необходимо отметить, что указанные очереди предназначались только для т.н. «законных переселенцев» – крестьян, имеющих право льготного проезда. Поэтому переселенцы,

¹ В источниках значится как «товарищ» (Переселение..., 1911: 4-5).

прибывавшие в самовольном порядке, не имели права пользования льготными тарифами при перевозке (Сафронов, 2011: 310).

Движение крестьян в пределы Казахского края. Меры имперских властей по стимулированию переселения крестьян на территорию Степного края дали свои результаты. Только в течение 1906–1910 годов число переселенцев и ходоков в край вдвое превысило показатели 1896–1905 годов (см.: Таблица 2):

Таблица 2. Число переселенцев и ходоков в Степной край 1896–1910 гг.

в 1896–1905 гг.		
I.	в четыре Сибирские губернии	913.091 д.об.п. или 71 %
II.	в Степной край	294.297 д.об.п. или 23 %
III.	в области Дальнего Востока	72.521 д.об.п. или 6 %
ВСЕГО		1.279.909 д.об.п.
в 1906–1910 гг.		
I.	в четыре Сибирские губернии	1485143 д.об.п. или 59 %
II.	в Степной край	770211 д.об.п. или 31 %
III.	в области Дальнего Востока	260721 д.об.п. или 10 %
ВСЕГО		2.516.075 д.об.п.

Источник: Переселение..., 1911: 5

Из этих цифровых выкладок выделим те показатели, которые имеют непосредственное отношение к Степному краю. Эти цифры достаточно репрезентативно демонстрируют динамику роста численности участников переселенческого движения, которая составляет с 294297 до 770211 чел., в процентном же выражении – с 23 % до 31 % в период, соответственно, с 1896 по 1905 и с 1906 по 1910 гг. По словам служащих Переселенческого управления, подобное увеличение количества переселенцев и ходоков как во временном, так и в региональном разрезе «оказалось возможным обратить под переселение крестьян значительные излишки годных для земледельческой культуры государственных земель, числившихся в пользовании кочевников» (Переселение..., 1911: 6). При этом следует сказать, что эти т.н. «излишки» земель у местных скотоводов устанавливались в результате повторных обследований казахских хозяйств (Переселение..., 1911: 6). Любопытно, что сами крестьяне не всегда соглашались принять выделенные для них земельные участки, считая их малопригодными для ведения хозяйства. Так, например, в одном из архивных документов говорится следующее, что является характерным для многих регионов края: «Явившиеся сего числа (24 октября 1908 года. – авт.) на Петропавловский переселенческий пункт переселенцы – ходоки Воронежской губернии, Павловского уезда, Клеповской волости Федор Макаров, Алексей Лонов (? – авт.), Иван Юрьев, Илья Рощупкин, Яков и Василий Колесниковы, прибывшие в Акмолинскую область по свидетельствам Павловской уездной землеустроительной комиссии... заявили, что назначенный им для осмотра участок в 3-м подрайоне Кокчетавского уезда по осмотре оказался непригодным, а потому от зачисления за ними долей на нем они отказались» (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1. Л. 25).

Во избежание нежелательных для властей подобных эксцессов переселенцам в первоочередном порядке выделялись самые плодородные земли с достаточными водными ресурсами и коммуникативными возможностями. Для выделения переселенческих участков существовали особые переселенческие партии, состоявшие из «производителей работ и межевых чинов». Производитель работ составлял проект переселенческого участка. Затем вызывали представителя каждого аула в районе этого участка. И в присутствии волостного управителя и аульного старшины «производитель работ обязывался, не ограничиваясь выслушиванием заявлений этих лиц, принять все меры к тому, чтобы выяснить действительные их нужды и размеры того ущерба, который причинил бы им выдел». После этого составлялся протокол, в котором излагались претензии как принятые, так и отвергнутые производителем работ. Копия протокола передавалась крестьянскому начальнику как якобы «защитнику интересов киргизского (казахского. – авт.) населения». Затем протокол вносили на обсуждение комиссии, состоявшей из заведующего партией, производителей работ, переселенческого чиновника, крестьянского начальника, податного инспектора и уездного начальника. По завершении этой процедуры утверждался общепринятый проект специальной комиссией. Согласно данному документу переселенческий участок ограничивался межевыми знаками, после чего поступал под заселение (Переселение..., 1906: 19–20). При этом волостные управители обязывались строго следить «за выполнением аульными старшинами [положения проекта], в районе которых производятся работы, возлагаемых на них обязанностей по доставке чинам партии юрт и продуктов питания (за плату по средним ценам), по доставке знающих местность проводников и найму рабочих» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9000. ЛЛ. 65–65об.).

Необходимо отметить, что значительная часть крестьян не проявляла никакого желания связываться с соблюдением формальностей при направлении ходоков. Поэтому крестьяне часто переселялись и без разрешения местных властей. Так, в 1908–1909 годах около половины

переселенцев расселялись самостоятельно, а в последующие годы этот показатель составлял от 56,8 до 69 % (Шевченко, 2017: 166). То есть данный негативный показатель имел тенденцию к росту. Тем не менее, как указывали представители колониальных властей, в любом случае самовольные переселенцы «должны пользоваться всеми льготами, которые предоставлены по закону крестьянам, переселившимся с соблюдением установленных правил, за исключением льгот по воинской повинности» (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 20. Л. 15). Как отмечается в источниках, «разница между самовольными переселенцами и лицами, переселившимися с надлежащего разрешения, состоит лишь в том, что первые не могут пользоваться сложением недоимок в казенных оборотах и в общий по империи продовольственный капитал, а также льготным проездом по железным дорогам и правом на получение при своем следовании путевых ссуд» (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 20. Л. 15).

География крестьянской колонизации. Переселение крестьян и занятие ими лучших земель в первую очередь ощутили на себе области Степного генерал-губернаторства, в котором особо выделялась Акмолинская область. По данным на 1906 год в этом регионе насчитывалось около 830 тыс. чел., из которых 453 тыс. составляли казахи. Оседлого населения было 377 тыс. чел., в том числе крестьян-переселенцев около 170 тыс., но, как отмечали современники, «число их с каждым годом увеличивается: русское заселение идет быстро, и область занимается все новыми и новыми переселенцами, а казаков – 110 тыс. чел.» (Переселение..., 1906: 6-7). Приведенные данные красноречиво показывают постепенное изменение удельного веса крестьянских масс в составе разных социальных групп русского населения. По своей численности они, как свидетельствовали чиновники Переселенческого управления, даже превзошли «первых колонизаторов киргизской (казахской. – авт.) степи – казаков», которые ранее являлись доминирующей частью среди русских (Переселение..., 1906: 6-7).

Итак, с 1897 по 1916 годы в степные области Казахского края переселилось 1,14 млн чел. Менее интенсивным было переселение в Туркестанский край, где основной поток переселенцев был направлен на заселение юго-восточной части Казахстана (Жетысу), поскольку Сырдарьинская область характеризовалась недостатком пригодных для хозяйства земель. Тем не менее огромный поток переселенцев привел к непоправимым земельным потерям для казахского населения, причем были утрачены самые плодородные части территории на севере, востоке и юго-востоке. Прежде они находились в активном хозяйственном пользовании. Только в промежутке с 1906 по 1915 г. было изъято 28,9 млн десятин земли (Аврех, 1991: 89). И это без учета земельных изъятий, осуществленных до начала массовой аграрной колонизации. Напомним, в это время в Степном крае у казахов было отобрано около 14 млн десятин земли, что составляло 8,2 % от всей площади Казахстана. В целом же до начала I мировой войны казахи лишились более 40 млн десятин (20 % от всей площади степных областей) (Масанов и др., 2001: 245). Даже начавшаяся I мировая война практически не стала препятствием на пути глубоко зашедшего в это время процесса колонизации казахской земли. Так, например, только в Семиреченской области (Жетысу) изъятия лучших пастбищных и пахотных угодий составили 1,8 млн десятин. К середине 1916 года общая площадь насильно экспроприированных территорий в Казахском крае достигла внушительных размеров, составив 45 млн десятин, причем, как уже отмечалось, самых плодородных земель с богатыми водными ресурсами (История Казахстана..., 1993: 273). Это сравнимо с площадью территории каждого из таких крупных европейских государств, как Швеция, Испания или Франция. И, как следствие, буквально в течение 15-20 лет резко снизился и их удельный вес в общей численности населения края: если в 1897 г. этот показатель составлял 81,7 %, то в 1917 г. – всего 59,8 % (История Казахстана..., 2000: 567). Одновременно возрос удельный вес русских и в демографической структуре населения Казахстана, составив в 1897 году 11,4 %, а в 1917 г. уже 18,4 % (История Казахстана..., 2000: 570). Однако в историографии на сей счет существуют и другие сведения: по данным С.И. Кузнецовой, этот показатель только в 1914 году достиг 29,6 % (Кузнецова, 2001: 115-116).

Ареал исхода и этнический состав переселенцев. В процессе аграрной колонизации Степного края участвовали выходцы из самых разных губерний Российской империи. Так, в Акмолинском колониационном районе, по данным на 1911 год, было зачислено 40330 душевых долей. Распределение их по губерниям позволяет выделить те основные регионы, из которых направлялись колонизационные потоки на казахскую территорию. Например, 5742 душевые доли (или 14,2 %) приходились на сопредельные со Степным краем регионы Нижнего и Среднего Поволжья (Нижегородская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Самарская губернии) и Южного Урала (Уфимская, Оренбургская). Значительную часть переселенцев составляли выходцы из населенных украинцами территорий. В частности, за крестьянами из Киевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Подольской, Волынской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний было закреплено 25399 душевых долей (62,9%) (Расчитано по: ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2.3. ЛЛ. 10 об., 11, 110б.)¹. В данном контексте представляет интерес следующий факт: в «Журнале Общего

¹ Хотя украинцы по численности преобладали в составе населения указанных губерний, тем не менее не все переселенцы из них являлись представителями данного этноса. То же самое следует сказать в отношении переселенцев-украинцев из Курской губернии и равнинных районов Северного Кавказа, в

присутствия Акмолинского областного правления по переселенческому делу» от 10 марта 1916 года упоминается Украинская волость Омского уезда с такими селениями, как Орловское, Ореховское, Степановское, Белостокское, Новоекатериносское, Одесское, Павлоградское и Полтавское (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 20. Л. 9). По всей видимости, эта же Украинская волость упомянута в списке земских волостей, утвержденных Омским уездным Земским собранием в ноябре 1918 года (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 20. Л. 224). Любопытно, что гораздо меньшее число переселенцев направлялось из собственно центральных русских губерний (Калужской, Владимирской и др.). В то же время в общем колонизационном движении в Степной край незначительное участие приняли жители Лифляндской и Эстляндской губерний (латыши и эстонцы), а также белорусских и польских земель (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. 11, 110б.). В Казахстан была переселена и часть немецкой диаспоры Российской империи. Так, например, в архивных материалах упоминаются 25 семей переселенцев-крестьян немецкого происхождения из Таврической губернии, расселенных 23 июля 1908 года на участке Телю-Агач (Телагаш – авт.) Константиновской волости Кокчетавского уезда Акмолинской области (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 23. Лл. 8, 15, 16).

В контексте сказанного заслуживает особого внимания годовой отчет за 1911 год, в котором отмечалось, что «...за последние три года устройство немцев значительно сократилось в количественном отношении и отодвинуто на юг области (Акмолинской. – авт.), где участки по удаленности своей от заселенных центров и трудности ведения на них сельского хозяйства не разбираются не только ходоками, но даже и временно проживающими... [поэтому] в отчетном году было предложено немцам четыре участка в Атбасарском уезде, которые остались не зачисленными» (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 13).

Обратный исход переселенцев. Тем не менее часть переселенцев (около 15% от общего их числа в 1896–1910 гг.) по различным причинам, главным образом из-за непривычных и сложных для них климатических и ландшафтных условий, а также бытовой неустроенности, не смогла прижиться в Степном крае. В официальном отчете о переселенческом движении за 1911 год среди причин такой ситуации назывались «материальная необеспеченность переселенцев, неподходящие естественно-исторические условия избранной для поселения местности, неимение разрешения на получение участка и неурожай» (Шевченко, 2017: 166, Переселение, 1911: 7-8). Действительно, хотя поначалу государству удавалось полностью оплачивать переселенцам переезд в Казахский край, в последующие годы, ввиду финансовых трудностей, стоимость этого самого переезда стала возмещаться лишь частично. Вследствие этого выделяемая переселенцам ссуда составляла всего лишь 150 руб. При этом зачастую эта сумма оказывалась совершенно недостаточной для обустройства вновь прибывших крестьян на новом месте. Поэтому эта категория переселенцев вынуждена была вернуться обратно преимущественно в те регионы, откуда она прибыла. Так, в 1896–1905 годах из края вернулось 51725 чел., а в 1906–1910 годах – 107364 чел. (Шевченко, 2017: 166, Переселение..., 1911: 7-8). В этом отношении достаточно красноречивы выводы агрономического отдела Акмолинского переселенческого района, проводившего в 1913 году обследование 23 заселенных переселенческих участков: в ряде случаев переселенцы не вполне были удовлетворены местными условиями. В частности, отмечалось, что «... с переселением русских в область (Акмолинскую. – авт.) большой волной и эти земли были включены в фонд для переселения... [и] ...по большей части начались жалобы на неудовлетворительность этих почв в смысле их сельскохозяйственной пригодности» (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 20 в. Л. 147). Далее с горечью говорилось, что «неблагополучие всех новых поселков лежит не в почвенных и климатических, а в экономических условиях; бедность новоселов, отсутствие поблизости торговых центров, отдаленность от путей сообщения... и, как следствие, общая малоразвитость экономической и промышленной жизни района... суть причины бедствия новоселов. Поселки эти находятся в северо-западной части Атбасарского и юго-западной части Петропавловского уездов... До ближайшего торгового центра расстояние в верстах будет: до Кустаная – 120–250 верст, до Атбасара 250–350 верст, до Кокчетавы 300–320 верст» (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 20 в. Лл. 154-155).

Все эти отрицательные для переселенческого движения деструктивные факторы привели к росту обратного исхода крестьян на историческую родину. Так, например, общее число выбывших из Акмолинской области переселенцев и ходоков только в 1911 году составило 24123 чел. (2789 семей) (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 40б.). Динамику обратного исхода переселенцев и ходоков из Акмолинской области на историческую родину в период проведения Столыпинской аграрной реформы достаточно репрезентативно отражают следующие табличные показатели (см.: Таблицу 3):

которых доля украинцев составляла значительную часть населения (например, в составе населения Курской губернии численность украинцев практически достигала четверти). Отметим, что для выходящих из Курской губернии, Кубанской области и Ставрополя было выделено в совокупности 1471 «душевая земельная доля» (Рассчитано по: ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Лл. 100б., 11, 110б.). В то же время приведенные данные достаточно определенно показывают значительный удельный вес украинцев в общем потоке переселенцев в Казахский край из Российской империи.

Таблица 3. Число крестьян-возвращенцев из Акмолинской области Степного края в 1906–1911 гг.

Год	В область	Из области	% к общему движению по областям
1906	61771	7499	12,1
1907	76419	12304	16,1
1908	140350	17847	12,7
1909	107868	23406	21,7
1910	56945	27702	28,7
1911	26806	24123	90

Источник: ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 40б.

При этом в указанный период отмечается некоторое ослабление численности переселенческого потока в различные регионы Казахстана. Подобную тенденцию к уменьшению данного процесса следует объяснить следующими двумя взаимосвязанными факторами: с одной стороны, значительным влиянием высоких урожаев в центральных губерниях империи 1909–1910 гг., с другой – неурожаем в конце первого десятилетия XX века в некоторых северных регионах Казахского края. К примеру, в Акмолинской области именно в этот период отмечен недород хлебов, причем особенно неблагоприятным оказался 1911 год, о чем свидетельствуют следующие строки «Годового отчета по движению переселенцев за 1911 год»: «...оставалась масса неустроенных переселенцев, т. н. «неприписных», в категорию которых главным образом попадали самовольно переселившиеся...» и «...многие из них уходили на родину, составляя преобладающий элемент в группе обратных переселенцев» (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 2. Л. 4). Возвращение части «самовольно переселившихся» обратно в места прежнего проживания вело к тому, что они «увлекали за собой и часть приписного населения из числа неокрепших. На родине обратные переселенцы своей неудачей понижали общий интерес к переселению в Сибирь» [3, л. 4].

Протесты казахского населения. Расселение крестьян на землях Степного края вызвало массовые протесты и в ряде случаев активное сопротивление коренного населения. Такие выступления приобретали самые различные формы. Приведем следующие типичные для всех колонизируемых регионов края протесты казахов. Так, например, крестьянский начальник 1-го участка Актюбинского уезда Тургайской области в своем донесении от 13 мая 1906 года Тургайскому военному губернатору сообщал о том, что в Каракобдинской волости «киргизы (казахи. – авт.) отказались допустить к работам его (помощника производителя работ по отводу переселенческих участков. – авт.) и двух топографов...» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. Л. 7), а в письме от 17 мая 1906 года он же писал о том, что, по заявлениям казахов, они «...не будут давать им (чиновникам переселенческих партий. – авт.) за плату лошадей, рабочих, баранов и кибиток...» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. Л. 18). 1 июля 1906 года из 2-й Буртинской волости производитель работ Тургайской временной партии сообщал следующее: «...кибитка поставлена для меня не была, не было в ауле при моем приезде ни аульного старшины, ни кандидата на эту должность, их я прождал (8 часов) до 9 ч вечера... на мое требование отвести мне за плату квартиру (кибитку) аульный старшина и бывший с ним волостной управитель ответили сначала отказом... потом распорядились отвести непригодную для жилья кибитку (от ветра могла развалиться, а от дождя не защищать)... а часа в 2 дня «моя» кибитка была злонамеренно разобрана и я, оставшись под открытым небом (погода была ненастная), вынужден был поехать в г. Оренбург» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. ЛЛ. 41-410б.). И такой своего рода саботаж не был единичным случаем. Иногда протесты носили достаточно острый характер. Так, заведующий переселенческим делом в Тургайско-Уральском районе в письме Тургайскому военному губернатору от 25 мая 1906 года информировал последнего о том, что в Илекской волости «громкая толпа киргиз (казахов. – авт.) насильно разобрала мою кибитку, прогнала русских рабочих, лишила возможности продолжать работу» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. Л. 10). В другом письме от 13 июля 1906 года сообщалось, что в во 2-й Буртинской волости «киргизы (казахи. – авт.) рабочих бьют, они отказались работать, знаки снимают, продолжить невозможно» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. Л. 40). В некоторых случаях протесты перерастали в откровенно насильственные действия. Так, в конце июня 1906 года около 200 казахов Каратугайской волости совершили открытое нападение на поселок Удачный и, как сообщалось, «угнали скота 280 голов, произошла сильная драка. Киргизы (казахи. – авт.) поселок окружили, угрожая избиением» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. Л. 12). Сообщалось также о столкновениях между казахами и переселенцами хутора Можаровского Аралтубинской волости, а также при станции Курайлы (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. ЛЛ. 22, 23, 28). Согласно официальным документам, отчаявшиеся казахи даже шли на «открытые вооруженные нападения на переселенцев» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2822. ЛЛ. 16, 90-98). Г. Чиркин отмечал, что «тревожное и враждебное отношение киргиз (казахов. – авт.) к ведущимся на вышеизложенных основаниях землеотводным работам обостряются в настоящее время более сознательным отношением киргиз к

своим преимущественным правам на занимаемую территорию и опасением, что и в будущем из земель, оставленных в их пользовании, снова повторятся изъятия» (Чиркин, 1907: 48).

Тем не менее эти и тому подобные многочисленные случаи сопротивления местного населения практически не возымели никакого влияния на намерения и практические действия имперских властей, направленных на бесповоротную и окончательную аграрную колонизацию путем насильственного захвата казахских земель. Колониальный режим в своих официальных планах и действиях дал ясно знать казахскому населению, что на этом пути он не остановится даже перед возможностью беспощадного применения в отношении «бунтующих» казахов и военной силы. Достаточно характерно в этом отношении следующее Циркулярное распоряжение Степного генерал-губернатора от 1 мая 1908 года, в котором особо оговаривалась необходимость предупреждения казахского населения о том, что «земельные изъятия из них для цели образования переселенческих участков производятся в установленном законе и правительственных распоряжениях порядке и по особому, мною утвержденному плану, а потому всякое противодействие производству указанных работ, а тем более соединенное с насилием по отношению к кому-либо из чинов партии мною (генерал-губернатором. – авт.) будет караться по всей строгости законов» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 9000. Л. 650б.).

В полном соответствии с идеологией и практикой имперских властей на уровне регионов разрабатывались и специальные планы, включавшие перечень действий при проведении землеотводных и землеустроительных работ. К примеру, «План землеотводных работ в районах Тургайско-Уральском, Акмолинском, Семипалатинском» в 1908 году предусматривал ряд действий. В интересующем аспекте выделим последнюю часть данного «Плана...», содержание которой достаточно определенно характеризует изначальную заинтересованность властей в изъятии так называемых «излишков» земель в пользу казны и переселенцев: «... проложение проектных границ в натуре». Это последнее действие носило обязательный характер при отводе земель в районах казахского и старожилого землепользования в момент предъявления участка в натуре заинтересованными лицам и имело лишь формальное значение при отводе участка из свободных казенных пространств (ЦГА РК. Ф. 369. Оп.1. Д. 8527. ЛЛ. 67, 670б., Алимбай, Смагулов, 2020: 2771).

Изменение топонимики как направление и завершающий акт крестьянской колонизации. Колонизация обширных территорий Казахского края сопровождалась и коренным изменением веками сложившихся топонимов практически всех регионов Степного края. Речь идет о массовом переименовании традиционных топонимических обозначений разнохарактерных природных объектов территорий кочевников, а также и самих территорий русскими названиями. По нашему мнению, подобная массовая русификация сложившегося топонимического ландшафта представляет собой символическое присвоение территорий казахских скотоводов крестьянскими переселенцами, что происходило, как вытекает из источников, административно-насильственным путем (Государственная дума, 1906: 203, Государственная дума, 1907: 170, 171, 673-674, Фризен, 2017: 170-171, Алимбай и др., 2023: 17, 18, 20, 21). В этом смысле замена традиционной топонимики вне зависимости от воли местного населения, в сущности, является одним из направлений крестьянской колонизации казахских земель.

На самом деле массовая замена прежней топонимики на новую была рассчитана на искоренение одного из традиционных способов маркировки кочевниками границ общинно-родовой территории. Между тем в условиях кочевничества такой способ в своем культурно-антропологически выраженном качестве выступает одной из форм символического самовыражения этнического коллектива по поводу естественно-исторической принадлежности данной территории общине-социуму как корпоративному субъекту собственности на нее. Речь идет об одном из оригинальных способов территориальной самоидентификации номадов. Так что отмеченная выше насильственная замена переселенцами и властями местных традиционных топонимов на квазитопонимы идеологически, ментально и в известном смысле даже де-факто означает окончательную колонизацию крестьян на новых захваченных ими землях, находившихся прежде в активном хозяйственном обороте кочевников.

Здесь возможен следующий вопрос: почему вышеотмеченный факт насильственно-символического присвоения переселенцами хозяйственных территорий кочевников означает их окончательное укоренение на них? Дело в том, что обычно массовая замена вновь прибывшими поселенцами сложившихся веками прежних названий природных объектов – хоронимов, оронимов, гидронимов, агоронимов, микропонимов и т. д., на новых территориях производится в качестве завершающего акта окончательного присвоения ими местностей как объектов своей хозяйственно-культурной деятельности. Этот факт достаточно удовлетворительно подтверждается вышеприведенными архивными и другими подобными сведениями (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 20в. ЛЛ. 116-117 и др.).

В контексте изложенного следует отметить еще одно обстоятельство, которое вкупе с традиционной топонимикой во многом конкретизирует наши представления о механизмах территориальной самоидентификации казахов в историческом прошлом: «...с точки зрения кочевника мощным подтверждением изначальной природной принадлежности общинно-родовой

земли своему роду выступают следующие знаковые объекты-маркеры как естественного, так и антропогенного происхождения: а) сезонно используемые традиционные стоянки для поселения с прилегающими пастбищными угодьями и соответствующими водными ресурсами: в теплое время года – «жайлау» – летовка; осеннее пастбище – «кузеу»; «кыстау» – зимовка; «коктеу» – весеннее пастбище, а также б) соединяющие эти сегменты разветвленная сеть кочевых маршрутов и троп; в) родовое кладбище – обиталище могучих покровителей рода – духов-аруахов; г) традиционно почитаемые всеми членами рода ряд приметных природных объектов естественной среды обитания номадов – отдельные водные источники (озера, реки, родники и т.д.), некоторые горные, пересеченные и равнинные местности (в частности, горные пики, урочища, холмы и т.д, роши), одиноко растущие деревья, особенно у родников. При этом действенность и устойчивость межпоколенно-коллективной (общинно-родовой) памяти о таких и других тому подобных природных объектах обеспечивалось целым циклом легенд, мифов, эпических произведений, а также соответствующим комплексом ритуально-обрядовых действий. Освященные и санкционированные традицией эти и другие знаковые маркеры-объекты вкуче с указанными жанровыми формами фольклорной традиции образуют своего рода идентификационное пространство членов рода-общины, прежде всего, пространство их территориальной идентичности. Семантика этих и других тому подобных знаков-маркеров, включая отмеченные фольклорные жанры, удовлетворительно объясняют мотивацию исключительной привязанности членов рода (по понятным причинам, прежде всего, их мужской части) к родовой территории» (Алимбай, 2020: 7).

К этой категории знаковых маркеров-объектов безусловно относятся и традиционный топонимический ландшафт общинно-родовых территорий, которые в своих взаимообусловленном и взаимозависимом единстве образуют мнемонический комплекс (или символический ресурс) этноса (Лотман, 1987: 3-11). И этот ландшафт вкуче с вышеотмеченными знаковыми маркерами-объектами, будучи предельно сакрализованным, выступал как символический показатель освоенности этих земель многими поколениями своих предков. В принципе отмеченный мнемонический комплекс, по крайней мере в условиях кочевничества, функционировал как механизм циклического воспроизводства коллективной памяти общины-рода об изначальной естественно-исторической принадлежности ему данной территории, непосредственно унаследованной «от великих основателей рода – своих предков» (Алимбай, 2020: 20). Напомним, что отмеченный факт унаследованности общинно-родовой территории, как и во всех доиндустриальных социумах, для здравствующего поколения кочевников выступает главным аргументом ее изначальной естественной принадлежности им (Алимбай, 2020: 20). «Кіндік қан тамған жер» (примерный смысл данной широко распространенной у казахов сентенции: «земля, впитавшая капли крови из пуповины моей, моих родственников, моих предков») – говорили в таких случаях кочевники, совершенно ясно подразумевая изначальную природную принадлежность занимаемой им территории своему роду-общине» (Алимбай и др., 1998: 40-41, Алимбай, 2009: 324, Алимбай, 2010: 15, Алимбай, 2019: 112, Алимбай, 2020: 20 и др.).

Следует отметить, что заложенные крестьянами-переселенцами традиции насильственного переименования столь же насильственным путем занятых ими общинно-родовых территорий казахов восходят к первой половине XIX в. Они активизировались и в последующее время, вплоть до октябрьских событий 1917 г., уже во всех уголках Казахстана. Поскольку в рамках объема статьи невозможно привести если не все, то хотя бы основные данные, свидетельствующие о массовом характере изменения традиционной топонимики, приведем следующие достаточно характерные для всего Казахского края примеры. Как сообщают источники, только в 1875 году переименованиям подверглись волости некоторых уездов Акмолинской области, носивших первоначально казахские названия (отметим, что эти названия документально зафиксированы в весьма искаженном виде): в Омском уезде Баба-Багашевская волость («Аттагаевского рода») стала именоваться Омской, Джавар-Караульская (Жапар-Караульская) – Николаевской, Тюлеке-Кур-Софы-Киреевская – Покровской, Бактыбай-Маней-Киреевская (Кереевская) – Курганской и Кулатай-Канчиковская (Кулатай-Кыпчакская) – Черлаковской. В Петропавловском уезде Андагуль-Атагаевская получила название Петропавловской волости, Бабасановская – Таинчинской, Чагы-Бабасановская – Полуденной, Гиненделы-Киреевская – Становской, Сатый-Киреевская – Пресновской, Матыкан-Сывай-Киреевская – Пресногорьковской и Бейдалы-Бар-Якши-Уваковская – Кушмурунской (Остафьев, 1895: 32). В «Годовом отчете агрономического отдела Акмолинского переселенческого района за 1913 год» приведены казахские названия населенных участков, которым были даны русские наименования. В частности, в Петропавловском уезде: Кара-Чилик – Вяземский, Тутульбай – Манджурский, Кысгыч – Белозерский, Кожаберген – Моршанка, Шотмондай – Любинский, Терен-Сай – Носовский, Кенетбай – Черпаевский и т.д. В Кокчетавском уезде: Мандай – Трофимовский. В Акмолинском уезде: Куянды – Сарепта, Теректы – Переяславский, Джаксы-Коянды – Миновское, Мурзакай – Измайловское, Ащилы-Айдар – Новоузенское и др. В Атбасарском уезде: Айбас – Кустарный и т.д. (ЦГА РК. Ф. 317. Оп. 1. Д. 20в. ЛЛ. 116-117).

Таким образом, искоренение традиционной местной топонимики означает попытку ослабления имперскими властями мобилизующей и идентифицирующей функций исторической памяти местного

населения, призванной обеспечить «связь времен и поколений» в кочевой среде. Выражаясь словами видного российского ученого А.В. Ремнева, эти факты трудно квалифицировать не иначе как «топонимический национализм» (Ремнев, 2010: 153-168). Сказано очень емко. На наш взгляд, требуется лишь небольшое уточнение: уместно было бы говорить в данном случае о топонимическом шовинизме со стороны имперских властей и переселенцев в отношении местного населения – казахов.

Последствия колонизации. Российские власти в отношении крестьянской колонизации казахских земель проводили двуличную политику. Дело в том, что в качестве одного из основных доводов для изъятия у казахов земель имперские власти из всех сил пытались обосновать отсталость и нежизнеспособность кочевого образа жизни казахов. Поэтому занятие казахского населения кочевым скотоводством как показателем его т.н. «культурной отсталости», с их точки зрения, должно уйти в историю. Радикально настроенные представители колониального режима, в том числе и ряд ученых-исследователей Казахского края, даже всерьез полагали, что казахи-кочевники неправомерно и необоснованно занимают столь обширную территорию. Для реализации имперски ориентированных установок на массовое заселение крестьянами хозяйственных территорий кочевников власти пользовались понятием «излишки земель» у местного населения, выработанным в процессе организации массового обследования казахских аулов экспедицией Ф.А. Щербины в течение 1896–1903 гг. Речь идет об использовании искусственно сконструированного понятия для идеологического и правового обоснования, а также об использовании инструмента практического осуществления массового изъятия этих самых «излишков земель» у казахов. Сущность этих официальных установок достаточно рельефно выразил министр земледелия А. Наумов в своем письменном обращении к губернаторам областей Степного края в самом разгаре I мировой войны. В нем он откровенно пытался обосновать необходимость передачи переселенцам «на льготных условиях» даже тех участков, которые властями прежде считались «непригодными под земледельческое хозяйство», но «удобны для скотоводства» (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 20. Л. 190б.). На взгляд министра, отныне эти самые «излишки» должны послужить для занятия «недостаточно обеспеченными хозяевами» – русскими крестьянами – скотоводством (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 20. Л. 19). Это означало, что при отводе переселенческих участков теперь должно быть обращено особо внимание на обеспечение переселенцев «пастбищами для расширения скотоводческого хозяйства» (ЦГА РК. Ф. 643. Оп. 1. Д. 20. Л. 19). Иными словами, в новых сложившихся условиях занятие скотоводством русскими крестьянами вовсе не является препятствием для отвода им земельных участков, прежде считавшихся самими властями для этого непригодными. Подобная насильственная по отношению к местному населению аграрная политика царизма привела к резкому сокращению пастбищных и сенокосных угодий скотоводов. В этом вынуждены были признаваться и сами чиновники Переселенческого управления. По их сообщениям, казахи «...владеют очень малым количеством земли – от 1 до 2-3 десятин – и очень слабо обеспечены рабочим скотом, имея часто всего 1-2 лошадей» (ЦГА РК. Ф. И-19. Оп.1. Д. 72. ЛЛ. 24-240б.). Отсюда следовала, с их точки зрения, историческая необходимость и необратимость седентаризации местного населения. На самом же деле власти вовсе не были заинтересованы в массовом переходе кочевников на оседлый образ жизни. Колониальный режим обоснованно опасался того, что, будучи оседлым, местное население само бы обрабатывало землю без какой-либо помощи переселенцев. И это создавало бы дополнительные препятствия на пути реализации переселенческой политики царизма в крае (Кузнецов, 2017: 158). При этом колониальные власти абсолютно не интересовала дальнейшая судьба лишенных земель кочевников.

Отметим, что в этом своем мнении А. Наумов не был одинок (Чиркин, 1907; Хворостанский, 1907 и др.). Он огласил официальную позицию российской короны в отношении аграрной колонизации в Степном крае, откровенно подтвердив насильственный и захватнический характер процесса изъятия земель у казахов – основополагающих естественно-исторических условий жизненного пространства у кочевников. Однако этому плану создания скотоводческого хозяйства русского крестьянства в Степном крае не суждено было сбыться. Причина – у переселенцев практически отсутствовал необходимый социально-экономический опыт эффективной организации жизнеобеспечивающей системы, направленной на рациональную эксплуатацию кормовых и водных ресурсов пастбищных угодий в столь суровых условиях Степного края.

5. Заключение

1896–1917 гг. представляют собой завершающий этап в истории крестьянской колонизации Казахского края. С точки зрения масштабности и результативности в обозначенном выше промежутке времени «крестьянизации» края выделяются две взаимосвязанных между собой стадии: первая охватывает 1896 – середину 1906 г., вторая, заключительная часть рассматриваемого этапа, начинается с июля 1906 г., то есть с момента прихода к власти П.А. Столыпина в качестве главы российского правительства, и завершается в канун октябрьских событий 1917 г. Правда, после преждевременной смерти П.А. Столыпина в 1911 г. темпы и масштабы этого процесса несколько снизились. Однако это событие не стало препятствием для уже далеко зашедшего в это время процесса массового заселения крестьянских семей практически во всех частях территории Казахстана. В канун октябрьских событий 1917 г. было изъято свыше 45 млн десятин плодородных

земель, находившихся в хозяйственном пользовании казахских скотоводов. Для кочевников это было чревато лишением основополагающих естественно-исторических условий. Тем самым был окончательно разрушен веками сложившийся ритм жизнедеятельности кочевого социума.

С точки зрения имперской идеологии, политики и практики колонизации национальных окраин, в том числе и Казахского края, представляется закономерным и то, что неотъемлемым направлением процесса массового заселения крестьянами хозяйственных территорий казахских скотоводов также является насильственная замена прежней топонимики на новую крестьянскую. Массовое утверждение таких квазитопонимов символизировало окончательное укоренение переселенцев на новых территориях.

Казахстан с его обширной территорией и богатыми природными ресурсами действительно представлял для империи огромный интерес не только в экономическом, но и в геополитическом отношении. Дело в том, что тогда в среде представителей военной и политической элиты России всерьез полагали, что территориально граничащий с Казахстаном демографически быстрорастущий на востоке Китай своим возможным проникновением в юго-восточные и восточные регионы Казахстана вполне может представлять «желтую угрозу» и для империи. Сказанное объясняет, почему массовое переселение крестьян на территорию края рассматривалось властями в качестве основного фактора реализации многоцелевого (военного, территориального, экономического и т.д.) геополитического проекта «Азиатская Россия».

6. Благодарности

Статья написана в рамках научного проекта АР 14872289 «Лингвокультурологическое исследование исторических топонимов северных и северо-восточных регионов Казахстана в контексте национальной государственности».

Литература

[Абселемов, 2019](#) – Абселемов С.А. Исследовательский опыт осмысления аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начала XX вв.: историографический опыт // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2019. С. 204–214.

[Абселемов, 2020](#) – Абселемов С.А. Современная российская историография колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 452. С. 108–116.

[Аврех, 1991](#) – Аврех А.Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М.: Политиздат, 1991. 286 с.

[Алимбай и др., 1998](#) – Алимбай Н.А., Муканов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. Алматы: Ғылым, 1998. 234 с.

[Алимбай, 2009](#) – Алимбай Н.А. Кочевая община казахов: проблемы этносоциологической реконструкции // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. Научный журнал. СПб., 2009. № 96. С. 317–326.

[Алимбай, 2010](#) – Алимбай Н.А. Проблемы этносоциологической реконструкции кочевой общины как организационной формы традиционных общественных отношений у казахов / *Казахи России: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции*. В двух томах. Т. 2. Омск: ОмГУ, 2010. С. 7–20.

[Алимбай, 2019](#) – Алимбай Н.А. Семипоколенная экзогамная структура «жетіата» как община-социум (к проблеме совпадения рода и общины у казахов-кочевников) // *Исторический ежегодник (труды ученых ИИиЭ)* / Гл. ред. З.Е. Кабульдинов. Алматы: Ер-Жәнібек, 2019. С. 99–116.

[Алимбай, 2020](#) – Алимбай Н. Семипоколенная экзогамная структура «жетіата» как община-социум (к проблеме совпадения рода и общины у казахов-кочевников) // *Turkic Studies Journal*. 2020. Vol. 23. № 4. С. 7–26.

[Алимбай и др., 2023](#) – Алимбай Нурсан, Кабульдинов З.Е., Смагулов Б.К. Вопросы крестьянской колонизации Степного края в Государственной думе Российской империи (1906–1917 гг.) // *Turkic Studies Journal*. 2023. № 3. С. 7–40.

[Галузо, 1965](#) – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 347 с.

[Государственная дума, 1906](#) – Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия 1-я. Т. 1. Заседания 1-18 (27 апреля – 30 мая 1906 г.). Санкт-Петербург: Государственная типография, 1906. 866 с.

[Государственная дума, 1907](#) – Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. Заседания 1-53 (20 февраля – 2 июня 1907 года). Санкт-Петербург: Государственная типография, 1907.

[Данилевский, 1991](#) – Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии С.А. Вайгачева. М.: Книга, 1991. 574 с.

[История Казахской ССР..., 1949](#) – История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней) / 2-е изд., испр. и доп., 1949. Алма-Ата. Т. 1. 512 с.

- История Казахской ССР..., 1979** – История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Алма-Ата: «Наука» КазССР., 1979. Т. III. 544 с.
- История Казахстана..., 1993** – История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк). Алматы: Дәуір, 1993. 416 с.
- История Казахстана..., 2000** – История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Алма-Ата: Атамұра, 2000. Т. 3. 768 с.
- Кауфман, 1908** – *Кауфман А.А.* Русская община в процессе ее зарождения и роста. М.: Типогр. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 455 с.
- Кузнецов, 2017** – *Кузнецов Д.В.* Колонизационная и землеустроительная политика самодержавия в Степном крае в период проведения Столыпинской аграрной реформы (Часть 2) // *Вестник Омского государственного аграрного университета*. 2017. № 2 (26). С. 153–163.
- Кузнецова, 2001** – *Кузнецова С.И.* Казахстанские ученые о положении русских в Казахстане // *Центральная Азия: десять лет независимости*. 2001. С. 115–126.
- Қазақ ССР тарихы..., 1949** – Қазақ ССР тарихы (ерте заманнан осы күнге дейін) / Өңделіп, толықтыр. 2-басылым. Алматы: АН КазССР, 1949. 528 с.
- Лотман, 1987** – *Лотман Ю.М.* Несколько мыслей о типологии культур // *Языки культуры и проблемы переводимости* / Отв. ред. Б.А. Успенский. М.: Наука, 1987. С. 3-11.
- Любавский, 1909** – *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. Курс, читаемый в Московском университете в 1908–1909 гг. М.: Типо-Литография И.И. Любимова, 1909. 304 с.
- Масанов и др., 2001** – *Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С.* История Казахстана. Народы и культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 600 с.
- Остафьев, 1895** – *Остафьев В.* Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // *ЗЗСО ИРГО*. Омск: Типогр. окруж. штаба, 1895. 62 с.
- Переселение..., 1906** – Переселение в Степной край в 1906 г. (области Акмолинская и Семипалатинская). СПб.: Изд. Переселенч. упр-ния, 1906. Вып. XXVII. 61 с.
- Переселение..., 1911** – Переселение и землеустройство за Уралом (1906–1910 гг.). СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1911. 501 с.
- Петропавловский, 2007** – *Петропавловский Н.* Очерк землевладения // *Вопросы землепользования в казахской этнографии*. Астана: Алтын кітап, 2007. С. 36-55.
- Ремнёв, 2010** – *Ремнёв А.В.* Империя расширяется на восток: «топонимический национализм» в символическом пространстве Азиатской России XIX – начала XX века // *Ofiary imperium – Imperia jako ofiary*. 44 spojżenia = Imperial Victims – Empires as Victims. 44 views / ed. A. Nowak. Warszawa, 2010. Pp. 153-168.
- Ремнев, Суворова, 2017** – *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // *Полития*. 2010. № 3-4. С. 150-191.
- Речь главноуправляющего..., 1907** – Речь главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Б.А. Васильчикова в комиссии Государственной Думы 5 декабря 1907 года // *Вопросы колонизации*. 1907. № 2. 418-425.
- Румянцев, 1910** – *Румянцев П.П.* Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910. 66 с.
- Сафронов, 2011** – *Сафронов С.А.* Перевозка переселенцев в период Столыпинской аграрной реформы // *Вестник ТГУ*. 2011. Вып. 11 (103). С. 309-315.
- Седельников и др., 1903** – *Седельников А.Н., Букейханов А.Н., Чадов С.Д.* Историческая судьба Киргизского края и его культурные успехи / *Россия: полное географическое описание нашего Отечества*. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1903. С. 139-200.
- Столыпин, 2021** – *Столыпин П.А.* «Нам нужна Великая России». Избранные статьи и речи. М.: РИПОЛклассик, 2021. 272 с.
- Суворова, 2017** – *Суворова Н.Г.* Духовное и светское просвещение мусульман-кочевников и новокрещенных в контексте колонизации Степного края (конец XIX – начало XX в.) // *Вестник Омского университета*. Серия «Исторические науки». 2017. № 3 (15). С. 262–270.
- Сулейменов, 1963** – *Сулейменов Б.С.* Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX – начала XX в. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 412 с.
- Сулейменов, Басин, 1981** – *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Казахстан в составе России в XVIII – начале XX в. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1981. 247 с.
- Сысоева, 2009** – *Сысоева Л.Н.* Оформление нормативно-правовой базы Столыпинской аграрной реформы // *Берегня.777. Сова*. 2009. № 1. С. 35-45.
- Тарасова, 2013** – *Тарасова Е.В.* Влияние переселенческого движения на земельные отношения в Степном крае и Туркестане в конце XIX – начале XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. 4 (80) Т. 2. С. 203–206.
- Татарникова, Чуркин, 2020** – *Татарникова А.И., Чуркин М.К.* Аграрная колонизация Западной Сибири и Степного края в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв. // *Genesis: исторические исследования*. 2020. № 1. С. 1-9.

Токмурзаев, 2015 – Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края в контексте государственной переселенческой политики второй половины XIX – начала XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2015. № 1 (33). С. 5-9.

Токмурзаев, 2017 – Токмурзаев Б.С. Казачество как субъект аграрной колонизации Степного края (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 419. С. 165-170.

Токмурзаев, 2019 – Токмурзаев Б.С. Колонизация Степного края в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 438. С. 163-171.

Фризен, 2017 – Фризен Д.Я. Западный Казахстан и аграрная политика Российской империи // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2017. С. 167-172.

Хворостанский, 1907 – Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи // *Вопросы колонизации: периодический сборник*. 1907. № 1. С. 53-104.

Хроника..., 1907 – Хроника переселенческого дела // *Вопросы колонизации*. 1907. № 1. С. 222-303.

Чиркин, 1907 – Чиркин Г. Землеустройство киргиз в связи с колонизацией степи // *Вопросы колонизации: периодический сборник*. 1907. № 2. С. 44-68.

Чуркин, 2016 – Чуркин М.К. Колонизация Степного края Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: историографическая традиция и исследовательские практики // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 406. С. 158-163.

Чуркин, Абселемов, 2020 – Чуркин М.К., Абселемов С.А. Историография «национальной травмы»: аграрная колонизация Степного края в современных исследованиях Республики Казахстан // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 454. С. 173-181.

Шевченко, 2017 – Шевченко В.Н. К вопросу о переселенческой политике на первом этапе Столыпинской аграрной реформы (1906–1910 гг.) // *Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ*. 2017. № 2. С. 162–171.

Щербина, 1902 – Щербина Ф.А. Исследования степных областей // *Труды Императорского вольного экономического общества*. СПб.: Типолитография М.П. Фроловой, 1902. С. 331–339.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Alimbay, Orynbayeva, 2019 – Alimbay N., Orynbayeva G.U. Kazakh Traditional Village in the Works of Russian Scientists (late XIX – early XX century) // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. Pp. 337-347.

Alimbay, Smagulov, 2020 – Alimbay N., Smagulov B.K. Fundamental Changes in the Traditional System of the Kazakhs-Nomads in the Context of the Colonial Policy of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): Factors and Consequences // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 58. Is. 4. Pp. 2765-2776.

Barandov, 1940 – Barandov G. Stolypindjk reaksia. Alma-Ata, 1940. 68 б.

References

Abselemov, 2019 – Abselemov, S.A. (2019). Issledovatel'skiy opyt osmysleniya agrarnoy kolonizatsii Stepnogo kraya vo vtoroy polovine XIX – nachala XX vv.: istoriograficheskiy opyt [Researchers' experience of understanding agrarian colonization of a Steppe region in the late XIX – early XX centuries: historiographic aspect]. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Pp. 204-214. [in Russian]

Abselemov, 2020 – Abselemov, S.A. (2020). Sovremennaya rossyskaya istoriografiya kolonizatsii Stepnogo kraya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Modern russian historiography of colonization of the steppe region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tom'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 452: 108-116. [in Russian]

Alimbay i dr., 1998 – Alimbay, N.A., Mukanov, M.S., Argynbayev, Kh. (1998). Traditsionnaya kultura zhizneobespecheniya kazakhov. Ocherki teorii i istorii [Traditional culture of life support of the Kazakhs. Essays on theory and history]. Almaty. 234 p. [in Russian]

Alimbay i dr., 2023 – Alimbay, N., Kabuldinov, Z.E., Smagulov, B.K. (2023). Voprosy krestyanskoj kolonizatsii Stepnogo kraya v Gosudarstvennoy dume Rossyskoj imperii (1906–1917 gg.) [Issues of peasant colonization of the Steppe region in the State Duma of the Russian Empire (1906–1917)]. *Turkic Studies Journal*. 3: 7-40. [in Russian]

Alimbay, 2009 – Alimbay, N.A. (2009). Kochevaya obshchina kazakhov: problemy etnosotsiologicheskoy rekonstruktsii [Nomadic community of Kazakhs: problems of ethnosociological reconstruction]. *Izvestiya Rossyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. Nauchny zhurnal*. St. Petersburg. Pp. 317-326. [in Russian]

Alimbay, 2010 – Alimbay, N.A. (2010). Problemy etnosotsiologicheskoy rekonstruktsii kochevoy obshchiny kak organizatsionnoy formy traditsionnykh obshchestvennykh otnosheny u kazakhov [Problems of ethnosociological reconstruction of the nomadic community as an organizational form of traditional social relations among the Kazakhs]. *Kazakhi Rossii: istoriya i sovremennost. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. V dvukh tomakh*. Omsk. Pp. 7-20. [in Russian]

Alimbay, 2019 – Alimbay, N.A. (2019). Semipokolennaya ekzogamnaya struktura «zhetiata» kak obshchina-sotsium (k probleme sovpadeniya roda i obshchiny u kazakhov-kochevnikov) [The seven-generation exogamous structure of “zhetiata” as a community-society (to the problem of the coincidence of

clan and community among Kazakh nomads)]. *Istorichesky ezhegodnik (trudy uchenykh IIIE)*. Gl. red. Z.E. Kabul'dinov. Almaty. Pp. 99-116. [in Russian]

Alimbay, 2020 – *Alimbay, N.* (2020). Semipokolennaya ekzogamnaya struktura «zhetiata» kak obshchina-sotsium (k probleme sovpadeniya roda i obshchiny u kazakhov-kochevnikov) [The seven-generation exogamous structure of the «zhetiata» as a community-society (to the problem of the coincidence of family and community among Kazakh nomads)]. *Turkic Studies Journal*. 23(4): 7-26. [in Russian]

Alimbay, Orynbayeva, 2019 – *Alimbay, N., Orynbayeva, G.U.* (2019). Kazakh Traditional Village in the Works of Russian Scientists (late XIX – early XX century). *Bylye Gody*. 51(1): 337-347.

Alimbay, Smagulov, 2020 – *Alimbay, N., Smagulov, B.K.* (2020). Fundamental Changes in the Traditional System of the Kazakhs-Nomads in the Context of the Colonial Policy of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries): Factors and Consequences. *Bylye Gody*. 58(4): 2765-2776.

Avrekh, 1991 – *Avrekh, A.Ya.* (1991). Stolypin i sudby reform v Rossii [Stolypin and the fate of reforms in Russia]. Moscow. 286 p. [in Russian]

Barandov, 1940 – *Barandov, G.* (1940). Stolypindjk reakcia [Stolypin reaction]. Alma-Ata. 68 p. [in Kazakh]

Chirkin, 1907 – *Chirkin, G.* (1907). Zemleustroystvo kirgiz v svyazi s kolonizatsiyey stepi [Land management of the Kyrgyz in connection with the colonization of the steppe]. *Voprosy kolonizatsii: periodichesky sbornik*. 2: 44-68. [in Russian]

Churkin, 2016 – *Churkin, M.K.* (2016). Kolonizatsiya Stepnogo kraya Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale KhKh v.: istoriograficheskaya traditsiya i issledovatelskiye praktiki [Colonization of the Steppe region of Western Siberia in the second half of the 20th – early 20th centuries: historiographic tradition and research practices]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 406: 158-163. [in Russian]

Churkin, Abselemov, 2020 – *Churkin, M.K., Abselemov, S.A.* (2020). Istoriografiya «natsionalnoy travmy»: agrarnaya kolonizatsiya Stepnogo kraya v sovremennykh issledovaniyakh Respubliki Kazakhstan [The Historiography of the “National Trauma”: The agricultural Colonization of the Steppe Region in the modern studies of the Republic of Kazakhstan]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 454: 173-181. [in Russian]

Danilevsky, 1991 – *Danilevsky, N.Ya.* (1991). Rossiya i Yevropa [Russia and Europe]. Sost., poslesloviye i komentarii S.A.Vaygacheva. Moscow, 574 p. [in Russian]

Frizen, 2017 – *Frizen, D.Ya.* (2017). Zapadnyy Kazakhstan i agrarnaya politika Rossyskoy imperii [Western Kazakhstan and the agrarian policy of the Russian Empire]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Pp. 167-172. [in Russian]

Galuzo, 1965 – *Galuzo, P.G.* (1965). Agrarnye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867–1914 gg. [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867–1914]. Alma-Ata. 347 p. [in Russian]

Gosudarstvennaya дума, 1906 – Gosudarstvennaya дума. Stenograficheskiye otchety. 1906 god. Sessiya 1-ya. T. 1. Zasedaniya 1-18 (27 aprelya – 30 maya 1906 g.) [The State Duma. Verbatim reports, 1906 – State Duma. Verbatim reports. 1906 Session 1. Vol. 1. Sessions 1-18 (April 27 – May 30, 1906)]. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1907. [in Russian]

Gosudarstvennaya дума, 1907 – Gosudarstvennaya дума. Ukazatel k stenograficheskim otchetam. Vtoroy sozyv. Zasedaniya 1-53 (20 fevralya – 2 iyunya 1907 goda) [The State Duma. Index to verbatim reports, 1907 – State Duma. Index to verbatim reports. Second convocation. Sessions 1-53 (February 20 – June 2, 1907)]. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1907. [in Russian]

Istoriya Kazakhskoy SSR..., 1949 – Istoriya Kazakhskoy SSR (s drevneyshikh vremen do nashikh dney) [History of the Kazakh SSR (from ancient times to the present day)] (1949). Alma-Ata. Part. 1. 512 p. [in Russian]

Istoriya Kazakhskoy SSR..., 1979 – Istoriya Kazakhskoy SSR (s drevneyshikh vremen do nashikh dney dney). V pyati tomakh [History of the Kazakh SSR (from ancient times to the present day)] (1979). Alma-Ata: Nauka KazSSR. Part. III. 544 p. [in Russian]

Istoriya Kazakhstana..., 1993 – Istoriya Kazakhstana s drevneyshikh vremen do nashikh dney (ocherk) [History of the Kazakhstan (from ancient times to the present day (essay))] (1993). Almaty: Daur. 416 p. [in Russian]

Istoriya Kazakhstana..., 2000 – Istoriya Kazakhstana (s drevneyshikh vremen do nashikh dney dney). V pyati tomakh. [History of the Kazakh SSR (from ancient times to the present day)]. Almaty: Atamura, 2000. Part. 3. 768 p. [in Russian]

Kaufman, 1908 – *Kaufman, A.A.* (1908). Russkaya obshchina v protsesse eye zarozhdeniya i rosta [The Russian community in the process of its origin and growth]. M.: Tipogr. T-va I.D. Sytina. 455 p. [in Russian]

Kazak SSR tarikhy..., 1949 – Kazak SSR tarikhy (erte zamannan osy kunge deyin) [History of Kazakhstan from ancient times to the present day]. Ændelip, tolyktyr. 2-basylym. Almaty: AN KazSSR, 1949. 528 p. [in Kazakh]

Khronika..., 1907 – Khronika pereselencheskogo dela [Chronicle of the resettlement case]. *Voprosy kolonizatsii*. 1907. 1: 222-303. [in Russian]

- Khvorostansky, 1907** – Khvorostansky, P. (1907). Kirgizsky vopros v svyazi s kolonizatsiyey stepi [The Kyrgyz question in connection with the colonization of the steppe]. *Voprosy kolonizatsii: periodicheskyy sbornik*. 1: 53-104. [in Russian]
- Kuznetsov, 2017** – Kuznetsov, D.V. (2017). Kolonizatsionnaya i zemleustroitel'naya politika samoderzhaviya v Stepnom kraye v period provedeniya Stolypinskoy agrarnoy reformy (Chast 2) [The colonization and land management policy of the autocracy in the Steppe region during the period of the Stolypin agrarian reform (Part 2)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2(26): 153-163. [in Russian]
- Kuznetsova, 2001** – Kuznetsova, S.I. (2001). Kazakhstanskiye uchenye o polozhenii russkikh v Kazakhstane [Kazakh scientists about the situation of Russians in Kazakhstan]. *Tsentral'naya Aziya: desyat let nezavisimosti*. Pp. 115-126. [in Russian]
- Lotman, 1987** – Lotman, Yu.M. (1987). Neskolko mysley o tipologii kultur [A few thoughts on the typology of cultures]. *Yazyki kultury i problemy perevodimosti*. Otv. red. B.A. Uspensky. Moscow. Pp. 3-11. [in Russian]
- Lyubavsky, 1909** – Lyubavsky, M.K. (1909). Istoricheskaya geografiya Rossii v svyazi s kolonizatsiyey. Kurs, chitayemy v Moskovskom universitete v 1908–1909 gg. [Historical geography of Russia in connection with colonization. Course taught at Moscow University in 1908–1909]. Moscow. 304 p. [in Russian]
- Masanov i dr., 2001** – Masanov, N.E., Abylkhozhin, Zh.B., Yerofeyeva, I.V., Alekseyenko, A.N., Baratova, G.S. (2001). Istoriya Kazakhstana. Narody i kultury [History of Kazakhstan. Peoples and cultures]. Almaty: Dayk-Press. 600 p. [in Russian]
- Ostafyev, 1895** – Ostafyev, V. (1895). Kolonizatsiya stepnykh oblastey v svyazi s voprosom o kochevom khozyaystve [Colonization of the steppe regions in connection with the issue of nomadic farming]. *ZZSO IRGO*. Omsk. 62 p. [in Russian]
- Pereseleniye..., 1906** – Pereseleniye v Stepnoy kray v 1906 g. (oblasti Akmolinskaya i Semipalatinskaya) [Resettlement to the Steppe Territory in 1906 (Akmola and Semipalatinsk regions)] (1906). St. Petersburg. Vyp. XXVII. 61 p. [in Russian]
- Pereseleniye..., 1911** – Pereseleniye i zemleustroystvo za Uralom (1906–1910 gg.) [Resettlement and land management beyond the Urals (1906–1910)]. St. Petersburg. 1911. 501 p. [in Russian]
- Petrovavlovsky, 2007** – Petrovavlovsky, N. (2007). Ocherk zemlevladieniya [Essay on land tenure]. *Voprosy zemlepolzovaniya v kazakhskoy etnografii*. Astana. Pp. 36-55. [in Russian]
- Rech glavnoupravlyayushchego..., 1907** – Rech glavnoupravlyayushchego zemleustroystvom i zemledeliyem knyazya B.A. Vasilchikova v komissii Gosudarstvennoy Dumy 5 dekabrya 1907 goda (1907) [Speech of the chief manager of land management and agriculture, Prince B.A. Vasilchikov in the commission of the State Duma on December 5, 1907]. *Voprosy kolonizatsii*. 2: 418-425. [in Russian]
- Remnev, Suvorova, 2010** – Remnev, A.V., Suvorova, N.G. (2010). Upravlyaemaya kolonizatsiya i stikhynye migratsionnye protsessy na aziatskikh okrainakh Rossyskoy imperii [Managed colonization and spontaneous migration processes on the Asian outskirts of the Russian Empire]. *Politiya*. 3–4: 150-191. [in Russian]
- Remnyov, 2010** – Remnyov, A.V. (2010). Imperiya rasshiraetsya na vostok: «toponimichesky natsionalizm» v simvolicheskom prostranstve Aziatskoy Rossii XIX – nachala XX veka [The Empire is expanding to the east: “toponymic nationalism” in the symbolic space of Asian Russia in the 19th – early 20th centuries]. *Ofiary imperium – Imperia jako ofiary. 44 spojrzienia = Imperial Victims – Empires as Victims. 44 views*. Ed. A. Nowak. Warszawa. Pp. 153-168. [in Russian]
- Rumyantsev, 1910** – Rumyantsev, P.P. (1910) Kirgizsky narod v proshlom i nastoyashchem [Kyrgyz people past and present]. St. Petersburg. 66 p. [in Russian]
- Safronov, 2011** – Safronov, S.A. (2011). Perevozka pereselentsev v period Stolypinskoy agrarnoy reformy [Transportation of immigrants during the period of the Stolypin agrarian reform]. *Vestnik TGU*. 11(103): 309-315. [in Russian]
- Sedelnikov i dr., 1903** – Sedelnikov, A.N., Bukeykhanov, A.N., Chadov, S.D. (1903). Istoricheskiye sudbu Kirgizskogo kraja i ego kulturnye uspekhi [Historical fate of the Kyrgyz region and its cultural successes]. *Rossiya: polnoye geograficheskoye opisaniye nashego Otechestva*. St. Petersburg. Pp. 139-200. [in Russian]
- Shcherbina, 1902** – Shcherbina, F.A. (1902). Issledovaniya stepnykh oblastey (1902) [Research of steppe regions]. *Trudy Imperatorskogo volnogo ekonomicheskogo obshchestva*. St. Petersburg. Pp. 331-339. [in Russian]
- Shevchenko, 2017** – Shevchenko, V.N. (2017). K voprosu o pereselencheskoy politike na pervom etape Stolypinskoy agrarnoy reformy (1906–1910 gg.) [On the issue of resettlement policy at the first stage of the Stolypin agrarian reform (1906–1910)]. *Sotsialno-ekonomicheskyy i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 2: 162-171. [in Russian]
- Stolypin, 2021** – Stolypin, P.A. (2021). «Nam nuzhna Velikaya Rossii». Izbrannyye statyi i rechi [“We need a Greater Russia.” Selected articles and speeches]. M.: RIPOLklassik. 272 p. [in Russian]

Suleymenov, 1963 – *Suleymenov, B.S.* (1963). Agrarny vopros v Kazakhstane posledney trety XIX – nachala XX v. [The agrarian question in Kazakhstan in the last third of the 19th – early 20th centuries]. Alma-Ata. 412 p. [in Russian]

Suleymenov, Basin, 1981 – *Suleymenov, B.S., Basin, V.Ya.* (1981). Kazakhstan v sostave Rossii v XVIII – nachale XX v. [Kazakhstan as part of Russia in the 18th – early 20th centuries]. Alma-Ata. 247 p. [in Russian]

Suvorova, 2017 – *Suvorova, N.G.* (2017). Dukhovnoye i svetskoye prosveshcheniye musulman-kochevnikov i novokreshchyonykh v kontekste kolonizatsii Stepnogo kraya (konets XIX – nachalo XX v.) [Spiritual and secular education of Muslim nomads and newly baptized people in the context of the colonization of the Steppe region (late 20th – early 20th century)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki»*. 3(15): 262-270. [in Russian]

Sysoyeva, 2009 – *Sysoyeva, L.N.* (2009). Oformleniye normativno-pravovoy bazy Stolypinskoy agrarnoy reformy [Registration of the legal framework of the Stolypin agrarian reform]. *Bereginya. 777. Sova. 1*: 35-45. [in Russian]

Tarasova, 2013 – *Tarasova, Ye.V.* (2013). Vliyaniye pereselencheskogo dvizheniya na zemelnye otnosheniya v Stepnom kraye i Turkestane v kontse XIX – nachale XX v. [The influence of the resettlement movement on land relations in the Steppe region and Turkestan at the end of the 20th – beginning of the 20th centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 2. 4(80)*: 203-206. [in Russian]

Tatarnikova, Churkin, 2020 – *Tatarnikova, A.I., Churkin, M.K.* (2020). Agrarnaya kolonizatsiya Zapadnoy Sibiri i Stepnogo kraya v obshchestvenno-politicheskom diskurse vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. [Agrarian colonization of Western Siberia and the Steppe region in the socio-political discourse of the second half of the 20th – early 20th centuries]. *Genesis:istoricheskiye issledovaniya. 1*: 1-9. [in Russian]

Tokmurzayev, 2015 – *Tokmurzayev, B.S.* (2015). Agrarnaya kolonizatsiya Stepnogo kraya v kontekste gosudarstvennoy pereselencheskoy politiki vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Agrarian colonization of the Steppe region in the frame of the state migration policy in the second half of XIX – early XX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 1(33)*: 5-9. [in Russian]

Tokmurzayev, 2017 – *Tokmurzayev, B.S.* (2017). Kazachestvo kak subyekt agrarnoy kolonizatsii Stepnogo kraya (vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh v.) [Cossacks as the subject of agrarian colonization of the steppe territory (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 419*: 165-170. [in Russian]

Tokmurzayev, 2019 – *Tokmurzayev, B.S.* (2019). Kolonizatsiya Stepnogo kraya v obshchestvenno-politicheskom diskurse vtoroy poloviny XIX – nachala KhKh V. [Colonisation of the Steppe Krai in the socio-political discourse of the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 438*” 163–171. [in Russian].

TsGA RK – Tsentralny gosudarstvenny arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan].

Усиление крестьянской колонизации Казахского края в период столыпинской аграрной реформы (1906–1917 гг.)

Нурсан Алимбайұлы Алимбай ^{a, *}, Анар Муратовна Фазылжанова ^b,
Болат Кудайбергенович Смагулов ^a, Кыздархан Курмашқызы Рысберген ^b

^a Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Республика Казахстан

^b Институт языкознания имени Ахмета Байтурсынулы Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Республика Казахстан

Аннотация. В статье исследуются масштабы и направленность крестьянской колонизации Казахстана, рассматриваемой авторами как главное направление Столыпинской аграрной политики в Казахском крае. Как свидетельствуют источники, более организованный характер и доселе невиданная масштабность крестьянской колонизации края в рассматриваемое время объясняется мощной государственной поддержкой, активно инициированной самим П.А. Столыпиным и лично контролируемой им на правительственном уровне. Даже преждевременная смерть П.А. Столыпина, произошедшая в 1911 г., не помешала реализации его планов по «крестьянизации» территорий казахских скотоводов вплоть до октябрьских событий 1917 г. Правда, темпы и география данного процесса в постстолыпинское время несколько снизились. Тем не менее поставленная имперскими

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: burgan555@gmail.com (Н.А. Алимбай), nar20@bk.ru (А.М. Фазылжанова), bolat_alemdar@mail.ru (Б.К. Смагулов), ms.rysbergen@mail.ru (К.К. Рысберген)

властями цель массового заселения крестьянских семей из различных регионов империи на территории Степного края практически была достигнута. Общая площадь изъятых у казахов земель к 1917 г. составила более 45 млн десятин. Данный промежуток времени авторами рассматривается как заключительная стадия завершающего этапа земельной колонизации края.

Ключевые слова: Казахский край, Степной край, Столыпинская аграрная реформа, крестьянская колонизация, государственная поддержка, география массового заселения крестьян, обратный «исход» крестьян, сопротивление местного населения, «топонимический шовинизм».

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2096-2106
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2096

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Prisoners of War of the First World War in the cities of Eastern Siberia (on the Materials of Kansk from Yenisei Province)

Olesya M. Dolidovich ^{a,*}, Ivan Y. Makarchuk ^a, Oleg G. Alekseev ^a, Mikhail A. Petrov ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The authors investigated the activities of city authorities on the accommodation, maintenance and use of prisoners of war labor during the First World War (on the materials of the city of Kansk from Yenisei province). The process of interaction of the city government with the military and civil administration, local population in solving various problems of material and domestic support of prisoners, conditions and efficiency of their labor are analyzed. The arrival of prisoners of war put the authorities and the local population in a difficult situation due to the extremely backward state of the urban economy and infrastructure (lack of free housing, lack of water supply and sewerage, baths and laundries, etc.). Prisoner of war labor was used mainly in such areas as public works and road repair, but on a limited scale due to the shortage of city finances (prisoners had to be transported to the place of work, fed and provided with clothes and shoes in season, tools, guards, returned unsuitable for work, etc.). In general, labor was unproductive and did not contribute to the solution of any important economic or defense tasks due to the lack of large-scale industrial production in the city.

Keywords: prisoners of war, Eastern Siberia, city government, Yenisei province, Irkutsk military district, Kansk, First World War.

1. Введение

В годы Первой мировой войны на территории Российской империи в плену оказалось более 2,3 млн солдат и офицеров вражеских армий. Первоначально власти планировали размещать пленных на территории воинских частей, где освобождались казармы после отправки на фронт маршевых рот. Однако большая численность и отсутствие достаточного количества казарм заставили изменить эти планы и направить часть из них в города. Органы городского самоуправления столкнулись с необходимостью предоставить жилье для пленных и решать многие вопросы по их социально-бытовому обеспечению, а позднее, в связи с нараставшим дефицитом рабочих рук из-за непрерывного оттока мужского трудоспособного населения на фронт, принимать участие в привлечении военнопленных к трудовой занятости.

Включиться в решение проблем военного времени пришлось даже в таком отдаленном от линии фронта тыловом регионе, как Восточная Сибирь, где в военные части близ городов было направлено порядка 105 тыс. человек (Чудаков, 2012: 40). Всего к началу 1915 г. в двух сибирских военных округах (Омском и Иркутском) было размещено 186 тыс. чел. К лету численность пленных значительно возросла: в Омском военном округе – до 152 тыс. чел., Иркутском – 200 тыс. К январю 1917 г. в Омском военном округе находилось 199 тыс. военнопленных, в Иркутском – 135 тыс. (Греков, 1997).

Изучение деятельности органов городского самоуправления по размещению и организации труда военнопленных Первой мировой войны, во-первых, является основой для проведения

* Corresponding author

E-mail addresses: dolidovich@mail.ru (O.M. Dolidovich), imakarchuk@sfu-kras.ru (I.Y. Makarchuk), fukidid2007@yandex.ru (O.G. Alekseev), mipet@yandex.ru (M.A. Petrov)

широкого сопоставительного анализа положения военнопленных как в отдельных регионах Российской империи, так и в различных странах-участницах военных действий, а во-вторых, позволяет составить целостное представление о функционировании восточносибирских городов в этот период.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют делопроизводственные материалы и периодическая печать. Первые включают документы, сосредоточенные в Государственном архиве Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация). В фонде Канской городской управы (Ф. 921) хранится переписка с городским головой Т.Д. Леоновым (1913–1917 гг.), енисейскими губернаторами И.И. Крафтом (июль – сентябрь 1914 г.), И.В. Хозиковым (январь – август 1915 г.) и Я.Г. Гололобовым (октябрь 1915 г. – март 1917 г.), енисейским губернским комиссаром В.М. Крутовским (март – декабрь 1917 г.), начальником гарнизона Канска, командиром 16-го Сибирского стрелкового полка полковником Новиковым, а также Штабом Иркутского военного округа. В фонде Коменданта лагеря военнопленных Канского гарнизона (Ф. Р–1778) сосредоточена отчетность заведующего хозяйственной частью Берклера по вопросам финансово-хозяйственной деятельности (счета, квитанции, расписки, приходно-расходные тетради, рапорты, списки военнопленных, получавших денежное, табачное довольствие, мыло и др.).

Периодическая печать («Вестник Красноярского городского общественного управления», «Сибирская жизнь») освещала наиболее острые вопросы, стоявшие перед сибирскими городами в военный период: продовольственный и топливный кризисы, дефицит бюджетов, необходимость оказывать помощь семьям призванных и принимать беженцев и др. В числе прочего рассматривались различные аспекты размещения, бытового обеспечения пленных, привлечения их к общественным работам: приводились разъяснения вышестоящих властей на этот счет, давалось описание опыта других городов, обсуждались сферы применения и системы оплаты труда.

В процессе анализа материалов применялись методы: историко-генетический и историко-системный. Историко-генетический метод позволил анализировать деятельность органов городского самоуправления Канска в период от прибытия военнопленных в конце сентября 1914 г. по октябрь 1917 г., когда часть из них оказалась втянутой в разворачивавшуюся гражданскую войну, другим удавалось вернуться на родину самовольно или в ходе репатриации. На основе историко-системного метода рассматривалось влияние пленных на жизнь горожан в контексте социально-экономического развития Канска.

3. Обсуждение

В современной историографии наблюдается устойчивый интерес как к правовому положению и общим условиям содержания иностранных военнопленных на территории Российской империи в годы Первой мировой войны (Ниманов, 2009; Gatrell, 2011; Нахтигаль, 2014; Белова, 2014; Повалишникова, Захарова, 2020 и др.), так и особенностям их быта и повседневной жизни в отдельных регионах (Иконникова, 2004; Суржилова, 2005; Липина, 2011 и др.). Исследователи констатируют сложное и многоаспектное влияние военнопленных на городскую среду: они меняли численный и национальный состав населения, создавали проблему перенаселения и дефицита жилья, роста цен на продовольствие. Отношение со стороны горожан к пленным включало как сочувствие к их тяжелым жизненным обстоятельствам, так и недовольство тем, что они составляли конкуренцию в получении работы (Семенова, 2010: 110).

Широко представлены исследования, освещающие положение военнопленных в Сибири. Показано, что особенности их содержания были обусловлены суровыми природно-климатическими условиями, а режим пребывания в концентрационных лагерях был менее строгим, чем в Центральной России (Греков, 1997; Букин, Долголюк, 2000; Гордеев, 2002; Гергилева, 2007). В трудах, выполненных на материалах Западной Сибири, описано формирование негативного образа врага у членов городских самоуправлений при взаимодействии с военнопленными: они стесняли горожан, занимая жилые помещения, усугубляли проблему дороговизны жизни, повышали опасность эпидемий (Чудаков, 2012; Талапин, 2017; Голодяев, 2022 и др.). В ряде статей о пребывании военнопленных в Восточной Сибири отмечается, что значительная удаленность от линии фронта, давняя привычка сибиряков принимать ссыльных сказывалась и на их отношении к пленным. Режим содержания был «мягким и либеральным», наблюдалось его ослабление к 1917 г. (Павлова, Ивлева, 2013; Шапкин и др., 2014; Федорова, 2014; Ануфриев, Трофименко, 2017; Ануфриев, Козлов, 2019 и др.).

Тем не менее, к категории малоисследованных относится целый комплекс вопросов, связанных с пребыванием военнопленных в уездных городах различных регионов Российской империи: уровень смертности во время транспортировки к местам пребывания, медицинское обслуживание, бытовые условия содержания, отношение к местным жителям и труду, факторы протестных действий, возможности связи с родиной, волнения и побег и др.

4. Результаты

Условия размещения и содержания военнопленных

Накануне войны население Канска составляло 17,5 тыс. человек. Город располагался в центре большого сельскохозяйственного уезда, являлся скорее административным и стратегическим пунктом, нежели центром торгово-промышленного развития. Основными занятиями жителей были земледелие, скотоводство, торговля и промыслы. Крупные промышленные предприятия отсутствовали, развивалось лишь базировавшееся на продукции местного сельского хозяйства производство: несколько кожевенных, два свечных, мыловаренное, лесопильное, винное и пивоваренное заведения. Важное значение для развития города имела торговля хлебом и скотом. Размер годового бюджета составлял 300 тыс. руб. (*Памятная книжка..., 1915: 67*).

Рядом с Канском находился военный городок, где был расквартирован 32-й Сибирский стрелковый полк. С началом военных действий полк отбыл на Северо-Западный фронт в составе III Сибирского армейского корпуса. В Канске сформировали запасной 16-й Сибирский стрелковый полк, который осуществлял мобилизацию, готовил пополнения для действующей армии и направлял их на фронт в составе маршевых рот, вел приемку лошадей от населения (*Симонов, 2018*).

В начале сентября 1914 г. городская управа Канска получила распоряжение губернатора И.И. Крафта, в свою очередь выполнявшего предписание Начальника Штаба Иркутского военного округа П.И. Аверьянова выяснить, какое количество военнопленных было возможно разместить в Канске. Городское самоуправление должно было подыскать отапливаемые помещения для проживания, а также обеспечить их освещение. Для компенсации этих расходов военное ведомство выплачивало на каждого пленного «квартирный оклад» (10 руб. 50 коп. в год).

Два первых поезда с пленными (всего 1 866 человек) прибыли 29 сентября 1914 г. В январе 1915 г. в городскую управу пришел запрос полковника Новикова о том, существовала ли возможность перевести из военного городка в Канск еще 150 человек. Последовал ответ, что свободных помещений больше не было. Всего к апрелю 1915 г. прибыло 5 000 военнопленных, из них непосредственно в Канске управа смогла разместить порядка 2 000 человек. В спешном порядке возводился концентрационный лагерь, куда постепенно переводили пленных. К октябрю 1919 г. в Канском лагере военнопленных насчитывалось порядка 2 500 человек. Необходимо отметить, что численность военнопленных в городах можно установить лишь приблизительно, потому что им часто меняли места расквартирования (*ГАКК. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 2. Л. 425-462*).

Следует также учитывать, что осенью 1915 г. в города Енисейской губернии стали прибывать беженцы. И, хотя значительное число беженцев предпочитало оставаться в Красноярске и Красноярском уезде (5,4 тыс. человек), рассчитывая в скором времени вернуться на родину, часть из них проследовала и в уездные города. Канску пришлось принять порядка 4,5 тыс. человек. Беженцев вначале размещали на переселенческом пункте, а затем, как и военнопленных – в общественных зданиях, кинотеатрах, бараках, для них арендовали частные дома. В 1916 г. часть беженцев направили в сельскую местность и расквартировали в деревнях.

Владельцы частных домов, которых управа принудила предоставить помещения для пленных, ссылаясь на обязательное распоряжение губернатора, проявляли недовольство. Они направляли в городскую управу прошения на выплату компенсаций, поскольку потеряли доход от сдачи квартир. Кроме того, на них ложились определенные расходы, так как для пленных, которых селили казарменным порядком, требовалось оборудовать дополнительные клозеты, выгребные ямы и т. п., было понятно, что после их выселения придется делать ремонт. Для того, чтобы приспособить для проживания ранее нежилые помещения также требовалось вкладывать определенные средства (установить печи, нары, утеплить окна, двери и т.д.).

При расселении пленных требовалось соблюдать определенные требования военных властей. Например, офицеров следовало размещать отдельно от нижних чинов, индивидуально или небольшими группами. Именно их в первую очередь направляли в город на частные квартиры либо в небольшие казарменные помещения. Славян, которые относились к России дружелюбно, следовало обособлять от немцев и австро-венгерских подданных. По просьбе Союза Чешско-Словенских обществ им предоставлялись некоторые льготы (прогулки по воскресеньям, посещения соотечественников и др.) (*Положение о военнопленных, 1914*).

Все расходы по содержанию военнопленных производились из специального военного фонда. На покрытие издержек городской голова и командир 16-го Сибирского стрелкового полка могли брать кредиты (первый – на оплату аренды домов и помещений через Енисейское губернское управление, второй – на их отопление и освещение через Иркутское интендантское управление). Так, уже в сентябре 1914 г. городской голова Канска запросил первый кредит в размере 30 000 руб. на оплату жилья, а командир 16-го Сибирского стрелкового полка – 1 000 руб. для расчетов за дрова, которые шли на приготовление пищи (*ГАКК. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 1*).

Спорным стал вопрос о том, кто должен доставлять питьевую воду для пленных. Обычно каждая воинская часть имела собственных лошадей и бочки, доставкой воды занимались нижние чины. В Канском военном городке «водовозных средств» было недостаточно, поэтому управа вынужденно наняла 4 водовозов с оплатой в 20 руб. каждому, использовала 4 пожарных лошадей.

Одновременно городской голова обратился к губернатору за разъяснениями: если доставка воды для пленных вменялась в обязанность, городу требовалось приобрести собственные обозы, потому что частные водовозы просили дорого. Согласно распоряжению губернатора, за доставку воды и соломы (ее стелили на пол в помещениях) для военнопленных отвечало военное начальство, а не городское общественное управление (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 262. Л. 7).

Оплата продовольствия и приготовление пищи для пленных также находились в ведении военного ведомства. Нормы довольствия должны были быть едиными по всей стране, пленным полагался такой же паек, как и русским солдатам: «На питание русского солдата перед войной в день отпускалось 3 фунта (1 фунт ≈ 409,5 г) хлеба, 32 золотника (1 золотник ≈ 4,3 г) крупы и «приварочные деньги» в таком количестве, что на них можно было купить 3/4 фунта мяса. Кроме того, полагался чай – 48 золотников с 6 фунтами 24 золотниками сахара на 100 чел. в день» (Еремин, 2007: 260). Однако на практике нормы довольствия нигде не выдерживались, во-первых, варьировались в зависимости от местных условий, а во-вторых, неоднократно сокращались на протяжении войны в связи с нарастающими продовольственными проблемами в стране (для экономии мяса были введены два постных дня в неделю, с 1916 г. мясо заменялось яйцами и соленой рыбой, чай заменялся кипятком и т.д.).

Несмотря на сокращение пайкового довольствия, в целом значительных перебоев со снабжением военнопленных на протяжении изучаемого периода в Восточной Сибири не происходило, потому что закупка и доставка продовольствия осуществлялась через интендантство и в первоочередном порядке. Так, в середине июля 1916 г. смотритель Канского продовольственного магазина Бутенко писал в городскую управу с просьбой указать, на какой срок ему необходимо «растянуть» наличные продукты. Из управы пришел ответ, что точного учета запасов продовольствия для военнопленных не велось. Ощущалась нехватка лишь некоторых продуктов (сахара, сала), других (муки) было достаточно (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 262. Л. 45).

Улучшить свое питание путем покупки продуктов на городских базарах могли офицеры, которым полагалось жалование (50–100 руб. в месяц в зависимости от чина). Многие пленные получали денежные переводы из дома, кроме того, определенную помощь оказывали подразделения Красного Креста (например, Германия перечисляла средства своим подданным через нейтральную Швецию) (Шапкин и др., 2014). Так, германские и турецкие солдаты и офицеры из лагеря военнопленных в Канске ежемесячно получали пособия от Шведского Красного креста. Возглавлявший Германский офицерский комитет лагеря капитан Клейн вел переписку с делегатом Королевского Шведского консульства Лунделлем, деньги переводились через казначейство или Государственный банк, в ответ отправлялись ведомости с подписями получателей. Кроме того, купить продовольствие могли получавшие жалование пленные, обслуживавшие лагерь Канского гарнизона (писари, посыльные, сторожа, конюхи, хлебопеки и др. 40–50 человек), а также те, кто привлекался к различным работам в городе (ГАКК. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 1).

Тот факт, что военнопленные покупали продукты на городских базарах, горожане оценивали негативно, считали, что это способствовало росту цен и возникновению дефицита. Городское население Енисейской губернии в 1916 г. уже вполне явственно ощущало продовольственный кризис. Вследствие расстройств железнодорожного транспорта и сокращения подвоза продовольствия из Западной Сибири и губерний Европейской России, усиленного вывоза из региона мяса и фуража для армии, скопления в городе большого количества войск и беженцев, цены на продукты питания выросли на 100 % и более (мясо, картофель и др.), а в отношении некоторых продуктов начался дефицит (сахар).

Весной 1916 г. особенно напряженная ситуация складывалась в губернском центре – Красноярске. Красноярский городской голова даже обратился к главам Енисейска, Минусинска и Канска с просьбой помочь разгрузить город от военнопленных. Однако отовсюду получил отказы, аргументированные тем, что население, как уездных городов, так и пригородов малочисленно, свободных квартир не было, привоз продуктов на рынки незначителен, цены стояли высокие. При таких условиях размещение в дополнительных партиях военнопленных особенно в зимнее время могло создать «картину нежелательную», «тяжелый продовольственный кризис», с которым городские власти не справятся (Хроника, 1916).

По прибытии военнопленных встал вопрос о санитарно-гигиеническом содержании помещений, которые они занимали. В Канске не было водопровода и канализации, в связи с ростом числа жителей потребовалось увеличить расходы на ассенизационный обоз. В марте 1915 г. начальник гарнизона Канска полковник Новиков пожал жалобу Енисейскому губернатору о том, что, несмотря на неоднократные требования, городская управа не направляла рабочих на очистку дворов, отхожих мест и помойных ям: «Не ручаюсь за то, что ввиду уже наступившего теплого времени среди военнопленных возможно развитие эпидемических заразных болезней. Прошу Ваше Превосходительство принудить городскую управу в немедленному исполнению моих законных требований» (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 262. Л. 33). Губернатор направил соответствующее предписание городскому голове, тот ответил, что некоторая задержка в этом вопросе была связана с нехваткой рабочих рук и сильными морозами до марта месяца, обещал все исправить в кратчайшие сроки.

На деле же общее санитарное состояние города было близким к катастрофическому. Весной 1915 г. по поручению Комитета общественного здоровья врачи Рождественский и Кибардин осуществили осмотр городских площадей, дворов общественного самоуправления и усадеб жителей и пришли к заключению: «Весь он [город] в окружности обложен наземом [смесь помета домашних животных с соломой], отбросами и экскрементами; на площадях жижи навоза, во дворах навоз» (Канск, 1915: 3). Врачи вынесли ряд предписаний относительно мероприятий, которые следовало срочно предпринять: самое главное, устроить дешевую или лучше бесплатную общественную баню и такую же прачечную, так как в Канске имела лишь одна частная баня, которую посещали и горожане, и пленные, и солдаты, она «могла послужить источником распространения заразы»; организовать наблюдательный пункт; оборудовать дезинфекционную камеру; сделать запас вакцин (брюшнотифозной, дизентерийной и холерной); открыть инфекционное отделение при городской больнице; организовать дешевые чайные и столовые и установить в общественных помещениях баки с кипяченой питьевой водой.

Посовещавшись, городские гласные пришли к выводу, что в полной мере реализовать план мероприятий, намеченный Рождественским и Кибардиным, невозможно ввиду дефицита средств. Дума поручила управе отремонтировать городскую баню на берегу Кана, определив ее для отдельного пользования пленных и солдат, а также обратиться к начальнику гарнизона с просьбой предоставить пленных для работ по очистке и осушению городских улиц. На время ремонта в летний период пленным разрешалось купаться в реке. Летом 1915 г. городской голова попросил начальника канского гарнизона соблюдать некоторые правила при организации таких купаний: «Члены городской управы наблюдали, что военнопленные огромными партиями купаются и одновременно моют белье выше единственной водочерпии для всего города на реке Кан. Кроме того, часть военнопленных купается и тоже моет белье в протоке и на Кану, в районе острова. То и другое явление, во всяком случае, нежелательно, так как, помимо нарушения общественной благопристойности, это и антигигиенично, поэтому городская управа просит запретить купаться военнопленным в районе города и на острове» (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 286. Л. 5).

Медицинскую помощь военнопленные могли получить в больницах, количество которых и возможности были весьма ограниченными. Накануне войны городской голова Бобров отмечал: «Канск чрезвычайно плохо обставлен лечебными заведениями» (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 232. Л. 38об.). В исследуемый период имела больница на 40 кроватей и амбулаторная лечебница, обслуживавшие не только город, но и уезд, перегруженные горожанами и крестьянами окрестных сел. Прием вели всего 8–10 врачей (городской, переселенческой, уездной и частнопрактикующие) (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 289. Л. 2). Разумеется, в таких обстоятельствах и местные жители не могли получить качественную и своевременную медицинскую помощь. Военнопленные зачастую уже прибывали в город ослабленными или больными вследствие условий транспортировки (в вагонах для скота и грузовых, редко в пассажирских), неадаптированности к суровым природным сибирским условиям. Особенно тяжело приходилось раненым, которым требовались лечение и уход. По прибытии пленных расселяли скученно, среди них часто вспыхивали эпидемические заболевания (Шапкин и др., 2014). Согласно современным исследованиям, достоверной статистики заболеваемости и смертности среди военнопленных в Сибири не существует. Смертность, хотя и была значительной, «не носила массового характера и не являлась результатом целенаправленной политики царских властей» (Военнопленные..., 2009).

Использование труда военнопленных

Идею принудительного привлечения военнопленных к общественным работам обсуждали власти на всех уровнях уже осенью 1914 г. В дальнейшем правительство утвердило ряд положений, регламентирующих использование труда пленных: «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных ведомств» (октябрь 1914 г.); «Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частными обществами» (октябрь 1914 г.); «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» (февраль 1915 г.); «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» (март 1915 г.) и др. (Липина, 2011).

В апреле 1915 г. командующий войсками Иркутского военного округа был уведомлен телеграммой Главного управления Генерального штаба о состоявшемся соглашении министров внутренних дел и военного относительно привлечения военнопленных к работам по благоустройству городских поселений, приведению в порядок земских трактов и т. п. При этом должен был соблюдаться ряд условий: пленных разрешалось посылать на работы лишь в тех населенных пунктах, где они были расселены; к обязательному труду не привлекались офицеры; следовало формировать небольшие партии работников; контроль за качеством и сроками выполнения работ, а также снабжение одеждой и обувью, питание военнопленных и оказание им медицинской помощи возлагался на городские и земские общественные управления; охрана была обязанностью военного ведомства (Применение труда..., 1915; Труд военнопленных..., 1915; Ануфриев, Козлов, 2019).

На запросы губернаторов с мест относительно оплаты первоначально правительство разъясняло, что ведомства и учреждения, в распоряжение которых поступали пленные, могли

самостоятельно назначать им некоторую плату для того, чтобы поощрить к более производительному труду. Затем было установлено следующее правило – 25 % заработной платы пленного перечислялось в пользу казны, оставшуюся сумму делили еще на две части: одна шла на покрытие расходов предприятия, другая выдавалась «обнаружившим усердие в работе» военнопленным (но, не более 20 коп. за каждый рабочий день на человека). В апреле 1916 г. система 25-процентных отчислений в казну была ликвидирована. В августе 1917 г. порядок оплаты труда снова пересмотрели: в зависимости от продуктивности работ и местных расценок на них, на руки пленный мог получить 20–50 коп. за рабочий день; оставшаяся часть суммы, за вычетом всех расходов по содержанию пленного, подлежала сдаче в доход государства.

К лету 1915 г. труд военнопленных использовался во многих городах Западной и Восточной Сибири. Так, городское управление Томска привлекало пленных для ремонта улиц, подъездных путей, строительства дамбы на берегу Томи (до 1 тыс. человек). В Иркутске комиссия по благоустройству города запросила 500 военнопленных для строительства новой дороги, планировки улиц, очистки русла реки Ушаковки, еще 75 человек работали в городском театре, аптеке и кирпичных заводах. В Верхнеудинске городская дума направляла военнопленных на канавные, малярные и плотничьи работы (*Труд военнопленных...*, 1915). Вопрос оплаты вызывал недовольство как самих военнопленных, полагавших, что они получают недостаточно, так и местных жителей, которых возмущал тот факт, что многие предприятия и организации стремились заменить вольнонаемных работников на военнопленных, которым можно было платить гораздо меньше (*Общегородская хроника*, 1915).

Следуя примеру сибирских городов, в апреле 1915 г. городская дума Канска постановила провести дорожные работы силами военнопленных: «Благоустройство города настоятельно требует шоссировки хотя бы главных улиц, которые являются в то же время подъездными путями к станции Канск Сибирской железной дороги. Отсутствие шоссейки в летние месяцы, в дождливое время, обычно вызывает такое состояние улиц, что проезд по ним делается затруднительным» (*ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 232. Л. 38об.*). От енисейского губернатора поступило пояснение, что в соответствии с телеграммой Главного управления Генерального штаба, для получения разрешения на использование труда военнопленных городские власти, частные лица и организации должны были направлять ходатайства начальнику Иркутского военного округа. Управа должна была снабдить пленных теплой одеждой по сезону и обувью. Вопросы охраны во время работ и питания («довольствия») военнопленных и их конвоиров каждый раз решались по соглашению городских и военных властей. Если командир 16 Сибирского стрелкового полка не мог выделить караульных и обед, управа обязалась их охранять и накормить самостоятельно (*ГАКК. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 1. Л. 83*).

О применении труда военнопленных в городском хозяйстве Канска дает представление доклад городского головы Т.Д. Леонова в Енисейское губернское управление от 4 января 1916 г. После получения разрешения начальника Иркутского военного округа городская управа Канска могла ежедневно брать на различные работы до 150 человек. Ежедневно вечером направлялся запрос командиру 16 Сибирского стрелкового запасного батальона Новикову не более, чем 20–50 человек (слесарей, столяров, кузнецов, штукатуров, рубщиков дров и т.д.). Для привлечения к труду большего числа военнопленных требовалось затратить больше средств (на питание, одежду, охрану, транспортировку к местам работы и т.д.), чего не позволял ограниченный бюджет города. Охраняли отряды рабочих нижние чины, командированные из военной части. Оплата труда была как поденной (в зависимости от квалификации: чернорабочему платили 50 коп., штукатуру – по 1 руб.), так и сдельной (например, пильщикам дров – по 3 руб. 30 коп. за кубическую сажень дров), но лишь в размере 50 % местных справочных цен. Сумма делилась на три части: из которых 2/3 сдавались военному начальству и 1/3 выдавалась пленному.

По мнению Т.Д. Леонова, производительность труда пленных не достигала и половины производительности местных рабочих. Одна из причин этого заключалась в том, что требовались люди, хотя бы в небольшой степени знакомые со спецификой предстоявшей деятельности, военное же начальство, не имевшее сведений о гражданских специальностях пленных, отправляло тех, кто вызвался добровольно: «Если, например, управа просила прислать землекопов, то в числе землекопов наполовину оказывались лица, отроду не державшие в руках лопаты. Если управа просила штукатуров, то в числе штукатуров больше половины оказывались лица, не имеющие понятия о штукатурных работах и т.д.» (*ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 286. Л. 33*). Получалось, что качество работ было низким, а стоимость обходилась дороже, чем, если бы нанимались вольнонаемные работники из местных. Сказывался также языковой барьер: приходилось жестами и мимикой объяснять пленным, что именно требовалось сделать, или брать переводчика, который при каждой партии только числился, но не работал.

С течением времени в стране обострялась проблема нехватки рабочих рук. Весной 1915 г. пленных начали отправлять на сельскохозяйственные работы. До 50 % от заработка шло на покрытие издержек по их содержанию и охране (охранять должна была полиция). Продолжительность рабочего дня и питание устанавливались такими же, как и у русских рабочих. В случае нерадивости, непослушания, грубости полиция подвергала пленного аресту до 7 суток и содержала при ближайшем

волостном правлении или становой казарме. Если хозяин вовсе отказывался от работы пленного, его возвращали в распоряжение ближайшего воинского начальства, которое определяло меру взыскания (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 286. Л. 36). Поскольку в Енисейской губернии за годы войны была мобилизована значительная доля трудоспособных мужчин (38,8 %), жены солдат обращались в местные продовольственные комитеты с просьбами направить военнопленных на полевые работы. Однако вследствие того, что в Канском уезде существовал серьезный кадровый дефицит полиции, и было невозможно должным образом обеспечить их охрану, такие ходатайства удовлетворялись редко. Содержание пленных и размеры оплаты труда существенно различались, потому что зависели от местных условий (*Об отпуске на работы...*, 1916).

В первые месяцы после Февральской революции 1917 г. положение военнопленных изменилось. Начальники тыловых гарнизонов уведомляли городские управы о том, что в связи с процессом расформирования полиции списки военнопленных, отпущенных на работы в города и их окрестности, предавались начальникам городской милиции. Однако фактически милиция еще не была укомплектована штатами, поэтому контроль над жизнью пленных, переданных в ведение органов местного самоуправления, был крайне слаб. Они ходили по городу без сопровождения, самостоятельно посещали базары и общественные места, выросло число преступлений с их участием. После растерянности первых недель Временное правительство стало настаивать на выполнении всех распоряжений царского правительства, регулировавших содержание пленных.

В апреле 1917 г. городской голова Канска получил ряд предписаний В.М. Крутовского относительно военнопленных. Военнопленных, проживавших на или работавших на территории города, должны были охранять сотрудники милиции. Предприятия, которые использовали труд военнопленных, содержали охрану за собственный счет. Пленным запрещалось общаться с населением, посещать кинематографы, базары и другие публичные места, они должны были носить форму или нашивать отличительные знаки на гражданскую одежду (предлагалось нашивать кусок белого полотна на левый рукав с написанными черной краской буквами «В.П.» – военнопленный). В случае получения с мест донесений о строптивости, оставлении работ или бегстве пленного начальнику гарнизона следовало командировать воинский отряд для ареста зачинщиков и подстрекателей (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 286. Л. 48-49).

Точных статистических данных о том, где именно и сколько пленными работало в Канске в военный период, не существует. Фиксировалось только общее количество пленными штатами соответствующих военных округов, но как именно они были распределены в той или иной губернии по городам, уездам и предприятиям – системная отчетность не велась и вышестоящим инстанциям не предоставлялась. Лишь в конце августа 1917 г. в городскую думу поступило распоряжение губернского комиссара о необходимости введения карточной системы регистрации военнопленных: «Прошу по возможности в непродолжительное время сообщить мне сведения о том, какие именно предприятия, подведомственные вам, пользуются трудом военнопленных, и какое число последних состоит на работах в этих предприятиях» (ГАКК. Ф. 921. Оп. 1. Д. 262. Л. 55).

5. Заключение

Таким образом, в годы Первой мировой войны города в Восточной Сибири, являвшиеся центрами обширных и малоосвоенных сельскохозяйственных уездов, не имевшие развитой промышленности, со слабой инфраструктурой и городским хозяйством, были поставлены перед необходимостью решать вопросы размещения, обустройства быта и привлечения к труду военнопленных. Несмотря на то, что расходы по содержанию пленными ложились на военное ведомство, объем государственного финансирования был зафиксирован законодательно, поэтому все сопутствующие издержки ложились на города. Дополнительная нагрузка на бюджет и инфраструктуру означала для местных жителей ухудшение санитарных условий проживания, делала еще менее доступной медицинскую помощь, вызывала рост цен на предметы первой необходимости и в первую очередь продовольствие. Местные власти надеялись, что труд военнопленных хоть бы в какой-то степени компенсирует дефицит рабочих рук, позволит решить наиболее острые городские проблемы, но были разочарованы его низкой производительностью и эффективностью.

Литература

Ануфриев, Козлов, 2019 – Ануфриев А.В., Козлов Д.В. «Жаль этих славных парней...» (к вопросу о пребывании австро-венгерских военнопленных в Иркутске) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2019. Т. 15 (4). С. 153-167.

Ануфриев, Трофименко, 2017 – Ануфриев А.В., Трофименко С.В. «Горький хлеб плена» (режим содержания военнопленных в Восточной Сибири в годы Первой мировой войны) / *Сибирская ссылка: сборник научных статей*. Т. 8 (20). Иркутск: Оттиск, 2017. С. 420-436.

Белова, 2014 – Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО–XXI, 2014. 432 с.

Букин, Долголюк, 2000 – Букин С.С., Долголюк А.А. Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2000. № 2. С. 49-54.

- Военнопленные..., 2009** – Военнопленные в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/voennoplennye_v_sibiri_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009
- ГАКК** – Государственный архив Красноярского края
- Гергилева, 2007** – *Гергилева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск: Сибирский государственный технологический университет, 2007. 123 с.
- Голодяев, 2022** – *Голодяев К.А.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Ново-Николаевска // *Сибирский архив*. 2022. № 1 (11). С. 11–68.
- Гордеев, 2002** – *Гордеев О.Ф.* Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.). Историко-правовые аспекты проблемы / *Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сборник научных статей*. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2002. С. 30–62.
- Греков, 1997** – *Греков Н.В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917 гг.) / Немцы. Россия. Сибирь. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 1997. С. 154–180.
- Еремин, 2007** – *Еремин И.А.* Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // *Известия Томского политехнического университета*. 2007. Т. 310. № 1. С. 259–263.
- Иконникова, 2004** – *Иконникова Т.Я.* Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск: Хабаровский государственный педагогический университет, 2004. 177 с.
- Канск, 1915** – Канск. Санитарные мероприятия // *Сибирская жизнь*. 1915. № 93. С. 3.
- Липина, 2011** – *Липина С.А.* Использование труда военнопленных как попытка частичного возмещения трудовых ресурсов в дореволюционный период Первой мировой войны (по материалам Вятской губернии) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 7 (13). С. 65–70.
- Нахтигаль, 2014** – *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 142–156.
- Ниманов, 2009** – *Ниманов И.Б.* Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. 2009. № 2. С. 53–61.
- Об отпуске на работы..., 1916** – Об отпуске на работы военнопленных // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1916. № 9–10. С. 65.
- Общегородская хроника, 1915** – *Общегородская хроника* // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1915. № 10. С. 29.
- Павлова, Ивлева, 2013** – *Павлова И.П., Ивлева Т.В.* «Это люди, как и мы»: немцы и местное население в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны – взаимное восприятие // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 12 (38). С. 141–144.
- Памятная книжка..., 1915** – *Памятная книжка Енисейской губернии на 1915*. Красноярск: Енисейский губернский статистический комитет, 1915. 189 с.
- Повалишников, Захарова, 2020** – *Повалишников С.Р., Захарова О.В.* Быт немецких военнопленных на территории Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам источников личного происхождения) // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2020. № 3 (68). С. 67–75.
- Положение о военнопленных, 1914** – *Положение о военнопленных*. СПб.: [б.и.], 1914. 9 с.
- Применение труда..., 1915** – *Применение труда военнопленных* // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1915. № 6. С. 46.
- Семенова, 2010** – *Семенова Е.Ю.* Военнопленные как фактор формирования городской среды Поволжья в годы Первой мировой войны // *Альманах современной науки и образования*. 2010. № 1 (32). С. 107–110.
- Симонов, 2018** – *Симонов Д.Г.* Сибирские формирования в период Первой мировой войны: краткий исторический обзор // *Забытая Великая война: [новониколаевцы в годы Первой мировой войны]*: Новосибирск: МКУК ЦБС Ленинского района, 2018. С. 8–19.
- Суржикова, 2005** – *Суржикова Н.В.* Военнопленные Первой мировой войны в Екатеринбурге и на Урале в 1914–1916 гг. (по материалам газеты «Уральская жизнь») / *Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VII Всероссийской научной конференции*. Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2005. Т. 1. С. 252–263.
- Талапин, 2017** – *Талапин А.Н.* Военнопленные Первой мировой войны в городе Томске глазами гласных городской думы (1914–1917 гг.) / *Четвертые Ядринцевские чтения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России*. Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 2017. С. 203–209.
- Труд военнопленных..., 1915** – *Труд военнопленных* // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1915. № 8. С. 41.

Федорова, 2014 – Федорова Т.В. Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны // *Известия Алтайского государственного университета*. 2014. № 4–2 (84). С. 232–236.

Хроника, 1916 – Хроника // *Вестник Красноярского городского общественного управления*. 1916. № 14–15. С. 60.

Чудаков, 2012 – Чудаков О.В. Размещение военнопленных органами городского самоуправления в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (1914 – первая половина 1918 гг.) // *Омский научный вестник*. 2012. № 5. С. 40–43.

Шапкин и др., 2014 – Шапкин Ю.Г., Дмитриченко А.А., Пономарева Г.О. Жизнь и быт военнопленных в лагерях Восточной Сибири в годы Первой мировой войны // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2014. № 2 (11). С. 50–53.

Gatrell, 2011 – Gatrell P. POWs, refugees and the movement of people in Russia in the wake of the First World War. 2011. [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/8829412/POWs_Refugees_and_the_Movement_of_People_in_Russia_in_the_Wake_of_the_First_World_War

References

Anufriev, Kozlov, 2019 – Anufriev, A.V., Kozlov, D.V. (2019). “Zhal' etikh slavnykh parnei...” (k voprosu o prebyvanii avstro-vengerskikh voennoplennykh v Irkutske) [“It’s a pity for these nice guys...” (to the problem of the stay of Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. 15 (4): 153–167. [in Russian]

Anufriev, Trofimenko, 2017 – Anufriev, A.V., Trofimenko, S.V. (2017). “Gor'kii khleb plena” (rezhim sodержaniya voennoplennykh v Vostochnoi Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny) [“The bitter bread of captivity” (the regime of holding prisoners of war in Eastern Siberia during the First World War)]. *Sibirskaya ssylka: sbornik nauchnykh statei*, vol. 8 (20). Irkutsk: Ottisk. Pp. 420–436. [in Russian]

Belova, 2014 – Belova, I.B. (2014). Vynuzhdennye migranty: bezhentsy i voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Rossii. 1914–1925 gg. [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia. 1914–1925]. M.: AIRO–XXI, 432 p. [in Russian]

Bukin, Dolgolyuk, 2000 – Bukin, S.S., Dolgolyuk, A.A. (2000). Formirovanie lagerei voennoplennykh i internirovannykh v Sibiri [Formation of prisoner of war and internment camps in Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2: 49–54. [in Russian]

Voennoplennyye..., 2009 – Voennoplennyye v Sibiri. Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri [Historical Encyclopedia of Siberia]. 2009. [Electronic resource]. URL: http://irkipedia.ru/content/voennoplennyye_v_sibiri_istoricheskaya_entsiklopediya_sibiri_2009 [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State Archive of Krasnoyarsk krai].

Gergileva, 2007 – Gergileva, A.I. (2007). Voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny na territorii Sibiri [Prisoners of war of the First World War in Siberia]. Krasnoyarsk: Sibirskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet, 123 p. [in Russian]

Golodyaev, 2022 – Golodyaev, K.A. (2022). Voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny na territorii Novo-Nikolaevska [Prisoners of war of the First World War in Novo-Nikolaevsk]. *Sibirskii arkhiv*. 1 (11): 11–68. [in Russian]

Gordeev, 2002 – Gordeev, O.F. (2002). Voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Sibiri (avgust 1914 – fevral' 1917 gg.). Istoriko-pravovye aspekty problemy [Prisoners of war of the First World War in Siberia (August 1914 – February 1917)]. *Historical and legal aspects of the problem*. Aktual'nye problemy teorii i istorii gosudarstva i prava: sbornik nauchnykh statei. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi universitet, pp. 30–62. [in Russian]

Grekov, 1997 – Grekov, N.V. (1997). Germanskie i avstriiskie plennyye v Sibiri (1914–1917 gg.) [German and Austrian prisoners in Siberia (1914–1917)]. Nemtsy. Rossiya. Sibir'. Omsk: Omskii gosudarstvennyi istoriko-kraevedcheskii muzei, pp. 154–180. [in Russian]

Eremin, 2007 – Eremin, I.A. (2007). Voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny v Zapadnoi Sibiri [Prisoners of war of the First World War in Western Siberia]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 310 (1): 259–263. [in Russian]

Ikonnikova, 2004 – Ikonnikova, T.Ya. (2004). Voennoplennyye Pervoi mirovoi voiny na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1918 gg.) [Prisoners of war of the First World War in the Russian Far East (1914–1918)]. Khabarovsk: Khabarovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 177 p. [in Russian]

Kansk, 1915 – Kansk. Sanitarnyye meropriyatiya [Kansk. Sanitary measures] (1915). *Sibirskaya zhizn'*. 93: 3. [in Russian]

Lipina, 2011 – Lipina, S.A. (2011). Ispol'zovanie truda voennoplennykh kak popytka chastichnogo vozmeshcheniya trudovykh resursov v dorevol'yutsionnyi period Pervoi mirovoi voiny (po materialam Vyatskoi gubernii) [The use of the labor of prisoners of war as an attempt to partially compensate labor resources in the pre-revolutionary period of the First World War (based on materials from the Vyatka province)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 7 (13): 65–70. [in Russian]

- Nachtigal, 2014** – *Nachtigal, R.* (2014). Voennoplennye v Rossii v epokhu Pervoi mirovoi voiny [Prisoners of war in Russia during the First World War]. *Quaestio Rossica*. 1: 142-156. [in Russian]
- Nimanov, 2009** – *Nimanov, I.B.* (2009). Soderzhanie inostrannykh voennoplennykh na territorii Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [Maintenance of foreign prisoners of war on the territory of Russia during the First World War]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya «Istoriya Rossii»*. 2: 53-61. [in Russian]
- Ob otpuske na raboty..., 1916** – Ob otpuske na raboty voennoplennykh [About leave to work for prisoners of war]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1916. 9–10: 65. [in Russian]
- Obshchegorodskaya khronika, 1915** – Obshchegorodskaya khronika [City-wide chronicle]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1915. 10: 29. [in Russian]
- Pavlova, Ivleva, 2013** – *Pavlova, I.P., Ivleva, T.V.* (2013). “Eto lyudi, kak i my”: nemtsy i mestnoe naselenie v Eniseiskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny – vzaimnoe vospriyatie [“These are people, like us”: the Germans and the local population in the Yenisei province during the First World War - mutual perception]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 12 (38): 141-144. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka..., 1915** – Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1915 [Memorable book of the Yenisei province for 1915]. Krasnoyarsk: Eniseiskii gubernskii statisticheskii komitet, 189 p. [in Russian]
- Povalishnikova, Zakharova, 2020** – *Povalishnikova, S.R., Zakharova, O.V.* (2020). Byt nemetskikh voennoplennykh na territorii Rossiiskoi imperii v gody Pervoi mirovoi voiny (po materialam istochnikov lichnogo proiskhozhdeniya) [Life of German prisoners of war on the territory of the Russian Empire during the First World War (based on personal sources)]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina*. 3(68): 67-75. [in Russian]
- Polozhenie o voennoplennykh, 1914** – Polozhenie o voennoplennykh [Regulations on prisoners of war]. (1914). SPb., 9 p. [in Russian]
- Primenenie truda..., 1915** – Primenenie truda voennoplennykh [Application of labor of prisoners of war]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1915. 6: 46. [in Russian]
- Semenova, 2010** – *Semenova, E.Yu.* (2010). Voennoplennye kak faktor formirovaniya gorodskoi sredy Povolzh'ya v gody Pervoi mirovoi voiny [Prisoners of war as a factor in the formation of the urban environment of the Volga region during the First World War]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 1(32): 107-110. [in Russian]
- Simonov, 2018** – *Simonov, D.G.* (2018). Sibirskie formirovaniya v period Pervoi mirovoi voiny: kratkii istoricheskii obzor [Siberian formations during the First World War: a brief historical overview]. *Zabytaya Velikaya voina: [novonikolaevtsy v gody Pervoi mirovoi voiny]*. Novosibirsk: MKUK TsBS Leninskogo raiona, Pp. 8-19. [in Russian]
- Surzhikova, 2005** – *Surzhikova, N.V.* (2005). Voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v Ekaterinburge i na Urale v 1914–1916 gg. (po materialam gazety “Ural'skaya zhizn”) [Prisoners of war of the First World War in Yekaterinburg and the Urals in 1914–1916. (based on materials from the newspaper “Ural Life”)]. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya: materialy VII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UMTs UPI. 1: 252-263. [in Russian]
- Talapin, 2017** – *Talapin, A.N.* (2017). Voennoplennye Pervoi mirovoi voiny v gorode Tomske glazami glasnykh gorodskoi dumy (1914–1917 gg.) [Prisoners of the First World War in the city of Tomsk through the eyes of the city council members (1914–1917)]. *Chetvertye Yadrinsevskie chteniya: materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu Revolyutsii i Grazhdanskoi voiny v Rossii*. Omsk: Omskii gosudarstvennyi istoriko-kraevedcheskii muzei. Pp. 203-209. [in Russian]
- Trud voennoplennykh..., 1915** – Trud voennoplennykh [The labor of prisoners of war]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 8: 41. [in Russian]
- Fedorova, 2014** – *Fedorova, T.V.* (2014). Problema sotsial'no-bytovykh uslovii soderzhaniya avstro-vengerskikh voennoplennykh na territorii Vostochnoi Sibiri vo vremya Pervoi mirovoi voiny [The problem of social and living conditions of keeping Austro-Hungarian prisoners of war on the territory of Eastern Siberia during the First World War]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4–2(84): 232-236. [in Russian]
- Khronika, 1916** – Khronika [Chronicle]. *Vestnik Krasnoyarskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 1916. 14–15: 60. [in Russian]
- Chudakov, 2012** – *Chudakov, O.V.* (2012). Razmeshchenie voennoplennykh organami gorodskogo samoupravleniya v Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny i period sotsial'nykh kataklizmov (1914 – pervaya polovina 1918 gg.) [Placement of prisoners of war by city governments in Siberia during the First World War and the period of social cataclysms (1914 – first half of 1918)]. *Omskii nauchnyi vestnik*. 5: 40-43. [in Russian]
- Shapkin i dr., 2014** – *Shapkin, Yu.G., Dmitrichenko, A.A., Ponomareva, G.O.* (2014). Zhizn' i byt voennoplennykh v lageryakh Vostochnoi Sibiri v gody Pervoi mirovoi voiny [Life and everyday life of

prisoners of war in the camps of Eastern Siberia during the First World War]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. 2(11): 50-53. [in Russian]

Gatrell, 2011 – Gatrell, P. (2011). POWs, refugees and the movement of people in Russia in the wake of the First World War. [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/8829412/POWs_Refugees_and_the_Movement_of_People_in_Russia_in_the_Wake_of_the_First_World_War

Военнопленные Первой мировой войны в городах Восточной Сибири (на материалах Канска Енисейской губернии)

Олеся Михайловна Долидович ^{а, *}, Иван Юрьевич Макаrchук ^а, Олег Геннадьевич Алексеев ^а,
Михаил Александрович Петров ^а

^а Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Исследуется деятельность органов городского самоуправления по размещению, содержанию и использованию труда военнопленных в годы Первой мировой войны (на материалах города Канска Енисейской губернии). Проанализирован процесс взаимодействия городской управы с военной и гражданской администрацией, местным населением в решении различных проблем материально-бытового обеспечения пленных, условия и эффективность их работы. Показано, что прибытие пленных поставило власти и местное население в тяжелую ситуацию ввиду крайне отсталого состояния городского хозяйства и инфраструктуры (дефицита свободного жилья, отсутствия водоснабжения и канализации, бань и прачечных и др.). Труд военнопленных применялся в основном в таких сферах, как благоустройство и дорожное строительство, однако в ограниченных масштабах вследствие дефицита городских финансов (пленных нужно было доставлять к месту работы, кормить и обеспечить одеждой и обувью по сезону, орудиями труда, охранять, непригодных для работ вернуть и т. п.). В целом труд был малопродуктивным, и не способствовал решению каких-либо важных хозяйственных или оборонных задач из-за отсутствия крупного промышленного производства в городе.

Ключевые слова: военнопленные, Восточная Сибирь, городское управление, Енисейская губерния, Иркутский военный округ, Канск, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dolidovich@mail.ru (О.М. Долидович),
imakarchuk@sfu-kras.ru (И.Ю. Макаrchук), fukidid2007@yandex.ru (О.Г. Алексеев),
mipet@yandex.ru (М.А. Петров)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2107-2117
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2107

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Public Consolidation of Subjects of the Russian Empire during the First World War

Roman V. Parma ^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The article examines the forms of consolidation of Russian society during the First World War based on the material of large industrial cities, where the interaction between society and government was most intense. The author concludes that despite all the efforts of the enlightened public, including the bureaucrats, the bourgeoisie and the intelligentsia, it failed to achieve a high degree of unity with the lower strata of urban society. Moreover, the very powerful consolidation impulse of the first months of the war, based on emotional upsurge and inflated expectations, began to evaporate quite quickly. The consolidation of the “enlightened” layers of Russian society, although preserved, in 1915–1916, took largely inertial forms. A clear mental distance was visible and even increased between the political elites, the intelligentsia and the bulk of the population of the Russian Empire. The cultural and psychological split between the “tops” and “bottoms” of Russian society most clearly manifested itself during the anti-alcohol campaign, which, instead of “sobering up society,” led to the accumulation of negative energy in it. It should be recognized that in 1915–1916. A very effective and popular form of behavioral (rather than declarative) consolidation of various segments of the population were public collections for various military needs, but their organization fell entirely on the shoulders of the intelligentsia and bureaucrats, while the workers in this case acted exclusively as the object of influence. Taking over some of the functions of the state, the public gradually accumulated political energy, while the government gradually lost its former authority in its eyes due to managerial inefficiency and the inability to both achieve decisive successes at the front and formulate an acceptable domestic political agenda that would meet the interests of the broad masses.

Keywords: First World War, Russian Empire, society, power, social consolidation, political mobilization.

1. Введение

Российское общество в годы Первой мировой войны является одной из наиболее актуальных тем современной историографии. В это время многие социальные, экономические, и политические процессы периода бурного развития российского капитализма на рубеже XIX–XX вв. достигают своего апогея и «переламываются», подготавливая революционную катастрофу 1917 г. и последующие события Гражданской войны. Еще одна причина особого внимания к российскому обществу периода 1914–1917 гг. — обилие источников. Начало XX в. в России было ознаменовано широким распространением массовой культуры. Приобщившийся к ней человек постепенно осознает себя важным субъектом прогресса, выходит на историческую сцену едва ли не впервые за многовековую историю российского государства и общества. Отражением этого процесса является значительное расширение круга периодических изданий, а также возникновение новых видов массовых источников — плакат, лубок, агитационная брошюра, кинохроника.

Важнейшим отражением исторического процесса в 1914–1917 гг. является тема консолидации российского общества. Этой теме посвящены многочисленные работы (преимущественно последних

* Corresponding author

E-mail addresses: rvparma@mail.ru (R.V. Parma)

трех десятилетий) как на региональном, так и на общероссийском материале. При этом следует отметить два основных направления темы: исследование социального поведения и менталитета широких слоев населения (солдатской массы, рабочего класса и крестьянства) с одной стороны, и деятельности общественных организаций, представлявших достаточно узкий слой городской буржуазии и интеллигенции, с другой. Эта весьма устойчивая историографическая традиция восходит еще к ленинской концепции «двух культур», практически не пересекавшихся в общественной жизни дореволюционной России.

Указанный подход в целом отражают последние значительные исследования, посвященные российскому обществу в период «Великой войны». В обширной коллективной монографии по истории Первой мировой, изданной в 2014 г., глава, посвященная российскому обществу в годы войны, по большей части включает сюжеты о создании и работе общественных организаций (Россия..., 2014: 400-499). Однако создавались эти структуры преимущественно представителями буржуазии, интеллигенции, духовенства, а «простой народ» выступал в их деятельности скорее в роли объекта воздействия. Эти организации, безусловно, играли выдающуюся роль в консолидации образованной части российского общества, но вопрос об отношении к их деятельности широких масс населения остается во многом не проясненным. С другой стороны, авторы исследований по социальной психологии крестьянства и рабочего класса преимущественно отталкиваются от экономических и демографических процессов, уделяя не слишком значительное внимание участию своих героев в разного рода общественных инициативах (Поршнева, 2004: 4-8).

Налицо противоречивая ситуация. С одной стороны, многочисленные примеры, приведенные в различных работах, свидетельствуют о факте социальной солидарности российского общества (по крайней мере, существенной его части) на фоне начавшейся Первой мировой войны. С другой стороны, общественная консолидация как самостоятельный социально-исторический феномен и основной тренд политического сознания, превалировавший в российском обществе, по крайней мере, в 1914-1916 гг., всё еще продолжает оставаться на периферии отечественной науки. Это еще раз подчеркивает важность системного осмысления социально-политической консолидации российского общества, различных его частей как важного и самостоятельного аспекта, во многом помогающего отразить суть исторической динамики России в период Первой мировой войны.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковая база исследования была сформирована по большей части за счет привлечения неопубликованных ранее делопроизводственных документов, прежде всего, Государственного архива Ивановской области (ГАИО) из фондов Иваново-Вознесенской городской управы, Шуйской городской управы Владимирской губернии. Кроме того, были рассмотрены печатные отчеты о деятельности Иваново-Вознесенского Благотворительного общества. Помимо этого, для исследования использовались источники личного происхождения — воспоминания генералов императорской армии А.И. Деникина (1872–1947), Н.Н. Головина (1875–1944), а также французского посла Ж.М. Палеолога (1859–1944). Материалы дореволюционной периодической печати в работе не использовались ввиду фрагментарности картины, рисуемой этим источникам по исследуемой проблеме.

2.2. Проводимое исследование основано на принципе историзма. Историко-генетический метод предоставляет возможность рассмотреть консолидацию общества на всех этапах: от патристического взрыва летом 1914 г. к разочарованию и апатии конца 1916 г. Историко-типологический метод поможет выявить общие черты изучаемых общественных явлений и выделить однородные стадии в их развитии. Именно такое сочетание методов позволяет рассматривать общественную консолидацию российского общества не как изолированное состояние общественного сознания (которое ярко проявилось 1914 г. и в последующем было в значительной степени утрачено), а как сложный, а порой и внутренне несбалансированный процесс.

3. Обсуждение

Как уже отмечено, исследовательские интересы сосредоточились преимущественно в двух направлениях: исследование социального поведения широких общественных масс и деятельности общественных организаций. Причем если первое направление преимущественно разрабатывалось в советской историографии в контексте истории рабочего класса и революционной борьбы, то второе — в работах по изучению политического кризиса самодержавия, а также истории буржуазных политических партий. В постсоветский период обе эти темы приобретают самостоятельное значение — на фоне событий 1990-х гг. у историков значительно вырос интерес как к социальной психологии масс, так и к принципам формирования и функционирования дореволюционных общественных организаций.

В советской историографии общественные установки и ментальные ориентиры крестьян, рабочих и солдат в Период первой мировой войны обычно рассматривался в рамках исследования истории революционной борьбы и большевистской партии. Здесь следует отметить работы П.В. Волобуева и Ю.И. Кирьянова (Волобуев, 1964; Кирьянов, 1970). История идейной борьбы касательно спорного вопроса войны и мира в социалистических партиях разрабатывалась в трудах

С.В. Тютюкина (Тютюкин, 1972). Впрочем, появляются и труды, рассматривающие психологию масс (рабочих и крестьян) в качестве отдельной проблемы — здесь следует назвать работу Г.Л. Соболева, а также монографию О.И. Зотовой, В.В. Новикова и Е.В. Шороховой, посвященную социальной психологии крестьянства (Соболев, 1968; Зотова и др., 1983). В определенном смысле итог этому направлению в историографии подвела О.С. Поршнева в обширной работе 2004 г. (Поршнева, 2004). В ней автор рассматривает эволюцию социального поведения крестьян, рабочих и солдат: анализирует поведенческие практики, ценностные ориентации, установки сознания и модели восприятия действительности, стереотипы представления. Также следует отметить труды А.Б. Асташова, посвященные психологии «солдата-крестьянина» российской армии в годы «Великой войны» (Асташов, 2012). В последние годы фокус исследований сместился от психологии социальных масс в направлении формирования «массовых настроений» российского общества времени Первой мировой и трансформации устойчивых социальных образов (прежде всего образа монарха) в условиях модернизации и столкновениях «двух культур» (Аксенов, 2020; Колоницкий, 2023).

Работы, посвященные истории общественных организаций, менее многочисленны. Среди них можно отметить труд С.Л. Гисина, который отметил возрастание политической роли Земского союза вместе с расширением его помощи армии (Гисин, 1946). Структурное устройство и деятельность Земгора в своей работе рассмотрела Г.С. Акимова. (Акимова, 1973). На рубеже 1970–1980-х гг. возникала обширная дискуссия о кризисе российской политической системы в годы Первой мировой войны. Одной из главных тем данной дискуссии являлось выяснение места и роли союзов в политической жизни страны. Все ее участники отмечали оппозиционность этих организаций по отношению к правительству (Аврех, 1985). Новый всплеск интереса к этим общественным организациям последовал в постсоветской историографии появились работы, посвященные сотрудничеству общественности и власти в 1914–1917 г., труды по организационной специфике и правовому статусу союзов, их политическому составу (Асташов, 1994; Судавцев, 2001; Шевырин, 2003).

При этом серьезным препятствием в исследованиях, посвященных сюжетам по истории российского общества в 1914–1917 гг. служит обилие источников, в том числе массового характера. Поскольку охватить весь комплекс печатных и архивных материалов даже по сравнительно узкой теме практически невозможно, исследователи зачастую сужают круг источников, что приводит их к одностороннему взгляду на проблему.

4. Результаты

Говоря о патриотической консолидации, различных ее формах и массовых проявлениях, отечественные исследователи в наибольшей мере акцентируют внимания на начальном этапе войны — событиях лета-осени 1914 г. Начало войны во всех городах Российской империи было воспринято с воодушевлением и отмечено многочисленными патриотическими манифестациями. В Санкт-Петербурге за несколько дней до объявления мобилизации (16 июля 1914 года) прошли широкомасштабные манифестации — толпы людей с национальными флагами и пением гимна двигались по улицам, несколько демонстраций было устроено перед зданием посольств Сербии, Англии и Франции. С 18 июля 1914 года подобные манифестации проходили во всех крупных городах России. И.Б. Белова отмечает, что в них были задействованы представители всех слоев населения — в частности, в рабочем Брянске в манифестации приняли участие до 15 тыс. рабочих (Белова, 2011: 160). Стихийными шествиями сопровождалась и проводы солдат в армию. В ходе них во многих городах проходили различные церемониальные мероприятия, символизировавшие преемственность воинских традиций от ополченцев «Первой Отечественной» войны (1812 г.) к солдатам «Второй Отечественной» (1914 г.). Французский посол Ж.М. Палеолог отмечал, что «война возбудила во всем русском народе удивительный порыв патриотизма», подтверждая это сведениями со всех уголков страны (Палеолог, 1991: 73).

Особое внимание к подобным церемониям было обусловлено тем, что предыдущие два года были отмечены грандиозными юбилеями — 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия династии Романовых. Оба этих события сопровождалась многочисленными и масштабными юбилейными мероприятиями. Начало войны актуализировало недавние лозунги — народ должен был повторить подвиг 100-летней давности подтвердить трехвековую верность царствующей династии. Например, в городе Калуга 14 сентября 1914 года «была организована церемония торжественная передачи формируемым дружинам боевых знамен калужского ополчения времен Отечественной войны 1812 г.» (Белова, 2011: 160). На торжестве присутствовало все высшее чиновничество и духовенство, включая губернатора и епископа Калужского Георгия. Знамена и воины ополчения были окроплены святой водой (Белова, 2011: 160).

Подобные примеры позволяют говорить о том, что первые месяцы войны стали, безусловно, периодом наиболее явной и заметной патриотической консолидации, которая приобрела общенациональный характер. Справедливо полагать, что указанный патриотический порыв основывался не только на интегрирующих, разделяемых разными слоями российского общества, социальных и политических ценностях, но и на широки известном психологическом эффекте завышенных политических ожиданий. Суть данного эффекта проявлялась в распространенном

мнении, что ход военных действий будет успешным для российской армии, и противостояние с противником не войдет в затяжную фазу.

В то же время следует отчасти согласиться с мнением, что существенную роль в первые месяцы войны играл и фактор официальной пропаганды, а также поддерживаемая «сверху» активность провластных общественных структур. Так, В.Б. Аксенов полагает, что основными организаторами патриотических манифестаций выступали монархисты и правые общества различного толка – при активной поддержке губернской администрации. Ядром этих манифестаций, по его словам, выступал «средний класс» городского населения: дамы из общества, торговые служащие, интеллигенция и наиболее лояльные власти общественные группы – от дворников до учащихся (Аксенов, 2020: 90-92). Патриотический порыв первых дней войны всемерно поддерживается и со стороны самого монарха. Император ищет единства с народом, в начале августа 1914 г. отправляясь в Москву «чтобы поклониться московским святыням и помолиться древней Троице». Символическое «единение» удалось на славу – царскому семейству была устроена всенародная встреча, в которой участвовали сотни тысяч горожан. По итогам визита Николай II отмечал общность собственных «чувств и мыслей со всем Моим народом», что придавало ему «спокойную уверенность в будущем» (Колоницкий, 2023: 87-90).

Скептицизм В.Б. Аксенова относительно патриотического порыва первых месяцев войны основан скорее, на оценке ситуации уже с точки зрения последующих событий. Анализ же ситуации на местах свидетельствует, что осенью 1914 года патриотические настроения, безусловно, преобладали в российском обществе. Например, в Иваново-Вознесенске Владимирской губернии – одном из крупнейших текстильных центров империи, известном своими революционными традициями – сложилась следующая ситуация. К началу Первой мировой он был переполнен неквалифицированными рабочими, едва оставившими свои земельные наделы: по Всероссийской переписи 1897 г. население города оценивалось в 54 тыс. чел, а к 1913 г. достигло 168,5 тыс. чел. Тем не менее патриотический порыв здесь также был очень силен. 24 июля 1914 г. Городская управа докладывала Думе: «Серьезность переживаемого исторического момента объединила все слои русского общества. Партийные распри и забастовки прекратились при первых же известиях о начале войны, и вместо них мы видим взрыв патриотических манифестаций, полный порядок в ходе мобилизации, заявления о пожертвованиях и дружные выступления городов и земств с мероприятиями по облегчению положения раненых и семейств запасных. Население Иваново-Вознесенска, приглашенное 22 июля 1914 г. на Георгиевскую площадь для молебствия о даровании победы русскому воинству, собралось в громадном количестве и патриотическими манифестациями засвидетельствовало свое единомыслие со своим государем и всем русским обществом» (ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5198. Л. 5).

При всем официозном привкусе подобных свидетельств (которые касаются абсолютно всех крупных российских городов), нельзя не признать, что патриотические митинги в первые дни войны действительно собирали внушительное число участников. Подобные мероприятия являлись для широких масс населения едва ли не единственной возможностью приобщиться к общественно-политической жизни страны, почувствовать себя частью огромной империи. Вследствие этого патриотический подъем на подобных митингах действительно был чрезвычайно высок. С большим воодушевлением первоначально была встречена и мобилизация – призывники были уверены, что война продлится недолго. Н.Н. Головин отмечал, что мобилизация 1914 г. поражала свидетелей аналогичных мероприятий времен русско-японской войны «различием в настроении во всех слоях русского народа». По его словам, в 1914 г. количество желающих отправиться на фронт заметно превышало даже возможности призывных комиссий: «Многие из запасных в глухой провинции являлись перед комиссиями по воинскому присутствию и просили не свидетельствовать их физическую годность, заявляя, что они совершенно здоровы» (Головин, 1926: 83).

Более сдержанной выглядела реакция на войну сельских жителей. А.И. Деникин вспоминал, что «народ поднимался на войну покорно, но без всякого воодушевления и без ясного сознания необходимости великой жертвы» (Деникин, 1990: 118). О.С. Поршнева указывает, что крестьяне воспринимали войну как «разновидность неподвластного им стихийного бедствия» (Поршнева, 2004: 106). Н.В. Юдин отмечает, что реакция городских и сельских жителей на начало войны «свидетельствовала скорее не об отсутствии в 1914 г. патриотического подъема в среде сельских жителей, а о различиях городской и сельской культуры» (Юдин, 2014: 19). В то же время такого рода сдержанность восприятия, ограниченность форм патриотической консолидации на сельских территориях Российской империи свидетельствует о двух важных культурно-политических моментах. Первый – это серьезнейшая ментальная дистанция между властью и «образованными» (городскими слоями общества) с одной стороны, и российским селом, крестьянами – с другой. Второй момент заключается в том, что механизмы ретрансляции официальной идеологии (главным образом, государственная пропаганда) были отчетливо ориентированы на городские слои, не рассматривали крестьянство как первоочередной объект идейно-политического воздействия и решающий мобилизационный ресурс власти в условиях возможного перехода военных действий в затяжную фазу. Это объясняется серьезной недооценкой возможной роли крестьянства в предстоящей войне со стороны власти, которая проистекала из весьма смутных представлений политических элит Российской империи о специфике начавшегося военного противостояния как столкновения людских

масс, противоборства государственных экономических систем. Безусловно, отчужденность правящих элит и временно солидаризовавшихся с ними городских слоев от крестьянских масс не была абсолютной. Однако наличие крайне существенной дистанции (ситуация, когда «крестьянский фактор» – массовые настроения в среде сельского населения) недооценивался властью и официальной пропагандой сыграли негативную роль на последующих этапах в 1915–1916 гг., когда стало очевидно, что противостояние приобрело длительный характер.

При этом, даже говоря о «едином патриотическом порыве» среди городского населения, не следует переоценивать его осознанность, гиперболизировать его внутренний эмоциональный потенциал и способность ретушировать внутривнутриполитические противоречия, характерные для России того времени. Ведущая роль в идейной организации подобных патриотических акций принадлежала интеллигенции и представителям правых организаций. Мотивы рабочих, поддержавших патриотический порыв первых месяцев войны, были обусловлены скорее общим, ситуативно обусловленным и активно распространяющимся эмоциональным всплеском в российском обществе, чем сознательным идеологическим и политическим выбором. В.Б. Аксенов в связи с этим отмечает, что «в основе революционных и патриотических акций лежали подчас одни и те же эмоции, факторы архаичного бунтарства», так что не следует рассматривать динамику массовых движений лета 1914 г. как движение от «революционного полюса к патриотическому» (Аксенов, 2020: 82). Аналогичной точки зрения придерживается и В.П. Булдаков – главным источником патриотического взрыва летом 1914 г. он называет рессентимент, имевший «догражданскую психосоциальную основу» и управлявшийся «патерналистским инстинктом». Именно это и стало, по его мнению, главной причиной того, что «рессентимент», в конечном счете, оказался направлен против ставшей «негодной» власти (Булдаков, 2014: 13).

Но в то же время весьма очевидно, что восприятие начавшейся войны и тем более ощущение ее справедливости и народного характера не могло базироваться исключительно на эмоциональной платформе «рессентимента». Различные социальные группы стремились интегрировать в представление о характере происходящего и некий прагматический компонент, обусловленный сугубо их собственными интересами и мнениями о будущем России как социально-политического организма. Так, интеллигенция в основной своей массе видела в войне, прежде всего, средство достижения идейного единства общества и одновременно – катализатор и без того назревших социально-экономических реформ. Однако для большинства населения – как крестьянства, так и городских слоев – столь идеалистическое восприятие новых общественных условий было абсолютно чуждо. Наиболее ярко это расхождение «двух культур» демонстрирует антиалкогольная кампания, стартовавшая в российских городах в августе 1914 г. «сухой закон» был введен 22 августа 1914 г. До окончания войны запрещалась продажа спирта, водки и иных алкогольных изделий для местного потребления, а также виноградного вина крепостью более 16 % и пива крепче 3,7 %. Причем формально введение антиалкогольных ограничений было доверено органам местного самоуправления (Пашков, 2010: 83-87). Согласно гипертрофированному идеалистическому взгляду «просвещенного общества» последствия «сухого закона» были самыми благоприятными. Например, авторы одного из обращений в Иваново-Вознесенскую Думу писали, что благодаря этому закону: «в семьи вошел ангел мира и любви. Воистину произошло обновление Руси. Не должно быть в эти грозные дни в нашем обиходе места вину» (ГАИО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 766. Л. 6, 55-58).

Однако реальные последствия антиалкогольных мер оказались противоречивыми по своему содержанию. Во-первых, очень быстро начали сказываться на поступлениях в государственный бюджет. Во-вторых, население, не имевшее возможности легального приобретения спиртных напитков, искало обходные пути. Как следствие, резко возросло потребление алкогольных суррогатов, распространялось самогонование. Если в 1913 г. в России было выявлено лишь 600 случаев «тайного винокурения», то уже в 1915 г. – более 6000 аналогичных правонарушений (Пашков, 2010: 88-90). Орловский губернатор А.В. Арапов в 1916 г. отмечал, что «со всех сторон слышит жалобы на развивающееся среди населения пьянство», что подтверждалось и его личными наблюдениями (Букалова, 2014: 23).

Еще одной масштабной патриотической кампанией, которая должна была способствовать консолидации российского общества, оказались благотворительные сборы «на войну». Они распределялись по нескольким направлениям: подарки в действующую армию, помощь семьям мобилизованных, поддержка лечебно-реабилитационных мероприятий для больных и раненых воинов, а после «Великого отступления» 1915 г. – еще и обеспечение беженцев. Организаций, занимавшихся благотворительными мероприятиями, было множество – в каждом крупном городе имелось несколько местных комитетов, отделения общероссийских императорских обществ, а зачастую еще и национальных организаций (польских или еврейских). На волне патриотизма возникают всероссийские общественные организации, главной задачей которых являлось объединение общественных сил в помощи фронту: Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов.

Земский союз был образован уже на исходе июля 1914 г. на Всероссийском съезде представителей земств в Москве, а Союз городов – в начале августа на Всероссийском съезде представителей городов. К концу 1915 г. в Союз городов вошли 464 губернских и уездных города,

в большей части которых были созданы местные комитеты этой организации. Изначально оба Союза занимались формированием больничных учреждений для лечения раненых в тылу, но вскоре в связи с настоятельной необходимостью «перешли линию фронта» и организовывали также санитарную и продуктовую инфраструктуру уже и на фронте. Всего расходы Союза городов в течение войны превысили 2 млн руб., его санитарные поезда перевезли 2,5 млн больных и раненых, на питательных пунктах Союза было накормлено 4,9 млн раненых и 8,6 млн беженцев. Не менее эффективен оказался и Земский союз. Только за первые 4 мес. войны им было открыты госпитали на 160 тыс. коек, оборудовано 40 санитарных поездов и создано столько же питательных пунктов, в мастерских по пошиву белья для нужд раненых нашли работу 12 тыс. женщин. К апрелю 1915 г. по заказам интендантства Земский союз изготовил уже 17,4 млн штук вещей (Россия..., 2014: 457). Деятели Союзов объясняли результативность их работы «высоким потенциалом российской общественности». А вот российская власть, по мнению тех же деятелей, подобного потенциала оказалась лишена и доверие общества не оправдала (Россия..., 2014: 433-434).

Весеннее отступление 1915 г. поставило насущную необходимость в организации снабжения армии. С июня 1915 г. начинают создаваться военно-промышленные комитеты, призванные обеспечить мобилизацию российской промышленности, ее полномасштабный переход в режим военного времени. Как только государство санкционировало общественное участие в вопросах организации промышленности и снабжения фронта, «П.П. Рябушинский на IX-м съезде представителей промышленности и торговли призвал русскую промышленность к объединению и дружной работе для обслуживания нужд войны» (Головин, 2016: 310). На съезде был организован Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК), который должен был осуществлять координацию взаимодействия правительственных учреждений и районных военно-промышленных комитетов. Уже в первые два месяца после съезда местные военно-промышленные комитеты появились в 73 городах страны. В начале июля 1915 г. появляется Главный комитет земского и городского союзов по снабжению армии (Земгор), после чего начинает формироваться сеть местных комитетов снабжения армии – губернских и уездных. Они должны были мобилизовать для армейских нужд среднюю и мелкую крестьянскую промышленность (кустарей). Таким образом, была предпринята попытка выстроить единую вертикаль снабжения армии. Впрочем, она оказалась не слишком удачной ввиду несогласованности в работе армейской стороны, вплоть до заказа разных партий снаряжения отдельными армейскими частями без посредства интендантского ведомства.

Большая часть финансовых средств Земского и Городского союзов (более 90 %) представляла собой казенные субсидии и в общем объеме частных пожертвований было невелико. Главным позитивным результатом деятельности этих организаций было отнюдь не аккумулятивное финансирование, а пробуждение частной инициативы. Лидер и основатель Союза городов Н.И. Астров отмечал, что основой для его создания послужил «естественный порыв» московской общественности с целью «участия всех живых сил в работе на помощь государству» (Россия..., 2014: 425). Таким образом, можно говорить о том, что, начиная с 1915 г., российская общественность, причем не только столичная, ощущала все большую важность собственной роли в «военной жизни» страны. Сначала она сводилась преимущественно к традиционным социальным функциям благотворительных обществ (сбор подарков для армии, лечение раненых и больных воинов, поддержка семейств мобилизованных). После привлечения общественных организаций к делу снабжения армии (с лета 1915 г.) их участники получают часть функций, прежде неотъемлемо принадлежавших государству, что резко увеличивает их общественно-политический вес. Лидеры ЦВПК и Земгора А.И. Гучков, Г.Е. Львов, М.В. Челноков становятся заметными политическими фигурами в стране.

Однако необходимо заметить, что наряду с общественной инициативой война дала серьезный импульс пробуждению политической жизни в России. Если в период «стольпинщины» российская многопартийная система, в общих чертах сформированная в 1905–1907 гг., стала давать существенные сбои, то война пробудила к жизни не только центральные, но и региональные партийные организации. При этом весьма красноречив тот факт, что открыто провластные или лояльные по отношению к власти правые партии не сумели в полной мере приспособиться к новым социально-политическим реалиям. Прежде всего, они не смогли сформировать внятной и обоснованной внутривластной программы (внешняя была ясна — война до победы над Германией). Так, едва ли не главными кампаниями правых в годы Первой мировой стала борьба с «немецким засильем» и «отрезвление русского народа». Но практика показала, что пропаганда в этих направлениях часто приводит к результатам, противоположным желаемому — германофобия превращалась из мер против поданных вражеских держав в деструктивную бытовую ксенофобию — борьбу с «русскими немцами» (здесь не следует забывать, что династия Романовых имела также немецкое происхождение).

Что касается антиалкогольных мер, то первая эйфория очень скоро сменилась пониманием их неэффективности. При этом в экономической сфере правым партиям так и не удалось сформулировать удобоваримую программу развития, если не полностью адекватную, то хотя бы частично отвечающую запросам и социальным нуждам широких слоев населения. В правой

политической среде в 1914–1916 гг. господствовало устойчивое убеждение, что любые невоенные вопросы должны быть отложены вплоть до победы над врагом, что заставило их даже пойти на некоторые уступки либеральному лагерю. В результате процесс раскола правого движения и размывания монархической идеи, стартовавший еще после смерти председателя Совета министров Российской империи П.А. Столыпина, резко набирает ход в годы Первой мировой численность членов правых организаций к 1916 г. сокращается с 450 тыс. чел. до 45 тыс. чел. – в 10 раз.

Либеральные партии, напротив, в годы войны резко увеличивают численность и набирают авторитет. Если социалистическое движение в результате деятельности «циммервальдийцев» оказалось расколото, то либеральное, напротив, консолидировалось. Причиной резкого подъема этого движения явилось уже описанное выше «пробуждение интеллигентной общественности», которая в большинстве своем придерживалась либеральных взглядов. Либералы рассматривали войну через призму понятий «оборонительная», «справедливая» и «общенародная». Их целью было смягчить все национальные и региональные противоречия, объединив всю «прогрессивную общественность» под лозунгом войны до победного конца. (Россия..., 2014: 561). Самая массовая либеральная партия (кадеты) вскоре оказалась поставлена перед проблемой «война и революция». По мере поражений на фронтах и ухудшения экономического положения страны этот вопрос стоял все более остро. Бессилие власти в решении многих военных и экономических проблем давали либералам возможность предложить альтернативу действующему монархическому режиму. Особенно к этому подталкивали успехи Земского и Городского союзов, организовавших работу намного эффективнее неповоротливых государственных структур. Их участники поверили в то, что могут сами взять в руки управление.

Вместе с тем вопрос о революции оказался настолько острым, что привел к отходу части либеральной общественности в лагерь социалистов (эсеров и меньшевиков). Если в 1914 г. функционировало 80 региональных комитетов кадетской партии, то к марту 1917 г. их осталось всего 50 (Россия..., 2014: 572). Неопределенность политической линии руководства по целому ряду животрепещущих вопросов (прежде всего, аграрному и рабочему) толкала региональных кадетов в ряды социалистов. Их поражение в годы войны в результате активной антивоенной позиции, заявленной целым рядом авторитетных лидеров, было достаточно сложным. Но в процессе нарастания экономического и политического кризиса их влияние на массы стало нарастать буквально скачкообразными темпами.

Большая часть обывателей (как сельских, так и городских) не имела никакого отношения к работе Земского и Городского союзов, за исключением разве что исполнения их заказов на поставку снаряжения или медицинских средств. Для обывателя главной формой приобщения к «военной повестке» являлось участие в благотворительных кампаниях по сбору денежных средств и вещей. И.Б. Белова отмечает, что «сборы пожертвований облекались в разные формы: кружечные сборы, подписные листы, лотереи и базары, а также различные культурные мероприятия (лекции, концерты, спектакли, кинематографические сеансы)» (Белова, 2011: 202). По ее мнению, «в годы войны претерпела изменения организационная сторона благотворительности», что выразилось в массовом привлечении к этой деятельности «обывателя» (Белова, 2011: 202).

Многообразие благотворительных организаций, разнообразие форм помощи, которые адресовались нескольким группам населения (от фронтовиков до беженцев), а также разные механизмы сбора средств, применявшиеся филантропическими обществами в зависимости от местных условий, затрудняют создание и оценку общей картины «военной» благотворительности в годы Первой мировой войны. Поэтому целесообразнее обратиться к анализу консолидации общества с помощью благотворительности на примере одного из крупных промышленных городов. Так, в Иваново-Вознесенске, городе со значительным числом промышленных рабочих, внушительной прослойкой крупной буржуазии и активно развивавшейся общественной сферой. Первые сборы «на войну» здесь были открыты при городских управах практически сразу после начала мобилизации. Городская дума предложила в связи с этим открыть городской управе кредит в 25 тыс. руб. на выдачу пособий семьям нижних воинских чинов и ратников ополчения и организовать в городе лазарет для раненых воинов на 100 коек. Для сбора средств семьям мобилизованных формировалось попечительство, для организации лазарета — Комитет помощи больным и раненым воинам. Наконец, управа обращалась к городскому населению «с призывом о пожертвовании на помощь раненым и семьям запасных» (ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5198. Л. 5-7).

Не вызывает сомнений, что значительная часть средств, собранных в Российской империи «на войну» в 1914 г., была получена от обычных горожан из «среднего класса» и даже низших слоев населения. Однако постепенно поток пожертвований иссякает в силу того, что первоначальный патриотический энтузиазм постепенно сменяется массовой усталостью, социальной и политической неопределенностью, а также частичным разочарованием результатами военных действий после «Великого отступления» 1915 г.

Можно констатировать, что консолидация российского общества на волне патриотических настроений в начале «Великой войны» была на достаточно высоком уровне. Это выражалось не только в массовых публичных акциях в поддержку участия России в войне, но и в активной гуманитарной

деятельности, направленной на содействие российской армии, обеспечение мобилизационных мероприятий в экономике. Вместе с тем военные неудачи 1915–1916 гг. негативно повлияли на эмоциональное состояние российского общества, способствовали снижению уровня патриотической консолидации в различных его слоях. Так, в 1916 г. намечается все более отчетливый кризис «общенародных» форм помощи фронту. Благотворительность все в большей мере становится делом «цензовых элементов», тогда как рабочие и крестьяне, охваченные патриотическим порывом в начале войны, все менее участвуют в этих акциях даже в качестве «пассивных элементов». Дело в том, что перед ними уже с лета 1915 г. встает проблема обеспечения продовольствием. Война начинает восприниматься и властью, и значительной частью общества через призму «тыловых проблем», а не фронтовых успехов или неудач российской армии. С мая по сентябрь 1916 г. серьезные продовольственные беспорядки прошли в нескольких крупных уральских городах, от Оренбурга до Кунгура. Резко усиливается забастовочное движение, и хотя требования рабочих носили преимущественно экономический характер, агитация велась уже «на политической прокладке» и была направлена «к внушению рабочим мысли о необходимости прекращения войны» (Поршнева, 2016: 39-40).

Таким образом, в течение 1916 г. военные тяготы постепенно разводят «просвещенное общество» и народные массы российских городов. Большую роль в изменении общественно мнения сыграли не столько военные поражения как таковые, сколько поиск виновников этих неудач, причем прежде всего в правительстве и даже императорской семье.

На фоне военных неудач все сильнее начинают сказываться просчеты российской пропаганды, оказывавшейся не слишком эффективной. Следует признать, что российской правящей элите не удалось приобщить «массового человека», вышедшего из традиционного общества, к пониманию важности политических целей, ради которых ведётся война. В результате на фоне военных поражений 1915–1916 гг. оказалось неизбежно резкое падение популярности войны в различных слоях российского общества. Все большее расхождение официальных источников с реальным положением дел на фронте и в тылу вызывало обратный пропагандистский эффект — резкое повышение доверия к различным слухам (даже среди «просвещенного общества»). В широких слоях городского и сельского населения этот эффект приводил к десакрализации устоявшихся образов государя, социальному раздражению и утрате доверия к власти.

5. Заключение

Анализ форм общественной консолидации россиян в годы Первой мировой войны свидетельствует, что, несмотря на все усилия «образованного общества» пробить стену между «двух культур» России начала XX в. не удалось даже в экстремальных условиях «напряжения всех общественных сил» 1914 – начала 1917 гг.

Главной формой консолидации российского общества в 1914–1916 гг. были кампании по сбору средств на решение различных «вопросов, вызванных войной»: обеспечение фронтовиков недостающей амуницией и продовольствием, призрение семей мобилизованных, уход за больными и ранеными, прием и размещение беженцев. В России была создана внушительная сеть государственных и общественных организаций, занимавшихся решением всех этих проблем. Однако при этом основная часть населения Российской империи, испытывая патриотический энтузиазм в 1914 г., была далека от четкого понимания политических целей и характера начавшейся войны. В дальнейшем, (в 1915 – начале 1917 гг.) на фоне неудач на фронте и обострения социально-экономических проблем в тылу, первоначальная общественная консолидация все более уступала место нарастанию отчуждения между властью и всеми слоями российского общества, что в итоге привело к кризису политической системы Российской империи.

Литература

- Аврех, 1985 — Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М.: Наука, 1985. 260 с.
- Акимова, 1973 — Акимова Г.С. Главный по снабжению армии комитет (Земгор) 1915-1918 гг. (организационное устройство и деятельность). Автореферат дис. ... канд. ист наук. М., 1973. 24 с.
- Аксенов, 2020 — Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.
- Асташов, 1994 — Асташов А.Б. Всероссийский союз городов в 1914-1918 гг. Автореферат дис. ... канд. ист наук. М., 1994. 27 с.
- Асташов, 2012 — Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: Спецкнига, 2012. 400 с.
- Белова, 2011 — Белова И.Б. Первая Мировая война и российская провинция (1914 — февраль 1917 г.). М.: АИРО-XXI, 2011. 228 с.
- Букалова, 2014 — Букалова С.В. Государственная политика трезвости в годы первой мировой войны // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2014. № 3. С. 18-25.
- Булдаков, 2014 — Булдаков В.П. Август 1914-го: природа «патриотических» настроений // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: История. 2014. № 4. С. 4-22.

Бутрин, 2012 — Бутрин Е.С. Благотворительная деятельность иваново-вознесенских фабрикантов в период Первой Мировой войны / Меценаты русской провинции: история и современность. Иваново, 2012. С. 38-50.

Волобуев, 1964 — Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 году. М.: Мысль, 1964. 358 с.

ГАИО — Государственный архив Ивановской области.

Гисин, 1946 — Гисин С.Л. Всероссийский земский союз (политическая эволюция с июня 1914 по февраль 1917 г.). Автореферат дис. ... канд. ист наук. М., 1946. 25 с.

Головин, 1926 — Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага: Пламя, 1926. 436 с.

Головин, 2016 — Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2016. 560 с.

Деникин, 1990 — Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Прометей, 1990. 292 с.

Зотова и др., 1983 — Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства (будущее и настоящее). М.: Наука, 1983. 168 с.

Кириянов, 1970 — Кириянов Ю.И. Об облике рабочего класса в России / Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М.: Наука, 1970. С. 100-140.

Колоницкий, 2023 — Колоницкий Б.И. Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 520 с.

Лаверычев, 1957 — Лаверычев В.Я. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы Первой мировой войны. М.: Издательство Московского университета, 1957. 159 с.

Обзор..., 1914 — Обзор деятельности Иваново-Вознесенского Благотворительного общества за 1914 год. Иваново-Вознесенск: Типолитография А.И. Дилигенского, 1915. 88 с.

Обзор..., 1915 — Обзор деятельности Иваново-Вознесенского Благотворительного общества за 1915 год. Иваново-Вознесенск: Типолитография А.И. Дилигенского, 1916. 80 с.

Обзор..., 1916 — Обзор деятельности Иваново-Вознесенского Благотворительного общества за 1916 год. Иваново-Вознесенск: Типолитография А.И. Дилигенского, 1916. 75 с.

Омельянчук, 2019 — Омельянчук И.В. Монархические организации Владимирской губернии в период Первой мировой войны // *Новейшая история России*. 2019. № 3. С. 625-641.

Отчет..., 1915 — Отчет по кружечному сбору, произведенному 3-го мая 1915 г. на помощь семьям призванных на войну. Иваново-Вознесенск: Типолитография А.И. Дилигенского, 1915. 8 с.

Палеолог, 1991 — Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991. 240 с.

Пашков, 2010 — Пашков В.Е. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // *Вопросы истории*. 2010. № 10. С. 80—93.

Поршнева, 2004 — Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 365 с.

Поршнева, 2016 — Поршнева О.С. Общественные настроения в уральских губерниях в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1917 г.) // *Великая война*. Вып. 5. М.: Квадрига, 2016. С. 31-44.

Россия..., 2014 — Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. Ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014. 982 с.

Соболев, 1968 — Соболев Г.Л. Письма в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. 1. Л.: Наука, 1968. С. 159-173.

Судацков, 2001 — Судацков Н.Д. Земское и городское самоуправление в России в годы Первой мировой войны. М.; Ставрополь: Издательство Ставропольского университета, 2001. 718 с.

Тютюкин, 1972 — Тютюкин С.В. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России 1914-1917 гг. М.: Мысль, 1972. 304 с.

Тютюкин, 2008 — Тютюкин С.В. Россия: от Великой войны — к Великой революции / Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. М.: Наука, 2008. С. 120-160.

Шевырин, 2003 — Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914-1917). М.: ИНИОН РАН, 2003. 151 с.

Юдин, 2014 — Юдин Н.В. Патриотический подъем в начале Первой мировой войны // *Вестник МГИМО*. 2014. № 4. С. 17-25.

References

Akimova, 1973 — Akimova, G.S. (1973). Glavnyj po snabzheniyu armii komitet (Zemgor) 1915-1918 gg. (organizacionnoe ustrojstvo i deyatelnost'). [Main Army Supply Committee (Zemgor) 1915-1918. (organizational structure and activities)]. Avtoreferat dis. ... kand. ist nauk. 24 p. [in Russian]

Aksenov, 2020 — Aksenov, V.B. (2020). Sluhi, obrazy, emocii. Massovyje nastroeniya rossiyan v gody vojny i revolyucii (1914–1918). [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians during the years of war and revolution (1914-1918)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 992 p. [in Russian]

Astashov, 1994 — Astashov, A.B. (1994). Vserossijskoj soyuz gorodov v 1914-1918 gg. [All-Russian Union of Cities in 1914-1918]. Avtoreferat dis. ... kand. ist nauk. M., 27 p. [in Russian]

- [Astashov, 2012](#) – *Astashov, A.B.* (2012). Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoj mirovoj vojny. [Propaganda on the Russian front during the First World War]. M.: Spetskniga, 400 p. [in Russian]
- [Avrekh, 1985](#) – *Avrekh, A.Ya.* (1985). Raspad tret'eiyun'skoj sistemy. [Collapse of the June Third system]. Moscow: Nauka, 260 p. [in Russian]
- [Belova, 2011](#) – *Belova, I.B.* (2011). Pervaya Mirovaya vojna i rossijskaya provinciya (1914 – fevral' 1917 g.). [First World War and the Russian province (1914 – February 1917)]. M.: AIRO-XXI, 228 p. [in Russian]
- [Bukalova, 2014](#) – *Bukalova, S.V.* (2014). Gosudarstvennaya politika trezvosti v gody pervoj mirovoj vojny [State policy of sobriety during the First World War]. *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 3: 18-25. [in Russian]
- [Buldakov, 2014](#) – *Buldakov, V.P.* (2014). Avgust 1914-go: priroda «patrioticheskikh» nastroyenij [August 1914: the nature of «patriotic» sentiments]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. 4: 4-22. [in Russian]
- [Butrin, 2012](#) – *Butrin, E.S.* (2012). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' ivanovo-voznesevskikh fabrikantov v period Pervoj Mirovoj vojny. [Charitable activities of Ivanovo-Voznesensk manufacturers during the First World War]. *Metsenaty russkoi provintsii: istoriya i sovremennost'*. Ivanovo, pp. 38-50. [in Russian]
- [Denikin, 1990](#) – *Denikin, A.I.* (1990). Put' russkogo oficera [The path of the Russian officer]. M.: Prometei, 292 p. [in Russian]
- [GAIO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Ivanovskoj oblasti [State Archives of Ivanovo Region].
- [Gisin, 1946](#) – *Gisin, S.L.* (1946). Vserossijskij zemskij soyuz (politicheskaya evolyuciya s iyunya 1914 po fevral' 1917 g.). [All-Russian Zemstvo Union (political evolution from June 1914 to February 1917)]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. M., 25 p. [in Russian]
- [Golovin, 1926](#) – *Golovin, N.N.* (1926). Iz istorii kampanii 1914 goda na russkom fronte. Nachalo vojny i operacii v Vostochnoj Prussii [From the history of the 1914 campaign on the Russian front. The beginning of the war and operations in East Prussia]. Praga: Plamya, 436 p. [in Russian]
- [Golovin, 2016](#) – *Golovin, N.N.* (2016). Rossiya v Pervoj mirovoj vojne [Russia in the First World War]. M.: Veche, 560 p. [in Russian]
- [Kir'yanov, 1970](#) – *Kir'yanov, Yu.I.* (1970). Ob oblike rabocheho klassa v Rossii [On the appearance of the working class in Russia]. Rossiiskii proletariat: oblik, bor'ba, gegemoniya. M.: Nauka. Pp. 100-140. [in Russian]
- [Kolonickij, 2023](#) – *Kolonickij, B.I.* (2023). Tragicheskaya erotika»: Obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny. [Tragic Erotica: Images of the Imperial Family during the First World War]. M.: Novoe literaturnoi obozrenie, 520 p. [in Russian]
- [Laverychev, 1957](#) – *Laverychev, V.Ya.* (1957). Rabochee dvizhenie v Ivanovo-Voznesenske v gody Pervoj mirovoj vojny. [Labor movement in Ivanovo-Voznesensk during the First World War]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 159 p. [in Russian]
- [Obzor..., 1914](#) – Obzor deyatel'nosti Ivanovo-Voznesenskogo Blagotvoritel'nogo obshchestva za 1914 god [Overview of the activities of the Ivanovo-Voznesensky Charitable Society for 1914]. Ivanovo-Voznesensk: Tipolitografiya A.I. Diligenskogo, 1915. 88 p. [in Russian]
- [Obzor..., 1915](#) – Obzor deyatel'nosti Ivanovo-Voznesenskogo Blagotvoritel'nogo obshchestva za 1915 god [Overview of the activities of the Ivanovo-Voznesensky Charitable Society for 1915]. Ivanovo-Voznesensk: Tipolitografiya A.I. Diligenskogo, 1917, 1916. 80 p. [in Russian]
- [Obzor..., 1916](#) – Obzor deyatel'nosti Ivanovo-Voznesenskogo Blagotvoritel'nogo obshchestva za 1916 god [Overview of the activities of the Ivanovo-Voznesensky Charitable Society for 1916]. Ivanovo-Voznesensk: Tipolitografiya A.I. Diligenskogo, 1917. 75 p. [in Russian]
- [Omel'yanchuk, 2019](#) – *Omel'yanchuk, I.V.* (2019). Monarhicheskie organizacii Vladimirskoj gubernii v period Pervoj mirovoj vojny [Monarchist organizations of the Vladimir province during the First World War]. *Novejshaya istoriya Rossii*. 3: 625-641. [in Russian]
- [Otchet..., 1915](#) – Otchet po kruzhechnomu sboru, proizvedennomu 3-go maya 1915 g. na pomoshch' sem'yam prizvannyh na vojnu [Report on the collection made on May 3, 1915 to help the families of those drafted to the war]. Ivanovo-Voznesensk: Tipolitografiya A.I. Diligenskogo, 1915. 8 p. [in Russian]
- [Paleolog, 1991](#) – *Paleolog, M.* (1991). Carskaya Rossiya vo vremya mirovoj vojny [Tsarist Russia during the World War]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 240 p. [in Russian]
- [Pashkov, 2010](#) – *Pashkov, V.E.* (2010). Antialkogol'naya kampaniya v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. [Anti-alcohol campaign in Russia during the First World War]. *Voprosy istorii*. 10: 80-93. [in Russian]
- [Porshneva, 2004](#) – *Porshneva, O.S.* (2004). Krest'yane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody pervoj mirovoj vojny. [Peasants, workers and soldiers of Russia on the eve and during the First World War]. M.: ROSSPEN, 365 p. [in Russian]
- [Porshneva, 2016](#) – *Porshneva, O.S.* (2016). Obshchestvennye nastroyeniya v ural'skih guberniyah v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – nachalo 1917 g.) [Public moods in the Ural provinces during the First World War (1914 – early 1917)]. *Velikaya voyna*. Vyp. 5. M.: Kvadriga, pp. 31-44. [in Russian]

Rossiya..., 2014 — Rossiya v gody Pervoj mirovoj vojny: ekonomicheskoe polozhenie, social'nye processy, politicheskij krizis [Russia during the First World War: economic situation, social processes, political crisis]. M.: ROSSPEN, 2014. 982 p. [in Russian]

Shevyrin, 2003 — *Shevyrin, V.M.* (2003). Vlast' i obshchestvennyye organizatsii v Rossii (1914-1917). [Power and public organizations in Russia (1914-1917)]. M.: INI ON RAN. 151 p. [in Russian]

Sobolev, 1968 — *Sobolev, G.L.* (1968). Pis'ma v Petrogradskij Sovet rabochih i soldatskih deputatov kak istochnik dlya izucheniya obshchestvennoj psihologii v Rossii v 1917 g. [Letters to the Petrograd Council of Workers' and Soldiers' Deputies as a source for the study of social psychology in Russia in 1917]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Vyp. 1. L.: Nauka, pp. 159-173. [in Russian]

Sudavcov, 2001 — *Sudavcov, N.D.* (2001). Zemskoe i gorodskoe samoupravlenie v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. [Zemstvo and city self-government in Russia during the First World War]. M.; Stavropol': Izdatel'stvo Stavropol'skogo universiteta. 718 p. [in Russian]

Tyutyukin, 1972 — *Tyutyukin, S.V.* (1972). Vojna, mir, revolyuciya. Idejnaya bor'ba v rabochem dvizhenii Rossii 1914-1917 gg. [War, peace, revolution. Ideological struggle in the Russian labor movement 1914-1917]. M.: Mysl', 304 p. [in Russian]

Tyutyukin, 2008 — *Tyutyukin, S.V.* (2008). Rossiya: ot Velikoj vojny — k Velikoj revolyucii. [Russia: from the Great War to the Great Revolution Voina i obshchestvo v XX veke: v 3 kn. Kn. 1. M.: Nauka. Pp. 120-160. [in Russian]

Volobuev, 1964 — *Volobuev, P.V.* (1964). Proletariat i burzhuaziya v Rossii v 1917 godu [The proletariat and the bourgeoisie in Russia in 1917]. M.: Mysl', 358 p. [in Russian]

Yudin, 2014 — *Yudin, N.V.* (2014). Patrioticheskij pod'em v nachale Pervoj mirovoj vojny [Patriotic upsurge at the beginning of the First World]. *Vestnik MGIMO*. 4: 17-25. [in Russian]

Zotova i dr., 1983 — *Zotova, O.I., Novikov, V.V., Shorohova, E.V.* (1983) Osobennosti psihologii krest'yanstva (budushchee i nastoyashchee) [Features of the psychology of the peasantry (future and present)]. M.: Nauka, 168 p. [in Russian]

Общественная консолидация подданных Российской империи в период Первой мировой войны

Роман Васильевич Парма ^{a, *}

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются формы консолидации российского общества в годы Первой мировой войны на материале крупных промышленных городов, где взаимодействие общества и власти было наиболее интенсивным. Автор приходит к выводу, что, несмотря на все усилия просвещенной общественности, включавшей чиновничество, буржуазию и интеллигенцию, ей не удалось достичь высокой степени единения с низшими слоями городского общества. Более того, весьма мощный консолидационный импульс первых месяцев войны, основанный на эмоциональном подъеме и завышенных ожиданиях, стал достаточно быстро улетучиваться. Консолидация «просвещенных» слоев российского общества, хотя и сохранялась в 1915–1916 гг., приняла во многом инерционные формы. Прослеживалась и даже увеличивалась отчетливая ментальная дистанция между политическими элитами, интеллигенцией и основной массой населения Российской империи. Культурно-психологический раскол «верхов» и «низов» российского общества наиболее ярко проявился во время антиалкогольной кампании, которая вместо «отрезвления общества» привела к накоплению в нем негативной энергии. При этом следует признать, что в 1915–1916 гг. весьма эффективной и востребованной формой поведенческой (а не декларативной) консолидации различных слоев населения были общественные сборы на разные военные нужды, но организация их полностью ложилась на плечи интеллигенции и чиновничества, тогда как рабочие выступали в данном случае исключительно в роли объекта воздействия. Принимая на себя некоторые функции государства, общественность постепенно накапливала политическую энергию, тогда как правительство постепенно теряло в ее глазах прежний авторитет ввиду управленческой неэффективности, неспособности как добиться решающих успехов на фронте, так и сформулировать приемлемую внутривнутриполитическую повестку дня, отвечающую интересам широких масс.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, общество, власть, общественная консолидация, политическая мобилизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rvparma@mail.ru (Р.В. Парма)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2118-2127
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2118

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Coverage of the Brusilov's Breakthrough in the Russian Army Newspaper "Soldatskii Vestnik" (May 22 – June 22, 1916). Part 1

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c, Alexander Y. Epifanov ^d, Milena S. Bratanovskaya ^e

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Moscow University for Industry and Finance «Synergy», Moscow, Russian Federation

^e Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

The paper considers the coverage of the Brusilov's breakthrough of the Russian troops of the Southwestern Front on the pages of the newspaper "Soldatskii vestnik". The attention is paid to the coverage of the first month of this offensive operation, namely, May 22 – June 22, 1916.

In conclusion, the authors state that the offensive operation of the Russian troops of the Southwestern Front (Commander General A.A. Brusilov) began on May 22, 1916. Already on the first day of the offensive, Russian troops managed to break through the enemy's defenses and capture about 13 thousand prisoners. In total, during the first month (May 22 – June 22, 1916) of the offensive of the Russian troops, about 250 thousand enemy soldiers and officers were captured, or 8.3 thousand people per day. The first week was especially effective, when about 115 thousand people were captured from May 22 to May 30. In the subsequent period, the intensity of the enemy's resistance increased. Despite the fact that the enemy often launched counterattacks and used asphyxiating gases, the Russian troops, overcoming this resistance, still continued their offensive, albeit at a slower pace. As for the coverage of the Brusilov's breakthrough on the pages of the army newspaper "Soldatskii vestnik", at the time considered by the authors, the main source of information was the reports of the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief. When there was not enough information from the reports, the newspaper published materials of newspaper employees telling about the successes of the South-Western Front, as well as speeches by officials.

Keywords: newspaper, "Soldatskii vestnik", Brusilov's breakthrough, May 22, 1916, Russian Empire, Russian Army, South-Western Front.

1. Введение

Брусиловский прорыв (22 мая – 31 июля 1916 г.) являлся одной из наиболее успешных наступательных операций русской армии по прорыву эшелонированной обороны противника в период Первой мировой войны. Изначально наступательная операция проводилась силами четырех армий (7-я, 8-я, 9-я и 11-я армии) русского Юго-Западного фронта под командованием генерал-адъютанта А.А. Брусилова. Позднее на этот театр боевых действий были переброшены 3-я и Особая русские армии. В данной работе делается попытка рассмотреть отражение Брусиловского прорыва в русской армейской периодической печати, а именно в газете «Солдатский вестник», издаваемой штабом 6-й русской армии.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

2. Материалы и методы

Источниковая база нашего исследования представлена пошивкой армейской газеты «Солдатский вестник», издаваемой штабом 6-й русской армии. Для освещения Брусиловского прорыва были привлечены все номера газеты за период с 25 мая по 25 июня 1916 г., а именно номера: 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176 и 177. В указанное время газета издавалась на четырех страницах формата А3 и печаталась в типографии Императорской Николаевской военной академии в Петрограде. Редактором газеты был полковник П.А. Риттих. Помимо официальной информации от штаба Верховного Главнокомандующего, в газете публиковались материалы, посвященные последним известиям из жизни в России и зарубежных стран. Также в газете публиковались «Сведения о противнике» и «Телеграммы», представлен был и литературный отдел, где печатались рассказы, дневники и стихотворения.

Методологически наше исследование опирается на источниковедческий метод и метод контент-анализа. Благодаря применению этих методов мы можем проанализировать освещение Брусиловского прорыва в русской армейской газете «Солдатский вестник». А также сделать выводы о степени интенсивности наступательной операции в разное время, высчитать среднесуточные потери противника пленными, а также обратить внимание на специфику освещения боевых действий на страницах периодической печати.

3. Обсуждение

Историография темы нашего исследования обширна, поэтому мы не ставим себе задачу специально (глубоко) рассмотреть публикации, посвященные Брусиловскому прорыву. Можем лишь отметить, что в начале XXI века интерес исследователей к этой теме не пропадает.

Так, современные авторы рассматривают события Брусиловского прорыва, в том числе в контексте юбилейных событий (100-летие с момента начала операции). Так, Брусиловский прорыв как самую успешную войсковую операцию Первой мировой войны рассматривали А.М. Чуковский и Е.В. Анфалов ([Чуковский, Анфалов, 2017](#)). В свою очередь, В.В. Егерев обращался к этой теме в контексте столетнего юбилея ([Егерев, 2016](#)). Обращались авторы и к биографии генерала А.А. Брусилова ([Синютин, 2014](#)).

Отдельное направление в историографии Брусиловского прорыва составляет Брусиловский прорыв на материалах региональной периодической печати. Так, например А.Н. Рухлин рассматривал Брусиловский прорыв на материалах симбирской и самарской периодической печати ([Рухлин, 2019](#)), С.Ф. Фоминых и А.О. Степанов рассматривали эту же тему на материалах сибирской периодической печати ([Фоминых, Степнов, 2016](#)), О.Ю. Стародубова анализировала Брусиловский прорыв на газетах изданных в 1916 г. ([Стародубова, 2014](#)).

Также необходимо отметить и что сама газета «Солдатский вестник» уже становилась источником для рассмотрения такой темы, как дети на фронтах Первой мировой войны. Этой теме посвятили свое исследование Г. Райович и С.Н. Братановский ([Rajović, Bratanovskii, 2023](#)).

4. Результаты

В период Первой мировой войны главным источником информации о событиях на фронте являлись сводки штаба Верховного Главнокомандующего, которые публиковались ежедневно и преследовали целью информирование российского общества о событиях на фронте. Исходя из этого, сводки станут одним из главных источников нашей работы. Ввиду того, что газета «Солдатский вестник» не была ежедневным изданием, то, как правило, в каждом номере газеты публиковалось две и более ежедневных сводок штаба.

Первые обрывчатые упоминания о начале Брусиловского прорыва в армейской прессе появились 25 мая 1916 г. Так, в газете «Солдатский вестник» № 168 за 25 мая 1916 г. в сводке датированной 23 мая 1916 г. «От Верховного Главнокомандующего» отмечалось: «Вчера 22-го мая утра начался бой на фронте от реки Припяти до румынской границы. При содействии артиллерии, наши войска во многих участках имели крупные успехи. До настоящего времени (23 мая 1916 г. – Авт.) взято около 13 тыс. пленных, орудия, пулеметы. Сражение развивается. Артиллерия продолжает постепенное разрушение неприятельских укреплений и закрытий. Пехота, по мере успеха артиллерийской подготовки овладевает неприятельскими позициями» ([От верховного..., 1916: 1-2](#)). Таким образом уже в первом информационном сообщении от штаба Русской армии, отмечалось, что наступательная операция, впоследствии получившая название Брусиловский прорыв, была осуществлена за счет массированного применения русскими артиллерии. В том же номере газеты была опубликована и сводка за 24 мая: «На фронте от р. Припяти до румынской границы наши войска продолжают развивать достигнутые 23 мая успехи. К настоящему времени число взятых нами пленных возросло до 480 офицеров и более 25 тыс. нижних чинов. Захвачено 27 орудий и более 50 пулеметов» ([От верховного..., 1916: 1-2](#)). В этих первых официальных сообщениях от штаба русской армии дважды подчеркивалось, что наступление развивается на фронте от р. Припяти до румынской границы, то есть акцентировалось внимание на наличии достаточно широкого фронта.

28 мая 1916 г. выходит 169-й номер «Солдатского вестника» и в нем Брусиловский прорыв становится главной темой номера. Так в сводке за 25 мая 1916 г. «От штаба Верховного Главнокомандующего» отмечалось: «Успехи наших войск на Волыни, в Галиции и Буковине развиваются. Цифры взятых пленных и трофеев при выбитии противника с его сильно укрепленных позиций продолжают расти. С начала последних боев и до полудня 24 мая армиями генерала Брусилова взято в плен 900 офицеров и более 40 тыс. нижних чинов, захвачено 77 орудий, 134 пулемета, 49 бомбометов. Кроме того, захвачены прожекторы, телефоны, походные кухни, много ручного оружия, снаряжение и значительные склады огнестрельных запасов. Часть батарей захвачена нашей пехотой целиком со всеми орудиями и зарядными ящиками. Последние бои на деле доказали неприятелю рост наших боевых средств. Эти бои закрепляют веру в то, что по мере дальнейшего развития этих средств неприятельские укрепленные линии будут разрушаться с еще большим успехом. Мужество же и порыв войск свидетельствуются самими результатами, достигнутыми всего лишь за три дня боев. Верховный Главнокомандующий Государь Император уже вчера в 10 часов вечера послал из царской ставки привет войскам генерал-адъютанта Брусилова за одержанный успех: «Передайте моим горячо любимым войскам вверенного Вам фронта, что я слежу за их молодецкими действиями с чувством гордости и удовлетворения, ценю их порыв и выражаю им самую сердечную благодарность. Да поможет нам Господь изгнать врага из пределов наших. Убежден, что все постоит дружно и поработают до конца во славу русского оружия. Николай» (От штаба..., 1916: 1). Иными словами, уже на 3-й день наступления абстрактная формулировка ширины русского наступления «от р. Припяти до румынской границы» обрастает весьма конкретными географическими названиями: «Волынь, Галиция и Буковина». В то же время в сводке была подана надежда, что «неприятельские укрепления будут разрушаться в будущем с еще большим успехом» и, наконец, публикации телеграммы императора продемонстрировала августейшее внимание ко всем участникам наступления, от солдата до генерала.

В этом же номере была опубликована сводка от штаба Верховного Главнокомандующего за 26-ое мая: «24 мая наши войска, развивая наступление на направлении Ровно-Ковель, на плечах опрокинутого неприятеля с боем овладели районом города Луцка и заняли самый город. Во многих местах наши войска не только овладели линией реки Стыри и Иквы, но и, переправившись через них, продолжают наступление. В Галиции на Нижней Стрыпе энергичным натиском пехоты, поддержанной огнем артиллерии, взяты сильные укрепления неприятеля на фронте Тржибуховце – Язловец. Войска подошли вплотную к линии реки Стрыпы. Сверх указанного количества пленных 40 тыс. человек и трофеев во вчерашних боях вновь взято в плен 58 офицеров и около 11 тыс. нижних чинов. Вновь захвачено еще невыясненное количество орудий, пулеметов, складов оружия, походные кухни, телефонное имущество» (От штаба..., 1916: 1-2). Резюмирую, в сообщении от штаба отмечалось: «Результаты боев 22-25 мая 1916 г. в Волыни и Галиции позволяют уже теперь считать достигнутый успех, крупной победой нашего оружия и полным прорывом неприятельского укрепленного фронта» (От штаба..., 1916: 2). Эффект первых трех дней наступления был настолько велик, что его продолжали обсуждать и спустя пять дней после начала наступления. Причинами этого было то, что русские войска сделали практически невозможное – прорвали эшелонированную линию обороны противника и взяли находящийся в тылу противника город Луцк. Прорыв этой обороны в условиях так называемого «позиционного тупика», когда противоборствующие войска создали мощную цепь фортификационных сооружений, считался практически невозможным.

В сводке за 27 мая 1916 г. Штаб Верховного Главнокомандующего сообщал, что противник предпринимал значительные меры, чтобы купировать наступление русских войск, также начали публиковаться отдельные подвиги русских частей: «На Волыни и в Галиции сражение продолжается. Германцы стремятся остановить развитие нашего прорыва. Замечено прибытие германских частей из района севернее Полесья. В числе взятых нами пленных много германцев. Несмотря на сильное местами сопротивление неприятеля, на всем фронте от Припяти до румынской границы наше наступление продолжается. На многих участках наша конница имела случай атаковать в конном строю. Из отдельных эпизодов боев известны: атак казачьей сотни в Суска (восточнее Луцка), укрепившегося противника, закончившаяся захватом двух орудий, 8 зарядных ящиков и 200 ящиков со снарядами, захват нашими разведчиками у Борятин (юго-восточнее Луцка) двух 10-сантиметровых орудий, 4 офицеров и 160 нижних чинов, и у Добрятина (на Икве ниже Млынова) одного 10-сантиметрового орудия и 35 ящиков со снарядами. На одном из участков в числе прочей добычи захвачено 30 баллонов с удушливыми газами. Молодые части наших армий соперничают в доблести с наиболее славными старыми полками. Так, молодые полки одной дивизии, сформированной из ополченческих частей, стремительным ударом смяли противника на реке Стыри и на его плечах ворвались в предмостное укрепление у местечка Рожище, взяв в плен около 2,5 тыс. германцев и австрийцев, пулеметы и богатую добычу. Река Стрыпа перейдена нами и наши части достигли реки Злоты (Поток)... Число пленных значительно возросло. Ранее показанному общему числу (958 офицеров и более 51 тыс. нижних чинов австрийцев и германцев) надо добавить взятых во вчерашних боях еще 185 офицеров и 13714 нижних чинов. Всего за операцию пока взято в плен зарегистрированных 1143 офицера и более 64,7 тыс. нижних чинов» (От штаба..., 1916: 2). Уже спустя

5 дней от времени начала русского наступления противник перегруппировавшись начинает оказывать слабоорганизованное, но сопротивление. В экстренном порядке Германия начинает перебрасывать свои части в помощь австро-венгерским войскам. В то же время в сводке начинает уделяться внимание отдельным эпизодам из боевой жизни наступающих частей.

В этом же номере «Солдатского вестника» за 28 мая 1916 г. была опубликована и первая заметка автора под псевдонимом А.Ч. «Наши успехи на Южном фронте». В этой заметке отмечалось: «После продолжительного затишья штаб Верховного Главнокомандующего известил нас о новых успехах наших чудо-богатырей на Южном фронте. Хотя подробностей боев в сообщении пока не имеется, но из него видно, что наша доблестная армия начала наступление в большом масштабе от реки Припяти до румынской границы приблизительно на 400 верстном фронте, и в первые же четыре дня было взято 958 офицеров и более 50 тыс. нижних чинов...» (А.Ч., 1916: 2). Публикация заметки «Наши успехи на южном фронте» впервые в «Солдатском вестнике» дала представление читателю о ширине фронта в километрах (в данном случае в верстах). Важно отметить, что такие внесводочные публикации являлись дополнительным источником информации и позволяли оценивать результаты русского прорыва не только сухим армейским языком штабных офицеров, которые акцентировали свое внимание только на самом главном и интересном.

Тем временем 2 июня был издан 170-й номер «Солдатского вестника» № 170, в котором была опубликована сводка от штаба Верховного Главнокомандующего за 28 мая 1916 г. В ней, в частности, отмечалось: «Войска генерала Брусилова продолжают наступление и преследование противника. Ведя бой с арьергардами неприятеля, наши войска переправляются через реку Стырь как ниже, так и выше Луцка. Части, успевшие переправиться, преследуют неприятеля, пытающегося задерживаться на тыловых позициях. В Галиции, северо-западнее Тарнополя, в районах Глядки и Цеброва идет горячий бой за высоты, несколько раз переходившие из рук в руки. Бельгийские бронированные машины оказывают мощную поддержку нашим войскам. Прорыв неприятельского фронта в районе Нижней Стрыпы привел к овладению укрепленной позицией на восточном берегу Стрыпы. Сегодня, 28 мая, на рассвете наши войска вступили в город Бучач и, развивая наступление вдоль Днестра, захватили селение Сцянка. В селе Поток-Злоты захвачен большой артиллерийский парк со снарядами и патронами. Наступление продолжается. Во вчерашних боях вновь взято в плен 97 офицеров и около 5,5 тыс. нижних чинов и захвачено 11 орудий. Всего за операцию пока взято в плен зарегистрированных 1240 офицеров и около 71 тыс. нижних чинов...» (От штаба..., 1916а: 1). То есть в сводке от 28 мая штабные офицеры называют целый ряд географических названий, чтобы дать читателю понимание о районе боевых действий и достигнутых там успехах. Таким образом формировался нарратив об успехах русской армии и местах ее боевой славы.

В сводке за 29 мая 1916 г. сообщались некоторые подробности войсковой операции русской армии в Галиции: «на одном из участков взятых неприятельских позиций нами захвачены 21 прожектор, 2 обоза, 29 походных кухонь, 47 пулеметных двуколки, 12 тыс. пудов колючей проволоки, 1 тыс. бетонных брусьев, 7 млн бетонных кубов..., огромные склады огнестрельных припасов, снаряжения и разного имущества. На другом участке нами взято 300 тыс. ружейных патронов, 300 коробок пулеметных лент, 200 ящиков ручных гранат... В боях вчерашнего дня вновь взято в плен: 1 генерал, 409 офицеров, 35 тыс. нижних чинов, 30 орудий, 13 пулеметов и 5 бомбометов» (От штаба..., 1916а: 1-2). В сводке за 29 мая центральное внимание было уделено захваченной русской армией добыче, ее перечисляют вплоть до бетонных брусьев. В тоже время принципиально новым становится то, что среди пленных оказался и один генерал. Такое упоминание должно было свидетельствовать о действительно знаковых событиях происходящем в зоне русского наступления.

В сводке за 30 мая сообщалось, что «на многих участках ведется преследование разбитого неприятеля. Местами идут жаркие бои с противником, переходящим в отчаянные контратаки. Общее число взятых нами пленных возросло до 1,7 тыс. офицеров и 113 тыс. нижних чинов» (От штаба..., 1916а: 2). 30 мая штаб русской армии оповещает, что противник осуществляет контратаки, стремясь остановить русское наступление. Нужно понимать, что к концу первой недели русские войска были сильно изнурены походными маршами, по мере продвижения вперед растягивались и пути снабжения войск, что затрудняло не только боевое, но и продовольственное обеспечение. В сводке за 31 мая штаб Верховного Главнокомандующего сообщал, что «на путях от Дубно на Козин (противником) брошена целая сеть телефонных проводов, множество патронов, минометы, автомобили, узкоколейка с большим количеством вагонеток и продовольственный склад... В селе Садагура (севернее Черновец) захвачен большой склад инженерного имущества и подвесная железная дорога» (От штаба..., 1916а: 3). Когда становилось очевидным, что войска находятся в состоянии восстановления боеспособности, офицеры штаба армии в сводке отмечали взаимные артиллерийские обстрелы или же, как в данном случае, пересчитывали захваченную добычу.

В сводке от 1 июня 1916 г. сообщалось: «На всем фронте к югу от Полесья и до румынской границы наши войска продолжают теснить неприятеля. За вчерашний день вновь взято в плен около 6 тыс. нижних чинов, при 20 офицерах, захвачено 6 орудий, 10 пулеметов, много зарядных ящиков... Некоторые части противника находятся в совершенном расстройстве... В лихой конной атаке наши казаки в районе Затурцы изрубили эскадрон неприятеля...» (От штаба..., 1916а: 3). В этом сообщении

вновь рассматривался достигнутые успех русских войск и впервые после длительного затишья, в связи с позиционной войной, стала появляться информация о действиях кавалерии. Кавалерийские действия стали возможными благодаря подвижности фронта, то есть противник в результате прорыва обороны не располагал единой линией фортификационных сооружений.

4 июня 1916 г. вышел очередной (№ 171) номер газеты «Солдатский вестник», в данном номере были представлены сводки штаба верховного главнокомандующего за 2-е и 3-е июня. Так, в сводке за 2 июня было опубликовано немного подробностей о Брусиловском прорыве, отмечалось только, что наступление продолжается и взяты новые пленные (От штаба..., 1916b: 1). В сводке за 3 июня 1916 г. давались некоторые пояснения о ходе военной операции в Галиции и Полесье: «Один из молодых полков ... в брод по горло переправился через реку. Одна из рот, попав в глубокое место, погибла смертью героев. Доблесть войск и начальников увенчалась беспорядочным бегством неприятеля. При этом нами взято в плен 70 офицеров, 5 тыс. нижних чинов и захвачено 2 орудия, много пулеметов, тысячи винтовок, патронов, огромные запасы колочей проволоки... В войсках генерала Щербачева, геройскими усилиями вчера к 9 часам вечера австрийцы были опрокинуты в районе Грайворонка – Гниловоды (западный берег р. Стыри северо-западнее Бучача); упорный бой с австрийцами и поддерживающими их, германцами еще продолжается. Пока взято до 6 тыс. пленных, орудия, пулеметы... Лихие донские казаки взяли в плен 7 офицеров и 600 нижних чинов» (От штаба..., 1916b: 2). Этим нарративом была введена информация, что русская армия не только бьет неприятеля, но и несет потери. Причем эти потери не являются напрасными, а благодаря этому русская армия продолжает победоносно наступать.

Публикация официальных сводок требовала и дополнительного подтверждения русского успеха на войне. Такие подтверждения часто публиковались в качестве заметок, и в них в качестве источников использовались сведения из столиц враждебных России стран. Так, в этом же (171-м) номере газеты была опубликована заметка «Паника в Австрии». В этой заметке отмечалось: «Бухарест. 1 июня. По полученным из Вены сведениям, паника, охватившая население Австрии, ни поддается никакому описанию, так как никто не ожидал русского наступления в виду заверения правительства о неприступности австрийских позиций. Австро-венгерская печать старается успокоить общественное мнение, указывая на то, что не следует тревожиться по поводу русского наступления, так как и в прошлом году русские войска продвигались вперед, но были остановлены» (Паника..., 1916: 3). Нарратив о панике в австро-венгерской столице должен был создать у читателя ощущение, что воюющая Австро-Венгрия находится в очень нестабильной ситуации из-за последствий русского наступления.

В очередном (№ 172) номере газеты за 8 июня 1916 г. были опубликованы сводки за 4 – 7 июня 1916 г. Так, в сводке за 4 июня среди прочего отмечалось: «С целью остановить наше наступление на Львов неприятель, усиленный подвезенными с других фронтов частями, ведет во многих местах яростные контратаки на войска генерала Брусилова. На реке Стыри, к западу от местечка Колки вчера вечером неприятель под сильным огнем нашей артиллерии перешел в наступление в районе деревни Гадомичи. Отбив атаку, наши войска на плечах неприятеля ворвались на его позицию на северном берегу Стыри, взяв при этом в плен свыше 15 офицеров и 800 нижних чинов... Белорусские гусары в конном строю при содействии огня конной артиллерии произвели лихую атаку цепей неприятеля и, пройдя три линии этих цепей, перекололи и изрубили более двух рот австрийцев» (От штаба..., 1916c: 1). В этой сводке вновь отмечается применение русскими кавалерии, а также попытках противника стабилизировать ситуацию на фронте.

5 июня в сводке штаба отмечалось, что «на фронте армии генерала Брусилова неприятель, оказывая упорное сопротивление, переходил в неоднократные контратаки. С успехом их отражая и на многих направлениях тесня неприятеля, наши войска продолжают наступать, беря пленных и добычу. Вчера в 4 часа дня войска ... взяли штурмом предместное укрепление города Черновицы на левом берегу р. Прута. После упорного боя на переправах через реку Прут, мосты через которую были взорваны неприятелем, город Черновицы занят нами. Войска преследуют неприятеля, отходящего к Карпатским перевалам. При взятии укрепления захвачено более 1 тыс. пленных; в городе Черновицах захвачены орудия» (От штаба..., 1916c: 2). О многочисленных контратаках противника говорится и в данной сводке, тем не менее русское наступление продолжалось.

6 июня в сводках сообщалось: «На фронте армий генерала Брусилова противник пытается своими контратаками остановить наше движение на Львов. В районе д. Роговичи юго-восточнее с. Локачи австрийцы большими массами повели атаку на наши части и, прорвав один из боевых участков, захватили 3 орудия батареи, доблестно державшейся на позиции до последнего патрона. Подоспевшими резервами прорвавшийся неприятель был опрокинут, при чем нами отбито одно из захваченных им орудий и взято в плен 300 нижних чинов при двух пулеметах. В районе Кобытницы юго-восточнее Свинохи (юго-восточнее Локачей) один из наших молодецких полков перешел в контратаку и обратил наступающих в бегство; в то же время взвод нашей легкой батареи выдвинулся на опушку леса и прямой наводкой расстреливал бегущих; нами захвачено 4 пулемета, 3 офицера и 100 нижних чинов... Общее число взятых нами пленных за 5 июня – около 3 тыс. человек» (От штаба..., 1916c: 2). Сводкой за 6 июня был введен нарратив о том, что бои стали иметь ожесточенное значение, «австрийцы большими массами

повели атаку», где-то русские войска несут потери и даже теряют отдельные орудия, но неизменно ответными мерами русские восстанавливают свое положение.

В сводке за 7 июня сообщалось: «Яростные контратаки неприятеля на многих участках фронта армий генерала Брусилова продолжаются... Наши войска, произведя контратаку в районе деревни Роговичи юго-восточнее села Локачи, отбросили неприятеля, захватив в плен 16 офицеров и 1,2 тыс. нижних чинов при 8 пулеметах. При этом решительном натиске отмечаются очень искусные действия одного стрелкового батальона, ударившего не только во фланг противнику, но и вдоль всего фронта. Этот батальон одного из славнейших стрелковых полков не только обратил противника в бегство, но и отбил обратно те три орудия нашей доблестной батареи, о потерях которых упоминалось во вчерашнем сообщении штаба, захватив, кроме того, 300 пленных и два пулемета» (От штаба..., 1916с: 2). В данном нарративе говорится уже о возвращении всех трех утраченных ранее орудиях. При этом отмечается геройство и искусные действия одного стрелкового батальона. Ранее отмечалось геройство только на более высоком армейском уровне – полковом, то есть групповой русский комбатант стало более узнаваем, нежели в начале операции.

В этом же номере была опубликована статья уже известного нам А.Ч. «Наши успехи на Южном фронте». В этот раз А.Ч. дает несколько важных пояснений по развитию русского наступления: «...мы уже знаем, что наши доблестные войска заняли Радзивиллов и теснят неприятеля на Броды, то есть, иначе говоря, что наши войска двигаются по линии железнодорожного пути, идущего на Львов, и что в этом месте они уже перешли австрийскую границу. Затем нашими доблестными войсками взят город Черновицы. Взятие этого города имеет большое значение, так как теперь в этом районе наш противник разобщен от остальной австро-венгерской железнодорожной сети и предоставлен самому себе...» (А.Ч., 1916а: 3). Данное сообщение дает представление об особенностях наступления и конкретизирует, что русские войска, двигаясь вдоль железнодорожной линии, уже перешли российско-австрийскую границу.

11 июня 1916 г. вышел очередной, 173-й номер газеты «Солдатский вестник», в этом номере были опубликованы сводки штаба за 8-10 июня 1916 г. Так, в сводке за 8 июня отмечалось: «Ожесточенные бои продолжаются... Проявляя бешенную настойчивость в районе д. Ворончин северо-восточнее Киселина, германцы произвели здесь неоднократные атаки при поддержке ураганного огня тяжелой и легкой артиллерии. Наши молодые полки вечером 7-го июня стремительной атакой обратили немцев в бегство, захватив 9 пулеметов и пленных, принадлежавших к составу нескольких полков. В 3 час ночи на 8-е июня с. Райместо на Стоходе (северо-восточнее Ворончина), неприятель атаковал колоннами. Дело дошло до штыковой схватки. Немцы не выдержали и бежали, оставив в наших руках раненых и пленных...» (От штаба..., 1916d: 1). В данной сводке штаб Верховного Главнокомандующего продолжал продвигать нарратив об ожесточенных боях, которые, тем не менее, завершались победой русского оружия.

9 июня 1916 г. сводка штаба сообщала о попытках противника практически повсеместно наступать. Причем к западу от Сокуля (на Стыри) наступление противника было отражено контратакой русских войск, при этом было захвачено около 600 пленных и несколько пулеметов. На левом фланге русские войска заняли город Радауц, в ходе преследования были захвачены 22 офицера и около 1 тыс. нижних чинов (От штаба..., 1916d: 2). 10-го июня сводка штаба сообщала, что немцы продолжают делать попытки перейти в наступление, но везде безуспешно (От штаба..., 1916d: 2). Таким образом, мы видим, что данными сводками штаб пытался внедрить в сознание читателя уверенность, что русская армия готова и одерживает победы даже в неблагоприятных для себя условиях.

Новый жанр, применяемый во фронтовой пропаганде Русской армии, – это свидетельства высокопоставленных очевидцев. Так, в 173-м номере рассматриваемой нами газеты в разделе «Телеграммы» была опубликована беседа журналиста лондонской газеты «Таймс» с командующим русского Юго-Западного фронта генерал-адъютантом А.А. Брусиловым: «Решительный успех моих армий отнюдь не является результатом случая или же слабости австрийцев, но представляет собой применение на практике уроков, почерпнутых за два года ожесточенной борьбы с германцами. В начале войны, в особенности же прошлым летом, у нас не хватало тех запасов, которые делались германцами в течение 50 лет. Лично я не падал духом, глубоко веря в русские войска и в выносливость русского человека; я был убежден, что при наличности боевых припасов, мы сделаем то, что сделали за последние две недели. Успехом своим мы обязаны главным образом полной согласованности действий всех армий и старательно выработанному плану совместных операций различных частей, поддерживающих друг друга. Наше наступление началось в одно и то же самое время по всему южному фронту, что лишило противника возможности перебрасывать войска с одной части фронта на другую. Мы оказывали равномерное давление на всю линию фронта» (Беседа..., 1916: 3). Это интервью должно было показать читателю – русскому солдату, что его командование фронта профессионально готовило данную операцию и что в русском генералитете есть выдающиеся стратеги, которые могут сокрушить военную машину противника.

Очередной 174-й номер газеты «Солдатский вестник» вышел 15 июня 1916 г. Здесь были опубликованы сводки за 11-14 июня. Так, в сводке за 11 июня среди прочего сообщалось: «9 июня вечером противник открыл сильный артиллерийский огонь по участку Березина – деревня Кобы

(к востоку от места Богданов), причем выпустил облако белого дыма. Последнее было рассеяно своевременно принятыми мерами. К ночи пехота противника в значительных силах повела наступление. Встреченный нашей штыковой контратакой, противник в беспорядке бежал в свои окопы, оставив перед нашими проволочными заграждениями много трупов... Западнее Радзивилова один из наших полков после артиллерийской подготовки ворвался в окопы неприятеля и захватил в плен 4 офицеров, одного врача и 303 нижних чинов...» (От штаба..., 1916e: 1). Таким образом, в сводке за 11 июня штабные офицеры отметили применение противником боевых отравляющих газов в ходе этого русского наступления (Брусилловского прорыва), но даже такие хитрые уловки неприятеля не могли поколебать русского солдата в деле защиты своего Отечества.

В сводке от 12 июня сообщалось: «... Западнее Снятыня наши войска с боем продвигаясь вперед, заняли селения Килихов и Тулуков. Еще вечером 10 июня после упорного боя взят нами город Кимполунг. Захвачено в плен около 60 офицеров и 2 тыс. нижних чинов и 7 пулеметов. На железнодорожной станции захвачен подвижной состав. Взятие городов Кимполунга и Кутты (Вишниц) отдает в наши руки всю Буковины...» (От штаба..., 1916e: 2). В сводке штаба вновь поднимается тема об освобождении российских населенных пунктов и пленении солдат неприятеля, причем авторами выражается надежда на скорое освобождение всей Буковины.

В сводке за 13 июня отмечалось: «На излуцинах Днестра к югу от Бучача донцы с боем переправились у Сновидува и, сбив передовые части противника, заняли деревни Секергин и Петрув, захватив в плен 5 офицеров и 350 нижних чинов» (От штаба..., 1916e: 2). Таким образом, 13 июня вновь среди прочего была дана важная информация о пусть и малозначительной, но победе русской армии.

Наконец, в сводке за 14 июня была следующая информация: «... На Черновицком направлении наши части оттеснили противника за р. Дубовец (южный приток Прута, впадающий у Заблугува). По полученным от армии генерала Брусиллова последнему подсчету, количество пленных и трофеев за время с 22-го мая по 10 июня включительно составляет: 4013 генералов, офицеров и врачей, 194041 нижних чинов, 219 орудий, 644 пулемета, 195 бомбометов, 146 зарядных ящиков, 38 прожекторов» (От штаба..., 1916e: 3). В сводном сообщении от 14 июня штаб опять говорил об успехах русских войск и опубликовал сведения о количестве пленных, захваченных в ходе Брусилловского прорыва в период с 22 мая по 10 июня.

18 июня был опубликован очередной (175-й) номер газеты «Солдатский вестник», здесь были опубликованы сводки за 15-17 июня. Так, в сводке за 15 июня сообщалось: «... Стараясь задержать наше наступление в Буковине, противник во многих местах препятствует всеми средствами наводке мостов через реки и стремится испортить уже наведенные. Несмотря на это, наши саперные и понтонные части, преодолевая все препятствия, с редким самоотвержением успешно выполняют свои задачи» (От штаба..., 1916f: 1). В сводке за 15 июня впервые говорится о представителях инженерных войск (саперах и понтонщиках), которые проявляли героизм при наведении переправ в условиях русского наступления.

В сводке за 16 июня приводились некоторые детали предыдущих боев: «Вчера 15 июня, после артиллерийской подготовки войска генерала Лечицкого (командующий 9-й армии Юго-западного фронта – Авт.), несмотря на отчаянное сопротивление неприятеля, нанесли ему сильный удар в районе между реками Днестр и Прутом, взяв три линии окопов... До 7 часов вечера вчерашнего дня зарегистрировано взятых за день пленных 221 офицер и 10285 нижних чинов; взято много пулеметов. Одним из испытанных полков захвачена целиком 4-орудийная тяжелая батарея с полной запряжкой» (От штаба..., 1916f: 1). В сводке за 17 июня отмечалось: «К югу от Днестра наши войска преследуют неприятеля, отступающими в панике австрийцами бросается много повозок и имущества; пленные продолжают прибывать. Получены донесения о взятии с боем сел Обертын и окрестных деревень...» (От штаба..., 1916f: 2). Победные реляции видны и в сводных сообщениях за 16-17 июня, благо поводы для этого имелись.

В рубрике «Последние известия» была помещена заметка «Газета «Таймс» о наших успехах»: «Русские одержали громадные успехи. Даже австрийцы не пытаются уменьшить значения успехов русской армии. Весь австрийский фронт от Припяти до Румынии поколеблен. Русское наступление явилось полной неожиданностью для австрийцев, которые совершенно не предполагали, что у русских окажется такое громадное количество орудий. Возможно, что перевооружение русской армии еще не закончилось. Однако с каждым днем приближается время, когда русские смогут сразиться с врагом на равных условиях» («Таймс» о наших успехах, 1916: 2).

22 июня 1916 вышел 176-й номер «Солдатского вестника». В этом номере были опубликованы сводки за 17-21 июня 1916 г. Так, в сводке штаба Верховного Главнокомандующего сообщалось: «Город Коломыя (Коломея) - важнейший узел железных дорог Буковины, занят сегодня нашими войсками левого крыла. Противник отходит далее на запад, задерживаясь на заранее подготовленных позициях... По последним донесениям, общее количество пленных за время с 22-го мая до 15-го июня включительно достигло 212 тыс. человек (считая в том числе офицеров). Приток пленных продолжается» (От штаба..., 1916g: 1). В этой сводке штаб проинформировал о занятии русскими войсками очередного города и отчитался о пленении уже более чем 200 тыс. человек.

В сводке за 18 июня сообщалось: «... Число взятых войсками генерала Лечицкого пленных за 15-е и 16-е июня составляет 305 офицеров и 14574 нижних чина при четырех орудиях и 30 пулеметах...» (От штаба..., 1916g: 1). В сводке за 19 июня отмечалось: «Войска генерала Лечицкого после упорного боя штурмом взяли позиции противника в районе западнее Коломыи. Захвачено пока до 2 тыс. пленных вновь подвезенных в этот район частей...» (От штаба..., 1916g: 2). В сводке за 20 июня сообщалось: «В районе Зубильно – Затурцы австрийцы, наступавшие большими массами, отброшены с большими потерями. Взято в плен свыше 700 человек и 3 пулемета. Восточнее д. Угринов (на середине линии Луцк – Горохов) свежие силы противника остановили наше наступление и начали нас теснить. В этом периоде боя наступавший неприятель был атакован во фланг нашей конницей... Стремительным ударом неприятель был опрокинут и большей частью изрублен. Лихая поддержка кавалерии помогла нашей пехоте перейти в наступление. Здесь взято до 800 пленных» (От штаба..., 1916g: 2). В сводке за 21 июня отмечалось: «... Попытка противника переправиться через р. Стырь в районе д. Липы была нами отражена. За ночь здесь взято в плен 11 офицеров и около 1 тыс. нижних чинов и захвачено 5 пулеметов... В продолжающемся бою южнее Цирина (северо-восточнее Барановичей) нами были прорваны две линии неприятельских укреплений. Количество пленных и трофеев, взятых в этом районе в течение вчерашнего дня, возросло до 72 офицеров и 2,7 тыс. нижних чинов, 11 орудий, несколько пулеметов и бомбометов» (От штаба..., 1916g: 2). В сводках за 18-21 июня штаб сообщал читателю, что, несмотря на сложную обстановку, войска продолжают свое наступление и в ряде мест достигают значительных успехов.

И, наконец, 25 июня 1916 г. вышел 177-й номер газеты «Солдатский вестник». Этот номер содержал сводки штаба за период с 21 по 24 июня. Для нас же представляют интерес сводки только за период 21-22 числа, так как последующие дни выходят за рамки изучаемого нами периода. Итак, 21 июня 1916 г. в сводке штаба сообщалось: «В продолжающемся бою северо-восточнее Барановичей противник оказывает упорное сопротивление, сиюсь сдержат натиск наших войск. Деревня Екимимовичи восточнее ст. Барановичи несколько раз переходила из рук в руки и в результате осталась за нами... Северо-западнее ст. Чарторийск в районе д. Вулька-Галузийская нами с боем взят сильно укрепленный участок неприятельской позиции. Взяты пленные. К западу от Колки наши войска овладели первой линией окопов в районе д. Туман» (От штаба..., 1916h: 1). В сводке от 22 июня была следующая интересующая нас информация: «... В крайне ожесточенном бою на р. Стыри западнее Колки неприятель был опрокинут. Нами здесь взято свыше 5 тыс. пленных при 170 офицерах, захвачено 3 орудия, более 17 пулеметов, 2 прожектора, несколько тысяч винтовок... Переправившись через Стырь выше устья р. Липы, неприятель был нами атакован и прижат к реке. Здесь захвачено в плен 7 офицеров и 257 нижних чинов при двух пулеметах» (От штаба..., 1916h: 1).

Последние сведения о количестве пленных в сводках штаба сообщались за 15 июня 1916 г. – к этому времени в плен попало 212 тыс. человек (От штаба..., 1916g: 1). Однако и в последующую неделю (16-22 июня) войска генерала Брусилова продолжали брать пленных. Таким образом, за месяц наступательной операции русских войск с 22 мая по 22 июня было пленено около 250 тыс. человек.

5. Заключение

Наступательная операция русских войск Юго-западного фронта (командующий генерал А.А. Брусилев) началась 22 мая 1916 г. Уже в первый день наступления русским войскам удалось прорвать оборону противника и захватить около 13 тыс. пленных. Всего же за первый месяц (22 мая – 22 июня 1916 г.) наступления русских войск было захвачено около 250 тыс. солдат и офицеров противника, или по 8,3 тыс. человек в день. Особенно эффективной была первая неделя, когда с 22 по 30 мая было захвачено в плен около 115 тыс. человек. В последующий период интенсивность сопротивления противника возросла. Несмотря на то, что противник часто предпринимал контратаки, использовал удушливые газы, русские войска, преодолевая это сопротивление, все равно продолжали свое наступление, хотя и с меньшим темпом. Что касается освещения Брусилевского прорыва на страницах армейской газеты «Солдатский вестник», то в рассматриваемое нами время основным источником информации были сводки штаба Верховного Главнокомандующего. Когда информации из сводок было недостаточно, то в газете публиковались материалы сотрудников газеты, повествующих об успехах Юго-западного фронта, а также выступления официальных лиц.

Литература

- От верховного..., 1916 – От верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 25 мая. № 168.
- От штаба..., 1916 – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 28 мая. № 169.
- А.Ч., 1916 – А.Ч. Наши успехи на южном фронте // *Солдатский вестник*. 1916. 28 мая. № 169.
- От штаба..., 1916a – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 2 июня. № 170.
- От штаба..., 1916b – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 4 июня. № 171.

- Паника..., 1916** – Паника в Австрии // *Солдатский вестник*. 1916. 4 июня. № 171.
- От штаба..., 1916c** – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 8 июня. № 172.
- А.Ч., 1916a** – Наши успехи на южном фронте // *Солдатский вестник*. 1916. 8 июня. № 172.
- От штаба..., 1916d** – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 11 июня. № 173.
- Беседа..., 1916** – Беседа с генерал-адъютантом Брусиловым // *Солдатский вестник*. 1916. 11 июня. № 173.
- От штаба..., 1916e** – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 15 июня. № 174.
- От штаба..., 1916f** – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 18 июня. № 175.
- «Таймс» о наших успехах, 1916** – «Таймс» о наших успехах // *Солдатский вестник*. 1916. 18 июня. № 175.
- От штаба..., 1916g** – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 22 июня. № 176.
- От штаба..., 1916h** – От штаба верховного главнокомандующего // *Солдатский вестник*. 1916. 25 июня. № 177.
- Чуковский, Анфалов, 2017** – Чуковский А.М., Анфалов Е.В. Самая успешная войсковая операция Первой мировой войны – Брусиловский прорыв // *Военный научно-практический вестник*. 2017. № 2(7). С. 169-174.
- Егереv, 2016** – Егереv В.В. Брусиловский прорыв (к столетию наступательной операции русского Юго-западного фронта) // *Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения: военно-научный журнал*. 2016. № 2(38). С. 4-9.
- Рухлин, 2019** – Рухлин А.Н. Брусиловский прорыв в симбирской и самарской периодической печати и его итоги // Национальные приоритеты России. 2019. № 1 (32). С. 9-14.
- Фоминых, Степнов, 2016** – Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Брусиловский прорыв в зеркале сибирской прессы // *Русин*. 2016. № 2 (44). С. 44-57.
- Стародубова, 2014** – Стародубова О.Ю. Освещение событий Брусиловского прорыва в периодической печати 1916 г. // *История и историческая память*. 2014. № 10. С. 52-60.
- Синютин, 2014** – Синютин С.С. А.А. Брусилов – полный генерал Русской армии и последний полководец царской России // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2014. № 2. С. 101-108.
- Rajović, Bratanovskii, 2023** – Rajović G., Bratanovskii S.N. The Evolution of the Image “Children at War 1914–1915” (based on the Materials of the Newspaper “Soldatskii Vestnik”) // *Bylye Gody*. 2023. 18(3): 1532-1538.

References

- «Taims» o nashikh uspekhakh, 1916** – «Taims» o nashikh uspekhakh [“The Times” about our successes]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 18 iyunya. № 175. [in Russian]
- A.Ch., 1916** – A.Ch. (1916). Nashi uspekhi na yuzhnom fronte [Our successes on the southern front]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 28 maya. № 169.
- A.Ch., 1916a** – Nashi uspekhi na yuzhnom fronte [Our successes on the southern front]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 8 iyunya. № 172. [in Russian]
- Beseda..., 1916** – Beseda s general-ad'yutantom Brusilovym [Conversation with Adjutant General Brusilov]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 11 iyunya. № 173. [in Russian]
- Chukovskii, Anfalov, 2017** – Chukovskii, A.M., Anfalov, E.V. (2017). Samaya uspeshnaya voiskovaya operatsiya Pervoi mirovoi voyny – Brusilovskii proryv [The most successful military operation of the First World War – the Brusilov breakthrough]. *Voennyye nauchno-prakticheskii vestnik*. 2(7): 169-174. [in Russian]
- Egerev, 2016** – Egerev, V.V. (2016). Brusilovskii proryv (k stoletiyu nastupatel'noi operatsii russkogo Yugo-zapadnogo fronta) [Brusilov's breakthrough (to the centenary of the offensive operation of the Russian South-Western Front)]. *Nauchnyi vestnik Vol'skogo voennogo instituta material'nogo obespecheniya: voenno-nauchnyi zhurnal*. 2(38): 4-9. [in Russian]
- Fominykh, Stepnov, 2016** – Fominykh, S.F., Stepnov, A.O. Brusilovskii proryv v zerkale sibirskoi pressy [Brusilov's breakthrough in the mirror of the Siberian press]. *Rusin*. 2(44): 44-57. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916** – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 28 maya. № 169. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916a** – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 2 iyunya. № 170. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916b** – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 4 iyunya. № 171. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916c** – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego // *Soldatskii vestnik*. 1916. 8 iyunya. № 172. [in Russian]

- Ot shtaba..., 1916d** – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 11 iyunya. № 173. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916e** – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 15 iyunya. № 174. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916f** – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 18 iyunya. № 175. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916g** – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 22 iyunya. № 176. [in Russian]
- Ot shtaba..., 1916h** – Ot shtaba verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 25 iyunya. № 177. [in Russian]
- Ot verkhovnogo..., 1916** – Ot verkhovnogo glavnokomanduyushchego [From the headquarters of the Supreme Commander-in-Chief]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 25 maya. № 168. [in Russian]
- Panika..., 1916** – Panika v Avstrii [Panic in Austria]. *Soldatskii vestnik*. 1916. 4 iyunya. № 171. [in Russian]
- Rajović, Bratanovskii, 2023** – *Rajović, G., Bratanovskii, S.N. (2023). The Evolution of the Image “Children at War 1914–1915” (based on the Materials of the Newspaper “Soldatskii Vestnik”). Bylye Gody. 18(3): 1532-1538.*
- Rukhlin, 2019** – *Rukhlin, A.N. (2019). Brusilovskii proryv v simbirskoi i samarskoi periodicheskoi pechati i ego itogi [Brusilov’s breakthrough in the mirror of the Siberian press]. Natsional’nye priority Rossii. 1(32): 9-14. [in Russian]*
- Sinyutin, 2014** – *Sinyutin, S.S. (2014). A.A. Brusilov – polnyi general Russkoi armii i poslednii polkovodets tsarskoi Rossii [A.A. Brusilov – full general of the Russian army and the last commander of Tsarist Russia]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2: 101-108. [in Russian]*
- Starodubova, 2014** – *Starodubova, O.Yu. (2014). Osveshchenie sobytii Brusilovskogo proryva v periodicheskoi pechati 1916 g. [Coverage of the events of the Brusilov breakthrough in the periodical press of 1916]. Istoriya i istoricheskaya pamyat’. 10: 52-60. [in Russian]*

Освещение Брусиловского прорыва в русской армейской газете «Солдатский вестник» (22 мая – 22 июня 1916 г.). Часть 1

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c, Александр Егорович Епифанов ^d, Милена Сергеевна Братановская ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^e Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В работе рассматривается освещение Брусиловского прорыва русских войск Юго-западного фронта на страницах газеты «Солдатский вестник». Уделено внимание освещению первого месяца этой наступательной операции, а именно 22 мая – 22 июня 1916 г.

В заключении авторы отмечают, что наступательная операция русских войск Юго-Западного фронта (командующий генерал А.А. Брусилов) началась 22 мая 1916 г. Уже в первый день наступления русским войскам удалось прорвать оборону противника и захватить около 13 тыс. пленных. Всего же за первый месяц (22 мая – 22 июня 1916 г.) наступления русских войск было захвачено около 250 тыс. солдат и офицеров противника, или по 8,3 тыс. человек в день. Особенно эффективной была первая неделя, когда с 22 по 30 мая было захвачено в плен около 115 тыс. человек. В последующий период интенсивность сопротивления противника возросла. Несмотря на то, что противник часто предпринимал контратаки, использовал удушливые газы, русские войска, преодолевая это сопротивление, все равно продолжали свое наступление, хотя и с меньшим темпом. Что касается освещения Брусиловского прорыва на страницах армейской газеты «Солдатский вестник», то в рассматриваемое авторами время основным источником информации были сводки штаба Верховного Главнокомандующего. Когда информации из сводок было недостаточно, то в газете публиковались материалы сотрудников газеты, повествующих об успехах Юго-Западного фронта, а также выступления официальных лиц.

Ключевые слова: газета, «Солдатский вестник», Брусиловский прорыв, 22 мая 1916 г., Российская империя, Русская армия, Юго-Западный фронт.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(4): 2128-2135
DOI: 10.13187/bg.2023.4.2128

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Local Cathedral: Historical and Legal Significance

Dina V. Alontseva ^{a, *}, Olga N. Grishaeva ^a, Vladimir P. Litvinov ^a, Roman V. Tikhonov ^a

^a Bunin Yelets State University, Russian Federation

Abstract

This article examines the activities of the Local Council, and assesses its work for both the history of Russia and Russian Orthodox Christianity. The work of the Council in 1917–1918 was at the same time a religious and political event, the starting point for the establishment of a new government of the church. The influence of the Local Council on the political situation in the country, on the one hand, had a positive impact on the development of society by expanding civil and political rights, on the other hand, this period opened the way for violent clashes between various political and religious movements, which led to the destruction of spiritual traditions and mass social unrest. Russian Orthodox Church Local Council, held in 1917–1918, became the first council of the highest hierarchs of the Russian Orthodox Church since 1689. The issues discussed during the work of the Council and the projects adopted determined the state-church relations. The historical significance of the activity of the decisions taken by the council consisted in the restructuring of the hierarchical structure and internal structure of the church, building an “ideal” model of the relationship between church and state, attitudes to family and spiritual and moral values. One of the key issues of the Council's activity was the decision on the restoration of the patriarchate and the election of the patriarch. The difficult political situation contributed to the immediate election and enthronement of Metropolitan Tikhon as Patriarch of Moscow and All Russia. The participants of the Council also developed a draft Definition “On the relationship of the Church to the state”, aimed at defining the basic principles of state-church interaction.

Keywords: Local Council, state and church, problem of relationship, historiography.

1. Введение

В начале XX в. Российское государство пережило период политических и социальных потрясений, оказавших глубокое влияние на все сферы жизни. Одним из ключевых событий этого периода стала революция 1917 г., приведшая к свержению царской власти и установлению большевистского режима.

В ходе революции и последовавшей за ней Гражданской войной на просторах России произошли колоссальные изменения. В это непростое время возникла необходимость в создании собора – места, где могли бы обсуждаться самые острые вопросы и приниматься важные решения о будущем страны. Именно Поместный Собор 1917–1918 гг. стал своеобразной лабораторией исторических преобразований, которая готовила почву для формирования новой России.

Однако, несмотря на важность обсуждений, проходивших на Поместном Соборе, результаты часто недооценивались и забывались из-за последующих событий и потрясений. Но следует признать, что идеи, выдвинутые на этом соборе, нашли свое продолжение и отражение в дальнейшем развитии России.

Тема Поместного собора 1917–1918 гг. значима, актуальна, важна и на сегодняшний день. Эти события всегда будут ключевыми моментами в истории России и Русской Православной Церкви. Мы выделим несколько основных причин, которые делают эту тему обсуждаемой в наше время.

* Corresponding author

E-mail addresses: dina.alontseva@mail.ru (D.V. Alontseva), olya.grishaeva.85@mail.ru (O.N. Grishaeva), vladlenli@yandex.ru (V.P. Litvinov), 478042316789@mail.ru (R.V. Tikhonov)

Во-первых, Поместный собор 1917–1918 гг. был одновременно религиозным и политическим событием. Это был период, когда Россия переживала сложные потрясения. И когда страна буквально распалась на части в результате Первой мировой войны и революции 1917 г., Собор стал отправной точкой для установления нового правления церкви. Сегодня мы также переживаем политические и социальные перемены, и роль церкви как института приобретает особую актуальность и значимость.

Во-вторых, Поместный Собор имел принципиальное значение для сохранения православия в России. В то время церковь столкнулась с серьезными вызовами, связанными с изменением политической и социальной обстановки. Тем не менее, было принято решение об укреплении православной традиции и веры в условиях модернизации. Сегодня мы видим, что религиозные ценности и традиции подвергаются испытаниям, и роль церкви является насущной.

В-третьих, Поместный собор внес значительный вклад в реформирование и развитие Русской Православной Церкви. Были приняты решения о восстановлении патриаршества, улучшении дисциплины священников, поддержке и развитии профессионального образования в Церкви. Эти вопросы и на данный момент имеют большое значение для Церкви, которая постоянно стремится совершенствоваться и улучшать свою работу, отвечая на новые вызовы и потребности современного общества.

Важным элементом, который делает рассматриваемую тему актуальной, является влияние Поместного собора на политическую ситуацию в стране. Многовековая традиция самодержавия была подорвана не только революцией 1917 г., но и действиями участников Поместного собора. С одной стороны, реформаторский потенциал, несомненно, оказал положительное влияние на развитие общества, расширение гражданских и политических прав. С другой стороны, этот период открыл дорогу ожесточенным столкновениям между различными политическими и религиозными течениями, что привело к разрушению духовных традиций и массовым социальным беспорядкам.

Еще одной причиной актуальности данной темы является то, что это событие помогает нам лучше понять смыслы и ценности, лежащие в основе российского общества. Оно указывает на взаимоотношения между государством и религией, на поиск баланса между авторитаризмом и демократией. Понимание этих идей и их исторического контекста необходимо для формирования современного общества, основанного на принципах свободы, справедливости и равенства.

Несмотря на сложность и неопределенность, Собор оставил свой след в истории страны, и до сих пор напоминает о важности поиска консенсуса по ключевым вопросам национального развития. Это историческое событие не только имело огромное значение для России и Церкви того времени, но и оставило ценные уроки. Данное событие показывает нам, как важны религиозные ценности в контексте вызовов политических и социальных перемен, и насколько необходимо постоянное развитие и совершенствование в круговороте времени.

2. Материалы и методы

Источниковедческой базой для написания данной статьи послужили документы Поместного Собора (Деяния. Книга III, 1994: 359; Деяния. Книга IV, 1996: 13; Деяния. Книга IX, 1998: 260; Деяния. Книга X, 2000: 255), позволившие нам осмыслить его наследие. Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви представляют собой свод документов (стенограмм, пленарных заседаний, проектов определений, итоговых решений), находившихся на протяжении XX века под идеологическим запретом. Их изучение и анализ позволяют выявить специфику взаимоотношения светской и религиозной власти в эпоху государственных преобразований.

Историко-правовой характер проводимого исследования определяет методологическую основу, включающую принципы историзма, системности и объективности в оценке исторических событий, связанных с созывом Поместного Собора.

Для построения единой концепции государственно-церковных отношений и определения роли Поместного Собора в системе взаимоотношения государства и церкви был избран проблемно-хронологический подход. Анализ историко-правовых фактов, раскрывших истоки существовавших проблем, обусловил применение исторического метода.

Осмысление значимости созыва Поместного Собора в 1917–1918 гг. в жизни государства и общества послужило основанием для использования историко-политического метода. Изучение организационно-правового регулирования деятельности Поместного Собора и рассматриваемых им вопросов потребовало обращения к системному подходу, позволившему полноценно оценить его деятельность, определить его роль и значение в религиозном и политическом плане.

Оценка исторических событий обусловила совмещение теоретико-юридического и исторического направлений. Анализ научного материала осуществлялся на основе синтеза хронологического и проблемно-категориального способов изложения, позволивших исследователям охватить весь процесс созыва соборов для управления внутренними делами церкви и разрешения вопросов государственно-церковного взаимодействия.

Общенаучные, частные и специальные методы познания позволили дать объективную оценку деятельности Поместного собора. Общенаучный диалектический метод позволил рассмотреть проблемные аспекты деятельности Поместного Собора, взаимоотношение государства и церкви,

обосновать значение института Патриаршества, показать законодательно-правовые основы советского законодательства. Методы формальной логики позволили оценить преобразования в государственно-конфессиональных отношениях на современном этапе сквозь призму историко-правовой традиции. Методы научного познания помогли выстроить гипотезу о важности консенсуса государственно-церковных отношений и влиянии религиозных ценностей на общественное развитие.

3. Обсуждение

Исследованию вопроса деятельности Поместного Собора в 1917-1918 гг. в отечественной доктрине уделяется значительное внимание.

Среди диссертационных исследований по данному аспекту можно особо отметить работы Соколова А.В. «Государство и православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг.» (Соколов, 2014: 810); К.В. Ковырзина «Российская православная церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г.)» (Ковырзин, 2010: 29), Е.Г. Коробовой «Взаимоотношения государства и Церкви в России: проблемы типологии и периодизации в аспекте воплощения идеи теократии» (Коробова, 2009: 24), Ю.А. Катунина «Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917–1939 гг.: на материалах Крыма» (Катунин, 2004: 44), Дорской А.А. «Вопрос о свободе совести в Российском законодательстве 1905–1917 гг.» (Дорская, 1997: 16). Представленные исследования с разных позиций затрагивают деятельность и значение Поместного Собора в государственно-политическом плане. По нашему мнению, объективная оценка деятельности Поместного Собора, его значения для развития государственно-конфессиональных отношений в научной среде в настоящее время исследована не в полной мере. Это связано с рядом обстоятельств, в том числе и с запретом на доступ к архивным документам о деятельности Собора, что затрудняло исследователям выстраивать объективные концепции, давать оценку происходившим событиям. Как справедливо отметил А.И. Мраморнов, «для историографии первого и второго десятилетий XXI в., с одной стороны, характерно появление многих работ, носящих новаторский характер; с другой стороны, не сокращается число трудов, повторяющих избитые определения и оценки» (Мраморнов, 2023: 174).

В настоящее время опубликовано множество статей как со стороны научной среды, так и общественной, посвященных деятельности Поместного Собора. Стоит поддержать позицию А.И. Мраморнова, которой, на наш взгляд, предложил объективную периодизацию исследований о Поместном Соброе, обозначив не только вышедшие издания, но и проведенные научные мероприятия, затронувшие работу Поместного Собора (Мраморнов, 2023: 174-175).

Полагаем, проводимые современными учеными исследования позволят объективно оценить деятельность Поместного Собора, определить его значение в политическом, идеологическом и правовом аспекте государственного развития. В процессе исследования нами были изучены работы М.А. Бабкина (Бабкин, 2010: 52-61), И.В. Воронцовой (Воронцова, 2017: 105-120), В.В. Вяткина (Вяткин, 2008: 196-202), Д.В. Поспеловского (Поспеловский, 1995: 511), М.В. Шкаровского (Шкаровский, 2017: 228-241), Д.В. Алонцевой, Е.В. Сафроновой (Алонцева, Сафронова, 2011: 463-472), А.Н. Кашеварова (Кашеваров, 2018: 14-21).

4. Результаты

Традиция созыва соборов (собраний высших церковных иерархов) для управления внутренними делами Церкви и разрешения теологических вопросов восходит к раннехристианским собраниям апостолов в I в. н.э. Через века эта традиция воплотилась в организации Вселенских соборов, на которые съезжались иерархи со всего христианского мира, и соборов поместных, т. е. местных, локальных. Поместные соборы созывались и на Руси начиная с XIII в.

Поместный собор Православной российской Церкви, прошедший в 1917–1918 гг., стал первым собором высших иерархов Русской Православной Церкви с 1689 г. Традиция созыва соборов, как и многие другие, оказалась упразднена в ходе реформ Петра I. Начиная с царствования Петра Русская Православная Церковь была полностью подчинена государю и встроена в государственный аппарат на правах еще одного органа государственной власти в ходе церковной реформы 1701–1722 гг. Причиной этого решения, с точки зрения Петра, была необходимость усмирения могущественной и, что самое главное, не одобрявшей начинаний молодого царя силы в лице Церкви. В таком виде Церковь, управляемая отныне Святейшим Синодом с обер-прокурором во главе и Императором Всероссийским в качестве главы всей Церкви, просуществовала вплоть до XX в.

Несмотря на то, что Поместный собор был созван только при Временном правительстве, необходимость этого шага стала очевидной задолго до того. Социальный запрос сформировался на фоне сближения Церкви и интеллигенции в рамках религиозно-философских кружков, которые в 1901–1903 гг. были разрешены в Санкт-Петербурге. Именно на встречах этих кружков под влиянием интеллигенции родилась идея реорганизации Церкви, «лежащей в параличе» (Воронцова, 2017: 106). На первых порах это касалось только изменения подхода к образованию, отхода от закостеневших догм, привлечения в систему церковного образования литературных произведений, новых естественнонаучных и исторических знаний.

Революционные события 1905 г., приведшие к изданию Манифеста 17 октября 1905 г., дали сторонникам церковной реформы уверенность в возможности реализации их идей. На волне всеобщей «идеологии освобождения» возникла концепция освобождения и демократизации Церкви, пересмотра устаревших канонов и традиций теперь уже отнюдь не только в образовательной сфере, но и вопросах брака, участия мирян в церковной жизни и т.п. (Воронцова, 2017: 107). Впервые публично был поднят вопрос о созыве собора, что было поддержано членами Синода. Государство, пойдя навстречу реформаторам, учредило Предсоборное присутствие, на которое была возложена обязанность подготовить повестку будущего Поместного собора, собрать необходимый материал и предложить возможные пути решения назревших вопросов.

Предсоборное присутствие завершило свою работу 15 декабря 1906 г. За почти год работы в нем единогласно пришли к следующим основным выводам: необходимо восстановление традиции регулярного созыва соборов и передача всей полноты власти над Церковью Поместному собору; его функции между собраниями будет исполнять Синод, подконтрольный собору. Полномочия обер-прокурора предлагалось существенно сократить, а также фактически отстранить государя от решения внутренних вопросов Церкви, оставив за ним лишь защиту ее интересов (Воронцова, 2017: 106-110).

На представленный императору Николаю II доклад о результатах деятельности Предсоборного присутствия 25 апреля 1907 г. самодержец поставил резолюцию: «Собор пока не созывать». В 1912 г. Синодом была предпринята попытка вновь начать подготовку к созыву собора, для чего с разрешения Николая II было учреждено Предсоборное совещание. Однако совещание оказалось распущено в 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны. Таким образом, вопрос о проведении собора и церковных реформах повис в воздухе и оставался неразрешенным вплоть до 1917 г.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г., отречение императора от престола и установление Временного правительства дало сторонникам реформы новую надежду. Сразу же после отречения царя Синод признал новую власть, а уже 29 апреля выразил надежду на возможность освобождения Церкви (Вяткин, 2008: 196).

Временное правительство, с одной стороны, теоретически не препятствовало соборному самоуправлению Церкви; с другой же стороны, оно всячески поддерживало обер-прокурора В.Н. Львова, который весьма авторитарно управлял Синодом и епархиями, при этом активно настаивая на необходимости скорейшего созыва собора. В обществе вновь появился социальный запрос на освобождение Церкви от государственного влияния и масштабные перемены в церковной жизни (Вяткин, 2008: 199-200). Отношения Церкви и правительства в этот период были двойственными: с одной стороны, правительство дистанцировалось от Церкви, подчеркивая свою внеконфессиональность, а с другой – не спешило предоставить Церкви свободу от государственного влияния. Также и Церковь, желавшая освобождения, в то же время не спешила отказываться от государственной поддержки, в первую очередь, финансовой.

Наконец, созыв Поместного собора был назначен на 15 августа 1917 г. Местом проведения выбрали Москву. Для участия в соборе было привлечено 564 человека, в том числе 299 мирян. Председательствовал на соборе митрополит Московский Тихон (в миру В.И. Беллавин), почетным председателем был избран митрополит Киевский Владимир (В.Н. Богоявленский), сопредседателями были высшие иерархи Церкви и представители дворянства (князя Е.Н. Трубецкой и М.В. Родзянко) (Бабкин, 2010: 52).

15 августа 1917 г. в Успенском соборе Московского Кремля открылся Поместный собор. Заседания собора проходили в Московском епархиальном доме. Центральной темой дискуссий первой сессии, начавшейся в тот же день и продлившейся до декабря 1917 г., было восстановление патриаршества. Камнем преткновения стало опасение, что патриарх может существенно ограничить принцип выборности, который отстаивали сторонники верховенства Поместного собора над Церковью. Кроме того, на заседания собора поступали в больших количествах письма от находившегося в смятении населения Российской империи, которое обращалось к Церкви за разъяснением, как относиться к отречению царя. Диссонанс вызывал и тот факт, что Синод в марте 1917 г. повелел приводить к присяге Временному правительству мирян, не освободив их от прежней присяги императору. Однако материалы заседаний не содержат какого-либо свидетельства, чтобы получаемая корреспонденция выносилась на обсуждение и принимались какие-либо решения на этот счет (Бабкин, 2010: 53).

Дискуссия о восстановлении патриаршества затянулась до октября. В итоге вопрос был вынесен на обсуждение на пленарных заседаниях. Однако это было прекращено в связи со свершившимся 25 октября 1917 г. переворотом в Петрограде. В условиях прихода к власти большевиков собор постановил прекратить прения и немедленно избрать патриарха из трех кандидатов. Была выработана двухэтапная процедура выборов, которые осуществлялись с 30 октября по 5 ноября. В храме Христа Спасителя 5 ноября 1917 г. по жребию на втором этапе выборов победил митрополит Тихон, председательствовавший на соборе и набравший на предыдущем этапе наименьшее число голосов. 21 ноября он был интронизирован в сан Патриарха Московского и Всея Руси (Деянция. Книга III, 1994: 38-51).

Параллельно с выборами патриарха Поместный собор предпринимал попытки остановить боевые действия, начавшиеся в Москве после переворота в Петрограде. Была направлена делегация в Московский революционный комитет и в Кремль, где держал оборону московский гарнизон,

оставшийся верным свергнутому правительству. Делегация пыталась уговорить осаждающих прекратить обстрел Кремля (в первую очередь, храмов, находившихся на его территории) из артиллерийских орудий, а осаждающих – сдать. Увещевания собора подействовали, и московский гарнизон капитулировал, однако это не спасло находившиеся в Кремле храмы. В дальнейшем собор выступил с осуждением новой власти, устроившей кровопролитие и братоубийство, но в то же время подчеркнуто не занял ни одну из противоборствующих сторон (Кашеваров, 2018: 16).

Первая сессия собора завершилась 9 декабря 1917 г. Кроме учреждения института патриаршества, рассматривались и другие не менее важные вопросы. Среди них были следующие: правовой статус Церкви в государстве, организация высшего церковного управления, права и обязанности Патриарха (Собрание..., 1994: 6-8).

Определение правового статуса церкви было одним из ключевых аспектов в деятельности Поместного Собора. Участниками обсуждения и основными докладчиками по данному вопросу были С.Н. Булгаков и Ф.И. Мищенко. С.Н. Булгаков представил проект определения «Об отношении церкви к государству», в котором изложил основные аспекты взаимоотношения государства и церкви (Деяния. Книга IV, 1996: 13), в том числе «признание за православной церковью первенствующего положения среди других религий, независимость церкви от государственной власти в вопросах учения веры и нравственности, внутреннего устройства церкви, принадлежность представителей государственной власти к православному вероучению и др.» (Алонцева, Сафронова, 2011: 463-472).

20 января 1918 г. открылась вторая сессия Всероссийского Поместного Собора, но из-за войны и разорения империи не все члены смогли присутствовать. В первом деянии участвовало 110 соборян, в том числе 24 епископа. Несмотря на неполноту состава, собор решил открыть вторую сессию. Его главной темой стало устройство епархиального управления, в том числе выборы и положения о епархиальных архиереях. Также были созданы единоверческие кафедры для управления единоверческими приходами.

Советская власть, принимая ряд декретов в декабре 1917 г., старалась как можно сильнее отдалить Церковь от государства, лишив ее прежних рычагов влияния на народонаселение. Например, из церковного ведения были выведены образование и регистрация актов гражданского состояния (Кашеваров, 2018: 18). Подобное отношение со стороны революционеров объясняется, во-первых, расцениванием ими Церкви как пособника свергнутого эксплуататорского класса, во-вторых, несовместимостью постулатов марксизма с религией.

Окончательным разрывом стал «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 20 января 1918 г., закрепивший свободу совести и вероисповедания, уравнивавший все конфессии, национализировавший имущество религиозных общин и отстранявший их от образовательной деятельности. Этот декрет, а также эксцессы, сопряженные с убийствами духовных лиц при попытках реквизиции церковного имущества революционерами, Поместный собор и патриарх Тихон расценивали как гонения на Церковь. Все причастные к этим гонениям были преданы анафеме как еретики, богоотступники и хулители веры. Однако в первые месяцы собор, по-видимому, сохранял надежду на временный характер всех принимаемых антицерковных мер (Кашеваров, 2018: 19).

Во время второй сессии была предпринята попытка собора наладить диалог с советской властью. Делегации собора посещали правительство большевиков в попытках найти компромисс относительно «Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви», и, хотя эти попытки не увенчались успехом, это заложило принцип поиска компромиссов и диалога с властью на протяжении всего советского периода (Шкаровский, 2017: 231).

Вторая сессия завершилась 20 апреля 1918 года принятием Приходского устава, внесшего изменения в устройство приходской жизни. С одной стороны, приходы были встроены в церковную иерархию, а с другой – получили известную степень автономности. Появилось понятие союзов приходов (Шкаровский, 2017: 229).

Третья сессия открылась 19 июня 1918 г., ее повесткой стали организационные вопросы на различных уровнях, а также остро стоящий вопрос охраны церковных святынь в условиях секуляризации. В первом заседании, проходившем в Соборной палате под председательством Святейшего Патриарха Тихона, участвовало 118 членов Собора, среди них 16 епископов.

Отдельной темой на третьей сессии стало убийство в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. бывшего императора Николая II. Собор большинством голосов принял решение о проведении заупокойной литии, которую отслужил лично патриарх Тихон, а также было дано распоряжение о службе по всей России панихиды об упокоении убитого царя (Деяния. Книга IX, 1998: 148-151).

2 августа 1918 г. Собор принял определение о возможности восстановления в священном сане лиц, лишенных сана по суду. Для этого необходимо было предоставить ходатайство о пересмотре решения духовного суда в строго определенные сроки. Кроме того, Высший Церковный Суд имел полномочия признать решение о лишении священного сана неправильным по существу и форме. В данном случае решение в обязательном порядке должно быть пересмотрено или даже отменено (Деяния. Книга XX, 2000: 123).

В отношении вопроса охраны церковных святынь и имущества было принято постановление, грозящее любому православному христианину отлучением в случае участия в секуляризации

(Собрание..., 1994: 28-30). На последнем заседании Поместного собора 20 сентября 1918 г. было принято решение о созыве нового собора в 1921 г., после чего действующий собор был распущен.

Решения, принятые на Поместном соборе 1917-1918 гг., имели далеко идущие последствия. Одним из важнейших результатов стало то, о чем начиная с Первой русской революции 1905 г. говорили апологеты церковных реформ – Церковь была освобождена от государственного контроля (впрочем, совсем не так, как это видели участники собора). Был восстановлен институт патриаршества в составе Церкви.

Выработанные на соборе положения до определенной степени подготовили Церковь к грядущим годам воинствующего безбожия. Историк Д.В. Поспеловский считал, что если бы собор имел возможность продолжить заседания до 1919 г., то Церковь вступила бы в советскую эпоху гораздо более подготовленным, «живым и динамичным организмом» (Поспеловский, 1995: 45).

В трудный для Церкви период 1918–1920 гг., когда советская власть ожидала скорейшего избавления народных масс от религиозных предрассудков, именно принятое на соборе решение о проповедничестве и новая форма организации приходо-общин позволили общинам спасти церковное имущество от изъятия, а также пережить период антирелигиозной «бури и натиска» советского правительства. Вопреки ожиданиям нового правительства, начался религиозный подъем (Шкаровский, 2017: 229). Заключительное постановление собора собраться вновь через три года заложило принцип соборности, который до сих пор главенствует в Русской Православной Церкви (хотя созыв собора 1921 г. так и не состоялся из-за противодействия властей). Кроме того, все церковные органы управления, созданные в ходе Поместного собора, продолжали функционировать вплоть до 1922 г. (Шкаровский, 2017: 231).

Ряд решений в ходе заседаний собора, посвященных вопросам взаимодействия с другими конфессиями христианства и национальными частями Православной Церкви, позволил начать диалог с другими христианскими течениями. В годы гонений известны случаи, когда клирики из разных конфессий (католики, лютеране, православные) выступали единым фронтом в диалоге с властью, организовывали совместные крестные ходы и ходатайства (Шкаровский, 2017: 232).

Принятое в ходе второй сессии собора решение «О викарных епископах» позволило сохранить в годы арестов и репрессий апостольскую преемственность, не прерывая линию хиротонии (таинство рукоположения, предполагающее прямую передачу небесного благословения сквозь века от апостолов, а через них – от самого Христа). Решение о Патриаршем Местоблюстителе, принятое на закрытом заседании в 1918 г., позволило избежать новых расколов после смерти патриарха Тихона в 1925 г., и назначенный им блюститель был единогласно утвержден собранием архиереев. Политика, проводимая им, положила начало «законному» оформлению деятельности Церкви в советском государстве, несмотря на то что она пришлась на самый ожесточенный период гонений в 1930-е гг.

Возрожденная в 1940-е гг. Церковь не смогла вернуться к принципам соборных решений 1917–1918 гг., но они не были забыты. Прошло 70 лет с закрытия собора прежде, чем стало по-настоящему возможным претворять в жизнь принятые на нем решения. Возврат к принципам и решениям Поместного собора 1917–1918 гг. начался только после Поместного собора 1988 г., приуроченного к празднованию Тысячелетия Крещения Руси, в эпоху перестройки и нового мышления на закате советского государства.

5. Заключение

Деятельность Поместного Собора в начале XX века – это уникальное событие как для истории России, так и для русского православного христианства, поскольку в работе Собора обсуждались важные вопросы и принимались ключевые решения о будущем страны. Работа Собора в 1917–1918 гг. была одновременно религиозным и политическим событием, отправной точкой для установления нового правления церкви, определения модели взаимоотношения государства и церкви. Современному обществу важно изучение сложившегося опыта деятельности Поместного Собора при построении духовно-нравственных ценностей и ориентиров.

Литература

Алонцева, Сафронова, 2011 – Алонцева Д.В., Сафронова Е.В. Проблема взаимоотношения церкви и государства в творческом наследии С.Н. Булгакова // *Право и политика*. 2011. № 3. С. 463-472.

Бабкин, 2010 – Бабкин М.А. Поместный собор 1917-1918 гг.: вопрос о совести православной паствы // *Вопросы истории*. 2010. № 4. С. 52–61.

Воронцова, 2017 – Воронцова И.В. Движение за церковную реформу в России начала XX в. и Поместный Собор 1917–1918 гг. (К столетию Поместного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.) // *Исторический журнал: научные исследования*. 2017. № 4. С. 105–120.

Вяткин, 2008 – Вяткин В.В. Государственно-церковные отношения при Временном правительстве // *Государственная служба*. 2008. № 4. С. 196–202.

Деяния. Книга III, 1994 – Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Книга III. М., 1994. 259 с.

- Деяния. Книга IV, 1996** – Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Книга IX. М., 1996. 359 с.
- Деяния. Книга IX, 1998** – Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Книга IX. М., 1998. 260 с.
- Деяния. Книга X, 2000** – Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Книга IX. М., 2000. 255 с.
- Дорская, 1997** – Дорская А.А. Вопрос о свободе совести в Российском законодательстве 1905–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 1997. 16 с.
- Катунин, 2004** – Катунин Ю.А. Православная церковь и государство: проблема взаимоотношений в 1917–1939 гг.: на материалах Крыма: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. М., 2004. 44 с.
- Кашеваров, 2018** – Кашеваров А.Н. Поместный собор Русской православной Церкви и советская власть в ноябре-декабре 1917 года // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. 2018. № 1. С. 14–21.
- Ковырзин, 2010** – Ковырзин К.В. Российская православная церковь и поиски принципов церковно-государственных отношений после февральской революции (март 1917 г. – январь 1918 г.): автореф. дис. ... кандидат. истор. наук. М., 2010. 29 с.
- Коробова, 2009** – Коробова Е.Г. Взаимоотношения государства и Церкви в России: проблемы типологии и периодизации в аспекте воплощения идеи теократии: автореф. дис. ... кандидат. юрид. наук. Воронеж, 2009. 24 с.
- Мраморнов, 2023** – Мраморнов А.И. Изучение Поместного Собора 1917–1918 гг. и региональных (окружных) соборов 1918–1920 гг. в современной российской историографии // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23. Вып. 2. С. 173–181. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-173-181>
- Поспеловский, 1995** – Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. М., 1995. 511 с.
- Собрание..., 1994** – Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. 186 с.
- Соколов, 2014** – Соколов А.В. Государство и православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг.: дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2014. 810 с.
- Шкаровский, 2017** – Шкаровский М.В. Всероссийский Поместный собор 1917–1918 гг.: его значение в жизни церкви в советский период // *Христианское чтение*. 2017. № 6. С. 228–241.

References

- Alontseva, Safronova, 2011** – Alontseva, D.V., Safronova E.V. Problema vzaimootnosheniya tserkvi i gosudarstva v tvorchestvom nasledii S.N. Bulgakova [The problem of the relationship between church and state in the creative heritage of S.N. Bulgakov]. *Pravo i politika*. 3: 463–472. [in Russian]
- Babkin, 2010** – Babkin, M.A. (2010). Pomestnyi sobor 1917–1918 gg.: vopros o sovesti pravoslavnoi pastvy [Local Council of 1917–1918: the question of the conscience of the Orthodox flock]. *Voprosy istorii*. 4: 52–61. [in Russian]
- Deyaniya. Kniga III, 1994** – Deyaniya Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi. Kniga III [Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church. Book III]. М., 1994. 259 p. [in Russian]
- Deyaniya. Kniga IV, 1996** – Deyaniya Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi. Kniga IX [Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church. Book IX]. М., 1996. 359 p. [in Russian]
- Deyaniya. Kniga IX, 1998** – Deyaniya Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi. Kniga IX [Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church. Book IX]. М., 1998. 260 p. [in Russian]
- Deyaniya. Kniga X, 2000** – Deyaniya Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi. Kniga IX [Acts of the Holy Council of the Orthodox Russian Church. Book IX]. М., 2000. 255 p. [in Russian]
- Dorskaya, 1997** – Dorskaya, A.A. (1997). Vopros o svobode sovesti v Rossiiskom zakonotvorchestve 1905–1917 gg. [The question of freedom of conscience in Russian lawmaking in 1905–1917]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. SPb., 16 p. [in Russian]
- Kashevarov, 2018** – Kashevarov, A.N. (2018). Pomestnyi sobor Russkoi pravoslavnoi Tserkvi i sovetskaya vlast' v noyabre-dekabre 1917 goda [Local Council of the Russian Orthodox Church and Soviet power in November-December 1917]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU*. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 1: 14–21. [in Russian]
- Katunin, 2004** – Katunin, Yu.A. (2004). Pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo: problema vzaimootnoshenii v 1917–1939 gg.: na materialakh Kryma [The Orthodox Church and the state: the problem of relations in 1917–1939: on the materials of the Crimea]: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. М., 44 p. [in Russian]
- Korobova, 2009** – Korobova, E.G. (2009). Vzaimootnosheniya gosudarstva i Tserkvi v Rossii: problemy tipologii i periodizatsii v aspekte voploshcheniya idei teokratii [The relationship between the state and the Church in Russia: problems of typology and periodization in the aspect of the embodiment of the idea of theocracy]: avtoref. dis. ... kandidat. yurid. nauk. Voronezh, 24 p. [in Russian]
- Kovyrzin, 2010** – Kovyrzin, K.V. (2010). Rossiiskaya pravoslavnaya tserkov' i poiski printsipov tserkovno-gosudarstvennykh otnoshenii posle fevral'skoi revolyutsii (mart 1917 g. – yanvar' 1918 g.)

[The Russian Orthodox Church and the search for Principles of Church-state relations after the February Revolution (March 1917 – January 1918)]: avtoref. dis. ... kandid. istor. nauk. M., 29 p. [in Russian]

Mramornov, 2023 – *Mramornov, A.I.* (2023). Izuchenie Pomestnogo Sobora 1917–1918 gg. i regional'nykh (okruzhnykh) soborov 1918–1920 gg. v sovremennoi rossiiskoi istoriografii [The study of the Local Cathedral of 1917-1918 and regional (district) cathedrals of 1918-1920 in modern Russian historiography]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 23(2): 173-181. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-173-181> [in Russian]

Pospelovskii, 1995 – *Pospelovskii, D.V.* (1995). Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX v. [Russian Orthodox Church in the XX century]. M., 511 p. [in Russian]

Shkarovskii, 2017 – *Shkarovskii, M.V.* (2017). Vserossiiskii Pomestnyi sobor 1917-1918 gg.: ego znachenie v zhizni tserkvi v sovetskii period [All-Russian Local Council 1917-1918: its significance in the life of the church in the Soviet period]. *Khristianskoe chtenie*. 6: 228-241. [in Russian]

Sobranie..., 1994 – *Sobranie opredelenii i postanovlenii Svyashchennogo Sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917-1918 gg.* [Collection of definitions and decrees of the Holy Council of the Orthodox Russian Church 1917-1918]. M., 186 p. [in Russian]

Sokolov, 2014 – *Sokolov, A.V.* (2014). Gosudarstvo i pravoslavnaya tserkov' v Rossii, fevral' 1917 – yanvar' 1918 gg. [The State and the Orthodox Church in Russia, February 1917 – January 1918]: dis. ... dokt. ist. nauk. SPb., 810 p. [in Russian]

Vorontsova, 2017 – *Vorontsova, I.V.* (2017). Dvizhenie za tserkovnuyu reformu v Rossii nachala KhKh v. i Pomestnyi Sobor 1917–1918 gg. (K stoletiyu Pomestnogo sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917–1918 gg.) [Movement for church reform in Russia at the beginning of the 20 century and the Local Council of 1917–1918 (To the centenary of the Local Council of the Russian Orthodox Church 1917–1918)]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 4: 105-120. [in Russian]

Vyatkin, 2008 – *Vyatkin, V.V.* (2008). Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya pri Vremennom pravitel'stve [State-church relations under the Provisional Government]. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 4: 196-202. [in Russian]

Поместный собор: историческое и правовое значение

Дина Викторовна Алонцева^{a, *}, Ольга Николаевна Гришаева^a, Владимир Петрович Литвинов^a, Роман Владимирович Тихонов^a

^a Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассмотрена деятельность Поместного Собора, дана оценка его работы как для истории России, так и для русского православного христианства. Работа Собора в 1917–1918 гг. была одновременно религиозным и политическим событием, отправной точкой для установления нового правления церкви. Влияние Поместного собора на политическую ситуацию в стране оказало, с одной стороны, положительное влияние на развитие общества путем расширения гражданских и политических прав, с другой стороны, этот период открыл дорогу ожесточенным столкновениям между различными политическими и религиозными течениями, что привело к разрушению духовных традиций и массовым социальным беспорядкам. Поместный собор Русской Православной Церкви, прошедший в 1917–1918 гг., стал первым собором высших иерархов Русской Православной Церкви с 1689 г. Вопросы, обсуждаемые в ходе работы Собора, и принимаемые проекты определяли государственно-церковные отношения. Историческое значение деятельности принимаемых соборных решений заключалось в переустройстве иерархической структуры церкви, в выстраивании «идеальной» модели взаимоотношения церкви и государства и в формировании отношения к семейным и духовно-нравственным ценностям. Одним из ключевых вопросов деятельности Собора было принятие решения о восстановлении патриаршества и избрании патриарха. Сложная политическая ситуация способствовала немедленному избранию и интронизации в сан Патриарха Московского и Всея Руси митрополита Тихона. Участниками Собора также был разработан проект определения «Об отношении церкви к государству», направленный на выработку основных принципов государственно-церковного взаимодействия.

Ключевые слова: Поместный Собор, государство и церковь, проблема взаимоотношений, историография.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dina.alontseva@mail.ru (Д.В. Алонцева), olya.grishaeva.85@mail.ru (О.Н. Гришаева), vladlenli@yandex.ru (В.П. Литвинов), 478042316789@mail.ru (Р.В. Тихонов)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2023. 18(4): 2136-2144
DOI: 10.13187/bg.2023.4.2136

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Lease of Land by Old Timers and Migrants in the Altai Okrug: Comparative Analysis (Based on the Results of the 1917 All-Russian Agricultural Census)

Viktor N. Razgon ^{a, *}, Dmitry N. Belyanin ^b, Anton V. Razgon ^c

^aAltai State University, Barnaul, Russian Federation

^bT. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russian Federation

^cFinancial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

Analysis of the information contained in the database, formed on the basis of information extracted from the household questionnaires of 1917 All-Russian agricultural census, showed that in both compared settlement groups of the Altai peasantry, consumer leases of land prevailed over entrepreneurial leases, however, it became more widespread among the migrants due to the lower quality of allotment lands allocated to them and the presence a significant number of unauthorized migrants, who had no legal grounds for obtaining land plots.

The wider spread among old-timers of the lease of land for animal husbandry, and among migrants – arable land is explained by the specialization of their farms, the level of adaptation to the natural and social environment, the degree of involvement in market relations.

Both in the village of old-timers and in the village of settlers, internal land lease prevailed. The external lease, represented by the lease of land from the tsar's Cabinet, became more widespread among old-timers, since it included the lease of plots from their land use transferred to the Cabinet's land fund during the demarcation of peasant and Cabinet lands carried out in 1899–1915.

In the absence of landowners in the Altai okrug, unlike many regions of the European part of the country, in-kind payment of land rent has not received any wide distribution. With the general predominance of short-term leases characteristic of old-timers and immigrants, the lease of land on a long-term basis, which included rent for business purposes, became more widespread among old-timers, which was determined by their greater integration into the structures of regional and all-Russian markets.

Keywords: land lease, peasantry, village, old-timers, migrants, database, 1917 All-Russian agricultural census, Siberia, Altai okrug.

1. Введение

Аренда земли являлась важной составной частью поземельных отношений в российской деревне начала XX века. Ее изучение занимает важное место в исследовании всего комплекса проблем аграрной эволюции страны, так как позволяет углубить представления о приемах и методах эксплуатации крестьянства, уровне и характере развития капиталистических отношений в деревне, степени интеграции крестьянских хозяйств в структуры всероссийского рынка. В условиях отсутствия в Сибири частной крестьянской земельной собственности аренда как средство мобилизации земли имела особое значение.

На развитие земельной аренды в сибирской деревне значительное влияние оказывала массовая миграция в регион крестьян из европейской части страны. Активизация переселенческого движения

* Corresponding author

E-mail addresses: vrazgon@rambler.ru (V.N. Razgon)

в Сибирь в начале XX в. создавала ситуацию «земельной тесноты» в районах наиболее массового водворения переселенцев, что способствовало развитию арендных отношений.

Растянутость во времени аграрного освоения территории Алтая обусловила формирование здесь двух основных поселенческих групп крестьян – переселенцев и старожилов, имевших существенные различия в землепользовании, определявшиеся отличиями в исторических и правовых основаниях получения (захвата) земли в наделное пользование, в уровне плодородия используемых ими земель и пр. Это делает актуальным выявление специфики поземельных отношений в старожильческих селениях и переселенческих поселках, в том числе земельной аренды.

2. Материалы и методы

Источниковой основой для изучения земельной аренды в алтайской деревне начала XX в. послужила информация, содержащаяся в источник-ориентированной базе данных «Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.», созданной посредством компьютерной обработки первичных материалов (подворных анкет) Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. (Крестьянские хозяйства..., 2009). База данных включает сведения о демографическом и экономическом состоянии более чем 12 тыс. крестьянских домохозяйств, из которых 4 072 относятся к старожильческим, а 8 376 – к переселенческим. Содержащиеся в ней сведения об аренде земли крестьянскими домохозяйствами представлены данными о размерах аренды по видам сельхозугодий, о величине посева на арендованной земле, о владельческой принадлежности арендуемых земель, а также о сроке аренды и форме арендной платы.

Для оценки соотношения между наделной и арендованной землей в крестьянских хозяйствах, распределения арендуемых земель по видам угодий, владельческой принадлежности, формам арендной платы, срокам аренды авторами статьи использовались методы компьютеризованного статистического анализа. Для установления специфики земельной аренды в старожильческих и переселенческих домохозяйствах применялся сравнительно-исторический метод исследования.

3. Обсуждение

В историографии советского периода земельная аренда как важная составная часть поземельных отношений в деревне начала XX века изучалась как на общероссийском уровне (Анфимов, 1961), так и на региональном (Скляров, 1962: 402-411; Тюкавкин, 1966: 102-118; Горюшкин, 1967: 126-137). Е.Я. Слепцовым с привлечением большого массива статистических источников исследовалась аренда в старожильческой деревне Сибири (Слепцов, 1990).

В современной историографии изучение крестьянской земельной аренды в Сибири осуществляется на основе применения технологий баз данных и методов компьютеризованного статистического анализа информации, содержащейся в массовых источниках и, прежде всего, в первичных материалах всероссийских сельскохозяйственных переписей, проводившихся в позднимперский период. Так, П.Ф. Никулин исследовал соотношение потребительской и предпринимательской аренды в крестьянском хозяйстве Западной Сибири с использованием методов математического анализа информации, содержащейся в подворных материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Исследователь пришел к выводу о преобладании потребительской аренды в крестьянском хозяйстве региона в начале XX в., причем господствовавшую ранее натурально-потребительскую форму аренды сменила товарно-потребительская, а в зажиточном крестьянском хозяйстве аренда при сохранении отдельных потребительских свойств приобрела выраженную предпринимательскую природу, переросла в мелкую предпринимательскую форму (Никулин, 2008).

В монографии В.Н. Разгона, А.А. Храмова и К.А. Пожарской о крестьянских переселениях на Алтай в период столыпинских реформ характеризуется специфика аренды земли в хозяйствах этой группы крестьян-мигрантов, имевшей выраженный потребительский характер (Разгон и др., 2013: 234-240). Влияние переселенческой политики П.А. Столыпина на развитие арендных отношений в Томской губернии исследовал Д.Н. Белянин (Белянин, 2005).

Структура арендного фонда казенных земель в Сибири начала XX в. рассматривается в статье В.И. Пантелеева и И.И. Воронова (Пантелеев, Воронов, 2018).

Авторами настоящей статьи на основе компьютеризованного анализа информации, содержащейся в охарактеризованной выше базе данных, определяется специфика земельной аренды двух основных поселенческих групп крестьян Алтайского округа – старожилов и переселенцев.

4. Результаты

Анализ статистической информации об аренде земли в алтайской деревне, содержащейся в базе данных, показывает, что несмотря на то что у переселенцев в среднем на одно хозяйство приходилось больше наделной земли, чем у старожилов (22,4 дес. против 19,5 дес. без учета отсутствующих домохозяйств), земельная аренда в их землепользовании играла более значимую роль. Если в старожильческой деревне к аренде земли прибегали 25,4% домохозяйств, а земельные угодья, используемые по праву аренды, составляли 11,4 % всего землепользования, то у переселенцев

соответствующие показатели были выше: 33,5 % и 13,5 %. Это можно объяснить двумя причинами: во-первых, более высоким качеством земельных угодий, находившихся в наделном пользовании старожилов, во-вторых, присутствием в составе переселенцев большого числа «самовольных» мигрантов, не имевших права на получение земельных наделов. Среди переселенцев безнадельных домохозяйств насчитывалось 14,0 %, тогда как среди старожилов – всего 3,7 %.

Среди прибегавших к аренде переселенческих домохозяйств безнадельные составляли 28,2 % (что в два раза превышало их долю в общем составе переселенческих домохозяйств – 14,0 %), на них приходилось 22,3 % арендованной переселенцами земли (Таблица 1). Наибольший удельный вес безнадельных домохозяйств был среди мигрантов-новоселов, прибывших на Алтай в период реализации столыпинской аграрной реформы – 19,7%. В данной поселенческой группе они составляли 42,8 % всех участвующих в аренде домохозяйств, на их долю приходилось 38,2 % площади арендуемой земли (Razgon, 2018: 1776).

На долю безнадельных и хозяйств с наделом меньше среднего размера у переселенцев приходилось 57,8 % всех арендуемых земель, а у старожилов – 47 % (Таблица 1), что может свидетельствовать о более широком распространении аренды из нужды (потребительской) среди переселенцев в сравнении со старожилами.

Таблица 1. Соотношение между арендным и наделным землепользованием переселенцев и старожилов Алтайского округа в 1917 г. (Крестьянские хозяйства..., 2009)

Показатели	Старожилы	Переселенцы
Доля домохозяйств, прибегавших к аренде земли в %	25,4	33,5
Доля арендных земель в общем землепользовании в %	11,4	13,5
Доля безнадельных домохозяйств в составе поселенческой группы в %	3,7	14,0
Доля безнадельных в составе арендующих домохозяйств в %	5,8	28,2
Доля в общей площади земли, арендуемой: безнадельными домохозяйствами в %	5,7	22,3
домохозяйствами с наделом меньше среднего размера в %	41,3	35,5
домохозяйствами с наделами больше среднего размера в %	53,0	42,2

В старожильской аренде более значительную роль, чем в переселенческой, играли домохозяйства с размерами наделов выше среднего: на них приходилось 53 % арендуемой земли против 42,2 % у переселенцев. Однако далеко не всегда аренда этой группы старожильческих домохозяйств имела предпринимательский характер. Лишь немногим более половины таких хозяйств (52,8 %) обрабатывали землю с применением наемной рабочей силы, на них приходилось около 2/3 (65,7 %) всей площади арендуемой земли, а остальные арендуемые земельные участки обрабатывались трудом лишь семейных работников. Наиболее распространенной формой привлечения наемной рабочей силы для этой группы арендаторов-старожилов являлась «поденщина» – она использовалась при обработке 43,3 % площади арендуемой земли. С применением труда месячных работников обрабатывалось 20,9% арендуемой земли, с годовых – 21,4 %, годовых – 6,2 % (подсчитано по: Крестьянские хозяйства..., 2009).

Как видно из данных Таблицы 2, в которой показано зафиксированное переписью распределение арендных земель по их владельческой принадлежности, несмотря на доминирование в сибирской и алтайской деревне общинной формы землепользования (у алтайских крестьян-старожилов на долю общинной формы приходилось 89,4 % всего землепользования, а у переселенцев – 75,4 %) (подсчитано по: Крестьянские хозяйства..., 2009), основная часть земельной аренды производилась по договорам с отдельными крестьянами и частными лицами из других сословных групп населения. Следовательно, общинная форма землепользования не являлась препятствием для самостоятельного распоряжения крестьянами земельными наделами, находившимися в их хозяйственном пользовании.

Хотя общинное землепользование в переселенческой деревне имело менее широкое распространение, чем в старожильской, у прибегавших к аренде земли переселенческих хозяйств доля аренды у крестьянских обществ была выше, чем у старожильческих: 11,1 % всей арендной площади против 4,7 % (Таблица 2). Это отражает нехватку (а во многих случаях и отсутствие) земли у той части мигрантов, которые селились не в переселенческих поселках, а в старожильческих селениях, где укрепление ими земли в наделное пользование было затруднено необходимостью

вносить старожильческим обществам высокую плату за приемный договор, поэтому многие переселенцы, в особенности недавние, могли рассчитывать только на аренду земельных участков.

Таблица 2. Распределение арендуемых старожилами и переселенцами Алтайского округа земель по их владельческой принадлежности (Крестьянские хозяйства..., 2009)

У кого арендовалась земля (категории арендодателей)	Доля в общей площади арендуемых земель, %	
	Старожилы	Переселенцы
У крестьян и частных лиц	66,7	64,1
У Кабинета	22,5	19,1
У крестьянских обществ	4,7	11,1
У Кабинета, крестьян	0,1	1,4
У Кабинета, школы	0,4	–
Из фондов церковных, школьных и др. земель	1,6	1,4
У церкви и крестьян	–	0,4
У Сибирского казачьего войска	1,2	–
У коренного населения	0,3	0,5
В анкетах не указ.	2,5	2,0
Всего:	100	100

В условиях существования в Алтайском округе исторически сложившегося комплекса земель, управляемых Кабинетом Е.И.В., около 1/5 всей площади арендуемых алтайским крестьянством земель составляли земли Кабинета, активно развивавшего свое арендное хозяйство в начале XX столетия. Отраженная в [Таблице 2](#) более широкая распространенность аренды кабинетских земель (переданных после Февральской революции 1917 г. в собственность государства) крестьянами-старожилами, по сравнению с переселенцами, могла быть связана с арендой первыми земельных участков, уже ранее находившихся в их хозяйственном пользовании и поступивших в земельный фонд Кабинета в виде отрезков от крестьянского землепользования в ходе реализации землеустроительной реформы, осуществлявшейся в Алтайском округе с 1899 по 1915 гг. (в ходе размежевания кабинетских и крестьянских земель от крестьянского землепользования было отрезано 1 728 008, 21 дес.) ([Белянин, 2005: 115](#)). К аренде кабинетских земель в довольно значительных масштабах обращались и переселенцы (на оброчные статьи Кабинета приходилось 19,1 % от всей площади арендуемых ими земель) ([Таблица 2](#)), в особенности непричисленные, в том числе и жители образованных на кабинетских землях арендных поселков ([Храмков, 1999](#)).

Анализ данных, отражающих распределение арендуемой старожилами и переселенцами земли по видам сельхозугодий ([Таблица 3](#)), показывает, что в обеих поселенческих группах алтайского крестьянства наибольшее распространение получила аренда земли под пашню, однако доля земли, арендуемой для занятий животноводством (сенокосные и пастбищные угодья) в старожильческой деревне была существенно большей, чем в переселенческой (46 % против 27,5 %), а доля аренды земли для земледелия, наоборот, была значительно большей у переселенцев, чем у старожилов: 72,1 % против 53,7 %. Посевы на арендованной земле имели 24,4% переселенческих дворов, на долю таких посевов приходилось 19,4 % всей посевной площади, а у старожилов соответствующие показатели были заметно более низкими: 13,6 % и 13,8 % (подсчитано по: [Крестьянские хозяйства..., 2009](#)).

Такое распределение арендных земель отражает исторически сложившуюся большую роль животноводства в хозяйственных занятиях старожилов, связанную с получением ими в хозяйственное распоряжение по праву первозасельщиков богатых сенокосных угодий в поймах рек, а также влияние тарифной политики правительства, направленной на ограничение доступа зерна из Сибири на рынки европейской части страны (с 1896 по 1913 гг. действовал Челябинский тарифный перелом, существенно удорожавший перевозку сибирского хлеба) ([Крестьянство..., 1983: 186](#)). Устремлениям крестьян-старожилов к дальнейшему расширению своих животноводческих занятий за счет аренды сенокосных и пастбищных угодий способствовало повышение спроса на сибирское масло на мировых рынках, стимулировавшее развитие молочного животноводства и маслоделия в регионе ([Алексеева, 1978; Горюшкин, 1967: 403-412](#)).

Концентрация основных трудовых и финансовых ресурсов домохозяйств в земледельческом производстве была частью хозяйственной стратегии переселенцев на начальном этапе их адаптации к новой природно-географической среде обитания, так как вложения в земледелие обеспечивали быстрый оборот вкладываемых средств при минимуме затрат (обрабатывать землю поначалу можно было взятым в аренду тягловым скотом и инвентарем). Предпочтение, отдаваемое переселенцами земледельческим занятиям, могло иметь и ментальные основания, связанные с полуголодным характером обеспеченности земельными ресурсами на родине ([Разгон и др., 2013: 242-244](#)).

Таблица 3. Распределение арендуемых переселенцами и старожилами земель по видам сельхозугодий (Крестьянские хозяйства..., 2009)

Группы крестьян	Пашня	Сенокос	Выгон	Усадьба	Пасека
<i>Старожилы:</i> Хозяйств, арендующих данный вид сельхозугодий, %	69,5	58,7	1,4	3,2	0,8
Доля с/х угодий данного вида в общей площади арендуемых земель, %	53,7	36,8	9,2	0,2	0,1
Арендовалось в среднем на 1 хоз-во, дес.	6,8	5,5	59,7	0,7	1,0
<i>Переселенцы:</i> Хоз-в, арендующих данный вид сельхозугодий, %	81,2	47,9	0,6	11,5	0,1
Доля с/х угодий данного вида в общей площади арендуемых земель, %	72,1	26,8	0,7	0,4	0,01
Арендовалось в среднем на 1 хоз-во, дес.	9,3	5,8	12,4	0,4	1,0

Как видно из Таблицы 4, плата за аренду земли в алтайской деревне взималась почти исключительно в денежной форме: старожилами за деньги снималось не менее 92,4 % арендуемых земель, переселенцами – 92,1 %. Аренда из доли урожая и за отработки на Алтае в условиях отсутствия помещичьего землевладения не получила сколько-нибудь широкого распространения, тогда как в ряде местностей Европейской части страны в конце XIX – начале XX вв. натурально-отработочная форма аренды занимала еще весьма значительное (а в ряде мест и преобладающее) место (Анфимов, 1961: 116-14; Ульянов, Тишкина, 2021: 39-41). Натуральная аренда имела меньшее распространение на Алтае и по сравнению с Восточной Сибирью, где издольщина встречалась чаще (Тюкавкин, 1966: 112-113).

Таблица 4. Соотношение форм арендной платы в % от площади арендуемой земли (Крестьянские хозяйства..., 2009)

Форма платы	Старожилы	Переселенцы
За деньги	92,35	92,26
За подать	2,05	1,58
Бесплатно	1,86	1,62
За работу	0,53	1,42
Из доли урожая	0,73	0,86
Смешанная	0,006	0,09
Захват	0,26	0,13
Не указ.	2,21	2,04
Всего	100	100

Таблица 5. Распределение арендуемых старожилами и переселенцами земель по срокам аренды* в % от общей площади (Крестьянские хозяйства..., 2009)

Срок аренды	Старожилы	Переселенцы
Менее года	3,1	0,7
1 год	56,2	54,2
2–5 лет	6,3	17,6
6–11 лет	15,0	14,6
12 и более лет	19,4	12,9
Всего:	100	100

*Учтены отмеченные в анкетах переписи случаи аренды, в которых указан срок аренды.

Около 60 % площади земельных участков, арендуемых старожилами, и 55 % земельных угодий, сдаваемых в аренду переселенцам, снимались на год и меньший срок (Таблица 5), что можно квалифицировать как признак преобладания потребительской аренды земли в алтайской деревне. Сделки по аренде земли на срок 6 и более лет, в которые входили и случаи предпринимательской

аренды, занимали в аренде старожильских хозяйств, в большей степени вовлеченных в товарное производство и рыночные отношения, более весомое место, чем переселенческих: на их долю приходилось 34,4 % всей площади арендуемой земли против 27,5 % у переселенцев.

Под долгосрочную и бессрочную аренду в условиях отсутствия у крестьян в Сибири законодательно закрепленного права частной собственности на землю маскировались и случаи купли-продажи земли в обход действующего законодательства (Храмков, Клычников, 2002: 115).

5. Заключение

Таким образом, статистический анализ сведений о земельной аренде алтайских крестьян, извлеченных из подворных материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., показывает, что в обеих сравниваемых группах крестьян преобладающей была потребительская аренда земли, однако среди переселенцев она получила более широкое распространение, что было обусловлено более низким качеством отводимых им наделных земель и присутствием в их составе значительного числа «самовольных» мигрантов, не имевших законных оснований для получения земельных наделов.

В старожильческих хозяйствах более значимое место, чем в переселенческих, занимала аренда земельных угодий для занятия животноводством, а переселенческая аренда превосходила старожильческую по удельному весу земли, арендуемой для занятия земледелием, что объясняется различиями в специализации производственных занятий и экономическом поведении старожилов и переселенцев, определявшимися степенью адаптации к природной и социальной среде обитания, уровнем интегрированности в рыночные структуры региона.

Наибольшее распространение и в старожильской, и в переселенческой деревне получила внутринадельная аренда земли. Аренда земли у Кабинета, являвшегося в Алтайском округе основным арендодателем земель вне наделного фонда, была более значимой для старожилов, чем для переселенцев, поскольку включала аренду земельных участков, отрезанных у старожилов в процессе реализации землеустроительной реформы, в рамках которой происходило размежевание крестьянского и кабинетского землевладения.

При общем преобладании краткосрочной аренды, характерном для старожилов и переселенцев, долгосрочная аренда земли большее распространение получила в старожильческих хозяйствах. В условиях отсутствия помещичьего землевладения в Алтайском округе, в отличие от многих регионов европейской части страны, не получила сколько-нибудь широкого распространения натурально-отрабочная аренда.

Литература

Алексеева, 1978 – Алексеева В.К. Торговля сибирским маслом накануне I Мировой войны / Исторические аспекты экономического, культурного и социального развития Сибири. Новосибирск, 1978. Ч. 2. С. 41-46.

Анфимов, 1961 – Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 208 с.

Белянин, 2005 – Белянин Д.Н. Влияние столыпинской переселенческой политики на развитие арендных отношений в Томской губернии // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 1(45). С. 114-120.

Бикина, 2014 – Бикина А.А. Маслоделие в Западной Сибири в начале XX века: факторы развития, роль Союза сибирских маслодельных артелей // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 3(21). С. 344-356. DOI: 10.7256/2222-1972.2014.3.13770

Горюшкин, 1967 – Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1967. 412 с.

Коломейцева, 2010 – Коломейцева М.А. Особенности земельной аренды на Дону в конце XIX – начале XX веков // Вестник Чувашского университета. 2010. №. 1. С. 42–45.

Крестьянские хозяйства..., 2009 – Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г. [Электронный ресурс]: база данных / сост. В.Н. Разгон, Д.В. Колдаков, К.А. Пожарская. – Электрон. дан. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). № госрегистрации 2009620044.

Крестьянство..., 1983 – Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, Наука: Сиб. отд-ние, 1983. 399 с.

Никулин, 2008 – Никулин П.Ф. Земельная аренда в крестьянском хозяйстве Западной Сибири в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 309. С. 85-90.

Пантелеев, Воронов, 2018 – Пантелеев В.И., Воронов И.И. Арендный земельный фонд казны в Сибири в начале XX века // Научный диалог. 2018. № 10. С. 272-283.

Разгон и др., 2013 – Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 347 с.

Слепцов, 1990 – *Слепцов Е.Я.* Аренда земли в старожильской деревне Западной Сибири накануне 1917 г. / Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. С. 175-185.

Скляр, 1962 – *Скляр Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. 586 с.

Тюкавкин, 1966 – *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции). Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1966. 471 с.

Храмков, 1978 – *Храмков А.А.* К вопросу об итогах поземельно-устроительной реформы в Сибири / Из истории Алтая. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1978. С. 52-68.

Храмков, 1999 – *Храмков А.А.* Землеобеспечение арендных поселков в Алтайском округе в начале XX в. // *Известия Алтайского государственного университета.* Серия: история, педагогика, филология, философия. 1999. № 4(14). С. 42-47.

Храмков, Клычников, 2002 – *Храмков А.А., Клычников А.Н.* Переселенцы и старожилы в селе Анисимово (Боровлянское) Барнаульского уезда в 1917 г. (Опыт анализа Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) / Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX–начале XX вв. (на материалах массовых источников). Барнаул, 2002. С. 101-121.

Ульянов, Тишкина, 2021 – *Ульянов А. Е., Тишкина А. В.* Аренда земли в помещичьих хозяйствах Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (на примере тарханского имения Столыпиных) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* 2021. № 4. С. 35-44. DOI: 10.21685/2072-3024-2021-4-4

Razgon, 2018 – *Razgon V.N.* Strategy of Economic Adaptation of Unauthorized Migrants in the Altai Region during the Period of Stolypin Reforms // *Bylye Gody.* 2018. 50(4): 1774-1783. DOI: 10.13187/bg.2018.4.1774

References

Alekseeva, 1978 – *Alekseeva, V.K.* (1978). Torgovlya sibirskim maslom nakanune I Mirovoi voiny [Siberian oil trade on the eve of World War I]. Istoricheskie aspekty ekonomicheskogo, kul'turnogo i sotsial'nogo razvitiya Sibiri. Novosibirsk, 1978. Part 2. Pp. 41-46. [in Russian]

Anfimov, 1961 – *Anfimov, A.M.* (1961). Zemel'naya arenda v Rossii v nachale XX veka [Land lease in Russia at the beginning of the XX century]. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1961. 208 p. [in Russian].

Belyanin, 2005 – *Belyanin, D.N.* (2005). Vliyaniye stolypinskoi pereselencheskoi politiki na razvitie arendnykh otnoshenii v Tomskoi gubernii [The influence of Stolypin resettlement policy on the development of rental relations in Tomsk province]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta.* 1(45): 114-120. [in Russian]

Bikina, 2014 – *Bikina, A.A.* (2014). Maslodelie v Zapadnoi Sibiri v nachale XX veka: faktory razvitiya, rol' Soyuzha sibirskikh maslodel'nykh artelei [Buttermaking in Western Siberia at the beginning of the twentieth century: factors of development, the role of the Union of Siberian butter-making artels]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya.* 3(21): 344-356. DOI: 10.7256/2222-1972.2014.3.13770 [in Russian]

Goryushkin, 1967 – *Goryushkin, L.M.* (1967). Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov (konets XIX – nachalo XX v.) [Siberian peasantry at the turn of two centuries (late XIX – early XX centuries)]. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd.-nie. 412 p. [in Russian]

Khramkov, 1978 – *Khramkov, A.A.* (1978). K voprosu ob itogakh pozemel'no-ustroitel'noi reformy v Sibiri [On the issue of the results of the land-organizing reform in Siberia]. *Iz istorii Altaya.* Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. un-ta. Pp. 52-68. [in Russian]

Khramkov, 1999 – *Khramkov, A.A.* (1999). Zemleobespechenie arendnykh poselkov v Altaiskom okruge v nachale XX v. [Provision of land for rental settlements in the Altai district at the beginning of the XX century]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta.* Seriya: istoriya, pedagogika, filologiya, filosofiya. 4(14). 1999: 42-47. [in Russian]

Khramkov, Klychnikov, 2002 – *Khramkov, A.A., Klychnikov, A.N.* (2002). Pereselentsy i starozhily v sele Anisimovo (Borovlyanskoe) Barnaul'skogo uезда v 1917 g. (Opyt analiza Vserossiiskoi sel'skokhozyaistvennoi perepisi 1917 g.) [Settlers and old-timers in the village of Anisimovo (Borovlyanskoye) of Barnaul district in 1917 (The experience of analyzing the All-Russian agricultural Census of 1917)]. *Demograficheskoe i khozyaistvennoe razvitie altaiskoi derevni vo vtoroi polovine XIX–nachale XX vv.* Barnaul. Pp. 101-121. [in Russian]

Kolomeitseva, 2010 – *Kolomeitseva, M.A.* (2010). Osobennosti zemel'noi arendy na Donu v kontse XIX – nachale XX vekov [Features of land lease on the Don in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta.* 1: 42-45. [in Russian]

Krest'yanskije khozyaistva..., 2009 – *Krest'yanskije khozyaistva Altaiskoi gubernii v 1917 g.* [Peasant farms in the Altai province in 1917]. [Elektronnyi resurs]: baza dannykh. Sost. V.N. Razgon, D.V. Koldakov,

- K.A. Pozharskaya. – Elektron. dan. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2009. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). № gosregistratsii 2009620044. [in Russian]
- Krest'yanstvo..., 1983** – Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma [The peasantry of Siberia in the era of capitalism]. Novosibirsk, Nauka: Sib. otделение. 399 p. [in Russian]
- Nikulin, 2008** – *Nikulin, P.F.* (2008). Zemel'naya аренда v krest'yanskom khozyaistve Zapadnoi Sibiri v nachale XX v. [Land lease in the peasant economy of Western Siberia at the beginning of the XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya.* 309: 85-90. [in Russian]
- Pantelev, Voronov, 2018** – *Pantelev, V.I. Voronov, I.I.* (2018). Arendnyi zemel'nyi fond kazny v Sibiri v nachale XX veka [Rental land fund of the Treasury in Siberia at the beginning of the XX century]. *Nauchnyi dialog.* 10: 272-283. [in Russian]
- Razgon i dr., 2013** – *Razgon, V.N., Khramkov, A.A., Pozharskaya, K.A.* (2013). Stolypinskie migranty v Altaiskom okruge: reseselenie, zemleobespechenie, khozyaistvennaya i sotsiokul'turnaya adaptatsiya [Stolypin migrants in the Altai region: resettlement, land provision, economic and socio-cultural adaptation]. Barnaul: Azbuka, 348 p. [in Russian]
- Razgon, 2018** – *Razgon, V.N.* (2018). Strategy of Economic Adaptation of Unauthorized Migrants in the Altai Region during the Period of Stolypin Reforms. *Bylye Gody.* 50(4): 1774-1783. DOI: 10.13187/bg.2018.4.1774
- Sklyarov, 1962** – *Sklyarov, L.F.* (1962). Pereselenie i zemleustrojstvo v Sibiri v gody stolypinskoj agrarnoj reformy [Resettlement and land management in Siberia in the years of the Stolypin agrarian reform]. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta. 586 p. [in Russian]
- Sleptsov, 1990** – *Sleptsov, E.Ya.* (1990). Аренда земли v starozhil'cheskoi derevne Zapadnoi Sibiri nakanune 1917 g. [Rent of land in an old-fashioned village in Western Siberia on the eve of 1917]. Iz istorii sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi zhizni Sibiri. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta. Pp. 175-185. [in Russian]
- Tyukavkin, 1966** – *Tyukavkin, V.G.* (1966). Sibirskaya derevnya nakanune Oktyabrya (K voprosu o formirovanii sotsial'no-ekonomicheskikh predposylok sotsialisticheskoi revolyutsii) [Siberian village on the eve of October (on the formation of the socio-economic prerequisites of the socialist revolution)]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 471 p. [in Russian]
- Ul'yanov, Tishkina, 2021** – *Ul'yanov, A.E., Tishkina, A.V.* (2021). Аренда земли v pomeshchich'ikh khozyaistvakh Penzenskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (na primere tarkhanskogo imeniya Stolypinykh) [Land lease in the landlords of the Penza province in the second half of the XIX – early XX century. (on the example of the Stolypins' Tarkhan estate)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki.* 4: 35-44. DOI: 10.21685/2072-3024-2021-4-4 [in Russian]

Аренда земли старожилами и переселенцами в Алтайском округе: сравнительный анализ (по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.)

Виктор Николаевич Разгон ^{a, *}, Дмитрий Николаевич Белянин ^b, Антон Викторович Разгон ^c

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Российская Федерация

^c Финансовый университет при правительстве Российской федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Анализ информации, содержащейся в базе данных, сформированной на основе сведений, извлеченных из подворных анкет всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., показал, что в обеих сравниваемых поселенческих группах алтайского крестьянства преобладающей являлась потребительская аренда земли, однако среди переселенцев она получила более широкое распространение из-за более низкого качества отводимых им наделных земель и присутствия в их составе значительного числа «самовольных» (непричисленных) мигрантов, прибывших в регион в обход и не имевших правовых оснований для получения земельных наделов.

Более широкое распространение среди старожилов аренды земли под животноводство, а среди переселенцев – пахотных земель объясняется отличиями в специализации их производственной деятельности, уровне адаптации к окружающей природной и социальной среде, степени вовлеченности в рыночные отношения.

Как в старожильской, так и переселенческой деревне преобладала внутринадельная аренда земли. Внеадельная аренда, представленная арендой земли у Кабинета, большее значение имела для старожилов, чем переселенцев, так как включала аренду старожилами отрезков от их землепользования, поступивших в фонд кабинетских земель в процессе размежевания крестьянских и кабинетских земель, осуществлявшегося в 1899–1915 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vrazgon@rambler.ru (В.Н. Разгон)

В условиях отсутствия помещичьего землевладения в Алтайском округе, в отличие от многих регионов европейской части страны, не получила сколько-нибудь широкого распространения натурально-отрабочная аренда. При общем преобладании краткосрочной аренды, характерной для старожилов и переселенцев, аренда земли на долгосрочной основе, в которую входила аренда с предпринимательскими целями, большее распространение получила среди крестьян-старожилов.

Ключевые слова: земельная аренда, поземельные отношения, крестьянство, деревня, старожилы, переселенцы, база данных, Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г., Сибирь, Алтайский округ.

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2145-2151
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2145

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Socio-Demographic Consequences of the Famine of the early 1920s in Kazakhstan

Makhabbat M. Kozybayeva ^{a,*}, Aizhamal I. Kudaibergenova ^b, Kuralay K. Sarsembina ^a

^a Branch of the Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology in Astana, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the article, the authors attempted a comprehensive study of the socio-demographic consequences of the famine of the early 1920s in Kazakhstan, establishing the number of famine victims in the republic, highlighting the problems of high mortality, the spread of epidemic diseases and forced migrations and refugees, child homelessness and others. In the article, the authors note that the civil war, shortage of bread and herbs in 1920, and the death of livestock from jute in 1920 and 1921 brought the republic's agriculture into complete decline. The emergence of famine found the republic in an environment of complete economic exhaustion. The authors note that famine in Kazakhstan affected five provinces and one district, with more than 2.6 million people starving. The authors made an attempt to establish the demographic losses of the population during the famine, as well as other socio-demographic consequences of the famine in Kazakhstan, such as high mortality, epidemiological diseases, forced migrations of the population. At the same time, there was no reliable data on the number of starving people, and one of the problems in counting the number of starving people was the different sources of statistical information. The situation was complicated by the lack of medicine, food, fuel and money, which greatly complicated the fight against developing epidemic and other diseases, both due to hunger and general infection from the density of the hungry and the population itself due to the cold and lack of fuel in the cities.

Keywords: civil war, surplus appropriation, famine, famine relief commissions, mortality, epidemics, forced migration, child homelessness.

1. Introduction

One of the pressing issues of national history is the determination of the demographic consequences of the famine of the early 1920s in Kazakhstan. The question of determining the absolute number of starving people and those who died from hunger in the early 1920s, as well as the number of refugees on the territory of the republic, still remains open, since not all deaths were registered and taken into account, and some documents were lost or removed from archival funds. At the same time, the identification of statistical information about the scale of hunger and the number of people in dire need made it possible, through the joint efforts of the government and outside assistance, to organize the work of the republican commission to provide assistance to the hungry in a fairly short time.

2. Materials and methods

The source base for the research was archival materials identified in central and regional Kazakh and Russian archives, such as the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, the Archive of the President

* Corresponding author

E-mail addresses: koz.mahabbat_85@mail.ru (M.M. Kozybayeva),
kuka_ist@mail.ru (K.M. Murzakhodzhaev), akudaybergen@mail.ru (A.I. Kudaibergenova),
kuralai_sk@mail.ru (K.K. Sarsembina)

of the Republic of Kazakhstan, the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of the North Kazakhstan Region and others. At the same time, the sources are represented mainly by official protocols, reports and statistical data, and periodical press materials. The theoretical basis of the study was the work of representatives of foreign and domestic historical thought who contributed to the study of various aspects of the famine in Kazakhstan in the early 1920s. When writing the article, general scientific and special historical methods were used. The multidimensionality and complexity of demographic processes as an object of research has determined an interdisciplinary approach as one of the approaches. All these research techniques and tools are united by a single methodological program based on the goal and research objectives.

3. Discussion

The problem of the demographic consequences of the famine of the early 1920s in Kazakhstan was often raised in the scientific literature in the works of both Soviet scientists and Kazakh researchers. The first works on the famine of the early 1920s in the RSFSR, including on the territory of Kazakhstan, which also covered demographic aspects, were of an informational and propaganda nature (Radek, 1921). A special place in the study of the demographic aspects of the famine is occupied by the materials of the representative office of the Russian Red Cross Society in America, which provide a comprehensive description of the famine in the RSFSR and show the features of the famine in individual autonomous republics, including Kazakhstan (Golod..., 1922). The work of dates back to the same time N.I. Mardarovskij «Golod v Kirgizii i bor'ba s nedorodami», in which the author provides an analysis of the causes of the famine of the early 1920s and its consequences for the Kazakh steppe (Mardarovskij, 1922).

In the works of Kazakh scientists M.K. Kozybayev (Kozybayev, 1992), T.O. Omarbekov (Omarbekov, 1997), Zh.B. Abylkhozhin (Abylkhozhin, 1997) M.K. Koigeldiev (Kojgeldiev, 2004), S. Smagulova (Smagulova, 2019) and others raised various aspects of the famine of the early 1920s, including the socio-demographic consequences for the Kazakh steppe. The works of researchers are devoted to the study of socio-demographic processes during the famine of the early 1920s in Kazakhstan A.N. Alekseenko (Alekseenko, 1993), M.Kh. Asylbekov, A.B. Galiev (Asylbekov, Galiev, 1991), B.A. Musaev (Musaev, 2005), T.A. Karieva (Karieva, 2010), G.B. Karsakova (Karsakova, 2021), A.S. Sarsenov, G.K. Kajrgalieva, D.J. Alipova (Sarsenov i dr., 2022) and others. Russian researchers devoted their works to the tragedy of the famine of the early 1920s N.V. Usmanov (Usmanov, 2007), V. Schmidt (Schmidt, 2018), G.G. Tsidenkov (Tsidenkov, 2018). A great contribution to the study of the famine of the early 1920s in Kazakhstan were the collections of archival documents and materials of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan: «Sejtkali Mendeshev» (2021) and «Kazakhstandagy asharyshlyk. Golod v Kazahstane. 1921-1923» (2021). In general, the general trends of domestic and foreign historiography have shown that the demographic consequences of this large-scale catastrophe still remains a little-studied scientific problem.

4. Results

In the early 1920s, a famine broke out on the territory of the RSFSR, including Kazakhstan, and reached unprecedented proportions. The main causes of famine in Kazakhstan were the consequences of the civil war and surplus appropriation, which worsened against the backdrop of a poor harvest of grain and herbs, due to a prolonged drought, and the subsequent jute. Famine on the territory of Kazakhstan affected the Orenburg, Aktobe, Kustanai, Ural, Bukeevsk provinces and Adai district. At the same time, the total area of food shortage amounted to 1,048,100 square versts with the number of starving people being 2,653,300 people. The emergence of famine found the republic in an environment of complete economic exhaustion. The civil war that engulfed the territory of Kazakhstan in 1918-1920, the shortage of bread and herbs in 1920, the death of livestock from jute in 1920 and 1921 brought the republic's agriculture into complete decline (GARF. F. 1064. Op. 4. D. 45. L. 4).

In particular, in 1922, the Central Statistical Bureau cited the following indicators of the republic's difficult situation in terms of the reduction of crops: if in 1917 crops amounted to 5,840,000 dessiatines, in 1920 – 3,075,000 dessiatines, then in 1921 – only 2,098,000 dessiatines. Consequently, in the period from 1917 to 1920, the cultivated area decreased by 20 %, and from 1917 to 1921 by 47 %. According to statistical data in 1920, the population of Kazakhstan was 4,464,138 people (excluding Adaevsky and Mongishinsky districts). Of the total, the nomadic population accounted for 66%, the sedentary population – 34 %, the urban population – 6,7 % and the rural population – 93,3 % (GARF. F. 1064. Op. 4. D. 45. L. 4).

Local authorities stated that the unprecedented scale of the disaster due to the lack of food put the majority of the population of Kazakhstan at practical risk of death from starvation. According to reports from the field, people ate grass roots and plant leaves. In some regions, they ate dogs, cats and other small animals and ate their skins, stealing them from warehouses. In the Ural province and in other places, cases of cannibalism were observed; in famine-stricken areas, thefts, robberies, and murders became more frequent, and there were cases of insanity from hunger.

The nomadic population in the steppe, who lost all their livestock from jute, suffered especially hard. If the agricultural population, with timely seed assistance, could still restore their economy in a short time, then the nomadic population living on cattle breeding, even with support, needed years to restore it. At the same time, the agricultural population of the region was relatively easily removed from their places and moved to other agricultural regions – Ukraine and the central regions of Russia. This unauthorized

resettlement soon became widespread and was seen by the population as a chance to escape starvation. In turn, the nomadic population lived far from large cities and railway stations and, due to the isolation and specificity of economic life, did not have the opportunity to move to other regions (GARF. F. 1064. Op. 1. D. 88. L. 55). Therefore, the Kazakh population with their families died silently in winter quarters, not seeing or expecting help from anywhere. These messages were a valid indicator of the magnitude of the disaster that befell the population of Kazakhstan.

Despite the rapid pace of famine, the Central Emergency Commission for Famine Relief was formed only in the summer of 1921. The commission included all relevant government bodies and institutions, including the Red Army and the bodies of the Cheka-GPU. In Kazakhstan, the famine relief commission, created on July 15, 1921, was headed by the chairman of the Central Executive Committee of Kazakhstan S. Mendeshev. Special commissions were also created under the provincial and district executive committees of the republic to provide assistance to the hungry. In-kind taxes were waived from starving regions, funds in the amount of 50 million rubles were allocated to help the nomadic population, and free food stations were organized. The authorities organized public meals for the hungry through canteens and food centers. However, the slow supply of food resources and the complete lack of supplies inside the starving provinces with a lack of funds, the vastness of the territory, poor communications and lack of transport put the work of the commission and committees to help the hungry in an extremely difficult situation (GARF. F. 1065. Op. 2. D. 116. L. 214).

According to the Republican Commission for Famine Relief, in Kazakhstan the population was 4,757,552 people; of these, adults – 2,522,997 people, children – 1,994,655 people, with the exception of Adai district, where there were 240,000 people without division into adults and children. In 1921, 5 provinces and 1 district with a total population of 2,653,300 people were starving. Of this number, the following were starving: on January 1, 1922 – a total of 1,600,452 people; on April 1, 1922 – a total of 1,761,470 people; on July 1, 1922, a total of 2,065,394 people. In addition, 3 districts of Akmola province needed help. For the period from November 1, 1921 to July 1, 1922 in the Orenburg, Ural. In Akmola and Aktobe provinces, only 37,657 people were registered as deaths due to hunger in medical institutions (Kazakhstanadagy asharslylyk, 2021: 291-292).

At the same time, due to the use of different sources of information, the data of the republican and local authorities differed somewhat. For example, according to local information, by January 1, 1922, the total number of starving people in Kazakhstan was 1 476 985 people, including 927 adults 593 people, children – 158 392 people. At the same time, the largest number of starving people was recorded in the Kustanai province, the smallest in the Semipalatinsk province (Seitkali Mendeshev, 2021: 98-105). In general, the starving people were distributed among the provinces as follows (Table 1).

Table 1. The number of starving people in Kazakhstan in January 1922 (AP RK. F. 139. Op. 1. D. 252. L. 126-138)

No.	Name of the province	adults	children
1	Orenburgskaya	138 339	209 671
2	Aktobe	171 389	134,000
3	Kustanayskaya	217 365	96 935
4	Ural	123 600	103,500
5	Bukeevskaya	100.000	
6	Adaevsky district	75,000	9 670
7	Semipalatinsk		5 616
8	Akmola	92,000	

As we can see, statistical data on the number of hungry people in regional and republican reports differed significantly. Let us consider the specifics of data registration using the example of the Kustanai province based on materials from the provincial commission for famine relief. Unlike other regions, in the Kustanai province measures were taken to find out the exact number of starving people as soon as famine became clear. According to the data, in November 1921, there were 184,904 people starving in the districts, and 7,436 people in the city, a total of 192,340 people, of which 70,561 were children (Kazakhstanadagy asharslylyk, 2021: 93). With each subsequent month, the number of hungry people increased by 25-30 % from the number of hungry people in the previous month. Thus, on December 15, 1921, the number of starving people was 237,494 people, of which 96,933 were children. On January 15, 1922, the number of starving people reached 283,749 people (Kazakhstanadagy asharslylyk, 2021: 93). Thus, of the total population of the Kustanai province (according to the 1920 census – 577,177 people), the number of hungry people in January was 52.5 %. By March 1, 1922, according to additional information from the regions, the number of starving people reached 354,350 people (Kazakhstanadagy asharslylyk, 2021: 94).

This number of hungry people was already 59 % of the total population. For individual districts, the number of hungry people in March was presented as follows: Kustanai district – population 59,460 people of these, 35,437 people were acutely hungry, that is, 56 %, Borovsky district – 54,183 people are starving, Semiozerny district – population 30,000 people, 22,500 people are starving, that is 75 %, Semipalatinsk district – population 50,000 people, 30,000 people are starving, that is 60 %, Aktobe district – population 171,389 people, 100,000 people are starving, that is 58 %, Orenburgskaya district – population 138,339 people, 80,000 people are starving, that is 58 %.

Denisovsky district – population 37,000 people and 34,489 people are starving, that is, about 95 %, Fedorovsky district – 45,609 people are starving. Uritsky district – population 60,000 people, 23,414 people are hungry, that is, 33 %. Adamovsky district – population 49,000 people, 20,409 people were starving, Turgai district – 60,000 people starving, the city of Kostanay with a population of 24,000 people, of which 16,499 people were starving. At the same time, the largest number of starving people was recorded in the Denisovsky and Semiozerny districts, which, due to the complete shortage of crops and the destruction of the born grains, began to feel hunger earlier than anyone else, and where it took the most acute forms. In April and May, the number of hungry people in the province decreased to 333,106 people, and in June it reached 317,497 people.

According to the Statistics Bureau, as of July 1, 1922, the number of starving people in the Kustanai province amounted to 246,311 people out of 414,572 people. Thus, on July 1, 1922, 60% of the entire population of the province was starving, and the number of people who died from hunger was 37,146 people, which in relation to the number of those remaining was 9 %. The rest of the decline was attributed to the population that left ([Kazakhstanmagy asharyshlyk, 2021: 116](#)). In July 1922, the number of starving people and those who died from starvation in the Kustanai province increased by almost 20%. Already in August 1922, a report on the state of the province noted that “The Kustanai province, after excluding the Turgai district from it, having lost 45,603 souls from its population as a result of the hungry year, by August 1 of this year. (1922 – authors) 331,534 population”.

If we talk about republican data on the number of starving people, then the largest number of starving people was recorded in the Orenburg province, the smallest in the Semipalatinsk province. In general, statistical information for July 1922 for the provinces of the Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic looked as follows ([Table 2](#)).

Table 2. Statistics on the number of hungry people for July 1922 for the provinces of the Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic (CGA RK. F. P-320. Op. 1. D. 36. L. 62).

No.	Name of the province	Children	Adults	Total
1	Orenburgskaya	234 512	263 539	498 051
2	Aktobe	72 309	227 691	300,000
3	Kustanayskaya	95 930	237 116	333 106
4	Akmola	210,000	230,000	440,000
5	Ural	165 559	126 539	292 098
6	Semipalatinsk	6 110	8 396	14,505

The situation was no better in other regions. The famine in the Bukey Horde was a consequence of the fact that cattle breeding had fallen into complete decline. If the number of livestock in the province in 1916 was 1,362,000 heads, in 1920, according to the state census and data from land authorities, there were only 450,000 heads, including both large and small livestock. There were only 1/2 - 3/4 heads of cattle per capita. Such a large loss of livestock was explained by military circumstances, as well as predatory meat procurement ([CGA RK. F. 5. Op. 1. D. 54. L. 38](#)).

According to the Aktobe provincial commission for famine relief, during the period from January 1 to February 7, 1922, famine in the province developed more and more strongly, the fight against it on the ground in areas remote from the center of the province, volosts, towns and villages was completely weak, since the products sold, both from the warehouses of the provincial food committee in Aktyubinsk, from the base at the station. Aktyubinsk, Akbulak, Martuk, Dzhurun, and Chelkar and locally from the warehouses of procurement offices reached their destination within half a month, and sometimes within three weeks. On January 1, 1922, there were starving people throughout the province: children under 16 years old – 97,809 people and adults – 263,742 people, and a total of 361,051 people, which accounted for 65 % of the total population in the province. In February 1922, this number decreased significantly: the center identified starving children – 30,000 people and adults – 18,000 people, and a total of 48,000 people ([GARF. F. 1064. Op. 2. D. 123. L. 57-57 vol.](#)).

The sanitary condition of the Aktobe province was very deplorable: the lack of medicines, food, fuel and money greatly complicated the fight against developing epidemic and other diseases, both due to hunger and general infection from the density of the hungry and the population itself due to the raging cold and lack of fuel in cities. In the regions the situation was even worse. According to available information, in the Akbulak region, mortality due to hunger from February 1 to 15 reached 12 %, and in some Irgiz villages of the Aktobe volost, such as in the village of Akbulak and nearby villages – up to 50 %, since starving people were concentrated here, heading to Akbulak in the hope of getting food or work. Reports of that time said that the daily mortality rate was up to 300 people, the roads to Akbulak were full of corpses, in the villages the corpses lay in dugouts, and there was no one to bury them.

The famine was accompanied by terrible diseases and epidemics. In the Aktobe region, there were villages of the Tamdinskaya, Khobdinskaya and Dzhirenkupinskaya volosts, where a disease, unexplained cholera or plague raged, when a sick person died after the onset of the disease in 6-28 hours. In the Chelkarsky district, the

incidence of illness due to hunger was 30% and the mortality rate was 20 %. The fight against this evil was extremely difficult, which was aggravated by the rapid spread of diseases with the approach of spring and the remoteness of areas and villages to provide timely medical care, and the practical cessation of any communications for two whole months during river floods (GARF. F. 1064. Op. 2. D. 123. L. 65-65 vol.).

Large demographic losses of the population were also observed in the Ural province, and forced migration of the population became a striking phenomenon of this period. So, if the population of the Ural province in 1920 was 500,000 people, however, according to the 1922 census, only 361,500 people were listed. At the same time, of those who left, according to the Gubposledgol, 47,273 people died for various reasons due to hunger, the rest were evacuated or simply fled, which did not guarantee their salvation from starvation. In November 1922, 97,691 people were starving in the province, in December 112,299 people, and in January already 132,767 people. Thus, we see that the number of hungry people has increased progressively. According to the Gubposledgol, the food needs of the population in dire need, with all local possibilities, were satisfied by no more than 10 %. In order for the new harvest to raise the welfare of the starving province, it was necessary to increase field cultivation, cattle breeding, and also replenish the missing living and dead inventory. If in 1916 the sown area was 536,030 dessiatines, in 1921 – 199,500 dessiatines, in 1922 – 153,891 dessiatines (GARF. F. 1065. Op. 2. D. 113. L. 35).

In the Akmola region in 1922 there were also a large number of starving people, and the picture was depressing by a wave of refugees from other regions, who also suffered a public disaster due to crop failures. Thus, in the city of Akmolinsk and the district there were a total of 128,698 people starving, of which 6,817 were refugees, in the city of Kokchetav and the district there were 20,083 starving people, of which 8,185 were refugees, in the city of Atbasar and the district there were 14,585 starving people, of which refugees – 4095 people (Table 3).

Table 3. Details Gubsovpomgol about the registered number of starving people in the Akmola province in 1922 (GASKO. F. 1616. Op.1. D. 2. L. 24).

Akmolinsk	In the city		In the county		Refugees	Total
	5570		116311		6817	128698
Kokchetav	In the city		In the county		Total	
	beige	places	beige	places	20083	
	1335	473	6850	11585		
Atbasar	In the city		In the county		Total	
	beige.	places	beige.	places	14585	
	895	540	3200	8950		

Basically, the population, fleeing from imminent death, moved to more prosperous regions. According to the monthly report on the work of the Semipalatinsk provincial commission, only for the period January-February 1922, the number of migrants and refugees accepted by the province amounted to 14,506 people, of which adults – 6,110 people, children – 8,396 people (GARF. F. 1064. Op. 5. D. 153. L. 13-14). The newspaper “Krasnyj Ural” dated February 28, 1922 reported that all organizations worked tirelessly to save the starving. Refugees poured into Semipalatinsk and were accommodated in the city. There were over 60 orphanages in the province. A feeding station for 2,000 people, two canteens, and one children's hospital were opened at the station. According to registration in the city of Semipalatinsk, there were 10,000 people starving, many of whom were children. Collections were carried out, which yielded 160,000 pounds of grain, 6,000 heads of livestock, 100 pounds of flour, and 300 million money. There were 15,505 children in Orenburg, 87,014 in the province, and 5,000 at the stations. There were 49 open houses in the city, and 385 in the province. In the near future, it was planned to evacuate 6,000 children to Orel, Tula, Semipalatinsk, and Petropavlovsk. In Orel, shelters for 300 people were opened (Krasnyj Ural. February 28, 1922, p. 2).

The issue of regulating the evacuation of the starving population from famine-stricken areas was one of the most important for the central famine relief commission. Spontaneous resettlement, which took the form of anarchic eviction from places, was an extremely serious phenomenon, since the massive accumulation of refugees at railway stations and in cities created intensified outbreaks of the typhus epidemic, making it difficult to send them by rail, as well as placing them in houses. During the period from July 15, 1921 to February 1922, 26,655 people were evacuated, of which 23,455 people were sent to Turkestan, 3,200 people were sent to Semipalatinsk.

Considering that the spontaneous resettlement led for the most part to the complete ruin and death of the settlers and, in addition, it was not profitable due to economic considerations, since those who endured the famine had the opportunity to still preserve part of their economy and could, with a small support from the republic to exist in the future as an economic unit. For all these reasons, the Pomgol Central Committee set itself not only the task of organized resettlement, but also the task of how to keep them in place and how to ensure their existence. Due to objective conditions: the disruption of railway transport and lack of food, this issue could not be resolved, despite the fact that a lot of attention was paid to it (Sejtkali Mendeshev, 2021: 98-105).

In April 1922, due to the increasing incidence of thefts, robberies and violence that intimidated the population, planting hooligan announcements in order to disrupt the spring sowing campaign, some areas of the Aktobe province were declared under martial law, the implementation of which was entrusted to the military registration and enlistment offices. In May 1922, in a report on the activities of the Kokchetav district commission for famine relief and the situation in the district, it was reported that the citizens of the district, not having any food supplies, were in dire need of food, consumed all kinds of surrogates, chaff, sorrel and its roots, ground bones, collected carrion, ate cats and dogs. Because of this, deaths increased more and more; during the month of May, 358 people died due to hunger in six volosts; the rest of the volosts did not provide information. In the district, due to the lack of food, nutrition centers and orphanages, which were dependent on the population, were abolished. During the journey to Kokchetav, people died on the way due to hunger, and local authorities did not have time to collect the corpses. Newly arrived refugees, despite circular orders and orders prohibiting resettlement, arbitrarily resettled back to Russia, abandoning their children along the way, all the more increasing extinction ([GASKO. F. 1616. Op. 1. D. 1. L. 99-99ob.](#)).

According to the report of the organizational and control department on the structure and work of the Kazakh Central Commission for Combating the Consequences of Famine under the Kyrgyz Central Executive Committee dated November 9, 1922, famine in 1921 affected the Orenburg, Bukeevskaya, Ural, Kustanay, Aktobe, Adaevsky district and 2 districts of the Akmola province, and since August 1922, the Ural and Bukeevskaya provinces, Turgai district, and Orsk district of the Orenburg province needed food assistance. At the same time, the number of street children outside orphanages was 189,233 people, the number of unsupported disabled people was about 36,000 disabled people from labor and war, the number of unemployed people was about 5,000 people ([GA RF. F. 1065. Op. 2. D. 113. L. 1](#)).

The demographic consequences of the famine were felt for a long time, including because there was no reliable data on the number of starving people. One of the problems in counting the number of hungry people was the different sources of statistical information. In the information report on March 5, 1923, it was reported that information from the Central Committee of the People's Commissariat of the All-Russian Central Executive Committee on the number of people in dire need in the KSSR, as usual, suffered from incompleteness and partly unreliability. An example is the Bukeevskaya province, where, according to the calculations of the statistical bureau, there were 115,000 people in need, and according to the Provincial Posledgol for January – 33,574 people. At the same time, the ROKK Committees reported that there were 40,000 starving people in only two districts of this province. Official data from the Central Commission of the Final Goal of Kazakhstan for January reported on the number of people in need by province: in Bukeevskaya – 33,572 people, Ural – 132,767 people, Aktobe – 147,271 people, Kustanay – 65,000 people, Orenburg – 113,870 people in need. According to the Kazakh Central Commission of the Posledgol, up to 30 deaths due to hunger were already been registered. At the same time, the protocols and reports on these cases emphasized the severe swelling of the deceased, which indicated the facts of prolonged starvation. There have also been many reports of the use of surrogates ([GARF. F. 1065. Op. 3. D. 21. L. 78](#)). As of May 1923, the number of inhabitants in the republic was: Orenburg province – 539,370 people, Kustanai province – 414,300 people, Ural province – 515,400 people, Aktobe province – 464,100 people, Bukeevskaya – 221,791 people ([GARF. F. 1065. Op. 2. D. 113. L. 35](#)).

In July 1923, famine began to approach the relatively prosperous Semipalatinsk province. Due to dry weather, early seedlings burned out, and late crops did not germinate at all. In connection with the expected crop failure, the peasantry of the province began to worry about their fate. In many places, peasants abandoned their homes and headed to more prosperous provinces. The attention of the authorities was drawn to the fate of children evacuated in 1921 from starving areas. According to official information, there were more than 3,000 such children in the province registered in Gubono. If we take into account that during the famine of 1921–1922 many children arrived here by gravity and were not registered, then the indicated number actually doubled. At the same time, due to lack of funds, only about 800 people were placed in orphanages, and the rest were transferred to villages, where the children were distributed among private hands. However, due to the advent of famine, the Semipalatinsk province could not support such a large number of street children, so the only measure to save the children from their fate was to re-evacuate them back to their homeland. ([GARF. F. 1065. Op. 2. D. 211. L. 4-4a](#))

5. Conclusion

In general, the demographic consequences of the famine of the early 1920s in Kazakhstan remain a poorly understood problem due to the complexity of the famine as a phenomenon under study, as well as different sources of statistical information, high mortality, high prevalence of epidemic diseases, refugee and child homelessness. A comparative analysis of various sources of local and republican significance generally showed that during the famine of the early 1920s, there was a major demographic catastrophe in Kazakhstan, the consequences of which had a negative impact on the natural population growth. Only the provision of timely food and medical assistance by the state and charitable organizations saved thousands of people from death and helped the starving population of Kazakhstan return to normalcy when the famine in its most acute form had passed, and the country was faced with a new task of eliminating its consequences.

6. Acknowledgments

The article was prepared as part of the implementation of the grant funding project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan “Famine in Kazakhstan in 1921–1922 and its consequences (based on new archival and written sources)” (registration number ARO9259227).

References

- [Abylkhozhin, 1997](#) – *Abylkhozhin, Zh.B.* (1997). Ocherki social'no-ekonomicheskoy istorii Kazahstana XX vek [Essays on the socio-economic history of Kazakhstan XX century]. Almaty, 360 p. [in Russian]
- [Alekseenko, 1993](#) – *Alekseenko, A.N.* (1993). Naselenie Kazahstana. 1920-1990 gg. [The population of Kazakhstan. 1920-1990] Almaty, 126 p. [in Russian]
- [AP RK](#) – Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan].
- [Asylbekov, Galiev, 1991](#) – *Asylbekov, M.H., Galiev, A.B.* (1991). Social'no-demograficheskie processy v Kazahstane (1917–1980 gg.) [Socio-demographic processes in Kazakhstan (1917–1980)]. Almaty, 288 p. [in Russian]
- [CGA RK](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Golod..., 1922](#) – *Golod 1921-1922: sbornik Predstavitel'stva Rossijskogo obshchestva Krasnogo kresta v Amerike* [Famine 1921-1922: a collection of the Representative Office of the Russian Red Cross Society in America]. New York, 1922. 160 p. [in Russian]
- [GA RF](#) – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federatsii [State Archive of the Russian Federation].
- [GASKO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Severo-Kazahstanskoj oblasti [State archive of the North Kazakhstan region].
- [Karsakova, 2021](#) – *Karsakova, G.B.* (2021). Nepriznannyj golod (o golode 1921-1923 gg. v Akmolinskoj gubernii) [Unrecognized famine (about the famine of 1921-1923 in the Akmola province)]. *Otan tarihy*. 1(93): 84-93. [in Russian]
- [Kazakstandagy asharyshlyk, 2021](#) – *Kazakstandagy asharyshlyk. Golod v Kazahstane. 1921-1923. Sbornik dokumentov i materialov* [Kazakhstan famine. Hunger in Kazakhstan. 1921-1923. Collection of documents and materials]. Almaty, 2021. 2 tom. 752 p. [in Kazakh, Russian].
- [Karieva, 2010](#) – *Karieva, T.A.* (2010). Semej guberniyasyndagy asharyshlykzhane onyngsaldary (1921-1922 zhzh.): tarih gylmynynng kandidaty. ... dis. avtoreferat [Famine in Semej province and its consequences (1921-1922). Abstract of the dissertation of the candidate of historical sciences]. Almaty, 30 p. [in Kazakh]
- [Kojgeldiev, 2004](#) – *Kojgeldiev, M.K.* (2004). Ultyk sayasi elita. Kyzmeti men tagdyry (XVIII–XX gg. Zertteuler) [National political elite. Service and fate (XVIII-XX centuries) Studies]. Almaty. [in Kazakh]
- [Kozybayev, 1992](#) – *Kozybayev, M.K.* (1992). Aqtangdaqtar aqiqaty [The Truth About Spots]. Almaty, 161 p. [in Kazakh]
- [Mardarovskij, 1922](#) – *Mardarovskij, N.I.* (1922). Golod v Kirgizii i bor'ba s nedorodami [Famine in Kirgizia and fight against malnutrition]. Orenburg, 29 p. [in Russian]
- [Musaev, 2005](#) – *Musaev, B.A.* (2005). Golod v pervoj polovine 20-h godov XX veka v Kazahstane: Istoricheskij, social'no-politicheskij analiz: vtoref. dis. ...kand. ist. Nauk [Famine in the first half of the 20s of the 20th century in Kazakhstan: Historical, social and political analysis: Autoreferat. ... sugary ist. science]. Uralsk, 30 p. [in Russian]
- [Krasnyj Ural](#) – *Krasnyj Ural*. February 28, 1922. P. 2. [in Russian]
- [Omarbekov, 1997](#) – *Omarbekov, T.* (1997). 20-30 zhyldardagy Kazakstan kasireti [The tragedy of Kazakhstan in the 20s and 30s.] Almaty, 320 p. [in Kazakh]
- [Radek, 1921](#) – *Radek, K.B.* (1921). Golod v Rossii i kapitalisticheskij mir [Famine in Russia and the capitalist world]. M., 12 p. [in Russian]
- [Sarsenov i dr., 2022](#) – *Sarsenov, A.S., Kairgalieva, G.K., Alipova, D.J.* (2022). Golod 1921-1922 godov v Zapadnom Kazahstane: prichiny i posledstviya [Famine of 1921-1922 in Western Kazakhstan: causes and consequences]. *Vestnik Atyrauskogo universiteta imeni H. Dosmuhamedova*. 1(64): 24-34. [in Russian]
- [Schmidt, 2018](#) – *Schmidt, V.* (2018). Tragediya Kazahstana 1921–1922 godov: golod i ego posledstviya [The tragedy of Kazakhstan in 1921-1922: famine and its consequences]. *Vostochnyj arhiv*. 1(37): 40-50. [in Russian]
- [Sejtkali Mendeshhev, 2021](#) – *Sejtkali Mendeshhev: quzhattary men materialdar zhinagy = Sejtkali Mendeshhev»: sbornik dokumentov i materialov* [Sejtkali Mendeshhev: collection of documents and materials]. Qurast.-avtor: S.K. Shildebaj; Qurast.: A.B. Ordahanova. Almaty, 2021. 590 p. [in Kazakh, in Russian]
- [Smagulova, 2019](#) – *Smagulova, S.* (2019). Asharyshlyk kasireti [The scourge of famine]. L-kitap. Almaty, 272 p. [in Kazakh]
- [Tsidenkov, 2018](#) – *Tsidenkov, G.G.* (2018). Katolicheskaya missiya v Orenburge v 1923 godu [Catholic mission in Orenburg in 1923]. *Devyatye Bol'shakovskie chteniya*. Orenburgskij kraj kak istoriko-kul'turnyj fenomen. Pp. 236-238. [in Russian]
- [Usmanov, 2007](#) – *Usmanov, N.V.* (2007). Orenburgskoe otdelenie ARA (1921–1923 gg.) [Orenburg branch of the ARA (1921–1923)]. *Voprosy istorii*. 12: 111-116. [in Russian]

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2152-2160
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2152

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Norwegian Hunting Concessions on Novaya Zemlya at the beginning of the 20th century: From an Early Idea to the Practical Implementation

Daniil S. Zaozerskiy ^{a,*}, Oleg V. Minchuk ^b

^a N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

Abstract

In this article one of the earliest propositions of conceding the right of mammal hunting to the Norwegians at the territory of the Novaya Zemlya archipelago is reviewed. This proposition was formulated in “The navigating officers Corpus staff captain Tyagin’s report to the Arkhangelsk Governor” (the 4th of November, 1879). It was offered long before the beginning of the RSFSR-USSR concession policy. Authors of this article study the reasons why this proposition was not supported. The Tyagin’s proposition is deeply connected with the following activities of the Arkhangelsk governors and the USSR concession policy. Such connections were examined by the authors of the article respectively. Thus, the Arkhangelsk governors’ activities were directed to gain a foothold on the Novaya Zemlya. And in 1923 the waters of the Novaya Zemlya archipelago were provided for two Norwegian concession firms due to the USSR concession policy. It’s worth noting that such Norwegian concessions were anticipated by E.A. Tyagin. The sources for the publication are legislative acts, materials of the regional periodical press, office documents, business correspondence, travel notes and reports of the Arkhangelsk province officials.

Keywords: the Arctic, the Arkhangelsk governors, Novaya Zemlya, colonization, concessions.

1. Введение

Колонизация Новой Земли Российской империей была начата в 1872-1877 гг., чтобы обозначить на архипелаге российское присутствие и ликвидировать риск захвата архипелага Норвегией. Промысловый интерес норвежцев к данной территории был вызван сокращением к середине XIX в. охотничьих ресурсов на Шпицбергене и отсутствием запретов нахождения на Новой Земле со стороны России, что позволяло иностранцам избежать преследования по закону. Как показали дальнейшие события, России удалось установить суверенитет над Новой Землей, однако экономические реалии первых лет существования РСФСР-СССР заставили руководство страны в 1923 г. предоставить часть территориальных вод вблизи архипелага норвежцам в концессию. Идеи о предоставлении иностранцам части территории архипелага для возможности заниматься там промыслами существовали и ранее (последняя треть XIX в.), но на момент появления воспринимались российскими властями отрицательно.

2. Материалы и методы

Источниками для статьи послужили: законодательные акты (Положение Комитета министров «О колонизации острова Новой Земли» от 19 июня 1881 г.; декрет СНК «Об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и Белом море» от 24 мая 1921 г.); материалы местной периодической печати о колонизации Новой Земли («Известия Архангельского общества изучения

* Corresponding author

E-mail addresses: d.zaozerskiy@yandex.ru (D.S. Zaozerskiy), o.minchuk@narfu.ru (O.V. Minchuk)

Русского Севера», «Северное хозяйство»); делопроизводственная документация и деловая переписка; путевые заметки архангельского губернатора А.П. Энгельгардта, отчеты «заведующего Новоземельскими колониями» Б.И. Садовского и архангельского губернатора С.Д. Бибикова.

Особую ценность для данного исследования представляет «Доклад Корпуса штурманов штабс-капитана Тягина Архангельскому губернатору» от 4 ноября 1879 г. Данный источник можно рассматривать как одно из первых предложений о предоставлении норвежцам зверобойной концессии в пределах Новой Земли.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма, системности и научной объективности. При подготовке статьи авторы опирались на общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения. Использование историко-системного метода позволило рассмотреть колонизацию Новой Земли и деятельность норвежских промышленников как одну из составных частей процесса освоения Арктики в XIX – начале XX вв.

3. Обсуждение

Отношение ученых советского периода к властям Архангельской губернии, чья деятельность была направлена на закрепление Новой Земли за Россией, нередко было негативным. Так, Н.Н. Матусевич и А.В. Соколов называли мероприятия властей «в отношении Новой Земли... непоследовательными и часто противоречивыми» (Матусевич, Соколов, 1927: 100), но без указания, какие именно мероприятия авторы считали таковыми. По мнению В.Ю. Визе, норвежцы в 1870-е гг. «безнаказанно хозяйничали» на архипелаге, а «дальнейшее безразличное отношение царского правительства к Новой Земле» могло привести к потере этой территории для России (Визе, 1948: 114). Д.М. Пинхенсон определял новоземельскую политику архангельских губернаторов (вплоть до прихода к власти губернатора И.В. Сосновского) как неэффективную, т.к. переселение на архипелаг «небольших групп» колонистов не позволяло «положить конец... истреблению... богатств» Новой Земли иностранцами (Пинхенсон, 1962: 326).

В рамках изучения выбранной темы важно упомянуть современные работы Р.А. Давыдова (Давыдов, 2009; Давыдов, 2012), в которых подробно рассмотрены периоды охлаждения русско-норвежских отношений, вызванные конфликтными ситуациями во время ведения промыслов на Новой Земле.

Представляется интересным утверждение норвежского ученого Й.П. Нильсена, в котором содержится, пусть и упрощенная, но достаточно понятная характеристика новоземельской колонизации: «население Русского Севера имело... основания благодарить северонорвежских промысловиков» (Нильсен, 1996), т.к. последние своими активными действиями побудили российское правительство принять решение по поводу закрепления Новой Земли за Россией (Нильсен, 2020).

Среди общих теоретических работ по исследованию концессий в СССР стоит отметить труды Л.Г. Ляндау (Ляндау, 1925), А.Г. Донгарова (Донгаров, 1990), В.В. Булатова (Булатов, 2009), А.М. Балашова (Балашов, 2021).

Изучением истории норвежских зверобойных концессий советского периода, как правило, занимались либо в контексте более широкой концессионной проблематики (Булатов, 2009), либо в рамках рассмотрения советско-норвежских отношений (Репневский, Репневский, 2011).

В.В. Булатов рассматривал концессию как один из важных инструментов урегулирования принадлежности территориальных вод СССР в районе Белого моря. Он отмечал, что «факт заключения концессионного договора означал признание Норвегией (уже не на уровне частных лиц, а на уровне правительства) фактического права СССР распоряжаться» определенным «водным пространством» (Булатов, 2009).

А.В. Репневский подробно исследовал вопрос организации деятельности Олезундской концессии и проблематику сопротивления ей местного населения (Репневский, Репневский, 2011). Ученый заострил внимание на неоднозначности оценки «оправданности уступок норвежским концессионерам и связанных с этим экономических и экологических потерь Архангельского Севера ради вывода всей страны из политической и экономической изоляции» (Репневский, Репневский, 2012).

К настоящему моменту малоисследованными остаются предложения о предоставлении норвежцам зверобойных концессий на Новой Земле, которые были выдвинуты в дореволюционный период.

4. Результаты

26 мая 1918 г. на I съезде совнархозов РСФСР была оглашена правительственная программа развития экономических связей с капиталистическими странами (Донгаров, 1990: 43). К 29 июля 1918 г. на основе данной программы комиссия Совнаркома подготовила «Тезисы об условиях привлечения иностранного капитала в товарной форме» (Донгаров, 1990: 44). 23 ноября 1920 г. Совнарком издал декрет «О концессиях» (Ляндау, 1925: 21), в котором содержались условия привлечения в страну иностранного капитала.

В начале 1920-х гг. Советское правительство не могло предотвратить незаконный промысел иностранцев в своих северных территориальных водах ввиду отсутствия в этих районах быстроходных

судов, пригодных для патрулирования. Поэтому узаконение браконьерства в форме концессии могло решить данную проблему. При этом иностранцы признали бы границы советских территориальных вод, а СССР получил бы необходимую валюту (Репневский, Репневский, 2011: 22).

Так, в 1923 г. было заключено концессионное соглашение между Наркоматом продовольствия и норвежской зверобойной фирмой «Винге и К^о». Ранее, а именно 1 июня 1921 г., вступил в силу декрет СНК «Об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и Белом море» (Декрет СНК, 1921) (по которому устанавливалась 12-мильная зона исключительного права РСФСР «на эксплуатацию рыбных и звериных угодий»). Образованная промысловая концессия на время действия соглашения получила в свое распоряжение территории от Святого Носа – Канина Носа до линии мыс Орлов – Канушин Нос и от границ Финляндии до западных берегов Новой Земли. «Винге и К^о» заплатила за право концессии 200 000 норвежских крон. Объем добытой продукции не должен был превысить 3 000 тонн. (Репневский, Репневский, 2011: 18) Согласно договору, суда фирмы могли промышленно в советских территориальных водах с 20 февраля по 15 июня 1923 г. (Репневский, Репневский, 2012; 274).

В 1923 г. СССР и Норвегия вели переговоры с целью получения взаимного дипломатического признания и заключения постоянного торгового договора. Вместе с этим шла подготовка соглашения о новой зверобойной концессии, которая 11 сентября 1923 г. была предоставлена Олезундской группе судовладельцев («Aalesunds Rederiforenings Saelfauggruppe»). При этом концессионный договор с «Винге и К^о» продлен не был. Так, по мнению А.В. Репневского, советская сторона сделала выбор в пользу соглашения с большой группой норвежских зверобоев, а не с капиталистом в лице «Винге и К^о», поскольку все это должно было обеспечить «усиление общественного мнения Норвегии в пользу готовящегося дипломатического признания СССР» (Репневский, Репневский, 2012: 282). СНК, Главконцеском и Наркоминдел считали, что эта концессия также послужит для прорыва экономической блокады СССР (Репневский, Репневский, 2012: 282).

В том же 1923 г. до заключения договора с Олезундской группой экономический журнал Архангельской губернии «Северное хозяйство» выступил против предоставления любых концессий на зверобойный промысел. Стоит отметить, что журнал во многом транслировал настроения местной администрации (Репневский, Репневский, 2011: 18-19).

По подсчетам данного издания, СССР от деятельности «Винге и К^о» получил всего 1,66 норвежской кроны за каждого добытого в 1923 г. морского зверя, в то время как чистая прибыль норвежской компании составила около 870 000 крон (20 крон валового дохода с одного добытого тюленя). В итоге каждое судно промысловиков в среднем получило около 12 000 крон или 6 000 руб. Поэтому автор статьи в «Северном хозяйстве» посчитал плату «Винге и К^о» за концессию недостаточной (Результаты промыслов, 1923). Архангелогородцы полагали, что ежегодный бой зверя не только местными охотниками, но и новой концессией быстро истощит поголовье промысловых видов и лишит поморов средств к существованию (Ануфриев, 1924).

Тем не менее Олезундская концессия действовала до 1939 г. на территории от Мурманского побережья (полуостров Рыбачий) до берегов Новой Земли (по мыс Желания включительно), по побережью континента и островов, а на юге – по линии мыс Орлов – Канушин Нос (Репневский, Репневский, 2011; Репневский, Репневский, 2012). 12 сентября 1939 г. Москва сообщила норвежской стороне, что в связи с условиями международной обстановки и необходимостью обеспечить границы СССР будет установлена запретная зона в горле Белого моря (Репневский, Репневский, 2012; 284).

Таким образом, норвежские концессии, прежде всего Олезундская, стали для Советского правительства политическим инструментом легализации территориальных вод и временным способом урегулирования двухсторонних отношений с Норвегией. При этом исторические предпосылки решения проблемы взаимоотношений с норвежскими промысловиками могут просматриваться в более раннем периоде, а именно на этапе активной колонизации Новой Земли в последней трети XIX века.

Так, одним из первых исторических документов, отражающих схожую с концессионными соглашениями концепцию, является «Доклад Корпуса штурманов штабс-капитана Тягина Архангельскому губернатору» от 4 ноября 1879 г. Появление доклада (или «записки», по выражению директора департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел Российской империи в 1870-1897 гг. Ф.Р. Остен-Сакена (ГААО. Ф. И-1. Оп. 9. т. 1. Д. 1599. Л. 95) тесно связано с судебным разбирательством по делу о столкновении экипажей российских судов «Общее счастье» и «Святой Сергей» с экипажем норвежского судна «Превен» на Новой Земле во время ведения промыслов в 1878 г. Суть конфликта заключалась в том, что русские промышленники якобы из-за угрозы со стороны норвежцев захватили часть их имущества (оружие, патроны, подзорные трубы и др.), о чем сообщили архангельским властям. Данная ситуация была охарактеризована архангельским губернатором Н.П. Игнатьевым как «самоуправство, соединенное с грабежом», несмотря на то, что норвежцы на тот момент не имели законных оснований промышленно на архипелаге (Давыдов, 2009: 37-38).

В ходе рассмотрения дела местными и центральными властями подключившийся к проблеме Ф.Р. Остен-Сакен сообщил 29 сентября 1878 г. Н.П. Игнатьеву о необходимости принять меры, «иначе повторяющиеся столкновения» повлекли бы за собой «неприятные объяснения с иностранными

державами» (ГААО. Ф. И-1. Оп. 8. т. 1. Д. 1599. Л. 1-10б.). Директор департамента внутренних сношений попросил архангельского губернатора обозначить свою позицию по вопросам назначения на Новую Землю «особого начальника» и введения «билетов на промысел» иностранцев, что позволило бы контролировать последних. Ответы Н.П. Игнатьева помогли бы Министерству иностранных дел принять то или иное решение относительно статуса архипелага (ГААО. Ф. И-1. Оп. 8. т. 1. Д. 1599. Л. 10б.-2). Поэтому губернатор обратился к Е.А. Тягину для получения актуальных сведений о состоянии российских промыслов на Новой Земле.

В 1878-1879 гг. штабс-капитан корпуса штурманов Е.А. Тягин по поручению «Общества спасения на водах» был направлен на Новую Землю на зимовку для завершения строительства спасательной станции в Малых Кармакулах (Боярский, 2015: 28). По итогам зимовки офицер пришел к выводу, что климат архипелага не такой суровый, как представлялось ранее, «существование на Новой Земле вполне возможно» (Пинхенсон, 1962: 185), а также получил представление о ведении промысла на этой территории, исходя из личного опыта и, вероятно, общения с промышленниками.

В ответ на соответствующий запрос архангельского губернатора от 31 октября 1879 г. Е.А. Тягин к 4 ноября подготовил доклад, в котором изложил собственное видение проблемы статуса Новой Земли. В частности, офицер отклонил идею введения «билетов» и одновременного нахождения в одной части архипелага представителей двух государств, т.к. при этом норвежцы на промыслах имели бы техническое преимущество (современные суда и орудия лова), что не соответствовало интересам России на тот момент. Е.А. Тягин отметил, что «для разграничения прав промысла русских и иностранцев у Новой Земли... необходимо приобрести официальное признание иностранцами фактичности прав русских на Новую Землю с прилежащими островами и на Карское море» (ГААО. Ф. И-1. Оп. 8. т. 1. Д. 1599. Л. 83).

Е.А. Тягин предложил уступить норвежцам северную часть Новой Земли «с островами, прилежащими водами» во временное использование, исходя из сведений о том, что «северо-западная часть Новой Земли не представляла... интереса для... поморов». В то же время норвежцы не имели бы права заходить южнее Крестовой губы, т. е. в воды, «определенные для русских промышленников» (ГААО. Ф. И-1. Оп. 8. т. 1. Д. 1599. Л. 83об.). Офицер полагал, что подобная уступка со стороны Российской империи «разрешит вопрос существующих распрей, так как... всякое (русское – Д.З., О.М.) судно, встретив иностранца, занимающегося промыслом в водах южнее широты Крестовой губы, ... может объявлять его... захватчиком» (ГААО. Ф. И-1. Оп. 8. т. 1. Д. 1599. Л. 84).

Здесь необходимо возразить, что число российских судов в данных широтах на тот момент времени было крайне незначительным (это были, как правило, небольшие суда российских промышленников и реже – отечественных исследователей). Поэтому контроль за соблюдением норвежцами договоренностей был бы, если не невозможен, то весьма затруднителен.

Изучив доклад Е.А. Тягина, директор департамента внутренних сношений Ф.Р. Остен-Сакен в конце января 1880 г. выразил несогласие с доводами офицера «об уступке Северной части Новой Земли во временное пользование норвежцам», о чем заявил архангельскому губернатору Н.П. Игнатьеву (ГААО. Ф. И-1. Оп. 8. т. 1. Д. 1599. Л. 96об.). Ф.Р. Остен-Сакен полагал, что подобные меры только усилят «притязательность» норвежской стороны. Кроме того, ознакомившись с материалами Е.А. Тягина, директор департамента внутренних сношений отказался от собственного предложения по выдаче «билетов» иностранным промышленникам «для совместного с нашими подданными пользования промыслами». Единственный способ защитить промысловые интересы русских на Новой Земле Ф.Р. Остен-Сакен видел в организации регулярного наблюдения за водами архипелага посредством двух крейсеров, в чем он соглашался с Е.А. Тягиным (ГААО. Ф. И-1. Оп. 8. т. 1. Д. 1599. Л. 97). Крейсерство у берегов Новой Земли впервые было совершено только в 1893 г. лишь одним паровым клипером «Наездник». В дальнейшем крейсерство в морях Северного Ледовитого океана выполняли и другие суда (Давыдов, 2009: 71, 73).

Итак, предложение Е.А. Тягина было отвергнуто, т.к. не соответствовало политическим реалиям того времени. В утвержденном императором Александром III 19 июня 1881 г. положении Комитета министров о колонизации Новой Земли не содержалось информации о разрешении иностранцам переселяться на архипелаг и вести там промыслы. Напротив, в документе сообщалось о ряде льгот для поддержки отечественных колонистов, например, гарантировалось денежное пособие в размере 350 руб. каждому трудоспособному мужчине в случае переселения не менее трех промышленников на Новую Землю, а также освобождение всех переселенцев от казенных и земских сборов сроком на 10 лет (ПСЗРИ, 1881).

В дальнейшем властями были предприняты активные шаги по утверждению присутствия России на архипелаге Новая Земля в рамках продолжившегося процесса колонизации. С этой точки зрения важным представляется рассмотрение деятельности трех архангельских губернаторов: А.П. Энгельгардта (1893–1901 гг.), И.В. Сосновского (1907–1911 гг.) и С.Д. Бибикова (1911–1917 гг.).

А.П. Энгельгардт стал губернатором в июне 1893 г. Он был сторонником исключительно самоедской колонизации Новой Земли, поскольку считал самоедов наиболее приспособленными для этого (Беляев, 2010: 68). В 1894 г. губернатор лично посетил Новую Землю на пароходе товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства «Ломоносов». Судно транспортировало товары для

снабжения колонистов; большой дом в Малые Кармакулы для устройства в нем школы и для проживания иеромонаха и псаломщика; дом для становища в Маточкином Шаре, где еще не было постоянного здания. По ходатайству А.П. Энгельгардта Святейший Синод выделил на постройку первого дома 5 000 руб. На возведение второго дома и на ремонт прочих новоземельских построек 2 000 руб. выделило Министерство внутренних дел (Энгельгардт, 2009: 144-145). В 1897 г. по инициативе А.П. Энгельгардта на юге архипелага было основано поселение Белушья губа (Беляев, 2010: 67).

После ухода в 1901 г. А.П. Энгельгардта с поста губернатора колонизация Новой Земли приостановилась, и экономическое положение поселенцев стало ухудшаться, пока губернатором не стал И.В. Сосновский, который вновь обратил внимание на освоение архипелага российским государством (Боярский и др., 2005: 29-30). И.В. Сосновский получил непосредственное представление о колониях на Новой Земле, побывав на архипелаге в 1894 г. во время поездки туда с А.П. Энгельгардтом (Энгельгардт, 2009: 146).

Интересно отметить, что И.В. Сосновский в направленной главноуправляющему земледелием и землеустройством А.В. Кривошеину в 1909 г. «Докладной записке о необходимости исследования Новой Земли в промысловом и колонизационном отношении» определял цель колонизации архипелага как «развитие звериных и рыбных промыслов», а также как переселение «материковых самоедов из мезенских и печорских тундр» для «ограждения от эксплуатации их зырянами» (ГААО. Ф. И-1. Оп. 8 т. 2. Д. 631. Л. 8об.).

Начиная с 1880 г. пароход товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства дважды в год посещал становища на Новой Земле. За эту работу товарищество ежегодно получало правительственную субсидию в размере 5 000 руб. И.В. Сосновский подсчитал, что за 30 лет (т. е. с 1880 по 1909 гг.) на выплаты товариществу было израсходовано около 150 000 руб. Более того, по мнению губернатора, с учетом расходов «на сооружение спасательной станции в Кармакулах, устройство становищ» и на содержание проживавших на архипелаге «фельдшера и монаха» сумма возрастала до 200 000 руб. Таким образом, губернатор пришел к выводу, что подобное «расходование казенных денег... не может быть признано... отвечающим задачам правильного государственного хозяйства», т.к. «правительство не может ограничивать свои заботы об этом крае попечением» о небольшой группе колонистов-самоедов (ГААО. Ф. И-1. Оп. 8 т. 2. Д. 631. Л. 8об.-9).

И.В. Сосновский считал, что Российское государство должно «либо само приступить к использованию колоссальных природных богатств» Новой Земли, либо «открыть... простор для частной предприимчивости, облегчив организацию промыслового дела на Новой Земле русским промышленникам» (ГААО. Ф. И-1. Оп. 8 т. 2. Д. 631. Л. 9.). Здесь стоит указать, что губернатор имел в виду именно государственную поддержку поморов, которые продолжали вести зверобойный промысел на архипелаге уже после начала его колонизации Россией.

Губернатор не допускал возможности предоставить норвежцам зверобойную концессию на Новой Земле, а, наоборот, считал необходимым предотвратить захват иностранцами Северного острова архипелага (малоизученного и еще не колонизированного российской стороной на тот момент – Д.З., О.М.) и «прекратить доступ» на Новую Землю «норвежских и других иностранных хищников». По мнению И.В. Сосновского, для этого необходимо было «расширить новоземельскую колонизацию к... северу» (в т.ч. приступить к исследованию Северного острова), а также признать Карское море внутренним (ГААО. Ф. И-1. Оп. 8 т. 2. Д. 631. Л. 9об.-10). В 1910 г. И.В. Сосновский исходатайствовал через Главное управление землеустройства и земледелия ассигнование 5 500 руб. для устройства в Крестовой губе промыслового поселения (Садовский, 1912: 13). Так в июле 1910 г. на архипелаге был основан Ольгинский поселок.

Занявший пост губернатора Архангельской губернии в конце 1911 г. С.Д. Бибииков (1911–1917) положительно оценивал деятельность своего предшественника И.В. Сосновского, отмечая осуществленное им «упорядочение сбыта» продуктов промысла (Бибииков, 1912: 108), когда начиная с 1908 г. было принято решение продавать добычу колонистов только с публичных торгов в Архангельске (Садовский, 1912: 181). Так, среди покупателей промысловой продукции на материке создавалась конкуренция, и товар можно было сбыть тому, кто готов был предложить лучшую цену. Для колонистов были открыты лицевые счета, что позволило упорядочить расчеты при приеме продукции промыслов и во время доставки провизии на архипелаг.

Основываясь на статистических данных по колонизации с 1877 по 1912 гг., С.Д. Бибииков пришел к выводу об «отсутствии роста колонизации», а именно: выручка от продажи добытого на промыслах росла не из-за увеличения количества проданной продукции, а по причине увеличения цен при реализации ее в Архангельске. Губернатор также подчеркивал, что доходы от новоземельских промыслов были существенно ниже, чем доходы жителей Архангельской губернии, которые занимались другими промыслами и не являлись колонистами (Бибииков, 1912: 110).

С.Д. Бибииков понимал, что колонизация Новой Земли осуществлялась не с целью получения большой прибыли от продуктов промыслов, а для охраны архипелага «от захвата... норвежцами и другими иностранцами» (Бибииков, 1912: 111). В то же время губернатор признавал, что Ольгинский поселок (основанный на Северном острове Новой Земли, чтобы продемонстрировать иностранцам российское присутствие там) был «поставлен неудобно в промысловом отношении», т.к. располагался

на расстоянии двадцати пяти верст от мест, где была возможна охота на тюленя, нерпу, морского зайца или медведя. Все это создавало колонистам трудности, связанные с «потерей времени на переходы» (Бибииков, 1912: 112). Однако со стороны губернской администрации в отношении Ольгинского поселка никаких мероприятий не последовало, т.к. этому помешали начавшиеся вскоре Первая мировая война, революция и гражданская война. Результатом данных событий также явилось снижение темпов государственной колонизации Новой Земли (Беляев, 2010: 76).

5. Заключение

В рамках статьи было рассмотрено предложение штабс-капитана корпуса штурманов Е.А. Тягина 1879 г. о предоставлении норвежцам для ведения промысла территории Новой Земли от ее северной части до Крестовой губы. Это предложение было достаточно рациональным, и его можно считать прообразом концессионных соглашений советского периода. Однако в нем не были прописаны выгоды, которые могли бы получить российские промышленники и российское правительство от сотрудничества с норвежцами в таком формате.

Указанный в «Докладе Корпуса штурманов штабс-капитана Тягина Архангельскому губернатору» способ контролировать норвежцев не мог устроить российские власти, т.к. при существующей вероятности нарушений со стороны иностранных промышленников на Новой Земле в тот период по сути отсутствовали условия и возможности оперативного их пресечения. Так, на архипелаге не размещались пограничные войска, число российских судов в его прибрежных водах было невелико (т.к. было сезонным и даже нерегулярным), а охранное крейсерство с учетом развития техники того времени не могло быть быстрым. Соответственно, норвежцы, оказавшиеся южнее Крестовой губы, могли остаться незамеченными.

Для того, чтобы зверобойные концессии на Новой Земле были предоставлены норвежцам на условиях, выгодных для России, следовало установить полный контроль над архипелагом, что и было сделано архангельскими губернаторами А.П. Энгельгардтом, И.В. Сосновским и С.Д. Бибииковым. Определение границ территориальных вод, столь важное для крейсерства, было осуществлено уже после 1917 г. советским правительством. Все это исключало возможность захвата Новой Земли, которая теперь принадлежала СССР.

Наконец, представляется важным дальнейший поиск и изучение ранее неизвестных предложений о передаче норвежцам или другим иностранцам территории Новой Земли в концессию в последней трети XIX – начале XX вв.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РНФ, проект № 22-18-20061 «Иностранные концессии в Архангельской губернии: региональный опыт внешнеэкономических контактов в условиях изоляции Советской России».

Литература

- Ануфриев, 1924 – Ануфриев И. Зверобойные промыслы Севера и концессии норвежцам // *Северное хозяйство*. 1924. №1. С. 86-87.
- Балашов, 2021 – Балашов А.М. Развитие концессионного предпринимательства в сельском хозяйстве СССР в период НЭПа // *Теоретическая экономика*. 2021. №5. С. 62-67.
- Беляев, 2010 – Беляев Д.П. Архипелаги акватории Баренцева моря: история освоения и изучения (вторая половина XIX – первая треть XX вв.) Мурманск: МГПУ, 2010. 163 с.
- Бибииков, 1912 – Бибииков С.Д. Архангельская губерния, ее богатства и нужды по обзору 1912 г. – Архангельск: Губернская типография. 199 с.
- Боярский и др., 2005 – Боярский П.В. и др. История освоения полярного архипелага Новая Земля. М.: Институт наследия, МАКЭ; Белушья Губа: Муниципальное образование «Новая Земля», 2005. – 256 с.
- Боярский, 2015 – Боярский П.В. История освоения арктического архипелага Новая Земля / под ред. К. С. Зайкова. Архангельск: САФУ, 2015. 103 с.
- Визе, 1948 – Визе В.Ю. Моря Советской Арктики. М., Л., 1948. 396 с.
- ГААО – Государственный архив Архангельской области.
- Давыдов, 2009 – Давыдов Р.А. Российский опыт определения границ территориальных вод и охраны морских ресурсов в Евро-Арктическом регионе (1860-е – начало 1910-х гг.): монография / Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; Ин-т экол. проблем Севера УрО РАН. Архангельск: Поморский университет, 2009. 112 с.
- Давыдов, 2012 – Давыдов Р.А. Поселения норвежских промышленников на Новой Земле и кризис в российско-норвежских отношениях 1909-1910 годов // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. №4. С. 10-17.
- Декрет СНК, 1921 – Декрет СНК об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и Белом море // Подлинник, 2 л.: пометка: Подлежит срочному опубликованию. Пр. 684, п. 16. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 18893. «Известия» №119, 2 июня; «Собрание Указаний» №49, ст. 259.

[Электронный ресурс]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12076-24-maya-dekret-snk-ob-ohrane-rybnyh-i-zverinyh-ugodiy-v-severnom-ledovitom-okeane-i-belom-more> (дата обращения: 03.09.2023).

Донгаров, 1990 – Донгаров А.Г. Иностраный капитал в России и СССР. М.: «Международные отношения», 1990. 168 с.

ИАОИРС, 1909 – *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1909. №3. С. 14-15.

Козмин, 1915 – Козмин Н.Д. На Новой Земле (к вопросу о русской колонизации острова «Новая Земля» и о церковно-просветительской деятельности среди его обитателей. Архангельск: Типолитография наследников Д. Горяйнова, 1915. 101 с.

Ляндау, 1925 – Ляндау Л.Г. Иностраный капитал в дореволюционной России и в СССР. М.-Л.: Государственное изд-во, 1925. 59 с.

Матусевич, Соколов, 1927 – Матусевич Н.Н., Соколов А.В. Новая Земля. Вологда: Изд-во «Северный печатник», 1927. 101 с.

Нильсен, 1996 – Нильсен Й.П. Новая Земля – «ничейная земля»? // *TERRA INCOGNITA Арктики: сборник* / под ред. В.Ф. Толкачева; Помор. междунар. пед. ун-т, Ун-т г. Тромсе. Архангельск: ПМПУ, 1996. 301 с. С. 69-96.

Нильсен, 2020 – Нильсен Й.П. Сто лет норвежско-российских отношений. О коллективной монографии «Сближение. Россия и Норвегия в 1814-1917 годах» (Москва, Издательство «Весь Мир», 2017) / *Россия и Норвегия. Многогранные взаимоотношения в приграничье. Сборник научных статей* / Под ред. В.В. Тевлиной, И.В. Рыжковой, У. Врокберга. Мурманск: Изд-во МАГУ, 2020. 364 с., С. 26-37.

Пинхенсон, 1962 – Пинхенсон Д.М. История открытия и освоения Северного морского пути / Аркт. и антаркт. науч.-исслед. ин-т Гл. упр. Сев. морского пути М-ва мор. флота СССР. Ленинград, 1962 (2016). Т. 2: Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма / Под ред. Я.Я. Гаккеля, М.Б. Черненко. 766 с.

ПСЗРИ, 1881 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. I. СПб., 1881. №277 [Электронный ресурс]. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 10.09.2023)

Результаты промыслов..., 1923 – Результаты промыслов Норвежских зверобойных судов в Белом море в зиму 1923 г. // *Северное хозяйство*. 1923. №6. С. 22-23.

Репневский, Репневский, 2011 – Репневский А.В., Репневский И.В. Поморы против зверобойной концессии «Винге и К°»: (по страницам журнала «Северное хозяйство». 1923 г.) // *VII Ушаковские чтения, Мурманск, 11-13 марта 2010 г.: сборник научных статей* [редкол.: Ю. П. Бардилова (науч. ред.) и др.]. Мурманск, 2011. С. 18-24.

Репневский, Репневский, 2012 – Репневский А.В., Репневский И.В. Пресса Архангельска против Олезундской концессии (20-е годы XX века) // *Скандинавские чтения 2010 года: этнографические и культурно-исторические аспекты*. СПб., 2012. С. 273-286.

РППСиСП – Русские путешественники в полярные страны и к Северному полюсу. Снаряжаемая экспедиция лейтенанта Седова. СПб. 1912. 16 с.

Садовский, 1911 – Садовский Б.И. О колонизации Новой Земли в 1910 г. / *Материалы по исследованию Новой Земли*. Вып. II / под ред. И.В. Сосновского. СПб.: Типография Морского Министерства, 1911. С. 179-192.

Садовский, 1912 – Садовский Б.И. Очерк колонизации Новой Земли за 1910 год // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1912. №1. С. 17-26.

Энгельгардт, 2009 – Энгельгардт А.П. Русский Север: Путевые записки. М., 2009. 256 с.

References

Anufriev, 1924 – Anufriev, I. (1924). Zveroboinye promysly Severa i kontsessii norvezhtsam [Hunting crafts of the North and concessions to the Norwegians]. *Severnoe khozyaistvo*. 1: 86-87. [in Russian]

Balashov, 2021 – Balashov, A.M. (2021). Razvitie kontsessionnogo predprinimatel'stva v sel'skom khozyaistve SSSR v period NEPa [Development of concession entrepreneurship in agriculture of the USSR during the NEP period]. *Teoreticheskaya ekonomika*. 5: 62-67. [in Russian]

Belyaev, 2010 – Belyaev, D.P. (2010). Arkhipelagi akvatorii Barentseva morya: istoriya osvoeniya i izucheniya (vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX vv.) [Archipelagos of the Barents Sea: history of development and study (second half of the 19th – first third of the 20th centuries)] Murmansk: MGPU, 163 p. [in Russian]

Bibikov, 1912 – Bibikov, S.D. (1912). Arkhangel'skaya guberniya, ee bogatstva i nuzhdy po obzoru 1912 g. [Arkhangelsk province, its wealth and needs according to the review of 1912]. Arkhangel'sk: Gubernskaya tipografiya, 199 p. [in Russian]

Boyarskii et al., 2005 – Boyarskii, P.V. i dr. (2005). Istoriya osvoeniya polyarnogo arhipelaga Novaya Zemlya [History of the development of the polar archipelago Novaya Zemlya]. М.: Institut naslediya, MAKE; Belush'ya Guba: Munitsipal'noe obrazovanie «Novaya Zemlya», 256 p. [in Russian]

Boyarskii, 2015 – *Boyarskii, P.V.* (2015). Istoriya osvoeniya arkticheskogo arhipelaga Novaya Zemlya [History of the development of the Arctic Archipelago Novaya Zemlya]. Pod red. K. S. Zaikova. Arkhangel'sk: SAFU, 103 p. [in Russian]

Bulatov, 2009 – *Bulatov, V.V.* (2009). Kontsessii kak instrument uregulirovaniya problem Zveroboynogo promysla i prinadlezhnosti territorial'nykh vod v raione Belogo morya [Concessions as a tool for resolving the problems of hunting and the ownership of territorial waters in the White Sea]. *Vlast'*. 10. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsessii-kak-instrument-uregulirovaniya-problem-zveroboynogo-promysla-i-prinadlezhnosti-territorialnykh-vod-v-rayone-belogo-morya> (date of access: 29.09.2023). [in Russian]

Davydov, 2009 – *Davydov, R.A.* (2009). Rossiiskii opyt opredeleniya granits territorial'nykh vod i okhrany morskikh resursov v Evro-Arkticheskome regione (1860-e – nachalo 1910-kh gg.): monografiya [Russian experience in determining the boundaries of territorial waters and protecting marine resources in the Euro-Arctic region (1860s – early 1910s): monograph]. Pomorskii gos. un-t im. M.V. Lomonosova; In-t ekol. problem Severa UrO RAN. Arkhangel'sk: Pomorskii universitet, 112 p. [in Russian]

Davydov, 2012 – *Davydov, R.A.* (2012). Poseleniya norvezhskikh promyshlennikov na Novoi Zemle i krizis v rossiisko-norvezhskikh otnosheniyakh 1909-1910 godov [Settlements of Norwegian industrialists on Novaya Zemlya and the crisis in Russian-Norwegian relations of 1909-1910]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 4: 10-17. [in Russian]

Dekret SNK, 1921 – Dekret SNK ob okhrane rybnykh i zverinykh ugodii v Severnom Ledovitom okeane i Belom more [Decree of the Council of People's Commissars on the protection of fish and animal lands in the Arctic Ocean and the White Sea]. *Podlinnik*, 2 l.: pometka: Podlezhit srochnomu opublikovaniyu. Pr. 684, p. 16. RTsKhIDNI, f. 2, op. 1, ed. khr. 18893. «Izvestiya» № 119, 2 iyunya; «Sobranie Uzakonenii» №49, ct. 259. [Electronic resource]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12076-24-maya-dekret-snk-ob-okhrane-rybnykh-i-zverinykh-ugodiy-v-severnom-ledovitom-okeane-i-belom-more> (date of access: 03.09.2023). [in Russian]

Dongarov, 1990 – *Dongarov, A.G.* (1990). Inostrannyi kapital v Rossii i SSSR. [Foreign capital in Russia and the USSR]. M.: «Mezhdunarodnye otnosheniya», 168 p. [in Russian]

Engel'gardt, 2009 – *Engel'gardt, A.P.* (2009). Russkii Sever: Putevye zapiski. [Russian North: Travel notes]. M., 256 p. [in Russian]

GAO – Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti [State Archive of the Arkhangel'sk Region].

IAOIRS, 1909 – Izvestiya Arkhangel'skogo obschestva izucheniya Russkogo Severa [News of the Arkhangel'sk Society for the Study of the Russian North]. 3: 14-15. [in Russian]

Kozmin, 1915 – *Kozmin, N.D.* (1915). Na Novoi Zemle (k voprosu o russkoi kolonizatsii ostrova «Novaya Zemlya» i o tserkovno-prosvetitel'skoi deyatel'nosti sredi ego obitatelei. [On Novaya Zemlya (on the issue of Russian colonization of the island “Novaya Zemlya” and about church-educational activities among its inhabitants). Arkhangel'sk: Tipolitografiya naslednikov D. Goryainova, 101 p. [in Russian]

Lyandau, 1925 – *Lyandau, L.G.* (1925). Inostrannyi kapital v dorevolutsionnoi Rossii i v SSSR. [Foreign capital in pre-revolutionary Russia and the USSR]. M.-L.: Gosudarstvennoe izd-vo, 59 p. [in Russian]

Matusevich, Sokolov, 1927 – *Matusevich, N.N., Sokolov, A.V.* (1927). Novaya Zemlya. Vologda [Novaya Zemlya. Vologda]: Izd-vo «Severnyi pechatnik», 1927. 101 p. [in Russian]

Nil'sen, 1996 – *Nil'sen, I.P.* (1996). Novaya Zemlya – «nicheinaya zemlya»? [Is New Earth a “no man's land”?]. TERRA INCOGNITA Arktiki: sbornik. Pod red. V.F. Tolkacheva; Pomor. mezhdunar. ped. un-t, Un-t g. Tromse. Arkhangel'sk: PMPU, 301 p. Pp. 69-96. [in Russian]

Nil'sen, 2020 – *Nil'sen, I.P.* (2020). Sto let norvezhsko-rossiiskikh otnoshenii. O kollektivnoi monografii «Sblizhenie. Rossiya i Norvegiya v 1814-1917 godakh» [One hundred years of Norwegian-Russian relations. About the collective monograph «Convergence. Russia and Norway in 1814-1917»] (Moskva, Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2017). Rossiya i Norvegiya. Mnogogrannyye vzaimootnosheniya v prigranich'e. Sbornik nauchnykh statei. Pod red. V.V. Tevlinoi, I.V. Ryzhkovoii, U. Vrokberga. Murmansk: Izd-vo MAGU, 2020. 364 p., Pp. 26-37. [in Russian]

Pinkhenson, 1962 – *Pinkhenson, D.M.* (1962). Istoriya otkrytiya i osvoeniya Severnogo morskogo puti [History of the discovery and development of the Northern Sea Route]. Arkt. i antarkt. nauch.-issled. in-t Gl. upr. Sev. morskogo puti M-va mor. flota SSSR. Leningrad, 1962 (2016). T. 2: Problema Severnogo morskogo puti v epokhu kapitalizma. Pod red. Ya.Ya. Gakkelya, M.B. Chernenko. 766 p. [in Russian]

PSZRI, 1881 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire Collection] Sobr. 3. T. I. SPb., 1881. №277 [Electronic resource]. URL: http://nlr.ru/res/law_r/search.php (date of access: 10.09.2023) [in Russian]

Repnevskii, Repnevskii, 2011 – *Repnevskii, A.V., Repnevskii, I.V.* (2011). Pomory protiv zveroboynoi kontsessii «Vinge i Ko»: (po stranitsam zhurnala «Severnoe khozyaistvo». 1923 g.) [Pomors against the hunting concession "Vinge and Co": (from the pages of the magazine "Northern Economy". 1923)]. VII Ushakovskie chteniya, Murmansk, 11-13 marta 2010 g.: sbornik nauchnykh statei. [redkol.: Yu.P. Bardileva (nauch. red.) i dr.]. Murmansk. Pp. 18-24. [in Russian]

Repnevskii, Repnevskii, 2012 – *Repnevskii, A.V., Repnevskii, I.V.* (2012). Pressa Arkhangel'ska protiv Olezundskoi kontsessii (20-e gody XX veka) [The Arkhangel'sk press against the Olezund concession (20s of

the twentieth century)]. *Skandinavskie chteniya 2010 goda: etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty*. SPb. Pp. 273-286. [in Russian]

Rezultaty promyslov, 1923 – Rezultaty promyslov Norvezhskikh zveroboinykh sudov v Belom more v zimu 1923 g. [Fishing results of Norwegian hunting vessels in the White Sea in the winter of 1923]. *Severnoe khozyaistvo*. 1923. 6: 22-23 [in Russian]

RPPSiSP – Russkie puteshestvenniki v polyarnye strany i k Severnomu polyusu. Snaryazhaemaya ekspeditsiya leitenanta Sedova. [Russian travelers to the polar countries and to the North Pole. The equipped expedition of Lieutenant Sedov] SPb. 1912. 16 p. [in Russian]

Sadovskii, 1911 – *Sadovskii, B.I.* (1911). O kolonizatsii Novoi Zemli v 1910 g. [About the colonization of Novaya Zemlya in 1910]. *Materialy po issledovaniyu Novoi Zemli*. Vyp. II. Pod red. I.V. Sosnovskogo. SPb.: Tipografiya Morskogo Ministerstva. Pp. 179-192. [in Russian]

Sadovskii, 1912 – *Sadovskii, B.I.* (1912). Ocherk kolonizatsii Novoi Zemli za 1910 god [Essay on the colonization of Novaya Zemlya for 1910]. *Izvestiya Arkhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa*. 1: 17-26. [in Russian]

Vize, 1948 – *Vize, V.Yu.* (1948). Morya Sovetskoj Arktiki [Seas of the Soviet Arctic]. M., L., 396 p. P. 114. [in Russian]

Норвежские зверобойные концессии на Новой Земле в начале XX в.: от ранней идеи к практическому воплощению

Даниил Сергеевич Заозерский ^{a,*}, Олег Викторович Минчук ^b

^a Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

^b Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается одно из самых ранних предложений о предоставлении норвежцам части территории Новой Земли для ведения там зверобойного промысла. Данное предложение, сформулированное в «Докладе Корпуса штурманов штабс-капитана Тягина Архангельскому губернатору» от 4 ноября 1879 г., было выдвинуто задолго до начала концессионной политики РСФСР-СССР. Авторы рассматривают причины, по которым это предложение не было поддержано, а также исследуют его связь с последующими мероприятиями архангельских губернаторов по окончательному закреплению за Российской империей Новой Земли, а также с мероприятиями СССР, после которых в 1923 г. в водах архипелага поочередно действовали две норвежские концессии, утверждение которых было предвосхищено Е.А. Тягиным в его докладе. Источниками для данной публикации послужили законодательные акты, материалы местной периодической печати, делопроизводственная документация, деловая переписка, путевые заметки и отчеты представителей властей Архангельской губернии.

Ключевые слова: Арктика, архангельские губернаторы, Новая Земля, колонизация, концессии.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: d.zaozerskiy@yandex.ru (Д.С. Заозерский), o.minchuk@narfu.ru (О.В. Минчук)

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2161-2169
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2161

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The History of the Design and Construction of the Ob-Yenisei Canal

Evgeny A. Akhtamov ^{a,*}, Anna P. Dvoreckaya ^a, Denis N. Gergilev ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The issue of developing shipping communications in the Yenisei region constantly attracts the attention of the researchers. A new wave of interest in the problem of the Ob-Yenisei Canal arose in the 1980–1990s, which was associated with research of the canal by employees of the Novosibirsk Institute of Water Transport. In this article, based on the analysis of materials from the chronicle of A.I. Kytmanov, the progress of survey and construction work was reconstructed, significant events in public life that accompanied the construction of the canal were considered, and the persons who directly influenced the work were shown. The object of study of this article is the history of the survey and construction work of the Ob-Yenisei Canal. The authors focus on the evolution of views on possible ways to connect the two rivers, the role of the government and public of the Yenisei province in this process. The authors note that the discussion of the projects was lengthy, which is explained by the complexity of the conditions of the proposed construction and its high cost. It is worth noting the significant role of representatives of the local community, primarily merchants, in the preparation and financing of reconnaissance expeditions. The authors note that despite a long study of possible junctions of the Ob and Yenisei, as well as expensive construction, local merchants and industrialists were never able to take full advantage of the canal. During operation, limitations for large-scale shipping became obvious: insufficient water levels in the Ket and Kas rivers, terrain features that limited the ability to create a large supply of water, and significant water consumption in the lock system.

Keywords: Ob-Yenisei Canal, shipping, merchants, project, construction, Siberia.

1. Введение

Одной из наиболее острых проблем развития Сибири в дореволюционный период было недостаточное развития транспортных коммуникаций. Значительные расстояния, неразвитость транспортного сообщения сдерживали хозяйственное развитие региона. В этих условиях водное сообщение играло важнейшую роль. Это обусловило внимание правительства к проектам по строительству соединительного канала между Обью и Енисеем. Интерес правительства встретил поддержку, в том числе и финансовую, со стороны местного сообщества, прежде всего, купечества. Вместе с тем, долгие изыскательные и строительные работы не привели к долгосрочному желаемому результату. Несмотря на то, что проблема Обь-Енисейского канала получила освещение в научной литературе, выявление новых источников ставит задачу по пополнению существующей историографии.

2. Материалы и методы

Для проведения исследования авторами был привлечен широкий круг источников. Основу исследования составили материалы летописи Енисейского уезда и Туруханского края, составленной А.И. Кытмановым за период с конца XVI века по конец XIX века. Летопись содержит разнообразные

* Corresponding author

E-mail addresses: akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), advoreckaya@mail.ru (A.P. Dvoreckaya), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin)

по характеру сведения: об иностранных экспедициях по Северному морскому пути, событиях общественной жизни в Сибири, истории изысканий и строительства Обь-Енисейского канала. Материалы периодической печати позволили пополнить сведения о развитии судоходства на Ангаре и Енисее, транспортировке грузов в Енисейском бассейне.

Работа основана на основных принципах исторической науки: научной объективности и историзма. Также использование хронологического метода позволило проанализировать эволюцию взглядов на развитие транспортного сообщения в Сибири, длительный процесс проведения изысканий и строительства канала. Комплексно рассмотреть историю строительства Обь-Енисейского канала позволил учет общественных настроений, а также экономической конъюнктуры.

3. Обсуждение

Вопросы, связанные с перспективами и проблемами создания судоходного канала между Обью и Енисеем, стали предметом изучения свидетелей и непосредственных участников строительства. Так, проводивший в 1884 году инспекцию канала И.И. Августовский, в своей работе «Обь-Енисейский соединительный путь и значение водного сообщения от Байкала до Оби» не только дал оценку хода строительства, но и рассмотрел историю исследований возможного Обь-Енисейского пути (Августовский, 1885). В ряде выпусков «Известий Императорского Русского географического общества» были опубликованы статьи, освещавшие ход изысканий, а также строительства Обь-Енисейского канала. В частности, в одном из выпусков было опубликовано описание капитана-лейтенанта А. Сиденснера о ходе экспедиции Министерства путей сообщения на водораздел Оби и Енисея (Сиденснер, 1878). Купец А.М. Сибиряков содействовал исследованию Сибири и развитию судоходства, также, помимо многочисленных статей, им была опубликована работа о проблемах судоходства в Енисейской губернии (Сибиряков, 1907).

В советский период проблемы водного сообщения между Обью и Енисеем нашли отражение в работах Гурьевича (Гурьевич, 1932). В историографии представлены авторы, как осуждавшие строительство канала (Берштейн-Коган, 1953), так и поэтизировавшие достижение инженерной мысли (Залесов, 1967).

В послесоветский период появилось большое количество работ, посвященных Обь-Енисейскому каналу. Проблемы развития речного транспорта Сибири, Енисейской губернии XIX века изучены в работе Н.Н. Большакова (Большаков, 1991). Положение рабочих, вопросы организации строительства Обь-Енисейского канала рассмотрены в работах И.А. Агеева (Агеев, 2007; Агеев, 2010).

Широкий круг вопросов, связанных с развитием идеи о сооружении Обь-Енисейского канала, а также мероприятиями, позволившими воплотить грандиозный проект в жизнь, затронуты в работах историков, изучавших жизнь и деятельность енисейского купечества (Быконя и др., 2012; Пирогова, 2018), поскольку основными вдохновителями идеи о строительстве водного канала были купцы, искавшие возможность более быстрой и менее затратной доставки своих товаров. Проблемы транспортного сообщения в Сибири проанализированы в статье О.М. Долидович, В.И. Федоровой, А.С. Жулаевой (Dolidovich et al., 2019).

В работах иностранных авторов история строительства Обь-Енисейского канала практически не представлена. История развития судоходства в бассейнах Оби и Енисея в работах зарубежных авторов упоминается в контексте развития судоходства в арктическом регионе (Маккэннон, 2012). Наиболее подробно история навигации и проблемы водного сообщения между Енисеем и Обью рассмотрены в совместной работе Дж.П. Ниелсена и Э. Окхузена (Nielsen, Okhuizen, 2022). При этом, история водного сообщения в Енисейской губернии рассматривается в контексте истории сообщения по Северному морскому пути.

4. Результаты

Еще в 1797 году правительство обратило внимание на старинные водные пути Сибири, следуя которыми можно было попасть из Оби в Енисей. Генерал-майор Новицкий предоставил проект соединения реки Тым, впадающей в Обь, с рекой Сым, притоком Енисея, посредством канала между Тымом и Сымом. В следующем году последовало даже Высочайшее повеление привести проект в исполнение. Проект не был полностью осуществлен, однако были достигнуты определенные результаты: была сделана съемка реки Кети и проведено тщательное исследование реки Ангары. Начальником Колывано-Воскресенских заводов обер-берг-гауптманом пятого класса Фроловым при сплаве на судах казенного свинца описаны по Ангаре пороги и шиверы, а унтершахтмейстерами Сметаниным и Копыловым под руководством берг-генерала Карелина начерчена карта Ангары (Щеглов, 1882: 333).

В 1809 году в Сибири было учреждено десять округов путей сообщения. В течение своего кратковременного существования округ успел обратить внимание на волок между Енисеем и Кетью и изыскать способы соединения Енисея с Ленной (Андриевич, 1889: 127). В 1810 году полковник Риддер и инженер – капитан Полизов исследовали Маковский волок и систему рек Оби и Енисея. На основании этих исследований, продолжавшихся до 1814 года, они признали возможным соединение Оби и Енисея посредством притоков Енисея, Малой и Большой Песчанок и реки Кеми с

притоками Оби, Кеты и Согуром. Перешеек, разделяющий Малую Песчанку от Согура, они определили в 8 верст и 92 сажени (*Сборник..., 1876: 83*). По проекту на соединение Песчанок и Согура требовалось 950 000 рублей. На эти средства предполагалось построить 90 шлюзов и углубить реки. По этому пути могли проходить купеческие суда и казенные – со свинцом и прочим. Совет путей сообщения нашел этот проект преждевременным в виду малого движения судов по Енисею и Ангаре. (*Сборник..., 1876: 83*). Также были составлены проекты по соединению Енисея и Оби через приток Енисея Сым и приток Оби Тым, через притоки Енисея Елогуй и Оби – Вах. Однако оба этих проекта также не были утверждены (*Труды..., 1883: 51*).

В 1819 году М.М. Сперанский прибыл в Сибирь и в начале августа из Красноярска поехал в Енисейск. Помимо патриархальной простоты: «В нем (Енисейске) жили старожилы, большей частью потомки древних казаков; нравы отменно чистые и простые; в течение 10 лет в уездном суде не было ни одного подсудимого из всех обывателей уезда...» (*Корф, 1861: 48*), М.М. Сперанский отметил проблемы судоходства в регионе: «Судоходство по Енисею не приносит пользы местным жителям, поскольку суда проходят мимо Енисейска и разгружаются, только миновав село Усть-Кемское. Оттуда они отправляют выгруженные товары волоком на Маковскую пристань. «Ярмарка в Енисейске ничтожная, или, лучше сказать, ее ныне и нет» (*Вагин, 1872: 48*).

К идее о сооружении искусственных водных каналов на правительственном уровне вернулись в 1841 году. Тогда в Главном Управлении Путей Сообщения был рассмотрен проект устройства Кетского канала, на сооружение которого с углублением реки Кети, Песчанок, Кеми, Согура требовалось 960 тыс. рублей (*Кытманов, 2016: 259*). Однако этот проект не получил дальнейшего развития. Стоит отметить, что идея пароходного сообщения на Енисее также не нашла поддержки в местном обществе. Красноярская дума, обсуждая в 1839 году вопрос о даровании привилегий для организации буксирного пароходства красноярскому золотопромышленнику Н. Мясникову, нашла пароходство бесполезным для края: из Минусинска сплавливали только хлеб, а вверх по течению никакие грузы не доставлялись. Как отмечалось: «Для других грузов в Красноярске существуют карбазы для их переправы» (*Кытманов, 2016: 260*). Н. Мясников, получив привилегию на плавание по рекам Западной Сибири, в 1844 году завел на Оби первый пароход «Основа».

В начале 1860-х годов Ю.И. Кушелевский совершил ряд экспедиций по исследованию водных путей Сибири. Экспедиции снаряжал красноярский купец и меценат М.К. Сидоров. В 1863 году, после экспедиции Ю.И. Кушелевского с реки Оби на реку Таз, М.К. Сидоров возбудил ходатайство о выдаче ему привилегии на пароходство по Обской и Тазовской губам, и по рекам Таз и Турухан. Через два года он получил от департамента торговли и мануфактуры отрицательный ответ. В ответе, помимо прочего, было отмечено, что плавание по Тазу и Турухану может быть открыто не иначе как посредством проведения между этими реками канала. Тогда Сидоров подал заявку о разрешении ему прорыть канал на 70 верст за свой счет и пользоваться им в течение 45 лет, но и в этом Сидорову было отказано. Генерал-губернатор ответил ему, что если бы канал был нужен, то он был бы сделан и без Сидорова, а канал не нужен и проведение его на север невозможно (*Студитский, 1883: 58*).

Между тем, исследователи продолжали искать возможные пути строительства водных каналов. Так, в 1872 году инженером Бельцевым были сделаны изыскания по перевалу между Чулымом и Енисеем. Исследования показали, что разность горизонтов Чулыма и Енисея на расстоянии одиннадцати верст доходит до 440 футов. Ввиду этого, соединение рек в этом месте при неподходящей почве и недостатке воды на водоразделе, потребовало бы громадных гидротехнических сооружений (*Августовский, 1885: 32*).

В 1872 году енисейский купец П.Е. Фунтосов предпринял экспедицию по исследованию возможного водного пути с Оби на Енисей. О такой возможности П.Е. Фунтосову сообщил живший в селе Назимовском Паникаровский, который узнал об этом от остяков и тунгусов. П.Е. Фунтосов отправил для исследования пути небольшую экспедицию, состоявшую из 7 рабочих, под управлением своего племянника Константина Захарова. 18 июня экспедиция отправилась из села Маковского на лодке по реке Кети, из Кети она вошла в Озерную, но в 50 верстах выше ее устья она встретила большие лесные заломы, препятствовавшие плаванию и повернула назад, к речке Малой Озерной. Поднявшись по последней 25 верст, рабочие перетащили лодку на реку Озерную, обойдя таким образом заломы. Далее экспедиция добралась до озера Большого и, проплыв по нему до 5 верст, вошла в речку Норосовую и далее по болоту расстоянием в версту — водораздел Оби и Енисея — в Касовское озеро, но остяки не согласились плыть по нему, и экспедиция возвратилась обратно к озеру Большому. Проплыв версты четыре вдоль берега, экспедиция высадилась на берег, перетащила лодку и багаж в Касовское озеро, из которого выплыла в реку Малый Кас, из неё в Большой Кас и затем в реку Енисей. Таким образом, экспедиция возвратилась по Енисею в Енисейск на той самой лодке, на которой отплыла по Кети из села Маковского (*Кытманов, 2016: 487*).

Заинтересованность П.Е. Фунтосова в сооружении водного пути с Оби на Енисей объяснялась тем, что товары из Ирбита доставлялись в Енисейск по Чулыму и по Кети. Если по Чулыму могли ходить довольно крупные суда, то Кеть была не столь глубока. Это накладывало ограничения на купцов, замедляло проводку судов, в целом делало доставку товаров дорогой. Так, в Кытмановской летописи сообщается, что в 1873 году «Смородинниковский пароход на Кеть пришел поздно и до

Маковского не дошел 15 верст. Возчики-крестьяне прождав две недели разошлись по своим деревням, получив за то время 15–18 копеек за пуд, оттого доставка товаров в Енисейск была поздняя и дорогая» (Кытманов, 2016: 488).

Это побуждало местных купцов искать дополнительные пути доставки товаров, все чаще поднимать вопрос о соединении Оби и Енисея при помощи притоков Кети и Каса. В 1873 году П.Е. Фунтосов снарядил разведочную экспедицию, которая, проплыв по реке Кети, Озерной, Ломоватой, Язевой, Малому и Большому Касу, нашла, что на водораздел этой системы рек следует прорыть небольшой канал. При улучшении соприлегающих рек, водный путь может быть устроен без затруднений. П.Е. Фунтосов обещал пожертвовать 10 000 рублей в награду тому, кто первый на пароходе пройдет по этому соединительному пути (Августовский, 1885: 3).

Для подробной продольной нивелировки и промера рек, входящих в состав соединительного Обь-Енисейского пути, и составления проекта работ, правительство командировало инженеров путей сообщения барона Б.А. Аминова и Липина. П.Е. Фунтосов на эти исследования передал капитал в размере 10 000 рублей, ранее предназначавшийся им в награду за провод первого суда по Обь-Енисейскому водному пути. Географическое общество передало в распоряжение Министерства путей сообщения 2 000 рублей, пожертвованные для этих изысканий А.М. Сибиряковым. Экспедиция Аминова выяснила, что озеро Большое имеет в поперечнике по судовому ходу четыре с половиной версты и горизонт его воды лежит над меженным уровнем реки Озерной при ее устье на 8,36 сажени и над устьем реки Большого Каса на 25,79 сажени. Это означало, что весь соединительный путь пройдет 560 верст по реке Кеть, по реке Озерная – 14,4 версты, по реке Ломоватая – 47,2 версты, по реке Язевая – 31,7 версты, и по рекам Малый Кас – 89 верст и Большой Кас – 191,5 версты. На основании изысканий экспедиции Б.А. Аминова был составлен проект работ. Проект предполагал, что между Большим озером и Малым Касом следует прокопать канал в 7,35 версты; реки расчистить от заломов и спрямить; на реках устроить 29 шлюзов и 28 плотин. При условии, что при возведении канала можно будет бесплатно пользоваться лесом, общая стоимость работ была оценена приблизительно в 6 803 251 рублей. По проекту, данный водный путь из Оби в Енисей, позволил бы осуществлять проводку судов, имеющих длину 22 сажени и ширину 3,5 сажени (Августовский, 1885: 5).

В 1882 году проект работ по устройству Обь-Енисейского соединительного пути был утвержден. По проекту предполагалось создать Обь-Енисейский соединительный путь для прохода маломерных судов, а также произвести дополнительные изыскания и опытные работы по дальнейшему улучшению рек Обь-Енисейской системы. 12 июня 1882 года Государственный Совет Высочайше утвержденным мнением поручил министру путей сообщения приступить к работам с 1883 года.

Для управления строительством водного сообщения предполагалось образовать на месте временное управление инженеров, разместить представителей министерства Финансов, управления генерал-губернатора Восточной Сибири и местного купечества. На покрытие расходов по устройству Обь-Енисейского водного пути, содержанию управления, производству дополнительных изысканий и опытных работ по использованию и регулированию рек, входящих в Обь-Енисейскую систему, так и улучшению порожистой части Ангары, было положено ассигновать в течение двух лет 600 тыс. рублей, по равной части в 1883 и 1884 годах (Августовский, 1885: 12).

В качестве представителей во временное управление из среды купечества, были выбраны П.Е. Фунтосов, Дрямин, В.М. Харченко, А.К. Матонин и И.П. Кытманов. Из этих лиц генерал-губернатор должен был выбрать двух представителей, однако временное управление не было учреждено. Вместо этого был составлен проект штата и положения строительного отделения. В начале следующего года барон Б.А. Аминов был командирован в Сибирь в качестве начальника работ. Его помощником был назначен инженер Бабенский, впоследствии был еще командирован инженер Черцов.

Купец В.М. Харченко, не соглашаясь с практичностью Обь-Енисейского канала для края, считал более полезным соединить Енисейска конно-железнодорожной с пристанью Полуустной по Чулыму. Для исследования этого пути В.М. Харченко с 13 рабочими 19 мая 1882 года отправился из Енисейска по Староачинскому тракту. В деревне Подгорной его экспедиция взяла проводника и свернула с тракта на Кеть. Экспедиция, пробравшись верхом с вьючными лошадьми через Шайтанское болото до реки Кети и переплывавшись через нее, пробиралась по первобытной тайге и 8 июня достигла Мелецкого на Чулыме. В 12 с половиной верстах отсюда В.М. Харченко нашел лучшую пристань для пароходов.

В экспедиции по приглашению В.М. Харченко участвовал местный метеоролог М. Маркс. Он сделал съемку пути и начертил карту. Согласно его подсчетам, конно-железная дорога должна быть проведена на расстоянии 161 версты. В.М. Харченко определял расход на ее устройство в 2,25 млн. рублей (Кытманов, 2016: 565). В обществе проект В.М. Харченко нашел поддержку. Многие посчитали, что железная дорога будет полезнее канала, соединяющего мелководные речки, а путь будет надежный, более дешевый. Однако ходатайство о замене канала проведением этой дороги успеха не имело, поскольку проект устройства Обь-Енисейского водного пути уже был утвержден.

Работы по устройству Обь-Енисейского водного пути начались в 1883 году. Главной резиденцией инженеров во главе с бароном Б.А. Аминовым выбран город Енисейск. В 1883 году работы состояли в расчистке рек от заломов, выпрямлению извилин, устройстве зданий. Также

одновременно производились изыскания на участке между Кетью и Енисеем. Вопрос о проведении Обь-Енисейского водного пути и канала встал таким образом на прочное основание, однако «с самого начала работ начались и разочарования и сомнения» (Кытманов, 2016: 584). Уже первый год работ показал, что условия работ на пути были труднее, чем предполагали изначально.

Енисейская дума поддерживала проект конно-железной дороги В.М. Харченко. В Санкт-Петербурге А.А. Баландин в Обществе содействия промышленности и торговли предлагал на пути от Мелецкого на Чулыме до Енисейска провести паровую железную дорогу, которая по его мнению обошлась бы в 5 миллионов рублей, то есть дешевле канала. Указывалось и на то, что железная дорога может быть построена быстрее канала, время постройки которого определялось в 7 лет. При этом железная дорога может работать круглый год, в то время как канал – только три месяца. Сиденспер опровергал его расчеты, другие сомневались в пользе канала. Справедливы были и те, кто удивлялся почему енисейцы молчали, когда обсуждался проект канала, пока еще не были утверждены работы и не ассигнованы суммы (Хроника, 1883: 4).

При обсуждении пользы Обь-Енисейского водного пути многие придерживались мнения, что устройство канала может быть полезно для развития края лишь в том случае, если рядом с ним будут улучшены условия плавания по реке Ангаре. Так считал и предприниматель А.М. Сибиряков. Еще в 1882 году А.М. Сибиряков и И.И. Игнатов подали заявку о даровании им на 15 лет исключительного права эксплуатации водного сообщения между Иркутском и Минусинском на пароходах их компании. В ответ на их просьбу, генерал-губернатор Д.Г. Анучин сообщил, что правительство едва ли на это согласится и что им следует сосредоточить усилия не на получении привилегии, а на создании субсидированного пароходства (Кытманов, 2016: 585).

В 1883 году А.М. Сибиряков снова поднял вопрос о десятилетней привилегии на пароходство между Братским острогом и Стреловским при устье Ангары, но и на это ходатайство генерал-губернатор Д.Г. Анучин дал отрицательный отзыв. Одновременно проводились экспедиции по исследованию возможности судоходства на Ангаре. Так, капитан «Товарищества Западно-сибирского пароходства и торговли» У.С. Курбатова и И.И. Игнатова, Калистратов на паровом катере А.М. Сибирякова проплыл все ангарские пороги и пришел к выводу о том, что судоходство по Ангаре возможно и даже Падунский порог можно пройти правыми воротами, где течение слабее, чем в среднем фарватере. Исследование порогов зимой привело Калистратова к заключению, что пороги достаточно широки для прохода колесных пароходов (Надежды Сибири, 1883: 1).

Привилегия А.М. Сибирякову на пароходство по Ангаре была дана в 1884 году на пять лет. А.М. Сибиряков в течение двух лет был обязан устроить буксирное и туерное пароходство, содержать фарватер в исправности, ежегодно употреблять по десяти тысяч рублей на расчистку и улучшение фарватера Ангары; за перевозку частных грузов он был обязан взимать определенный фрахт, например, за чай, сахар одну двадцать четвертую часть копейки, за хлеб сороковую копейку с пуда и версты; 200 000 пудов казенных грузов должен был перевозить на 15 % дешевле, почту перевозить бесплатно (Кытманов, 2016: 602).

Между тем работы на Обь-Енисейском соединительном пути продолжались. Генерал Августовский, командированный в 1884 году для освидетельствования работ, в своем отчете отразил, что на реке Ломоватой были убраны заломы, строится канал от озера Большого до реки Малый Кас, и на протяжении 1 версты 215 сажени по проектному профилю наполовину окончены работы в деривационном канале, обходящем реку Язевую. Также устраивается шлюз. Общее количество всей выемки земли по 3 сентября 1884 года составило более 20 000 кубических сажень. Были построены бараки для рабочих, дома для служащих, инженеров, канцелярии, мастерская и другие хозяйственные постройки. Была построена больница. Рабочих было 1200 человек. Изыскания между Кетью и Енисеем предполагалось окончить в 1885 году, но и в пределах имевшихся данных, генерал Августовский пришел к заключению, что окончание строящегося на водоразделе соединительного с окончными шлюзами канала, без шлюзования соприлегающих рек может принести некоторую пользу для маломерных судов. Генерал Августовский пришел к заключению, что необходимо капитальное устройство Обь-Енисейского пути и для большемерных судов, тем более, что расход 10 миллионов рублей, исчисленный на это предприятие вместе с улучшением Ангары вполне экономичен и рационален (Августовский, 1885: 15).

В 1887 году на Обь-Енисейском канале работы проходили в усиленном объеме, работало 1700 рабочих. На реке Кас была устроена плотина между новым и Никольским станом, на последнем стане были завершены работы на шлюзе и плотине; проводились работы по спрямлению речки Язевой, рабочие приступили к постройке шлюзов на Новом и Ломоватом стане.

В 1889 году на Обь-Енисейском канале были продолжены работы по строительству шлюзов и плотин. К этому году на протяжении 153 верст был построен 1 шлюз при соединении Ломоватой и Язевой, 2 шлюза и 1 плотина с шлюзом на Язевой, на канале 1 шлюз и 2 шлюзоплотины и 2 шлюза на Кас, всего 9 шлюзов. Издержано всего с начала работ на канале 1 793 928 рублей и вновь были запрошены 500 000 рублей на дальнейшие работы по шлюзованию (Кытманов, 2016: 640).

В 1890 году на Обь-Енисейском канале с 1 марта по 1 июня работало 600 человек, а с 1 июня по 14 сентября работало 1200 человек. Были закончены некоторые плотины, проводилось спрямление

реки Язевой, строились хозяйственные постройки, прокладывались дороги (Кытманов, 2016: 629).

Между тем, В.М. Харченко, инициатор конно-железной дороги на Чулым, доставил в Енисейскую городскую думу телеграмму из Санкт-Петербурга, в которой И.Д. Черемных предлагал послать в Санкт-Петербург ходатайство о конно-железной дороге на Малецкое. Однако Енисейская городская дума оставила вопрос открытым до прояснения ситуации с устранением препятствий для судоходства по порогам Ангары.

Причины такого решения Енисейской городской думы и отказ в наделении И.Д. Черемных полномочиями, остаются неизвестными. Сам городской голова А.М. Бородин и большинство гласных были согласны с мнением гласного Н.В. Скорнякова о том, что необходимо наделять полномочиями представителей енисейского общества, находящихся в Санкт-Петербурге, хлопотать о проведении железной дороги на Малецкое, поскольку этот вопрос является важным и жизненным для Сибири вообще и Енисейска в частности, поскольку усилившаяся в последнее время перевозка чаев по Ангаре на Енисейск и Тюмень даст значительный груз железной дороге. Также было единство мнений и в том, что трудно рассчитывать на Обь-Енисейский канал ввиду его значительных неудобств (Кытманов, 2016: 640).

В 1890 году в Енисейске умер купец П.Е. Фунтосов (Кытманов, 2016: 649), инициатор Обь-Енисейского канала, не дожив до открытия движения по нему. В летописи А.И. Кытманова содержатся сведения о том, что к этому времени общественность стала сомневаться в необходимости устройства канала: «Путь этот не только не приносил еще никакой пользы краю, но стал все более и более наводить сомнение населения в пригодности его. Плавание по Кети оказалось затруднительным по мелководью и извилистости русла, стали опасаться, что на канал не хватит воды для пополнения расхода, неизбежного при проходе судов по сложной шлюзовой системе» (Кытманов, 2016: 649). Стоит отметить, что судоходство по небольшим рекам Сибири, в значительной степени зависит от сезонного уровня воды. Талые воды, летние ливни и засухи в целом оказывают существенное влияние на возможность навигации (Туров, 2022: 109).

С сентября 1891 года по 20 августа 1892 года на Обь-Енисейском канале на реке Ломоватой была кончена рубка стен и шлюзовых плотин, повешены ворота. На реке Малый Кас были достроены дамбы, отделаны шлюзоплотины, прорыты перекопы для спрямления реки, река была очищена от карчей. В 1890 году на устройство канала израсходовано 328 833 рублей, в 1891 году – 359 354 рублей, в 1892 году – 151 750 рублей. Всего же расходы на строительство канала составили 2,5 миллиона рублей (Кытманов, 2016: 672).

С 20 августа 1892 года по 25 августа 1893 года было очищено русло Озерной, спрямлено русло Ломоватой, укреплены откосы, завершено строительство водоудержательной дамбы длиной в 125 саженей на реке Язевой. Было углублено русло реки; отремонтированы сооружения пути, здания, построено судно длиной 12 саженей. На все работы израсходовано 91 999 рублей 15 копеек (Кытманов, 2016: 682).

В 1891 году Обь-Енисейский канал был открыт для плавания небольших судов. Штаты управления Обь-Енисейским каналом были утверждены в следующем виде: начальник пути с жалованием в 5000 рублей, помощник начальника с жалованием 3000 рублей, делопроизводитель – 1800 рублей, на найм чертежника, писцов, на канцелярские расходы – 5000 рублей, всего вместе с разъездными – 16300 рублей (Кытманов, 2016: 682).

В 1891 году по каналу из Оби в Енисей прошел катер Захарова. Однако И.Д. Черемных, при попытке провести груз с Оби на Енисей и обратно, встретил много препятствий на пути и был вынужден большую часть груза сложить на дороге (Сибирский вестник, 1897: 1). А.И. Кытманов в своей летописи пишет, что деятельность канала «...как бы замирала с официальным прекращением работ. Сооружение это на практике явилось бессильным и бесполезным недоноском смелого и обширного проекта: первоначальный проект не был выполнен в полном объеме, шлюзы были сделаны недостаточной величины, многие части пути требовали шлюзования и т.д. Кроме технических недостатков являлось много и других причин ничтожной пользы, какую может принести канал в настоящем виде» (Кытманов, 2016: 682).

5. Заключение

Идея строительства водного канала между Обью и Енисеем горячо поддерживалась местными предпринимателями – купцами. Осуществление этого проекта стало возможным благодаря их настойчивым усилиям. Однако проект Обь-Енисейского водного пути полностью реализован не был, что было связано с рядом обстоятельств: упрощение технических условий проекта уже после его утверждения, сокращение государственного финансирования уже в ходе осуществления работ. Это не позволило Обь-Енисейскому каналу полностью раскрыть свой потенциал. Стоит отметить, что грузовладельцы несли значительные затраты на перегрузку судов, подходящих к соединительному пути, на мелкие суда, водоизмещением в 600 пудов. Также расположение канала среди пустынной, бесплодной местности, не имеющей сухопутного сообщения с Томском в распутицу и зимой – все это значительно умаляло значение канала. Также свою роль сыграли климатические особенности – короткий период навигации снижал привлекательность водного соединительного пути, и стал

главным аргументом сторонников строительства железной дороги. Сторонники идеи строительства железной дороги подчеркивали возможность круглогодичного использования железнодорожного пути. Вместе с тем, стоит отметить, что в случае строительства Обь-Енисейского канала согласно первоначальному проекту, он позволил бы компенсировать недостаточную пропускную способность железной дороги, (проблема, которая наглядно проявилась в период русско-японской войны), создал бы более благоприятные условия для хозяйственного развития региона.

Литература

- Августовский, 1885** – *Августовский И.И.* Обь-Енисейский водный путь и значение водяного сообщения от Байкала до Оби. Санкт-Петербург : типография Министерства путей сообщения, 1885. 38 с.
- Агеев, 2007** – *Агеев И.А.* Рабочие Обь-Енисейского канала, как составная часть отряда строительных рабочих Сибири // *Актуальные вопросы истории Сибири.* Алтайский государственный университет. 2007. С. 284-288.
- Агеев, 2010** – *Агеев И.А.* Управление изысканием, строительством и эксплуатацией Обь-Енисейского пути. Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2 (10). С. 14-17.
- Андреевич, 1889** – *Андреевич В.К.* Сибирь в XIX столетии: в 2 ч. Ч. 2. / Сост. В. К. Андреевич. Санкт-Петербург: Типография и литография В. В. Комарова, 1889. 298 с.
- Бернштейн-Коган, 1953** – *Бернштейн-Коган С.В.* Основные моменты исторической географии водного транспорта в бассейнах Оби и Енисея / Вопросы географии. История географических знаний и историческая география СССР. Москва: Гос. изд-во геогр. лит., 1953. 286 с.
- Большаков, 1991** – *Большаков В.Н.* Очерки истории речного транспорта Сибири, XIX в. Сибирское отделение, Объединенный институт истории, филологии и философии. Новосибирск: Наука, 1991. 215 с.
- Быконя и др., 2012** – *Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И.* Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск, 2012. 316 с.
- Вагин, 1872** – *Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, с 1819 по 1822 годы: в 2 т. Санкт-Петербург : Типография Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1872. Т. 1. 801 с.
- Гурьевич, 1932** – *Гурьевич Л.С.* Обь-Енисейский канал // *За индустриализацию Советского востока.* 1932. Вып. 2. С. 119-124.
- Залесов, 1967** – *Залесов Г.* Обь-Енисейский // *Заря Севера.* № 73 (2006). 20 июня 1967. С. 3.
- Корф, 1861** – *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. В 2-х т. Т. 1. Санкт-Петербург: Издание Императорской публичной библиотеки, 1861. 190 с.
- Кытманов, 2016** – *Кытманов А.И.* Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594 – 1893 год. Красноярск: СФУ, 2016. 850 с.
- Надежды Сибири, 1883** – *Надежды Сибири* // *Восточное обозрение.* Газета литературная и политическая. №19. 12 мая 1883. С. 1-3.
- Пирогова, 2018** – *Пирогова Н.В.* Род Михайловых и род Глазковых // *Енисейский Родослов.* Альманах. Выпуск 9. Енисейск, 2018. С. 32-35.
- Сборник..., 1876** – Сборник Историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах: в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Рус. скоропечатня П. С. Нахимова, 1876. Ст. Толстого. 490 с.
- Сибиряков, 1907** – *Сибиряков А.М.* О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами. Санкт-Петербург: типография М.М. Стасюлевича, 1907. 199 с.
- Сиденер, 1878** – *Сиденер А.* Экспедиция Министерства путей сообщения на водораздел Оби и Енисея // *Известия Императорского Русского географического общества.* Т. 14. Вып. 3. Санкт-Петербург, 1878. С. 205-252.
- Студитский, 1883** – *Студитский Ф.Д.* История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. Санкт-Петербург: Типография Д. И. Шеметкина, 1883. 556 с.
- Труды..., 1883** – Труды Санкт-Петербургского отделения «Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству». Санкт-Петербург, 1883. 511 с.
- Туров, 2022** – *Туров С.В.* Наводнения в западной Сибири в контексте народно-хозяйственных взаимосвязей (XVIII-начало XX в.) // *Уральский исторический вестник.* 2022. № 1 (74). С. 109-115.
- Хроника, 1883** – *Хроника* // *Восточное обозрение.* Газета литературная и политическая. № 14. 7 апреля 1883. С. 4-5.
- Щеглов, 1883** – *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032 – 1882 гг. Иркутск, 1883. 779 с.
- Dolidovich et al., 2019** – *Dolidovich O.M., Fedorova V.I., Zhulaeva A.S.* Conflict of Imperial and Regional Interests on the Introduction of Duty-free Trade Regime in the Mouths of Siberian Rivers during the First World War // *Bylye Gody.* 2019. Vol. 51. Is. 1: 395-405.
- McCannon, 2012** – *McCannon J.* A history of the Arctic. Nature, exploration and exploitation. London: Reaktion Books. 2012. 349 p.
- Nielsen, Okhuizen, 2022** – *Nielsen J.P., Okhuizen E.* From Northeast Passage to Northern Sea Route. Boston: Brill. 2022. 533 p.

References

- Avgustovsky, 1885** – *Avgustovsky, I.I.* (1885). Ob'-Eniseiskii vodnyi put' i znachenie vodyanogo soobshcheniya ot Baikala do Obi [Ob-Yenisei waterway and the importance of water communication from Baikal to the Ob]. St. Petersburg: tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya. 38 p. [in Russian]
- Ageev, 2007** – *Ageev, I.A.* (2007). Rabochie Ob'-Eniseiskogo kanala, kak sostavnaya chast' otryada stroitel'nykh rabochikh Sibiri [Workers of the Ob-Yenisei Canal, as an integral part of a detachment of construction workers in Siberia]. *Aktual'ny voprosy istorii Sibiri*. Sbornik nauchnykh trudov: v 2-kh chastyakh. Altaiskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 284-288. [in Russian]
- Ageev, 2010** – *Ageev, I.A.* (2010). Upravlenie izyskaniem, stroitel'stvom i ekspluatatsiei Ob'-Eniseiskogo puti [Management of survey, construction and operation of the Ob-Yenisei way]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. 2(10): 14-17. [in Russian]
- Andrievich, 1889** – *Andrievich, V.K.* (1889). Sibir' v XIX stoletii [Siberia in the 19th century]: in 2 parts. Part 2. Red. V.K. Andrievich. St. Petersburg: Tipografiya i litografiya V. V. Komarova. 298 p. [in Russian]
- Bernstein-Kogan, 1953** – *Bernstein-Kogan, S.V.* (1953). Osnovnye momenty istoricheskoi geografii vodnogo transporta v basseinakh Obi i Eniseya [Main points of the historical geography of water transport in the Ob and Yenisei basins]. *Voprosy geografii*. Istoriya geograficheskikh znaniy i istoricheskaya geografiya SSSR. M.: Gos. izd-vo geogr. lit. 286 p. [in Russian]
- Bolshakov, 1991** – *Bolshakov, V.N.* (1991). Ocherki istorii rechnogo transporta Sibiri, XIX v. [Essays on the history of river transport in Siberia, XIX century]. Sibirskoe otdelenie, Ob"edinennyi institut istorii, filologii i filosofii. Novosibirsk: Nauka. 215 p. [in Russian]
- Bykonya i dr., 2012** – *Bykonya, G.F., Komleva, E.V., Pogrebnyak, A.I.* (2012) Eniseiskoe kupechestvo v litsakh (XVIII – nachalo XX vv.) [Yenisei merchants in persons (XVIII – early XX centuries)]. Novosibirsk. 316 p. [in Russian]
- Dolidovich et al., 2019** – *Dolidovich, O.M., Fedorova, V.I., Zhulaeva, A.S.* (2019). Conflict of Imperial and Regional Interests on the Introduction of Duty-free Trade Regime in the Mouths of Siberian Rivers during the First World War. *Bylye Gody*. 51(1): 395-405.
- Gur'evich, 1932** – *Gur'evich, L.S.* (1932). Ob'-Eniseiskii kanal [Ob-Yenisei Canal]. *Za industrializatsiyu Sovetskogo vostoka*. 2: 119-124. [in Russian]
- Khronika, 1883** – *Khronika* [Chronicle]. Vostochnoe obozrenie. Gazeta literaturnaya i politicheskaya. 14: 4-5. [in Russian]
- Korf, 1861** – *Korf, M.A.* (1861). Zhizn' grafa Speranskogo [The life of Count Speransky]. In 2 v. Vol. 1. Sankt-Peterburg: Izdanie Imperatorskoi publichnoi biblioteki, 1861. 190 p. [in Russian]
- Kytmanov, 2016** – *Kytmanov, A.I.* (2016). Kratkaya letopis' Eniseiskogo uezda i Turukhanskogo kraya Eniseiskoi gubernii 1594 – 1893 god. [Brief chronicle of the Yenisei district and Turukhansk region of the Yenisei province 1594 – 1893]. Krasnoyarsk: SFU, 850 p. [in Russian]
- McCannon, 2012** – *McCannon, J.* (2012). A history of the Arctic. Nature, exploration and exploitation. London: Reaktion Books. 349 p.
- Nadezhdy Sibiri, 1883** – *Nadezhdy Sibiri* [Hopes of Siberia]. *Vostochnoe obozrenie*. Gazeta literaturnaya i politicheskaya. 19: 1-3. [in Russian]
- Nielsen, Okhuizen, 2022** – *Nielsen, J.P., Okhuizen, E.* (2022). From Northeast Passage to Northern Sea Route. Boston: Brill. 533 p.
- Pirogova, 2018** – *Pirogova, N.V.* (2018). Rod Mikhailovykh i rod Glazkovykh [The Mikhailov family and the Glazkov family]. Eniseiskii Rodoslov. Al'manakh. Is. 9. Eniseisk. pp. 32-35. [in Russian]
- Sbornik ..., 1876** – *Sbornik Istoriko-statisticheskikh svedenii o Sibiri i sopredel'nykh ei stranakh* [Collection of historical and statistical information about Siberia and its neighboring countries]: in 2 v. V. 1. Sankt-Peterburg : Rus. skoropechatnya (P. S. Nakhimova). St. Tolstogo. 490 p. [in Russian]
- Shcheglov, 1883** – *Shcheglov, I.V.* (1883). Khronologicheskii perechen' vazhneishikh dannyykh iz istorii Sibiri: 1032 – 1882 gg. Irkutsk. 779 p. [in Russian]
- Sibiryakov, 1907** – *Sibiryakov, A.M.* (1907). O putyakh soobshcheniya Sibiri i morskikh snosheniyakh ee s drugimi stranami [About the routes of communication between Siberia and its maritime relations with other countries]. Sankt-Peterburg: tipografiya M.M. Stasyulevicha. 199 p. [in Russian]
- Sidensner, 1878** – *Sidensner, A.* (1878). Ekspeditsiya Ministerstva putei soobshcheniya na vodorazdel Obi i Eniseya [Expedition of the Ministry of Railways to the watershed of the Ob and Yenisei]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. V. 14. Is. 3. Sankt-Peterburg. Pp. 205-252. [in Russian]
- Studitskii, 1883** – *Studitskii, F.D.* (1883). Istoriya otkrytiya morskogo puti iz Evropy v sibirskie reki i do Beringova proliva [The history of the discovery of the sea route from Europe to the Siberian rivers and to the Bering Strait]. Sankt-Peterburg : Tipografiya D. I. Shemetkina. 556 p. [in Russian]
- Trudy..., 1883** – *Trudy Sankt-Petersburgskogo otdeleniya «Imperatorskogo obshchestva dlya sodeistviya russkomu torgovomu morekhodstvu»* [Proceedings of the St. Petersburg branch of the “Imperial Society for the Promotion of Russian Merchant Shipping”]. Sankt-Peterburg. 511 p. [in Russian]

Turov, 2022 – *Turov, S.V.* (2022). Navodneniya v zapadnoi Sibiri v kontekste narodno-khozyaistvennykh vzaimosvyazei (XVIII-nachalo KhKh v.) [Floods in Western Siberia in the context of national economic relations (XVIII-early XX centuries)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 1(74): 109-115. [in Russian]

Vagin 1872 – *Vagin, V.I.* (1872). Istoricheskie svedeniya o deyatel'nosti grafa M. M. Speranskogo v Sibiri, s 1819 po 1822 gody [Historical information about the activities of Count M.M. Speransky in Siberia, from 1819 to 1822] : v 2 t. Sankt-Peterburg: Tipografiya Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii. T. 1. 801 p. [in Russian]

Zalesov, 1967 – *Zalesov, G.* (1967). Ob'-Eniseiskii [Ob-Yenisei]. *Zarya Severa*. 73(2006): 3. [in Russian]

История проектирования и строительства Обь-Енисейской канала

Евгений Александрович Ахтамов ^{a, *}, Анна Павловна Дворецкая ^a, Денис Николаевич Гергилев ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Проблема развития судоходного сообщения в Енисейском регионе постоянно привлекает внимание исследователей. Новая волна интереса к проблеме Обь-Енисейского канала возникла в 1980–1990-х годах, что было связано с проведением исследований канала сотрудниками Новосибирского института водного транспорта. В данной статье на основе анализа материалов летописи А.И. Кытманова, осуществлена реконструкция хода проведения изыскательных и строительных работ, рассмотрены значимые события в общественной жизни, сопровождавшие строительство канала, а также показаны лица, непосредственно влиявшие на проведение работ. Объектом изучения данной статьи является история проведения изыскательных и строительных работ Обь-Енисейского канала. В поле внимания авторов находится эволюция взглядов на возможные пути соединения двух рек, роль правительства и общественности Енисейской губернии в этом процессе. Авторы отмечают, что обсуждение проектов было длительным, что объясняется сложностью условий предполагаемого строительства и его дороговизной. Стоит отметить значимую роль представителей местного сообщества, прежде всего, купцов, в подготовке и финансировании разведывательных экспедиций. Авторы отмечают, что несмотря на долгое исследование мест возможного соединения Оби и Енисея, а также дорогостоящее строительство, местным купцам и промышленникам так и не удалось воспользоваться каналом в полной мере. В процессе эксплуатации стали очевидны ограничения для крупного судоходства: недостаточный уровень воды в реках Кеть и Кас, особенности рельефа местности, ограничившие возможности по созданию большого запаса воды, значительный расход воды в шлюзовой системе.

Ключевые слова: Обь-Енисейский канал, судоходство, купечество, проект, строительство, Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akhтамov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), advoreckaya@mail.ru (А.П. Дворецкая), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин)